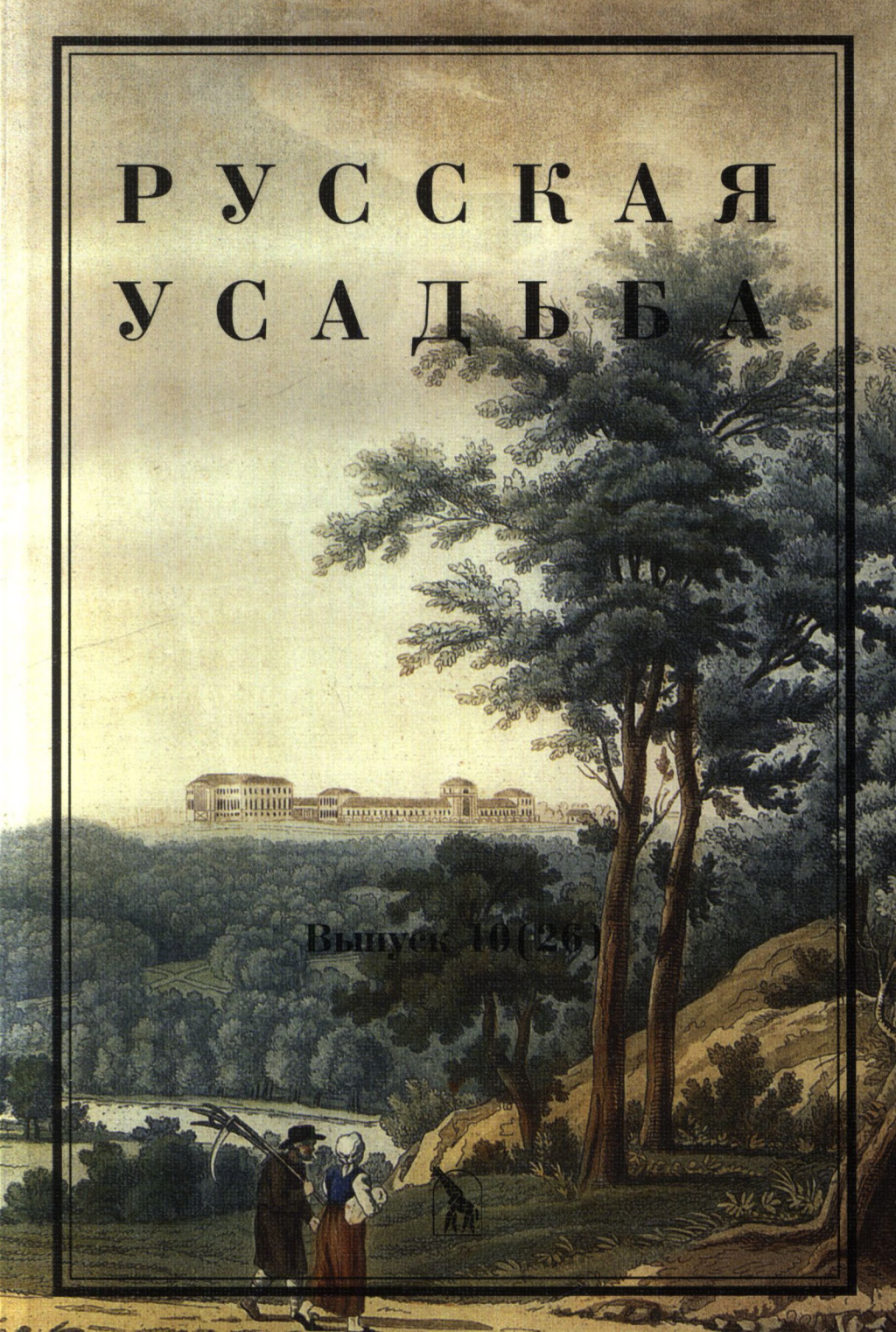
РУССКАЯ УСАДЬБА



Выпуск 10 (26)

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ

МОСКВА
Издательство «Жираф»
2004

РУССКАЯ УСАДЬБА

Сборник
Общества изучения
русской усадьбы

ВЫПУСК

10
[26]

Издательство «Жираф»
Москва 2004

УДК 728.8 (470-25) (082)
ББК 85.113 (2)1 И20
Р 89

Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып.10 (26). Колл. авторов. Научный ред.-сост. М.В. Нащокина. М., Издательство «Жираф», 2004. 720 с.:илл.

В десятый выпуск сборника «Русская усадьба» вошли материалы научной конференции «Русская усадьба как историко-культурный ландшафт», состоявшейся в 2003 году в РНИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, а также новые столичные и региональные исследования по архитектуре русской усадьбы. Традиционно в сборнике представлены так называемые «усадебные монографии», то есть истории отдельных усадебных гнезд и их владельцев, созданные членами ОИРУ за последнее время, усадебные мемуары, расширенная хроника вандализмов и новые биографические материалы о членах ОИРУ 1920-х годов.

На 1-ой и 4-ой страницах обложки: — Худ. Ж. Месмер. «Надеждино. Вид на дворец и окружающую местность». Конец XVIII — нач. XIX в. ГИМ.
Для оформления оборота титула и шмуцтитулов использованы гравюры А.И. Кравченко, а также рисунки М.В. Добужинского, Л. Петухова, А.П. Шнейдер, К. Юона и других художников из журналов «Золотое Руно» и «Столица и Усадьба».

ISBN 5-89832-039-3

© Общество изучения русской усадьбы. 2004.
© М.В.Нащокина. Редактура. Составление. 2004.
© М.В.Нащокина. Оформление. Макет. 2004.
© ООО «Издательство «Жираф».
© Архитектурная мастерская С.Б. Ткаченко.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена и использована в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 5-89832-039-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Десятый выпуск ежегодника «Русская усадьба»

В руках у читателя находится десятый, юбилейный выпуск продолжающегося издания, специально посвященного изучению, спасению и возрождению такого феномена русской культуры, как сельская и городская усадьба. Для XVIII-XIX веков, «золотых веков» русской литературы, живописи и архитектуры, именно загородная дворянская усадьба была местом, где создавались и располагались многие сотни этих культурных гнезд, пронизовавших русскую деревню своими усадебными домами, липовыми парками с зеркальными прудами и храмами. Именно в них и для них создавались лучшие произведения русских писателей и поэтов, архитекторов и живописцев, композиторов и скульпторов. Уже во второй половине — конце XIX века, когда с освобождением крестьян от крепостной зависимости дворянская культура утратила стимулы для своего развития, лучшие ее представители делали все возможное для ее сохранения как национальной культуры, имеющей общенародный характер, способной служить обществу, а не только владельцам самих усадеб. Великий князь Николай Михайлович собрал и издал лучшие произведения портретного искусства из музеев и усадеб России, часть которых вообще не была известна не только общественности, но и специалистам. Графы Сергей Дмитриевич и Павел Сергеевич Шереметевы в своем имении Остафьеве создали один из первых в России литературных музеев. Заботой об изучении и сохранении старинных усадеб вызвано появление еще в начале XX века «Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины», журналов «Старые годы», «Столица и усадьба» , «Среди коллекционеров». П.С. Шереметев явился зачинателем серии «Русские усадьбы», посвященной описанию наиболее интересных усадебных комплексов.

Эти попытки русской интеллигенции в предреволюционную и революционную эпоху обратить внимание на культурные ценности, хранящиеся вне столиц и городов, были очень нужным , но, к сожалению, слишком слабым призывом к современникам. Разрушение старого порядка несправедливости, эксплуатации и бедности ассоциировалось в массовом сознании (и поддерживалось экстремистами из государственного и партийного руководства) с уничтожением дворянских усадеб, как очагов эксплуататорской культуры, с имущественным уравниванием. Стремление Наркомпроса сохранить в первые годы революции наиболее ценные к культурно-историческом отношении усадьбы (Кусково, Останкино, Архангельское, Абрамцево, Мураново, Ольгово, Царицыно, Вороново, Дубровицы, Михайловское, Суханово), сделав их музеями и оставив во главе некоторых из них бывших владельцев (Ясная Поляна, Бёхово, Остафьево, Мураново и др.) большей частью оказалось недолгим. В 1925 г. Наркомпрос передал подмосковные музеи в ведение Московского отдела народного образования (МОНО) , лишив их

государственной поддержки и финансирования, что привело большую их часть к закрытию, освобождению от коллекций, экспонатов и мебели и использованию в хозяйственных, оздоровительных, производственных, образовательных целях.

После свершившихся революций 1917 г. художественно и исторически просвещенная интеллигенция стремилась по возможности сохранить при новом режиме то, чем могла гордиться теперь уже новая Россия. С этим стремлением было связано создание в Москве в декабре 1922 г. «Общества изучения русской усадьбы». Его организаторы В.В. Згура, А.А. Греч, С.Н. Торопов и др. ставили своей задачей в условиях, когда сами усадьбы лишились владельцев, но еще сохранили свою художественную и историческую ценность, дать новым поколениям хозяев страны знание ценности доставшегося им наследства. Общество устраивало открытые для всех еженедельные экскурсии и издавало путеводители по усадьбам и музеям, издавало «Сборники ОИРУ». Эта деятельность Общества пользовалась среди москвичей значительным интересом и привлекала внимание не только специалистов-искусствоведов, но и широкого круга москвичей. Достаточно сказать, что мои родители — преподаватель МВТУ и экспедитор технического журнала — познакомились во время таких экскурсий в 1925 г.

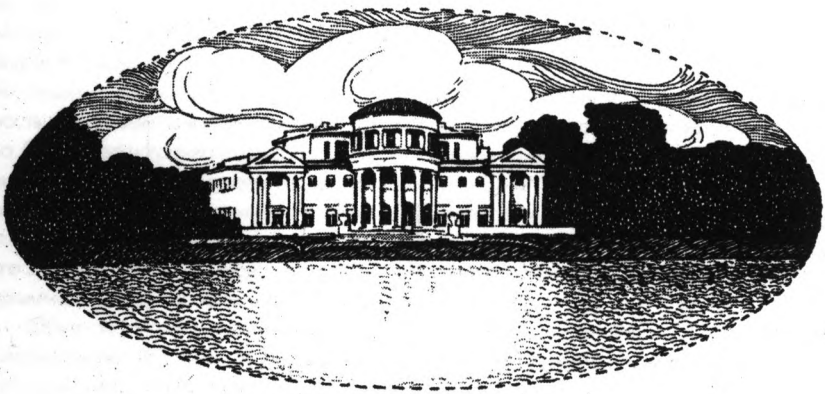
Общество изучения русской усадьбы просуществовало до 1929 года, когда были ликвидированы и другие общественные объединения, связанные с изучением русской культуры. Их возрождение под строгим политическим контролем относится к послевоенному времени, к концу 1960-х годов, когда было создано «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» с Московским и областным отделением, архитектурной и исторической секциями. Наконец, конференция, проведенная Российским международным фондом культуры в 1992 года на тему «Русская усадьба XVII — начала XX веков: проблемы изучения и возрождения» и посвященная юбилею основания ОИРУ, стала основой воссоздания в новых условиях этого так много сделавшего в свое время Общества. Неоценимая роль в его возрождении принадлежит Л.В. Ивановой.

Сборники «Русская усадьба», начавшиеся с 1(17) выпуска, успешно продолжают серию «Сборников Общества изучения русской усадьбы». Это издание за прошедшие 10 лет выработало свою, современную рубежу XX — XXI веков тематику, оно объединяет широкий круг авторов- специалистов в самых различных областях изучения усадебного прошлого, от искусствоведов и историков до лесоводов и книговедов. Всего в десяти выпусках опубликовали свои новые исследования об усадьбах более 100 авторов (!). В сборниках постоянны разделы об общих проблемах усадьбоведения, искусстве в усадьбе, связи усадьбы и литературы, усадебных парках и усадебном ландшафте, усадебные мемуары, судьбы усадеб, хроника жизни Общества. В последних выпусках большое внимание привлекают материалы раздела «Хроника вандализма», в которой наглядно показаны продолжающиеся разрушения памятников русской культуры в последние годы. Издание богато иллюстрировано и полиграфически выполнено безукоризненно. Научный редактор и составитель выпусков М.В. Нащокина превратила это издание в одно из лучших наших ежегодников по истории русской культуры и возрождению ее памятников.

Директор Муниципального музея истории усадьбы Щапово (Московская обл.),
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук Я.Н. Щапов

I

РУССКАЯ УСАДЬБА КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ



Л.Н. Летягин

УСАДЕБНЫЙ МЕТАЛАНДШАФТ РОССИИ*

Металандшафт — в меру своей идеальности — понятие условное.

Реальное движение в топосе — это движение от потерянности к самообретению через о-свое-ние пространства.

Отношения зависимости и сопричастности — условия обустройства любого пространственного локуса. В усадьбе этот процесс начинается с культа ландшафта. Его особенностью становится размытость границ рукотворности и естества — культуры и природы. Так формируется органичное единство «биографической привязанности» человека — его духовной оседлости. Микрокосм русской усадьбы — факт ее устроенности и эстетической завершенности.

Усадебное мышление планетарно в своей основе, в нем закономерно видеть один из существенных истоков русского космизма. «Строй деревенской жизни», столь возмущающий чеховского Серебрякова (А. Чехов. Дядя Ваня), для отставного профессора явление не просто инородное. «У меня такое чувство, — скажет он, — как будто я с земли свалился на какую-то чужую планету...» Усадебное мышление — это прежде всего способ отношения к миру, и суждения не самого симпатичного чеховского персонажа могут быть прокомментированы мыслью его реального современника. «Космизм, — писал Е. Н. Трубецкой, — есть наше специфическое мировосприятие и мироощущение, носящее характер преобладания Вселенского над индивидуальным».

С усадебной культурой русского дворянства оказывается связан тип национальной традиционности, сопоставимый лишь с константностью патриархальных форм крестьянского мира. В этом ряду размышлений закономерно обратить внимание на явно программное совмещение текстов, открывающих итоговые для Тургенева «Стихотворения в прозе». Русская «Деревня» и «Разговор» Юнгфрау с Финстерааргорном совпадают в контексте больших циклов. Это романтический взгляд «сверху», и диалог двух горных вершин восходит у Тургенева не к мотивам лермонтовской переводной лирики, а к традиции философской прозы В. Жуковского — его «Взгляду на землю с неба» и отдельным положениям писем к Н. Гоголю[1].

Категории «Космос» и «Хаос» обнаруживают дополнительные качества в соотнесенности с отечественным пространством, «презумпция» которого для России составляет основную особенность национального культурного опыта. Усадьба — прежде всего форма пространственной организации жизнедеятель-

** Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного грантом РФФИ № 00-06-80065.*

ности, поэтому не выглядит «натяжкой» утверждение, что русская культура в своей основе — культура усадебная.

Представление об исконности положения усадьбы в отечественном ландшафте не позволяет относить ее к периферийным феноменам культуры. Говоря о географической плотности усадебных владений русского дворянства, стоит особо отметить роль усадьбы в формировании городского ландшафта. Как «конфедерация усадеб» (определение К. Г. Исупова) формируется и развивается Москва. По отношению к древней столице типологически точным оказывается сравнение с «большой деревней» (негативная оценка, закрепившаяся за данным определением впоследствии, не способна нейтрализовать изначально исчерпывающий его характер).

Национальный космос — условие формирования культурной идентичности. Усадьба как образ и усадьба как предмет исследования нередко обозначают противоположные грани, исходный синкретизм которых теряется вне единства смыслов исторического полагания. В усадебном «металандшафте» оказываются контекстуально совмещены не только существенные проекции мифа, но и вполне конкретные бытовые реалии. При «фокусированном» рассмотрении — в соответствии с античной традицией — они раскрываются в ключевых значениях «над», «через» и «после».

I. Положение «НАД» предполагает восприятие привычных фактов жизнедеятельности с позиции «панорамного зрения» (Д. Лихачев). Усадьба — явление идеальное, если не по воплощению, то по своим внутренним установкам. Эстетическое содержание моделей поведения усадебного человека начинается с интуитивно принимаемых им формул «благодарного присутствия» в пространстве.

«В каждое утро, — запишет Андрей Тимофеевич Болотов, — встав почти с восхождением солнца, первое мое дело состояло в том, чтоб, растворив окно в мой сад и цветничок, сесть под оным и вознестись при том мыслями к производителю всех благ и пожертвовать ему первейшими чувствиями благодарности за все его ко мне милости. Между тем как я сим первым и приятнейшим для себя делом занимался, готовил мой Абрам <?> мой чай? Напившись досыта, вскидывал на себя легкую, простую и спокойную деревенскую одежду и, всунув в карман какую-нибудь книжку, спешил в сады свои?»[2].

Для А. Болотова наличествующая в ландшафте «предметность» выступает условием постижения Непредметного. Усадебное умозрение — единство чувственно воспринимаемых и рационально постигаемых форм. В очевидном многообразии окружающего мира открывался его Первообраз. В индивидуальном сознании эта оппозиция обозначалась отношениями зависимости внешнего и внутреннего — существования и Сущности, быта и Бытия.

Подобные метафизические установки характерны не только для Болотова, но и всего поколения, которому он принадлежал[3]. Открываемую целостность мира не было возможным о–предел–ить, но ее нельзя было не обнаружить. Нередко это был единственный аргументированный ответ на вопрос о том, каким образом Бытие Творца оказывалось соотнесено с индивидуальной судьбой каждого Его творения. Человек XVIII века осваивает мир, поступая во всем со-

знательно. Однако именно здесь обозначалась актуальная «креативная грань» — переживаемое чувство беспредельности потенциала Творца в сознании помещика, увлеченного обустройством своей усадьбы, было соединено с неизбежным пониманием предела собственных возможностей. Примирение с противоречивой ситуацией оказывалось условием осмыслить онтологические основания своего дольнего существования.

В отечественной литературе ландшафт как «метафизическая категория» появляется в эпоху сентиментализма. В «Ландшафте моих воображений» А. Кропотова уже обозначены отношения прямой зависимости между оче–видностью и умо–зрением. Опыт поэтической рецепции пространства оказывается особенно актуален в школе романтизма, формирующей новый тип духовной реальности, как единства объективно данного и индивидуально пережитого.

Так устанавливается уровень эмоциональной зависимости между отдельными позициями в типологическом ряду — природных реалий, ассоциируемых с ними кругом идей и культурных форм. Для человека усадебной традиции все «участно» освоенное им становилось фактом безусловного «пространственного притяжения». «Из окон моей спальни во втором этаже особенно красиво. Прежде здесь была пустыня, от которой хотелось отгородиться, а теперь красивые луга, окаймленные волнистыми линиями лесной опушки, — вспоминал в эмиграции С. М. Волконский. — <...> Смотрю в бинокль на мною созданный пейзаж. Другая страна. Это ли тамбовская степь? Все это <...> я вижу из окна, из которого двадцать лет тому назад был виден пустырь и за ним степная голь... Вот то творчество, которое привязывает к месту»[4].

Подчеркнутая самостоятельность внутреннего ритма, которым жила усадьба, определялась вовсе не пространственной удаленностью от столицы. «В известном многим Приютине, — отмечала его молодая хозяйка В. А. Оленина, — жизнь текла тихая, мирная, аккуратная, простая деревенская; и казалось, по образу жизни, верст за 500 от Петербурга»[5]. Стиль поведения «усадебного человека» — и шире «стиль его жизни» — остается почти неизменным на протяжении столетия. В 1911 году А. Блок напишет В. Пясту из любимого им Шахматова: «Здесь, по обыкновению, сразу наступила полная оторванность от мира <?> Много места, жить удобно, тишина и благоухание. Вам было бы интересно и нужно, я думаю, увидать эту Россию: за 60 верст от Москвы, как за 1000: благоуханная глушь, и в земном раю — корявые, несчастные и забитые люди с допотопными понятиями, сами себя забывшие» [6].

В реальном ландшафте оказывались совмещены принципиально различные картины мира.

«Один человек рассматривал географическую карту России. Слуга его с любопытством спросил:

— Что это такое, сударь?

— Господин сказал: — Это такой лист, на котором можно найти все города, реки и даже деревни. Удивленный слуга попросил сыскать родину его, деревню Погорелки <...>

— Вот она, — указал пальцем господин и прочитал имена еще нескольких близлежащих деревень. Слуга, услышав название Жихарево, сказал: — По-

звольте вас попросить, сударь, не можете ли вы увидеть, жив ли еще в Жихарево мой свояк Кузьма Терентьев?»[7]

Сохранение моделей пространственного восприятия — от «наивной» точки зрения дворового человека до детерминации «наследственного», владельческого взгляда его хозяина — поддерживалось сосуществованием различных систем ценностей. Эту оппозицию обыгрывает А. Дельвиг в стихотворении «Моя хижина» (1818):

Признайтесь, что блажен поэт
В своем родительском владенье!
Хоть на ландкарте не найдет
Под градусами в протяженье
Там свой овин, здесь огород,
В ряду с Афинами иль Спартой;
Зато никто их не возьмет
Счастливо выдернутой картой.

В этом тексте, принадлежащем традиции «усадебной лирики», непосредственно переживаемое чувство пространства выступало условием формирования отвлеченных понятий. Они не могли быть применены или адаптированы к какой-либо иной ситуации, представляя абсолютный контраст с системой народных представлений русского крестьянина. Укорененность метафизических понятий русского дворянина-помещика зачастую оказывалась шире географических пределов и даже хронологии отечественной истории. Формулы «переживания» пространства становились моделями «проживания» большого времени.

Усадебная философия — это многообразие событийности, с актуальной «поправкой» на специфику ее пространственного протекания. Рассматриваемый «локус» не сужает, а расширяет видение культурных реалий, что крайне значимо для его исследовательской интерпретации. Вместе с тем действительный ПУТЬ, пройденный русской усадебной культурой, далеко не всегда был ориентирован установками сохранить в ландшафте различимый материальный след... Обособленность положения и «интровертный» тип биографий большинства носителей исследуемой традиции осложняет современную оценку усадьбы как нестатуарного явления — движение ЧЕРЕЗ метаморфозы социальных поворотов и исторических судеб.

II. Классическим веком русской усадьбы можно считать тот период истории, когда она, сохраняя основные формы организации хозяйственной практики, активно заявляла соответствующие ей модели культурного поведения.

Усадебный топос активно формировал зависимые от него формы ментальности. Образы пространства и образы жизни оказывались связаны типологией культурного присутствия человека — единством поведенческих жанров. Дело не только в том, что идеальные уровни интерпретации усадебного быта (в частности, высокая степень сакрализация форм бытовой повседневности) в действительности имели вполне рациональную мотивацию и достигались конкретными практическими устремлениями владельцев поместья.

Возникнув как форма организации жизнедеятельности, усадебная традиция за короткий период формирует особый тип личности. Об этом очень точно говорил А. Бенуа, предлагая такую характеристику семейства Философовых: «Помещичья <...> природа Философовых давала всему их быту своеобразную прелесть. <...> Их нельзя было причислить к аристократии придворного круга. <...> Это был тот самый класс, к которому принадлежали все главнейшие деятели русской культуры XVIII и XIX столетий, создавшие прелесть характерного русского быта. <...> Этот же класс выработал все, что было в русской жизни спокойного, достойного, добротного, казавшегося утвержденным навсегда»[8].

Интересным с типологической точки зрения оказывается встречная характеристика Дмитрия Философова — его мнение о старшем поколении семейства Бенуа. «У стариков — радушие чисто русское, может быть, даже чуть-чуть разгильдяйское. Но все-таки, на всем доме лежит отпечаток «иноземного» <...> Я не мог себе представить стариков Бенуа где-нибудь в Новоржевском уезде Псковской губернии. Они должны жить на даче, в Петергофе. С Россией они связаны через Петербург, через наше окно в Европу. Их призвали сюда Петр Великий и его преемники себе на помощь, для насаждения в России «искусств и ремесел»...»[9].

Характер «перекрестных наблюдений» наглядно иллюстрирует принципиальную значимость для носителя традиции тех культурных качеств, которые далеко не всегда получали формально выраженный, «выговоренный» смысл. В меру соответствия не букве, а духу усадебный текст не стремится к прямому отождествлению со словом, существуя в категориях своей до–словности. В этом убеждает прежде всего обращение к источникам мемуарного происхождения. Самая неуловимая часть опыта — то, что зачастую не может фиксироваться в памятниках материальной культуры и сохраняется только в непрерывности, континуальности живой человеческой памяти.

С другой стороны, именно до–словный характер предполагал последовательность воплощения формул поведения в повседневности. «Я пишу, как пью чай»[10], скажет И. Киреевский. «Усадебный человек» и в столицах сохранял привычный ритм своего поведения, к чему, несомненно, более располагала Москва, чем Петербург. (В Северной столице свою независимость от «поведенческого фона» мог сохранять лишь тот «завершенный» тип личности, который в своем классическом виде был представлен И. Гончаровым). «Дни мои проходят все одним манером. Поутру я встаю поздно, часов в 11... потом одеваюсь, кто-нибудь является ко мне, или я отправляюсь куда-нибудь, потом обедаю по большей части в трактире, — после обеда сплю или гуляю. К вечеру, если дома, то с Жуковским, а если не дома, то с петербургскими московцами, потом... ложусь спать: в эти два часа, которые проходят между раздеванием и сном, я не выхожу из-за московской заставы»[11].

Совокупность идиоматических значений предполагает актуальность осмысления усадебного быта как системы недекларированных ценностей. Интерес к поступку, рассматриваемому в историко-культурном, этнографическом, социологическом и иных аспектах в научном плане вряд ли оправданно считать явлением новым. Тем ощутимее осознается потребность структурирования материала с ориентацией на вполне конкретную поведенческую парадигму.

В системе поведенческих моделей, характеризующих русскую дворянскую культуру XVIII-XIX веков именно усадебное пространство отличалось подчеркнутой определенностью и самостоятельностью жанровых форм. В противоположность динамичности коммуникативных моделей, соответствующих городскому топосу, пространство русской усадьбы оказывается «внесюжетным», однако предлагает свое активное «управление» ситуацией.

В декларировании ключевых понятий усадебной жизни сложнее всего отразить типологию обыденного, житейского, которая на всем протяжении формирования усадебной традиции сохраняла (и культивировала) показательное противоречие. Как ни парадоксально, но быть «le vrai boyard russe» (настоящим русским барином) мог быть лишь тот помещик, который таким образом — по-французски — мог представиться.

Усадебная культура не поддается тематизации. По крайней мере без ощутимых потерь для понимания сущностных граней и присущего ей «строя мысли». Отказываясь от принципов тематизации, нарушающей внутреннее ценностное равновесие усадебной повседневности, продуктивнее говорить о разных уровнях «усадебного текста», по отношению к которым предлагаемые категории «усадебного поведения» и усадебного «типа личности» выполняли функцию культурного кода. Это позволяет рассматривать усадебную культуру не через производные разной степени актуальности, а как комплекс устойчивых представлений.

«Патриархальность» — существенная детерминанта усадебного мифа, так как момент преемственности в формировавшейся на протяжении века системе усадебных ценностей был одним из ключевых. Усадьбы, даже вновь приобретаемые, стремятся обустроиться как старинные родовые гнезда.

В расчете на наследников русская усадьба возникает и развивается, функционируя в показательном единстве различных культурных функций. Издававшийся в начале XX столетия журнал «Столица и усадьба» (1913–1917) стал последней попыткой археографической фиксации уже бесповоротно и навсегда утрачиваемых культурных отношений. На новом витке истории усадебный быт оказался неконкурентным именно в плане воспроизводимой системы ценностей. Вопрос Владимира Набокова (В. Набоков. Машенька): «Могли ли мы думать, что хозяин всей этой красоты перестанет ее видеть?» не был риторическим. Важнейшие утраты в усадебном ландшафте начались с изменения ракурса его культурного восприятия.

III. А что же ПОСЛЕ?...

Наследие предполагает наследников. Кризис культуры — кризис памяти, прежде всего — непосредственно наследуемой, родовой. Именно это предопределяет реальную верхнюю границу усадебной культуры в России. Важнейшими можно считать не только экономические факторы, столь очевидно подорвавшие существование усадебной культуры после 1861 года. «Размывание основ» усадебной метафизики в немалой степени было связано с экспансией культуры дачной.

Эта тенденция оказывается обозначена в мемуарных текстах задолго до появления чеховских образов новых усадебных хозяев от Петрина до Лопахина, бунинского купца Красильщикова (И. Бунин. Темные аллеи. Степа), или героев книги С. Минцлова (За мертвыми душами).

Пристрастный, но точный в своих оценках Ф. Вигель отметит актуальный «социальный сдвиг», который произойдет непосредственно после завершения пушкинской эпохи: «обычай <...> проводить лето на дачах в два года между всеми классами уже распространился...»[12].

Усадьба и дача заявляют разные системы ценностей. Это не вопрос о форме собственности, а о типе культурного поведения. «Лето Демидовы большею частью проводили в Финляндии, в окрестностях Гельсингфорса, свидетельствует В. Соллогуб. — <...>. За ними туда собиралось довольно большое и очень изысканное общество; образ жизни был чисто дачный, с тем оттенком щегольства и моды, который всюду за собою заносят светские люди»[13].

Софья Андреевна Толстая отметит в своем дневнике, как 19 марта 1873 г. Толстой «перечитывал вслух <...> о старине, как помещики жили и ездили по дорогам, и тут ему объяснился во многом быт дворян»[14]. С этого «открытия» начинается работа над «Анной Карениной» с ее «Левинской» темой. Б.М. Эйхенбаум точно прокомментирует специфику взгляда Толстого на прошлый «быт дворян»: «Искусство Толстого было в основе своей вдохновлено дисгармонией — противоречиями общественного и индивидуального сознания, тогда как в основе пушкинского творчества, несмотря на трагические противоречия жизни, лежала полнота и цельность исторического сознания. Здесь сказывается разница между крайними точками исторического процесса, начинающего и завершающего построение русской дворянской культуры XIX века»[15].

К началу XX столетия «полуразрушенные усадьбы во вкусе Тургенева» (Астров. Дядя Ваня) принадлежали давно ушедшему времени. Именно в этот период угасания родится «мирискуснический» усадебный культ, на фоне которого отчетливо обозначится несоразмерность масштабов «дачного» и «усадебного» топосов.

Осторожного и чуждого «практической жизни» Серебрякова пугает и отталкивает интуитивно обнаруживаемая им потерянность: «не люблю я этого дома. Какой-то лабиринт. Двадцать шесть громадных комнат»...

«В мае я переселился <...> в старинную подмосковную усадьбу, где были настроены и сдавались небольшие дачи...». «В парке усадьбы деревья были так велики, что дачи, кое-где построенные в нем, казались под ними малы, как жилища под деревьями в тропических странах» (И. Бунин. Липовые аллеи. Муза).

Самое ощутимое дробление и измельчение усадебного образа происходило не в оценке внешних реалий прежнего быта, а в изменении поведенческих моделей. «Никогда еще не жил дачником, без всякого дела, в усадьбе, столь не похожей на наши степные усадьбы...». Именно в этот период появляется «Дом в русском дачном стиле...» и странное и конфликтное определение «дачная усадьба» (И. Бунин. Липовые аллеи. Русь). Именно с этого момента усадьба нередко воспринимается как «большая дача». Однако «самоочевидное» для представителей эпохи упадка усадебной культуры сходство имело лишь внешний, но не внутренний смысл.

Июль — апогей дачной жизни, когда набирает силу особая сезонная социальная группа — дачники. Именно с летним периодом оказывается связан специфический дачный фольклор:

Хорошо в июле месяце
В дачной местности повеситься.

Дачная жизнь (как «периодически возрождаемая» форма досугового поведения) предполагала не просто иную — более упрощенную — форму отношений. Ее главная отличительная черта — независимость от места, несформированность чувства наследственной, родовой привязанности к ландшафту. Мечта профессора Серебрякова — не обжитая усадьба, приносящая скромный, но вполне конкретный доход, а «дача в Финляндии». Это существование безотносительно к месту. К данной мысли Чехов будет возвращаться постоянно, окончательным его диагнозом станет последняя пьеса — не столько с метафоричностью авторских ремарок в финальных сценах, сколько с реалистичностью писательского обобщения: «вся Россия — вишневый сад».

«Теперешняя моя жизнь не богата происшествиями, потому что лето какое-то переходное, — будет писать Блок в письме З. Н. Гиппиус. — Может быть, скоро придется оставлять все здешнее, а я к нему страшно привязан, потому что почти из года в год провожу здесь одни и те же летние месяцы. <?> Вид из окна великолепный — зеленый и тихий сад, розы, рябина, липы, сосна. Но нет места, где бы я не прошел без ошибки ночью или с закрытыми глазами. Поэтому иногда хочется нового. <?> Вся жизнь медленная, ее мало, мало противовеса крайнему мистицизму...»[16].

Для человека, абсолютно принадлежавшего усадебной традиции, не возникло бы блоковского «но»... Иная система противопоставлений окажется представлена в оценках родных, заинтересованных в его «душевном покое»: «Сашура хорош, но его здешняя безмятежность должна нарушиться в городе. Опять начнется меланхолия, опять исключительность»[17]. Об этом внутреннем надломе — не столько личном, сколько национальном — позднее точно скажет В. Маяковский: «Кругом тонула Россия Блока»...

Период угасания усадебной культуры оказался проанализирован более всесторонне — в этом плане логично опереться на систему выверенных оценок, предложенных в публикации Е.Е. Дмитриевой[18]. После подготовки знаменитой выставки русского портрета в Таврическом дворце С.П. Дягилевым было сделано несколько вполне программных заявлений: «Я закончил свои долгие объезды вдоль и поперек необъятной России. И именно после этих жадных странствий я особенно убедился в том, что наступила пора итогов. Здесь доживают не люди, а доживает быт. Это говорит история. То же подтверждает эстетика...». «Речь эта, — комментирует Г.Ю. Стернин, — сочетала в себе несколько театральное расставание с прошлым, с одной стороны, и трезвое понимание исторической неизбежности глубоких политических и социально-культурных перемен»[19]. Вместе с тем выбранная форма расставания с прошлым стала итогом действительных наблюдений «из глубины России» — ее внутренней жизни. Эпоха «усадебного послевкусия» обладала высокой степенью устойчивости ассоциаций — ностальгическим запахом бунинских «Антоновских яблок».

Став исключительным фактом прошлого, усадьба как система образов сумела избежать той показательной девальвации, которая характеризует все периоды последовавшего «дачного строительства».

Быть может, только в нашей ситуации вненаходимости, став «предметом исследования», мир и строй русской усадьбы раскрываются в национальном ландшафте сложным взаимодействием механизмов памяти — смыслами бытия между исповедью и проповедью, отповедью и заповедью...

* * *

Метацентр — точка, от положения которой зависит устойчивость равновесия геометрического тела. «Свое» познается в сравнении с «чужим». В порубежные эпохи во многом проясняются созидательные качества культурных топосов — их историческая роль по отношению к центрам политической жизни. Речь идет не о противоположности словарных значений, а о понятийной неоднозначности оппозиции «периферии» и «метрополии», о геополитическом статусе категорий «самосознание» и «самомнение» — о пространственной локализации и концентрации смыслов исторического полагания.

В современном балансе ценностей русская усадьба занимает особое, но не вполне проясненное положение. Это тип культуры, который ушел безвозвратно. Интерес к нему определяется значимостью для нас «длящегося свечения» уже не существующей традиции. В этом случае сложно соответствовать критериям целостности, которую всякий внешний взгляд способен интерпретировать не предметно, а исключительно стилистически, через ее производные — как «сцены из деревенской жизни».

Усадьбоведение не стало в полной мере областью междисциплинарных исследований — тем более исследований метатеоретических. Это логичнее связывать не с кризисом «усадебной методологии», а кризисом современного мировоззрения. Однако если понятие «метагалактика» энциклопедические справочники определяют как «часть Вселенной, доступную современным астрономическим методам исследования», то и современное изучение усадебной культуры можно считать лишь промежуточным этапом.

Мир русской усадьбы — это национальная культура в одной из ее наиболее идеальных заявок. Потерянность и забвение его культурных форм оборачивается половинчатостью осмысления других (в том числе вполне современных) реалий — необратимой потерей исторически определенного единства культурных контекстов.

За устойчивостью интереса к усадьбе, несомненно, стоит нечто большее, чем ее собственная историческая судьба. Несомненно и другое: предмет усадьбоведения значительно шире тех задач, которые ставит перед собой культурная археология. Изучение усадебного ландшафта позволяет сохранить целостный образ России, о котором В. Подорога заметит: «страстное пространство, пассионарное» [20].

Усадьба — нечто созвучное наиболее сокровенной, почти интимной ипостаси России — оказывается для нас иносказанием какой-то необъясненной части ее духовного опыта. Это прошлое, к которому и сегодня, и завтра мы вправе обратиться как непосредственные наследники в своем постижении национального и вечного.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Жуковский В. А. [Проза поэта]. М.: ВАГРИУС, 2001. С. 55-59; 158-159.
2. Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков: В 3 т. М.: ТЕРРА, 1993. Т. II. С. 242-243.
3. Мысли о душе: Русская метафизика XVIII века / Подг. текстов Т. В. Артемьевой. СПб.: Наука, 1996.
4. Волконский С. М. Там же. Т. II. С. 33.
5. Крылов И. А. В воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1982. С. 143.
6. Блок А. А. С.с.: В 8 т. М.; Л.: Гос. изд-во худож. литературы, 1963. Т. VIII. С. 337
7. Рагимов О. Былые небылицы: (Сборник анекдотов). М.: Художественная литература, 1982. С. 30
8. Бенуа А. Н. Мои воспоминания. М.: Наука, 1980. Т. I. Кн. I-III. С. 504-505.
9. Филосов Д. В. Юношеские годы Александра Бенуа / Вст. ст. и публ. А. П. Банникова // Наше наследие. 1991. № 6. С. 83.
9. Киреевский И. В. П. с. с.: В 2 т. М., 1911. Т. II. С. 226.
10. Там же. Т. I. С. 19.
11. Вигель Ф. Ф. Записки. Ч. 2
12. Толстая С. А. Дневники: В 2 т. М.: Художественная литература, 1978. Т. I: 1862-1900. С. 500-501.
13. Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1974. С. 152.
14. Письмо от 16 августа 1902 г. // Блок А. А. С. с. : В 8 т. М.; Л.: Гос. изд-во худож. Литературы, 1963. Т. VIII. С. 42-43.
15. М. А. Бекетова. Дневник // Бекетова М. А. Воспоминания об А. Блоке. М.: Правда, 1990. С. 574.
16. Е. Е. Дмитриева Русская усадьба: конец золотого века // Концы и рубежи. М.: ИРЛИ РАН, 2002. Ч. I. С. 286.
17. Бенуа А. Н. Мои воспоминания. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1990. Т. II. Кн. IV-V. С. 614.
18. Подорога В. А. Простирание или география «русской души». Предисл. к изд.: Хрестоматия по географии России. Образ страны: Пространства России / Авт.-сост. Д. Н. Замятин, А. Н. Замятин. М.: Мирос, 1994.
19. Бенуа А. Н. Мои воспоминания. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1990. Т. II. Кн. IV-V. С. 614.
20. Подорога В. А. простирание или география «русской души». Предисл. к изд.: Хрестоматия по географии России. Образ страны: Пространства России / Авт.-сост. Д. Н. Замятин, А. Н. Замятин. М.: Мирос, 1994.

Т.Е. Исаченко

ЛАНДШАФТНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ

Одной из значимых составляющих для ландшафтов Европейской территории России являются старинные дворянские усадьбы, которые во многом определяют их облик и восприятие современного ландшафта. Их вклад в систему отношений с ландшафтами на протяжении XVIII-XX веков и в формирование современного ландшафта значителен, но до сих пор всесторонне не исследован. Однако при познании особенностей структуры и динамики современных ландшафтов, а также при выработке рекомендаций по гармонизации взаимоотношений человека и ландшафта необходимо и глубокое изучение усадебного прошлого территории. Многогранность понятия «русская усадьба» требует применения разнообразных методов исследования. В задачу данной работы входит рассмотрение усадебных комплексов как ландшафтных объектов, и, следовательно, изучение его проводится на основе ландшафтного подхода с помощью ландшафтно-географических методов. Не претендуя на изложение всех возможных ландшафтно-географических методов, рассмотрим лишь некоторые из них, позволяющие проанализировать размещение, состояние и динамику усадебных комплексов.

В качестве объекта исследования выступают природно-культурные территориальные комплексы (ПКТК) дворянских усадеб, под которыми понимаются взаимосвязанные сочетания компонентов природного ландшафта и элементов культуры, формирующиеся в процессе усадебного освоения конкретной территории. Предметом исследования стали свойства усадебных комплексов как ландшафтных объектов, взаимосвязь их размещения с ландшафтной структурой территории на различных иерархических уровнях, динамика усадебных природно-культурных комплексов при их функционировании и последующем запустении, а также их влияние на ландшафтное разнообразие и фрагментацию территории.

Исследования проводились в пределах Ленинградской области, ландшафтное разнообразие которой позволило выбрать для изучения различные в генетическом и морфологическом отношении территории. Из исследования исключены земли к востоку от реки Сясь и к северу от бывшей границы с Великим княжеством Финляндским. В работе не учитывались императорские резиденции и усадьбы на территории современного С.-Петербурга, формировавшиеся и развивавшиеся либо как городские усадьбы, либо как дачи. В ходе работы проведен анализ литературных источников, архивных материалов и старых карт. За основу взята военно-топографическая карта С.-Петербургской и Новгородской губерний 1863 года (в 1 дюйме 3 версты — 1:126000), и ряд карт середины XIX века. Выб-

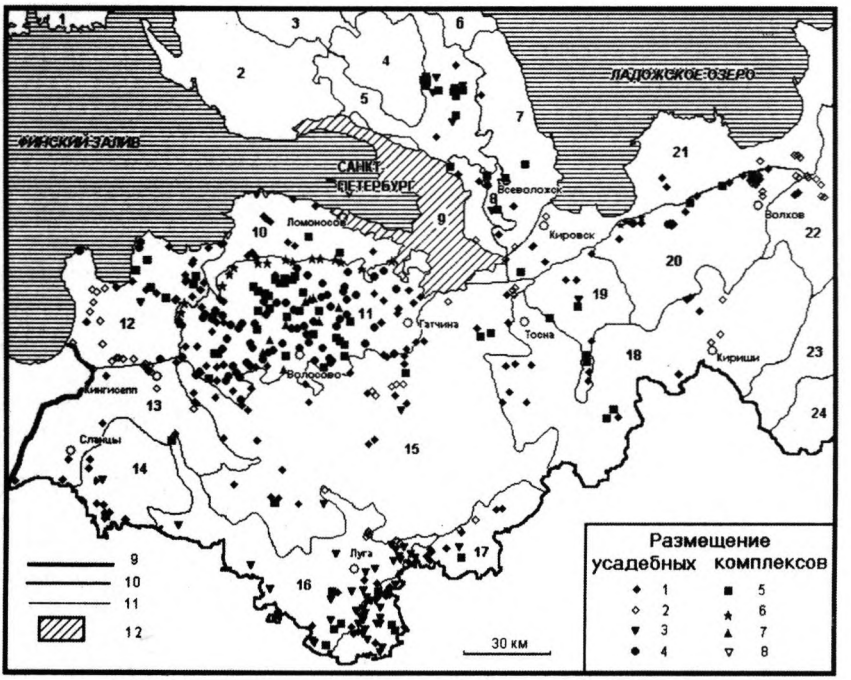


Рис. 1 Размещение дворянских усадеб на изученной территории в конце XIX в.: 1 — на небольшой реке; 2 — на берегу крупной реки (Нева, Волхов; Тосна, Луга и Оредеж в нижнем течении); 3 — на берегу озера; 4 — на плакорной поверхности; 5 — на моренных и камовых холмах и грядах; 6 — у глинта (Балтийско-Ладожского уступа); 7 — у древних долин; 8 — на литориновой и верхней террасах Финского залива. Схема автора.

Границы: 9 — государственные, 10 — Ленинградской области, 11 — ландшафтных районов. 12 — территория Санкт-Петербурга.

Цифрами на карте обозначены ландшафтные районы: 1 — Выборгский; 2 — Северо-Приморский; 3 — Нижне-Вуоксинский; 4 — Верхнеохтинский; 5 — Токсовско-Лемболовский; 6 — Отрадненский; 7 — Юго-Западное Приладожье; 8 — Колушская возвышенность; 9 — Приневская низина; 10 — Предглинтовый; 11 — Ижорское плато; 12 — Нижне-Лужский; 13 — Нарвско-Лужский;14 — Лужско-Плюсский; 15 — Лужско-редежский; 16 — Лужский; 17 — Верхне-Лужский; 18 — Волховская низина; 19 — Мгинский; 20 — Путиловское плато; 21 — Южное Приладожье; 22 — Пашско-Сясьский; 23 — Тихвинский; 24 — Мстинско-Вишерский.

ранный период характеризуется наличием наибольшего числа дворянских усадеб в регионе. Всего во второй половине XIX века здесь существовало 476 усадеб (рис. 1).

Распространение усадебных комплексов было проанализировано по ландшафтным районам и внутриландшафтным местоположениям. (За основу взято районирование Северо-Запада 1965 года). Явно выявляются ландшафтные районы, к которым тяготеют поместья.

Для оценки вклада усадебных природно-культурных комплексов в окультуривание ландшафтных районов был рассчитан показатель «усадебности», определяющийся делением количества усадеб, расположенных в ландшафтном районе на его площадь (рис. 2). В соответствии с рассматриваемым показателем выделены 4 группы ландшафтных районов. Каждая группа ландшафтных районов проанализирована по природным особенностям, способствующим размещению дворянских имений.

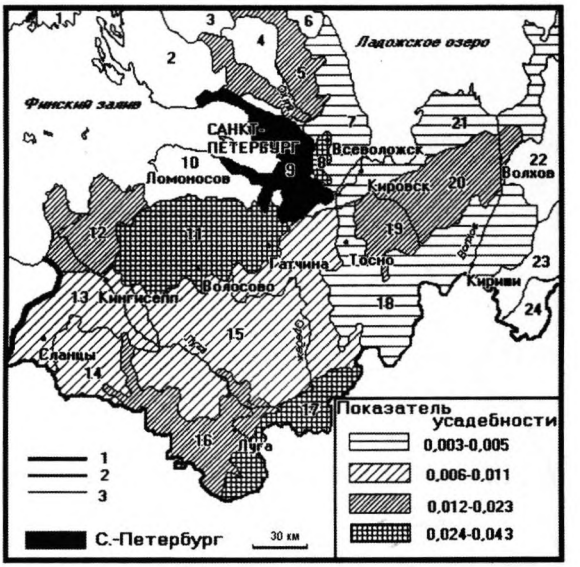


Рис. 2. Показатель «усадебности» ландшафтных районов юго-запада Ленинградской области в конце XIX в. Границы: 1 — государственные; 2 — Ленинградской области; 3 — ландшафтных районов. Цифрами обозначены ландшафтные районы аналогично рис. 1. Для ландшафтных районов, обозначенных цифрами 1; 2; 3; 4; 6; 9; 10; 22; 23; 24 показатель «усадебности» не рассчитывался.

Рассмотрим внутриландшафтное размещение усадебных ПКТК на примере Лужско-Оредежского, Лужского, Верхне-Лужского и Ижорского ландшафтных районов. Чтобы подчеркнуть значимость полученных выводов для современных ландшафтов обратимся к карте, на которой показаны сохранившиеся усадебные комплексы (рис. 3). В процессе работы на основе анализа литературных источников, современных топографических карт и аэрофотоснимков были выявлены 263 старинные усадьбы, прочитывающиеся в современном ландшафте.

* Лужско-Оредежский ландшафтный район (15) — пример незначительной роли усадебных комплексов в ландшафте. Здесь усадьбы важны только для преобразования отдельных местоположений, какими в Лужско-Оредежском ландшафтном районе являются берега малых рек, а также берега средних рек, имеющих хорошо разработанные, глубоко врезанные долины. Подобное размещение усадебных ПКТК можно назвать фрагментарным.

* Лужский ландшафтный район (16) — пример неоднородного размещения усадебных комплексов в пределах ландшафта, при котором для отдельных территориях роль усадеб значительна, в то время как наибольшая площадь ландшафтного района не затронута усадебным строительством. Практически все усадебные ПКТК в Лужском ландшафтном районе тяготеют к его восточной ча-

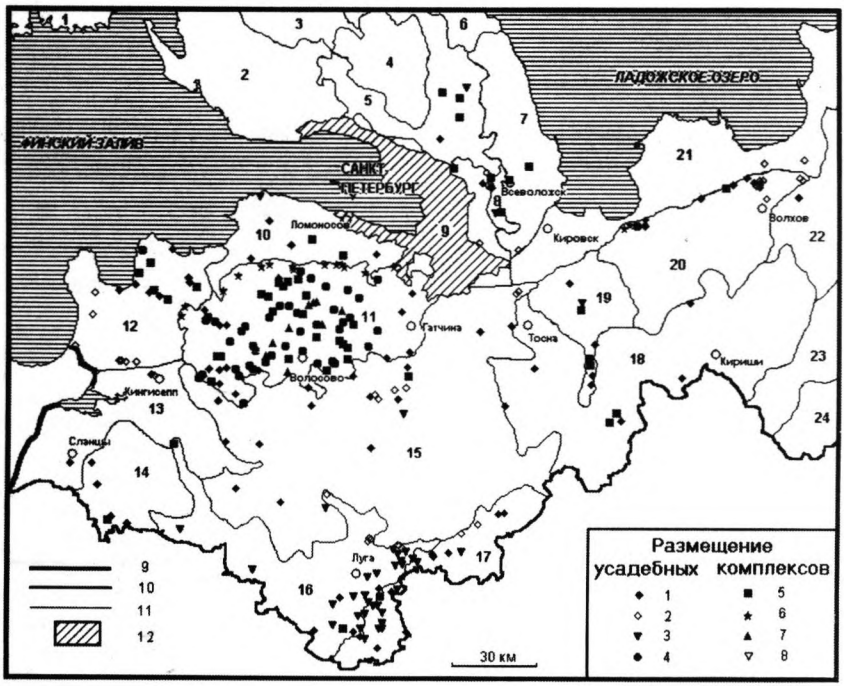


Рис. 3. Размещение природно-культурных комплексов старинных усадеб на изученной территории в 2002 г. Все обозначения на рис. 3 соответствуют обозначениям на рис. 1.

сти. Во внутриландшафтном размещении предпочтение оказывается берегам озер и крупных рек (в данном случае р. Луга и р. Оредеж).

* Верхне-Лужский ландшафтный район (17) — пример мозаичного размещения усадебных комплексов в ландшафте, когда чередование местоположений, не охваченных воздействием усадебного строительства, и местоположений, в которых его роль велика (берега озер и малые реки), создает мозаику, позволяющую рассматривать ландшафт в целом как «усадебный».

* Ижорское плато (11) — классический пример равномерного размещения, при котором усадьбы присутствуют практически во всех местоположениях, причем, чем чаще встречается тип местоположения в ландшафте, тем больше количество усадеб, приуроченных к нему. Ижорское плато — единственный ландшафтный район, где большая группа усадебных комплексов (40 усадеб на 2002 г.) приурочена к слабоволнистым поверхностям (плакорам), поскольку этот наименее привлекательный для усадебного строительства тип местоположения наиболее часто встречается в пределах ландшафтного района.

Таким образом, выделяется четыре типа распределения усадебных комплексов в ландшафтных районах: фрагментарное, неоднородное, мозаичное и непрерывное.

Особенности усадебного природно-культурного комплекса во многом обусловлены его размещением в ландшафте. Однотипные местоположения в различных ландшафтных районах накладывают сходный отпечаток на структуру, функционирование и динамику усадебных ПКТК. Исходя из этих предпосылок, предложена ландшафтная типология старинных усадеб. Выделены группы усадеб, расположенных на небольших реках и ручьях; на моренных и камовых холмах и грядах; на слабоволнистой равнине; на берегах крупных рек; на берегах озер; на краю глинта, в том числе на реках пересекающих глинт; на слепых руслах рек, на краю древних долин (табл. 1). Внутриландшафтное размещение не только определяет планировочную структуру усадебного ПКТК, но и характер, и степень изменения природных компонентов под воздействием усадебного строительства.

Внутриландшафтное размещение усадебных ПКТК	**Общее количество усадебных комплексов**	
	на конец XIX в.	**на 2002 год**
на небольших реках и ручьях	177	78
на моренных и камовых холмах и грядах	78	46
на слабоволнистых равнинах, сложенных песками, супесями или валунными суглинками, в т.ч. на моренных плато (на плакорах)	73*	42*
на берегах крупных рек	66	36
на берегах озер	52	35
на краю глинта, в том числе на реках, пересекающих глинт	19	17
на «слепых» руслах рек, на краю древних долин	9	9
*на литориновой и верхней озерно-ледниковой террасах Финского залива***	*2*	
ВСЕГО	**476**	**263**

Таблица 1. Ландшафтная типология усадебных природно-культурных комплексов на юго-западе Ленинградской области

** Из 73(42) усадеб, расположенных на слабоволнистых равнинах, 67(40) находятся в пределах Ижорского плато.*

*** Усадьбы данного местоположения не анализировались, поскольку большая часть подобных усадебных комплексов располагается в пределах Санкт-Петербурга и подробно рассмотрена в литературе.*

Рассмотрим подробнее изменение ландшафтной структуры и фрагментации территории при функционировании и запустении усадебных комплексов, используя следующие методы исследования:

* анализ старых карт, материалов разновременных дистанционных исследований;
* изучение процессов в реальном времени, прямые наблюдения;
* ретроспективный анализ: реконструкция процессов и состояний в прошлом.

Анализ составленных автором историко-ландшафтных карт выявляет две тенденции развития ландшафта при создании и последующем развитии усадебных природно-культурных комплексов: 1) — увеличение количества типов местоположений и 2) — усиление фрагментации территории. Проиллюстрируем это на примере Шуваловского парка. Шуваловский парк был заложен на границе двух ландшафтных районов — Токсовско-Лемболовского, где преобладают камовые холмы и гряды, и Приневской низины, где до осушения преобладали избыточно увлажненные равнины на безвалунных суглинках и песках. Граница этих ландшафтов четко читается в пределах усадьбы, являясь границей верхнего и нижнего парков.

Анализ табл. 2 и 3, а также ландшафтно-исторических карт территории Шуваловского парка, составленных автором (рис. 4, 5. 6), показывает, что наибольшие изменения в морфологической структуре ландшафта произошли в нижнем парке, расположенном в пределах Приневской низины. Здесь изменению подверглись все типы местоположений, тогда как основные местоположения верхнего парка — выположенные вершины и пологие склоны, а также крутые склоны камовых холмов, занимавшие в сумме около 57 % территории парка, остались практически без изменений. Можно только отметить преобразование склона горы Парнас, который был искусственно террасирован.

Тип местоположения	Доля площади местоположений в общей площади усадьбы (%)		
	До закладки усадьбы	Середина XIX в.	2002 г.
Выположенные вершины и пологие склоны камовых холмов	47	46	46
Крутые склоны камовых холмов, хорошо дренируемые	12	11	11
Крутые склоны камовых холмов искусственно террасированные	-	1	1
Слабоволнистые равнины на песках и супесях, перекрытые маломощным евтрофным торфом	12	-	7
Слабоволнистые равнины на песках и супесях, перекрытые маломощным мезотрофным торфом	13	-	2
Слабоволнистые террасированные равнины на песках и супесях, искусственно дренируемые с маломощным минерализованным торфом	-	15	10
Выположенные поверхности с насыпным грунтом	-	7	6
Искусственно дренируемые межкамовые понижения с маломощным минерализованным торфом	-	3	-
Евтрофные торфяники, а так же склоновые болота; торф разной мощности	7	-	1
Мезотрофные торфяники	4	-	1
Осушенные мезотрофные и евтрофные торфяники	-	8	6
Искусственно углубленные понижения (в том числе русла ручьев) с проточным увлажнением	-	1	1
Пойма с низинным торфом различной мощности	5	-	-
Осушенная заторфованная пойма	-	5	5
Искусственные водоемы	-	3	3

Таблица 2. Ландшафтная структура территории Шуваловского парка

Наибольшим изменениям в верхнем парке подверглись мезотрофные и евтрофные торфяники, в том числе евтрофные торфяники проточных понижений, а также склоновые болота. Здесь провели мелиоративные работы, в результате которых были осушены достаточно крупные мезотрофные торфяники, занимавшие 4% территории, отведенной под парк. На месте одного из таких торфяников создали водный лабиринт, а другие зарастили сосновым лесом. Также были осушены евтрофные торфяники, занимавшие также около 3% территории. На них со временем сформировались ельники папоротниковые и ельники кисличники. Были углублены долины ручьев, и прорыты искусственные каналы, что способствовало созданию искусственного дренажа. В результате проведенных работ были осушены небольшие евтрофные торфяники межкамовых понижений, и улучшился дренаж слабоволнистых равнин на песках и супесях, перекрытых маломощным торфом, на месте которых возникли искусственно дренируемые равнины с маломощным минерализованным торфом и искусственно дренируемые межкамовые понижения. Вблизи осушаемых территорий для отвода стока были выкопаны небольшие пруды, окруженные искусственными насыпями. Объем мелиоративных работ, проведенных в верхнем парке, был значителен, но не сравним с объемом работ в нижнем парке, где практически не осталось неизмененных местоположений. Территория нижнего парка до закладки усадьбы представляла собой сочетание слабоволнистых равнин на песках и супесях, перекрытых местами маломощным мезотрофным, местами маломощным евтрофным торфом, с низинными болотами, по одному из которых протекала речка Заманиловка (Сторожиловка), имеющая слабовыраженную пойму. При формировании парка были проведены дренажные работы, созданы обширные подсыпанные плоские поверхности общей площадью более 8 га, выкопаны пруды, площадь которых составила 2,8 га. Была проложена сеть парковых дорожек на насыпях, вдоль них заложили мелиоративные канавы. Общая длина дорожек, расположенных на искусственных насыпях, превысила 16 км. Протяженность же мелиоративных канав, спрямленных и углубленных русел ручьев составила около 10 км. На месте низинного болота, вклинивавшегося в межкамовое понижение, был создан один из наиболее эффектных уголков парка — ансамбль Большой Звезды с прудом круглой формы в центре, к которому сходились 10 дорожек. Ансамбль расположен на подсыпанной поверхности, ее площадь составляла около 2,5 га.

Углубление и спрямление русла речки Заманиловки способствовало улучшению дренажа и замедлению торфонакопления в пределах ее сильнозаболоченной поймы. Скорость роста торфа, превышавшая ранее скорость отложения аллювия, замедлилась, и началось формирование осушенной заторфованной поймы. Все эти изменения хорошо читаются в почвенном профиле. Вдоль реки проложили насыпь с прогулочной дорожкой. На пойме выкопали два пруда, около которых создали насыпные валы-«острова»; увеличив высоту коренного берега, организовали обзорные площадки, открывающие вид на долину речки. Сравнительный анализ историко-ландшафтных карт территории Шуваловского парка до закладки усадьбы и на момент ее расцвета (рис. 4, 5) пока-

зывает как исчезновение, так и появление целого ряда новых местоположений, при общей тенденции увеличения количества типов местоположений. Если до закладки усадьбы на рассматриваемой территории выделялось только 7 типов местоположений, то в результате работ по созданию усадебного парка их стало 9. Как уже отмечалось, только два типа местоположений не изменили своих характеристик: выположенные вершины и пологие склоны, а также хорошо дренируемые крутые склоны камовых холмов. Как видно из табл. 2, их площадь практически не изменилась. Не изменилась и площадь, занимаемая поймой реки, но качественно она стала иной. Зато значительно сократилась площадь заболоченных равнин с мезотрофным и евтрофным торфом. Они были превращены в слабоволнистые искусственно дренируемые равнины. Мезотрофные болота превратились в осушенные торфяники. На месте евтрофных болот также появились осушенные торфяники, искусственные насыпи и дренируемые понижения с ручейками. Исчезли склоновые болота. Имело место и усиление фрагментации территории Шуваловского парка: на ландшафтной карте-гипотезе, показывающей территорию до создания парка (рис. 4), выделяется 47 контуров, а на карте-гипотезе, составленной на середину XIX в. (рис. 5) их 94. При этом не учитывались искусственные водоемы (14 водоемов), созданные на территории парка и занимающие общую площадь около 4 га.

При деградации усадьбы в XX в. на территории Шуваловского парка наблюдается, с одной стороны, общая тенденция увеличения ландшафтного разнообразия при запустении усадебного ПКТК, а с другой стороны, уменьшение пейзажного и эстетического потенциала территории. Отметим, что на современной ландшафтной карте территории Шуваловского парка (рис. 6) выделяется 108 ландшафтных контуров и 12 типов местоположений.

Наиболее устойчивыми по-прежнему остаются местоположения верхнего парка, где современные растительные сообщества формировались на основе естественного елово-соснового леса с примесью парковых широколиственных пород. Вблизи дворцового комплекса растительность представлена широколиственными парковыми сообществами с неморальным разнотравьем. Большая часть вершин и склонов камовых холмов покрыта сообществами хвойных лесов с примесью мелколиственных и широколиственных пород и бореальным разнотравьем с неморальными элементами.

Таблица 3. Смена ландшафтной структуры на территории Шуваловского парка.

Типы местоположений до закладки усадьбы	Типы местоположений во второй половине XIX в.	Современные типы местоположений	Прогнозируемое изменение типов местоположений через 100 лет при отсутствии вмешательства человека
I	II	III	IV
Верхний парк			
Выположенные вершины и пологие склоны камовых холмов	Без изменений	Без изменений	Без изменений
	Участки с насыпным грунтом	Участки с насыпным грунтом	Участки с насыпным грунтом
	Искусственные водоемы	Зарастающие искусственные водоемы	Зарастающие искусственные водоемы

Крутые склоны камовых холмов, хорошо дренируемые	Без изменений Крутые склоны камовых холмов искусственно террасированные	Без изменений Крутые склоны камовых холмов искусственно террасированные	Крутые склоны камовых холмов
Мезотрофные торфяники	Осушенные мезотрофные торфяники	Осушенные мезотрофные торфяники Мезотрофные торфяники (вторич. заболачивание)	Мезотрофные торфяники (вторич. заболачивание)
	Участки с насыпным грунтом	Участки с насыпным грунтом	Участки с насыпным грунтом
	Искусственные водоемы	Зарастающие искусственные водоемы	Зарастающие искусственные водоемы
Евтрофные торфяники, торф разной мощности, сильно минерализован	Осушенные евтрофные торфяники	Осушенные евтрофные торфяники. Евтрофные торфяники проточных понижений, торф разной мощности, сильно минерализован	Евтрофные торфяники, торф разной мощности, сильно минерализован
	Искусственные водоемы	Зарастающие искусственные водоемы	Зарастающие искусственные водоемы
Склоновое болото	Осушенные пологие склоны камовых холмов	Склоновое болото	Склоновое болото
Слабоволнистые равнины на песках и супесях, перекрытые маломощным евтрофным торфом	Слабоволнистые равнины на песках и супесях, искусственно дренируемые с маломощным минерализованным торфом	Слабоволнистые равнины на песках и супесях, перекрытые формирующимся евтрофным торфом (вторичное заболачивание)	Слабоволнистые равнины на песках и супесях, перекрытые маломощным евтрофным торфом
	Искусственно дренируемые межкамовые понижения		
Слабоволнистые равнины на песках и супесях, перекрытые маломощным мезотрофным торфом	Слабоволнистые равнины на песках и супесях, искусственно дренируемые с маломощным минерализованным торфом	Слабоволнистые равнины на песках и супесях, перекрытые формирующимся мезотрофным торфом (вторич. заболачивание)	Слабоволнистые равнины на песках и супесях, перекрытые маломощным мезотрофным торфом
	Участки с насыпным грунтом	Участки с насыпным грунтом	Участки с насыпным грунтом
Нижний парк			
Слабоволнистые равнины на песках и супесях, перекрытые маломощным евтрофным торфом	Слабоволнистые равнины на песках и супесях, искусственно дренируемые с маломощным минерализованным торфом	Слабоволнистые равнины на песках и супесях, искусственно дренируемые	Слабоволнистые равнины на песках и супесях, перекрытые маломощным евтрофным торфом
		Слабоволнистые равнины на песках и супесях, перекрытые формирующимся евтрофным торфом	
	Выположенные поверхности с насыпным грунтом	Выположенные поверхности с насыпным грунтом	Выположенные поверхности с насыпным грунтом
	Искусственно углубленные русла ручьев	Искусственно углубленные русла ручьев	Искусственно углубленные русла ручьев

Слабоволнистые равнины на песках и супесях, перекрытые маломощным мезотрофным торфом	Слабоволнистые равнины на песках и супесях, искусственно дренируемые с маломощным минерализованным торфом	Слабоволнистые равнины на песках и супесях, искусственно дренируемые с маломощным минерализованным торфом	**Слабоволнистые равнины на песках и супесях, перекрытые маломощным мезотрофным торфом**
		Слабоволнистые равнины на песках и супесях, перекрытые маломощным мезотрофным торфом	
		Слабоволнистые равнины на песках и супесях, перекрытые маломощным евтрофным торфом	**Слабоволнистые равнины на песках и супесях, перекрытые маломощным евтрофным торфом**
	Искусственно углубленные русла ручьев с проточным увлажнением	Искусственно углубленные русла ручьев с проточным увлажнением	**Искусственно углубленные русла ручьев с проточным увлажнением**
	Выположенные поверхности с насыпным грунтом	Выположенные поверхности с насыпным грунтом	**Выположенные поверхности с насыпным грунтом**
Евтрофные торфяники, торф разной мощности, сильно минерализован	Осушенные евтрофные торфяники	Евтрофные торфяники, торф разной мощности, сильно минерализован (вторичное заболачивание)	**Евтрофные торфяники, торф разной мощности, (вторичное заболачивание)**
		Осушенные евтрофные торфяники	
	Выположенные поверхности с насыпным грунтом	Выположенные поверхности с насыпным грунтом	**Слабоволнистые равнины на песках и супесях, перекрытые маломощным евтрофным торфом**
		Слабоволнистые равнины на песках и супесях, перекрытые формирующимся евтрофным торфом	
Пойма с низинным торфом различной мощности	Осушенная Заторфованная пойма	Осушенная заторфованная пойма	**Осушенная заторфованная пойма местами повторно заболачивающаяся**

Большая часть болот верхнего парка находится в стадии осушенных торфяников. На осушенных мезотрофных торфяниках растут сосняки чернично-сфагновые и ельники кисличники, а на осушенных евтрофных торфяниках растут обогащенные ельники папоротниковые с подростом клена. Однако в верхнем парке, также как и в нижнем активизируются процессы заболачивания, что приведет со временем к вторичному заболачиванию территории. Практически исчез водный лабиринт в верхнем парке, на территории вокруг него восстанавливается в мезотрофное болото, сосновый лес находится в угнетенном состоянии. Также заболачиваются межкамовые понижения, где образуются евтрофные торфяники проточных понижений, занятые черноольшатниками с ольхой серой, черемухой, ивой. Напочвенный покров здесь представлен преимущественно калужницей, лабазником, сердечником горьким и др., часто встречается страусник.

Наиболее активно процессы вторичного заболачивания идут в нижнем парке, расположенном на Приневской низине. Здесь на месте искусственно дрени-

рованных равнин с маломощным минерализованным торфом с сосновыми и березово-сосновыми травяно-кустарничковыми сообществами восстанавливаются равнины, перекрытые маломощным мезотрофным торфом с сосняками травяно-сфагновыми и сфагновыми с березой и елью, а также равнины, перекрытые маломощным евтрофным торфом преимущественно с черноольшатниками травяными. В результате снижается рекреационный и эстетический потенциал ПКТК. Дальнейшее развитие описанных процессов приведет к приближению к исходным природным условиям (заболоченным равнинам и торфяникам) и обеднению не только пейзажного и эстетического, но и ландшафтного разнообразия территории.

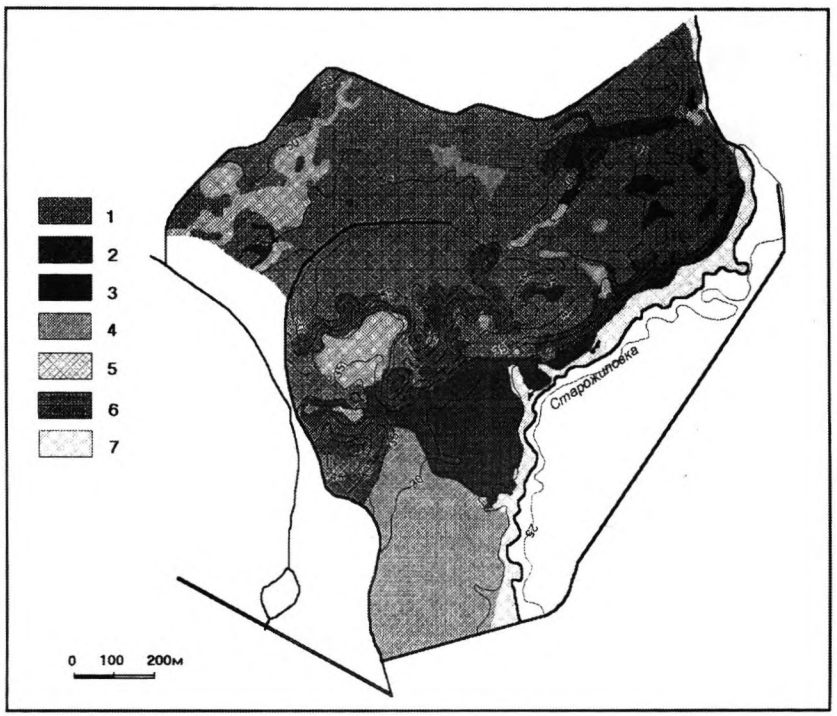


Рис. 4. Реконструкция ландшафтной структуры территории Шуваловского парка до закладки усадьбы

Местоположения: 1 — выположенные вершины и пологие склоны камовых холмов; 2 — крутые склоны камовых холмов; 3 — слабоволнистые равнины на песках и супесях, перекрытые маломощным евтрофным торфом; 4 — слабоволнистые равнины на песках и супесях, перекрытые маломощным мезотрофным торфом; 5 — евтрофные торфяники, а также склоновые болота (торф разной мощности); 6 — мезотрофные торфяники; 7 — пойма с низинным торфом различной мощности.

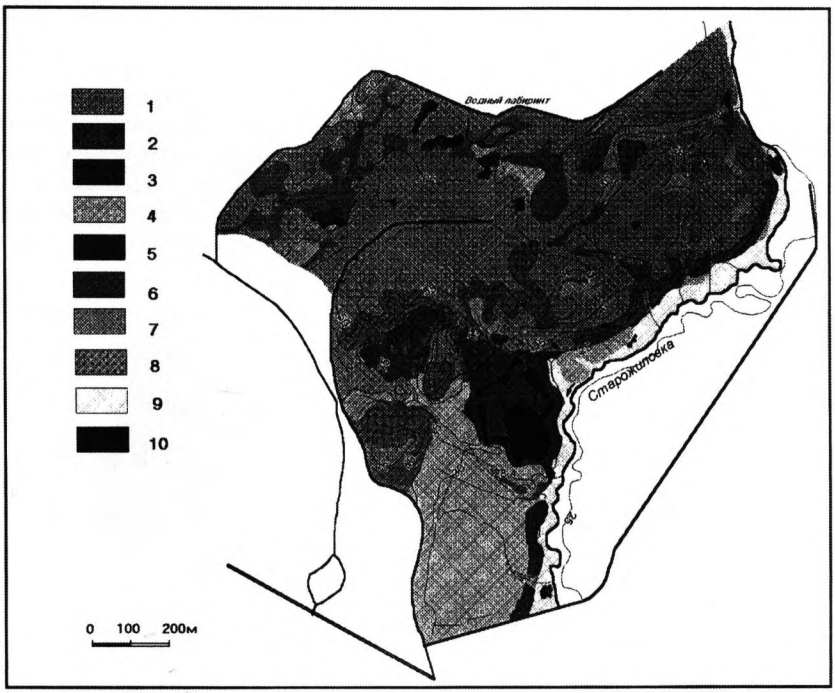


Рис. 5. Реконструкция ландшафтной структуры территории Шуваловского парка на вторую половину XIX в.

Местоположения: 1 —выположенные вершины и пологие склоны камовых холмов; 2 — крутые склоны камовых холмов; 3 — крутые склоны камовых холмов искусственно террасированные; 4 —слабоволнистые террасированные равнины на песках и безвалунных супесях, искусственно дренированные с маломощным минерализованным торфом; 5 — выположенные поверхности с насыпным грунтом; 6 — осушенные мезотрофные и евтрофные торфяники; 7 — искусственно дренируемые межкамовые понижения с маломощным минерализованным торфом; 8 — искусственно углубленные понижения с проточным увлажнением (в том числе долины ручьев); 9 — осушенная заторфованная пойма; 10 — искусственные водоемы.

Подробные исследования усадебных ПКТК и фиксация их современного состояния и динамических тенденций приводят к выводу о необходимости изучения старинных усадеб ландшафтно-географическими методами, включения усадебных ПКТК в систему особо охраняемых природных территорий (ООПТ) с режимом охраны, предусматривающим деятельность человека по поддержанию, а если это целесообразно, и реконструкции ПКТК.

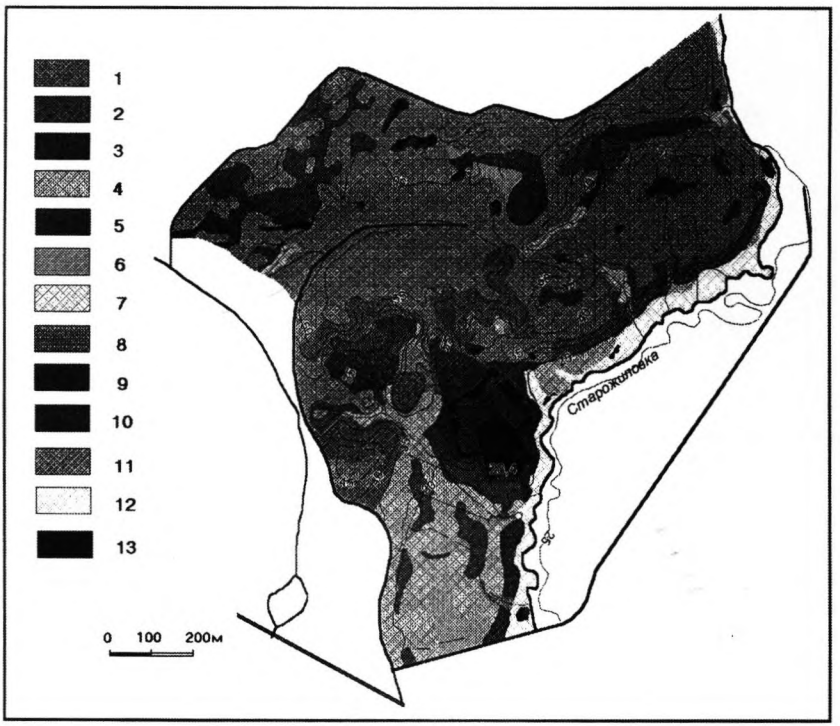


Рис. 6. Ландшафтная структура территории Шуваловского парка, 2002 г. Местоположения: 1 — выположенные вершины и пологие склоны камовых холмов; 2 — крутые склоны камовых холмов, хорошо дренируемые; 3 — крутые склоны камовых холмов искусственно террасированные; 4 — слабоволнистые террасированные равнины на песках и безвалунных супесях, искусственно дренированные с маломощным минерализованным торфом; 5 — слабоволнистые равнины на песках и супесях, перекрытые маломощным евтрофным торфом; 6 — слабоволнистые равнины на песках и супесях, перекрытые маломощным мезотрофным торфом; 7 — евтрофные торфяники, а также склоновые болота (торф разной мощности); 8 — мезотрофные торфяники; 9 — выположенные поверхности с насыпным грунтом; 10 — осушенные мезотрофные и евтрофные торфяники; 11 — искусственно углубленные понижения с проточным увлажнением (в том числе долины ручьев); 12 — осушенная заторфованная пойма; 13 — искусственные водоемы.

И.К. Бахтина

ЕДИНСТВО КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО ЛАНДШАФТОВ В ПОДМОСКОВНЫХ УСАДЬБАХ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА

В конце XVIII века в обществе пробудился интерес к естественной природе, что сразу отразилось на формировании архитектурно-планировочной структуры и пространственно-ландшафтной организации территории усадебных комплексов. Свойственная стилю барокко подчиненность природы абстрактным геометрическим схемам и формам была противопоставлена идеям освобождения природы, воспевания ее естественной красоты, желанию органично связать усадебный архитектурно-парковый комплекс с природным окружением, придать всем элементам усадебного парка свободные естественные формы. Усадебный дом увязывался с природным ландшафтом, который, порой, становился зрительным продолжением главной оси усадьбы и структурной частью ее композиции, а многочисленные видовые точки на территории парка визуально соединяли его с разнообразным природным окружением. Даже в облике главного дома появилось стремление соединиться с природой, для чего он оснащался многочисленными полуротондами, колоннадами, террасами, устремленными в природу и приглашающими ее в дом.

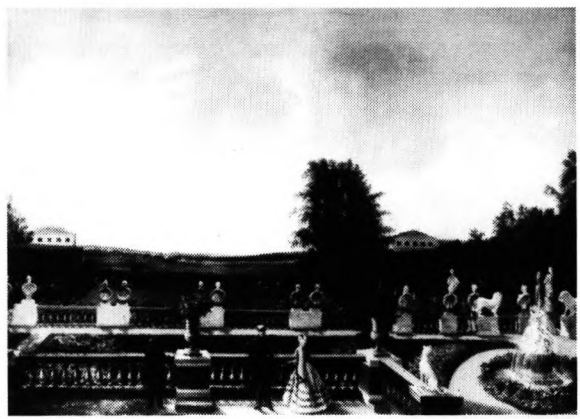
Для пришедшего на смену барокко стилю классицизм было характерно единство композиции усадебного комплекса и окружающего ландшафта. При этом главное место в общей композиции занимал архитектурный ансамбль с парадным двором и партером, составляющими регулярное ядро усадьбы, от которого свободно расходились аллеи и дороги пейзажного парка. Пейзажные парки стали формироваться по образу естественной природы, которая воплощалась в картинах (пейзажах) парка, обеспечивающих постоянную смену светотеневых и цветовых контрастов, чередованием открытых и закрытых пространств. Продумано, с учетом формы кроны, цвета подбирался ассортимент древесных пород. Важным элементом, обогащающим парк, был водоем. Парковые аллеи и дороги свободно прокладывались по естественно сложившемуся рельефу. Радиальные связи распространяли влияние усадьбы далеко по окрестностям. Расположение архитектурно-декоративных сооружений и элементов парка подчеркивало общий композиционный замысел. Парковые павильоны, беседки-ротонды, искусственные руины, гроты, обелиски, мемориальные колонны, скульптура, мостики и т.п. неожиданно открывались по ходу продвижения по основным парковым дорогам, акцентировали наиболее важные и интересные участки парка, замыкали визуальные перспективы, подчеркивая тем самым

связь архитектурных сооружений с природой. Из беседок открывались как внутренние живописные пейзажи, так и внешние природные панорамы.

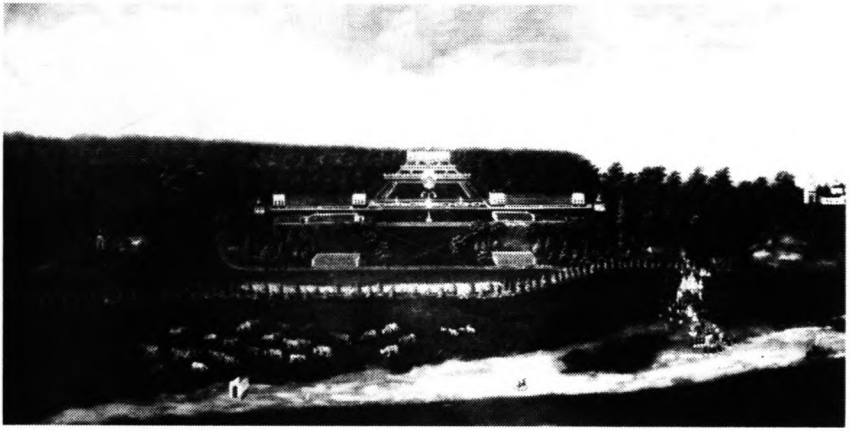
Церковь Св. Михаила Архангела. XVII в.

Разнообразие усадебных композиций XVIII — начала XIX вв. было проанализировано кандидатом архитектуры Е.П. Щукиной в диссертации «Подмосковные усадебные сады и парки второй половины XVIII в.», где ею была предложена четкая классификация. По композиционно-планировочным и стилевым особенностям усадебные комплексы XVIII-XIX вв. разделены Щукиной на 4 группы: 1-ая — регулярные сады первой трети XVIII в., 2-я — регулярные сады середины XVIII в., 3-я — сады и парки натурального стиля последней трети XVIII в., 4-я — сады и парки натурального стиля начала XIX в. В свою очередь, 3-я и 4-я группы в зависимости от местоположения усадьбы в природном ландшафте и композиционных приемов разделены на 7 типов: усадьбы: с широкой сферой влияния, центрическим построением, глубинно-панорамным и фронтально-панорамным построением и др. Самым ярким примером типа «глубинно-панорамное построение, где нарастание архитектурно-художественных средств идет с реки в глубину усадьбы», является подмосковная усадьба Архангельское, концентрирующая высочайшую художественную культуру XVIII — начала XIX вв.

В 1986 и 1995 гг. в НИиПИ Генплана г. Москвы был разработан «Проект зон охраны памятника архитектуры музея-усадьбы «Архангельское», согласованный с органами охраны. Авторы проекта: от НИиПИ Генплана г. Москвы — И.К. Бахтина, Е.Н Константинова, О.И. Котикова и др., от Моспроекта-2 — И.Б. Циприс. Изучение и оценка памятника с прилегающей терри-



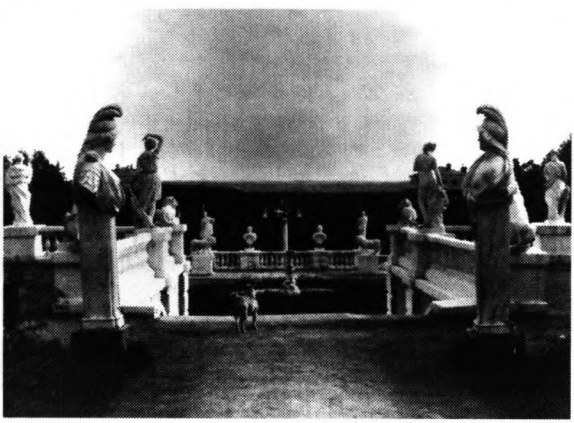
Картина неизвестного художника XIX в. Из фонда музея «Архангельское».



Вид парка. Крепостной художник Федотов. 1860 г. Из фонда музея «Архангельское».

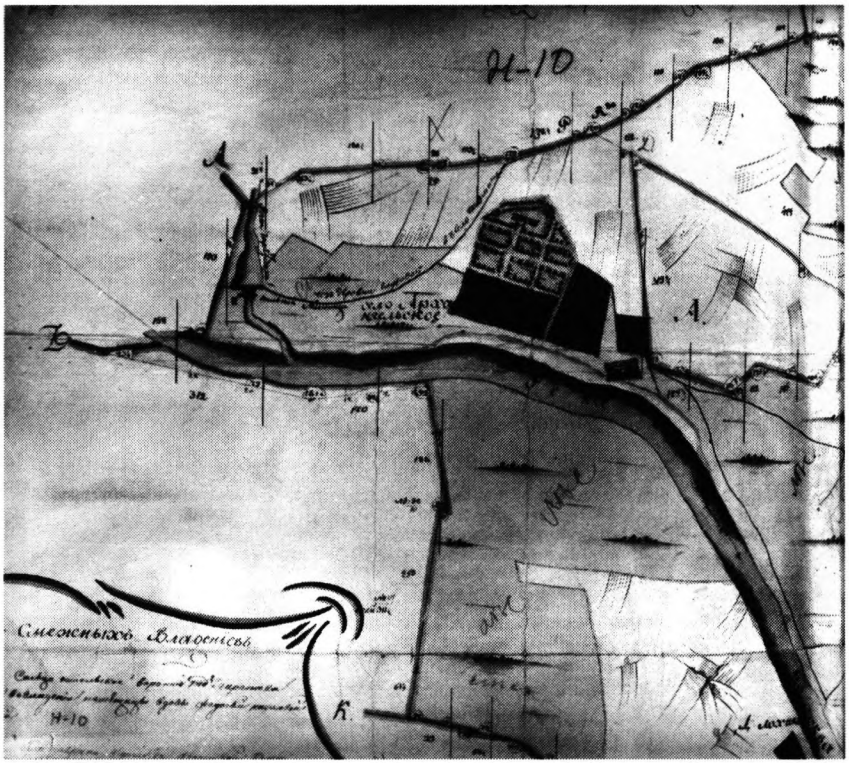
торией проведена на основе исследования картографических материалов — архивных графических планов усадеб 1767 г., 1818 г., 1826 г., 1829 г., 1830 г., 1852 г, планов рощ, окружающих основное ядро усадьбы в 1850 году. Были проанализированы также письменные источники — отчеты управляющих, «журналы исходящих предписаний из канцелярии в село Архангельское», купчие, писцовая книга Московского уезда, описи по селу Архангельскому 1810 г и др., отечественная литература, старинные рисунки, живописные полотна, фотографии и пр.

Исторический обзор позволил показать поэтапное развитие усадьбы с выделением как сохранившихся архитектурно-парковых элементов, так и утраченных. Кроме того, тщательно были изучены обширные территории, примыкающие к усадьбе, их рельеф, природные особенности, объекты истории и культуры, градостроительная ситуация. Выявлены все визуально-пространственные взаимосвязи усадьбы с окружающим ландшафтом. Результатом историко-культурной и ландшафтной оценки и анализа современного использования территории явился историко-архитектурный опорный план.



Вид с верхней террасы парка. Фото нач. XX в.

Анализ этапов формирования усадьбы Архангельское показал, что развитие ее шло счастливейшим путем к формированию едино-

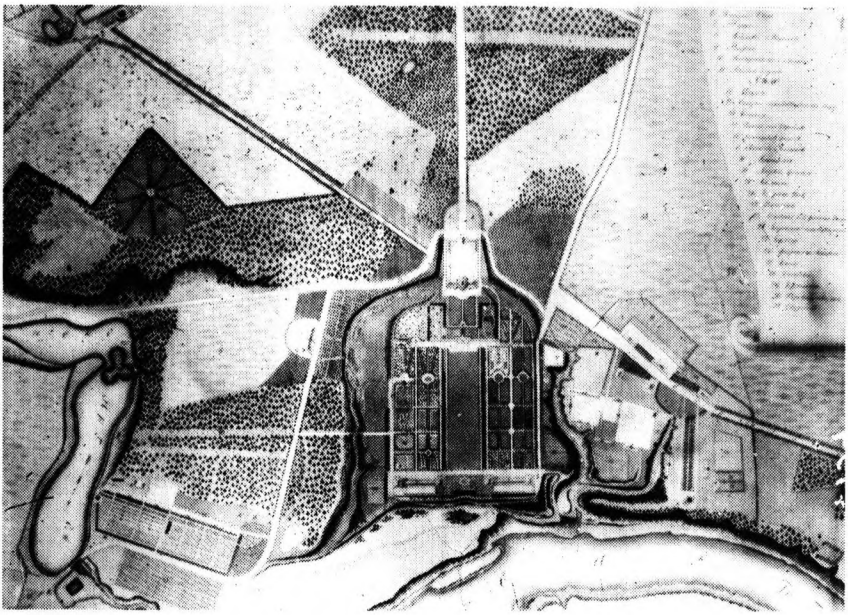


План 1767 г. Владение А.Д. Голицына. ЦГАДА.

го грандиозного дворцово-паркового ансамбля, имеющего огромное художественное значение. В Архангельском в удивительной гармонии находятся прекрасная архитектура дворца с террасами, зеленым партером и окружающей природой.

Первый этап формирования ансамбля (XVI-XVII вв.) сохранил до нашего времени прекрасной архитектуры каменную церковь Михаила Архангела. Первоначально оба одноглавых придела завершались, как и главный объем, пирамидой кокошников. Храм (его авторство приписывается крепостному архитектору П. Потехину) построен на высоком берегу Москвы-реки, от него открываются изумительные по красоте панорамы — обширные заливные луга, леса и заречные дали.

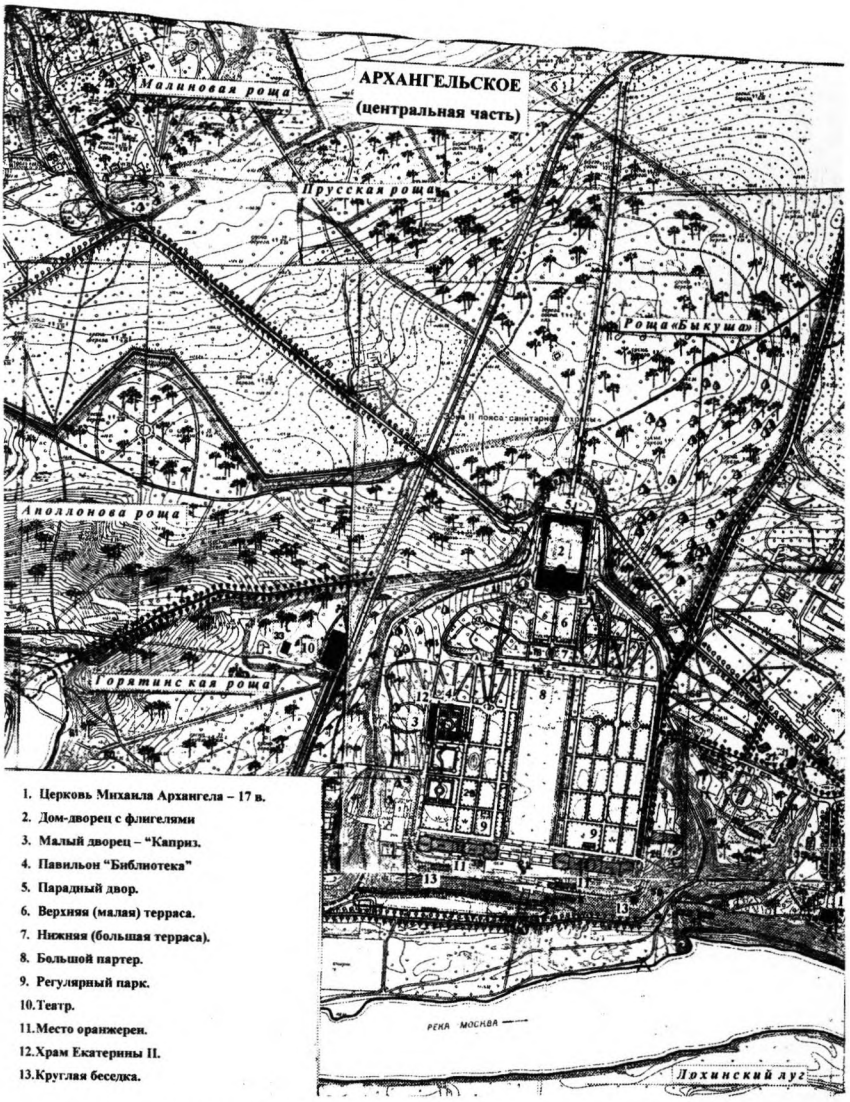
Второй этап формирования усадьбы — 1730-е годы связан с именем одного из самых просвещенных и культурных людей своего времени — сподвижника Петра 1, видного политического деятеля князя Д.М. Голицына, который выбрал для дома и «французского сада» новое место западнее церкви — самое высокое в усадьбе, откуда открывается великолепная по красоте панорама. Тем самым он закрепил изумительное по красоте место для будущего дворцово-паркового ансамбля. Развитие структурной композиции парка шло не по оси север-юг, как сейчас, а с запада на восток параллельно фасаду дома.



План центральной части усадьбы 1818 г. Из фонда музея «Архангельское.

В архиве ЦГАДА в фонде Юсупова (ф. 1290, оп. 3 № 2884) найдено подробное описание — «Оранжереи и сады подмосковной вотчины князя Д.М. Голицына 1737 г.». Парк был разбит продольными и поперечными аллеями на восемь квадратов — «партиров». «Першпективные» дорожки были обсажены липой и кленом, а в «партирах» росли яблони, груши, барбарис. Строительство этого периода предопределило последующее развитие ансамбля, а французский сад лег в основу планировки большого регулярного парка. От первоначального регулярного парка усадьбы Д.М. Голицына сохранились старые лиственницы, растущие у главного дома. В новом доме Голицын разместил богатую библиотеку, состоящую из 6 тыс. томов книг и 335 древних рукописей.

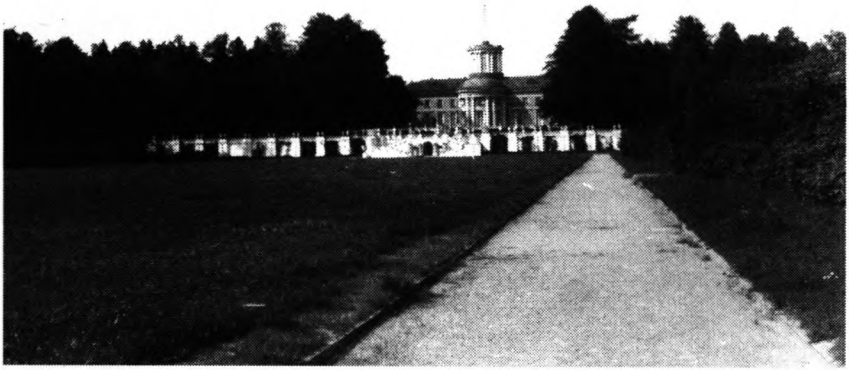
Во второй половине XVIII — начале XIX вв. при внуке Д.М. Голицына — Н.А. Голицыне, складывается новая пространственно-композиционная основа ансамбля Архангельского. Европейская образованность Н.А. Голицына, его утонченный вкус сыграли огромную роль в развитии дворцово-паркового ансамбля. Создателей Архангельского вдохновляли лучшие образцы садово-паркового искусства Европы — образы Версаля, террасная структура итальянских вилл. В этот период и был создан грандиозный, удивительный по красоте и цельности дворцово-парковый ансамбль, неразрывно и гармонично слитый с русской природой. В соответствии с «описью строению и прочему по селу Архангельскому» (ЦГАДА, фонд Юсупова 1290, опись 3, № 2236) в этот период был построен каменный дом-дворец с флигелями и колоннами из белого камня, павильоны «Каприз», «Библиотека», парковые



Современная геоподоснова центральной части музея-усадьбы «Архангельское».

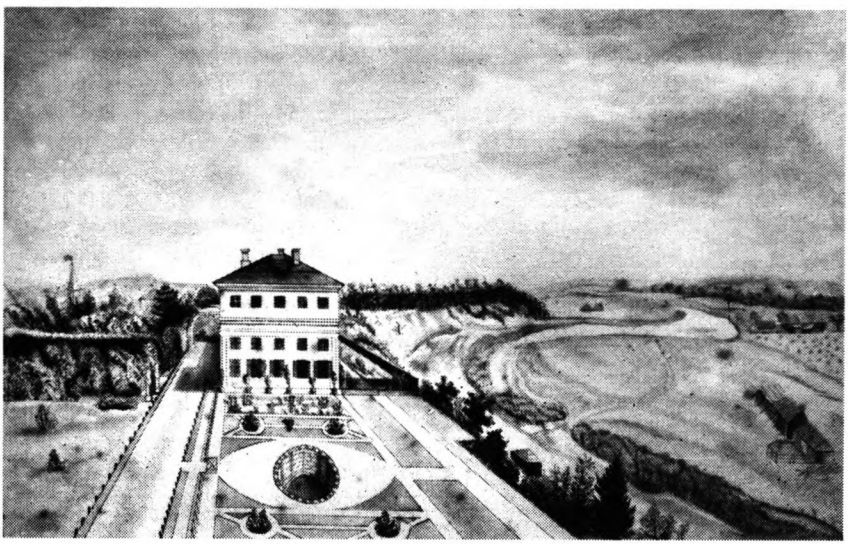
террасы, создан регулярный парк, построены две оранжереи для субтропических растений, построены несколько оранжерей в районе Горятинского пруда и других хозяйственных построек. На террасах и в парке были расставлены скульптуры.

Двухэтажный дворец в стиле зрелого классицизма сооружен из кирпича в 1790 г. крепостными мастерами по проекту французского архитектора де Гер-



Большой партер. Вид на дворец с юга. Фото автора.

на. Архитектура здания проста и монументальна. Симметричность композиции подчеркнута четырехколонным портиком ионического ордера и выступом овального зала на парковом фасаде. Главный дом и флигеля соединялись белокаменными колоннадами. Д. Тромбаро построил «каменные террасы из дикого камня», образовавшие высокий ступенчатый пьедестал, на верхней площадке которого шло строительство дворца. У дворца на террасах и в парке были установлены скульптуры. Кроме них парк был украшен различными трельяжами, ротондами, павильонами. У берегового склона с юга парк был завершен двумя симметричными зданиями оранжерей (лавровой и лимонной). Около них при



Оранжерейный флигель и вид южной части регулярного парка. Акварель 1786 г.

Вид Архангельского с юга. Худ. П. Свиньин. 1824 г.

входе в парк были сооружены «Римские руинные ворота», над оврагом — 2-этажный служебный флигель. У Горятинского пруда были появились многочисленные хозяйственные постройки и оранжереи (персиковые, виноградные, ананасовые). Многие мастера участвовали в работе, но всех связывало единство замысла и художественное мировоззрение заказчика. Н.А. Голицын создал грандиозный неповторимый дворцово-парковый ансамбль, где в удивительной гармонии находились прекрасная архитектура, парк и окружающая природа, составлявшие единую высокохудожественную композицию. В дальнейшем ансамбль только дополнялся и прорабатывался в частях и деталях.

С 1810-1831 гг. новый блестящий владелец усадьбы князь Н.Б. Юсупов завершил замысел Н.А. Голицына. В этот период усадьба получила значение художественного центра. Князь Н.Б. Юсупов собрал первоклассные произведения живописи и скульптуры, большую коллекцию фарфора и бронзы, редких камней. В доме была создана обширная библиотека. Юсупов добился того, что весь усадебный комплекс Архангельского стал синтезом архитектуры, скульптуры, живописи и природы. В 1817-1818 гг. западнее регулярного парка по проектам О.И. Бове и П. Гонзаго под руководством Е.А. Тюрина, В.Я. Стрижакова, С.П. Мельникова был построен театр, славу которому принесли декорации известного итальянского мастера Пьетро Гонзага. В 1819 г. Е.А. Тюриным был построен храм-памятник Екатерине II.

В начале XIX в. в Архангельском под влиянием Павловского парка создаются участки пейзажного парка. Живописные рощи как бы веером окружили основное ядро усадьбы. Так, к западу примыкали: Горятинская роща с театром и беседками, Аполл-

лонова роща с круглой площадкой в центре, от которой расходилось 8 аллей, на площадке стояла статуя Аполлона. С севера примыкала роща «Быкуша», Прусская и Малиновая. С юго-востока — Архангельская роща со зверинцем, в котором содержались 3 верблюда, ламы, английские и мериносные бараны, овцы и тибетские козлы. Часть этой рощи называлась «Магометовым лесом» с павильоном «Мекка». Продолжением Архангельской рощи называлась Захарковская роща. С севера к Москве-реке примыкал Архангельский луг, а с юга — Лохинский луг с Лохинской рощей.

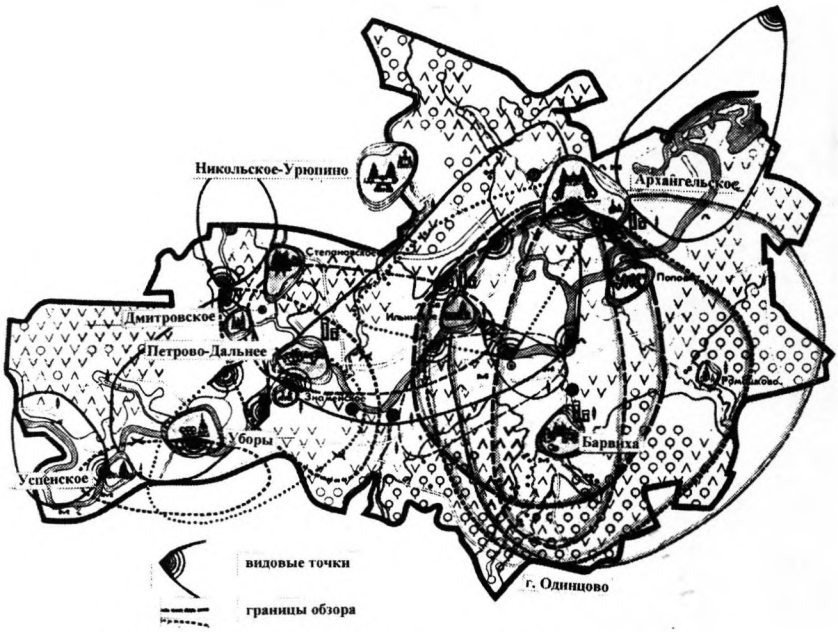
Окончательное завершение ансамбль получил после перестройки архитектором В.Г. Дрегаловым парковых террас в конце 1820-х годов и строительства двух круглых белокаменных беседок на холмиках у подпорной стенки нижней террасы. Ансамбль стал одним из лучших произведений садово-паркового искусства России конца XVIII — начала XIX века, прочно связанным с русской природой. А.С. Пушкин, бывавший в Архангельском, писал. в «Послании к вельможе»:

«Ступив за твой порог,
Я вдруг переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры и картины,
И стройные сады свидетельствуют мне...»

Дворцово-парковый ансамбль Архангельского имеет четкую осевую глубинную и симметричную композицию. Главная композиционная ось проходит перпендикулярно Москве-реке через весь усадебный комплекс. Подъездная аллея, являющаяся началом главной оси, подводит к замкнутому прямоугольному парадному двору, далее она проходит через парадный зал дворца. Регулярный парк, закрепляющий главную композиционную ось, спускается тремя террасами от паркового фасада дворца к Москве-реке. Зеленый партер нижней террасы, лежащий по главной оси, является важной частью в общей композиции парка и связывает его с ландшафтом долины Москвы-реки. По краям зеленого партера расположены регулярные липовые боскеты. Два здания оранжерей, замыкающие регулярные липовые боскеты, балюстрада, ограничившая нижнюю террасу, сходы к пойме Москы-реки, а также две беседки-миловиды, фланкирующие подпорную стенку нижней террасы, завершают всю композицию.

Въездные ворота. Фото автора.

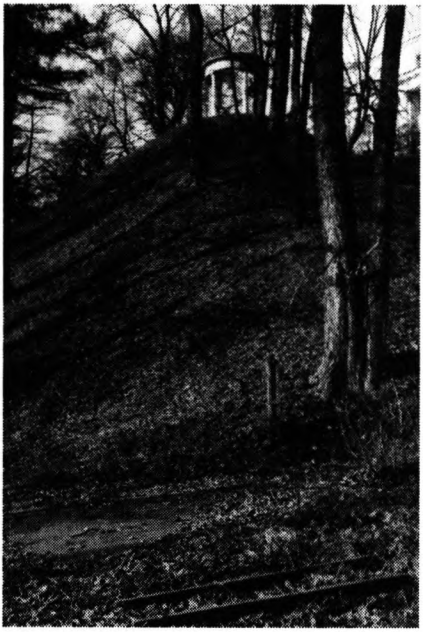
Зрительным продолжением главной оси дворцово-паркового ансамбля является Лохин остров с лугами и рощами и живописными замоскворецкими далями глубиной до 12 км.



Визуально-пространственный анализ особо охраняемой территории «Верхняя Москва-река». 1981 г. Автор И.К. Бахтина

Лохин остров также является структурной частью композиции дворцово-паркового ансамбля. Это один из важнейших элементов, формирующих визуальную структуру ансамбля с момента его образования. Лохинский луг в картинах XIX в. изображен как неотъемлемая часть целостного ансамбля. На территории Лохина острова сохранился ценный природный комплекс, в том числе луга, характерные для поймы Москвы-реки, теперь уже полностью распаханной в других местах. Особую ценность природного комплекса на острове составляют лесные формации. Они представлены тремя зональными комплексами: южно-таежным, хвойно-широколиственным и широколиственным, и представляют болшой интерес как пионеры соответствующего зонального образования, не имеют аналогов в других районах долины Москвы-реки. Среди них находится уникальный остаток пойменных дубрав, исчезнувших на всем протяжении долины. Все эти факты говорят о большой природоохранной ценности этой территории, поэтому она в системе особо охраняемых природной территории «Верхняя Москва-река» отнесена к зоне с заповедным режимом (1981 г.).

Визуально-пространственные взаимосвязи усадебного ансамбля с природным ландшафтом являются важнейшей особенностью Архангельского. В проекте проведен анализ визуально-пространственной взаимосвязи дворцово-паркового ансамбля с окружающим природным ландшафтом. По главной оси ансамбля — из главного зала дворца и из бельведера, с верхней террасы дворца открывается необычайно красивая панорама: террасы, украшенные ажурной балюстрадой с многочисленными белокаменными скуль-



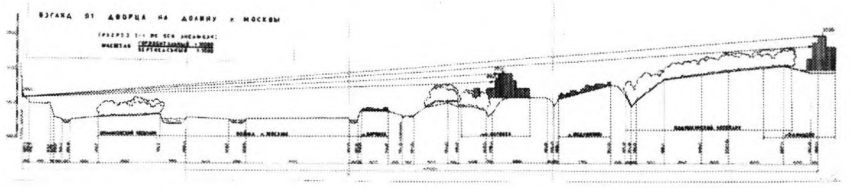
Беседка-миловида. Фото автора.

птурами, спускаются к огромному прямоугольному зеленому партеру, который связывает парк с уходящими к горизонту заливными лугами и лесами на другом берегу Москвы-реки. Живописные рощи и луга Лохина острова и широкая многоплановая панорама замоскворецких далей глубиной 10-12 км являются уникальной и неотъемлемой частью дворцово-паркового ансамбля «Архангельское». С береговой площадки, также по главной оси, хорошо видны живописные рощи и луга Лохина острова, а в направлении пос. Усово открывается панорама долины Москвы-реки глубиной до 9 км.

Из двух круглых беседок, симметрично поставленных на холмиках за оранжереями, также открываются удивительные по красоте дали. А.И. Герцен так описывал эту панораму:... «поля, леса, синяя даль — природа именно этой далью, этой безграничностью приводит в восторг...». От церкви Михаила Архангела, через вековые стволы сосен открывается историческая панорама на луга в долине Москвы-реки, Лохинский луг, Лохинскую рощу, панорама долины Москвы-реки до пос. Ильинское.

Дворцово-парковый ансамбль Архангельского рассчитан на дальние точки восприятия, прежде всего, с южной стороны, с поймы Москвы-реки. Например, со стороны Лохина острова все сливается в единый архитектурно-ландшафтный ансамбль. Именно отсюда открывается самый красивый вид на дворцовый комплекс Архангельского, создается самое полное впечатление от ансамбля. Перспективу зеленого партера и террас с парапетами и скульптурой венчает стоящий как бы на пьедестале дворец. Скромное и изящное по архитектуре здание кажется действительно роскошным дворцом на этом пьедестале. С других сторон — востока, севера, запада — Архангельское воспринимается «обычно» — ряды лип, кое-где выше лип — бельведер дома, колокольня церкви. Местами среди деревьев просвечивают постройки с белыми колоннами.

В проекте даны предложения по установлению границ территории памятника и его зон охраны, функциональному зонированию всей рассматриваемой территории и предложения по режиму охраны и использованию. Для сохранения уникальной исторической панорамы в будущем очень внимательно проработаны зоны регулирования застройки. В проекте предложено ввести режим регулирования застройки для относительно «отдаленных» населенных пунктов — г. Одинцова, пос. Барвиха, Ильинское, Рублево, деревень, попадающих в историческую панораму. Для населенных пунктов с существующей или перспек-



Взгляд из дворца на долину Москвы-реки. Схема автора.

тивной капитальной многоэтажной застройкой, расположенной в зоне видимости с территории памятника, произведены расчеты по определению максимально возможной высоты зданий и сооружений, которые могут быть построены без нарушения исторической панорамы. Это прежде всего касается г. Одинцово, пос. Барвиха, п. Рублево и др. Предложенные проектом границы и режимы территории памятника и его зон охраны обеспечивают сохранение уникального дворцово-паркового комплекса как целостного ансамбля, имеющего мировое значение. Кроме того, на основе данного проекта предусматривалось обращение в Правительство Российской Федерации с предложением о придании музею-усадьбе «Архангельское» статуса историко-культурного заповедника .

30 мая 2001 г. вышло постановление Правительства Московской области № 156/18 «Об утверждении границ территории и зон охраны памятника истории и культуры — ансамбля усадьбы «Архангельское» Красногорского района», подготовленного мастерской «Экоград-наследие» институтом Гипрогор в 1997 г. И хотя проект НИиПИ Генплана г. Москвы был высоко оценен и одобрен экспертами — членами Научно-методического совета Комитета по культуре и туризму (Б.С. Маркус — 1994 г., В.Н. Выборный — 1995 г.), в постановлении были изменены некоторые границы:

— территория «Лохина острова» только наполовину вошла в территорию памятника, что отрицательно отразится на состоянии всего памятника, так как если какие-то негативные изменения коснутся части острова, не вошедшей в территорию памятника, то погибнет и весь остров, так как это единый Природный комплекс;

— в зону регулирования застройки не попали объекты, которые при их неконтролируемой высоте могут разрушить уникальную истори-ческую панораму. Разрушение уже началось. Это касается прежде всего г. Одинцово, пос. Барвиха и др.;

— Захарковская роща полностью отдана под застройку;

— не поддержаны предложения по созданию историко-культурного заповедника «Архангельское».

Учитывая настроения современного общества, его потребительское отношение к природному и историко-культурному наследию, при котором уникальные леса «Верхней Москвы-реки» цинично переводятся из лесного фонда в нелесной и застраиваются «высотными» коттеджами (особенно в этом преуспел Одинцовский район), мы теряем наши леса, скоро исчезнет историческая природная панорама Архангельского и, соответственно, будет разрушено так долго создававшееся и сохранявшееся единство дворцово-паркового ансамбля с природным ландшафтом.

О.А. Борсук, В.В. Грищенко

РЕЛЬЕФ В ПЛАНИРОВКЕ РУССКИХ УСАДЕБ

Русская усадьба поражает путника не только архитектурно-планировочными решениями, удивительной встроенностью в природу, но и видами, открывающимися из окон хозяйского дома и при прогулках по аллеям парка. Известно, что рельеф-скелет ландшафта. Поэтому при изучении обустройства человека в рельефе главное внимание обращается на его особенности. Рельеф нередко предопределяет композиционные основы усадебно-паркового комплекса, общий характер зрительных впечатлений, функциональную структуру создаваемого культурного ландшафта. Формы рельефа и история его развития обусловливали расположение водотоков и водоемов, как естественных, так и искусственных, вновь созданных, организацию растительного покрова.

Ведущая роль рельефа в создании всего усадебного комплекса определяется его большей, в сравнении с другими компонентами ландшафта, стабильностью во времени и пространстве, его влиянием на микроклимат территории. Крупные и средние по масштабам формы рельефа, как правило, не изменялись, хотя в ряде случаев мезоформы рельефа подвергались изменению, надстраивались, либо нивелировались. Широко и весьма умело использовались открытые и закрытые формы рельефа, видовые точки геоморфологического ландшафта, а наряду с ними — замкнутые и полузамкнутые формы рельефа — котловины, овражные и балочные понижения, и т. п. Мелкие формы рельефа, а иногда наноформы, искусственно видоизменялись. Целью видоизменения было придание земной поверхности насколько возможно большего эстетического интереса и живописности.

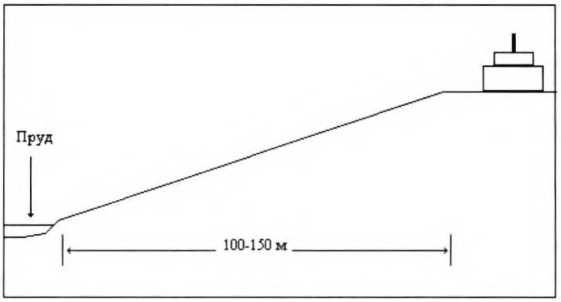
Растительность так же создавала разнообразные «зелёные рельефы», обладающие теми же чертами, что и собственно рельеф — размерами, формами, силуэтом. Недаром часто используется для её характеристики в садово-парковых описаниях словосочетание «зелёный рельеф». «Зеркала» усадебно-парковых творений — естественные и искусственные водоемы, в которые «смотрится» рельеф.

Природоведа привлекают садово-парковые ансамбли усадеб огромным разнообразием культурных ландшафтов, создаваемых, в общем-то, ограниченным числом приемов, умением встраивать искусственно созданный ландшафт в природное обрамление. Единство рукотворных ландшафтов и окружающей природы может быть выражено словами Д. С. Лихачёва: «Русский человек — пейзажный человек». Ему же принадлежит высказывание: «Русская усадьба — ворота в природу».

Структура усадебных комплексов и рельеф

Усадебные комплексы можно поделить на два компонента — архитектурные ансамбли и парковые комплексы. В свою очередь, сами усадьбы с их архитек-

турными ансамблями можно поделить на две группы: а) расположенные на надпойменных террасах, на излучинах крупных рек, на коренных склонах; б) расположенные на плоском рельефе зандровых равнин, ложбин стока талых ледниковых вод и т. п., комплексах форм рельефа.



Продольный профиль правого склона борта долины р. Горетовка в усадьбе Середниково

К усадьбам первой группы можно отнести, например такие усадьбы, как Архангельское, Дубровицы, Кунцево. Усадьбы второй группы включают в себя те усадьбы, в которых были произведены какие-либо работы по изменению рельефа, гидросети в крупном масштабе. Естественно, что в них архитектурные ансамбли, скорее, подчиняют себе рельеф, нежели подчиняются рельефу, как в усадьбах первой группы. Такие усадьбы бедны естественным рельефом, но богаты искусственным. Причем искусственный рельеф создавался в них настолько искусно и кропотливо, что порой его сложно отличить от настоящего. Отличным примером искусственной переработки рельефа может служить усадьба Алмазово.

Можно выделить и различные переходные типы усадеб со смешанным рельефом, с искусственным и естественным. Такие усадьбы обычно располагаются на надпойменных террасах малых рек, и основные элементы архитектурного ансамбля обычно встроены в рельеф террас. Это и есть использование естественного рельефа. Пойма малых рек в пределах таких усадеб бывает запружена, представляя собой крупный водоем, использовавшийся в хозяйственных и эстетических целях. Это уже искусственный рельеф. К нему можно отнести и запруживание оврагов, постройку каскадных и копаных прудов и прочие затеи. Усадьбы со смешанным рельефом имеют наибольшее распространение в Московской области. Это Суханово, Середниково, Горенки, Пехра-Яковлевское и многие другие.

Второй важный элемент усадьбы — ее парковый комплекс. В каждой усадьбе парковый комплекс сам по себе уникален и оригинален. Различные архитектурные решения всегда находятся в гармонии с парком. Однако, несмотря на уникальность и самобытность каждого паркового комплекса, можно найти общие закономерности их создания и приемов использования различных форм рельефа во взаимосвязи с растительностью. В классических усадьбах парк обычно разбивался на надпойменных террасах, вместе с архитектурным ансамблем. Тем самым создавалась некоторая ярусность растительности и построек, что также использовалось в основном в эстетических целях. Важным отличием таких парков служит параллельное и перпендикулярное расположение аллей, их ортогональность относительно главной оси архитектурного ансамбля. В усадьбах с искусственным рельефом парк разбивался по-разному, в зависимости от различных искусственных и естественных форм и от эстетических взглядов пла-

нировщиков. В усадьбах со смешанным рельефом парк разбивался в двух основных направлениях. Во-первых, это область распространения надпойменных террас, как в усадьбах с естественным рельефом, а во-вторых, это окраинные, тыловые области, которые также, порой, использовались как парк. Для усадеб со смешанным рельефом, характерно в основном радиальное расположение аллей относительно главной оси.

Можно выделить основные типы аллей в парковых комплексах. Как уже было сказано выше это перпендикулярные главной оси, параллельные и радиальные. Однако это разделение основано лишь на геометрическом положении. Намного полезнее выделять бровочные аллеи, террасовые аллеи, аллеи по днищам оврагов, и смешанные аллеи, чтобы сразу было ясно, к каким элементам рельефа привязана та или иная аллея, и в целом чётко проявлялась композиционная картина парка.

Ещё один элемент усадебных комплексов — искусственные формы рельефа, которые являются очень хорошим дополнением к естественным. Искусственные формы рельефа сами по себе занимают важное место в любых усадьбах, так как они создают именно то, что мы любим называть последним штрихом, последней точкой. Для усадеб со скудными естественными формами характерно большее количество искусственных. Однако, какая-нибудь искусственная форма находит свое отображение почти в каждой усадьбе, будь то пруд, канал, холм и т.д. Разница в масштабе, размахе и количестве форм на территории усадебного комплекса.

Наиболее часто используемыми формами в усадьбах являются искусственные водоемы, создававшиеся различными путями. Чаще всего путем подпруживания малых рек (крупные водоемы) и с помощью копаней (малые водоемы). Также часто подруживались овраги на территории усадьбы. Иногда таким путем создавалась сеть каскадных прудов (Суханово, Молоди). Особое место занимают искусственные каналы, нередко имевшие особые эстетические функции и вносившие оригинальность в композицию усадьбы.

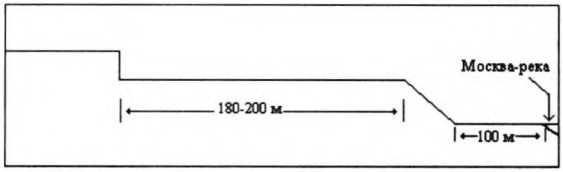
Наконец, стоит назвать и достаточно редко встречающиеся насыпные холмы, наделенные чисто эстетическими функциями в условиях скудного естественного рельефа. Такие формы применялись, в основном, в усадьбах с искусственным рельефом. Обычно создавались холмы небольшой высоты 5-10 метров.

Архитектурные ансамбли в рельефе

Архитектурные ансамбли русских усадеб никогда не повторяют друг друга, каждая усадьба всегда уникальна и оригинальна, несмотря на типологическую схожесть с остальными. Каждый ансамбль обычно имеет какие-то характерные особенности в строении и расположении. К ним относятся — гармоничное вписывание в природу, особенный, самобытный для каждой рельефной ситуации характер построек (вне зависимости от стиля, будь то классицизм или барокко), традиционная малоэтажность строений (максимум 3-4 этажа), обуславливающие их восприятие в гармонии с окружающей средой.

Усадебные сооружения делятся на: 1. Жилые (главное здание, флигеля, домики для гостей и пр.); 2. Хозяйственные (скотный и конный дворы, фабрики и др.); 3. Духовные (церкви); 4. Культурно-эстетические (обелиски, колонны, фонтаны, скульптуры и пр.). Постройки первой группы, как правило, за исключением главного здания, были небольшими и незаметными, поскольку располагались обычно в парковой зоне или на границе усадьбы (флигеля охраны и челяди). Местоположение главного здания обычно было точно и гар-

монично определено в рельефе, что предопределяло и расположение остальных построек.



Продольный профиль террас Москвы-реки в усадьбе Архангельское

Постройки второй группы строились обычно в другой части усадебного комплекса или позади главного здания, не перегружая восприятие человека и соответствуя своему хозяйственному назначению. Поскольку занимаемая ими площадь обычно больше, чем площадь под главным зданием, то естественно вписать их в долинный, террасовый или крутосклонный рельеф не представлялось возможным; это было бы явно не рационально.

Постройкам третьей группы доставались самые лучшие видовые точки в усадьбе. Храмы были видны за несколько километров до усадьбы, и обычно венчали своими силуэтами лесные дали. Такие постройки способствовали в усадебных комплексах духовной гармонии с окружающим миром.

Наконец, постройки четвертой группы создавали эстетику внутри самой усадьбы, нередко сочетаясь с различными видами растительности, что придавало всей композиции особенное великолепие. Фонтаны и скульптуры, обелиски и памятники, колонны в честь приезда высоких персон, — все это придавало парковому комплексу усадьбы художественное разнообразие, а для архитектурного ансамбля являлось завершающим штрихом.

Парковые комплексы

Вторая составляющая часть усадьбы — её парковый комплекс, в который входят, как и естественные, так и искусственно созданные, или интродуцированные южные виды растительности. Как правило, парки разбивались вблизи построек усадьбы и далее часто доходили до их границ. Парковый комплекс, как и архитектурные ансамбли, также нередко подчинялся рельефу. Аллеи по бровкам террас, прекрасные газоны на их поверхности, запруженная пойма, искусственные острова, каналы, оранжереи вдоль и поперек террас — все это и многое другое являлось составляющей частью парковых комплексов. Небольшие постройки в парковых комплексах, например, различные мосты через овраги, гроты, скульптуры всегда украшали собой парк, а их вписанность в рельеф дополняла восприятие естественной природы.

Парки, также как и архитектурные ансамбли, можно разделить на несколько групп: 1. Пойменные; 2. Террасовые; 3. Водораздельные.

В принципе, на поймах рек архитекторы и планировщики редко разбивали парк . Типичным примером подобного паркового комплекса является затопленная пойма, хотя изредка встречаются усадьбы с пойменным парком (Кунцево), но там незапруженность обуславливает обычно ширина реки и крутой склон, то есть отсутствие террас. Парки первой группы представляли обычно обширный водоем, который является, как правило, запруженной поймой, иногда с искусственными островами. Если усадьба находилась в излучине довольно крупной реки, в пойме иногда выкапывался пруд, а из выбранной зем-

ли строилось подобие прируслового вала. Вода в такой пруд запускалась, по-видимому, в половодье с нижнего крыла излучины, а уровень её регулировался искусственно. Такой пруд представлял собой местный базис эрозии реки (Петрово-Дальнее).

Парки второй группы больше всего распространены в классических усадьбах, в долинах рек. Благодаря различным террасовым уровням берегов создавалась парковая этажность. Парковые комплексы этой группы более разнообразны, чем остальные, поскольку различие в высотах давало возможность архитекторам применить лестницы, балюстрады и пр., а если террасы прорезал еще и овраг, то непременно появлялась сеть каскадных прудов.

Водораздельные парковые комплексы присутствуют практически во всех усадьбах. Однако наибольшее распространение они получили в усадьбах с искусственным рельефом, где скудность естественных форм обусловлена самим водораздельным положением усадьбы. Именно там водораздельные парки предстают во всей своей красе и, порой, по числу планировочных приемов даже превосходят террасные. Искусственный рельеф — основа композиции таких усадеб. Для обогащения рельефа создавались рылись каналы, пруды, а из копаного материала создавались насыпные холмы и острова. Разнообразие искусственных форм, в целом, создавало достаточно интересную рельефную картину и не нарушало природу. В заключение хотелось бы отметить, что названные группы парковых комплексов нередко переходят одна в другую, и в совокупности создают общую композицию. Однако их разделение важно и в данном случае, поскольку оно показывает составные части целого.

В качестве примеров первой группы усадеб рассматриваются Петрово-Дальнее, Дубровицы и Алмазово.

Петрово-Дальнее. Усадьба расположена на левом берегу Москвы-реки, в месте слияния ее с Истрой, недалеко от Архангельского. В настоящее время она находится в запустении. Сохранилось главное здание и несколько флигелей и хозяйственных построек. Храм Пресвятой Богородицы, построенный в 1884-1886 гг., разрушен в 1938 г.

Усадебный парк изобилует аллеями, параллельными бровкам террас, пересекающимися с перпендикулярными бровкам. Главное здание стоит на высокой террасе. Изюминкой усадебного рельефа является пруд, выкопанный на поверхности высокой поймы, ныне сохранивший лишь свои очертания, но некогда бывший великолепным инженерным сооружением. Копаный материал из него пошел на создание мощных, обрамляющих мего валов, по которым были пущены аллеи). С двух сторон перпендикулярно реке, были построены мосты-шлюзы с затворами (об этом сейчас напоминают лишь петли на одном из мостов). На коренном склоне было создано две террасы, по которым шли аллеи. Пруд имел правильные прямоугольной очертания со сглаженными углами. Поскольку сама усадьба была построена у реки, пруд, видимо, заполнялся в половодье, когда вода из нижнего крыла речной излучины поступала на пойму по специальному углубленному каналу. В принципе, можно сказать, что данный пруд являлся неким подобием водохранилища, местным базисом эрозии. Днище пруда состояло также из нескольких террасовых уровней, что говорит не только о его эстетической функции, но и гидрологической.

Как уже говорилось, усадьба расположена на излучине Москвы-реки, но не на вогнутой относительно усадьбы, а на выпуклой, где и был устроен пруд. Парк усадьбы разбит как на пойме, так и на высокой террасе, занимая значительную ее площадь. Отличие состоит лишь в том, что на высокой террасе многочисленные аллеи лишь частично по мостикам переходят через овраг, идущий к пруду. Эти мостики на редкость гармонично вписаны в рельефную ситуацию и дополняют её. Следует отметить, что дорога к усадьбе представляла собой неплохо сохранившуюся длинную аллею. Вызывает интерес и расположение пруда в усадьбе — основной сток в него направлялся потоками с водораздела, вследствие чего вода в пруду поддерживается на одном и том же уровне достаточно длительное время.

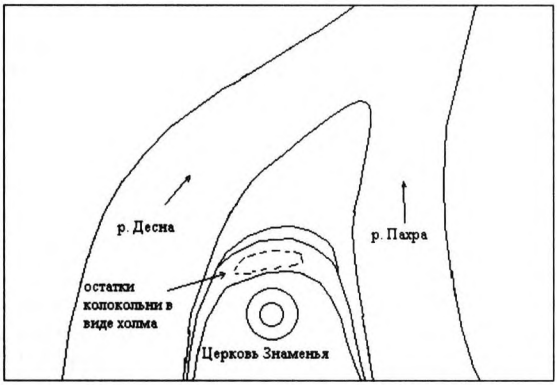
В принципе, данная усадьба является и неплохим образцом усадеб со смешанным рельефом. Сейчас она принадлежит частному владельцу, который занимается ее частичным восстановлением, что дает некоторые надежды на ее будущее.

Дубровицы. Усадьба расположена у слияния Десны и Пахры, на коренных породах, представленных известняками. Узкая долина реки Пахры в месте слияния с Десной образуют небольшую серповидную пойму. Над поймой на высоте около 15 м над урезом обнаруживается террасовидная поверхность, на которой располагалась раньше колокольня усадебной церкви (она была взорвана, ее остатки напоминают большой курган).

Несмотря на то, что усадьба находиться в заселенном районе, в ней еще можно уловить связь с рельефом, хотя большое влияние города сделало малоперспективным более подробное ее изучение. Главное здание построено было в самом обзорном для него месте. Вниз от главного здания шли дорожки, идущие по поверхностям 1 и 2 НПТ к конюшне, находящейся на 1 НПТ. Справа от усадьбы был разбит парк, однако в настоящий момент от него остались лишь ворота и часть забора.

Церковь и усадьба располагались на максимально высоком подъеме коренных пород. В этой усадьбе самым интересным объектом является церковь. Высота ее 46 м, над урезом она возвышается приблизительно на 25 м, в совокупности ее возвышение составляет 71 м. Именно этот высотный диапазон является самым оптимальным для данной формы рельефа. Если смотреть на церковь из понижений в ландшафте, то ее верхняя часть, крест и окружающая растительность венчают рельеф вокруг усадьбы. Создается впечатление, что крест является вершиной несуществующего холма, вздымающегося над всей округой. Именно определенный интервал высот создает такую гармоническую ситуацию. Ведь если взять высоты метров на 30 выше,это создаст дисгармонию, а если ниже, то никто вообще ничего не увидит. В общем, церковь в виде ступенчато сужающейся башни очень удачно, можно даже сказать, идеально вписана в рельеф, причем идеальность ее заключена и в самой ее форме.

Алмазово рассматривается в качестве примера второй группы усадеб. Она расположена в ложбине стока талых ледниковых вод, что обуславливает скудность ландшафта, бедность видовых точек, скучность и однообразие. Однако именно из-за своей скудности рельеф был дополнен человеком. Здесь большинство форм рельефа являются антропогенными. Самая интересная форма с этой точки зрения — канал — главная ком-



Плановый рисунок места слияния р. Пахры и р. Десны в усадьбе Дубровицы

позиционная ось всего архитектурного ансамбля и парка. Начинается он с небольшого копаного пруда у насыпного холма «Сион», и простирается на 700 метров до системы прудов завершающей собой искусственный ландшафт. При строительстве канала выкопанный материал пошел на построение на правом борту дорожек и аллеи, которые протянулись на всю его длину. Таким же образом был насыпан и холм «Сион», высотой в 10-12 метров, длиной в 60-70 и шириной 18-20, после чего ему были приданы формы и очертания соответствующие его библейскому аналогу, но в ином масштабе. Приблизительно на середине канала был создан небольшой остров в форме шестиугольника, шириной в 35-40 метров. Это решение разнообразило и украсило окружающий ландшафт.

Пруды в этой усадьбе несли в основном пейзажную функцию, они представляют собой несколько водоемов, связанных небольшими каналами и создающих впечатление единого естественного водоема. Архитекторы и планировщики искусственно повышали уровень водоемов, чтобы там могли проходить небольшие лодки. Это конечно незаметно, когда перепады высот в усадьбе достигают 20-25 метров, но когда, как в нашем случае 3-4 м, повышение на 80 см-1 м существенно и может привести к однообразию и скучности форм.

Все здания усадебного комплекса, ориентированы вдоль канала. Здания не просели и стоят на том же уровне, что и при постройке. Характерной особенностью усадьбы является ее расположение в относительно бедном с точки зрения разнообразия ландшафте, который был превращен умелыми действиями зодчих в живописный уголок в глуши хвойных лесах к востоку от Москвы.

В общем, богатейший природный мир русской усадьбы еще предстоит глубоко и скрупулезно изучать. Очень разнообразные архитектурно-планировочные решения усадеб никогда не бывают созданы во вред природе. Изучение усадеб несет и практическое значение. Этот опыт может быть использован для создания некоторых концепций в эстетической и инженерной геоморфологии, архитектуре, геохимии и ландшафтоведении. Он поможет минимизировать затраты на строительство, а используя естественные природные комплексы, создавать экологически чистые структуры. Причем, все построения будут дополнять природу, а не дополняться природой. Обилие усадеб на различных рельефах, в различных комплексах, в различных ландшафтах может показать большое количество способов и вариантов одного и того же архитектурного или ландшафтного приема. Также усадьбы могут быть использованы в рекреационно-туристических целях.

Д.Н. Замятин

РУССКАЯ УСАДЬБА: ЛАНДШАФТ И ОБРАЗ*

Ландшафты благостные, скорбные ландшафты.
Ландшафты странствующей жизни скорее, чем поверхности Земли.
Ландшафты Времени, текущего лениво, почти без сдвигов и даже будто вспять.
Ландшафты рубищ, нервозной рвани, «саудад»[1].
Ландшафты — как бинты на раны, сталь, вспышку, страх, эпоху, на шее петлю,
мобилизационный сбор.
Ландшафты — покрывая крик.
Ландшафты — как на голову тянут одеяло.
Анри Мишо. Ландшафты. (Пер. Вадима Козового)

Русская усадьба и культурный ландшафт. Русская усадьба — пример серьезной «культурной любви», если так можно выразиться, со стороны многих гуманитарных и, частично, естественных наук (прежде всего географии)[2]. Судьба и история русской усадьбы интересует также многих деятелей культуры, писателей и поэтов, художников, режиссеров, архитекторов. Широкое изучение русской усадьбы, зародившееся в начале XX века, основывалось первоначально на каталогизации и описании непосредственно сохранившихся ландшафтно-архитектурных комплексов. Хотя эта задача и до сих пор остается одной из важнейших, наряду с ней постепенно возникает другая, не менее важная задача — описания, характеристики и интерпретации различных образов русской усадьбы — прежде всего в культуре. Надо отметить, что, по сути, эти две обобщенные задачи тесно взаимосвязаны, поскольку образы каких-либо культурных явлений или реальностей, безусловно, влияют на парадигмы и процедуры культурно-ландшафтных описаний. В то же время, подробные обмеры и характеристики конкретных усадебных территорий как бы «зацепляют» воображение

* *Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант 03-06-80168)*

(engaging imagination), заставляют его работать в разных контекстах и режимах восприятия культурного ландшафта усадьбы.

Тема географических образов русской усадьбы — очень «благодарная» тема, ибо здесь мы наблюдаем практически уже готовые к возможным образно-географическим интерпретациям культурные ландшафты[3]. Вскормленный прежде всего образом пассеизма, навсегда «уходящей натуры», культурный ландшафт русской усадьбы производил, создавал фактически готовые слепки, формы, фреймы восприятия места — места на границе высокой и низкой, элитарной и массовой (народной) культур, городского и сельского ландшафтов. Ведущий образ-архетип в данном случае — это чистая, «дистиллированная» культура, обладающая идеалом чистой, «незамутненной» природы и пасторального пейзажа. Надо, конечно, отдавать себе отчет в том, что такой образ вполне сознательно культивировался, взращивался, обихаживался в русской культуре в течение XIX — начала XX века. Вне зависимости от того, насколько он соответствовал действительности (ведь чаще всего реальность — образная конвенция, образное соглашение между наиболее влиятельными социокультурными группами, личностями, творящими и распределяющими в обществе наиболее «сильные» образы и символы), этот образ-архетип русской усадьбы стал «корневым», возможно, онтологическим, для целого кластера интерпретаций русской усадьбы и ее ландшафтных производных.

Рассматривая русскую усадьбу как один из типичных, и, в то же время, один из наиболее оригинальных и значимых культурных ландшафтов России, мы должны более подробно разобрать проблематику культурного ландшафта в образно-географической трактовке, определить понятие географического образа культурного ландшафта, выявить основные стратегии классификации данных образов и в этом контексте исследовать специфику географических образов русской усадьбы.

Культурные ландшафты — «лакомый кусок» для многих гуманитарных дисциплин. Воспринимаемые в определенных географических координатах конкретные культурные ландшафты приобретают, тем не менее, ряд характеристик, не сводимых к их местоположению. Образная «иррадиация», свойственная самому понятию культурного ландшафта, способствует расширению круга возможных интерпретаций. Любая культура занимается размещением и осмыслением занятого ей буквально земного пространство; реальное пространство преобразуется посредством наращивания последовательных, иногда одновременных «слоев» культурных ландшафтов, являющих это пространство заинтересованному наблюдателю и/или участнику ландшафтных событий. Жизнь культурного ландшафта состоит из взаимодействий, столкновений, борьбы, притяжения различных образов, значительная (часто большая) часть которых может быть названа географическими образами.

Прежде, чем определить, что такое географические образы культурных ландшафтов (далее — ГОКЛ), рассмотрим само понятие культурных ландшафтов. Вот простейшее операциональное определение культурных ландшафтов с образно-географической точки зрения. Культурные ландшафты — это территории или пространства, воспринимаемые и наблюдаемые через «призму» культуры, социо-

культурных ценностей, знаков и символов[4]. Следовательно, культурные ландшафты, во многом, являются образогенными пространствами — пространствами, способствующими активному порождению и формированию географических образов. Сами по себе культурные ландшафты тесно связаны с эмоциональным, рациональным и концептуальным переживанием пространства.

Развитие культурного ландшафтоведения всегда было тесно связано со страноведением, прежде всего географическим. Во второй половине XIX века начинается довольно мощное содержательное и концептуальное развитие географического страноведения, которое стало во второй половине XIX — начале XX веков, по сути, ядром географической науки в целом[5]. В рамках географического страноведения использование географических образов стало более эффективным, при этом само понятие географического образа стало более определенным и структурированным. Описание и характеристика пейзажа в работах французской школы географии человека[6] — это, фактически, прямое выделение и структурирование географических образов местностей, регионов и стран. В контексте страноведческих работ данного периода понятие пейзажа или ландшафта является инвариантом географического образа, а сам географический образ становится непосредственным методологическим и теоретическим «инструментом» исследования в географической науке. Смысл пейзажного, равно образно-географического исследования заключается в выявлении и использовании наиболее ярких, запоминающихся черт, знаков, символов определенной местности, района и/или страны.

Теперь перейдем к определению географических образов культурных ландшафтов (ГОКЛ). Итак, ГОКЛ — это наиболее яркие, явные, характерные представления, знаки и символы каких-либо переживаемых в культуре и культурой территорий и пространств, формирующие активные, постоянно расширяющиеся в содержательных смыслах образно-географические системы. Иначе говоря, основополагающий признак ГОКЛ — стремление к постоянному, содержательному расширению и углублению смыслов переживаемого культурой пространства.

ГОКЛ являются наиболее пластичным, наиболее удобным полем для образных экспериментов и исследований в силу их сравнительной неоформленности, мягкости; плавности и известной неопределенности их границ. Реальный географический масштаб конкретных культурных ландшафтов всегда фиксируется лишь приблизительно, что позволяет осуществлять игру этих масштабов, соотнося любой ландшафт с целым «веером» его подобий. Именно известная фрактальность, или «зеркальность» культурных ландшафтов ведет к формированию неустойчивых зон образно-географических переходов, где несколько сходных, или близких ландшафтов создают как бы образный кластер, концентрирующий наиболее важные образы-архетипы.

Стратегии интерпретации географических образов культурных ландшафтов (ГОКЛ). Как возможны интерпретации определенных ГОКЛ? В первую очередь, отметим, что они возможны в рамках установления связей расширения, или связей контекста, с другими ГОКЛ. Географические образы определенного культурного ландшафта существуют и развиваются, как правило, именно в связи с

другими ГОКЛ; их уединенное, замкнутое, «оторванное» состояние невозможно. Роль интерпретации в данном случае заключается в выявлении, подчеркивании и развитии уже намеченных «вчерне», существующих латентных связей между географическими образами различных культурных ландшафтов.

Интерпретации ГОКЛ возможны и даже необходимы в случае создания или разработки, конструирования таких ГОКЛ, которые не существуют или пока не существуют в реальном, традиционном пространстве, и в то же время они представляют собой продукт проективной (проектной) художественной, философской или историософской мысли. Здесь можно выделить пример знаменитого города Солнца Томмазо Кампанеллы, да и, шире, все проекты идеальных городов мыслителей-утопистов, начиная с проекта Платона и заканчивая проектами французских социалистов-утопистов XIX века и архитекторов, градостроителей и писателей XX века[7]. Особо выделим проект города Солнца русского архитектора Ивана Леонидова[8].

Рассмотрим факторы интерпретации ГОКЛ. Первый из подобных факторов — это наличие или отсутствие целенаправленного, специфического концептуального контекста, который задает большинство или значительное количество параметров самой интерпретации. Данный фактор важен для ГОКЛ, формируемых в урбанизированных средах тоталитарного характера (слово «тоталитарный» толкуется нами расширительно, не только и не столько в политическом контексте). Хотя такие урбанизированные среды, действительно, формировались в тоталитарных обществах фашистской Германии и сталинского СССР° однако, они характерны, во многом, и для современных США. Для тоталитарных урбанизированных сред характерны постоянные повторы мощных архитектурно-средовых линий, создающие в итоге иллюзию самоповтора и самоуничтожения, исчезновения чувства аутентичности земного пространства.

Второй фактор интерпретации ГОКЛ формулируется как внутренняя энергетика рассматриваемых ГОКЛ, закладывающая фундамент и определяющая в основном пути возможной интерпретации. Таковы, на наш взгляд, географические образы русских классических дворянских, или помещичьих, усадеб. Эти образы задают, как правило, несколько основных направлений интерпретации, связанных с темами пассеизма русской дворянской культуры и ландшафтной организации господского парка или сада[10]. В последней теме важна проблематика незаметного или постепенного перехода сада в лесные массивы или обрабатываемые поля — шире — в какую-либо другую природную стихию (например, море или река) или в другой культурный ландшафт, имеющий иные принципы и формы организации[11].

Выделим по порядку следующие стратегии интерпретации ГОКЛ.

Первая стратегия опирается на стремление доказать однонаправленность ГОКЛ, их предрешенность, или предрасположенность к какой-либо одной образной конфигурации. Данная стратегия ориентирована на построение, расположение образов в одну логичную образную цепочку, в которой каждый последующий образ сцеплен с предыдущим, исходя из логики его развития. Такая стратегия часто используется для трактовки, или интерпретации ГОКЛ (пост)советского пространства, пространства бывшего СССР[12]. В подобной стратегии, если она принимается, крайне важно продумывать связи отдельных образов культурных ланд-

шафтов, а также процессы их взаимодействия. Например, памятник Ленину, как наиболее типичный образ практически всех городских поселений бывшего СССР, в рамках такой интерпретации должен каждый раз встраиваться, «всмысливаться» в ауру конкретного областного или районного центра.

Вторая возможная стратегия предполагает, как правило, постоянное расширение возможных для исследования семантических полей географических образов определенного культурного ландшафта. Данная стратегия ориентирована на поиск дополнительных знаков и символов, адекватно характеризующих изучаемые образы. Приведем пример ГОКЛ, связанных с проблемой изучения культурного и природного наследия. Так, ГОКЛ Русского Севера могут интерпретироваться и в контексте более общей проблемы семантической организации географического и/или сакрально-географического пространства, и в рамках более широкого понимания самой проблемы наследия[13]. В первом варианте переход к проблеме сакрально-географического пространства порождает встраивание ГОКЛ Русского Севера в более масштабные схемы-архетипы культурных ландшафтов космогонического происхождения. Во втором варианте наследие может осмысляться как достаточно креативный элемент социального и культурного пространства региона или страны, участвующий в формировании перспектив самого региона. Возможен также третий, синтетический вариант, когда природное и культурное наследие территории осмысляется как фундамент, основа для создания новых образных космогоний, в рамках которых привычные культурные ландшафты интерпретируются как элементы, или участники борьбы вечных стихий — суши и моря, земли и воды, земли и неба. В таком контексте процесс сакрализации ландшафта происходит естественно, путем его образного подъема на уровень наиболее масштабных космогонических архетипов.

Третья возможная стратегия — назовем ее сетевой стратегией — направлена на включение, или подключение отдельных географических образов рассматриваемого культурного ландшафта в другие, иногда содержательно и/или концептуально далекие, образно-географические системы. Цель такой стратегии — выявление неожиданных содержательных связей между системно различными образами. Например, схема сети станций Московского метрополитена, как образный элемент культурного ландшафта Москвы, может быть включена в образно-географическую систему или схему мира. Образы различных стран, регионов и континентов могут быть соотнесены со станциями метро; каждая станция может соответствовать какому-либо образу страны и/или региона. В данном случае может соблюдаться лишь общая ориентация по странам света, общая геотопология земного пространства[14]. Подобная интерпретация может выводить на вопросы и проблемы целенаправленного изменения архитектурного и средового оформления отдельных станций метро, или, в целом, городской среды отдельных районов Москвы.

На методологическом уровне можно сделать следующий вывод: ГОКЛ могут рассматриваться как база, фундамент для конструирования, или создания идеальных образцов и конструктивных элементов моделирования географических образов в целом. Культурные ландшафты по-своему «расправляются» с приро-

дой, сотворяя из нее ряд осмысленных в культуре и культурой ментальных концептов, которые, в свою очередь, служат удобными «кирпичиками» при разработке различных образно-географических схем, или систем. Иначе говоря, культура, равно цивилизация, работает как своего рода географическая «мельница», перемалывающая реальные признаки определенных территорий в сравнительно простой и понятный образный конструктор.

Классификации географических образов культурных ландшафтов. Первая классификация базируется на различении в самой культуре видов, жанров, типов культуры и искусства, в рамках которых наиболее сильно, мощно переживается определенный культурный ландшафт. Например, культурный ландшафт Петербурга наиболее сильно переживается через географические образы, порожденные и сформированные литературными произведениями (в основном XIX — начала XX века), затем уже графикой и живописью (причем здесь решающую роль сыграла графика и живопись «Мира искусства» в начале XX века[15]). Хотя следует признать, что изначально, в зачаточном виде эти образы были предопределены архитектурой и планировкой города на Неве, в свою очередь, зависевшими от природной обстановки, тем не менее, именно художественная литература способствовала «ядерным реакциям», приведшим к появлению ярких и специфических образов культурных ландшафтов Петербурга. Данная классификация может быть названа генетической, учитывающей культурное происхождение наиболее мощных образов. Следует также отметить, что на протяжении достаточно длительного исторического времени, одной или нескольких исторических эпох, доминирование одних ГОКЛ может сменяться господством других. Например, в ГОКЛ Петербурга к концу XX века значительную роль стали играть метафизические спекуляции на тему пространств северной столицы, а также образы художественной фотографии, фиксировавшей медленное угасание, разрушение исторической среды и в то же время отмечавшей знаки былого величия имперской столицы[16].

Обратимся ко второй классификации ГОКЛ. Она основывается на определении степени или размеров образной экспансии географических образов определенного культурного ландшафта. Здесь можно выделить ГОКЛ, обладающие наибольшими масштабами экспансии — другими словами, они постоянно транслируются теми или иными художественными или культурными способами, а также и средствами массовой информации. Таковы, например, ГОКЛ Нью-Йорка, транслируемые прежде всего визуальными способами — виды Бродвея, Гудзонова моста, Статуи Свободы, а до событий 11 сентября 2001 г. и башен Всемирного Торгового Центра (следует заметить, что разрушение этих башен в результате теракта привело к появлению фантомных образов этих башен, осмысляемых уже в рамках глобальных культурных ландшафтов). Эти ГОКЛ транслируются фактически повсеместно в границах современной ойкумены, в пространствах большинства мировых цивилизаций. Выделим далее ГОКЛ средней силы, или мощности, транслируемые достаточно эффективно в пределах, как правило, пространств региональных цивилизаций. Так, ГОКЛ Русского Севера воспринимаются преимущественно в рамках ГОКЛ всей России и российского культурного пространства[17]. И, наконец, выделим сравнительно локальные, не-

большие по силе воздействия и по распространению ГОКЛ, известные и воспринимаемые, как правило, в небольших культурных региональных и территориальных общностях. Например, таким, достаточно типовым образом, может быть сельская церковь, хорошо вписанная в местный природный ландшафт и ставшая культурной достопримечательностью какого-либо небольшого района.

Перейдем к третьей классификации ГОКЛ. Данная классификация основана на принципе соответствия/несоответствия географических образов определенному культурному ландшафту, который эти образы репрезентируют (представляют). В рамках такой классификации можно анализировать географические образы сельских (руральных, или пасторальных) и/или городских (урбанистических, техногенных) ландшафтов. «Квазиприродный» характер подобных ландшафтов позволяет оценивать степень соответствия предлагаемых в русле конкретной репрезентации символики и знаковых систем. Например, «квазиприродный» таежный ландшафт требует соответствующей ему символики — лесных видов, заброшенных охотничьих избушек и заимок, фиксирующих поэтику заброшенности, дикости и оторванности от «большого», цивилизованного мира.

Именно в данной классификации возникает проблема взаимодействия природной среды и соответствующих/не соответствующих ей образов культурных ландшафтов. Эта проблема коренится, в свою очередь, в концепции географического детерминизма, в которой культура жестко «вписывается» в природу, обретая поистине природные/климатические образные коды. Однако образное по преимуществу происхождение любых культурных ландшафтов диктует, тем не менее, постепенное наращивание когнитивной дистанции между первозданным, запечатлеваемым впервые пространством, и пространством, «пропитанным» знаками и символами одомашненных, доместицированных территорий[18]. Стоит более подробно остановиться на механизмах подобных трансформаций на примере географических образов русской усадьбы.

Генезис и особенности развития ГО русской усадьбы. Вполне очевидно, что географические образы русской усадьбы начинают формироваться в ту историческую эпоху, когда сама русская усадьба становится, в ее полных хозяйственно-культурном и идеологическом смыслах, явлением прошлого, в том числе, «прошлого» пространства. Будучи несомненными нервными окончаниями хозяйственной ткани страны до середины XIX века, усадьбы в своем большинстве не воспринимались современниками как нечто уникальное. Внутри русской культуры XVIII — первой половины XIX века эти ландшафтно-архитектурные комплексы были естественным выражением пространственно-временной ритмики жизни значительной части образованных и высших слоев общества, включая также и сезонную ритмику. Крестьянское и помещичье хозяйство центрировалось и организовывалось усадьбой. Распад культурных и хозяйственных устоев, как бы поддерживавших естественный и привычный быт усадьбы, привел во второй половине XIX века к резкому вычленению усадебных локусов из окружавших их пространств. Потеряв былое хозяйственное значение, став по преимуществу локальными культурными очагами, имевшими значение теперь уже для гораздо менее влиятельных слоев общества, усадьбы стали своего рода топографическими свидетельствами ушедшей на дно жизни. По существу,

если до отмены крепостного права, русские усадьбы могли рассматриваться как элементы опорного каркаса расселения и хозяйства, в то же время и культуры, то после этого эпохального события они постепенно превращались в региональные достопримечательности, интеллектуальные укрытия и «ринги» для идеологических схваток местной и столичной интеллигенции. Строго говоря, именно тогда и поэтому стали возникать собственно географические (или геокультурные) образы русской усадьбы; уже существовавшие и наработанные до того образы стали быстро географизироваться. Вполне «уморительный» или курьезный вид огромного большинства русских усадеб для европейских путешественников вроде маркиза Астольфа де Кюстина, символизировавший безумие антицизирующего и часто неуклюжего деревянного классицизма среди бесконечных снегов и постоянных пожаров, внезапно и в то же время закономерно стал одним из высоких образцов российского культурного ландшафта, средоточием ландшафтных идеалов вообще.

Генезис географических образов русской усадьбы непосредственно связан со слабо освоенным, чуждым, враждебным, огромным пространством, окружающим островки культуры и творчества, причем это творчество может питаться именно страхом и преклонением одновременно перед надвигающейся неизвестностью пространств «без истории», пространств «без Европы». Особенно ярко подобное восприятие проявляется в творчестве Андрея Белого. Писатель прожил в имении «Серебряный Колодезь» Тульской губернии, как он сам отмечает в «Записках чудака», с 1899 по 1906 год; многие его произведения («Симфонии», «Пепел», «Серебряный голубь», «Символизм») обязаны своим происхождением этому месту[19]. Описание старинного дома и окружающей его местности сопровождается у Белого острыми историософскими переживаниями, он пишет: «...я думал, что там, за канавой, кончалась история; стоило перепрыгнуть через крутую канаву и кануть во ржи, пробираясь по ней еле видною тропкою, — все затеряется — в золоте, в блеске и в хаосе этих бушующих волн; буду я — вне истории; буду я — вне пристанища, вне ежедневных занятий, без тела, охваченный шумами Вечности, и — вознесенный в невероятность безумно открытых сознаний, незнаемых ближними»[20]. Граница имения, усадьбы здесь, по существу, есть граница истории и не-истории, иначе — «фронтир», рубеж цивилизации и дикости.

Однако образно-географический смысл усадьбы проявляется в постоянном переходе ее границ, взгляде на усадьбу со стороны. Творческие взрывы, озарения, судьбоносные решения приходят вне усадебного локуса, но близко к нему; сама усадьба как бы гарантирует яркость переживаемых образов природы, символизирующих историко-культурные идеи эпохи. Говоря по-другому, усадьба — эпицентр образно-географического месторазвития (используя термин Петра Савицкого). Для Андрея Белого пространством подобных озарений стала не река (усадьба располагалась высоко над рекой), а высшая точка склона, далее плато (очевидный водораздел) и следующий за ним овраг. Сама мысль писателя при этом уподобляется рельефу и ландшафту творимой и творящей одновременно местности. Обратимся вновь к пространной цитате из «Записок чудака»:

«Знал я: поднимаясь вверх, попаду я на высшую точку пологого склона, где отовсюду откроются шири, просторы, пространства, воздушности, облаки; под ноги

тут опускаются земли; и — небо здесь падает; буду я, небом охваченный, вечный и вольный — стоять; разыграется жизнь облаковых громад вкруг меня; если мне обернуться назад, то увижу и место, откуда я вышел (усадьбу); оно — под ногами; и от нее мне видны: только кончики лип (а усадьба стояла высоко-высоко над речкой).

Спускаясь в противоположную сторону от плато, приходил я к дичайшим оскалам овражной системы, сгрызающей плодоносную землю и грозно ползущей на нас; кругозоры сжимались по мере того, как я, прыгая по размоинам вниз, углублялся; и небо оттуда казалось широкою щелью меж круч, на которых скакали, играя с ветрами, — татарники, чертополохи, полыни; здесь некогда перечитал Шопенгауера; я опускался туда, перерезая слой лёсса, слой глины — до рудобурых железистых каменных глыб (величиною с арбуз) вымащивающих водотек; было влажно и холодно. Стоя посредине плато, я не видел оврагов; как взор, по равнинам текли мои мысли в разбегах истории; стлались они надо мной»[21]. Конкретные ландшафтные приметы (рожь, тополя, канава, плато, овраг) в непосредственной близости от усадьбы выступают у Белого как этапы и точки духовного развития. Сама усадьба, хотя и описанная также в «Записках чудака» (и не только в них), есть лишь исходное место мышления вне какого-либо определенного географического пространства России; образ роста овражной сети рядом с имением вдохновляет образ «желтой» угрозы с Востока.

Восприятие усадьбы в творчестве Андрея Белого как некоей изначальной точки, острова, с которого начинается духовная экспансия на соседние ландшафтные локусы, конечно, не является единичным; скорее, оно типично и во многом связано с культурой русского «серебряного века». Именно тогда географические образы русской усадьбы обретают свою культурную и цивилизационную устойчивость; сама усадьба являет, в известном смысле, образ «пустого места», образ «былого роскошного дворца», образ музейного пространства.

Особенности развития географических образов русской усадьбы определяются как закономерностями формирования образов-архетипов российских пространств в целом — таких, как бескрайность, неосвоенность, дикость, рубежность (Европа versus Азия), быстрое расширение, степной и полупустынный характер и т.д. — так и специфическими механизмами формирования самих усадебных образов. Сосредоточим наше внимание на втором аспекте проблемы.

Русская усадьба, взятая в наиболее общем, фундаментальном образном смысле, есть, прежде всего, «маленькая Европа». Дробность культурного ландшафта любой усадьбы и прилегающей к ней местности, несомненно, была выше, чем у большинства других культурных ландшафтов России, включая и значительную часть городских территорий. Культивирование различных научно-образовательных, художественных, рекреационных, сельскохозяйственных, ремесленных, иногда промышленных занятий на территории усадьбы было связано, как правило, с четкими внутриусадебными локусами — причем эти локусы были, зачастую, эмблематичны, назидательны, дидактичны. По сути дела, территория усадьбы являла собой дидактическое пространство европейского культурного ландшафта в том виде и в тех образах, как они были поняты и представлены в российском культурном «истэблишменте». Естественно, что такая простран-

ственная дидактика могла вступать в противоречие, сталкивать, бороться как с ведущими образами традиционной сельской местности России, так и с индивидуальными образами-архетипами загородных культурных ландшафтов Европы, представляемыми творческой элитой (художниками, писателями, учеными и т.д.). Вместе с тем надо отдавать себе отчет и в том, что, поскольку подобных усадеб — именно в таком образе и подобии, как в России — в большинстве европейских стран никогда не было, то формировавшийся культурный ландшафт представлял собой многослойный образный «пирог», удовлетворявший, хотя и частично, вкусы и запросы постоянных обитателей и гостей усадьбы.

Устойчивые усадебные образы возникали и формировались, как правило, на пересечении и во взаимодействии интра-образов и экстра-образов; иначе — внутренних и внешних образов.. Такая когнитивная ситуация развивалась в случае, когда гостем усадьбы оказывался человек-творец, не чуждый усадебному образу жизни или обладающий способностью быстро вживаться и осваивать этот образ жизни; другими словами, речь идет опять о «человеке фронтира» и о пограничном восприятии. Хороший пример такого рода восприятия — описание южнорусской усадьбы Чернянка поэтом Бенедиктом Лившицем в его воспоминаниях «Полутораглазый стрелец».

Лившиц, несомненно, сумел вжиться в образ жизни Чернянки, дав ряд его ярких примет. Самое важное в его усадебном опыте — умение создать образно-географические контексты усадьбы, в которых конкретная топография Чернянки является лишь фундаментом для построения более масштабных образов. Ведущие образы, использованные поэтом — это образы Древней Греции и античности, края ойкумены, великой скифской степи, чудом затронутой античной цивилизацией. Он пишет:

«Вместо реального ландшафта, детализированного всякой всячиной, обозначаемой далевскими словечками, передо мной возникает необозримая равнина, режущая глаз фосфорической белизной. Там, за чертой горизонта — чернорунный вшивый пояс Афродиты Тавридской — существовала ли только такая? — копошенье бесчисленных овечьих отар. Впрочем, нет, это Нессов плащ, оброненный Гераклом, вопреки сказанию, в гилейской степи. Возвращенная к своим истокам, история творится заново. Ветер с Эвксинского понта налетает бураном, опрокидывает любкеровскую мифологию, обнажает курганы, занесенные летаргическим снегом, взметает рой Гезиодовых призраков, перетасовывает их еще в воздухе, прежде чем там, за еле зримой овидью, залечь окрыляющей волю мифологемой.

Гилея, древняя Гилея, попираемая нашими ногами, приобретала значение символа, должна была стать знаменем»[22].

Пространство усадьбы и прилегающей к ней экономии воспринимается через образы и символы древней Тавриды, Гилеи, Ольвии и Пантикапея. Сквозь такое «увеличительное стекло» рассматриваются усадебные чабаны, проводящие круглый год в степи, разучающиеся говорить и занимающиеся скотоложеством; наружная окраска домов в рыбачьих поселках, проход огромных овечьих отар через территорию усадьбы и экономии; гомерические размеры барского дома, количества прислуги и съестных припасов — «...Чернянка, — по словам автора, — обращенная во все стороны непрерывной кермесой[23], переплескивалась через

край»[24]. Смысл подобных образных манипуляций — в разработке некоего общего образа-архетипа, идеально описывающего, в том числе, и пространство вполне определенной усадьбы. Этот образ-архетип должен как бы нависать над драматической топографией усадьбы, быть своего рода «судьбоносным» и в то же время быть естественным для мелких, детальных образных локусов.

В сущности, образно-географический механизм характеристики усадьбы состоит в условном «вычерчивании» символических окружностей вокруг центра реальной территории, который в ходе образного осмысления становится, собственно, периферией усадебной образно-географической системы. Всякая усадьба может быть «маленькой Францией», «маленькой Швейцарией», «Гилеей» и т.д., но не наоборот. Русская усадьба есть экспериментальный культурный ландшафт, географические образы которого возникают и развиваются лишь как композитные, гибридные структуры или конструкции, построенные из заранее разномасштабных, неравновеликих образов. Чем больше образная дистанция между вполне обозримой, небольшой территорией усадьбы и глобальными цивилизационно-культурными символами, приобщаемыми и используемыми для усадебного освоения, тем больше вероятность создания долговременных, пусть часто и пассеистических, географических образов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Saudade (исп.) — приступ мучительной тоски (прим. перев.).

2. Изучению русской усадьбы посвящена огромная литература. Выделим здесь лишь некоторые важные, с образно-географической точки зрения, публикации: Щукин В. Миф дворянского гнезда: Геокультурологическое исследование по русской классической литературе. Краков: Изд-во Ягеллонского ун-та, 1997; Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 5. М.: Жираф, 1999; Дворянские гнезда России. История, культура, архитектура. Очерки / Ред.-сост. М.В. Нащокина. М.: Жираф, 2000; Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 8. М.: Жираф, 2002; Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. М.: ОГИ, 2003.

3. О географических образах см.: Замятин Д.Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999; Он же. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003.

4. Ср. различные определения культурного ландшафта, тяготеющие так или иначе к образным интерпретациям: Веденин Ю.А. Искусство как один из факторов формирования культурного ландшафта // Известия АН СССР. Серия географическая. 1988, № 1; Веденин Ю.А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Известия АН СССР. Сер. геогр. 1990. № 1. С. 3—17; Тютюнник Ю.Г. Ландшафт как структура //Известия АН СССР. Сер. геогр. 1990. № 2. С. 116-122; Он же. Понимание ландшафта //Известия РАН. Сер. геогр. 1998. № 2. С. 30-38; Каганский В. Л., Родоман Б. Б. Культура в ландшафте и ландшафт в культуре // Наука о культуре: итоги и перспективы (информационно-аналитический сборник) Вып.3. М.: РГБ (Информкультура), 1995; Каганский В.Л. Ландшафт и культура. //Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 134—146. № 2. С. 160—169; Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1997; Веденин Ю.А., Кулешо-

ва М.С. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия РАН. Сер. геогр. 2001. №1; Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М.: Институт наследия, 1998; Калуцков В.Н. Этнокультурное ландшафтоведение и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии / Семинар «Культурный ландшафт»: второй тематический выпуск докладов.- М.-Смоленск: Изд-во СГУ, 1998; Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. Смоленск: Изд-во СГУ, 1998; Калуцков В.Н., Красовская Т.М. Представления о культурном ландшафте: от профессионального до мировоззренческого / / Вестн. Моск. Ун-та. Сер.5. География, 2000, № 4; Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001; Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера: Сб. ст. Смоленск: Ойкумена, 2002; Cosgrove D.E. Social Formation and Symbolic Landscape, Totowa, N.J: Barnes and Noble Books, 1984; Idem. Models, descriptions and imagination in geography // Remodelling geography / Ed. MacMillan B. Oxford: Blackwell, 1989. P. 230—244; Jakle J.A. The Visual Elements of Landscape. Amherst: The University of Massachusetts Press, 1987; Appleton J. The Symbolism of Habitat: An Interpretation of Landscape in the Arts. University of Washington Press, 1990; Bourassa S.C. The Aesthetics of Landscape. London and New York: Belhaven Press, 1991; Landscape and power. Ed. by W. J. T. Mitchell. Chicago: University of Chicago Press, 1994; Von Maltzahn K.E. Nature as Landscape. Dwelling and Understanding. Montreal and Kingston, London, Buffalo: McGill-Queens University Press, 1994; Fitter C. Poetry, Space, Landscape: Toward a New Theory. Cambridge University Press, 1995; Shama S. Landscape and Memory. New York: Alfred A. Knopf, 1995.

5. Абрамов Л.С. Описания природы нашей страны. М.: Мысль, 1970.

6. См.: Витвер И.А. Французская школа географии человека // Витвер И.А. Избранные сочинения / Под ред. В.В. Вольского и А.Е. Слуки. М.: изд-во МГУ, 1998. С. 513—546.

7. Иконников А.В. Город — утопии и реальное развитие // Город и искусство: субъекты социокультурного диалога. М.: Наука, 1996. С. 75—85.

8. См.: Иван Леонидов: Начало XX — начало XXI вв.: Материалы, воспоминания, исследования / Подг. текста О.И. Адамов, Ю.П. Волчок. М.: АО «Московские учебники и Картолитография», 2002; Иван Леонидов. Эскизы из архива семьи / Текст А. Гозака. Б.м.: Издательство А-Фонд, 2002.

9. См., например: Шульц Б. «Особый случай» или логика развития? Нацистская и сталинская архитектура в историческом контексте // Россия — Германия: Культурные связи, искусство, литература в первой половине двадцатого века. М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2000. С. 323—336.

10. Дворянские гнезда России. История, культура, архитектура. Очерки / Ред.-сост. М.В. Нащокина. М.: Жираф, 2000; Нащокина М.В. Русский усадебный парк эпохи символизма // Русская усадьба. Сб. ОИРУ. Вып. 7 (23). М.,2001. С. 7—41.

11. См.: Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. СПб.: Наука, 1991.

12. Ср.: Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

13. См. также: Теребихин В.А. Сакральная география Русского Севера. Архангельск: изд-во Поморского университета, 1993; Калуцков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А. и др. Культурный ландшафт Русского Севера...; общие аспекты см.:

Элиаде М. Космос и история. М.: Прогресс, 1987; Он же. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994; Он же. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2000.

14. Ср.: Евангулова О.С. Указ. соч.; Зиник З. Две географии // Художественный журнал. 1997. Май. № 16. Место — География — Пространство. С. 6—9.

15. Борисова Е. Тема города в архитектуре и графике «Мира искусств» // Мир искусств. Альманах. Вып. 4. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 773—784.

16. См., например: Невольная линия ландшафта. Петербург Александра Китаева. Фотографии. Б.м.: Изд. Дом «АРТ ТЕМА», 2000.

17. Калуцков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А. и др. Культурный ландшафт Русского Севера / Семинар «Культурный ландшафт»: первый тематический выпуск докладов. М.: Изд-во ФБМК, 1998.

18. Ср. также: McLean S. Touching Death: Tellurian Seduction and Spaces of Memory in Famine Ireland // Culture, Space and Representation. A special issue of the Irish Journal of Anthropology. 1999. Vol. 4. P. 61—73.

19. Белый Андрей. Записки чудака. Lausanne: Editions l'age d'homme, 1973 (Репринт издания: М.-Берлин: Геликон, 1922). С. 48, 51—52.

20. Там же. С. 49—50.

21. Там же. С. 50—51.

22. Лившиц Б. Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. Л.: Советский писатель, 1989. С. 321—322.

23. Кермеса — церковный праздник в Нидерландах, сюжет одноименной картины Рубенса (1635).

24. Лившиц Б. Указ. Соч. С. 333.

В.В. Волшаник, О.С. Дмитриева, М.В. Куликов, А.Г. Пешнин, В.Б. Родионов, Г.Н. Щенникова, А.Н. Юрченко

ВОДНАЯ СИСТЕМА РУССКОЙ УСАДЬБЫ КАК ЧАСТЬ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Мы приближаемся к экономическому состоянию нашего государства, позволяющему вспомнить о том, что «время собирать камни» и можно реально надеться, что они начнут собираться. Одними из самых ярких «камней» в истории нашей культуры, имеющими наиболее материальное воплощение, являются русские усадьбы. А в составе практически всех усадеб драгоценными камнями являются их водные системы — речки, пруды, каскады прудов, каналы с их плотинами, мостиками, лодочными причалами, островками и другими сооружениями. Проблема сохранения (поддержания, реконструкции, воссоздания — в зависимости от сегодняшнего состояния и его соответствия историческому облику усадебных водных объектов) имеет ряд аспектов — исторический, эстетический, социальный, рекреационный, экологический и другие. Проект реконструкции водной системы в равной мере должен учитывать все возможные аспекты, что позволит не только сохранить историческую ценность, но и эффективно эксплуатировать ландшафт сегодня и в будущем.

Эстетический аспект. Человек произошел из воды в самом широком смысле этого понятия. В в воде возникла сама жизнь, и вода вошла составной частью во все живые структуры и организмы; без воды невозможно существование живого вещества. Необходимость воды в жизнеобеспечении заставляла первобытного человека основывать свои поселения на берегах рек и озер; позже так же поступали его потомки, осваивая новые территории Земли. Река давала нашему предку не только возможность удовлетворения жажды, в ней он ловил рыбу, купался, стирал одежду, поил скот. Несколько позже он стал использовать реку как единственный удобный транспортный путь, связывавший его с ближайшими и дальними соседями. Затем человек научился использовать энергию реки и построил на ней мельницы для помола зерна и другие технические устройства для решения производственных задач. Совершенно естественно, что созерцание и звук текущей воды вызывают у человека положительные эмоции, и нет ничего удивительного в том, что архитекторы всегда стремились использовать воду в качестве завершающего элемента своих ансамблей, и если отсутствовал естественный водный объект, они его создавали искусственно.

Пугающий рост старых городов и появление многих новых привели к тому, что русские усадьбы оказались внутри городской застройки и стали ее частью. Водные системы усадеб начали подвергаться тому же антропогенному воздействию, что и

вся вода в городе. К сожалению, пока судьба городских водоемов печальна. В период новейшей истории, совпавший с технической революцией, человек почему-то решил, что вода стала нужна ему меньше. На территории города он упрятал многие реки в подземные трубы, в оставшиеся реки стал сливать использованную им загрязненную воду, и тем самым превратил их в сточные канавы. Множество рек были перегорожены плотинами с целью создания прудов, в них прекратилась проточность и практически пропала способность к самоочищению. Водные объекты перестали быть источниками положительных эмоций, скорее наоборот.

Аспект восприятия городским населением водного объекта связан, прежде всего, с чистотой воды и благоустройством берегов. С сожалением приходится констатировать, что даже небольшое загрязнение воды и берегов становится для людей сигналом для лавинообразного продолжения этого процесса, и водный объект становится свалкой. Статус музея-заповедника не является препятствием для захламления рек и прудов. Непонятно почему, но городской ручей или пруд воспринимаются нередко населением как задворки городской территории; решение проблемы видится в улучшении работы коммунальных служб и, прежде всего, в широкомасштабном улучшении экологического воспитания как молодежи, так и зрелых людей.

Исторический аспект. Будучи жилищем состоятельного человека, русская усадьба сохранила все черты взаимоотношений его с водными объектами. Хозяин усадьбы, как правило, имел немалые возможности в организации и поддержании усадебной водной системы. На примере русской усадьбы можно проследить историю возникновения искусственных водоемов, начиная с примитивных прудов-копаней и кончая сложнейшими многофункциональными системами прудов и гидротехнических сооружений, характерных для усадеб XVIII-XIX веков. Вода в них не только удовлетворяла физиологические и хозяйственные потребности, но имела также рекреационное и эстетическое значение. Русская усадьба, фактически, не существовала без водной системы и водных объектов и не может, естественно, существовать сейчас. Конечно, уклад сегодняшней жизни, особенно в городах, отличается от того, каким он был 100 или 200 лет тому назад. Но сохранить материальную память о прошлом — наша святая обязанность. Без русской усадьбы с ее непременным прудом (заметим — чистым и живым) не будет и полноценного современного поселения, достойного человека.

Социальный аспект. Водная система в силу органической необходимости человеку всегда была в центре интересов социума, будь то море, реки, крупные озера, созданные искусственно пруды, родники, колодцы и т. п. Сооружения на водном объекте — мосты, плотины, мельницы — выполняли функции, чаще всего жизненно необходимые. Теперь наши взаимоотношения с водой изменились, и это обусловливает требование более бережного отношения к водным объектам с целью сохранения исторического ландшафта и экологической ситуации в окрестностях.

Понятие «эксплуатация» применяется ко многим городским территориям: дорогам, дворам, автомобильным стоянкам, паркам и скверам, охраняемым и заповедным зонам. Понятие «эксплуатация городских водных объектов» еще непривычно для слуха. А в него должно входить не только устройство набережных, периодическое

удаление донных отложений и обустройство мест отдыха. В основе эксплуатации городского водного объекта должна лежать постоянная очистка воды, повышение ее самоочистительной способности с помощью экономически доступных и эффективных методов (подробнее об этом будет сказано ниже). В этом единственно реальная возможность сохранить воду чистой, достойной современных российских городов и их исторических территорий.

Рекреационный аспект. В прежние времена усадебными водными объектами пользовались преимущественно хозяин и его окружение. Ныне по отношению к водным объектам, находящимся в федеральной, муниципальной или коллективной собственности, действуют иные социальные установки, и поэтому к пользованию водным объектом и прилегающей территорией допущены сотни и тысячи людей. Рекреационная нагрузка возрастает неизмеримо, и поэтому требуются интенсивные скоординированные и целеустремленные действия по сохранению должного экологического и эстетического состояния водного объекта.

В российских городах многие водные объекты и водные системы расположены именно на усадебных территориях. Только в Москве на сохранившихся в той или иной мере или преобразованных в парковые зоны усадьбах используются в целях рекреации Лефортовские, Кузьминские, Терлецкие, Воронцовские, Головинские, Покровско-Стрешневские, Коломенские, Царицынский, Дворцовый (Кусковский), Патриаршие и многие другие пруды. Это громадное богатство, разумное использование которого необходимо.

Экологический аспект. Экологическое значение усадебной водной системы не ограничивалось удовлетворением функциональных потребностей проживавших поблизости людей. Возведение регуляционных гидротехнических сооружений позволяло, как правило, создать новый водный объект и поддерживать его в хорошем состоянии. Появление водной поверхности приводило к смягчению микроклимата, выравниванию температуры воздуха в пределах года, очищало воздух. Поднятие воды в пруду по сравнению с естественным уровнем в реке (ручье) приводило к поднятию уровня грунтовых вод, увлажнению почв, формированию новых сообществ флоры и фауны. Все это благоприятно влияло на разнообразные стороны жизни людей, а самоочистительной способности воды оказывалось достаточно для поддержания высокого качества воды и чистоты пруда.

С ростом урбанизации многие русские усадьбы оказались в черте городов, коренным образом изменились условия существования их водных объектов. Нет никаких сомнений в том, что на современной урбанизированной территории естественной самоочистительной способности водных объектов совершенно недостаточно для поддержания воды в приемлемом экологическом состоянии. Воду в городе надо постоянно очищать, причем всю, а не только ту, которая используется для питья или технических нужд. Громадные количества этой воды диктуют необходимость применения эффективных, но максимально дешевых и простых в эксплуатации методов очистки; в этом направлении достигнуты определенные успехи, но интенсивная научная и инженерная деятельность должны продолжаться.

В организациях, где работают авторы настоящей статьи, основные усилия прилагаются на разработку таких методов поддержания качества воды в вод-

ных объектах, как аэрация и перемешивание. Эти методы наиболее применимы и для водных усадебных систем, так как позволяют получить хороший эффект без серьезного вмешательства в водную экосистему и без искажения исторического ландшафта. Проекты применения инженерных систем искусственного водооборота и аэрации разработаны нами для каскадов Лефортовских, Кузьминских, Терлецких и других прудов известных московских усадеб.

Территории, прилегающие к водным объектам, формируют качество и состояние прудов и рек, ландшафт городской среды, обеспечивают рекреационный и природный потенциал города. Экологическая роль долин малых рек и каскадов прудов в условиях города существенно возрастает по сравнению с «неосвоенной» природой, осуществляя компенсаторную функцию. Пойменные территории, особенно характерные для русских усадеб, благодаря пересеченному рельефу и разнообразной растительности привлекательны как места отдыха. Современное направление градостроительной политики непременно должно отдавать приоритет минимизации площадей с техногенным ландшафтом и восстановлению естественных условий культурного и рекреационного использования.

В вопросах изучения и восстановления городских, в том числе усадебных водных систем имеется важная особенность, связанная с тем, что условия их существования как, в общем, природных объектов, существенно искажены фактом их расположения на урбанизированной территории. Эта особенность достаточно сложна по той причине, что, оставаясь по происхождению (чаще всего) природными объектами, они находятся внутри подавляющей их урбанизированной среды, существенно ограничивающей характерные внутриводные процессы. В городских реках урез воды ограничен, как правило, жесткими конструкциями набережных, поэтому естественные русловые процессы искажены и характеризуются своеобразными особенностями. Сохраняющийся сброс в реки неочищенных стоков приводит к загрязнению воды и увеличению слоя донных отложений. В городских озерах и прудах нарушены естественные трофические процессы, с одной стороны, а, с другой, в черте города мы и не можем допустить трофического загрязнения, поскольку население привыкло к наличию данного водного объекта и не смирится с его вырождением.

Мы кратко перечислили основные особенности и проблемы возрождения и воссоздания водных систем русских усадеб. Их сохранение и содержание является одним из направлений деятельности отечественных инженеров-гидротехников, которые для достижения успешных результатов должны повысить свою квалификацию в области истории культуры, архитектурного ландшафта и смежных областях. Неосторожное, непрофессиональное отношение к реконструкции усадебных водных систем неспециалистами чревато опасными, часто необратимыми последствиями. В сотрудничестве работников культуры, архитекторов и инженеров заключается успех будущего благополучного состояния водных систем русских усадеб.

Т.С. Коробова

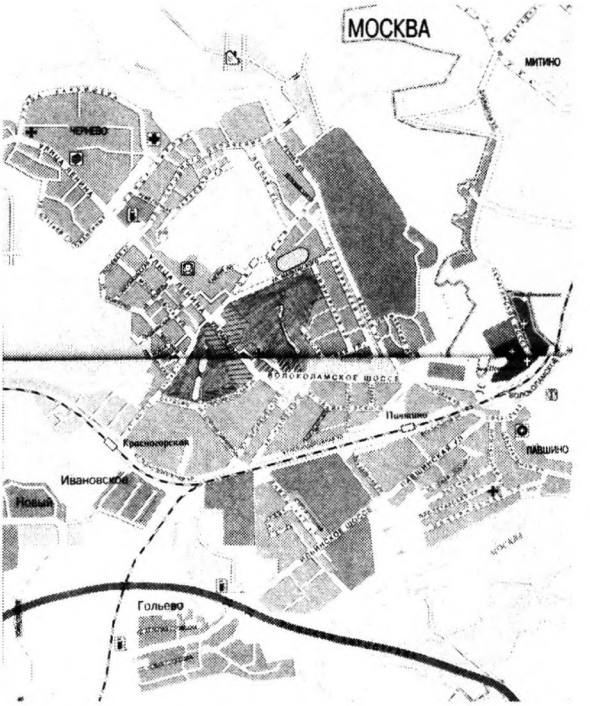
УСАДЬБА В СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ ЗАСТРОЙКЕ* (усадьба Губайлово-Знаменское московном Красногорске)

Среди усадеб Подмосковья можно выделить ряд комплексов, которые, являясь самостоятельными загородными имениями, оказались включенными в структуру выросших исторических и новых, образованных в XX веке подмосковных городов. Среди них усадьба Губайлово-Знаменское в Красногорске, Кривякино в Воскресенске, Костино-Богородское и Лапино-Спасское в Королеве, Демьяново в Клину и другие. Это в большинстве случаев повлекло за собой значительные сокращения площади владений, в отдельных случаях сопровождаясь утратой усадебных построек. Сегодня от некогда полноценных усадебных комплексов под воздействием новой градостроительной ситуации сохранилась в лучшем случае лишь центральная часть и фрагмент парка. Состояние усадебных комплексов в условиях городской среды можно оценить повсеместно как неудовлетворительное. Функциональное использование исторических зданий не соответствует их культурной значимости, парки находятся в запущенном состоянии, их облик искажается диссонирующими современными объектами. Существование даже фрагмента некогда полноценной исторической среды в условиях города проблематично в связи с усилившейся тенденцией сноса ветхого жилого фонда, реконструкцией и новым строительством не только на свободных, но и на освоенных территориях (площадях) в пределах города и его центре. В то же время, усадебные комплексы, находящиеся в современных городах Подмосковья, как правило, являются единственными в пределах их территорий объектами наследия и фрагментами подлинного историко-культурного ландшафта, что утверждает их особый статус. Сохранение таких усадеб, реально формирующих культурное пространство небольших городов, должно стать приоритетной статьей в программах их развития. Художественная ценность ландшафта как совместного произведения природы и деятельности человека, существование его цельного рукотворного фрагмента в городе позволяет сохранить уже имеющиеся эстетические характеристики территории, а потому должно играть важную роль в формировании современной городской среды.

В данной статье существующее положение и перспективы использования подобных усадеб рассматриваются на примере усадьбы Губайлово-Знаменское в Красногорске Московской области, занимающей центральное местоположение в городской планировочной структуре. Ее территория разделена Волоколамским шоссе на две части: в

**В статье использованы материалы дипломной работы автора «Сохранение исторических усадеб в современной городской застройке на примере усадьбы Губайлово-Знаменское в г.Красногорске», защищенной на кафедре архитектуры Российской академии живописи, ваяния и зодчества в 2002 году.*

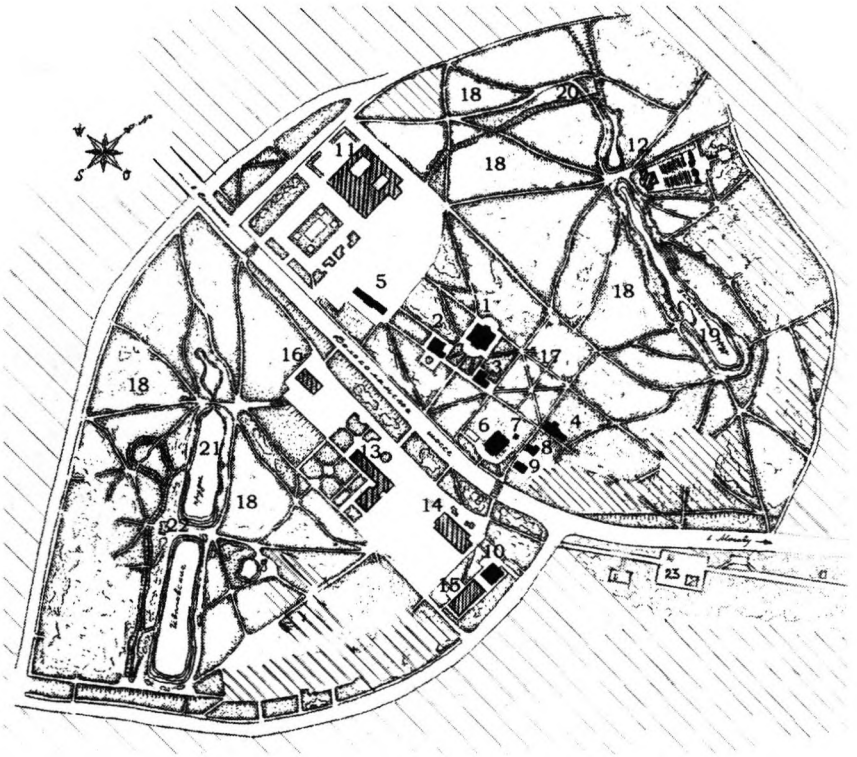
северной расположен архитектурный ансамбль с регулярным и пейзажным парками с каскадом Знаменских прудов, южная часть представляет собой пейзажный парк с каскадом Ивановских прудов. Архитектурный ансамбль усадьбы Губайлово-Знаменское включает в себя: главный дом (к. XVIII — нач. XX вв.), два служебных флигеля (к. XVIII-XIX вв.), жилой флигель (нач. XX в.), дом управляющего (сер. XIX в.), конный двор (к. XVIII — нач. XIX), храмовый комплекс с церковью Знамения Пресвятой Богородицы (нач. XX в.), часовней Спаса Нерукотворного (нач. XX в.) и домами при церкви (XIX в.).



Усадьба Губайлово-Знаменское в структуре генерального плана Красногорска.

Формирование архитектурного ансамбля относится к концу XVIII века и связано с именем князя В.М. Долгорукова -Крымского — героя русско-турецкой войны, в 1780-1782 — генерал- губернатора г. Москвы. Имение перешло к нему от жены из рода Волынских. При нем были возведены основные жилые и хозяйственные постройки, разбит парк с прудами и павильонами. С 1830-х годах усадьба переходит из рук в руки, пока в 1885 году ее не приобретает московский купец и промышленник А.Я. Поляков, владевший ткацкой фабрикой недалеко от усадьбы на речке Банька. В начале XX века Губайлово-Знаменское становится очагом духовной культуры русского символизма. Здесь часто гостили поэты и художники А. Белый, Ю. Балтрушайтис, К. Бальмонт, В. Брюсов, Н.П. Феофилактов, В.Д. Милиоти, С. Судейкин, которые являлись близкими друзьями и коллегами последнего владельца усадьбы С.А. Полякова — основателя издательства «Скорпион», литературных альманахов «Весы» и «Северные цветы» (эти страницы истории усадьбы подробно отражены в литературе о ней - см.библиографию).

После революции подобно другим подмосковным усадьба не получила статус музея. Постройки использовались под общежития, детский дом. В 1932 году поселок Баньки, где находилась фабрика Поляковых, был переименован в Красногорск, которому в 1940 году был присвоен статус города. В состав города вошла и усадьба Губай-



Генеральный план усадьбы Губайлово-Знаменское.

***Усадебные постройки**: 1. Главный дом (к. XVIII-нач. XX вв.); 2. Западный жилой флигель (к. XVIII в., нач. XX вв.); 3. Восточный флигель (к. XVIII в., 1930-е); 4. Флигель (нач. XX в.); 5. Конный двор (к. XVIII в.); 6. Храм Знамения Пресвятой Богородицы (к. XVII в., нач. XX в.); 7. Часовня-усыпальница (нач. XX в., арх. И.Е. Бондаренко); 8. Дом дьячка (сер. XIX в.); 9. Дом священника (сер. XIX в.); 10. Дом управляющего (вторая пол. XIX в.).*

***Современная застройка**: 11. Городской дом культуры; 12. Зеленый театр; 13. Здание городской администрации; 14. Кинотеатр; 15. Здание АТС; 16. Здание пожарной части.*

***Усадебный парк**: 17. Регулярный липовый парк; 18. Пейзажный парк; 19. Знаменские пруды; 20. Граница имения (земляной вал с канавкой); 21. Ивановские пруды; 22. Место паркового павильона (не сохр.); 23. Городской мемориал.*

лово-Знаменское, усадебные здания стали фактически административным центром нового города. В главном доме разместились органы городской власти, во флигелях — народный суд, комсомольский комитет, в храме, утратившем в 1930-е годы колокольню и восьмерик основного объема находился Сбербанк, в здании конного двора — машинно-тракторная станция. С ростом нового города началось «освоение» и территории исторического парка. В 1926 году участок парка к югу от усадебных построек вдоль Волоколамского шоссе был отведен жилищно-строительному кооперативу «Красная

горка» под индивидуальное строительство, территория за Большим Знаменским прудом разделена на садовые участки. В 1930-е годы обширная часть парка за Малым Знаменским прудом была превращена в городской парк культуры и отдыха: заново произведена планировка аллей, обновлен состав растительности, устроены цветники, установлена парковая скульптура, сооружены деревянные павильоны (читальня, шахматный клуб, бильярдная, летний кинотеатр). На склоне, спускающемся к прудам, возведена летняя эстрада. В южной половине парка, у Нижнего Ивановского пруда, появился деревянный комплекс летнего детского сада и несколько частных дач.

Парковый фасад главного дома в Губайлове-Знаменском. Фото автора.

Новый этап внедрения городской застройки на историческую территорию относится к 1970-м годам, когда вдоль Волоколамского шоссе, напротив архитектурного ансамбля усадьбы, были сооружены здания городской администрации, кинотеатра, пожарной части, автоматической телефонной станции, а к парковым массивам вплотную подступили новые жилые микрорайоны города. В 1985 году к северу от главного усадебного дома завершено строительство Дворца культуры «Подмосковье». В ходе благоустройства площади перед зданием был засыпан один из 5-ти прудов усадьбы, называемый местными жителями «Черное море».

В 1990-е годы ценность и значимость усадьбы Губайлово-Знаменское, ее историко-культурный потенциал осознаются общественностью и городской администрацией. Проводится комплекс археологических исследований территории, в результате которых обнаружены фундаменты утраченных парковых павильонов, разрабатывается историко-архитектурный опорный план, проект зон охраны, проект восстановления ансамбля. В 1993 году после передачи храма Знамения Пресвятой Богородицы Русской Православной церкви были воссозданы утраченные в 1930-е годы колокольня и

Намогильная часовня в процессе реставрации. Фото автора. 2002.

восьмерик основного объема, что восстановило важную композиционную роль храма в ансамбле, замыкающего перспективы аллей регулярного и пейзажного парков. В 1997-м началось восстановление уникальной часовни-усыпальницы, но работы приостановлены из-за отсутствия финансирования.

В настоящее время усадьба Губайлово-Знаменское является административно-культурным центром города. Ее значительная по площади территория со всех сторон ограничена современной городской застройкой (многоэтажными жилыми домами, сооружениями спортивного комплекса). Непосредственно на исторической усадебной территории расположены объекты общегородского значения: административные и общественные здания. Единственной частью усадьбы, свободной от внедрения городской застройки и обособленной от города благодаря массивам зеленых насаждений, является ее архитектурное ядро с жилыми и служебными постройками, храмовым комплексом, регулярным и пейзажным парками с каскадом Знаменских прудов.

До недавнего времени усадебные здания (служебные и жилой флигели) занимали различные городские учреждения: народный суд, юридическая консультация, отдел внутренних дел района. На сегодняшний день все организации кроме центра детского творчества выведены. Состояние всех построек за исключением храма оценивается как неудовлетворительное. Наблюдается осадка фундаментов западного флигеля, разрушение отмостки вокруг всех зданий, на стенах появились трещины, местами отслаивается штукатурка. Здание конного двора и домов при церкви находятся в аварийном состоянии. Временная кровля конного двора протекает и в некоторых местах утрачена, дверные и оконные проемы не имеют заполнений. Территория, на которой расположены «дома при церкви», превращена в склад автотранспортных средств с истекшим сроком эксплуатации. Часовня-усыпальница на 60% утратила керамическую облицовку фасадов. Все здания нуждаются в проведении полного комплекса научных исследований и ремонтно-реставрационных работ.

Особо хочется акцентировать состояние исторического парка, составлявшего значительную часть территории усадьбы и сохранившего ряд ценных старовозрастных посадок. Парк постепенно деградирует, утрачивая свои ценные характеристики. Произведения архитектуры малых форм, композиционно закрепляющие основные планировочные оси парка и замыкающие визуальные коридоры, требуют воссоздания. Отсутствие надлежащего ухода и техногенное воздействие города, в особенности близость автомобильной трассы, сказывается на состоянии породного состава растительности. На территории

Большой Знаменский пруд и современная городская застройка. Фото автора.

парка высок процент пораженных болезнями и гибнущих деревьев (вековых сосен, елей, лип), многие экземпляры достигли возраста естественного отмирания. Полного обновления требует регулярный липовый парк. Разросшиеся кроны тополей затрудняют восприятие усадебного ансамбля с главного видового фронта — Волоколамского шоссе.

Большой Знаменский пруд и современная городская застройка. Фото автора.

Серьезной проблемой исторического парка является нарушение гидрогеологического режима водной системы. Это связано с активной градостроительной и хозяйственной деятельностью на территории, вызвавшей пересыхание сети ручьев и маленьких речек, питающих пруды. И Знаменские, и Ивановские пруды постепенно заболачиваются, мелеют, происходит эрозия берегов. В современных условиях сохранение прудов возможно лишь при частичном переходе на искусственные источники питания. Снижается эстетическая роль прудов как элемента парковой среды в результате использования водоемов жителями города для купания. Облик исторического парка искажается находящимися на территории современными объектами, пришедшими в ветхое состояние и требующими сноса (постройки на садовых участках за Знаменскими прудами, деревянные сооружения летнего детского сада у Ивановских прудов).

Негативное визуальное влияние оказывает масштабная многоэтажная застройка. На склоне, обращенному к Большому Знаменскому пруду, в зоне особой эстетической ценности ландшафта, в настоящее время ведется строительство нового жилого комплекса. Абсолютно неприемлемым для исторического парка является асфальтное покрытие главной аллеи, ведущей от храма через регулярный парк по склону к Знаменским прудам. Направление аллеи нарушило планировку регулярного парка. Возведение на участке липового парка общественного туалета изуродовало ценный образец садово-паркового искусства. Чрезмерные рекреационные нагрузки, хозяйственная и строительная деятельность, нерегламентированная проектом реконструкции, возрастания техногенного воздействия города, нерациональное использование самих зданий неизбежно приведут к деградации природного комплекса, к утрате историко-культурного потенциала территории.

Решая проблемы сохранения усадебного историко-культурного ландшафта в условиях городской среды необходим комплексный подход. Усилия должны быть направлены как на восстановление архитектурных памятников, так и на реабилитацию садово-паркового ансамбля, который является не только ценным составляющим усадьбы, но и выполняет функции «легких» города, благотворно влияет на человека, организовывает комфортную среду обитания жителей, избавляя от стрессов современной жизни, спо-

Конный двор на фоне городского ландшафта. Фото автора.

собствуя его гармоническому развитию, воспитывая эстетический вкус. Необходимо отметить, что администрация города уделяет большое внимание усадьбе как объекту историко-культурного наследия. Год назад глава администрации Красногорского района Б. Рассказов утвердил целевую программу по созданию в Губайлове- Знаменском историко-краеведческого и художественного центра. Первый шаг на этом пути уже сделан — из усадебных зданий выведены различные организации, занимавшие их долгое время. Управление культуры городской администрации готовит предложения по включению комплекса реставрационных работ по объектам усадьбы в федеральную целевую программу «Культура России».

Основным документом, выявляющим специфику каждого объекта и определяющим дальнейшие мероприятия и режимы использования территории, является, как известно, проект охранных зон. Однако, коренные изменения политического устройства в нашей стране, реформирование экономики, законодательной базы, произошедшие за последние десятилетие, заставляют корректировать проектные предложения 1970- 1990-х годов и адаптировать их к существующим условиям. Доработка и утверждение вновь проектов зон охраны — трудоемкий, многоступенчатый процесс, связанный с огромным количеством согласований, которые необходимо пройти. В итоге, проекты часто остаются неутвержденными и, соответственно, не имеют юридической силы, а ситуация с охраной исторических территорий продолжает усугубляться.

Хочется надеяться, что в недалеком будущем вопросы установления режимов охраны будут положительно разрешены, и усадьба Губайлово- Знаменское обретет второе рождение, полностью раскрыв свой историко-культурный потенциал.

БИБЛИОГРАФИЯ*

1. Веселовский С.Б. Подмосковье: памятные места в истории русской культуры XIV-XIX вв. М., 1955.
2. Историко-краеведческий альманах «Красногорье», №1/ 1997, № 2/1998, № 4/2000.
3. Ногтевой М.В. Красногорские пенаты // Мир русской усадьбы. Очерки. М., «Наука», 1995. С. 96.
4. Ногтева М.В. Родословная старинной усадьбы. Красногорск, 1994.
5. Среди коллекционеров, 1924, №7-8, с. 53.
6. Поляков Я.А. Село Губайлово-Знаменское Московского уезда. М., 1906.

* Указаны лишь наиболее информативные издания.

II

УСАДЕБНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ОБЪЕКТ НАСЛЕДИЯ

Н.И. Завьялова

УСАДЕБНЫЙ ЛАНДШАФТ. КОМПЛЕКСНЫЕ МЕТОДЫ СОХРАНЕНИЯ

Культурное наследие включает в себя как памятники истории и культуры, так и окружающий их ландшафт и объекты, относящиеся к культурному наследию, могут иметь различную ценность в зависимости от качеств ландшафта. Сегодня усадебные комплексы не являются элементом той социальной среды, в которой они возникли и сформировались. Утратив исторически присущую им роль, они приобрели черты архитектурно-ландшафтных фрагментов, отражающих ушедшее время. Усадьба превратилась в «памятник истории и культуры». Техническая и социальная революция изменила методы хозяйствования, сформированные на протяжении нескольких столетий в результате совместного помещичьего и крестьянского земле- и природопользования. Это не могло не отразиться на принципах организации ландшафта и системе расселения. В настоящее время сельские поселения все меньше сохраняют за собой функции постоянного места проживания и единственного жилища. Современная субурбанизация (дачно- коттеджная застройка) изменила ландшафтную ситуацию. Исчезло множество усадеб и парков, а современные методы ведения хозяйства нарушили пропорции исторических угодий, сформировавшихся с эпохи средневековья и в которых, чаще всего, с середины — конца XVIII в. создавались усадьбы. В течение последних десятилетий многие усадебные комплексы находятся на грани уничтожения, деградируя как ансамбли, теряя свою целостность, художественную ценность, разрушаясь физически и морально.

Неблагополучное состояние историко-культурного и природного наследия, в том числе, исторических усадебных комплексов в окружающем их ландшафте исторического имения особенно отчётливо прослеживается в зоне влияния крупных систем расселения (мегаполисов) с высококонцентрированной степенью урбанизации, что в первую очередь относится к Москве. Это является предпосылкой привлечения комплексных методов исследования, проектирования зон охраны и постоянного проведения научного мониторинга. На территории Московской области сохранилось множество усадебных комплексов — от уникальных произведений дворцово-парковой архитектуры до фрагментов парков (Рис.1). Они были построены в разное время, в различных архитектурных стилях и расположены в разнообразном природно-ландшафтном окружении. Московская область может рассматриваться в качестве модели для изучения проектных и организационных механизмов воздействия зон охраны на устойчивое земле и природопользование.

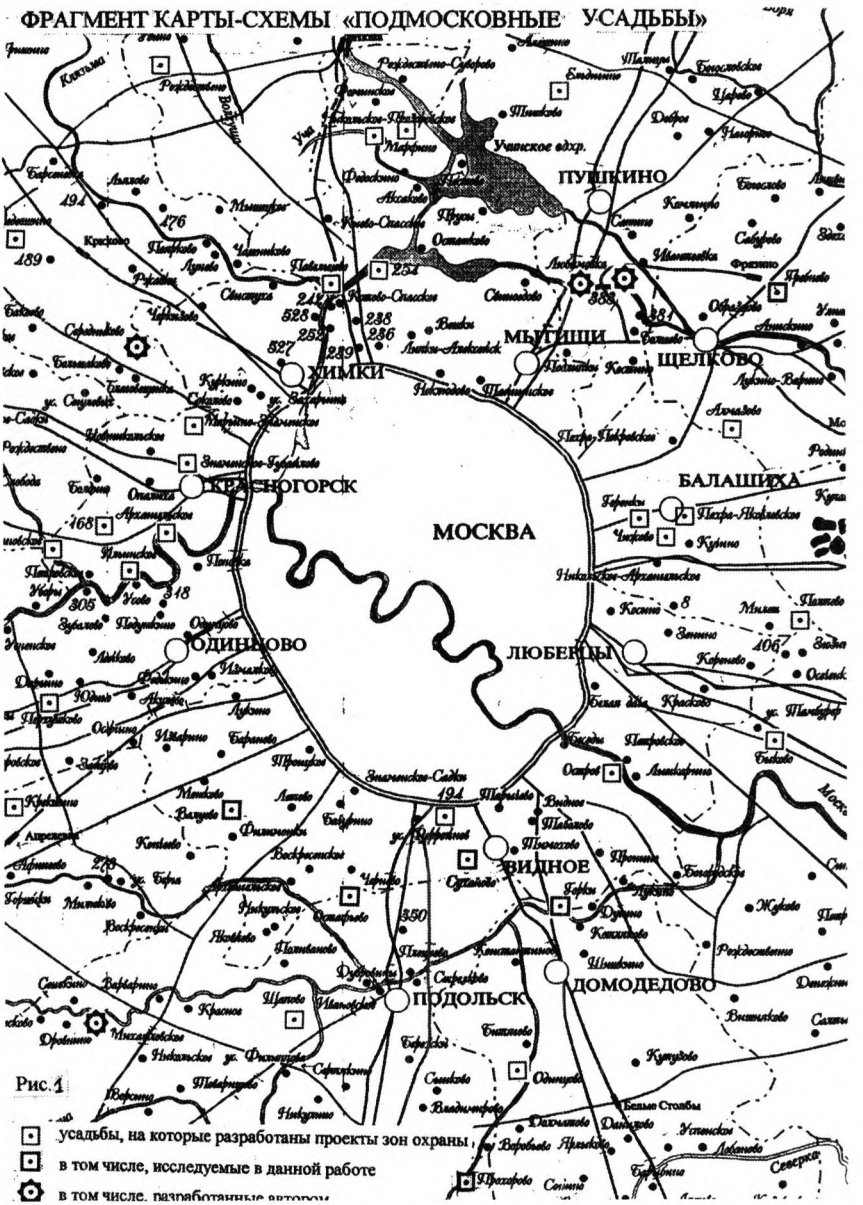

ФРАГМЕНТ КАРТЫ-СХЕМЫ «ПОДМОСКОВНЫЕ УСАДЬБЫ»
ПУШКИНО
МЫТИЩИ
ЩЕЛКОВО
ХИМКИ
КРАСНОГОРСК
БАЛАШИХА
МОСКВА
ОДИНЦОВО
ЛЮБЕРЦЫ
ВИДНОЕ
ДОМОДЕДОВО
ПОДОЛЬСК
Рис.1
усадьбы, на которые разработаны проекты зон охраны
в том числе, исследуемые в данной работе
в том числе, разработанные автором

Рис. 1

В 1960-1970-е гг. прослеживалась тенденция роста Москвы за счет мигрантов из других областей, когда численность города увеличивалась в среднем на 100 тыс. человек в год, селившихся в ближайших пригородах. Рост Московской агломерации происходил по лучам основных железнодорожных магистралей, пространства которых интенсивно и хаотично застраивались. Возникла густая сеть коммуникаций — газопроводов, ЛЭП, автотрасс. Беспорядочно формировались целые зоны коммунально-складского хозяйства, городские свалки, производственные базы. Все это привело к искажению ландшафта пригорода в целом, в том числе его историко-культурной и природной составляющей. В результате эксплуатации природных ресурсов в настоящее время некоторые типы природных комплексов находятся на грани исчезновения.

Несмотря на это, окружение усадеб во многих случаях несёт в себе черты русского средневекового ландшафта. В этих условиях проектирование зон охраны исторических усадебных комплексов является необходимым мероприятием, направленным на их сохранение. Зоны охраны исторических усадебных комплексов являются объектом совмещения противоречивых интересов различных землепользователей. По типологическим признакам они не стоят в ряду таких понятий как «заказники», «национальные парки», «заповедники», «памятники природы», но все они требуют установления зон охраны. Перечисленные формы охраны как юридические природоохранные категории имеют более глубокие временные корни, от которых несколько отстают традиции создания культуро-охранных планировочных документов, которыми являются зоны охраны памятников истории и культуры. Существующие методические подходы к проектированию зон охраны недостаточно системны. Трансформации, происходящие в системе земельного регулирования и в правовых отношениях в целом пока еще не нашли адекватного отражения в проектных решениях. Не проведён анализ генерации проектов зон охраны исторических усадебных комплексов 1950 - 1990-х гг. в методологическом отношении. Не обобщён положительный опыт создания проектов зон охраны. Это отражается и в законодательных документах, в которых нет чёткого определения составных частей зон охраны и их градостроительных режимов, особенно в границах зон регулируемой застройки и охраняемого ландшафта. Создание проектов зон охраны является действенным инструментом адаптации историко-культурного наследия к современным условиям урбанизации. Результативность проектов во многом зависит от отлаженности всей системы ландшафтного планирования, частью которого является планирование охраны наследия.

Теоретические разработки специалистов в сфере охраны историко-культурного наследия, в том числе по проектированию зон охраны памятников истории и культуры, в настоящее время находятся на начальной стадии. Понятийно-терминологическая система, относящаяся не только к произведениям садово-паркового искусства, но связанными с ними историческими территориями в целом пока еще не сложилась полностью и находится в стадии становления. Определения некоторых понятий, классификация культурного наследия, критерии отбора, обсуждаемые среди специалистов, до сих пор остаются открытыми. В этих условиях широкая трактовка понятия «зоны охраны» может привести к утрате исторических усадебных комплексов. Сегодня ощущается недостаточность на-

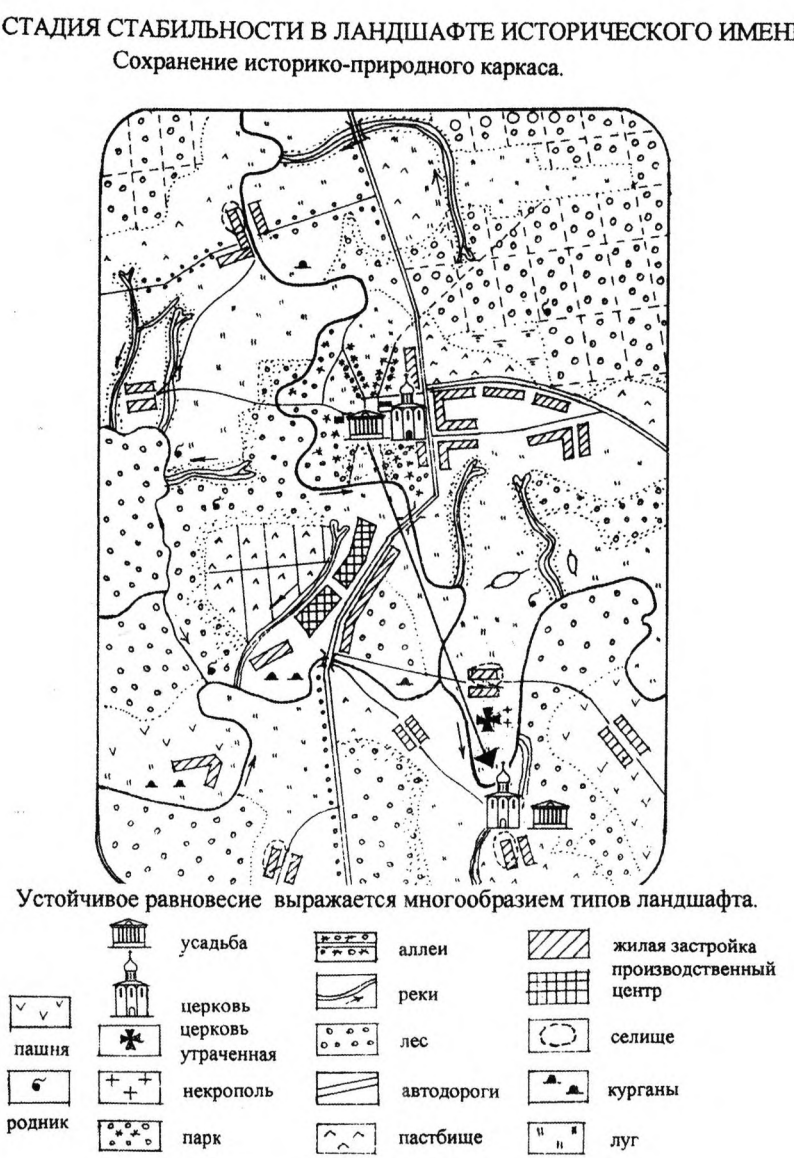


Рис. 2

учных исследований, посвященных методическим проблемам проектирования и установления зон охраны памятников истории и культуры, в частности исторических усадебных комплексов.

Проектная практика, затрагивающая проблемы сохранения исторических усадебных комплексов в окружающем их ландшафте бывшего исторического имения еще недостаточно научно обобщена, многие критерии охраны не закреплены законодательно и инструктивно. В проектах зон охраны последних лет занижаются требования к параметрам сохранения историко-культурных и природных территорий. Так, существующая методическая документация по проектированию зон охраны объединяет в себе все типы историко-культурного наследия, тогда как различные памятники требуют и различных подходов. Выделим основные типы территориального наследия.

1.Исторические города и в них: монастырские и усадебные комплексы; кварталы исторически ценной застройки; памятники археологии древнейших периодов и средневековья.

2.Внегородские территории и в них: исторические усадебные и монастырские комплексы; исторические поселения; отдельно расположенные архитектурные памятники; памятники археологии древнейших периодов и средневековья. Подходы к разработке проектов зон охраны в перечисленных типах наследия могут носить различный характер. Одинаковыми могут быть лишь их центральные части — территория памятника. Все остальные, особенно охранная зона — отличаются. Так, охранная зона загородной усадьбы имеет природные составляющие — чаще всего это открытые сельскохозяйственные угодья. В городе же это урбанизированная историческая среда. Рекомендации будут отличаться. Это подтверждается практикой сохранения наследия, в частности, в динамически развивающейся системе расселения — Москве, где рекомендации по режимам содержания зон охраны носят более свободный характер. В природной (внегородской) среде, они носят более консервативный, стабильный характер, что способствует сохранению природных систем. Также отличаются между собой методики проектирования зон охраны памятников археологии древнейших периодов и средневековья. Определяющим является тип территории, в которой расположены памятники — урбанизированной или природной. Для памятников средневековья, расположенных в сельской местности, методы проектирования зон охраны адекватны существующим для памятников архитектуры. В охрану при этом включается природное окружение. Это же относится и к городским памятникам археологии эпохи средневековья. Что касается памятников археологии древнейших периодов, то методы проектирования зон охраны требуют специальных исследований и разработки методических указаний. Мы их не рассматриваем.

Вместе с тем, в последние годы целый ряд определений и подходов, относящихся к историко-культурному и природному наследию может быть положен в основу разработки теоретической базы этой специфической области архитектурной деятельности. Большой вклад в этот раздел науки внесли отечественные исследователи — историки искусства, архитекторы, географы, представители других смежных областей знаний. Целый ряд работ имеет основополагающее значение для проблем сохранения усадеб в качестве памятников ландшафтной архитектуры в составе исторических ландшафтов бывших имений.

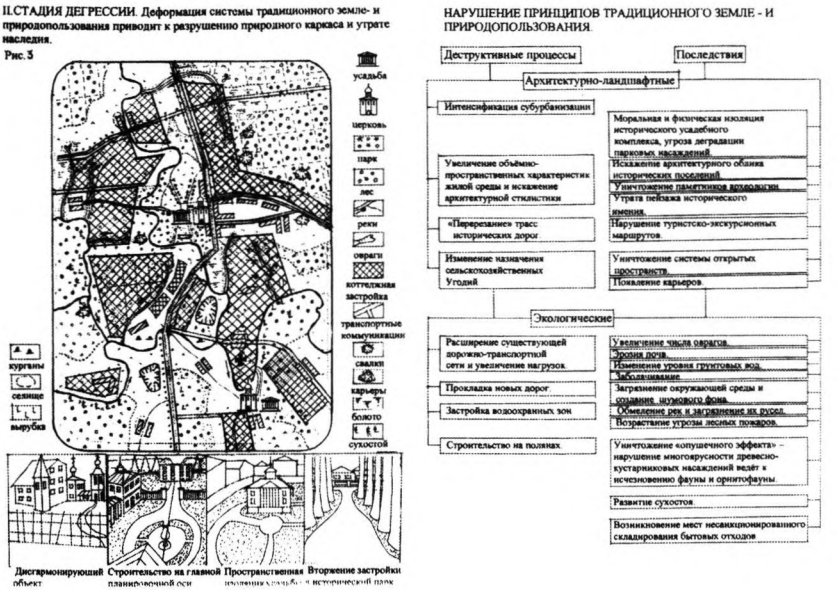


Рис. 3

Необходимо терминологическое уточнение: следует разделить понятие «охранные зоны» как юридического термина от «зон охраны» как простого перечисления функциональных зон. Методические подходы к проектированию зон охраны не зависят от форм собственности на недвижимое наследие, в том числе от его конфессиональной принадлежности.

Зоны охраны (проект зон охраны) мы определяем как первичную стадию ландшафтного планирования, планировочный юридический документ культурно-охранного значения, организующий земле- и природопользование и обеспечивающий его устойчивое состояние в целях сохранения недвижимых памятников истории и культуры и их исторической среды. **Зоны охраны** объектов культурного наследия — специфическая область градостроительного проектирования, в которой решаются проблемы сохранения наследия. Подобно тому, как геологи и археологи констатируют наличие золота, нефти, газа, селищ, курганов, так ландшафтные архитекторы констатируют наличие памятников истории и культуры, не менее значимых для национальной культуры, чем природные запасы для экономики. Обсуждению могут подлежать лишь регламенты, но границы являются объективной реалией. **Зоны охраны** не являются проектом застройки, изменяющим ландшафт, но констатируют наличие историко-культурного и природного наследия. Зоны охраны обладают «презумцией невиновности», или «презумпцией ценности». Доказывать должен тот, кто собирается исказить ландшафт строительством. **Создание зон охраны** — творческий процесс и предмет ведения авторского права, включающий предпроектные исследования, проек-

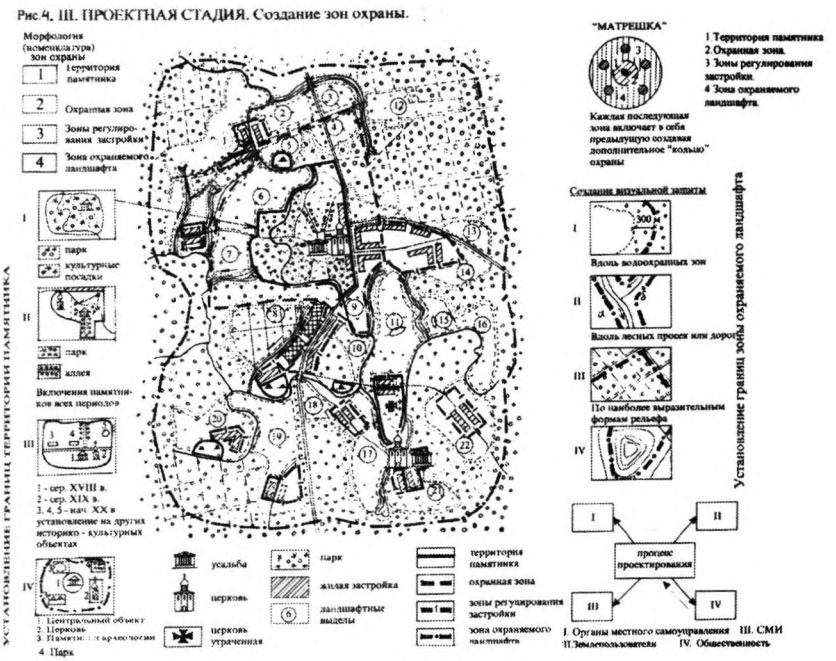


Рис. 4

тирование и авторский надзор над процессом функционирования зон охраны. **Организация зон охраны** состоит из следующих разделов: 1.Инициирование проектирования (утверждение задания, предпроектные исследования, проектирование). 2.Установление зон охраны (административное, градостроительное, землеустроительное). 3.Функционирование зон охраны. Установление зон охраны — порядок согласования, утверждения зон охраны и внесения данных о соответствующих границах и режимах в документы, регулирующие градостроительную и землеустроительную практику.

На четырёх схемах показана трансформация усадебного ландшафта, произошедшая начиная с первой трети XX в. и до наших дней в зависимости от обеспеченности охранно-проектной документацией. Так, в 1930-е гг. ландшафт исторического имения ещё носил стабильный характер и его устойчивое равновесие выражалось в многообразии типов природных элементов (Рис.2). Интересен для России опыт Германии в области исторического землепользования (Landshaftplannung). Так, в земельных общинах находятся в открытом доступе планы М 1:5000 именно этого периода. С ними сравниваются все последующие планировочные изменения, происходящие в границах данной общины. С конца 1970-х — начала 1980-х гг. постепенно возрастают антропогенные процессы в ландшафте, достигшие к началу XXI в. небывалых темпов.

На второй схеме показано каким образом деформация системы традиционного земле- и природопользования приводит к разрушению природного карка-

са и утрате историко-культурного наследия (Рис.3). Если в первом случае в экспликации больше встречаются названия культурно-природных элементов: усадьба, парк, церковь, некрополь, аллея, река, лес, пашня, луг, селище, курган, то на второй схеме мы встречаемся с такими терминами, как: вырубка, сухостой, свалка, овраги, транспортные коммуникации, коттеджные посёлки, болота, карьеры и пр. К деструктивным процессам относятся: интенсивная субурбанизация при увеличение объёмно-пространственных характеристик жилой среды и искажения архитектурной стилистики; «перерезание» трасс исторических дорог, изменение назначения сельскохозяйственных угодий, расширение дорожно-транспортной сети, застройка водоохранных зон т т.д.

На третьей схеме показан проект зон охраны и раскрыты основные принципы его создания, о чём будет сказано далее (Рис.4).

Четвёртая схема изображает оптимизацию усадебного ландшафта при условии реализации проектных принципов. При этом восстанавливается парк и водная система, усадьбы — не только парадные, но и мелкопоместные; реконструируются исторические поселения; инвентаризация ландшафтных выделов позволяет внесению их в ЕГРЗ (единый государственный реестр земель) (Рис.5).

Успешное функционирование зон охраны зависит от отлаженности всей системы ландшафтного планирования в целом и Концепции (стратегии) охраны наследия как его составной части. Выделим основные разделы Концепции.

1. Организационно-управленческий
2. Правовой.
3. Архитектурно-планировочный (архитектурно-ландшафтный).
4. Информационный.
5. Образовательный.
6. Экономический.

Порядок, в котором осуществляются мероприятия Концепции не является жёстким, они могут и должны происходить параллельно, однако первое место принадлежит организационно-управленческим и правовым вопросам охраны наследия.

1.Организационно-управленческий раздел.

1.1.Создание единого ведомства, объединяющего в себе функции охраны недвижимого историко-культурного и природного наследия. Это вызвано тем, что на сегодняшний день ландшафт (сельскохозяйственные земли, гидросистема, селитебные территории, недра, леса, в том числе земли историко-культурного назначения) по своей принадлежности оказались раздробленными по множеству ведомств, действия которых не всегда согласованы и не всегда направлены на их охрану.

1.2.Утверждение разработанных в последние годы проектов зон охраны, а разработанных ранее — с корректировкой.

1.3.Оптимизация процессов согласования проектов зон охраны с ограничением сроков до 6 месяцев и сокращением числа согласовательных инстанций. Как уже было сказано ранее, зоны охраны не являются проектом застройки, из-

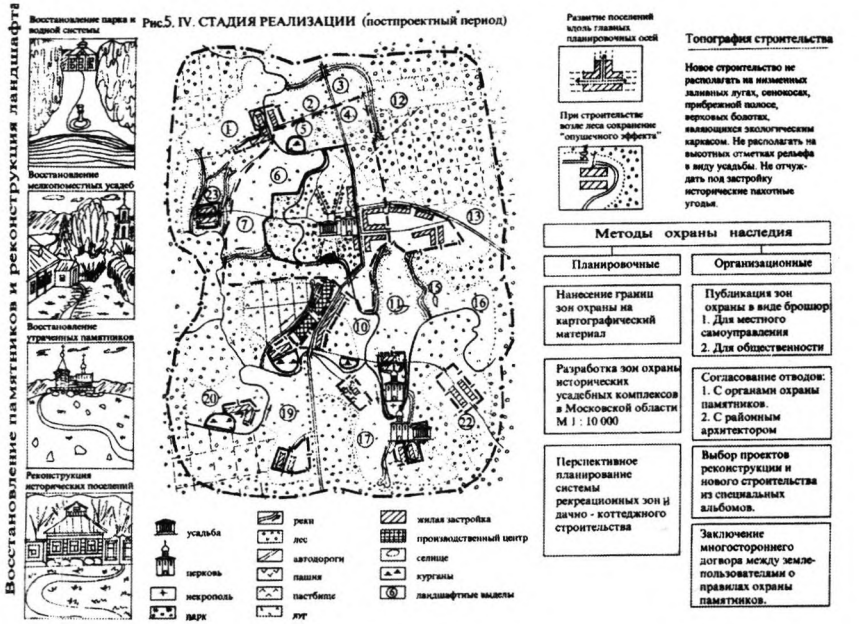


Рис. 5

меняющим ландшафт, доказывать должен тот, кто собирается его нарушить застройкой. Согласовательные инстанции: органы охраны памятников, архитектурно-градостроительное управление, служба районного архитектора, органы местного самоуправления, утверждающая инстанция. Итого — 5. (На сегодняшний день их число доходит до 20).

1.4.Согласования землеотводов и проектов застройки должно начинаться с органов охраны памятников, затем с районным архитектором.

1.5.Обеспечение охранно-управленческих процессов на местах. Это могла бы осуществить дирекция зон охраны, расположенная в усадьбе, опираясь на попечительский совет.

1.6.Исключение из многочисленных функций местных административных структур управления историко-культурными территориями.

1.7.Для создания условий охраны памятников на местах — организация земельных общин.

1.8.Объединение домовладений в доминаты. «Квота доминаты» обозначает сколько данный ландшафт вмещает в себя домовладельцев.

1.9.Разработка документа на домо- и землевладение в границах зон охраны с внесением позиций, отражающих историю места и регламенты. Этот документ подобен охранному договору между тремя сторонами: домовладельцем, администрацией и органами охраны памятников. Образец его приводится в Приложениях.

1.10.Заключение многостороннего договора между всеми землепользователями в границах зон охраны, органами охраны памятников, в котором отражены методы и пути сохранения наследия. Примером тому может служить подобный документ, созданный по Соловецкому архипелагу. Это во многом упростило бы процесс охраны наследия.

1.11.Ориентация земельной службы на охрану и благоустройство историко-культурных и природных ландшафтов. То, что в Германии территориальной охраной историко-культурного наследия занимается Министерство культуры земли, говорит о глубине понимания сложных и значительных проблем территориальной охраны наследия, обладающих непростой спецификой. В частности, этим аспектам должны быть посвящены разделы Закона об аграрной реформе.

1.12.Обеспечение фактически сложившегося публичного землепользования, состоящего в праве прохода, проезда, посещения памятников.

1.13.Создание ландшафтной полиции с функциями контроля за землепользованием.

2.Правовой раздел.

2.1. Создание Закона, объединяющего охрану историко-культурного и природного наследия. В основу концепции Закона должны быть положены следующие принципы: отделение понятия «природы — наследия» от «природы — ресурса»; культурное и природное наследие России — приоритетная, неделимая общенациональная духовная, социальная, экологическая и экономическая ценность; сохранение культурного и природного наследия — важнейшая функция государства и обязанность граждан; создание правовых предпосылок для наибольшей активности местного населения в деле охраны культурного и природного наследия. Концепция охраны наследия должна ориентироваться на охрану не «от...», а «для..» людей, местного сообщества.

2.2. Не следует создавать особые правила охраны для культовых объектов, эти правила едины для всех категорий памятников истории и культуры и являются объективной категорией.

2.3. Создание Закона о зонах охраны.

2.4. Создание ландшафтного кодекса, объединяющего в себе существующие водный, лесной, градостроительный.

2.5. Создание ландшафтного кадастра.

2.6.Корректировка существующей инструктивно-методической документации по проектированию зон охраны. (На протяжении 2003 — начала 2004 г.. специалистами разработаны подзаконные акты к Закону «Об объектах культурного наследия (недвижимых памятниках истории и культуры) РФ». К ним относятся такие, как «Положение о порядке организации зон охраны объектов культурного наследия (недвижимых памятниках истории и культуры», «Положение о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятниках истории и культуры)», «Положение о государственной историко-культурной экспертизе», «Положение о порядке организации историко-культурного заповедника Федерального значения» и др. Соавтором одного из этих документов, а именно «Положения о порядке организации зон охраны объектов культурного наследия (недвижимых памятниках истории и культуры» является автор этой статьи.)

2.7. Указ Президента «О реализации конституционных правил граждан на землю» (№ 337 от 1997 г.) надо дополнить «кроме земель историко-культурного назначения».

2.8. Разработка Положения о землях историко-культурного назначения.

2.9.Разработка Положения о землях историко-культурного назначения.

3.Архитектурно-планировочный (архитектурно-ландшафтный) раздел.

3.1.Одним из важных планировочных действий является переведение проектного чертежа (генерального плана зон охраны) в разные масштабы для удобства его дальнейшего использования: 1: 10000, 1: 25000, 1: 50000, 1: 100000. В различных ситуациях это будет необходимо.

3.2.Проектирование временных зон охраны для всех усадеб Подмосковья (кроме тех, на которые уже выполнены проекты) в М 1: 10000. Выбор именно такого масштаба связан с тем, что все земельные структуры имеют в своем распоряжении землеустроительные планы этого масштаба. Не представляется сложным нанесение границ зон охраны на эти планы. Методика проектирования основывается на сложившейся традиции проектирования зон охраны с той разницей, что этот процесс производится в более сжатые сроки за счёт сокращения объёма исследований. В качестве исторической графической подосновы привлекается план Шуберта 1850-х гг, который необходимо перевести в М 1: 10000. Натурные обследования территории проводятся на основании визуального осмотра памятника за одну поездку. До этого привлекается опубликованный текстовый материал, который имеется в достаточном объеме.

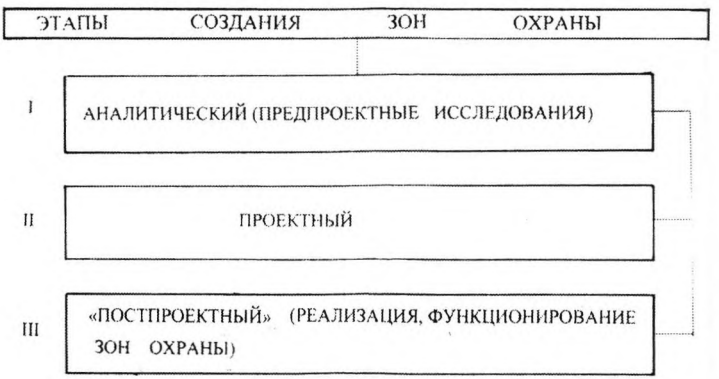
В данном случае, как исключение допускается совмещение на одном чертеже историко-архитектурного опорного плана и генерального плана.

3.3.Создание зон охраны в установленном порядке.

Создание зон охраны состоит из трёх этапов: 1.Аналитического (предпроектные исследования). 2.Проектного. 3.«Постпроектного» — этапа реализации (функционирования»).

1.Аналитический этап. (Рис.6)

В предпроектных исследованиях должен применяться метод комплексного изучения исторического ландшафта, объединяющий в себе археологические, историко-картографические, микротопонимические и палеоландшафтные исследования. Этот метод позволяет выявить всю мозаику ландшафтных элементов, сформированных во времени, изменённых человеком, несущих черты древних периодов, унаследованных имением. Подобный ландшафт является результатом не персонифицированного творчества помещика и крестьян в земле- и природопользовании на протяжении XVIII-XIX вв., стадией закрепления природой деятельности человека (2). Его можно считать базовым, эталонным русским ландшафтом. Результатом подобных исследований является локализация ландшафтных выделов для включения их в земельный кадастр. К этому следует добавить эстетическую оценку ландшафта, а так же анализ его восприятия в прошлом: отображение пейзажей имения в произведениях искусства, восприятие его владельцами усадьбы и старожильческим населением. Особенно важно вы-



Результатом метода комплексных исследований исторического ландшафта, объединяющего в себе археологические, историко-картографические, историко-архитектурные, микротопонимические и палеоландшафтные исследования является локализация ландшафтных выделов для включения в земельный кадастр.

Рис. 6

деление тех картин природы, которые вошли в русскую культурную символику в качестве главенствующих художественно-эстетических символов (3).

2.Проектный этап.

Принцип I (структурированность зон охраны, морфология). (Рис.7)

Структура зон охраны соответствует определённой номенклатуре и состоит из территории памятника и трёх функциональных зон.

1. Охранная зона.
2. Зона регулирования застройки.

3. Зона охраняемого ландшафта.

В любой из перечисленных зон могут находиться водоёмы и памятники археологии. При этом увеличиваются позиции регламентов этих зон.

Объект культурного наследия ставится на охрану одновременно с территорией, т.е. отражается в учётной документации, но т.к. учётная документация не является проектным документом, в котором предусмотрены регламенты, то границы её уточняются при создании зон охраны, тогда же разрабатываются и регламенты. Территории объектов культурного наследия являются землями историко-культурного назначения и отражаются в Реестре земель и земельном кадастре. Зоны охраны — охранная зона, зоны регулирования застройки и охраняемого ландшафта являются территориальными историко-культурными зонами.

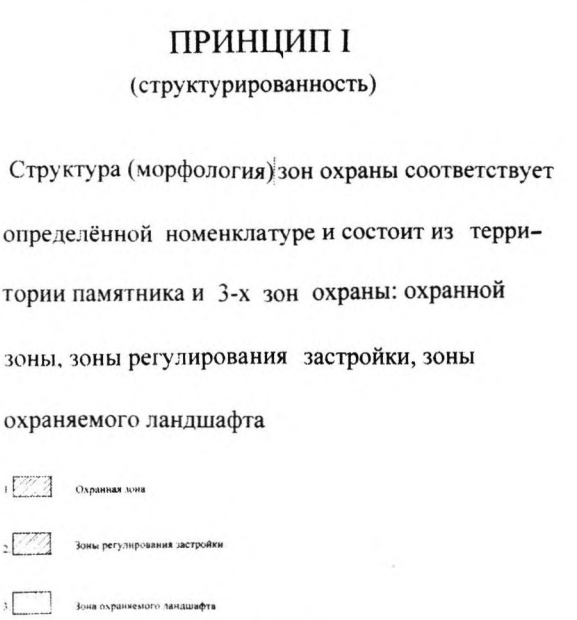


Рис. 7

Регламенты зон охраны учитываются при выдаче земельных документов как обременения.

Принцип II (иерархичность, «матрёшка»). (Рис.8)

По своей структуре зоны охраны иерархичны, каждая последующая функциональная зона включает в себя предыдущую, окружая её и создавая дополнительное «кольцо» охраны. Так, охранная зона создает первое «кольцо» по отношению к территории памятника, зона охраняемого ландшафта — второе. (Это не относится к зонам регулирования застройки, т.к. поселения дисперсно расположены по всей территории охраны). Граница зоны охраняемого ландшафта, как внешняя, включает в себя историко-культурный и природный объект, условно обладающий признаками цельности.

Принцип III («суверенность»). (Рис.9)

Принимая во внимание, что каждая функциональная зона соответствует определённому регламенту, совмещение их не допускается.

Принцип IV (функционирование зон охраны). (Рис.9)

Для более результативного процесса сохранения наследия зоны охраны вводятся в правовое пространство в начале проектирования. (Информация об их создании доводится до органов местного самоуправления, районного архитектора, средств массовой информации, широкой общественности.)

(Некоторые из основных проектных положений приведены на Рис.10 — 13)

При проектировании территории памятника необходимо включать в её границы все архитектурные и ландшафтные составляющие усадьбы, сформированные в разные периоды создания усадьбы. Исключается аксиологический (оценочный) подход. При необходимости, на сохранившихся фундаментах по имеющимся изображениям могут быть воссозданы утраченные сооружения (надо подчеркнуть, что подходить к этому следует индивидуально с учётом особенностей памятника). В территорию памятника включаются «внешние» архитектурные и ландшафтные элементы и другие историко-культурные объекты, связанные с усадьбой исторически и визуально. Локальные территорий памятников устанавливаются в пределах других объектов охраны, имеющих самостоятельную историко-культурную ценность.

В охранную зону включаются прилегающие к территории памятника «открытые» сельскохозяйственные, а в некоторых случаях «закрытые» лесные территории, имеющие культурное происхождение и составляющие единое целое с архитектурно-ландшафтным комплексом.

При проектировании зон регулирования застройки следует выполнять следующие рекомендации: с целью сохранения ландшафтов, влияющих на восприятие памятника и его экологическое состояние при необходимости развивать исторические поселения по главным планировочным направлениям. Загораживать кулисными посадками дисгармонирующие объекты. Проекты реконструкции и нового строительства выбирать из специально разработанных альбомов типовой рядовой сельской застройки.

В состав зон охраняемого ландшафта

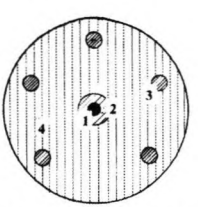


Рис. 8

следует включать те пейзажные панорамы и перспективы, которые раскрывались из усадьбы, были отображены в произведениях искусства, а так же те окружающие природные элементы, которые вошли в культурную символику.

3.4. Разработка генерального плана территории, в котором должны соблюдаться принципы «топографии строительства». Новое строительство не должно располагаться на низменных заливных лугах, сенокосах, прибрежной полосе, верховых болотах, являющихся экологическим каркасом. Не располагаться на высотных отметках рельефа в виду усадьбы. Не следует «отчуждать» под застройку исторические пахотные угодья и застраивать места древних пашен в лесу (оселков — памятников археологии). При строительстве на полянах следует сохранять «опушечный эффект» — отодвигать площадку строительства на 50 м от леса для создания обхода и сохранения многообразия насаждений, являющихся местообитанием фауны и орнитофауны. Благоустраивать лесную полосу на глубину 300 м. Не «перерезать» исторические коммуникации — межселенные тропы и дороги.

ПРИНЦИП III

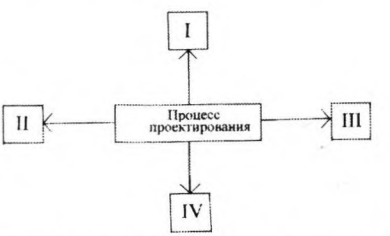
(«суверенность»)

Функциональные зоны не совмещаются, т.к. они имеют различные регламенты

ПРИНЦИП IV

(«информативность»)

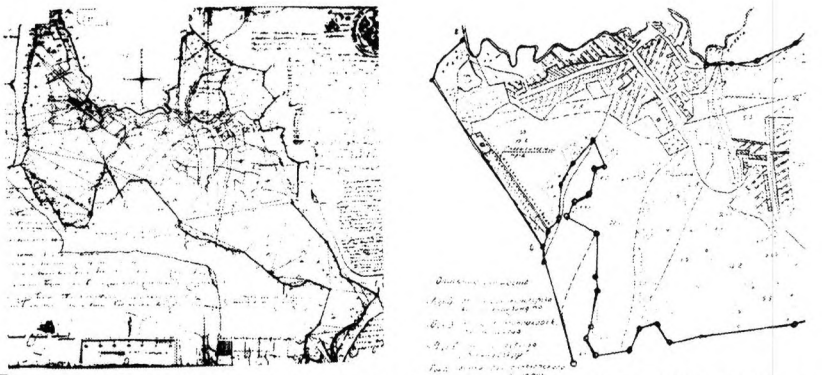
Информация о проектировании зон охраны распространяется с начала их создания



I. Органы местного самоуправления II. Районная администрация III. Пресса IV. Общественность

Рис. 9

3.5.Привлечение внимания ландшафтных архитекторов к системе открытых историко-культурных и природных территорий, как наиболее уязвимой категории в структуре ландшафта в целом и используемых в качестве строительной площадки. (Надо отметить, что интенсификация коттеджного строительства реально продвинула вперёд тот раздел ландшафтного проектирования, который относится к благоустройству и озеленению. Во многих садах талантливые ландшафтные архитекторы сумели наиболее удачно самовыразиться. Вместе с тем, градостроительная, планировочная составляющие посёлков и архитектурный разнобой чаще всего не выдерживают критики, тем более, что из-за их расположения часто страдают историко-культурные ландшафты, а в последнее время и исторические усадебные парки).



Граница не всегда проходит вдоль исторических и современных землевладений, как имеющих формализованное очертание

Рис. 10

3.6.Создание альбомов рядовой типовой сельской архитектуры конкретного региона. Выбор проектов реконструкции и нового строительства должен производиться из этих альбомов.

3.7.Применяемая в настоящее время в градостроительной практике концепция историко-культурного зонирования не должна подменять собой выполнение проектов зон охраны, но являться предпроектной стадией оперативного действия.

3.8.Проектирование зон охраны архитекторами градостроительного профиля.

4.Информационный раздел.

4.1. Публикация проекта зон охраны в виде двух брошюр: для местных административных структур и всех землепользователей и для широкой аудитории.

4.2.Распространение в земельных общинах планов 1930-х гг., когда землепользование носило стабильный характер, сравнение их с меняющейся планировочной ситуацией (М 1:5000).

4.3.Нанесение границ зон охраны на земельные планы и картографический материал.

4.4.Вынос границ зон охраны в натуру в виде межевых знаков. На это землеустроительное мероприятие следует предусматривать финансирование при составлении сметы-калькуляции.

4.5.Применение комплексных технологий в области земельного учёта, что способствует обилию подробностей и точной информации о землевладельцах, высокой изученности территории, доступности картографических источников.

5.Образовательный раздел.

5.1.Подготовка и переподготовка специалистов земле — и лесоустроителей, мелиораторов, топографов, геодезистов, геологов и т.д. за счёт введения курса ландшафтной архитектуры.

5.2. Подготовка и переподготовка управленческих структур.

5.3. Одним из действенных мероприятий по созданию системы охраны наследия является создание музеев в каждом историческом поселении. Они могут располагаться либо в пустующем доме, либо у кого-то из старожилов (краеведов) по их желанию (народный музей в г.Мышкине Ярославской области. Такой музей существует в доме К.Б.Серебровской в Косине (Москва). Подобные музеи выполняют роль информационных центров по истории и культуре данного поселения, микрорегиона, они являются носителями исторической памяти места и небольшими центрами народной культуры (языка, обычаев, традиций и т.д.)

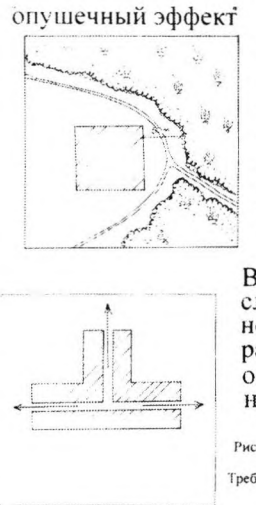


Рис. 11

5.4. Введение в реестр профессий специальности «ландшафтная архитектура».

6.Экономический раздел.

6.1. Финансирование проектов зон охраны за счёт собственников памятников и земель и застройщиков.

6.2. Страхование ландшафта и введение страхового полиса в систему гражданской ответственности (страхование «визуальной ответственности».

6.3. Введение системы льгот местному населению и пользователям, исполняющим регламенты зон охраны. Для местного населения введение налоговых льгот как поощрения за выполнение правил зон охраны (регламентов). Эти же

Рис.12. Методы проведения границ зон охраны.

топография строительства

Новое строительство не располагать на низменных заливных лугах, сенокосах, прибрежной полосе, верховых болотах, являющихся экологическим каркасом. Не располагать на высотных отметках рельефа в виду усадьбы. Не "отчуждать" под застройку исторические пахотные угодья и места древних пашен в лесу (оселков) - памятников археологии.

Рис. 13

льготы должны распространяться и на всех землепользователей, действующих в границах зон охраны.

6.4. Разработка социо-экономической программы развития (стабилизации) территории.

6.5. Компенсация местному сообществу за использование общинных земель.

6.6. Целостность культурной и природной среды становится качеством, которое может обеспечить развитие местного сообщества (через доходы от туризма, традиционной хозяйственной деятельности, реставрационно-восстановительных работ и т.д.) Реализация этой стратегии требует дополнительных материальных подкреплений со стороны государства.

6.7. Одним из мероприятий адаптации историко-культурного и природного ландшафта к современности и условием его жизнедеятельности является создание на базе усадебного хозяйства образцовых станций ведения сельского хозяйства, наподобие тех, которые в 1930-х гг. были созданы Н.И.Вавиловым (4). Особенностью такой научной станции является разработка рекомендаций по ведению сельского хозяйства с учётом исторических и природных особенностей данного микрорегиона. Тем более, что проведённые научные исследования позволяют исторические характеристики земле- и природопользования употребить во благо современности.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1.Завьялова Н.И. Методологические основы организации зон охраны исторических усадебных комплексов (на примере Московской области). Автореферат диссертации. М., 2002.

2.Чернов С.З. Из бесед в ходе проведения ландшафтных семинаров.

3.Гарушьянц К.Ю. То же.

4.Усадьба Арцыбашевых в с. Мещерка Становлянского района Липецкой области.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Некоторые статистические данные. Всего перед 1917 г. в Московской области было более 1,5 тыс. усадеб. В течение нескольких месяцев после революции были созданы юридические основы для ликвидации усадеб и их владельцев. Реальным началом создания проектов зон охраны был послевоенный период. Так, с 1950-х до нашего времени было разработано около 60 проектов зон охраны исторических усадебных комплексов, что составляет примерно 10% от существующих на сегодняшний день в Московской области.

Таблица 1. Количество усадеб и выполненных проектов зон охраны в некоторых областях Центрального региона и Ленинградской области*.

Области		Количество усадеб	Количество Разработанных Проектов зон охраны
№	1	2	3
1	Брянская	20	3
2	Владимирская	43	15
3	Ивановская	47	5
4	Курская	52	5
5	Смоленская	130	3
6	Орловская	40	3
7	Тверская	80	3
8	Ленинградская	400	10
9	Московская	600	60

* Количество усадеб приведено ориентировочно, в зависимости от выявленности на сегодняшний день.

Как видно из таблицы, наибольшее количество проектов зон охраны разработано для усадебных комплексов Московской области.

НЕКОТОРЫЕ ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ПРОЕКТАМ ЗОН ОХРАНЫ.

Приведены основные термины и понятия, употребляемые в области изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия. Кроме того, вводятся некоторые новые понятия, входящие в научный оборот в связи с осмыслением ландшафта. Это вызвано тем, что мы ставим задачу показать ценность и значимость историко-культурного и природного ландшафта бывшего исторического имения (поместья) в современном урбанизированном мире и намечаем пути его сохранения.

Исторический усадебный комплекс — архитектурно-ландшафтный памятник (объект), сооружения и планировочная структура которого сформированы единовременно, либо в разное время по проекту одного или разных архитекторов и объединены единой территорией. Состав сооружений, парк и планировочная структура отвечают как определённой архитектурной традиции, так и различаются по стилевым признакам.

Исторический усадебный ансамбль — отличается от комплекса тем, что

его сооружения — парадные и хозяйственные построены единовременно по проекту одного архитектора, в одном архитектурном стиле, а незначительные перестройки не изменили его архитектурной цельности. Ему присуще гармоническое единство форм, высокое эстетическое качество.

Дворянское поместье — элементарная территориальная природно-культурная единица, в которой сформировался русский этнос. (Гарушьянц К.Ю. Культурологические подходы к эстетической оценке природного окружения усадьбы. 1995. В рукописи.)

Имение — поместье, земельное владение с помещичьим хозяйством, в том числе крепостными крестьянами. Земельный участок с усадьбой. Владение, состояние того, кто имеет. Недвижимое имение — земля, дома и поселения крепостных крестьян.

Крестьянская усадьба (историч.) — жилые покои (изба), хозяйственные постройки, конюшня, гумно и др.

Культурное и природное наследие — «всё, что отражает историю развития природы и культуры, признаётся ценным в научном, религиозно-духовном, экологическом, эстетическом и просветительском отношении и рассматривается как национальное достояние». (Ю.А.Веденин. Необходимость нового подхода к культурному и природному наследию России. //Актуальные проблемы сохранения культурного и природного наследия. М., 1995. С.10)

Культурное наследие — широкое понятие, которое включает в себя отдельные памятники истории, архитектуры и градостроительства, ансамбли памятников, а также достопримечательные места — совместные творения человека и природы, представляющие ценность в связи с их красотой и с точки зрения археологической и исторической ценности.

Природное наследие — понимается как природные памятники, представляющие интерес с эстетической и научной точки зрения. К нему относятся природные достопримечательные места, представляющие ценность с точки зрения науки, сохранения природной красоты, или совместного творения человека и природы.

Ёмкость историко-культурного и природного ландшафта — параметры того или иного антропогенного воздействия на ландшафт, при котором сохраняются его устойчивые качества.

Памятник — «...то, что однажды стало единственным. То, что нашло силы выжить. Это предметно выраженная проблема отсутствующего, не утихающая тревога и беспокойство культуры о недошедшем». (Л.Смирнов. В начале было «Слово». // Декоративное искусство. № 11 (336). 1985. С. 32.)

Историко-культурный и природный ландшафт — сохраняющий черты русского средневекового ландшафта, в котором были сформированы усадебные комплексы, в своё время так же оказавшие на него воздействие.

Ландшафт исторического имения — парк, результат не персонифицированного творчества помещика и крестьян в земле- и природопользовании. Целостный историко-ландшафтный объект со всеми составляющими — жилыми, хозяйственными и природными. Включает в себя всю мозаику ландшафтных эле-

ментов, сформированных во времени, изменённых человеком, несущих черты средневековья, унаследованные имением.

Достопримечательные места — творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; культурные слои, остатки построек древних городов, городищ, селищ, стоянок; места совершения религиозных обрядов. (Закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Гл.1. Общая часть. Ст.3).

Архитектор — в экологическом понимании наилучший архитектор тот, который воздержался от нежелательной застройки ценной природной территории. Архитектурная профессия во многих странах делится на несколько самостоятельных направлений: архитектор, ландшафтный архитектор, планировщик. Эти профессии зафиксированы Международной организацией труда (МОТ) ООН. В нашей стране в 2003 г. в Государственный реестр профессий введена профессия «ландшафтный архитектор». В настоящее время разрабатывается её стандарт.

Ландшафтный архитектор (ревитализатор) — первый среди равных, решающий сложные проблемы организации больших пространств. Подобно режиссёру, организует и возглавляет многопрофильный коллектив специалистов для создания ландшафтного произведения, либо для создания условий его сохранения средствами ландшафтного планирования. В программу обучения ЛА входят: основы географии, районная планировка, дендрология, историческое ландшафтоведение, рисунок, живопись, история искусства, история архитектуры.

Зоны охраны (проект зон охраны) — первичная стадия ландшафтного планирования, планировочный юридический документ культуро-охранного значения, организующий земле- и природопользование и обеспечивающий его устойчивое состояние. Различаются по методическим подходам к проектированию: для исторических городов, памятников археологии (в исторических городах, в природных ландшафтах), внегородских территорий (исторических усадебных и монастырских комплексов), не зависят от конфессиональной принадлежности памятников и форм собственности на них. Систему зон охраны образуют территория памятника и три функциональные зоны: охранная зона, зоны регулирования застройки, зона охраняемого ландшафта. Зона археологического слоя и водоохранная зона могут войти в любую из перечисленных зон, расширяя при этом регламенты их охраны.

Территория объекта культурного наследия (памятника) — участок, исторически принадлежащий памятнику (историческому усадебному комплексу), связанный с ним функционально и художественно. Сформирован в разное время создания усадьбы. Объединяет в себе: жилые и хозяйственные строения; парк и систему прудов; подъездные (луче-

вые) аллеи; экстерьер, на котором расположены наилучшие видовые точки, открывающиеся на парк. В некоторых случаях входит и усадебная церковь, и другие исторически ценные сооружения. Является «ведомым» фактором по отношению к **охранной зоне.**

Территория памятника может объединять различные типы памятников — архитектуры, истории, археологии, культового зодчества. Нет необходимости устанавливать отдельно территорию памятника для каждого перечисленного типа, если они входят в единый комплекс, или расположены рядом.

Охранная зона — участок, окружающий территорию памятника и предназначенный для обеспечения его физической сохранности, в том числе исторической гидрологической системы и благоприятного зрительного восприятия. В некоторых случаях охранная зона устанавливается на лесных (закрытых) территориях, если данные участки леса имеют значительную природную или эстетическую ценность, в том числе культурное происхождение. Является «ведущим» фактором по отношению к территории памятника.

Зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности — любая застроенная территория вокруг охранной зоны. Устанавливается для сохранения и восстановления сложившейся планировочной структуры, для обеспечения гармонического единства новой застройки с исторически сложившейся. В зависимости от типа застройки делится на подзоны с различными режимами содержания. Является одновременно «ведущим» и «ведомым» фактором по отношению к зоне охраняемого ландшафта и «ведущим» по отношению к охранной зоне.

Зона охраняемого ландшафта — открытые и закрытые пространства, объединяющие в себе все предшествующие зоны (по принципу матрёшки), как видимые от центрального объекта, так и не видимые, но объединённые с ним исторически и представляющие собой систему расселения предшествующих периодов. Устанавливаются для сохранения ценного историко-культурного и природного ландшафта, влияющего на цельность восприятия памятника и исторических населённых мест. Здесь предусматриваются мероприятия по сохранению естественного рельефа и исторического облика ландшафта. Зона охраняемого ландшафта исторического усадебного комплекса должна включать в себя всю мозаику ландшафтных элементов, сложившихся во времени, изменённых человеком и унаследованных имением.

Зона археологического слоя — устанавливается на памятниках археологии — селищах, городищах, курганах и др. В исторических поселениях зона археологического слоя включает как выявленные селища, так и предполагаемые в соответствие с историческим картографическим материалом XVII-XVIII вв. К памятникам археологии относят также всю систему расселения с историческими коммуникациями, сложившуюся в древности и изображённую на картографическом материале XVII-XIX вв. При этом зона археологического слоя может войти в любой тип зон охраны, расширив тем самым режимы её регулирования.

Водоохранная зона — устанавливается на всех существующих в границах зон охраняемого ландшафта водоёмах с целью их физического сохранения, а так же сохранения экологических характеристик. Проектируется индивидуально для каждого типа водоёма, при этом учитываются все водотоки, впадающие и вытекающие из водоема, в т. числе овраги.

Инициирование создания зон охраны — организация зон охраны инициируется и финансируется:

— государственными органами охраны памятников при согласовании выбора и отвода земельного участка; проектировании и проведении мелиоративных и хозяйственных работ на территориях, прилегающих к объекту культурного наследия;

— органами архитектуры и градостроительства в рамках градостроительного планирования территории РФ, субъектов РФ, территорий городских и сельских поселений и других муниципальных образований, осуществляемых ими в соответствии с Градостроительным кодексом РФ;

— землепользователями участков, расположенных в районе объектов культурного наследия, заказчикаами на проведение землеустроительных, земельных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ, осуществление которых может оказать прямое или косвенное воздействие на объект культурного наследия;

— общественными организациями;

— ВООПИК;

— гражданами РФ.

Создание зон охраны (проектирование) — творческий процесс, предмет ведения авторского права, включающий разработку задания на проектирование, проведение предпроектных исследований, проектирование и авторский надзор над процессом функционирования зон охраны.

Установление зон охраны — порядок согласования, утверждения проекта зон охраны и внесение данных о границах и режимах содержания в документы, регулирующие градостроительную и землеустроительную деятельность.

Функционирование зон охраны — распространение информации о создании зон охраны среди местного населения, органов местного самоуправления, органов охраны памятников, средств массовой информации, проведение мониторинга зон охраны органами охраны памятников, ВООПИК, авторами проекта зон охраны.

Историко-культурный опорный план — чертёж, результирующий стадию предпроектных исследований, на который «послойно» нанесены этапы исторического развития территории в соответствии с историко-архивными и натурными исследованиями. Объединяет в себе в зависимости от объекта культурного наследия и градостроительной ситуации историко-архитектурный, историко-градостроительный, историко-археологический, историко-ландшафтный опорные планы. Выполняется на геоподоснове.

Генеральный план зон охраны (основной чертёж) — чертёж, на который по результату анализа историко-культурного опорного плана наносятся границы зон охраны.

Единый государственный реестр объектов культурного наследия — государственная информационная система, включающая в себя банк данных. Сведения, содержащиеся в реестре являются основным источником информации об объектах культурного наследия и их территориях, а также о зонах охраны объектов культурного наследия при формировании и ведении Государственного земельного кадастра. (Закон «Об объектах.... Гл.IV. Ст. 15. П.3).

Земли историко-культурного назначения — земли на которых в целях повышения эффективности использования, охраны и сохранения национального и культурного наследия, государственного управления земельными ресурсами устанавливаются особые режимы использования. К ним относятся земли объектов культурного наследия, в том числе объектов археологического наследия, достопримечательных мест, заповедников, военных и гражданских захоронений.

Территориальные историко-культурные зоны — участки земель различного назначения (жилые зоны, общественно-деловые зоны, производственные зоны, рекреационные зоны, зоны сельскохозяйственного использования. Зоны специального назначения, иные территориальные зоны, на которые распространяются режимы и регламенты, установленные проектами зон охраныобъектов культурного наследия. (Земельный кодекс РФ. 2001 г. Градостроительный кодекс РФ. Ст.40. С. 48, 49. Органы местного самоуправления могут устанавливать иные территориальные зоны. Ст. 40. С. 48).

Документ на домовладение — выдаваемый пользователю (домовладельцу) — трёхсторонний договор о правилах историко-культурного и природного наследия, заключённый между органами охраны памятников, администрацией и домовладельцем.

Деградированный историко-культурный и природный ландшафт — искажённый карьерами, свалками, рубками леса, нерегламентированной гражданской и промзастройкой. В следствие этого нарушаются пропорции и назначение исторических сельскохозяйственных угодий (распахиваются пойменные луга, эрозируют почвы, зарастают древние пашни).

Зона визуальной ответственности — ценная историко-культурная и природная территория, за искажение которой несут ответственность.

ДОКУМЕНТ НА ДОМОВЛАДЕНИЕ

в границах зон охраны памятников истории и культуры.

(Носит характер многостороннего договора между домовладельцами, администрацией и органами охраны памятников).

1.Местоположение на схеме зон охраны и на генплане поселения (М 1:25000).

2.Краткие исторические сведения.

3.Схема домовладения (М 1:20).

4.Регламенты пользования.

4.1.Двухсторонняя ответственность: со стороны домовладельца обязанность сохранения чистоты визуального бассейна. То же — со стороны администрации.

4.2.Любое новое строительство согласовывается с первичным органом охраны памятников (дирекцией зон охраны).

4.3.Обеспечение экологической стабильности (домовладелец — администрация).

5.Страхование ландшафта.

5.1.Страховые взносы со стороны домовладельцев в страховую компанию.

При выполнении домовладельцем регламентов ему полагаются налоговые льготы.

(В приложения включается эскизный проект строений).

И.К. Бахтина

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦАРИЦЫНСКОГО ПАРКА

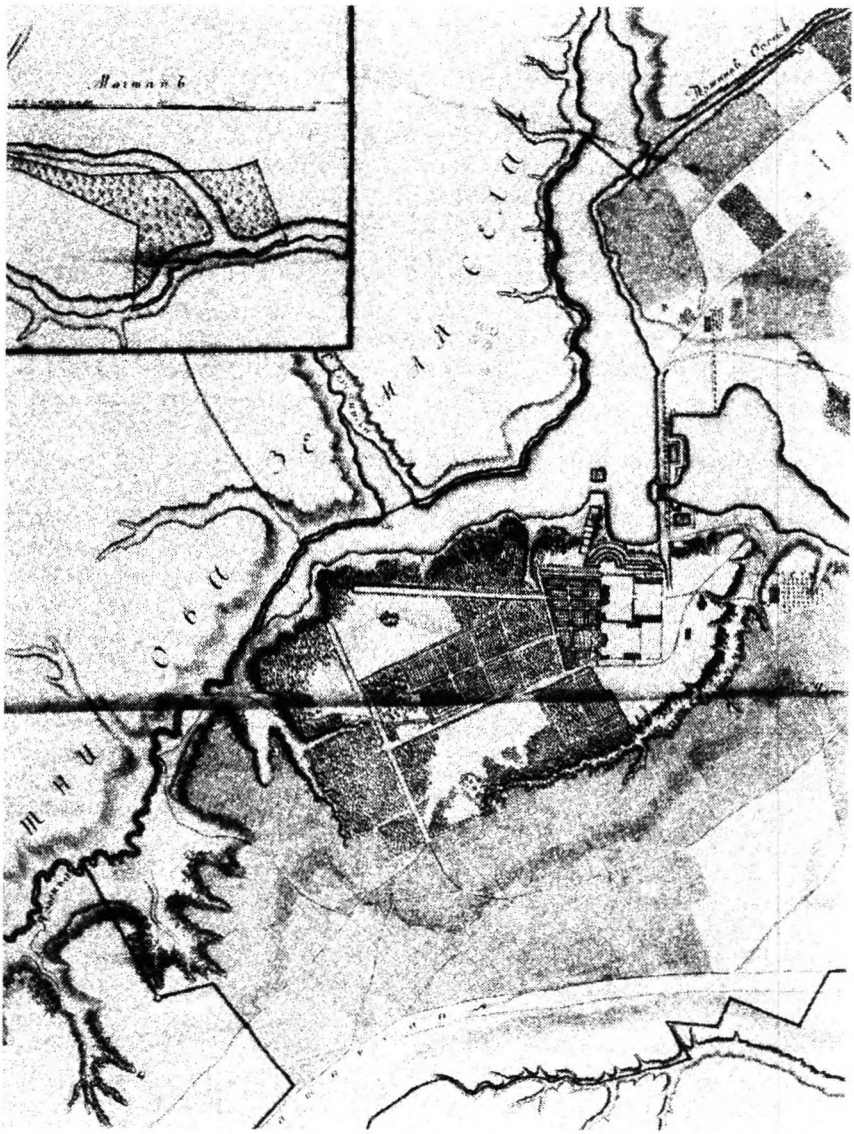
ГУП НИиПИ Генплана г. Москвы разрабатывает проекты планировок природно-исторического парка «Царицыно» и музея-заповедника «Царицыно». Основой для принятия проектных решений является историко-архитектурный опорный план — результат глубоких научных изысканий и подробного обследования территории.

Сотрудниками музея-заповедника «Царицыно», созданного в 1994 году, за последние годы была проведена большая исследовательская работа по изучению архивов. Её итогом стали новые данные, уточнившие датировки некоторых исторических событий, имена владельцев земель, факты истории этих мест. Были получены новые сведения о создателях парка, отдельных парковых сооружений и т.п. , то есть предыдущая историография Царицына в значительной степени устарела.

На основе новых материалов, предоставленных нам заместителем директора по научной работе музея-заповедника «Царицыно» кандидатом искусствоведения О.В. Докучаевой, и анализа многих историко-картографических источников авторами проекта (Бахтиной И.К., Константиновой Е.Н., Котиковой О.И.) был разработан историко-архитектурный опорный план и даны предложения по сохранению, восстановлению и развитию дворцово-паркового ансамбля Царицыно. Авторами была прослежена динамика развития дворцово-паркового комплекса по основным историческим этапам, проведен анализ сохранившейся исторической пространственно-планировочной структуры территории. На историко-архитектурном опорном плане были показаны все основные этапы развития территории дворцово-паркового комплекса и его элементов — сооружений, дорожно-тропиночной сети, насаждений, водоемов и т.п., как сохранившихся, так и утраченных.

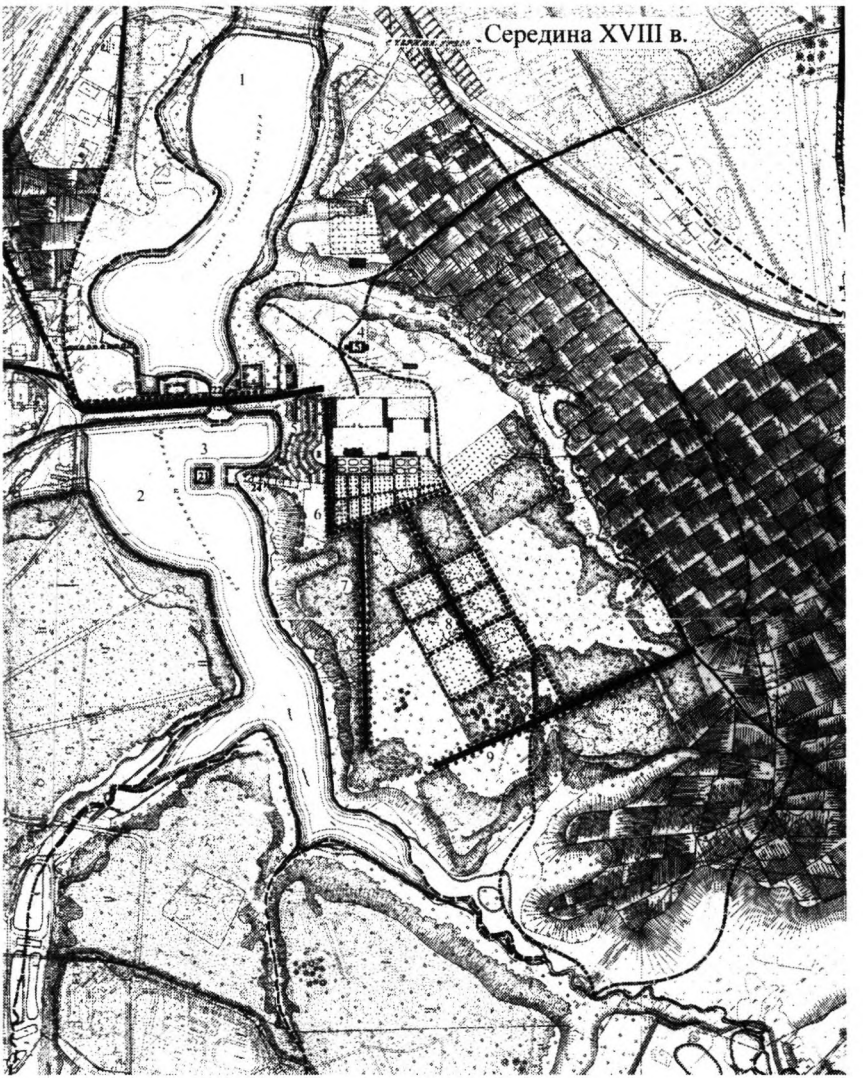
Основные исторические этапы развития дворцово-паркового комплекса таковы: XVI век, XVII век (владельцы Стрешневы, Голицыны), начало и середина XVIII века (владельцы Кантемиры), конец XVIII века (Дворцовое ведомство), начало XIX века (Дворцовое ведомство); середина, конец XIX и начало XX века (Удельное ведомство).

Первые славянские поселения в Царицыне появились примерно в конце XI-XIII веке. Их следы сохранились вдоль р. Язвенки, а в Царицынском парке и его окрестностях находятся захоронения вятичей — курганные группы. Археологические исследования курганов велись со второй половины XIX века. Особенно интересные результаты дала экспедиция академика А.В. Арциховского в 1940-х годах. Среди находок преобладают украшения из сплавов меди, бронзы, изделия из глины. Большинство местных поселений прекратило существование в XIII веке после татаро-монгольского нашествия.



План села Черная Грязь с принадлежащими к оному деревнями и селами 1775 г., снятый при покупке Екатериной II у Кантемиров. Из фонда ГИАХ и ЛМЗ «Царицыно».

С XVI века на протяжении 300 лет складывалась обширная система прудов. Первым был создан Цареборисовский пруд, образовавшийся после возведения плотины во времена Бориса Годунова. Ядром будущей усадьбы стала пустошь



К схеме историко-архитектурного опорного плана (середина XVIII в.). До наших дней сохранились: От конца 17 в. – обширные пруды: Нижний Царицынский (1), Верхний Царицынский (2) и Остров (3), первоначально квадратной формы. От середины 18 в.: каменная церковь во имя иконы Богоматери Живоносный Источник (4), общие контуры террасированной земляной пирамиды и местоположения пандуса и беседки (5), проспекты-аллеи регулярного парка (Березовый) (6), Глухой (7), Центральный (8), Большой (9).

Авторский коллектив: Бахтина И.К. (рук.), Константинова Е.Н., Котикова О.И. – 2000 г.

Черная грязь, которая по писцовым книгам 1589 года относилась к дворцовым землям села Коломенского.

В XVII веке первыми владельцами Черной Грязи стали бояре Стрешневы (1633-1673). На территории пустоши Черная Грязь появился боярский двор с фруктовыми садами. Этот период определил место расположения усадьбы — на мысу между рекой и оврагом. От короткого периода владения Голицыными (с 1683 по1689 год) остался неизгладимый след: скромное сельцо Черная Грязь превратилось в живописную, добротно обустроенную усадьбу Богородское. До наших дней от нее сохранились образованные мощными плотинами обширные пруды: Шипиловский (Нижний Царицынский) и Черногрязский (Верхний Царицынский), ставший впоследствии композиционным центром пейзажного парка. На Верхнем Царицынском пруду сохранился остров первоначально квадратной формы, являющийся до сих пор лучшим акцентом водной системы парка. На избранном В.В. Голицыном месте по-прежнему стоит церковь иконы Богородицы «Живоносный источник», построенная позднее.

Следующий период в истории усадьбы связан с родом князей Кантемиров, владевшим усадьбой с 1712 по 1775 год. В 1721-1722 годах Д.К. Кантемир построил на месте деревянной церкви новую с каменным нижним ярусом. После него усадьбой последовательно владели его сыновья. Князь Константин Кантемир в 1745-1746 годах возвел новый барский дом в стиле барокко — двухэтажный деревянный на каменном фундаменте, украшенный пилястрами, наличниками и скульптурой. После раздела наследства в 1757 году усадьба досталась в основном князю Матвею Кантемиру за исключением небольшой части, ставшей собственностью его брата Сергея.

Матвей Кантемир в 1759-1765 годах возвел взамен обветшавшей новую каменную церковь во имя иконы Богоматери «Живоносный Источник». В усадьбе появился второй господский двор, смежный с первым. Оба двора братьев с господским домом в каждом располагались по одной линии. Садовые фасады домов были обращены к регулярному партеру, за которым располагался регулярный сад. Береговой склон, в том числе полукруглый холм, были террасированы. На вершине холма у Кантемиров стояла беседка, от которой открывались далекие живописные виды. При Матвее Кантемире были заложены оранжереи.

От усадьбы Кантемиров до наших дней сохранились: каменная церковь во имя иконы Богоматери «Живоносный источник», общие контуры террасированной земляной пирамиды и местоположение пандуса и беседки. Сохранились также и основные исторические проспекты, аллеи парка, являющиеся остатками исчезнувшего регулярного сада (их более позднее название — Березовый, Глухой, Центральный), Большой проспект, подъездные дороги с 2-х сторон к усадьбе. С этим периодом в литературе нередко принято связывать создание так называемого «трехлучия» — Глухой, Центральный и проспект, направленный к деревне Орехово. На самом деле эти проспекты не образуют «трехлучие», так как не соединяются в одной точке у главного дома — они просто являются остатками более раннего регулярного сада. Нами была графически прослежена эволюция планировки регулярного парка середины XVIII века.

С 1775 года в истории Черной Грязи начинается новая эпоха. Екатерина II выкупила у Кантемиров имение, сменив его название. С 1776 по 1785 год архитектор В.И. Баженов возвел в Царицыне уникальный дворцовый комплекс, насчитывающий семнадцать пост-

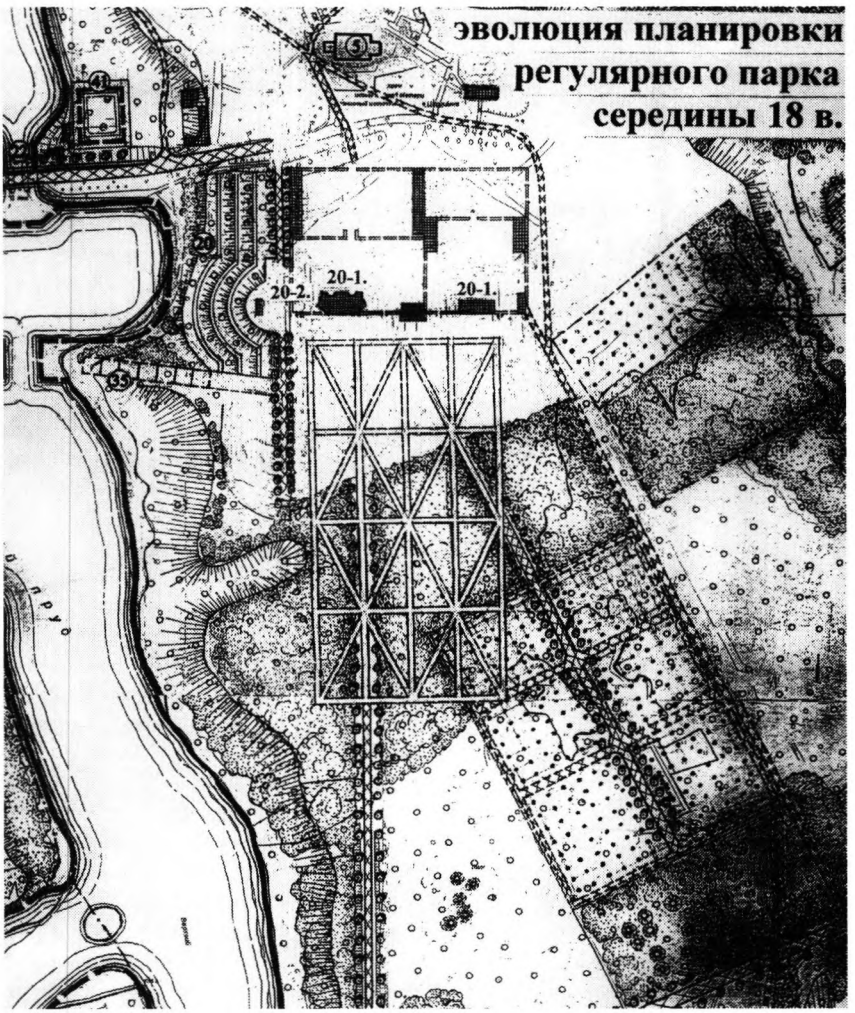
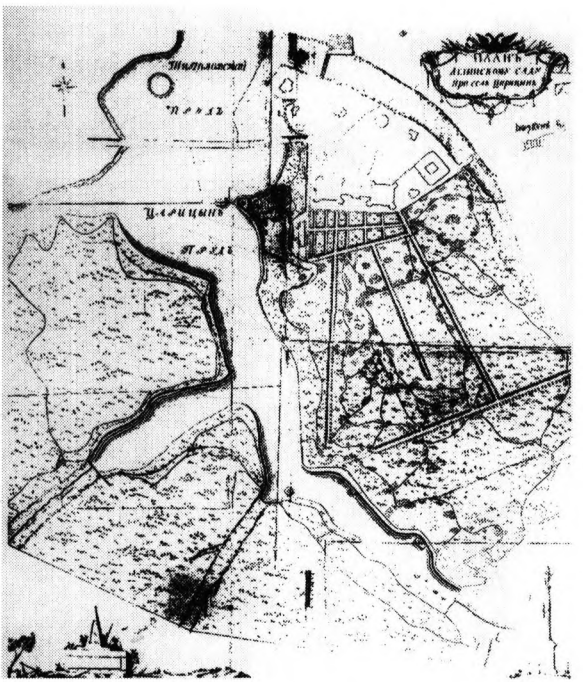


Схема эволюция планировки регулярного парка середины XVIII века. Анализ выполнен в 2000 г. автором.

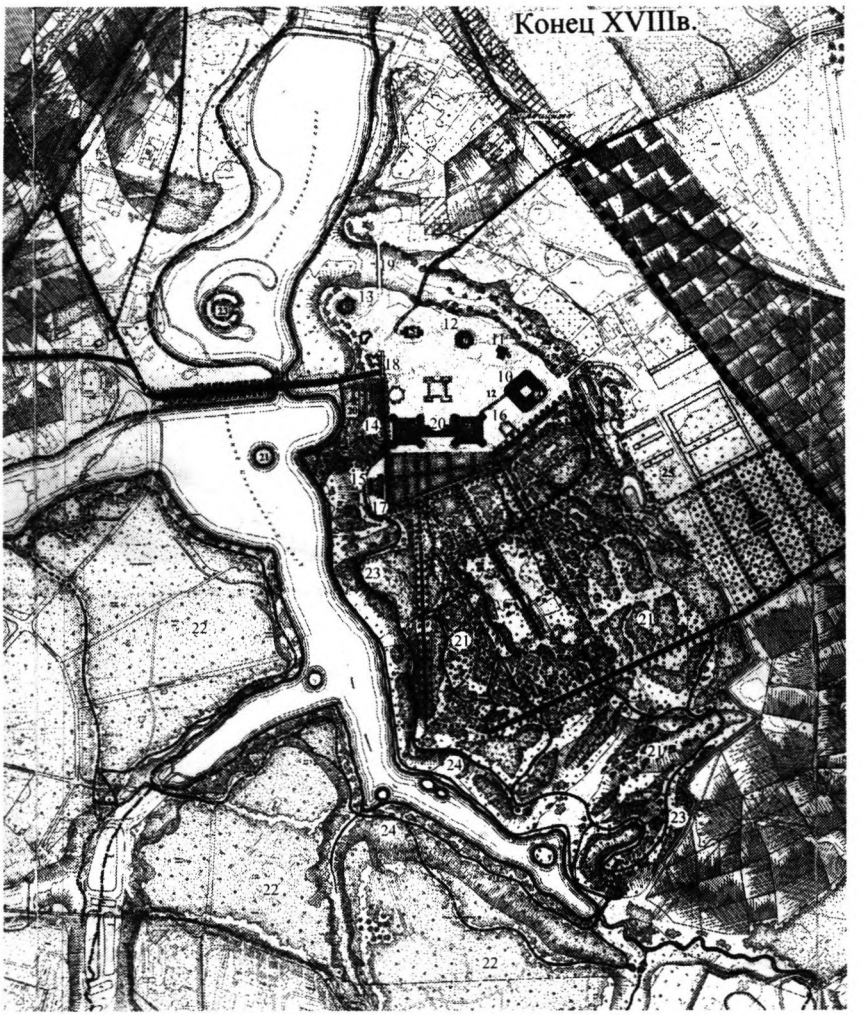
роек. Созданное им архитектурное ядро усадьбы представляет собой комплекс разнообразных, пластически выразительных построек из красного кирпича с белокаменными деталями, живописно расположенных на холмистом рельефе и гармонично увязанных между собой и с природным окружением. Царицыно — самое значительное произведение романтического направления русской архитектуры периода классицизма. Однако его строительство было приостановлено. Екатерина II во время визита в Царицыно в 1785 году осталась недовольна увиденным и потребовала переделок.



План Английскому саду при селе Царицыне (кон. XVIII века). Из фонда ГИАХ и ЛМЗ «Царицыно»

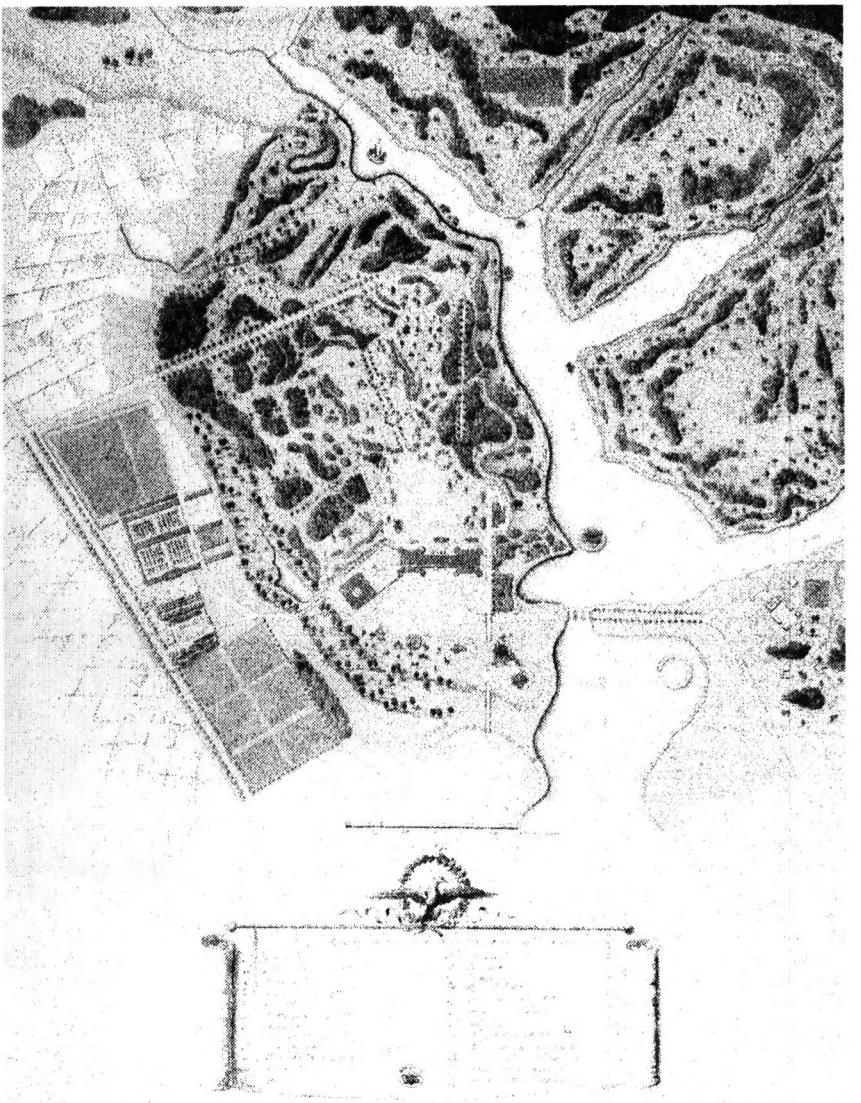
Новый трехэтажный дворец проектировал М.Ф. Казаков. Строительство затянулось еще на десять лет (1786-1796), но так и осталось незавершенным. В настоящее время рассматриваются варианты реставрации дворца Казакова. (По моему мнению для сохранения гармонии нельзя восстанавливать очень высокие темные кровли дворца, так как их вызывающий силуэт резко нарушит гармонию уникального баженовского комплекса. Кровли должны быть плоскими). В настоящее время почти все постройки Баженова полностью восстановлены, но несмотря на общее положительное впечатление, исчезло ощущение рукотворности и скульптурности баженовских деталей — их как бы пригладили огромные утюгом. Плохое впечатление в настоящее время производит дворцовая площадь, имеющая очень большой перепад рельефа от стен Большого дворца до Кавалерских корпусов, образовавшийся на протяжении XIX-XX веков в результатае неоднократной подсыпки грунта Освобождение от этих грубых напластований, искажающих впечатление от Дворцовой площади, является первоочередной задачей, тем более, что по ней уже имеются проектные проработки. В 1985 году мастерской № 13 Моспроекта-2 на основе архивных материалов и археологических исследований разработаны рабочие чертежи реставрации придворцовой территории (автор И.Б. Циприс). На основе проектных отметок дворца был разработан проектный рельеф парадного двора с небольшим уклоном от фасада Большого дворца к Кавалерским корпусам.

Основание пейзажному парку было положено в 1784 году с приездом в Царицыно специально приглашенного английского садовника Френсиса Рида. Он бережно отнесся к существовавшему в Царицыне регулярному саду Кантемира. Сохранив партер и несколько основных проспектов и аллей, он убрал из центральной зоны парка плодовые посадки, полностью превратив его в увеселительный. Границы парка были отодвинуты к югу. На противоположной стороне Верхнего Царицынского пруда — Покровской в конце XVIII — начала XIX века также был сформирован пейзажный



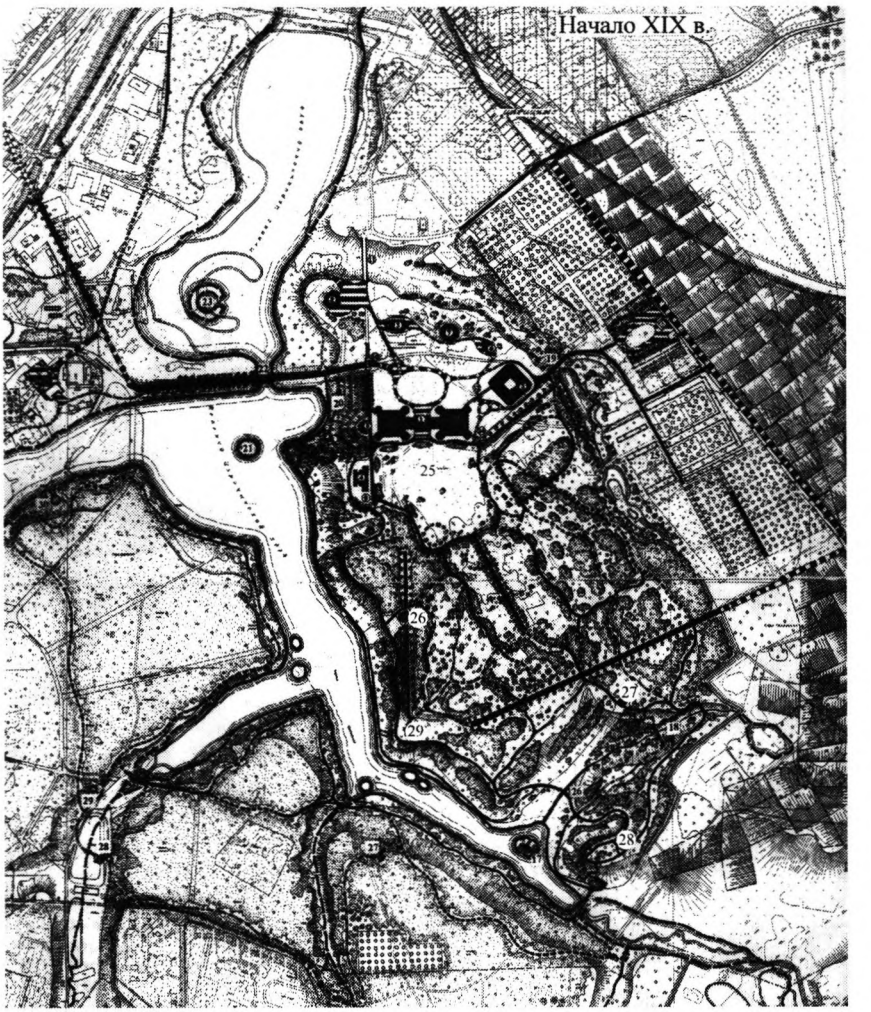
К схеме историко-архитектурного опорного плана (конец XVIII века). От конца XVIII в. сохранился уникальный комплекс зданий В.И. Баженова – Хлебный дом (10), Первый кавалерский корпус(11), Второй кавалерский корпус (12), Третий кавалерский корпус (13), Малый дворец (14), Оперный дом (15), галерея с аркой (16), Фигурные (Виноградные ворота) (17), Фигурный мост (18), Большой мост через овраг (19), а также руины Большого дворца М.Ф. Казакова (20). Сохранились пейзажные парки у дворца (21) и на Покровской (22) стороне, Утренняя дорожка (23), Береговая дорожка (24). Авторский коллектив: Бахтина И.К. (рук.), Константинова Е.Н., Котикова О.И. – 2000 г.

парк. В парке были намечены участки, обладающие различными «характерами: приятными, романтическими и другими, соединеными сетью дорожек.



План Царицынскому саду со строениями при нем (начало XIX века).
Из фонда ГИАХ и ЛМЗ «Царицыно»

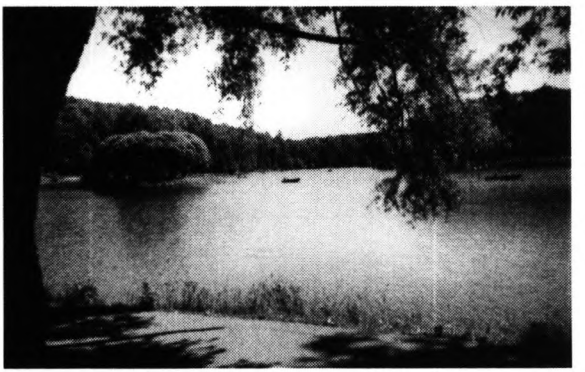
От конца XVIII века сохранился замечательный, в настоящее время почти полностью реставрированный, комплекс зданий В.И. Баженова, руины Большого дворца М.Ф. Казакова и планировочная структура обширного пейзажного парка по обоим берегам Верхнего Царицынского пруда, созданного английским садовником Ф. Ри-



К схеме историко-архитектурного опорного плана (начало XIX века). От начала 19 в. сохранилась окончательная планировка парка, дворцовая поляна (25), парковые павильоны: «Миловида»(26), «Нерастанкино» (27), беседка «Храм Церцеры» (28), Башня-Руина (29). Авторский коллектив: Бахтина И.К. (рук.), Константинова Е.Н., Котикова О.И. – 2000 г.

дом. Хорошо сохранилась так называемая Утренняя дорожка, начинающаяся от Фигурных ворот и огибающая весь парк. Прослеживается также Береговая дорожка, служившая для прогулок у воды как на основной, так и на Покровской стороне пруда.

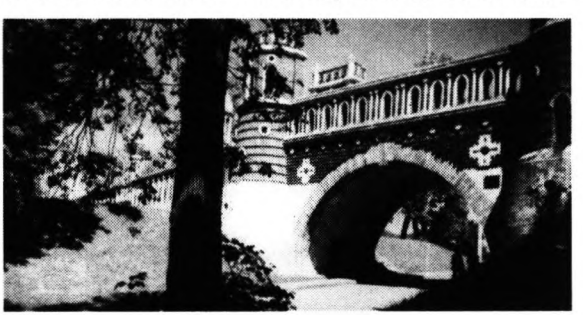
В 1796 году после смерти Екатерины II строительство в Царицыне полностью прекратилось. Павел в 1797 году запретил выделять деньги даже на поддержание в



Верхний Царицынский пруд. Фото автора.

порядке дворцов и парка. Четыре года Царицыно находилось в полном забвении. Человеком, возродившим Царицыно, стал управляющий дворцового ведомства граф Петр Степанович Валуев, в ведении которого усадьба находилась с 1801 по 1813 год. В начале столетия ее предполагалось использовать как дачную резиденцию Александра I. В это время регулярная часть парка претерпела значительные изменения — на ее месте была устроена большая открытая поляна с сохранением на ней отдельных вековых деревьев. Тем самым парк получил свой композиционный центр. В нем также были проложены новые аллеи.

Окончательно сформированный в начале XIX века парк получил новые архитектурные акценты. По проектам Н.В. Еготова в начале XIX века выстроены беседки «Миловида», «Нерастанкина», «Храм Цереры» («Золотой сноп»). Появились такие декоративные сооружения, как «Руина» («Чертова лестница»), арка-руина «Русалкины ворота», гроты, лодочные пристани, гротесковые мосты и др. В образцовое состояние парк привел главный садовник — прусский садовый мастер К. Унгебауэр. В парке было размещено множество хижин и избушек, через многочисленные овраги перекинуты мостики. Большую роль в композиции парка играли пруды. Верхний Царицынский пруд занял важнейшее композиционное место в структуре архитектурно-паркового ансамбля. На него ориентированы архитектурные сооружения, раскрыты видовые перспективы. В конце XVIII — начале XIX века пруд украшали многочисленные островки, на которых находилась статуя Нептуна, вольер с птицами и т.д. На берегах были устроены удобные пристани для любителей водных прогулок. Большинство из этих затей не сохранилось до настоящего времени. Восстановленный в XX веке остров «Подкова» изменил свои размеры: он стал в два раза больше и поэтому потерял значение акцента водной системы, зрительно слившись с линией берега. На Покровской стороне в начале XIX века были построены павильоны и беседки: «Галерея на холме» или «Палаты дружины», «Турецкая палатка» и другие легкие домики и беседки, посте-



Фигурный мост-арка. Фото автора.

пенно разрушившиеся на протяжении столетия.

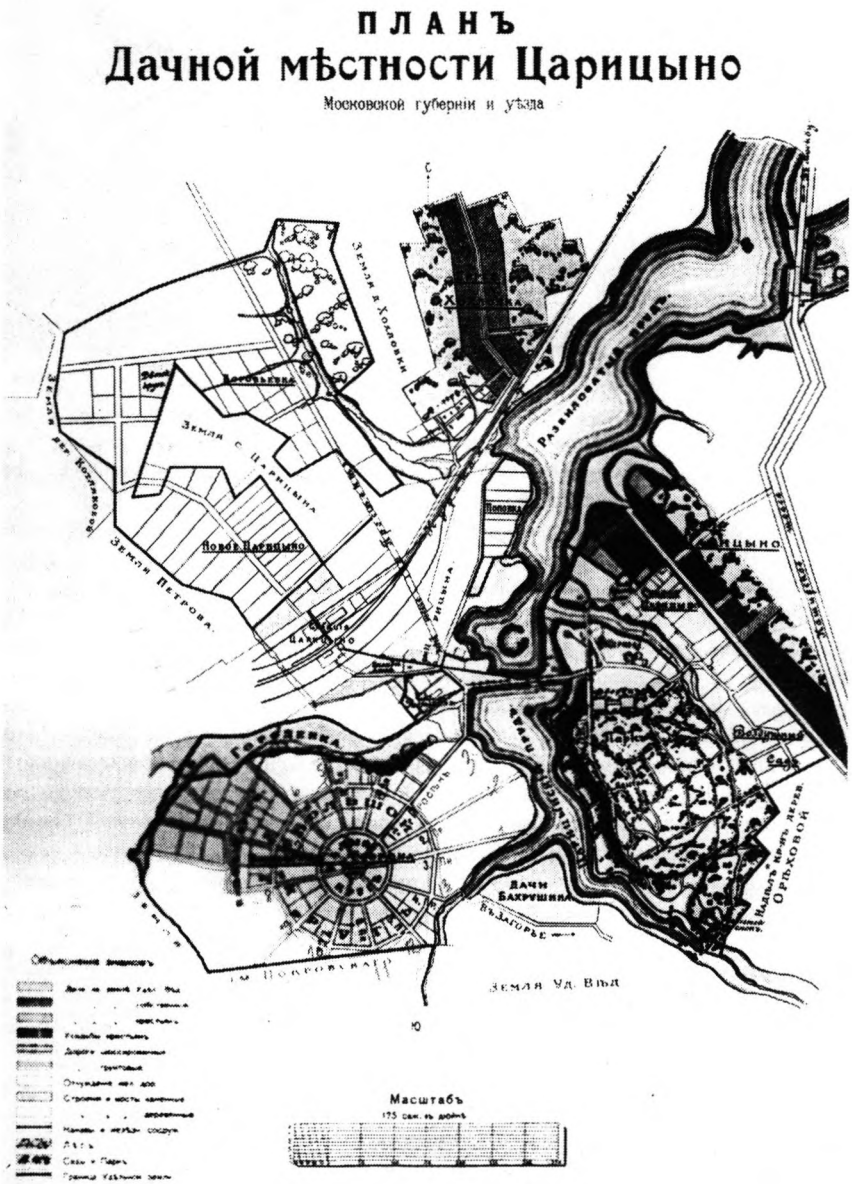
От «валуевского» периода сохранилась окончательная планировка парка, парковые павильоны «Миловида», «Нерастанкино», беседка «Золотой сноп», а также малые архитектурные формы и сооружения — «Руина» («Чертова лестница»), аркаруина («Русалкины ворота») , два гротесковых моста. После П.С. Валуева, управляющим стал князь Н.Б. Юсупов, владелец Архангельского, основное внимание уделявший усовершенствованию оранжерей. При нем в Царицыне процветало оранжерейное хозяйство. До нашего времени сохранились места размещения оранжерей.

Большой мост через овраг. Фото автора.

С 1860 года Царицыно перешло в Удельное ведомство. Во второй половине XIX — начале XX века Царицыно стало одним из любимых дачных мест Подмосковья. Здесь появились дачные поселки: Поповка, Воздушный Сад, Старое Царицыно, Покровская Сторона и другие. К началу XX века в этих местах насчитывалось более тысячи дач. К услугам дачников были: театр, ресторан, гостиница, танцевальная площадка, спортивные сооружения. От этого периода сохранилась только радиально-кольцевая планировка территории Покровской стороны. С Царицыным конца XIX — начала XX века связаны имена чтимых святых: праведного Иоанна Кронштадского, а также блаженной Матроны и схимонахини Макарии.

В первые десятилетия XX в. проводились благоустроительные работы по парку с устройством внутрипарковых дорог с щебеночным покрытием, как на территории собственно парка, так и на Покровской стороне. Вместе с тем к этому времени многие садовые сооружения были безвозвратно утрачены, отчасти изменился видовой состав парковых насаждений.

Галерея между Большим дворцом и Хлебным домом. Фото автора.



План Дачной местности Царицыно Московской губернии и уезда.
Из фонда ГИАХ и ЛМЗ «Царицыно»

Поляна перед Большим дворцом. Фото автора.

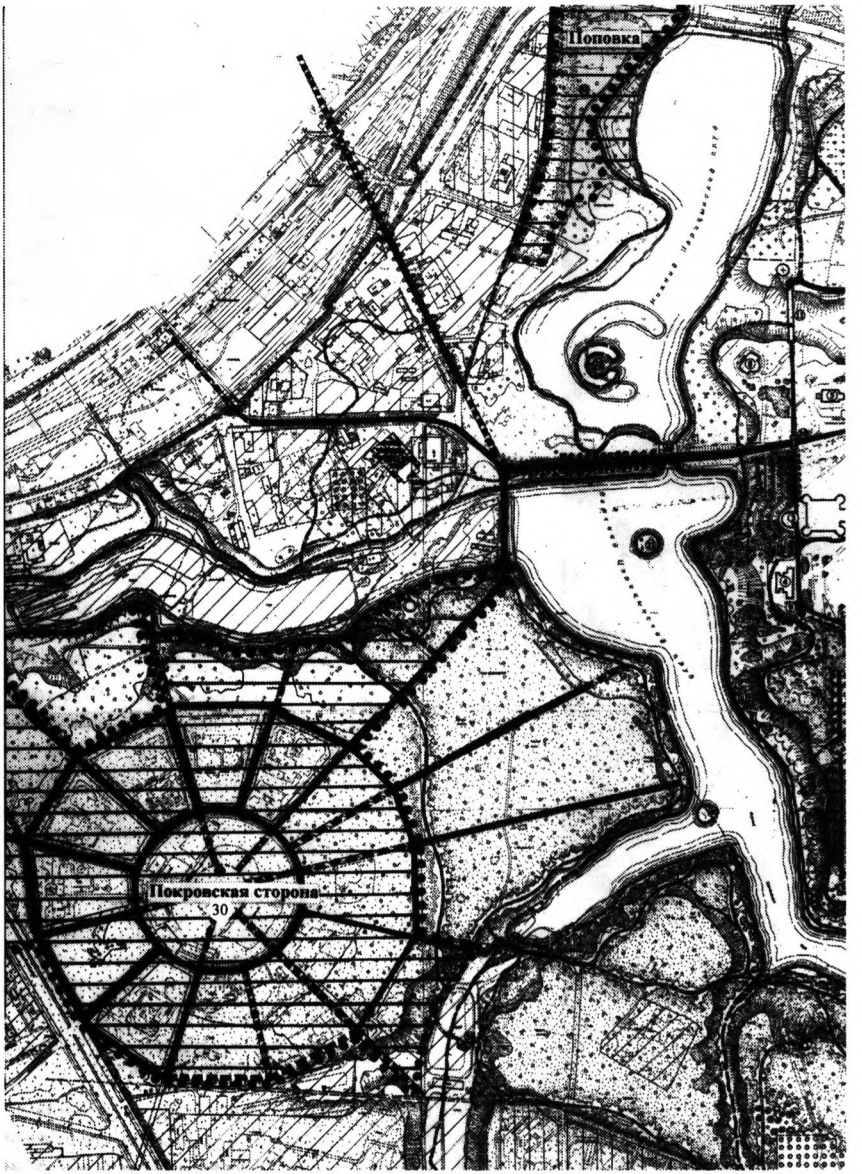
Завершающим чертежом историко-архитектурного опорного плана является «итоговый», на нем показаны только те планировочные элементы, которые рекомендуется сохранить, либо восстановить, то есть этот план является рекомендацией для основного проекта.

Дворцово-парковый комплекс постепенно разрушался, и Царицыно воспринималось, как «музей архитектурных руин». Восстановительные работы были начаты с 1960-х годов. Серьезная реставрация архитектурных сооружений ансамбля началась с 1980 годов. Проектные и исследовательские работы по дворцово-парковому ансамблю провели ведущие специалисты института «Моспроект-2» мастерской № 13: В.Я. Либсон, И.П. Рубен и другие; мастерской № 2: Д.С. Солопов и другие, а также научно-исследовательской проектной мастерской Объединения «Союзреставрация» А.А. Галашевич и Т.П. Никитина и т.д. В настоящей работе с учетом материалов исследования Царицынского парка кандидатом архитектуры К.И. Минеевой и заместителем директора по научной работе Музея-заповедника «Царицыно» кандидатом искусствоведения О.В. Докучаевой был выполнен анализ композиционно-пространственной структуры парка и его эмоционального восприятия. Анализ позволил реконструировать образно-смысловую систему парка. Выявлены основные композиционные узлы, которые должны создавать романтически-мажорные или романтически-меланхолические настроения у посетителей парка.

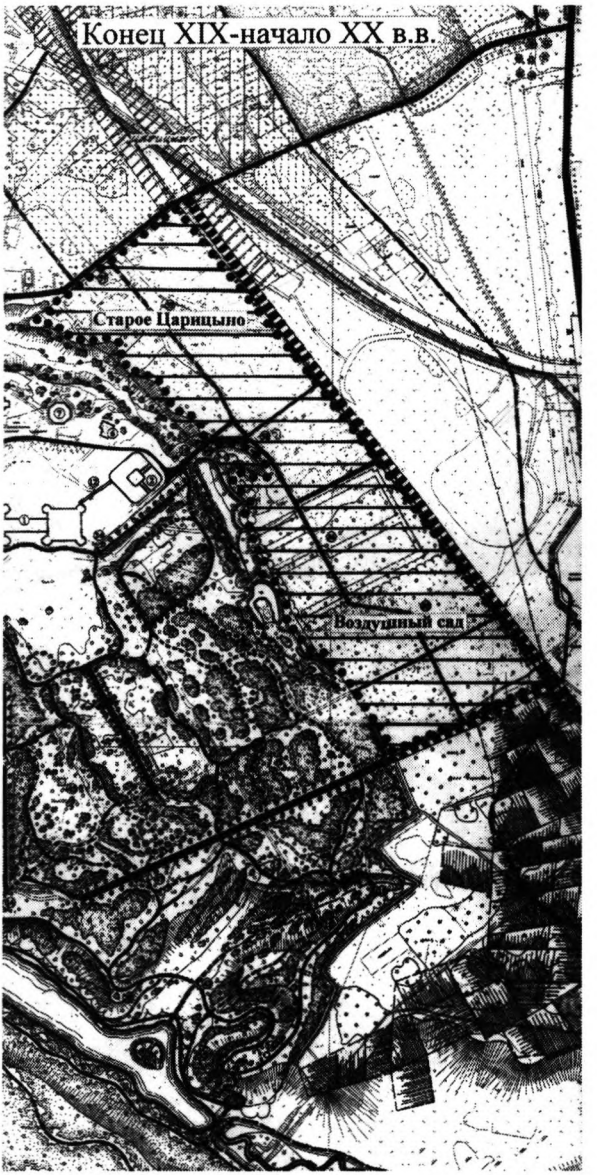
Участки, создающие романтическо-мажорные настроения:

Верхний Царицынский пруд, южная часть Нижнего Царицынского пруда, Дворцовая площадь, Дворцовая поляна, система малых полян с центральной осью — Липовым проспектом, участок парка с павильоном Миловида и видом на пруд, участок парка с башней-руиной и видами на пруд, участок парка с павильоном Нерастанкино и светлой лощиной, открывающей вид на Арку на Острове (Русалкины ворота) и запрудные рощи; участки парка с павильоном «Золотой сноп» («Храм Цереры»), расположенный на холме, откуда открывается обширная панорама; прибрежный участок парка вдоль Утренней дорожки; на Покровской стороне: прибрежный участок парка, роман-тический уголок парка с беседкой «Галерея на холме»; участок парка с беседкой у воды.

Участки, создающие романтическо-меланхолические настроения, включают: густую рощу с липовой аллеей («Глухой проспект», «Нестерова аллея») — «философское гульбище», предназначенное для одиноких прогулок мечта-теля и мыслителя; участок парка с Кантемировой беседкой — центром притяжения обширного



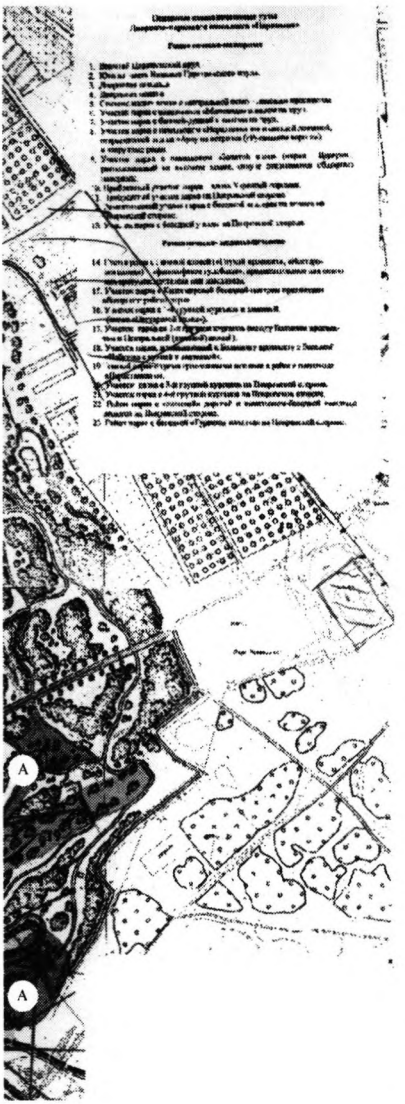
К схеме историко-архитектурного опорного плана (конец XIX — начало XX века). От этого периода сохранилась радиально-кольцевая планировка бывшего дачного поселка на Покровской стороне (30). В настоящее время на территории несколько капитальных объектов. Авторский коллектив: Бахтина И.К. (рук.), Константинова Е.Н., Котикова О.И. – 2000 г.



района парка; участок парка с 1-й группой курганов и хижиной (около «Нестеровой аллеи»); участок парка со 2-й группой курганов (между Большим проспектом и Центральной (Липовой аллеей); участок парка, примыкающий к Большому проспекту с беседкой «Избушка с кухней» и светелкой; темный овраг с тремя гротесковыми мостами в районе павильона «Нерастанкино». На Покровской стороне: участок парка с 3-й группой курганов; участок парка с 4-й группой курганов; район парка с «Лешевой» дорогой и павильоном-беседкой «Жилище лешего»; район парка с беседкой «Турецкая палатка».

В целом в проекте были определены видовые точки и лучи видимости, основные композиционные связи, а также выявлены дисгармоничные объекты и застройка. В проекте планировки природно-исторического парка Царицыно предлагается формирование единой программы развития территории природно-исторического парка «Царицыно», состоящий из трех направлений (градостроительных программ): сохранение историко-культурного наследия, сохранение, реабилитация и развитие тер-

Анализ композиционно-пространственной структуры парка. А – участок парка, создающий романтическо-мажорные настроения. Б – участок парка, создающий романтическо-меланхолическое настроения. Авторский коллектив: Бахтина И.К. (рук.), Константинова Е.Н., – 2000 г.



ритории и объектов природного комплекса, развитие инфраструктуры отдыха.

Программа сохранения историко-культурного наследия музея-заповедника включает: комплексную реставрацию архитектурно-паркового ансамбля, сохранение и восстановление его исторической планировочной структуры, воссоздание элементов исторического ландшафта, проведение природоохранных мероприятий, устранение негативного влияния диссонирующих объектов.

Комплексная реставрация архитектурного и паркового ансамбля включает: 1.завершение реставрации и приспособление построек дворцово-паркового комплекса Царицыно для музейных, образовательных и культурных целей; 2. воссоздание по сохранившимся историческим фундаментам цоколей построек В.И. Баженова — Большого Кавалерского корпуса, Камер-Юнфарского корпуса, Шестиугольного павильона, Крестообразного павильона, Управительского дома; 3. завершение восстановления парковых павильонов начала XIX века — «Миловида», «Нерастанкино», беседки «Золотой сноп» (Храм Цереры); 4. восстановление садовых построек парка — «Руины с башней», арки на острове «Русалкиных ворот», павильона «Хижина»; 5. восстановление павильонов на Покровской стороне пейзажного парка — «Турецкая беседка», «Галерея на мысу» и др.; 6. восстановление Гротесковых и других мостов; 7. восстановление гротов, расположенных вдоль Береговой дорожки, а также грота «Ниша каменная»; 8. реставрацию плотины между Верхним и Нижним Царицынскими прудами; 9. восстановление пристаней на Верхнем Царицынском пруду; 10. воссоздание Оранжерейных корпусов и других наиболее интересных построек оранжерейного участка.

Сохранение и восстановление исторической планировочной структуры территории включает: 1. восстановление исторической планировочной структуры дворцово-паркового ансамбля в соответствии с историческим планом «Царицынского сада и строений

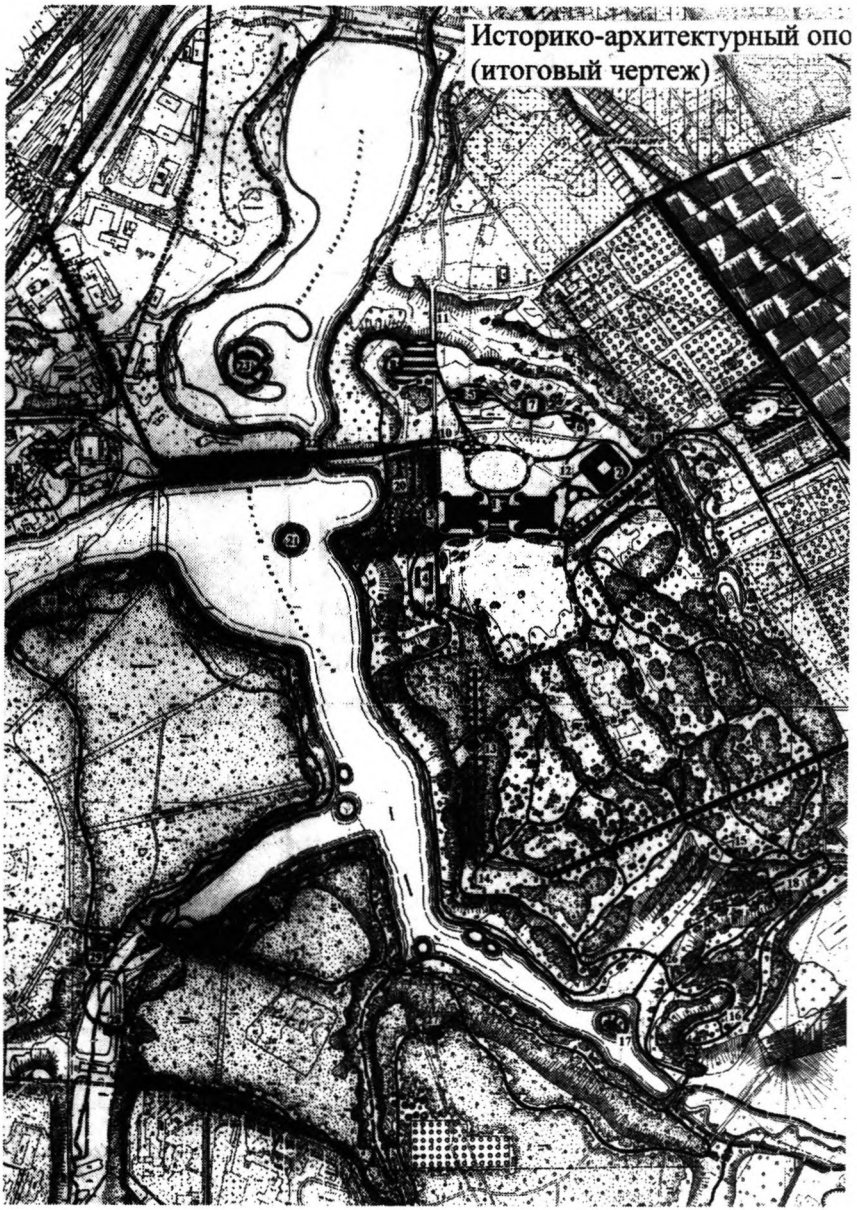
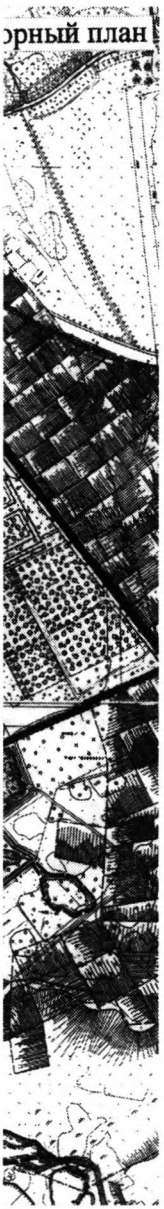


Схема историко-архитектурного опорного плана (итоговый чертеж). Показаны планировочные элементы и сооружения, которые рекомендуется сохранить и восстановить. Авторский коллектив: Бахтина И.К. (рук.), Константинова Е.Н., Котикова О.И. 2000 г.



при нем начала XIX века»; 2. восстановление исторической планировки Дворцовой площади с учетом воссоздания цоколя Большого Кавалерского корпуса и сохранения существующей дороги XIX века; 3. воссоздание исторических пропорций Дворцовой поляны и восстановление огибающей ее дорожки; 4. восстановление исторического пейзажного парка на левом берегу Верхнего Царицынского пруда по состоянию на первую половину XIX века; 5. воссоздание исторических видовых перспектив и основных видовых точек.

Воссоздание элементов исторического ландшафта включает: 1. восстановление пруда по р. Городенке, являющегося одним из важнейших композиционных акцентов дворцово-паркового комплекса; 2. восстановление Оранжерейных прудов; 3. воссоздание сада малых полян по Липовому проспекту с восстановлением травяного покрова и куртин; 4. восстановление на Нижнем Царицынском пруду острова «Подкова» в его исторических границах; 5. реконструкция земляной террасированной пирамиды.

Проведение природоохранных мероприятий включает: 1. ликвидацию свалок в долинах малых рек: Язвенки, Городни, Чертановки; 2. очистку прудов: Верхнего Царицынского, Нижнего Царицынского и Борисовского; 3. реконструкцию очистных сооружений.

Устранение негативного влияния диссонирующих объектов включает: 1. перенос игровых и спортивных площадок с территории «сада малых полян» в проектируемую спортивную зону; 2. перебазирование и перепрофилирование складов, производственных объектов и других землепользователей, не совместимых со статусом территории памятника истории и культуры; 3. благоустройство территории сохраняемых землепользователей.

Программа сохранения, реабилитации и развития территорий и объектов природного комплекса, включает предложения по рекультивации участков с сильно нарушенным почвенным слоем и растительным покровом, восстановление природных сообществ, озеленение и реконструкция существующих зеленых насаждений на сильно и средне нарушенных территориях, экологической реставрации особо ценных природных сообществ и объектов, выборочной экологической реставрации лесных сообществ, поддержанию наиболее сохранившихся луговых и околоводных сообществ в стабильном состоянии, поддержанию лесных и парковых насаждений, реабилитация водных объектов, проведению специальных мероприятий по сохранению и улучшению условий обитания и состояния редких для Москвы видов растений и животных.

Мероприятия по реализации программы включают: 1. разработку проектной документации по сохранению, реабилитации и развитию территорий и объектов природного комплекса в границах природно-исторического парка «Царицыно»; 2. поэтапную реализацию.

Программа развития инфраструктуры отдыха предлагает создание сети специализированных объектов отдыха, представляющую широкий спектр услуг и включающий развитие рекреационных центров по периметру природно-исторического парка со строительством сети прогулочных дорог, троп здоровья, устройства площадок отдыха, детских и спортивных, создание специализированных детских комплексов с павильонами детского творчества, досуга и зоостанций, специализированных физкультурно-оздоровительных центров, молодежного студийного центра искусств (театр, изобразительные, пластические и музыкальные искусства), создание учебно-прогулочных конных центров.

Для обслуживания туристов и отдыхающего населения предлагается создание у станций метро «Царицыно» и «Орехово» — экскурсионно-просветительских центров и системы обслуживания посетителей и туристов, включающей кафе, киоски сувениров и сопутствующей полиграфической продукции.

Мероприятия по реализации программы включают: 1. разработку проектной документации; 2. сценарий пользования объектами и территориями; 3. поэтапную реализацию.

КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ И ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

В работе были использованы ЦГВИА, РГАДА, фонда ГИАХ, ЛМЗ «Царицыно» и др.

1. План генерального межевания села Черная Грязь 1775 г.
2. План села Черной Грязи с принадлежащими с оному деревнями и селами 1775 г., снятый при покупке его Екатериной II у Кантемиров.
3. Геометрический план селу Царицыну за подписью Г. Наумова, конца XVIII в.
4. План Английскому саду при селе Царицыно, снятому в 1795 году (РГИА, ф. 485, оп. 1, д. 159), фонд ГИАХ и ЛМЗ «Царицыно».
5. Архивные материалы ЦГВИА, ф. ВУА 17 № 19684 (2 листа). 1814-1817 гг.
6. План Царицынскому саду со строениями при нем нач. XIX в. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18685 Б. л.1).
7. План Царицынскому саду. Библиотека Оружейной палаты. Ф. ГИАХ и ЛМЗ «Царицыно».
8. Топографическая карта окрестностей Москвы 1852 г.
9. План Дачной местности Царицыно Московской губернии и уезда (кон. XIX в.). Ф. ГИАХ и ЛМЗ «Царицыно».
10. Минеева К.И. Царицыно. Дворцово-парковый ансамбль. М., 1988.
11. Забелин И.Е. Опыт изучения русских древностей и истории. ч. 2. СПб., 1872.
12. Докучаева О.В. Эмоционально-смысловой аспект восприятия пейзажного парка Царицына // Научный вестник 1. Вып., 1993.
13. Царицыно. Архитектурный ансамбль, парк // Сокровища России», СПб., вып. 35, 2001.
14. Царицыно — «Сущий рай» // Памятники Отечества, М., 2000, № 45-46.
15. Из фондов ГИАХ и ЛМЗ «Царицыно»: «Опись состоящему в селе Царицыне Аглинскому саду, в нем строениям и разным к ним принадлежностям» (сост. в 1825 г.), «Опись строениям в селе Царицыне» (сост. в 1859 г.). Постройки Царицынского парка (историческая справка), формирование территории архитектурно-паркового ансамбля «Царицыно» (историческая справка), формирование отдельных местностей Царицынского архитектурно-парко-вого ансамбля (историческая справка).

Г.А. Полякова, А.Н. Швецов

ОХРАНА И ВОССТАНОВЛЕНИЕ РАСТИТЕЛЬНОСТИ КАК ОДНОГО ИЗ ОСНОВНЫХ КОМПОНЕНТОВ УСАДЕБНОГО ЛАНДШАФТА

Облик русской усадьбы сформировался как единство естественного и целенаправленно измененного ландшафта. Усадебный ландшафт включает в себя как естественные, так и созданные человеком компоненты, такие как рельеф, водные объекты, растительность лесов и лугов, парковые насаждения, лесные культуры. Вклад каждого из этих компонентов, их значимость менялись по мере изменения вкусов и стилей. Облик усадебного комплекса во многом зависел от материальных возможностей их владельцев и природной составляющей данной территории.

В России декоративные сады и парки получили широкое распространение в петровское время[1, 2]. В первой половине XVIII века господствовал регулярный стиль, для которого характерна строгая, геометрическая планировка, основой которой служили сочетания квадратов, прямоугольников, лучей или звезд. Деревьям и кустарникам также придавались геометрические формы путем регулярного формирования крон. В духе этого стиля изменялся в той или иной степени рельеф. Как правило, регулярные парки были украшены водоемами правильной формы, каналами, фонтанами и скульптурой.

Партер в регулярных парках был обязательной частью ландшафта, обычно он располагался около усадебного дома. Партеры были различных типов, но обычно в них сочетались такие основные элементы как зеленый фон стриженого газона и узоры, создаваемые окрашенными инертными материалами. На некоторых типах партеров узоры были образованы декоративными растениями на фоне инертных материалов, в первую очередь песка. По контуру рисунка могли высаживаться подстригаемые невысокие кустарники. Иногда на зеленый стриженый газон или участки, посыпанные песком выставлялись кадки и горшки с декоративными растениями, которые в холодное время года убирались в оранжереи. Партер мог состоять и одного или нескольких элементов. Нередко в рисунке партеров неповторимые узоры создавались в виде стилизованных ветвей, листьев и цветов растений. Рабатки, прямоугольные полосы, выполняли не только защитную, но и декоративную функции. Они могли окружать партер по всему периметру и заполнялись цветами.

Партеры по характеру рисунка и используемых материалов можно подразделить на несколько групп. Наиболее роскошными и трудоемкими по созданию и поддержанию были кружевные или узорчатые партеры, где тончайшие рисунки выполнялись, в основном из различных строительных материалов. В наборно-орнаментальных партерах на фоне стриженного газона кружевной рисунок

Партерная часть усадебного парка в Морозовке. Фото автора. 2001.

большей частью выполнялся из толченной черепицы. Более простыми партерами являются английские, для создания которых использовалось обычно лишь газонное покрытие в сочетании с участками отсыпанными песком. Изредка на рабатках высаживались декоративные растения. На разрезных партерах главное место занимали цветы.

В аллеях — обязательном структурном элементе регулярного парка, деревья высаживались обычно на расстоянии нескольких метров друг от друга[3]. Кроны формировались чаще всего в виде шара, реже куба или пирамиды, причем в рядах они обычно не соприкасались и не затеняли друг друга. В ряде случаев деревья в рядах сажали ближе друг к другу, а кроны стригли так, чтобы они образовывали зеленую стену, приподнятую над землей. Наиболее торжественные, парадные аллеи иногда создавались из нескольких рядов деревьев с каждой стороны. При должном уходе, кроны деревьев не соприкасались как в рядах, так и между ними. Аллеи устраивались по периметру прямоугольников, но особую прелесть имели диагональные аллеи. В некоторых парках аллеи отходили лучами от центральной площадки или цветника.

Еще одним характерным элементом регулярного стиля являлись шпалеры, которые формировались путем регулярной стрижки близко посаженных деревьев или кустарников. Высота шпалер обычно составляет не менее 2,5 метров. Стриженные деревья и кустарники высотой от 0,5 до 2,5 метров образуют живые изгороди, а посадки кустарников высотой до 0,5 метров принято относить к бордюрам. В России для устройства шпалер чаще всего использовалась липа.

Липовая алея в усадьбе Ясенево — одна из самых широких в московском регионе. Фото автора. 1995.

Трехрядная липовая алея в усадьбе Дольское. Фото автора. 2002.

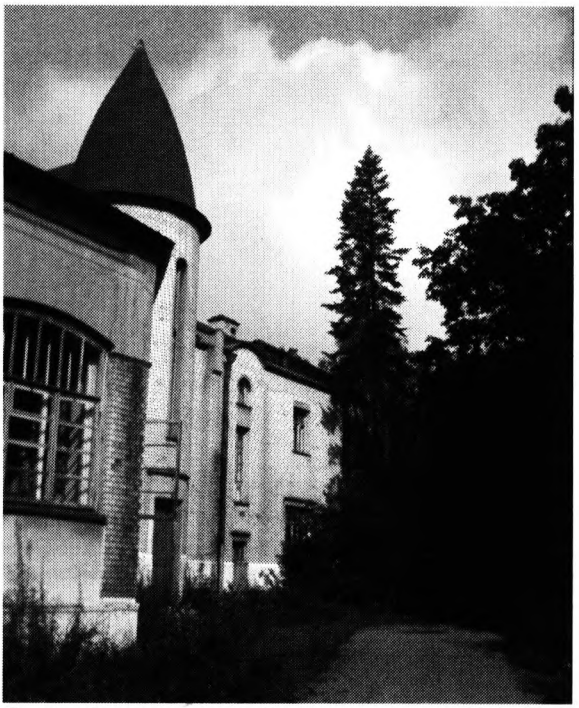
Боскеты, как один из структурных элементов регулярного парка, различаются по принципу размещения деревьев и оформлению их крон. Это может быть участок, вся растительность которого представляет собой одноярусные или реже многоярусные стриженные стены, пространства между которыми часто использовались в утилитарных целях, например для питомников и плодовых садов. Внутри других боскетов могли произрастать деревья, как с формируемыми кронами, так и свободно растущими кронами. Иногда создавались боскеты типа рощи, один из примеров которого кен-конс, для создания которого стриженные деревья высаживались в шахматном порядке. Местами, прямоугольные площадки обсаживались высокоствольными деревьями, делавшими боскет открытым со всех сторон. Боскеты могли создаваться и на основе естественных лесных массивов. Боскеты, как правило, обрамляют парадную открытую часть регулярного парка. Создавались они из растений одного вида, хорошо переносящего стрижку, в России обычно применяли липу, вяз, клен, ель, лиственницу и можжевельник.

В боскете-лабиринте, с помощью стриженных шпалер создавался сложный рисунок лабиринта. К настоящему времени не сохранились как боскет-лабиринты, так и воздушные или зеленые театры, существовавшие когда-то в некоторых богатых усадьбах.

Аллеи берсо, или как их еще называли — огибные дороги формировались из дугообразно изгибаемых стволов молодых деревьев, обычно лип. Этот элемент регулярных парков скорее всего имел большое значение в более жарком климате.

Букетная посадка липы в усадьбе Дольское. Фото автора. 2002.

Перголы — это крытые дорожки, в которых решетчатые конструкции, подняты на столбах и декорированы вьющимися растениями. Вьющиеся древес-



Пихта сибирская в усадьбе Козьмодемьянское. Фото автора. 1991.

ные и травянистые растения украшали парковые беседки, фасады домов, опорные стенки. Их использовали также для декорирования трельяжей — легких ажурных конструкций.

Позднее в России появились пейзажные парки. В них воплощалось стремление к красоте и естественности создаваемых ландшафтов. В этих парках группы деревьев и кустарников перемежались полянами различных размеров и конфигурации. Садовники стремились создать парк подобный самым живописным участкам естественных ландшафтов. На полянах создавались луговые газоны с красивоцветущими растениями. Изменилась и форма прудов, которая приобрела естественные очертания. В ряде усадеб регулярные парки были преобразованы в пейзажные, при этом нередко около дома сохранялся парадный регулярный парк, а рядом создавали новый — романтический пейзажный.

В пейзажных парках использовались свои композиционные приемы. Деревья могли высаживаться отдельными экземплярами на открытых пространствах газонов и полян. Такое дерево или кустарник называется солитером. Они также могли располагаться по берегам водоемов, около беседок и на пересечении парковых дорог.

Устроители парков обычно использовали различия во внешнем облике пород деревьев и кустарников. Характерный облик пихты сибирской явно учитывался архитектором Ф.О. Шехтелем. В ряде усадеб обыгрывалась форма кроны пихты и форма архитектурных элементов. В Козьмодемьянском (Москва) силуэт пихты сочетается с формой башни господского дома. В Кирицах (Рязанская обл.) остроконечные вершины пихт сопровождают башенки на изгороди усадьбы. В усадьбе Одинцово-Архангельское (Московская обл.) от въезда в усадьбу идет пихтовая аллея, со вторым рядом стриженных лип, а форма пихтового дерева сочетается с въездными башнями.

Очень часто деревья и кустарники высаживались группами, занимавшими небольшие по площади участки и состоящие из небольшого количества экземп-

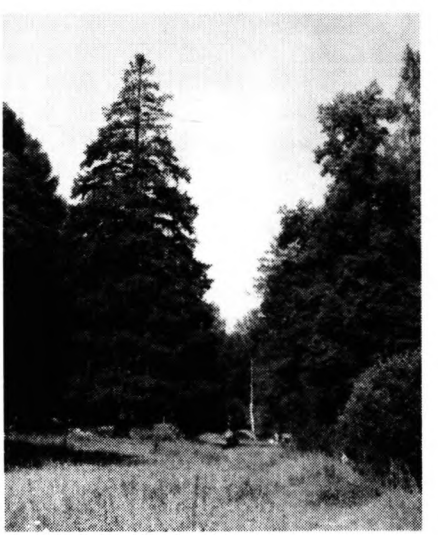
ляров. Диаметр таких групп обычно не превышал высоту взрослых деревьев. Групповые посадки встречаются почти во всех парках. В наиболее старых парках куртины, располагающиеся между извилистыми дорожками, могли иметь различную, обычно причудливую конфигурацию. Позже, на рубеже XIX-XX веков подобные группы деревьев нередко имели правильные округлые очертания. Следует упомянуть, что до середины XIX века группы деревьев и кустарников, расположенные на полянах пейзажного парка называли клумбами.

Во многих усадьбах высаживались рощи. Это были сравнительно большие по площади насаждения из одной породы. Березовые рощи были негустыми и хорошо просматривались, в противоположность им рощи из широколиственных пород были густыми и тенистыми. В загородных парках, особенно больших усадеб, рощи, встречаются нередко.

Значительные по площадям (более 0,5 га) посадки древесных пород называют массивами. В их составе могут быть деревья как одной, так и нескольких пород. Обычно они располагались на периферии больших пейзажных парков, но к настоящему времени, почти полностью одичали и мало отличаются от естественных насаждений.

Для многих пейзажных парков характерны букетные посадки, при которых в одну яму высаживалось несколько деревьев, обычно нечетное количество. Изредка применялась другая технология, когда выращивалось одно дерево, которое потом срубалось, а букет формировался из появившейся вокруг пня поросли. Чаще всего букетные посадки создавались из липы, изредка из березы. По мере роста деревьев, их стволы

Солитерная посадка липы в усадьбе Городня. Фото автора. 2002.



Солитерная посадка ели обыкновенной в усадьбе Неклюдово. Фото автора. 1990.

Сосна кедровая сибирская в усадьбе Тесово. Фото автора. 2002.

расходились в стороны под углом, а кроны сливались, что воспринималось как огромный букет. Нередко такие посадки можно видеть на опушках полян, около дорожек и по берегам прудов.

Оригинальный прием использовался для получения крупного и величественного дерево за сравнительно короткий период. Для этого в одну яму высаживалось несколько деревьев (обычно 3 экземпляра), стволы которых стягивались до определенной высоты (приблизительно до 10 метров), так что на первый взгляд они образовывали одно целое. До сих пор на стволах хорошо видны три продольные полосы стыковки отдельных экземпляров, а в месте их разделения крона расходится на три крупные части. Сохранились такие посадки их дуба, вяза и сосны.

Для создания группы из разновозрастных деревьев использовалась возможность вегетативного размножения, в частности пихты сибирской. Сначала выращивалось одно материнское дерево, нижние ветви которого затем горизонтально оттягивались, а на расстоянии 5-7 метров от основного ствола им придавалось вертикальное направление роста. Таким образом, получалась оригинальная группа, в центре которой возвышалось материнское дерево, окруженное небольшими дочерними деревцами.

Аллеи также характерны и для пейзажных парков, но деревья в них не подвергались формированию крон. Ширина аллеи, а также расстояние между отдельными деревьями и их рядами могли быть разными. Вдоль широких аллей обычно высаживались деревья с раскидистыми кронами такие как дуб, липа, клен, а вдоль узких — пихта, пирамидальные тополя, туя. Сохранились аллеи, где ряд одной породы, например пихты, сочетается с рядом совершенно другой по облику породы, например липы. В отличие от регулярных парков, в пейзажных, аллеи могли быть дугообразными или извилистыми. Все эти особенности создания аллей, породы из которых они создавались, а также ориентация по сторонам света и расстояние до массивов деревьев создавали неповторимость этих посадок.

В некоторых парках, обычно недалеко от усадебного дома, располагались так называемые «собственные садики». Обычно это был небольшой замкнутый участок, предназначенный для уединенного отдыха. Он украшался красиво цветущими растениями, небольшими фонтанами и удобной мебелью.

Из декоративного убранства усадебных парков можно упомянуть розарии, рокарии и различные насыпные горки.

Напочвенный покров усадебных парков являлся их неотъемлемой составной композиционной частью[4, 5]. Он создавал зеленый фон в тени насаждений, на

партерах регулярных парков. Яркие красочные луговые газоны, меняющие свой цветовой фон в течение лета, украшали пейзажные парки. Небольшие зеленые лужайки и парковые поляны удачно сочетались с куртинами красивоцветущих растений.

Барвинок малый — типичное почво-покровное растение старинных парков в усадьбе Покровское-Стрешнево. Фото автора. 1986.

Травянистые растения применялись в самых разных типах посадок, большинство из них к настоящему времени почти полностью исчезли. Цветы выращивались на партерах, клумбах, рабатках, грядах, а также группами и массивами. Они украшали как регулярные, так и пейзажные парки. Некоторые многолетние интродуценты сохранились в старых усадьбах, а местами даже одичали[6, 7].

Одновременно с загородными усадьбами существовали небольшие городские усадьбы, имевшие, несмотря на ограниченную площадь, практически все перечисленные выше парковые компоненты: газоны, цветники, древесные насаждения разной структуры, пруды, скульптуру и некоторые другие элементы. Возможно, не будет преувеличением сказать, что эти усадьбы в немалой степени определяли облик старой Москвы. В городских усадьбах дом отделялся от улицы парадным двором — курдонером. За домом обычно располагался сад. Городская земля всегда была дорогой, со временем застройка уплотнялась, и к настоящему времени большинство парков исчезло, но бывшие усадьбы остаются золотым фондом архитектурного наследия столицы.

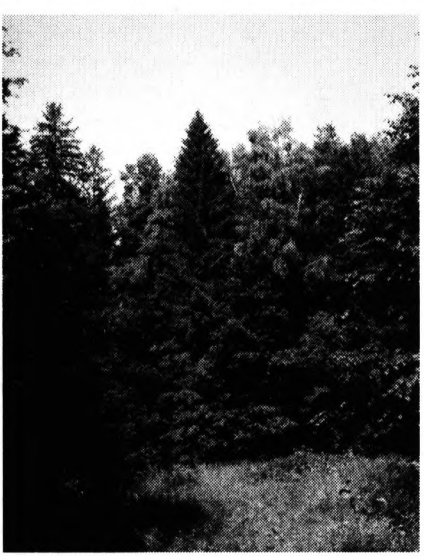
Безусловно, ни один из парков, созданных около 300 лет тому назад, не мог дойти до нас в своем первозданном виде, хотя бы потому, что все древесные породы в Москве так долго не живут.

Многие усадьбы еще после отмены крепостного права стали приходить в упадок. К началу XX века во многих из них царило запустение. В некоторых из них создавались мануфактуры и прочие предприятия, искажавшие облик усадьбы и парка. Часть усадебных территорий была раздроблена на небольшие участки, которые застраивались дачами. Местами ущерб загородным паркам наносили пастьба и прогон скота. В Подмосковье в хорошем состоянии в начале XX века находилось лишь несколько больших усадеб. За последние 80 лет должного ухода не получал практически ни один из парков. В несколько лучшем состоянии находились те из усадеб, в которых расположились музеи и санатории.

Старинные парки в большинстве случаев были рассчитаны на пользование относительно небольшим количеством людей. Сейчас во многих из них рекреационные нагрузки оказались чрезмерно высокими, в результате чего напочвенный покров в ряде мест полностью уничтожен, а состояние древесных растений заметно ухудшилось. Неблагоприятные факторы окружающей среды, характерные для территорий современных городов и промышленных центров, особенно таких мегаполисов как Москва, усугубили состояние растительности, в том числе и парковой.

Любой парк, даже при наличии должного ухода со временем изменяется. Взрослеют, а затем стареют деревья и кустарники. Соответственно преобразуется облик парка. По тем или иным причинам меняются и окружающие ландшафты. В настоящее время на территории Москвы и Подмосковья практически нет ни одного парка, который соответствовал бы первоначальному проекту. Сейчас все они в той или иной степени требуют проведения работ по реставрации или реконструкции[8, 9, 10, 11]. Но, к сожалению, в настоящее время почти полностью утрачена культура усадебного паркостроения, методов их содержания и ухода. С нашей точки зрения одна из основных задач, стоящих перед проектировщиками заключается в том, чтобы найти компромисс между сложившейся современной ситуацией и желанием восстановить исторический ландшафтный облик парка.

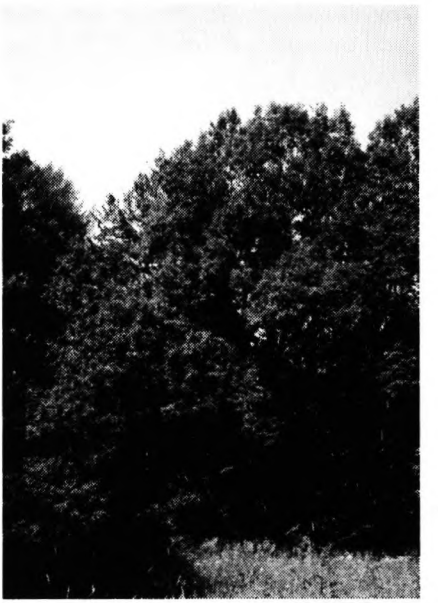
Сущность регулярных парков заключается в том, что они должны были продолжительное время сохранять определенный, почти не изменяющийся облик. Это достигалось постоянным формированием крон деревьев и кустарников. Но в большинстве из них давно, иногда около 200 лет тому назад, полностью была прекращена стрижка древесных пород. Это полностью изменило их внешний облик. После прекращения стрижки деревьев в аллеях и шпалерах их кроны смыкаются и, при достаточно близкой посадке, часть из них выпадает. На стволах сохранившихся деревьев хорошо видны следы былой стрижки, чаще в виде развилок, реже изгибов. В очень старых парках, в которых возраст деревьев превышает 200 лет обрубка стволов для формирования кроны, как правило, приводит к их гибели. Поэтому такие насаждения целесообразно сохранять до стадии распада, а затем воссоздавать заново из молодых деревьев.



Группа ели обыкновенной в усадьбе Вороново. Фото автора. 1990.

В заросших пейзажных парках работы по реконструкции должны проводится в несколько этапов, с тем чтобы не вызвать распад старых насаждений. Любое вмешательство в структуру парка болезненно сказывается на состоянии старых деревьев, поэтому между этапами работ должен быть не-

который адаптационный период, продолжительностью не менее 5 лет. При реставрации в первую очередь должны убираться усыхающие, отставшие в росте и сильно наклоненные деревья, а также неблагонадежный подрост. Затем постепенно восстанавливаются поляны и опушки. Причем опушки, вокруг групп деревьев, на первом этапе могут формироваться из существующего самосева, например, клена остролистного. Благонадежный подрост и деревья из II яруса, находящиеся в хорошем состоянии можно использовать при формировании древесных групп. После образования полян, можно вновь создать опушки вокруг древесных групп из кустарников старого усадебного ассортимента.



Группа дуба черешчатого в усадьбе Вороново. Фото автора. 1990.

В пейзажных парках группы, куртины, рощи, массивы и некоторые другие посадки большей частью формировались загущенными, потому что такой прием обеспечивал более быстрое достижение сомкнутости насаждений, соответственно и декоративности молодого парка. В парках, особенно созданных незадолго до революции, не было проведено удаления лишних деревьев после смыкания крон, в результате чего часть из них стала отставать в росте и постепенно отмирать. В настоящее время в таких групповых посадках необходимо убрать отставшие в росте экземпляры, чтобы несколько разредить загущенные насаждения и улучшить их внешний облик.

При работах, проводимых в парках, необходимо учитывать размеры деревьев, в том числе размеры и форму крон, которые изменяются с возрастом. При создании усадебных парков, к сожалению, архитекторы и даже садовники, не знали, каких параметров может достигнуть по мере роста та или иная порода деревьев и кустарников. В настоящее время накоплены сведения о высоте, диаметре ствола и размерах крон большинства древесных пород, произрастающих в парках[12]. Но как будет расти то или иное дерево в конкретных условиях предсказать трудно.

В большинстве парков долгие годы не убирался появляющийся подрост. Известно, что в прошлом веке в усадьбах с ним успешно боролись. В настоящее время в старинных парках часть полян, а иногда и газонов заросла подростом. Это привело к тому, что изменилась структура парковых насаждений. Образовался многоярусный сомкнутый древостой, отличающийся от первоначального как по породному составу, так и по структуре. В сомкнутых насаждениях обычно выпадают отстающие в росте породы деревьев, такие как, сосна сибирская кедровая, туя западная и некоторые другие. В тени плохо растут, либо погибают большинство посаженных кустарников. Практикуемая в

Группа вяза гладкого, окруженная опушкой из сирени обыкновенной, в усадьбе Есиплево. Фото автора. 2003.

настоящее время в старинных парках сплошная вырубка подроста и подлеска делает их полностью просматриваемыми, что нарушает главный принцип пейзажного стиля — его естественность. В пейзажных парках группы и куртины деревьев обычно были замкнутыми, так как были окружены опушками из кустарников. Дорожки, вьющиеся между такими группами, не просматривались на всем своем протяжении. Это создавало интимную обстановку в парке и позволяло человеку уединиться. Таким образом, при реставрационных работах необходимо воссоздать замкнутые группы деревьев и кустарников, чередующиеся с открытыми пространствами полян.

Достаточно сложным оказалось содержание травяного покрова парков — газонов, цветников и напочвенного покрова в тени пейзажных насаждений. В свое время за ними осуществлялся тщательный уход. Из-за отсутствия должного ухода в большинстве парков исчезли цветники, одичали газоны, изменился покров в тени насаждений. Первоочередной задачей является выявление, фиксация и охрана компонентов старинного покрова. Восстановление сильно нарушенных участков покрова желательно проводить с использованием первоначального ассортимента растений с обязательным учетом современных экологических условий конкретного места[13].

Одним из типичных недостатков существующей методики реставрационных работ является их одномоментное исполнение. Обычно за короткий промежуток времени проводится обследование парка. А ведь растительность, особенно напочвенный покров, за короткий период полностью обследовать невозможно. Весной (апрель, май) — хорошо видны эфемероиды и другие раноцветущие растения. Многие виды растений, достигающие пика своего развития и цветения в середине лета, совсем не видны весной, либо их трудно опознать. А с середины лета с поверхности почвы исчезают эфемероиды. Следующая задача реставратора — все восстановить за один сезон. В результате в резко разреженных старых насаждениях возможны ветроломы и ветровалы, нередко начинаются вспышки различных болезней, что может привести (и приводит на практике) к гибели части деревьев[14]. Кустарники после однократной рубки иногда погибают, а в лучшем случае, только через несколько лет приобретают декоративный облик. Следующая задача восстановить напочвенный покров. Для этого весь тра-

вяной покров или перепахивают, или перекапывают, а затем засевают случайным, экологически не подходящим материалом. В результате чего вместо газонов и луговых лужаек формируется засилье сорняков на долгие годы.

В общем облике парковых ландшафтов большое значение имеет не только его общая структура, но многообразие форм и размеров самих деревьев и кустарников, их крон, цветовая гамма листвы, меняющаяся по сезонам. Ярко выраженная динамика цветовых аспектов напочвенного покрова, меняющегося по сезонам и основным структурным элементам парков (открытые, полузакрытые и закрытые).

Только на основе учета всего выше сказанного может быть осуществлено действительно грамотное воссоздание среды усадебного паркового ландшафта.

ЛИТЕРАТУРА

1.Базилевская Н.А. Из истории декоративного садоводства и цветоводства в России // Труды Института истории естествознания и техники. 1958. Вып. 5. С. 107-150.

2. Дубяго Т.Б. Русские регулярные сады и парки. Л.(Госстройиздат, 1963. 341 с.

3. Жирнов А.Д. Искусство паркостроения. Львов(Вища школа, 1977. 208 с.

4. Полякова Г.А., Ротов Р.А., Швецов А.Н. Современное состояние газонов старинных усадебных парков окрестностей Москвы и Санкт-Петербурга // Бюллетень ГБС, выпуск 168, 1993. С. 136-139.

5. Полякова Г.А., Ротов Р.А., Швецов А.Н., Каплан Б.М. Напочвенный покров старых усадебных парков, проблемы его охраны и реставрации // Бюллетень ГБС, выпуск 171, 1995. С. 89-94.

6. Полякова Г.А. Флора и растительность старых парков Подмосковья. М.(Наука, 1992. 255 с.

7. Полякова Г.А., Гутников В.А. Парки Москвы. М.: ГЕОС, 2000.

8. Боговая И.О. Реставрация парковых объектов. Л., 1983. 19 с.

9. Ерохина В.И., Макеева Л.А. Реставрация и сохранение памятников садово-паркового искусства // Озеленение населенных мест. Вып. 3 (39). М., 1983. 35 с.

10. Ильинская Н.А. Восстановление исторических объектов ландшафтной архитектуры. СПб(Стройиздат, 1993. 159 с.

11. Методические указания по выявлению и обследованию парков и природных ландшафтов (комплексов) на территориях памятников истории и культуры. М., 1989. С. 35-85.

12. Волков Ф.А., Разумовский Ю.В. Исследование возрастной динамики деревьев в парковых насаждекниях г. Москвы // Науч. труды МЛТИ. Вып. 246. 1991. С. 93-99.

13. Полякова Г.А., Швецов А.Н. Сохранение и восстановление напочвенного покрова усадебных парков // Сохранение и восстановление природно-культурных комплексов Подмосковья. М.(Улисс, 1995. С. 186-190.

14. Петерсон Ю.В. Опыт лечения старых деревьев в усадебных парках. // Русская усадьба. Вып. 8(24). М.: Жираф, 2002. С. 324-326.

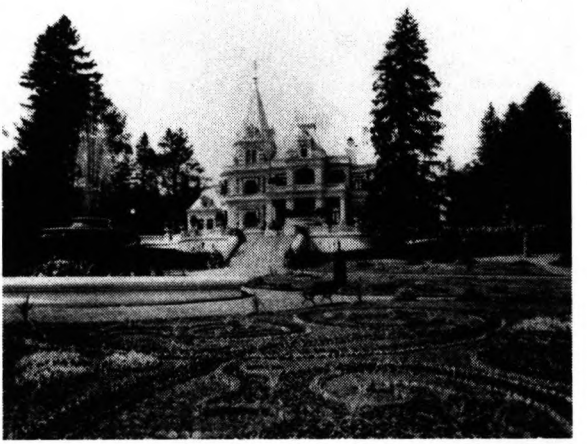
О.А. Дробнич, М.Ф. Максименко

ПАРК УСАДЬБЫ ОДИНЦОВО-АРХАНГЕЛЬСКОЕ

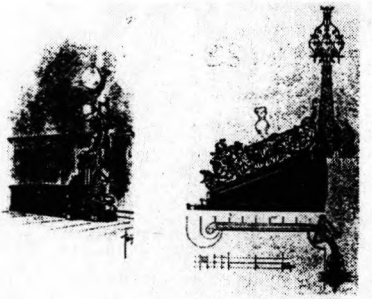
В 1997 году нам, творческому коллективу Парколесоустроительной экспедиции Центрлеспроекта, посчастливилось исследовать парк в усадьбе Одинцово-Архангельское, разработать проект его восстановления и в течение двух последних лет вести авторский надзор по осуществлению проекта.[1] Усадьба расположена в Домодедовском районе Московской области, на высоком берегу реки Рожайки, притоке Пахры. Живописность местоположения в большой степени обусловлена тем, что река здесь круто петляет, изгибаясь почти под прямыми углами, а высокий берег средней излучины плавно понижается, спускаясь к следующим поворотам реки. Значительный архитектурно-парковый ансамбль был основан в конце XVIII — начале XIX века, когда усадьбой владел подполковник Михаил Петрович Нарышкин.[2] Им была построена каменная Михаило-Архангельская церковь, разбит регулярный сад, создан старый пейзажный парк, выкопаны обширные пруды.[3]

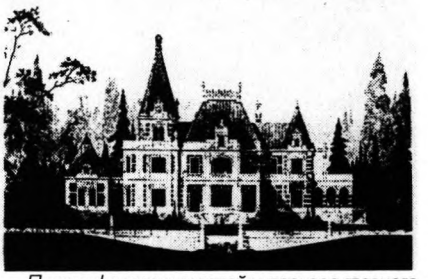
В середине XIX века Одинцово-Архангельское принадлежало титулярному советнику Луке Ивановичу Похвистневу, а к 1887 году владельцем его стал князь Алексей Борисович Голицын.[4] По косвенным архивным данным, подтвержденным натурным обследованием, во второй половине XIX века в парке проводились работы, в том числе многочисленные посадки хвойных экзотов, а также включение в парковую территорию заречных земель. Однако в целом сложившаяся структура усадьбы и парка не изменилась.[5] В 1890 году имение покупает Викула Елисеевич Морозов (1829-1894), представитель третьего поколения знаменитого рода фабрикантов-старообрядцев Морозовых, которому принадлежали мануфактуры в Орехово-Зуеве. Для реконструкции старой усадьбы был приглашен молодой талантливый архитектор Федор Осипович Шехтель (1859-1926), построивший к тому времени несколько усадеб в Московской, Ярославской, Рязанской губерниях, в том числе, роскошную усадьбу Фон-Дервизов в Кирицах (1889). Для Фон-Дервизов им были построены также крупные усадебные комплексы в Сохе и Старожилове с парками и многочисленными хозяйственными постройками. В большинстве случаев новые особняки строились не на пустом месте, а в старых помещичьих усадьбах. К 1890 году Шехтель уже имел большой опыт тактичного и органичного включения построек нового стиля в сложившуюся традиционную структуру русской усадьбы. Для его творчества характерны умелая обработка рельефа, максимальное сохранение существующих парковых насаждений, создание единого художественного образа усадьбы, внимание к каждой детали, формирующей его.

«Проект Загородного дома» в Одинцове-Архангельском, опубликованный в «Трудах съезда архитекторов» 1904 года (С.161), демонстрирует парковый фасад главного дома с террасой и лестницей, спускающейся в партер. Терраса ограничена в центре балюстрадой, которая продолжена вправо и влево ограждением из дикого камня. Дом изображен в тесном окружении темных готических крон хвойных деревьев (пихт, елей), силуэты которых повторяют разновысокие конусы башенок здания. Таков романтический образ будущего дома, который был построен на месте прежнего в 1892 году, а к 1894 году завершен и весь усадебный комплекс (?). Тогда и была сделана прекрасная серия фотографий, запечатлевших облик усадьбы.[8] В этом же, 1894 году умер хозяин усадьбы, В.Е. Морозов, и усадьба перешла к его сыну Алексею, страстному коллекционеру. Алексей Викулович Морозов, «человек очень тонкого ума, очень остроумный, любивший женское общество, приятной внешности», был холостяком. Поэтому на фотографиях, сделанных в Одинцове-Архангельском, чаще можно было видеть большую семью его младшего брата Ивана Викуловича. Собственное загородное имение Ивлавское в Звенигородском уезде он приобрел в 1911 году. Сейчас — это знаменитые Горки-10.



Вид главного усадебного дома со стороны партера. Фото 1894 г.

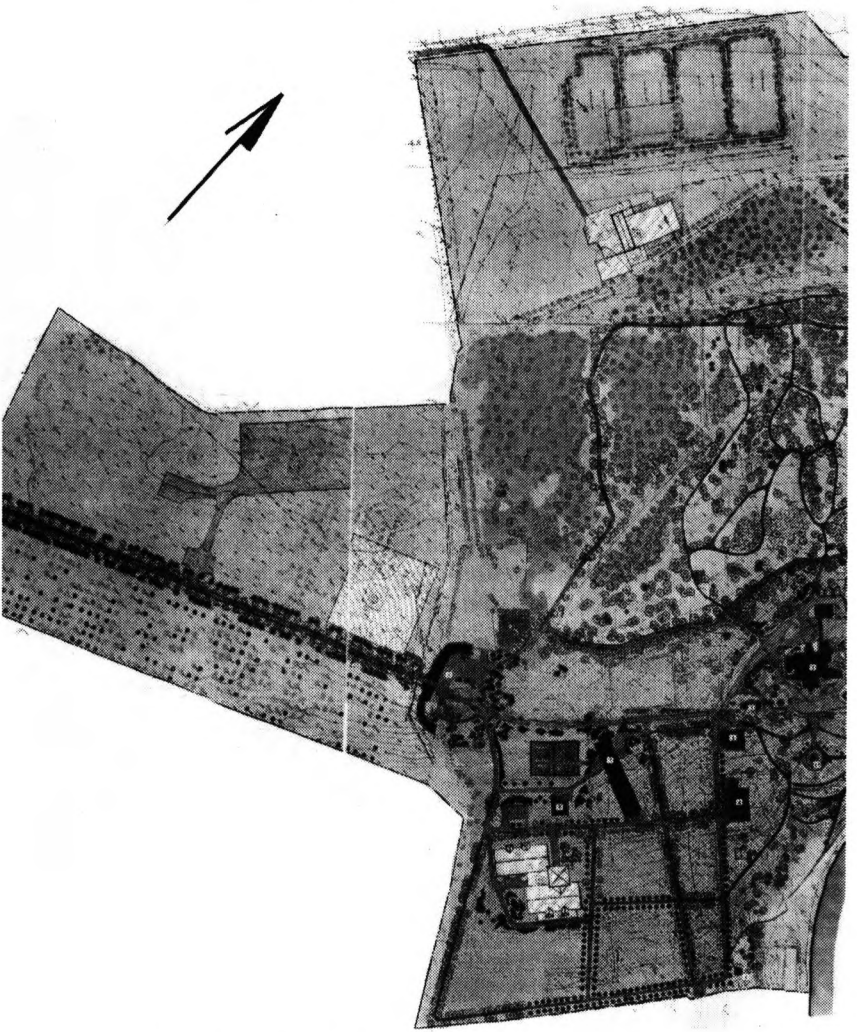




Проект фасада и деталей интерьера главного дома в Одинцове-Архангельском. Арх. Ф.О. Шехтель. «Труды съезда архитекторов». 1894 г.

В советское время в Одинцове-Архангельском размещался пансионат ЦК ВЦСПС.[9] В настоящее время усадьба находится в ведении Администрации Президента РФ и занимает 54 га.

Главная композиционно-планировочная ось усадьбы образовалась вдоль исторически сложившейся проез-

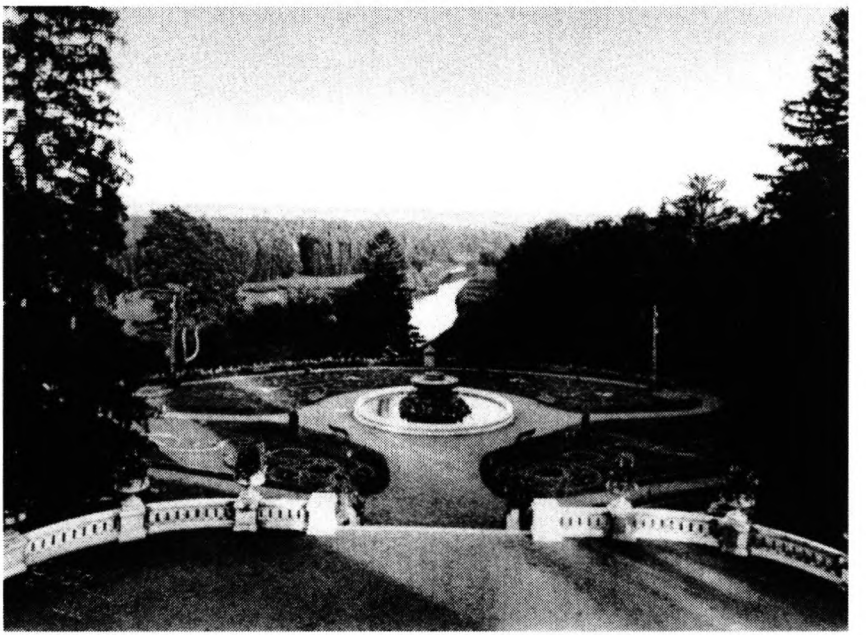


Проект реставрации парка усадьбы Одинцово-Архангельское. 1997-1998 годы.

жей дороги, частично утратившей свое былое назначение, но ставшей стержнем, объединившим основные усадебные постройки и части парка. Она связывает главный дом с въездными воротами на западе и прудом на востоке. Вся усадьба умело вписана в парковый пейзаж, отличающийся по своей структуре, облику и назначению в разных частях, одновременно являющимися органичными частями единого прекрасного целого. Мрачноватый, сомкнутый характер насаждений с затейливой и густой планировкой дорожек в старом пейзажном парке уравновешивается прямо-

линейностью аллей и открытыми пространствами боскетов регулярного сада. Новый пейзажный парк вокруг пруда привлекает обилием светлых полян, ясной планировкой дорожек и водной гладью обширного пруда, композиционно завершенного искусственным островом из светлого песчаника в обрамлении красно-кирпичных построек павильонов надшлюзовых сооружений.

Условно можно разделить территорию усадьбы на следующие крупные части: регулярный липовый сад; старый пейзажный парк; новый пейзажный парк; лесные культуры; естественный лес; подъездная аллея.



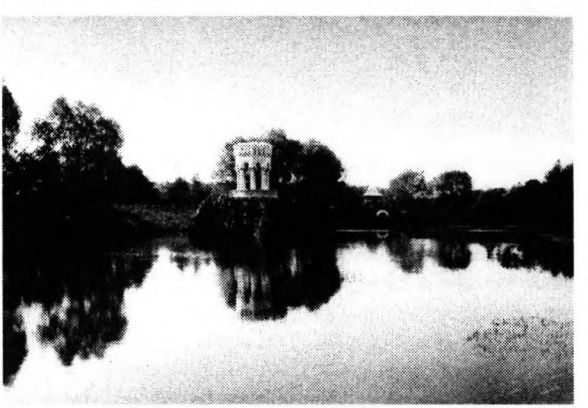
Партер с фонтаном перед главным домом. Фото 1894 г.

РЕГУЛЯРНЫЙ ЛИПОВЫЙ САД создавался в начале XIX века, что является довольно поздним примером примененения геометрической планировки на обширном участке. В это время в моде были уже сады в английском пейзажном стиле, и именно такой сад создается вокруг господского дома. Очевидно устройство огромного сада с регулярной планировкой обусловлено не столько эстетической, сколько хозяйственной целью. Скорее всего, в боскетах располагались плодовые деревья и огороды. Выращиванию их именно здесь способствовала и юго-западная экспозиция склона, и относительная близость воды. Внизу склона регулярный сад завершался хозяственными постройками, соединенными проезжими дорогами. Аллеи регулярного сада также имели хозяйственное назначение и были проезжими. Именно так они обозначены на планах 1839 и 1915 годов. Дополнительным свидетельством этого является значительная ширина аллей и расположение их не прямо по склону, а под некоторым углом, чтобы дороги были более пологими. Несмотря на утилитарное назначение регулярного сада, он необычайно эффектен благодаря длинным перспективам и ритму липовых аллей, крутому рельефу, обширным пространствам боскетов.[10]

СТАРЫЙ ПЕЙЗАЖНЫЙ ПАРК создавался также в начале XIX века вокруг господского дома и церкви. Он простирается от оврага на северо-западе до реки на юго-востоке. Его планировка сложна и прихотлива, дорожная сеть очень насыщенна. Для посадок вдоль извилистых дорожек, первоначально преимущественно использовалась липа и хвойные местной флоры — сосна обыкновенная, ель обыкновенная. В середине XIX века их дополнили многочисленные деревья-экзоты хвойных видов — пихта, сосна веймутова, лиственница.

В конце XIX века Шехтель возвел на месте старого господского дома новый дом асимметричной планировки, характерной для стиля модерна. Для строительства дома был интересно обработан существовавший рельеф. Севернее старого дома был парадный двор с разъездным полукругом. Подъезд к новому дому остался прежним, но полукруглая площадка парадного двора была умело и корректно «врезана» в пологий склон. От заглубленного парадного двора идут в северу три дорожки, также «врезанные» в склон и плавно выходящие на плоскую поверхность северной части старого пейзажного парка. Четкие линии откосов «врезанных» понижений жестко организовали мягкий рельеф склона и визуально усилили его, образуя ярко выраженный перепад высот парка и дома. Кроме того, рельеф дополнительно обыгрывался включением трех округлых насыпных холмов, создающих еще один, более высокий, уровень восприятия дома. Спокойная форма холмов уравновешивает обрывистые линии откосов. Кроме художественной ценности этого приема геопластики, безусловно, заслуживает внимания его логичная практичность. Для насыпки холмов использовался грунт от выкопки понижений. И если два боковых холма имеют чисто эстетическое назначение, то двугорбый холм между ними насыпан над погребами. Очень интересен еще один прием геопластики, примененный возле дома и в настоящее время наполовину утраченный. От заглубленной террасы двора, вдоль восточного фасада дома до склона к реке был живописно «врезан» овражек или «ущелье» (глубокая и широкая канава с четкими откосами). По его дну шла прогулочная дорожка от двора и восточного выхода из дома в нижнюю часть пейзажного парка. С нее открывался еще один уровень восприятия парка и дома. Это был очень романтический маршрут: человек шел в теснине небольшого «ущелья», под сенью старых деревьев, проходил под аркой каменного моста и выходил к дорожке, спускающейся по крутому склону к реке. Кроме того, «ущелье» служило для сбора и стока талых и дождевых вод от дома. В настоящее время канава засыпана, положена на ее дно труба, арка под мостом заложена кирпичом. Таким образом, оказался утраченным один из интереснейших приемов, использованных Шехтелем при создании усадьбы. К сожалению, восстановление этого элемента оказалось невозможным из-за инженерных коммуникаций.

Интересно обработан рельеф и с южной стороны дома. На естественном склоне к реке создано несколько террас, спускающихся к реке. Если со стороны двора для обработки рельефа применялась срезка грунта, то здесь верхняя терраса устроена на насыпи. Насыпь была сделана и для прямой дорожки, идущей к пруду от дома. От центральной части верхней террасы, несколько выступающей вперед, спускается лестница на большой партер

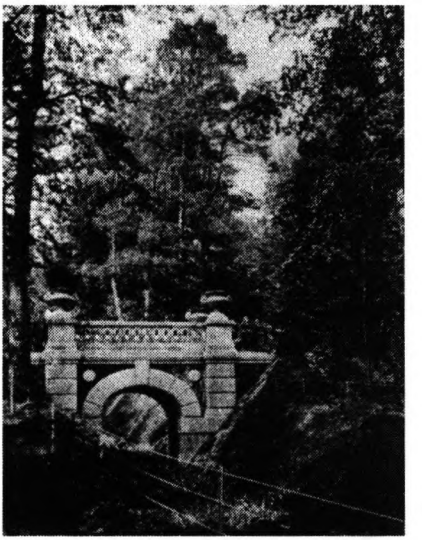


Пруд с островом и мавританско-готической беседкой. Фото 1894 г.

Проект реставрации парка в Одинцове-Архангельском. Центральная часть ансамбля. 1. - главный дом; 6.- церковь; 15.-фонтан.1997-1998 годы.

с фонтаном. Пологий партер завершался полукруглым откосом, слегка асимметричным относительно главной композиционно-планировочной оси партера, проходившей от дома, по лестнице и через центр фонтана. У основания откоса -довольно узкая терраса с пешеходной дорожкой, спускающейся на следующую, нижележащую, террасу. Завершалась серия террас поймой реки. Для обработки краев верхней террасы и партера использовались ограждения, имитирующие сталагмиты. Для их устройства использовался ракушечник и бетон. Также оформлено и основание фонтана. Этот оригинальный декоративный элемент органично соединяет архитектурные сооружения с естественным при-

Декоративные вазы над мостиком на аллее близ главного дома . Фото 1894 г.



Декоративный мостик в парке. Фото 1894 г.

родным окружением, подчеркивает гористый рельеф местности и является немаловажным фактором в создании единого образа усадьбы. К сожалению, через несколько лет после создания усадьбы, к 1910 годам, эти ограждения были совсем скрыты густыми зарослями девичьего винограда. В настоящее время ограждения воссозданы, но их облик не соответствует первоначальному.

Планировочно-композиционное решение партера относительно симметрично, основу его составляет фонтан в центре, окруженный площадкой. От лестницы к фонтану подходит прямая дорожка; две другие узкие, плавно изгибающиеся дорожки направляются от лестницы в разные стороны, одна- к дому, вторая — к крутому склону реки. От фонтана симметрично расходятся в противоположные стороны две дорожки, чтобы плавно объединиться на полукружье края террасы, создавая динамичный рисунок бегущей волны. Дополняет открытое пространство партера прихотливый рисунок цветочного партера, особенно роскошный в 1894 году. В начале XX века его рисунок значительно упростился и представлял собою чередование круглых клумб разной площади. Партер был украшен небольшими конусами елей колючих, высаженных вдоль дорожек. По мере их роста изменялось их восприятие, на фотографиях 1905-1910-х годов они уже достаточно крупны и возвышаются на партере. В настоящее время уцелевшие столетние экземпляры с высоко поднятыми кронами кажутся неуместными на цветочном партере. Была ли эта посадка хвойных ошибкой неразумных садовников, не принявших во внимание последующий рост елочек, или продуманной идеей самого Шехтеля? Скорее всего верно последнее. Аналогичное решение цветочного партера применено Шехтелем в Кирицах. Очевидно стремление его к созданию интимного, довольно закрытого пространства, с узким видовым лучом на

Декоративные партеры вокруг фонтана перед главным домом после реставрации. Фото 1998 г.

реку, направление которого было слева обозначено широкой кроной старой ели, росшей на склоне, а справа — густыми кронами старых лип.

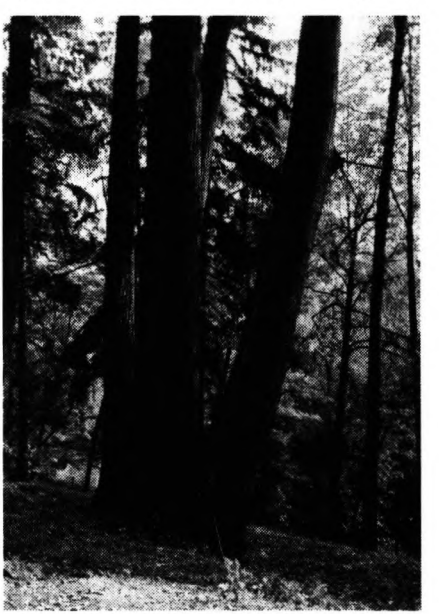
Рисунок партера 1894 года, воссозданный нами по фотографиям и результатам зондажа планировки, безусловно сделан собственноручно самим Шехтелем, искусным рисовальщиком. Летом 1997 года партер был восстановлен. Планировка двора и верхней террасы образована плавно текущими линиями дорожек, образующих округлые «зеленые островки» свободных естественных очертаний и различных по площади. По периметру овала, расположенного между домом, зданием электростанции и подъездной дорогой, были довольно густо высажены туи (расстояние между деревьями 2,5 м), образующие плотную опушку вокруг более высоких хвойных деревьев, росших в середине овала(сохранились две лиственницы). В настоящее время высота столетних туй около 4 м, оголились их стволы в нижней части,некоторые экземпляры многоствольны и искривлены, что несколько снижает их декоративность, но они по-прежнему соответствуют как общему образу усадьбы, так и конкретному расположению. Возле восточного фасада дома также расположена небольшая группа из туи западной, относящаяся к тому же времени.

Фрагменты большой куртины деревьев сохранились на террасе между домом и электростанцией. Кроме старой липы, сохраненной Шехтелем при постройке дома, здесь были высажены традиционные для этого периода хвойные экзоты: лиственница, сосна кедровая сибирская, пихта. Сочетание этих деревьев создает выразительную композицию, контрастную как по форме крон, так и по их цвету и фактуре. Даже в последнее время, когда кедр утратил половину своей кроны они создают незабываемый

образ, характерный для парков модерна. Очевидно,что эта композиция дополнялась кленом сахарным, хорошо заметным на одной из фотографий начала XX века. Этот вид клена имеет лимонно-желтую листву осенью, создавая дополнительный оттенок к золотистой кроне лиственницы и яркое пятно на темно-зеленом фоне других хвойных. С другой стороны террасы — группа старых лиственных деревьев (липа и дуб). При строительстве и проведении больших работ по формированию рельефа Шехтель сохранил очень много старых деревьев в непосредственной близости от дома. Сохранились 200-летние липы по краям партера, вдоль подножия верхней террасы. Старые ели с широкими раскидистыми кронами стояли по обе стороны лестницы, образуя естественную раму для восприятия дома (до наших дней сохранилась одна). Это не простые случайности, а важные составляющие окружения дома, создающие замкнутое, таинственное пространство, вне которого немыслим его романтический образ.

В восточную часть старого пейзажного парка Шехтель почти не внес никаких изменений, и она сохранила облик романтического парка начала XIX века. Для нее характерны пологие спуски липовых аллей по склону, порой образующие серпантины с видовыми площадками на реку; высаженные по плавной дуге липы вдоль дорожек. В посадках использовалась преимущественно липа мелколистная. Композиционно-планировочное решение этой части парка можно проследить лишь по сохранившимся деревьям, микрорельефу и плану 1839 года; зондаж планировки не дал положительных результатов. Совершенно очевидно, что дорожки в начале XIX века были грунтовыми. Дорожки с твердым покрытием появились в этой усадьбе в конце XIX века. Поэтому старые дорожки, включенные Шехтелем в новую планировку или вновь проложенные им, имеют твердое покрытие. Это обстоятельство позволяет довольно четко датировать выявленные планировочные элементы. Завершается старый пейзажный парк на востоке четкой липовой обсадкой по его границе с новым пейзажным парком.

НОВЫЙ ПЕЙЗАЖНЫЙ ПАРК был создан Шехтелем на основе рукотворного ландшафта открытого луга с куртинами деревьев. С начала XIX века луг естественно продолжал пейзажный парк в английском стиле.Если для парка были характерны густая сеть дорожек, липовые насаждения и довольно закрытый, замкнутый характер, то большие открытые пространства луга были украшены куртинами деревьев местной флоры (сосна,берза,сль,ива). Луг полого спускался к овальному пруду возле реки, вытянутому с востока на запад. Естественно, именно пруд стал композиционно-планировочным ядром нового пейзажного парка. На нем был устроен



Группа старых лип в парке. Фото 1998 г.

Вид служебного корпуса со стороны центрального партера. Фото 1998 г.

каменный остров с беседкой в мавританско-готическом стиле. На подводящем и отводящем каналах были возведенны надшлюзовые сооружения из красного кирпича. Пешеходные дорожки из старого пейзажного парка вели к пруду и огибали его. Нижняя дорожка вдоль реки была обсажена соснами с обеих сторон, таким образом сосновая аллея подходила к пруду с запада. С северо-запада от основной дороги, совпадающей с главной композиционно-планировочной осью, идет прямая дорожка к пруду, обсаженная с обеих сторон живой изгородью из спиреи дубравколистной и завершающаяся также короткой сосновой аллеей. Дорожки, соединяясь у западного берега пруда, огибают его, приближаясь к воде на юге и несколько удаляясь на севере. Отводящий канал примыкает к пруду с востока, через канал был устроен мост и по которому шла проезжая дорога от брода.

ЛЕСНЫЕ КУЛЬТУРЫ (ЗАПАДНЫЙ ЛЕСНОЙ МАССИВ). Лесные культуры из дуба черешчатого и сосны обыкновенной появились в начале XX века на пахотных землях в северо-западной части усадьбы и граничат со старым пейзажным парком. Очевидно, что культуры создавались методом посева. Если в культурах дуба четко прослеживается рядность, то в сосновом массиве рядов уже не наблюдается. Большая доля участка занята чистым среднеполнотным сосняком с редким подлеском и подростом, меньшая — чистым высокополнотным дубняком.

ВОСТОЧНЫЙ ЛЕСНОЙ МАССИВ. Лесной еловый массив, расположенный в северо-восточной части усадьбы, между оврагом и новым пейзажным парком, возник в начале XX века на месте сельскохозяйственных угодий. Очевидно, что ель на этом участке появилась естественно и постепенно, самосевом. В настоящее время — это высокополнотный еловый лес с закрытым типом пространственной структуры.

ВЪЕЗДНАЯ АЛЛЕЯ И ПЛОДОВЫЙ САД. Двурядная аллея из пихты сибирской (внешние ряды) и липы голландской (внутренние ряды) была высажена вдоль подъездной дороги в конце XIX века. Яблоневый сад, расположенный по обе стороны аллеи, появился, очевидно, в этот же период.

Парк в усадьбе Одинцово-Архангельское является незаурядным произведением ландшафтного искусства. Здания и сооружения уникальной архитектуры, поставленные на искусно обработанном микрорельефе, в окружении пейзажного парка, и мастерски вписанные в прежнюю структуру усадьбы, создают незабываемый и цельный образ художественного произведения эпохи модерна, отражающего творчество наиболее талантливого представителя этого стиля. Неплохая сохранность парка, тщательные предпроектные исследования, материальные возможности заказчиков, позволяют надеяться, что восстановительные работы будут завершены на высоком уровне и дальнейшее содержание парка будет ему соответствовать.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Проект парколесоустройства исторического и архитектурного комплекса «Одинцово».1997-1998гг. Парколесоустроительная экспедиция ЦГЛП «Центрлеспроект». Авторский коллектив: Агальцова В.А., Максименко М.Ф., Дробнич О.А., Кеслер Л.П., Морозова Л.Г., Смирнова Т.П., Власова Н.Д., Серебрякова Т.С.

2. Первое упоминание об усадьбе относится к 1767 году, когда сельцо Одинцово(Адинцово) принадлежало княгине Александре Ивановне Куракиной (1711-1786), вдове князя Бориса Ивановича Куракина(1676-1727) и родной сестре графов Никиты и Петра Шуваловых. Свояк императора Петра I, князь Б.И.Куракин, генерал-майор и лейб-гвардии Семеновского полка подполковник, действительный тайный советник, известный дипломат, был одним из наиболее влиятельных и образованных людей своего времени. Совладельцем сельца был коллежский советник Михаил Михайлович Бобрищев-Пушкин. Документ 1767 года — это «Геометрический специальный план», на котором изображено имение с сельцом Адинцовым и деревнями Судаковой, Башкирдовой, Зиновкой (РГАДА, ф.1354,оп.257, А-1) Господский деревянный дом располагался на юго-востоке сельца (приблизительно, около места, на котором сейчас построен поселковый магазин). Усадебные постройки и крестьянские избы находились севернее господского дома. Они стояли вдоль двух улиц, идущих под прямым углом. К улицам подходили дороги из деревень Судаковой, Башкирдовой и села Битюгова. На юго-востоке сельцо граничило с поймой реки Рожайки. С других сторон его окружали пахотные земли, пересеченные оврагом на северо-востоке. Таким образом, парк позднее был создан на пахотных землях.

2. РГВИА, ВУА, 18862, ч. 10. В «Экономических примечаниях» 1800 года говорится о каменной церкви, деревянном
господском доме со службами и вовсе не упоминается о каких-либо садах.

3. Церковь Св. Михаила Архангела имела два придела — Св. Варвары Великомученицы и Свв. Петра и Павла. Сельцо Одинцово стало именоваться селом Одинцовым-Архангельским.

4. РГВИА, ф. 386,оп.1, д. 3641. На «Военно-топографическом плане Московской губернии» 1839 года Одинцово-Архангельское уже изображено как грандиозная

помещичья усадьба с пейзажным парком, регулярным садом, двумя прудами. Господский дом показан каменным. Он стоит в центре усадьбы у дороги, идущей по верхней надпойменной террасе из села Битюгова в деревню Ильинскую и далее. Дом поставлен возле крутого изгиба р.Рожай. Таким образом, были образованы две композиционно-планировочные оси. Одна из них (СВ-ЮЗ) совпадает с подъездной дорогой; вторая (ЮВ-СВ), композиционно связана с изгибом реки. На пересечении этих осей удачно расположен господский дом.

5. Проект зон охраны усадьбы Одинцово-Архангельское. М.,1988. С.10-11.

6. Труды съезда архитекторов, 1904, б/с

7. Интересен также последний известный дореволюционный план усадьбы 1915 года — «Страховой план с описью и оценкою строений», выполненный архитектором В. Илъяшевым для страхового общества «Россия» в масштабе 200 сажен. (ЦИАМ, ф.302, оп.1, ед.хр.95, п.7). На плане дана схематичная, но довольно подробная планировка усадьбы. План скопирован неряшливо, неуверенной рукой, с обрыванием линий. Это важный документ для выяснения планировочных решений Ф. Шехтеля. Не исключено, что это неумелая выкопировка с проекта Шехтеля.

8. ГИМ ИЗО.

9. В советский период была разрушена колокольня, неузнаваемо перестроена оранжерея, вырублен регулярный парк, на территории которого появилось тепличное хозяйство, построен новый двухэтажный корпус.

10. Планировка сада была очень простой, что видно на старых планах н прослеживается по остаткам аллей. Он представлял собой вытянутый вдоль склона прямоугольник с длинной продольной аллеей посредине и более короткими поперечными, образующими отдельные боскеты. В конце XIX века Шехтель построил в верхней части регулярного парка оранжерею с парниками перед ней, вырубив при этом две верхние поперечные аллеи и верхнюю часть средней продольной аплеи. Следующая поперечная аллея и часть продольной были вырублены при строительстве теплиц в советское время. Также здесь была построена котельная. В последнее время возведено здание спортивного комплекса. В существующих границах историко-архитектурного комплекса находится приблизительно 2/3 площади регулярного сада, 1/3 часть его — на территории поселка. Ширина аллей различна: средняя продольная — 10 м, поперечные — 6-6,5 м, боковые продольные и поперечная верхняя — 5 м. Расстояние в ряду между деревьями колеблется от 2,5 до 5 м. Аллеи созданы из липы мелколистной, преобладают деревья в возрасте 200 лет, следы стрижки отсутствуют, за исключением единичных, более молодых лип (100 лет) на второй поперечной аллее. Был проведен зондаж планировки сохранившихся аллей — твердых покрытий XIX — начала XXвека не обнаружено.

О.Д. Волкова

ИСТОРИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСАЖДЕНИЙ ПАРКА АЛЕКСАНДРИЯ В ПЕТЕРГОФЕ

Ландшафтно-планировочная структура парка Александрия

Парк «Александрия» в Петергофе занимает особое положение. Являясь на протяжении многих лет летней резиденцией русских императоров (т.е. закрытой для обывателей территорией), Александрия создавалась как альтернативная зона отдыха после парадно-представительских Верхнего и Нижнего парков. Если не принимать во внимание уже существующий к тому времени Английский парк (так и не получивший в итоге должного статуса), то создание Александрии положило начало целой веренице императорских и усадебных пейзажных парков, построенных в Петергофе и его окрестностях в XIX веке. Таким образом, пейзажный стиль садово-паркового искусства прочно обосновался на побережье Финского залива и прилегающих территориях, несмотря на мировую славу этого места как «русского Версаля».

История Александрии как памятника ландшафтной архитектуры началась в 1826 году. В XVIII веке территория будущей резиденции принадлежала Петергофскому дворцовому ведомству в качестве зверинца (места для охоты царствующих особ). Местность, расположенная на двух террасах к востоку от Нижнего парка, была покрыта лесом с преобладанием ольхи, осины и ели и прорезана просеками. В период создания парка (с 1826 по 1829 гг.) архитектор А. Менелас и садовые мастера Эрлер, Вендельсдорф, Гомбель и Родионов, используя естественный рельеф, преобразовали территорию в парковый ландшафт с пейзажной планировкой дорог, извилистым руслом ручья, зеркалами прудов, свободным расположением насаждений с умело продуманными видовыми точками на Финский залив. Ландшафтная структура парка совершенствовалась по мере создания на его территории архитектурных объектов: дворцов, отдельных корпусов, служебных зданий, караулок, беседок и прочих малых архитектурных форм. С момента постройки в Александрии первого здания — дворца «Коттедж» — история развития парка превратилась в историю развития его архитектурно-ландшафтных комплексов, создаваемых при функциональных постройках. Именно «малые сады» в последующие годы стали определять характер и динамику перемен, происходивших в парке. В большей степени этим обусловлено и развитие дорожно-тропиночной сети парка, которая первоначально была не слишком разветвленной и предназначалась преимущественно для конных прогулок.

Значительное влияние на планировку и композицию парка в целом и его «малых садов» в частности оказывали распоряжения и указы владельцев Алек-

сандрии — императорских особ. По указаниям Николая I и его супруги Александры Федоровны создавались прогулочные маршруты в районе Коттеджа, Руинного моста, Фермы. По личным распоряжениям императора и императрицы осуществлялись массовые посадки деревьев и кустарников в парке, формировались группы и куртины насаждений, производилась разбивка и посадка цветников, другие парковые работы. Особенно тщательно разрабатывались проекты мостов, пристаней, беседок и веранд, расположенных в прибрежных зонах прудов, ручья, Финского залива, о чем свидетельствуют многочисленные рисунки и чертежи, хранящиеся в архиве ГМЗ «Петергоф»[1].

Самым активным периодом формирования парковой структуры следует считать время с 1826 года до конца 1850-х годов. Именно в этот промежуток времени были созданы дворцы — Коттедж и Фермерский, Готическая Капелла, Руинный мост, Новая ферма, Телеграфный домик, заложены при них «малые сады», определены основные направления дорожной сети и водной системы парка. Положение главных узлов в ландшафтной структуре парка зафиксировано на планах 1840 и 1849 гг.[2]. К этому времени в Александрии наметились взаимосвязи между отдельными художественно обособленными участками и стала формироваться объемно-пространственная композиция всего парка. Лесной массив в западной части нижней террасы сменялся большим открытым пространством на востоке. Узел, в котором сходились все основные пешеходные магистрали, располагался к северо-западу от Коттеджа и завершал центральную аллею парка — Никольскую. В 1840-х годах еще не успела оформиться композиция верхней террасы и зоны ручья: вдоль прогулочных дорог отсутствуют объемные группы, ландшафт не преобразован. На плане 1840 г. в массиве нижней террасы намечены две просеки — будущие перспективы на залив от Капеллы и Фермерского дворца. От Капеллы через

Дворец Коттедж. Вид с берега Финского залива. Слева находилась Нижняя дача. Фото М.В. Нащокиной. 2003.

пруд с чугунным колодцем пролегала широкая дорога к пешеходному узлу, предназначенная, вероятно, для конных прогулок верхом.

Следующий период развития ландшафтно-планировочной структуры парка — вторая половина XIX века — характеризуется многочисленными дополнениями к уже существующим архитектурным постройкам малыми формами (веранды, беседки, перголы). Совершенствуется планировка «малых садов», расширяется ассортимент применяемых в цветниках растений, производится подсадка в пейзажных группах, формируются видовые точки. Ситуация этого времени зафиксирована на нескольких планах Александрии 1861, 1886 гг. и др.[3]. Крупный архитектурно-планировочный узел возник в 1850-е годы в районе Фермы. Многочисленные перестройки здания с целью превращения его в великокняжескую резиденцию наследника престола повлекли за собой формирование нового комплекса с малым дворцом, садом, служебными корпусами и садовыми элементами. Небольшая территория вокруг Фермерского дворца была насыщена разнообразными беседками, перголами, гротами, бассейнами, скульптурой и садовой мебелью[4].

Параллельно с Фермерским дворцом в юго-западном углу парка строится комплекс зданий утилитарного назначения — Новая Ферма и Телеграфный домик, рядом с которыми также формируется садово-парковое пространство[5]. Основная прогулочная дорога проходила от Коттеджа через Руинный мост до Фермерского дворца (прежде — Фермы) и далее к Капелле. При движении по этому маршруту на верхней террасе открывались красивые виды парка с участием дубовых групп, декоративных кустарников и хвойных солитеров. Развивается дорожно-тропиночная сеть и на нижней террасе. С постройкой в западной части парка детской фермочки с огородом и морской беседки, к которым были проложены дороги через лесной массив нижней террасы, стала активнее использоваться прибрежная зона. У восточной границы парка, недалеко от Нижнего пруда, еще в 1830-х годах возник небольшой Константиновский домик, к северу от которого позднее, в конце века, был распланирован аптекарский огород с грядками концентрической формы. 1880-е годы ознаменованы расширением дорожно-тропиночной сети в парке и появлением, в связи с этим, многих мостов через ручей на всем его протяжении. Некоторые из мостов имели дополнительные декоративные элементы в виде веранд и пергол, увитых растениями.

Началом третьего периода развития Александрии можно считать строительство в 1885 г. Нижней дачи для Николая II и его семьи. Новый архитектурный комплекс располагался на берегу залива и включал в себя помимо дворца хозяйственные службы (кухня, сараи для лошадей и экипажей и т.п.). Пейзажный садик для прогулок был сосредоточен непосредственно у здания дворца, а морской «рукав с ковшом» для легких судов выходил далеко в залив. К Нижней даче от пруда вела широкая «езжалая» дорога, слева от которой открывались просторы нижней террасы с видом на залив. С постройкой Нижней дачи завершилось формирование прибрежной полосы парка Александрия. Далее, до конца XIX и начала XX века, парковая структура претерпела незначительные изменения, связанные, в основном, с перемещением караулок, постов и вахт по периферии парковой территории. Не потребовало большого изменения планировки

создание у Фермерского дворца «Лаун-тенниса» в 1896 г. и «Лебяжника» в районе Фермы (1870-е гг.). Общая планировочная ситуация отражена на плане Алек-сандрии 1929 г.[6]. Полное представление о композиции насаждений, детальном расположении групп и солитеров, организации видовых точек и панорам в парке дают схемы отдельных участков: планы Коттеджа 1840-х и 1860-х годов, Фермерского дворца 1850-х, Нижней дачи 1880-х[7], а также богатый иконографический материал из архивов ГМЗ «Петергоф» и Государственного Эрмитажа. Окончательный вид довоенной Александрии представлен на плане инвентаризации 1938-1939 гг.[8], где заметно уменьшение количества дорог и зарастание части открытых пространств. В настоящее время парк Александрия площадью 118 га входит в состав Государственного музея-заповедника «Петергоф». Проект реставрации парка находится в стадии разработки.

Исторический состав насаждений парка Александрия и его малых садов

Создание парка Александрия происходило одновременно со строительством первых архитектурных сооружений — дворца Коттедж, Фермы, Руинного моста, караулок и других служебных корпусов. Формирование открытых и закрытых пространств осуществлялось путем посадок (на верхней террасе) и вырубок в лесном массиве (на нижней террасе). Благодаря тому, что все самые значительные сооружения располагались на верхней террасе, здесь производились посадки декоративных пород деревьев и кустарников по законам ландшафтного искусства для создания эффектной объемно-пространственной композиции. Это были преимущественно лиственные насаждения с примесью хвойных пород для контраста. Чистые по составу группы, расположенные на открытых пространствах, формировались из дубов, лип или сосен. Смешанные куртины создавались из кленов, ясеней, вязов, берез, лип и рябин. Изредка в насаждения единично вводили экзоты (тополь серебристый, бук, береза даурская, орех, облепиха). Опушки и подлесок составляли лиственные кустарники: бузина, желтая акация, жимолость, калина, шиповник. Для живой изгороди использовали боярышник кроваво-красный. Небольшие примеси в насаждениях составляли спиреи, дерен, ива, дрок, смородина, барбарис[9]. Декоративные группы красиво-цветущих кустарников у дворцов формировали, главным образом, из сирени обыкновенной и китайской, чубушника венечного, «воздушного жасмина», белой акации, рододендронов, лещины (орешника)[10].

Крупномерные экземпляры дубов, ясеней, вязов и лип пересаживали из других парков ко дворцам (Коттеджу и Фермерскому) в качестве солитеров. Нижняя терраса Александрии в начале строительства парка представляла собой болотистую местность с характерными признаками подобных территорий Северо-Запада: сероольшанники и ивняки с примесью ели обыкновенной, березы повислой и сосны обыкновенной[11]. Для введения в массивы широколиственных пород терраса, скорее всего, была поднята на 1-1,5 м и осушена с помощью сети мелиоративных канав. После посадок дубов, лип, кленов, ясеней на нижней террасе сформировались снытьево-разнотравные дубняки, которые просу-

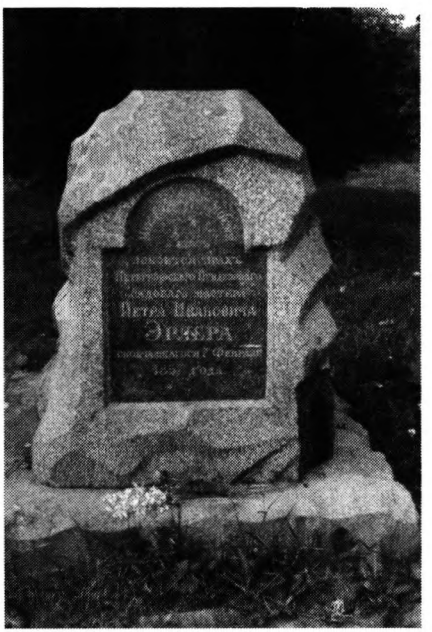
Дворец Коттедж. Вид сос тороны парка. Фото М.В. Нащокиной. 2003.

ществовали до 1917 года, после чего уход за парком был прекращен, и он стал вторично заболачиваться. Отмирание деревьев началось с дубов и других экзотов и продолжается по настоящее время.

Малые сады Александрии

Коттедж

Коттедж был первым по времени возникновения дворцом на территории Александрии. Его строительство продолжалось с 1826 по 1829 год (арх. А. Менелас). Ежегодное присутствие в Александрии членов императорской семьи диктовало необходимость соответствия летней резиденции их вкусам, поэтому планы 1830-х — 1840-х годов фиксируют постоянное изменение планировки территории вокруг дворца. Перемены, в первую очередь, относились к дорожно-тропиночной сети и композиции цветников, поскольку крупных деревьев вблизи дворца еще не существовало. Увеличение количества малых архитектурных форм (беседок, скамеек, ваз) и скульптуры требовало постоянного расширения дорожной сети и возрастания пышности растительного оформления. Иконографические материалы и планы, относящиеся к 1840-м годам, отмечают особенное внимание к западной стороне дворца, где в 1832 г. была построена «Розовая беседка», увитая жимолостью-каприфоль и плетистыми розами и обсаженная декоративными кустарниками: дерном, жимолостью татарской, чубушником венечным, сиренью обыкновенной[12]. Вокруг беседки были разбиты



Могила Петергофского придворного садового мастера П.И. Эрлера в парке Александрии. Фото М,В. Нащокиной. 2003.

клумбы «в английском вкусе» (т.е. свободной формы) с весенним цветением луковичных растений (тюльпанов, нарциссов, гиацинтов)[13] и летним цветением разнообразных летников и многолетников: мальвы, левкоев, георгинов, роз, гортензий, лилий, астр, люпинов и т.д.[14]. Параллельно с этим происходила закупка большого количества горшечных и кадочных растений, которые в летний период также украшали экстерьеры дворца и беседки[15]. В большей степени это были лавры, померанцевые культуры, а также цветущие душистые растения тропиков и субтропиков, требующие зимнего содержания в специальных оранжереях. Для них, а также для разведения цветочных растений, еще в 1830 году архитектором И. Шарлеманем по указанию Министерства Императорского двора был разработан проект теплицы с двумя парниками «для Дачи Е.И.В. Александрии»[16]. Теплица в 1842 г. была передана в ведение Петергофского Дворцового Правления[17]. После проведенного ремонта в ней стали выращивать рассаду летников, производить выгонку луковичных и разводить экзотические культуры[18].

Садик с западной стороны дворца предназначался для прогулок императрицы, которая лично следила за состоянием высаженных в нем растений. От остальной территории садик был отгорожен гирляндами из вьющихся растений (предположительно, это была жимолость-каприфоль). Позднее в нем появилась скульптура, садовая мебель, вазы и полусферическая трельяжная беседка для отдыха (изображена на акварели А. Бенуа 1903 г.). В 1830 году вблизи руин дворца Меньшикова «Монкураж», к которому из садика вела прогулочная дорожка, был установлен бюст Петра I[19]. Вдоль дорожки и рядом с бюстом были высажены тополя, декоративные кустарники (жасмин, сирень) и выставлены горшечные растения[20]. Некоторые из них, как и многие растения в первые годы существования Александрии, погибали из-за неблагоприятных климатических условий, но незамедлительно заменялись на новые. Ассортимент декоративных растений был очень динамичным и менялся по нескольку раз в сезон[21].

С южного (непарадного) фасада дворца, почти целиком увитого плющом, находилась куртина овальной формы — «лужок», — в центре которой на пьедестале стояла чугунная ваза. В 1832 году по периметру «лужка» были посажены 12 тополей, привезен-

ные из Бобруйска[22]. В 1835 году у Коттеджа производится посадка 4-х крупномерных деревьев (ильма, ясеня, вяза и липы) и 22-х средних по величине дубов и лип[23]. Особое отношение к дубам у членов императорской семьи, вызванное воспоминаниями о матери Александры Федоровны — прусской королеве Луизе, сказалось на многочисленных посадках и пересадках дубов в районе дворца, планы которых императрица утверждала лично[24]. Хозяйка Коттеджа могла также сама делать эскизы садовых форм и заказывать растения для их оформления[25]. Наибольшее предпочтение отдавалось любимым розам. Списки сотен и даже тысяч сортов «королевы цветов», заказанные в Германии, свидетельствуют о неослабевающем интересе императрицы к розам на протяжении всего пребывания монаршей семьи в Александрии[26]. Такое огромное количество цветов (в 1840-х годах появились «ковровые» цветники с северной стороны дворца, рядом со столовой), большинство из которых требовало зимнего содержания в теплицах, уже не помещалось в существующие постройки и поэтому с середины 1850-х годов в документах все чаще встречаются упоминания о перестройке старой теплицы и строительстве новой[27]. К началу 1860-х годов количество горшечных и кадочных растений в Александрии перешло разумные пределы (в отдельные годы — до 14 000 шт. (!)), и император потребовал «больше не закупать растений, а беречь те, что есть»[28]. В последующие три десятилетия растения покупались, в основном, для «ремонтных посадок» или для декораций по поводу праздников[29].

Ферма и Фермерский дворец

В большей степени утилитарная функция Фермы, построенной архитектором Менеласом в 1831 году, изначально не предполагала устройства декоративных садов на территории вокруг здания. Ландшафты парка в районе Фермы представляли собой пастбища с луговыми газонами и небольшими древесно-кустарниковыми группами. В то же время, через территорию Фермы проходила прогулочная дорога от Коттеджа к Капелле, поэтому посадки вдоль дороги производились крупными деревьями (дубами, ясенями, липами) и цветущими кустарниками (сиренью, акацией)[30], а с восточной стороны здания существовал небольшой садик с цветниками[31]. В 1840-х годах происходила значительная перестройка Фермы с увеличением вокруг нее благоустроенной территории. В связи с этим, расширился ассортимент используемых в цветниках растений, среди которых появились горшечные и кадочные культуры[32].

Однако, самые существенные перемены были связаны с превращением Фермы в Фермерский дворец, где с 1853 года поселился будущий император Александр II. В это время в районе дворца формируется комплекс зданий различного назначения (Кухонный корпус, Фельдъегерский домик, сарай для экипажей, каменный мост через ручей и т.д.). Сад при дворце значительно увеличивается за счет появления пейзажных дорожек, окаймленных цветочными рабатками, партерных газонов у входа, открытых площадок и деревянных шпалер[33]. Построенный в 1858 году с западной стороны дворца Сосновый домик для «Государя Наследника Цесаревича» имел свой собственный садик с клумбами и дорожками, посадками больших деревьев (лип, дубов, ясеней и кленов), окаймлен-

Парковая поляна в районе Капеллы. Фото М.В. Нащокиной. 2003.

ный живой изгородью из боярышника[34]. Позже в нем появился бассейн для рыбы, переделанный затем в грот с небольшим каскадом и скульптурой[35]. Над гротом существовала беседка-мостик из березовых жердей, увитая хмелем и обставленная многочисленными оранжерейными растениями в горшках и кадках[36].

В начале 1860-х годов перед восточным фасадом Фермерского дворца, со стороны кабинета Александра II, велись большие работы по созданию сада в т.н. «викторианском» стиле (характерного для садов того времени) с «устройством веранды, цветочных и древесных клумб», бассейна с фонтаном и перголы[37]. Веранда и пергола были увиты голландским хмелем и душистым горошком, декорированы вазами, скульптурой, мраморными скамьями и садовой мебелью[38]. Вокруг были посажены цветущие кустарники (жасмин, сирень) и садовые розы[39]. Дополняли композицию многочисленные оранжерейные растения (агавы, пальмы, драцены и т.д.) и цветы в горшках и вазах. В 1870 году садовый мастер Аурих сообщал в Петергофское Дворцовое Правление, что «при дворце бывшей фермы на даче Александрии» находится до 4 500 оранжерейных декоративных растений, а «при домике Государя Наследника» — до 300[40]. Все это большое садовое хозяйство требовало постоянного ухода и мелкого ремонта, о чем периодически упоминается в документах «по ремонтному содержанию дачи Александрии»[41]. Динамичная ситуация вокруг Фермерского дворца отражена на планах Александрии 1861, 1867, 1882, 1895 и 1900 годов.[42].

Новая Ферма и Телеграфная станция

После перенесения функций фермы в новое здание у Санкт-Петербургского проспекта (Новая Ферма) и строительства рядом с ней Телеграфной станции в 1857 году в юго-западном углу Александрии сформировался небольшой архитектурно-ландшафтный комплекс с камерным садиком во дворе Телеграфа[43]. Садик был ограничен с запада и с востока, а также со стороны фермы решеткой из декоративных копий[44]. Появление фонтана в садике следует отнести скорее к XX веку. Архивные документы упоминают садик при Телеграфе лишь в аспекте «содержания в чистоте»[45]. Можно только предположить, что высаженные в садике растения относились к разряду красивоцветущих кустарников и летних цветов. Территория вблизи здания Новой Фермы представляла собой открытые

луговые пространства, используемые как пастбища. Комплекс зданий Новой Фермы и Телеграфной станции был соединен с Фермерским дворцом пейзажной дорогой, которая, по всей видимости, активно использовалась как для пеших, так и для конных прогулок.

Капелла

Значение Капеллы как культового сооружения в парке Александрия подчеркивалось ее расположением на краю верхней террасы и открытым ландшафтом с великолепными группами дубов, существовавшими до середины 1890-х годов. Уже в 1835 году, сразу после создания Капеллы, для огораживания территории вокруг нее из Ропшинского сада выписываются 30 штук виноградных лоз[46]. На более поздних фотографиях Капеллы можно увидеть, что фасад здания увит лианами, а рядом со стеной располагаются небольшие «зеленые островки» с кустарниками (возможно, сирень) и горшечными многолетними цветами[47]. Этот же ассортимент растений находим в требовании садовых мастеров Александрии от 1861 года, в котором, помимо других зданий, упоминается «Святая Церковь», для оформления которой «потребно разных летних цветов в горшках — лилии, гвоздики, розонов и проч.»[48]. Предположительно, наиболее богатое цветочное оформление Капеллы (внутреннее и внешнее) требовалось на время церковных праздников, а также в периоды проведения праздничных семейных богослужений.

Нижняя дача

Крупный комплекс зданий, самой поздней по времени постройки в Александрии, связан с семьей последнего российского императора. Этот комплекс возник в некотором отдалении от других архитектурных сооружений, на берегу залива, в 1885 году и включал в себя здание дворца «Нижняя дача», кухню и хозяйственные постройки. В 1897 году дворец был перестроен и значительно расширен. Планировка парка в районе дворца, как и во всей Александрии, носила пейзажный характер с живописными цветниками свободной формы, извилистыми дорожками и группами декоративных кустарников с западной и восточной сторон от дворца[49]. Северная часть территории представляла собой открытое побережье залива, где находился главный вход во дворец. Дорожки вокруг зданий были окаймлены цветочными рабатками, в центре партерного газона с северной стороны дворца находилась приподнятая клумба с ковровыми летними культурами и веерной пальмой[50]. Подобные цветочные элементы располагались вдоль всех прогулочных дорог у залива и от Нижней дачи до Коттеджа, дополняемые стрижеными лаврами, драценами и юкками в керамических вазонах[51]. Множество оранжерейных растений украшало открытые веранды дворца, стены которого были увиты плющом[52]. Императорская семья с детьми в теплое время года много времени проводила в саду, где стояла садовая мебель и декоративные фарфоровые табуреты. На фотодокументах хорошо заметны некоторые растения, украшавшие сад, например, кусты рододендронов, бегония и гвоздика турецкая в клумбах, лилии в вазах и т.п.[53]. В 1892-1893 годах выход в море был дополнен Гаванью для шлюпок и легких судов. Исторические чертежи того времени фиксируют измене-

ние первоначальной планировки вокруг дворца в сторону укрупнения деталей (клумб, куртин) и утверждения пейзажного характера композиции открытого типа (больших деревьев рядом с дворцом не было)[54]. Акварели и фотодокументы конца XIX — начала XX века дают полную картину комплекса Нижней дачи с морским пейзажем из окон, дополненным благоуханием сирени, лилий, горшечных и кадочных цветущих культур[55].

Домик великих князей (Кухонный корпус)

В 1838-1840 годы А.И. Штакеншнейдер перестроил кухню при Коттедже архитектора А. Менеласа в «домик для великих князей», во дворе которого соорудили перголу с фонтаном и бассейном. По описи 1859 года пергола была «устроена на 10 каменных столбах», перекрытых деревянной решеткой, увитой плющом и виноградом[56] (на зиму пергола закрывалась рамами, поэтому называлась «садик ввиде оранжерейки»). Неподалеку находились гимнастические игры и один из нескольких огородиков, устроенных для детей, с посадками овощных культур (редиса, салата, свеклы, гороха, бобов и проч.)[57].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП — 932-945.
2. Там же. ПДМП — 724; 3839.
3. Там же. ПДМП — 3838; 732; 735.
4. Архив фотодокументов ГМЗ «Петергоф». ПДМП — 3фд/4; 3фд/5; 3фд/6; 3фд/7; 3фд/8; 3фд/9. ПДМП — 201/12; 201/13.
5. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП — 3840.
6. Там же. ПДМП — 749.
7. Там же. ПДМП — 724; 735; 820; 884; 1023; 1029; 1167; 3838.
8. Там же. ПДМП — 763.
9. РГИА, ф.490, оп.2, д.534.
10. Там же. Ф.490, оп.2, д.556; д.669.
11. Иванова И.Н., Иванова Л.В. Фитоценотическое исследование парка Александрия в Петергофе. Дипломная работа студенток ЛТА. Рукопись. 1992 г.
12. РГИА, ф.490, оп.2, д.556; д.854.
13. Там же. Ф.490, оп.2, д.670; д.854, л.98.
14. Там же. Ф.490, оп.2, д.854, лл.92,171,172.
15. Там же. Ф.490, оп.2, д.669, лл.167, 214; д.854, л.339.
16. Там же. Ф.490, оп.2, д.669, л.167.
17. Там же. Ф.490, оп.2, д.1369, л.4.
18. Там же. Ф.490, оп.2, д.1103, лл.1-3.
19. Белов А.А. Собственная Ее Величества дача Александрия. Хроника строительства и факты истории. Рукопись. 1998 г. Архив ГМЗ «Петергоф». Р — 478.
20. Там же. Ф.490, оп.2, д.854, л.339.
21. Там же. Ф.490, оп.2, д.854, л.92.
22. Там же. Ф.472, оп.1, д.1.
23. Там же. Ф.490, оп.2, д.759.

24. Там же. Ф.490, оп.2, д.854, л.178; д.849, л.1-3; д.2384. л.2,3. Ф.472, оп.2, д.599, л.8.
25. Там же. Ф.490, оп.2, д.2333, л.16; д.2552, л.1; д.2792, л.20, 24. Ф.1338, оп.3, д.142, л.1-5.
26. Там же. Ф.490, оп.2, д.925, л.3; д.2552, л.5-10.
27. Там же. Ф.490, оп.2, д.2790; ф.490, оп.3, д.1630, л.5,31.
28. Там же. Ф.490, оп.2, д.3431, л.3-5.
29. Там же. Ф.490, оп.2, д.3890, л.36; ф.490, оп.4, д.696, л.24.
30. Там же. Ф.490, оп.2, д.1048, л.1.
31. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП — 724. РГИА ф.490, оп.2, д.1369, л.4.
32. РГИА ф.490, оп.2, д.1892, л.6.
33. Там же. Ф.490, оп.2, д.2679, л.5.
34. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП — 820-823. РГИА ф.490, оп.2, д.3198, л.34.
35. Белов А.А. Собственная Ее Величества дача Александрия. Хроника строительства и факты истории. Рукопись. 1998 г. Архив ГМЗ «Петергоф». Р — 478.
36. Архив фотодокументов ГМЗ «Петергоф». ПДМП — 201-16.
37. РГИА Ф.490, оп.2, д.3430, л.19.
38. Архив фотодокументов ГМЗ «Петергоф». ПДМП — 3фд/3; 3фд/4; 3фд/5; 3фд/6; 3фд/7; 3фд/8; 3фд/9. ПДМП — 201-12; 201-13; 201-14; 201-15. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП — 1070; 1071; 1095.
39. РГИА Ф.490, оп.2, д.3591, л.128, 134.
40. Там же. Ф.490, оп.2, д.3819, л.3.
41. Там же. Ф.490, оп.2, д.3591, л.84, 134; д.4118.
42. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП — 3838, 3840, 732, 920, 744.
43. Там же. ПДМП — 727, 728.
44. Белов А.А. Собственная Ее Величества дача Александрия. Хроника строительства и факты истории. Рукопись. 1998 г. Архив ГМЗ «Петергоф». Р — 478.
45. РГИА Ф.490, оп.2, д.3591, 3890.
46. Там же. Ф.490, оп.2, д.854, л.207.
47. Архив фотодокументов ГМЗ «Петергоф». ПДМП- 201-9; 201-10. ПДМП — 3фд/2.
48. РГИА Ф.490, оп.2, д.3431, л.4.
49. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП — 735.
50. Архив фотодокументов ГМЗ «Петергоф». ГАРФ 601-1-1632-5206-2.
51. Там же. ГАРФ 601-1-1632-54-7; 601-1-1632-1506-8; 601-1-1632-1506-6.
52. Там же. ГАРФ 601-1-1632-1506-10; 601-1-1527-1706-239; 601-1-1527-1706-241.
53. Там же. ГАРФ 601-1-1632-53-4.
54. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП — 962, 963.
55. Архив фотодокументов ГМЗ «Петергоф». ПДМП — 3фд/39; 3фд/42; 3фд/44; 3фд/45.
56. РГИА ф.490, оп.2, д.3225, л.1

Г.А. Полякова, А.Н. Швецов

ПРЕДПРОЕКТНОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ РАСТИТЕЛЬНОСТИ СТАРИННЫХ УСАДЕБ И МУЗЕЕВ-ЗАПОВЕДНИКОВ

Территории музеев-заповедников и старинных усадеб с окружающими их парками относятся к особо ценным природно-историческим объектам. Большинство из усадебных музеев являются мемориальными или историческими. Природной их составляющей часто не уделялось должного внимания. В настоящее время равноправное значение придается уже и природному комплексу, неразрывно связанному с историческими и архитектурными памятниками. В последнее время сформировались понятия природно-культурного наследия и культурно-исторического ландшафта, которые объединяют природную, архитектурную и историческую ценность объектов. Это позволяет понять развитие во времени всей природно-исторической среды, а не отдельных ее компонентов. В названиях многих музеев появилось слово «природный» или «ландшафтный». Но на практике природный комплекс таких объектов обычно недостаточно изучен, включая и растительный покров. Не в каждом музее имеется специальная служба, занимающаяся изучением и содержанием природного комплекса территории. Обычно в экспозициях отсутствует раздел о природном комплексе, а при разработке тематики экскурсионных маршрутов этой теме также уделяется недостаточное внимания.

Обычно музеи не имеют полной информации о природном комплексе своей территории. Как правило, не известен полный состав флоры, не учтены ценные ботанические объекты, в том числе точное местонахождение и численность особо охраняемых видов. Отсутствуют более или менее подробные геоботанические карты. То есть на практике музеи по-прежнему функционируют преимущественно как исторические. Особо остро эта проблема возникает при разработке и реализации проектов реставрации и реконструкции территории. Музеи-заповедники и памятники садово-паркового искусства весьма различны по своим размерам, происхождению, состоянию природного комплекса и степени антропогенного воздействия.

Отсутствие материалов предварительного полного натурного обследования растительности территории приводит к значительным потерям при проведении различных мероприятий по уходу и реставрации территории. Так, например, при реставрационных работах в парке музея-усадьбы Архангельское были почти полностью уничтожены такие ценные виды старинной парковой флоры, как мятлик Шэ и ожика беловатая. В проекте реставрации парка Николо-Прозоровского отсутствуют материалы о местопроизрастании таких редких видов,

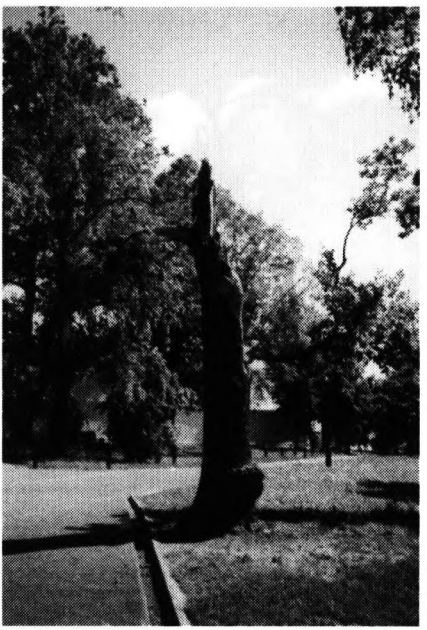
как бересклет карликовый и малиноклен душистый, а также практически всех травянистых интродуцентов. В усадьбе А.С. Пушкина Михайловское проектировщики не заметили редкое парковое растение кольник колосистый[1]. Этот печальный список, к сожалению, можно продолжить.

Музей-заповедник Коломенское. Фото автора. 1998г.

Первоочередной задачей при работе на природно-исторических территориях является полная инвентаризация и картирование всех компонентов природного комплекса, в том числе флоры, как одной из наиболее важных его составляющих[2, 3]. С одинаковой подробностью изучается как естественная растительность, так и созданная человеком. Вся территория при обследовании подразделяется на выделы, имеющие однородную растительность, сходную степень нарушенности и, как следствие этого, требующую одинакового подхода при уходе или реконструкции данного участка. Для каждого выдела дается краткая характеристика, включающая происхождение растительности данного участка (естественное или искусственное), состав, возраст и сомкнутость всех ярусов древесного полога, включая подрост и подлесок, определяется стадия рекреационной нарушенности и степень захламленности участка, указывается проективное покрытие живого напочвенного покрова, фиксируются доминирующие, редкие, охраняемые, декоративные и интродуцированные виды растений. Границы выделов наносятся на карту местности (желательный масштаб от 1:500 до 1:2000). Особое внимание в естественных природных комплексах уделяется выявлению редких, охраняемых видов растений и растительных сообществ.

Искусственные насаждения, к которым относятся и объекты садово-паркового искусства, также представляют большую ценность. Особое внимание здесь уделяется выявлению сохранившихся элементов старинной планировки и слагающих ее растений. За длительный период существования парков в них сложились устойчивые сообщества, сформированные как из местных, так и из интродуцированных видов растений. Выявляются маточные экземпляры, которые могут быть использованы для семенного или вегетативного размножения этих растений. Обследование должно проводится неоднократно в течение вегетационного периода для выявления всего разнообразия растительного покрова, например, только ранней весной можно учесть цветущие растения-эфемероиды.

Объекты садово-паркового искусства при обследовании требуют особого подхода. Кроме описания растительности, необходимо проводить подерёвную съёмку



Последствия урагана в 1998 г. в Коломенском. Фото автора.

насаждений, составление ведомости перечёта, а также паспортов наиболее ценных и старых экземпляров деревьев. Эти материалы позволят восстановить первоначальную планировку и структуру парка. Подобная работа в настоящее время обычно проводится при составлении проектов реставрации памятников садово-паркового искусства, дополняется она также выявлением старинной дорожно-тропиночной сети[4]. Для характеристики первоначального облика парка оценки его современного состояния и сохранности недостаточно. Необходимо детальное обследование нижних ярусов растительности, включая мелкие кустарники и растения напочвенного покрова. Нужно обращать особое внимание на интродуцированные виды, которые безусловно, культивировались в парке прежде. Для выявления первоначальной структуры парковых композиций следует знать и учитывать возможность и степень вегетативной подвижности кустарников, а также семенного и вегетативного размножения интродуцированных растений, слагающих напочвенный покров.

При проведении обследования территории следует отмечать влияния различных угрожающих факторов, таких как рекреация, пастьба скота, нарушение гидрологического режима, внедрение сорных травянистых и древесных растений, возможность зарастания газонов и луговых полян древесной растительностью, наличие или угроза оползней, осыпей и т.д.

После обследования и анализа состояния участков уже можно принимать решения, какие из растительных группировок сохраняются полностью без изменений, а какие требуют особого ухода. На участках необходимо провести различные мероприятия, например, убрать сорные виды, омолодить кустарники, убрать ненужный подрост, провести санитарные рубки и т.п. Местами требуется уменьшить площади, занятые разросшейся растительностью, например рябинником рябинолистным. Возможны варианты, при которых часть редких или ценных растений может быть пересажена для их сохранения, затем данный участок подвергается реконструкции, после которой, при необходимости, пересаженные растения могут быть возвращены на прежнее место. Разрабатываются мероприятия по уходу за растительностью. Для каждого выдела даются рекомендации по режиму дальнейшего хозяйственного использования или методов ухода. Например, предложения по выкашиванию напочвенного покрова, в том числе сроков и частоты косьбы, проведению рубок ухода, снижению рекреационных

нагрузок, предотвращению оползней, уборке мусора и т.д.

Душица обыкновенная на лугах Коломенского. Фото автора. 1998 г.

Наблюдения, проведенные нами в большом количестве старинных парков разной степени сохранности, а также подвергшихся реставрации, знание биологии и экологии растений, слагающих парки, позволяют нам с достаточной степенью достоверности прогнозировать последствия тех или иных работ по реставрации и реконструкции, а также различных приемов ухода за старинными усадебными парками. Причем за последние 10 лет эти прогнозы оказывались, как правило, неблагоприятными и, в основном, обычно полностью оправдывались.

Для обеспечения охраны и рационального ведения хозяйства на особо охраняемых территориях необходима организация мониторинга природного комплекса, включая растительность[5, 6], который дает возможность выявить динамику естественных и антропогенных процессов в растительности и при нежелательных изменениях принять соответствующие меры. Повторные наблюдения, проводимые через несколько лет, дают возможность оценить результаты различных методов ухода или проведенных реставрационных работ и наметить мероприятия по дальнейшему уходу за растительностью. В наиболее ценных сообществах рекомендуется организовать проведение детального ежегодного мониторинга на постоянных пробных площадях.

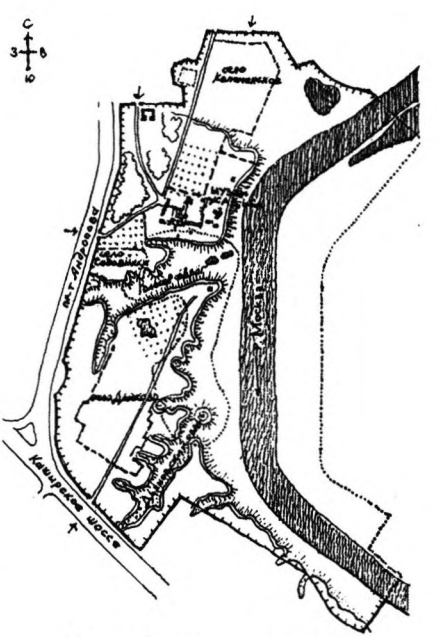


Схема территории музея-заповедника Коломенское.

Наиболее подробно нами изучена территория музея-заповедника «Коломенское», где в 1993 году было проведено сплошное картирование растительного покрова всей территории (в масштабе 1:2000) с описанием каждого

Ветренница лютиковая, эфимироид Коломенская дубрава. Фото автора. 1998 г.

выдела, определением степени антропогенной нарушенности и выделением местообитаний редких и ценных видов, а также растительных группировок. Территория, площадью 180 га, была разделена на 324 выдела. Были отмечены участки растительности, находящиеся под угрозой исчезновения по тем или иным причинам (чрезмерная рекреация, заболачивание или подтопление, оползни, осыпи и т.д.). Особое внимание уделялось изучению процессов, последствия которых могли привести к нежелательным сменам растительного покрова или существенным изменениям его структуры, например зарастание луговых сообществ древесной растительностью. Были даны рекомендации по проведению первоочередных хозяйственных мероприятий на этих участках, часть из которых уже реализована музеем на практике. Такая работа была повторно выполнена нами в Колменском в 2002 году. Это позволило оценить масштабы и направленность изменений растительности на территории музея. Оказалось, что за 9 лет заметно возросли рекреационные нагрузки и соответственно нарушенность растительности. Несколько изменился гидрологический режим на некоторых участках. Наибольшая флюктуация растительности отмечена на луговых участках. Серьезные изменения произошли также на участках, где на месте лугов формируются осиновые молодняки. Оценены также последствия рекомендованных нами методов ухода за растительностью. Заметно улучшилось состояние напочвенного покрова в заповедной дубраве. Регулярное скашивание травы на старых залежах в пойме реки Москвы ускорило процессы олуговения этих участков.

Схема размещения ценных ботанических объектов на территории Коломенского.

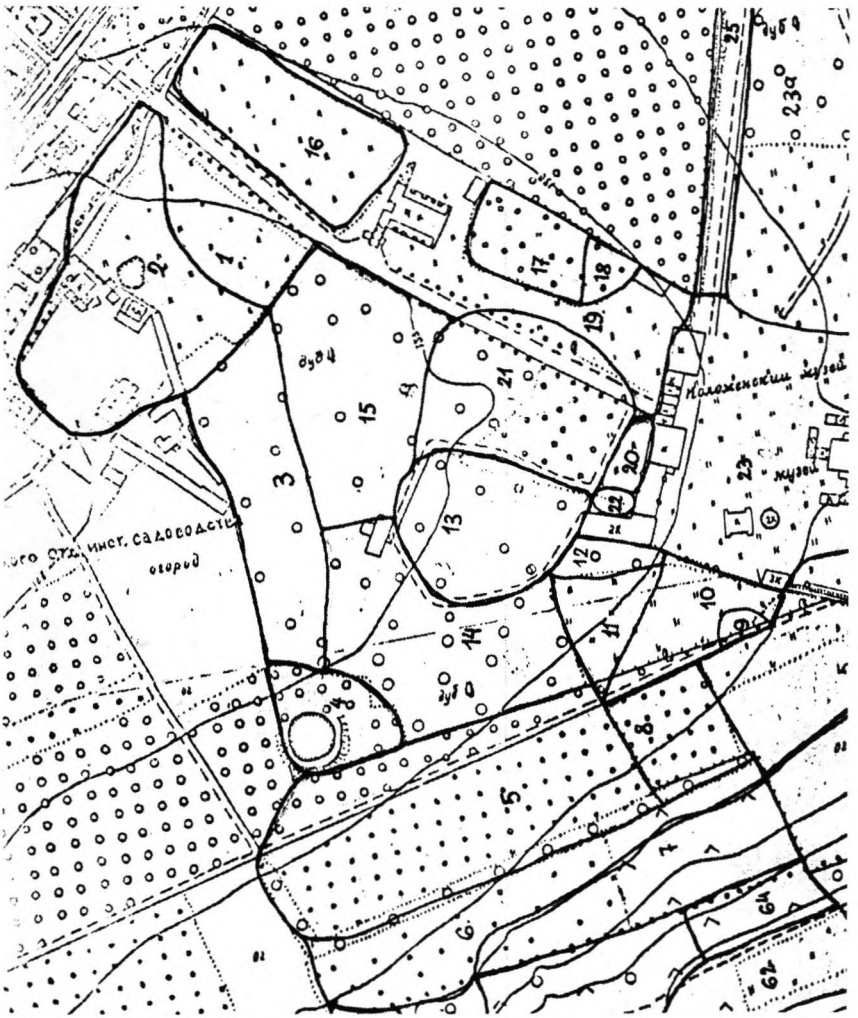
В наиболее ценных и типичных для музея-заповедника «Коломенское» участках исторического ландшафта была заложена серия постоянных пробных площадей для детального мониторинга, работа на них продолжается в течение 8 лет[5]. Аналогичные работы проводятся и на территории ПИСЛХ «Горки».

Луг на склоне Голосова оврага в Коломенском. Фото автора. 1998 г.

Новые информационные технологии позволяют создавать карты, оперативно вносить в них изменения и получать нужные данные о каждом участке растительности, о распространении тех или иных объектов и т.д. Масштаб и насыщенность информацией электронной карты можно легко изменять, что удобно на всех стадиях проектирования. На карту наносятся границы выделов, отмечаются наиболее ценные фрагменты растительности, участки требующие срочного вмешательства. Фиксируются места расположения редких и охраняемых объектов, которые затем заносятся в базу данных. Из базы данных может быть выбрано любое растение, а затем с помощью средств OLE Automation для Auto CAD 2000, загружается вместе с картой и на ней отображаются места произрастания интересующего нас вида. Такая карта подготовлена для парка усадьбы Царицыно.

Картирование растительности в музее-заповеднике «Царицыно» позволило выявить динамику идущих там процессов. За 10 лет наблюдений заметно увеличилась площадь напочвенного покрова, подвергшегося рекреационной деградации. Под угрозой вытаптывания оказался последний сохранившийся в парке небольшой фрагмент сообщества с обилием мятлика Шэ, недавно при проведении реставрационных работ около Большого дворца уже была уничтожена часть популяции этого растения. Постепенно по разным причинам сокращается обилие барвинка малого, некогда характерноГ растения царицынского парка. Увеличивается степень рекреационной нарушенности большой поляны, расположенной за дворцом. На ней возросла площадь занятая сорняками, а также полностью лишенная растительности. Сокращается обилие старых парковых растений, когда-то выращиваемых на этой поляне — трёхщетинника желтеющего и райграса высокого, а также красочного лугового разнотравья. На поляне требуется срочно провести реставрационные работы и восстановить травяной покров, с использованием семян тех растений, которые когда-то там росли.

Многолетние наблюдения в старинном парке Покровское-Стрешнево выявили динамику некоторых интродуцированных растений[5]. Отмечено продолже-



Фрагмент карты выделов территории Коломенского. В составлении и компьютерной обработке карты принимал участие А.В. Баринов. 1-64 — номера выделов; 13 — заповедная дубрава на Государевом дворе.

ние экспансии ирги ольхолистной под пологом древесных насаждений и на небольших полянках. В напочвенном покрове популяция барвинка малого оказалась в целом достаточно стабильной, но в пространственном и временном отношении на отдельных участках довольно динамичной.

Долговременные наблюдения проводятся также в старинных парках Воронова, Опалихи, Нехлюдова на участках, представляющих насаждения разного со-

става, структуры и возраста с доминированием как местных, так и интродуцированных растений. Подобные исследования, проводимые в течение долгого времени в лесах Подмосковья показали, что наилучшие результаты по определению динамики текущих процессов получаются при наблюдениях сроком более 10 лет.

В последние годы актуальным является вопрос музеефикации территорий природно-культурных комплексов. Так, например, в Коломенском на Государевом дворе в последние годы начинают постепенно убирать деревья, которые не могли там расти во времена царя Алексея Михайловича. К сожалению, во многих старинных парках , особенно во второй половине XX века высаживались деревья и кустарники без учета старинной планировки и ассортимента пород, и в большинстве случаев такие посадки при реставрации необходимо убирать.

Обычно при реставрационных работах не учитывается ценность сохранившихся участков напочвенного покрова, как на газонах, так и под пологом насаждений, в том числе группа раноцветущих растений-эфемероидов. При реставрации напочвенный покров большинства старинных парков уничтожается. Ценные луговые и полянные сообщества без соответствующего ухода могут исчезнуть. Известно, что в лесной зоне луга без скашивания травы или пастьбы скота начинают довольно быстро зарастать самосевом или корнеотпрысками древесных пород.

Парковые фитоценозы были созданы человеком и для их поддержания в нормальном состоянии требуется постоянный уход. Участки естественной растительности на территориях больших городов или вблизи них, также не могут существовать без ухода. Для разработки наиболее эффективной системы эксплуатации таких территорий необходимо использовать системный подход, который включает в себя организацию временного коллектива специалистов разного профиля, объединенных общими задачами и взаимоувязанными методиками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полякова Г.А. Проблемы восстановления и содержания старинных усадебных парков // Михайловская пушкиниана. М., 2001. Вып. 15. С. 104-125.

2. Полякова Г.А., Швецов А.Н. Обследование и мониторинг растительности особо ценных природно-исторических территорий // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. М., 1999. С. 140-145.

3. Полякова Г.А., Швецов А.Н. К методике обследования и мониторинга состояния растительного покрова особо ценных природно-исторических территорий //Бюллетень ГБС. 1999. Вып. 178. С. 152-159.

4. Методические указания по выявлению и обследованию парков и природных ландшафтов (комплексов) на территории памятников истории и культуры. М., 1987. 85 с.

5. Леса Москвы. М., 2001. 148 с.

6. Полякова Г.А. Напочвенный покров старинных усадебных парков и мониторинг его состояния // Мониторинг состояния природно-культурных комплексов Подмосковья. М., 2000. С. 115-118.

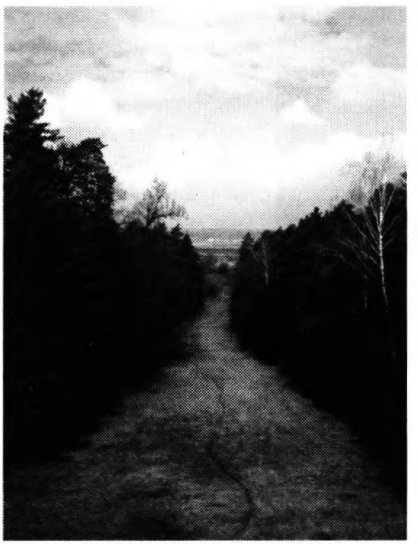
Н.А. Филиппова

СТАРЫЕ ПАРКИ — ШКОЛА ЛАНДШАФТНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Совпадение развития русской усадьбы со стилем классицизм определили ее высокохудожественный образ.[1] Старинные парки — это составная часть русской усадебной культуры, обширная коллекция образцов регулярной и ландшафтной парковой планировки , видовых точек, внутренних и внешних панорам. Усадебные парки часто раскрывали самые красивые виды на окружающую местность, разнообразие полян по конфигурации, размерам, ориентации и композиции насаждений— один из основных парковых планировочных приемов. Водные системы включали большие и малые пруды, каскады, каналы, ручьи. Коллекция аллей состояла из хвойных и лиственных пород. Какое богатство древесных и кустарниковых пород, как характерных для Средней полосы, так и экзотов, в них обнаруживается.

В 1979 году в Москве решением Моссовета №3 от 2 января были взяты под охрану как памятники садово-паркового искусства старинные парки Москвы. Прошло 24 года, ни один парк полностью не восстановлен. В области до сих пор не взята под охрану большая часть парков, многие из которых являются выдающимися памятниками садово-паркового искусства. В Подмосковье было выявлено более 700 старых парков разной площади, разной степени сохранности. (Они описаны в книге Г.А. Поляковой[2]) Границы зон охраны были разработаны для 125 подмосковных усадеб, утверждено до последнего времени было около 25. Нельзя забывать, что большая часть парков создавалась во второй половине XVIII века и паркообразующие породы — липы, дубы, вязы, ели, сосны, лиственницы, пихты — находятся уже на пределе своего возраста. Деревья отмирают, композиции разрушаются, поляны зарастают, виды утрачиваются, пруды высыхают. Между тем ничего равного старым паркам с 1917 года создано не было.

Ландшафтный архитектор Л.Е. Розенберг, получивший образование в Америке, затем много потрудившийся в России (Главный Ботанический Сад, Мамаев курган и т.д.) отмечал, что Подмосковье так богато памятниками архитектуры, так разнообразно по своим природным богатствам, что заслуживает статуса «Природного парка». Не поняли, не поддержали — уровень культуры не позволил. Известный географ Б. Родоман, анализируя из чего складывается природная красота Подмосковья, выделял и старые парки. «Красоту пейзажей в Средней полосе создавали речные долины и поймы, лесные поляны, опушки, кустарники и мелколесье у ручьев и оврагов, дороги, аллеи, одичавшие сады и кусты на месте исчезнувших домов, склоны моренных холмов, пруды, старые деревни и хутора с многоярусной растительностью дворов и улиц, храмы, бывшие помещичьи усадьбы и парки»[3]. Оказывается русскому человеку с древних времен было свойственно ландшафтное зрение, которое открыл, изучая памятники древнерусской литературы, в частности «Слово о полку Игореве», Д.С.Лихачев. Павел Флоренс-



Введенское. Поляна на склоне. Вид на Звенигород. Фото автора. 1998.

Введенское. Поляна на склоне. Фото автора. 1998.

кий ввел понятие пространствопонимание, архитектор-историк Феликс Разумовский назвал эту способность ландшафтным мышлением.[4] Не только такие известные паркостроители, как А.Т. Болотов, Н.А. Львов, приглашенные иностранные специалисты, трудились над созданием русских парков, но и множество неизвестных нам русских архитекторов и садовников, как крепостных, так и вольнонаемных, вложили свой труд в этот феномен русской культуры, объект культурного и природного наследия России.

Старинные парки! Как они создавались? Процитируем А.Т. Болотова — крупнейшего русского паркостроителя XVIII века. «На сей-то натурально прекрасной горе и в самом почти средоточии п омянутого, рекою образуемого полукружия, избрал я место для моего нового дома; и оно было так высоко и в таком прекрасном и выгодном положении, что из окна моего дома видима была великая обширность мест, украшенная полями, лесами, рощами и, вдалеке, многими селениями и несколькими церквами, и вид был столь прекрас-

Введенское. Северная опушка поляны на склоне

Знаменское-Садки. Восточная поляна. Фото автора. 1998.

ный, что я и поныне еще не могу красотами оного довольно налюбоваться».[5] Вот так в одночасье родился ландшафтный архитектор XVIII века Болотов, и первое открытие, которое он сделал — открыл «душу» местности, нашел такую точку, откуда мы видим ее законченный художественный образ. Можно было быть счастливым и получать такой заряд восторга, как А.Т. Болотов, начиная каждое утро с этого вида.

Именно такое место было выбрано для строительства дома в усадьбе Введенское, создатель которого был Н.А. Львов, известный русский архитектор и паркостроитель. «Введенское ваше таково, что замер было на возвышении, где Вы дом строить назначаете, от удовольствия смотря на окрестности, и 24 градуса мороза насилу победили мое любопытство. Каково же должно быть летом? Приложа, как говорят, руки к делу, место сие выйдет, мало если сказать лучшее из подмосковных. Натура в нем свое сделала, но оставила еще и для художества урок изрядный... . От начала хорошего, от первого расположения зависеть будет успех оного... [6] Эти слова подтверждают суждение известного ландшафтного архитектора Дж. Саймондса, что «наше творчество должно удовлетворять потребности человека, доставлять ему удовольствие, создавать нужное настроение».[7]

Усадебные парки создавались с учетом природных условий: рельефа, водных источников, естественных насаждений, и, в то же время, природные элементы получали свое развитие и завершение. Экономические примечания дают представление о том, скольких трудов стоило преобразование природного облика данной местности.

Знаменское-Садки. Малая система прудов. Третий пруд. Фото автора. 1998.

Усадьба Черемушки — владение князя Голицына, расцвет при Меншиковых, которые владели усадьбой 86 лет. 1766 год:«... на левом берегу речки Коршунихи находится церковь Знамения Пресвятой Богородицы, господский дом каменный с регулярным садом,

церковною землею на суходоле. Лес строевой березовый, осиновый».[8] В парке до сих пор преобладает липа, которой под 200 лет, есть дуб за 200 лет, пихта, сосна под 150 лет, большой пруд на речке Коршунихе.

Неклюдово. Поляна перед главным домом. Фото автора. 2001.

Усадьба Влахернское-Кузьминки князей Голицыных. Экономическое примечание за 1773 год. «Село лежит на берегу речки Голядянки по течению оной на левой стороне, на правой стороне пруд оного села. В летнее время в самом мелком месте бывает глубина 4 аршина /2.84 м/, шириной 5 саженей /10.5м/. Церковь каменная во имя Влахернской Божией Матери. Господский дом деревянный, при нем сад с плодовыми деревьями. Пруд, в нем рыба щука, плотва,окуни, на речке мельница. Сенные покосы средственные. Лес сосновый со старой елью, годной в отруб, и дровяной — березовый, осиновый, в нем медведи, волки, зайцы».[9] Сейчас, через два века, в Кузьминском парке 4 пруда — 20 га, прогулка по их берегам — 2 км. Сосна сохраняется в парке 12-и перспектив. В Английском саду в Верхнем парке — основная порода липа 170-200 лет, дубы за 200 лет, лиственница под 200 лет. Пихта ушла, сохранился единственный экземпляр кедра.

Усадьба Введенское. По Экономическому примечанию 1768 года: «... село Введенское, Першино тож, дачею лежит по течению Москвы-реки на правой стороне и той же стороне по течению речки Нахабни, на левой стороне речки Селявы. Под селениями — 34 дес. 46 саж., пашни — 1249 дес.1713 саж., сенокосу — 151 дес. 1032 саж., лесу строевого — 250 дес., лесу дровяного — 627 дес.541 саж., неудобной — 32 дес. 252 саж., Итого — 2344 дес. 1185 саж. ...грунт земля имеет иловатый, не плодовита... из собственной части хлеба родится лучше рожь, ячмень, гречиха, конопля, горох средственно, сенные покосы хорошие, лес строевой — 250 десятин сосновый, еловый, дровяной — 627 десятин березовый,осиновый».[10] В парке — липа, сосна,сохраняется и ель, дуб, лиственница, пихта, вяз.

Знаменское-Садки, 1800 год. Экономическое примечание: «Лес дровяной: березовый, осиновый, ольховый».[11] Современное состояние насаждений: липа — 67% (2117 шт.); береза — 9% (284 шт.); дуб — 5.8% (183 шт.). Среди хвойных ель — 67.9% (370 шт.); сосна — 31% (160 шт.). Преобладают деревья 120-150 лет, сохраняются 200-летние, липа — 43 шт., дубы — 250 шт.

Усадьбы являются примером преобразования природы с учетом экологических требований, они хранят большое разнообразие водных систем.

Во Влахернском-Кузьминках была создана система прудов общей площадью 20 га, протяженностью 2.5 км. Эта система стала основной осью композиции, по которой были

размещены микроансамбли — составные части одного из крупнейших архитектурно-парковых ансамблей г. Москвы (250 га). До сих пор этот памятник не восстановлен, хотя рабочая документация по восстановлению парка была готова еще в 1985 году.

В Воронове предположительно работал Н.А. Львов. Сохраняется интересный парк, большой пруд с протяженностью береговой линии более 1 км нельзя увидеть сразу благодаря изгибу берегов. Обходная аллея проходит выше берега пруда, с нее лучше воспринимается водная гладь. По мнению известных европейских теоретиков садово-паркового искусства Х. Гиршфельда, Рептона, водная гладь лучше воспринимается вдоль продольной оси пруда.

В Знаменском-Садках есть большой пруд на запруженной речке Битца площадью 4 га, с островами и полуостровом. Изящная внутренняя водная система включает три каскадных пруда длиной от 80 до 85 м. Ширина первого от 5 до 7 м, у второго пруда ширина вырастает до 25 м , у третьего — ширина 37 м. По берегам прорисованы пейзажи с елью, липой, отражающиеся в водном зеркале, на котором до сих пор летом цветут белые нимфеи.

В Марьине-Знаменском водная система включает два небольших пруда, один овальный (45х27 м), другой почти квадратный (50х55 м). Пруды соединяются каналом длиной 250 м, шириной от 3 до 7 м; в одном месте канал расширяется, и в него вписан остров (50х17 м). Камерный масштаб придает особое очарование этому изящному водному устройству.

Поляны — один из важнеших планировочных элементов старых парков. Поляны незаменимы, потому, что впускают в парк солнце . Игра света и тени на них, усиленная группами крупных деревьев — куртинами, солитерами, — одно из ос-

Вороново. Аллея из липы. Фото автора. 2000.

Вороново. Аллея из пихты. Фото автора. 2000.

Введенское. Овал из липы. Фотс автора. 1998.

новных парковых действий, не уступающее по эмоциональному воздействию динамичным водным устройствам, отражающим игру солнечных лучей, облаков, дарящих прохожим музыку воды. Поляны на склоне — как говорила кандидат искусствоведения С.Н. Палентреер — это шедевр садово-паркового искусства.

Поляна на склоне в усадьбе Введенское (Звенигород) — 250 м длиной. На акварели Подчасского (1818 г.) поляна открывает вид на главный дом и галереи, соединяющие его с флигелями. Флигели закрыты. Длина главного дома — 50 м, с галереями — 75 м. Между старыми деревьями, образующими опушку на склоне, — 40-50 м. Поляна немного сужается к подошве склона. Вид на Звенигород прежде раскрывался на 2.5 версты. Перепад рельефа — 25 м. Опушка была сформирована из лип, сосен, елей. Еще недавно склон был на 1/3 заросшим, главный дом с северной части был наполовину закрыт. Сейчас склон расчищен, дом, наконец, просматривается.

Братцево — поляна на склоне открывает вид в сторону Митина протяженностью до 5 км. Раньше здесь расстилались поля, за ними леса, теперь вид замыкается городской застройкой. Поляна 200 м длиной. Ширина поляны в верхней части совпадает с шириной дома — 30 м, внизу поляна расширяется до 280 м и заканчивается у берега пруда. Перепад рельефа — до 37 м, площадь поляны — 2.6 га. Опушка включает липы, сосны. На переднем плане раскрывалась система прудов в долине Сетуни. МКАД, проложенная через усадьбу, разрушила исторический усадебный пейзаж, хотя за рекой проходит дорога, которую можно было вполне использовать для прокладки МКАД.

Поречье (Можайский район, усадьба Уварова) — поляна длиной 200 м , шириной — от 50 до 75 м., перспектива открывается на холмы, поросшие лесом. Пейзаж напоминает уральский.

Введенское. «Букет» из липы. Фото автора. 2000.

В усадьбе Васильевское Дмитриева-Мамонова (Москва) парк располагался на двух террасах. Прежде первый открытый склон (сейчас зарос) раскрывал вид на Москву-реку и окрестности. Ширина первого склона — 25 м, длина — 50 м, перепад высот — 22 м. Перепад высот на втором склоне — 12 м. Склоны заросли самосевом, но до сих пор сохраняются липы, высаженные по краю открытого прежде пространства.

В усадьбе Высокое (Клинский район) поляна на склоне — длиной 150 м, шириной 50 м, перспектива открывается на 1 км.

Усадьба Неклюдово (за МКАД) — поляна площадью 1.9 га, шириной в длину фасада главного дома — 50 м, длина — 500 м (редкая для усадеб). Особенность ее в том, что она доходит до пруда и продолжается за ним. Обрамление поляны опушкой из хвойных (ель, пихта, сосна, лиственница) и лиственных (липа, дуб) деревьев имеет интересное завершение у пруда. Обе опушки заканчиваются тремя двухствольными липами, которые подводят опушку к берегу, но делают ее прозрачной, проницаемой, и пропускают дорожку, которая проложена между ними по берегу. На другом берегу пруда поляна продлевается.

В усадьбе Вороново, не считая пруда, четыре поляны составляют основное содержание парка. Поляна 1-я — 20 м по оси, обсажена одиночными деревьями и группами, «пропилеи» из дуба и липы ведут на вторую поляну. Поляна 2-я — 70х90 м, мощные группы дуба, березы, ели. Монолитные группы ели воспринимаются здесь как одно дерево. Игру света и тени создают группы, выступающие к центру или отступающие к границам. Особенно выразительны дубы. Поляна 3-я — 70х80м, вытянута с запада на восток для более эффектного освещения. Основная роль отведена хвойным: ели, лиственнице, сосне. Лиственница со светлой хвоей посажена между группами елей. Декоративный эффект усиливается весной, когда у лиственницы не-

жно-зеленая хвоя, и осенью, когда хвоя становится ярко-желтой. В сторону четвертой поляны имеется просвет, обрамленный мощной группой липы. Поляна — 4-я вытянута с северо-запада на юго-восток, включает группы однопородные и смешанные из ели, лиственницы, сосны, липы, дуба, березы, ивы. Группы деревьев расчленяют поляну, выделяется куртина сосен 20х40 м. В Воронове не занимаются восстановлением исторического ландшафта, поляны заросли, их выявить может только специалист.

Знаменское — Садки. Куртина липы. Фото автора. 1998.

Знаменское-Садки — очень богатый парк. Пруд большой с островами, малые пруды, выразительный рельеф, интересные композиции насаждений дополняются пятью полянами. Восточная — 60х90 м, центральная — 120х200 м, западная — 85х85м, поляна перед главным корпусом — 45х120 м, поляна за малыми прудами — 95х95 м. Обращает на себя внимание экономное использование пространства. Поляны создавались не в многоствольном массиве, их живописные очертания, опушки, видовые точки создавались с использованием древесных куртин разных размеров, составленных из разных пород.

Одним из интереснейших парковых элементов является аллея. Она может существовать независимо от парковой структуры, выходить из парка и соединять ближайшую дорогу с усадьбой или два близлежащих селения и т.д. На старых картах Подмосковья бросается в глаза большое количество дорог, обсаженных деревьями. Хорошо бы возродить эту традицию. Аллея сужает пространство, отделяет человека от других парковых затей, увлекает на долгую прогулку, позволяет собраться с мыслями, сосредоточиться. При этом каждая аллея рождает свое настроение — темные своды, строй...

Отрада-Семеновское. Куртина лиственницы. Фото автора. 2000.

Аллея из пихты в усадьбе Вороново — высота деревьев до 25 м, темные своды, стройные стволы, суровый облик, но все напоено ароматом целебного пихтового бальзама. Аллея из лиственницы в Неклюдове. Стволы высотой под 30 м, диаметры стволов от 45 до 60 см. Сомкнутый свод светел и прозрачен весной, когда распускается хвоя, и золотится осенью, когда хвоя желтеет. Аллея из ели в Авдотьине, дубовая аллея в Измалкове, аллея из берез в Петровском-Алабине, аллея из высококронной липы в Воронове. Аллеи в один ствол с двух сторон через 1, 2 аршина, через 1или1.5 сажени; аллея со сближенной посадкой 2-3-х стволов в ряд, как в Никольском на Могильцах, или ствол к стволу (шпалерная посадка), как в Ольгове. В Царицыне — редкий пример аллеи: полоса слева и справа 2.5 м. На этой полосе деревья группируются по 2, 3, 5 стволов в сближенной посадке гнездами, не в один ряд. Свод многокронный, графика ветвей наверху, рисунок тени и света на аллее усложняются. Своды в аллеях могут быть раскрыты — широкие аллеи из дуба, могут быть закрыты. Аллеи на восток впускают солнце, аллеи на запад провожают его.

Приемы посадок деревьев включают посадки кругами, овалами, куртинами, «букетами». С именем Н.А. Львова под Москвой связывают архитектурно-парковый ансамбль Введенское и парк усадьбы в Воронове. Дом, спроектированный Львовым в Воронове, был сожжен владельцем Ростопчиным во время войны 1812 года. У Львова был излюбленный прием — посадка деревьев в круги и овалы. Как известно в XVIII веке просвещенное дворянство увлекалось масонством. Н.А. Львов и его заказчик П.В. Лопухин не избежали этого увлечения. По словарю массонских терминов круг (овал) — конец всех фигур. В круге заключена тайна творения. Окружность — мера и время дел Божьих. В Введенском сохраняется 24 круга и овала. Вот характерные размеры кругов и овалов. 35х10 м — 30 шт. лип; 25х12 м-21 шт. лип; 15х7 м — 15 шт. лип; круг сосен (единственный сохранившийся) 10х10 м — 12 шт.

Отрада-Семеновское. Куртина сосны. Фото автора. 2000.

В усадьбе Знаменское-Садки широко ис-

пользуется прием куртинных посадок. В куртину включалось от 15 до 37 деревьев. Не все куртины до наших дней сохранились полностью. Принято было высаживать нечетное количество стволов. Куртины бывали однопородные и смешанные. Например: куртина из 16 стволов — 9 берез, 4 ели, 3 липы, размер куртины 20х15 м; 14 берез — 25х18 м; куртина из 37 стволов — 18 елей, 19 лип, размером 25х23 м. При обследовании парка в Знаменском-Садках невольно приходит мысль о модульном построении куртин. Повторяются куртины с одним и тем же количеством деревьев и с одинаковым размером. Минимальное количество деревьев в куртине может быть пять. Расстояние между деревьями может быть от 1.5 до 2.5, 3 м.

Покровское-Стрешнево. Сосна-«олень». Фото автора. 1985.

«Букетные» посадки встречаются также во многих парках — от 3 до 7стволов, сближенные посадки или посадки в одну яму. Сохранялся до недавнего времени букет вязов из 7-и стволов в Покровском-Стрешневе, во Введенском сохраняется букет из 6-и стволов, один утрачен. Чаще встречаются 3-хствольные «букеты», реже 5-ствольные. В Тверской усадьбе Митино сохраняется букет из 12 стволов.

Беседки из липы встречаются реже. В Покровском-Стрешневе на склоне сохраняется «полуротонда» диаметром 5 м, липы высажены через 2 м. Сохраняется круглая беседка из липы в Знаменском-Садках на границе парка за оврагом в куртине липы (10х10м), площадка диаметром 7 м, вокруг высажены липы (9 шт).

Причудливые формы деревьев в старинных парках не случайны. В Знаменском-Садках на старой фотографии видна сосна-«лира» (не сохранилась). В Никольском-Гагарине аллея сосен с причудливо сформированными кронами. В По-

Знаменское-Садки. Сосна-«лира». Фото А.И. Семеновой. 1968.

кровском-Стрешневе сохранились две сосны (третья засохла), вторая тоже засыхает, каждая из которых представляет собой два сросшихся дерева с причудливо изогнутыми ветвями. При первом взгляде казалось, что эти могучие деревья очень старые. Фотографии 1920-х годов убедили в обратном: деревьям лет 20, они уже срощены, с сильно изогнутыми ветвями. Котелова Наталья Владимировна, кандидат биологических наук, высказывала предположение, что был использован прием формирования причудливых сосен, вывезенный из Италии, где Е.Ф. Шаховская-Глебова-Стрешнева — последняя владелица усадьбы, имела виллу. В Подмосковье такой прием не был известен до настоящего времени.

Богатство породного состава в старинных парках было исследовано еще в 1979 году.[12] Древесных пород 260 видов и 36 декоративных форм. Например, в старинных парках можно встретить ель обыкновенную (форму плакучую), рябину обыкновенную (форму плакучую), ольху колонновидную. Местные породы, составляющие основу парка, насчитывают 51 вид. Основные паркообразующие породы — липа мелколистная, дуб черешчатый, вяз гладкий, клен остролистный, береза повислая. В парках Подмосковья встречаются также пихта сибирская, которая в городской среде не выживает, сосна кедровая сибирская, сосна румелийская, сосна Веймутова. Из лиственных пород одних тополей — 14 видов, ив — 12 видов, берез — 6 видов. Из кустарника шиповника — 13 видов, спиреи — 18 видов, боярышника — 14 видов. Всего кустарников в усадебных парках 180 ви-

дов. Даже в травянистом покрове встречаются растения, внедренные в парки еще в XVIII веке. Это лилия саранка (Николо-Прозоровское), барвинок, водосбор (во многих парках), маргаритки (Прохорово, Ахтырка) и другие.

Осталось немного времени до полного разрушения старых парков-памятников садово-паркового искусства. Большинство их создавалось в последней трети XVIII века, возраст у старых деревьев — предельный. Интенсивное строительство в Подмосковье коттеджей без продуманного отвода земли, без участия ландшафтного архитектора, эколога ведет к утрате уникального природного ландшафта Подмосковья.

Чем могут помочь ОИРУ и доброхоты?

ПРЕДЛОЖЕНИЯ:

1. Если на территории усадьбы расположено государственное учреждение; дом отдыха, санаторий, больница и т.д., ознакомить администрацию учреждения с историей усадьбы, обследовать парк и дать рекомендации по первоочередным мероприятиям. Составить программу на постепенное восстановление исторического ландшафта.
2. Если у старого парка нет хозяина, связаться с краеведами, экологами, организовать экскурсию для местной администрации, помочь понять представителям местной власти ценность объекта культурного и природного наследия. Старших школьников можно привлекать для расчистки парков, как это уже делается в Псковской области в усадьбах, окружающих Пушкинский заповедник. Школьники не только расчищают парки от мусора, но и восстанавливают заросшие дорожки, тут им необходима помощь взрослых, например, дорожников.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Турчин В.С. Усадьба и судьба классицизма в России // Русская усадьба. Сб. ОИРУ. Вып.1(17) М., 1994. С. 23.
2. Полякова Г.А. Флора и растительность старых парков Подмосковья. М. 1992.
3. Родоман Б. Ведаем ли мы, что творим или пейзаж России // Знание — сила,1990, №10.
4. Разумовский Ф. Внимая свету и простору // Знание — сила, 1989, № 3. С.68.
5. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. М.,1986. Ч. 13. Письмо 133. С. 524.
6. Будылина М.В., Братцева О.И., Харламова А.М. Архитектор Н.А. Львов. М., 1961. С.104.
7. Саймондс Дж. Ландшафтная архитектура. М., 1965. С. 12.
8. РГАДА. Ф. 1351. Е.х.775.
9. ЦГВИА. Ф.ВУА. Д.18862.
10. РГАДА. Ф.1351. Е.х.775 .
11. РГАДА. 1355. Е.х.775 /2/, Д.№50
12. Александрова М.С., Лапин П.И., Петрова И.П. и др. Древесные растения парков Подмосковья. М. 1979 г. С. 213-227.
13. Словарь масонских терминов.
14. Лотарева Д. Знаки масонских лож Российской империи. М., 1996. С. 37.

Е.В. Солдатова

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЛЕСА МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ Л.Н.ТОЛСТОГО ЯСНАЯ ПОЛЯНА: ИСТОРИЯ, СОСТОЯНИЕ И СОХРАНЕНИЕ

I.

История естественных лесов Ясной Поляны насчитывает несколько веков. Впервые большое значение они приобретают в XIV-XVI вв., в период развития Московского государства. Перемежаясь с болотами, оврагами и реками, представляющими труднопроходимую преграду для конницы противника, леса служат защитой Москвы с юга. «Леса Ясной Поляны, как большинство лесов засеки, занимают водоразделы, образуя, если не считать лесов за рекой Воронкой, как бы остров с расчлененными берегами, окруженный со всех сторон низинами с речками, ручьями и протоками. С запада и севера их обтекает ручей Кочак и река Воронка, с востока и северо-востока ручей Ясенка с оврагами, на юге провальные озера и болотца, сливающиеся весной в сплошной водоток»[1]. Впервые Яснополянская засека упоминается в 1652 году в одном из «дозоров» (описании обследованной засеки). После значительного расширения территории Московского государства, когда его границы отодвигаются от Тульских засек к югу, военно-оборонная роль лесного массива утрачивается.

Интересна геологическая природа Ясной Поляны. Наличие мощного известкового слоя под лесной растительностью обуславливает карстовые явления в виде провалов. Ближе к поверхности земли, на глубине 25-30 м, залегают железорудные глины. За 200-300 лет до существования заводов на территории засечных лесов ковалось кричное железо. Руда добывалась здесь же, в Ясной Поляне, уголь выжигался из древесины, а дутье проводилось ручными мехами. До настоящего времени в ряде лесных участков встречаются кучи нажиги (шлака), где попадаются керамические трубки, расширенные с одного конца, — сопла от мехов.

В конце XVII и в течение XVIII веков Тульские засеки приобретают государственное значение как лесосырьевая база. В этот период Петр Великий вводит понятие Заказа. С одной стороны, заказываются или заповедываются, т.е. запрещаются к рубке, ценные древесные породы и лесные массивы. С другой стороны, при Петре I для надобности судостроения из государственных и частновладельческих лесов выделяются заказные рощи. Интенсивная рубка вековых дубрав очень волнует Л.Н. Толстого. В неоконченном романе «Начала» он описывает Ясную Поляну того времени: «Заповедная казенная засека, которая на полкруга окружает землю Ясной Поляны, теперь вся порублена. Осталось мелколесье там, где были нетронутые засечные леса, только заруба вилась по краям, чтобы не давать ходу Татарам»[2].

Естественные леса заповедника располагаются по обе стороны реки Воронки.

Правобережная часть (Заказ и Чепыж) отмечена еще на плане 1777 года[3], в период владения Ясной Поляной несколькими хозяевами. Впоследствии единственными владельцами имения, в т.ч. и лесов, становятся Волконские, а потом Толстые. На 1889 год площадь Заказа и Чепыжа составляла 126,4 дес.[4] Левый, пологий берег, подвергся естественному зарастанию в середине XIX века. Отсюда — разный породный состав насаждений: в Заказе — преобладание липы и дуба, в лесах за рекой Воронкой — березы. Толстые стараются сберечь свои леса, покупая, не имея на это особых средств, участки на сруб в казенном лесу — Засеке. Являясь директором музея-усадьбы в 1920-е годы, дочь Л.Н. Толстого, А.Л. Толстая, отстаивает права на владение естественными лесами, принадлежащими семье Толстых, но, в связи с революционными событиями, перешедшими в государственное пользование. Судя по плану 1889 года, сплошная рубка Заказа проводится лишь в 1850-60 г.г. В XX веке (1900, 1913 г.) сплошь рубятся отдельные его части. Толстые сохраняют «Чепыж», являющийся частью заказных лесов, видимо, из-за особой любви к этому насаждению, напоминающему об их предках (Волконских) мощью и величием сохранившихся здесь дубов и лип. В отчете о результатах осмотра леса от 12 октября 1933 года находим о «Чепыже»: «...могучие дубы в возрасте свыше 150 лет, ... клен, липа, ясень и хороший подрост, наличие семенных всходов тех пород и подлеска обеспечивают существование этого любимого уголка Л.Н. Толстого»[5]. В настоящее время возраст деревьев от 180 до 300 лет. Хорошо различаются две сезонные расы дуба: у поздней листья распускаются весной почти на три недели позже, чем у ранней. Породы, произрастающие в «Чепыже» дают мягкую, округлую воздушную линию опушки. Липа весной окутана розоватой дымкой, в летние месяцы создает спокойный фон своей темной лиственной массой, а осенью стоит в золотом уборе. Дуб до распускания листвы четко выделяется силуэтом, летом приковывает внимание своеобразной кроной, осенью — бронзовым оттенком. Белые стволы берез и трепетная листва ивы хорошо вырисовываются на фоне липы и дуба. Величественные деревья Чепыжа нашли отражение в романах «Война и мир», «Анна Каренина».

Дочь Льва Николаевича А.Л. Толстая вспоминает: «Нельзя сказать, чтобы Толстой «любил» Яснополянскую природу, он был частью ее, он жил в ней и с нею. Он любил и Заказ, прорезанный глубоким оврагом, на дне которого весной журчал тоненький ручеек, омывая куски причудливой формы железной руды, ...Толстой любил дремучие леса казенной Засеки, тянущейся до самой Калужской губернии, с ее широкими просеками, размытыми, не просыхающими даже в самую жаркую летнюю пору дорогами, таинственными тропинками, папоротниками и грибами...»[6]. В лесу Лев Николаевич берет экспонаты для своего природного музея, устроенного им во флигиле, проводит уроки по естественно-научным дисциплинам со школьниками. «В самой комнате кроме того музей. По полкам, кругом стен разложены камни, бабочки, скелеты, травы, цветы, физические инструменты и т.д. Раз в неделю класс ботаники, и мы все ходим в лес за цветами, травами и грибами»[7]. Леса — место охоты Л.Н. Толстого. В «Моей жизни» С.А. Толстой находим: «Л.Н. после роспуска школы весной, в то время (1870-е г.г.) проводил вечера на тяге вальдшнепов и иногда брал меня с собой. В лесу все молодо и свежо; березки едва выпустили светло-зеленые листики; тихо. Птицы понемногу затихают, смеркается, ...»[8]. Естественные леса Ясной Поляны — любимое место отдыха, прогулок семьи Толстых. Дневники С.А. Толстой пестрят записями о яснополянской природе: 23 марта 1891 года «В первый раз сегодня

почувствовала я весну; хотя подмораживало, но солнце садилось так ясно, птицы пели, и особенно красиво, по-весеннему обрисовывались стволы молодых березок в Чепыже»[9], 26 сентября 1897 года «...ходили далеко гулять — что за красота была! Эти переливы из светло-желтого, и во всех тонах, к зеленому и часто красному и темно-бурому листвы осенней — необыкновенно красивы»[10]. Леса рождают добрую легенду о муравейных братьях и зеленой палочке. Именно в естественном лесу, на небольшой полянке, Толстой просит себя похоронить. «На полпути между домом и купальней есть небольшая лесная поляна. Летом она усеяна незабудками и временами вся голубая. На углу этой поляны со стороны усадьбы стоят несколько дубов... Вот тут-то, по рассказам папа, его брат Николенька закопал таинственную зеленую палочку, с которой он связал свою наивно-детскую легенду: «Если кто-нибудь из муравейных братьев найдет эту палочку, тот будет счастлив сам и силою любви осчастливит всех людей»[11].

Формирование естественных лесов заповедника большей частью происходило и происходит под влиянием почвенно-климатических условий. Тип дубово-липовых насаждений варьируется в зависимости от степени дренирования почвы и прочих условий. По утверждению лесовода В.Н. Штурма, «с появлением в надпочвенных горизонтах извести — в насаждение входит ясень; с усилением дренирования почвы — в насаждениях появляется значительное господство дуба; с деградацией темного горизонта замечается увеличение количества липы. Низкие, плохо дренируемые местоположения, сопровождаемые почвами сильно оподзоленными с близкими к поверхности грунтовыми водами, обуславливают существование липово-осиновых насаждений осинового типа или осинников с примесью березы»[12]. В составе естественных лесов заповедника преобладает липа — 28,5%, дуб занимает 13% территории. На долю клена приходится 0,2%, ясеня — 0,1%, осины — 2,3%.

Согласно исследованиям И.П. Пряхина, «климат Тульских засек отличается тремя особенностями: мезозональным характером, благоприятствованием его во всех мезозонах липе мелколистной, недостаточной инсоляцией и радиацией для дуба и ясеня, редким повторением холодных зим, характеризующихся абсолютными температурными минимумами, свойственными территории северной лесной и таежной зон. Последние вызывают повреждения деревьев, снижают их жизнестойкость, а нередко приводят к преждевременному массовому отпаду деревьев, расстройству и деградации насаждений»[13]. По имеющимся данным, в последние два столетия холодными были зимы 1839-40 г., 1867-68 г., 1876-77 г., 1939-40 г., 1949-50 г. Морозы 1939–40 г.г. погубили большую часть фруктовых садов Ясной Поляны. Из 6500 яблонь уцелело 800, защищенных от северных ветров лесом. Сильно пострадал ясень обыкновенный, особенно старые деревья и подрост. В архивной записи тех лет находим: «Вследствие заморозков и засух из насаждений выпал полностью ясень и частично погиб дуб, другие деревья сильно ослаблены, осина заражена грибковыми заболеваниями и в больших количествах засохла»[14]. К.С. Семенов, работавший в заповеднике в 1940-е годы, свидетельствует, что от «морозов января 1950 г. (до -38°С) пострадали старые ясени и весною казалось, что они погибли. Распускание началось с 20 мая»[15].

Неблагоприятные климатические факторы (мороз, засуха) во многом способствуют ослаблению насаждений и являются основной причиной возникнове-

ния очагов болезней и вредителей в наших лесах. По словам И.П. Пряхина, «обмерзание дуба вызывает характерные изменения древесины стволов: ядро приобретает темную окраску, а кольца обмерзшего прироста за 1-5 лет отмирают и в дальнейшем превращаются во внутреннюю белесоватую кольцевую гниль. Загнивание стволов деревьев, поврежденных морозами в молодом возрасте, является одной из главных причин бурелома»[16]. Сильное обмерзание деревьев в зиму 1939-40 гг. способствовало развитию грибов на дубе: серно-желтых, настоящих, ложных трутовиков. В насаждениях заповедника широко распространились морозобойные трещины, наплывы, морозобойный рак, бактериальный рак и другие фитоповреждения. В местах усыхания убитых морозом крупных ветвей происходило заражение стволов деревьев сердцевинной гнилью от Fomes igniarius и Polyporus sulphureus.

Грибным возбудителям сопутствуют повреждения от различных энтомовредителей: дубовой листовертки и трубковерта, малого и большого ясеневых лубоедов, древесницы въедливой, дубовой златки, дубового заболонника. На клене остролистном размножаются большой и малый кленовые усачи, на ильме и вязе — заболонники разрушитель, струйчатый и пигмей. Широколиственные породы, за исключением ясеня обыкновенного, повреждаются непарным шелкопрядом, что приводит к чрезмерному изреживанию насаждений. Инвазия вредителя продолжается в Тульских засеках с 1940 по 1944 год. Последняя вспышка его распространения относится к 1957 году. По данным К.С. Семенова, «в 1942 и 1943 г. непарный шелкопряд начисто объедал листья во многих лесных участках заповедника, так, что деревья стояли голыми. Шелкопряд не убил деревья, но ослабил их рост»[17].

Своеобразную роль в формировании естественных лесов заповедника играет зоогенный фактор. Периодически повторяются вспышки массового размножения мышевидных грызунов, уничтожающих естественное возобновление дуба; отмечаются годы с высокой численностью млекопитающих семейств оленьих (лось, косуля), повреждающих побеги и стволы деревьев, и зайцевых (заяц), питающихся молодыми веточками и корой.

Большое внимание уделяется работниками заповедника состоянию лесов. В 1930-е годы под руководством сотрудников Ботанического сада АН СССР в музее разворачиваются работы по приведению в порядок древесных насаждений. В лесу сажаются деревья, впервые проводится санитарная рубка на площади 100 га. На состоявшемся в заповеднике в 1937 году совещании с присутствием администрации музея, членов семьи Толстых, представителей лесных органов было определено: в насаждениях естественного происхождения должны применяться меры ухода, способствующие увеличению господства дубово-липовых лесов типа засечных. Говорилось о целесообразности проведения более усиленных рубок осины, прежде всего больных деревьев и ее групп, затеняющих дуб и липу.

Сегодня в лесу осуществляются выборочные санитарные рубки, проводятся меры содействия естественному возобновлению и уход за подростом, который присутствует практически на всех участках. Природа живет своей естественной жизнью. «... как успокоительна лесная тишина, как свежа росистая трава, и ясное небо... Вот это я называю настоящим наслаждением!»[18].

II.

Территория заповедника расположена на границе лесной и лесостепной зон. Климат района Ясной Поляны умеренно-континентальный с тёплым летом, умеренно-холодной зимой с устойчивым снежным покровом и ясно выраженными сезонами года. Преобладающие ветры — западные (18%) и юго-западные (16%). Средняя мощность снежного покрова — 20-25 см. Глубина промерзания почвы достигает 135-145 см[19]. Вегетационный период наступает у растений в конце второй декады апреля и длится в среднем 175-180 дней. Условия весны и осени иногда бывают очень жестки для насаждений, что приводит к сокращению или потере урожая семян и к усыханию вершин ряда деревьев. Особенно страдает от поздних весенних заморозков рано распускающаяся форма дуба.

Большая часть территории находится на высоком водораздельном плато, заключённом между долиной реки Воронки на севере и системой впадающих в неё глубоких оврагов и балок на западе, востоке и юге. Рельеф имеет типичный эрозионный характер. Основная водная артерия района — река Воронка. Её питание осуществляется за счёт ключей, получающих воду со всей водосборной площади и выходящих на поверхность на дне оврагов и речных долин. В Воронку впадают ручьи Кочак, Ясенка и другие, берущие начало в оврагах. Долина реки Воронки имеет широкие и пологие склоны, средние и верхние части которых покрыты лесом, а нижняя часть занята лугом. Наличие развитой гидрографической сети способствует хорошему дренажу местности. Болотные низинные участки имеют очень небольшой удельный вес в 1,1% от общей площади заповедника. Коренными породами являются глинисто-песчаные отложения юрского и мелового периодов. На территории заповедника выделено 5 типов почв: 1) серые лесные — 88,4% всей территории, 2) овражно-балочные дерновые слаборазвитые — 5,2%, 3) пойменные — 5%, 4) болотные низинные — 1,1%, 5) дерново-глеевые — 0,3%.

Естественные фитоценозы Ясной Поляны имеют сложное ярусное строение, отмеченное ещё Г.Н. Высоцким[20] для Тульских засек. В первом ярусе господствуют дуб черешчатый и его «спутники»: липа мелколистная, ясень обыкновенный, берёза бородавчатая, клён остролистный; второй представлен клёном полевым, рябиной, черёмухой; третий — подлесок, состоящий из лещины, жимолости, бересклета; четвёртый — подрост и естественное возобновление основных пород, находящихся в 1 ярусе; пятый ярус — травяной покров.

«Король» яснополянских лесов — дуб (Quercus robur L) живет дольше сопутствующих ему пород. Дубрава естественного происхождения всегда разнопородна и разновозрастна. Происходит это потому, что спутники дуба раньше его выпадают из состава насаждений, а образовавшиеся «окна» заселяются самосевом растущих рядом пород. При достаточном солнечном облучении, интенсивном нагреве воздуха и почвенной поверхности дуб в заповеднике может дать за один сезон от одного до трех циклов приростов по высоте. Дерево развивает мощную вертикальную корневую систему, основная масса деятельных корней дуба сосредотачивается в поверхностных (0-40 см) горизонтах почвы. Липа (Tilia cordata Mill.) — весьма долговечна, доживает в европейской части России до 400 и даже 600 лет, типично теневыносливая порода. Благодаря тому, что в составе жиров у липы присутствует линолевая ненасыщенная кислота, способная быстро и легко окисляться с выделением тепла, дерево в период зимнего покоя выносит морозы до 48°С. В книге Е.С.

Мурахтанова «Липа» говорится: «В листьях липы содержится большое количество кальция, содействующего быстрому разложению опада без образования грубого гумуса, улучшению физических свойств почвы и повышению ее плодородия. Корневая система липы на рыхлых и плодородных почвах глубокая, мощная, имеет стержневой и сильно развитые боковые корни. Благодаря этому ветровальные деревья встречаются редко. Ярусное строение корневой системы позволяет липе использовать питательные вещества всех горизонтов почвы и, что особенно важно, подстилающего суглинка»[21]. В наших лесах липа мелколистная реагирует на недостаток влаги в почве и на приближение ранних осенних заморозков изменением окраски листьев (конец августа — начало сентября), когда другие породы сохраняют еще зеленую листовую поверхность. Распределение липы в лесах заповедника ограничивается на подзолистых почвах ясенем обыкновенным (Fraxinus excelsior L.), породой светолюбивой, быстрорастущей и требовательной к почве. Благодаря пластичности корневой системы ясень не углубляется в подзолы, а использует их верхний, наиболее плодородный горизонт, обогащенный естественным опадом и обильно увлажненный осадками. Значение ясеня в дубраве особенно велико потому, что он не повреждается непарным шелкопрядом и многими другими насекомыми и грибами, вредящими широколиственным породам. Согласно утверждениям классика русского лесоводства Г.Ф. Морозова, «в отношении к климатическим условиям необходимо отметить потребность в тепле и крайнюю чувствительность ясеня к заморозкам, особенно в молодом возрасте; это делает разведение ясеня чрезвычайно затруднительным»[22]. Обычным спутником дуба и ясеня во всех лесных участках является клен остролистный (Acer platanoides L.). Данная порода, имеющая густую крону из широких листьев с часто расположенными ветвями, низкое ее прикрепление, значительный сбег ствола, относительно теневынослива, требовательна к составу и влажности почв. Опавшие листья клена, по мнению А.Д. Букштынова[23], благоприятствуют образованию под пологом древостоя сплошного ковра лесной подстилки, что содействует улучшению лесорастительных свойств почв. Ильм (Ulmus grabra Huds.) является спутником дуба, образуя преимущественно второй ярус, вынося отенение дуба и ясеня. В отношении к почве ильмовые отличаются высокой требовательностью.

Деревья второй величины — клен полевой (A. campestre L.), рябина (Sorbus aucuparia L.) и черемуха (Padus avium Mill.) — представлены в заповеднике популяциями, которые можно охарактеризовать как ложноинвазионные, характерные для популяций многих кустарников под пологом леса. Клен полевой не произрастает севернее Тульской области. Для него характерна большая требовательность к зольным веществам и способность выносить солонцеватость; порода теневынослива. В наших лесах встречается обычно в качестве второго и даже третьего яруса. Экземпляры рябины и черемухи, находящиеся на ранних этапах онтогенеза, достаточно многочисленны и присутствуют почти на всех площадях. Однако потом наступает резкий спад численности, и до генеративного состояния доживают буквально единицы.

О формировании подроста в естественных лесах находим в работе Щольц фон Ашерслебена «Естественное и искусственное возобновление дубрав лесостепной полосы», где он цитирует слова исследователя Тульских засек А.А. Хитрово: «в нетронутом лесу (в девственном) отмирание деревьев есть процесс длительный; наиболее старые деревья, прежде чем освободить место в полосе насаждений, постепенно теряют крону и освещают находящийся под их пологом молодой подрост, не давая в то же время

сильно развиваться второму ярусу и подлеску»[24]. Описание естественного возобновления лесов заповедника в середине прошлого столетия встречаем у К.С. Семенова: «В подросте в большинстве насаждений преобладают липа, затем клен и ильм. На больших прогалинах, а в старых дубах и в других насаждениях более молодого возраста густой подрост липы и ясеня с примесью дуба, ильма, клена высотой 2-3 м, ясеня 4-5 м»[25]. В настоящее время в естественном подросте лесных сообществ заповедника наблюдается эффективная инвазия видов из р. Fraxinus (ясень) и р. Acer (клен). Достаточно устойчивое возобновление у пород со средней теневыносливостью (липа, вяз шершавый). У липы на большинстве площадей имеются все или почти все возрастные состояния в более или менее нормальном для этого вида соотношении. По сообщениям Т.О. Яницкой и Т.Ю. Браславской, «у вяза шершавого на большей площади генеративные стадии отсутствуют, либо представлены только молодым генеративным состоянием, что связано с поражением видов рода Ulmus голландской болезнью в 40-е годы XX в. Сейчас идет восстановление популяции вяза шершавого»[26].

В развитии лесообразовательного процесса естественных лесов заповедника большое значение имеет подлесочный кустарниковый ярус, в котором главную роль играет лещина (Corylus avellana L.). Она отличается сильно развитой мочковатой корневой системой и поэтому наряду с дубом имеет особенную ценность как противоэрозионная и водоохранная порода.

Жизнь травянистых растений под пологом леса с давних пор привлекает внимание ботаников. Земли Тульских засек в силу исторических причин никогда не использовались под пашню, что позволило сохраниться на их территории, в т.ч. и в музее-заповеднике ряду травянистых неморальных видов, исчезнувших в других местах, например, черемше (Allium ursinum L.). С другой стороны, для естественных лесов характерно наличие бореальных видов — кислицы обыкновенной (Oxalis acetosella L.), майника двулистного (Majanthemum bifolium (L.) F.W.Schmidt), что дало основание И.Л. Гольдину[27] писать о реликтовом характере наших дубрав и их прогрессивном осеверении. В травяном покрове лесов заповедника хорошо различаются две синузии: ранневесенние эфемероиды и летние виды с длительной вегетацией. Ранней весной, когда ещё не облиственные кроны прозрачны и лес залит светом, в травяном покрове господствуют светолюбивые и холодостойкие «подснежники» — хохлатки (Corydalis), гусиные луки (Gagea), ветреница лютиковая (Anemone ranunculoides L.), чистяк весенний (Ficaria verna Huds.). Начав формирование ещё под снегом и выйдя на свет с готовыми бутонами, эти растения проходят весь цикл развития очень быстро — всего за 4-5 недель. К началу лета они увядают и исчезают из травяного покрова, а их подземные органы (луковицы, клубни, корневища) вступают в состояние покоя. Летом лесной напочвенный покров составляют травы с типичным обликом теневыносливых растений. У них крупные тёмно-окрашенные листья с тонкой листовой пластинкой, у многих видов — белые цветки. Наиболее обильны в травяном покрове пролесник многолетний (Mercurialis perennis L.), сныть обыкновенная (Aegopodium podagraria L.), зеленчук желтый (Galeobdolon luteum Huds.), характерны также ясменник пахучий (Galium odoratum (L.) Scop.), звездчатка жёстколистная (Stellaria holostea L.), медуница неясная (Pulmonaria obscura Dum.).

Санитарное состояние естественных лесов заповедника ослабленное. У дуба это обусловлено прежде всего гнилевыми болезнями: ложным дубовым (Phellinus robustus

(Karst.) Bond. et Galz.) и серно-желтым (Laetiporus sulphureus (Bull.) Bond. et Sing) трутовиками. Продолжительное развитие гнили в стволах приводит к дуплистости, суховершинности и усыханию деревьев. Распространены бактериальные болезни дуба, вызванные патогенами из р. Pseudomonas, Erwinia: поперечный рак дуба (P.quercus Schem.), бактериальная водянка (Erwinia sp.). Ослабленность липовой части древостоев выражается в ажурности крон и формировании их за счет водяных побегов. Высока степень поражения лип тиростромозом (Thyrostroma compactum Sacc.). На ясене отмечаются бактериальный рак (Pseudomonas fraxini Vuill.) и сильные морозобойные трещины. Периодически на клене остролистном наблюдаются вспышки вилта (Verticillium dahliae Kleb.). Его признаки — некроз нижних ветвей у взрослых деревьев и полное усыхание подроста.

Как показывают наблюдения, введение заповедного режима не приводит к восстановлению коренного типа наших лесов; для этого необходима система лесохозяйственных мероприятий, направленная на сохранение лесов и создающая разновозрастную мозаичность, свойственную коренным восточноевропейским широколиственным лесам. Впервые вопрос о режиме хозяйствования в естественных лесах заповедника обсуждался в 1937 году на совещании с присутствием администрации музея, членов семьи Толстых, представителей лесных органов. Было определено применять в насаждениях естественного происхождения меры ухода, способствующие увеличению господства дубово-липовых лесов типа засечных. Говорилось о целесообразности проведения более усиленных рубок осины, прежде всего больных деревьев и ее групп, затеняющих дуб и липу. В 1940-е годы К.С. Семенов впервые подробно описывает естественные леса заповедника. С целью разработки хозяйственных мероприятий он предлагает принципы меморации лесов согласно их ценности и разделяет насаждения на категории: 1 — старые дубовые насаждения, 2 — дубово-липовое старолесье, 3 — дубово-липовые переходные, 4 — березово-осиновые временные, 5 — молодняки естественные. В своей диссертации «История лесов Ясной Поляны за 100 лет. Задачи их сохранения и восстановления» Семенов выделяет следующие виды рубок в меморативном лесу: санитарную, восстановительную, осветительную, очистную. Санитарная рубка, согласно его определения, по своим целям совпадает с одноименной рубкой в промышленных лесах. Однако, имеет особенности. Больные деревья двух категорий (исключительно ценные и особо ценные) должны, по возможности, лечиться, раны дезинфицироваться. К этому можно добавить, что удаление сухих ветвей при лечении должно производиться только у деревьев, произрастающих в посещаемых местах с целью безопасности людей. По всему лесу этого делать нет смысла, так как отмирание нижних ветвей — это естественный процесс очистки ствола дерева и нет необходимости его ускорять. Восстановительная рубка по Семенову соответствует прочистке, прореживанию и проходной рубке в промышленном лесу. Ее задача — приближение насаждения к тому предобразу, который определен для него организационным планом хозяйства. Согласно наших наблюдений, данная рубка выполнила свою роль в лесах заповедника еще в 1950-е годы, когда была выбрана осина. Кроме того, мы считаем, что уборку живых деревьев в естественных лесах производить не следует в целях сохранения их природной красоты и разнообразия (исключение составляют отдельные деревья, мешающие росту естественного возобновления ценных пород). Осветительная рубка имеет цель создать здоровое полное насаждение желательных по-

род посредством удаления кустарников и малоценных деревьев, затеняющих и угнетающих рост молодого ценного подроста. Очистительная рубка — применяется при освобождении лесных площадей и полян от растущих на них деревьев и кустарников, если они по плану должны быть чистыми. Необходимо отметить актуальность для нашего времени трех рубок, предложенных для насаждений заповедника К.С. Семеновым, — выборочной санитарной, осветительной и очистительной.

Средний возраст естественных лесов — 100 лет является одной из причин интенсивного образования в насаждениях сухостоя. В последние годы частым явлением в заповеднике становится выпадение с корнем старовозрастных деревьев, особенно берез. Интенсивные березовые ветровалы отмечаются в период сильного насыщения почвы влагой (весна, осень). В настоящее время на удаление захламленности уходит около 450 чел./дней в год. Казалось бы решить проблему можно путем проведения интенсивной санитарной рубки. Но это может привести к ряду отрицательных моментов: 1) после рубки вредители леса и споры грибов разлетаются на оставшиеся деревья, заражая их; поэтому в старовозрастных древостоях в течение первых 3-5 лет после рубки наблюдается массовое развитие вредителей и болезней, нередко приводящее к гибели деревьев; 2) в результате вырубки фаутных пород у оставшихся нарушается физиологический баланс, что нежелательно для великовозрастных деревьев; 3) изменяется структура лесного ландшафта, превращаясь частично в полуоткрытый ландшафт. Поэтому интенсивность рубки в естественных лесах заповедника слабая — от 0,2 до 5% по запасу. Выборка усохших и заселенных вредителями деревьев проводится на каждом лесном участке практически ежегодно (см. табл.).

В лесу ведется лесоводственно-лесопатологический мониторинг, позволяющий оперативно проследить изменение санитарного состояния и состава древостоев. Осуществляется лечение деревьев. Проводятся меры содействия естественному возобновлению и уход за подростом, который присутствует практически на всех участках естественного леса. Опыт работы в лесах заповедника показывает, что посадка культур в образовавшиеся от выпадения деревьев «окна» не нужна. Культуры под пологом леса, как правило, плохо приживаются из-за недостатка освещенности и подготовки почвы; при уходе за ними нередко уничтожается естественный подрост и достаточно большие деревья. Изменение светового баланса в «окнах» с культурами, по сравнению с сомкнутым насаждением, приводит к формированию не типичного для лесов травяного покрова, появлению сорной растительности (крапивы, осота, мелколепестника), разрастанию злаков. Постепенно исчезает лесная обстановка. С эстетической точки зрения искусственно посаженные древостои не смотрятся в разновозрастном, пестрящем различными красками и очертаниями естественном лесу, они создают впечатление разособленности отдельных частей насаждения и отсутствия единства природной композиции.

Естественные леса заповедника переживают свой столетний рубеж. Сегодня они все больше «темнеют», приближаясь по составу к коренным Тульским засечным лесам, к тем, которые в 1850-е годы видел Л.Н. Толстой. Неизменной остается лесопокрытая площадь и в этом заключается один из принципов мемориальности естественных лесов заповедника.

Год рубки	Отведенная под рубку площадь, га	Объем выборки, м³	Интенсивность рубки,%
1986	9,4	58	2,1
1987	6,0	36	2,1
1988	12,0	72	2,1
1989	9,0	42	1,6
1990	11,0	59	1,9
1992	20,0	270	4,7
1993	3,4	50	5,1
1995	2,8	37	4,6
1997	10,0	22	0,8
1998	17,49	64	1,3
2001	10	6,6	0,2
2003	1,7	12	2,4
2004	10	27	0,9

Объемы санитарных рубок с 1986 по 2004 г.г. в хозяйственном участке «Афонина роща» (возраст 100 лет) площадью 24,2 га.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Семенов К.С. История лесов Ясной Поляны за 100 лет. Задачи их сохранения и восстановления. 1952. Ясная Поляна. Ч.2. С.12.
2. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М., 1936. Т.17. С.213.
3. ЦГАДА. Ф.1354. Оп.1. Ед. хр. № П-21.
4. Фонды Л.Н. Толстого. Инв.№ 4797.
5. Архив Музея-усадьбы «Ясная Поляна». Ф.1. Оп.1. Ед.хр.742.
6. Толстая А.Л. Отец. М., 2001. Т.1. С.53-54.
7. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М., 1949. Т.60. С.405.
8. Толстая С.А. Моя жизнь. Машинопись.Ч.2. С.201.
9. Толстая С.А. Дневники. М., 1978. Т.1. С.164.
10. Там же. С.301.
11. Толстой И.Л. Мои воспоминания. М., 1969. С.44-45.
12. Штурм В.Н. Народно-хозяйственное, финансовое и лесоводственное значение Тульских засек. СПб.: Типография СПб. Градоначальства., 1909. 33 с.
13. Пряхин И.П. Тульские засеки. М.-Л., 1960. С.35.
14. Архив музея-усадьбы «Ясная Поляна». Ф.1. Оп. 1. Ед.хр.728-729.
15. Семенов К.С. История лесов Ясной Поляны за 100 лет. Задачи их сохранения и восстановления. 1952. Ясная Поляна. Ч.2. 91 с.
16. Пряхин И.П. О повышении морозоустойчивости дубрав. М., 1966. С.
17. Семенов К.С. Дневники. Рукопись. 1941-1952. С.3.
18. Толстая С.А. Дневники. М., 1978. Т.1. С.206-207.
19. Проект организации и ведения лесопаркового хозяйства в государственном мемориальном и природном заповеднике музее-усадьбе Л.Н. Толстого «Ясная Поляна». Пояснительная записка. 1995-1996. С.12.
20. Высоцкий Г.Н. Почвенно-ботанические исследования в южных Тульских засеках. Труды опытных лесничеств. Спб. 1906. Вып.4.

Высоцкий Георгий Николаевич (1865-1940) — советский почвовед, лесовод, ботаник и физико-географ, академик ВАСХНИЛ. Занимался изучением лесорастительных условий Тульских засек, Бузулукского бора, исследовал влияние леса на среду обитания и причины безлесья степей, впервые рассчитал баланс влаги под лесом и полем.

21. Мурахтанов Е.С. Липа. М., 1981. С.12.
22. Морозов Г.Ф. Биология наших лесных пород. М.-П., 1914. С.105.
23. Букштынов А.Д. Клен. М., 1982. С.44.
24. Шольц фон Ашерслебен Н.Г. Естественное и искусственное возобновление дубрав лесостепной полосы. Спб., 1909. С.17-18.
25. Семенов К.С. История лесов Ясной Поляны за 100 лет. Задачи их сохранения и восстановления. 1952. Ясная Поляна. Ч.2. 91 с.
26. Яницкая Т.О., Браславская Т.Ю. Современное состояние растительности Тульских засек // Лесоведение. №6. 1996. С.16-25.
27. Гольдин И.Л. Природа Тульских засек. // Тульские леса. Тула, 1971. С.47-64.

Н.Н. Репина, А.Б. Чхобадзе

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ СТАРИННЫХ ПАРКОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ И МЕРОПРИЯТИЯ ПО ИХ СОХРАНЕНИЮ

Садово-парковые комплексы области были заложены в XVII-XIX веках в родовых имениях вологодских дворян. Большинство их находится в центральной и юго-западной частях области, тяготевших к Петербургу и Новгороду. Наиболее достопримечательные парки были созданы в поместьях князей Ухтомских и Волконских, дворян Межаковых, Батюшковых, Можайских, Зубовых, Золотиловых и Брянчаниновых. Парки закладывались на холмах, что усиливало пейзажную контрастность местности и расширяло возможности обзора окружающих лесных массивов. Рельеф парков включал поймы и террасы речных долин, малые реки и ручьи, повышения и обрывы, что позволяло создать смотровые площадки с беседками и часовнями. Микрорельефные образования (лощины, западины) использовались для создания лужаек и партеров. Сооружались искусственные элементы микрорельефа в виде горок (Никольский парк), террас (Куркинский), лабиринтов и гротов (Покровский). Иногда к паркам примыкали величественные въездные аллеи, например, сосновая аллея 1812 года (Даниловский). На месте мелких водотоков создавались каскады прудов (Куркинский, Покровский, Никольский).

Для создания внутренних аллей, обсадок и амфитеатров, чаще использовались дуб и липа, реже лиственница, пихта, тополь черный (осокорь) и вязы. Периферические аллеи создавались из берез и елей, реже пихт и сосен. Пруды обсаживались осокорями и ивами. Из кустарников предпочтительны были сирень, орешник, рябинник рябинолистный, роза китайская, чубушник. Цветочно-декоративные травянистые растения клумб (по архивным материалам) составляли от 20 до 25 видов в разных парках (Никольский).

Первые натурные обследования сохранности насаждений парков начались в 1970-е годы, и в 1963 и 1966 годах Вологодский облисполком объявил несколько старинных парков памятниками садово-паркового искусства. Повторная ревизия состояния зеленых насаждений экспедициями Вологодского государственного педагогического института позволила установить, что некоторые из этих парков без соответствующего ухода потеряли свое значение. Одновременно были выявлены парки, заслуживающие включения в число особо охраняемых. Были составлены более точные паспорта на охраняемые объекты и вручены природопользователям. На первое января 1992 года в составе охраняемых числилось 17 парков — памятников садово-паркового искусства. Краткое описание их насаждений было опубликовано (Особо охраняемые... (1993). С этого

года и по настоящее время экспедициями кафедры ботаники ВГПУ осуществлялась экологическая оценка и начаты мониторинговые исследования парков — памятников садово-паркового искусства. Кроме того дополнительно выявлены и первично описаны 18 парков, заслуживающих статуса памятников садово-паркового искусства.

Экологический подход к учету насаждений старинных парков побудил нас произвести подеревную съемку, картирование, определить класс жизненности и балл декоративности насаждений, выявить видовое разнообразие лишайников и травянистых растений и составить подробный экологический паспорт на каждый парк с указанием охранных мероприятий. Работы Агальцовой (1986), Базаровой (1990), Поляковой, Ротова, Швецова (1990), Поляковой, Митрофановой (1992) легли в основу методики обследования старинных парков и методологии составления экологических паспортов, экологической оценки и организации мониторинга с привлечением учителей биологии и экологии, студентов и учащихся. Нами разработано научно-методическое обеспечение подобных исследований и форма экологического паспорта (Репина, Чхобадзе (1997); Репина (2000). Учителя и учащиеся проходят обучение в сезонных школах практической экологии в парковых ценозах.

При наличии подробных экологических паспортов старинных парков мониторинговые исследования один раз в пять лет дают возможность понять динамику в изменениях в парковых ценозах и научно обосновать перечень мероприятий по их сохранению, адресовав их природопользователям. Начавшиеся мониторинговые исследования свидетельствуют об устойчивости продолжительности жизни липы мелколистной или европейской. В большинстве парков в процентном отношении она является доминирующей породой. Липа крупнолистная и осокорь выпали полностью. Из кустарников устойчивы карагана древовидная и рябинник рябинолистный.

Наиболее разнообразную дендрофлору на площади 8,5 га имеет Никольский парк в усадьбе Межаковых. Петербургский садовник Иоганн Роненсберг в 80-х годах XVIII века заложил пейзажный парк. Благодаря усилиям Александра Павловича Межакова (1812-1859) и Николая Яковлевича Данилевского (1822-1885) более ста различных видов деревьев и кустарников, многие из которых являлись интродуцентами, получили прописку в этом парке. С 1963 года парк имеет статус памятника садово-паркового искусства областного значения, а 1990 году парку присвоен статус памятника садово-паркового искусства республиканского значения. Экологические исследования 1997 года выявили сохранность древесно-кустарниковой флоры в объеме 36 видов (19 деревьев и 17 видов кустарников). Доминирующими породами являются вязы шершавый и гладкий - 2 125 экземпляров (37,9%), в том числе 42 патриарха. Величавы пихты, лиственницы, дубы, липы. Возраст деревьев-патриархов от 152 лет до 320. Общее число деревьев-патриархов составляет 340 экземпляров. На территории парка с учетом подроста просчитано 5 605 деревьев, выявлено 132 вида травянистых растений, лесной и луговой формации, в том числе 11 видов редких и подлежащих охране. На деревьях обнаружено 90 видов лишайников (Чхобадзе, 1997). Обилие их, при многообразии древесных пород, свидетельствует об экологической устойчивости пар-

Поляна с тополем белым и ряд сосен в Никольском парке. Фото В.Э. Лебедева. 2002.

кового ценоза и чистоте воздуха. Береза каменная, тополь лавролистный и сосна скрученная растут лишь в этом парке и не обнаружены в других. Из кустарников устойчивы карагана древовидная и рябинник рябинолистник, из травянистых хорошо возобновляется телекия прекрасная. Экологическая оценка насаждений с учетом класса жизненности и балла декоративности хорошая, а деревьев-патриархов удовлетворительная благодаря уходу. У парка есть добрые хранители: директор и администрация сельсовета. За последние пять лет произведены подсадки дуба черешчатого и сосны сибирской на месте выпавших, разбиты партерные клумбы и ежегодно высаживаются цветочно-декоративные растения. Осуществлен большой объем санитарно-гигиенических работ, долина речки Макаровки очищена от сорных пород (осины, ив, частично ольхи серой). Сенокошение проводится лишь на открытых местах, под тенью деревьев возобновляется барвинок малый, ветреницы дубравная и алтайская, водосбор, лилия кудрявая, гвоздики бородатая и Фишера. Для последующих ремонтных работ в школьном питомнике подрастают дубравные деревья из самосева парка. Наследники Межаковых-Данилевских, приезжающие из Германии и Москвы, радуются происходящим переменам в Никольском парке. Однако пруды и речка обмелели. Вологодским трестом инженерно-строительных работ разработан проект плотины для композиционной оси парка реки Макаровки, получена экологическая экспертиза, но нет финансирования. Вода в парке — это его глаза, и плотину необходимо восстановить. Есть и другая проблема, связанная с непродуманностью посадок лесхозом. В 1970-е годы были высажены 18 рядов лиственницы сибирской в западной части парка на одной из обзорных полян, в результате чего была нарушена компози-

ция парка. В настоящее время лиственницы имеют в высоту 5 метров, их трудно использовать в качестве посадочного материала, но их хотелось бы убрать из этой части парка.

Пейзажный парк в селе Никольское Усть-Кубенского района обладает хорошим генофондом интродуцированных растений и в сочетании с естественным ландшафтом имеет познавательное и эстетическое значение. Парк может использоваться для экскурсий, прогулок, а также в санитарно-оздоровительных целях.

Из регулярно-пейзажных парков области уникален Покровский парк в Грязовецком районе, где сохранился и усадебный дом Брянчаниновых. Дом и церковь реставрируются, на доме установлены мемориальная доска о святителе Игнатии Брянчанинове (1807-1867). Парк был заложен в 1810 году А. С. Брянчаниновым в долине реки Комелы и имеет площадь 5 га.

Парк с липовыми аллеями в виде креста, гротом из диких камней, «парк хотя и невелик, но устроен с большим вкусом», — писал Георгий Крескентьевич Лукомский в 1914 году.

Аллеи из вековых лип лучами расходятся от центра. На насыпной горке высажены сосны, лиственницы, пихты, есть группы кленов, ели, березы, дубы. За прудом — старые рябины. При усадьбе есть территория именуемая зверинец, где много старых лип и старовозрастные деревья на родовом кладбище Брянчаниновых. Мониторинговые исследования 1997 года в сравнении с 1982 выявили естественный выпад 6 дубов и 13 лип в регулярной части парка и молодых посадок пихты в ландшафтной части парка в силу заготовки лекарственного сырья в годы функционирования в усадебном доме санатория. Доминирующей породой Покровского парка является липа европейская (675 экземпляров). Большинство лип (418) из них растут в регулярной части парка. Деревьев-патриархов в парке 110 деревьев. 20% из них нуждаются в лечении дупел и трещин. Кустарники парка представлены караганой древовидной по периметру, 11 кустами лещины, жимолостью татарской, боярышником красноплодным и караганой кустарниковой в виде групповых посадок на куртинах газонов парка. Из кустарников менее устойчива лещина, которая погибает при обмерзании почек возобновления. С 1982 года выпало 5 кустов орешника. Прежними природопользователями (администрацией санатория) в аллеях регулярной части парка высажено 146 экземпляров липы европейской, но очень часто, и поэтому есть выпад. Неправильно выбрано место для посадки светолюбивой лиственницы сибирской (33 экземпляра), которая оказалась под кронами старых лип, и нуждается в переносе в восточную периметр-

Поляна в Никольском парке. Фото В.Э. Лебедева. 2002.

ную аллею парка. Чужеродной древесной породой для регулярной части парка является тополь душистый (19 экз.) в северо-восточной части парка, однако эти деревья имеют 60-70-летний возраст и явно посажены на месте выпавших лип. Травянистый покров парка насчитывает 90 видов травянистых высших растений. Из декоративных встречаются водосбор обыкновенный, ландыш майский, фиалка душистая и другие. Лихенофлора данного парка представлена 70 видами, что является нормой для большинства сельских старинных парков (данные получены после обследования 29 парков). Из довольно редко встречающихся лишайников интересны находки графиса письменного и лобарии легочной. Последний эпифитный лишайник имеет статус редкого и подлежит охране на всей территории России. В Покровском парке лобария легочная найдена на нескольких стволах липы европейской на высоте 0,5-2,5 м. В области этот вид приурочен к крупным ненарушенным массивам осинников, ельников-осинников, что делает его находку особо интересной и ценной в природо-охранном аспекте. Лихеноиндикационные показатели свидетельствуют о чистоте воздуха и возможности использования парка в оздоровительных целях. Последние пять лет санаторий не функционирует, а санитарно-гигиенические работы осуществляются школьниками детского эколого-туристического центра «Лидер» по перспективному пятилетнему плану под руководством опытных экологов и директора парка. Залечены дупла у старовозрастных лип, заложен питомник дубравных пород, разбиты партерные клумбы, ведутся мониторинговые исследования. Однако каскадные пруды обмелели, водотоки не изучены, требуется привлечение специалистов-гидрологов. Необходимо проектирование природоохранной усадебной зоны в Покровском с включением родового кладбища и восстанавливаемой церкви, зверинца, рябиновой рощи и сосновой (посадки XX века).

В поле деятельности музейного объединения и экологов области находятся три мемориальных парка: Даниловский Устюженского района, Можайский Вологодского и парк во Владимировке Череповецкого. Даниловский парк был посажен в 1812 году в родовом имении семьи Батюшковых в честь победы в войне 1812 года. В усадебном доме функционирует музей с экспозициями о жизни и деятельности Константина Николаевича Батюшкова и писателя Александра Ивановича Куприна. Парк в селе Можайское заложен в 1880-х годах при непосредственном участии Александра Федоровича Можайского. Проектными организациями Москвы в 1983 году были разработаны проекты реконструкции этих парков. Однако в виду скудного финансирования этим проектам не суждено было осуществиться. Нет пешеходных аллей к Даниловскому парку, утрачена сосновая аллея 1812 года. Сильно изменилась ландшафтная часть Можайского парка с ивой серебристой в силу большой антропогенной нагрузки из-за постройки детсада. Санитарно-гигиенические работы в этих парках осуществляются ежегодно школьниками в соответствии с допустимым режимом поведения хозяйствования, предлагаемым Поляковой, Митрофановой (1993).

Интересным мемориальным парком является парк во Владимировке, где провел свои юношеские годы поэт Игорь Северянин. В усадебном доме открыт в 1991 году музей Игоря Северянина (Лотарева). Парк площадью в 2,5 га пейзажно-регулярного стиля впервые был описан ботаниками в 1996 году, выполнены геодезическая съемка и директором музея умело разбиты цветники в стиле

XIX века. Срочно требуется определение охранной зоны усадьбы-музея и утверждение за данным парком статуса памятника садово-паркового искусства.

В 2001 году осуществлена межвузовская студенческая экспедиция по проектированию и воссозданию ландшафтного парка усадьбы Батюшковых в селе Хантаново Череповецкого района, родовой усадьбы матери Батюшкова А.Г. Бердяевой. Хантановский парк был полностью снесен в 1974 году, но литературная общественность и жители близлежащих сел решили вновь посадить парк «в отеческих пестунах» К.Н. Батюшкова. Экспедиции предшествовала большая историко-архивная и краеведческая работа проблемной группы под руководством профессора В.А. Кошелева. Общественная организация «Батюшковское общество» к 2007 году к 220-летию со дня рождения поэта хотела бы видеть парк на 8 га вновь возрожденным. Идет конкурс проектов архитекторов-ландшафтников, сделаны периметрные посадки, заложена на первоначальном месте на верхнем уступе липовая аллея, а беседка Муз установлена на втором уступе высокого холма в пойме Рыбинского водохранилища.

В заключение мы хотели бы подчеркнуть, что мероприятия по сохранению и восстановлению парковых комплексов должны осуществляться на основе тщательных экологических исследований и соблюдения охранных мероприятий и в пределах допустимого для парковых территорий режима использования. Облагороженная природа должна сочетаться с продуманной деятельностью специалистов разного профиля, только в этом случае можно сохранить культуру прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агальцова В. А. Сохранение мемориальных парков. М.: Лесная промышленность, 1986. С. 8-20.

2. Базарова Э. Л. Экологический подход к учету и охране памятников садово-паркового искусства и ландшафтной архитектуры // Охрана и использование памятников садово-паркового искусства. М., 1990. С. 21-37.

3. Бобровский Р. В. Памятники садово-паркового искусства // Особо охраняемые ландшафты. Вологда, 1993. С. 149-159.

4. Полякова Г. А. Проблемы обследования и сохранения растительности старых усадебных парков // Охрана и использование памятников садово-паркового искусства. М., 1990. С. 37-44.

5. Полякова Г. А., Митрофанова М. В. Экологические исследования в Москве и Московской области: Состояние и использование старинных усадебных парков. М.: РАН, 1992. С. 170-176.

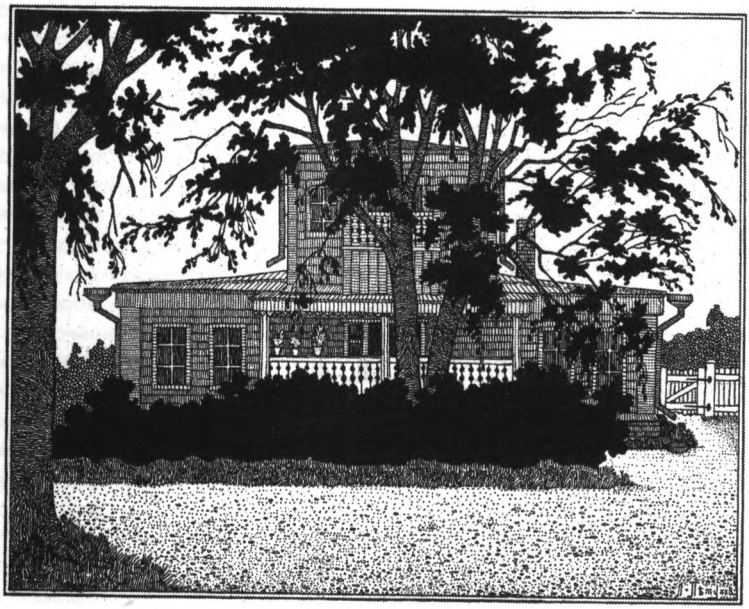
6. Репина Н. Н., Чхобадзе А. Б. Экологическая оценка старинных парков-памятников садово-паркового искусства // Научное обеспечение охраны окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов: Материал научно-практической конференции. Вологда, 1997. С. 65-69.

7. Репина Н. Н. Экологический мониторинг парков и скверов // Экологический мониторинг в школе. Вологда, 2000. С. 163-174.

8. Чхобадзе А. Б. К изучению лихенофлоры старинных усадебных парков Вологодской области // Бюл. ГБИ РАН. Вып. 175. 1997. С. 66-72.

III

УСАДЕБНЫЕ МОНОГРАФИИ



М.В. Нащокина

УСАДЬБА ОРДЫНЦЫ

Только руины остались
Звуки имен только...
Прошлое, чем ты так сладко?
Прошлое, чем ты так горько?
М.П. Кудрявцев. «Время». 1983.

На пути в Орду

Ордынцы... Само название этого чудесного уголка Подмосковья непривычно и таинственно, его хочется разгадать. В повседневной суете современной человек редко задумывается о прошлом своей земли, своих предков. Такая возможность обычно появляется на отдыхе, в окружении природы, которая своей благодатной вечной красотой настраивает на размышления. В подмосковных Ордынцах, основанных, видимо, в XIV веке, к этому располагает и сама история. При слове «Ордынцы» москвичу, наверное, сразу вспомнится улица Ордынка, и неслучайно — связь этих похожих названий действительно существует. Дорога в Золотую Орду — столицу некогда могущественных татарских ханов, — тревожная Ордынская дорога вот что объединяет московскую улицу и подмосковное местечко. Часть старинной дороги и образовала впоследствии известную улицу в Замоскворечье.

Взаимоотношения наших предков с татарами были сложными — они завоеватели и сборщики дани, но, нередко, они же — союзники и служилые люди при многих великих и удельных русских князьях. Контакты Руси с татарами облегчала их веротерпимость. Известно, что в столице Золотой Орды Сарае даже существовал православный храм и монастырь — его подворьем в Москве были знаменитые Крутицы, служившие в XIII веке резиденцией епископов Сарских и Подонских. Недаром народ сочинил такие красноречивые пословицы: «Хоть в орде, да в добре», «Старших и в орде почитают», «Каков хан, такова и орда», «Иван был в орде, а Марья вести сказывает»[1]. Пословицы, как известно, средоточия народной мудрости, а значит наши древние предки — славяне, были неплохо осведомлены о жизни соседнего кочевого народа.

Путь в Орду был далеким, и жители лежащих вдоль него деревенек и сел были заняты обслуживанием довольно оживленного сообщения между татарскими ханами и московскими князьями. По роду занятий их прозвали ордынцами[2]. Также как по «царским» дорогам из Москвы в Троице-Сергиеву Лавру и, позднее, в Петербург, на пути в Орду ставились путевые дворцы, татарских послов на подъезде к городу ожидало

Запруда в окрестностях усадьбы. Фото автора. 2001.

несколько придорожных постоялых дворов, где можно было отдохнуть и покормить лошадей. Здесь жили делюи — ремесленники и постоянная обслуга татарских послов, нередко останавливались и татарские купцы, торговавшие с Москвой. Как и их жителей, эти селения стали тоже называть Ордынцами. Кстати именно так первоначально называлась и местность, где сейчас проходит Большая Ордынка и где обычно селились высокопоставленные «ордынцы» — ханские послы (недаром рядом располагалась Татарская слобода) и княжьи слуги, выполнявшие поручения в Орде[3]. Находившиеся поблизости московские храмы так и называли, «что в Ордынцах».

Кроме Ордынцев на Пахре в окрестностях Подольска вплоть до середины XIX века существовали еще двое Ордынцев (Ардынцев)[4] — на 10 верст ближе к Москве и на 7 верст южнее. Эти древние селения когда-то отмечали собой путь в Орду. Впрочем, поселения «ордынцев» были далеко не первыми на этих южных подмосковных землях. По берегам реки Пахры в древности было расположено несколько городищ-крепостей, еще раньше эти места были довольно густо заселены племенем вятичей, оставившим по себе память в многочисленных захоронениях-курганах. Вот почему сельцо Ордынцы на Пахре и его ближайшие окрестности давно привлекали ученых. Один из известнейших русских историков и археологов Юрий Владимирович Готье (1873-1943), изучавший курганы вятичей в Подольском уезде Московской губернии, еще в 1902 году провел раскопки в Ордынцах[5], которые таким образом внесли свой вклад в изучение древнейшей русской истории.

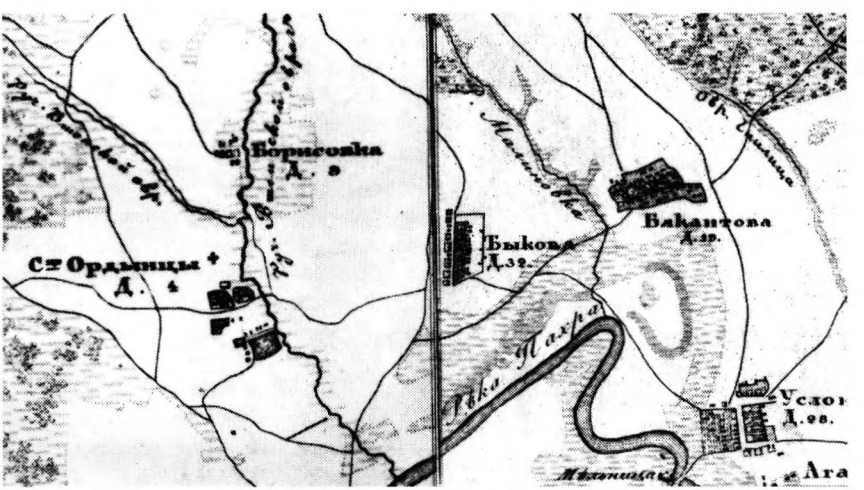
В XIV веке Ордынцы вошли в подмосковную родовую вотчину митрополита Киевского и Всея Руси Алексия (около 1293-1378), церковного писателя — автора поучений и грамот, основателя Андроникова, Чудова и Алексеевского монастырей в Москве, почитаемого святого Русской православной церкви. Именно с его именем был связан поворот в политике великих московских князей к вооруженной борьбе с засильем татар. Крестник Ивана Калиты и духовный наставник Дмитрия Донского, будущий митрополит был старшим сыном боярина Федора Бяконта, имя которого долгое время сохранялось в названии соседней с Ордынцами деревни — Бяконтовой. Название еще одного окрестного села и усадьбы «Плещеево» из глубины веков донесло до нас прозвище брата боярина Федора — Александра Плещея (широкоплечего), крупного политика при дворе Дмитрия Донского. Боярин Федор не раз замещал на Москве великого князя во время его поездок в Орду, куда дорога вела через его вотчину. То, что именно Бяконту, его брату и сыну принадлежали земли по Ордынской дороге, возможно, не было

случайностью, а имело определенный политический смысл — их земли первыми принимали тяжесть татарских набегов на ближних подступах к Москве. После покорения Казанского ханства в XVI веке набеги татар на Москву прекратились, а Ордынцы обезлюдели, став крошечным подмосковным селением — одним из тысяч.

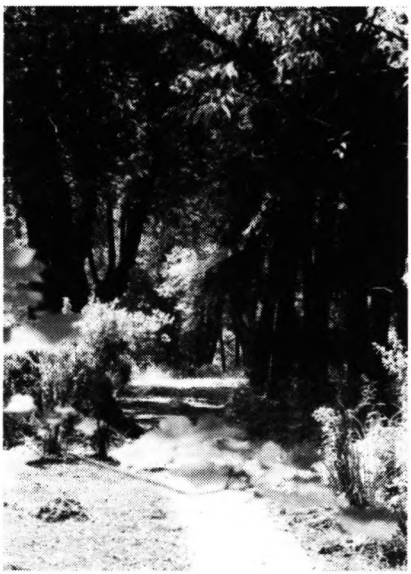
Усадебный рай

Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад.
Люди спят; одни лишь звезды к нам глядят.
Да и те не видят нас среди ветвей
И не слышат — слышит только соловей...
Да и тот не слышит, — песнь его громка;
Разве слышат только сердце да рука:
Слышит сердце, сколько радостей земли,
Сколько счастия сюда мы принесли;...
А.А. Фет. 1853.

К началу XVIII века в Ордынцах не набиралось и десятка крестьянских дворов, живописно раскинувшихся на берегу небольшой речушки-ручья Лопенки — притока Пахры. А вокруг — чудесные, взбегающие на пригорки рощицы, круглящиеся по пологим холмам поля, чистые речные воды... Что может быть прелестнее природы Подмосковья! Благодаря ей в XVIII-XIX веках ближайшие к городу подмосковные земли превратились в настоящий усадебный рай. Активный дух петровских реформ проявился не только в политике и государственном строительстве, но и в новых развлечениях, привычках и времяпровождении. Так появилась загородная увеселительная усадьба, предназначенная для отдыха хозяина и его гостей. Служилые дворяне и помещики начинают строить загородные жилища



Сельцо Ордынцы на топографической карте окрестностей Москвы 1848 года. (Фрагмент)



Аллеи ордынского парка. Фото автора. 2001.

уже не только для хозяйственных нужд, но в расчете поразить окружающих новизной и роскошью архитектуры, изобретательностью парковых и речных затей.

Однако настоящий бум усадебного строительства начинается лишь после 1762 года — выхода знаменитого Манифеста Петра III «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». Современник описывал: узнав о Манифесте, рядовой помещик «вспрыгнулся от радости», что может подать в отставку от утомительной и повседневной государевой службы. Теперь дворяне не были обязаны служить, а могли удалиться в имение для управления крестьянами и собственным хозяйством. Тут и началась повсеместная усадебная стройка, и шире всего — под Москвой. Никакой другой город империи не мог сравниться с древней столицей по числу усадеб в ее окрестностях.

Особенно привлекало к себе южное Подмосковье, где климат был чуть теплее, а пейзажи притягивали глаз душистыми лугами и лиственными лесами, изобилием больших и малых рек. Неслучайно, в Подольском уезде усадеб было так много. Причем по большей части великолепно выстроенных, красивых, с большими домами и храмами. Каждая из них была прекрасна по-своему, отвечая вкусам своего владельца, но были и черты сходства, которые определялись не только родовитостью хозяев и совершенством архитектуры. Главное, усадебные ансамбли подчеркивали прекрасные природные данные местности, соединяя их с великолепными сажеными парками. Таковы — Ивановское графа Федора Толстого, Воронове графа Иллариона Воронцова, Дубровицы светлейшего князя Григория Потемкина Таврического, а затем Александра Дмитриева-Мамонова, Красное князей Салтыковых, Михайловское Михаила Кречетникова, затем графов Шереметевых, Воробьево В.С. Ершовой, Остафьево

князей Вяземских, Поливаново графа Кирилла Разумовского и другие. Перечисление не нуждается в комментариях. Среди владельцев и фавориты императрицы, и самые богатые и образованные фамилии русской аристократии... Их имения, сохранившиеся до сих пор — часть великого культурного наследия усадебной России.

В то время и Ордынцы стали сельцом, а значит, в них появился усадебный дом. Слово «сельцо» тогда как раз и означало помещичью усадьбу с домом. Ближайшими усадебными соседями владельцев Ордынцев стали князья Вяземские — к северо-западу в 6 верстах была расположена их знаменитая подмосковная Остафьево, князья Волконские — на таком же расстоянии к северо-востоку лежала их старинная родовая вотчина Суханово, и совсем рядом, в Плещееве — князья Черкасские.

В середине XIX века сельцо Ордынцы состояло из усадебного дома и парка, спускавшегося по склону Вшенского оврага к неширокому ручью, именовавшемуся и речкой Лопенкой[6], и нескольких хозяйственных построек. На старинном геодезическом плане московских окрестностей 1848 года, одном из важнейших исторических документов, хранящих память об этой и о многих других подмосковных усадеб (о нем подробнее см. Приложение), вблизи Ордынцев показана церковь. По-видимому, это была деревянная постройка, быстро исчезнувшая и уже не отмеченная в документах 1850-х годов. В сельце Ордынцы было 7 крестьянских дворов, где жило 40 крестьян. В 1852 году усадьба принадлежала дворянской девице Варваре Осиповне Новицкой, вероятно, дочери или сестре поручика, а впоследствии действительного статского советника Осипа Осиповича Новицкого, владевшего соседними с Ордынцами деревнями Быковкой и Борисовкой[7], состоявшими из 30 с небольшим крестьянских дворов. Позднее, в 1900 году он служил одним из мировых судей Подольского уезда.

Поземельная книга имений Подольского уезда за 1865 год сообщает, что сельцо Ордынцы числится за госпожой Фон Дейч (не девица ли это Новицкая в замужестве?), а площадь ее усадьбы составляет более 76 десятин земли. При этой владелице заново отстраивается усадебный дом и приобретает особую прелесть старый ордынский парк.

Парки подмосковных усадеб... Сколько дивной красоты заключают их высокие лиственные своды. Монументальность величественных старых деревьев, изысканный рисунок крон и листьев, кружевной покров цветущих кустарников, душистые травы! В парке Ордынцев до сих пор со-

Заросший копаный пруд у современного въезда на территорию усадьбы. Фото автора. 2001.

хранились великолепные экземпляры дуба, сосны, ели, липы мелколистной (кстати, самого популярного паркового дерева Подмосковья в XVIII-XIX веках), клена, белой ивы и вяза. Многим из них более 150 лет, а некоторым дубам уже более двух веков. Их высокие кроны поднимаются почти на 30 метров над землей, а стволы достигают метрового диаметра. Глядя на них, невольно думается, что их стройные или кряжистые немые тела и ветви могли бы рассказать нам многое о прошлом Ордынцев и их владельцев, они — свидетели, они современники девятнадцатого века, теперь уже позапрошлого. В парке немало кустарников — орешника, жимолости, бересклета, шиповника, сирени, спиреи, караганы. Плодородие парковой почвы, созданное и бережно поддержанное многолетним трудом безвестных садовников, до сих пор проявляет себя в разнообразии цветущих трав — медуницы, чистяка, ландыша, лесной герани, земляники, лапчатки, фиалки.

Как и в других парках, существоваших и развивавшихся в середине — второй половине XIX века, в парке Ордынцев встречаются деревья-раритеты, интродуценты, как их называют ботаники, то есть пришельцы из дальних стран, заботливо выращенные в наших, непривычных для них условиях. В Ордынцах растут редкие породы хвойных деревьев — сосна веймутова, сибирская лиственница, ель колючая. Сосна веймутова происходит из лесов Северной Америки. Она давно привлекла садоводов Европы и России необычной красотой своей кроны. Однако вырастить ее в наших условиях непросто. В ордынском парке за деревом, видимо, ухаживали очень хорошо. Дерево, которому более 150 лет, находится в прекрасном состоянии, его мощный ствол, диаметр которого около полутора метров, и ветви образуют великолепный древесный «букет», равного которому, по-

Сосны веймутовы в Ордынцах. Фото автора. 2001.

Вид главной подъездной аллеи от места расположения главного дома. Фото автора. 2001.

жалуй, нет в других подмосковных парках.

Разросшиеся аллеи и ухоженные тропинки живописно обрамляют склоны двух парковых оврагов Ордынцев, где были устроены небольшие пруды. На обширных парковых полянах можно было поиграть в мяч и половить бабочек, в «темных» аллеях помечтать за книжкой (а может быть и поцеловаться украдкой с заезжим гостем?), у заросшего пруда послушать весенние рулады лягушек, у дома за чашкой вечернего чая вдохнуть ароматы сирени или жасмина, душистого табака и резеды. Трудно сказать какими жизненными перипетиями была вызвана смена владельца, но в 1880-х годах, вероятно, госпожа Фон Дейч (или ее наследники) продала усадьбу ее следующему хозяину, о котором стоит рассказать особо.

Пенаты корифея русской науки

Как здесь свежо под липою густою —
Полдневный зной сюда не проникал,
И тысячи висящих надо мною
Качаются душистых опахал.

А там, вдали, сверкает воздух жгучий,
Колебляся, как будто дремлет он.
Так резко-сух снотворный и трескучий
Кузнечиков неугомонный звон

За мглой ветвей синеют неба своды,
Так дымкою подернуты слегка,
И, как мечты почиющей природы,
Волнистые проходят облака.

А.А. Фет. 1854.

В том, что в конце XIX века Ордынцы купил знаменитый московский врач, профессор медицины Алексей Александрович Остроумов (1844-1908)[8], думается, была определенная закономерность. Беспокойная профессия врача, наверное, дает особенно острое ощущение покоя, редкого покоя. Красота и уютность старинного парка, чистый

Врач А.А. Остроумов. Худ. К. Спасский. 1908.

воздух, пенье птиц, какая-то особая камерность и уединенность Ордынцев, и это в ближайших окрестностях города... Соединение всех этих качеств не могло не привлечь того, кто так нуждался в отдыхе и условиях для сосредоточенного творчества.

Конечно, отдыхая в своей усадьбе в Ордынцах, Остроумов не только работал, но и принимал гостей — здесь побывали многие его коллеги и ученики, известные русские медики — профессора А.П. Ланговой, Э.В. Готье-Дюфайе, В.А. Воробьев, Д.А. Бурмин, Н.А. Кабанов, А.В. Мартынов и другие. Остроумов был знаком и со многими выдающимися деятелями культуры своего времени — А.П. Чеховым, П.И. Чайковским...

Петр Ильич Чайковский в 1884-1885 годах приезжал в Ордынцы, гостя в соседнем Плещееве у Надежды Филаретовны фон Мекк, а значит, в усадебном доме звучала его музыка. Знаменитая меломанка и покровительница великого композитора купила Плещеево в 1882 году[9] у дочерей князя С.Д. Абамелик-Лазарева. Петр Ильич был в восторге от плещеевского усадебного парка. В письме к Н.Ф. фон Мекк он писал, что тот «очень оригинален, а главное — богат старыми деревьями»[10]. Думается, его не оставил равнодушным и парк в Ордынцах. Возможно, и Остроумов наведывался к Чайковскому в Плещеево...

Жизненный путь А.А. Остроумова похож на многие биографии русских ученых, как и он, вышедших из духовного сословия[11]. Он родился в семье священника 8 января 1845 года и первоначальное образование получил в Московской духовной семинарии, после окончания которой, против воли отца[12], поступил на медицинский факультет Московского университета. В 1870 году он окончил Университет и по ре-

комендации знаменитого врача Г.А. Захарьина через год стал ординатором при факультетской терапевтической клинике, готовясь к профессорскому званию. В 1873 году Остроумов защитил докторскую диссертацию и был командирован на несколько лет совершенствоваться за границей, с 1879 года — доцент, вскоре — профессор Московского университета, кумир молодежи. В нем привлекали не только живой гибкий ум, оригинальность мышления и глубокая образованность, но и личные качества — твердость и независимость характера, прямота и самокритичность, скромность, объективность и проницательность, наконец, тонкий юмор.

Вся жизнь этого корифея русской медицины оказалась связана с университетскими клиниками[13]. С 1879 по 1900 год Остроумов возглавлял госпитальную терапевтическую клинику, сначала работавшую на базе Ново-Екатерининской больницы. При ней на свои средства в 1884 году он создал первую экспериментальную лабораторию, впоследствии позволившую ему создать свою клиническую школу. Много труда Остроумов вложил в оборудование нового здания клиники в знаменитом Университетском клиническом городке на Девичьем поле, неподалеку от Новодевичьего монастыря. В 1891 году она, наконец, открылась в специально выстроенном здании[14].

Трудно поверить, но в конце XIX века очень многое из того, что сегодня известно каждому, еще было в науке белым пятном. Остроумов первым поставил вопросы о значении общей биологии для развития медицины, о значении клинических экспериментов, создал учение о диагнозе как совокупности различных данных о больном. Именно Остроумов первым обратил внимание на влияние нервной системы на деятельность сердца, он же исследовал сердечные клапаны[15]. Благодаря своим работам, Остроумов был широко известен в Европе. Вместе с Н.В. Склифосовским, Ф.Ф. Эрисманом, В.С. Богословским, П.И. Дьяконовым — цветом отечественной медицины, он не раз представлял Россию на международных медицинских форумах[16].

Доктор Г.А. Захарьин. Худ. В.Е. Маковский. 1887. Клиника факультетской терапии им. В.Н. Виноградова.

Неудивительно, что его клиника играла в

Аллея, ранее соединявшая главный усадебный дом и дом приемов. Вдали виден дом приемов. Фото автора. 2001.

1890-х годах определяющую роль в развитии терапевтической мысли в России, а ее основатель пользовался большим авторитетом и уважением в медицинских кругах[17] — десять лет Остроумов возглавлял Московское медицинское общество, совместно со Склифосовским организовывал Пироговские съезды, имевшие огромное значение для повышения квалификации провинциальных врачей. Увековечивая его память, в 1944 году в день столетия со дня рождения А.А. Остроумова университетской терапевтической клинике[18] и Московской клинической больнице № 33 присвоили его имя. Они носят его до сих пор.

Под конец жизни, подав в отставку по болезни, А.А. Остроумов переселился в Сухуми, где много сделал для превращения этого городка в климатический курорт. На собранные пожертвования и собственные средства он возвел и обустроил городскую больницу и родильный дом. Великий медик умер в Москве летом 1908 года и был похоронен на Новодевичьем кладбище. Однако след оставленный им в отечественной медицине оказался необычайно глубок — это был не только вклад в теорию и практику, но и целая школа выдающихся врачей и ученых, продолживших его дело и развивших его идеи.

Остроумов не дожил до революционного лихолетья, но его усадьба Ордынцы вплоть до 1917 года сохранялась, по-видимому, в полном порядке. Иначе она бы не вошла в число советских государственных правительственных дач.

Дача командарма

После революции усадебное Подмосковье опустело — многие прежние хозяева покинули не только обжитые гнезда, но и страну. Новая власть быстро начала прибирать к рукам чужую собственность. Новоиспеченные руководители государства подыскивали себе комфортабельное жилье не только в богатых городских особняках, но и в покинутых подмосковных усадьбах. В.И. Ленин переехал в Горки З.Н. Морозовой-Рейнбот, нарком просвещения А.В. Луначарский, человек, как известно, хорошо образованный, облюбовал более рафинированное и изысканное Остафьево графов Шереметевых... Присматривали себе усадебные резиденции и различные ведомства.

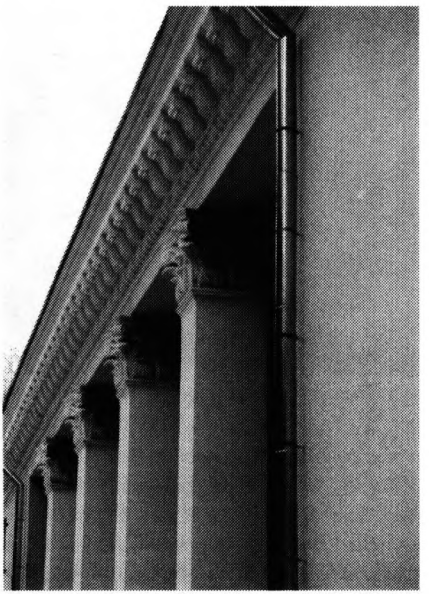
Уже в 1920 году Реввоенсовет получил в собственность знаменитое Архангельское князей Юсуповых — едва ли не лучшую подмосковную усадьбу, наполненную уникальными произведениями искусства. Видимо, тогда же решилась и судьба Ордынцев. Их живописность, компактность и близость к Москве вновь оказались востребованными. От

Дом приемов в Ордынцах до проведения реконструкции. Фото автора. 2001.

Кремля до Ордынцев можно было доехать минут за 25-30, и остроумовская усадьба тоже оказалась в ведении военного ведомства, и вскоре стала закрытой государственной дачей. Пригодились и ее конюшни — постояльцем Ордынцев стал полководец Семен Михайлович Буденный (1883-1973), трижды Герой Советского Союза, личность неоднозначная, волею судеб ставшая легендой трагической и печальной Гражданской войны. Среди его общеизвестных подвигов — создание Первой Конной армии и разгром войск генерала Деникина. Его военный путь начался очень рано. Крестьянский сын из Ростовских степей начал военную службу в 1903 году в казачьем полку. Двадцатилетним кавалеристом он уже воевал на полях Маньчжурии во время русско-японской войны. Воевал, по-видимому, умело, поскольку после войны в 1907-1908 годах оказался среди учеников весьма престижной С.-Петербургской школы наездников.

Звездным часом воинского пути Семена Буденного безусловно стали сражения Первой мировой войны. Он участвовал в боях на германском, австрийском и турецком фронтах. За проявленные мужество и отвагу был награжден пятью! крестами Св. Георгия Победоносца, всех четырех степеней этого самого почетного военного ордена. Как известно, «солдатские Георгии» просто так никому не давали, их можно было заслужить только на поле боя ценою собственного мужества, храбрости или... жизни. В 1914 и 1915 годах молодой казачий офицер получил двух «Георгиев» 4-ой степени, в 1916 году — 3-ей, 2-ой и 1-ой. Таким образом, будущий советский маршал был полным Георгиевским кавалером, что в Российской империи было большой редкостью, и ценилось очень высоко. Можно только догадываться, каких высот достиг бы лихой ростовский казак, если бы ход российской истории оказался иным...

Большая зала в доме приемов в Ордынцах во время ремонтных работ. Фото автора. 2001.



Колонны портика-лоджии главного фасада дома приемов в Ордынцах после ремонтных работ. Фото автора. 2001.

После революции Буденный оказался на западном фронте рядом с М.В. Фрунзе, профессиональным революционером. В пору Гражданской войны Буденный устанавливал Советскую власть на Дону. В 1918 году он сформировал кавалерийский отряд, участвовавший в составе 10-ой армии в боях под Царицыным. Здесь, волею судеб, он сблизился со Сталиным, руководившим обороной города. В ходе боевых действий поздней осенью 1919 года при активном участии казачьего командира Думенко и была сформирована 1-я Конная армия, отличившаяся затем на Северном Кавказе и на Украине. К руководству же Первой Конной вскоре пришел Буденный вместе с еще одним крупным персонажем будущей «сталинской гвардии» — К.Е. Ворошиловым. В 1920 году Буденный познакомился с Лениным. Так с первых лет Советской власти он оказался среди будущей партийной верхушки, вскоре занявшей ключевые посты в руководстве государством.

После печально известных сталинских расправ над многими военачальниками Гражданской войны — Фрунзе, Тухачевским, Антоновым-Овсеенко, Думенко и другими, — Буденный почти единственный остался в живых. И... историческая рулетка превратила его в советскую легенду. Любопытный факт сообщает «Большая Советская Энциклопедия» 1951 года — именем признанного героя было названо 3 тысячи 215 колхозов страны! Как официально романтизированный красный командарм, Буденный попал и в народный фольклор, и в советскую литературу. Его воспел Владимир Маяковский, причем так, что самому воспетому очень понравилось[19]:

«Помня принятие
Красных присяг,
лава Буденных
Пойдет на рысях.
Против буржуевых
Новых блокад
Красные птицы займут облака.
Крепни и славься
В битвах веков,
Красная Армия
Большевиков».

Другому пролетарскому поэту Николаю Асееву принадлежат слова некогда популярной песни:

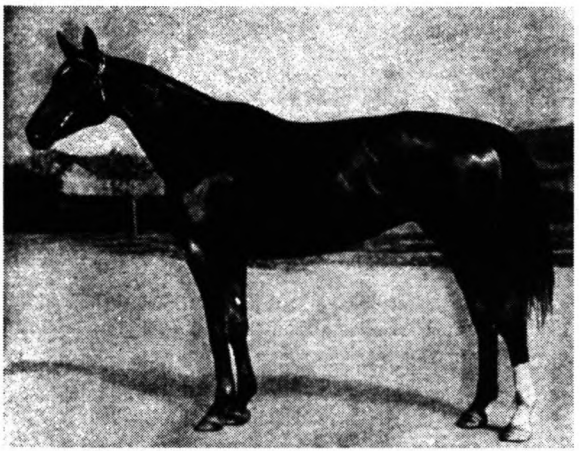
«С неба полудённого
Жара — не подступи.
Конная Будённого
Раскинулась в пути.
.....
Никто пути пройдённого
У нас не отберет.
Конная Будённого,
Вперед, вперед, вперед!!!»

В течение 13 лет (начиная с 1924 года) Буденный занимал довольно любопытную должность — был инспектором кавалерии Советской армии. Лошадей он любил, действительно знал в них толк — дореволюционная учеба в столичной школе наездников не прошла даром. По своему неудивительно, что одна из советских пород лошадей стала называться «буденновской». Это было связано с новым назначением героя Гражданской войны.

На протяжении своей длинной жизни Семен Михайлович успел потрудиться и в гражданской отрасли. В 1932 году, будучи уже почти пятидесятилетним, он закончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. Номинальное высшее образование позволило выдвинуть его на министерскую работу — в 1930-е годы он по совместительству занимал пост заместителя наркома сельского хозяйства по коневодству. По рассказам современников стены его рабочего кабинета были увешаны «портретами» лошадей. Особенно заботливо Буденный опекал конные заводы своей родной Ростовской области. Там и были выведены новые породы лошадей «буденновская» и «терская», на создание которых ушло в общей сложности около 20 лет. Использовались элитные донские кобылы и чистокровные арабские верховые жеребцы. В результате получилась универсальная порода, которая могла выполнять и сельско-хозяйственные работы, и ходить под седлом и в упряжке. Эти достижения командарм описал в своей книге «О племенной работе в коневодстве и коннозаводстве». (М., 1949)

Маршал С.М. Буденный. Фото 1950-х годов.

В 1930-е годы Буденный предпринял значительную перестройку своей дачи в Ордынцах. Неподалеку от въезда в усадьбу на высоком берегу копаного пруда для легендарного командарма было выстроено специаль-



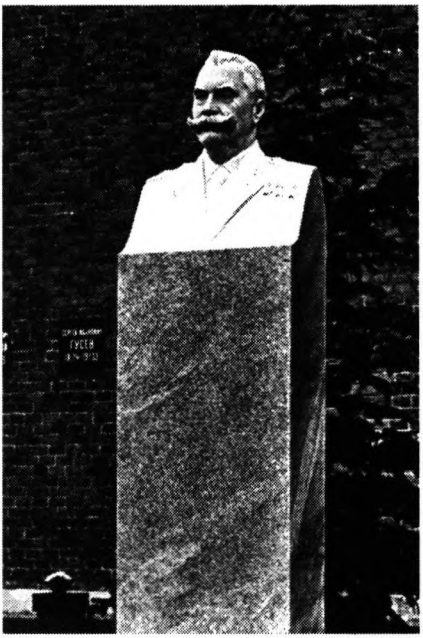
Лошадь буденновской породы. Фото 1950-х годов.

ное здание для пышных приемов с кинозалом и подсобными помещениями. Его архитектурный облик парадоксальным образом соединял черты старинной русской усадьбы и предвоенного «сталинского» классицизма. Здесь в высоком зале, обращенном в парк, Буденный, видимо, принимал высоких гостей, а рядом в кинозале смотрел еще по большей части немые фильмы, в том числе иностранные — с Мэри Пикфорд, Дугласом Фербэнксом, Вивьен Ли. Это было изысканное «меню» партийного приема, советскому зрителю они уже были недоступны — их запретила сталинская цензура. Была в Ордынцах и библиотека. По свидетельствам современников книжное собрание Буденного насчитывало около 10 тысяч томов, причем 1000 из них была с автографами авторов.

В Ордынцы к Семену Михайловичу, в самом деле, приезжали многие выдающиеся артисты и писатели. Здесь не раз бывали Алексей Толстой и Михаил Шолохов (с ними Буденный особенно дружил), Иван Козловский, Николай Черкасов, многие советские военачальники — маршалы К.Е. Ворошилов, Г.К. Жуков, С.С. Бирюзов, И.Х. Баграмян. Частыми гостями в Ордынцах были художники. Один из них вспоминал: «Уже после войны генерал Соколов пригласил меня поехать на дачу к Буденному. Я с радостью согласился. Маршал близко знал художников Грекова, Мешкова, Бродского, Авилова, Герасимова, Савицкого и многих других. И неудивительно, что, пожалуй, самая большая изолетопись создана о Семене Буденном»[20].

На 1930-е годы приходятся и некоторые драматические события в жизни Буденного. Время репрессий должно было неминуемо коснуться и его. Как известно, у многих крупных государственных деятелей, сохранивших свои посты, были обвинены в измене Родине и посажены в тюрьмы и лагеря жены — у Калинина, Ворошилова и других. Эта простая схема личного террора позволяла держать государственных мужей (в прямом и переносном смыслах) под постоянным прицелом. Семейная легенда гласит, что дошла очередь и до жены Буденного. Сталин послал на подмосковную дачу отряд, чтобы ее арестовать. Узнав об этом, Буденный приказал охране занять круговую оборону и отстреливаться. Сам же пошел звонить «боевому соратнику» в Кремль. Сказал, что взять жену позволит только вместе с собой. Тогда Сталин, якобы, ответил: «Ты еще минут сорок продержишься? Я пришлю людей отменить приказ». Люди Буденного оборону дачи выдержа-

ли с честью. Интересно, что этот любопытный, обнажающий жутковатую прозу внутрипартийных «товарищеских» связей, факт, память о котором хранится в семье маршала, с небольшими неточностями повторяют и жители окрестных с Ордынцами деревень, что позволяет считать его вполне достоверным. Это значит, что круговую оборону Буденный держал именно в Ордынцах, и звонил в Кремль тоже отсюда — дача была оборудована спецсвязью.



Памятник С.М. Буденному у Кремлевской стены. Скульпт. Н. Томский. 1974.

С началом Великой Отечественной войны Буденный участвовал в боях под Москвой, Киевом, на Северном Кавказе[21], был последовательно заместителем наркома обороны СССР, главнокомандующим войсками Юго-Западного и Северо-Кавказского направления, Западного резервного фронта, командовал кавалерией Вооруженных Сил СССР и т.д. В 1950-е годы маршал Буденный перебрался из Ордынцев в Баковку. А потому легендарный эпизод передачи им в 1970 году своей боевой шашки Ленинскому комсомолу с Ордынцами уже связан не был.

После отъезда маршала в Ордынцах разместился научно-исследовательский институт, которому пригодились и дом приемов, и бывшая дача Остроумова — жилой дом маршала, и конюшни, и парк. Деревянная дача Остроумова, еще сохранявшаяся в 1970-1980-х годах, в 1990-х сгорела, хозяйственные постройки, из которых уцелела только бывшая конюшня, теперь гараж, — так сильно и многократно перестраивалась, что вовсе потеряла первоначальный облик. До наших дней из этих построек сохранился только парк и дом приемов. Эта примечательная постройка с колонным портиком на главном фасаде, уютно расположившаяся в зелени парка среди величественных деревьев-старожилов, хранит память об истории этого места, так долго и причудливо вплетенном в историю нашего государства.

Недавно усадьба в Ордынцах стала вновь частной собственностью. Слава Богу, ее не поделили на участки под застройку коттеджами, что сразу поставило бы точку в ее летописи. Дача Буденного была отремонтирована, парк приведен в порядок и благоустроен. Очищены его дорожки и поляны. Здесь вновь можно посидеть на берегу живописного пруда или ручья, полюбоваться тенистой прелестью старинного оврага, заросшего высокими липами и кленами. В Ордынцах по-прежнему красуются бережно сохраняемые многочисленные деревья-великаны, которые весной, как прежде, наполняет птичий гомон и ароматы цветущей зелени.

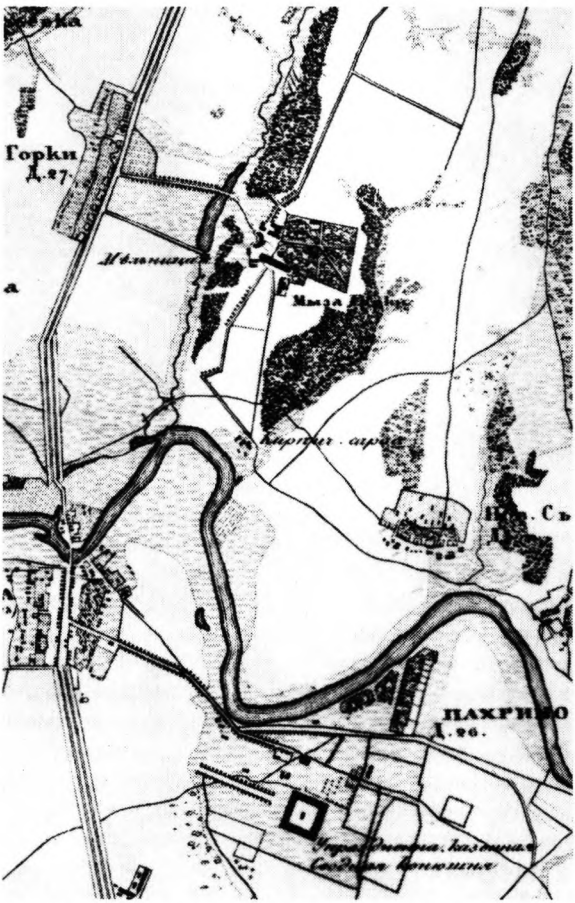
ПРИЛОЖЕНИЕ

Карта окрестностей Москвы 1848 года

Карта московских окрестностей 1848 года — один из самых замечательных иконографических источников XIX века, наглядно и скрупулезно показывающий состояние системы подмосковного расселения в те годы, ландшафтные особенности местностей, наконец, развитие здесь усадебной жизни незадолго до Великой реформы 1861 года. Карта обладает несколькими уникальными качествами, делающими ее во многих отношениях незаменимой. Главное ее достоинство в высокой точности, причем не только геодезической, но и документальной. Она снята на местности с помощью новейших для своего времени приборов и сверена с ситуацией в момент выпуска. Не менее важна и избранная техника воспроизведения чертежа — карта награвирована, что обеспечивает поразительную четкость линий и возможность рассмотреть мельчайшие детали самых крошечных планов деревень и сел. Поразительно, но мы имеет возможность рассмотреть даже планы некоторых усадеб и их парков, что является неоценимым достонством карты для любых реставрационных работ в тех усадьбах, которые попали в ее границы. Широкий охват Подмосковья на карте Шуберта помогает увидеть и взаимосвязи храмов, владельцеских сел и усадеб друг с другом (например, расположенных рядом Горенок и Пехры Яковлевского), показывает сеть древних и новых дорог, на некоторых из которых видны древесные обсадки. Благодаря ей мы имеет возможность как бы заглянуть в усадьбы не только середины XIX века (например, в такие развитые и знаменитые подмосковные как Петровское-Разумовское, Измалково, Петровское (Петрово-Дальнее) или в усадьбы Подушкино, Ховрино-Знаменское, Виноградово, известность которых более связана с концом XIX столетия), но и в более ранние, которые еще сохранили в то время фрагменты своей планировки и строений (например, дворцовая вотчина Пахрино рядом с усадьбой Горки, сельцо Милет и т.д.).

В истории Ордынцев карта — один из немногих, а потому особенно ценных иконографических источников. Она воспроизводит усадьбу на момент владения уже упоминавшейся дворянской девицей В.О. Новицкой (на карте помощичьи усадьбы обозначались термином «сельцо» — М.Н.). Усадьба тогда была очень небольшой, и имела всего несколько построек. Располагались Ордынцы на

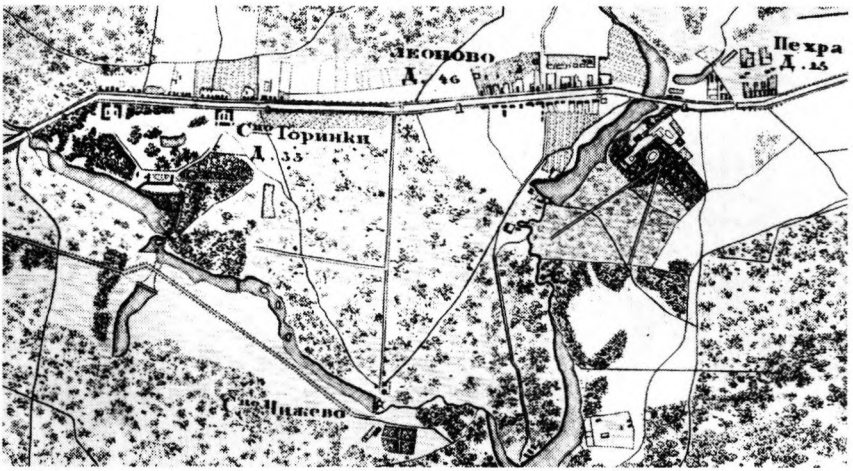
берегу ручья, протекавшего во Вшенском овраге, позже получившего название «речка Лопенка». В то время даже ближайшие окрестности Москвы все же были заселены не слишком густо. Здесь сохранялись большие лесные массивы, обширные луга и поля, между которыми виднелись деревеньки и помещичьи усадьбы. Карта прекрасно отражает связи между соседними усадьбами, как правило, соединенными между собой дорогами. К сожалению, карта не захватила ближайшую к Ордынцам усадьбу Плещеево (она расположена к югу, а потому вышла за границы изображенной местности — М.Н.), но зато хорошо видны крупные усадебные комплексы Остафьева и Суханова. Легко представить себе помещичьи брички, катившиеся по извилистым лентам дорог из усадьбы в Москву и обратно.



Усадьба Горки и дворцовая вотчина Пахрино на топографической карте окрестностей Москвы 1848 года.

Следует заметить, что в середине XIX в. было выпущено еще несколько аналогичных по качеству карт, изображающих другие регионы страны, выпущенных тем же Военно-топографическим бюро под руководством генерала-лейтенанта Шуберта. Кто же он, создатель этой замечательной карты?

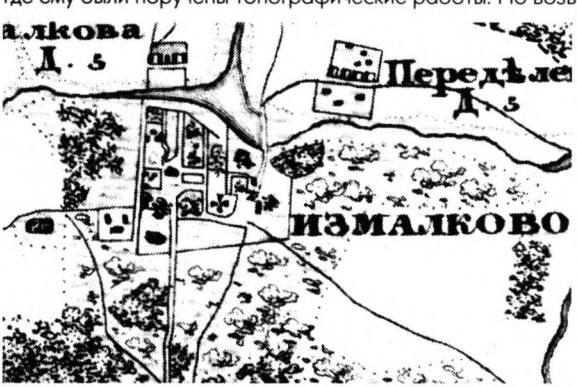
Федор Федорович Шуберт (1789-1865), безусловно, один из ярких петербургских чиновников царствования императора Николая I. Немец по происхождению, он принадлежал к дворянам Санкт-Петербургской губернии. Получив математическое образование, он с самого начала своей службы посвятил себя геодезии. Будучи членом свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, он командировался в различные губернии для астрономических и геодезических работ, в 1805 г. с посольством графа Головкина с теми же целями путешествовал в Китай.



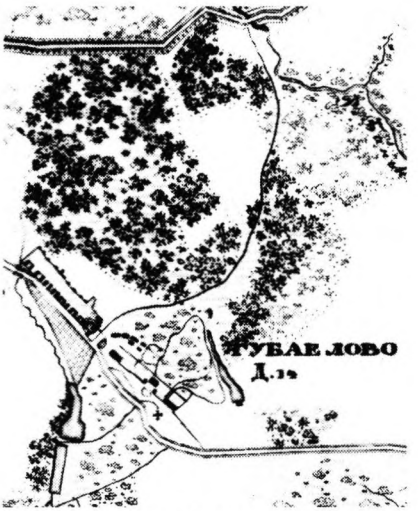
Сельцо Горенки и усадьба Пехра-Яковлевское на топографической карте окрестностей Москвы 1848 года.

Военные события 1806-1815 годов на некоторое время прервали его ученые занятия и заставили исполнить свой воинский долг. Надо сказать, что и в этом молодой Шуберт оказался на высоте. В 1806-1807 годах он — подпоручик Генерального штаба в сражении под Прейсиш-Эйлау был тяжело ранен, но по выздоровлении вернулся в строй — участвовал в сражениях в Финляндии (где сделал и топографическую съемку местности !), в Молдавии, Балканской войне. Ф.Ф. Шуберту довелось участвовать и во многих битвах Отечественной войны 1812-1814 года. Он сражался под Тарутиным и Малоярославцем, Вязьмой и Красным, затем под Лейпцигом и Парижем. Среди его многочисленных российских и иностранных наград была и золотая шпага — за храбрость.

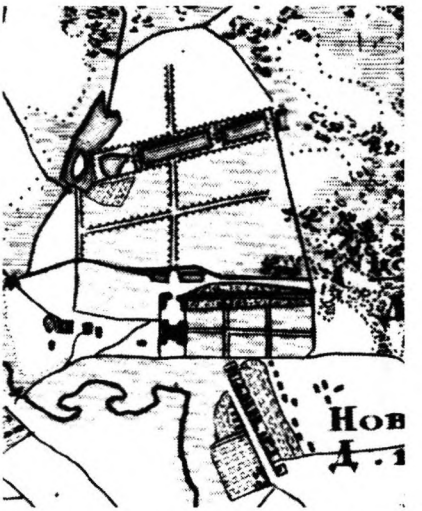
По окончании военной кампании, Шуберт оставался во Франции до 1818 года, где ему были поручены топографические работы. По возвращении в Россию его служебная карьера представляла собой последовательное и быстрое продвижение по служебной лестнице. В 1819 году он — начальник 3-го отделения военно-топографического депо, в 1822 году — директор корпуса топографов, в 1825 году — управляющий военно-топографическим бюро, с 1829-го — директор гидрографического



Усадьба Измалково на топографической карте окрестностей Москвы 1848 года.



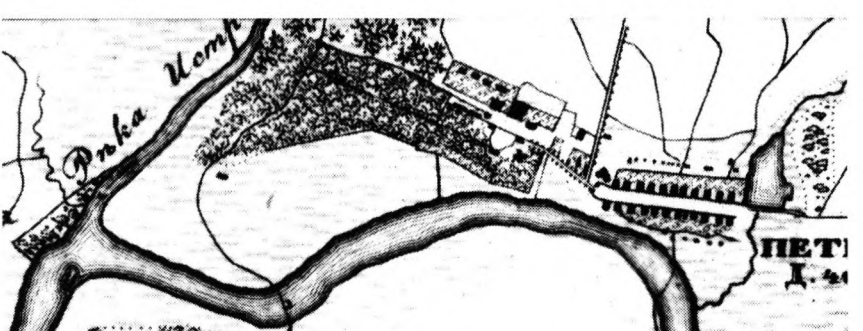
Усадьба Знаменское-Губайлово на топографической карте окрестностей Москвы 1848 года.



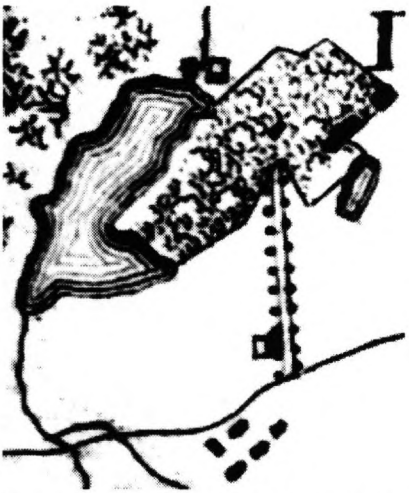
Сельцо Милет на топографической карте окрестностей Москвы 1848 года.

депо Главного морского штаба и генерал-квартирмейстер Главного штаба Его Императорского Величества, в 1831 году — генерал-лейтенант, в 1845 году — генерал-от-инфантерии, с 1846 года — директор военно-ученого комитета.

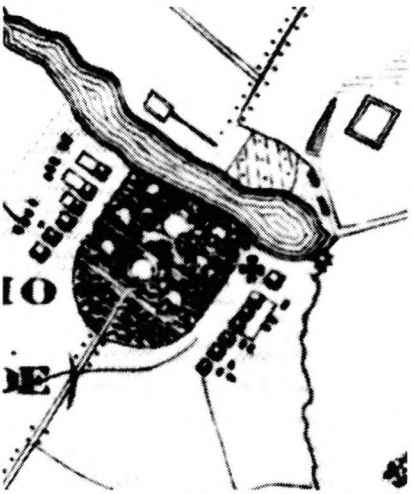
Среди его профессиональных работ такие значительные как съемки Финского залива (1822), Новгородского и Старорусского уездов (1824), части акватории Балтийского моря (1828), Псковской и Витебской губерний (1831), наконец, карта всей России. В 1850-х годах, понимая важность произведенных топографических работ, Ф.Ф. Шуберт написал книгу с их описанием[22]. Под руководством этого незаурядного человека и ученого и была выпущена карта Подмосковья 1848 года, затем повторенная с некоторрыми изменениями в 1852 и 1856 годах.



Усадьба Петровское (Петрово-Дальнее) на топографической карте окрестностей Москвы 1848 года.

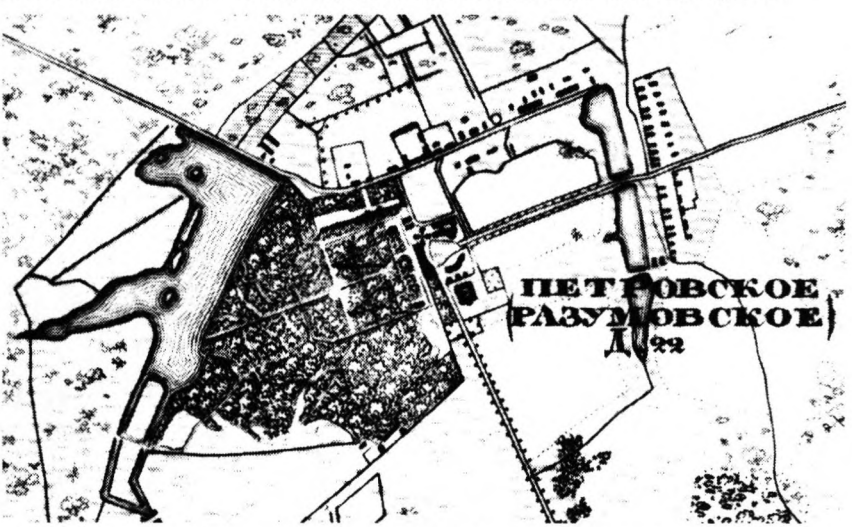


Усадьба Подушкино на топографической карте окрестностей Москвы 1848 года.



Усадьба Ховрино (Знаменское) на топографической карте окрестностей Москвы 1848 года.

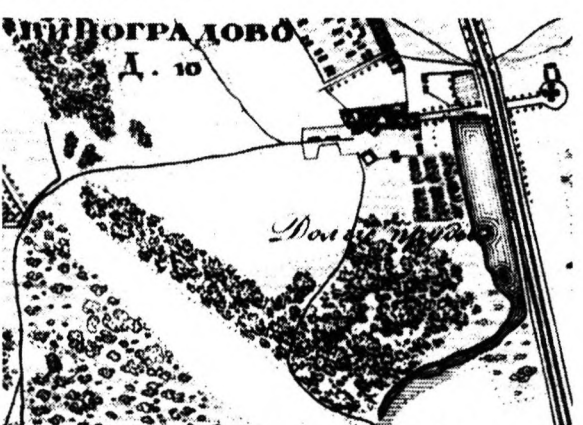
Замечательный топограф был членом почти всех русских ученых обществ и некоторых иностранных, почетным членом Императорской Академии Наук, а кроме того, собирал старинные монеты и даже написал книгу «Типы русских монет от Ивана IV до императора Александра II». Любопытно, что, волею судеб, его внучкой стала знаменитая Софья Владимировна Ковалевская (в девичестве — Корвин-Круковская), а потому портрет Ф.Ф. Шуберта находится в экспозиции псковского музея-усадьбы Палибино, где выросла женщина-ученый.



Усадьба Петровское-Разумовское на топографической карте окрестностей Москвы 1848 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1955. С. 690.
2. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 13. М., 1987. С. 65.
3. Имена московских улиц. 2-е изд. М.,1975. С. 306.
4. К. Нистрем. Указатель селений и жителей уездов Московской губернии. М., 1852. С. 854.
5. А.А. Формозов. Следопыты земли московской. М., 1988. С. 95.
6. Подольский уезд. Московская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1862. Цит. по: В.А. Поцелуев, И.В. Петреев. Подольск и окрестности. М., 1999. С. 420.
7. К. Нистрем. Указ. Соч. С.862.
8. См. краткую историческую справку, хранящуюся в Московской областной инспекции по охране памятников истории и культуры.
9. Э.Ф. Сун. Историческая значимость и проблемы охраны усадьбы Плещеево // Усадьбы Южного Подмосковья. Подольск, 2000. С. 96.
10. П.И. Чайковский. Переписка с Н.Ф. фон-Мекк. Т. III. 1882-1900. М.-Л. 1936. С. 309.
11. Здесь и далее см.: Большая медицинская энциклопедия. С. 75.
12. А.П. Погромов. Ученый, клиницист, педагог (к 150-летию со дня рождения профессора А.А. Остроумова. // Свободно-радикальные процессы и перекисное окисление липидов, новое в диагностике, лечении и вопросы преподавания при заболеваниях внутренних органов. Сборник научных трудов, посвященный 150-летию со дня рождения А.А. Остроумова. М., 1994. С. 6.
13. Биографический словарь деятелей естествознания и техники. Т. 2. М., 1959. С. 96.
14. Летопись Московского университета. 1755-1979. М., 1979. С. 122.
15. А.Г. Гукасян. А.А. Остроумов и его клинико-терапевтические взгляды. М., 1950.
16. Летопись Московского университета. 1755-1979. С. 127.
17. Русская клиника, 1926, Т.5. № 24. (Воспоминания об А.А. Остроумове А.П. Лангового, Д.А. Бурмина и Н.А. Кабанова)
18. А.Г. Гукасян. Указ соч. С. 19.
19. А. Золоторубов. Буденный. М., 1983. С. 282.
20. Там же.
21. Р.Ф. Кожевников. Памятники и монументы Москвы. М., 1976. С. 31.
22. Ф.Ф. Шуберт. Объяснение астрономических и геодезических работ, произведенных в России с географическою целью до 1855 г. СПб., 1858.



Усадьба Виноградово на топографической карте окрестностей Москвы 1848 года.

В.М. Неделин

ОРЛОВСКАЯ УСАДЬБА ТАГИНО

Род Пушкиных в XVII столетии был достаточно тесно связан с Орловским краем. Его представители оказывались заброшенными сюда судьбой и несли здесь ратную службу: Гаврила Григорьевич Пушкин перешел на сторону Лжедмитрия I и отправился из Орла его эмиссаром в Москву[1]; Иван Гаврилович Пушкин командовал артоулом (передовым полком — В.Н.) русской рати в сражении с литовским полковником А.Лисовским под Орлом (1615 г.), правда сражался он не очень доблестно и бежал с поля боя одним из первых[2]; другие Пушкины воеводствовали в городах края: Евстафий Михайлович в Новосиле (1574), Борис Григорьевич в Мценске (1620-1622), Пётр Михайлович также во Мценске (1648 и 1650)[3], Никита Михайлович производил в 1622 году разбор (верстание) болховских дворян и детей боярских. В Орловском уезде Пушкины имели и земельные владения — село Тагино, одно из крупнейших поместий уезда, которое принадлежало Петру Михайловичу Пушкину по прозвищу Желтоух, одному из пращуров великого поэта.

В начале XVII века слободка «под Тагинским лесом» являлась собственностью некоего Якушки Костина[4], а затем, скорее всего после Смутного времени, обширные земельные владения в верховьях Оки перешли во владение рода Пушкиных. Первым владельцем села стал Микита (Никита) Остафьевич, о котором как о владельце села Тагино упоминается в писцовой книге Мценского уезда[5] Осипа Коковинского и подьячего Первого Михайлова 1619-1621 годов[6]. М.О. Пушкину наследовал стольник Пётр Михайлович Пушкин. Его военно-административная карьера типична для XVII столетия: в 1648 и 1650 годах он воеводствовал во Мценске[7], в 1653-1654 — в Козлове, в 1656 году — в Олонце; участвовал в русско-польской войне (1654-1667), где отличился, разбив в 1655 году отряд литовцев в Ошмянском уезде; в 1674 году его назначили «товарищем» (помощником, заместителем — В.Н.) в Московский и Судный, а затем во Владимирский приказ[8]. Согласно Писцовой книге Мценского уезда 1627-1630 годов, П.М. Пушкину принадлежали кроме деревни Тагиной, деревня Боброк на устье речки Боброк и деревня Болотная Поляна, «Суворова слободка тож», запустевшая от «воинских крымских и ногайских людей»[9]. Поместье Пушкиных находилось на устье ручья Тагинки на поляне, отчего и возникшее при усадьбе сельцо получило название «Подолянь».

Опись составляется в 1684 г. дьяком Н. Насоновым[10], присланным из Курска для переписи вотчины тяжело больного П.М. Пушкина, позволяет представить внешний вид поместья крупного вотчинника того времени, разительно отличающегося от позднейших «дворянских гнёзд». Усадьба состояла из большой избы с сенями, погреба, девяти клетей для хозяйственных нужд, бани, хлева и четырёх сараев. Все пост-

ройки окружал частокол. В отсутствие хозяина на «вотчинном дворе» проживали его приказчики. Кроме усадьбы в Тагино П.М. Пушкину принадлежал ещё осадный двор в Орле, рядом с кремлём, в котором жил его дворник, некий стрелецкий сын Васька Дмитриев[11]. По соседству с поместьем находился «двор скоцкой», где содержались бык, 26 коров, 11 овец, 4 барана, домашняя птица и хранился сельскохозяйственный инвентарь. Был и конный двор, где стояли 4 коня служилых (боевых), 49 меринов и 33 кобылы. На деловых дворах жили челядь и дворня стольника, которой насчитывалось 50 человек. В описи указывались только лица мужского пола, в том числе и дети, считая и женщин, челяди было, по-видимому, в два раза больше. Недалеко от усадьбы стояла деревянная «клецкая» Покровская церковь. Храмовые иконы «и свечи, и книги, и ризы, и колокола» были устроены иждивением попа Афанасия и местных крестьян[12].

Татарский воин. Авторская выкопировка с западно-европейской гравюры XVI века.

В 1627-1630 годах во всех трёх деревнях, принадлежавших Пушкину, насчитывалось «два двора прикащиковых, да 48 дворов крестьянских, а людей в них 78 человек, да 28 дворов бобыльских, а людей в них 39 человек, 18 дворов пустых крестьянских»[13]. К 1678 году количество крестьянских и бобыльских дворов в вотчине выросло до 192, а население до 1122 человек мужского пола. Крестьянская община платила своему владельцу денежный оброк в размере 3 рубля в год, пахала барщину и поставляла: масла — 15 вёдер, вина — 240 вёдер, мяса свиного — 10 пудов и 180 кур. «А те запасы к вотчиннику своему к Москве, возят они, крестьяне, на своих подводах»[14].

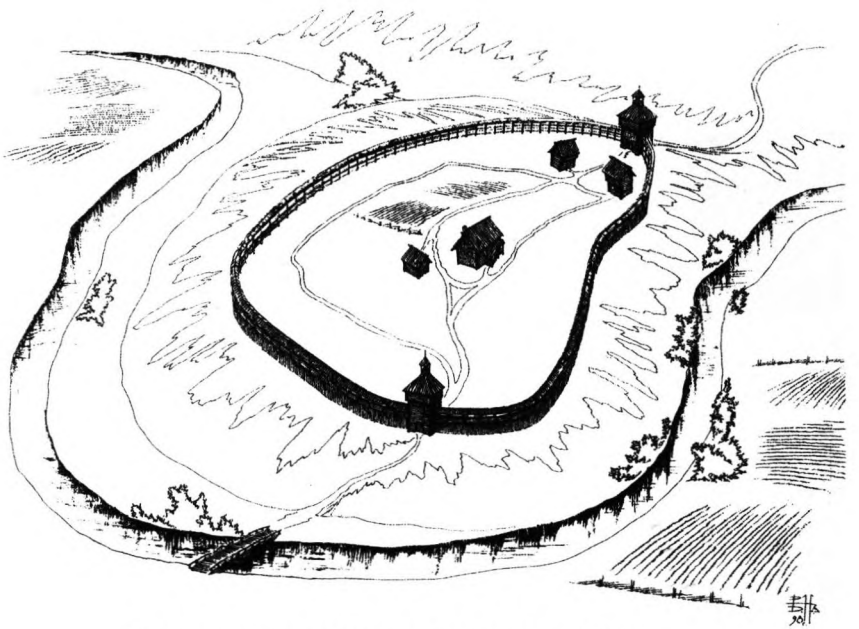
Будучи расположено вдали от городов (от Орла до Тагино было около 60, а до Кром около 35 вёрст) богатое и многолюдное село было бы неминуемо разорено во время татарских набегов, поэтому для защиты людей и своего имущества усилиями владельца села и его крестьян в Тагино, вероятно, в 1630-е годы был возведён Тагинский острожек — крепость ставшая надёжным укрытием для всей местной округи. Правительство не поощряло строительство частновладельческих крепостей, требуя от воевод немедленно сносить подобные укрепления, а дворянин даже очень высокого ранга рискнувший возвести «замок» в своём имении мог понести наказание и попасть в опа-

Мценск. Вознесенская церковь. Конец XVII – начало XVIII веков. Фото 1980-х годов.

лу[15]. Но в этом случае власти вынуждены были пойти навстречу и разрешили Пушкиным построить в селе крепостицу, что для XVII века было случаем весьма и весьма редким. В военном отношении Тагинский острог приписали к Орловской крепости и вносили в ежегодные отчётные Росписные списки орловских воевод[16].

Тагинский острожек занимал исключительно выгодное местоположение. Он находился на высоком холме в петле, которую образовывала река Ока. Крепостицу окружала деревянная стена протяженностью 142 сажени (302,5 м.) шириной и высотой по две сажени (4,3 м.) с обламами и катками[17]. В неё были встроены две проездные башни, «что ездят из Курска в Тагин», увенчанные дозорными клетками. Внутри острога находились две житницы с зерном, омшанник и изба, где жил бобыль, сторживший хлеб. Тайников и колодцев в нём не имелось. На вооружении крепости состояли две пушки железные «мерою по аршину с четвертью» с 83 ядрами и два пуда ружейного пороха[18], либо выделенные Разрядом, либо купленные владельцем на свои деньги, с разрешения правительства, разумеется. Кроме сторожа и нескольких дозорных в летнее время в острожке не было постоянного населения — крестьянские дворы и усадьба владельца находились в низине, на более удобном для жизни месте. Острог служил только складским пунктом и убежищем на случай военной угрозы, чем разительно отличался от западноевропейского замка. Узкая перемычка между холмом, где стоял острожек, и материком была перерезана ложбиной, искусственно углублённой. Гребень горы, постепенно поднимаясь от острожка, заканчивался высокой округлой горой с древнерусским городищем наверху, от которого ещё уцелели ров и вал. В свою очередь гора с городищем отделялась от материка глубоким и широким оврагом. Все эти природные «крепости» в сочетании с деревянными укреплениями образовывали очень удобное для обороны место, что было весьма немаловажно для жизни на степном пограничье, едва ли не ежегодно страдавшем от татарских и ногайских набегов.

28 сентября 1637 года Тагинский острожек отбил нападение татарского отряда. Более серьёзную осаду острог выдержал в 1644 году, когда окраинные земли Московского государства подверглись очередному нападению крымских татар. Во время него особенно сильно пострадали Комарицкая волость Севского уезда и Курский уезд. Татары вторглись и в соседний Кромской уезд. Ливенский воевода Иван Бутурин, опасаясь появления татар в своём уезде, послал на разведку станицу из шести



Тагинский острожек в XVII веке. Реконструкция В.М. Неделина.

человек под началом Игната Енина[19] «со товарищи», поручив ему обследовать Пафнутскую сакму, пересекавшую западную часть Ливенского уезда. Конечным пунктом маршрута было указано село Тагино. Служилые прибыли в Тагино не обнаружив татар, но в ночь с 4 на 5 сентября те появились под селом сами. Главные силы татар в количестве около 60 тысяч остановились в 20 верстах от села — на Сновах, а их сильный передовой отряд — станичники сметили около 20 тысяч — «изгоном» (внезапное нападение, набег — В.Н.) подошёл к селу. Игнат Енин вместе со своими людьми и крестьянами укрылся в острожке, где просидел в осаде два дня, отбивая жестокие приступы татар, пытавшихся овладеть крепостицей. Поняв, что острога им не взять, крымцы сняли осаду и ушли на соединение с главными силами[20].

Тагинский острожек поддерживался в боевом состоянии почти до конца XVII века, пока не отпала какая-либо надобность в его укреплениях и не исчезла окончательно опасность татарских набегов. Опись 1684 года свидетельствует о его ветхом состоянии. По-видимому, в конце XVII или в начале XVIII столетия острог сгорел. Во время археологической разведки на его территории были обнаружены обгоревшие доски и брёвна[21], но это не являлось результатом вражеского нашествия, скорее всего, пожар произошёл по случайности или из-за удара молнии. Как бы то ни было, свою роль Тагинский острог к тому времени уже сыграл.

После смерти в 1684 г. П.М. Пушкина его вдова Марфа Фёдоровна послала сюда своего приказчика за оброком, но крестьяне ему отказали, заявив, что отныне не она является их владелицей, а Никита Борисович Пушкин. Вдова обратилась за помощью к

Современный вид места, где стоял Тагинский острожек. Фото 1980-х годов.

орловскому воеводе В.Ф. Тургеневу, но присланных воеводой людей крестьяне встретили «гилем» (дубинами, жердями — В.Н.) и «наказанья учинить не дались, а ночью пришли на съезжий двор и посыльных людей били и во всём им отказали». Для усмирения волнения из Курска прислали было небольшой стрелецкий отряд с «пытошным мастером», но Н.Б. Пушкину удалось избавить своих крестьян от наказания, доказав право наследства, подтверждённое указными грамотами царей Ивана и Петра Алексеевичей[22]. Примечательна судьба этого человека: в молодости его послали в Польшу вместе с Филаретом Никитичем Романовым (отцом царя Михаила) в составе посольства к королю Сигизмунду, но послов задержали поляки и он вышел из плена вместе с другими членами посольства только в 1619 году. В 1630-1636 годах Н.Б. Пушкин занимал должность судьи в Разбойном приказе, ездил послом в Швецию, воеводствовал в Мангазее и Яблонове, а в 1642-1648 гг. — руководил Разбойным приказом. В 1646 г. его пожаловали в окольничие.

Пока не известно, когда и при каких обстоятельствах Пушкины лишились села Тагино. В первой половине XVIII — начале XIX веков имение находилось во владении рода Чернышевых, дальних родственников Пушкиных, в частности, декабрист З.Г. Чернышев, приходился четвероюродным братом поэту А.С. Пушкину. Надо полагать, что основоположник графского рода Григорий Петрович Чернышев (1672-1745) стал владельцем Тагино в 1710 г., вскоре после женитьбы на Евдокии Ивановне Ржевской (1693-1747). Известно, что Чернышевский майорат являлся первым владением такого рода в России. Г.П. Чернышев был одним из приближённейших лиц к Петру I, его любимцем и одним из выдающихся «птенцов гнезда Петрова». Он относился к числу тех немногих людей, кто осмеливался перечить грозному царю. Военный и гражданский формуляр Г.П. Чернышева впечатляет: он участвовал в первом неудачном походе

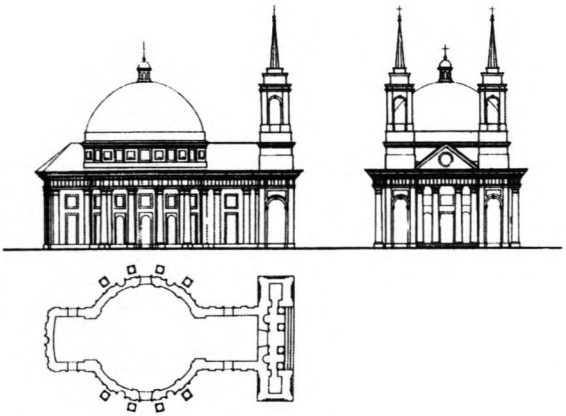
Тип русской «клецкой» церкви XVI-XVII веков. Реконструкция В.М. Неделина.

под Нарву, во взятии Кокенгаузена, Динамюнде, Нотебурга, Ниеншанца, Нарвы, Ивангорода, Выборга; готовил к обороне от шведов Ахтырку и Новгород-Северский, сражался в Полтавской баталии и бою при деревне Пелкиной... За воинскую доблесть и административную деятельность он был неоднократно пожалован и стал кавалером многих орденов. С 1714 г. Г.П.Чернышев числился обер-штерн-кригс-комиссаром при адмиралтействе, поскольку к этому времени «за ранами ни на сухом пути, ни на море служить не может». С 1720 г. камер-советник адмиралтейства, генерал-кригс-комиссар (1725), московский генерал-губернатор (1731-1732), сенатор, граф (1742)[23].

Граф Г.П. Чернышев. Гравюра из издания 1848 г.

Младший сын Григория Петровича — Иван Григорьевич (1726-1797) — генерал-фельдмаршал от флота, президент адмиралтейской коллегии, сенатор (1783), являлся видным дипломатом и военно-морским администратором в правление Елизаветы Петровны, Екатерины II и Павла I. За границей он приобрёл вкус к роскошной жизни и «всё сиё перенял, и всё сиё привёз в Россию и всем сим отечество своё снабдить тщился». По словам князя М.М. Щербатова: «... экипажи его блистали златом и самая ливрея его пажей была шитая серебром; вина у него были на столе наилучшие и наидражайшие». Впрочем, «Русский биографический словарь» оценивая И.Г. Чернышева как ловкого и изворотливого царедворца, тем не менее отдавал должное его деловым качествам: «Не будучи совершенно моряком, при полном незнании морского технического дела, граф Иван Григорьевич сумел, однако, поставить работы настолько успешно, что русский флот в скором времени был готов к выступлению против неприятеля...» Его незаурядная административная деятельность была обусловлена не столько его талантами, сколько умением подбирать хороших профессионалов и толковых исполнителей и не мешать им: «... как начальник (И.Г. Чернышев) был очень любим подчинёнными, видевшими в нём своего покровителя и человека, умеющего ценить их усердие и службу»[24].

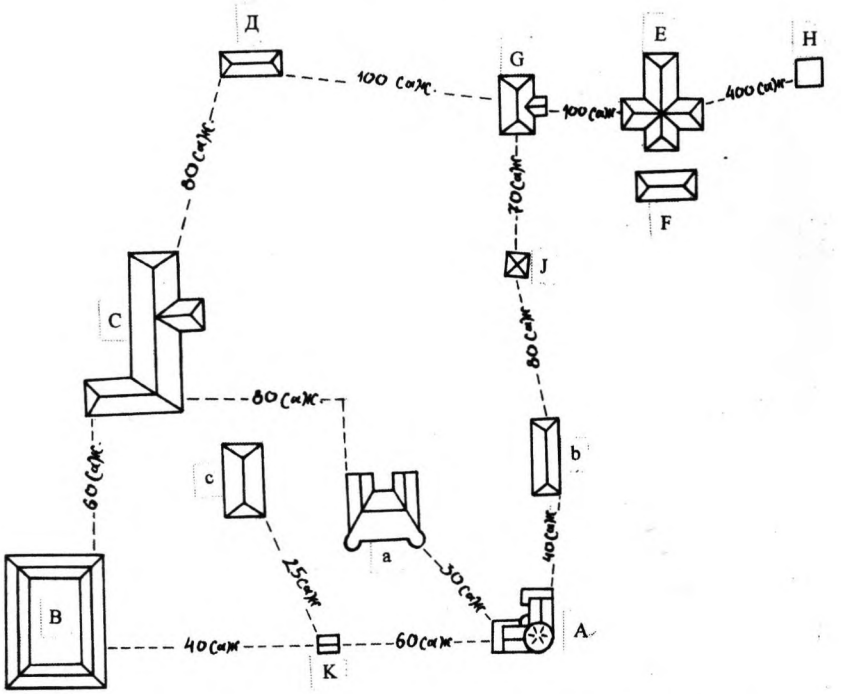
Его сын — граф Григорий Иванович Чернышев (1762-1831) обер-шенк Высочайшего двора, действительный тайный советник, получил блестящее по тем временам образование, но административная карьера его была весьма незначительна. По словам «Русского биографического словаря»: «Обращаясь снова к служебной деятельности графа Григория Ивановича, можно сказать, что он всю жизнь не имел собственно никаких ответственных должностей и получал чины и ордена, как лицо, носящее придворное звание; в сущности он был совершенно свободен и жизнь



Церковь Рождества Богородицы в Чечерске.

свою проводил в своём Орловском имении — селе Тагине, в Орле, за границей и конечно в Петербурге... Имея добрый весёлый нрав и будучи прекрасно образован, граф Григорий Иванович был одним из первых и любимых людей в обществе. Он всею душой любил театр и, отличаясь красноречием, писал французские драматические сочинения, а также и весёлые, остроумные стихи во вкусе Грессе и Бифлеро, конечно тоже на французском языке». Унаследовав имение, до того сильно расстроеное роскошной жизнью отца, что над ним была учреждена опека (1797-1806), он также унаследовал страсть к лёгкой жизни и мотовству, и в результате почти не вылезал из долгов[25].

Усадьба Чернышевых в Тагино располагалась на высоком берегу реки Оки, недалеко от того места, где стоял построенный в XVII веке Пушкиными острог. Её центром был большой деревянный дом. По воспоминаниям родственника Чернышевых мемуариста М. Бутурлина: «Тагинский дом был крайне оригинален. К первоначальному одноэтажному и небольшому деревянному дому пристраивались постепенно, по мере надобности, анфилады комнат и коридоров с обоих боков без всякой симметрии и единства наружной архитектуры. Помнится мне, что каждая из этих построек имела свою отдельную крышу, и в одной из них помещалась домовая церковь (устроенная, вероятно, потому, что сельская церковь находилась на большом удалении от господского дома), и в ней служба отправлялась по воскресным дням с весьма стройным пением дворовых людей. Но так как местность, где стоял господский дом, была покатою, то иные постройки были несколькими ступеньками выше одна другой; но все они были в одном этаже. Снаружи всё это имело вид какой-то фабрики, а внутри было лабиринтом для новоприезжего, но лабиринтом уютным для жильцов...»[26]. Вероятно, в первой половине XIX века, недалеко от усадьбы построили кирпичную холодную Христорождественскую церковь. Оригинальной чертой её облика служило наличие двух трёхъярусных колоколен на западном фасаде[27]. Надо сказать, что подобные двухколоколенные храмы не являлись редкостью для имений Чернышевых, в этом отразилось влияние на владельцев католической, в частности польской, архитектуры. Например, в городке Чечерске (Белоруссия) пожалованном графу Захару Чернышеву в 1773 году, по его заказу была построена двухбашенная церковь-ротонда Рождества Богородицы, а напротив неё, похо-



Страховой план строений при с. Тагино наследников графа Евгения Ивановича Чернышева-Кругликова. Сост. 9 февраля 1880 г. Публикуется впервые.
А — каменный, 1-этажный, с круглым на углу 2-х этажным помещением, крыт железом, высота 4 аршина, комнат 6, кухня, кладовая. Дом занят конторой и помещением управляющего; В — деревянный, крытый соломой скотный двор; С — деревянный, крытый соломой молотильный сарай с молотильной машиной и приводом; Д — деревянный амбар; Е — деревянный, крытый железом молотильный сарай с молотильной машиной и приводом; F — деревянный амбар; G — каменный, 1-этажный, крытый железом флигель — помещение конторщика и садовника; Н — деревянное, крытое соломой с глиной училище; J — деревянная, крытая соломой с глиной изба; К — деревянная, крытая тесом изба; а — каменный, крытый железом господский дом; b — каменные, крытые железом каретный сарай и конюшня; с — каменный, крытый железом амбар.
Составлен архитектором А.Вишневским. ГАОО, ф. 34, оп. 1, ед. 283, лл. 70-73.

жий по архитектуре, католический костёл[28]. Гордостью владельцев Тагино являлся оркестр из крепостных музыкантов, который «мог бы с честью занять место в любом столичном театре».

Тагинское имение Чернышёвых в определённой степени оказалось связанным с событиями 14 декабря 1825 года. Сын Григория Ивановича — Захар Григорьевич (1797-1862), поручик кавалергардского полка, весной 1825 года вступил в «Северное общество» декабристов. В восстании на Сенатской площади он не участвовал, так как нахо-

П.Э. Рокштуль. Портрет З.Г. Чернышева. 1818 г.

дился в отпуске в Тагино при больной матери. Вместе с ним в имении гостил Никита Муравьёв — один из организаторов и идейных вождей «Северного общества». Он был женат на сестре З.Г. Чернышева — Александре Григорьевне (1804-1832), которая в третий раз готовилась стать матерью. 20 декабря 1825 г. Н.М. Муравьёв и З.Г. Чернышев были арестованы на глазах семьи, причём с матерью последнего случился паралитический удар, от которого она спустя два с небольшим года сошла в могилу. Суд приговорил обоих к каторжным работам и бессрочной ссылке. Следует заметить, что один из членов Следственного комитета — генерал-адъютант А.И. Чернышев, настойчиво домогался огромного чернышевского майората, не имея, впрочем, на него никаких прав и ходатайствовал о вынесении смертного приговора единственному законному наследнику. Когда знаменитый А.П. Ермолов услышал о притязаниях А. Чернышева, то едко заметил: «Что же тут удивительного? Одежда жертвы всегда и везде составляла собственность палача».

Несмотря на уговоры родственников Александра Григорьевна Муравьёва решила последовать за мужем и разделить его судьбу: «невиновная жена, следуя за мужем-преступником в Сибирь, должна оставаться там до его смерти». Узнав о мужественном решении Александры Григорьевны, А.С. Пушкин во время пребывания её в Москве, передал ей два своих стихотворения адресованных ссыльным декабристам: «Мой первый друг, мой друг бесценный!...!» (И.И. Пущину) и знаменитое «Во глубине сибирских руд...». В багаже А.Г. Муравьёвой послания поэта начали свой долгий и мучительный путь в Сибирь[29].

Летом 1829 г. Софья Григорьевна Чернышева (1799-1847), старшая сестра декабриста З.Г. Чернышева, вышла замуж за графа Ивана Гавриловича Кругликова (1787-1847), советника и шталмейстера Высочайшего двора, человека в высшей степени достойного. И.Г. Кругликов был одним из героев Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813-1814 гг., участником многих сражений, кавалером ряда орденов и золотой сабли «За храбрость». В 1831 г. так и не дождавшись сына, сошёл в могилу граф Г.И. Чернышев, похороненный на кладбище Архиерейского дома в Орле (могила не сохранилась). Поскольку единственный законный наследник находился в ссылке, то по указу Николая I от 14 января 1832 г. И.Г. Кругликову передали Чернышевский майорат, с правом носить фамилию Чернышев[30].

По амнистии 1856 года З.Г. Чернышеву вернули права и титул. К этому времени он уже был женат (в 1834) на Екатерине Алексеевне Тепловой, которая унас-

ледовала Тагино после смерти мужа в мае 1862 года. После её кончины в ноябре 1878 года имение перешло к младшему сыну Софьи Григорьевны Кругликовой (урожд. Чернышевой) — графу Е.И. Чернышеву-Кругликову (1839-?).

Дом Чернышевых в Тагино разграбили и сожгли в первые послереволюционные годы. В 1942-1943 годах линия фронта проходила всего в нескольких километрах от Тагино, и в ходе боевых действий Христорождественская церковь и остатки усадьбы были окончательно сметены с лица земли. Место, где стоял острог построенный Пушкиными, состоит на госохране как памятник археологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Скрынников Р.Г. Лихолетье. Москва в XVI-XVII веках. — М., 1988. — с. 303.
2. Полное собрание русских летописей. — Т. XIV. Новый летописец. — М., 1965. — с. 136-137.
3. Русский биографический словарь. — СПб., 1910. — с. 300, 308, 312, 323.
4. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 15934. Л. 426.
5. Село Тагино перешло из Мценского в Орловский уезд вероятно, около середины XVII века, во всяком случае в 1637 г. оно ещё состояло в Мценском уезде.
6. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 15934. Л. 426-436.
7. С именем П.М. Пушкина связан один интересный случай, произошедший во Мценске, правда уже в середине 40-х гг. XX в.

В 1945 г. через Мценск велось строительство государственной шоссейной дороги Москва-Симферополь, и военные строители недолго думая, обрекли на снос стоявшую рядом с трассой Вознесенскую (Архангельскую) церковь (кон. XVII — нач. XVIII вв.) бывшего Архангельско-Вознесенского монастыря. Своим спасением памятник обязан энтузиасту-краеведу, работавшему в то время в органах охраны памятников истории и культуры Орловской области — Михаилу Васильевичу Каплинскому. Каплинский, понимая, что попытка отстоять культовое здание, каким бы замечательным памятником архитектуры оно не являлось, была бесполезна, тем более что строительство курировалось органами НКВД, решился на подлог, который давал ему некоторый шанс на сохранение памятника. Он решил выдать Вознесенскую церковь за жилую постройку XVII в., тем более, что в ходе многочисленных разрушений здание утратило внешние признаки культового сооружения — главу и верх колокольни. Этому способствовало и то, что строительство вели военные, не осведомлённые о том, что в действительности представляло из себя это сооружение, а произошедшая случайная встреча Каплинского с одним из потомков А.С. Пушкина — Григорием Григорьевичем Пушкиным, натолкнула первого на одну мысль. Впоследствии Г.Г. Пушкин вспоминал: «Я служил в отдельном батальоне связи НКВД. Летом 1945 года наше подразделение прокладывало правительственную связь параллельно строившейся автодороге Москва-Симферополь... Здесь я познакомился с М.В. Каплинским, который разыскал меня и попросил помочь сохранить ценную по архитектуре церковь. Мы вместе пошли к командиру батальона (городские власти к этому отношения не имели), и Каплинский стал его убеждать, что намеченное к разрушению здание — «дом боярина Пушки», бывшего когда-то в Мценске воеводою. Капитан Г.Г. Пушкин также принял участие в раз-

говоре, подтвердив сказанное Каплинским своим фамильным авторитетом, что в конечном итоге и спасло памятник.

Предок А.С. Пушкина — стольник П.М. Пушкин действительно в 1648 г. воеводствовал во Мценске и Каплинский сыграл на невежестве начальства, прекрасно зная, что Вознесенская церковь построена не ранее конца XVII в. и это именно церковь, а не палаты XVII века, только искажённые позднейшими перестройками, как он уверял, и стало быть, воевода Пушкин никакого отношения к ней, даже косвенного, не имел. Каплинский конечно, значительно рисковал, если бы его уличили в подлоге, провал подобной попытки мог бы иметь в то время для него тяжёлые последствия, тем более что подобный опыт у него уже был, но ему повезло, к нему прислушались, сыграла свою роль и порядочность капитана Г.Г. Пушкина, знавшего о его замысле и поддержавшего его.

Неугомонный Каплинский сумел добиться для реставрации «дома предка великого русского поэта» денежных средств и строительных материалов. Сохранившийся монолитный и компактный объём Вознесенской церкви был отреставрирован и перекрыт крышей сложного рисунка и стал походить на небольшой феодальный замок и название «Дом боярина» столь прочно прилипло к ней, что под ним она попала даже в краеведческую литературу и фигурировала в списке памятников области принятых на госохрану, правда всё-таки с уточнением, что это церковь Вознесения.

Старых В. Причастен Пушкин. — Орловский вестник, №31, 1992.

8. Русский биографический словарь: Притвиц — Рейс. — СПб., 1910. — с. 323-324.

9. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 15934. л. 426-436.

10. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 873. Перепись вотчины стольника Петра Михайловича Пушкина села Тагино, присланным из Курска дьяком Никитой Насоновым, возвращение Тагино Пушкину, неповиновение крестьян вдове П.М. Пушкина Марфе Фёдоровне, наказание их, спор о Тагино Никиты Пушкина с М.Ф. Пушкиной. С. 112-170.

11. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10044. Л. 48 об.

12. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 15934. Л. 436.

13. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 15934. Л. 426-436.

14. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 873. Л. 140-141.

15. См. например: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Поместного стола. Стб. 118. О постройке «города» в дер. Малой Гнездиловке Кромского уезда стольниками И. и Ю. Трубецкими. 492 л.

16. Дополнения к актам историческим. — Т. IX — СПб., 1875. — с. 252.

17. Облам — боевой балкон, венчавший деревянную крепостную стену и выступавший наружу. В полу облама имелась узкая щель — бойница, позволявшая обстреливать неприятеля, подобравшегося к подножию стены. Сверху облам накрывался одно- или двухскатной кровлей. Кровати (коровати) — помосты для размещения воинов стоявших с внутренней стороны крепостной стены.

18. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 873. Л. 137-138

19. В отписке елецкого воеводы руководителем станицы назван сын боярский Никифор Лаушкин (РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 187. Л. 308-309; Акты Московского государства. — Т. 2. — СПб., 1894. — с. 143).

20. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 179. Л. 125-130.
21. Архив Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Орловской области (г. Орёл). Паспорт на памятник археологии — городище в с. Тагино. 1975 г.
22. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 873. Л. 112-170.
23. Русский Биографический словарь: Чаадаев — Швитков. — СПб., 1905. — с. 309-313.
24. Там же. С. 318-324.
25. Там же. С. 308-309; вот что пишет современный автор о причудах графа Г.И. Чернышева: «Однажды в 1819 году граф устроил прием (в Тагине — В.Н.), пригласив генеральшу Квашнину-Самарину, князя Куракина с семьей, Мухортовых, Меньшиковых, Шеншиных, Бырзиных, Офросимовых. Перед обедом гости отправились в графский сад, где обнаружили деревянную хижину, покрытую берестой. На вывеске над входом в неё были изображены три красавицы и надпись: «AUX BONS GOURMANDS». Навстречу гостям из ресторана вышел прислужник в бланжевой куртке и панталонах, фартуке, с колпаком на голове, держащий в руках карту кушаньев. Этим официантом оказался сам граф, который помог гостям выбрать блюда, предложил вина, табаку, сигар и всяких прохладительных напитков. Прислуживая, как самый исправный служитель, граф предложил гостям посетить трактир, но не более трех лиц разом, чувствуя себя не настолько расторопным и ловким, чтобы исправить услужить более многочисленным посетителям. Вот вам и граф-официант!» (Свешникова Е.Е. О чудаках и курьезах // Века над Окой. Книга-альбом. — Орел, 1998. — С. 260, 261.)
26. Записки графа М.Д. Бутурлина // Русский архив. — 1897. №5. — с. 41.
27. РГИА. Ф. 799, оп. 33, № 1240. Страховые оценки церквей 2-го Благочиннического округа Орловского уезда.
28. Архитектура русской усадьбы. — М., 1998. — с. 186-189.
29. Власов В. Заступники свободы. — Тула, 1991. — с. 186-189.
30. Русский биографический словарь: Чаадаев — Швитков. — СПб., 1905. — с. 331-332.
31. ГАОО, ф. 34, оп. 1, е.х. 283. Страховой план строений при с. Тагино наследников графа Евгения Ивановича Чернышева-Кругликова. Сост. 9 февраля 1880 г. Архитектор А. Вишневский. Автор приносит глубокую благодарность В.К. Филимоновой, любезно указавшей данный источник.

С.Г. Величко

«ЗАМОК КНЯЗЯ ТРУБЕЦКОГО»

Усадьба Казацкое, о которой пойдет речь, ныне находится близ города Херсона на Украине, но владельцы Казацкого, и местные крестьяне были родом из России. Да и современная Херсонская область некогда входила в состав Новороссии, завоеванной в царствование Екатерины II.

Казацкое находится на высоком правом берегу Днепра, напротив города Новая Каховка, и в шестидесяти километрах севернее Херсона. Официально же она находится в поселке Казацкое Бериславского района Херсонской области.

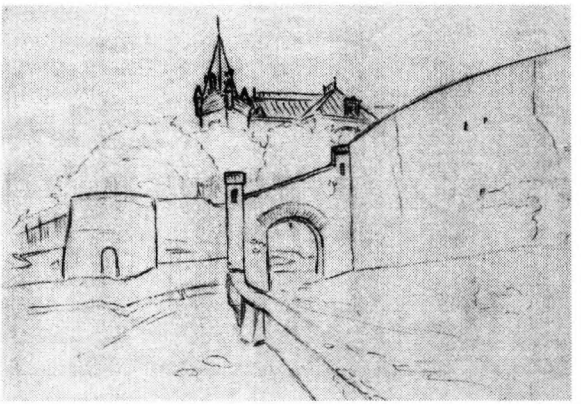
Усадьба располагается в одном из красивейших мест Нижнего Днепра, среди рощ и озер, на берегу старицы реки, образовавшийся в ходе строительства в 1950-е годы соседней Каховской ГЭС, изменившей течение Днепра. Из-за этого, некогда видимая с многих точек усадьба, теперь скрыта за зарослями деревьев, соседними автострадой, плотиной и железной дорогой. Но благодаря необычному внешнему виду и знаменитым владельцам, память о ней у жителей области сохранилась: всю усадьбу романтически прозвали «замком князя Трубецкого».

С давних времен Нижний Днепр заселяли разные народы — скифы, тавры, печенеги, греки, татары. В ходе русско-турецких войн 1768-1774 и 1787-1791 годов эти земли и Крым вошли в состав Российской Империи. Огромные, почти не заселенные территории начали раздаваться и продаваться дворянам. Прежде всего, землю получали герои войн и придворные Екатерины II — Г. Потемкин, Г. Державин, М. Каховской, Лонжерон, Строгановы, Воронцовы и многие другие. Но поскольку эти территории находились в отдалении от Центральной России и требовали больших расходов по их заселению и окультуриванию, многие участки были проданы ближе живущим украинским и польским магнатам, казачьей знати. Так, например, соседнее с Казацким имение принадлежало запорожскому казачьему офицеру Кириллу Маяковскому, прадеду знаменитого поэта, и, кстати, дальнему родственнику Трубецких.

Давались земли Таврии, как ее называли, и бесплатно тем помещикам, которые заселяли безлюдные территории крепостными, на этом собственно и была построена афера Чичикова. Часть участков было заселено правительством и новыми хозяевами не крепостными, а колонистами: французами и швейцарцами, немцами и румынами, армянами и греками, сербами и болгарами. Крепостные покупались и переселялись сюда из Малороссии, Курской, Орловской, Воронежской губерний. Поэтому состав и населения, и помещиков здесь был самым пестрым.

Самыми крупными и известными помещиками Херсонской и Таврической губерний, разделенных только водами Днепра, к середине XIX столетия стали вла-

дельцы усадеб: Чернянка — графы Мордвиновы, Казацкое — князья Трубецкие, и Аскания-Нова — бароны Фальц-Фейны. Им принадлежало четверть всех земель края и огромные экономии.

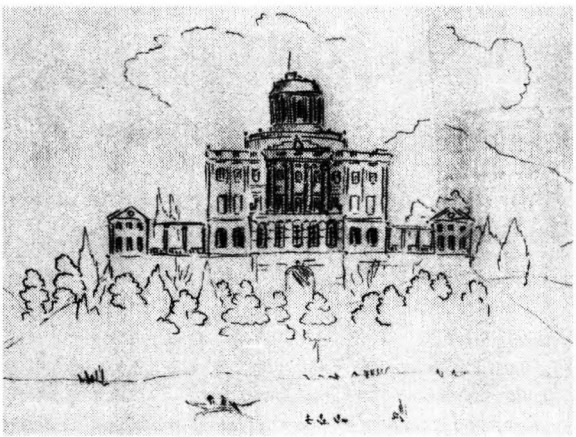


«Дворец в Казацком со стороны Днепра». До 1890 г. Копия рисунка из Альбома видов Нижнего Днепра.

Последний владелец Казацкого — князь Владимир Петрович Трубецкой (1884-1954), посвятил усадьбе очерк[1], некоторые отрывки, из которого будут воспроизведены в этой статье. Начинает свой очерк Трубецкой с легенды о приобретении усадьбы и происхождении ее названия: «В восьмидесятых годах XVIII столетия прадед мой, граф Василий Васильевич Орлов-Денисов, проходя с казаками из Крыма на север, остановился на ночевку на берегу Днепра в 70 верстах севернее Херсона. Заехав к соседней помещице Браницкой, в село Каменку, провел вечер, поспорил с ней на пари и выиграл это имение с прилегавшей к нему землей в количестве 18 000 десятин. Местность была дикая: ковыльная степь, широкий Днепр (ширина реки в этом месте доходит до 1,5 км. — С.В.) и заливные луга, именуемые там плавнями. Население было редкое, земли не обрабатывались, только небольшие стада тонкорунных овец и табуны полудиких лошадей паслись в этих степях. Место это понравилось прадеду, и он велел построить на горном берегу Днепра дом — копию московского Румянцевского музея из местного камня, меблировал его полностью, построил казарму, конюшню, хозяйственные постройки и наконец переселил из Рязанской губернии — своего имения Борки — крестьян. Переселяя крестьян «в дальнюю губернию», он приказал отобрать элемент наиболее дурной, строптивый и ленивый — в наказание за все эти недостатки. Эти свойства по наследству перешли потомству, и нам — наследникам прадеда — пришлось непосредственно на себе и на хозяйстве ощущать их. Отсутствие церкви в Казацком также способствовало огрублению нравов и морали крестьян.

Назвал же прадед выигранное им имение Казацким в память своего счастливого ночлега. Так зародилось на берегах Днепра в 1500 верстах от Великороссии сельцо с крестьянами из Рязанской губернии».

В этих воспоминаниях князя есть одна неточность: его прадед, герой войны 1812 года, генерал от кавалерии, казачий атаман — граф Василий Орлов-Денисов (1775-1844) был в 1780-е годы слишком молод для игры в карты. Но если учесть, что казаки возвращались после окончания второй войны, в 1791-1792 годах, то шестнадцати — юный семнадцатилетний казак вполне мог выиграть име-



Дом Трубецких, вид с Днепра. Рис. по фотографии 1963 года.

ние. Что же касается строительства копии «московского Румянцевского музея» — знаменитого дома П.Е. Пашкова на Моховой, возведенного в 1784-1788 годах, то она — копия — действительно был построена в Казацком, правда в несколько упрощенном виде. В частном собрании[2] сохранился путевой альбом с видами Днепра, выполненными тушью. Его автор в 1870-1880-е годы путешествовал на корабле от Александровска (Запорожья) до Одессы. На одном из видов запечатлен дворец Орлова-Денисова. Поскольку другие, сохранившиеся до сих пор строения, изображены в альбоме точно, то нет повода сомневаться в верном отображении и Казацкого.

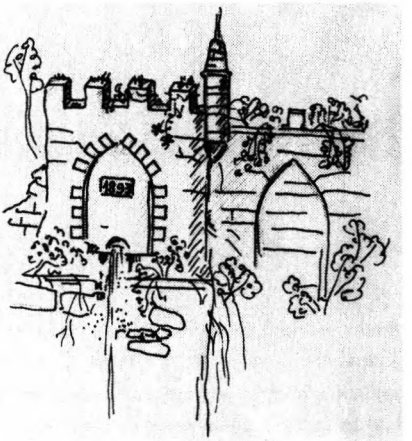
Дворец, выполненный из охряного местного ракушечника, изображен стоящим на высокой подпорной стенке с аркой-нишей в центре. Главный дом достаточно точно копирует московский прототип, но боковые флигеля слишком малы и соединены с дворцом сквозными пропилеями. В доме Пашкова вместо них были одноэтажные корпуса с садами на плоских крышах — террасах. Почему граф избрал для усадьбы именно дом Пашкова сказать, пока трудно.

В.В.Орлов-Денисов отдал Казацкое и ряд сопредельных имений в приданное за своей дочерью Любовью (1828-1860), которая была выдана в 1852 году замуж за князя Николая Петровича Трубецкого (1828-1900). От отца усадьба досталась сыну Петру (1858-1911), владевшему так же такими известными подмосковными усадьбами, как Ахтырка и Узкое.

Что же касается Казацкого, то В.П. Трубецкой отмечал, что в выстроенном доме «...никто — ни прадед, ни наследники его никогда не ездили в Казацкое — слишком далеко оно было от центра России. Надо было месяц ехать туда на перекладных, чтобы туда доехать.

Управляли им приказчики, больше из немцев колонистов... Но отец мой не застал уже ни дома, ни усадьбы, выстроенной дедом. Ветер снес крышу в Днепр, а вещи постепенно расхитили управители. Так что когда он принял в управление имение, то из обстановки дворца добра еле на 200 рублей набралось... Но стены стояли, в них вили гнезда совы, и, кроме жуткого чувства смерти и ветхости, ничего не внушали, несмотря на великолепные колонны старого времени. Тогда отец велел снести с лица земли остатки старого нежилого величия, оставив только полуподвальный этаж, в котором в последствии жила 21 семья служащих...».

Впервые, после легендарной ночевки прадеда, семья посетила свое имение в 1875 году, застав его в крайнем запустении. В дальнейшем, с появлением железных дорог и пароходов, путь в Казацкое из Москвы стал занимать не месяц, а чуть больше недели.



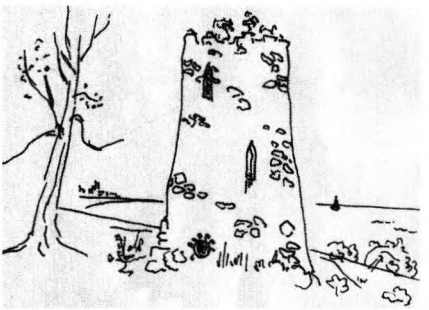
Водопад в Казацком. Рис. 1993 г.

На месте прежнего дворца Петр Трубецкой распорядился построить «большой дом — в 30 комнат дом, но не дворец, а просто хороший дом со всеми удобствами, необходимыми для культурной жизни». Ко всем удобствам относился водопровод, местные — канализация и электростанция. Место для нового дома выбирали специально. Князь с управляющим выезжали на лодке на середину Днепра и оттуда намечали место постройки. «По Днепру давно уже ходили пассажирские пароходы, и понятно было желание ставить постройку симметрично, считаясь со взглядом пассажира».

Дом был выстроен из ракушечника, хорошо сберегавшего тепло и придававшему зданию солидный вид. Фасады и часть интерьеров дома были выполнены в духе замков времен французского Ренессанса. Помимо жилого дома были выстроены из камня большая конюшня, скотный двор, винодельня, житница, кухня и множество хозяйственных построек. Постройки располагались группами. На высоком берегу стоял дом и флигеля. Со стороны двора был устроен курденер, отгороженный от подъездной аллеи кованой изгородью и чугунными воротами. Севернее стояли хозяйственные постройки, а дальше всех винодельня, составлявшая отдельный ансамбль. Под ней были устроены обширнейшие подвалы, столь длинные и широкие, что в них можно было бы прятать небольшие самолеты. Парусные своды, без единой колонны или подпорки производили на многих гостей сильное впечатление.

Все постройки были выполнены в псевдоготическом стиле: со стрельчатыми окнами и арками, островерхими щипцовыми кровлями, крытыми оранжевой черепицей, фальшь — бойницами под карнизами и пинаклями на углах. Особенно оригинально была выполнена днепровская пристань. Каменная набережная постепенно уходила вверх, к дому. По пути к нему, дорогу преграждала стена с воротами и грузной башней-сторожкой, а затем дорога резко шла вверх, стиснутая двумя стенами, между которыми были перекинуты мостики. Над пристанью, в подпорной стене был устроен из одного родника водопад. Над готической формы нишей торчали зубцы, увитые плющом, а в нижней ее части водосток: вода тонкой струей падала с высоты почти десяти метров, и ее журчание было слышно из далека.

Автором всего комплекса считается архитектор Петр Самойлович Бойцов, создавший примерно в это время такие похожие на Казацкое сооружения, как усадьбу Муромцево близ Судогды (1884 — 1906), и особняк князей Святополк-Четвер-



Башня винного завода Трубецких у берега Каховского моря (Днепра). 1993.

тинских на Поварской улице в Москве (1887). Подпись Бойцова стояла на некоторых чертежах, но наблюдал и вел строительство талантливый херсонский архитектор Н.К. Толвинский. Не исключено, что в строительстве принимал участие родственник Трубецких, архитектор С.К. Родионов.

Из всех окрестных усадебных ансамблей Казацкое оказалось одним из самых красивых, хотя дома других помещиков тоже были выполнены оригинально, а «замковая тема» прослеживалась у многих усадебных домов. Но все же большинство окрестных помещиков предпочитало строить дома с портиками и «львами на воротах». Один из таких усадебных домов в Меловом, расположенная в 20 км от Казацкого, хорошо всем знакома по фильму «Свадьба в Малиновке», снятому в этих краях.

Трубецкие любили приезжать в имение в конце августа — начале сентября, как раз ко времени выделки молодого вина. Хозяин семейства Пётр Николаевич ценил Казацкое за природу, окружающие его просторные степи, чистейший воздух, кишащие дичью прибрежные леса — называемые плавнями, потому, что весной их затапливало. По воспоминаниям Льва Троцкого, местного уроженца, казацкие плавни представляли собой заросли ежевики и дикого винограда, на полянах росли тополя «сраженные» молниями. Стоит добавить, что до сих пор здесь в изобилии водятся фазаны и аисты, журавли и удоды, кабаны и зайцы. В реке, на каменных отмелях множество раков, а в заводях можно обнаружить метровых сомов. К единственным неприятностям, которые доставляла природа в этих краях, можно было отнести сильные ветры и черные песчаные бури, нагонявшие кучугуры — многометровые песчаные горы.

Огромные плодородные земли Казацкого сулили хорошие прибыли, тем более, что были хорошие результаты у соседей-помещиков и в поселениях колонистов. Фальц-Фейны специализировались на овцеводстве и производстве сукна, их называли российскими королями овцеводства. Владельцы соседней Каховки — дворяне Овсяники-Куликовские занимались производством продуктов питания, а помещики Скадовские устроили помимо консервной фабрики в своей усадьбе курорт на Азовском море.

Поэтому Трубецкие решили заняться виноградарством и виноделием. Они пригласили в имение знаменитого винодела Льва Сергеевича Голицына, вместе с которым, после долгих исследований имения, заложили большой виноградник на склоне днепровского берега. На 200 десятинах земли были высажены виноградники исключительно высших сортов столовых вин. Вино получалось отличное, и часто завоевывало награды на отечественных и зарубежных выставках. Продажей вина помогал заниматься Трубецким их родственник Г.И. Кристи (1856-1911), несмотря на дворянское происхождение даже записанный в московское купечество и занимавшийся виноторговлей.

Помимо виноградарства в Казацком было развито овцеводство, сеяли хлеб, выращивали различные овощные культуры, содержали крупное стадо коров.

Кроме того, был заведен большой конный завод, часть лошадей с которого отправляли в подмосковное Узкое, для объездки. Вся продукция, производимая в имении, находила сбыт на рынках окрестных городов — Берислава, Каховки и Херсона, так и по всей России и за рубежом.

Вид на «замок князя Трубецкого» от пристани. Рис. 1965 г.

После трагической гибели П.Н. Трубецкого в 1911 году, имение перешло в управление его сыну, Владимиру, который развивал начинания отца. В годы Первой мировой войны в Казацком им был устроен госпиталь, а большая часть лошадей отдана в действующую армию.

После 1918 года часть усадебного имущества было разворовано крестьянами, часть погибла в годы Гражданской войны, поскольку в непосредственной близости от Казацкого происходили бои между армиями белогвардейцев А.И. Деникина и П.Н. Врангеля и красноармейцев М.В. Фрунзе и В.К. Блюхера. В советское время в главном доме была устроена школа-интернат, а на базе княжеского хозяйства устроен совхоз. На базе винодельни организовали винный завод и при нем поселок Веселый.

После окончания Великой Отечественной войны дом передали под санаторий, который в ходе одной из реконструкций сгорел дотла (в 1960-е — 1970-е годы). Здание неоднократно предлагали реконструировать, но вопрос, по-моему, до сих пор так, и не решен. Ныне каменный остов дома, с фрагментами резьбы и лепнины зарастает травой и диким виноградом. Заброшенная пристань поросла абрикосами и тополями, о ее назначении до сих пор напоминают кованые швартовочные кольца, вмурованные в кладку. Во многих местах, среди разрушенной кладки, под корнями старых шелковиц еще можно найти осколки черепицы с клеймами европейских заводов, и шоколадного цвета винные бутылки с рельефным гербом рода Трубецких. В целом же, несмотря на огромные утраты, усадьба напоминает волшебный замок из сказки о спящей красавице, где все ждет своего пробуждения ото сна.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.П.Трубецкой «История одного хозяйства» \\ Сборник «Князья Трубецкие: Россия воспрянет», М., 1996.

2. «Альбом видов Нижнего Днепра», 1870-1880 годы, частное собрание, С.-Петербург.

3. С.Сухопаров «Херсонские страницы русского авангарда». газета «Народная трибуна», N26, 1993.

4. Архив Музея Истории города Новая Каховка, материалы экспозиции «Казацкое».

5. Херсонский областной архив (ХОА). Ф.12567, Д.4, Л. 1-14.

Н.Н. Масленникова

ВОЛЫШОВО — УНИКАЛЬНЫЙ УСАДЕБНЫЙ АНСАМБЛЬ XVIII-XIX ВЕКОВ.

Село Волышово — усадьба Васильчиковых и Строгановых, находилась в глубине Псковской губернии. На 211 км шоссе, ведущего из Санкт-Петербурга в Псков, у деревни Лудони влево отходит грунтовая дорога на Порхов. Она вьется по засеянным полям и лугам, преодолевая маленькие живописные речки, которых много на псковской земле, с пригорков открываются далекие виды на дремучие леса и дальние поселения. Трасса древняя, по сторонам ее стоят деревни, известные уже в XV-XVI веках, в одном месте она пересекает старую Новгородскую дорогу, соединявшую в незапамятные времена Псков с Новгородом и Москвой. Пейзаж, название и расположение деревень изменились мало. Дорога приводит в Порхов, город, основанный Александром Невским и неоднократно игравший в истории России значительную роль. Теперь об этом говорят прекрасно сохранившаяся крепость XIV века на берегу живописной и когда-то полноводной Шелони и церкви XV-XVI веков. Через Порхов путь проходит в южные районы Псковской области. Теперь дорога отличается от проселка, она не извилистая и не узкая, а широкая, обсаженная деревьями за глубокими канавами, «строгановская», по бокам ее лес, а, вернее, одичавшие парки исчезнувших имений. На 18-том километре шоссе слева, за купами вековых деревьев виднеются очертания каких-то крупных строений из красных кирпича и белого камня, даже издали они кажутся необычными. По обсаженной деревьями и разбитой дороге проезжаем несколько десятков метров и оказываемся на парадном круге, в кольце прекрасных заброшенных и разрушенных зданий. И только в одном из них — старой конюшне — еще теплится жизнь. Волышово умирает. Производство на конном заводе свертывается, жители покинули старые разваливающиеся жилища и поселились в стандартных домах за пределами старого села, на его окраине, где раньше были огороды и пастбища, а позднее (в XX веке) был выращен большой яблоневый сад. В усадьбе все в прошлом, в центре ее дома — призраки. Увиденное потрясает каждого, кто увидит эту картину. Представить себе утраченную красоту трудно, но невозможно не почувствовать ее.

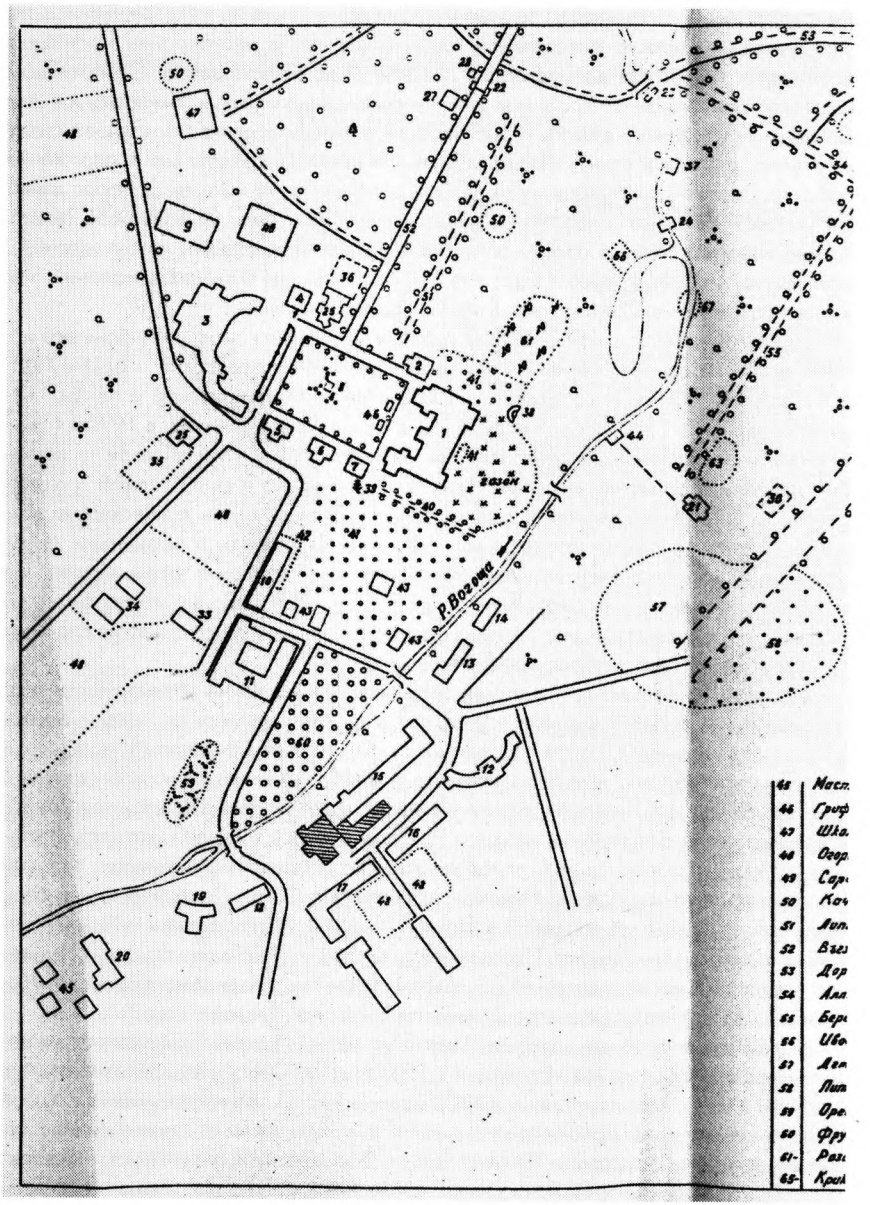
Волышово не было разрушено во время двух войн, которые прошли по этой территории. До середины 1980-х годов все производственные постройки волышовского имения Васильчиковых-Строгановых сохранялись и использовались по назначению конным заводом и фермой. В главном барском доме была школа, в церкви — клуб, во всех флигелях и жилых помещениях жили работники завода, учителя, агрономы. К середине 80-х годов чудом сохранившиеся, более ста лет не

ремонтированные производственные и жилые помещения не поддерживались, не укреплялись, а просто оставлялись. Однако вопрос о реставрации постоянно возникал и проектная документация для нее была подготовлена. С переездом школы во временное построенное для нее помещение в Школьном парке и освобождением Графского дома для реставрации все здания центра Волышова стали медленно, а затем и стремительно гибнуть. Не нашлось средств для продолжения проектирования реставрационных работ, не было организации, которая взяла бы на себя их финансирование и содержание памятника. О Волышове теперь можно говорить лишь в прошлом, но изучать его необходимо, чтобы удержать хотя бы то, что существует, сохранить память о нем для будущих поколений, так как и в современном своем состоянии Волышово уникально.

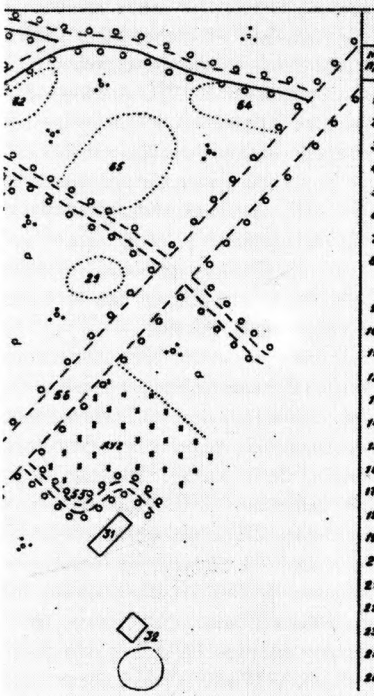
Совсем недавно, с конца 1980-х годов, в исторической науке появились исследования, сборники, серии статей, посвященные миру русской усадьбы XVIII-XIX веков.[1] В 1991 году возродилось Общество изучения русской усадьбы, сыгравшее ранее в 1920-х годах видную роль в охране памятников, в 1990-х годах определились важнейшие направления исследований в этой области — изучение не только памятников архитектуры в усадьбах, но и роли усадеб в хозяйственном устройстве имений и всей округи, в духовной жизни общества, их связей с общекультурными процессами, с развитием столицы и провинции. В современных исследованиях впервые обращается внимание на жизнь владельцев усадеб: «...объектом рассмотрения и предметом исследования может быть образ жизни и мировоззрение, система ценностей и личного пристрастия владельцев сельских усадеб в пореформенное время»[2].

История Волышова дает ценный материал для изучения усадьбы в предреформенное и пореформенное время, а также для изучения взглядов и вкусов владельцев имения, в какой-то степени она помогает представить историю и облик многих других, не сохранившихся усадеб. Изучение Волошова сложно, так как беден фактический, архивный материал. Строгановы не допускали к изучению своих богатейших архивов посторонних лиц и исследователей. Вероятно архивы хранились в их Главной конторе по управлению имениями, которая находилась в их дворце на Невском проспекте в Санкт-Петербурге, и в селе Ильинском, центре их владений в Пермском крае. Затем архивы исчезли, скорее всего были уничтожены. Поэтому и материалы о Волышове скудны и случайны, дошли письма управляющих по поводу строительства и ремонтов в Волышове и письма архитекторов к графу, редкие сметы на строительство.[3]

Большую ценность для изучения Волышова, на наш взгляд, представляют воспоминания о нем родившейся в Волышове в 1903 году Г.В. Проскуряковой, относящиеся к началу XX века, но написанные в 1970 годах, в них личные воспоминания и живой конкретный материал дополняются сведениями, полученными от родителей и дедов, живших в имении с середины XIX века. Галина Васильевна Проскурякова — педагог, ученый и краевед, значительная часть ее творческой жизни профессионального историка связана с Псковом. Воспоминания комментируют фотографии Волышова, сделанные в 1908-1915 годах ее отцом В.Г. Проскуряковым. В 1995-2000 годах воспоминания «Волышовская старина» опубликованы в десяти номерах журнала «Псков».[4]



Схематический план центральной части усадьбы Волышово в 1907-1916 годах. Составлен на основе генерального плана Облсельхопроекта МСП РСФСР. 1958 г.



Экспликация и даты

№№ п/п	ПСКРПМ	Замечания к экспликации Г.В. Проскуряковой
1	Средняя школа (б. дворец).	„Графский дом" (40-60 гг. XIX в.)
2	Клуб (б. церковь).	Домовая церковь.
3	Конюшня (вт. пол XVIII в.).	Конюшни главные (русск. и английская)
4	Жилой дом (XVIII в.).	
5	Жилые и служебн.	Жилой дом (XVIII в.)
6	флигели	Буфет, Кухня, кв. дворецкого (XIX в.)
7	XVIII – XIX в.	„Графинин домик" (XVIII в.)
8	Беседка с голубятней.	Голубятня, колодец.
	колонка (XIX в.)	(XIX в., 20-е гг.)
9	Манеж (XIX-XX в.).	20-е гг. XIX в.
10	Служебный дом.	Аптека и жилые помещ. (20 гг. XIX в.)
11	Конюшня малая (XIX в.)	Конюшня рабочая (XIX в.)
12	Б. псарня.	Псарник – (1879 г., восстанов.)
13	Вет. лечебница.	Зверинец – (20 гг. XIX в.),
14	(XIX в.)	ранее псарный двор.
15	Скотный двор (XIX в.)	Ферма (1858-1863 гг.)
16	Амбары, склады.	Конюшня охотн. „казачья".
17	(XIX-XX в в.)	Склад (20 гг. XIX в.)
18	Жилой дом для охотн. (XIX в.).	1860 г.
19	Б. каретник (XIX в.)	В. дальн. прачечная (серед. XIX в.)
20	Электрост., кузница (XX в.)	Дом механика, мастерские (XIX в.)
21	Домик птичника (XX в.)	60-80 гг. XIX в.
22	„Красные врата" (XIX в.)	Чугунные ворота (1820 г.)
23-24	Устои запруд (XIX в.)	Не позднее 80 гг.
25	Дерев. 2-этажн. дом (XX в.)	Почта и кв. конторщика (не позднее 80 гг. XIX в.)
26	" " " (XIX в.)	Дом управляющ., контора (80 гг. XIX в.)

Дополнительные объекты усадьбы Волышова нанесены Г.В. Проскуряковой визуально.

27	Сторожка у ворот (разрушена).
28	Межевой столб (разрушен).
29	Могильник (перезахоронение).
30	Мельница (разрушена).
31	Дом управляющего охотой.
32	Баня и пруд при ней.
33	Дом огородника (разрушен).
34	Дерев. здания приюта (разрушены).
35	Сад конторщика.
36	Сад управляющего.
37	„Фермочка" (для игры).
38	„Гротик"
39	Ходр великан у „дома графини". (Каштан)
40	Сиреневая аллейка.
41	Цветники.
42	Палисадник у дома с аптекой.
43	Оранжереи.
44	Плот для птичника.

...ерские и другие хозяйст. постройки.
...ены на постаментах.
...а.
...оды.
...ой.
...ели.
...овая аллея.
...д и прогон для лошадей.
...ога для обездки лошадей.
...ея из лиственницы.
...зовая аллея.
...вый прогон для скота на летнее пастбище.
...ский садик.
...енник (запущенный).
...шник.
...ктовый сад.
...рий, 62 – Дубки, 63 – Липки, 64 – Сосенки.
...етный луг, 66 – Горка, 67 – место катка.

Неизв. худ. Портрет Д.В. Васильчикова. 1810-е гг. ГИМ.

Для изучения памятников архитектуры усадьбы и их состояния в 1960-х годах очень важны фотографии Б.С. Скобельцына[5]. В 1980-х годах в Волышове проводились натурные исследования для разработки проекта реставрации разными организациями — Псковскими реставрационными мастерскими и Московским институтом Спецреставрация. Историческая справка по ряду зданий была составлена А.Г. Борис[6].

Для изучения Волышовского парка большое значение имели бы его планы, но они не сохранились. А подлинный чертеж Генерального плана Волышова 1784 года парк не включает[7]. Г.В. Проскурякова, взяв за основу Генеральный план-схему Волышова Обсельхозпроекта МСП РСФСР (1958), составила схематический план усадьбы с парком на начало XX века с указанием на дополнительные несохранившиеся объекты, нанесенные ею по памяти, «визуально»[8]. Изучение волышовского парка было продолжено группой специалистов Леспроекта (Ленинград) под руководством И.А. Эрф. На основании геодезических и натурных обследований парка в 1986 году был восстановлен его план и разработан проект его поэтапного восстановления и реставрации[9]. Историческая часть этих материалов приобретает особую ценность после страшных разрушений, которые произошли в парке во время урагана 1987 года, но проект реставрации нуждается теперь в радикальной переработке, так как утрачены многие его особо ценные части; прекрасная липовая аллея, посаженная в XVIII веке, березовый школьный парк, уникальные экземпляры лип, туи, сосен.

Даже краткий обзор источников убеждает в том, что Волышово необходимо изучать, чтобы сохранить хотя бы в памяти уникальный памятник-усадьбу. Об имении Васильчиковых-Строгановых знают в Санкт-Петербурге и за рубежом, о нем вспоминают на выставке, организованной Строгановским фондом в городах США, Франции и России (в Государственном Эрмитаже в 2004 году). Волышово заслуживает, чтобы ему были посвящены специальные исторические и искусствоведческие исследования. Предлагаемый очерк является первым шагом к такому исследованию.

***

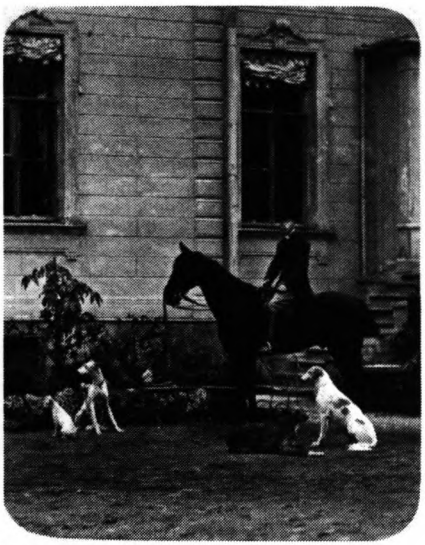
Порховский уезд на Северо-Западе России был одним из самых населенных. Хотя земля здесь не была плодородной, а была «средней» по терминологии писцов, она была обработана и введена в хозяйственный оборот еще в средние века, многие деревни и села на ней существуют с XV-XVI веков. Наряду с

дворцовым и монастырским здесь было, а затем стало преобладающим, поместное землевладение. Во второй половине XVIII века сформировались на Северо-Западе крупные поместья петербургской знати — Ганнибалов, Дундуковых-Корсаковых, Новосильцевых, Бухаровых, Философовых, Васильчиковых, они были родственниками прежних новгородских и псковских помещиков, иногда получали владения заново. Волышово и соседние с ним деревни Лисье, Вельяк и другие уже названы в писцовых книгах 1498 года, в описание 1539 года вошли почти все села и деревни будущего Волышовского имения.

В 1770-х годах владельцами Волышова стали Васильчиковы. Василий Алексеевич Васильчиков получил имение в приданое, женившись на Екатерине Илларионовне Овцыной из многочисленного старинного клана псковских помещиков. Васильчиковы принадлежали к древнему, ведущему начало с XIV века, аристократическому роду. Три сына В.А. Васильчикова — Илларион, Дмитрий и Николай участвовали в Отечественной войне 1812 года, были боевыми генералами, их портреты находятся в Военной галерее Зимнего дворца. Старший брат Илларион, командовавший пехотной дивизией в Бородинском сражении, позднее получил княжеский титул, стал Председателем Государственного Совета и Комитета Министров. Младший брат Николай избрал военное поприще. Средний брат генерал-майор Дмитрий Васильевич (1778-1859), командовавший Ахтырским полком в армии Багратиона, после окончания войны военной карьеры не сделал, он был действительным тайным советником и обер-егермейстером императорского двора. Он прожил дольше братьев и значительная часть его жизни была связана с организацией хозяйства и укреплением имения Волышова. Его братья владели многими землями и имениями в соседней Новгородской губернии. Ему же было суждено стать главным строителем и первым владельцем особого, не похожего на других, обширного и прекрасного дворцового и хозяйственного комплекса, которому к середине XIX века в Псковской губернии вероятно не было равных.

Васильчиковым был свойственен интерес к сложным экономическим проблемам, которые тогда обсуждались в обществе, они изучали возможности развития крестьянского хозяйства, проекты изменений в поместном хозяйстве в предреформенный период. Племянник Дмитрия Васильевича князь Александр Илларионович в 1840-1850-е годы стал сторонником безотлагательного реформирования экономики и государственного устройства. После отмены крепостного права он стал одним из идеологов «кооперативного либерализма», крупнейшим тео-

О. Тишина. Портрет графа А.С. Строганова. Вторая пол. XIX в. ГРМ.



Граф Сергей Александрович Строганов — последний владелец Волышова. Фото Левицкого 1880-х гг. Подлинник хранится в домашнем архиве.

ретиком и пратиком создания ссудно-сберегательных касс, автором проекта о создании местного всесословного управления. Опыт хозяйствования его дяди Д.В. Васильчикова и изменение его отношений с крестьянами в предреформенный период помогал, вероятно, становлению взглядов князя — создателя Комитета о сельских товариществах.

Когда Дмитрий Васильевич после смерти отца в 1830 году стал полным хозяином Волышова, оно уже имело сложившиеся при его родителях и дедах основные черты хозяйственной жизни, об этом можно судить, сопоставляя первый Генеральный план Волышова, составленный в 1784 году землемером Пущиным, с более поздними планами[10]. На плане 1784 года обозначены границы вотчины, главное здание Волышова — господский дом на берегу речки Вогощи, почти там же, где он будет и потом, только план его отличается от последующих, с обеих сторон большого парадного круга (двора), представляющего собой центр имения, как было принято в XVIII веке, по два небольших дома флигеля, напротив господского дома обширные конюшни (конный двор) с примыкающим к нему полукружием жилых зданий. Можно утверждать, что примерно шесть из девяти изображенных на плане построек в измененном или даже неизмененном виде сохранились до 1980-х годов. Сохранился конный двор, который всегда был предметом особых забот хозяев Волышова. На плане нет хозяйственных построек, обозначены лишь очертания небольшого парка вдоль речки. Может быть, уже тогда была на этом месте посажена прекрасная липовая аллея, подобная «аллее А.П. Керн» в селе Михайловском, но длиннее ее, на протяжении двух веков она являлась главным украшением села у въезда в имение, а в 1987 году погибла во время урагана — упали 200 старых лип из примерно 240.

Таким, как на плане екатерининских времен, видел имение Дмитрий Васильевич, в него вернулся после армии, здесь у него родилось четыре дочери, так же как отец любившие Волышово, пришлось расширить господский дом при участии псковского архитектора Етовского, заботиться о развитии хозяйства и украшении имения для дочерей и внуков. Одна из дочерей — Татьяна Дмитриевна — вышла замуж за Александра Сергеевича Строганова (1818-1864), внука самых ярких и достойных представителей этого рода Павла Александровича и Софьи Владимировны, хорошо знавших семью Васильчиковых. Павел Александрович был сподвижником и другом Александра I в начале его царствования, боевым генералом в войнах против Наполеона и

против Швеции, человеком радикальных взглядов и высокой образованности. После ранней смерти мужа в 1817 году, так и не пережившего гибель в сражении 1814 года единственного сына юного Александра Павловича, овдовевшая Софья Владимировна вынуждена была выводить доставшееся ей состояние из сложного финансового положения и заботиться о судьбе династии и состоянии майората, который был создан Александром I для поддержки рода Строгановых.

Графский дом. Ризалиты паркового фасада.

Через год после смерти Павла Александровича у старшей дочери Натальи Павловны, выданной замуж за С.Г. Строганова, родственника из другой линии рода, родился первый сын Александр Сергеевич, который должен был стать продолжателем главной прямой линии рода Строгановых. Предметом особых забот и базой практических экспериментов С.В. Строгановой было владение Марьино под Петербургом. Вполне вероятно, что опыт организации этого имения мог быть использован в какой-то мере Д.В. Васильчиковым в Волышове.

После женитьбы Александра Сергеевича Волышово вошло в Строгановский майо-

Усадьба Волышово. Графский дом. Центр парадного фасада.

рат, а его жизнью, развитием и строительством продолжал заниматься отдавший его в приданое за дочерью тесть Александра Сергеевича. Александр Сергеевич Строганов сделал Волышово своей резиденцией. Во главе майората был его отец Сергей Григорьевич (он пережил сына на 18 лет). Огромное владение Строгановых на севере, в Пермском крае, на Урале и в Подмосковье были своеобразным государством в государстве. Были у А.С. и младшие братья.

Александр Сергеевич в семье Строгановых был человеком своеобразным и неожиданным. По-видимому, у него не было склонности к политической деятельности и к большим практическим делам. Он учился за границей, главным образом в Дрездене, также закончил курс в Московском университете, много путешествовал, а затем вдруг поступил на военную службу в гвардию, вскоре стал офицером лейб-гвардии Преображенского полка, отличился в нескольких сражениях, был флигель-адъютантом Николая I, егермейстером Императорского двора, достиг высоких военных и придворных чинов[11]. И в то же время у него рано проявились научные склонности, интерес к древностям, к археологии, нумизматике, он пополнил знаменитую строгановскую коллекцию монет, в 28 лет стал одним из основателей Археологического общества в Петербурге. О широте его интересов говорят книги в его Волышовской библиотеке — значительное количество произведений французских и немецких писателей. Большая часть их относится к периоду романтизма, который в студенческие годы Александра Сергеевича получил распространение в России. Значительным был и философский отдел библиотеки, состоящий из книг французских и немецких изданий 1840-х годов[12].

Он вероятно полюбил Волышово, выбрав во владениях своих предков именно его, землю, на которой родились и выросли его дети. Скромная природа северо-западной России была для него ближе и роднее всех чудесных мест и экзотических стран, которые он видел во время своих путешествий и поездок по обширным строгановским владениям, она соответствовала его романтическим настроениям. У Васильчиковых и Строгановых были не только давние дружеские связи,

Графский дом. Парковый фасад.

но и много общего во вкусах и пристрастиях: все они в нескольких поколениях, в том числе женщины их семей, страстно любили верховую езду, конный спорт, лошадей и охоту. Волышово должно было привлечь Строгановых тем, что здесь были прекрасные лошади, породистые собаки, искусные наездники и богатые охотничьи угодья. И Дмитрий Васильевич и его зять Александр Сергеевич были в разное время егермейстерами Императорского двора.

Графский дом. Столовая.

При первом Строганове в Волышове велось большое строительство (таких периодов в истории села было только два), оно было необходимо для уютной жизни большой и богатой семьи, состоящей из нескольких поколений, которая переживала счастливое время: рождались дочери, родился сын, продолжатель рода и наследник. В это время был перестроен и обставлен большой господский дом с флигелями, его называли теперь Графским домом, здание конного завода в Дорогинях, в одной версте от имения, на прикупленной к нему земле, псарник, огромная ферма, оранжереи, новые конюшни,

Парадная мраморная лестница главного дома. 1904 г.

Парадный въезд в усадьбу Волышово.

хозяйственные помещения и склады. Новое строительство не искажало первоначальный план усадьбы, а обогащало и развивало его. Бережно использовались старые сооружения, они включались в новые дома или немного укреплялись и модернизировались в соответствии с духом и стилем эпохи.

Проект усадьбы был создан и осуществлен молодым, но уже известным архитектором М.А. Макаровым (1827-1872), учеником А.И. Штакеншнейдера и Г.А. Боссе, и был признан специалистами замечательным и единственным в своем роде в России[13]. М.А. Макаров в строительстве домов парадного круга деликатно и тонко использовал опыт своих учителей, и потому они отдаленно напоминают лучшие их петербургские произведения, но, переходя к созданию сооружений служебного характера, становился более самостоятельным и авторский почерк самого М.А. Макарова проявлялся все более отчетливо.

Тогда же велись большие работы в парке, четыре запруды со шлюзами, одетые в гранит, превратили маленькую незаметную Вогощу (Вогошку) в красивую речку с разливающимися прудами, небольшими каскадами бегущей по камням и журчащей воды, с прекрасными, тонкого рисунка, металлическими мостиками, ведущими на тропинки в глубину парка и на небольшой остров, образованный двумя рукавами речки. Волышово превратилось в обширную, талантливо спланированную и любовно построенную графскую резиденцию. Традиции семьи в ней отражались: в парке были устроены для детей нескольких поколений игрушечные «Фермочка», «Детский садик», «Качели». В самом начале парка у Графского дома был вырыт и Круглый пруд (на самом деле овальный), на нем была купальня и дно было вымощено камнем.

Однако жить в новой усадьбе владельцам имения, вложившим столько души в ее украшение, не пришлось: в 1859 году умер Дмитрий Васильевич, а в 1864 году — 46-летний граф Александр Сергеевич. Графиня Т.Д. Строганова осталась одна с еще маленькими детьми — дочерьми и единственным сыном и надеждой семьи — Сергеем Александровичем Строгановым (1852-1923). Она и прежде подолгу жила в Волышове, а после смерти мужа стала жить постоянно. Она все делала, чтобы сохранить старые порядки в Волышове, а сын только иногда навещал

усадьбу, и в ее жизни стал играть заметную роль лишь в последние годы жизни Татьяны Дмитриевны. Граф Сергей Александрович Строганов становится владельцем Волышова после смерти матери в 1880 году, а затем через 2 года — главой всего майората после смерти деда Сергея Григорьевича Строганова.

Последний граф Строганов потерял отца в 12 лет и находился под сильным влиянием деда, об обширной непрерывной их переписке известно из дневниковых записей С.А. Строганова. В конце 1860-х — 1870-х годах дед обсуждал с внуком сложные политические проблемы, которые ему были хорошо известны, делился с ним своими соображениями по поводу политики правительства и ее изменений после событий 1 марта 1881 года. Из дневника Сергея Александровича мы узнаем о свойствах его характера, которые, по мнению деда, он должен в себе преодолевать, особенностях «полудикого нрава»[14].

Сергея Александровича интересовало морское дело и увлекали морские путешествия. После окончания Петербургского Университета он сдавал экзамены по специальным предметам в Морском училище и совершил длительный учебный поход на собственной яхте «Заря» и, наконец, был зачислен во флотский экипаж. Во время русско-турецкой войны он бесстрашно и умело командовал одним из двух собственных военных катеров и был награжден орденом. После окончания войны катера были переданы им Черноморскому военному флоту[15]. Граф был активным членом Петербургского яхтклуба, неоднократно выступал на его заседаниях и в печати, убеждая правительство и общество в необходимости систематической постройки крейсеров и обновлении флота. В отставку он вышел рано в чине капитана II ранга и совершил кругосветное путешествие на яхте «Заря», взяв с собой, кроме команды, нескольких служащих из Волышова. С.А. Строганов интересовался географией и бытом стран, которые посещал, собрал по этим темам много книг, потом поступивших в его волышовскую библиотеку. Позднее он начал углубленное изучение иностранной литературы по религиозно-философским проблемам, но интерес к путешествиям у него остался до конца жизни.

Партерная клумба на парковой террасе в Волышове.

Граф женился по любви на своей троюродной сестре, княжне

Евгении Александровне Васильчиковой, дочери Александра Илларионовича. Борис Александрович Васильчиков, его друг с детских лет (будущий псковский губернатор) стал его шурином. Родовое гнездо Васильчиковых Выбити находилось недалеко от Волышова в Новгородской губернии. После женитьбы Сергей Александрович в отличие от своих предков, сделавших блестящую карьеру, стал жить и в Петербурге, и в своем псковском имении просто жизнью богатого помещика. Он любил места, где родились его дед, мать и где прошло его детство. За несколько лет до этого в Волышове было задумано им большое строительство, ремонтировались и перестраивались старые сооружения, возводились новые. Для молодой жены в обновленном доме были отделаны парадные комнаты с выходом в сад, сад и парк оделись в необыкновенно красивый наряд, у ступенек террасы раскинулись цветники и любимый «розовый садик» графини. Тогда же в псковском земстве появился новый влиятельный и богатый деятель, делавший щедрые пожертвования на благотворительные цели — на его средства строились больницы и амбулатории для крестьян. В память умершей матери он построил по тем временам прекрасно оборудованный больничный городок в Александрове. Он был участником земских съездов, избирался в земскую управу и в мировые судьи. Оживленная хозяйственная деятельность во владениях графа, особенно в области развития коневодства, создания питомников ценных и редких пород кустов и деревьев, строительства дорог, создания школ для крестьян и Реального училища в Пскове стала примером для других помещиков и способствовала улучшению жизни уезда, а потом и губернии.

Богатый и открытый образ жизни в родовом имении, интересная работа в земстве, возможности выездов в Петербург и за границу, в обширные владения Строгановых и их родных были хорошим началом жизненного пути молодой семьи. Однако счастливая жизнь трагически прервалась внезапной смертью Е.А. Строгановой. Граф был безутешен, он год прожил у ее могилы в имении ее отца, а затем уехал в Петербург. Он не переставал думать о Волышове, заботился о продолжении его строительства и благоустройства, но главный контроль за строительство с 1887 года осуществлял его управляющий Григорий Христофорович Мозерт, он сообщал графу о всех конкретных деталях строительства и необходимых изменениях в проектах. Известны имена нескольких архитекторов, которые работали в имении в 1880-1890-х годах. Наиболее крупным был москвич, академик архитектуры А.П. Попов (1828-1904). Он в камне воспроизвел Графский дом, построенный М.А. Макаровым, внеся в него небольшие изменения и дополнения. В 1889 году граф вероятно последний раз был в Волышове на охоте вместе с Б.А. Васильчиковым и П.П. Голицыным.

В конце 1880-х годов граф совершил несколько интересных и сложных путешествий в Каир, Дамаск, в начале 90-х годов — в Верхнюю Месопотамию. Его спутниками были сестра Ольга и зять А.Г. Щербатов. Вместе с сестрой граф написал «Книгу об арабской лошади», Ольга Щербатова написала затем серию книг об их путешествиях. Продолжались его дальние морские путешествия на яхте «Заря», в гостиной которой висели два акварельных вида Волышова[16].

В начале XX века в Волышове производились ремонт и перестройка дома в связи с украшением его прекрасной мраморной лестницей, приобретенной гра-

фом в Италии. У графа, который тогда постоянно жил во Франции, была мечта о возвращении — в Волышове его ждали каждый год в течение двадцати лет, но он, принимавший активное участие в земской деятельности из-за рубежа, главным образом, через управляющих и лесничих, Волышова больше не посетил, тяжелые воспоминания заслонили любовь к родным местам. Он откладывал свой приезд и все меньше проявлял тревогу за Волышово, повседневные заботы стареющего поместья все более отдалялись от него.

Последние десятилетия Графский дом стоял закрытым, но в доме и в имении был такой порядок, который мог бы порадовать графа, если бы он вдруг появился. Он видел его лишь на фотографиях, которые ему посылали по его просьбе[17]. Благодаря им нам известно, каким он представлял Волышово в эти годы. Дворец все больше превращался в охотничий замок, где сестры графа Мария Ягмина и Ольга Щербатова принимали гостей — друзей и родных, приезжавших охотиться в Волышово в сентябре. Для всех обитателей Волышова это были ответственные дни и самый большой праздник, потом жизнь затихала до будущей осени[18].

А.П. Соколов. Портрет графини Е.А. Строгановой. 1883. Псковский Государственый объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

Такова краткая история Волышова, связанная с жизнью его прежних владельцев, основные этапы в создании усадебного ансамбля.

Каким же оно представляется нам теперь по сохранившимся деталям, по старинным фотографиям и воспоминаниям? В чем его художественные особенности и неповторимое своеобразие? Они определились еще в XVIII веке, а на протяжении всего XIX века развивались и углублялись. В XVIII веке в имении были вероятно небольшие здания в стиле барокко, может быть и старый господский дом, и здание главных конюшен в стиле классицизм. В XIX веке главным украшением усадьбы стал центр имения, парадный круг (вернее овал), объединяющий в неожиданной гармонии здания разные по стилю и назначению. Контраст между двумя главными зданиями центра усадьбы — Графским домом и Главными конюшнями — усиливал художественное впечатление и подчеркивал особенности каждого из них.

Тройка с «русской» конюшни.

Прекрасный легкий белый дворец — Графский дом — с высокими окнами одного основного этажа и каменными пристройками второго этажа на ризалитах паркового фасада и крыльях фасада главного был украшен также мансардами, его центральную часть венчала башенка в виде усеченной пирамиды, плоское завершение которой, обнесенное ажурной решеткой, можно было использовать как бельведер, на площадку к флагштоку вела маленькая лесенка[19]. Башенка соответствовала вкусам 1850-х годов, когда архитекторы широко использовали для создания выразительного силуэта разные формы и украшения крыш. На крыше Графского дома на высоких постаментах у башенки и вдоль карнизов боковых крыльев дома стоят небольшие керамические вазы барочного рисунка на тонких ножках, украшенные гирляндами цветов. Вероятно терракотовые вазы и изысканные завершения окон главного этажа были созданы скульптором Д. Иенсеном в его мастерской. Графский дом построен в формах историзма, в котором в данном случае сочетаются черты французского и петербургского барокко.

На другой стороне парадного круга напротив главного дома находится массивное здание главных конюшен конного двора (русской и английской). Оно поражает размерами, в него входят четыре коридора под одной крышей с расположенными по обеим сторонам их денниками, центральное помещение, в которое ведут трое широких ворот с окнами над ними, а также сеновал, служебные помещения и жилые помещения для конюхов и наездников. Главный фасад украшен портиком с четырьмя сдвоенными массивными колоннами дорического ордена и соединен полукружиями боковых крыльев с прилегающими к нему жилыми помещениями, одним встроенным в основное здание и другим отдельно, но близко стоящим. От других зданий парадного круга и проходящей мимо главной дороги конюшня отделена чудесной ажурной кованой решеткой с двумя воротами, которая должна была обеспечить безопасность близкого соседства с конюшней. Впрочем, она не отделяла ее от парадного круга, напротив, подчеркивала, что она является частью парадного круга, его украшением и гордостью. Контраст белого Графского дома-дворца с близкими ему по оформлению правыми флигелями и темного здания конюшен каким-то особым образом подчеркнул основную идею усадьбы — охотничьего замка, и роль в жизни и хозяйстве имения коневодства и охоты. Здание конюшен, несмотря на некоторую суровость, было украшено белыми деталями карниза и рустовкой, белыми коль-

цами на колоннах, красивыми полукружиями над воротами. Облик конного двора оказал влияние на здание псарника, который был построен позднее на окраине парка и в котором территория для выгула борзых и гончих собак была огорожена решеткой. Украшением конюшни были скульптурные головки лошадей на ее углах, поставленные высоко и особенно хорошо заметные в ее силуэте.

Выезд четверкой с «английской» конюшни

Тема классицизма в Волышове развивалась в XIX веке в здании домовой церкви и в массивной колоннаде павильона над артезианским источником, питавшим питьевой водой все дома и конюшню, которая являлась не только центром круга, но и центром пересечения двух осей усадьбы. Одна вела от башни Графского дома к портику конюшни, вторая — к главному въезду в имение, а затем на ее продолжение — дорогу на Дорогини и упиралась в башню конного завода (через один километр), которая являлась в известной степени доминантой этой части имения. Вероятно, позднее на колоннаде появилась деревянная надстройка для голубей, и она стала называться птичьим домиком или Голубятней.

Казалось бы, еще более неожиданным был на парадном круге дом управляющего Г.Х. Мозерта, автором которого являлся М.А. Макаров. Он был построен в модном тогда стиле английской готики с башенкой, островерхими шпицами на фасадах разных объемов и высоты, с круглыми окнами-люкарнами в ряде помещений верхнего этажа, со сложной по силуэту кровлей. Несомненно сходство этого дома с «Коттеджем», построенным А.А. Менеласом в 1826-1829 гг. и расширенным А.И. Штакеншнейдером в 1840-х годах в парке Александрия в Петергофе. Влияние его на М.А. Макарова несомненно, вместе с тем он смел и оригинален. Дом управляющего был очень современным, от соседства с прекрасными зданиями не проигрывал, был центром деловой жизни имения, в нем останавливались и приезжие.

Разные по облику и времени возникновения сооружения в Волышове и, прежде всего, в его центре были объединены одним художественным и строительным приемом, который пришел в Россию из любезной сердцу Строгановых Франции: на многих зданиях Волышова, начиная с Графского дома были построены мансарды — на одних они заменили вторые деревянные этажи и мезонины, на других (домике графини и Буфета) были задуманы с самого начала и отличались по конструкции и силуэту, но стали яркой особенностью волышовской архитектуры даже за пределами парадного круга — на здании больницы (Аптеки), в кирпичном здании школы, где они были каменными, а не засыпными, как в главном доме. С мансардами каким-то чудесным образом перекликается и огромное, уникальное по конструкции и облику здание манежа.

Наиболее значительным произведением М.А. Макарова, прославившим его, была «громадная ферма», современники имели ввиду не только собственно здание фермы, но многочисленные хозяйственные и служебные здания Волышова, новую арабскую или казачью конюшню, конный завод в Дорогинях, псарник и зверинец, оранжерею и каретный сарай, птичник и мастерские. Для хозяйственных построек М.А. Макаров использовал кирпич или еще чаще материал, который широко применялся на Северо-Западе России и в Прибалтике — дикий природный камень, валуны. Валунная кладка в сочетании с кирпичом придавала зданиям основательность и живописность. Большое здание молочной фермы находилось на правом берегу речки почти у воды и включало не только коровники, но и помещения для производства сливок, простокваши и масла, а также ледники и сенные склады на чердаках, на втором этаже — квартиры для служащих. За фермой на высоком берегу были конюшни, мастерские, склады. Стрельчатые окна, обрамленные украшениями из белого камня, заостренные фронтоны с зубцами, высокие живописные кровли, висячие мостики, ведущие с верхней дороги в сенные сараи и ледники, делали ферму сказочным средневековым замком, а размеры ее подчеркивали размах производства. Жилых домов в Волышове не было, все служащие жили в квартирах у места своей службы, даже если сторожка или птичник находились в парке и выглядели как парковые павильоны. Таким образом М.А. Макаров смело и с большим тактом внес черты нового для усадьбы стиля.

В середине и второй половине XIX века в волышовской архитектуре ярко и последовательно отразился стиль историзма[20]. Историзм мышления, свойственный этому времени, оказал сильнейшее воздействие на развитие архитектуры, так как провозглашал необходимость изучения соотношения прошлого с настоящим. Архитекторы стали изучать и использовать опыт зодчества других эпох и народов, не только Греции и Рима, как требовал классицизм, но и Византии, позднего Возрождения, барокко, раннего классицизма, отечественного культурного наследия. Современники называли это направление эклектикой, подразумевая «умный выбор» (Н.В. Кукольник). Ярчайшей осо-

Ферма.

бенностью в архитектуре этого стиля являлось стремление к разнообразию впечатлений, романтическая эстетическая потребность. Тонкое и талантливое следование принципу историзма сохранялось и другими архитекторами, работавшими в имении в 1880-1890-х годах. На облике и своеобразии Волышова сказывались хороший вкус, современные понятия о задачах зодчества и художественная эрудиция не только архитекторов, но и владельцев имения. Для графов Строгановых этот стиль был близок, они следовали ему при строительстве и перестройках в Строгановском дворце на Невском проспекте в Петербурге. Исследователь архитектуры столичного дворца С.О. Кузнецов сделал вывод, который может быть отнесен и к Волышову: «Совершая многочисленные переделки, владельцы дворца делали его современным, но не забывали при этом и традиции петербургской архитектуры»[21].

Особенностью волышовской усадьбы было единство его архитектурных сооружений и прекрасного огромного парка. Парк начинался у крыльца каждого дома в имении и был виден из каждого окна. Даже здания делового, хозяйственного и производственного назначения находились в парке. Построенные талантливыми зодчими, они обогащали ландшафт, а он украшал их. С балконов второго этажа Графского дома, от дверей кабинетов графа и графини и бильярдной комнаты, которые выходили на широкую, сложенную из известняковых плит лестницу, открывались чудные виды на парк. У церкви и за парковым фасадом начинались цветочные посадки, розовый садик, сиреневая дорожка, овальная клумба.

Река Вогоща, перекрытая плотинами, была живописной, и водоемы довольно большими, к ним близко подходили оранжереи. В Волышове была создана сложная дренажная система, помогавшая поддерживать хороший водный режим в имении: парадный круг был прекрасно осушен, хотя в центре его был, как сказано выше, главный артезианский колодец, вокруг него росли деревья и кусты, за которыми тщательно ухаживали. За зданием церкви на берегу реки и сейчас растут прекрасные благородные большие деревья, посаженные по кругу. При устройстве пруда из выкопанной земли сделали живописную горку. Парк как бы делился рекой на две части, одна часть входила в план центра имения, другая (на правом берегу) была собственно парком, они были связаны между собой и переходили одна в другую.

Хотя в основе паркового строительства в имении лежали замыслы архитекторов XVIII — начала XIX веков, они были умело и изобретательно использованы лесничими и садоводами XIX века (в том числе второй половины) для создания парка иного художественного звучания, парка романтического пейзажного, неогороженного и незакрытого, переходящего в окружающий пейзаж, в нетронутую природу, в рощи и лес. Для парка этого времени характерна неожиданность, он рассчитан не на созерцание, а на прогулки, на движение, на неожиданно открывающиеся ракурсы, так пишет Д.С. Лихачев в одной из самых сложных своих книг, посвященной семантике садово-парковых стилей[22]. Волышовский парк, по-видимому, преобразовывался из старого, в значительной части регулярного, не разрушая его. Об этом можно судить по расположению и по характеру четырех главных аллей. Две аллеи были сохранены: липовая, ведущая от шлюза от Большой дороги к церкви, вторая — от главных ворот в центр парадно-

го круга, к Голубятне. Она была березовой, как можно установить по старой фотографии, но в XX веке березы были заменены деревьями ценных пород — кленами, вязами, ясенем. За рекой были посажены новые аллеи и их особенностью была живописность, именно с этими аллеями было связано появление неожиданных ракурсов, пересечение маленьких и больших серпантинных и извилистых дорожек. Самыми большими были Березовая аллея, выходящая почти перпендикулярно к Лиственной аллее. В парке были и чудесные, как это было принято в романтических парках, одиноко стоящие хвойные и лиственные деревья, прежде всего липы редкой красоты с большой роскошной кроной, которая покрывалась весной цветом почти от самых корней до верхушки, они были совсем другими, чем старые деревья в липовой аллее XVIII века. В парке были и другие аллеи, которые открывались гуляющим неожиданно — малая липовая, идущая от птичника, большие березовые аллеи по краю парка, березовым в основном был Школьный парк, находившийся у въезда в имение. В районе новой посадки под защитой Лиственной аллеи была создана настоящая дендрологическая коллекция. С другой стороны Лиственной аллеи были посажены дубки какой-то необыкновенной породы: все одинаковые, небольшие и очень красивые. Дальше до зарослей туи и сосен шел большой крикетный луг; вероятно, еще в середине XIX века его расчистили и засеяли особой травой, которая весной превращалась в светло-зеленый шелковистой ковер. В это время игра в крикет была модным развлечением. В Петербурге с 1860 года существовал английский крикет-клуб. В многочисленные команды для игры в крикет в Волышове входили не только граф и его друзья, но и его служащие, и англичане, и русские.

Прошло 150 лет, но Крикетный луг еще существует, и на нем растет необычная переродившаяся голубая трава, которую не едят животные и которая все-таки зеленеет каждый год. За Крикетным лугом парк переходит в парк-лес Омшарину и Сосенки, новые посадки соснового леса, которые превратились теперь в могучую рощу, прикрывающую парк. Парк расширялся за счет новых посадок и в район Дорогинь возле конного завода, там особенно красивы липы, посаженные по кругу и образовавшие высокую беседку из теперь уже вековых деревьев. Особенностью Волышова и его украшением были ивовые прогоны — широкие дороги, обсаженные деревьями, образовывающие зеленый коридор для прохода стада на пастбище из фермы. Один из прогонов шел от главных ворот в сторону Дорогинь, другой по краю парка за псарником. Ивовые прогоны вели к окрестным строгановским деревням.

В волышовском парке и на его окраине отрывались прекрасные виды на Дорогини, на старую деревню Вельяк, от Дорогинь открывался вид на рощи и луга, доходящие до реки Шелонь, на бесконечные просторы, на пастбища, которые теперь называются левадами. И в этом пейзаже и даже в парке было возможно увидеть ранним утром наездников верхом на лошадях или в качалке, иногда это были управляющие конным заводом или охотой. В парке (в Омшарине) и в его окрестностях были специальные дорожки для выездов лошадей и прогулки гончих и борзых собак с егерями. Центральная часть имения — Голубятня - главные ворота - Дорогини — каким-то чудесным образом продолжалась до купола церкви в Бельском Устье на другом берегу Шелони.

Шлюз у въездных ворот.

Мост через речку перед Графским домом.

В Волышове был настоящий культ кустов и цветов. В оранжереях и теплицах, расположенных рядом с Графским домом, высаживались редкие и экзотические растения, часть их выносилась на лето на террасы и клумбы у Графского дома, под окна домика графини. Цветы были везде — в парке, около всех домов, жилых и служебных. Это было царство замечательного садовника В.И. Ватцека. Об этом царстве цветов подробно рассказано в воспоминаниях Г.В. Проскуряковой[23]. Как отмечал Д.С. Лихачев, «эстетизации подвергались не только растительные «редкости», экзотические цветы и деревья, но и хозяйственные постройки — ферма, молочни, оранжереи, лаборатории, обсерватории, кухни, купальни, гимнастические площадки, лужайки для игр»[24].

Исчерпывающая характеристика единого романтического садово-паркового искусства, данная Д.С. Лихачевым, во многом основана на изучении им парков и садов Англии, Франции, Италии, в России — парков Царского Села и Павловска. Основные черты садов Романтизма, отмеченные Д.С. Лихачевым, в той или иной степени присущи и Волышовскому парку, владельцам которого были хорошо известны и близки прогрессивные направления в искусстве. Прекрасно профессионально подготовленные архитекторы и садоводы выполнили желания владельцев: в Волышове, принадлежавшем очень крупным и богатым помещикам, не бросались в глаза вычурность, пышность, во всем доминировали хороший вкус и изящество[25]. кроме бесспорных достоинств ряда основных зданий самым ценным качеством архитектурно-паркового ансамбля являлись его цельность и удачное сочетание различных по облику и назначению зданий. Стремление к сохранению традиционных особенностей усадьбы не помешало ни архитекторам, ни сменявшим друг друга поколениям Васильчиковых-Строгановых создать ансамбль современный, соответствующий стилю эпохи и отразивший поиски новых форм выражения понимания ими социальных и культурных процессов в стране.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мир русской усадьбы. Очерки. М., 1995; Каждан Т.П. Художественный мир русской усадьбы. М., 1997; Архитектура русской усадьбы. М., 1998; Пушкарева И.М. Сельская дворянская усадьба в пореформенной России (К постановке проблемы) //Отечественная история. 1999. №4. С. 14-31.

2. Пушкарева И.М. Указ. Соч., с. 21.

3. РГАДА. ф.1260 (Васильчиковых), ф. 1278 (Строгановых). РГИА. Ф 758, 789. Государственный Архив Псковской области. ф. 166, оп.7; ф.203, оп.3; ф. 39, оп.1; ф. 110, д137, 138, 862.

4. Проскурякова Г.В. Волышовская старина. Предисловие, послесловие и подготовка текста Н.Н. Масленниковой // Псков. Научно-практический и историко-краеведческий журнал. 1995, №3; 1996, №4, 5; 1997, № 6, 7; 1998, №8; 1999, № 10, 11; 2000. № 12, 13 Воспоминания о Волышове иллюстрируются фотографиями Волышова — архитектурных памятников, интерьеров и парка, сделанных в 1908-1915 годах В.Г. Проскуряковым — отцом Г.В. Проскуряковой и дедом Н.Н. Масленниковой. Подлинники фотографий хранятся в семейном архиве Г.В. Проскуряковой — Н.Н. Масленниковой. В сентябре 2003 года 100-летию со дня рождения Галины Васильевны Проскуряковой были посвящены Краеведческие чтения (Псков — Порхов — Холомки). Материалы научной конференции подготовлены к печати в 2004 г. Коллекции фотографий В.Г. Проскурякова посвящена статья Н.Н. Масленниковой «Автор фотографий усадьбы Волышово»//Псковские хроники. История края в документах и исследованиях. Выпуск 4. Псков. «Стерх». 2004.

5. Фотографии Б.С. Скобельцына, сделанные им в 1960-х годах, в том числе с борта вертолета во время реставрационных работ, хранятся в фондах Строгановского дворца в Санкт-Петербурге (ГРМ) и Порховского краеведческого музея.

6. Архив Псковских реставрационных мастерских (ПСКРМ); Архив Института Спецреставрация (г. Москва). Ф. 305, оп.1; Историческая справка А.Г. Борис по Главному дому, английскому домику, дому управляющего и Аптеке хранится в Порховском краеведческом музее.

7. РГАДА. ф. 1354; ГАПО. Ф. 196.

8. Схематический план б. Усадьбы Д.В. Васильчикова — С.А. Строганова в 1907-1916 гг. составлен на основе Генерального плана-схемы Облсельхозпроекта (1958 г.) с замечаниями и указаниями на дополнительные объекты Г.В. Проскуряковой. Объекты нанесены автором условно, как написано в плане «визуально», по памяти. Эти указания помогли исследователям, геодезистам, картографам и архитекторам-ландшафтникам ориентироваться на территории, определить точные места исчезнувших сооружений и планировку парка. Схематический план публикуется впервые (См. Приложение к статье).

9. Материалы хранятся в Порховском музее истории края — филиале Псковского музея-заповедника. Сведения о работе группы специалистов Леспроекта под руководством И.А. Эрф, а также о разработке крупными ленинградскими архитекторами схемы охранных зон села Волышова (1985 г.) содержатся в Послесловии Воспоминаний Г.В. Проскуряковой, написанном Н.Н. Масленниковой (Псков. 2000. № 13. С. 19-21).

10. ГАПО. Ф. 196.

11. Трубинов Ю.В. Строгановский дворец. СПб, 1996. С. 131-140; Кузнецов С.О. Дворцы Строгановых. СПб, 1998. С. 127-128.
12. Сведения о книгах из Волышовской библиотеки и семейного архива Строгановых см.: Провинциальная хроника // Дела и дни. 1920. кн.1. С. 590-591. Материал указан мне С.О. Кузнецовым.
13. Михаил Алексеевич Макаров//Всемирная иллюстрация. 1873. № 259. С. 407.
14. Из дневника графа С.А. Строганова. Сообщила Н. Павлова //Дела и дни. 1920. кн. 1. С. 426-428. Материал указан С.О. Кузнецовым. В «Порховской старине» Г.В. Проскурякова упоминала об участии в работе по изучению поступивших в Порховскую библиотеку книг и архивов из имений архивиста из Петрограда Н.Г. Павловой (Псков. 2000. № 13).
15. Трубинов Ю.В. Указ. соч. , С. 138-139.
16. Кузнецов С.О. Указ. соч., С. 150-151.
17. Фотографии В.Г. Проскурякова.
18. Проскурякова Г.В. Волышовская старина // Псков. 1997. № 6. С. 5-6.
19. В башне находится состоящий из двух емкостей бак для воды, которая была проведена из артезианского колодца в «Голубятне» и использовалась в домашнем водопроводе (Н.М.)
20. Борисова Е.А. Русская архитектура второй половины XIX века. М., 1979. С. 13-16 и др.
21. Кузнецов С.О. Особенности развития стиля историзм в архитектуре Петербурга (Строгановский дворец) //Историзм в России. Стиль и эпоха в декоративном искусстве 1820-1890-х гг. СПб, 1996. С. 34-35; его же. Парижские англофилы Строгановы. Борьба французских и английских влияний в русской культуре XVIII-XIX вв. // Искусство Франции и русско-французские художественные связи. Тезисы докладов научной конференции, посвященной юбилею Н.Н. Калитиной. СПб, 1996. С. 41.
22. Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982. С. 189-301.
23. Проскурякова Г.В. Волышовская старина. // Псков. 1996. № 4. С. 16-23.
24. Лихачев Д.С. Указ. соч. С. 15.
25. Мы, к сожалению, не знаем имен. Нам известны лишь лесничие В.И. Туровский и И.А. Тюльпанов, работавшие в порховских владениях Строгановых в конце XIX — начале XX веков, и садовник В.И. Ватцек, благодаря искусству которого теплицы, оранжереи и все садовое хозяйство были в идеальном порядке.

Все старинные фотографии Волышова (№№ 5-16) сделаны В.Г. Проскуряковым в 1908-1915 гг. Копии многих фотографий подарены Г.В. Проскуряковой в Музеи Санкт-Петербурга, Пскова и Порхова.

В.Г. Фролов

ИСТОРИЯ УСАДЬБЫ РЕУТОВО

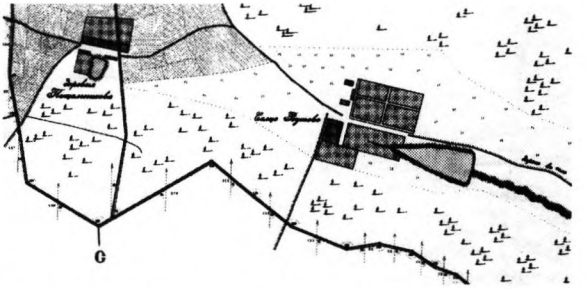
Начну с небольшого отступления. Я занимаюсь компьютерной реконструкцией межевых планов восточного Подмосковья; обработав два десятка планов екатерининского времени, я их «сшил», наложил на «План столичного града Москвы с показанием в округ лежащих мест на тридцать вёрст» 1775 года и получил карту земельных владений Балашихинского района на конец XVIII века (с 1760 по 1806 год). Реконструированные планы становятся легко доступными для работы с топографической документацией, с описанием смежных земель и разделом согласования плана со смежными владельцами.

Межевые планы XVIII — начала XIX веков являются самыми достоверными, юридическими документами по истории усадеб. Они очень интересны не только как исторические и юридические документы землепользования, но и как произведения искусства картографии. Планы, хранящиеся в Государственном Архиве Древних Актов, имеют возраст 200-250 лет. Они были в постоянном пользовании, с них снимались владельческие копии, на них отмечались архитектурно-планировочные изменения, факты частичной продажи земель, при этом не всегда составлялись новые планы. Хотя подлинные планы наклеены на полотно, они сейчас очень ветхи, на них много утрат. Работать приходится с ксерокопиями, на которых оказывается много «грязи», «шумов» от сгибов, потёртости, пятен, плохо сканируемых цветов акварельной раскраски («иллюминирования»). Трудности для прочтения представляют индивидуальные особенности почерков писцов и чертёжников, несоблюдение правил орфографии своего времени на фоне разности начертания букв скорописи и почти полное отсутствие пунктуации.

Если исключить индивидуальные особенности исполнителей, то планы строятся по жёстким правилам с соблюдением стандартных выражений в написании текста, что помогает часто восстанавливать утраты или неподдающиеся прочтению места. Правила оформления межевых планов меняются при смене государственных правителей: меняется гербовая печать, манера оформления основной надписи-легенды, «изъяснение условных знаков на плане», характер румбового знака «север-юг». Межевые планы середины XIX века, переизданные в связи с Крестьянской реформой, выглядят менее интересно, и совсем примитивны с эстетической точки зрения планы конца XIX — начала XX веков. Мое изучение усадьбы Реутова основано на сопоставлении межевых планов 1768 и 1839 годов и топографических карт 1856, 1931 и 2000 годов, а также натурных обмеров и фотосъемки.

Современный город Реутов областного подчинения расположен на границе с Москвой между Горьковским шоссе (бывшей Владимиркой), и Нижегородской линией ж.д. В городе есть краеведческий музей, работник которого военный историк Евгений Константинович Сергеев выпустил книгу «Реутов — от хутора до града».[1] — В книге

очень подробно освещается вся история города и его основного предприятия — хлопкопрядильной фабрики, включая советское время. Однако «древняя» история изложена в ней не всегда аргументированно, зачастую лишь по публикациям в местной печати, и невольно обрастает легендами. Работая в архивах, у меня появились новые данные, проанализировав которые можно сделать несколько иные выводы.

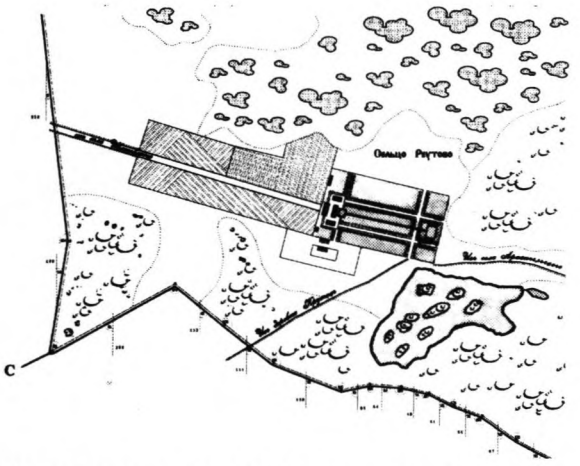


Межевой план сельца Реутова. Фрагмент плана 1768 г.

Первое документальное упоминание о пустоши Реутово содержится в Писцовой книге за 1573-1574 годы. Там же за 1578 год Реутово упоминается уже как деревня. В середине XVII века деревней Реутово владел боярин Василий Иванович Стрешнев. В 1651 году царь Алексей Михайлович передал земли боярина в дар князю Юрию Алексеевичу Долгорукову. В переписной книге за 1709 год сельцо Реутово значится за князем Василием Михайловичем Долгоруковым (с 1683 по 1724 год). В 1733 году владелицей сельца Реутово стала княгиня Екатерина Александровна, вдова Якова Петровича Долгорукова.

В это время официально земли и владения различались так: село — поселение с церковью, к которому обычно приписаны деревни и пустоши, наличие господского дома не обязательно, а при господском доме в самом селе может не быть крестьянских домов; приселок — село, приписанное к головному, например, «приселки Гольяново и Никольское Ея Императорского Величества села Покровского Рубцова тож»; сельцо — поселение без церкви, с господским домом, крес-тьянских домов может не быть, сельцом становилось село после упразднения церкви, в этом случае часто строилась часовня; деревня — поселение без господского дома; пустошь — отдельная незаселенная земля, может быть с сельско-хозяйственными угодьями, приписанная к какому-то владению; дача — небольшой отдельный участок, обычно лесные угодья, приписанный к какому-либо владению, например, Алексеевский дворец, дача Экспедиции Кремлевского Строения.

Первый межевой план 1768 года — «Геометрический Специальный План Московского уезда Почернева стана сельца Реутова с прина-длежащими к нему деревней Пищальниковой и пустошами, которые состоят во владении лейб-гвардии Преображенского полка подпоручика Князя Александра Петровича Долгорукова жены его, вдовы княгини Екатерины Александровны; межевания учиненного 1768 года мая 3-го числа землемером секунд-майором Иваном Травиным...»[2] На севере граница проходит по Большой Владимирской дороге, за которой земли села Ивановского, на востоке сельцо граничит с селом Архангельским князей Василия и Юрия Владимировичей Долгоруковых, на юге — с сельцом Владычиным и деревней Малые Крутицы, на западе — с селом Гиреевым. Барский дом с двумя флигелями по сторонам был расположен в южной части владения, перед домом



Межевой план сельца Реутова. Фрагмент плана 1839 года.

— фруктовый сад или регулярный парк с центральной аллеей. Южнее расположены огороды, где берет начало приток речки Кристы (сейчас – Серебрянка), на которой Долгоруковыми построена система каскадных прудов, в том числе парковый пруд с запрудой. На востоке находится деревня Пищальниково, перед ней — пахотные земли. Северную часть имения занимают смешанные строевые леса, на юге — смешанные и мелкие дро-вяные леса. Сенные покосы местами заболочены. По своей структуре межевой план ординарен.

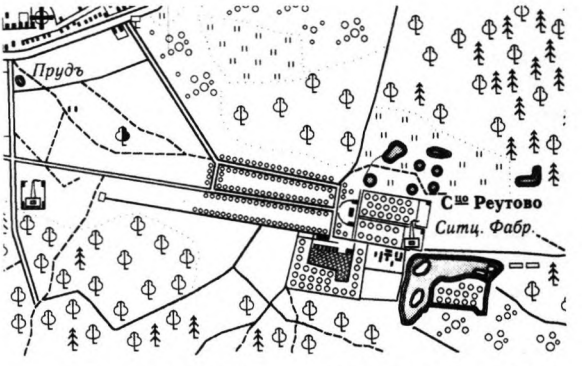
После смерти Екатерины Александровны владелицей стала ее дочь Наталья Александровна (1731-1802), по исповедальным записям 1771 года она уже владелица, но вскоре продает имение Николаю Ивановичу Маслову. В исповедных ведомостях за 1787 год значится: «Тайного Советника и Сенатора Николая Ивановича Маслова сельцо Реутово и деревня Пищальникова...»[3] Николай Иванович Маслов — действительный Тайный Советник, сенатор, кавалер ордена святого Александра Невского, Межевой Канцелярии Главный Директор. Дворянство получил его дед Анисим Семенович Маслов — правитель Сената и Обер-Прокурор в 1730 году от рыцарства Герцогств Лифляндского и Эстляндского. Имения Маслов имел в Московской, Рязанской, Тульской, Калужской и Симбирской губерниях.[4] Действительный тайный Советник — это четвертый чин в «Табеле о рангах», «Ваше Высокопревосходительство», соответствующий военному чину полного генерала, поэтому в церковных записях его часто именуют генералом.

По сведениям городского музея и краеведов (основной источник — статьи в местной печати) Маслов строит новый каменный барский дом, разбивает регулярный парк, создает систему из пяти копаных прудов, соединенных каналами: «В парке уютно были расположены беседки, мостики, купальни и другие развлекательные сооружения. Городок стал местом отдыха не только московской знати, но и местных жителей. Здесь регулярно летом и зимой устраивались массовые гулянья. Реутово тех лет представляло собой роскошную загородную усадьбу». – Так ли это? На всех планах не более двух прудов. Местное население — крестьяне деревни Пищальниково — 16 домов и 72 души... Проверить газетные публикации чрезвычайно сложно — авторы обычно не идут на контакт, не имея достоверных материалов. Но хозяйство у Маслова было действительно образцовое. Газета «Московские ведомости» (1802, №80) напечатало объявление: «Продается в подмосковной Его Высокопревосходительства

Николая Ивановича Маслова вотчине, сельце Реутово, по Володимирской дороге расстоянием от Москвы в 12 верстах, разных родов птица, сухопутная: фазаны, павлины цветные, белые и серые, журавлики Горские, индейки Крымские голубые, цесарки белые, голубые, черные и серые, разных родов куры; водяная: Лебеди Персидские и крикуны, гуси Голландские волнистые и Капские, утки Красные, Остиндские и Арабские. О цене спросить у смотрителя Ивана Полякова. Также продаются разные деревья и цветы в горшках и цветные семена».[5]

Тем не менее, в начале 1810-х годов Маслов разорился и распродал часть своих владений, в том числе и сельцо Реутово. За 30 лет Реутово пять раз меняло хозяев. По клировым ведомостям церквей Московского уезда[6]: 1813 год — «...Сельцо Реутово и деревня Пищальникова подпол-ковника Андрея Михайловича Похвистнева...»; 1828 год — «...В сельце Реутове помещицы коллежской ассесорши Екатерины Ивановны Дубровиной дворовых мужеска пола 11 душ, женска пола 9 душ. В деревне Пищальниковой 16 дворов 59 мужеска пола и 60 женска пола»; 1833 год — «...Сельцо Реутово помещицы из дворян майорской дочери Анны Степановны Мастининой, которая тут живет, дворовых 7 м.п., 13 ж.п. Сельцо Пищальниково 14 дворов 53 м.п.»; 1840 год — «...Сельцо Реутово титулярного советника Михаила Ефимовича Романова, который тут живет, а крестьян и дворовых людей у него не имеется...»

Строго говоря, исповедные и клировые записи не являются юридическими документами, это ежегодные записи священнослужителей о своем приходе, о владениях, приписанных к данной церкви. Но есть межевой план сельца Реутова 1839 года[7]: «Геометрический специальный план Московской губернии и ее уезда сельца Реутова с принадлежащими к нему всеми землями, которые состоят в общем владении Титулярного Советника Михайлы Ефимова сына Романова и жены его Елисаветы Алексеевой дочери. Межевания учиненного в 1768 году мая 3-го дня Землемером Секунд Майором Иваном Травиным, а по указу Межевой канцелярии согласно полюбовной сказки размежевание учинено в 1839 году июня 29-го дня Землемером 14-го класса Снегиревским. А внутри того владения, обмежеванного одною окружною от всех смежных дачь и владений межею по нынешней мере и по исчислению земли состоит: пашенной 11 десятин 925 сажен; сенного покосу 76 д. 608 с.; леса мешанного строевого и дровяного 136 д. 383 с.; леса мешанного дровяного 35 с, леса мелкого дровяного 126 д. 1321 с.; под садом 10 д. 174 с.; под огородами 8 д. 1375 с.; под строением 1580 с.; под большой столбовой дорогой 10 д. 1980 с.; под прошпектом 3 д. 40 с.; под проселочными дорогами 1 д. 645 с.; под прудами 11 д. 980 с. А всего во всей окружной меже удобной и неудобной земли 505 де-



Топографический план окрестностей Москвы 1856 г. Фрагмент — сельцо Реутово.

Топографическая карта 1931 г. Фрагмент — Реутово.

сятин 2252 квадратные сажени, а за исключением неудобных мест осталось одной удобной земли 479 д. 1007 кв.с., а за исключением же одной большой столбовой дороги осталось всяких угодий земли 495 д. 272 кв.с.

На сем числе во время межевания земли внутри окружной межи за вышеписанными владельцами в поселении состоит сельцо Реутово, при коем крестьянских дворов не имеется, а состоит один господский дом, при коем по ревизии, так и ныне налицо дворовых людей, как мужеска, так и женска пола не состоит. — Директор Чертежной — Колокольцев».

Сельцо Реутово титулярный советник (чин IX класса, соот-ветствует штабс-капитану — только «Ваше благородие») Михаил Ефимович Романов купил у помещицы Дубровиной в середине 1830-х годов. Деревню Пищальникову покупает Действительный Статский Советник А.П. Протасов. На подлинном плане 1768 года проведена новая граница, отделяющая деревню по самой околице. В дальнейшем эта земля значится как «пустошь Свято Марьинская владения д.с.с. и кавалера Александра Павловича Протасова».

Только после этого в 1839 году составляется новый межевой план. Он очень интересен, т.к. на нем подробно изображен план именно усадьбы, что бывает довольно редко — межевщиков формально интересуют только земли, угодья. Особое внимание к плану можно объяснить тем, что земли эти принадлежали раньше самому Главному Директору Межевой Канцелярии Н.И. Маслову.

Границы владения изменились только на западе, в связи с отошедшей деревней Пищальниковой. Новый главный дом построен между сохраненными флигелями, рядом с ним параллельно расположено еще одно строение, возможно летний дом или оранжерея. Осевая композиция усадьбы сохранена, только теперь на месте центральной аллеи прорыт канал, соединяющий два копаных прямоугольных прудика. Параллельно каналу расположены две аллеи, которые ближе к дальнему восточному пруду пересекаются перпендикулярной аллеей с мостиком посредине (вероятно, горбатым, так как по каналу могли плавать лодки).

От главного дома на восток к селу Ивановскому (с изломом около бывшего Пищальникова) по главной композиционной оси проходит прямая широкая мощеная дорога, обсаженная деревьями, — «прошпект», как числится в описи плана. По обе стороны от него раскинулись пашни. На юге к усадебному комплексу примыкает прямоугольный участок с садом и огородами, на котором расположены два флигеля. Возможно, при Маслове здесь был расположен его знаменитый птичник, а при Похвистневе в этих строениях могла располагаться бумагопрядильная фабрика. Есть сведения, что в 1820-е годы на Реу-

товской фабрике Похвистнева выпускалась отличная пряжа.Пруд стал намного больше, обрел сложную конфигурацию с девятью декоративными островами, засаженными деревьями. Можно предположить, что план был сделан накануне продажи имения, имение оформлено на двух владельцев, возможно, для уменьшения пошлины с продажи.

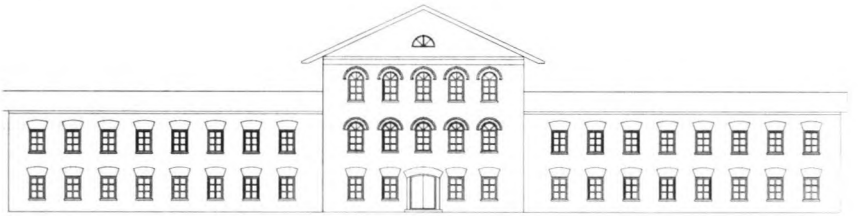
Нас интересуют изменения усадьбы и то, что осталось от нее в настоящее время. В 1843 году сельцо Реутово купил московский купец 1-ой гильдии, Почетный гражданин Сергей Алексеевич Мазурин, сын Московского городского головы Алексея Алексеевича Мазурина, умершего в 1834 году.[8] Сергей Алексеевич был женат на Елизавете Владимировне Третьяковой, а его дочь Елизавета Сергеевна была женой Сергея Михайловича Третьякова. Вторая дочь, Софья Сергеевна была замужем за Дмитрием Петровичем Боткиным. Дочь внука С.А. Мазурина, Константина Митрофановича, Татьяна позже стала женой Федора Павловича Рябушинского, а Елизавета Григорьевна Мазурина — женой Павла Павловича Рябушинского. Так тесно переплелись семьи московских купцов — фабрикантов, банкиров, меценатов и коллек-ционеров — Мазуриных, Третьяковых, Рябушинских и Боткиных.

Сергей Алексеевич Мазурин возвел в имении на свободном месте (между парком, прудом и садом с огородами) бумагопрядильную фабрику. Фабрика здесь находится и сейчас, расширившись в сторону парка до центральной аллеи и немного в сторону огородов.

Изменения в планировке местности можно проследить по военно-топографической карте Московской губернии 1852-1856 годов, т.н. «Карте Шуберта»[9]. Из строений сохранился главный дом, боковые флигели и один флигель на огородах. Сохранился парк с одной центральной аллеей, в саду с огородами построены домики, вероятно, для рабочих, на месте пашни проложены новые дороги и аллеи. Изменил свою конфигурацию большой усадебный пруд. На нем осталось четыре островка и один большой остров-парк, обведенный с двух сторон каналом. На север от парка на заболоченном лугу появилось восемь маленьких прудиков, возможно, там брали глину или торф.

Следующий топографический свидетель истории Реутова — топографическая карта Московской области 1931 года, лист 15 (М 1:500)[10]. На ней видим: к фабрике проложена железнодорожная ветка, спрямлена дорога в Ивановское — основная дорога на Горьковское шоссе, изменил форму пруд, его на всю длину прорезал узкий полуостров. Из старых строений можно идентифицировать только один флигель на огородах.

Карта-план города Реутова. 2000 г.



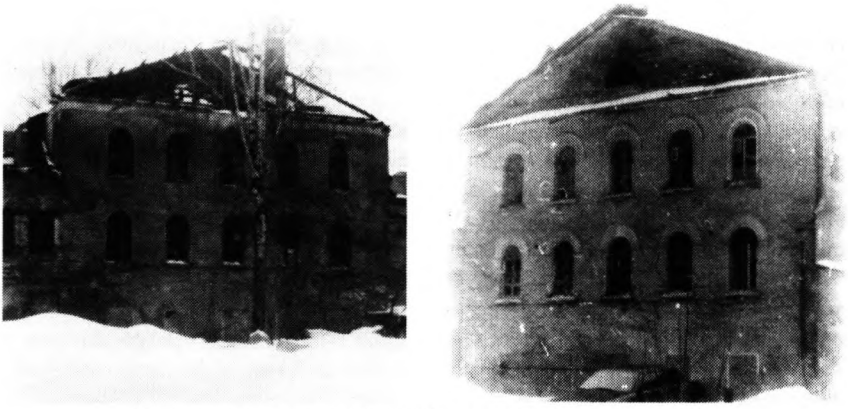
Сохранившаяся постройка масловской усадьбы (?). XIX в.
Графическая реконструкция автора.

Современное состояние территории бывшей усадьбы попытаемся проследить по карте-плану Балашихинского района 2000 года (М 1:80) с визуальной проверкой на местности[11]. Прямая дорога в Ивановское (показана на карте 1931 года) сохранилась — это Проспект Победы. По центральной аллее парка 1856 года проходит Парковая улица. Форма пруда близка к начертанию 1856 году, но вместо большого острова остался маленький полуостров на южной стороне. Из старых построек сохранился только садовый флигель — трехэтажный корпус по пять арочных окон на обоих фасадах, центральный подъезд превращен в окно. Историческое здание стоит без окон, средний корпус с полуразрушенной крышей, в одном крыле магазин и мастерская по ремонту кассовых аппаратов.

В середине XIX века при фабрике были построены три здания, сохранившихся до наших дней: дом владельцев, дом специалистов и молельня. В 1851 году Митрофан Сергеевич Мазурин построил в северной части парка двухэтажный особняк в «голландском стиле» для своей семьи. В особняке были изразцовые печи, на втором этаже помещалась картинная галерея. В 1905 году фабрику купил немец Карл Эдуардович Рабенек, и дом стали называть «домом Рабенека». В советское время в доме располагался детский сад — над ним надстроили третий этаж, сделали большую застекленную веранду. Хотя он сильно перестроен, но сохранил элементы архитектурной отделки над окнами второго этажа. В настоящее время дом в запущенном виде, в нем расположено ремонтно-монтажное управление.

В середине 1850-х годов Мазурин построил двухэтажный дом для английских специалистов, приглашенных на фабрику. Этот дом прямо перед фабрикой, угол проспекта Победы и ул. Ашхабадской, надстроен мансардой, полностью переоборудован внутри, в отличном состоянии, его занимает фирма.

Здание молельни расположено на скверике в начале проспекта Победы. Реутовцы считают, что его построил Маслов в конце XVIII века временно вместо церкви, хотя позже при больнице была построена часовня, окончательно разрушенная только к 1960 году. Молельня или моленная, это сугубо старообрядческое наименование молельного дома. Православный генерал Маслов его строить не мог. Другое дело купец старообрядец Мазурин. Скорее всего, под молельню им был приспособлен в середине XIX века один из усадебных флигелей, т.к. старообрядцам в 1856 году было запрещено церковное строительство — все храмы были опечатаны. В 1883 году разрешили строить молитвенные дома только с разрешения Министра внутренних дел, и лишь в 1905 году запрет был снят окончательно. Вспомним, что Алексеевы и Рябушинские, тоже старо-



Центральная часть сохранившейся усадебной постройки XIX в. со стороны обоих фасадов. Фото автора. 2000.

обрядцы, у себя в Кучине часовню приспособили под водонапорную башню, а моленная у Рябушинских была в доме. Примерно до 1924 года Реутовская молельня использовалась по прямому назначению. 3 августа 1919 года Патриарх Московский и Всея Руси Тихон освятил ее — совершил у молельни водосвятный молебен[12,13].

Топография бывшего сельца Реутова за два столетия изменилась неузнаваемо. Следы старой усадьбы Реутово времени ее расцвета при Маслове (до 1840 года) можно найти только путем компьютерного анализа — последовательным наложением и совмещением межевых планов и топографических карт на современный план города. Можно утверждать, что от усадьбы Маслова сохранилось только одно здание — бывшей флигель на огородах, как теперь его называют местные жители — «ковчег». Парк был вырублен на дрова в военные годы, из сохранившихся нескольких полузасохших старых деревьев заслуживает внимания дуб, которому не менее двухсот лет. Пруд по размерам и форме близок к историческому водоему, на восточной стороне сохранились остатки дамбы, которая хорошо видна уже на плане 1768 года.

Сохранившееся от масловской усадьбы здание находится перед фабричной проходной, за скверником. Оно состоит из центрального трехэтажного корпуса почти квадратного в плане (по северному и южному фасадам по пять окон) и двух протяженных двухэтажных крыльев(по восемь окон, длина торцов соответствует трем окнам). Облик здания позволяет предположительно датировать его XIX веком[14]. Окна второго и третьего этажей среднего корпуса — арочные, кладка арки оконного проема в один кирпич снаружи прикрыта архивольтом сложного профиля, отличного у окон второго и третьего этажей [15]. На третьем этаже профиль проще, прикрывает только шов между арочной и основной кладкой. Архивольт окон второго этажа сложного облома полностью закрывает кладку арочной дуги. Окна первого этажа и все окна боковых крыльев с прямыми проемами, клинчатые перемычки с дуговым верхом, высотою в 2,5-3 кирпича, с большим запасом разгрузочной способности. Подоконники составные из трех белокаменных плит с просты-

ми замками. Симметричный вход перекрыт арочной клинчатой перемычкой в два кирпича. Входной проем был уменьшен на два кирпича после постройки. При перестройке здания большая часть окон боковых крыльев была заложена, заменены на стальные балки кирпичные перемычки у окон второго этажа западного крыла, пробиты ворота в восточном крыле и заложен вход, на месте которого оставлено окно. Над средней частью полуразрушена крыша и выбиты стекла. Современный уровень грунта доходит почти до подоконников первого этажа, это либо наросший культурный слой, либо результат опускания здания за два столетия ввиду слабого болотистого грунта.

Описанное сооружение – безусловно, памятник истории и культуры, оно заслуживает постановки на государственную охрану. Было бы замечательно после необходимой реставрации перевести в него из жилого дома Городской краеведческий музей, Картинную галерею, Выставочный зал — ведь его общая площадь более 1500 м^2!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сергеев Е.К. Реутов — от хутора до града. М., 1997.
2. Межевой план сельца Реутова 1768 г. — РГАДА, ф.1354, оп.256: ед.хр. Р-4с.
3. ЦГИАМ, Ф. 203 (Московская духовная консистория), оп. 747 (Исповедные ведомости церквей Вохонской десятины), д. 562, л. 391.
4. Арсеньев. Новые данные о роде Масловых, М., 1912.
5. Московские ведомости, 1802,№ 80; Известия к № 89
6. ЦГИАМ, ф.203, оп. 744 (Клировые ведомости церквей Московского уезда), д. 179 об.-180; д. 1785, л. 44; д. 1932, л. 299; д. 2099, л. 240 об.; д. 2298, л. 132.
7. Межевой план сельца Реутова 1839 г. — РГАДА, ф.1354, оп.256, ед.хр.Р-10с.
8. Филаткина Н.А. Мазурины // Московский журнал, 1997, №6.
9. Топографическая карта Московской губернии 1856 г., ряд IV, л.6.
10. Топографическая карта Московской области 1931 г. Л. 15.
11. Карта-схема Балашихинского района 2000 г. Л. 4.
12. Молчанова, Поляк, Черепанов. Реутов православный, М. 1999.
13. Козырев А. Жительством во благочестии украшены. Клин, 2002.
14. Подъяпольский С.С. и др. Реставрация памятников архитектуры: М.,1988.
15. Плужников В.И. Термины российского архитектурного наследия. М., 1995.
16. Города Подмосковья. Кн. 1, М., 1979. С. 487.
17. Города России. Энциклопедия. М., 1994. С.375.
18. Москва. Энциклопедия. М., 1998. С. 453.
19. Ульянов Г.Н. Благотворительность Московских предпринимателей: М. 1999, С.390.
20. Отечественная Историческая Энциклопедия. История России с древнейших времен до 1917 г. М., 2000. Т. 3.

С.А. Смирнов

ИСТОРИЯ ПОДМОСКОВНОЙ УСАДЬБЫ СТЕПАНОВСКОЕ

Степановское расположено к западу от Москвы, на полпути между Москвой и Звенигородом (примерно 15 км от МКАД) и недалеко от места впадения Истры в Москву-реку. Ядро исторического поселения сложилось на берегах речки Свинорки (Свинорье) — небольшого левого притока Истры. В XVI-XVII вв., во времена Генерального межевания (1760-е гг.) и вплоть до административных реформ Павла I Степановское писалось в Московском уезде, Горетове стане, а с павловского времени «по разделению вновь Московской Губернии по уездам» было отнесено к Звенигородскому уезду. В середине XIX в. Степановское писалось в 1-м стане Звенигородского уезда, в 1880-е — 1910-е гг. — во 2-м стане Звенигородского уезда, в Павловской волости. По постановлению 1921 г. Павловская волость вошла в состав Воскресенского уезда.[1] В настоящее время Степановское находится на территории Красногорского района Московской области.

Рассматриваемое поселение известно с весьма раннего времени. Оно упоминается уже в «Межевой Грамате» Ивана III (между 1496 и 1504 гг.), по которой великий князь жалует сыну Юрию города Дмитров, Рузу и Звенигород с волостями. В описании «разъезда», учиненного по границе Московских станов с передаваемыми территориями есть следующее место: «...а из реки из Москвы рекою Истрею вверьх, на праве в Горетовском стану земля Великого Князя сельца Дурневского; да Великого Князя деревня Обрядово, да деревня Теребихиньская, да Бекетовская деревня, да Степановского села земля, да Веледиковское село, что за Михайлом за Кляпиком; да Яковли Григориева сына Морозова деревни, деревня Олешково, деревня на Лому, деревня на Черной быстри; да Рожествяного села деревни, деревня Игумново, деревня Лжово, деревня Березниково, что за Васьком за Дулепиным за Зелениным; да деревня Забитое, деревня Калистово, деревня Кощеево, деревня Земново, что за Кашиными детьми; а на леве от реки от Москвы с усть Истры земли Звенигородцкие, деревня Грибановская Новинского монастыря, деревня Гузеевская Петрова Плещеева, деревня Тимошкинская, что была за Захаром за подъячим...».[2] Большинство упомянутых здесь поселений известны и в позднейшее время (Дурневское — современное Петрово-Дальнее и т. д.). Для нас важно то, что Степановское фигурирует уже как село великого князя. «Бекетовская деревня» — это позднейшая пустошь Бекетова, находившаяся в ЮЗ части дачи села Степановское. Автор описания села Петровское (совр. Петрово-Дальнее), изданного в 1912 г., в связи с исчезнувшей деревней Обрядово замечает, что «между Степановским и Петровским находится лес, носящий и по ныне название Подобрядовки».[3]

Следующие по времени сведения о Степановском также выявляют принадлежность его к «государевым», «дворцовым» селениям. По меньшей мере до 1620 г. Степановское

было приселком дворцового села Ильинского на Москве-реке (в 6 верстах к ЮВ). По государевой грамоте приселок Степановский был пожалован из дворцового села Ильинского Ивану Степанову сыну Урусову.[4] Сохранилось описание границ поместья Урусова по писцовым и межевым книгам Московского уезда 1623-1624 гг.: в Горетове стану «...За Иваном Степановым, сыном Урусовым, в поместье, за приписью дьяка Николая Новокрещенова 128 году (1620), что ему дана из Государева, из дворцоваго села Ильинскаго приселок Степановский на речке на Свинорке. А межа той Ивановой Урусова поместной земле от Государева села Ильинскаго и пустошей, от реки от Истры, от броду, до речки до Свинарки: по праву сторону земля Государева, села Ильинскаго, пустоши Кольцовой, а по левую сторону поместная земля Ивана Урусова, деревни Степановской. И переехав речкою на московскую дорогу и поворотить на право к Москве, да с московския дороги поворотить на лево на две березы кривыя; а на березах грань; а от тех берез, межником, на болотца, да на осинник, меж Государевой пустоши Кольцовой и той же Ивановой Урусова поместной деревни Степановской, на осину, на ней грань; а от осины поехав немного, поворотить на право на перекрестке Степановской дороги, и Кольцовской, и Шелюхинской и на перекрестье яма; а от перекрестка, дорогою Степановскою, к Москве: по правую сторону государева пустоши Кольцовой, а по леву сторону земля Ивана Урусова деревни Степановской. А с дороги поворотить на лево на березку, на ней грань; от березки, межником, на осину, на ней грань; от осины, межником, к дороге ильинской на сосну, на ней грань; от осины, через дорогу ильинскую, на Черную грязь; от Черной грязи, леском, до урюпинской дорожки, на речке, на Рычковское болото: на право земли Государева села Павшина, пустоши Рычковской, а по левой стороне земля поместная Ивана Урусова, деревни Степановской».[5]

В этом документе пустошь Кольцова упоминается еще как принадлежность села Ильинского. Чуть позже эта пустошь оказалась в составе земель сельца Дурнева, владелец которого — Лихачев — в конце 1620-х — начале 1630-х гг. прикупил себе ряд пустошей из дворцовых земель села Ильинского. В 1636 г. Лихачев «у своего соседа, князя Ивана Урусова, владельца села Степановского, променял свою пустошь Кольцову или Кольчиху на пустошь Пронино-Самойлово на Каменке и Оринину на речке на Липочке».[6] Пустошь Кольчиха располагалась в южной части степановских земель (а перед этим — в северной части дурневских). Кроме добавившейся Кольчихи к Степановскому при Урусове принадлежали пустошь Бекетова и пустошь Новинки (обе «на реке на Истре»). Позднее Новинки отошли в другую вотчину: они уже не значатся в продаже Степановского 1643 г.; на чертежах второй половины XVII в. недалеко от устья Истры показана д. Новинки другого владельца. Добавим, что при Урусове в Степановском был «двор помещиков», жили «деловые люди».[7]

В 1643 г. И.С. Урусов продал Степановское патриарху Иосифу «в дом Пречистыя Богородицы», получив за сельцо «да за пустошь Бекетову, да за пустошь Колчиху ...» 1500 рублей. В 1646 г. в Степановском «числилось 17 дворов крестьянских, в них 55 челов. и 8 дв. Бобыльских, в них 7 челов.».[8] В 1656 г. Степановское вновь возвращается в дворцовое ведомство,[9] где и остается в течение следующих 20 с небольшим лет, превратившись в важный элемент вотчинного хозяйства царя Алексея Михайловича и вероятное место его остановок во время посещений любимого им Саввино-Сторожевского монастыря («Саввинских походов»). Организационно Степановское вместе с такими вотчинами как села Измайлово, Ермолино, Алексеевское с приписными се-

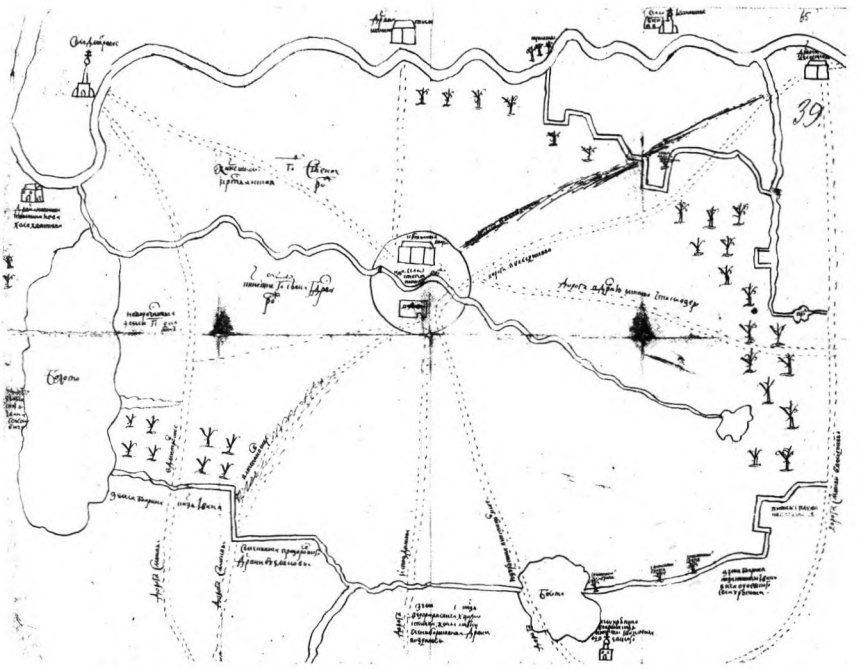


Рис. 1. План села Степановского на речке Свинорке и его земель. 1667 г. РГАДА. Ф. 27. Д. 484 ч. 3. № 38.

лениями, Домодедовская волость и др. — находилось в ведении Приказа тайных дел и в хозяйственной структуре Аптекарского двора, «что на Смоленской улице» в Москве, куда стекались производимые для царского обихода запасы.[10]

Данный этап существования Степановского прекрасно иллюстрируют три старинных чертежа из фонда Приказа тайных дел, а также подробная опись усадьбы 1676 г., когда, после смерти Алексея Михайловича, был упразднен упомянутый приказ, а Аптекарский двор вместе с подведомыми ему волостями и селами передавался в Приказ Большого дворца. Обращает на себя внимание, что в материалах данного периода Степановское называется селом (несмотря на отсутствие в нем церкви, которая была построена в 1694-1701 гг.), причем к Степановскому были приписаны с. Дмитровское с деревнями и сельцо Сорокино.[11] Упомянутые чертежи Степановского одинаково ориентированы по широте и совпадают по охвату территории. Выполнены они в характерной для XVII в. манере: без строгой геометрической основы, без единого масштаба, но со стремлением полнее показать конкретные природные и искуственные объекты, отмеченные надписями. На чертежах видим: отрезок р. Истра до ее впадения в Москву-реку; селения на ее правом берегу (с. Дмитровское, д. Тимошкино, с. Ивановское) и левом берегу (д. Новинки, Веледниково); впадающая в Истру речка Свинорка на всем своем протяжении; в средней части ее течения на обоих берегах изображено с. Степановское; территория восточнее Степановского до границы с соседними вотчинами

Прозоровских, Одоевских и немного дальше (показано с. Урюпино Одоевских). По площади восточная часть территории примерно равна междуречью Истры и Свинорки. Важно отметить, что территория на чертежах XVII в. практически совпадает с границами дачи села Степановское на плане Генерального межевания 1766 г. Чертежи составлены, судя по всему, с промежутками в несколько лет, а различия в изображении усадьбы правомерно трактовать как примерную этапность расширения хозяйства.

Более ранний период усадьбы представлен на двух чертежах, один из которых помечен датой — 1667 г. На чертеже 1667 г. (рис. 1) планировочный центр села выделен окружностью, как бы разрезанной на две половины извилистым руслом Свинорки. На правом берегу реки (в верхней половине круга) условным знаком показаны «крестьянские дворы», а на левом прямоугольный скотный двор с воротами (надпись: «воловка»). Попавший в круг отрезок реки подписан: «пруд села Степановского» и тут же нарисована одна плотина. Южнее села, до устья Свинорки, по обоим берегам речки показаны засеянные поля «нынешнего года», причем на левом берегу «сеена Государева рож», а на правом — «сеена крестьянская рож» (как видно из воспоминаний старожила села В.В. Мухиной, записанных в 1971 г. С. З. Черновым, данная территория (Мокрый луг между Степановским и Тимошкиным) оставалась местом крестьянских наделов и в XIX — начале XX вв.) План составлен «сентября [в] 20 день 176-го году в то время как чищен лес и пашня пахана» — что фиксирует активный процесс расчистки под пашню все большего числа земель. «Новоросчистые земли» в количестве 13 дес. показаны южнее засеянных полей, между дорогой из Москвы в с. Дмитровское и огромным «Болотом», служившим естественной границей Степановского с землями Прозоровских (владельцев Дурнева и деревни Бузлановой). Пограничное значение этой заболоченной низины, существующей и ныне, зафиксировано и на плане Генерального межевания.

Так как упомянутая дорога из Москвы оставляла в стороне собственно Степановское, из него в Дмитровское была проложена отдельная дорога. Севернее Степановского пролегала дорога из Москвы в деревню Веледниково (села Павловского) и особая дорога вела в эту деревню из Степановского. Вообще из Степановского веером расходилось множество дорог, связывавших его с окрестными селами и деревнями. Подъезд к селу из Москвы был с юго-восточной стороны, не доезжая Степановского дорога из Москвы раздваивалась на Дмитровское и на Степановское. Соответствие территории, показанной на чертежах XVII в., границам дачи села на плане Генерального межевания, повторяется и в отношении дорог, сеть которых дожила почти без изменений до второй половины XVIII в. Сходство их рисунка позволяет говорить об постоянстве местоположения крестьянских дворов, сохранявшемся и в XIX в. Интересно, что на плане Генерального межевания крестьянские дворы, как и в 1667 г., расположены рядом с единственным на Свинорке прудом — хотя после 1667 г. в Степановском существовала целая система прудов, позднее спущенных. Пруд в планировочном центре села был, конечно, самым важным и устойчивым; сейчас на его месте первый пруд каскада.

На чертеже 1667 г. показаны участки леса по границам территории с северо-западной, северной и юго-восточной сторон; отдельные пограничные деревья нанесены с северо-восточной стороны. Все пограничные деревья — сосны («сосна на ней грань»; ср. с приведенной выше межевой описью 1620-х гг., где почти все деревья-знаки — березы и осины). Как видно из надписи на плане, 13

дес. были недавно расчищены от леса в южной части территории. Вероятно, на чертеже мы видим все-же не весь лес, существовавший в реальности. Породный его состав был близок к существующему (заметная роль сосны, березы).

Очень близок к чертежу 1667 г. второй недатированный чертеж (рис. 2), на который нанесены только некоторые дороги — в том числе дорога в село из Москвы, которая оканчивается у прямоугольного скотного двора. Надпись «воловка» теперь заменена на: «конюшенной двор». Крестьянские дворы на данном чертеже не показаны и на этом основании чертеж можно было бы считать более ранним. Однако надпись «конюшенной двор» и показанные житницы и овины объединяют изображение с третьим чертежом группы — недатированным, но несомненно более поздним (рис. 3), фиксирующим смену владельцев (от отца к сыну) в соседнем владении Прозоровских. Однако он более насыщенный и как бы суммирует объекты на первых двух планах. На своих местах — конюшенный двор, овины, житницы. Там, где в 1667 г. изображены крестьянские дворы, теперь — равный по площади прямоугольник с надписью: «огород». Судя по всему, в обоих случаях изображен один и тот же объект села — крестьянская селитьба с огородами, поскольку других крестьянских дворов на нем нет. Новые элементы планировки усадьбы на третьем чертеже: «воловей двор» (устроенный южнее «конюшенного двора»), «дворы прикащиков и стадных конюхов» (южнее «огородов»), «Государевы хоромы» и стоящая неподалеку «смотрелница» на правом берегу Свинорки.

«Государевы хоромы» показаны в виде двух примыкающих клетей, а по условному знаку «смотрелницы» можно понять, что это была, очевидно, башня-повалуша, предназначенная для обозревания окрестностей. В постановке хором обращает на себя внимание развернутость в сторону с. Дмитровского, где была церковь и, между прочим, еще одни «Государевы хоромы» на берегу Истры. Таким образом, в то время Степановское представляло собой не просто ячейку в структуре дворцового хозяйства, но небольшую загородную резиденцию, предназначенную для остановок царя во время «Саввинских походов» и, возможно, для охоты (в книге М.М. Голицына о Петровском содержатся сведения о том, что у слияния Москвы-реки и Истры издавна существовало цапельное гнездовье).[12] Эта резиденция находилась если не в ансамблевом единстве, то в визуальной связи с соседним с. Дмитровским, приписным к Степановскому в данный период.

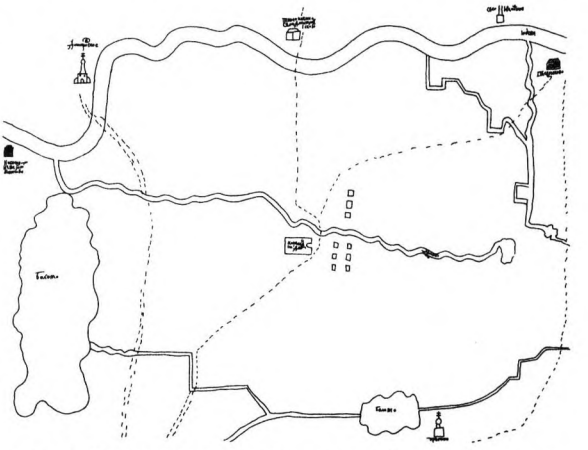


Рис. 2. План села Степановского на речке Свинорке и его земель. б/д (по времени между рис. 1 и рис. 3). РГАДА. Ф. 27. Д. 484 ч. 3. № 70.

На последнем из рассмотренных чертежей мы впервые встреча-

емся с целой системой плотин на Свинорке (показаны наподобие мостиков), которая пришла на смену единственной плотине и пруду 1667 г. И хотя характер изображения реки — в виде достаточно тонкой извилистой линии — не производит впечатления сумы прудов, о существовании их в реальности свидетельствует подробная опись села 1676 г. Эта опись — развернутый комментарий к чертежу и образует вместе с ним комплексный источник об определенном этапе существования усадьбы. Приведем этот текст, опустив лишь места, несущественные с точки зрения планировки и застройки с. Степановского :

«В селе Степановском: Две избушки построены для пришествия великого государя, промеж ими сени дощатые, печи в них ценинные. Изба приказная, изба ж салдацкая. Конюшенной двор, а на нем для стоялых лошадей рубленая конюшня о 8 стоялах, да кругом двора 4 денника, забраны в столбы и половина покрыта дранью, а другая соломою; [...] К той же конюшне пригорожено остожье заборами, а в нем 2 анбара. [...] На Конюшенном же дворе анбар, а на нем: [...] Двор Воловей, а в нем: 8 денников, рублены и крыты дранью, 3 ворота створчатые. [...] За двором же две избы с сенми, а в них живут 2 ч(еловека) скотников. Погреб с напогребницею, построен для скотов, а на нем: [...] В Степановском же 7 житниц [на чертеже показано 3], крыты дранью, а в них хлеба: [...] Против житниц же погреб, на нем напогребница рубленая; а в погребе судов: [...] В том же селе огород в длину 160 сажен, поперег 80 сажен, огорожен кольем, а на нем садят капусту. В Степановском же: 6 овинов, анбар солодовенной, изба работничья 4-х сажен, анбар 4-х сажен, покрыт дранью, а в нем печь, построен для работников; 2 струба избных ссрублены на работников же. В том же селе кузница, а в ней кузнешной снасти: [...] В том же селе Степановском: двор прикащиков, 4 двора стадных конюхов, 2 двора салдацких. В том же селе построена винокурня лубеная, покрыта лубьем, изба работником, анбар на запас, покрыт дранью, в нем 2 закрома. [...]

В Степановском же 10 прудов да пруд не доделан, а те пруды по мере на речке Свинорке: пруд против житниц, длиннику 25 саж(ен), поперешнику 14 саж(ен), вышина плотине сажень; пруд против конюшни, длиннику 70 саж(ен), поперешнику 20 саж(ен), вышина плотине пол 2 саж(ени), в нем лини, караси; пруд против саду, длиннику 100 саж(ен), поперешнику 25 саж(ен), вышина плотине 5 аршин, в нем окуни, плотицы; пруд ниже Воловья двора, длиннику 120 саж(ен), поперешнику 30 саж(ен), вышина плотине пол 5 аршина, в нем лещи, язи, головли, окони, плотицы; пруд ниже того, длиннику 108 саж(ен), поперешнику 30 саж(ен) с полусаж(енью), вышина плотине пол 5 саж(ени), а ширина [в рукописи не обозначена], в нем стерляди; пруд же ниже того, длиннику 110 саж(ен), поперешнику 25 саж(ен), вышина плотине 2 сажени; пруд ниже того, длиннику 120 саж(ен), поперешнику 50 саж(ен), вышина плотине 3 саж(ени), а в нем щуки; пруд ниже того, зачат делать, длиннику 100 саж(ен), поперег 32 саж(ени); пруд в Колчицких зароссах, длиннику 15 сажен, поперешнику 10 сажен; 2 пруда в полях на истоках против деревни Тимошкиной, плотины зделаны, а вода не занята. [...]».[13]

Перед тем как перейти к следующему этапу истории села, попробуем предположить, как система прудов, описанная в 1676 г., может быть соотнесена с каскадными прудами, появившимися в первой трети XIX в. и дошедшими до нашего времени. Благодаря приведенным в описи 1676 г. сведениям об их числе, взаимном расположении и указаниям на близость к объектам села, местоположение которых может считаться более или менее уста-

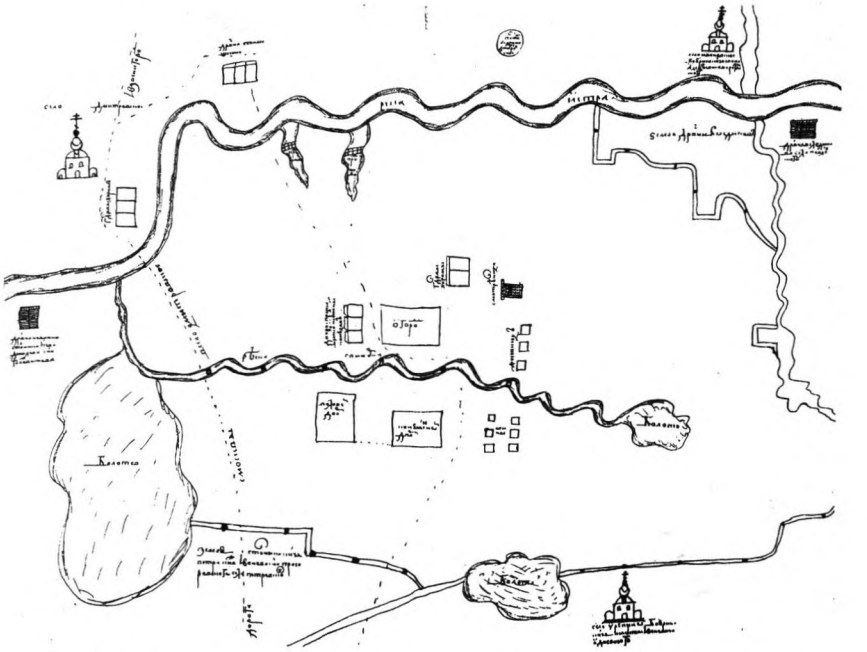


Рис. 3. План села Степановского на речке Свинорке и его земель. б/д (около серед. 1670-х гг.). РГАДА. Ф. 27. Д. 484 ч. 3. № 46.

новленным — можно сделать следующие выводы: 1). Первые 8 прудов системы XVII в. (Свинорские) — располагались на том же отрезке реки, что и позднейший каскад из 7 прудов. Общая протяженность прудов в обоих случаях — несколько более 1,5 км; 2). Названный первым в описи «пруд против житниц» был намного меньше позднейшего верхнего пруда (Крестьянского); бывший здесь древний пруд имел длину 54 м, позднейший — около 300 м; 3). «пруд против конюшни» (и против крестьянской селитьбы на другом берегу Свинорки) может быть соотнесен со вторым прудом позднейшего каскада, сейчас высохшим; древний пруд имел размеры 151,2 х 43,2 м, позднейший 174 х 44 м; 4). «пруд против саду», вероятно, был там же, где позднейший третий пруд, сейчас полувысохший; древний пруд имел размеры 216 х 54 м, позднейший 254 х от 40 до 50 м; 5). На месте позднейшего Центрального (Семина) пруда в XVII в., видимо, располагались два: «пруд ниже Воловья двора» и «пруд ниже того». Общая длина последних — 492,48 м, позднейшего Центрального пруда 492 м. Это очень близкое совпадение; 6). Три нижних пруда в XVII в. имели общую длину 712,8 м, а в позднейший период 788 м с дамбами. В XVII в. пруды здесь были близки по длине (237,6 м — 259,2 м — 216 м), а позднейшие стали такими: пятый пруд (Треугольный, Сажилка) — длина 210 м, шестой (Ямка) — длина 90 м, седьмой (Быков) — длина 370 м.

Совершенно очевидно, что система прудов XVII в. имела в первую очередь хозяйственное значение (на что указывает, между прочим, и относительная удаленность от Свинорки «Государевых хором»). Нарезка реки на пруды была достаточно равномер-

ной (средняя длина пруда 230 м), а основной функцией прудов было разведение рыбы. Сама многочисленность прудов была обусловлена размахом царского хозяйства. Существовавшая в XVII в. система плотин оказалась, видимо, недостаточно прочной, чем и следует объяснять исчезновение большинства прудов ко времени Генерального межевания (Свинорка опять превратилась в узкую речушку). Память о многочисленных древних прудах подсказала богатому владельцу усадьбы конца XVIII — начала XIX вв. — П. П. Бекетову — средство украшения создаваемого вновь пейзажного парка. Новые каскадные пруды были в первую очередь произведением художественной планировки и рассматривались как одна из главных деталей организации более масштабного планировочного центра усадьбы. Несмотря на более живописную композицию нового каскада и, например, на то, что местоположение ряда дамб было определено направлением прокладываемых аллей — прослеживается определенная преемственность старой и новой гидросистемы. Это необходимо учитывать при современной оценке историко-художественной ценности усадебного комплекса.

Следующий более чем столетний период существования усадьбы связан с известным родом Долгоруких (Долгоруковых). В 1677 г. Степановское из Приказа Большого дворца было пожаловано князю Юрию Алексеевичу Долгорукову «за понизовую его службу» (за расправу со Стенькой Разиным в 1671 г.). В 1679 г. Ю.А. Долгоруков «отказал» Степановское сыну Михаилу Юрьевичу, после которого (убит вместе с отцом стрельцами в 1682 г.) оно перешло к его вдове княгине Федосье Васильевне с детьми: Петром, Владимиром и Васильем Долгоруковыми. В 1694 г. (когда было разрешено строить церковь) Степановское значится за одним Петром Михайловичем Долгоруковым. После того, как последний был в 1708 г. «на службе убит», Степановское почти два десятилетия находилось в совместном владении его сыновей князей Сергея, Владимира, Александра и Якова, в 1726-1730 гг. по «полюбовному разделу» всего состояния П.М. Долгорукова досталось Владимиру Петровичу Долгорукову. Сын последнего Юрий Владимирович (генерал-аншеф, генерал от инфантерии) завершил период владельцев-Долгоруких, продав Степановское в 1783 г.

Несмотря на некоторое снижение статуса усадьбы, перешедшей в разряд обычных вотчин, и размаха хозяйственной деятельности в ней, долгоруковский период был наложил вполне определенный отпечаток на архитектурно-планировочный облик усадьбы. Прежде чем рассмотреть эти изменения, задержимся немного на личностях, по крайней мере, первых владельцев-Долгоруких, оказавшихся в центре государственной жизни второй половины XVII в.

Степановское — бывшее дворцовое село — не случайно попало в руки Ю.А. Долгорукова. За свою долгую жизнь боярин князь Долгоруков возглавлял многие приказы: Сыскных дел, Пушкарский, Казанского дворца, в 1678-1680 гг. — важнейший Стрелецкий приказ (ведавший основными военными силами Московского государства) и некоторые другие. Ю.А. Долгоруков сыграл видную роль в войне с Польшей (1660) и особенно в действиях против Стеньки Разина, где одно время возглавлял силы царя. Известно, что за службу против Разина Долгоруков еще в 1671 г. был награжден селом Шкином. За ту же «понизовую службу» уже при царе Федоре ему было пожаловано подмосковное Степановское. Такое же высокое положение имел его сын Михаил: ведал приказ Казанского дворца (1672), Иноземный и Разрядный приказы (1680); в 1674 г. — ближний боярин и наместник суздальский, назначен для переговоров с шведскими послами и т. д. Во время стрелецкого бунта 1682 г.

отец и сын Долгоруковы, выступившие на стороне десятилетнего Петра против царевны Софьи, были кинуты разъяренными стрельцами на копья.[14] Вдова Михаила Юрьевича — Феодосия Васильевна, которая вместе с детьми наследовала Степановское, была сестрой князя Василия Васильевича Голицына[15] — знаменитого фаворита Софьи.

Бывшее дворцовое владение Степановское, конечно, не могло рассматриваться Долгорукими как второстепенная вотчина, а наибольшая их строительная активность здесь, возможно, и пришлась на рубеж XVII-XVIII вв. (период совместного владения после смерти Петра Мих. Долгорукова вообще выглядит несколько неопределенным). Добавим, что окружение усадьбы составляли владения не менее известных родов, а также патриарха. В 1688 г. соседями Долгоруких были князья Прозоровские в с. Петровском, Стрешневы в с. Ильинском, Нарышкины в с. Знаменском, Одоевские в Архангельском и Никольском (Урюпине), Морозовы в с. Павловском, Успенском-Вяземском и Ославском, Шереметевы в с. Уборы, Воротынские в Ивановском на Истре, патриарх Иоаким в с. Дмитровском и т. д.[16]

Видимо, уже в первый год владения Ю.А. Долгоруков несколько увеличил число крестьянских дворов. По переписным книгам 1678 г. в сельце Степановском показано: «новоселенных крестьянских 6 дворов, людей в них 19 челов., бобыльских 12 дв. людей в них 20 челов. и 3 дв. нищих, в них 23 челов.».[17] В писцовой книге 1685-1686 гг., составленной уже после гибели Ю. А. и М. Ю. Долгоруковых, сельцо описано так: «... двор боярской, дв. конюшенной дв. скотной, дв. прикащиков, 5 изб конюховых, двор прудоваго сторожа, а во дворах конюхов, кабальных и деловых людей и скотников 32 человека; 12 дворов крестьянских, в них 44 челов. и 9 дв. бобыльских, в них 29 человек...».[18] Как видим, набор компонентов усадьбы этого времени близок к селу Алексея Михайловича, но, думается, что фактически планировка усадьбы была уже несколько иной. По более поздней переписи 1704 г. в Степановском тоже отмечены двор вотчинника, конюшенный, скотный, но в это время конюшенный и скотный уже никак не могли находиться там же, где они показаны на рассмотренных выше старинных чертежах, так как в этом случае они оказывались рядом с церковью, выстроенной в 1694-1704 гг. Вызывает сомнения и то, что боярский двор устроился на месте прежних «Государевых хором». Вероятно, эти хоромы были разобраны, и свой двор Долгоруковы поставили на другом берегу Свинорки, где он и показан на плане Генерального межевания. Даже если перепланировка усадьбы не произошла к середине 1680-х гг., то она должна была состояться около времени постройки церкви. При этом, видимо, не были тронуты только крестьянские дворы, с традиционным положением которых согласился и более поздний владелец П.П. Бекетов.

В 1694 г. стольник князь П.М. Долгоруков получил грамоту, разрешающую постройку в Степановском деревянной церкви во имя Пресв. Богородицы Живоносного источника. В 1701 г. церковь была освящена и в нее был выдан антиминс.[19] «Из своей земли Долгоруков отделил в собственность церковную 15 дес. пашенной и одну десятину сенокосной земли. Приход этой церкви составился из двора самого вотчинника и 15 крестьянских. При церкви поместились дворы священника, дьячка, пономаря и просфорницы».[20] «В 1704 г., в селе Степановском числилось во дворе вотчинника 2 челов., во дворах конюшенном и скотном 8 челов., в 2 дворах задворных 2 челов., в 18 дв. крестьянских 82 челов. и в 2 дворах бобыльских 7 челов.».[21] Своеобразный итог долгоруковского периода истории села представлен на плане Генерального межевания 1766 г. (рис. 4).

Рис. 4. План дачи села Степановское Генерального межевания. 1766 г. (копия 1790-х гг.). РГАДА. Ф. 1354. Оп. 871 (252 ч. 1). Д. 22 син.

Если вернуться к чертежам XVII в., то мы увидим, что тогда село было разделено Свиноркой на жилую (правый берег, где находились и крестьянские дворы, и дворы прикащиков и стадных конюхов, и государевы хоромы) и чисто хозяйственную часть (левый берег). На плане Генерального межевания в основу деления села рекой положен другой принцип: на левом берегу расположен господский двор с церковью, на правом — крестьянская селитьба. Обе части села обращены к единственному пруду, уцелевшему от обширной гидросистемы XVII в. Пруд, вероятно, был оставлен как хозяйственный и планировочный центр усадьбы. То, что план верно передает факт спуска большинства прудов подтверждается пояснительной частью, где слово «пруд» употреблено в единственном числе («...под речкою, болотом и прудом и водороинами дватцать три десятины сем сот шездесят сем квадратных сажен...»). Переосмысление левого берега Свиноркой как более важной части усадьбы объясняется, вероятно, тем, что с этой стороны подходила старинная дорога из Москвы. Напомним, что ранее первым, что видел подъезжающий были конюшенный двор и овины. При Долгоруких по этой дороге (а также из села Урюпина) уже попадали на главный двор усадьбы.

Сама по себе застройка вотчинникова двора, показанная на плане Генерального межевания, достаточно проста и вполне типична для массы сельских усадеб XVIII в. даже средней руки. Некоторая новизна, отличавшая двор от типично средневекового, заключалась в более правильной расстановке построек по периметру прямоугольного двора. Даже вместе с садом двор вотчинника поглощал лишь немногим больше пространства, чем крестьянская селитьба на противоположном берегу реки. Кроме того, он практически не вышел за пределы пространства, освоенного в XVII в. В Экономических примечаниях к межеванию (в

редакции 1800 г.) главный двор с церковью в Степановском охарактеризован так: «... Церковь деревянная во имя Рождества Христова. Дом господской деревянной со службами об одном этаже и при нем сад с плодовитыми деревьями...».[22] Господский дом был поставлен по южной границе двора[23] и одним фасадом был обращен к церкви и пруду, другим — в сад. Сад был тоже прямоугольным и по площади — немного больше двора с другой стороны дома. На восточной стороне двора располагались службы и в этом же месте соединялись дороги, приводившие в усадьбу из разных мест, в том числе и из Москвы. Напротив и немного влево от господского дома, на берегу пруда стояла церковь. По изображению на плане видно, что она имела крещатый план; вероятно, представляла собой типичный клецкий храм рубежа XVII-XVIII вв. Площадь — 100 кв. саж. К западу от церкви находились дворы причта, показанные условно на плане одним кварталом (720 кв. саж.); из описаний известно, что дворов было четыре. Жилые постройки церковнослужителей стояли со стороны реки, на одной линии с церковью. К югу от причтовых дворов располагался полевой надел церкви, выделенный на плане особым контуром (сост. 33 дес. 450 саж., что больше, чем в 1701 г.). В XVII в. в западной половине этой территории высевалась «государева рож».

Квартал крестьянской застройки поделен на 12 одинаковых дворов. Улица села располагалась со стороны реки и застроена была с двух сторон. Южные уличные постройки (без огородов) можно трактовать и как амбары при отдельном крестьянском дворе и как особые жилые строения, предназначенные для такой категории работников как «деловые люди», конюхи, скотники и т. п. Сведения о числе крестьянских дворов в селе в XVIII и в начале XIX в. противоречивы и, возможно, отражают реальные изменения, периодически возникавшие в структуре поселения. В 1701 г. и по клировой ведомости степановской церкви 1785 г. значится 15 дворов;[24] на плане 1766 г., как видим — 12; в Экономических примечаниях 1800 г. — 20; по клировой ведомости 1813 г. — 7 (приходских);[25] в описании усадьбы 1813 г. — 12 (изб);[26] в 1820 г. — 8.[27]

Несколько слов о даче села Степановское, какой она предстает на плане Генерального межевания. Эта характеристика важна для верного представления о той ландшафтной основе, на которой позднее был создан большой пейзажный парк. Несмотря на изрезанные границы, форму дачи можно назвать компактной, а внутри имело место достаточно четкое, почти без черезполосицы, разделение на полевые земли и леса. Весь центр дачи занимали поля, из глубины которых брала свое начало речка Свинорка. Поля частично образовались путем расчисток от леса (в частности, в XVII в.). Посреди полей и почти в геометрическом центре дачи находилось поселение, к которому с разных сторон тянулись кривые линии дорог. С западной стороны границей дачи была р. Истра, а южная граница проходила по заболоченной низине, начинавшейся недалеко от устья Свинорки. По краям дачи широкой, более или менее равномерной полосой располагались леса. В Экономических примечаниях о лесе говорится: «...строевой: сосновой, елевой, дровяной: березовой и осиновой». Добавим, что по визуальной оценке 1830-х гг. сосновый лес имел возраст 200 лет, березовый от 80 до 100 лет.[28] Согласно пояснению на плане Генерального межевания в даче села Степановское было: земли «пашенной» — 318 дес. 1367 кв. саж.; «перелогу и лесной мелкой поросли» — 27 дес. 1120 кв. саж.; «лесу строеваго и дровянаго» — 427 дес. 815 кв. саж.; «сенных покосов» — 43 дес. 712 кв. саж; «под поселением, огородами, гуменьниками и конопляньниками» — 8 дес. 798 кв. саж.; «под доро-

гами» — 2 дес. 1456 кв. саж.; «под речкою, болотом и прудом и водороинами» — 23 дес. 767 кв. саж.; про церковную часть было сказано выше. «А всего во всей окружной меже» — 850 дес. 2235 кв. саж.[29]

За короткий период с 1783 по 1797 г. в Степановском сменилось сразу несколько владельцев, причем в первых трех случаях приобретенное имение переходило представителю другого дворянского рода. В 1783 г. князь Юрий Владимирович Долгоруков продал Степановское обер-аудитору Ивану Васильевичу Белову.[30] Затем в 1792 г. И.В. Белов продал усадьбу княгине Варваре Егоровне Цицианової (жене «пример маиора» князя Дмитрия Евсевьева Цицианова)[31], которая в 1795 г. продала его Ирине Ивановне Бекетовой (жене полковника Петра Афанасьевича Бекетова) за 50 тыс. руб.[32] В 1795 г. последняя продала своей родной сестре К.И. Казицкой (вдове статского советника Григория Васильевича Казицкого) из села своего Степановского «... земли поросшей лесом строевым и дровеным сто десятин прикосновенной к даче ее ... [К. И. Казицкой] ... к селцу Екатерининскому...», за 5 тыс. рублей.[33] В 1797 г. И.И. Бекетова подарила оставшееся имение сыну обер-провиантмейстеру Петру Петровичу Бекетову «в вечное и потомственное владение». В подарительной записи говорилось: «... которому имению по Совести моей [я, И. И. Бекетова] цену объявляю денег тритцать тысяч рублей, с коих пошлины платить ему Петру на пред сего...».[34] П.П. Бекетов оставался владельцем усадьбы до смерти в 1845 г. Более поздних владельцев второй половины XIX - начала XX вв. мы пока не касаемся.

От периода, связанного с И.В. Беловым, сохранились клировые ведомости церкви с. Степановское за 1785 г., когда владелец значился московским губернским секретарем. Деревянная церковь была уже ветхой, а в приходе было 15 дворов. Пашенной и сенокосной земли в это время для церкви отмежевано не было «за малоземельством» (имевшийся ранее надел, таким образом, был отчужден). Вместо земли помещик Белов выдавал причту ругу в виде определенного количества муки, крупы, мяса и т. д. («Эта руга признавалась причтом стоящею пахатной земли»). Из источников известно, что И. В. Белов к церкви «старания не имел». В 1790 г. «село Степановское [как церковная единица] ... по малоприходству, по желанию прихожан, [было] приписано к селу Петровскому, а потом, в 1797 г. ... за неспособностию к селу Петровскому, приписано к селу Дмитровскому по близости и способности ... и по прошению села Степановскаго прикащика с крестьянами».[35] Косвенно информация о «нестарании» помещика Белова к церкви свидетельствует о том, что и усадьбе он уделял мало внимания, не оставив заметного следа в ее облике.

Период Бекетовых начался в 1795 г. Купившая имение И.И. Бекетова (1743-1823) была одной из четырех дочерей знаменитого симбирского богача XVIII в. Ивана Семеновича Мясникова, владельца медных и железных заводов. Между 1768 и 1771 гг. она вышла замуж за полковника Петра Афанасьевича Бекетова, старинного симбирского дворянина, брата Никиты Бекетова — недолгого фаворита императрицы Елизаветы Петровны в начале 1750-х гг., потом астраханского губернатора. Их сестра, Екатерина была замужем за И.Г. Дмитриевым, и от этого брака родился поэт И.И. Дмитриев (по Дмитриевым Бекетовы были в родстве с Н.М. Карамзиным).[36] От первого брака с Репьевой Петр Афанасьевич Бекетов имел сына Платона (1761-1836) — известного иконографа и издателя начала XIX в., напечатавшего «Пантеон Российских авторов», «Собрание портретов Россиян, знаменитых по своим деяниям...» и др.[37] За Ириной Мясниковой П.А. Бекетов получил в приданое 19000 душ и два медно-железных завода в Оренбургской губ.; от этого брака имел двух сыновей — Ивана и Петра — и двух дочерей — Екатерину и Елену.[38]

К (Е).И. Казицкая, которой И.И. Бекетова вскоре после покупки Степановского продала из дачи села 100 дес. леса — это ее родная сестра, владевшая в тот период соседним сельцом Екатерининским Веледниково тож (находилось к северо-западу от Степановского; по Генеральному межеванию числилась в даче с. Павловского; вторым названием — Екатерининское — селение обязано скорее всего этой владелице). Е.И. Казицкая — младшая из сестер Мясниковых, вышедшая замуж за Григория Васильевича Казицкого — известного ученого деятеля екатерининского времени, занимавшегося переводами, философией и словесными науками, статс-секретаря Екатерины II. Считалось, что богатую женитьбу на Мясниковой ему устроили братья Орловы; Казицкий был в свите, когда императрица путешествовала в 1767 г. по Волге и была в Симбирске.[39] История с продажей 100 дес. леса из дачи с. Степановского — не вполне ясный вопрос. В описи 1830-х гг. леса значится столько же, сколько по данным Генерального межевания — 427 дес. 815 кв. саж.;[40] а в Экономических примечаниях 1800 г. даже больше — 454 дес. 1935 кв. саж. . Возможно, проданная Казицкой часть не была отписана официально из дачи с. Степановского.

Один из самых интересных периодов в истории Степановского связан с именем Петра Петровича Бекетова, владевшего имением с 1797 по 1845 г. Именно при нем возник ландшафтно-планировочный комплекс, понимаемый нами сегодня как «усадьба Степановское». В самом деле, то, что было до Бекетова представляло собой территорию земельной дачи с очень небольшим архитектурно оформленным усадебным ядром в центре, окруженным, как чем то внешним, обширными угодьями. Сами эти угодья — поля, леса — нельзя было назвать «усадебным парком». При Бекетове происходит своеобразное планировочное перерождение владения: основой единой усадебной композиции становится вся территория дачи, распланированная и поделенная на функциональные зоны исходя из этого нового масштаба. Крестьянская селитьба и господский дом и двор — важнейшие из этих зон — уже не располагаются так близко друг от друга, как это было раньше, а лес, имевшийся в земельной даче, превратился в огромный пейзажный парк, разрезанный длинными аллеями. Даже самые отдаленные

Рис. 5. Сельцо Степановское на топографической карте окрестностей Москвы (съемка Военно-топографического депо). 1838 г. РГВИА.

от центра дачи участки становятся местом локальных архитектурных и аллейных композиций в парке (пример последних - звездообразно пересекающиеся просеки в районе Бекетова луга). Исходя из такого территориального подхода было резонным устроить вместо единственного пруда на речке Свинорке — живописный каскад прудов, растянувшийся более чем на 1,5 км и ставший подлинным украшением местности. В первые десятилетия XIX в. в Степановском был доведен до определенного завершения замысел, который являет собой интересный и во многом не похожий на другие пример усадьбостроения, но который сегодня, к сожалению, недостаточно изучен. Рассмотрим подробнее этот этап и остановимся прежде всего на личности владельца — П.П. Бекетова. Методологически это особенно важно, когда речь идет о конце XVIII-начале XIX вв. — периоде расцвета дворянской культуры с его пониманием поместья как индивидуального «усадебного мира». Вот отзывы младших современников о Бекетове, дающие его, как сказали бы сегодня, «психологический портрет».

Из воспоминаний М. А. Дмитриева, племянника поэта И. И. Дмитриева, родственника П. П. Бекетова по отцу: «... Младший брат их [Платона и Ивана Бекетовых] Петр Петрович был совсем не похож на старших, ни умом, ни познаниями. Отец их, заботившийся о воспитании старших и отпустивший их на службу в Петербург, не хотел учить младшего, говоря, что от тех никакой нет подпоры отцу в его старости, что им, как ученым, с ним скушно, оттого и живут далеко, а что этого сына он готовит на утешение своей старости. Взяли мадам, поучили его немножко по-французски, да тем и кончилось. Потом записали его в гвардию и перевели с чином в провиантскую комиссию, где он ничего не делал. Отец купил для него при Павле мальтийское командорство, то есть крест Иоанна Иерусалимского на шею. Тут он присватался как-то к дочери Кутузова (потом князя Смоленского) [Елизавете Михайловне] и был помолвлен. Кутузов выпросил ему камергерство, что давало тогда генеральство. Но открыли, что он глуп и ревнив, и отказали. Дочь вышла после за Хитрова, а он, никогда не служа, вышел в действительные камергеры, то есть, по-нынешнему, в действительные статские советники. Он строил, не имея понятия об архитектуре [курсив наш], имел инструментальную, вокальную и роговую музыку; был человек очень добрый, раздавал много денежных награждений и пенсий. После матери разделил с братом Иваном ее огромное имение, не умел управлять им и умер разоренным, однако в огромном доме, купленном им на Мясницкой, потому что, по упрямству перед законными требованиями московского градоначальника, не хотел отделывать прежнего на Тверской».[41]

Из материалов о роде Бекетовых А. Ярового: «... У Петра Афанасьевича еще был сын Петр Петрович, наследник великаго богатства своего отца, он в числе прочих богатых людей основывал командорства и был кавалером и командором Малтийскаго ордена. Большую часть принадлежащих ему крестьян отпустил на волю и двоюродному его брату Апполлону Николаевичу немного досталось крестьян, данных еще при жизни. Он умер в 1849 году [ошибка — в 1845]; а дома его достались детям сестер его и проданы на Тверской купцу Сушкину». «... Петр Петрович был известен как благотворитель бедных, когда знатныя фамилии при Павле I основывали командорства, он тоже жертвовал и был командором Малтийскаго ордена. Из имения своего 6000 душ крестьян отпустил он в свободные хлебопашцы, и около 6000 душ определил тоже в вольные, с тем, чтобы они не большую сумму платили на богоугодныя заведения, к сему последнему имению определил попечителями детей двоюроднаго своего брата Аполло-

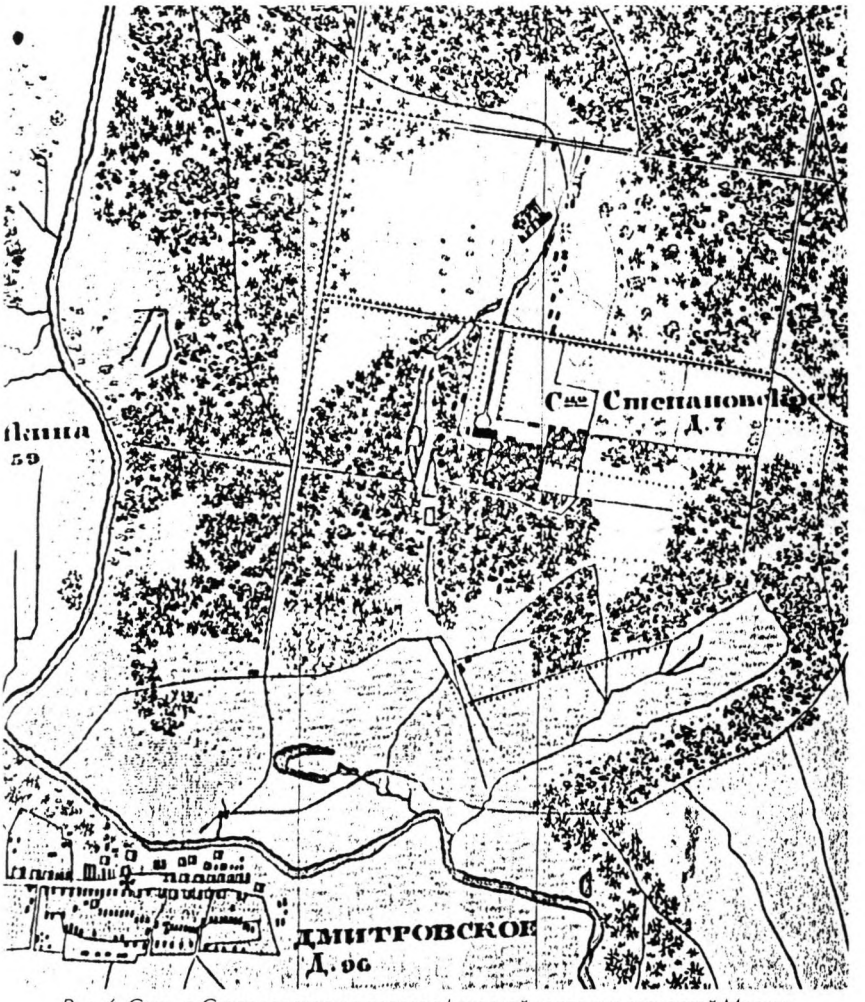


Рис. 6. Сельцо Степановское на топографической карте окрестностей Москвы (съемка Военно-топографического депо). 1852 г.

на Николаевича Бекетова; такое распределение имения встревожило его знатных родных, они хотели учредить над ним фамильную опеку, но П.П. Бекетов в 1823 году написал Государю письмо, с изъяснением между прочим, что отпуск крестьян на волю — есть молитва его к Богу за род Бекетовых, и поручил оное представить и дать потребныя объяснения другу своему Сергею Николаевичу Глинке. Государь Император спросил Глинку: сам-ли Бекетов писал представленное письмо, Г. Глинка подтвердил и услышал резолюцию: «Я тебе верю, успокой Бекетова, что над ним никогда опеки не будет». Бывший при том Александр Николаевич Голицын, сильно защищал гонимаго, коротко-

знакомаго ему благоприятеля Бекетова, и он мирно умер около 1848 года [в 1845] холостым, оставя после себя значительное богатство и дома на Мясницкой и Тверской (ныне купца Сушкина); имение все пошло в род Сипягиных и Бибиковых».[42]

Из этих отзывов видно, что П.П. Бекетов был человек очень богатый и известный в дворянском обществе, но не стремившийся сделать карьеру на государственной службе и не склонный к «ученым занятиям» (для которых у него, видимо, было недостаточное образование). Ключевые слова в его характеристике — «благотворитель бедных», «командор Мальтийского ордена» — выдают первостепенное значение в его жизни романтических «рыцарских идеалов», укоренившихся в годы его молодости в павловское время. Из контекстов видно, что необычно широкие жесты благотворительности, доведшие даже до «гонений» со стороны родных, Бекетов делал именно как командор, воспринявший со всей серьезностью традиции мальтийских рыцарей-госпитальеров. Вместе с тем о многом говорит упоминание в одном из текстов Александра Николаевича Голицына, которому П.П. Бекетов был «коротко-знакомый... благоприятель». Голицын — в 1817-24 гг. министр духовных дел и народного просвещения — был одним из столпов пиетизма александровского времени — системы «внутреннего христианства», также побуждавшей к щедрой благотворительности и тесно связанной с масонской системой. Заступничество А.Н. Голицына позволяет предполагать пиетистско-масонский компонент во взглядах Бекетова, тем более, что среди родных последнего было много очень видных масонов[43] и с масонством была тесно переплетена деятельность Мальтийского ордена.[44] На пиетизм и масонство мы обращаем здесь внимание потому, что эти явления иногда самым непосредственным образом преломлялись в усадьбостроении.[45]

Мальтийское командорство, несомненно, было предметом особой гордости П.П. Бекетова. Даже эпитафия на его надгробии в Новоспасском монастыре — «Действительный камергер и командор»[46] — кажется придуманной им самим, так как соответствует наиболее часто встречающейся его подписи в бумагах. Командор — одно из высших званий в Мальтийском ордене (ордене св. Иоанна Иерусалимского), существовавшем в России в 1797-1817 гг. Как видно из источников, командором П.П. Бекетов стал в 1799 г., на основании тогда же изданных правил об учреждении фамильных командорств или Jus Patronatus.[47] Бекетов был в первой группе лиц (всего 21 чел.), учредивших такие командорства.[48] Одним из условий учреждения фамильного командорства было наличие имения, которое приносило бы не менее 3000 руб. годового дохода, с которого в казну ордена платилась десятая часть в виде респонсии. Под «имением», возможно, понималось не обязательно конкретное поместье, но вообще часть состояния дворянина, способная приносить указанный доход. В средневековье командорствами назывались наследственные области, передаваемые в управление командорам. Поэтому вне зависимости от того, какому предмету это соответствовало в России, командорство должно было ассоциироваться с компактной территорией, усадьбой, где находился «замок» рыцаря. («Замку» тоже принадлежало важное место в структуре понятий ордена: у Павла I (великого магистра) был Михайловский замок; тот же Павел пожаловал учрежденному Великому приорству дом, принадлежавший ранее канцлеру гр. Воронцову (потом Пажеский корпус), который повелено было именовать «замком мальтийских рыцарей»).

Не вызывает сомнения, что по крайней мере одну из своих усадеб П.П. Бекетов рассматривал в качестве такой командорской резиденции и лучше всего на эту роль годилось подмосковное Степановское,[49] где, между прочим, благодаря обилию густого хвойного леса как бы сама собой создавалась таинственная, сумрачная атмосфера обиталища командора. Не выглядит простым совпадением, что именно в 1799 г., когда Бекетов учредил фамильное командорство, он подавал прошение в Вотчинный департамент с просьбой выдать ему, по отказным записям прошлых лет, справки о подаренном ему в 1797 г. имении Степановское (возможно, потом эти материалы были направлены в Капитул ордена).

Об особом интересе П.П. Бекетова к Степановскому свидетельствует активная перестройка усадьбы, начавшаяся в ближайшие годы. О том, что конкретно успел сделать Бекетов уже до войны 1812 г., говорит интересный документ-«Объявление», посланное Бекетовым на имя Московского губернатора А.А. Арсеньева в 1813 г. после нашествия французов (с целью показать ущерб, причиненный захватчиками). Бекетов пишет: «... — 1-е. Я холост; — 2-е. Из имения имею под московную Звенигородской округи Село Степановское, в заведении мелниц, воденую мушную и крупу делала, ветреную мукомолную, и пилную доски и тес, имел пашню скотоводство, оранжереи, разные мастерствы столярей, кузнецов, слесарей, бронзовщиков, и протчие все сие из треблено, строении разорены из ломаны инструменты разграблены и все без действия; — 3-е. По последней 6-й ревизии мужеска пола 30 душ щисляется, а мостеровые в подушном оклади в костромской Губернии, и по переменно из оной бывают работники для пашни и протчих работ; — 4-е. Дом Господской и крестьянские все каменные, изб для крестьян 12-ть; — 5-е. Дом на 40 саженях в 3 этажа весь разграблен окны и двери из треблены, из под печей выламано железо, кладовые погреба анбары и магазейной хлеб все сие из треблено; — 6-е. крестьяне жительство имеют в своих домах, а для мастеровых и людей дворовых отделываются; — 7-е. Из скота и лошадей господских и крестьянских все из треблен[о]; — 8-е. Озимаго хлеба засеено Господскаго часть неболшая, а у крестьян половина, еровой из треблен, и для посеву нет, высевалось же на господина авса до 150 четвертей гречи до 70, ржи до 100 четвертей; — 9-е. Лес для моего продовольствия есть в дачи; ... [далее о пяти сгоревших домах в Москве и малом доходе с деревень в Костромской губ.]».[50]

Довоенная усадьба рисуется разнообразным отлаженным хозяйством, куда в помощь местным крестьянам выписываются работники из костромских деревень Бекетова (Самыслово и Полом — ?). Застройка усадьбы образует уже целый ансамбль, включающий 12 каменных крестьянских домов, мельницы, оранжереи, помещения для мастеровых и дворовых людей (некоторые службы еще только отделываются). И объединено все это крупным объемом каменного господского дома.

Каменные жилые дома для крестьян — вещь достаточно редкая в застройке помещичьих сел. Подобные дома интерпретируются исследователями как «дома связи», выражающие некую масонскую утопию — попытку воссоздать распавшуюся естественную связь людей. Хрестоматийным памятником такого рода считаются «дома связи» в усадьбе мартиниста Н. И. Новикова в Авдотьино: это 9 каменных жилых построек на четыре семьи (живущих как бы «в связи»), расположенных в линию, чтобы и вместе напоминать некую цепь.[51] Своеобразный «фаланстер» в Степановском менее известен и эти постройки

сложнее интерпретировать как направленно масонские (в отличие от Новикова о масонстве П. П. Бекетова можно говорить лишь предположительно). Постройки в Степановском могли быть как-то связаны с масонской эзотерикой, а может быть выражали мысль о гармоничном существовании хозяев и «рабов» (тоже модную в эпоху Просвещения), могли быть и просто подражанием или экономическим экспериментом. До нашего времени в Степановском сохранилось 6 каменных домов, представляющих собой редкий и малоизученный комплекс в своем роде. Это квадратные в плане постройки, примерно 5 ? 5 м, повторяющие в камне крестьянскую избу в три окна (на одну, максимум на две семьи). Кирпичная кладка на известковом растворе характерна для начала XIX в.

О господском доме в Степановском известно не очень много. В 1813 г. Бекетов называет трехэтажный дом, расположенный «на 40 саженях», то есть площадью 40 кв. сажен. Ориентируясь на образцы строительства того времени, можно предположить, что дом был все-таки двухэтажным на высоком цокольном этаже, частично использовавшемся под «кладовые погреба анбары». Постройка «на 40 саженях» — это постройка 8 ? 5 либо 10 ? 4 саж., то есть с длинным фасадом между 17 и 21,3 м. В «Описи имению Бекетова» 1830-х гг. говорится об «огромном каменном доме», который вместе с каменными «службами и принадлежностями» был покрыт железом. «Если разобрать здании [дом и службы], то не меньше будет 2000,000 кирпича». «Дом по самой дешевой цене стоит 150000 [рублей]».[52] Очень может быть, что в 1830-х гг. говорится о доме, расширенном пристройками после 1813 г.

Тонкий наблюдатель усадебной старины А. Н. Греч, видевший дом в 1923 г. пишет: «Степановское мрачно и угрюмо, и не потому что ... заглох парк и в руинах стоит дом ... Старый дом, по видимому, никогда не был достроен. Собственно, обитаемой была лишь средняя часть его — на садовом фасаде полукругом выступающая башня. Нечто близкое к этому — в Богородицке Бобринских, в Больших Вяземах Голицыных, в Михайловском Шереметевых. Только здесь все проще, без украшений, без излишних архитектурных деталей. Впрочем, и средняя, жилая часть дома рухнула после 1917 г. Осталась на его месте лишь груда кирпичей... Дом в Степановском стоял на холме, поросшем лесом...».[53]

Судя по этому описанию, в Степановском стоял дом, так и не достроенный П. П. Бекетовым и не поддерживавшийся его преемниками. Каменный дом, выстроенный столетие с небольшим назад (что относительно немного даже для деревянного) к 1920-м гг. был в руинах. Не исключено, что здание было возведено при участии самого П. П. Бекетова (см. выше указание М. А. Дмитриева о том, что он «...строил, не имея понятия об архитектуре») и оказалось непрочным, например, в фундаментной части. Заметим, что как архитектор-дилетант Бекетов, скорее всего, проявил себя именно в поместьях. Отталкиваясь от аналогий, которые приводит А. Н. Греч, можно предположить, что дом в Степановском был постройкой в так называемом «французском вкусе». Этот тип загородного дворца появился в отечественной архитектурной практике в последней трети XVIII в., а сложился он под влиянием форм французского классицизма и, в частности, популярных архитектурных увражей Ж. Ф. Неффоржа. Характерными чертами таких зданий были: «... строгий прямоугольный объем с умеренным применением, преимущественно плоскостного и изящного, декора и выступ полуротонды в центре главного фасада, увенчанный бельведером или куполом»[54] (это почти точное описание дома в Боль-

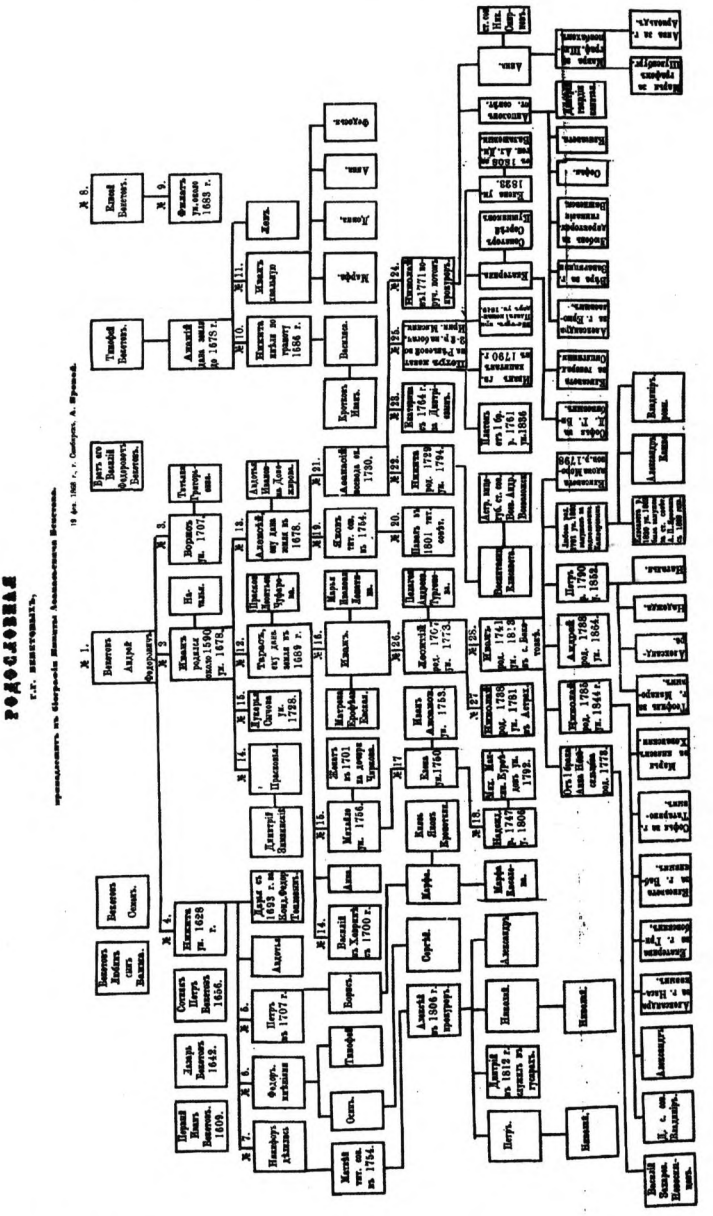


Рис. 7. Родословная роспись дворянского рода Бекетовых. Петр Петрович Бекетов (правая нижняя часть таблицы) — владелец усадьбы Степановское в 1797-1845 гг.

ших Вяземах (1784), о котором упоминает Греч; заметим, что этот сохранившийся дом имеет длину фасада около 23 м, что очень близко к возможной длине дома Бекетова). Отзыв Греча о доме в Степановском свидетельствует о том, что это был упрощенный вариант дома во «французском вкусе».

Несколько своеобразным кажется указание источника о том, что если дом и службы в Степановском разобрать, то можно получить 2000000 штук кирпича. Подчеркнуто практический отзыв о постройках, возможно, одновременно есть — их не слишком высокая архитектурная оценка (в архитектурном плане было подмечено лишь то, что постройки стоят «на красивом гористом месте»).

Опираясь на сведения о постройках, выполнявшихся по заказам членов Мальтийского ордена, можно предположить красный (мальтийский) цвет покраски господского дома в Степановском, по крайней мере в начальный период его существования: красным был Михайловский замок Павла I; после 1812 г. был заново окрашен в красный цвет главный дом в Архангельском, принадлежавшем командору Мальтийского ордена Н. Б. Юсупову.[55]

Общий взгляд на перестройку усадьбы Степановское при П. П. Бекетове позволяют кинуть ее изображения на топографических картах 1838 и 1852 гг. (рис. 5, 6).

Место для нового господского дома было выбрано примерно в 350 м на юго-запад от прежнего и примерно на тех же отметках. Дом был поставлен на холме, вблизи самого большого и живописного пруда новой каскадной системы (Семина, Центрального пруда). В отличие от прежнего дома новый был расположен перпендикулярно пруду (руслу реки). Главным фасадом дом был обращен в сторону крестьянской селитьбы, находившейся на значительном отдалении от него и на противоположном берегу реки, поворачивавшей к северо-востоку. Господский дом и место, где находились крестьянские дворы были соединены прямой аллеей, которая заканчивалась перед домом полукруглым двором, а недалеко от селитьбы прошла по специально устроенной дамбе, разделявшей ближайшие каскадные пруды. Господский дом, аллея и крестьянская селитьба (где, как мы знаем, были выстроены каменные избы) образовали главную планировочную ось усадебного ансамбля. Важную роль в структуре этой оси по первоначальному замыслу должна была играть церковь села Степановское, которая располагалась у восточного края центральной аллеи и — что чажно — на одинаковом расстоянии от господского дома и домов крестьян. На картах 1838 и 1852 гг. церковь не показана, так как в эти годы была уже разобрана. Однако сносу ветхой церкви предшествовал ряд попыток Бекетова перестроить ее, не удавшихся по странному противодействию церковных властей. Остановимся на этом вопросе чуть подробнее.

В 1800 г., когда начиналась перестройка усадьбы, П. П. Бекетов испрашивал разрешения «... вместо ветхой деревянной церкви построить каменную внизу Живоноснаго Источника, а вверху Петра Афонскаго [вероятно, своего тезоименитого святого]». Однако резолюциею митрополита Платона возводить новую церковь было отказано — «... как церковь Степановская уже состоит в числе упраздненных и ее возобновлять будет, яко вновь церковь устроять, и потребуется особый причт, то по сим резонам в селе Степановском церковь строить дозволить неможно». В 1805 г. вследствие прошения священника церкви села Дмитровское (к которой был приписан степановский храм) было велено: «... из церкви села Степановскаго, как уже упраздненной, антиминс взять, всю церковную утварь и колокола отдать в церковь села Дмитровскаго; Степановскую

церковь разобрать и отдать на топление печи в Димитриевской церкви и на печение просфор, ибо она очень ветха». Однако: «... Бекетов не допустил церковь разобрать и взять из нея что-либо; а опять просил дозволения построить каменную церковь и во всяком случае не уничтожать деревянную церковь в Степановском; если же этого нельзя, то дозволить устроить на месте церкви каменную часовню, а приход приписать в село Урюпино». Исход был таким: «... Строить вновь каменную церковь не дозволено, деревянную позволено оставить, но службу в ней не совершать, и антиминс велено взять, часовню каменную вновь строить не велено; ц[ерковь] ветхую позволено и разобрать и употребить, куда помещик пожелает». «27 ноября 1806 года решено окончательно приход Степановский, по желанию помещика, приписать к селу Урюпину и утварь Степановской церкви туда же отдать». Из клировой ведомости церкви села Урюпино 1813 г. видно, что приписанная к ней деревянная ветхая степановская церковь пережила войну[56] и сохранилась, возможно, до 1830 г. (этим годом датировано дело о еще какой-то «... отдаче утвари из ц. Степановскаго в ц. с. Урюпино»). В 1832 г. П.П. Бекетов опять вернулся к вопросу о возможности возведения новой церкви (дело «О дозволении Бекетову построить кам[енную] ц[ерковь] 1832 г.»).[57]

Из этих материалов ясно, что Бекетов боролся не столько за сохранение в Степановском прихода, сколько самого культового здания, в том или ином виде. Сначала речь шла о возведении каменной, причем двухэтажной церкви; потом о сохранении хотя бы ветхой старой или постройке каменной часовни (часовни бывают выше иных церквей). Все это очень напоминает новейшие градостроительные подходы, желание сохранить важный архитектурный и образно-символический акцент ансамбля. Только в 1896 г. в Степановском была выстроена часовня,[58] просуществовавшая по некоторым сведениям до 1930 г.

Направлением главной оси усадьбы была задана структура других прямых дорог-аллей: параллельных, перпендикулярных главной оси, а в ряде случаев направленных к ней под углом 45? (диагональных). Специально обсаженные широкие аллеи и просеки в лесу заменили собой кривые старинные дороги (иногда, возможно, и более удобные), образовывавшие своеобразную паутину вокруг села и дававшие ощущение интимности патриархального усадебного ядра. Эту замену кривых дорог на прямые как стрела аллеи можно сравнить с перепланировкой на основе регулярности средневекового города — привносящей в этот город (что и не всегда желательно) ощущение упорядоченности, перспективы и связи больших пространств. Следует заметить, что таким сравнительно простым приемом было сразу достигнуто некоторое сходство территории земельной дачи Степановское с огромной античной виллой, представлявшей собой одновременно упорядоченную природную среду и рационально организованное хозяйство.

Структура основных аллей была такова. Одна из них заменила собой отрезки исторических дорог в село из Москвы и из деревни Грибаново и Тимошкино. Эта широтная аллея — которая может быть названа московской — стала второй по значению планировочной осью усадьбы, перпендикулярной главной. Важно отметить, что и эта ось прошла возле места, где стояла церковь и отмечала половину расстояния между господским домом и крестьянскими дворами. Это ясно выражало идею раздела усадебного ядра на господскую и простонародную половины, причем в пределах последней, видимо, располагались не только крестьянские дворы, но и постройки для мастеровых — кузнецов, сле-

сарей и др. (именно так правомерно интерпретировать вытянутый в линию застроенный квартал, читающийся на планах XIX в. на месте господского двора XVIII в.).

Исторические дороги в село Павловское (и деревню Веледниково) и село Дмитровское были заменены аллеей в западной половине дачи, прошедшей примерно посредине между господским домом и р. Истра, параллельно главной оси усадьбы. Этой меридиональной аллее отвечала симметричная просека в восточной половине дачи, служившая для связи с селами Петровское и Урюпино. В сторону Урюпино вела также диагональная просека. Севернее крестьянской селитьбы была устроена широтная аллея, связавшая между собой павловско-дмитровскую и урюпинскую. Геометрически правильный планировочный каркас, организовавший обширную территорию дачи был как бы наложен на живописный по очертаниям массив леса, поля?, речку Свинорку, превращенную в каскадные пруды. Получилось ничто иное как огромный пейзажный парк, расчерченный основными аллеями на участки, в пределах которых могло быть создано целое множество разнообразных локальных садовых композиций. Примером может служить композиция из звездообразно пересекающихся просек в юго-западной части парка, недалеко от р. Истра и Бекетова луга (эту композицию правомерно считать частью незавершенного замысла, который, согласно припоминаниям, существовавшим в селе, был у Бекетова в отношении Бекетова луга («Бекетов хотел что-то устроить на Бекетовом лугу»[59]).

Любопытным образом, в рамках новой планировочной структуры, заданной основными аллеями, трансформировалась роль старых дорог, отрезки которых еще во многом числе сохранились в пределах дачи. Не утратив полностью и своей функциональной роли, они стали походить на необходимые в пейзажном парке прихотливые тропинки. Одной из самых красивых в парке стала группа аллей, устроенных южнее господского дома. Однако на картах 1838 и 1852 гг. этот подкомплекс выглядит едва намеченным и в целом может быть отнесен ко второй половине XIX в. Широкая просека с обсадкой из лиственниц как бы продолжила позади дома центральную подъездную аллею (тоже лиственничную), то есть усилила главную планировочную ось усадебного́ ансамбля. В перспективе аллеи открывался вид на дальние луга, долину Истры и Москва-реки. По перпендикуляру к этой аллее была устроена липовая аллея, которая с одной стороны выводила к Центральному пруду, а с другой прошла вдоль двора, находившегося восточнее дома и застроенного по периметру службами. Перед южным фасадом господского дома аллеи примыкали к квадратному партеру, обсаженному липами (сам партер уже показан на упомянутых картах). Благодаря этим дополнительным аллеям господский дом оказался в средокрестии гигантского креста. Очень может быть, что идея принадлежала П.П. Бекетову (крест Иоанна Иерусалимского был отличительным знаком командора), но зримые черты она приобрела только позднее. В том месте, где липовая аллея подходила к пруду, по перпендикуляру к ней была высажена дубовая аллея, прошедшая по дамбе, разделявшей Центральный и пятый (Треугольный) пруд каскада (дамба тоже показана на упомянутых картах).

Основу пейзажного парка в Степановском составил сосновый, еловый, березовый и др. лес, издавна произраставший в даче. Вместе с тем, сравнение карт XIX в. с планом Генерального межевания выявляет обширные участки дополнительных посадок, произведенных в период перестройки усадьбы. Особенно сократилась площадь полей в северной половине дачи. Посадки появились также на месте бывшего полевого надела церкви

(западнее и южнее главного дома) и в некоторых других местах. Поля оставались главным ландшафтным фоном в ближайшей к крестьянской селитьбе части усадьбы.

О парковой архитектуре в усадьбе Степановское в настоящее время почти ничего не известно. В этом отношении очень интересна архитектурная композиция, отчетливо читающаяся на картах 1838 и 1852 гг. южнее главного дома, в живописной части парка, на границе леса и пойменной низины (болота Колчиха), вне какой-либо из хозяйственных частей усадьбы. Композиция представляет собой 4 одинаковых прямоугольных объема (очень крупных в сравнении с жилым домом в селе), поставленных таким образом, чтобы вместе образовывать равноконечный крест. При этом объемы не примыкают друг к другу вплотную и средокрестие остается пустым. Вероятно, именно для связи с этим сооружением в парке была пробита просека, спускавшаяся по склону от восточного крыла господского дома, но оставлявшая сооружение немного в стороне. Обращает на себя внимание близкая к точной ориентация «креста» по сторонам света. Обследование места сооружения, произведенное в мае 2003 г. под рук. С.З. Чернова показало, что каждая из ветвей «креста» имеет размеры 34-35 ? 8 м. Были обнаружены половинки и один целый кирпич — так называемый «среднемер», типичный для второй половины XVIII в. (27 ? 13-14 ? 7-8 см), со следами известкового раствора. В границах плана сооружения растут взрослые ели и сосны, вероятно, более чем столетнего возраста. На основании перечисленных данных можно сделать предварительный вывод о символическом характере сооружения, как-то связанного с принадлежностью хозяина усадьбы — П.П. Бекетова — к Мальтийскому ордену. Данные по кирпичу говорят либо о возведении сооружения не позднее 1800-х гг. из нового материала, либо о вторичном использовании кирпича от постройки второй половины XVIII в. Разобрано или сильно разрушено сооружение было, вероятно, задолго до 1917 г.

После смерти холостого и бездетного П.П. Бекетова права на усадьбу Степановское оспаривались с разных сторон (по некоторым данным, в частности, Бекетов завещал предоставить имение в распоряжение правительства для устройства богоугодного заведения). На время решения суда по этому вопросу имение было передано в Опекунское управление. В 1853 г. наследниками были признаны следующие лица: супруга генерала от инфантерии Софья Сергеевна Бибикова, коллежский ассесор Сергей Николаевич Сипягин, коллежская ассесорша Александра Балашева с детьми ее Петром и Александром Александровыми и племянниками Николаем и Иваном Петровыми Балашевыми (Бибикова и Сипягин были родственниками П.П. Бекетова по сестре Екатерине; Балашевы — по сестре Елене). Наследники вступили во владение в 1855 г. В это время в селе Степановском числилось 35 ревизских душ муж. пола.[60]

Исходом такой ситуации неопределенного совместного владения была продажа вскоре имения частями в разные руки. 429 десятин леса были проданы на сруб купцу И.О. Сушкину,[61] а оставшаяся земля и сельцо с крестьянами купил дворянин Я. А. Гречкин, который вступил во владение в 1861 г.[62] В 1884 г. Сушкин (возможно, тот же самый) владел уже и усадьбой при сельце Степановское, но само сельцо в этот период после отмены крепостного права ему уже не принадлежало. В усадьбе числилось 4 жителя муж. пола и 3 женского. В сельце — 37 жителей муж. пола, 53 жен. пола.[63] В 1890 г. хозяйкой усадьбы при сельце Степановское была г-жа Сушкина,[64] а в 1911 г. — А.А. Богданов.[65]

Из этого видно, что фактически история усадьбы как взаимосвязанного в своих частях территориально- планировочного комплекса, созданного П.П. Бекетовым в границах

дачи Генерального межевания — кончилась в конце 1850-х — начале 1860-х гг. Крестьянское поселение с причитавшимися ему угодьями теперь существовало отдельно от господской части и управлялось уездной администрацией (становым приставом и сотником). Лес, приобретенный в конце 1850-х гг. (а 429 десятин — это весь степановский лес по данным Генерального межевания) Сушкины, как это видно теперь, не стали сколько-нибудь значительным образом сводить, а напротив купили к 1884 г. и саму усадьбу (территорию с господским домом и службами), вероятно, оценив редкую красоту места.

Во второй половине XIX — начале XX вв. можно предположить устройство в существующем парке некоторых новых аллей и просек. Определенную активность в Степановском, видимо, проявили Богдановы, построившие дорогу в Петрово-Дальнее (припоминания старожила В. В. Мухиной). В то же время, застройка исторической помещичьей части, вероятно, поддерживалась плохо, о чем свидетельствует постепенное разрушение господского дома. С другой стороны, в тот же период идет постепенный рост крестьянского поселения (в 1890 г. число жителей в Степановском было 131[66] (ср. с приведенными выше данными 1855 и 1884 гг.). Разрастание села началось на том же левом берегу Свинорки (вниз по течению), а позднее захватило и некоторые другие части исторической усадьбы. Рост села существенно искажал исторические объемно-планировочные соотношения, исчезала необходимая дистанция господского дома и селитьбы, и планировочная четкость главной оси ансамбля. «Наползание» крестьянской застройки ухудшало красоту ландшафта в районе второго и третьего каскадных прудов и у пересечения подъездной аллеи с московской. На каком-то этапе фасады каменных крестьянских домов, выстроенных Бекетовым, перестали доминировать в застройке поселения (они оказались как бы в дальней половине поселения и, заслоненные новыми постройками, стали хуже просматриваться с правого берега реки).

В 1921 г. в бывшем господском доме была открыта колония для беспризорников,[67] просуществовавшая до 1923 г. «В 1925-1926 гг. усадебный дом взорвали, чтобы получить кирпич для строительства военных мастерских в Нахабино» (воспоминания В.В. Мухиной). К этому же периоду, вероятно, следует относить исчезновение других старинных построек помещичьего двора. В послевоенные годы на месте господского дома выстроили здание санатория «Истра»[68] в характерном стиле «советского ампира» (по некоторым сведениям здание было построено в 1954 г. для дома отдыха Министерства тяжелой промышленности). В распоряжение санатория (дома отдыха) была передана значительная часть парка. Однако уже вскоре на территории бывшей усадьбы было решено разместить Московскую городскую клиническую больницу № 62, которая сложилась в виде особого комплекса (прежний санаторный корпус стал его частью). Главное здание больницы — значительно превышавшее размерами бывший санаторный корпус — было размещено северо-восточнее последнего, в центре обширного исторического партера Г-образной формы, ограниченного в XIX в. подъездной и московской аллеями, а также (на юге) линией служб. (Интересно, что это здание в стиле «советского ампира» имело на южном фасаде выступ полуротонды, который существовал некогда и у дома Бекетова; здесь очевидно желание связать новую постройку с исторической архитектурой усадьбы). По бокам подъездной аллеи (в том числе и на месте исчезнувшей церкви), а также севернее и восточнее главного корпуса появились деревянные жилые постройки, относившиеся к больнице, а частью, вероятно, к деревне Степановское. К северу от московской аллеи около этого же времени возник поселок городского типа с одно- и двухэтажными кирпич-

ными домами. Все это свидетельствовало о полном разрушении логики исторического усадебного ансамбля в важнейшей, центральной его части. Больничный комплекс и разросшаяся деревня Степановское (жители которой трудятся в племзаводе-колхозе «Ленинский луч») к настоящему времени планировочно слились в одно целое.

Вместе с тем, усадебный парк продолжал оставаться почти нетронутым, используемый, в частности, как важнейший санаторный и больничный ресурс. Санаторный этап отчасти можно рассматривать как продолжение истории парка: известно, что на некоторых аллеях в 1950-е гг. были установлены вазоны, а между островками на Центральном (Семином) пруду до сих пор существуют металлические мостики того же времени. Сейчас парковый массив в Степановском продолжает восприниматься как целостный комплекс: сохраняется каскад прудов с оригинальной системой дамб, лиственничные, липовые и др. аллеи, просеки, достигший зрелого возраста густой хвойный лес. Черты деградации фактически ограничиваются завалами, свалками, неухоженностью прудов и проч. Лес находится в ведении Опалиховского лесничества; значительных вырубок здесь в течение XX века не производилось. Пейзажный парк в Степановском — уникальный по красоте и размерам в Подмосковье. По существу, это самая важная и «дорогостоящая» часть, уцелевшая от интереснейшего поместья командора П.П. Бекетова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 871 (252 ч. 1). Д. 22 син.; Указатель селений и жителей уездов Московской губернии. Сост. К. Нистремом. М., 1852. С. 402; Справочная книжка Московской губернии (описание уездов). М., 1890. С. 222; Памятная книжка Московской губернии на 1908 год. М., 1907. С. 320; Справочник по административно-территориальному делению Московской губернии (1917-1929 гг.). М., 1980. С. 118.
2. Древняя Российская Вивлиофика, ... изданная Николаем Новиковым. Изд. 2. Ч. II. М., 1788. С. 330, 337-338.
3. Голицын М. М. Петровское. СПб., 1912. С. 2.
4. Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквах и селах XVI-XVIII ст. Вып. 3. Загородская десятина (Московского уезда). М., 1886. С. 219.
5. Цит. по: Степанов М. П. Село Ильинское. Исторический очерк. М., 1900. С. 248-249.
6. Голицын М. М. Указ. соч. С. 8.
7. РГАДА. Ф. 1209. Оп.: г. Москва. Дела молодых лет. Д. 9998. Л.
8. Холмогоровы В. и Г. Указ. соч. С. 219-220.
9. Там же. С. 220.
10. Русская Историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою Комиссиею. Т. XXI. Дела Тайного приказа. Кн. I. СПб, 1907. Стб. 192-193.
11. Там же.
12. Голицын М.М. Указ. соч. С. 86-87.
13. Русская Историческая библиотека... Стб. 252-256.
14. Указатель к первым десяти томам дополнений к Актам историческим. Изд. Археографической Комиссии. СПб, 1875. С. 42.
15. Голицын М. М. Указ. соч. С. 83.
16. Там же. С. 26.
17. Холмогоровы В. и Г. Указ. соч. С. 220.

18. Там же.
19. Там же.
20. ГИМ ОПИ. Ф. 465. Д. 123. Л. 177-177 об.
21. Холмогоровы В. и Г. Указ. соч. С. 221.
22. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18861, ч. IV. Л. 28 об.Приводится по публ. в: Сельский мир. Альманах. [Вып. 2]. М., 1998. С. 187.
23. Строго говоря, на плане Генерального межевания нет экспликации застройки усадьбы, но характер композиции и разная величина построек не оставляют сомнения в том, где какие строения располагались.
24. ГИМ ОПИ. Ф. 465. Д. 123. Л. 177 об.
25. Там же. Л. 178.
26. ЦИАМ. Ф. 383. Оп. 1. Д. 188. Л. 73 об.
27. ЦИАМ. Ф. 743. Оп. 1. Д. 269 а. Л. 5.
28. ГИМ ОПИ. Ф. 170. Д. 232. Л. 21.
29. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 871 (252 ч. 1). Д. 22 син.
30. ЦИАМ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 328. Л. 132 об. Здесь мы исправляем ошибку, допущенную в кн. Холмогоровых (Указ. соч. С. 221) — где годом покупки села И.В. Беловым называется 1763 (возможно, это опечатка). Эта ошибка перешла затем во все справочные издания, где есть описания усадьбы Степановское.
31. Там же.
32. ЦИАМ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 413. Л. 27-29.
33. ЦИАМ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 413. Л. 203-204 об.
34. ЦИАМ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 480. Л. 10-11.
35. ГИМ ОПИ. Ф. 465. Д. 122. Л. 7; Д. 123. Л. 177 об. — 178.
36. Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии. Приложение к Памятной книжке на 1868 год. Симбирск. 1868. С. 177-193.
37. Подробно о Платоне Петр. Бекетове см.: Симони П. К. П.П. Бекетов, биографические о нем сведения, его литературная, собирательская и учено-археологическая деятельность. Издательство и типография (1761-1836) // Старые годы. 1908. Февраль-март.
38. Как известно, предки А.А. Блока по матери принадлежали к роду Бекетовых. Это была другая ветвь рода, но отметим, что прадед Блока Николай Алексеевич Бекетов находился в том же VII-м колене рода, что и владелец усадьбы Степановское Петр Петрович Бекетов (см. Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Изд. 2. Т. 1. СПб, 1895. С. 40-41).
39. Сборник... С. 192.
40. ГИМ ОПИ. Ф. 170. Д. 232. Л. 21.
41. Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М.,
42. Сборник... С. 183, 190.
43. Его дядя Никита Афанасьевич Бекетов был крупный масон второй половины XVIII в., с масонством были связаны его брат Платон (издатель), родственники И.И. Дмитриев (поэт), Н.М. Карамзин (историк), несостоявшийся тесть М.И. Голенищев-Кутузов (см.: Серков А.И. Русское масонство. 1731-2000. Энциклопедический словарь. М., 2001).
44. В 1798 г. Павел I назначил официальным историографом Мальтийского ордена тогдашнего главу русского масонства Лабзина.

45. Например, усадьбу И.В. Лопухина Савинское называют «пантеоном пиетизма».
46. Великий Князь Николай Михайлович. Московский некрополь. Т. 1. СПб, 1907. С. 94.
47. Информация М. А. Дмитриева о том, что командорство П. П. Бекетову купил отец неверна. Отец Бекетова умер в 1796 г., а Мальтийский орден был учрежден в России в 1797-м. Часть наследства, полученная после отца, конечно, могла сыграть роль в учреждении командорства. Кроме фамильных командорств существовали государственные, которые учреждались по нескольку специальными указами и раздавались в награждение членам ордена.
48. Командоры родовых командорств, учрежденных на основании высочайше утвержденных правил 21 июля 1799 г.: Кн. Барятинский, Бекетов, Бутурлин, Кн. Белозерский, Гр. Воронцов, Давыдов, Демидов, Кн. Долгорукий, Жеребцов, Марк. Марруцци, Нарышкин, действит. камергер, Одоевский, Олсуфьев, Гр. Самойлов, Бар. Строганов, Гр. Строганов 2-й, Кн. Трубецкой, Кн. Тюфякин, Чириков, Гр. Шереметьев, Кн. Юсупов, мл. (см. Антошевский И. К. Державный Орден Святого Иоанна Иерусалимского, именуемый Мальтийским в России. Орден Мартинистов. М., 2001).
49. В 1797-1813 гг. кроме с. Степановское Московской губ. П.П. Бекетову принадлежали: д. Самыслово и Полом (Костромское наместничество), с. Вознесенское (Пензенское наместничество), д. Платоновка, Степановка, Бекетовка, с. Сасновка, Лаишевка (Симбирское наместничество), с. Борисовское (Московская губ.), а также несколько домов в Москве (ГИМ ОПИ. Ф. 398. Д. 1. Л. 7 об. — 8; ЦИАМ. Ф. 383. Оп. 1. Д. 188. Л. 73-74).
50. ЦИАМ. Ф. 383. Оп. 1. Д. 188. Л. 73-74.
51. Новиков В. И. Масонские усадьбы Подмосковья // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 5 [21]. М., 1999. С. 226-227.
52. ГИМ ОПИ. Ф. 170. Д. 232. Л. 21.
53. Греч А. Н. Венок усадьбам // Памятники Отечества. Альманах. Вып. 32. М., 1995. С. 36.
54. Перфильева Л. А. Архитектурные увражи Ж.-Ф. Неффоржа и практика усадебного строительства в России второй половины XVIII в. // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 4 [20]. М., 1998. С. 27.
55. Нащокина М.В. Архангельское // Дворянские гнезда России. История, культура, архитектура. Очерки. М., 2000. С. 20.
56. ГИМ ОПИ. Ф. 465. Д. 123. Л. 178-180.
57. ГИМ ОПИ. Ф. 465. Д. 122. Л. 7 — 7 об.
58. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 150. Д. 12. Л. 133-134.
59. Припоминания В.В. Мухиной, 1896 г. р., записанные в 1971 г. С.З. Черновым.
60. ЦИАМ. Ф. 743. Оп. 3. Д. 156. Л. 1 — 1 об.
61. В руках купца Сушкина оказались также дома Бекетова на Тверской и Мясницкой (см. выше отрывок из материалов А. Ярового).
62. ЦИАМ. Ф. 743. Оп. 3. Д. 244. См. также: Мачульский Е. Н. Красногорская земля. М., 1991. С. 120.
63. ЦИАМ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 2. Л. 5 об.
64. Справочная книжка Московской губернии (описание уездов). М., 1890. С. 221.
65. ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 2. Д. 1122.
66. Справочная книжка... С. 222.
67. ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 854.
68. Мачульский Е. Н. Указ. соч. С. 120.

Г.В. Галицкая

УСАДЬБА КОНШИНЫХ АХЛЕБИНИНО

Усадьба Ахлебинино расположена на самом краю правого, высокого и живописного берега р. Оки, «что в 16-ти верстах» (20 км) от Калуги в Перемышльском районе Калужской области[1]. Ее прежде не изучали[2], и она полностью была предана забвению, получив печальную известность лишь как областная Психиатрическая больница № 2. Памятник же этот представляет интерес не только как усадьба конца XIX — начала XX века, но и как уникальный мемориальный памятник русской истории начала XVI-XVIII веков, форпост Московского княжества от постоянных набегов татар, литовцев и поляков,[3] имевший особое оборонное значение на подступах к «Колуге» и непосредственно связанный со «стоянием на Угре». Есть все основания полагать, что это место на старинной Тульской дороге в виде огромного плато на возвышенном берегу реки — с храмом Успения, со следами засек, с оврагами, дубами, родниками и многим другим, — сохранилось почти в неизменном виде с тех далеких времен. Хранящиеся в Калужском областном архиве межевые планы наглядно подтверждают, что в XVIII веке здесь еще сохранялись черты исторического рельефа и следы территориальных границ государства, которые когда-то приходилось оборонять[4].

Происхождение названия села, а позднее «сельца» Охлябинина, восходит к началу XVI столетия и связано с именем одного из сыновей удельного князя Ярославского-Ухорского Василия Даниловича — Федора, получившего прозвище «Охляб»[5] (вторая половина XV века). Подтверждение этому мы находим в «Кратком опыте исторического известия о Российском дворянстве»[6]: «Князь Федор Васильевич по прозвищу «Охляб», от него пошел род князей Охлябининых[7]. Таким образом, эта «кличка» перешла в самостоятельную фамилию Охлябов — Охлябини — Охлебинин(ных) — русских воевод, восходивших к Ярославской ветви[8] рода Рюриковичей (276 князь в XVIII колене).

Этот древнейший и легендарный период в истории сельца до недавнего времени сохранялся в рассказах местных старожилов. В начале 1970-х годов сельские старики еще помнили «предания старины глубокой». Вот что вспоминал Михаил Иванович Лазарев: «Дед мне сказывал, что наше место историческое. Будто царь определил этот защитный берег со всеми просторами своему воеводе Охлябинину за его храбрые военные подвиги. Якобы, наши места посетил сам Иван Грозный: для укрепления засек вдоль реки Оки до самого Белёва — Одоева. И проехать он мог только по нашей Старо-Тульской дороге, проходившей через все село, иначе никуда и не попадешь... Думаю, что тот же И. Болотников мог идти только через Ахлебинино». Его рассказ продолжил другой старожил Василий Сергеевич Кондаков: «Поди-ка сама знаешь, что недалече отсюдова на реке Угре и на нашей реке Оке стояли безбожные поганые татары. Сколько же их туточки уложили! — уйма! В тех же оврагах, что в «Пятницких топях»! А на этом-то месте, где Коншин-

барин пожелал своим строительством прославиться и водрузить свой господский дом (ведь толковали же ему мужики!), ранее в старину-то было древнее городище. Возводили-то его «живой землёю». Сказывали, что мужики сооружали этот холм, натаскивали вручную землю «шапками». Бои здесь были горячие, вся река кипела от крови. Дак и мы, ещё мальчонками, в этой-то горе да около обрыва («фабрики») много всякого добра расковыряли. Кто кусочек меча, кто стрелу раздобудет. Однажды даже весь дырявый и трухлявый шлем откопали! Наше место очень старинное! Сказывали ещё, что от Ахлебинина до самого Авчурина шёл когда-то под рекой подземный ход. Вот только нынче подзасыпался...». Действительно, почти полутысячелетняя история Ахлебинина насчитывает немало памятных для истории России событий и дат[9].

Каким же образом ярославские русские князья-воеводы Охлябинины вместе со своими родными братьями, известными храбростью полководцами Хворостиниными[10] оказались на Калужской земле и стали владельцами вотчин и поместий в Боровске, Калуге, Переславле, Кашине, Кашире, Рязани и т.д.? Вступивший на престол Великий князь Московский Иван III (1462-1505) как дальновидный политик, осуществляя объединение Великороссии, в 1463 году присоединил и Ярославское княжество. В связи с этим, князья-воеводы обязаны были не только покидать свои обжитые места и переходить на положение московских «служилых» князей, то есть по первому же призыву являться на войну «конен, людей, оружен» и представлять в военный поход по «10 конных» своих с каждой выделенной им «четверти земли».[11]

В 1524 году впервые отмечено появление на Калужской земле на береговой линии обороны воеводы Василия Федоровича Охлябини — второго сына родоначальника этой фамилии. В обороне у Оки он «стоял» Вторым воеводою Сторожевого полка против «крымцев-татар». В 1541 году велено было ему «при сходе Алексинских воевод с Шуйским» быть воеводою в передовом полку на берегу Оки, где им удалось благополучно отбить и отогнать «от сей реки пришед шахи хана крымского со всеми его войсками»[14]. Особого внимания заслуживают назначения, причём дважды! — наместником Калуги старшего брата Василия Петра Федоровича, воевавшего здесь три года назад. В 1527 году он — третий наместник города, а в 1539 году по «роспуску больших воевод» вновь уже вторым наместником «Колуги». Заметим, что на «воеводство» наместником назначали в пограничных городах для более тесной связи с Москвою, но надолго «не задерживали»: от одного до двух лет. Затем вновь отправляли «в ратные бои».

После наместничества в Калуге князь Петр Федорович был отправлен в шведский поход (ранее же он участвовал в военных походах против Польши, Литвы, «крымцев», в Коломне, Смоленске, Стародубе, Владимире, Муроме и т.д.). Не тогда ли «Охлябининский» защитный берег Оки стал вотчиной или поместьем князя Петра Федоровича Охлябинина? Могло это произойти и после того, как его второго сына Андрея занесли в «тысячную книгу» в числе лучших слуг царя: «Князь Ондрей княж Петров сын Охлябин» в 1551 г. октября 2 числе был написан 329 в третью статью московских детей боярских и записан был к «Колуге» (т.е. через 24 года после того, как отец наместничал, за его сыном была закреплена Калуга, которая являлась важнейшим опорным пунктом русских земель на юго-западе). Именно здесь сосредотачивались крупные военные силы русского государства.

Легенда о посещении Иваном Грозным укреплённых пунктов вдоль берега тульской засечной черты и калужских городов действительно имела место[13]. Особое вни-

мание уделялось обороне калужских городов и сел, которые были превращены в сильные крепости. Два из пяти полков русских воевод дислоцировались в калужском крае. В 1576 году Иван Грозный лично руководил полками, отражавшими опасное нападение крымских татар. Вместе с ним в качестве воеводы передового полка в Калуге в 1576 и в 1580 годах участвовал Роман Васильевич Охлябинин, племянник князя Петра Федоровича. В 1555 году он был написан «в 3-ю статью московских детей боярских», имел вместе с князьями Петром Ивановичем и Андреем Петровичем вотчины в Кашире, Переславле и др.

Пятым князем-воеводою, имевшим также непосредственное отношение к защите и обороне калужских земель, был воевода князь Иван Петрович Охлябин, по прозвищу «Залупа» (со сложной биографией и судьбой), который был наиболее близок к верхам опричного двора. В 1558 году он служил первым головой при боярине князе Курбском в передовом полку в походе к Новгороду и Юрьеву, а также при боярине князе Мстиславском (1560) и т.д. В Калуге он служил в числе первых воевод: в 1565 году левой руки войск, в 1567 — в сторожевом полку, в 1570-м — снова левой руки. По-видимому, он вместе с опричником Ф.М. Басмановым (своим тестем) воевал в Калуге против крымских татар, под началом Н.И. Шуйского в 1564 году ходил в военные походы в Литву, попал под Оршей в польский плен, был освобождён. Некоторые из Охлябининых тоже входили в состав опричнины, однако в 1565-1566 годах Залупа вызвал у царя какие-то подозрения и потому обязан был дать по себе принятую в те времена «поручную запись»[14].

Итак, двадцать князей воевод Охлябининых на протяжении XVI — начала XVII века совершили ратные подвиги в различных военных походах: в Ливонии, Польше, Лифляндии (Литве), Швеции и т.д., защищая московское княжество от постоянных набегов врагов. Из них пятеро князей Охлябининых (с 1524 по 1583 год) более чем полстолетия (59 лет) сражались, непосредственно отстаивая Калугу с ее оборонными берегами рек (Оки, Угры и т.д.) Бок о бок воевали они на поле брани вместе со своими братьями-полководцами: Охлябиниными-Хворостиниными, князем А.К.Голицыным, Ф.В. Шереметевым, Пушкиными, князем Б.В. Серебряным и многими другими. Приходилось местничать им и с «честными родами» князей Воротынских, Воронцовых, Далматовых-Карновых, Кашиных, Мещерских, Троекуровых, Шестуновых и т.д. Охлябинины делали многочисленные вклады в различные монастыри, в том числе в Троице-Сергиеву Лавру[15], нередко незадолго до кончины принимали постриг или схиму.

И хотя род этих русских князей считается угасшим, но историческое место в Калужской области до сегодняшнего дня сохранившее их имя, не должно быть предано забвению. Отрадно, что ещё живы многочисленные потомки Охлябининых. Одни в свое время стали дворянами, другие — мещанами, некоторые проживают и сегодня в Москве, Калуге и других городах[16]. В Калуге до 1918 года сохранялся Ахлебининский переулок; в 1934 году он был переименован в Кировский). Исторически было бы справедливо вернуть ему первоначальное название.[17]

В Ахлебинине чудом сохранилась одна из самых ранних церквей Калужского уезда — храм Успения Пресвятой Богородицы, упомянутая в «Летописи Калужской» за 1583 год.[18] В атласе Калужского наместничества на карте XVIII века указано ее местоположение: «на правом берегу р. Оки и при большой Тульской дороге церковь деревянная Успения Пресвятыя Богородицы, три дома господских деревянных с плодовитыми сада-

ми, выделенная церковная земля на правой стороне речки Жерти, на которой в даче состоит лучшая мельница о двух поставах, земля плоховатая с песком, хлеб средственный, покосы лутчие, лес дровяной, крестьяне на пашне». Очень важным замечанием, вносящим ясность в дальнейшую запутанную историю храма, является указание на расположение ее «при большой Тульской дороге», что подтверждает и «Геометрический специальный план межевания»,

Фрагмент геометрического специального плана межевания Калужской губернии и ее уезда. Межевание учинено в 1777 г. октября 26 дня. Утверждено 1842 г.

где помимо того обозначена церковная земля «в отводе» (на одном плане более 780 дес., на другом более 829 дес., из которой «вырезано в быт к священно церковно-служителям 22 дес., под церковью и кладбищем 400 сажен, ... к церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы на довольствие священно и церковнослужителей приписывалось: пашни 31 дес., сенного покосу 4 дес., под большою дорогою 6 дес., полуречкою и под прудом — 1 дес....». Число дворов составляло — 62, по ревизии душ — 301 (мужского населения — 164, женского 137)[19].

Из Алексинских писцовых книг за 136-137 годы (1628-1629 годы по современному летоисчислению) узнаем, что в начале XVII века землевладельцами села Охлябинина (или одной из его частей) были сыновья воеводы Пятого: «за которыми за Богданом да за Ларионом Ивановыми детьми Пятого была написана в селе Охлебинино церковная земля». Через 55 лет, 28 февраля 1683 года «по памяте на выписке казначея старца Паисия Сийского велено на новопостроенную церковь Успенья Пресвятой Богородицы, которую построил Еремей Родионов сын Пятого в вотчине своей в Алексинском уезде в стану Калужския (приписи) в селе Охлебинино на пустовой церковной оброчной Успенской земле, которая писана на оброке на Иване Пятовом, положить вновь дани с дворов: с попова, с дьячкова, с просвирницына...»[20].

Начиная с XVI века церковь Успения часто была свидетелем исторических событий, войн и т.п., а потому ветшала и упразднялась. Когда в 2-х верстах от Ахлебинина (за речкой Ужердью) в селе Потросове в 1762 году «тщанием» статского советника Г.И. Полонского был воздвигнут новый, более богатый, Никольский храм[21], его постоянным прихожанами стали сельчане и Ахлебинина с соседней деревней Мининки. Об этом подтверждают архивные данные ГАКО: «... к Николаевской церкви, что в Потросове» после 4-х ревизий, в 1793 году по указу Московской духовной консистории

приписаны упраздненной церкви «Успения Пресвятой Богородицы», что в селе Ахлебинино, оное село Ахлебинино с деревней Мининки. В ней состоит сорок дворов[22]. Об упразднении церкви Успения свидетельствуют также Исповедальные росписи Никольского храма за 1794 год (с указанием владельцев села Ахлебинина)[23]. О существовании «деревни Ахлебини» (с тремя помещиками), состоящей из дворов тридцати» в XVIII веке упоминается в записках ученого путешественника В. Зуева[24].

В межевых картах XVIII века бывшее село Алексинского уезда Охлебинино уже именуется «сельцом» Калужского уезда с многочисленными владельцами. Сельцо, сельцо вместе с пустошами и прилегающими к нему деревеньками (д. Мининки в конце XVIII — начале XIX века было разделено между несколькими владельцами Одна часть принадлежала полковнику Ивану Григорьевичу Полонскому с детьми; майору Петру и Федору (с сыном Александром) Полонским: полковнику Василию Андреевичу и майору Николаю Григорьевичу. Другой частью владели Баклановские: Николай Петрович — штабс-ротмистр, Иван Семенович — полковник, Елизавета Николаевна — его жена. Третья часть села принадлежала Кологривовым: Андрею Борисовичу — губернскому прокурору, Петру Александровичу (полковнику и кавалеру); Владимиру Ивановичу — капитану с сыном Борисом, Александру Ивановичу — губернскому секретарю с детьми Константином и Геннадием. Одна из частей сельца короткий срок принадлежала статс-советнице Екатерине Николаевне Фрейгам. Наибольшей частью сельца, которую впоследствии в конце XIX века приобрёл Н.Н. Коншин, владели Баскаковы: Алексей Яковлевич — капитан и Александр Евгеньевич — флота лейтенант; а также генеральша А.И. Похвленева, В. Писарев– гвардии капитан[25] и другие.

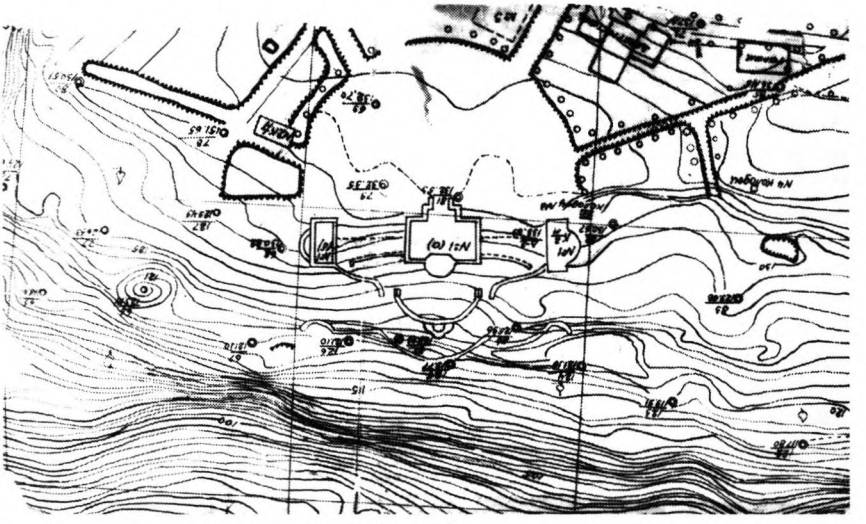
После смерти А.Е. Баскакова[26], согласно Уставной грамоте от 6 мая 1864 года, часть с. Ахлебинина перешла к его жене Юлии Андреевне и детям: Евгении, Екатерине, Николаю и Марии[27]. Последняя из них стала в дальнейшем собирательницей ценнейшего фольклора, бытовавшего в сельце Ахлебинине. Здесь поныне есть живописная лужайка со спуском к реке, на которой в старину устраивались народные гуляния с хороводами.

Местные жители рассказывали, что после того «как имение и барский дом Баскаковых сгорел, его купил Панов, да вскоре всё проиграл на картах и пропил. Тут как раз и подоспел Коншин и все имение со старым лесом, да землею у Панова закупил» (В.С. Кондаков, запись 1979 года). Калужские Губернские Ведомости подтверждают эти факты. В одном из объявлений Ведомостей до всеобщего сведения доводилось, что «за неуплатёж» княгине Марии Львовне Оболенской по закладной 1000 руб., и т.д. и т.п. «в зале заседаний Калужского окружного суда будет продаваться с публичного торга недвижимое имение мещанина (бывшего калужского купца) Николая Гавриловича Панова, состоящее в Калужском уезде, Лосенской волости, при сельце Ахлебинино и деревни Мининках, в пустошах Войнова и Губинке, и заключающееся в земле в количестве 511 десятин»[28]. Факт покупки «имения Ахлебинино с д. Мининки, с др. пустошами» Н. Коншиным подтверждают и «Сведения о крупнейших имениях Калужской губернии богатых землевладельцах за 1898 год»[29]. Итак, Н. Коншин приобрел у Н.Г. Панова большую часть сельца Ахлебинина с деревней Мининки и двумя пустошами в количестве 511 десятин, принадлежавших когда-то Баскакову, «в том числе: под садами, огородами и строениями — 15 дес., пахотной — 236 дес., луговой — 32 дес., под лесом разной лиственной породы возраста от 20 до 45 лет — 195 дес., под рекой Окой, речкою Ужертью, дорогами и неудобной — 33 дес.». Есть основания предполагать, что сады

«Пановские» были отданы Н. Коншину в аренду ранее — с 1892 по 1898 год с годичной платой 670 рублей, как и лес на пространстве около 60 десятин.

Со слов местных жителей (с. Ахлебинино — Потросово — Н. Косьмово), отцы которых работали на новых посадках «корабельных сосен», Н.Н. Коншин вначале вырубал «под корень» приобретённый лес, а затем засаживал его «лучшими сортами» сосен и другими хвойными культурами. Ахлебинино прежде всего было известно лесной культурой и хлебопашеством. Одни крестьяне, имея свои земельные наделы, всё-таки ходили к «господам на подёнщину», другие — «служилые» и «дворовые», жили за счёт своего ремесла. Однако к появлению Н.Н. Коншина крестьяне Ахлебинина уже лишились работы, так как хозяйство Н.Г. Панова было разорено. К тому же в «сельце» процветала полная безграмотность, пьянство[30] и различные эпидемии. В прилегающей к Ахлебинину деревне Средняя фабрика у владельца В.Я. Бедлинского часть земли арендовала И.Я. Коншина под дом приюта для сирот, а также под мануфактурную фабрику. Это красивейшее место называли Русской Швейцарией[31].

Николай Николаевич Коншин-младший (1862-1915 (?) был сыном крупного текстильного серпуховского фабриканта, землевладельца, лесопромышленника и миллионера Николая Николаевича Коншина-старшего (1840-1918), получившего в 1882 году дворянский титул[32] и ставшего наравне с Рябушинскими, Прохоровыми, Морозовыми одним из ведущих хлопчатобумажных магнатов России. Им же были созданы «Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина» в Москве, Серпухове, Тарусе, Калуге, в последнем из которых членом состоял и его сын Николай Николаевич — младший. Отец был также владельцем Калужских Осеков[33] с известным образцовым имением в с. Ромоданове, расположенном на правом берегу р. Оки (в 2-х верстах от Калуги)[34]. Мало кому известно, что в 1893 году Великий князь Петр Николаевич вместе с супругой Милицей Николаевной и дочерью Мариной нанесли Н.Н. Коншину (старшему) частный визит, прогостив несколько дней в его Ромодановском имении[35].



Фрагмент плана (ситуационного) из плана Калужского дома отдыха в Ахлебинино.

Ирина Яковлевна Реутова-Коншина (1867-1937 г.)

Старшего Н.Н. Коншина, много достигшего своим кропотливым трудом, не могло не беспокоить то, что некоторые из его сыновей не желали продолжать его предпринимательскую деятельность. Например, Николай Николаевич-младший, родившийся 24 апреля 1862 года в Москве, предпочёл посвятить себя искусству. Имея прекрасный тенор, он закончил Московскую консерваторию, в которой очень был дружен с Н. Рубинштейном. Затем окончил школу драматической оперы в Риме, после чего заключил различные контракты, в частности с Императорским оперным театром в Москве. Его нежный чарующий голос сравнивали со всемирно-известными[36] тенорами Мазини, Фигнером и другими.

В Италии Коншин встретил блестящую оперную певицу редкой красоты Эмму Мэршон и, очарованный ее дивным голосом и красотой, во время ее успешного дебюта, сделал ей предложение. 15 апреля 1890 года во Флоренции в Русской Императорско-посольской православной Христорождественнской церкви состоялось венчание 28-летнего Николая Николаевича Коншина, православного потомственного дворянина Московской губернии и Эммы Мэршон 23 лет, англиканского вероисповедания[37]. (Позднее, после смерти своего первого сына Нестора, она примет православное имя — Ирина).

Эмма Яковлевна Мэршон родилась в 1867 году в США (штат Айова)[38]. По национальности немка, однако ее предки были выходцами из Франции — французскими гугенотами. Большую часть юности она прожила в Калифорнии, где до поступления в Миланскую Оперную школу, успела закончить еще и Женский институт[39]. В Италии она стала ученицей всемирно известного оперного педагога Миланского театра Ла Скала Франческо Ламперти и профессора Ванучини. Эта красавица обладала незаурядным, редким по тембру и окраске голосом колоратурное меццо-сопрано, владела многими языками, «что ей давало возможность исполнять широкий репертуар в различных музы-

кальных стилях». Будущее ей пророчили великое... Со всемирно известными оперными театрами у нее также были заключены контракты на самых выгодных для нее условиях...[40]. Супруги совместно стали делить свою славу, выступая во всемирно известных оперных театрах и концертных залах. Но внезапно их карьере был положен конец...

Семейное предание гласит о том, что, прослышав о триумфах Коншиных, якобы сама английская королева пожелала послушать их на генеральной репетиции. Однако Николай Николаевич опоздал ... на целый час. В результате разразился грандиозный скандал. Коншины вынуждены были покинуть Англию. Но и Франция их не приняла. А в одном из столичных театров России, как только взвился занавес, публика ... освистала Коншина, не дав ему возможности даже приступить к исполнению своей партии. Поговаривали, якобы его отец закупил полностью этот спектакль с целью «провалить» дебют сына, и вернуть его в предпринимательское дело. После «провала» Н. Коншин проклял искусство оперного пения, запретив петь и своей супруге. Вот тогда-то он и увёз свою красавицу в захолустное сельцо в Калужскую губернию, которое станет для нее последним пристанищем и где её душа обретёт вечный покой на Пятницком кладбище в Калуге.

Сохранилась устная легенда о торжественной церемонии, с какой Николай Николаевич представлял в отцовском имении свою красавицу супругу. От Калуги до Ромодановской церкви он вел её по подвесному мосту через р. Оку, усыпанному деньгами («царскими» «трешками», «пятерками», «десятками»), на которых стояла подпись управляющего Банком — А. Коншина. Происшедшее событие в Калуге настолько было незабываемым, что кое-кому удалось даже сберечь «на память» одну-две из таких ассигнаций[41].

Н.Н. Коншин (мл.) задолго до своего «оперного провала в Европе» уже имел свой кирпичный завод в с. Ахлебинине на «коншинских Пятницких двориках», расположенных на окраине села, а также конный завод, который с 1884 года уже был известен как наиболее образцовый, с лучшими верховыми лошадьми из породы гунтеров. Лошади сбывались в войска по цене от 500 до 1500 рублей — преимущественно в Москву, Петербург, Варшаву и даже за границу. Завод освещался электрическим светом, снабжался водой из канализации, имел сухие, высокие и светлые стойла. За лошадьми был организован прекрасный уход: их чистили щетками и убирали 3 раза в день. Для лошадей в Ахлебинине высеивались лучшие сорта овса и клевера с тимофеевкой. Охрана, в основном, была из черкесов[42].

На вновь приобретенной у Н.Г. Панова земле Николай Коншин, расширяя прежний конный завод, возвёл новое здание П-образной формы с небольшой кузницей (сохранилась), возведенной вблизи храма «Успения». Кузнецом у Коншиных работал Никита Герасимович Кондаков. Сторожку для старшего конюха завода — черкеса, Коншин пристроил к курятнику. Для необходимого прогона лошадей к конюшне Коншин попытался было снести уже упраздненное в 1901 году, но сохранившееся старое кладбище, расположенное у апсиды бывшего храма Успения, однако сельчане, недолюбливая его и дав ему клички «Хамлета» и «Кривого», такой подняли бунт, что помещику пришлось таки отступить. Досадуя и чертыхаясь, он, несмотря на свой крутой нрав, не уничтожил кладбище и не тронул даже его железную ограду, но хоронить сельчан на этом месте все-таки запретил. И вскоре в соседнем с. Потросове закупил часть земли для расширения уже существующего там «Ахлебининского» кладбища, а также для того, чтобы его супруга, особенно тяготевшая к духовной благотворительности, именно в Никольской церкви, а не в Ахлебинине, где Коншиным было развернуто строительство главного дома с флигелями, колон-

надой и хозяйственными постройками, которым не хватало места, осуществляла свои деяния. Когда же жена в его отсутствие «умудрилась- таки» восстановить в Ахлебинине, пришедшую в негодность часовенку «на большаке» напротив церкви Успения, и возвести её на радость сельчанам добротной, кирпичной, Коншин в наказание на три дня «засадил Ирину Яковлевну» в проклятый всем селом «срамной курятник»[43], а сам куда-то уехал...

Рассказывали местные жители и о том, что Коншин очень любил охоту, содержал псарню легавых и других охотничьих собак, и порой «развлекался тем, что, запрягая в сани по шесть собак, носился с ними по всему селу, загоняя в снег перепуганных старушек...». Вспоминали и о том случае, как барин при всем народе прирезал красавца-жеребца[44], за то, что тот «не так посмотрел» на него и т.п. В детстве Николай Николаевич лишился левого глаза: по одной из версий не доглядела его кормилица, и он упал на куст; по другой — был драчуном и от этого пострадал. Бывали и комичные моменты: как-то в порыве раздражённости Коншин отстегал костылём своего работника Никанора Мишина за то, что тот «криво изгородь поставил». Никанор тем же костылем «отхлопал самого барина» и ушел домой. Дважды Коншин посылал за ним слугу, чтобы тот незамедлительно пришел, иначе «городового приведет». Мишин решил, что барин, к которому он все-таки пришел, задумал его «загнать» в Сибирь или пристрелить. Смотрит — на столе стоит всякая снедь, вина и «пива сколько хочешь». Никита решил «перед смертью поесть досыта». И вдруг Коншин вручает ему 10 рублей (по тому времени сумма весьма солидная) и говорит: «Это тебе за то, что осмелился отметелить самого барина, а другие 10 рублей — даю за то, чтобы — молчал! И — никому!...» И Мишин молчал... до самой Октябрьской![45]

Коншин постоянно участвовал во всех конных бегах. Ежегодно представлял собственного завода верховых и шорных лошадей, а также кровных скакунов английской и англо-арабской пород на сельскохозяйственных выставках в отделе коневодства в Калуге, Нижнем Новгороде, Москве, на различных ярмарках. За представленных лошадей ежегодно получал различные награды — похвальные листы Главного управления коннозаводства, серебряные, золотые и прочие медали (например, его английский кровной породы рыжий жеребец «со злыми глазами» Буй-Тур выиграл около 20.000 рублей). На конном заводе Коншина в Ахлебинине предоставлялись в общественную случку заводские жеребцы с такими экзотическими именами, как «Князь Ромодановский» (бурый, английский от выводного «Сальватора» и «Милости»), «Сансонетто», «Вот-Те-Раз», «Линдоро» (Деркульского государственного завода) и другие. Желающим предоставлялись денники в маточной заводской конюшне (с платою по 20 коп. в сутки за денник), а также корм (по базарной цене)[46].

У въезда в усадебный комплекс Коншиных в Ахлебинине. Фото Г.В.Галицкой. 1990.

В разные годы по заводу у Коншина уп-

равляющими служили: ученый управитель Николай Иванович Биорк (в 1895 году), М. Говоров (в 1885-1896 годах), он же заведовал ахлебининским имением; Вацлав Фаддеевич Терликовский (1896-1904), Иван Станиславович Кроп (1906-1907) и т.д.[47] Любимым главным кучером Николая Николаевича, с которым он постоянно ходил на охоту и варил вместе уху, был Константин Алексеевич Пискарев. Служил у него и Константин Алексеевич Скарин и другие.

Для улучшения ахлебининского перевоза в 1896 году Коншин проложил брусчатую каменную гать[48] к Ужердскому мосту, к перевозу через р. Оку, часть которой сохранилась. Недалеко от р. Ужердь выстроил мельницу «крупорушку» (не сохранилась).

Строительством усадебного дома и окружающих его построек, посадкой леса и примыкающего к ним регулярного парка, руководил сам Николай Николаевич. Это подтверждали многие жители села, отцы и деды которых непосредственно работали у Коншина, подчеркивая его особое умение «разбираться в инженерном и строительном деле не хуже специалистов». Автор проекта усадьбы не известен, однако Коншины заказывали свои проекты ведущим архитекторам[49] страны. Свёкор местной жительницы П.Н. Лезиной, работая у Николая Николаевича, утверждал, что барин главный дом собирался возвести в пять этажей с двойной круговой колоннадой для того, чтобы с высоты главного дома и с колоннад была видна не только Калуга, но и можно было бы «обнять все небеса с облаками».

Действительно, по самой композиции, архитектурному решению, стилистике и планировке Коншинский усадебный комплекс во многом отличен от усадеб конца XIX — начала XX века. Образ главного дома воспринимается с трёх точек зрения: сверху, снизу (с реки) и с парадного двора. Если смотреть на него с высоты птичьего полета, то перед нами предстанет архитектурный ансамбль, вытянутый вдоль всего высокого берегового склона с выступающей несколько вперед оранжереей полуовальной формы, с расходящимися от нее в обе стороны мощными стенами, устремленными к двум флигелям (полностью сохранился только западный), расположенными симметрично друг к другу на весьма отдаленном расстоянии. Флигели по отношению к главному дому стоят перпендикулярно, торцами к реке, т.е. к северу. Общий облик ансамбля ассоциируется с образом взлетевшей птицы с широким взмахом своих крыльев, парящей над высоким берегом реки ...

Одни современники воспринимали это сооружение как «дворец»[50], другие — как своего рода «замок»[51]. Действительно, композиция была рассчитана на восприятие со стороны реки, и даже с ее противоположного берега. На каждого приближавшегося к береговой террасе образ дома производил особое эмоциональное впечатление. Вот как описывает это путешествующий по р. Оке в 1913 году В. Быков: «И, наконец, приближаясь к Калуге... вас встречает барский дом имения «Охлябинина» московского фабриканта Н.Н. К(оншина). Точно два стража — великана, охраняют это своеобразное здание две высоко поднимающиеся башни...»[52]

Особый интерес и поныне представляет оригинальная композиция самой усадебной «набережной», образующей четыре яруса террас. Само их построение напоминает итальянские сады эпохи барокко. Вместе с тем, они гармонично вписываются в характер окружающего пейзажа. На первом ярусе плоской крыши крыльев оранжереи, являющейся главной доминантой в построении всего архитектурно-ландшафтного ансамбля, располагалась центральная видовая, полукруглой формы площадка, в центре которой распо-

Ирина Яковлевна Реутова-Коншина.

лагался купол оранжереи, выложенный хрустальными гранеными блоками. От нее наверху, то есть вдоль прямых монументальных стен, устремленных к каждому из флигелей, шла балюстрада с декоративными вазами для цветов.

От каждого флигеля идут поддерживающие и укрепляющие гору пандусы. Однако у восточного флигеля (второй его ряд не был достроен), ещё сохранился первый ряд, облицованный плитами из серого камня. Это сооружение и сегодня поражает своей монументальностью. Оно декорировано крупным орнаментом в стиле краснокирпичной кладки. В настоящее время флигель вместе с подпорными стенами и оранжереей пришел в крайне аварийное состояние. У западного пандуса второй ярус сохранился полностью. К пандусам примыкал широкий, выложенный из серого камня, марш лестницы. Все линии пандусов, террас и подпорных строго симметричны и подчинены центральной оси, идущей через центр главного дома и оранжереи. Они и сегодня хорошо просматриваются, особенно в зимнее время и ранней весной, когда не затянуты зеленью.

Во всем комплексе регулярность сочетается с овальными линиями, что наблюдается и в выносной части мощной округлой стены зимнего сада-оранжереи, и в полуротонде западного флигеля с ее верхним открытым балконом, и в плавных, слегка округленных линиях пандусов, и в закруглённой части второго яруса террасы, которую на подходе к ней пандусы как бы «обнимают». Каждый ярус террасы повторяет закругленность предыдущего яруса. Расположенный в глубокой нише второго ряда террасы оригинальный гротик с небольшим бассейном и с двумя рядами барьерчиков своеобразной фигурации, как бы «в миниатюре» повторяет композиционную линию верхней террасы. Мощные же подпорные стены вторят самому изгибу реки, плавно омывающей подковообразный берег. В эту же композицию вписываются извилистые прогулочные дорожки, гармонично сливаясь с пейзажем и раскрывая взору панорамные ландшафты.

Многоярусный усадебный ансамбль именно при приближении к берегу, должен был произвести внезапный эффект и оставить неизгладимое эмоциональное впечатление. Флигели создавали необычное впечатление «башен», так как были сооружены на

Домовая церковь «Успения Пресвятой Богородицы», новосозданная И.Я. Коншиной в 1916 г.

высоком откосе берега и покоились на мощных цоколях, выложенных из крупного шлифованного камня, которые тем самым увеличивали их высоту. Протяженная подпорная стена этой террасы своей вогнутой частью, подпирая гору и цокольный этаж, как бы приподнимала здание ввысь, еще более подчеркивая линии вертикалей. В результате создавалась иллюзия флигелей-башен. К береговой пристани, которая завершала террасную композицию, причаливали корабли[53] и прогулочные лодки.

При самом въезде в Ахлебинино на северной стороне Старо-Тульской дороги, вас встречают сосны, высаженные вместе с другими хвойными породами деревьев самим Н.Н. Коншиным на рубеже XIX-XX веков.[54] Сам же усадебный комплекс с парадным двором расположен в глубине от дороги и в стороне от села, на самой высокой точке местности. Николай Николаевич выбрал никем ранее не тронутое, живописное место — береговой откос с ярко выраженным рельефом, с прекрасными видовыми перспективами, с водным пространством. Не случись после «среза этого городища» аварийная экологическая ситуация, не «поплыви гора», наверняка не был бы создан столь уникальный архитектурно-ландшафтный ансамбль с рукотворными многоярусными террасами, оранжереей, и величественными подпорными стенами, а также с подземными подвалами-ледниками, сложной дренажной гидросистемой и многим другим.

Территория усадьбы берёт свое начало с восточной стороны, от большака, на котором стояла часовня (снесена в 1924 году)[55] и от границы «писаревской господской земли». Далее с южной стороны она проходит вдоль всей Старо-Тульской дороги до водоохранной зоны рек Оки и Ужердь. На севере граница проходит вдоль берега Оки. К старинной дороге примыкает сохранившийся дом управляющего Коншина[56] с церковью Успения Пресвятой Богородицы. Невдалеке от нее кузница и два пруда.

Усадебный ансамбль конца XIX — начала XX века строился в строгом лаконичном стиле классицизма. Однако главный дом, расположенный вместе с оранжереей, Коншин не успел достроить. Выстроен был только первый этаж — кухня (полностью утрачена), примы-

кавшая к оранжерее. По воспоминаниям старожилов, Коншин хотел главный дом возвести в пять этажей «с круговой открытой колоннадой»: «У авчуринского помещика, хоть и высокий замок, а что с его «слабого», пологого берега, увидишь? Посмотришь направо, налево — ну течет себе спокойненько река! И на другой (противоположный) берег глянешь: поля да холмы! А наш барин Коншин, стало быть, хотел построить свой барский дом повыше авчуринского, да покрасивше: и только красный! (имеется в виду открытая кирпичная кладка — Прим. ред.) — Чтоб завсегда на солнце горел! Он ведь хотел его на такую высоту поднять, чтобы сразу все небеса можно было бы обнять! И чтобы со всех гульбищ, крыш и колоннады можно было обозревать всю нашу русскую ширь! На все стороны света! Да чтобы все диву дивились — заокскими просторами нашими...

Барин и мост-то «на быках» задумал возвести чуть поодаль отселе, через реку на Авчурино, чтоб поближе было к Калуге ехать, да сказывали — царь ему не разрешил. А то, и нам бы славно было! Сказывали, что он для лучшей своей видимости заблаговременно скупил у авчуринского Полторацкого, кажись, за 500 рублей! Дуб, срезал его — и теперича Калугу с верхнего барского балкона «фигеля» (флигеля — Г.Г.) далеко, но можно уже обзирать!»[57] Действительно, весь усадебный комплекс ориентирован на западную и северо-восточную стороны, откуда перед взором раскрываются безбрежные просторы, дали, холмы, леса, вторя течению реки подобно киноленте как бы прокручивается круговая панорама усадьбы и окрестностей.

Чрезвычайный интерес в архитектурном, инженерном и эстетическом плане представляет оранжерея, примыкавшая к главному дому и служившая одновременно мощным основанием, предохранявшим его от оползней. В то же время это уникальное сооружение (ему, пожалуй, нет аналогов) своей центральной частью вместе с главным домом являлось доминантой и отмечало главную ось всего ансамбля. Снаружи с северной стороны оранжерея облицована серым камнем, с южной, примыкающей к подвалу («кухне-холодной») — красным кирпичом. Громоздкие серые камни, необходимые для оранжереи и цокольных этажей флигелей, подпорных стен, террас и т.д., доставлялись на лодках из деревни Наволоки, расположенной на противоположном берегу р. Оки. «Тесаный» камень готовили в д. Никольском-Потросове, мелкий добывали в «карьерчике» Ахлебинина (на этом месте в 1930-1933 годах была сооружена водокачка). Красный кирпич, якобы, выпускался на Коншинском заводе (в «пятницких дворах», т.е. на окраинной части Ахлебинина).

Внутри оранжереи впечатляет мощный эллипсообразный в плане купол, выложенный красным кирпичом с вкраплениями серого камня (нижний ряд представляет собой полуциркульные арочные ниши) без единого связующего поперечного крепления. В центре его некогда располагался «застекленный» купол, приподнимаемый (каким-то механизмом) для проникновения света и воздуха. Огромные люкарны, глубоко «вмонтированные» в толщу стен оранжереи под углом 30°, когда-то были заполнены «огромными гранеными брусками хрустального стекла» (со слов М.И. Лазарева, В.С Кондакова и др.), которые фокусировали солнечные лучи и наполняли необычным радужным светом центральный объем зимнего сада (местное население называло его только «эжереей — ажереей»)[58]. В настоящее время с южной стороны оранжереи зияет огромный пролом, пробитый для ввоза в нее грузовой цистерны. Но несмотря на утрату части стены, огромный купол еще держится.

Усадебный ансамбль строится на двух осях: одна проходит через центр оранжереи, по ее полуциркульной арке, разделяя композицию террас, подпорных стен, пандусов и

боковых флигелей на две симметричные части. Затем устремляется к центру водоприемного дренажного колодца[59], мини-гротика с его водным бассейном, завершаясь у пристани на реке. Точно по центральной оси на реке было установлено устройство для бакенщика со сторожкой, расположенной на противоположном берегу (в последние годы там работал Василий Пискарев). Также была организована, проходящая под вышеуказанными объектами, технически сложная подземная дренажная гидросистема, которая брала начало от восточного партера парадного двора, разрушенного в 1996 году «инвестором», а также от колодца природного источника, который был засыпан в 1980 году. Оба конца соединялись у центральной оси главного дома с выходом к реке.

Вторая ось проходит через южный фасад, центр парадного двора и парка, где основным элементом композиции была огромная клумба (не сохранилась; местные жители называли ее газоном). Газон вместе с фонтаном, скульптурой, цветочным ковром и подсвеченными стеклянными «куполами» усиливал декоративность и парадный характер всей композиции. Газон был разбит на низком месте, его окаймляли четыре полукруглых рукотворных земляных вала, засаженных молодыми елями (в народе их называли «Коншинскими валами»; к сожалению, в 1996 году часть газона была снесена вместе с деревом, подземная дренажная система разрушена при попустительстве местных и областных властей[60]).

Планировка северо-западной части парка состоит из четырех радиальных аллей, отходящих от полукруглой площадки: в восточной они идут к сосновым насаждениям, в западной — к аллеям регулярного парка. Две липовые аллеи ориентированы на старинную Тульскую дорогу. Юго-восточная сторона проходила мимо Конного завода, кузницы, лавки, церкви Успения, часовни, с выходом на эту же дорогу. Юго-западная аллея, обсаженная хвойными породами деревьев, шла мимо курятника со светелкой старшего конюха, сада и завершалась у деревянных, как и вся ограда, въездных ворот.

Если усадебный ансамбль при обзоре с реки воспринимался величественным «замком», то со стороны его парадной террасной части, он смотрелся спокойнее. Можно только мысленно восстанавливать открытую круговую двойную колоннаду, которую вместе с главным домом Коншин не успел завершить. Однако, со слов местных жителей, эта колоннада должна была начать свой ход от двух полуколонн, примыкающих к глухой стене флигеля, и, совершив полукруг, подойти к западному флигелю. Это еще сохранившееся сооружение, называемое в народе «красным барским домом», было выстроен Коншиным для старшего сына Николая (1899-1953), второй, ныне руинированный флигель предназначался для младшего сына Георгия (1904-1966), а главный дом — для Ирины Яковлевны.

Западный флигель главного господского дома. Фото А.Кузина. 1993.

Двухэтажный западный флигель покоится на высоком цоколе, облицованном блоками природного камня, само здание выполнено в красном кирпиче. Западный фасаде украшает полуротонда с шестью колоннами тосканского ордера. Над террасой расположен эллипсообразный в плане балкон с видом на Авчуринский замок и далекую Калугу. При владельцах он был украшен цветочными вазами (или скульптурой — ?). В этом флигеле почти безвыездно проживала И.Я Коншина с сыновьями. Н.Н. Коншин в последние годы бывал в усадьбе наездами... Восточной стороной флигель выходит на полукруглый парадный партер усадебного двора с небольшим портиком. Оба флигеля имели плоские кровли, приспособленные специально под обзорные площадки. У западного флигеля кровли с запада венчалась ступенчатым аттиком. Стоявший симметрично ему восточный флигель (на весьма отдаленном расстоянии от центральной оси — главного дома и оранжереи) имел подобный ступенчатый аттик, ориентированный на восток. В этом доме, где не были завершены только некоторые отделочные работы (лепнина и проч.), постоянно проживали монахини и паломники, заезжающие к Ирине Яковлевне. Здесь часто останавливался настоятель Сергиевского Скита о. Герасим и др. Здание было снесено в 1927 году по решению «колхозного схода» для раздачи кирпича местному населению.

От каждого флигеля с восточной и западной сторон на полуовальной площадке расположены боскеты, обсаженные серебристым тополем и другими породами деревьев. В месте пересечения двух лиственничных и липовых аллей, ближе к склону из ряда старых лип (12 шт.) — квадратная площадка, от которой по краю полукруглого откоса высажены ряды из 32-х лиственниц. С этой живописной лужайки открывается захватывающая дух панорама на заокский берег и авчуринский замок. По бытующей легенде от этого места шёл подземный ход к имению Авчурино. Вдоль побережья реки расположились массивы старых деревьев (с родниками и прудиками). Весь парк (20 дес.) был разделен на многочисленные аллеи (сосна, липа, лиственница), при пересечении которых были образованы квадраты. В этих прямоугольных секторах размещались плодовые коммерческие сады.

В 1910 году коншинский плодовый сад уже отличался как «первый по величине во всем уезде на 16 десятинах, из которых 4 дес. занимали очень старые деревья, а 12 дес. — в возрасте 10 лет. Деревья были посажены в шахматном порядке на расстоянии друг от друга в 3 саж. в старом саду и 4 саж. в молодом. Между деревьями ведется промежуточная культура — корнеплоды и 4 года клевер». «Имеется садовник с жалованьем 300 рублей при готовой квартире, харчах, отоплении и освещении. В саду до 3000 яблонь и почти исключительно антоновки (2397 деревьев); второе место занимает коричневое (270); потом грушовка (75); боровинка и скрижапель (по 50); аркад (45); анис (40); бабушкино (30); апорт (20) и скрут (3). На сад ежегодно расходуется более 600 рублей, считая содержание садовника. Сад со старыми яблонями сдается весною, глядя по завязи на деревьях, от 800 до 1000 рублей в год. Деревья от насекомых опрыскиваются разными составами. Кроме сада имеется огород до 1 ? дес. для надобностей имения, 200 саж. парников, немного клубники и ягодных кустарников»[61].

Многие крестьяне вспоминали, как «барыня Ирина Яковлевна» постоянно угощала их, детишек, не только яблоками, но зимой даже мороженой клубникой, ягодами (из подвалов-ледников) во время праздников, которые она постоянно устраивала для всей детворы в Ахлебинине. Например, во время Рождества около главного дома «посредине

газона» (т.е. клумбы) ставили огромную елку, и пришедшую со всей округи детвору угощали гостинцами. Подобные праздники чаще проводились в школе, в которой разбирались стены классов (школа была выстроена в плане в виде креста) для большего вмещения желающих попасть на елку и концерт. И каждый, по своему желанию, мог стать его участником. А если он еще что-то споет, станцует или прочтет стихотворение, то «барыня Ирина Яковлевна обязательно дарила дорогой гостинец: вышивку, игрушку, кулек конфет с обязательным молитвенником».

Интерьер оранжереи. (Южная сторона). Фото В.В. Легостаева. 2001.

Вот как отзывался о ней современник: «...Здесь, говорят, все время: и лето, и зиму, живет одна из больших женщин нашего времени И(рина) Я(ковлевна) Коншина. Дочь американского пастора, перекочевавшая к нам в Россию вопреки желанию своих родных, пугавших ее глубокими снегами, непроходимыми дебрями, ревом диких медведей, для которых не написаны никакие законы, и беспощадным самодурством русских людей, — она пренебрегла всем, пришла в чужой неведомый ей край, приняла православие, много пережила, много перестрадала и отдалась церкви и Христу так, что многие произносят имя этой подвижницы духа в миру в наше время с благоговением. Большая женщина! Ее вполне оценит история будущего...»[62]

В 2002 году исполнилось 135 лет со дня рождения этой удивительной личности и 65 лет со дня кончины[63]. Америка, где Ирина Яковлевна получила высшее образование, подарила ее с великолепным и редким по красоте голосом и прекрасными внешними данными (стройная фигура, пышные черные волосы, синие очи) всему миру. Италия сделала ее известной оперной певицей, уникальным педагогом, в т.ч. постановщиком опер. Третьей ее Родиной стала Калужская земля, которой она более сорока лет дарила свою лю-

Липовые аллеи регулярного парка. Фото В.В. Легостаева. 2001.

бовь и многочисленные таланты, несмотря на все те лихолетья и несправедливости, с которыми встретила ее Россия. За жизнь она сменила три фамилии: Мэршон-Коншина-Реутова, имела троих сыновей: первый — Нестор умер в раннем возрасте, а Николай и Георгий, окончив в Калуге мужскую Николаевскую гимназию, после революции были отправлены к ее родственникам в Америку. По имени ее вначале звали Эммой. Затем она приняла православное имя Ирина. После самоубийства Николая Николаевича Коншина вторым ее мужем стал Валентин Васильевич Реутов, учитель ее сыновей, сын священника, окончивший в 1912 году Московскую Духовную академию (он был на 20 лет ее моложе) и служивший затем псаломщиком в авчуринском храме.

После появления Ирины Яковлевны сельцо Ахлебинино «стало преобразовываться» в настоящий духовный оазис. Чтобы как-то облегчить беспросветную жизнь крестьян, Коншина организует в Ахлебинине, в д. Мининки кустарный промысел народных крестьянских вышивок в технике «калужская перевить», «вологодские стекла» и др. Ей оказывала содействие в организации и привлечении крестьян соседних приокских деревень помещица из д. Тимошовка (на противоположном берегу р. Оки) Софья Эммануиловна Мамонова, а также учительница Татьяна Ивановна Чурикова-Цветкова, работавшая у Ирины Яковлевны в школе вместе с мужем Евлампием Валентиновичем Цветковым (преподавал математику). Вышивками и народными промыслами были охвачены близлежащие деревни вдоль р. Оки в количестве 69 сел, в которых участвовало около 700 человек мастериц, что доставляло доходов более 4000 рублей (на 1909-1910 годы). Крестьянские работы сельца Ахлебинина выставлялись на ежегодных сельскохозяйственных и кустарных выставках в Калуге, Серпухове, Одессе, Нижнем Новгороде, Москве, С.-Петербурге, а также за границей. Их приобретали не только в столичных городах, но и за океаном: в Нью-Йорке, Париже, Чикаго, Вашингтоне. Экспоненты на всех выставках, как правило, получали самые высокие награды: серебряные, золотые и др.

В одном писем к губернатору С.Б. Горчакову Ирина Яковлевна отмечала, что она получила одобрение «Высочайших особ царской семьи Романовых», в результате чего ей на развитие промысла была выделена сумма в 10.000 руб. Она выстроила мастерскую, где мастерицы не только вышивали, но и ткали ковры (в основном — мальчики), которые тоже были отмечены на одной из выставок бронзовой медалью. Этими коврами был убран возрожденный И.Я. Коншиной храм Успения Пр. Богородицы. Народные промыслы в Ахлебинине просуществовали примерно с 1894-го до 1916 года.[64]

Поскольку Н.Н. Коншин сначала категорически запретил супруге восстанавливать храм Успения Пресвятой Богородицы, Ирина Яковлевна была прихожанкой Никольской церкви в Потросове, где ее стараниями была пристроена и освящена трапезная[65]. Для нужд этого храма ею ежегодно выделялась сумма в 150-180 рублей[66]. В церковно-приходской школе этого села она преподавала церковное пение, следуя уставу братства Св. Апостола Иоанна Богослова, членом которого она состояла[67]. Недалеко от церкви Коншина выстроила гимназию, правда не успела возвести крышу, однако здание гимназии сохранилось.

Ирина Яковлевна пользовалась огромным авторитетом и поддержкой среди церковников в Епархии, поэтому когда она все-таки завезла кирпич для воссоздания храма в Ахлебинине, разгневанный Коншин в кратчайший срок соорудил на огромном фундаменте разрушенного храма Успения контору своего управляющего (деревянное, оштукатуренное здание, 25х8 аршин)[68], но все-таки не тронул пришедшую в ветхость церковь Успения, когда-то приспособленную Баскаковым под свою домовую часовню[69]. (В 2001 году исполнилось 85 лет церкви Успения как новоустроенной И.Я. Коншиной; в 2003 году исполнилось 420 лет со дня ее первого упоминания).

В 1905 года Ирина Яковлевна открыла в Ахлебинине церковно-приходскую школу, где обучалось 93 ученика. Преподавателями были: Сергей Егорович Старостин, Евлампий Васильевич Цветков, Александра Федоровна Кудрявцева, дочь дьякона Александра Петровна, учитель Полуэкт Филиппович и другие. В школе работали различные мастерские: для мальчиков — столярные, для девочек — художественной вышивки. При школе были устроены квартиры для учителей, которые обязаны были брать на воспитание детей — сирот или детишек из многодетных бедных семей. Позднее их переведут в Дом приюта, который выстроит Ирина Яковлевна в полуверсте от Ахлебинина в арендуемом ею соседнем имении В.Я. Бедлинского Средняя фабрика. Вначале там призревалось 28 мальчиков, 16 девочек, позже — 75 детей. Освящение приюта-школы состоялось 18 февраля 1910 года. Среди приглашенных были: супруга начальника губернии княгиня А.Е. Горчакова, вице-губернатор В.А. Оленин, местные земские начальники, в т.ч. председатель уездной земской управы М.Н. Фон-Ренне. После осмотра помещений, ее сиятельство княгиня А.Е. Горчакова сделала пожертвование детям на лакомства и покупку учебных принадлежностей[70]. Заведующей приютом вначале была Ю.М. Гусева, затем Валентин Васильевич Реутов (до 1918 года он служил псаломщиком в Авчуринской церкви). Для детей приюта было приобретено 13 коров «разнообразной породы» и сепаратор, на котором сбивали масло, реализуя его на рынке. Школа из двухклассной была расширена была до 5-6 классов (вместе с мастерскими). Кроме того, Ирина Яковлевна создала в Ахлебинине общество трезвости и при нем народную библиотеку, в фонде которой имелись книги по различным кустарным ремеслам (с описанием их технологий), а также исторического, философского и богословского содержания.

По церковным праздникам в сельцо стекался народ со всей округи, включая села и деревни противоположного берега — Авчурино, Парашенки, Сергиевское, Тимошовки и другие. В Ахлебинине по два дня (с утра и до 11 часов вечера) проводились «духовные» чтения с «волшебным фонарем». Священники (в т.ч. о. Жаров) проводили с народом беседы на религиозно-нравственные темы: «О православной вере», «О Троице-Сергиевой Лавре», «О вреде пьянства» и т.д.[71] После чтений устраивались церковные песнопения, а

Вид панорамы р.Оки с восточного флигеля. Фото В.В. Легостаева. 2001.

по окончании каждому пришедшему ребенку дарили молитвенники, Евангелие и Библию. Надпись, сделанная рукою епископа Иннокентия на Библии, подаренной Ирине Яковлевне, подтверждает ее особую заботу и любовь к детям: «Святейший Правительствующий Синод, ревнующую о наставлении детей в вере и благочестии по учению святой Православной церкви, попечительницу Ахлебининской двухклассной церковно-приходской школы Калужской епархии и уезда, дворянку Ирину Коншину благословляет сею книгою в поощрение любви ея к детям, являемой делом и истиною»[72].

Хотя оперной карьере был положен конец, Ирина Яковлевна принимала в сельце многих талантливых, подающих надежды, молодых певцов, консультируя их и передавая им тайны певческого мастерства (у нее учились: Анна Матвеевна Щербакова (Яцышина), Варвара Михайловна Овсянникова, три сестры, одну из которых звали Софьей...) Позднее у нее в профессионально-художественной школе брала уроки пения Ольга Ахлебинина — потомок Охлябининых... И все-таки Калуге удалось услышать необыкновенный «соловьиный» голос Ирины Яковлевны. Ей было 29 лет, когда они с Николаем Николаевичем приняли участие в благотворительном концерте «в пользу бесприютных детей г. Калуги», который был устроен 25 августа 1896 года в Дворянском собрании. Коншины с успехом исполнили дуэт их оперы «Травиата» Верди и «Ангела» Рубинштейна. Ирина Яковлевна «с большой легкостью» исполнила вальс «Нимфа и Сильван» Бемберга, каватину из оперы «Севильский цирюльник» Россини и несколько романсов Чайковского и Рубинштейна на «бис». Рецензент особо отмечал высокое исполнение и голос Коншиной: «она обладает роскошным колоратурным сопрано, ласкающим слух, привлекает слушателя приятным тембром своего голоса, а детальная отделка в пении и прочувствованность составляют неотъемлемые достоинства артистки»[73].

Ирина Яковлевна не только владела в совершенстве оперным голосом; она играла на органе, рояле (в дальнейшем, при постановке опер в Калуге ей придется с Т.Ф. Достоевской исполнять в «четыре руки» клавиры опер, многие из которых она знала наизусть). Владела она и кистью живописца. Многие запомнили портреты, написанные ею: настоятеля Сергиевского скита иеромонаха Герасима, Ольги Ивановны Монигетти, любимой ученицы Ангелины Ивановны Карповой и другие. Коншина сама создавала рисунки для крестьянских народных вышивок. Многих обучала рисунку и «перспективе» (по воспоминаниям В.В. Реутова — племянника ее второго мужа) и т.д. Владела многими европейскими языками.

Помимо всего, эта «Большая женщина», как ее назвал современник, имела необыкновенную самоотверженную душу и любовь к простолюдину. «Такой барыни на

свете не сыщешь! Больно набожная была, добрейшая! Сдохнет корова али телка: придешь к ней — она тебя обогреет, обласкает — и даст корову», — вспоминали одни (Ларионовы, Пискаревы, Липатовы). «Не боялась ни холеры, ни тифа — кажную неделю обходила все подряд крестьянские дома, всех лечила. Зайдет, бывалыча, в хату: вся в белом, как царица на деньгах (т.е. сравнивали ее с изображением Екатерины II на царской 100 рублевке). Особливо любила детишек... и девочек. Она и сыновей своих: Коко (Колю) и Люля (Георгия) одевала в детстве в девчачьи платьица. Ее все стремились записать в «крестную»[74] (т.е. в Духовную Консисторию метрическую книгу — как воспреемницу)» — вспоминали другие (М.И. Лазарев, В.С. Кондаков, Т.А. Корвяков). «У нее денег не было, так она за наши вышивки — управляющему распишет записочку. Тот выдаст нам крупы, материалу, все что надо! У нас и пьянства-то не было: все занимались делом. Мы ведь самой царице платье вышивали — за это премию получили! Культурность наша барыня такую тут разводила, что все деревни к нам сбегались. А они-то ведь другим помещикам принадлежали! Приятная была Ирина Яковлевна! Навеки её помнить будут!» (М.М. Ефремова, А.В. Черпальчева, А.А. Михайлова).

В народе ее прозвали «Коншицей-кормилицей» и «благодетельницей». С именем Ирины Яковлевны связано возрождение в Ахлебинине церкви Успения Пресвятой Богородицы. Воссоздала она ее в память своего мужа, Николая Николаевича после его смерти (по этому поводу были различные версии: одни говорили, что его, якобы, убил лакей, другие, что он сам застрелился). Несмотря на то, что у Коншиной уже не было больших материальных средств, она все-таки возобновила храм Успения Пресвятыя Богородицы, освятив его в пасхальную субботу 16 апреля 1916 года (см. подробнее об освящении храма)[75]. Этот день стал незабываемым событием в истории Ахлебинина. На освящение церкви прибыл преосвященнейший Георгий, Епископ Калужский и Боровский с настоятелями других храмов Калужского уезда, с духовенством ближайших приходов, с ректором духовной семинарии протоиереем А. Преображенским, кафедральным протоиереем Д. Некрасовым, ключарем кафедрального собора протоиереем М. Дмитриевским, настоятелем Сергиевского скита иеромонахом Герасимом (постоянно бывавшим у И.Я. Коншиной в Ахлебинине) и многие другие. Епископ освятил храм и отслужил божественную литургию. Молебен проходил вне храма, ввиду его малого размера и невозможности вместить всех присутствующих[76].

Народ ликовал — наконец-то, в Ахлебинине помимо кирпичной часовенки «на большаке», теперь был, пусть малого размера, но свой старинный храм. Немного позднее была сооружена колокольня с 9 колоколами. Церковь была богато украшена крестьянскими вышивками, кружевами, полотенцами, коврами и иконами. Многие оклады и церковные облачения вышивала сама Ирина Яковлевна вместе с мастерицами: Чуриковыми, Матреной Ефремовой, Апраксиньей Черпальчевой, Анной Новиковой, Пелагеей Ларионовой, Татьяной Цветковой и другими. Эти же юные мастерицы, с их слов, принимали участие в создании «платья для Императрицы», за что, например, Татьяна Ивановна Цветкова (в девичестве Чурикова) получила Похвальный лист и 25 рублей премии.

У И.Я. Коншиной была духовная связь с Великой княгиней Елизаветой Фёдоровной. Недалеко от Мстихино, в Сергиевом скиту, на средства Ирины Яковлевны в больнице-богадельне был заложен храм Во имя иконы Божией Матери «Скоропослушницы», что под-

Пруд в усадьбе Ахлебинино. Фото Г.В. Галицкой. 1990-е.

тверждает телеграмма, подписанная Епископом Калужским и настоятелем Сергиевой пустыни о. Герасимом и посланная В.к. Елизавете Фёдоровне в день храмового праздника Сергиева скита 5 июля 1912 года. Примечательно, что телеграмма была подписана также И.Я. Коншиной и ее сыновьями — Николаем и Георгием[77]. Коншина тесно дружила с семьями известных и уважаемых священников: Малининых, Некрасовых, Никольских, Щегловых, Извековых, которые часто посещали ее в Ахлебинине, как и ее соседи — дворяне Гончаровы, Горчаковы, Фон-Ренне, С.Э. Мамонова и т.д.

После 1918 года И.Я. Коншина-Реутова переехала в Калугу, преподавала там оперное пение вначале в музыкальном техникуме, затем, после его объединения с театральным (1924) — в профессиональной художественной школе. Она поставила в Калуге в 1920-1930-х годах несколько опер («Евгений Онегин», «Русалка», «Алеко», «Пиковая дама»), организовала несколько больших концертов с «участием московских оперных певцов». У нее брали уроки «постановки голоса»: М.Д. Михайлов (в 1930-е годы он приезжал в Ахлебинино с концертом для сельчан), И.М. Скобцев, В.В. Барсова, которая горько будет оплакивать Ирину Яковлевну в день ее похорон на Пятницком кладбище. Коншина также консультирована многие церковные и светские хоры в Калуге. Многочисленные ее ученики, в том числе, певцы Большого театра, в день прощания с нею исполнили «Реквием» Моцарта. «Это было так задушевно и сильно, что слышно было даже у нас, ... в сельце Ахлебинине», — вспоминали местные жители. Такое доброе предание передают из поколения в поколение ахлебининцы...

В начале 1930-х годов в Ахлебинине с широким размахом начали строить образцовый дом отдыха для партийного актива, но из-за нехватки строительного материала и средств, многое не могло быть осуществлено. Однако для под строительство ГЭС (кочегарки) были взорваны церкви в д. Парашенки и Никольский храм XVIII века в Потросове. По той же причине была снесена и кирпичная часовня, выстроенная когда-то И.Я. Коншиной. Затем в доме отдыха, расположенном в парке Коншиных, несколько лет жили испанские дети (1937-

1938), после них — инвалиды, затем с 1943 года — трудовая колония. В «красном доме» (западном флигеле) в основном проживал обслуживающий персонал дома отдыха. С 1960 года территорию парка заняла областная психиатрическая больница № 2. В ее ведении до сих пор находится западный флигель. Ранее были выкорчеваны все плодовые сады.

Несмотря на активное уничтожение памятника истории и культуры усадьбы Коншиных она еще существует. От нее сохранились: 2-х этажный западный флигель («красный дом» — в аварийном состоянии)), оранжерея с подземными подвалами-ледниками, подпорные стены, пандусы, четыре яруса террас, водосбор, гротик, заводь, церковь Успения (в крайне аварийном состоянии), контора управляющего (активно перестраивается), кузница (в аварийном состоянии), пруды; партер с «Коншинскими валами» у центральной части главного дома, два зеленых боскета (один из них застроен), цокольный этаж второго флигеля превращён в развалины, древний холм, примыкающий к восточному флигелю — с видовой панорамой Оки в сторону Тарусы (по нему прогоняют скот, от чего произошла холм разрушается). Сохранились и подземная дренажная гидросистема (заборный колодец с 1995 году наглухо забит землею), «гротик» на площадке третьей террасы (с 1993 года активно разрушается). Руинирован конный завод Коншина. Квадратный боскет, окруженный аллеей лип, и куртины из 32 лиственниц на обзорной площадке на р. Оку — застроены. Уничтожается застройкой регулярный парк конца XIX — начала XX века (около 3 тыс. деревьев — ель, сосна, липа и другие.). Пока еще сохранились липовые, сосновые, лиственничные аллеи. Церковно-приходская школа снесена в 1970 году, от Дома приюта сохранился заросший фундамент, от фабрики — развалины. Редеют Коншинские сосновые посадки и родниковые ключи.

Усадьба Коншиных как мемориальный исторический и культурный памятник крайне нуждается в спасении от полного его уничтожения. Исследование усадьбы автором началось с 1970-х годах в полевых экспедициях по деревням Калужской области, в архивах страны, и оно еще не закончено[78]. Хотя усадьба Коншиных Ахлебинино поставлена на государственный учет как памятник архитектуры над её архитектурным и садово-парковым комплексом нависла реальная угроза полного уничтожения[79].

Администрация Ахлебининского сельсовета совместно с Перемышльской администрацией, а также с Калужским областным комитетом культуры распродают территорию памятника вместе с главными объектами и парком как «земельные участки». Обращения Председателя комитета по культуре Государственной Думы С.С. Говорухина[80] к Министру культуры РФ с его же повторным письмом к председателю Законодательного собрания Калужской области[81] не имели последствий. Правительственное поручение заместителя председателя правительства РФ В.И. Матвеенко [82] к администрации Калужской области (В.В. Сударенкову), к Минкультуры России по обеспечению сохранности памятника и изменению учетных паспортов на объекты усадьбы, а также о правильности установления границ и режимов содержания территории усадьбы и ее зон охраны — никаких положительных результатов также не дали...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В книге «Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX вв.» (М., УРСС, 2001. С.550) ошибочно указано расположение усадьбы в Московской губернии и уезде. В Межевых геометрических планах Калужской губернии (ГАКО,

Ф-159, оп.10, ед.хр.711; Ф-159, оп.02, ед.хр.692) село Ахлебинино первоначально записывалось за Алексинским уездом, затем как «сельцо» за Калужской губернией и уездом Лосенской (Лассальской) волости. Несколько трансформированное от своего первоначального названия «Охлябинино», в последующие времена оно называлось по-разному: Хлябино-Хлебино-Ахлебинино. После 1918 г. с. Ахлебинино переименовали в с. Красное, но это название не прижилось. В советское время Ахлебинино стало центром сельской администрации Перемышльского района (главный администратор Л.С. Громов).

2. В статье А.С. Днепровского «Экскурсия в Авчурино и Ахлебинино» в путеводителе «Туристские тропы Калужской обл. (Сост.В.С. Зеленов. Тула, 1990. С.67-72) — опубликованы досужие вымыслы, не имеющие под собой исторической основы. Автор был подвергнут объективной критике. Тем не менее, в переизданной Калужской энциклопедии (Калуга, 2000. С.38-39) вновь был указан этот же антиисторический источник. См.: Галицкая Г. Неизвестное Ахлебинино // К коммунизму, Перемышль, 1990, 23 июня; она же. Подлежит забвению? // Весть, Калуга, 29.08.1992; она же. Как кочегарку приняли за церковь. Об исторических изысканиях некоторых архитекторов // Знамя, Калуга, 16.04.1994; Жучин Ю. Так в ком же совесть не чиста? // Весть, Калуга, 08.09.1992; Тен В.В. Юпитер, ты сердишься? // Знамя, Калуга, 28.05.1994; Р. Смирнова, Г. Галицкая. Душа уязвлена стала // Знамя, Калуга, 06.08.1996; Тен В.В. В «Российской Тоскане» уничтожаются памятники культуры. В то время, как губернатором является председатель комитета по культуре совета Федерации // Приокская газета, 18-24. 06.1998; Коншины А.Д., Н.Н., Некрасова М.А. (профессор РАН), Бармин А.А., Мигель де Коншина Анна (США), Коншин В.Н. (США), Лямин И. (Париж) — потомки Коншиных. Судьба дворянского гнезда // Приокская газета, 18.12.1993. См. приложение: телеграммы из США и из Москвы от Коншиных, Барминых и др. (1995-2000).

3. Пономаренко С.В., Е.В. (к.б.н.). Калужские засеки. Обоснование организации заповедника «Калужские засеки». М. 1990 (МГПИ им. В.И.Ленина). В нарушение Закона по охране памятников и других[законодательных актов, Калужская обл. дирекция по охране, реставрации, использованию памятников и земель историко-культурного назначения облкомитета (Т.В. Голоушкина), обл.комитет по экологии (зам.пред. Е.Г. Степанов) выдали разрешения (от 31.01.1996 г. № 57, 58, от 14.03.96 г. № 107-01/56п, № 107-01/57; от 04.06.96 г. № 07-01/109п) частным лицам: П.Г. Мамонову, А.Э. Самойлову, В.В. Грызлову как на «всю усадьбу в целом», так и на «существующие земельные участки в охранной зоне памятника «Парк с. Ахлебинино» под строительство коттеджей (см. разр.) с предварительным сносом самого памятника. Это подтверждает Договор (от 08.08.96 г. № 4170), где прямо указано, что «покупатель не обременен правами 3-х лиц и не имеет ограничений в пользовании». В результате этого П.Г. Мамоновым были уничтожены центральная часть собственно памятника с его дренажной подземной системой, часть партера, парадного двора и др. На территории «инвестор» возвел 2-х этажный особняк с подземным гаражом. В зоне парка вырублены липы и сосны конца XIX — начала XX вв., на месте которых и выстроены коттеджи.

4. Государственный архив Калужской области (далее ГАКО). Геометрический спецплан межевания Калужской губернии и ее уезда, учиненного в 1777 г., утвержденного в 1786 г., в 1842 г. ГАКО, Ф-159, оп.10, ед.хр.692; 709; 711; Ф-159 оп.10, ед.хр.678; Ф-151, оп.1, ед.хр.1927, л.13 (1847 г.). Подлинники. В 1864 г. селение Ахлебинино, окруженное господскою землею, составляло 708 десятин 804 сажень.

5. «Охлебить, охлебаю — напитать («охлеби мя») — таково разъяснение у И.И. Срезневского (Материалы для словаря древнерусского языка. Спб., Т.III, 1903, с.838). «Охлебеснуть (кого, чем ярс. влд), охлебенить — хлеснуть, опоясав, сильно ударить, огреть — таково происхождение у В. Даля. (Толковый словарь. М., Т.III, 1955, с.772). «Охлябина» — означает жердь, долговязый у С.Б. Веселовского (Ономастикон. М. Наука. 1974, с.235). Последнее прозвище наиболее подходит к характеристике этого рода: известно, что они были все «в рост» — при царе могли служить только рослые, статные и красивые молодцы из лучших фамилий. Таковыми были братья Охлябинины: Федор Меньшой (1551), Петр Васильевич (1544), Федор Большой (1544), сопровождавшие царские походы, а также рында Василий Андреевич «Борец» (1568, 1571 гг.).
6. Краткий опыт исторического известия о Российском дворянстве. М. 1804. С.91.
7. Охлябини(ны) произошли от Ярославских князей, что убедительно подтверждает Духовная грамота В. к. Ивана Васильевича 1504 г., в которой он завещал своему сыну «город Ярославь с волостьми и с путьми, и три селы и со всеми пошлинами и с Ухрою ... и слободку Охлябининскую», а также исследования многих др. историков: Русский биографический словарь. Спб., 1905, т.12, с. 475-477; Синбирский сборник. Разрядная книга. М. 1845, Т.I; Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М. Наука, 1986. С.185; Кобрин В.Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV-XVI вв. М. 1995; Шульгин В.С. Ярославское княжество в системе русского центрального государства в к. XV — перв. пол XVI в. Научные доклады высшей школы // Советская наука, 1958, № 4, с.3-15.
8. Маркевич А.И. ст. «Ярославские князья в московском государстве». Труды VII археологического съезда в Ярославле. М, Т II, 1891. С.82-109, 92-93, 98-99, 101-102, 107, 252-253; Экземплярский А.В. Ярославские владетельные князья. Ярославль, 1887. С.68; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во II пол. XV — перв. трети XVI в. М. Наука, 1988.
9. В 2001 году исполнилось 450 лет (1551 г.) как «Колуга» записана за Андреем Петровичем Охлябиным. (Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиньиным. СПб. 1828, с.243, 250; Зимин А.А. Тысячная книга 1550 г. Дворовая тетрадь 50х гг. XVI в. М.-Л. 1956.
В 2002 году исполняется: 475 лет (1527 г.) назначение князя-воеводы Петра Федоровича — третьим наместником в Калуге. Повторно «вторым» наместником в1539 г.; 435 лет (1567 г.) князь-воевода Иван Васильевич в «Колуге» — второй воевода Правой руки; 435 лет (1567 г.) кн. воевода Иван Петрович («Залупа») в «Колуге» — Первый в Сторожевом полку; 470 лет (19.03.1521 или 1522 г.(?)) со дня кончины игумена Иннокентия Охлябина (Вологодского), основателя Комельского монастыря Спасо-Преображенской пустыни, автора «Завета», ученика Нила Сорского. До недавнего времени в Грязовце в храме хранилась местная икона с его изображением.
В «Словаре книжников и книжности Древней Руси», М. Наука, 1988, ч.I с.405. Г.М. Прохоров ошибочно сообщает, что Охлябинин Иннокентий (т.е. монах Иннокентий) из Московского рода. (на самом деле он из Ярославского рода). Коноплев Н. Святые Вологодские края. Живописная Россия. Пб, т.IV, 1904, № 1-24, с.144; Иконников В. Опыт, исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев. 1869. С. 176; Словарь исторический о бывших в России писателей духовного чина... СПб., т.II, 1827. С.140. В прошедшем 2000 г. исполнилось 355-356 лет, как зодчий Давид Охлябинин возвел в «Московском Кремле 12 апостольскую церковь» (Сорок сороков. Кремль и монастыри. М., 1992, с.55-56,58).
10. Подробно см. Галицкая Г.В. Угасший род князей Хворостининых // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Мат. Голицынских чтений 24-25.01.1998; Б. Вяземы. 1998.

С.287-299 (с таблицей генеалогии рода кн. Ярославских-Хворостининых).
11. ЦГАДА, Ф.10, стлб. Московского стола № 1074, сгб.12, л.41, 52.
12. Примечательно, что одно время село Охлябинино было закреплено за Алексинским уездом. Не является ли оно этим же местом, указанном в тексте «...при сходе Алексинских воевод»?
13. О посещении царем Иваном IV Васильевичем Оболенска, Калуги, Перемышля, Одоева, Козельска, Воротынска «и своих дворцовых сел» в 1563 г. (из Никоновской летописи). ПСРЛ, т. XIII, М, 1965, с.366-367.
14. РГАДА, ф.135-410, из царского архива XVI в. 1565/1566 год. С.110. Поручная запись дворян Дмитрия, Федора, Андрея и Петра Хворостининых и М.Д., И.П. Охлябининых, опричника Вас. Григ. Грозного и дворовых детей боярских по князе-опричнике Ив. Петр. Охлябинине о неотъезде его в Литву в уделы и непострижении в монастырь (порука 2000 руб. и «головы» поручателей).
15. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М. Наука. 1987 г., с.108, 249.
16. В начале XVI в. встречаем захоронения Охлябинина Иннокентия и кн. Охлябининой-Мезецкой (?) Феод. Дмитр. с дочерьми. Татищев Ю.В. Род князей Мезецких // Известия русского генеалогического общества. М., 1903. С.48-71. В 1677 г. встречается московский дворянин Охлябинин Моисей Романович; В 1844 г. в Москве изданы басни Ник. Охлебинина в 3-х кн. Моск. Тип. Семена.1844; В XIX в. на Ваганьковском кладбище в Некрополе значились захоронения Охлябининых, Вл. Ив., Ив. Серг., (1888-1889). (Московский некрополь. Т II, СПб., 1908. С.386). В конце XIX в. Охлябинин Дм.Серг. из Гл. Думы принимал участие в составлении Устава, проекта приходских попечительств // Моск.Ведомости, 1887, № 75, с.475; РГАЛИ, Ф.637, оп.1, ед.хр.99, л.128-130.
Прямые потомки Охлябининых (купцы-мещане) проживали в XIX-XX вв. в Калуге, Москве, СПб. и др. городах. В XIX в. (1887) Охлябинин Н.А. был оперным певцом. Будучи приятелем Хвощинских, принимал участие в их домашнем спектакле «Травиата», исполнял роль Альфреда, и в «Эрнани». (Обухова В.Н. Обломки давно минувших дней. М. 2001. С.86, 117). В РГАЛИ сохранились письма Охлябининой Анастасии Васильевны, писательницы н.XX в. (1924-1925 гг.). РГАЛИ, Ф.258, оп.1, ед.хр.10 л. Охлебинина Ольга А. и А.А. были одними из создателей Раменского краеведческого музея Московской области в 1930-х гг. (Охлебинина О.А. Сто лет истории пролетариата на Раменской текстильной фабрике (1831-1931). Изд. Юбил. комсомол. 1932; Охлебинина А.А. Краеведческий поход по Раменскому району. М.-Л.,1931. Ахлебинин Василий Лаврентьевич (1920-1942 гг.), красноармеец, погиб во время ВОВ. Занесен в Калужскую Книгу памяти.
Прямые потомки Охлябининых (купцы, мещане) проживали в XIX-XX вв. в Калуге; в т.ч.в Ахлебининском пер., носящем имя их предков. Упоминается уч-к Калужского технич. жел.-дор. училища Владимир Григорьевич в переписке с нач. Калуж. губерн. жандармского упр-ия. ГАКО, Ф-32, оп.10, ед.хр.1559, л.1. В памятной книжке Калужской губернии на 1861 г. указан Ахлебинин Иван Козмич — надсмотрщик, титулярный советник, заседатель от дворянства. По-видимому, его племянница (?) Ахлебинина Татьяна Ивановна была замужем за Тиллингом Д.И., который в Николаевской гимназии работал бухгалтером. (Сообщила Морозова Г.М. Калуга 1975 г.).
В списке плательщиков чрезвычайного револ. налога Ахлябинин Николай Иванович (Коммуна, 1918 г., №146, с.4).
О выдаче ссуды под залог домов Сусанны Ивановны Ахлябининой по Николо-Козинской ул. (ГАКО, Ф-87, оп.1, ед.хр.149. 595. 1902 г. ГАКО, Ф-58-оп.8, ед.хр.56,

л.15). О переулке Ахлебинино — Николо-Казинской улице: Калужские губернские ведомости (далее КГВ), 1910, № 6.
Дело по прошению калужской мещанки Татьяны Александровны Ахлябининой о разрешении открытия производства на принадлежащем ей кожевенном заводе в г. Калуге (1900-1902). ГАКО, Ф-62-оп.17, ед.хр.2226, л.1-12.
Метрическая книга Калуги. 1893, 1894 Знаменская церковь (?) ГАКО, Ф-33, оп.4, ед.хр.298, с.378.
В Москве проживает Охлябинин Сергей Дмитриевич, архитектор, писатель, автор книг: «Давай изобретем велосипед». Молодая гвардия, 1981; «Легенды и были об экомобиле». Сов. Россия, 1987; «Честь мундира», Изд. Республика, 1995; «Из истории российского мундира», М., 1996; «Популярная школьная энциклопедия», «История русской армии», М, 2000.
17. Морозова Г.М. Калуга. Прогулки по старой Калуге. 1993. С.251; КГВ, 1910 г., № 6, с.1.
18. Ханыков В.В. Летопись Калужская от отдаленных времен до 1814 г. (М.,1878), Калуга, 1991 с.32-33,99.
19. Геометрический специальный план межевания Калужской губернии, и уезда, учиненного в 1777 и утвержденного в 1786 г., (1842). ГАКО, Ф-159, оп.10, ед.хр.711, л.1-3.
20. Материалы для истории церквей Калужской Епархии. Калужской десятины жилые данные церкви. Пустовые церковные земли 177 (1669) — 1746. Вып.2. М., 1903, с.63-64.
21. Клировые ведомости Калужской губернии и Калужского уезда за 1900 г. ГАКО, Ф. 33-оп.2-ед.хр.1348, с.467.
22. ГАКО, Ф-86, оп.3, ед.хр.89, л.120-122.
23. ГАКО. Ф-565. Оп.1, ед.хр.16, л.190-199. Исповедальные росписи церквей Калужского уезда за 1794 г.
24. Путешественные записки Василия Зуева от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781-82 гг. СПб, 1787, с.50-51.
25. Геометрический специальный план межевания Калужской губернии Калужского уезда; ГАКО, Ф 159, оп.1-ед.хр.1921, л.1; ед.хр.1925, л.1-2; ед.хр. 1926, л.2, 11; ед.хр.1927, л.13; ед.хр.1928. л.1; Ф 159, оп.10, ед.хр.109, л.1; Ф 159, оп.10, ед.хр.678 и 692; Ф. 159, оп.10, ед.хр. 109; Ф. 159, оп.1, ед.хр.1890 и 1891.
26. ГАКО, Ф-30, оп. 2, ед.хр. 1087, л.4. Жалоба дворового человека Дм. Андреева; Ф-32, оп. 13, ед.хр. 2934, л. 2-5. О дворовом человеке Д.А. Кузнецове; ГАКО, Ф-30, оп.2, ед.хр. 4161 (1864 г.), л. 2-3. Уставная грамота на с.Ахлебинино помещицы Баскаковой Ю.А. и ее детям.
27. Шейн П.В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т.п. Т.I -II., вып. I-II, СПб., 1898-1900.
28. КГВ, 1892 № 14, с.54; КГВ, 1892 № 20, с.78; КГВ, 1892 № 22, с.86; КГВ,1895 № 17, с.68; № 30, с.22; № 98, с.20; № 38, с.152; № 113, с.436; № 114, с.440; № 116 с.448; № 120, с.466, с.119; КГВ, 1896 № 27, с.98; КГВ, 1897 № 78, с.1; № 81, с.1.
29. Сведения о крупнейших имениях Калужской губернии Перемышльского уезда, богатых землевладельцах, превышающих 50.000 руб. (1898 г.). ГАКО, Ф-32, оп.9, ед.хр.264 (ОЦ); КГВ, 1898, № 19, с.1: Список лиц, имеющих право участвовать в выборе гласных по Калужскому уезду Калужской губернии на 3 года (1898-1901 гг.)
30. Калуж. губернские по питейным делам присутствия 1890-1892 г. В сельце Ахлебинино на «Пятницких дворах» т.е. на окраине села, открыто было 5 трактиров,

2 винных лавки, 2 пивные лавки. (КГВ, 1889 № 89, с. 520).

31.Ока, 1905, № 3, с. 3.

32. РГИА, Ф-4, оп.6, ед.хр.55, л.36,38.

Именным Высочайшим Указом, данным правительствующему Сенату в 28 день марта 1882 г. Коншину Н.Н. (ст.) Всемилостивейше было пожаловано потомственное Дворянское достоинство с распространением прав оного на всех детей его. Т.е. в 2002 г. исполняется 120 лет, а также 450 лет роду Коншиных, которые первоначально были выходцами из провинциальных серпуховских лавочников.

33. И. Соколов-Микитов. На теплой земле Осеки. М. 1954, с.15-17. Коншин Николай Николаевич (мл.) — был причислен к роду отца на основании постановления Собрания от 9 марта 1883 г. (и на основании п.1, III ст. IX св. Зак., изд.1876 г. записан в I часть родословной книги московской губернии, марта 15 дня»). В Калужской энциклопедии (Калуга, 2000. С.292) годы жизни Коншина Н.Н.-младшего (1861-1915) перепутаны со старшим Коншиным Н.Н. (1840-1918).

34. В Ромодановском имении Покровской волости Коншин Н.Н. (ст.) владел 1779 десятинами земли и леса, в Тарусском уезде имение «Калужское» 849 дес. (в 13 верстах от Серпухова). В «Товариществе мануфактур» Н.Н. Коншин в им. Трояновском — 3987 ? десят. (27 верст от Серпухова), в Перемышльском уезде — Нижние и Верхние Вырки — 911 десятин (22 версты от Перемышля). (ГАКО (ОЦ) Ф-32, оп.9, ед.хр.264., л.1-6, 84).

35. Посещение Вел. кн. Петра Николаевича дома Коншина Н.Н. в Ромоданове. Не исключено, что при этом посещении Вел. кн. Романовых, Н.Н.Коншин (мл.) мог увлечься модным в те времена спиритизмом. Возможно, под влиянием кн. Милицы Николаевны, которая была причастна к этому течению. (ГАКО (ОЦ), Ф-32, оп.382, ед.хр.57, л.1-14).

36. Благотворительный вечер в Калуге (с участием Н.Н. Коншина и др.). в пользу бесплатной столовой для бедных, что у Пятницкого кладбища. (КГВ, 1892, № 82, с.325, № 89, с. 351, № 92, с. 361).

37. Статья вашингтонской газеты: «Mr. and Mrs. Nickolasde Konshin». США. Фонд, опись, год не указаны. Получено от внуков И.Я. Коншиной: Виктора Николаевича и Ани Мигель де Коншиных. В статье описаны триумфы Коншиных, ангажированных в США на концерты, посвященные памяти А. Рубинштейна в клубах его имени в Нью-Йорке, в Концертном зале Мэдисон Сквер и др. Это был 1895 г. В подтверждение этому журнал «Всемирная иллюстрация» за 1895 г. (№ 1369, с.323) также опубликовал о триумфе краткую заметку «Русские певцы в Америке».

38. Регистрационная карточка работника просвещения массовых учебных заведений по проф.-технич.образованию. Заполнена Реутовой (Коншиной) Ириной Яковлевной от 11 сентября 1926 г. (ГАКО, Ф-38, оп.1, ед.хр.422, л.114).

39. Из письма внучки Ани Мигель де Коншиной (США, Вашингтон) Галицкой Г.В. от 20 апреля 1995 г. Сохранилась хрустальная печатка, принадлежавшая Э.Мэршон с этими же инициалами готического шрифта «Э.М.». Родственники второго мужа, Реутова считали, что она по национальности немка, но ее душе ближе всего была русская натура и православная вера.

40. Свидетельство о бракосочетании Коншиных (копия из метрических книг Русской Императорско-посольской православной Христорождественской церкви).(РГИА, Ф-4, оп.6, ед.хр.55, л. 36, 38.)

41. Эту ассигнацию достоинством в «пять рублей» и «три рубля» сохранила жительница Калуги, дочь бывшей дворянки. Годами «от страха» она прятала их под полом, не желая расстаться с теми воспоминаниями, о которых рассказывала ее мать. Она говорила о том, что

якобы помнила это событие, несмотря на то, что ей было тогда 5 лет. Легенды о европейском скандале, учебе в Италии, женитьбе, об иезуитском поясе «верности» и мн.др. вначале рассказали мне калужанки: В.Н. Любимова вместе с художницей М.С.Добромысловой. Первой из них о биографии Коншиных поведал краевед Н.И. Маслов, который собирал материал для будущей книги об И.Я.Коншиной (все рукописи после его смерти погибли). Большую информацию сообщила М.Н. Борисоглебская (Москва) — племянница второго мужа Ирины Яковлевны — В.В. Реутова. Мама Борисоглебской обучалась у И.Я. Коншиной оперному пению, много ценного поведал также В.В.Реутов (г. Юхнов) и мн.мн. др.

42. Пульхеров А.И. Калужское отделение Императорского Российского общества. Калуга. 1910, с.75; Памятная книжка Калужской губернии на 1911 год. Калуга.1911, с.28,29.

43. ГАКО, Ф-1-2407, оп. 1, ед.хр. 69, л.22, 29.

44. Сообщение помощника Калужского уездного исправника И.Н.Протасова нач-ку губернского жандармского управлению В.П. Шлейфер (секретно). (ГАКО, Ф-13с, оп.1, ед.хр.354, л.70).

45. Рассказ записан со слов дочери кучера, егеря — Яшкиной (Пискаревой) Анастасии Константиновны (1979 г.) и Липатова Петра Григорьевича (7.11.1978 г., с.Ахлебинино).

46. КГВ, 1895 г., № 95, с.367; № 101, с.414; № 104, с.402; № 108, с.417; КГВ, 1905 г., Калужская ХШ очередная сел/хоз. выставка, № 96, с.3; КГВ, 1906 г., № 28, с. 6; № 104, с.5; Памятные адресные книжки Калужской губернии на 1911-1912, 1913 гг.; КГВ, 1910 г., № 102, с.3, № 105, с.3.

47. КГВ, 1895, № 41, с.234; КГВ, 1906, № 26, с.16. № 28, с.6; № 29, с.6; КГВ, 1907, № 5, № 6, № 8, № 38, с.6.

48. Дорожные сооружения по Калужскому уезду. Свод постановлений Калужского собрания за 40 лет. Калуга,1907. С.558-559. Проложение гати было вызвано постоянной распутицей, бездорожьем, особенно во время весеннего разлива рек. (КГВ, 1895 г., № 37, с.150).

49. Ф. Шехтель проектировал Коншиным театр Олимп (на Ходынском поле, не осуществлен), а также ограду на Петербургской стороне (Москва, сохранилась); Р. Клейн — родовую усыпальницу, расположенную в Серпуховском Высоцком монастыре (полуразрушена); М. Фабрициус, В. Загорский — дачу в с.Ромоданове 1870-1880 гг. (не сохранилась); О. Гунст — дом на Пречистенке (Дом ученых); А. Красовский — промышленные здания фабрик «кирпичного стиля» в Серпухове (сохранились) и т.п. По уникальным подвалам-ледникам и по характеру краснокирпичной кладки, которые главенствуют в архитектурном ансамбле усадьбы Ахлебинино, можно предполагать, что автором проекта мог быть архитектор А. Шрётер. Недостроенная круговая двойная открытая галерея (см. две колонны, примыкающие к глухой стене западного флигеля), наводят на мысль о том, что это могло быть решение, подобное в ансамблях усадебного дома Знаменское-Раек или Пехра-Яковлевское.

50. Соколов-Микитов И. На теплой земле Осеки. Л., 1978, с. 9, 11,13.

51. Из дневниковых записей Родиной (Цветковой) В.Е. (род. 1910 г.) — дочери Цветковой (Чуриковой Т.И.), помощницы И.Я.Коншиной по вышивкам: «Мы с мамой и сестренкой поехали на именины к Ирине Яковлевне Коншиной. Ехали на пароходе «Ципулин» по р.Оке от Калуги до Ахлебинино. Мне было 6 лет, но я до сих пор помню два замка на высоком берегу р.Оки. В одном из замков в большом зале были накрыты столы белыми скатертями, а на столах всевозможные вкусные закуски. Коншина в белом платье сидела в середине столов, а рядом с ней —

попы, наверное, архиереи... Говорили, что она была очень верующая...» «Мне каждый раз снится это Ахлебинино... Мне все годы снится этот замок...». (Москва, 1981 г.)

52. Быков В.П. Тихие приюты для отдыха страдающей души. М., 1913, с.65. Автор подтверждает существование в 1913 г. двух флигелей — «великанов-башен». Однако в учетном паспорте И.Ю. Ярового (утв. МК РФ и ГИИ 03.03.1997) неверно сказано, что восточный флигель не был построен. Также ошибочно автор описывает зимний сад-оранжерею, считая ее гротом.

53. Вусович А. Калужская губерния. Курс родиноведения для местных учебных заведений. Калуга. 1886 г., с.34. В к.XIX в. по р.Оке курсировал пароход «Кесарь Ромодановский», затем «Ципулин». Бакенщиком у Коншина Н.Н. работал Пискарев В.А. из Ахлебинино.

54. У Коншина Н.Н. на посадке этих культур работали: Лазарев Иван Фадеевич, Лезин Федор Платонович и мн.др.

55. ГАКО, Ф.Р-486, оп.1, ед.хр.8, л.1, 4-7.

Дело о закрытии храма в д.Красное (бывш.Ахлебинино). 1923-1924 г. Подлинник.

56. «Договор Калужской губерн. земельной управы о продаже без торгов гр-ну Хлопкину Дм. Самс. б/конторы имения Коншина в с.Ахлебинино с размером 25 аршин х 8 аршин, оцененную в 120 руб. золотом на 20 лет до 1.11.1943 г. бесплатно охранять помещение клуба» (б/церковь Успения Пр.Б-цы — Г.Г.). Копия. Позднее Хлопкин, из-за растраты сына, продал эти помещения местному сельпо... Однако в учетных паспортах арх. И.Ю.Ярового, утвержденных 3.03.1997 г., МК РФ и ГИИ, указанный выше архивный материал ошибочно применен не к истинным памятникам, а к объектам, выстроенным уже при советской власти и не имеющим никакого отношения к памятникам. «Непамятники» же расположены в отдаленном месте от старо-Тульской дороги... Так, например, храм «Успения» подменен другим зданием, т.е. автогаражом псих.обл.б-цы № 2 (б/ГЭС); контора управляющего — б/общежитием для механиков кочегарки (30 гг. XX в.). Несуществующей часовней подменен сам храм Успения. Место расположения колокольни с 9 колоколами в уч/паспорте не указано.

57. Из неопубликованной рукописи Галицкой Г.Г.: «В сельце Ахлебинино...» (1975 — 2001 гг.) по рассказам местных жителей: Ларионовых, Пискаревых, Кондакова, Лазарева, 1975-1981 гг.

58. О том, что «таинственное», переливающееся всеми цветами радуги «свечение», сохранявшееся и ночью в «эжерее» от этих стекол на «кумполах», (т.е. на куполах — Г.Г.) зимнего сада и расположенных подобных же на центральном газоне в главном партере, ходили многочисленные рассказы и легенды среди местных жителей. Говорили, что у Коншиных в г. Алексине был оптический завод, выпускающий названные граненые стекла («брусками»). В Ромодановском имении потолок главного дома также был выложен необычным «хрустальным» стеклом.

В соседнем (противоположного берега) имении Осоргиных в с. Сергиевском, по рассказам старожилов, якобы такими же «хрустальными гранеными» пластинами был выложен крест (венчающий колокольню), который ночью «излучал» радужный свет...

59. С 1980 г. этот водоприемный колодец «наглухо» забит землею с засаженными в него кустами смородины. В результате чего водосбор оказался перекрытым и прекратил выполнять свои функции в качестве «гротика». Грунтовые воды разрушили террасы и стали подступать к фундаменту единственно сохранившегося коншинского флигеля. Сельская администрация (Вой-

нов В.П.), разрешившая приватизировать террасы жителям, проживающим в этом доме, все замечания по поводу сохранности памятника, игнорирует. Аналогичная реакция и на строгие представления Перемышльской прокуратуры от 6.08.96 г; от 16.08.96 г., № 7-5-6 и от 20.09.96 г., и представление Калужской обл. прокуратуры от 12.11.96 г., № 7-3-96 «Об устранении нарушений законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры».

60. В вышеуказанных Представлениях Перемышльской и Калужской обл.прокуратурах (от 6.08.96 г., от 16.08.96 г., № 7-5-6, от 20.09.96 г. и от 12.11.96 г. № 7-3-96) констатировалось, что «директор Дирекции по охране памятников Голоушкина Т.В. не приняла мер к приостановлению строительных работ, причиняющих вред памятнику истории и культуры, не выполнила требования ст.44. Закона РСФСР "«Об охране и использовании памятников истории и культуры» и т.п. А также о том, что «гр-н Мамонов приступил к строительству дома с гаражом с самовольным захватом, выйдя далеко за пределами «проданного» земельного участка и не в соответствии с утвержденным планом застройки» (см. Договор и план проекта от 8.08.95 г. и от 14.08.95 г. № 380). В типовом же Договоре «купли-продажи» сказано, что «покупатель не обременен правами третьих лиц и не имеет ограничений в пользовании...» (???). Более того, на утвержденном плане Администрации Перемышльского района (Громова Л.С. и утвержденном арх-ом В.Н.Журушкиной от 14.08.95 г. № 380) «по размещению строений на зем.участке» (т.е. на самом памятнике — Г.Г.), будущие строения жил.дома и гаража обозначены раздельно, и в более отдаленном от партера месте.

61. Пульхеров А.И.Садоводство и огородничество в Калуге и Калужском уезде. Калуга. 1910, с.19, 72-76, 140, 144.

62. Там же: Быков В.П. Тихие приюты. М., 1913. С.65-67.

63. См. ст. Галицкая Г.В. Духовная и благотворительная деятельность Ирины Яковлевны Коншиной-Реутовой на Калужской земле. Калуга в шести веках. Калуга, 1999. С.90-96.

64. Циркуляр о разведении устройства сел/хоз. выставки. Отчет Коншиной И.Я. о продаже, расходе на вышивки. Письмо губернатора кн. Горчакова Коншиной И.Я. (и ее князю). ГАКО, Ф-32, оп.2, ед.хр.1534. Подлинник.

КГВ 1907, № 97, с.5. На XV очередной сел/хоз. выставке в Калуге награда — Малая серебряная медаль Глав. упр. землеустройства и земледелия — за работы рукодельниц.

КГВ 1908, № 99, с.3, XVI очер. сел/хоз выставка в Калуге (Коншина получила право на золотую медаль за крестьянские рукодельные работы по холсту).

КГВ 1910, № 17, с.3. Список предметов пожертвования на базар кн. Горчаковой.

КГВ 1910, № 110, с.3. XVIII очередная сел/хоз выставка в Калуге. Бронзовые медали Спб. собрания с/хоз. выставки — мальчикам школы, учрежденной И.Я.Коншиной за работу ковров. Благодарность Коншиной И.Я. за распространение полезных знаний среди населения. Подтверждены прежние награды Коншиной И.Я. Памятная книжка и адрес календарь Калужской губернии на 1911-1912 гг.. И.Я.Коншиной благодарность за участие на выставке и с подтверждением прошлых наград за кустарные изделия.

Кадобнов — Северянин Ф.И. Обзор XXI очередной общ. сел/хоз. в Калуге выставки. Калуга. 1914. Золотая медаль (права) Коншиной И.Я. (подтверждена) «за рукодельческие работы и крестьянские вышивки».

65. Клировые ведомости Калужской губернии и Калужского уезда за 1900 г. ГАКО, Ф-33, оп.2, ед.хр.1348, с.467; за 1900 г. Подлинник.

66. Калужский Церковно-общественный вестник. 1911 г., № 10, с.18.

67. Калужский Церковно-общественный вестник. 1917 г., № 3, с.7.
68. Дело о закрытии храма в д.Красное (Ахлебинине) Лассальской волости Калужского уезда. ГАКО, Ф-Р-486, оп.1, ед.хр.8.
Договор от 4 декабря 1923 г. О продаже Калужской губернской управой без торгов гр-ну Хлопкину Дмитрию Самсоновичу б/контору имение Коншина в 120 руб. золотом (с гарантией в течение 20 лет до 1 ноября 1943 охранять помещение клуба об-ва в с.Красное (т.е. б/церковь «Успения»). Копия с подлинника.
69. В 1997 г. автор исследования экспонировал эксклюзивную выставку в Калуге (в Народном доме), посвященную храму «Успения» (414 лет и 80 лет в 1996 г.), новоустроенного храма Коншиной И.Я.
Акт обследований и обмеров, выполненных арх. Борташ в 1996 г. по церкви «Успения» подтвердил о присутствии фундамента более раннего храма «Успения» под б/конторой управляющего Коншина. Пояснительная записка к эскизному проекту реставрации памятника архитектуры XIX в. Составлена М.М.Борташ.
70. КГВ 1910, № 20, с.2. Освящение приюта-школы, основанного супругою землевладельца Калужского уезда Ир. Як. Коншиною.
71. КГВ 1910, № 21, с. 3 Духовные чтения в с.Ахлебинино.
72. Надпись на Библии от 1915 г. выписана с подлинника, принадлежавшего Добромысловой. Библия передана в Троице-Сергиеву Лавру.
73. КГВ 1896, № 89, с.343, № 95, с.367, № 98, с.379.
74. Калужские Духовные Консистории Калужского уезда. Метрическая книга № 58 1902 г., с.22, 1914 г., № 38, с.21, кн.50, с.4; 1915 г., № 4, с.8; 1902 г., кн.№ 58, с.22; 1917 г., кн. № 49, кн.3. Архив ЗАГСа. Калуга. Подлинники.
75. Галицкая Г.В. Ст. «История многострадального храма Успения Пресвятой Богородицы в «сельце» Ахлебинино Калужской области Перемышльского района». Сб. «Калуга в шести веках. Материалы 1-й городской краеведческой конференции, посвященной 625-летию г. Калуги». Калуга, 1997, с.214-226.
Галицкая Г.В. Ст. «Взыщется с вас и потомков ваших» Газ. Весть, 1992.
Улыбышева М. Ст. «Что имеем — не храним; потерявши — плачем» Газ. Весть, 1997.
Сухоцкий Ю.В. День в летописи края. Приокская газета. 1992 г., № 32, № 34, № 5; 1996 г. , № 30, № 35, № 39, № 41, № 44. 1998 г., № 33.
76. Калужский церковно-общественный Вестник. 1916, № 1-3, с.8. Освещение новоустроенного храма «Успения Пр.Б-цы».
77. Калужский церковно-общественный Вестник. 1912 № 21, с.12. Телеграмма Вел.Кн. Елизавете Федоровне в день храмового праздника Сергиевого скита 5 июля 1912 г.
78. В результате многолетних исследований (1975-2002) автором опрошены в Калуге, Москве, Ленинграде, Казани, Юхнове около 300 человек, в т.ч. местных жителей в 20 деревнях, потомки Охлябининых, Реутовых, Коншиных и мн.др. Собраны экспонаты, ценный архивный и фотоматериал (для создания музея в Ахлебинино). В течение 25 лет авторские исследования неоднократно были доложены на различных ученых советах, научных конференциях, в музеях и на совещаниях в Калужском областном архиве, на Законодательном собрании Калужской обл., в т.ч. у представителя Президента РФ, в Правительстве РФ, в Калужской Епархии, у Губернатора, Министра культуры РФ (в том числе совместно с общественностью и потомками Коншиными из США, Франции, РФ) и т.п. Исторические справки по

ус. Ахлебинино были представлены автором в 1992 г. Калужскому обл.комитету по культуре, со своими архивными материалами, в т.ч.в Мин.культуры РСФСР (с 1988 по 2001 гг.). В Калуге — Ахлебинине — на Полотняном заводе автором безвозмездно были продемонстрированы несколько эксклюзивных выставок с архивными материалами в различных школах Калужской области, с проведением различных научных консультаций. В 1999 г. в летнем детском лагере «Зорька» был создан кружок родиноведения и поставлен мини-спектакль с детьми из с. Ахлебинино под названием «И мое Ахлебинино должно принадлежать истории!» С 1990-1997 гг. по исследовательскому материалу был снят ряд фильмов, организованы выступления в различных школах г. Калуги, в т.ч. по областному — городскому радио (Калуги), «Россия», зарубежному ТВ, ЦТ РФ, «ATV» («Времечко»), ЦТВ, ОРТ. В газетах «Весть», «Знамя», «Приокская газета» (1992-2000), в Калужских и др. научных сборниках опубликован ряд статей.

79. Усадьба Коншиных поставлена на госучет местного значения на основании решения Калужского обл. Совета народных депутатов от 22 мая 1992 г. № 76 «Об утверждении списка памятников истории и культуры и принятии их на государственную охрану» и Малого совета Перемышльского района от 19 июня 1992 г. № 49 «Об установлении охранной зоны вокруг территории памятника природы, истории и культуры «Усадьбы Ахлебинино» (на территории в 160 га). Ранее, т.е. 16.09.1991 г. решениями Калужского облисполкома № 352 регулярный парк усадьбы Коншиных XIX в. был поставлен на госучет Калужским обл. комитетом по экологии и природопользованию с определением охранной зоны и Перемышльским районным советом от 04.11.1991 г. за № 465 (в 4 га). Учетный паспорт на парк усадьбы Коншиных с указанием оранжереи как памятника, составлен ведущим специалистом Калужского обл. комитета по экологии Л.П. Паутовой и утвержден 4.01.1992 г.

80. Письмо председателя комитета по культуре Госдумы С.С. Говорухина от 10.12.1997 г. за № 1440/38 к Министру культуры РФ Дементьевой Н.Л. по поводу изменения уч. паспортов, их ошибок и включение в комиссию исследователя усадьбы Г.В. Галицкой.

81. Письмо Председателя комитета по культуре Госдумы С.С. Говорухина от 28.12.1999 г. № 326-1590/48 к Законодательному собранию Калужской области с требованием приостановить действие протокола Мин.культуры РФ (утвержденного Дементьевой Н.Л.) пообъектного утверждения усадьбы Ахлебинино.

82. Правительственное поручение Зам. Председателя Правления РФ Матвиенко В.И. от 2 октября 1999 ВМ-П8-32 — 700 к Администрации Калужской обл. (В.В. Сударенкову), Мин.культуры (В.К.Егорову) с рассылкой в Минюст России, Московскую Патриархию и др.

М.Ю. Коробко

УСАДЬБА ЗНАМЕНСКОЕ-САДКИ ПО НОВЫМ АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ

Относительно недавно включенная в черту Юго-Запада Москвы, усадьба Знаменское-Садкидо сих пор не ощущается частью современного индустриального города, как благодаря своей огромной территории, так и соседству с лесным массивом зоны отдыха. Она знаменита своими интерьерами — одними из немногих, уцелевших от классицистической эпохи. Благодаря их высокому художественному достоинству усадебный господский дом приобрел особую ценность.

От автобусной остановки «Зона отдыха «Битца», расположенной на Московской кольцевой автодороге, кратчайший путь в усадьбу идет по грунтованной дорожке через бывшее поле. Только ближе к лесу в самой зоне отдыха под ногами появляется привычный асфальт. Сама зона отдыха, названа по начинающейся на территории Москвы речке Битце, на которой находятся два живописных пруда. Участок Битцы между зоной отдыха и усадьбой в настоящее время имеет статус памятника природы. По речке — Старой и Новой Битцами назывались деревни, до крестьянской реформы входившие в состав имения Знаменское-Садки, однако они находились не здесь, а территория зоны отдыха вместе с прудами — часть бывших земель, в т.ч. церковных соседнего Ясенева, отрезанных от него прокладкой кольцевой автодороги. Аллея, соединявшая Ясенево со Знаменским, частично сохранилась только по другую сторону кольцевой автодороги (улица Инессы Арманд), а здесь она совершенно вырублена. В самой зоне отдыха асфальтированная дорога раздваивается. Повернув налево, мы, миновав детскую площадку, достаточно скоро оказываемся перед решетками длинного современного забора, ограждающего основную часть Знаменского, с устроенными в нем воротами и проходной.

Изначально на месте усадьбы находилась небольшая деревня, называвшаяся Садки или Верхово. Первое название происходит от садков для рыб, которые могли быть устроены на речке Битце (Обице или Анбице), на которой и находилась деревня. Такого типа топонимы, данные исключительно по функциям какого-либо объекта, существовавшего в конкретной местности, не часты, но, тем не менее, встречаются. Например, аналогичного происхождения одно из ранних названий Кузьминок — Мельница — по существовавшей в этой местности мельнице; севернее Люблина находилась еще одна усадьба, также называвшаяся Садки (Чесменка) и т.п. Название Верхово скорее всего, как и большинство названий

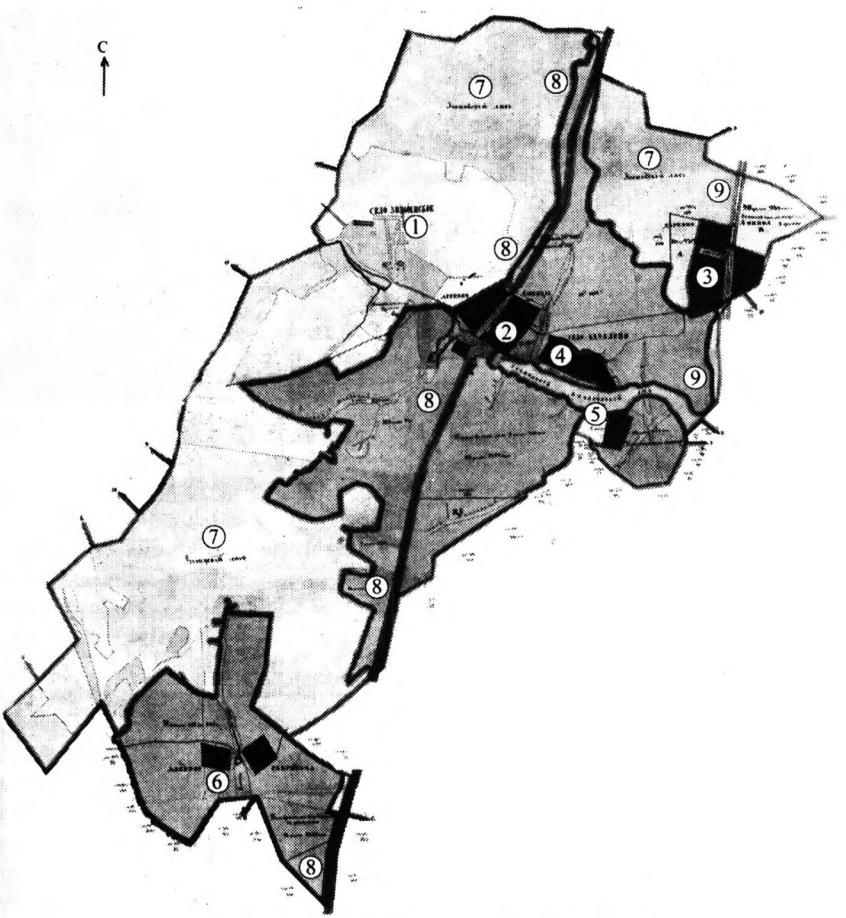
усадеб, имеет владельческое происхождение, т.е. образовано от прозвища кого-то из её забытых владельцев. Это тем более вероятно т.к. никакой географической реалии, которую можно было бы назвать «верхом», на территории усадьбы нет, наоборот вся местность имеет понижение в сторону юга.

Господский дом со стороны парка (северный фасад).

Большую часть XVII в. деревня Садки, документально известная с 1617 года, принадлежала различным представителям рода Ладыженских[1]. Согласно книге «Древний Сосенский стан Московского уезда», написанной бароном Д.О. Шеппингом, владельцем соседней усадьбы — Никольское (Хованское), Садки «...была за Леонтием Ладыженским и сыновьями его Обросимом и Евстратием»[2]. Однако ниже им же отмечено, что Обросим (Абросим или Абрам) все-таки был не сыном, а племянником Леонтия Ладыженского, поскольку деревня Бачурино, тогда составлявшая единое целое с Садками, считалась «...поместьем Абросима Ивановича и Евстрата Леонтьевича Ладыженских, а прежде было за их отцами»[3], соответственно Иваном и Леонтием Ладыженскими. Этому не противоречит писцовая книга Московского уезда 1627-1628 годов, в которой описана «деревня Садки, Верхово тож, на речке Обитце, — поместье Обросима Иванова сына Ладыженского, в деревне двор помещиков, дв[ор] приказчиков, дв[ор] людской, да крестьянских 3 дв[оров], в них 3 челов[ек]»[4], то есть впервые упоминается усадьба. Поскольку «...писано за ним Обросимом то поместье по ввозной грамоте [7]125 [т.е. 1617] года»[5], то, надо думать, приведенные Шеппингом сведения относятся к более раннему времени, что позволяет считать Садки несколько старше.

В 1631 году Садки перешли к сыну предыдущего владельца Федору Обросимовичу (Абрамовичу) Лодыженскому (ум. после 1688), бывшему патриаршим, а затем царским стольником и воеводой в Ливнах. Он расширил свои владения, прикупив к ним в 1636 году соседнюю пустошь Ярцево на Ярцевском овраге, принадлежавшую вдове князя И.Барятинского. В 1644 году Ф.О.Ладыженский приобрел в Поместном приказе в вотчину сами Садки, ставшие его постоянной собственностью[6].

Будучи пожалован в думные дворяне в 1676 году, Ф.О.Ладыженский продал Садки своему зятю князю Никите Семеновичу Урусову (ум. 1692), приходившемуся троюродным братом царю Алексею Михайловичу, но сохранил за собой Бачурино. Н.С. Урусов в 1679 году стал боярином, служил воеводой в Новгороде, Киеве, Холмогорах, Архангельске. При нем территория Садков также оказалась расширена, уже за счет присоединения в 1680 году деревни Коровкино



План имения Знаменское-Садки. 1861 г. ЦИАМ.
1. усадьба. 2. деревня Битцы (Старые Битцы). 3. деревня Аннино (Новые Битцы). 4. село Киово-Качалово. 5. «Господский Качаловский луг». 6. деревня Гаврикова. 7. «Господский лес». 8. Старая (Большая) Серпуховская дорога. 9. Новая Серпуховская дорога.

(другие названия: Ортеево и Артемьево), купленной у некоего Романа Мотова (впоследствии упразднена). В самих Садках в 1687 году была сооружена деревянная одноглавая церковь Знамения Богородицы, по которой эта местность получила еще одно название — Знаменское, которое употреблялось параллельно с прежним, и со временем превратилось в следующие формы: Знаменская вотчина и, более знакомое нам, Знаменское-Садки[7].

В 1692 году после смерти Н.С. Урусова Знаменское унаследовали его вторая жена Ефимия (Афимья) Григорьевна, урожденная княжна Щербатова вмес-

те с детьми: князьями Федором, Иваном, Семеном и Алексеем Никитичами Урусовыми. По разделу имения единственным владельцем Знаменского-Садков стал старший сын Ф.Н. Урусов, бывший комнатным стольником. В 1697 году он был послан Петром I за границу для изучения морского дела, также как многие молодые дворяне, в том числе А.Ф. Лопухин, которому впоследствии принадлежало соседнее со Знаменским Ясенево. Вернувшись в Россию, Ф.Н. Урусов одно время занимался постройкой кораблей в Воронеже[8].

В 1722 году Знаменское унаследовала его жена княгиня Елена Александровна Урусова[9], а к 1731 году это имение уже принадлежало его племянникам: князьям Василию и Михаилу Семеновичам Урусовым[10]. Последний не оставил потомства и достаточно скоро его брат В.С. Урусов стал единственным владельцем Знаменского. При нём много деревьев из знаменских угодий было использовано при создании в Лефортове Анненгофского сада. Тогда «крестьянин Филатов обязался перевезти из вотчины князя Урусова Московского уезда села Садков Знаменское тож по Серпуховской дороге из рощи липовых дерев: штамбовых [т.е. с высокими прямыми стволами — М.К.] — 2000, шпалерных — 1000. Ценою с вырыванием и перевозкою за штамбовые по 6 рублей, а за шпалерные — по 3 рубля за сотню»[11].

В 1750 году Знаменское-Садки приобрела у В.С.Урусова за 7 тысяч рублей княжна Екатерина Ивановна Трубецкая[12]. Только сам факт существования этого лица отмечен в родословных этого рода. Ничем больше новая владелица Знаменского себя не зарекомендовала, не отметившись ни в чьих воспоминаниях и не прославившись каким-либо другим образом, и даже не выйдя замуж. Она была дочерью князя Ивана Юрьевича Трубецкого, но не знаменитого генерал-фельдмаршала, а его племяннника, президента юстиц-коллегии, прозванного Меньшим. Ко времени перехода Знаменского к Е.И. Трубецкой её отца уже не было в живых, о матери, Марии Яковлевне, урожденной Глебовой, никаких сведений мы не имеем[13].

Единственным значимым событием, произошедшем в Знаменском при Е.И. Трубецкой, была замена ветхой деревянной церкви на каменную, сооруженную в 1754-1756 годах «...на другом поблизости удобном месте»[14]. Это небольшой каменный одноглавый храм типа восьмерик на четверике, с трапезной и двумя парными колоколенками над ней был интересным памятником позднего елизаветинского барокко, столь редкого в подмосковных усадьбах. Своей типологией, объемно-пространственной структурой и конструктивными приемами он восходил к традициям рубежа XVII-XVIII веков, нося провинциальный характер. Влияние новых стилевых форм было ощутимо преимущественно в церковном декоре.

Не позднее 1766 года Знаменское-Садки перешли к дяде бывшей владелицы гвардейскому капитану князю Дмитрию Юрьевичу Трубецкому (173?-1792)[15], впоследствии владевшему знаменитым «домом-комодом» у Покровский ворот (ныне Покровка, 22). Именно по нему Д.Ю. Трубецкой вместе с семьей получил ироническое прозвище «Трубецкие-комод», отличавшее их от других Трубецких.

При Д.Ю. Трубецком Знаменское существенно расширились на юг и юго-восток за счет присоединения значительных территорий, ныне составляющих значительную часть современных районов Москвы «Северное Бутово» и «Юж-

Неизвестный скульптор. Портрет Екатерины II в виде Минервы. Кон. XVIII в. Московский областной краеведческий музей. Публикуется впервые.

ное Бутово». Так у соседнего владельца князя Г.А. Щербатова была приобретены село Киово и деревню Качалово, впоследствии известные под объединенным названием Киово-Качалово. А, кроме того, благодаря браку Д.Ю. Трубецкого с княжной Варварой Ивановной Одоевской (ум. 1788) к имению со временем вошли деревни Гавриково, Щибарово и Язва (Язвенка), а также «полсела Ивановского, смежного со Знаменским»[16]. Само же Знаменское с ближайшими окрестностями в «экономических примечаниях» к планам Генерального межевания Московского уезда описано следующим образом «Село на левом берегу речки Анбицы и на правом берегу безымянного отвершка [т.е. оврага — М.К.], церковь каменная Знамения Пресвятыя Богородицы. Деревни: Садки на правых берегах той же речки Анбицы и оврага Карцовского; деревня Анбицы [т.е. Битцы, впоследствии Старые Битцы – М.К.] на левом берегу означенной речки Анбицы и при большой Серпуховской дороге; церковная земля на правом берегу вышеписанной речки Анбицы и на левой стороне оврага Карцовского, земля глинистая, хлеб и покосы средственны, лес дровяной, крестьяне на пашне»[17].

Вид усадьбы Знаменское-Садки (слева господский дом, справа несохранившиеся служебные постройки). 1820-е гг. ОР РГБ.

В ходе реконструкции в усадьбе был возведен ряд новых построек, в т.ч. ныне существующий большой господский дом, выполненный в формах зрелого классицизма. Он был поставлен на одной оси с церковью, восточнее её. Двухэтажное с мезонином здание, сооружен-

Рокотов Ф.С. Портрет Д.Ю.Трубецкого. 1790-е гг. Гос. музей Л.Н.Толстого (Москва).

Неизвестный художник. Портрет В.И.Трубецкой. Копия с оригинала Ф.С.Рокотова. Нач. XIX в. ГРМ.

ное примерно в 1780-х годах, обращено главным южным фасадом к прудам, а северным к ныне сильно заросшему травяному партеру. Повышенная за счет мезонина центральная часть, выделена лоджиями с балконами над ними. Первый этаж проработан горизонтальным рустом. Первоначальный внешний вид здания можно представить только по более поздней малоудачной акварели из принадлежавшего Трубецким альбома, ныне хранящегося в Российской Государственной библиотеке[18]. К сожалению, ней полностью не зафиксирован ни один из фасадов дома, неизвестный художник ограничился только его фрагментом со стороны прудов, а именно юго-западным углом, показав колонны несуществующего ныне портика.

В значительной степени в доме сохранилась старая планировка и первоначальная декоративная отделка некоторых помещений. Типичен для зрелого классицизма двусветный, хороших пропорций Розовый (Марсовый) зал с хорами для музыкантов. Зал оформлен парными колоннами коринфского ордера, над антаблементом которых возвышаются украшенные акантами лепные кронштейны, как бы несущие живописный плафон перекрытия зала, поддуги которого расписаны под кессоны. В центральном овальном медальоне плафона изображена колесница бога войны Марса (в ряде изданий он ошибочно назван Аполлоном). Хотя искусствовед В.В. Антонов считал, что эту работу «из-за отсутствия документов и свидетельств современников можно пока с большой осторожностью отдать Джермано Скотти...»[19] итальянскому декоратору, позднее расписавшему интерьеры господского дома в Люблине, однако качество живописи не позволяет согласиться с этим предположением[20].

В этом доме Д.Ю. Трубецкой принимал 23 июня 1787 года императрицу Екатерину II, которая возвращалась из поездки на юг страны, и встречавших ее

Розовый (Марсовый) зал.

внуков — великих князей Александра (будущего Александра I) и Константина Павловичей. Отсюда они направились в царский дворец, находившийся в селе Коломенском, а 27 июня торжественно вступили в Москву[21]. По местному преданию в честь приезда императрицы перед южным фасадом господского дома по инициативе Д.Ю. Трубецкого были высажены три дуба, два из которых сохранились до настоящего времени.

Господский дом окружен большим английским парком с преобладанием липы, также устроенном при Д.Ю. Трубецком во второй половине XVIII века. В настоящее время парк сильно зарос, никто его не чистит, поэтому он все больше и больше приближается к своему естественному состоянию, т.е. понемногу превращается в лес. В парке сохранились отдельные деревья 150-200 летнего возраста. Его живописность усиливала цепь прудов, устроенных на речке Битце. Из них к настоящему времени сохранился только один, самый большой с двумя небольшими насыпными островками. Три объекта, расположенные на территории парка и бывших усадебных угодий имеют статус памятников природы. Это Знаменский смешанный лес, Знаменская суборь, т.е. строевой высокоствольный лес из хвойных пород (ельник с сосной) и Знаменский малый ельник.

Ко времени Д.Ю. Трубецкого или его сына князя Ивана Дмитриевича Трубецкого (ум. 1827), унаследовавшего Знаменское в 1792 году, относится и сооружение западнее господского дома большого оранжерейного комплекса. В книге «Усадебное ожерелье Юго-Запада Москвы» мы его условно назвали зимним садом[22]. В настоящее время от этой оранжереи сохранились два отдельно стоящих сооружения, перемычка между которыми, где и находились растения, утрачена. О времени сооружения оранжереи нет четких документальных данных. Классицистическая обработка её восточной части, украшенной огромным треугольным фронтоном, позволяет предположить, что всё это сооружение было выстроено в последней четверти

XVIII-начале XIX веков. Еще до Октябрьского переворота оранжерея утратила свое значение и была превращена во флигель[23]. К сожалению, на государственной охране оранжерея не стоит и юридически памятником архитектуры не является.

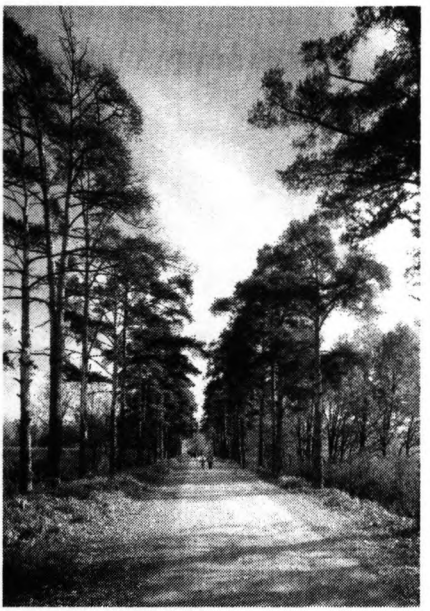
Марс на колеснице. Плафон Розового (Марсового) зала.

Новый владелец Знаменского И.Д.Трубецкой был женат на известной московской красавице Екатерине Александровне Мансуровой (ум. 1834), происходившей из старого, но обедневшего дворянского рода. Выйдя замуж за богатого камергера И.Д. Трубецкого, новоиспеченная княгиня приобрела общественное положение и, подчинив себе своего мужа, управляла им и его деньгами. «Бедная дворянка, прославившаяся своей красотой, которая доставила ей блистательнейшую фортуну, ибо она, не имея никакого состояния, попала замуж за богатого князя Трубецкого и весь век свой доныне проводит в изобилии и всяком довольстве», — вспоминал о ней один из гостей Знаменского поэт князь И.М. Долгоруков[24].

Трубецкие практически постоянно проводили летние месяцы в своей усадьбе, за исключением перерыва во время Отечественной войны 1812 года. Тогда имение пострадало от наполеоновской армии, некоторые крестьянские дома были сожжены, а крестьянское имущество увезено французами[25].

Достопримечательность широкой сосновой аллеи, соединявшей усадьбу со Старой (Большой) Серпуховской дорогой — прямоугольная смотровая площадка над береговым обрывом Битцы, откуда открывался великолепный вид на ближайшие окрестности, испорчена недавней установкой памятника воинам, якобы похороненным здесь в Отечественную войну 1812 года. Тогда в Знаменском не было никаких боевых действий, и, соответственно, павших в бою или умерших от ран. Отме-

Оранжерея («зимний сад»).



Подъездная аллея в Знаменское-Садки со стороны Старой Серпуховской дороги.

тим, что если таковые бы и были, то их место последнего упокоения находилось бы у одной из ближайших церквей: либо в Знаменском-Садках, либо в Киове-Качалове. Однако в церковных метриках, хранящихся в Центральном историческом архиве г. Москвы, нет записей о похоронах в 1812 году погибших солдат[26].

Как и большинство подмосковных помещиков И.Д. Трубецкой попросил помощи от властей, мотивируя это тем, что «оная вотчина неприятелем совершенно разграблена»[27]. Но именно ему — редкий случай — в поддержке было отказано. Поводом для этого оказалось значительное состояние князя, имевшего помимо Знаменского имения в Воронежской, Калужской, Курской, Орловской и Тульской губерниях, а также на Украине. «По рассмотрении замечается, что его сиятельство из избыточного своего состояния не избытчая [т.е. не обеднев — М.К.] может привести подмосковных крестьян в первобытное [т.е. прежнее — М.К.] состояние и прокормить до нового урожая хлеба»[28], — отметил Московский уездный предводитель дворянства А.А. Арсеньев, приняв решение – отказать в помощи И.Д. Трубецкому. Надо думать, что княжеская усадьба не слишком пострадала в 1812 году, поскольку Трубецкой, перечисляя ущерб, нанесенный Знаменскому, ни разу не говорит о гибели непосредственно принадлежавших ему усадебных построек. После войны Трубецкие вернулись в свою усадьбу, возобновив прежние забавы и праздники. Церковь, в которой побывали французы, в 1813 году была заново освящена[29].

Создание любопытного образа жизни в Знаменском, какой она могла быть в эпоху Трубецких, принадлежит искусствоведу А.Н. Гречу: «Когда же устраивались в Знаменском нарядные охоты, происходил съезд гостей из ближних и дальних имений, внутри украшался зал плошками и фонариками, под звуки крепостного оркестра происходили танцы или ставились шарады и живые картины. Гости задерживались здесь на недели и месяцы — прогулки, чтения, игры сменялись здесь под гостеприимной кровлей, оставив след в любопытной книжечке «Les amisements de Znamensk'oe» [«Забавы Знаменского» — пер. с франц. — М.К.] где текст, по-видимому, принадлежит [Н.М.]Карамзину, в то время проживавшему с малолетними детьми князя [А.И.]Вяземского в соседнем Остафьеве»[30].

Стиль Знаменского понят А.Н. Гречем достаточно верно, правда, нет никаких документальных указаний, на существование у Трубецких собственного крепост-

ного оркестра — на эту мысль его видимо натолкнули хоры для музыкантов, находящиеся в Марсовом зале господского дома. Как правило, все мероприятия организовывали дети Трубецких и гости, одновременно являвшиеся и исполнителями и зрителями. Едва ли не единственным профессиональным музыкантом, демонстрировавшим в Знаменском своё искусство, был композитор И.И. Гениште — один из первых в России исполнителей фортепьянных концертов Л.Бетховена.

Гипотетическая возможность приезда Н.М. Карамзина в Знаменское пока также не получила документального подтверждения, однако кажется весьма вероятной, недаром его любовницей была «первая московская львица допожарной эпохи» княгиня П.Ю. Гагарина (по второму мужу Кологривова), являвшаяся близкой родственницей И.Д. Трубецкого. Ничего не известно и о книге «Забавы Знаменского», скорее всего А.Н. Греч имел в виду «Знаменский журнал», носивший аналогичный характер; одно время его вел М.П. Погодин, будущий известный историк и писатель, приглашенный в Знаменское в конце 1810-х годов в качестве учителя младших детей Трубецких за огромное по тем временам жалование сто рублей в месяц, а затем ставший личным секретарем владельца усадьбы.

Жизнь в Знаменском оказала существенное влияние на формирование взглядов и становление личности М.П.Погодина, родовая усадьба Трубецких стала для него, разночинца по происхождению, родным домом. Некоторые обитатели усадьбы были увековечены Погодиным в написанной в Знаменском повести «Русая коса». В образе графини О он вывел свою любимую ученицу Александру Ивановну Трубецкую (впоследствии по мужу княгиню Мещерскую, 1809-1873), часто ходившую с распущенной косой, свою будущую жену Е.В.-Вагнер изобразил под именем Марии, а себя в облике Минского.

Несмотря на дружеские взаимоотношения с Трубецкими внутреннюю неуверенность М.П. Погодина постоянно провоцировали мысли о его недворянском происхождении. Так, окончив университет, он в начале июля 1821 г. поехал в Знаменское, взяв с собой младшего брата Григория, однако поселил его не в усадьбе, а у приходского священника и тщательно скрывал от Трубецких свое родство с Григорием[31]. Еще более характерна такая проговорка в дневнике: однажды в Знаменском Трубецкие вспомнили об именинах отца Погодина – П.М. Погодина, и все поздравляли за обедом М.П. Погодина «с шампанским», ему же было стыдно[32].

Неизвестный художник. Портрет Е.А. Трубецкой (?). 1820-е гг. ОР РГБ.

«Дорогое незабвенное Знаменское, где провел я лет девять приятнейших в моей жизни»[33], происходив-

Интерьер будуара в Знаменском-Садках. 1820-е гг. ОР РГБ.

шие в усадьбе события и обычную бытовую жизнь, развлечения молодых Трубецких и их гостей Погодин описал в своем дневнике, ныне хранящемся в Российской Государственной библиотеке: «ходили гулять на большую дорогу к кривому мосту... к большой дороге по краю сада...; играли в волан, в городки, качели...; на большом пруду катались на лодках, устраивали морские сражения...» и т.п., кроме того «атмосфера здешняя располагала к занятиям и литературным трудам. Царил дух влюбленности и дружеских бесед». Очень интересны самые первые впечатления М.П.Погодина от Знаменского общества: «Удивительное влияние имеют на нас люди, с коими мы обращаемся. В целый месяц, как я живу здесь, ни одной почти дурной, в каком-либо отношении мысли не пришло мне в голову. Если б с младенчества окружали меня всегда такие люди».

В своей автобиографии М.П. Погодин позднее отметил, что «эти впечатления дополнял молодой товарищ [Ф.И.]Тютчев, к которому хаживал я иногда по соседству из Знаменского в соседнее Троицкое и заставал всегда за немецкою книгою. Его рассуждения свысока о Виланде и Шиллере, Гердере и Гёте, которых как будто принимал он в своей предгостинной, возбуждали желание сравниться с его начитанностью»[34]. Ф.И. Тютчев, тогда еще бывший не знаменитым поэтом, а просто способным студентом Московского университета, жил в семи верстах от Знаменского, в усадьбе своего отца Троицкое на Теплых Станах (ныне район поселка Мосрентген).

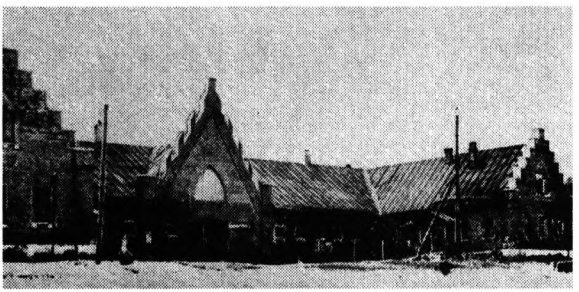
В дневнике М.П. Погодина в 1822 году зафиксированы его знакомство в Знаменском с владельцем Остафьева князем П.А. Вяземским, который впоследствии не раз оказывал ему поддержку[35]; приезд в Знаменское «бедной глупой» княжны М.Н. Волконской и её подруги Л.(Е.)И. Гениссиен — «княжна Волхонская явилась на сцене...»; различные обстоятельства их жизни в усадьбе; интерес Волконской к «знаменскому обществу» — «...говорил с Волхонской о характерах знаменских. Есть множество очень резких. Княгиня [Е.А. Трубецкая] имеет большой талант, держит всех в струнке, заставляет самых умных людей смотреть на свои глупости в уменьшительное стекло...»; поездка М.Н. Волконской к

жениху графу Н.И. Толстому в соседнюю усадьбу Ясенево, принадлежавшую князю С.И. Гагарину; сборы перед венчанием в ясеневской церкви — «Проводили княжну Волхонскую к венцу. Дай бог ей счастья», а также приезд новобрачной на другой день после свадьбы из усадьбы Узкое с мужем — «Молодые у нас»[36]. Вместе с ними приехали из Узкого граф и графиня П.А. и М.А. Толстые и их сыновья. Самый младший из них И.П.Толстой, также был учеником М.П.Погодина, который счел нужным развлечь его в Знаменском — «Катались на лодке с молодым графом Толстым, которого учу я в [университетском Благородном] пансионе». В честь молодоженов был дан «прекраснейший» обед. Из дневника Погодина следует, что на одном из берегов пруда, скорее всего, со стороны господского дома находилась пристань, с которой он после катания на лодке с И.П.Толстым по собственному признанию «...упал было в воду».

Неизвестный художник. Портрет М.П. Погодина. 1820-е гг. ОР РГБ.

В Троицкое к Тютчеву М.П.Погодин тогда уже не ездил, поскольку тот сразу после окончания Московского университета оказался прикомандирован к российской миссии в Мюнхене сверх штата и только в июне 1825 года ненадолго вернулся в Москву в отпуск. Только к тому времени относится единственное документально известное посещение Ф.И. Тютчевым Знаменского, которое Погодин описал следующим образом: «Увидел Тютчева, приехавш[его] из чуж[их] краев; говор[ил] с ним об иностран[ной] литературе, о политике, образе жизни тамош[ней] и пр. Мечет словами, хотя и видно, что он там не слишк[ом] мн[ого] занимался делом; он пахнет двором. — Отпустил мне много острот. В России канцелярия и казармы. — Все движется вокруг кнута и чина. — Мы знали афишку, но не знали действия и т.п. [...] Смотрел на маленькое кокетство [княгини] Ал[ександры] Ник[олаевны Голицыной, урожденной Левашовой], которой, как говорит, не нравится Тютчев, но она говорит с ним беспрестанно и пр. Гов[орил] он об обществах; в Мюнхене общ[ество] малочисл[енное], — придворные и пр.»[37].

В том же году управляющим имениями И.Д.Трубецкого, в т.ч. Знаменским-Садками стал отставной коллежский асессор В.Д.Корнильев, широко известный в Москве, как хлебосольный хозяин, покровитель и друг многих литераторов и художников. Скорее всего, на эту службу он был принят по протекции М.П.Погодина. Впоследствии Знаменское мог посещать племянник Корнильева — знаменитый химик Д.И. Менделеев.



Скотный двор. Фото 1970-х гг. Частное собрание (Москва).

В 1827-1834 годах Знаменским-Садками владела овдовевшая Е.А. Трубецкая[38]. Затем оно вместе с другими имениями перешло к её сыновьям: «камергеру и кавалеру» Юрию (1792-1848) и отставному корнету лейб-гвардии Конного полка Николаю (1807-1874) Ивановичам Трубецким[39]. До 1838 года они произвели раздел наследства, по которому единственным владельцем Знаменского стал Н.И. Трубецкой, в юности являвшийся воспитанником М.П.Погодина[40]. Современники считали князя добродушным, но крайне ограниченным человеком, недаром С.Т. Аксаков сделал его прототипом главного героя своей сатирической пьесы «Князь Луповицкий или приезд в деревню».

Н.И. Трубецкой провел в усадьбе значительные строительные работы, в ходе которых был неудачно реконструирован господский дом, утративший значительную часть своей выразительности. Фасады были частично изменены в псевдоренессансных формах, при этом оно лишилось портика со стороны южного фасада, замененного балконом. То же время были устроены дополнительные входные проемы. Одновременно с этими работами слева и справа от господского дома были сооружены два двухэтажных флигеля, из которых к настоящему времени существует только восточный. Его нижний кирпичный этаж трактован как цоколь, на котором поставлен основной объем, сложенный из бревен. Как и другие сооружения усадьбы, флигель исследован мало, одно время считалось, что он выстроен в 1900-х годах.

Господский дом со стороны пруда (южный фасад). Фото 1932 г. Собрание М.Ю.Коробко. Публикуется впервые.

Конный двор. Фото 1970-х гг. Частное собрание (Москва).

Возможно ко времени Н.И. Трубецкого относится сооружение еще одной усадебной оранжереи, от которой сохранились два невыразительных квадратных в плане двухэтажных домика из красного кирпича, находящиеся при входе с запада на территорию Знаменского-Садков сразу за забором налево от дороги. Не существует находившееся между зданиями большое остекленное помещение, в котором непосредственно выращивали различные фрукты и цветы. Какие либо документальные материалы об усадебной оранжерее пока не поставленной на государственную охрану, не выявлены. На основании стилистического анализа её можно отнести к 1830-м-1840-м годам, однако такая датировка достаточно условна.

В «запрудной части» имения при Н.И. Трубецком были возведены два крупных хозяйственных комплекса: конный и скотный дворы. Несомненно, образцом для скотного двора (молочной фермы) стали аналогичные заведения в Зенине Дивовых (Московский уезд) и Кузьминках. Обращает на себя внимание стилистическое и планировочное сходство кузьминского скотного двора сооруженного по проекту А.О. Жилярди со скотным и конным дворами в Знаменском-Садках, в архитектуре которых можно проследить мотивы средневековой западноевропейской архитектуры, как готической, так и барочной. Скотный двор Знаменского-Садков является возможным аналогом молочной фермы, устроенной в уже более позднее время в усадьбе Муромцево (Владимирская губерния), принадлежавшей Храповицким.

Существует устойчивая традиция, приписывающая создание конного и скотного дворов в Знаменском-Садках архитектору М.Д. Быковскому, работавшему в Кузьминках и некоторых других подмосковных усадьбах[41]. Поскольку примерно к тому же времени относятся реконструкция господского дома и строительство флигеля, то и их стали связывать с именем М.Д.Быковского. Однако документальных подтверждений его работы в Знаменском-Садках не обнаружено, и, пока их нет, авторство Быковского нужно считать его всего лишь одной из гипотез[42].

Флигель.

Н.А. Орлов. Литография И. Кадушина нач. XX в. с оригинала сер. XIX в. Собрание М.Ю.Коробко.

Н.И. Трубецкой с дочерью Е.Н.Орловой. Фото сер. XIX в. Гос. музей Л.Н.Толстого (Москва).

В 1843 году был изменен статус усадебной церкви, которая утратила самостоятельность, будучи приписана к церкви соседнего села Киова-Качалова. Это решение, очевидно, принятое не без участия Н.И.Трубецкого, мотивировалось тем, что «в Садках только один господский дом, и крестьяне уже лет сто тому назад [т.е. при Д.Ю. Трубецком — М.К.] все были переселены на старую Серпуховскую дорогу в деревню Обитцы или Битцы, образовавшую выселок»[43]. Этот недавно появившийся «выселок», находившейся восточнее Знаменского-Садков и Битц, получил официальное название Аннино в честь жены Н.И. Трубецкого Анны Андреевны, урожденной графини Гудович, но в обиходе именовался Новые Битцы. Соответственно деревня Битцы, получила еще одно название — Старые Битцы.

Впоследствии Н.И.Трубецкой долгое время жил во Франции, где перешел в католичество, но время от времени писал славянофильские брошюры. Такое, казалось бы, несовместимое сочетание религиозных и политических убеждений остроумно высмеял Н.А.Некрасов в следующей эпиграмме.

Я однажды смеялся до колик,
Слыша, как князь NN говорил:
«Я, душа моя, славянофил».
— «А религия Ваша?» — «Католик».

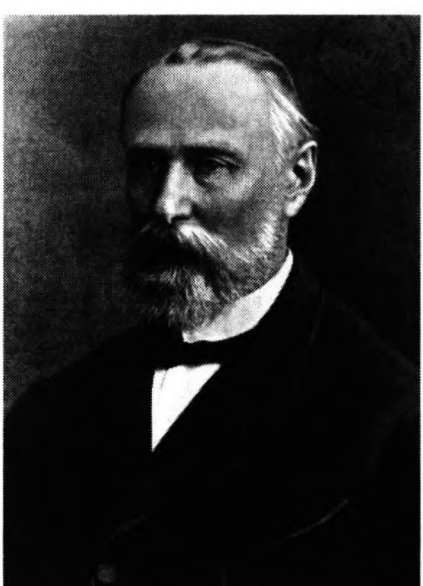
Согласно уже упоминавшейся нами работе «Древний Сосенский стан Московского уезда», считается, что Н.И. Трубецкой передал Знаменское своей единственной дочери княгине Екатерине Николаевне Орловой (1840-1885)[44]. Однако, это опровергают материалы, хранящиеся в Центральном историчес-

ком архиве г. Москвы: Н.И. Трубецкому Знаменское принадлежало вплоть до 1865 года[45], когда это имение перешло к своим следующим владельцам: бывшему московскому вице-губернатору тайному советнику Ивану Павловичу Шаблыкину (1809-1888) и его жене Екатерине Николаевне, урожденной Шамшевой[46]. Поэтому Е.Н. Орлова юридически никогда не была владелицей Знаменского, а при совершении сделки с Шаблыкиными, видимо, заменяла Н.И.Трубецкого, приезд которого в Россию был невозможен из-за принятия католичества.

Ее муж — князь Николай Алексеевич Орлов (1827-1885), потерявший в 1854 году левый глаз в бою под Силистрией, автор знаменитой записки об отмене телесных наказаний, тогда был чрезвычайным посланником и полномочным министром при дворе короля Бельгии[47]. Долго жившие за границей Орловы, не были заинтересованы в сохранении усадьбы.

Новому владельцу Знаменского-Садков — И.П. Шаблыкину принадлежал и знаменитый дом в самом центре Москвы на Тверской улице, в котором находился Английский клуб. О деятельности Шаблыкиных в Знаменском известно немногое. Помнимо огромной территории имения они посчитали своей собственностью и церковную землю, которой и пользовались без какого-либо вознаграждения священника[48].

В 1876 году Шаблыкины продали Знаменское за 30 тысяч рублей виднейшему публицисту консервативного толка Михаилу Никифоровичу Каткову (1818-1887)[49]. Этот владелец имения в молодости участвовал в литературном кружке писателя Н.В. Станкевича, дружил с В.Г. Белинским, но позже разошелся со своими друзьями, примкнув к лагерю писателей-славянофилов. К чести М.Н.Каткова необходимо отметить, что он всегда оставался независимым от влияния каких-либо официальных лиц, но зачастую оказывался более нетерпимым, чем власти. Вместе с публицистом П.Н. Леонтьевым М.Н. Катков арендовал газету «Московские ведомости», на долгие годы превратившуюся в оплот «охранительного начала». Кроме того, им же издавался и «литературный и политический» журнал «Русский вестник».



М.Н. Катков. Фото 1860-1870-х гг. ГЛМ.

Есть основания предположить, что при М.Н. Каткове Знаменское-Садки оказались связаны с именем великого русского философа В.С. Соловьева. Еще один из его первых биографов, С.М. Лукьянов, задавался вопросом: «Не случалось ли и в Знаменском бывать Соловьеву?»[50] В письме поэту князю Д.Н. Цертелеву Соловьев сообщал о своем намерении посетить подмосковную Каткова осенью 1876 года, по-

А.М. Катков. Фото кон. XIX-нач. XX вв. Частное собрание (Москва).

скольку «...это вернее чем в редакцию»[51]. С большой долей вероятности можно предположить, что эта поездка состоялась[52]. Среди других друзей и знакомых Каткова, в разное время посещавших Знаменское, значатся профессор физики Московского университета Н.А. Любимов[53], попечитель Московского учебного округа князь Н.П. Мещерский[54], личный секретарь С.И. Соколов[55] и др.

М.Н. Катков прожил в Знаменском до конца жизни, с годами все больше склоняясь к желанию отойти от политики и вернуться к любимому занятию юности — философии. 20 июля 1887 года после трехнедельной болезни он скончался в господском доме своей усадьбы. Тело М.Н.Каткова было перевезено в Москву и похоронено на территории Алексеевского монастыря (могила не сохранилась).

Имение унаследовала его вдова, Софья Петровна, урожденная княжна Шаликова[56]. «Она была худа, плечи высоки, нос велик, не богата» вспоминал о ней единомышленник М.Н. Каткова К.Н. Леонтьев[57]. По воспоминаниям писателя Е.М. Феоктистова эта дама была «дурна собой» и выделялась «образцовой глупостью»[58].

В 1889 году она передала Знаменское в собственность своему старшему сыну Андрею Михайловичу Каткову (1863-1915)[59], впоследствии действительному статскому советнику, имевшему и придворное звание камер-юнкера. Новый владелец много служил по выборам от дворянства, и в земствах, был попечителем земских начальных училищ (школ) в Аннине и соседних населенных пунктах: Царицыне и Чертанове, членом учетно-ссудного комитета по сельскохозяйственным кредитам Московской конторы Государственного банка и, помимо того, активно занимался хозяйством своего подмосковного имения. Он очень добросовестно относился к своим обязанностям Подольского уездного предводителя дворянства, сумев объединить деятельность всех органов управления уезда, и занимал эту должность много лет. Во время Русско-японской войны А.М. Катков уехал на фронт в качестве уполномоченного дворянской организации врачебно-санитарных отрядов[60].

Сведения о его супруге фрейлине Марии Владимировне Катковой, урожденной княжне Щербатовой (1864-не ранее 1921) более отрывочны. В бумагах последнего владельца Остафьева графа С.Д. Шереметева, хранящихся в Российском Государственном архиве древних актов, сохранилось несколько писем М.В. Катковой[61]. Сын С.Д. Шереметева, впоследствии бывший первым директором музея в Остафьеве, высоко оценил уровень суконного дела, организованного ею в Знаменском[62].

На рубеже XIX-XX веков в «запрудной» части Знаменского-Садков было выстроено небольшое одноэтажное каменное здание прачечной, дошедшее до наших дней (согласно описи и плану 1908 года, тогда за нею находился деревянный птичник, утраченный в советское время)[63]. По свидетельству жителя Старых Битц Г.Я. Галченкова, в десятилетнем возрасте работавшего на покосах в Знаменском, при Катковых в усадьбе была устроена электростанция, что позволило электрифицировать господский дом и оранжереи. Динамо-машина стояла у плотины ныне существующего пруда, на месте, где некогда находилась водяная мельница.

В 1908 году на средства М.В. Катковой был быстро сформирован санитарный отряд, оказавший помощь Белопесоцкой слободе Серпуховского уезда, затопленной водами сильно разлившейся реки Оки[64]. В том же году она унаследовала от своего дяди А.А. Столыпина знаменитое имение Тарханы (Пензенская губерния), в котором прошло детство М.Ю. Лермонтова. Но Катковы не жили в нем постоянно, предпочитая Знаменское, заложенное в Московском земельном банке[65].

Вскоре после начала Первой мировой войны оба их сына: унтер-офицер Андрей и корнет Михаил Андреевичи Катковы погибли 6 августа 1914 года на фронте. Тела убитых перевезли в Знаменское, похоронив в небольшом склепе устроенном на территории усадьбы, рядом с церковью. По свидетельству знакомой Катковых А.Г. Шатиловой «на могилах всегда цвели фиалки и горели лампады»[66]. Ровно через год родители, желая увековечить память детей, заложили на Братском кладбище — памятнике жертвам войны в подмосковном селе Всехсвятском (ныне в черте столицы) спроектированную архитектором А.В. Щусевым большую пятиглавую церковь и открыли, устроенное на их же средства отдельное кладбище для сестер милосердия[67]. Предполагалось, что тела А.А. и М.А. Катковых будут перенесены в церковь на Братском кладбище, после окончания строительных работ, однако этому помешал Октябрьский переворот.

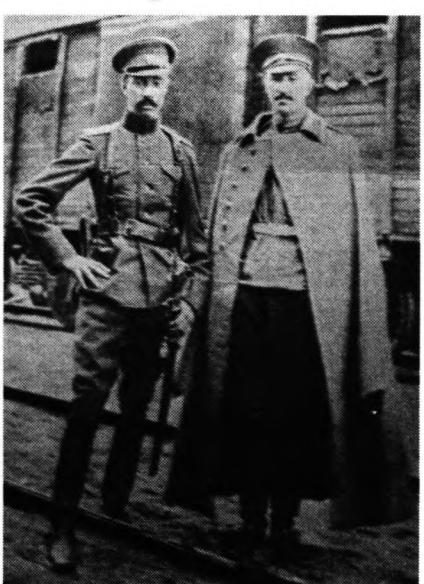
После смерти А.М. Каткова, последовавшей 26 декабря 1915 года[68], Знаменское, согласно завещанию, унаследовала его жена[69]. Впоследствии она вместе с некоторыми родственниками, носив-

М.В. и А.М. Катковы на закладке церкви на Братском кладбище (на переднем плане священнослужители, слева великая княгиня Елизавета Федоровна, справа великий князь Иоанн Константинович). Фото 1915 г. Частное собрание (Москва).

шими ту же фамилию, получила княжеский титул и стала именоваться княгиней Катковой-Шаликовой. Но это произошло уже при Временном правительстве[70]. Хлопоты об этом объясняются прекращением рода князей Шаликовых, бывших в родстве с Катковыми,

В 1918 году новоиспеченную княгиню выселили из Знаменского, разрешив ей взять лишь личные вещи и семейные фотографии. Тогда на Знаменское оказалось больше претендентов, чем на другие имения, поскольку его огромная территория относилась сразу к двум уездам Московской губернии: Московскому и Подольскому (граница между ними проходила по речке Битце). Господский дом усадьбы вместе со всей находящейся в нём к тому времени обстановкой был передан Московскому центральному рабочему кооперативу. Бывшие служащие имения организовали Знаменскую трудовую коммуну, получившую в собственность конный и скотный дворы имения, т.е. его часть, находившуюся в Подольском уезде. У них осталось только 2 лошади и 2 коровы — остальной скот был увезен из Знаменского по решению Сухановского волостного совета Подольского уезда[71].

Схематический план, составленный в 1918 году при передаче коммуне скотного и конного дворов, позволяет уточнить непосредственное использование всех их помещений при Катковых. Так северную, т.е. центральную часть скотного двора занимала непосредственно молочная ферма, южную часть рига с молотилкой, восточную — сарай для соломы, кухня при молочной ферме и людская, а западную — овчарни, молочная, ледники и квартира управляющего. В свою очередь, восточную часть конного двора занимали, разумеется, конюшни, южную — кучерская, каретник, погреб и кладовые, в западной части находились жилые помещения, устроенные в угловом двухэтажном объеме, решенном в виде башни, и навес[72].



Братья Катковы. Фото 1914 г. Частное собрание (Москва).

Хотя в уставе Знаменской коммуны было записано, что во внутренней жизни она должна была быть беспартийной, но, тем не менее, там же отмечалось, что одной из её целей было «воспитание и образование детей [собственных — М.К.] в духе коммунизма...»[73], которые с 12 лет должны были привлекаться к труду. Полученные продукты в результате деятельности коммуны, за исключением количества необходимого для хозяйственных целей, должны были передаваться «по твердым ценам» продовольственному отделу Сухановского совета[74].

Обучить детей коммунизму Знаменской коммуне все же не удалось, поскольку она просуществовала очень недолго и была ликвидирована

уже в октябре того же 1918 года. К её деятельности у властей оказалось много претензий, хотя и меньше, чем к рабочему кооперативу, который, по мнению заведующего отделом Бюро коммун при Губземотделе, хозяйствовал в Знаменском в принципе неудовлетворительно[75].

Конный двор (современное состояние).

Поводом для ликвидации коммуны оказалась безвозмездная передача большей части урожая, полученного с огорода, сада и оранжереи М.В.Катковой-Шаликовой. То же заведующий констатировал: «Ввиду того, что на месте было установлено, что как трудовая группа, так и огородник Козлов в той или иной степени поддерживали связь с бывшей владелицей, дело это через Ленинский волостной совет [Московского уезда, ранее Зюзинский — М.К.] передано для рассмотрения гражданским властям»[76].

По просьбе руководства рабочего кооператива «ценное историко-художественное имущество» из усадьбы было вывезено в Москву Музейным отделом Наркомпроса[77]. Усадебная библиотека, состоявшая из около 15000 томов, включавших беллетристику, классическую литературу, книги по искусству и сельскому хозяйству преимущественно на иностранных языках была поделена. Значительная часть книг поступила в Публичную (ныне Российскую государственную) библиотеку, 5399 томов передали в Московский государственный книжный фонд, откуда они пошли в общее распределение. Классическая литература и беллетристика на русском языке были оставлены в усадьбе для общего пользования[78], однако к настоящему времени ни одной старой книги в Знаменском не сохранилось. Судить о круге чтения Катковых можно только по «Каталогу книг на иностранных языках знаменской библиотеки гг. Катковых», который, как и дневник М.П. Погодина, хранится в Российской Государственной библиотеке[79].

В 1920-х годах в «службах» Знаменского, то есть конном и скотном дворах находился совхоз, а в основных усадебных постройках детский дом. После Октябрьского переворота церковь в Знаменском-Садках была закрыта, и некоторое время никак не использовалась. В 1929 году она была разобрана. Несмотря на это, в учетной карточке, составленной 15 мая 1941 года, церковь в Знаменском-Садках значится как существующая. Там же отмечено, что этому памятнику ничего не угрожает, что наглядно демонстрирует традиционную осведомленность органов охраны памятников относительно состояния подведом-

Сохранившиеся в Знаменском-Садках, вазы работы императорского фарфорового завода, принадлежавшие Катковым.

ственных им объектов[80]. Склеп с могилой А.А. и М.А.Катковых, находившийся рядом с церковью, очевидно, был ликвидирован одновременно с ней.

Затем всю усадьбу занимал сельскохозяйственный техникум с подсобным хозяйством при нём. В северной части усадебного парка находится памятник бывшим студентам и преподавателям, погибшим в 1941-1945 годах. В интерьерах еще сохранялись отдельные вещи от обстановки времен Катковых. Так в паспорте на господский дом 1948 года отмечено, что на лестнице второго этажа сохранилось настенное зеркало в резной деревянной оправе с позолотой по левкасу, а в вестибюле 1 этажа два зеркала в стиле модерн невысокого художественного качества. Кроме того, оставались четыре большие вазы императорского фарфорового завода 2-й четверти XIX века. К настоящему времени зеркал уже нет, остались только две вазы. Еще не так давно они находились в нишах «Марсова зала», но теперь, к сожалению, убраны в один из кабинетов. На площадке лестницы на месте зеркала стоят большие напольные часы конца XVIII — начала XIX веков, изготовленные фирмой братьев Устиновых. Но они происходят не из Знаменского, а привезены сюда одной из организаций, занимавших усадьбу в советское время.

С 1959 года в Знаменском находился Научно-исследовательский институт ветеринарной вирусологии и микробиологии. Во второй половине 1960-х годов здание реставрировано и частично реконструировано трестом «Мособлреставрация» по проекту архитектора В.П. Беркута, что в основном выразилось в замене боковых частей второго деревянного этажа каменными. При этом была произведена частичная перепланировка интерьера, в частности погибла комната, в которой скончался М.Н. Катков. Фасадам были возвращены формы классицизма. Однако работы не затронули центральную часть здания, сохранившую внешние художественные формы второй половины XIX века что делает проведенную реставрацию весьма спорной. В тот же время была ликвидирована ограда с воротами, находившаяся между господским домом и флигелем.

С начала 1970-х годов Институт вирусологии сменила Центральная лаборатория охраны природы Министерства сельского хозяйства СССР, со временем преобразованная во Всесоюзный научно-исследовательский институт охраны природы и заповедного дела (с 1993 года Всероссийский научно-исследовательский институт охраны природы). У входа в дом установлена мемориальная доска в память первого руководителя лаборатории — Л.К. Шапошникова.

В конце 1970-х годов совхозом им. XXI съезда КПСС институту охраны природы были переданы конный и скотный дворы, с которых перед этим были сняты кровли. Поскольку руководство института не сумело сразу же найти денег на их восстановление, то очень скоро оба памятника превратились в живописные руины. В 1999-2000 годах скотный двор был воссоздан с реконструкцией под спортивно-оздоровительный комплекс. При этом он почти полностью утратил свою ценность в качестве памятника архитектуры. За исключением фасада восточного ризалита все остальные части скотного двора выстроены заново. При этом его исторический внешний вид оказался искажен новой «квази черепичной» кровлей с мансардами, которых первоначально не было. Нужно отметить и то, что в ходе строительства был использован обычный кирпич, а не специальный, применяемый при реставрационных работах. В то же время севернее руин конного двора были возведены сооружения конноспортивного комплекса «Знаменское-Садки».

В результате деятельности всех этих организаций усадьба понесла значительный ущерб. Многие усадебные постройки были уничтожены, сохранившиеся существенно пострадали, спущены все пруды кроме одного, сильно зарос усадебный парк, в своей значительной части превратившийся в лес. На территории усадьбы начато строительство пансионата Министерства сельского хозяйства, около двух десятилетий остающееся незавершенным, возведены и другие поздние сооружения. Все сохранившиеся сооружения понесли значительные утраты.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Холмогоровы В.И. и Г.И. Исторические материалы о церквах и селах XVI-XVIII ст. Вып 8. Пехрянская десятина Московского уезда. М., 1892. С. 152.

2. Шеппинг Д.О. Древний Сосенский стан Московского уезда/ Сергеев И.Н. Царицыно. Суханово. Люди, события, факты. М., 1998. С. 415.

3. Шеппинг Д.О. Указ. соч. С. 419.

4. Холмогоровы В.И. и Г.И. Указ. соч. Там же.
5. Холмогоровы В.И. и Г.И. Указ. соч. Там же.
6. Холмогоровы В.И. и Г.И. Указ. соч. С. 152; Шеппинг Д.О. Указ. соч. С. 415.
7. Холмогоровы В.И. и Г.И. Указ. соч. С. 152-153; Шеппинг Д.О. Указ. соч. С. 415-416.
8. Холмогоровы В.И. и Г.И. Указ. соч. С. 153.
9. Холмогоровы В.И. и Г.И. Указ. соч. Там же. Н.С.Урусов похоронен в московском Златоустовском монастыре. См.: Забелин И.Е. Материалы для истории Москвы. Ч.1. М., 1884. С. 536; Московский некрополь. Т.3. М., 1908. С. 244.
10. Холмогоровы В.И. и Г.И. Указ. соч. Там же.
11. Цит. по изд.: Минкин А. Скрытое сокровище// За Калужской заставой. 1998. № 30. С. 14.
12. Шеппинг Д.О. Указ. соч. Там же.
13. Трутовский В.К. Сказания о роде князей Трубецких. М., 1891. С. 241-242.
14. Скворцов Н.А. Архив Московской Св. Синода конторы: Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII век. Вып 1. М., 1911. С. 182.
15. Впервые как владелец Знаменского Д.Ю.Трубецкой значится в экспликации к плану Генерального межевания соседнего имения Ясенево, составленному в 1766 г. См.: РГАДА. Ф. 1354. Оп. 256. Д. 2. «Я», «С». Этот план опубликован нами в изд.: Коробко М.Ю. Ясенево// Усадебное ожерелье Юго-Запада Москвы. [Изд. 3-е, испр.]. М. –СПб., 1997. С. 201. Референт ВНИИ охраны природы М.И.Малышкова опубликовавшая статью об усадьбе ошибочно сочла Д.Ю.Трубецкого двоюродным братом предыдущей владелицы Знаменского-Садков. См.: Малышкова М.И. Подмосковная усадьба «Знаменское-Садки»// Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Материалы IX Голицынских чтений 26-27 января 2002 года. Большие Вяземы. 2002. С. 243. Пользуясь случаем, отметим, что статья М.И.Малышковой, являющаяся основой сайта, посвященного усадьбе Знаменское-Садки, носит компилятивный характер, в силу чего содержит многочисленные ошибки и неточности, подробный разбор которых выходит за рамки настоящей работы.
16. Шеппинг Д.О. Указ. соч. С. 416.
17. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 775. Л. 72.
18. Толстой С.М. Толстой и Толстые. Очерки из истории рода. М., 1990. С. 74. Польцуясь случаем, отметим, что опубликованная С.М.Толстым гравюра «село Знаменское в 17 верстах от Москвы» (нач. XIX в.) из фондов Государтсвенного литетатурного музея (см. Толстой С.М. Указ. соч. С. 58), ошибочно интерпретирована им как вид усадьбы Знаменское-Садки. Из книги С.М.Толстого эта ошибка попала и в статью М.И.Малышковой. На самом деле, на этой гравюре изображена усадьба Знаменское-Губайлово, ныне находящаяся в черте г. Красногорска Московской области.
19. Антонов В.В. Живописцы декораторы Скотти в России// Русское искусство второй половины XVIII — первой половины XIX в. Материалы и исследования. М., 1979. С. 95.
20. Краевед Н.Лосева опубликовала следующий пассаж, посвященный истории плафона: «По рассказам очевидцев, пожилых людей, работающих в усадьбе в настоящее время сторожами, был и третий конь, но потекшая крыша вынудила реставраторов (в период 1970-х годов) скрыть его облаком (одна из загадок усадьбы), из-за чего художественная ценность плафона резко снизилась». См. Лосева Н. Из

истории забытой усадьбы// Художник. 1994. № 4. С. 27. Однако, на выполненной задолго до реставрационных работ в Знаменском фотографии плафона, опубликованной Н.Я.Тихомировым, колесницу Марса, как и сейчас, везут только два коня. См.: Тихомиров Н.Я. Архитектура подмосковных усадеб. М., 1955. С. 201.

21. Храповицкий А.В. Памятные записки А.В.Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины II. М., 1863 (есть репринт: М., 1990) С. 33; Шильдер Н.К. Император Павел I: Историко-биографический. СПб., 1901. С. 207.

22. Коробко М.Ю. Знаменское-Садки// Усадебное ожерелье Юго-Запада Москвы. [Изд. 3-е, испр.]. М. –СПб., 1997. С. 208.

23. ЦИАМ. Ф. 277. Оп. 2. Д. 2434. Л. 7.

24. Долгоруков И.М. Капище моего сердца или словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М., 1997. С. 179.

25. Список сожженных неприятелем помещичьих сел и деревень// Московское дворянство в 1812 году. М., 1912. С. 466.

26. Рядом в 1990-х гг. установлен и памятник жителям деревни Битцы (Новые Битцы), погибшим в 1941-1945 гг.

27. ЦИАМ. Ф. 383. Оп. 1. Д. 188. Л. 33 об.

28. ЦИАМ. Там же. Л. 52 об.-53.

29. ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 4. Д. 16. Л. 108.

30. Греч А.Н. Венок усадьбам// Памятники Отечества. 1994. № 3-4. С. 180-181.

31. Умбрашко К.Б. М.П.Погодин: Человек. Историк. Публицист. М., 1999. С. 46-47.

32. Умбрашко К.Б. Указ. соч. Там же.

33. Здесь и далее цит. по: ОР РГБ. Ф. 231. Р1. К.30.

34. Погодин М.П. Из «Автобиографии»// Литературное наследство. Т. 97. Кн. 2. М., 1989. С. 182.

35. Квятковская Н.К. Остафьево. М., 1990. С. 104-105.

36. В Центральном историческом архиве г. Москвы сохранилась метрическая книга ясеневской церкви с записью об этом событии: «Женился Московского военно-сиротского отделения смотритель подполковник граф Николай Ильич Толстов [так в тексте — М.К.] 1-м браком, понял за себя дочь генерал[а] от инфантерии князя [Н.С.]Волхонскаго [т.е. Волконского — М.К.] Марию Николаеву, о ко[е]й надлежащий обыск за поручителей чинен был. Венчание вершили: иерей Иоанн Александров, диакон Георгий Тимофеев, дьячок Никифор Алексеев». Цит. по изд.: Коробко М.Ю. Усадьба Узкое. Историко-культурный комплекс XVII—XX веков. М., 1996. С. 57. См. также: Толстой С.Л. Мать и дед Л.Н.Толстого. Очерки жизни, дневники, записи и письма по неизданным материалам. М., 1928.

37. Летопись жизни и творчества Ф.И.Тютчева. Кн. 1. М.-Мураново, 1999. С. 65.

38. ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Д. 324. Л. 356; Ф. 66. Оп. 5. Д. 1700. Л. 7-8. Ф.2132. Оп. 1. Д. 51. Л. 1 об.

39. ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Д. 324. Л. 356.

40. ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 5. Д. 1897. Л. 13; Ф. 2132. Оп. 1. Д. 51, Л 21.

41. Кириченко Е.И. Михаил Быковский. М., 1988. С. 248. Начало этой традиции, по-видимому, положено профессором архитектуры С. А.Тороповым, который в молодости входил в состав Общества изучения русской усадьбы. См.: Торопов С.А. Подмосковные усадьбы. М., 1947. С. 30.

42. По мнению Е.И. Кириченко дополнительным аргументом в пользу авторства М.Д. Быковского является принадлежность усадьбы Трубецким, поскольку непосредственным начальником М.Д. Быковского, ставшего архитектором Воспитательного дома, был князь Н.И. Трубецкой — почетный опекун и председатель московского Опекунского совета, президент Московской дворцовой конторы, сенатор, член Государственного совета и кавалер высшей российской награды ордена Андрея Первозванного. См.: Кириченко Е.И. Указ. соч. С. 170. Однако это совсем не тот Н.И. Трубецкой, который был владельцем Знаменского-Садков, а его дальний родственник, имевший аналогичные имя, фамилию и отчество. См.: Трутовский В.К. Указ. соч. С. 254-255, 257.
43. ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 4. Д. 16. Л. 108.
44. Шеппинг Д.О. Указ. соч. С. 416.
45. ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 5. Д. 1700. Л. 40-49.
46. Подробнее о Шаблыкиных см.: ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2101.
47. Главные деятели и предшественники судебной реформы. Под ред. К.К.Арсеньева. Бесплатная премия к «Вестнику и библиотеке самообразования» на 1904 год. СПб., 1904. С. 43-45.
48. ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 2. Д. 288.
49. Коробко М.Ю. Указ. соч. С. 214.
50. Лукьянов С.М. О Вл.С.Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. Кн. 2. Пг., 1918. С. 52.
51. Соловьев В.С. «Неподвижно лишь солнце любви...». Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М., 1990. С. 212.
52. См. об этом также: Коробко М.Ю. Москва Владимира Соловьева. М., 2001. С. 22-23.
53. Любимов Н.А. Михаил Никифорович Катков и его историческая заслуга по документам и личным воспоминаниям Н.А.Любимова. СПб., 1889. С. 356.
54. Мещерский Н.П. Воспоминания о М.Н.Каткове (Письмо в Тверитино)// Русский вестник. 1897. № 8. С. 68 (Тверитино – подмосковное имение супруги М.Н. Каткова, находившееся в Серпуховском уезде).
55. Соловьев И. свящ. Незабвенной памяти Михаила Никифоровича Каткова (Краткий биографический очерк) М., 1903. С. 28.
56. ЦИАМ. Ф. 277. Оп. 1. Д. 1983. Л. 1-2.
57. Леонтьев К.Н. Страницы воспоминаний. Пг., 1922. С. 32.
58. Феоктистов Е.М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. Л., 1929. С. 87.
59. ЦИАМ. Там же; Памятная книжка Московской губернии на 1899 г. М., 1899. С.484; Шрамченко А.П. Справочная книжка Московской губернии (описание уездов), составленная по официальным сведениям управляющим канцелярией Московского губернатора А.П.Шрамченко. М., 1890. С. 32.
60. ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 527. Л. 155; Дворянские и земские санитарные отряды// Дневник войны. Бесплатное приложение к газете «Биржевые ведомости». Изд. 2-е. 1904. № 4. 8 июня. С. 32; Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т 1. М., 1997. С.74, 153, 281, 303, 378, 425, 546, 548; Т.2. М., 1997. С. 70, 102, 110. 277; А.М.Катков// Искры. 1916. № 2. С. 11; Московское дворянство. Списки служивших по выборам 1782-1910. М., 1910. С. 129, 131.
61. Письмо М.В. Катковой к С.Д.Шереметеву// Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Вып. VI. М., 1995. С. 444-446.

62. Шереметев П.С. Крепостная суконная фабрика в селе Остафьеве 1768-1811// Московский край и его прошлое: Очерки по социальной и экономической истории XVI-XIX веков. М., 1928. С. 103.
63. ЦИАМ. Ф. 277. Оп. 2. Д. 2434. Л. 7-8.
64. Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 301, 304-305.
65. ЦИАМ. Ф. 277. Оп. 1. Д. 1983; Оп. 2. Д. 2434.
66. Дмитриева Н.В., Шатилова Е.А. Кое-что о последней владелице Тархан// Московский журнал. 1994. № 7. С. 64.
67. Всероссийское братское кладбище// Искры. 1915. № 32. С. 254.
68. ЦИАМ. Ф. 277. Оп. 2. Д. 2434. Л. 69.
69. ЦИАМ. Ф. 277. Оп. 1. Д. 1983. Л. 20.
70. Думин С.В. Титулованные роды Российской империи. Из архивов русского зарубежья// Летопись историко-родословного общества в Москве. Вып. 2. М. 1994. С. 79.
71. ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 167. Л. 4.
72. ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 167. Л. 9.
73. ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 167. Л. 2.
74. ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 167. Л. 3.
75. ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 167. Л. 11.
76. ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 167. Л. 11 об.
77. ЦМАМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 117. Л. 2; Кончин Е.В. Эмиссары восемнадцатого года. М., 1981. С. 39; Полякова М.А. Судьба «Подмосковных» в 1920-е годы (документы свидетельствуют) // Отечество: Краеведческий альманах. Подмосковье. М., 1996. С. 176.
78. Злочевский Г.Д. Русская усадьба. Историко-библиографический обзор литературы (1787-1992). М., 2003. С. 441. Об усадебной библиотеке в Знаменском-Садках см. также Греч А.Н. Указ. соч. С. 182.
79. ОР РГБ. Ф. 120. К. 57. Д. 5.
80. Церковь, как существующая, значится даже в книге С.А.Торопова, изданной в 1947 г. См. Торопов С.А. Указ соч. Там же.

Н.Г. Пармёнова, Н.Е. Титова

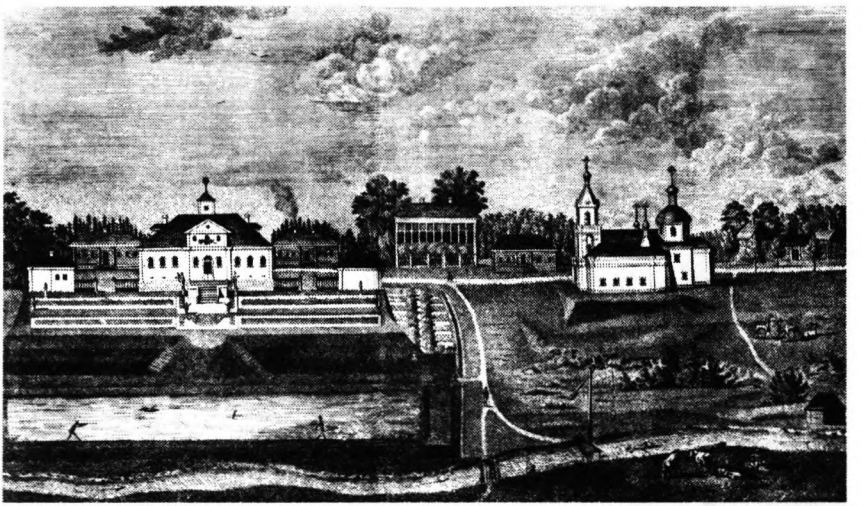
ИЗ ИСТОРИИ ЛЕОНОВА. ЗНАМЕНИТЫЕ ВЛАДЕЛЬЦЫ

«Слева на берегу реки Яузы в живописной местности находятся, одно возле другого, дачные села: Ростокино, около которого выстроенный при Екатерине II "миллионный акведук", ... Леоново, принадлежавшее известному Новикову, а затем Демидову — ревнителям просвещения: на горе старинная церковь оригинального вида...».
Путеводитель по Москве и ея окрестностям. М., 1903 г.

По предположению одного из исследователей «возможно, первым владельцем его [Леонова] был некто Леон (или Левон), может быть выходец из Ливонии, каких в Московской Руси в XV веке было уже довольно много».[1] Вторым владельцем села считается некий боярин Федор Федорович Карпов. «В Манатьином стану... пустошь Левоново, что была деревня, пашня 20 копен, лесу пашенного 4 десятины»[2]. В годы опричнины Карповы подверглись преследованиям, в Синодик для поминовения по приказанию царя Ивана Грозного были внесены «убиенные» Карповы — Федор, Михаил, Василий и Иван с женой. Поместья Карповых были взяты в казну. В нашествие на Москву хана Девлет-Гирея в 1571 г. многие подмосковные села, в том числе и Леоново, были сожжены. Сохранилось яркое описание состояния леоновских земель в документе 1586 г.: «...Левоново, что была деревня... и иные (пустоши), а имян их сыскать неким... пашня поросла в кол и жердь»[3]. В 1623 г. Леоново упоминается как пограничная со Свибловым пустошь, но уже не частновладельческая, а дворцовая, то есть казенная. Дальнейшая судьба Леонова связана с родом Хованских.

Нередко фигурировало Леоново в судебных разбирательствах начала XVII в. Иногда на границе леоновских и соседних — ростокинских владений вспыхивали стычки между их хозяевами из-за спорных пограничных «вешек». Стычки чаще всего переходили в жестокие побоища с привлечением дворовых людей и крестьян с той и другой стороны. Редко дело обходилось без жертв. И лишь царское разбирательство примиряло приближенных к государю соседей.

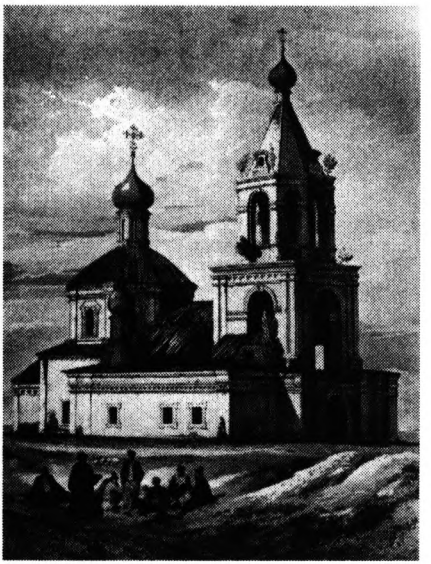
Позже село Леоново упоминается в делах уголовного ведомства. Между Ростокином и Леоновом, вблизи которых проходила знаменитая Троицкая дорога, существовал в незапамятные времена густой лес, именуемый среди окрестных жителей Татьянкиной рощей. В этом лесу укрывалась «Танька растокинская» — дерзкая предводительница разбойничьей шайки, которая грабила про-



Усадьба Леоново. Дворец П.Г. Демидова. Гравюра 1806 г.

езжих, разбивала обозы, угоняла лошадей. Бесшабашная атаманша, как гласит народная молва, подняла на смех её сообщника Ваньку Каина, признавшегося ей в любви. Разбойник насмешки не вынес и выдал Таньку, которая нашла свое последнее успокоение на виселице[4].

Как боярская вотчина, передаваемая в наследство, село Леоново стало развиваться после окончания «смутных времен» начала XVII столетия, принесших московским окраинам, да и самой столице огромные разорения. Первым владельцем Леонова из рода Хованских стал боярин Иван Никитич, получивший в 1626 г. две дворцовых пустоши по обоим берегам Яузы (в черте города, в районе Сретенки, он имел большой двор и огороды). Иван Никитич Хованский был в близком родстве с царским двором: он доводился внуком Михаилу Михайловичу Салтыкову — двоюродному брату царя Михаила Федоровича Романова. С 1625 г. И.Н. Хованский был церемониймейстером при большом столе, в отличие от других стольников, что при «кривом столе». В разные годы служил главным воеводой Большого полка в Туле, Боровске, Одоеве при нападении «крымцев и ногайцев». При воцарении Алексея Михайловича (1645 г.) приводил к присяге город Вязьму. Позднее из стольников был разжалован в московские дворяне и сослан в Сибирь. И лишь в 1649 г. — вновь при дворе, сопровождал царя в Троицу, к Савве, в Новодевичий монастырь, ведал Москвой в отсутствие царя. В 1650 г. он руководил подавлением Новгородского и Псковского восстаний, а позднее, в 1654 — 1657 годах, служил воеводой в период русско-польской войны. В 1652 г. И.Н. Хованский был направлен за мощами митрополита Филиппа на Соловки. Первая попытка пересечь Белое море оказалась неудачной — погибло несколько лодок и 69 человек утонуло. «А меня холопа твоего Ивана выкинуло в устье Николы Чудотворца Корельского монастыря, а ладью разбило»,

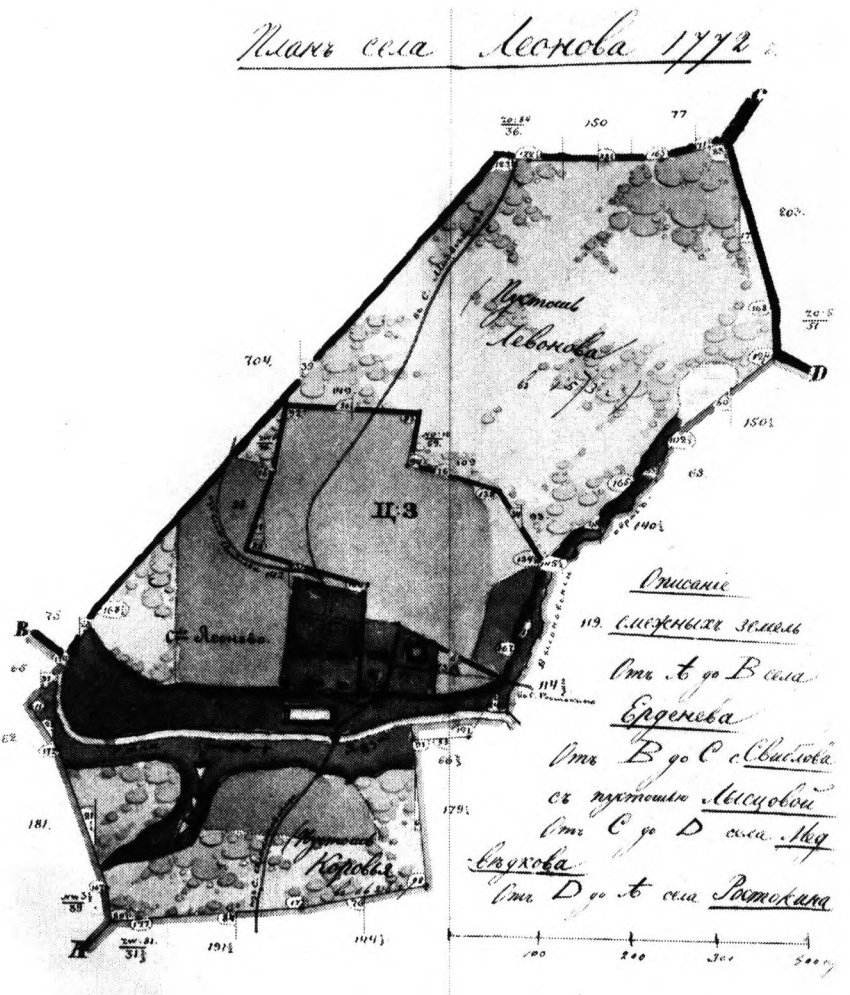


Ризположенческая церковь в Леоново. Начало XIX в. Гравюра, найденная Н.А. Найденовым.

— писал он царю. После строгого поста и неустанных молитв поручение выполнено. Мощи несли от Ярославля по Троицкой дороге. В селе Ростокино сделали остановку. На следующий день, 9 июля 1652 г., царь встречал мощи с крестным ходом на поле за Мещанской слободой у села Напрудного. И.Н. Хованский при этом не присутствовал, но за службу получил от царя кубок, золотой атлас и 40 соболей[5].

В свободное от государевой службы время боярин обустраивал усадьбу. В 1633 г. Хованский выстроил деревянную церковь Положения Ризы Пресвятой Богородицы. Согласно старинному преданию, И.Н. Хованский при выборе наименования для престола леоновской церкви руководствовался следующими соображениями. Название Леоново переносило его, получившего прекрасное церковное воспитание, к византийскому царю Льву или Леону, при котором в V в. был установлен праздник Ризоположения. С другой стороны, в Кремле среди лиц приближенных ко двору была очень популярна церковь Ризположения. Туда в престольные праздники совершались царские выходы. После кремлевского пожара в 1626 г. патриарх с особой заботой отстраивал погоревшую церковь. Торжественное освящение состоялось 17 ноября 1626 г. Так как эти дни совпали с пожалованием князю Хованскому давно желаемого подмосковного поместья, означавшее близость к государю и вообще начало служебной карьеры, то, скорее всего, он связал эти два события, выбрав Ризположенческий престол для новой церкви. Так, волей ее основателя, первая леоновская церковь стала именоваться «Церковь положения Ризы Пресвятой Богородицы».

Иван Никитич Хованский умер в 1658 г., место его погребения неизвестно. Леоново перешло во владение к его вдове Марье Михайловне, а впоследствии к ее внуку князю Василию Петровичу Хованскому, бывшему в начале 1740-х годов обер-президентом Главного магистрата в Москве. Князь Василий Хованский, отдавая дань времени и моде, разбил липовый парк и регулярный сад. А вместо ветхой церкви, простоявшей к тому времени девяносто лет, построил новую, каменную. С ее возведением связана одна забавная история. Как-то князь Василий Петрович пригласил в себе молодых гостей, они, побаловавшись спиртным, уложили одного из гостей, уже бесчувственного унтер-офицера гвардии князя Долгорукова в гроб и отнесли в церковь, где и отпели. Под утро его обнаружил изумленный священник. Царь Петр, хотя и сам не брезговал кощунственными обрядами, узнав обо всем от тестя Хованского вице-канцлера Шафирова, приговорил участников к смертной казни, которая была



План села Леонова. 1772 г.

заменена жестоким телесным наказанием в своем присутствии. Возможно, после этого Хованский обратился с просьбой выстроить каменное здание церкви, которое и было заложено в 1719 г., а освящено в 1722 г.

Наследники В.П. Хованского довели усадьбу до бедственного состояния. Так, по выразительной описи прапорщика Якова Захарова составленной в 1762 г. в оригинальной манере описывать то, чего не было, «значится»: «в конюшенном дворе (на 20 стойл и 12 денников), как стоялых коней, так и прочих лошадей — ничего нет. В скотном дворе — коров, овец, свиней, а также птиц — гусей, уток, кур индейских и русских — ничего нет. В двух

Князь Алексей Хованский. Литография. XVIII в.

житницах хлеба господского — ржи, пшеницы, ячменя, овса и прочаго ничего не имеется. В господском доме провалился потолок, пруд, а в нем имелась рыба разных пород, а ныне ничего нет». Зато в Ризположенческой церкви оставалось в целостности все имущество, под наблюдением священника, дьякона, дьячка и пономаря. Среди другой утвари значился «престольный образ Положения Честных Риз» — «весь серебряный, чеканный, риза вынизана жемчугом средним и крупным, подвес жемчужный из десяти ниток»[6].

В это время княжеская усадьба была выставлена на аукцион. 5 июля 1767 г. Леоново было продано П. Г. Демидову за 9200 рублей князем Александром, последним из рода Хованских, владевшего этой вотчиной 140 лет и семь месяцев.

Новый владелец Леонова был человеком неординарным, любил естественные науки и металлургию. Окончил Геттингенский университет. Шесть лет провел в путешествиях за границей. Изучал серебряные, железные и медные рудники, лично спускался в шахты. В Швеции познакомился со знаменитым ботаником Карлом Линнеем. В 1762 г. вернулся в Россию. Екатерина II «за обширные познания в натуральной истории и минералогии» пожаловала ему чин советника Берг-коллегии. Демидов вел переписку со многими учеными Европы — Геллертом, Галлером, Линнеем и др. В своих поездках по России и Европе П.Г. Демидов собрал редкие коллекции по естественным наукам, а также медалей, монет, художественных произведений. Первая покупка была сделана им в Париже: Павел Григорьевич приобрел у знаменитой актрисы Клерон первоклассный кабинет натуральной истории. Затем были приобретены коллекции кайенских птиц, пресмыкающихся, минералов, «оригностическое собрание Войта», астрономические и физические приборы, «модельная камера» — собрание макетов штолен, шахт, печей, машин. П. Г. Демидов стал одним из первых в России коллекционеров, подаривших свои собрания первопрестольной столице. В 1803-1806 годах он передал свое бесценное собрание Московскому университету. Эти дары составили так называемый «Музеум Демидова», занимавший три зала в университетском здании. В первом из них поместили коллекцию насекомых, собранную самим Демидовым под руководством К. Линнея. Здесь же находилась коллекция минералов, часть собрания раковин. Во втором зале, украшенном бюстом Демидова, экспонировалась основная часть раковин, «чрезвычайно дорогое собрание животно-растений, кораллов, морских губок и других морских растений». Неизменно обращала на себя внимание египетская мумия. Особую ценность представляла библиотека, расположенная в третьем зале. Путешествуя за рубежом, Демидов приобретал самые дорогие и редкие издания на мно-

гих языках практически по всем отраслям наук, особенно естественных, кроме того — латинские, французские, немецкие и русские рукописи. Сам же составил каталог своей библиотеки.

Дарованное Демидовым естественнонаучное собрание превратило университетский Музей натуральной истории в один из крупнейших в своем роде. Однако, почти все собрания, переданные Демидовым, погибли во время французского нашествия в 1812 году. Удалось вывезти и сохранить лишь малую толику: собрание раковин и полипов, систематическую коллекцию туфов, коллекцию драгоценных камней, в которой находился значительной величины изумруд[7].

Павел Григорьевич Демидов на фоне своей коллекции. Гравюра. Начало XIX в.

Демидов жертвовал огромные суммы на просвещение, основал в Ярославле Демидовский лицей и просил Государя уравнять его в правах с университетом. (Щеглов В.Г. Высшее учебное заведение г. Ярославля им. Демидова... Ярославль, 1903). По 200 тыс. рублей он завещал Московскому, Киевскому и Тобольскому университетам. Александр I приказал присвоить Демидову чин действительного статского советника «в награду изящных гражданских деяний, а также выбить в его честь золотую медаль, с изображением бюста Демидова и надписью «за благотворение Наукам»[8].

«Беспримерный благодетель и покровитель просвещения» последние годы провел в любимом Леонове. Вот как характеризует К. Головщиков хозяина усадьбы: «Нравственная сторона жизни Павла Григорьевича достойна подражания». Он был всегда тих, кроток, честен, прямодушен, справедлив и во всем чрезвычайно умерен, что сохранило ему живость ума, зрение неповрежденное и мужественное терпение, борющееся с мучениями и болезнями. На стол Демидова, по крайней мере, в последние годы, выходило 6-7 рублей в месяц. «И вообще вел он жизнь воздержанную: по утрам обыкновенно пил чашку кофе или шоколаду, обед его состоял из самого тонкого бульона и одной котлетки... Зато любил свежие фрукты, которыми снабжала его собственная оранжерея. В знакомстве был весьма разборчив и уважал людей не по чинам, не по богатству, а по уму, по их знаниям и честным правилам жизни, которые сам соблюдал строго... До конца жизни сохранил необыкновенную память. Его называли скупым потому, что не давал обедов, был враг роскоши, носил несколько лет один кафтан, производил дворовым людям умеренное содержание: чтобы трудились для себя, не предаваясь гибельной праздности. При этом говорил так: «Всякий должен довольствоваться тем, чем благословил Бог», и потому мало помогал он небогатым своим родственникам, но с крестьян брал оброк вовсе незначительный — только по 5

Вековой кедр в Леоново, посаженный П.Г. Демидовым. Фото Вл. Капустина. 1907 г.

рублей в год, а с подмосковных — ничего не требовал».

Большую часть времени Демидов посвящал обустройству усадьбы, летом охотно занимался садоводством и лесоводством, наблюдениям над природой. Павел Григорьевич чтобы и зимой любоваться зеленью деревьев, насадил не одну тысячу сосен и елей, а также кедры, лиственницы и пихты. Сад Демидова, по выражению В.А. Капустина, «был наполнен растениями, большей частью достопримечательными по каким-либо особливым явлениям, которые он наблюдал весьма тщательно и всегда с превеликим удовольствием». В парке Демидов любил предаваться «философскому уединению». В такие моменты ему была необходима абсолютная тишина совершенная. Даже голоса птиц вызывали в нем беспокойство. Вместо барщины он приказывал своим крестьянам ловить лягушек в пруду и по берегу Яузы, а также истреблять птиц в парке. Досаждал ему и звон церковных колоколов. И в 1800 г. по ходатайству Демидова Ризположенская церковь была закрыта.

В Леонове в 1803-1805 годах у Демидова подолгу гостили Н.М. Карамзин, который писал здесь «Историю государства Российского»[9] и «ревнитель русского просвещения», крупнейший книгоиздатель последней четверти XVIII столетия, «первый русский журналист» Н.И. Новиков. В 1812 г. в Леоново пришли французы. В усадебных постройках разместился отряд драгун, а лошадям устроили конюшню прямо в церкви. Отступая, французы не успели сжечь усадьбу, оставив в ней лишь печальные следы разорения.

Скончался Демидов в Леонове 1 июля 1821 г. и был погребен на кладбище Спасо-Андроникова монастыря. На его могиле была помещена эпитафия: «Famam extendit fastis» — «Слава его перейдет в предания». После смерти Демидова усадьба часто меняла своих хозяев. Недолго Леоновым владели его брат Петр Григорьевич и племянник Григорий Александрович. В 1822 г. они продали усадьбу поручику Николаю Ивановичу Пономареву за 120 тыс. рублей. Высокая стоимость объясняется тем состоянием, в которое привел имение Павел Григорьевич. Но Пономарев также недолго владел Леоновом. В 1825 г. он продал усадьбу купцу и предпринимателю Ивану Прокофьевичу Кожевникову, выходцу из города Касимова, занимавшемуся производством изделий из кожи — знаменитых касимовских тулупов, которые он сбывал в южных губерниях России.

Красногоров Григорий Алексеевич и Епишкина Александра Григорьевна (совладелица Леонова с 1870 г.) в кругу своей семьи. Фото 1892 г.

Предприниматель дочиста вырубил лес и парк, устроив в усадьбе фабрики, а его сын, запутавшись в долгах, продал Леоново, как и другие имения[10]. После долгих тяжб в 1867 г. были проведены торги, на которых Леоново — имение общей площадью 134 десятины (из них 65 были заняты лесом) оценили в 24 тыс. рублей.

Имение было куплено Евграфом Владимировичем Молчановым, владельцем Ростокинской фабрики. В 1859 г. он отремонтировал стоявшую «без пения» с 1800 г. леоновскую церковь для духовных потребностей рабочих ситценабивной фабрики. В 1867 г. Леоново было продано. Вся левая сторона (пустошь Леоново) по купчей перешла во владение О.А. Капустиной, А.Г. Епишкиной и прусским поданным А. и Ф. Каулен. Правую сторону (пустошь Михаила Седова и Коровью) вместе с фабрикой приобрел торговый дом под фирмой «А. Капустин, Г. Красногоров и Бр. Каулен». Разбросанные по имению остатки фабричных зданий постепенно разбираются.

Во второй половине XIX в. ближние подмосковные села постепенно превращаются в дачные места, старинные парки застраиваются сдаваемыми домами. Не было исключением и Леоново. О нем вспоминает А.К. Соловьева, дочь известного библиофила, внучка главы Богородско-Глуховской мануфактуры Арсения Ивановича Морозова: «С шести до десяти лет жила в Леонове. Дача большая, но неуютная. Посреди небольшого сада — огромная ель. Парк какой-то казенный. За парком затаенные лесные дорожки»[11]. Постоянными обитателями Леонова были Василий Федорович

Бахрушин, женатый на сестре Н.А. Найденова — Анне Александровне, драматург С.А. Найденов с женой — актрисой Малого театра. В «Справочной книге Московской губернии» за 1890 г. при селе Леонове числятся также усадьбы московских купцов Арсения Михайловича Капустина и Григория Александровича Красногорова. А.М. Капустин — личность небезынтересная. Он состоял в родстве с главой Московского биржевого комитета, историком Москвы и московского купечества — Н.А. Найденовым и с В.Ф. Бахрушиным. Родился Капустин в 1816 г. в Твери. Семейная легенда объясняет происхождение фамилии тем, что кто-то из предков в 1812 г. «схоронился» от французов в капустном поле. Но более вероятно, что фамилия происходит от издавна существовавшего в Твери пригорода Капустники[12].

В двадцать лет Арсений отправился в Москву и поступил приказчиком на службу к купцам Молчановым, поселившись в их доме у Покровских ворот. Был он человеком расторопным, практичным и благоразумным. Накопив средства, купил ситценабивную фабрику. Его первая жена прожила недолго, оставив двух дочерей. Вторично он женился на родной сестре Н.А. Найденова, что сразу ввело его в круг именитого московского купечества. Ольга Александровна Найденова была девушкой общительной, знала французский, любила музыку и танцы, театр и литературу.

Семья Арсения Михайловича проводила лето в Леонове, начиная с 1869 г. Здесь жили в большом доме, который одной стороной выходил в старинный парк, а другой — на проезжую дорогу. Обычно выезжали из города, только когда устанавливалось тепло. Молодежь же любила отправляться, как только сойдет снег. Переезд на дачу напоминал переселение народов, ведь приходилось перевозить буквально все: мебель, посуду, одежду, детские игрушки. Летом жили большой семьей, разросшейся до размеров рода, сохраняя свои обычаи и нравы. Сюда приезжали родственники, подруги женщин, гости и среди них женихи. Время проходило в прогулках в соседние местности. Девушки собирали цветы и ловили бабочек. Любимым занятием членов семьи было фотографирование. Леоново для его обитателей было чистым воплощением сельской простоты и поэзии. Все были уверены, что именно Леоново — самое красивое место на земле.

Жизнь на даче отличалась размеренностью и спокойствием. Пожалуй, самым бурным событием, вызвавшим переполох у всей семьи можно считать эпизод, описываемый советским искусствоведом М.В. Алпатовым. Он вспоминает, что однажды, как только все улеглись спать, из комнаты девушек раздался крик. Мужчины бросились к дверям, но им долгое время не отпирали. Потом девушки открыли и сказали, что не успели они заснуть, как почувствовали в комнате чье-то присутствие. Они зажгли свет и в крайнем изумлении увидели, что по комнате мечется летучая мышь. После этого все долго не могли успокоиться и заснуть.

Со временем Капустины завели в Леонове несколько дач. Одна из них принадлежала В.А. Капустину. Владимир Арсеньевич был хорошо воспитан и образован. Он изучил три иностранных языка, стал довольно хорошим музыкантом, играл на виолончели, увлекался фотографией. Его снимки считались одними из лучших среди работ других фотолюбителей. Работал в Московском Торгово-промышленном товариществе, и мог бы сделаться незаурядным работником на коммерческом поприще, имея большой заработок. Но подобная деятельность не увлекала его, он боялся, что

Семья Капустина Арсения Михайловича и Ольги Александровны. В центре — Владимир Капустин. Фото 1881 г.

она втиснет его жизнь в узкие рамки повседневности и сделается для него малоинтересной в смысле умственных и душевных наслаждений. В. Капустин хотел многое видеть, знать, побывать во многих местах, но для этого нужны были достаточные материальные средства и свободное время. Обращаться за помощью к своему отцу он не желал, зная его старинные взгляды по этому поводу: «Если стремишься к подобной жизни, то, прежде всего, работай, накапливай средства, а потом ими пользуйся». Для Владимира Арсеньевича, как человека слабой физической конструкции, с его запросами разума и души, всецело погрузиться в добывание средств было почти невозможным. Он работал некоторое время, но, в конце концов, бросил ее, и скопленные за это время средства потратил на путешествия, покупку книг, музыкальных инструментов и т.д. Из-за ограниченности сбережений ему приходилось во многом сдерживать свои желания. Оттого лицам с ним знакомым могло показаться, что он был скуп и даже жаден. Московский предприниматель и общественный деятель Н.А. Варенцов вспоминал, что, будучи в одном из путешествий В.А. Капустин дал проводнику-арабу золотую монету в подарок. Но так, как в продолжении поездки Капустин все свои желания сдерживал, то у араба сложилось о нем впечатление как о скупом человеке. Проводник же, получив монету пришел в восторг: он прыгал и целовал монету. Изумленным путешественникам он объяснил свой поступок тем, что у арабов есть поверье, согласно которому, если скупой человек дает золото, то необходимо его скорее поцеловать — и будешь богатым[13].

Флигель дворца П.Г. Демидова, переделанный под дачи. Фото Вл. Капустина. 1894 г.

После смерти отца он получил хорошее наследство, что дало ему возможность построить зимнюю дачу в Леонове, в выделенной ему по наследству части. Дача была хорошо меблирована, при ней был разведен сад: Капустин создал для себя приятный и уютный уголок, где наслаждался одинокой жизнью.

Подробнее всех о Леонове написал Владимир Арсеньевич Капустин: «В Леонове прошлое обступало нас незаметно со всех сторон. Здесь был старинный липовый парк... Одна из самых широких аллей с площадкой посередине, самая парадная, вела ко дворцу. Средняя, более узкая, настраивала на уединение, она носила наименование Аллеи вздохов. В парке можно было прогуливаться и кататься на велосипеде во всех направлениях...»[14]. На краю дороги высился кедр, который называли кедром Демидова. Были в Леонове и остатки демидовского дворца.

Небезынтересно отметить, что в литературе о Леонове довольно часто встречается фотография, которая изображает «дворец П.Г. Демидова, переделанный под дачи». Хотелось бы внести корректировки в ее атрибуцию, поскольку очевидно, что на фотографии мы можем видеть флигель демидовского дворца, или, по крайней мере, хозяйственную пристройку. Это уточнение необходимо в связи с тем, что фотография вызывала споры, относительно принадлежности усадьбы П.Г. Демидову: такой обеспеченный род несомненно мог бы владеть более богатой постройкой, тем более известно, что над созданием городских усадеб Демидовых трудились такие известные архитекторы как Ф. Аргунов, М. Казаков, О. Бове и др.

Леоновский пруд. Фото авторов.

Возвращаясь к дачному периоду истории Леонова, отметим, что тот дом, в котором жил с семьей племянник Владимира Арсеньевича В. Алпатов называли не «дачей, а сараем». Однако никому и в голову не приходило перестроить или усовершенствовать ее, или сменить на другую. Счи-

талось, что на дачу ездят не ради удобств, а для того, чтобы гулять, любоваться природой, дышать свежим воздухом. За дачами находилась березовая роща с узкими дорожками, которые спускались к Яузе. В семье было принято говорить: «Пойдемте гулять в "маленький лесик", или, "парчок"». «Пойдемте на "желтые дорожки"» — означало лес между проселочной дорогой и железнодорожной линией. Обитатели Леонова любили ходить друг к другу в гости. М.В. Алпатов вспоминал: «Дом дяди Володи был открытым... хорошо и красиво расположен, доски были расписные... Дядя Володя приветствовал нас через форточку, протягивалась рука»[15]. Чтобы гости могли любоваться закатами, В.А. Капустин построил в саду бельведер.

Ризположенческая церковь в Леоново. Фото Вл. Капустина. 1894 г.

Описывая Ризположенческую церковь, Алпатов отмечал, что в ней находилась «голландская печь с белыми кафелями». В подкупольном пространстве высилась копия ивановского «Явления Христа народу». В эту церковь ходили жители соседних деревень. А некий путешественник начала XX в., проезжая по Троицкой дороге писал: «Алексеевское позади, проехали Ростокино. Взбираемся на холм. Справа виднеется огромный акведук. Миллионный мост, остатки екатерининских времен. Налево за оврагом видна Леоновская церковь. Она скромней и невзрачней, чем Алексеевская. Но в ее облике есть что-то манящее, робкое и особенный отпечаток чистоты в ее белизне»[16].

Смерть Капустина была трагической: в революционный 1918 г. (С.К. Романюк приводит другую дату — 1917 г.)[17] летом на даче, он услышал, как взламывают дверь его дачи, отворил форточку и начал свистеть, желая таким образом призвать на помощь прохожих. Грабители услышали свист и выстрелили в окно. Известно, что в числе многочисленных заграничных путешествий Владимира Арсеньевича значится плавание на «Титанике» в его роковой рейс. Смерть в усадьбе тем более представляется нелепой, потому что Капустину удалось избежать гибели на пароходе: он спасся.

Интересно отметить, что Владимир Арсеньевич написал и издал в 1908 г. брошюру «Леоново. Подмосковное поместье боярина князя Ивана Никитича Хованского». Работая над ней, Капустин произвел исторические изыскания, и собрал множество сведений об истории Леонова в различных архивах. Эта книга и в настоящее время остается единственным наиболее полным трудом об этом старинном селе. Книга заканчивается описанием современного вида усадьбы в «дачных тонах»: «Леоново погружается в мирную тишину. Разбросанные по имению остатки фабричных зданий разбираются; картина блестящего

Уголок Леонова, вдоль новой линии Московской окружной железной дороги. Фото Вл. Капустина. 1906 г.

прошлого как будто снова выделяется. Чудный липовый парк, с вековыми деревьями, пруд, церковь переносят во время князей Хованских; громадный кедр, лиственница, пихты напоминают о Демидове...»[18].

С Леоновым дачным связан один весьма интересный эпизод. Дело в том, что в 1898 г. в Московский окружной суд было подано прошение о возмещение убытков поверенным священнослужителей и церковного старосты Ризположенческой церкви А. Шмаковым. Иск состоял в следующем: с августа по сентябрь 1897 г. якобы для проведения ветки своей дороги из Москвы до Савелова, Общество Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, ничего не уплатив и не произведя никакой описи, вырубило близ села Леонова принадлежавшего церкви «до тех пор нетронутого леса разных пород». Затем этот лес, как и выкорчеванные пни, был продан, что испортило местную дачу, а железную дорогу повели не по ней, а в другом направлении. Невзирая на многочисленные требования возмещения убытков, Общество от них уклонялось. В связи с этим церковная община и была вынуждена обратиться в суд. Для определения размера убытков, причиненных ответчиком, предлагалось принять во внимание следующее: «Будучи в значительной мере покрыто лесом [Леоново] представляет весьма удобную территорию для постройки дач, потребность в коих с каждым годом значительно увеличивается. Ценность такого имения возрастает еще и потому, что оно является почти единственной недвижимой собственностью, состоящей при данных условиях в частном владении. Имея же с одной стороны свойство больших городов постоянно расширять-

Интерьер храма. Фото авторов.

ся уже вследствие одного размножения населения, а с другой, особые, чрезвычайно благоприятствующие такому расширению обстоятельства для Москвы, как средоточия русской жизни и естественного узла железных дорог, число которых быстро возрастает, необходимо прийти к выводу, что указанное подмосковное имение является по своей стоимости исключительным. Независимо от сего, оставаясь даже в пределах взгляда на эту местность только как на дачную, нельзя не признать, что ее достоинство и цена в значительной мере обуславливаются как непрерывностью лесных пространств, так и чистотою воздуха»[19].

Церковь Ризположения Пресвятой Богородицы с приделами во имя иконы Богоматери Неопалимая Купина и Николая Чудотворца в селе Леонова. Фото авторов.

Вырубив длинную просеку шириной 15 сажень и превратив старый лес в изрытый ямами обезображенный пустырь, который изменил характер имения и его стоимость, Общество железных Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги нанесло Леоново вред и в другом отношении. «Теперь по устроенному Обществом лесному коридору несется зловоние от Ростокинских, на Заячьем болоте, свалок нечистот, чего прежде никогда не бывало и что время от времени нарушает покой проживающих здесь дачников, — факт опасный для собственников имения, естественными условиями предназначенного именно для дач»[20].

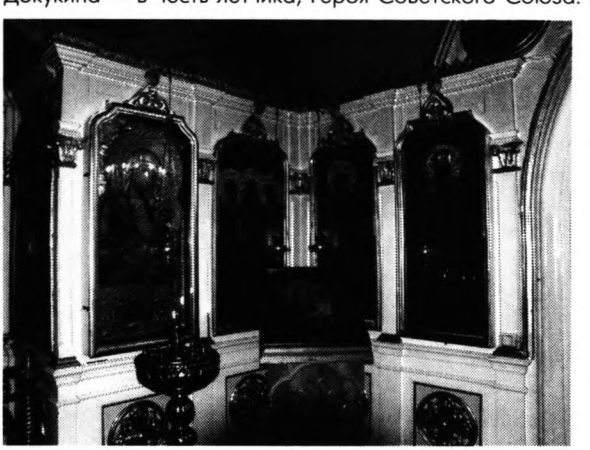
Расчеты ущерба производились следующим образом. Из владений церкви было вырублено 1 десятина 425 кв. сажени леса. В течение, по крайней мере, 25 лет это пространство не могло быть сдаваемо под дачи, поскольку именно по истечении этого срока, при условии лесоразведения, здесь мог вырасти молодой лес, сколь нибудь годный для этой цели. Между тем аренда в подмосковных дачных местностях нередко превышала 10 коп. с сажени в год. Если считать только по 5 коп. ежегодной аренды с сажени, то и тогда за 25 лет потеря для церковного имущества по 1 руб. 25 коп. с кв. сажени составит 3431 руб. 35 коп. Надо заметить, что суд постановил Обществу Московско-Ярославско-Архан-

Икона, «сооруженная в память скончавшегося на поле брани в Карпатах Арсения Васильевича Журавлева 1915 года в ночь на 1 мая». Фото авторов.

гельской железной дороги выплатить данную сумму. Этот приговор был подтвержден Московской судебной палатой после рассмотрения апелляционного отзыва Общества.

Некоторые дачи продолжали существовать в Леоново вплоть до 50-х годов XX в., но, как и по всем окрестностям Ростокина, они превратились в коммунальные квартиры. В 1961 г. Леоново стало районом массовой застройки.

Названия улиц, проходящих по их территории, дают возможность определить прежнее местоположение и границы села Леонова. В 1920-е годы, когда Ростокинская волость фактически стала частью Москвы, почтовый адрес села Леонова обозначался его названием: село Леонова. Весной 1930 г. село Леонова было включено в состав города, его новый статус потребовал и нового топонимического оформления. Две улицы получили названия: Первая улица села Леонова и Вторая улица села Леонова, переулки между ними были названы 1-й — 4-й проезды села Леонова. Кроме того, было еще одно название, связанное с селом — дорога от Ярославского шоссе до Леонова называлась Леоновской. В 1955 г., когда вдоль нее встали дома, она была названа Леоновской улицей, а в 1964 г. переименована в улицу Докукина — в честь летчика, Героя Советского Союза. По мере застройки микрорайона пропадали деревенские улицы. Но еще раньше, в 1940-е — 1950-е годы, названия улиц и проездов села Леонова упростились и осталось современное название — улица Леонова. По законам русского языка и правилам московской топонимики, названия московских улиц, происходящие от географических наименований, образуют-



Старинные иконы в церкви Ризположения. Фото авторов.

ся в форме прилагательного с суффиксом -ский, -ская. Именно так и образовались соответствующие названия вокруг улицы Леонова[21].

Но к счастью, уцелели еще остатки демидовского парка, леоновского пруда, хотя и замусоренного, церковь. Церковь Ризположения, после Октябрьской революции охранялась государством как памятник архитектуры. Богослужения в ней проходили до 1930 г. В 1942 г. храм открыли для верующих. В преддверии тысячелетнего юбилея крещения Руси храм возродился окончательно[22]. В нем сохранилось несколько старинных икон. В литературе можно встретить упоминание о них, как о принадлежавших еще деревянному храму XVII в. Это предположение представляется сомнительным, скорее иконы были написаны в XIX в. В настоящее время в храме идут службы. Будет ли сохранен и возрожден в дальнейшем этот уникальный памятник истории и уголок природы?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тихонравов В. Леоново // Встреча с прошлым. М., 1970.
2. Муравьев Вл. Святая дорога. М., 2003. С. 486.
3. Романюк С.К. По землям московских сел и слобод. Т.II. М., 1999. С. 222
4. Исторический вестник. М., 1908. №12. С. 1113-1114
5. Филаткина Н.А. Леоново // Московский журнал. №4. М., 1999. С. 36
6. Капустин В.А. Леоново — подмосковная вотчина боярина князя Ивана Никитича Хованского. М., 1908. С. 39
7. Полунина Н., Фролов А. Коллекционеры старой Москвы. М., 1997. С. 152
8. Головщиков К.Д. Род дворян Демидовых. Ярославль, 1881.
9. Кондратьев И.К. Седая старина Москвы. М., 1996. С. 458
10. Молева Н.М. Кожевниковы // Карьера. 1990, № 2.
11. Филаткина Н.А. Указ. соч. С. 39
12. Алпатов М.В. Воспоминания. М., 1994
13. Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 490
14. Капустин В.А. Указ. соч. С. 39
15. Алпатов М.В. Указ. соч. 1994
16. Муравьев Вл. Указ. соч. С. 485
17. Романюк С.К. Указ. соч. Т.II. С. 226
18. Капустин В.А. Указ. соч. С. 42
19. Москва, век XX. Историческая экология: Архивные документы. Вып. 1. 1901-1917. М., 2000. С. 106
20. Там же. С. 107
21. Муравьев Вл. Указ. соч. С. 486
22. Нефедов А. Четыре века села Леоново // Альманах «Отечество». М., 1991. С. 185

Л.В. Рассказова

УСАДЬБА ЗАВИВАЛОВКА И ЕЁ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ

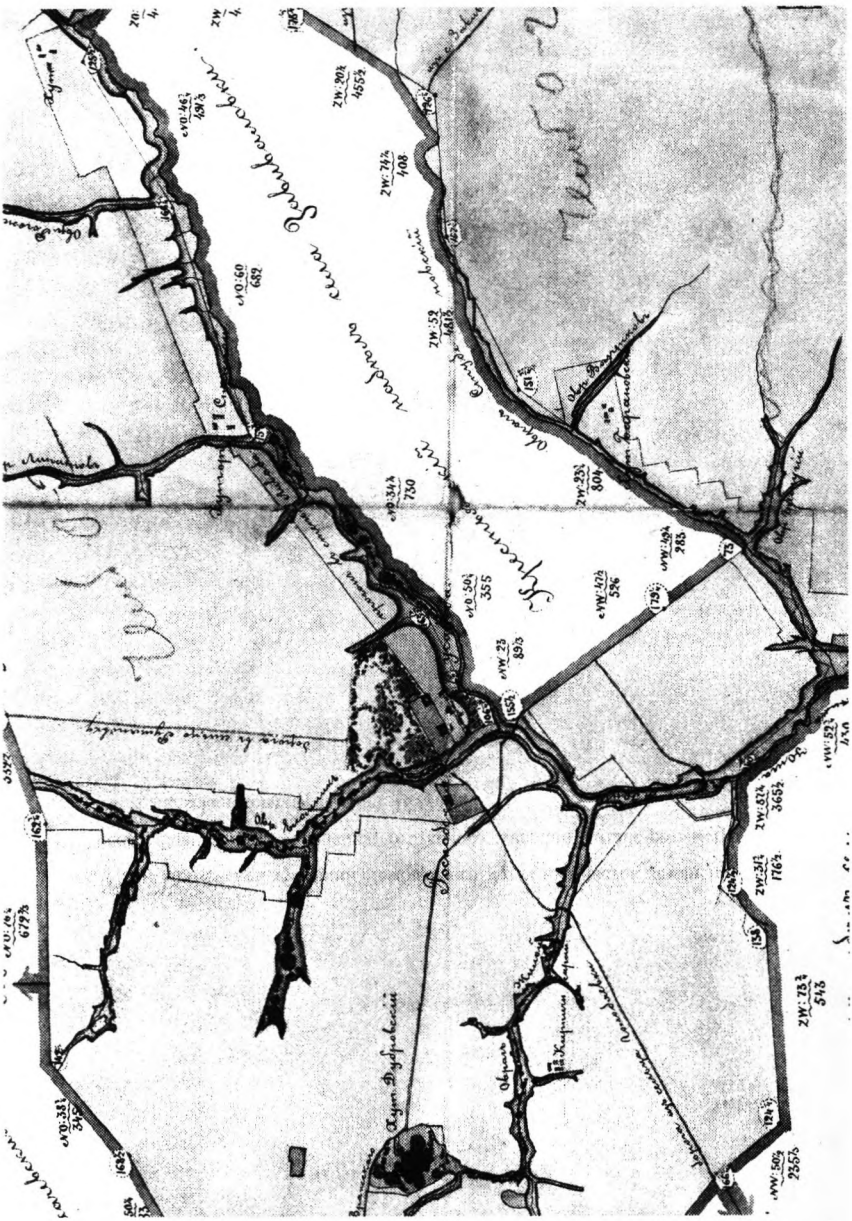
Тот век прошел, и люди те прошли;
Сменили их другие; род старинный
Перевелся; в готической пыли
Портреты гордых бар, краса гостиой,
Забытые тускнели; поросли
Дворы травой, и блеск сменив бывалый,
Сырая мгла и сумрак длинной залой
Спокойно завладели...
(М.Ю. Лермонтов. Сказка для детей).

Усадьба

Представляется необходимым рассказать об истории и характере самой усадьбы, бывшей хранительницей семейной коллекции.

Село Завиваловка было основано в первых десятилетиях XVIII в. на землях Ф.И. Озерова и именовалось Озеровкой или Озерками. Затем имение переходит к капитанам Козлову и Урусову. В 1770-1780-х годах деревня Озерки, Завываловка тож, принадлежала Анне Ивановне Мосоловой. На ту пору в ней было 66 дворов, 291 мужская душа и 165 женских. Всего земли у нее было 4438 дес. 1468 саж., из них под усадьбой 23 дес. 1400 саж., под пашней — 3086 дес. 468 саж. Крестьяне на оброке. Господского дома нет, имеется пруд.[1] Название Завиваловка, закрепившееся к началу XIX века, видимо, отражает распространенное здесь ремесло — завивание веревок и вязание бредней на продажу. Полагаем, что некоторое время имение было заглазным.

Славу и известность завиваловская усадьба приобретает в пореформенное время, когда ее владельцем становится Федор Ильич Ладыженский-2. Возможно, это произошло после женитьбы его на А.Л. Ховриной (1884). В конце XIX в. Завиваловка слывет в губернии образцовой усадьбой.[2] Хозяйство расположено в 30 верстах от станции Воейково Сызрано-Вяземской железной дороги (и от села Каменки, при котором была усадьба Воейковых, дальних и знаменитых к началу XX в. родственников Ф.И. Ладыженского). Вся земля в одной меже, земли в имении 5234 дес., в том числе пахотной 4789 дес. (в 1897г., а в 1900 г. — 4337 дес.) В этом же году под усадьбами — 152 дес., выгонов 711 дес., леса — 35 дес. Имение разделено на главную усадьбу и четыре хутора. Завиваловское хозяйство ведется с помо-

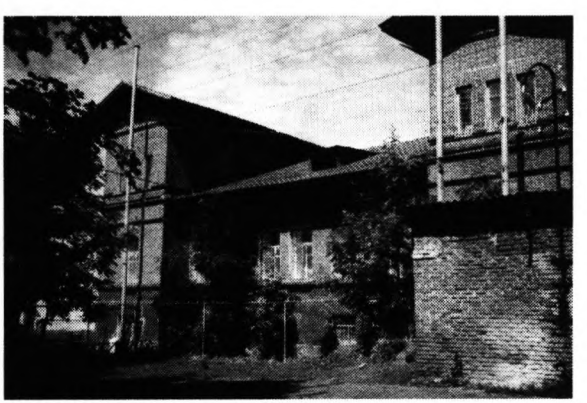


План Пензенской губернии Чембарского уезда на участок земли при селе Завиваловке владения отставного гвардии штабс-ротмистра Ф.И. Ладыженского. 1897 г. Фрагмент.

Завиваловка. Главный дом. 1912 г. Вид со стороны двора. Фото автора. 2002.

щью управляющего, германского подданного Рудольфа Антоновича Бранда. Система полевого хозяйства в главной экономии в 1897 г. плодосменная при 12-типольном севообороте. Разводятся, главным образом, рожь, овес, просо, горох, чечевица, гречиха, костер безостый, а также картофель, из специальных культур выращиваются кормовая и сахарная свекла. Заложен новый плодовый сад в 36 дес. Имеется пасека для учебных целей. В имении конный завод верховых, рысистых и тяжеловозов. Рысистые поступают в продажу по 200-800 руб. Имеются 250 голов йоркширских свиней, разводятся овцы мериносы электорального типа около 3000 голов, шотландские коровы. Молоко перерабатывается на сыр голландский, бакштейн, тильзитский. В имении с 1884 года учреждена единственная в губернии Завиваловская низшая сельскохозяйственная школа 1 разряда, при ней имеется опытное поле, улучшенный луговой участок, сад, хмельник, питомник. На 1902 год учащихся в школе 301 чел., казна ежегодно отпускает на их содержание 2500 руб. Естественно наличие винокуренного и сыроваренного заводов, водяной и паровой вальцевой мельниц. В торгово-промышленном адрес-календаре «Вся Россия» на 1902 год в разделе «Выдающиеся хозяйства России» можно уточнить, что развивается суконное овцеводство, «обширный инвентарь лучших заводов. Разнообразные сельскохозяйственные мастерские».

Конный завод, можно предположить, был любимым детищем владельца, хотя среди известных пензенских дореволюционных коннозаводчиков мемуаристами Ф.И.Ладыженский не упоминается. Усадьба является характерным примером капитализации помещичьего имения. Она расположена на выгоне, на месте, которое на плане 1897 года обозначено как «прогон в степь Ливада»[3]. Усадьба и завод отделены от села Завиваловки рекой Юнгой. Завод находился недалеко от главного дома, представляя собой как бы обширный хозяйственный двор. Конюшни — в некотором отдалении от центра усадьбы, где располагались господский дом, двухэтаж-



Завиваловка. Главный дом. 1912 г. Вид со стороны парка. Фото автора. 2002.

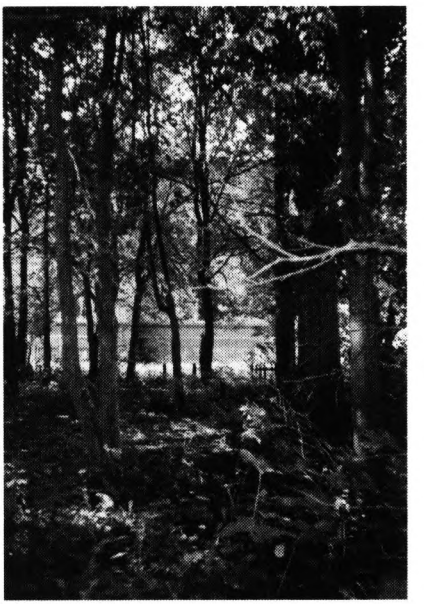
ная ветлечебница против него, со стороны двора, сельскохозяйственная школа в одной линии в господским домом.

В начале двадцатого века Федор Ильич строит новый усадебный дом, хозяйственные постройки. Описание сохранившихся построек составлялось в 1970-х годах для «Свода памятников истории и культуры».[4] Комплекс, окончательно отстроенный в 1908-1913 годах, состоял из конного завода и усадьбы, отделенных от села рекой Юнгой, на которой устроены частично спущенные пруды. На плане 1897 г. видно, как уютно вписалась усадьба между двумя отрогами оврага, представляя собой зеленый оазис среди бескрайних пашен, перезанных оврагами и прихотливыми извивами Юнги. Расположенный на холмистом рельефе, прорезанный регулярной сетью дорог, прямоугольный участок функционально и планировочно делится на три части. Главный дом и два флигеля усадьбы расположены в центре. Первоначально они были отгорожены валом от находящейся против дома ветеринарной лечебницы. К востоку от усадьбы находятся конюшни, школа наездников и два жилых дома, к западу — склады и большая паровая мельница. Всего от бывшей усадьбы сохранилось 11 зданий.

Завиваловка. Школа наездников. 1913 г. Виды со стороны парка (вверху) и со стороны двора (внизу). Фото автора. 2002 .

Господский дом выстроен в современном стиле. Здание отличают большие выносы двускатных крыш, разнообразие форм оконных проемов: полукруглые чердачные в боковых ризалитах, строенные узкие. Перед главным домом находился парк, спускавшийся по небольшому склону к запруженной речке Юнге. Сохранились две очень старые, судя по обхвату стволов, липовые аллеи, параллельно спускающиеся к пруду. Они расположены слева от главного дома, если стоять к нему лицом со стороны парка (а не двора). Возможно, они — свидетели более отдаленной жизни Завиваловки, память о которой хранит художественная коллекция и библиотека, чем та, которая зафиксирована в сохранившихся постройках и планах. Может быть, липовые аллеи

Завиваловка. Старая липовая аллея в парке. Фото автора. 2002.



Завиваловка. Молодая аллея из вязов и лип между школой и главным домом. Фото автора. 2002.

фланкировали старый барский дом или флигеля, а перед ними располагался небольшой партер на лужайке, а затем парк на очень пологом спуске к пруду.

В 1913 году отстраивается новое здание школы наездников. В ней были хорошо освещенные большие классы. Здание имеет сугубо утилитарный облик учебного заведения. Между главным домом и школой проложена молодая аллея из лип и вязов. До недавнего времени в Школе наездников размещалась сельская средняя школа, но ныне (на лето 2002 года) она выехала из здания. Здание стоит открытым и бесхозным, с выломанными радиаторами и торчащими трубами. В таком виде судьба его предрешена.

Национализация

Осенью 1917 года последовали известные события.[5] 8 января 1918 года Губернский земельный комитет обращается с просьбой к Исполкому Губ. Совета о принятии мер против разграбления имения, имеющего «специальную высококультурную ценность»: сельскохозяйственную школу, большой конный завод, 36 десятин сада, питомник, паровую вальцевую мельницу. В Завиваловку был назначен комиссар, который уже через неделю, 16 января 1918 года телеграфирует Губземкомитету, что крестьяне требуют разделить 15000 ведер спирта, хранящегося на спиртзаводе и что «сопротивление невозможно». Тем не менее, в марте 1918 года в имении существует совхоз, действует сельхозшкола, проведен сев.

Апрелем 1918 года датируется опись имущества из дома «б. Ладыженского», а ныне находящегося в ведении Губземколлегии. Опись составлялась по-

комнатно, но она мало что может дать к характеристике обстановки усадебного дома и быта последних обитателей. Как и в других пензенских усадьбах, составлялись подобные документы людьми несведущими и описание мебели в них сводится к двум формулировкам: «столик простой», «столик непростой». Идентификация какого-либо стиля и художественной ценности обстановки, как и поиск ее в музейных хранилищах, здесь не представляется возможным. В описи фигурирует очень много бронзовых изделий: вазы, часы, лампы, подсвечники; а также пианино, столовое серебро. Двенадцать икон «в позлащеных серебряных ризах» переданы в церковь. Среди прочего упоминаются: «ящиков с картинами 3», «картин и гравюр 10», «картин и портретов 26». Из этого видно, что часть коллекции была упакована и подготовлена к вывозу (кем?), а часть — нет.

Решением Губземотдела №33 от 2 февраля 1919 года в Завиваловке вновь организуется совхоз, а уже через три недели, 27 февраля 1919 года коллекция Ф.И. Ладыженского из имения Завиваловка Чембарского уезда Пензенской губернии регистрируется в Национальном музейном фонде. Спустя пять лет после организации советского хозяйства, в середине июня 1924 года, в усадьбе побывал Б.Н.Гвоздев, сотрудник музейной комиссии при губполитпросвете. В его неопубликованных записных книжках сохранииись сведения об этом посещении. «Остановились в квартире заведующего совхозом и школой А.А.Рейхмута, обитающего в одном из второстепенных домов бывшего владельца Ладыженского. В его квартире находятся очень интересные 1) часы в футляре, внизу герб и 2) часы бронзовые настольные или накаминные. В усадьбе находится каменный дом Ладыженского, весьма сильно пострадавший и в большей своей части обращенный в отхожее место, а в меньшей — в общежитие для учеников. Существуют остатки водопровода, водоемы для нагрева солнцем воды, воспоминания об электричестве. Существует, вернее, влачит жалкое существование сельскохозяйственная школа, насчитывающая в настоящем году 40 лет своего существования. Есть недостроенное общежитие, богатый конский завод, парк, грунтовый сарай для южных плодовых деревьев, культура виноградников, плодовый сад. На всем лежит печать постепенного разрушения и неприбранности. Недостаток средств был причиной отсутствия отхожего места в совхозе и приспособления для последних целей дорогих зданий, парка, сада и фонтана. В школе грязь и беспорядок. <...> Каретный сарай. 1.шестиместная карета; 2.Четырехместная карета; 3. 1 возок-сани; 4. 2 коляски (одна разбита) (Тараненко предложил кареты, коляски и возок взять в музей)».[6]

Упоминаемые Б.Н. Гвоздевым двое часов из дома Ладыженского и гравюра на шелке (№5 в его записи, см. ниже) вошли в «Список памятников искусства и старины, взятых на учет Пензенской губернской комиссией согласно декрету 8.03.1923 в заседании комиссии

Саловка. Сирень и липы в усадебном парке. Фото автора. 2003.

23.07.1924», подготовленный Гвоздевым (см. №№ 57, 58, 59). Следы их затеряны. Таков финал художественной коллекции и самой усадьбы Завиваловка.

На начало 1920-х годов специалист отмечает: «Завиваловский завод рабочих лошадей за завод считать не следует, потому что конный завод без определенной программы, производителей и персонала — это не завод, а обычное хозяйство».[7] С 1929 г. здесь организуется конесовхоз по выращиванию орловских рысаков, а с 1930-х годов — и транспортных лошадей. В этот период строятся новые и перестраиваются старые, сохранившиеся от Ф.И.Ладыженского, хозяйственные постройки. В 1962 году начинает действовать гос. плем. конезавод «Завиваловский» №26, специализирующийся на выращивании лошадей орловской рысистой и советской тяжеловозной пород.[8] В господском доме располагается контора конезавода.

Библиотека

В усадьбе существовала и библиотека. В описи имущества из дома «б. Ладыженского», находящегося в ведении Губземколлегии, составленной 9-13 апреля 1918 года, книги не значатся. В Журнале регистрации вывозов из усадеб 1919-1921 гг. указаны 17 книг, наряду с картинами и фарфором, однако в дальнейшем они нигде не упоминаются. И.А.Друганов в известном исследовании сообщает о двух тысячах томов, поступивших из завиваловской усадьбы в Архивное управление в Москве, видимо, тогда же в 1919 и самом начале 1920-х годов.[9] Б.Н.Гвоздев в июне 1924 года пишет о сельской школе: «...в ней богатая библиотека, как школьная, так и нешкольная, в последней преобладают иностранные книги, принадлежавшие Ладыженскому. В том числе, по словам библиотекаря, 2000 франц., 600 англ., 300 немецких, 70 итальянских и 1 латинская (Гораций). Среди иностранных книг бросились в глаза следующие:

1.Voyages du prof. Pallas. V. 1-8, Paris.

2. ___ «___»____» Карты и костюмы к ним.

3.Roland fourieux — героическая поэма Ориоста 1775 г. на нач. крышке наклеен герб Всеволожского с латинской надписью: non sibi, sed patriae et gloriae.

4.Histoir L' Europe. Monsenier. Paris, 1783.

5.Шелковая гравюра. Jaqurd 1752-1834. Lyon. Ecole municipale de tissage de Lijon. Dessin de Ch. Michel d'apres C. Bonnefond.»

Здесь упоминаются около трех тысяч книг на иностранных языках, а также и русские книги в школьной библиотеке. Можно предположить, что они остались после отправки в Москву двух тысяч наиболее ценных книг, о которых пишет Друганов. Таким образом, в усадьбе хранилась далеко не рядовая библиотека, около пяти тысяч томов. Б.Н.Гвоздев перечисляет, видимо, самые ценные книги, изданные в конце XVIII в. по-французски. Эти скудные сведения позволяют предположить, что часть библиотеки была собрана в это же время, в «век Просвещения», бригадиром Петром Алексеевичем Воейковым, его сыном Дмитрием Петровичем, то есть прадедом и дедом последнего владельца имения. Опять-таки, мы видим характерную черту быта русских усадеб именно указанного периода. Такова была мода, не всегда и, разумеется, далеко не все издания читались хозяевами. Вместе с тем, exlibris Всеволожского скорее всего указывает не на антикварно-букинистическую удачу в

приобретении этой книги хозяином библиотеки, а на какую-то памятную связь с представителями этого рода. Кстати, деревня Воейковка в Пензенском уезде, по Экономическим примечаниям, принадлежала в 1780-е годы Всеволожским. Таким образом, может быть, здесь зафиксированы пока неизвестные нам родственные отношения. Возможен и вариант, когда эта книга, как и часть библиотеки — принадлежность библиотеки тверских масонов Ладыженских, мемория, напоминавшая последнему владельцу о родовом тверском гнезде. Ведь в 1890 г. Ф.И.Ладыженский-2 просит «перечислить» его из Тверской губернии, «где у него ничего нет». Значит, Завиваловке надлежало стать новым родовым гнездом, сюда перемещались, как это было принято, родовые ценности: картины, книги.

Вспомним, что библиофилами были не только дед и отец Варвары Дмитриевны Ладыженской-Воейковой, но и ее свекор, Федор Ильич Ладыженский-1, дед Федора Ильича-2 по отцу.[10] Отец Федора Ильича-1, Ладыженский Илья Федорович, был масоном, членом московской ложи Девкалиона (основанной в 1782 г., в нее входили В.И.Баженов, С.Н.Гамалея). Сам Федор Ильич-1 тоже был масоном новиковского круга в 1818 г. В справочнике масонов он значится премьер-майором и библиофилом. Одна из книг из его библиотеки хранилась в усадьбе Полянки-Никольское Спасского уезда Казанской губернии, принадлежавшей Александру Логиновичу Лихачеву (основателю Казанской масонской ложи в 1776 г.). Туда она попала по наследству, через родство из знаменитой тверской усадьбы Ивановское, принадлежавшей Новосильцевым. В том же Зубцовском уезде находилась и усадьба Ладыженских. Федор Ильич-1 был большим библиофилом и надписывал свои книги: «из книгъ Федора Ильича Ладыженского». Для переплетов он имел особый штамп «Федора Ильича Ладыженского» из крупных курсивных букв. В «Русском библиофиле» воспроизведен титульный лист книги из библиотеки Федора Ильича «Лабиринт волшебства, или Удивительные приключения восточных принцев. Сочинение В.П. С дозволения управы благочиния. В Москве, в типографии Пономарева, 1786 года» — с его подписью от руки на титульном листе.

Можно только догадываться, какие книжные сокровища находились в Завиваловке в составе тех двух тысяч книг, что были отправлены в Москву.

Коллекция

Художественная коллекция пензенской усадьбы Ладыженских Завиваловка — единственная из всех пензенских усадебных коллекций, документальные сведения о которой сохранились, благодаря ее поступлению в 1919 г. в Национальный музейный фонд.[11]

Описанием этой коллекции мы бы желали проиллюстрировать проблему сохранения/восстановления всей совокупности художественных произведений одной усадьбы. Собранные вместе портреты (увы! не физически собранные, только на уровне списка) дополняют друг друга и воостанавливают родственные связи, историю рода и усадьбы, ее духовную среду и уровень притязаний ее владельцев и проч. Особенно важна проблема для провинциальных усадеб, чьи владельцы создавали коллекцию как семейный домашний альбом для памяти, а не увраж или каталог произведений данной эпохи или автора. Художественное значение подобных галерей — весь-

ма условно и неравноценно, историко-культурное — значительно. Но именно в совокупности, а не при рассмотрении портретов и художников в одиночку.

В Журнале регистрации вывозов из усадеб [1919-1921 гг.], который вел известный историк П.Н.Миллер, находится запись: «Пензенская губ. Усадьба Завиваловка: 20 гравюр, 20 портретов, 2 картины; 56 портретов, 5 фарфор, 17 книг, 2 картины Сверчкова; Nat. Morte, пейзаж сцена охоты с соколами. — В Нац. музейный фонд. Расписки от 1240-1279 включительно».[12] Удалось разыскать и характеристику Завиваловской коллекции, составленную экспертами Национального музейного фонда, видимо, в момент поступления собрания.[13] Впервые приводим ее.

Собрание Ф.И. Ладыженского

Большую часть коллекции Ф.И.Ладыженского, поступившей в Национальный музейный фонд 27 февраля 1919г. из имения «Завиваловка» Чембарского уезда Пензенской губ., представляет собрание фамильных портретов лиц из семьи Ладыженских, Воейковых, Корф и других родственных семей. Эти портреты в большинстве случаев заказывались второстепенным русским художникам и имеют большую иконографическую, чем художественную ценность. Среди этих холстов есть работы известных художников П.З.Захарова-Чеченца (1816-1852) И.Д.Каверина (вторая половина XIX века), К.Ф.Турчанинова (1823) и др., не представляющие большого художественного интереса. Можно отметить «портрет Т.Н.Воейковой» И.Д.Каверина, интересный по тональности «портрет старушки Б.А.Азеркас» работы Р.И.Каверина; «портрет Н.П.Воейкова» работы неизвестного художника начала XIX века школы Щукина. Наиболее выдающимися номерами собрания являются 5 полотен Тропинина (1776-1857), среди которых надо особенно выделить два жанровых сюжета: «Старик считающий деньги» (1843) и pendant к нему «Старуха обрезывающая ногти» (1844), выгодно выделяются среди других картин собрания и «иконографий» Тропинина; две другие работы Тропинина: «портрет Д.П.Воейкова» и «портрет В.Д.Ладыженской» слабее. Две слабые [сверху надписано «малоценные» — Р.Л.] работы Н.Е.Сверчкова (1817-1898) являются, очевидно, портретными изображениями любимых лошадей.

Иностранные художники представлены в коллекции двумя случайными вещами: очень хорошим подлинным холстом Ф.Вувермана (Wouverman, 1619-1668) «Соколиная охота» и посредственным «Натюрмортом» неизвестного французского художника 1860-70 гг. Кроме картин, из собрания Ф.И.Ладыженского поступил ряд гравюр иностранных, главным образом французских граверов. Лучшими листами являются «Instruction paternelle» (1715) Y.S.Wille (1715-1808) и портрет скульптора Martunus van Bogacot Gerarda Edelinck (1604-1707)».

Сохранились каталог собрания Ф.И.Ладыженского (см. приложение) и научные карточки на личные собрания, в том числе и Ф.И.Ладыженского.[14] Сведения, изложенные в научных карточках, включают надписи чернилами на бумажных ярлыках, которые были приклеены на лицевой стороне картин. Они содержат сведения о датах рождения, местах погребения, — но, к сожалению, далеко не всех изображенных на портретах. Возможно, эти ярлыки не владельческие, а составлены экспертами музейного фонда, включившими сведения из дворянских некрополей и проч.

Как видим, из 102 произведений живописи и гравюр в экспертное заключение и каталог попали только 54 единицы наиболее художественно ценных картин, портретов и гравюр. Коллекция отнесена к третьей категории, то есть к художественно малоценной. Однако значимость усадебных коллекций — не только, и даже прежде всего — не в художественности. У них была другая миссия.

Тропинин В.А.Старуха, стригущая ногти. 1840. Собрание Тэна.

Состав коллекции отличается от описанных усадебных собраний родовитых дворянских фамилий (Шереметьевых, Глебовых-Стрешневых, Куракиных, Воронцовых, Зубовых) тем, что в ней отсутствуют изображения особ царствующего дома. Подбор картин сугубо интимный: это портреты ближайших родственников. Обращает на себя внимание их временная глубина. Как нам удалось установить, в затерянной в степных просторах завиваловской усадьбе сохранялись изображения пяти поколений «типичной» провинциальной дворянской семьи.

Вторая часть собрания — картины, собранные по интересу и настроению владельцев. Они создают своеобразный абрис, контуры нравственного облика хозяев и, одновременно, духовной атмосферы усадьбы. В подобных провинциальных собраниях, не претендующих на создание художественного «музея», картины отбираются по двум основаниям: в память о каком-либо семейном событии[15] или по теме, чем-то близкой владельцам. Например, тема была главенствующей при организации галереи «великих мужей России» А.Р.Воронцова в Андреевском. Она собиралась не по художественным достоинствам портретов и знаменитости авторов, а по полноте представительства и заслугам портретируемых. Недостающие для полного воплощения идеи портреты заказывались второстепенным художникам или писались своими крепостными мастерами, копировались с первостепенных. Отсюда и масштабы оценки воронцовского собрания — от «совершенно не художественного» в 1920-е годы до обладающего «несомненным историко-культурным значением как яркое явление своей эпохи» в конце XX века.[16] О теме как основном аргументе в приобретении гравюр для Завиваловки гово-

рят их названия. Три антично-библейских сюжета: Похищение сабинянок, Галатея и Саломея с головой Иоанна Крестителя. Несколько гравированных портретов, видимо, случайных, однако среди них выделяются парные изображения Августа IV и Марии-Жозефины, короля и королевы Польских. Зато половина — 10 из 19 гравюр — это жанровые сцены семейно-бытовой, интимной, дидактической тематики: Доблесть преодолевает все препятствия; Читальщица; Семейный концерт; Отцовское наставление; Признанная невинность; За картами в кабачке и Сцена в кабачке; Портрет старика с палкой; Философ старого времени; Мистер Вест с семьей. В сюжетах ярко ощущается приверженность к семейным ценностям, патриархальность. В эту же группу можно включить «Соколиную охоту» Вувермана и натюрморт неизвестного французского художника — всего две работы иностранцев, весьма разные по качеству, но объединенные тематически — природа и охота. К ним примыкают и два «портрета» любимых лошадей кисти Н.Е. Сверчкова.

Таким образом, весьма пестрая, разрозненная и в силу этого малоценная с точки зрения художественного вкуса и качества завиваловская коллекция, если анализировать ее в единстве, во всей совокупности, представляется весьма ценной и важной, так как является в настоящее время единственным источником знаний о владельцах, отражением интересов и вкусов своих хозяев, атмосферы в усадьбе, семейных взаимоотношений, родословия. То есть, обладает тем новым, добавочным знанием, информацией, которая исчезает при рассмотрении отдельно каждой картины в каталоге, как это делали эксперты Национального музейного фонда. Разрозненные усадебные собрания, ныне раздерганные по разным, большей частью чужим провинциальным галереям, потеряли большую часть своей информативности и ценности: ответа на вопрос для чего и зачем они были созданы или собраны вместе, какую информацию обязаны были хранить, и хранили бы, если бы не революционные события. И висят они ныне на стенах

Тропинин В.А. Портрет Д.П.Воейкова с дочерью и ее гувернанткой. 1842. ГТГ.

музеев или стоят на полке в хранилище, не говоря ничего, кроме забытого и никому неинтересного, практически неизвестного имени изображенной модели. Воистину, из портретов ушла жизнь, оставив лишь детали костюма и обстановки. Ведь в музейных каталогах история попадания картины в музей, особенно провинциальный, чаще всего начинается с Национального музейного фонда, то есть с того момента, когда реальная, подлинная жизнь усадебной коллекции закончилась. И в этом — истинная трагедия усадебных коллекций, имеющая место быть даже тогда, когда картины, в нее входившие, вроде бы физически сохранились, пребывая в разных собраниях и музеях.[17]

Портретная галерея: родословие

Итак, мы имеем портреты 27 представителей, очевидно, взаимно родственных семей Ладыженских, Мосоловых, Воейковых, Корф, Розен, Ховриных, а также Б.А. фон Адеркас (Азеркас) и П.Н.Мяснова. Именно нахождение этих картин вместе, наряду с надписями на ярлыках и архивными документами помогают установить родственные отношения между изображенными и составить подобие генеалогии. Портреты представляют пять поколений клана Мосоловых — Воейковых — Ладыженских (родство по женской линии, через дочерей).

Мосоловы и Воейковы

Семейную галерею открывают портреты (№3 и №2)[18] бригадира Петра Алексеевича Воейкова (17.. — 1795) и его жены Воейковой Марии Алексеевны, урожденной Мосоловой (26.01.1761 — 24.05.1833) Они одного размера, оба овальные, работы неизвестного художника конца XVIII в. Это типичные семейные парные портреты, в дворянском быту такие заказывались после свадьбы для гостиной или залы усадебного дома. О моделях известно, что П.А.Воейков погребен в с. Павловском Тульской губ. Одоевского уезда, а М.А.Воейкова — в Москве, в Новодевичьем монастыре. К семье Мосоловых принадлежат еще два портрета: «Молодого человека из семьи Мосоловых» неизв. художника сер. XVIII в. (№1), и Анны Ивановны Мосоловой, написанный тоже неизв. художником в первой четверти XIX в. (№7). О нем есть замечание эксперта: «Подражание Боровиковскому». Хотя мы и не видели самих работ, предполагаем, что эксперты датировали их исходя из костюмов изображенных, как это обычно принято. Можно было бы предположить, что изображены отец и мать, или какие-то близкие родственники Марии Алексеевны Воейковой-Мосоловой. Во всяком случае, эти два портрета имеют идущие друг за другом инвентарные номера, под которыми они зафиксированы при поступлении в Национальный фонд. Об их моделях более ничего неизвестно. Однако по сведениями из Экономических примечаний по Пензенской губернии (1770-1780-е годы) деревня Озерки, Завываловка тож, принадлежала Анне Ивановне Мосоловой. В дальнейшем Завиваловка продолжает переходить из рода в род по женской линии: Мосоловы — Воейковы — Ладыженские.

У П.А. и М.А. Воейковых мы знаем четверых сыновей: Дмитрия, Николая, Сергея и Василия.[19] Сразу скажем, что от Дмитрия Петровича (точнее, от его дочери) пошла ветвь Ладыженских — последних владельцев Завиваловки, а от Василия Петровича — ветвь вошедших в силу знаменитых Воейковых — членов Свиты Его Императорского

Величества и проч., владельцев усадьбы в Каменке. Портреты всех сыновей бригадира Воейкова представлены в завиваловской коллекции. Из документов Пензенского дворянского собрания нам известно, что 17 июля 1829 г. в Московской гражданской палате между ними и их матерью был совершен раздельный акт. В это время Василий — титулярный советник, Николай — коллежский асессор, Дмитрий — подполковник. Портреты Сергея (№5) и Николая (№6) Петровичей принадлежат кисти, видимо, одного и того же неизвестного художника школы С.Щукина. У них идущие подряд инвентарные номера, почти одинаковые размеры, возможно, они были написаны в одно и то же время. О портретируемых известны только даты жизни.

Сергей Петрович родился в 1786, умер в 1812 году. Судя по тому, что он нигде больше не упоминается, он погиб в Отечественной войне 1812 года без наследников. Именно Сергею Петровичу 12 июля 1802 года, видимо, после его обращения, был выдан герб рода Воейковых, утвержденный в «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи» во 11 части в 1 Отделении на странице 50. В деле ГАПО о роде Воейковых сказано: «К великому князю Дмитрию Ивановичу в 1383 (6891) выехал из прусския земли державец [?] Терновский Воейко-Войтегович, а по крещении названный Прокопий, которого Великий Князь пожаловал вотчиною. Происшедшие от него, Прокопия, потомки Воейковы Российскому престолу служили стольниками, воеводами, и в иных чинах и жалованы были от государей поместьями [на полях приписано: «Тамбов» — Р.Л.]».[20] Род Воейковых внесен в дворянские родословные книги по Петербургской, Орловской, Тверской, Смоленской, Калужской, Тамбовской губерниям.[21] В Пензенской же губернии, по сведениям из Экономических примечаний и «Списка потомственных дворян, владевших в Пензенской губернии населенными имениями в 1785 г.», у некоего Ивана Петровича Воейкова была земля и 82 души мужского полу в деревне Телегиной Пензенского уезда. Однако в «Списке дворянских родов Пензенской губернии» на 1901 г. значится только Воейков Николай Васильевич (сын Василия Петровича) с имением в Нижнеломовском уезде. Может быть, Иван Петрович — сын Петра Алексеевича? Во всяком случае, деревня Телегина ушла из собственности рода Воейковых и в дальнейшем они имели земли в нашей губернии только через приданое жен.[22]

Николай Петрович родился в конце XVIII в., а умер в 1840-х годах, как явствует из ярлыка. Видимо, он жил в отдалении от остальных родственников, так как даты указаны, в отличие от других родственников, весьма приблизительно. В коллекции имеется портрет Воейковой Татьяны Николаевны (№28) работы И.Д.-Каверина, прожившей немного (1795-1829), но судя по датам, не могущей быть дочерью Николая Петровича. Следующий за ее портретом инвентарный номер принадлежит портрету работы того же художника, изображающем П.Н. Мяснова (№29). Инициал отчества у двух портретов совпадает, но о Мяснове, как и о Татьяне Николаевне узнать ничего не удалось. Из документов Пензенского Дворянского депутатского собрания можно установить, что коллежский асессор Николай Петрович Воейков 7 февраля 1832 года был внесен в четвертую часть (а не в шестую!) родословной книги Тульского дворянства. В 1832 году Николай Петрович проживает в Козловском уезде Тульской губернии, женат на дочери тайного советника Петра Степановича Молчанова Прасковье Петровне и имеет детей: Петра 3 лет, Николая 1 года и Авдотью 2 месяцев. Видимо, он

женился около 1829 года, и именно тогда между всеми братьями Воейковыми был произведен раздел отцовского наследства.

Портрет третьего брата, Дмитрия Петровича Воейкова (1780-1876) написан знаменитым В.А.Тропининым в 1829 г. (№8). Он значительно больше предыдущих портретов. Представляется достойным замечания, что в Завиваловке хранилось пять работ известного московского художника, написанных в разное время, с 1829 по 1853 годы, отнесенных экспертом к «наиболее выдающимся номерам собрания». Из них три не имеют отношения к семье. Это автопортрет В.А.Тропинина (№11), написанный в 1844 году, и две парных картины: «Старик, считающий деньги» (№9) и «Старуха, обрезывающая ногти» (№10). Работы выполнены в 1843 году и отнесены экспертом ко второй категории, более высокой, чем основная часть коллекции, включая и три остальных работы В.А.Тропинина.

Итак, портрет Дмитрия Петровича Воейкова (№8) создан в 1829 году, когда, как мы помним, все братья собрались в Москве для составления раздельного акта. Тогда он подполковник. Он выше всех братьев продвинулся по служебной лестнице. Дочь Дмитрия Петровича Варвара Дмитриевна (8.04.1829-23.03.1906) вышла замуж за гвардии ротмистра в отставке Илью Федоровича Ладыженского (1814-30.05.1862). У них был сын — Федор Ильич Ладыженский-2 (в отличие от своего деда-тезки, Ф.И.Ладыженского-1). Эти владельцы Завиваловки представлены несколькими портретами в семейной галерее. На единственной картине в коллекции, где изображены два лица, мы видим Дмитрия Петровича Воейкова и его внука Ладыженского Федора Ильича-2 (№27). Это работа И.Д.Каверина. Его же кисти принадлежит портрет дочери Дмитрия Петровича — Ладыженской Варвары Дмитриевны (№26), отнесенный экспертом ко второй категории художественной ценности. Писал эту даму и В.А.Тропинин (№12) в 1853 году. О Варваре Дмитриевне нам известно только то, что она погребена в Новодевичьем монастыре в Москве, как и ее бабушка М.А.Воейкова. Имя Варвары Дмитриевны всплывает лишь раз в семейной хронике Воейковых-Ладыженских. Она была воспреемницей при крещении в Царскосельской церкви в июле 1877г. Марии Николаевны Воейковой, дочери своего двоюродного брата, сестры последнего коменданта Зимнего дворца Владимира Николаевича Воейкова. Это свидетельствует, что родственная связь и общение между ними не прерывались.

В собрании ГТГ имеются еще два портрета Дмитрия Петровича Воейкова кисти В.А.Тропинина 1842 года: одного Д.П. Воейкова и его же с дочерью и ее гувернанткой.[23] По нашим сведениям, дочь у Д.П. была одна, так что изображена, видимо, тринадцатилетняя Варвара Дмитриевна. Интересно, что отец и дочь на портрете запечатлены в обществе гувернантки, а не жены и матери. Мы не располагаем данными о жене Д.П., а в завиваловском собрании нет ни одного женского портрета, который можно предложить на эту роль, кроме Татьяны Николаевны Воейковой (№28). Она была пятью (или четырнадцатью) годами моложе Д.П.[24] и умерла тридцати четырех лет в 1829 году — в год рождения Варвары Дмитриевны. При сопоставлении всей известной нам совокупности портретов семьи Д.П.Воейкова, можно представить здесь семейную трагедию: смерть жены Д.П. родами? Поэтому и на семейном портрете девочка изображается с отцом и гувернанткой. Вспоминается грибоедовский Фамусов: «Мать умерла, сумел я приманять в мадам Розье вторую мать». Если наши догадки правильны, возмож-

но предположить, что Татьяна Николаевна могла быть урожденной Мясной (Мясновой), тогда портрет П.Н. Мяснова (№29), идущий следом за ее портретом в каталоге и имеющий следующий инвентарный номер, может быть изображением ее брата, выполненным тем же Кавериным. Мясные — дворянский род, внесенный в VI часть дворянской родословной книги по Тульской, Тамбовской, Харьковской и Рязанской губерниям.[25] По Тамбовской и Рязанской губерниям записаны и Воейковы. Они могли быть соседями. Характерно, что на подоконнике за спиной Дмитрия Петровича на групповом портрете Тропинин поместил статуэтку лошади в качестве намека на любимое занятие модели. Дмитрий Петрович был владельцем Завиваловки в 1860-х годах, а с 1890-х годов, уже при Ф.И. Ладыженском-2, внуке Д.П. Воейкова, нам известно, что в имении был конный завод. Скорее всего, завод существовал там и много раньше.

Ладыженские

Теперь поближе познакомимся с родом Ладыженских.[26] Он ведет свою историю на Руси с XIV века, от Облагиня, «мужа честна», выехавшего из Швеции к великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому в 1375 г. вместе с сыном Марко Облагиничем. Среди Ладыженских были воеводы, стольники, думные бояре. Свекор Варвары Дмитриевны Воейковой Федор Ильич Ладыженский-1 (15.05.1777[25.5.1776]-7.11.1852), прапорщик в отставке, был женат на Варваре Александровне Исленевой (26.01.1791-7.07.1848). Кроме Ильи Федоровича у них были еще: старшая дочь Анна (23.08.1811-27.05.1857), младший сын Александр (1817-1855) и младшая дочь Мария (6.07.1815-26.04.1882). Портреты их всех находились в завиваловской усадьбе. Портрет Варвары Александровны Ладыженской (№25) написан неизвестным русским художником в середине XIX в. О ней можно сказать только то, что она умерла раньше мужа, и оба они погребены в Симоновом монастыре в Москве. Дело в том, что отставной прапорщик Федор Ильич Ладыженский-1 был духовным сыном игумена этого монастыря отца Андрея. Отец Андрей прожил 74 года и скончался в монастыре 14 марта 1820 г., а Федор Ильич озаботился установкой ему памятника.

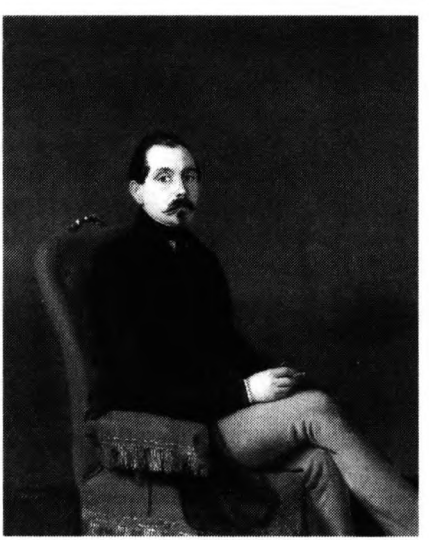
Федор Ильич происходил из дворян Тверской губернии, где у Ладыженских в Зубцовском уезде было, видимо, родовое имение.[27] В Завиваловке хранилось несколько портретов Федора Ильича. В 1838 году его писал известный художник Петр Захарович Захаров-Чеченец (№13). Чуть позже тот же художник напишет и портрет сына отставного прапорщика — Ильи Федоровича, мужа Варвары Дмитриевны Ладыженской-Воейковой. Достойно замечания, что в год создания портрета Ф.И. Ладыженского Захаров еще очень молод, ему только 22 года. Судьба живописца-академика П.З. Захарова, происходившего из чеченцев, взятого ребенком в плен генералом А.П. Ермоловым и отвезенного им в Тифлис, по мнению лермонтоведов могла быть известна М.Ю. Лермонтову и явилась основой при создании образа Мцыри в одноименной поэме,[28] написанной в 1839 году, после создания нашего портрета, что говорит о том, что слава художника быстро набирала силу. Имение бабушки поэта Е.А. Арсеньевой Тарханы находилось в нескольких десятках верст от Завиваловки в том же Чембарском уезде. Второй портрет Федора Ильича работы К.Ф. Турчанинова (№19), видимо, посмертный. Он написан в год смерти Ф.И.Ладыженского, 1852, и

имеет помету: «с дагерротипа, Москва». Видимо, последние годы жизни отставной прапорщик провел в первопристольной.

Перейдем к портретам дочерей Федора Ильича-1 и Варвары Александровны Ладыженских. Старшая, Анна Федоровна, изображенная неизвестным русским художником второй четверти XIX в. (№22), вышла замуж за гвардии полковника барона Николая Алексеевича Корфа (1794-1857). В Завиваловке был его миниатюрный портрет в гусарском мундире гуашью на кости работы неизвестного русского миниатюриста начала XIX в. (№33). Стоит обратить внимание, что муж и жена Корф умерли в один и тот же 1857 год. Может быть, за этим стоит какая-либо семейная драма? Известно, что Анна Федоровна похоронена в с. Едимонове Тверской губ. Отметим, что в Тверской губернии похоронены и оба брата Анны Федоровны, Александр и Илья Ладыженские, правда, на другом погосте. Уезды Тверской губернии на ярлыках не указаны, но можно предположить, что здесь, в Тверской губ., находилось родовое гнездо этой ветви Ладыженских (а они еще были рязанские и саратовские). Это подтверждается ходатайством Федора Ильича Ладыженского-2, составленным в 1890 году к пензенскому Дворянскому депутатскому собранию о «перечислении» его из Зубцовского уезда Тверской губернии, где у него ничего нет (в VI часть Дворянской родословной книги Тверской губ. он, видимо, был записан по прошению отца в 1854 г., четырех лет), в Пензенскую губернскую дворянскую книгу по имению у него недвижимости в с.Завиваловка Чембарского уезда.

Младшая сестра, Мария Федоровна, тоже изображена на портрете (№23) уже замужней дамой во втором браке, баронессой Розен, женой гвардии полковника. Автор портрета неизвестен, однако в скобках экспертом сделана помета: «Винтерхальтер?», что позволяет представить как характер изображения, так и образ модели. Она погребена в с. Спасском Арзамасского уезда Нижегородской губ. Есть в завиваловской коллекции и небольшой акварельный на бумаге портрет ее мужа, гвардии полковника Дмитрия Григорьевича Розена в кавалерийском мундире (№31).

К.Ф. Турчаниновым в том же 1852 году, когда он выполнил с дагерротипа посмертный портрет Ф.И. Ладыженского-1, видимо, там же, в Москве написан и портрет его сына Александра Федоровича (27.5.1817-2.10.1855), отставного поручика Кавалергардского Ея Величества полка (№18). Размеры этих двух портретов почти совпадают. А.Ф.Ладыженский погребен в посаде Погорелое Городище Тверской губ.



П.З.Захаров-Чеченец. Портрет И.Ф.Ладыженского. 1844. Грозненский художественный музей.

В том же Кавалергардском Ея Величества полку служил и его старший брат Илья Федорович (4.04.1814 [13?]-30.05.1862), но он вышел в отставку ротмистром и похоронен спустя семь лет, там же, где и брат. Илья Федорович представлен в коллекции самым большим количеством портретов — тремя (№4, 14, 30). Именно Илья Федорович, женившись на Варваре Дмитриевне Воейковой, породнил две эти семьи. Видимо, первым по времени создания является портрет И.Ф.Ладыженского работы неизвестного русского художника нач. XIX в. (№4). Еще один неизвестный русский художник писал отставного кавалергарда в середине XIXв. (№30). Наиболее интересным является портрет Ильи Федоровича работы все того же П.З.Захарова-Чеченца, созданный в 1844 году. (№14). Этот портрет нам удалось разыскать (см. ниже).

Портретов сына И.Ф. Ладыженского, Федора Ильича-2, последнего владельца усадьбы, в завиваловской коллекции нет. Очевидно, именно с ним связано предание, которое передает автор брошюры о Завиваловском конном заводе.[29] По нему, Федор Ильич «получил имение от известного тогда в царской России придворного вельможи Воейкова». Это подтверждает наши выводы о том, что Завиваловка пришла в род Ладыженских по женской линии от Воейковых, предполагаем, в качестве приданного за Варварой Дмитриевной, матерью Федора Ильича-2.[30] При нем в Завиваловке был конезавод. Он в течение нескольких сроков избирался мировым судьей Чембарского уезда. Именно он с 1880-х годов до самой революции занимался масштабным усовершенствованием завиваловской усадьбы: открыл единственную в губернии сельскохозяйственную школу, опытное поле, образцовую экономию. К описанию его деятельности мы обратимся чуть позже.

Для полноты картины необходимо упомянуть еще об одних пензенских помещиках Ладыженских, от которых происходит известный земский деятель и писатель Владимир Николаевич Ладыженский (1859-1932), адресат писем А.П.Чехова. Нам не удалось установить, были ли они в родственных отношениях. Возможно, ветви Ладыженских разошлись очень рано. В списке дворянских родов Пензенской губернии на 1901г. упомянуты отдельно три ветви этого рода: саратовские, рязанские и тверские. Завиваловские Ладыженские, как мы знаем, принадлежали к тверским. Ветвь, к которой принадлежал Владимир Николаевич, имела земли в Сердобском уезде Саратовской губернии, а через женитьбу на Любови Леонтьевне Хилинской (а ее матерью была урожденная Рославлева) приобрели земли в Пензенском и Мокшанском уездах Пензенской губ. Рязанские Ладыженские имели в Мокшанском уезде 3000 дес. земли. Их общий предок пока нами не установлен.

Ховрины и Ладыженские

У Ильи Федоровича и Варвары Дмитриевны нам известен один сын Федор Ильич-2 (р. 25.04.1851), последний владелец Завиваловки. Его портрета не сохранилось, как и изображения его жены, Александры Леонидовны, урожденной Ховриной. Но мы можем представить хотя бы немного фамильные черты по портрету ее сестры, Елизаветы Леонидовны, работы И.К. Макарова, находящемуся в Пензенской картинной галерее.[31] Отец сестер Леонид Николаевич Ховрин в шестидесятых годах XIX в. штабс-ротмистр в отставке, член и казначей Пензенского общества рысистого бега, член Комите-

та о конезаводстве Пензенской губернии.[32] Видимо, интерес и любовь к лошадям сблизили его с будущим зятем. Ховриным в нашей губернии принадлежало имение Саловка Пензенского уезда. Дочери Леонида Николаевича были последними его владелицами. Возможно, именно из Саловки происходит упомянутый выше портрет. Известно, что Лидия Леонидовна 1890-х годах и в начале XX в. пожертвовала Пензенской общественной Лермонтовской библиотеке 882 «довольно ценных» книги из усадебной библиотеки, за что Правлением ей была выражена благодарность. У нее же хранилась рукопись поэмы М.Ю.Лермонтова «Тамбовская казначейша» и других стихотворений, которые она также подарила библиотеке.[33]

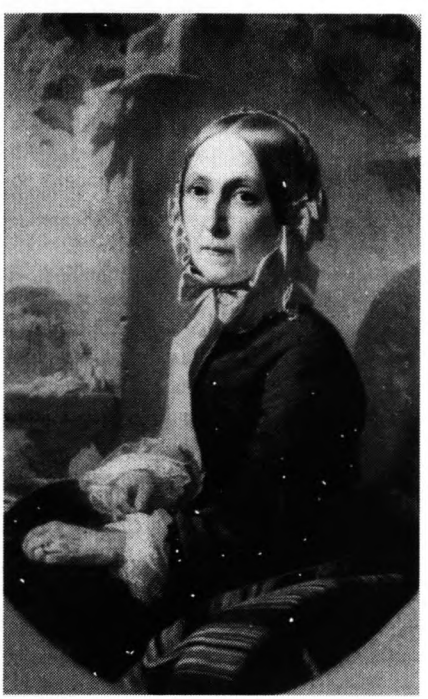
Федор Ильич-2 и Александра Леонидовна венчались в Спиридоньевской церкви за Никитскими воротами в Москве 15 января 1884 г. У них два сына: Илья (р. 22.10.1893) и Петр (р. 27.09.1897). Известно, что осенью 1909 и в 1910 гг. Федор Ильич-2 живет в Завиваловке (именно в эти годы идет строительство нового дома, школы и хозяйственных построек в усадьбе), а его жена — в Москве, на М.Знаменке, 14. Ф.И. Ладыженский-2 с сыновьями в ноябре 1890 г. внесен в Пензенскую родословную книгу «перечислением» из Тверской, так как имеет в Завиваловке 5175 дес. земли, а Александра Леонидовна внесена туда же по мужу в феврале 1910 года. Достойно замечания, что старший сын последних представителей завиваловских Ладыженских Илья родился в Завиваловке и крещен в тамошней Покровской церкви, а младший Петр — уже в Москве и крещен в Никольской церкви в Гнездниках. Воспреемниками обоих были девицы Ховрины, сестры Александры Леонидовны Елизавета и Лидия. Вторым воспреемником в Завиваловке стал генерал от кавалерии Николай Васильевич Воейков, владелец усадьбы в Каменке, отец последнего коменданта Зимнего дворца, двоюродный брат бабушки младенца. Значит, связи между двумя родственными ветвями поддерживались, хотя Воейковы в то время занимали уже очень высокое положение при Императорском Дворе.

Отсутствие живописных портретов последних владельцев Завиваловки несет знаковый характер. Во-первых, уже появились дагерротипы, и их было и дешевле и проще сделать, чем заказывать портрет художнику в столице. Но именно это говорит о разрушении культурной традиции создания семейной галереи в усадьбе. Такой задачи обитатели Чембарского уезда перед собой не ставили. Заказывали портреты, пока это было принято и модно, как у всех, затем стали фотографироваться. Это еще раз убеждает нас в том, что завиваловская коллекция — не специально создаваемое художественное собрание, не коллекционирование, не собирательство, не явление художественной жизни, а бытовая принадлежность усадьбы, характеристика структур повседневности. Тем интереснее наличие в собрании двух портретов, написанных в Риме. Один (№21) создан В.Г. Худяковым в 1859г. и изображает Марию Дмитриевну Ховрину. Второй, акварельный (№32), принадлежит кисти А.Ф. Беллоли и появился на год раньше предыдущего тоже в Риме. На нем изображен неизвестный молодой человек, однако на научной карточке сверху от руки подписано: «И.Ф. Ладыженский». Напомним, что Илье Федоровичу в 1858г. 44 года, и к «молодым людям» его можно отнести весьма условно. Не может это быть и портретом его сына, Федора Ильича-2, так как тому в 1858 году семь лет. Между тем, с Ховриными Ладыженские породнились именно через Федора Ильича-2, но только в 1884 г., спустя почти чет-

верть века после создания портретов. Полагаем, что именно с Александрой Леонидовной пришли в завиваловскую усадьбу римские портреты.

Худяковский портрет М.Д. Ховриной имеется в музее А.И. Герцена на Сивцевом Вражке в Москве.[34] В инвентарных книгах Гос. литературного музея значится, что портрет приобретен в 1939 г. у Е.Л. и Л.Л. Ховриных. Это сестры жены Ф.И. Ладыженского, воспреемницы их детей. Как видим, они так и остались незамужними. Но завиваловский портрет М.Д. Ховриной поступил в Национальный музейный фонд в 1919 г. Видимо, существовали авторские повторения (оба портрета подписные) понравившегося модели изображения, подаренные внучкам. В.Г. Худяков, автор портрета М.Д. Ховриной-Лужиной, — крепостной симбирских помещиков Поливановых, в 1840-х годах юношей жил в Акшуате Карсунского уезда. В поливановской усадьбе было много его работ. В конце 1890-х годов здесь был открыт публичный музей. Его основатель — Василий Николаевич Поливанов, предводитель симбирского дворянства, сын Н.И. Поливанова, однокашника Лермонтова по Кавалерийскому училищу.[35] Ховрины имели земли в четырех уездах Симбирской губернии.[36] Таким образом, В.Г. Худяков еще по симбирскому усадебному периоду мог знать это семейство.

Мария Дмитриевна Ховрина, урожденная Лужина (1801-1877), сестра московского обер-полицмейстера И.Д. Лужина, — это бабушка жены Федора Ильича-2, одна из замечательных женщин эпохи 1830-1840-х годов. Тогда она была близка к литературным кругам. Ее мнением интересовался Гоголь, она помогла в трудной ситуации Герцену, ее близкими знакомыми была семья Аксаковых. Для нас прежде всего интересны (по связям с Пензенской губернией) ее знакомства с В.Г. Белинским, И.С. Тургеневым и Н.П. Огаревым. В письме от 19 апреля 1839 г. из Москвы в Рим Н.В. Станкевичу Белинский пишет: «Письмо это тебе доставит некто Ховрин, мать которого очень желает с тобою познакомиться. Это премилая и преумная женщина, в которой мне особенно нравится то, что у ней есть живое чувство изящного: она понимает Пушкина и Гоголя. Я с ней познакомился недели за полторы до ее отъезда за границу. <...> Пожалуйста, познакомься с Мариею Дмитриевною Ховриной».[37] Мы предполагаем, что неизвестный человек с римского портрета работы Беллоли (№32) — это и есть упоминаемый в письме Ховрин Леонид, будущий отец трех дочерей, одна из которых, Александра Леонидовна, стала же-



Худяков В.Г. Портрет М.Д.Ховриной. 1859. Музей А.И.Герцена в Москве.

ной Федора Ильича-2. Поэтому, возможно, на портрете нет ни ярлыка, ни надписи: ведь отца и тестя последние обитатели Завиваловки и так хорошо знали. Мария Дмитриевна Ховрина была близкой подругой жены Николая Платоновича Огарева — Марии Львовны Рославлевой и стала другом семьи Огаревых. П.В.Анненков в «Идеалистах тридцатых годов» пишет о ней: «М.Д. Ховрина имела славу женщины большого света, охотно отворявшей двери своей гостиной для замечательных людей времени, какой бы репутацией они не пользовались в других кругах общества <...>. Вообще Москва того времени сохраняла еще много женских личностей, думавших о началах разумной жизни в обществе и влиявших не только на окружающих, но по своим связям и на круги в провинции. Кстати заметить, что большая часть героинь старых романов Тургенева, вплоть и включительно до романа «Накануне», принадлежит по духу к этому циклу развитых и благородных женщин Москвы».[38] Подтверждением такой характеристики может служить письмо самого Огарева 1838-1839 гг., в котором он пишет, что хотел бы кое-что из своих трудов послать другу, «но теперь дома нет, у Ховриной в деревне».[39] Сама Мария Дмитриевна тоже оставила воспоминания об Огареве в письме в П.В. Анненкову. «По свидетельству одной умной дамы, — пишет Анненков, — Огарев прослыл даже, при своем появлении на арене пензенского high lif'a за ограниченного человека. Она писала (переводим с французского): «Тотчас по приезде в Пензу я принялась расспрашивать весь мир об Огареве, с которым так хотела познакомиться, и получила в ответ со всех сторон: это дурачок (une bete), замечательный только своим богатством. Можете себе представить, как я была изумлена. Наконец, не далее как вчера я его встретила на бале у Ахлебининых; он был молчалив, улыбался и имел важных и холодный вид. Мне хотелось обнять его за вас и за себя, но в самой среде моего увлечения ухо мое было оскорблено массой эпиграмм в прозе на его счет, и притом самых пошлых эпиграмм, которые скорее позорили тех, кто их произносил».[40] Вместе с мужем Николаем Васильевичем и дочерью Александрой, т.е. теткой будущей жены Ладыженского, Мария Дмитриевна неоднократно бывала в Риме, о чем мы можем узнать из писем И.С. Тургенева. Дело в том, что Александра Николаевна Ховрина (1823-1901), или Шушу, как ее звали близкие, была недолго предметом его увлечения. Впоследствии она вышла замуж за П.В. Бахметьева, стала детской писательницей.[41] Годом раньше времени, когда был написан портрет Марии Дмитриевны, Тургенев пишет в письме к кн. Е.А. Черкасской от 13 (25) 1858 из Пизы в Рим, вспоминая о времени, проведенном в Риме в доме княгини: «... а другим напомните обо мне. Впрочем, кто бишь эти другие? Ну все равно — скажите от меня чувствительное слово даже Ховриным; на бумаге — ce n`est pas compromettant».[42] Познакомились И.С. Тургенев, Н.В. Станкевич и А.П. Ефремов с семейством Марии Дмитриевны почти двадцатью годами ранее, в 1840 г. в Риме, где часто бывали у них. Тогда-то двадцатидвухлетний Иван Сергеевич и пережил увлечение семнадцатилетней Александрой Николаевной.

Правда, известно и другое мнение об этом замечательном пензенском семействе.[43] Варвара Петровна Тургенева, мать писателя, в ответ на намеки сына на серьезность его намерений в отношении Шушу, пишет ему в письме от 9 ноября 1840 г.: «Ты мне описывал семейство Ховриных <...> Ховрина-мать — сестра Шеншиной Анне Дмитриевне. Родная племянница по матери Катерине Васильевне Шеншиной взята за красоту дураком. Она была высокая, прекрасная, черная цыганка. Мать ее — преглупая старуха и — цыганка. Была глупа и оригинальна. Вышедши замуж за богатого, она

[мать М.Д. Ховриной, Елизавета Васильевна Лужина, в девичестве Акинфова. — Н.Ч.], вообразила, что так хороша, что с нее будут брать фасоны, надевала чепцы зад-наперед, шарфы вроде дьякона-ораря, крест накрест, и прочие странности. И довольно, что она [т.е. М.Д. Ховрина — Н.Ч.] — племянница Шеншиной. <...> Дочь такой матери [т.е. А.Н.Ховрина — Р.Л.] может быть, хороша, учена, невинна, умна, но!... — она не будет п о м н и т ь правилы матери, потому что у матери никаких правил нет, как у глупой <...> . Она не будет уметь умереть для мужа и пользы детей. Она не будет друг мужу и после его смерти не будет уметь кончить начатое отцом воспитание <...>. Жена должна быть хорошим вахмистром у своего мужа, приказы исполнять в точности, и скоро, и верно». «Дурак-муж» М.Д. Ховриной — это Николай Васильевич Ховрин, которому принадлежало имение в Саловке, где с появлением Марии Дмитриевны сложился салон, посетителями которого были кн. П.А. Вяземский, Д.В. Давыдов.[44] Отцу Марии Дмитриевны — Дмитрию Сергеевичу Лужину, в Пензенской губернии принадлежали (через жену, Елизавету Васильевну Акинфиеву) с. Базарная Кеньша (ныне Сосновоборский р-н), с. Сура (Городищенского р-на) и с. Вычилей (Вечелей) в Саранском уезде.[45] Вот каковы были традиции, культурный уровень, родственные и дружеские связи семьи Ховриных, откуда происходила жена последнего владельца Завиваловки и вот о чем и о ком напоминал ей портрет бабушки из семейной коллекции.

Воейковы

Под №20 в каталоге идет портрет Василия Петровича Воейкова (1.03.1790 — 9.01.1880), статского советника, четвертого сына бригадира Петра Алексеевича Воейкова, работы художника М.М.Орлова. Портрет выполнен за десять лет до смерти модели, в 1870 г. А погребен Василий Петрович в с.Лавровке Тамбовского уезда и губ. Василий Петрович был включен в дворянскую книгу Тамбовской губ. в IУ часть (выходцы из иностранных родов, перешедших в российское подданство) в феврале 1834 г. У него было два сына: старший Петр (23.08.1830, Москва — ?) и Николай (17.11.1832 — ?). Служба Василия Петровича типична для провинциального небогатого дворянина. Началась она подканцеляристом в Тамбовском почтамте в пятнадцать лет, через семь лет он стал титулярным советником. Двадцати семи лет уволен из почтового ведомства по прошению, но через год опять принят в Тамбовский почтамт тем же чином, то есть регистратором. 12 августа 1829 г. уволен от службы вовсе за расстроенным здоровьем, а в сентябре того же года награжден чином коллежского регистратора. Напомним, что за месяц до увольнения его от службы между ним, его братьями и их матерью-вдовой был произведен раздельный акт. Видимо, получением наследства и собственного хозяйства и вызвана отставка.

Младший сын Василия Петровича Николай вытащил самый счастливый из всех родственников билет в лотерее судеб. Его женою стала княжна Варвара Владимировна Долгорукова, дочь знаменитого московского губернатора князя Владимира Андреевича и племянница шефа жандармов князя Василия Андреевича Долгоруковых. Венчание состоялось в Придворном соборе Зимнего дворца 16 февраля 1864 г. Невесте, дочери генерал-лейтенанта кн. В.А. Долгорукого, фрейлине Двора Ея императорского Величества тогда было 24 года, жениху — флигель-адъютанту Его Императорского Величества пол-

ковнику Николаю Васильевичу Воейкову — 30 лет. Оба первым браком. Таинство совершил духовник Их Императорских Величеств протопресвитер Василий Баженов. Через этот брак тамбовская ветвь Воейковых укоренилась в Пензенской губернии: у Долгоруковых были здесь старинные обширные владения, в том числе и имение в Каменке. Имея в Тамбовской губ. свои 2500 дес. земли, Николай Васильевич получил в приданое за женой 16000 дес. в Нижнеломовском уезде Пензенской губернии. В 1872 г. внук бригадира Воейкова значится в должности Управляющего делами Императорской Главной квартиры и Собственного Е.И.В. Конвоя. У этой четы было четверо детей: Василий (20.11.1864 — ?), Александр (30.10.1865 — ?), Владимир (2.08.1868 — ?) и Мария (27.07.1877 — ?). Все они родились в Петербурге. Интересно с точки зрения поддержания родственных связей присутствие родственников в качестве воспреемников при крещении. Воспреемниками Василия в Новомихайловской придворной церкви были его двоюродные дед и тетка: дядя матери, шеф жандармов Василий Андреевич Долгорукий и его дочь Мария Васильевна, тогда уже вдова действительного статского советника Льва Кирилловича Нарышкина. При крещении Александра там же воспреемниками были Государь Император Александр Николаевич и бабушка младенца со стороны матери, княгиня Варвара Васильевна Долгорукая. Третьего сына, Владимира, крестили в придворной Царскосельской церкви, где присутствовали его родной дед, московский генерал-губернатор кн. Владимир Андреевич Долгорукий и его сестра, а младенцу двоюродная бабушка Мария Андреевна Львова. Наконец, воспреемницей самой младшей Марии в придворной Царскосельской церкви была вдова гвардии полковника Варвара Дмитриевна Ладыженская, то есть мать последнего владельца Завиваловки Федора Ильича-2, вдова Ильи Федоровича. При этом младенцу она приходилась двоюродной теткой. Немыслимое по нашему времени родство тем не менее поддерживалось и живо осознавалось. В декабре 1890 г. все семейство Н.В. Воейкова внесено в VI

Макаров И.К. Портрет Е.Л.Ховриной. Пензенская картинная галерея.

Каменка. Усадебный парк. Лестница на террасированном склоне и подпорная стена. Фото автора. 2001 г., апрель.

часть дворянской родословной книги Пензенской губернии. К этому времени Николай Васильевич — генерал-адъютант, а его сыновья: Василий — отставной коллежский регистратор; Александр — состоящий в запасе гвардейской кавалерии корнет; Владимир — кавалерийского Ея Величества полка корнет. В ГАПО сохранился полный послужной список Николая Васильевича, составленный 20 10.1890. В это время он занимает должность помощника командующего Императорской главной квартирой, награжден российскими орденами: Св. Александра Невского (30.08.1886), украшенного бриллиантами (30.08.89); Белого Орла (30.08.82); Св. Владимира II ст. с мечами (29.11.77); Св. Анны I ст. (30.08.73); Св. Станислава I ст. (30.08.71). Кроме этого он награжден 26 иностранными орденами, в основном — различных немецких и австрийских княжеств и земель, а также французским орденом Почетного легиона II степени. Такое обилие наград объясняется тем, что Николай Васильевич был адъютантом императора Александра II, везде его сопровождавшим. Затем он, чуть ли не единственный из всей свиты, остался генерал-адъютантом и при Александре III, сопровождая повсюду и его. Он никогда не участвовал в военных действиях, но, как известно, после каждого визита иностранного монарха следовало обильное пожалование наград свитским и штабным. Учился Н.В. Воейков в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, в службу вступил в 1851 г. в кавалергардский полк. С ноября 1860 г. начинается его адъютантская служба при особе Его Императорского Величества, через три года — отчислен в свиту и далее — дворцовая служба и выгодная женитьба.

Для нас самым заметным из его детей является Владимир Николаевич Воейков, последний комендант Зимнего дворца, автор книги «С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II», изданной в Гельсингфорсе в 1936 г.[46] Владимиру Николаевичу принадлежала усадьба в Каменке, которую он не успел полностью отстроить, но это — уже другая история. Последнему же владельцу Завиваловки Федору Ильичу-2 он приходился троюродным братом: дед Владимира Николаевича по отцу и дед Федора Ильича по матери были родными братьями, сыновьями бригадира Петра Алексеевича Воейкова.

Судьба картин

Мы попытались определить современное место нахождения некоторых завиваловских картин или, по крайней мере, представить, как они выглядели.

№8, 9, 10, 11,12. Работы В.А.Тропинина.[47]

В завиваловском собрании находятся работы художника, выполненые в 1829,

1843-1844 и 1853 годах, то есть тогда, когда Тропинин был на вершине славы и считался «как бы официальным портретистом Москвы», и в период пятидесятых годов, когда о нем стали забывать, и его портреты казались «слишком простыми». Отсутствует в списке Амшинской ранний портрет Д.П. Воейкова 1829 года (№8). В собрании ГТГ этот Воейков представлен портретом 1842 года и уже упоминавшимся групповым изображением с дочерью и ее гувернанткой того же года. Завиваловский портрет его дочери (№12) отыскался в Башкирском республиканском художественном музее им. М.В. Нестерова.[48]

Каменка. Усадебный парк. Лестница на террасированном склоне и подпорная стена при цветении сирени. Фото автора. 2003 г., май.

Известно несколько автопортретов художника, но судя по дате на завиваловском портрете — 1844 год (№11), это одно из повторений «Автопортрета на фоне Кремля». Автор монографии считает эту работу одним из последних шедевров Тропинина, который «может служить эпилогом долгого и славного пути художника». В ГТГ есть близкое по размерам с нашим повторение 1846 года, уступающее картине 1844 года по художественным качествам. В коллекции Саратовского художественного музея им. А.Н. Радищева находится повторение без даты и других размеров. Идентичный нашему и по дате, и по размерам автопортрет имелся в частном собрании Крыловых. Именно к нему ближе всего повторение, приобретенное для семейного собрания (Воейковыми?).

Картина «Старуха, стригущая ногти» (№10) известна в нескольких авторских повторениях, сделанных в разные годы и находящихся в нескольких частных собраниях и государственных музеях. Написана она в 1840 году и является одним из лучших созданий этого периода, в котором «Тропинин приблизился к восприятию голландцев, оставаясь всецело русским мастером». Завиваловская работа идентифицируется (по дате и размерам) только с экземпляром из частного собрания Пеннерджи. Парной к этой работе в завиваловском собрании была «Старик, считающий деньги» (№9). Какой точно сюжет имеется в виду установить невозможно, а у художника было много его вариантов: «Старик нищий»; «Солдат со штофом, считающий деньги»; и т.д. Причем, возвращение к этому сюжету в 1840-е годы, к каковым относится и наша картина, спустя 20 лет после первого его изображения, «выражает принципиально иную трактовку образа»: отсутствует гармоническая цельность внутреннего мира модели. Полагаем, завиваловская работа хранится в Татарском музее изобразительных искусств в Казани (совпадает дата и близки размеры).

Каменка. Дворец. 1914 г. Парковый фасад. Фото автора. 2001г.

№14. Работа П.З. Захарова-Чеченца.

Портрет И.Ф. Ладыженского, созданный в 1844 г. П.З. Захаровым-Чеченцем экспонировался летом 2002 г. в Третьяковской галерее на выставке «Вернем Грозному музей» (в рамках программы «Золотая карта России»), где демонстрировались спасенные, сохраненные и отреставрированные работы из коллекции Грозненской картинной галереи. Это бесспорно подтверждается сопоставлением описаний картины в двух каталогах (завиваловском и ГТГ).[49] В Чеченский художественный музей он поступил из Всероссийского музейного фонда, очевидно, с учетом национальной принадлежности автора. Судьба портрета драматична. После боев в Грозном от музея, где экспонировался завивалоский портрет, оставались одни стены. Картина была спасена из-под завалов специалистами МЧС и московскими реставраторами в феврале 1995 г. Ей очень повезло, когда она в числе наиболее сильно пострадавших (в каталоге есть фото до реставрации) 60 картин была отправлен в Москву на реставрацию в ВХНРЦ. Судьба оставшихся тогда в Грозном нескольких сотен произведений искусства неизвестна, вероятно, они попали в руки полевых командиров. А «завиваловский барин» под названием «Портрет мужчины, сидящего в красном кресле», пройдя сложный процесс реставрации, обретя свое имя, спокойно и слегка высокомерно, раскурив сигару, тщательно одетый, в модной эспаньолке, позволял рассматривать себя московской публике в том самом музее, где в запасниках находятся портреты его будущего тестя с дочерью, будущей женой Ильи Федоровича. Они почти встретились.

№21. Работа В.Г. Худякова.

Авторское повторение портрета М.Д. Ховриной 1859 г. кисти В.Г. Худякова находится в музее А.И. Герцена на Сивцевом Вражке.

Остальные портреты завиваловского собрания идентифицировать значительно сложнее, если и вообще возможно в силу того, что они написаны неиз-

вестными или малоизвестными художниками, творчество которых практически не изучено. Кроме того, как мы видели, в период скитания по музейным хранилищам портрет может потерять свое имя и, при отсутствии снимков, репродукций, описаний, идентификация таких работ становится невозможной.

Итак, усадебная галерея из Завиваловки, не имеющая высокой художественной ценности, собиравшаяся для памяти, выполнила свою историческую миссию. Она — физическое воплощение мемориальной функции усадьбы. Мемориальность — одна из структурных характеристик усадебного духовного микрокосма. История представлена, явлена в усадьбе не абстракцией или отвлеченной идеей владельца, а явленной, физически ощутимой и зрительно воспринимаемой связью поколений, живых людей, «общением» их портретов в усадебном доме.[50]

Благодаря этой же галерее мы смогли реально представить культурные связи, интересы, знакомства, даже образ жизни, пристрастия пяти поколений родственных семей Мосоловых, Ладыженских, Воейковых, Ховриных и пр. Обыкновенной провинциальной дворянской семьи, чьи члены не сделали выдающейся карьеры, не внесли огромного вклада в судьбы родины. Они честно и порядочно благоустраивали ту землю, которая им досталась, заботились о своих родственниках и том, чтобы сохранилась в роду память об их предках, чтобы не бесследно прошли они по земле. «Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» — основа «самостоянья человека, залог величия его». В этом явлено одно из основных предназначений русской дворянской усадьбы.

И в заключение — еще об одном, материально, словесно почти не выразимом. «Бывают странные сближенья», — сказал поэт. Как-то очень тонко, прихотливо, паутинной нитью сплелось с завиваловским собранием имя М.Ю.Лермонтова. Почти неощутимо,

Каменка. Дворец. 1914 г. Парковый фасад. Фото автора. 2001г.

Каменка. Вид дворца с паркового террасированного склона. Фото автора. 2001 г., апрель.

но постоянно его присутствие. Оно просвечивает в портретах работы В.А.Тропинина, хранившихся в усадьбе, Тропинина — автора «Казначейши», которую многие знают как «Тамбовскую казначейшу» — по одноименной поэме Лермонтова, а Воейковы, владельцы Завиваловки, были и тамбовскими помещиками. Рукописный список поэмы хранился у Ховриных, родственников завиваловских помещиков и родственников В.Н.Шеншина, друга поэта. Оно сквозит в авторстве В.Г.Худякова, бывшего крепостного симбирских Поливановых — семьи, близкой Лермонтову. Рисунки видов Кавказа из альбома Н.И.Поливанова, некоторое время считались лермонтовскими. Оно просвечивает в том, что П.З.Захаров-Чеченец писал и Ладыженских, и Лермонтова, а судьба художника отразилась в поэме «Мцыри». И уж самое фантастическое — лермонтовский отсвет в теме Кавказа и чеченской войны, о которой много писал поэт и которая трагической нотой прозвучала в судьбе портрета И.Ф.Ладыженского спустя полтора столетия. В этом, на наш взгляд, явлено пространство русской культуры, ее живая ткань, объединяющая девятнадцатый, двадцатый и уже двадцать первый век.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАПО, ф. 225, оп.2, д. 128, л.10.
2. Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. СПб, 1897. С.92; Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. СПб,1900. С.352-353; Вся Россия: Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. Т.2. М., 1899. Стбц. 368-369. (IV Справочный отдел); То же на 1902 год; Россия: Полное географическое описание нашего Отечества. Т.2. — СПб, 1901; Памятная книжка Пензенской губернии на 1911 год. Пенза, 1911.
3. ГАПО, ф.225, оп. 13, д.1299. План Пензенской губернии Чембарского уезда на участок земли при селе Завиваловке владения отставного гвардии штабс-ротмистра Ф.И. Ладыженского. 1897 года февраля 4 дня.
4. Свод памятников истории и культуры Пензенской области / НИИК, 1970-е годы. Машинопись.
5. Дальнейшее излагается по документам: ГАПО, ф. р-339, оп.1, д.165, 169, 188, 192.
6. Записные книжки Б.Н. Гвоздева хранятся в Пензенском объединенном краеведческом музее. Благодарю А.И. Дворжанского за указание на них.
7. Обзор сельского хозяйства Пензенской губернии и основные направления его восстановления. Ч.1./ Пензенское ГЗУ; Под общей ред. губ. агронома Д.С. Магнусова. Пенза, 1922. С.154.

8. Пензенская энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 2001. С.185, 254-255; Крюков А. Завиваловский конный завод. Пенза, 1952. С.4-5.
9. Советская библиография,1934, Вып.2, С.69.
10. Серков А.И. Русское масонство. 1731-2000. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. С. 458; Лихачев Н.П. Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки // Русский библиофил, 1913, №5, С.3-104.
11. Напомним, что ныне находящиеся в Пензенской области куракинское Надеждино и голицынская Зубриловка в период их усадебного существования относились к Саратовской губернии.
12. ОПИ ГИМ, ф.134, д.185, л.13об-14. Там же в ф.54, ед. 494, л.11об. — черновик этого Журнала, где содержится та же запись.
13. ОПИ ГИМ, ф. 54, ед.239, л. 184.
14. ОПИ ГИМ, ф. 54, ед.239, л. 185-186 — каталог; ед. 288 того же фонда — научные карточки.
15. См., например, тщательное покомнатное описание главного дома в усадьбе Красные Буйцы Тульской губ., составленное по памяти Ю.А. Олсуфьевым, где за каждой картиной или безделушкой стоит история ее приобретения, жизнь семьи, создавая образ дорянского дома-гнезда // Наше наследие, 1994, №№29-30, 31.
16. Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник / Автор текста М.Шлыкова. М.: Белый город, 2001. С. 56.58. См. здесь о галерее из Анлреевского с. 17-26, 56-61.
17. См. замечательную статью А.В. Чекмарева «Забытые лица». К изучению усадебных портретных галерей» в сборнике ОИРУ «Русская усадьба», вып.8 (24).М.: Жираф, 2002. С.477-492. Здесь же список последних публикаций по этой проблеме.
18. Указываются номера по каталогу (см. Приложение).
19. Сведения о Воейковых извлечены из документов: ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 402.
20. ГАПО, ф. 196, оп.2, д. 402, л. 25.
21. Московское дворянство. Алфавитный список дворянских родов с кратким указанием важнейших документов, находящихся в родословных делах Архива Московского Дворянского Депутатского Собрания. М., 1910. С. 81.
22. В книге «Дворянские гнезда России» (Порд ред М.В. Нащокиной. М.: Жираф, 2000, с. 345-377) опубликованы мемуары Л.Д. Духовской, урожд. Воейковой (1871-1947)), где тоже приведено описание родословной Воейковых. Из нее следует, что Воейковы происходят от болгарского рода Войтиго-Войтиговичей, от князя Тырновского, переехавшего в Москву в 1300 г. при Иоанне Калите. Тырновскому-Воейкову были пожалованы земли в Калужской губ. (с. 374). Мемуаристка приводит сведения о своем прадеде Владимире Ивановиче Воейкове, герое Севастопольской кампании, женатом на сестре С.Т. Аксакова Анне Тимофеевне. Эта ветвь Воейковых владела землями в Рязанской губернии. Нам пока не удалось выйти на общего предка этих двух ветвей, безусловно, одного рода.
23. Амшинская А.М. Василий Анлреевич Тропинин. 1776-1857. М.: Искусство, 1970. Д.П. Воейков с дочерью и ее гувернанткой, 125,3 x 103 — с.153 и 173; Д.П. Воейков, 135 x 46,8 — с.173.
24. В каталоге собрания Ф.И. Ладыженского датой рождения Д.П. Воейкова указан 1789 год, а в каталоге Амшинской — 1780.
25. Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауза-Ефрона. Т.XX (Московский уни-

Каменка. Подпорная стенка в парке. Цветет сирень. Фото автора. 2003 г., май.

верситет — Наказания исправительные). СПб., 1897. С.377.

26. Сведения о Ладыженских взяты из: ГАПО, ф. 196, оп. 2, дд.1571-1573, 1584-1586, 1589-1591.

27. Отец его, Ладыженский Илья Федорович, дожил до глубокой старости и умер в 1811 г. В 1766-1768 гг. состоял на военной службе, вышел в отставку капитаном. В 1776-1779 служил прокурором верхней расправы Тверской губернии, коллежский асессор, полковник. В 1782-1785, 1806-1811 — Зубцовский уездный предводитель дворянства. Женат он был на Черницовой Анне Федоровне (ум. 24.1.1779), то есть Федор Ильич-1 рано остался сиротой. Кроме Федора Ильича, у них была дочь Александра, в замужестве Изъединова; Екатерина, в замужестве Левенштерн; Варвара, в замужестве Горяинова. (Серков А.И. Указ соч. С.458.)

28. Лермонтов М.Ю. Соч. в 2-х томах. Т.1/ Сост. и комментарии И.С.Чистовой. М.: Правда, 1988. С. 713. С Лермонтовым связано и еще одно обстоятельство. Известно, что в 1834 г. с поэта был написан портрет, авторство которого до сих пор не выяснено: часть исследователей приписывает его кисти П.З.Захарова, а другие — Ф.О.Будкина. Портрет хранится в Гос. Литературном музее в Москве, поступив туда из музея «Мураново», где находилась часть материалов из саратовского имения Лесная Нееловка Аф. А. Столыпина, брата бабушки поэта, наследовавшего имение Тарханы. Копию его можно видеть в музее «Тарханы». (Подробнее см.: Пахомов Н.П. Лермонтов в изобразительном искусстве. М.-Л.: АН СССР, 1940. С. 34-39.)

29. Крюков А. Завиваловский конный завод. Пенза, 1952. С.3-4.

30. На специальном геометрическом плане части с.Завиваловки, составленном в феврале 1867 г., она значится владением гвардии подполковника Д.П. Воейкова. (ГАПО, ф.225, оп.13, д.1735).

31. Вследствие гибели первых инвентарных книг Пензенской картинной галереи невозможно выяснить дату создания портрета и источник его поступления в музей.

32. Памятная книжка Пензенской губернии на 1864 год. Пенза, 1864. С.11.

33. Савин О.М. Родник воды живой: К 100-летию Пензенской библиотеки им. М.Ю. Лермонтова. Пенза, 1992. С.76,78,178.

34. А.И. Герцен, Н.П. Огарев и их окружение. Книги. Рукописи. Изобразительные

материалы. Памятные вещи. Каталог. М.,1992. С.167, №632. Описание портрета из музейного собрания полностью совпадает с каталогом завиваловского собрания, кроме размеров. Правда, в двух изданиях музейного каталога — 1940 и 1992 гг. — размеры одного и того же портрета указаны разные. В первом случае — 50 х 39,5 (в свету); во втором — 58,5 х 48,5; а в завиваловском каталоге — 53,5 х 42,5. Возможно, это погрешность при измерении по раме, подрамнику и паспарту, так как портрет представляет собой овал в прямоугольнике. В коллекции музея находится еще один портрет М.Д.Ховриной (M.Sentier (?) 1840-е гг., бум., кар., тушь, 35 х 26,2, № 631), а также изображение ее дочери Александры Николаевны (G.Segur (?), 1841, б., кар., 29,3 х 19,5, №630) // Каталог 1992 г., с.167).

35. Баюра Л. Музей в Акшуате //Памятники Отечества. Альманах ВООПИК. Т. 42. «Века над Венцом». М., 1998. С. 94, 96. В революцию музей был разграблен, часть картинной галереи — в Художественном музее Ульяновска. Несколько акварелей из акшуатского альбома Поливановых некоторое время приписывались М.Ю. Лермонтову.

36. Савич М. Симбирский краевед //Памятники Отечества. Альманах ВООПИК. Т. 42. «Века над Венцом». М., 1998. С. 15-16. В начале XX в., перед самой революцией, симбирский краевед П.А. Мартынов подготовил к печати «Архив симбирских дворян Ховриных», содержавший 132 документа по истории России XVII — XVIII вв. и о жизни Ховриных. Архив не был издан.

37. Белинский В.Г. Собр. соч. в 9-ти тт. Т.9. М.: Худож. лит, 1982, с. 244.

38. Цит. по: Н.П.Огарев в воспоминаниях современников. М.: Худ. лит., 1989. С.145.

39. Там же, с. 136.

40. Там же, с.130 и примеч. на с. 472.

41. См. о ней: Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. Т.1. — М.: Энциклопедия, 1989, с. 181-182; Сухарев И. Первая любовь Ивана Тургенева // Московский журнал,1992, №1, С. 37-42. Здесь же портреты ее и мужа.

42. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 28 томах. Письма. Т.3. М.-Л.: АН СССР, 1961. С. 205.

43. Н.М.Чернов. Источники трех повестей Тургенева: альтернативные версии // Спасский вестник. Вып. 4. Орел, 1997. С. 83-84.

44. Николай Васильевич Ховрин был подполковником, участвовал в Отечественной войне 1812 года, в сражениях под Дрезденом и Гамбургом. Находясь в Пензенском ополчении при генерале графе Толстом, подпоручик Ховрин «с усердием исполнял возложенные на него поручения и в делах, бывших при Дрездене, отличил себя примерным мужеством», за что был награжден орденом Св. Анны 3-й ст. (ГАПО, ф.196, оп.2, д.3375, л.3-4; Апухтин В.Р. Краткий очерк истории сформирования и действий Пензенского дворянского ополчения в Отечественную и освободительную войну 1812-1814 годов. М., 1912. С.410).

45. Подробно о пензенские имениях Акинфовых (Акинфиевых) и Шеншиных и их родственных связях см.: Белгузова Т.Ю., Первушкин В.В., Шишлов С.Л. О друге М.Ю. Лермонтова Владимире Александровиче Шеншине и его неизвестном фотопортрете // Пензенский временник любителей старины. Вып. 10. Пенза, 1994. С. 35-38. О пензенских имениях И.Д. Лужина см.: История рядом с нами. (Дворяне Лужины. XVII-XX века). М., 2003.

46. Факсимильное переиздание: М.: Воениздат, 1995.

47. При идентификации работ В.А. Тропинина мы опирались на монографию А.М. Амшинской и имеющийся там список произведений художника, находящихся в музеях и частных собраниях.
48. Кроме указания Амшинской, см. еще: Осокина И. Имени Нестерова // Памятники Отечества: Альманах ВООПИК. №38. «Созвездие Курая». М., 1997. С.162-163.
49. Вернем Грозному музей: Каталог выставки, сборник документов. М.: Сканрус, 2002. О портрете см. с.11, 52-53 (цв. воспроизведение), 151-152.
50. См. о роли и значении портретов в усадьбе XVIII века: Евангулова О.С. Художественная «Вселенная» русской усадьбы. М.: Прогресс-Традиция, 2003, глава VI «Домашняя история» (Русская усадьба и тема памяти). Генезисом мемориальной функции портретной галереи в усадьбе автор считает традицию Просвещения. Важно, что эта традиция оставалась животворящей в усадьбах на протяжении всего периода их существования.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Каталог собрания Ф.И. Ладыженского

(ОПИ ГИМ, ф.54, оп.1, д.239, л.185-186 об.)
1.Русская школа.
1.Неизвестный русский худ. сер. XVIII в. Портрет молодого человека из семьи Мосоловых. Х., м; 64,2 х 0,49. Инв. №3361.
2.Неизв. русский худ. XVIII в. Портрет Марии Алексеевны Воейковой, урожденной Мосоловой. (1761-1833). Х., м; 63 х 55,2 (овал). Инв. №3355.
3.Неизв. русский худ. к. XVIII в. Портрет бригадира Петра Алексеевича Воейкова (17..-1795). Х., м; 62,5 х 54,6 (овал). Инв. №3356.
4.Неизв. русский худ. нач. XIX в. Портрет Ильи Федоровича Ладыженского (1814-1862). Х., м; 75 х 58,8. Инв. №3367.
5.Неизв. русский худ. нач. XIX в. (школа С.Щукина). Портрет Сергея Петровича Воейкова (1786-1812). Х., м; 68,5 х 54,5. Инв. №3363.
6.Неизв. русский худ. нач. XIX в. (школа С. Щукина). Портрет Николая Петровича Воейкова (род. в к. XVIII в. — ум. в 1840-х годах). Х., м; 68 х 51,4. Инв. №3364.
7.Неизв. русский худ. перв. четв. XIX в. Портрет Анны Ивановны Мосоловой. Х., м; 69 х 55. Инв. №3362.
8.Тропинин Василий Андреевич (1776-1857). Портрет Дмитрия Петровича Воейкова (1789-1876). Х., м; 88 х 70,5. Слева внизу: «В. Тропинин, 1829». Инв. №3360.
9.Тропинин В.А. Старик, считающий деньги. Х., м; 73,6 х 62. Инв. №3357.Слева посередине на фоне: «В. Тропинин, 1843». 11 категория.
10.Тропинин В.А. Старуха, обрезывающая ногти. Х., м; 73,3 х 61,7. Инв. №3358. Справа в нижнем углу: «В.Тропинин, 1843». 11 категория.
11.Тропинин В.А. Автопортрет. Х., м; 106,5 х 85. Инв. №3359. Справа внизу: «В.Тропинин, 1844».
12.Тропинин В.А. Портрет Варвары Дмитриевны Ладыженской (1829-1906). Х., м; 67 х 54. Инв. №3372. Слева внизу: «В. Тропинин, 1853».
13.Захаров Петр Захарович (1816-1852). Портрет Федора Ильича Ладыженского (1777-1852). Х., м; 36 х 29,5. Инв. №3369. Справа внизу6 «Захаров, 1838».

14.Захаров П.З. Портрет отставного кавалергарда Ильи Федоровича Ладыженского (1814-1862). Х., м; 53 х 44,2 Инв. №3374. Слева внизу: «П.Захаров-Чеченец, 1844».
15.Сверчков Николай Егорович (1817-1898). Изображение лошади Кролика. Х., м; 46.8 х 58.2. Инв. №3384. Справа внизу: «Н.Сверчков, 1845».
16.Сверчков Н.Е. Лошадь в конюшне. Х., м; 40 х 45. Инв. №3385. Слева внизу: «Н,Сверчков, 1846».
17.Фелицин Ростислав Иванович (род. ок. 1820 — ум. после 1857). Старик, чинящий сеть. Х., м; 110,3 х 89,2. Инв. №3377. Слева внизу на фоне: «Москва, Р.Фелицин, 1854».
18.Турчанинов Капитон Федорович (1823-?). Портрет отставного кавалергарда Александра Федоровича Ладыженского (1817-1855). Х., м; 50,5 х 41,2. Инв. №3373. Справа внизу: «К.Турчанинов, 1852».
19.Турчанинов К.Ф. Портрет Федора Ильича Ладыженского (1777-1852). Х., м; 49,9 х 41. Инв. №3366. Слева внизу: «К.Турчанинов, 1852. П. с дагерротипа. Москва».
20.Орлов Максим Максимович (род. в нач. 1824 — после 1879). Портрет Василия Петровича Воейкова (1788-1890-е гг.) Х., м; 73 х 58,2 Инв. №3365. Слева внизу на фоне: «М.Орлов, 1870».
21.Худяков Василий Григорьевич (1826-1876). Портрет Марии Дмитриевны Ховриной (ум. в 1870-х гг.). Х., м; 53,5 х 42,2. Инв. №3370. Слева на перилах: «Римъ, 1859. В.Худяковъ».
22.Неизв. русский худ. втор. четв. XIX в. Портрет баронессы Анны Федоровны Корф (1811-1857). Х., м.; 79 х 62. Инв. №3383.
23.Неизв. худ. втор. четв. XIXв. (Винтерхальтер?). Портрет баронессы Марии Федоровны Розен (1815-1882). Х., м.; 78 х 61. Инв. №3382.
24.Каверин Р.И., худ. перв. пол. XIXв. Портрет Беаты Антоновны фон Адеркас (к. XVIII — 50-е гг. XIXв.). Х., м.; 108 х 86. Слева внизу: Р.Н. [так! — Р.Л.] Каверинъ. Инв. №3376.
25.Неизв. русский худ. сер. XIXв. Портрет Варвары Александровны Ладыженской (1791-1818). Х., м.; 37,5 х 29. Инв. №3371.
26.Каверин Иван Дмитриевич, худ. третьей четв. XIXв. Портрет Варвары Дмитриевны Ладыженской (1829-1906). Х., м.; 66 х 52. Инв. №3368.
27.Каверин И.Д. Портрет Дмитрия Петровича Воейкова (1780-1892) [так! — Р.Л.] и внука его Федора Ильича Ладыженского. Х., м.; 114,5 х 91,5. Инв. №3378.
28.Каверин И.Д. Портрет Татьяны Николаевны Воейковой (1795-1829). Х., м.; 89 х 71,7. Инв. №3380.
29.Неизв. русский худ. втор. пол. XIXв. (Каверин?). Портрет П.Н.Мяснова Х., м.; 81 х 66,6. Инв. №3381.
30.Неизв. русский худ. втор. пол. XIXв. Портрет Ильи Федоровича Ладыженского (1814-1862). Х., м.; 127 х 104,5. Инв. №3379.
31.Неизв. русский худ. втор. пол. XIXв. Портрет Дмитрия Григорьевича Розен. Б., акварель; 13 х 9,4 (овал). Инв. №3354.
32.Беллоли Андрей Францевич (Belloli Andree, ум.1881). Портрет неизвестного молодого человека.[Сверху от руки: «И.Ф.Ладыженского» — Р.Л.] Б., акварель; 42 х 32. Внизу посередине: Belloli Rome 1858.Инв. №3375.
33.Неизв. русский миниатюрист нач. XIXв. Портрет барона Николая Алексеевича Корф (1794-1857). Кость, гуашь; 7,4 х 7,2 (неправильный круг). Инв. №3353.

11. Иностранные школы.
34.Вуверман Филипп.(Wouverman Philipo) 1619-1668. Соколиная охота. Дерево; 38 x 51.6. Слева на чаше бассейна: Ph. W. Инв. №3387.
35.Неизв. франц. худ. 1860-70 гг. Мертвая натура. Х.; 51,2 x 46.2. Инв. №3386.
Ш. Гравюры.
36.Одран Жерар (Audran Gerard) 1640-1703. Доблесть преодолевает все препятствия. С оригинала Ш. Ле Брена. Б., крепкая водка, резец; 73 x 143. 1672 г. Инв. №3350.
37.Эделинк Жерар (Edelinck Gerard) 1640-1707. Портрет скульптора Мартинуса ван Богерт. С ориг. Г. Риго (1640-1694). Б., резец; 47 x 35,2. Инв. №3344.
38.Древе Пьер (Drevet Pierre) 1663-1738. Портрет Николая Буало-Депрео 1636-1711. С ориг. Г. Риго. Б., резец; 142,5 x 31. Инв. №3340.
39.Одран Жан (Audran Jean) 1667-1756. Галатея. С ориг. Маратта. Б., резец, крепкая водка; 43 x 61,4.
40.Долле Жан (Daullet Jean) 1703-1762. Портрет Марии Жозефины, королевы Польской. С ориг. Луи де Сильвестр 1750. Б., резец; 73,6 x 50,4. Инв. №3348.
41.Вилль Жан-Жорж (Wille Jean George) 1715-1808. Читальщица. С ориг. Дау. Б., резец; 39,5 x 27,7. Инв. №3334.
42.Вилль Ж.-Ж. Семейный концерт. С ориг. Схалькена. Б., резец по офортовой подготовке; 47,7 x 36,3. Инв. №3341.
43.Вилль Ж.-Ж. Философ прежнего времени. С ориг. П.А.Вилль. Б., резец; 25,2 x 19,8 (в свету). Инв. №3351.
44.Вилль Ж.-Ж. Портрет маркиза де Мариньи. С ориг. Токкэ. Б., резец; 50,8 x 35,8. Инв. №3342.
45.Вилль Ж.-Ж. Отцовское наставление. С ориг. Г.Терборха. Б., резец; 42,6 x 32,9. 1765 г. Инв. №3338.
46.Балешу Жан-Жозеф (Balechou Jean Soseph). Портрет Августа 1У, короля Польского. С ориг. Г.Риго. 1750 г. Б., резец; 70 x 50,7. Инв. №3349.
47.Балешу Ж.-Ж. Портрет Якова Габриэля Грильо. С ориг. Луи Отро. Б., резец по офортовой подготовке; 47 x 34,5. Инв. №3343.
48.Патас Шарль Иманоил (Patas Charles Immanuel ?) 1744-1802. Признанная невинность. С рис. Биннэ. Б., резец и крепкая водка; 29,6 x 23,7. Инв. №3335.
49.Педро Франческо (Pedro Francesco) 1736-?. За картами в каабачке. С ориг. Теньерса. Б., крепкая водка; 33,2 x 40,2. Инв. №3336.
50.Педро Франческо. Сцена в кабачке. С ориг. Теньерса. Б., крепкая водка; 32,6 x 39,9. Инв. №3337.
51.Мартенази Петр (Martenasi Petre), итальянск. гравер XVIIIв. Похищение сабинянок. С ориг. П.П.Рубенса. 1769 г. Б., резец; 52 x 63,8. Инв. №3347.
52.Танье Питер (Tanje Pieter) 1706-1761. Портрет старика с палкой. С ориг. Рембрандта. Сер. XVIII в. Б., резец; 32,6 x 23,5. Инв. №3352.
53.Фазиус Георг Зигмунд (Facius Georg Sigmund) и брат его Иоганн Готлиб (Iogann Gotlieb) 1750 — нач. XIXв. М-р Вест с семьей. 1779. Б., пунктир; 56,2x 68,6. Инв. №3345.
54.Неизв. гравер XVIIIв. Саломея с головой Иоанна Крестителя. Б., резец по офортной подготовке; 36 x 48. Инв. №3339.

А.А. Мурашев

ПАВЛОВКА И ЕЕ ВЛАДЕЛЬЦЫ

«Прочтите «Павловку», — писала Марина Цветаева в 1923 году о воспоминаниях князя Сергея Волконского, — какая сплошная любовь! Какая внимательная память на имена, лица, слова, приметы»[1].

Последний владелец Павловки был первым и, кажется, единственным ее летописцем: «в нашем Борисоглебском уезде Тамбовской губернии не было больших поместий; Павловка одна только была настоящим большим имением. Когда-то Павел I подарил графу Кушелеву-Безбородко чуть не три четверти уезда; все это распалось, разошлось по разным рукам...Из всех кусков и кусочков кушелевского наследия Павловка единственно большой — двенадцать тысяч десятин»[2].

И в самом деле, Павел I, едва вступив на престол, пожаловал «в воздаяние усердия к НАМ и ревности к службе НАШЕЙ» гатчинскому полковнику Григорию Григорьевичу Кушелеву (1754-1833) «в вечное и потомственное владение» 2000 душ из дворцовых селений Тамбовской губернии борисоглебской округи (Малые Алабухи, Малая Грибановка) «со всеми принадлежащими по дачам землями, лесами, рыбными ловлями и находящимися в тех дачах казенными оброчными мельницами и прочими угодьями»[3]. Очередным указом (1797 г.) к земельным пожалованиям были «присовокуплены» 11720 десятин Теллерманского леса. Спустя два года Г.Г. Кушелеву, ставшему к тому времени адмиралом и получившему графский титул, «по недостатку земли у шестисот четырнадцати душ крестьян деревень его Тамбовской губернии в Борисоглебском уезде» было пожаловано 10 тысяч десятин «казенных степей, прикосновенных к его дачам»[4]. На этих землях и были устроены новые деревни, в том числе Павловское и Павлодар, названные в честь императора-благодетеля[5].

Впрочем, у вице-президента Адмиралтейств-Коллегии, особы приближенной к императору, кажется, не было возможности посетить тамбовские деревни — помимо служебных дел, он занимался устройством имений, купленных в Псковской губернии (Краснопольцы и Хворостьево). К тому же осенью 1799 года вдовец Г. Кушелев женился на 16-летней красавице графине Любови Ильиничне Безбородко. Павел I, содействовавший свадьбе своего любимца, стал крестным отцом их первого сына Александра (1800-1855).

После вступления на престол Александра I граф вынужден был оставить службу, и удалился в Краснопольцы, которые стали местом его постоянного пребывания. Оказавшись «на покое», адмирал энергично занялся устройством своих имений. «Глубокий эконом» побывал в тамбовских деревнях — в Павловском был разбит парк, выкопаны пруды, заведен конский завод, на который в 1820 году приезжал для отбора лошадей его второй сын — прапорщик гвардейской конной артиллерии Григорий Кушелев (1802-1855)[6].

В 20-е годы престарелый адмирал дважды отваживался на поездки в тамбовские деревни. «Я на первой недели говел, — сообщал граф в письме (март 1822 г.) из Павловского младшему сыну, — по неурожаю хлеба ничего не продано, и кормлю крестьян, а еровое к посеву прикупить надобно»[7]. Тогда же на средства графа началось строительство каменной Петропаловской церкви (освящена в 1824 г.)[8]. Тревожные нотки отцовских посланий из «тамбовской отчины» (1825-1826 гг.) — «у нас паки начались морозы. Зима ныне вес[ь]ма холодная. Не повредило бы в садах деревья, ибо притом снегов почти нет и поля голы» — сменяются тихой радостью: «у нас теперь в оранжереях персики и абрикозы зацветают, а в теплицах огурцы взошли, и уже зеленой салат давно едим»[9]. В письмах он обстоятельно сообщал сыновьям об «улутчении имений» (строительство гостевого дома и овчарен в Павлодаре, посадки табака, покупка производителей для конского завода и т.п.).

Времяпровождение престарелого графа в Павловском — распоряжения по хозяйству. Переписка с детьми. Чтение «переодических книжек» и журналов. Впрочем, сетовал адмирал в одном письме: «читать же ничего не могу, а читают мал[ь]чики. Нужно бы мне иметь порядочного чтеца»[10]. Посещения церкви, где каждую субботу служили панихиду о Павле I[11]. На исходе 1825 года старика навестила дочь: «Сестра ваша Саша, несмотря что снегу почти не было и дорога весма дурна и колотлива, невзирая на мороз 22 или 23 градуса, приежжала с милым моим внуком Гришею меня проведать в самое Рождество Христа Спасителя, и, пробыв три дни уехала обратно к себе, ибо князь несколко простудился, а потому и не мог ко мне приехать»[12].

В начале 1826 года до Павловского дошли известия о восстании декабристов. «Французский язык не делает честным человеком, а болшою частию передает французское безбожие, дерзость и буйство, — размышлял Григорий Григорьевич в письме (от апреля 1826 г.) старшему сыну, — от сей-то заразы произошли возмущения. Слава Богу, что Богу угодно было в самом начале прекратить оное страное подрожание наших бунтовщиков французским: там сапожники и бродяги хотели быть генералами, а у нас генералы хотели зделаться сапожниками»[13].

После смерти адмирала владельцем Павловского стал граф Александр Кушелев-Безбородко, который в конце 30-х годов во время объезда своих имений, расположенных в 9 губерниях (20456 душ м.п.), побывал на Тамбовщине. Изделия Павловской экономии — шерсть улучшенных пород овец, пух ангорских коз, сукна и ткани крестьянские — экспонировались на губернской выставке, приуроченной к приезду в Тамбов (июль 1837 г.) цесаревича Александра Николаевича[14]. Впрочем, граф А. Кушелев-Безбородко — видный николаевский сановник — (сенатор, государственный контролер (с 1850 г.)) — часто бывал за границей. Его дом на Гагаринской набережной в Петербурге и загородный Полюстровский дворец были открыты для друзей и знакомых (М. Глинка, К. Брюллов, Н. Кукольник и др.). В отличие от отца он не обременял себя хозяйственными делами — управлением его многочисленными экономиями занималась Главная Контора. Немалый доход тамбовской экономии приносили поступления от сдачи в аренду сахарных заводов (Павловское и М.Алабухи)[15] и «кушелевских степей», где откармливался скот, пригонявшийся с юга на губернские салотопни[16].

Еще меньше вникал в управление имениями граф Григорий Александрович Кушелев-Безбородко (1832-1870). Разделив с братом Николаем наследства отца и бездетного дяди, камер-юнкер граф Г.А. Кушелев-Безбородко отправился за границу. Марш-

рут — привычный для русских аристократов — Италия, Франция. Как, впрочем, и баснословные траты денег. «Будучи в Риме, обосновался в гостинице «Минерва», — рассказывал А. Дюма, хорошо знавший графа, — примерно также, как в Париже в гостинице «Трех императоров», то есть держал дом всегда открытым, ночью в салоне жгли свечи и в сутки тратили что-то две или три тысячи франков»[17]. В России на деньги графа издавались «Памятники старинной русской литературы», журнал «Русское слово», «Шахматный листок», сочинения А. Островского, А. Майкова, Я. Полонского и т.д. В литературной среде он слыл «чудаком». Считается — возможно, не без оснований, — что некоторыми своими чертами граф послужил прототипом князя Мышкина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот».

Граф Г.Г.Кушелев.

Между тем, непомерная расточительность привела к огромным долгам и, как следствие, к продаже некоторых имений[18]. В 1861 году наступил черед тамбовских деревень. «Продал я жене надворного советника Елисавете Григорьевне Волконской имение мое, — сообщал в феврале 1862 года граф Г. Кушелев-Безбородко своему доверенному лицу, — состоящее Тамбовской губернии Борисоглебского уезда, из сел Павловского и Малых Алабух и деревень Григорьевки, Александровки, Никольской и Таловой, со всеми постройками и наличностию, какие окажутся в оном имении, конными и овечьими заводами»[19].

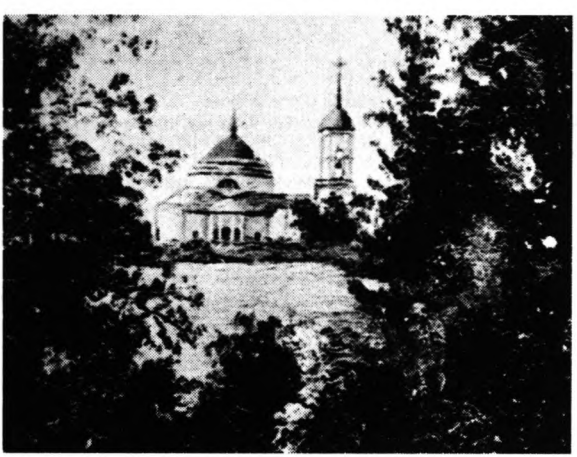
Княгиня Е.Г. Волконская (1838-1897), внучка графа А.Х. Бенкендорфа и светлейшего князя П.М. Волконского, детские и отроческие годы провела в Италии. В 1859 году, в Женеве, она вышла замуж за князя М.С. Волконского (1832-1909), сына декабриста князя С.Г. Волконского[20]. Рождение детей — Сергей (1860), Петр (1861) — побудило Волконских, живших в Петербурге, хлопотать о покупке имения. После заключения сделки князь М.С. Волконский вместе с отцом отправились для осмотра имения на Тамбовщину. В Павловском в ту пору было 125 дворов — 326 душ мужского пола и 421 душа женского пола[21].

Появление Волконских в Борисоглебске летом 1863 года не осталось незамеченным городскими обывателями. «Один мой хороший приятель в уездном го-

роде Борисоглебске, местный аптекарь Роберт Карлович Вейс, ревельский уроженец, закинутый Тамбовскую губернию, рассказывал мне, — вспоминал внук декабриста князь С. Волконский, — что однажды, проходя мимо постоялого двора, на Соборной площади, он увидел сидящего на лавочке старца с белой бородой. В крылатке и широкополой шляпе сидел он, сложив руки на крючковатой палке. Мой знакомый, в то время совсем молодой человек, до такой степени был поражен зрелищем его, что, проходя мимо, невольно замедлил шаг и низко поклонился. Уже после ему сказали, что это декабрист Волконский»[22].

Покупка имения совпала с проведением Крестьянской реформы. Павловские крестьяне, отказываясь от полных, стремились получению дарственных наделов. «Я сам, по своей обязанности и согласно желанию владелицы, — свидетельствовал Д.В. Садомцев, бывший в ту пору уездным предводителем дворянства, — не раз убеждал крестьян княгини Волконской принять полный надел, но они, в виду распространившихся тогда ложных слухов о том, что земли помещиков перейдут со временем в собственность крестьян, постоянно требовали четвертную часть надела. Несмотря на все мои и прочих членов мирового съезда убеждения о невыгодности уменьшенного надела, крестьяне окончательно отказались от полного...Обязательного выкупа сделать было нельзя, так как крестьяне состояли тогда на смешанной повинности, совершенным неисполнением которой, они, наконец, и вынудили владелицу согласиться на даровой надел»[23].

В шестидесятые годы Волконские нечасто бывали в Павловке (так называли усадьбу новые владельцы) — не только вследствие удаленности имения от Петербурга. Семья увеличивалась — в 1863 году родилась Мария, через год — Григорий, вслед за ним Александр (1866)[24]. После рождения Владимира (1868) княгиня приехала в имение со старшими детьми. «Местность, как степная, уныла, — вспоминал князь С.Волконский, — но вокруг дома старый парк в двести пятьдесят десятин...все было в запустении; только большие старые деревья радовали глаз, но всюду крапива, лопух, хворост...не было ни одного хвойного дерева; первые две елки приехали с нами в корзинках на крыше кареты...они были не простые — бальзамические, и мать моя тут же их посадила во дворе направо и налево от въезда». Впрочем, продолжает старший сын, «как было трудно моей матери начинать! В посадках паслись телята, маленькие елки скаши-



Петропавловская церковь.

вались косой...нелегко ей было. Какое-то стихийное надвижение людского непонимания и даже издевательства сметало дело рук ее. Она не унывала; но только когда люди увидели результаты, тогда начали понимать ценность того, чем результаты достигаются»[25].

Любовь к деревьям и кустам княгиня Елизавета Григорьевна унаследовала от матери княгини Марии Александровны, которая отлично знала названия, привычки растений. «Сколько елок, сколько каштанов переслала она к нам в Павловку, — вспоминал внук, — этих фалльских уроженцев мать моя называла латинским эпитетом Fallensis». В мемуарах князь упомянул и о «двух огромных агавах, которые когда-то мать моя привезла маленькими в одном горшке с виллы Волконской в Риме»[26].

Вскоре добираться до имения стало проще — 4 декабря 1869 года открылось движение по Грязе-Борисоглебской железной дороге. Концессию на ее строительство борисоглебское земство получило благодаря хлопотам камергера князя М.С. Волконского[27]. Ближайшая к усадьбе станция получила название «Волконская» (ныне — «Народное»). Тогда же появились упорные слухи о том, что князь заработал на этом деле «весьма порядочный куш» и, как свидетельствует Б. Чичерин, получив «даром» акции общества, купил на них «большое имение Романовка» в соседнем Балашовском уезде Саратовской губернии[28].

В конце 70-х годов княгиня Е.Г. Волконская обменяла принадлежавшее ей рязанское имение Курша (26163 дес.) на казенные земли в Борисоглебском уезде. Впоследствии ее муж приобрел ряд имений (Завьяловской и Софьинское) в Саратовской губернии, а также земли в Уфимской (Уршаклейский участок, 2871 дес.), Нижегородской (6921 дес.) и Херсонской (6300 дес.) губерниях[29].

Впрочем, родовым гнездом оставалась Павловка, куда в 70-80-е годы Волконские приезжали из Петербурга едва ли не каждое лето. «Все мы, слава Богу, здоровы, — сообщала Елизавета Григорьевна в письме (от 30 августа 1882 г.) мужу, — Гриша провел с мал. Крупенниковым два дн[я] на охот[е]; вернулся вчера вечером сияющим и прелюбезным. Возится с собаками, а Володя гарцует вокруг его. Сейчас Петя у нас распевает дуэты с Машей. Я была утром по приглашению «Общества» на освящении придела в церкви Б.Алабух во имя Св[ятого] Алек[сандра] Нев[ского] в память покойного Государя. Затем чаевание в школе «Общества» со всеми властьми общества, опять пришлось выпить за здоровье и процветание Об[ще]ства, пр. и пр.»[30]

Детские картинки — в воспоминаниях князя С. Волконского: «мы любили в лес ездить. Это не были пикники, это было переселение народов. В трех, четырех экипажах, а мы, старшие, с матерью верхом. Не доезжая леса, на сахарном заводе жила семья директора Островского; их было детей человек шесть, семь, забирали их. А сколько гувернанток, нянек, гувернеров, помощников управляющих, студентов, на побывку приезжавших...В лесу гулянье, игры; по Вороне катанье, в Вороне купанье, рыбная ловля; ужин, самовар, костры...И обратный путь под звездным небом»[31].

Княгиня Е.Г. Волконская, жена товарища министра народного просвещения, устроила в имении школу для крестьянских детей. «Ведь усадьба была очаг, рассадник, — вспоминал князь Сергей Волконский, — хорошо помню, что было насе-

ление, окружавшее нашу Павловку, в первые годы по приезде туда моей матери. Главным образом, — сам тогда ребенок, — помню детей. Это были дикие волчата, не говорю уже о их понятиях, знаниях по географии или отечествоведению. Помню, на уроке (тогда еще и школы не было, и мать собирала детей в прачечную), на вопрос о том, кто у нас царь, один мальчик ответил: «Феодосий». Это потому, что он слышал в церкви возглас: «Преосвященного епископа нашего Тамбовского и Шацкого Феодосия»...Не легко было это «насаждение науки. Были враждебные течения, и, как ни странно, противодействие исходило из того, что можно было считать «передовыми» элементами. Но, — уже тогда «классовость» существовала, и однажды дети с плачем поведали матери, что помощник управляющего им сказал не ходить на уроки, что «Княгиня их затем учит, чтобы потом забрать, в Петербург свезти и продать жидам». Что лучше смеха опрокидывает ложный страх? Перед смехом матери высохли детские слезы.

— А как же я повезу вас? — спрашивала она.

— А так, что прямо в свой шарабанчик погрузите да и повезете»[32].

Осенью 1887 года в Павловке состоялось открытие нового здания церковно-приходской школы. «Это здание отведено, — сообщал корреспондент, — для школы безвозмездно ея сиятельством княгинею Елизаветою Григорьевной Волконской и представляет из себя отдельный флигель, разделенный сенями на две части, из которых одна назначена собственно для школы, а другая для жилья учащихся в школе деревенских мальчиков (до 20 человек — А.М.). На иждивение же ея сиятельства сделана вся нужная классная мебель, приобретены необходимые на первое время учебники и учебные принадлежности, нанята прислуга, которая должна следить за чистотою школы, а также живущими в общежитии мальчиками и готовить им пищу, причем все продукты будут выдаваться из экономии ея сиятельства»[33].

В мае 1889 года княгиня писала мужу из Павловки: «Другое также очень меня радует — это дети в школе; благодаря стараниям священника, с помощью псаломщика, который также ревностно и добросовестно занимается с ними, ребятишки успевают. А главное, они такие милые, естественны, радушны, довольны. Басни Крылова они говорят два, три человека вместе, весело, осмысленно, просто прелесть слушать»[34].

Между тем, княгиня Е. Волконская заботилась не только о «детях», но и помогала «отцам». «У меня идут переговоры с никольскими, — сообщала Елизавета Григорьевна мужу, — был пожар; сгорело 5 дворов. Предлагаю ту же помощь что федоровским. Если руководиться в помощи добрыми качествами людей, то понятно ник[ольские] ее заслуживают более других. Но представь себе решительно отказываются от кирпичных домов, не потому чтобы боялись жить в них, но потому что труднее соорудить; «в Фед[оровском] сгорело 19 дворов, суседи на них сжалились и помогли, нам не помогут; 5 дворов — не стоит». А я заупрямилась. На постройку деревянной избы моего гроша не будет. — Баста. Один из сгоревших дворов, мною же был поставлен год тому назад. — Посмотрим, авось сговоримся»[35].

Ее старший сын — князь С. Волконский, окончив Петербургский университет (1884), в качестве члена училищного совета инспектировал сельские школы Бо-

рисоглебского уезда, избирался уездным предводителем дворянства (1889-1890)[36]. «Сережа вернулся вчера из города, — сообщала Елизавета Григорьевна в письме мужу, — ты себе представить не можешь до чего он возмужал, и каким стал в своем деле деловым, чем нисколько не уменьшилась «мягкость» обихода. Он прелесть! Петю жду завтра. Благодаря частым дождям все свежо и пышно, травы отличны; о хлебах ничего не говорю. Так как о них перестала не только радоваться, но даже и отчаиваться заранее... Прости, если заговорю о саде; но уверяю, что хорошо; целые рощи белой акации в цвету, но в каком! Точно груды снегу и как благоухают!»[37].

Наряду с семейными новостями, княгиня часто сообщала мужу о хозяйственных делах в имении: ходе посевной, видах на урожай, контрактах, разговорах с управляющими и т.д. «Травы удивительные, — писала Елизавета Григорьевна, — давно мы ничего подобного не видали. Рожь во всем уезде хороша. Овес нигде не пересеяли...Если б ты знал. Какие у нас прелестные телята! 20 штук младшего возраста — просто игрушки!»[38]. «Кстати, о кон[ском] зав[оде], — заключала одно из писем княгиня — новый наездник ездит так, что это загляденье! Он искусник в своем деле. У него в приемах есть то, что делает человека артистом, того, что у меня нет в музыке, что редкими проблесками являлось в рисовании и потом исчезает и своим отсутствием толкает меня в негодование, отчаяние, зависть и пр. и пр.»[39].

Усадьба стала местом творческого уединения для Елизаветы Григорьевны. Комната матери в Павловке — «внизу угловая комната с единственным окном на двор, на запад; письменный стол наборного дерева, итальянский, складной стул такого типа, что во Флоренции называется «стул Савонароллы». Комната суровая, не «дамская»; по стенам виды Италии, фрески из церкви в Ассизи, двор дворца Барджелло. На столах книги — Данте, большой с застежками том Четьи-Минеи...»[40].

По источникам Елизавета Григорьевна изучала прошлое своего рода. «С начала поведенника нашего на ваших, Государи, службах сродников наших больше сорока человек убито и от ран померло»[41] — княгиня Елизавета копирует челобитную князей Волконских от 1688 года[42]. Выписки из архивных документов, до рода Волконских относящих-

Княгиня Е.Г. Волконская.

ся, справки из архивов, родословные таблицы, патенты на чины — Н.В. Репнина и С.Г. Волконского, письма готовивших для издания архивный материал — В. Руммеля, С. Пташицкого, С. Слуцкого и др.

Елизавета Григорьевна была женщина «очень обширных знаний, — рассказывал князь Э. Ухтомский, — интересовалась и естествознанием, и богословием, и философией, и литературой»[43]. Дав прекрасное образование детям, княгиня Елизавета Волконская «не сочла своего дела оконченным и с изумительной энергией стала служить тому, в чем признала окончательную цель жизни. Она (уже в зрелом возрасте) овладела латинским и греческими языками настолько, чтобы изучить церковную историю по источникам»[44] — с 1885 года собирала материалы для книги по истории церкви[45].

Марина Цветаева, переписывая воспоминания старшего сына княгини Е. Волконской («крупными, почти печатными буквами»), чуть отвлеклась: «Елизавете Григорьевне Волконской принадлежит один из самых трепетных женских возгласов, спор женщины и одинокого духа, где последнее слово остается — за последним. Она была в дружбе с Владимиром Соловьевым, и вот однажды с ее уст срывается: «Я люблю Соловьева больше, чем кого бы то ни было», и тут же, спохватившись: «То есть, конечно, я больше всех люблю вас, детей моих, но для приволья души моей..» Для того приволья, где уже ни мужа, ни сына, — только один друг: Дух»[46].

С Владимиром Соловьевым княгиню Е. Волконскую «соединяла многолетняя духовная дружба, — свидетельствует князь П.М. Волконский, сын Елизаветы Григорьевны, — начавшаяся с его первого появления в Петербурге, когда он в Соляном городке выступил со своими чтениями о «Богочеловечестве»[47].

Вл.Соловьев, высоко ценивший княгиню («русская женщина редкой силы ума и сердечной прямоты, вечно пламеневшая духом в искании высшей правды»)[48] часто бывал в ее петербургском доме. Сохранившаяся переписка[49] свидетельствует о том, что при написании своих трудов Елизавета Григорьевна пользовалась поддержкой и советами философа.

«Спасибо Вам, дорогая Княгиня, за скорую весть, — писал Вл.Соловьев, — спешу ответить на то, что пишете, а выписки из соборных актов пришлю на этих днях...Из сочинения Вашего пока, я думаю, нужно бы переписать только то, что написано карандашом, а все снова переписать для печати лишь после того как мы его с Вами внимательно пересмотрим: может быть придется сделать более или менее значительные перестановки, сокращения, дополнения, и тогда зачем же лишний раз переписывать.

Еще недоумение: если Вы напечатаете под Вашим именем, то этот шаг очень решительный, о котором нужно очень и очень подумать; а если без Вашего имени, то едва ли будет какая польза: припишут католику-конвертиту и сочтут себя избавленными от всякого ответа. Вы так добры ко мне, дорогая Княгиня, что я решаюсь высказать Вам прямо еще и следующее свое мнение: ни напечатать Вашего сочинения (под Вашим именем), ни передать его известной особе Вы не можете при теперешних условиях в России без согласия Вашего мужа и Вашей дочери.

Не распространяюсь далее, ибо надеюсь очень скоро говорить с Вами в Петербурге. Скажу Вам одно: теперь нет надобности повторять г-жу Свечину.

Берегите себя для более важной службы делу Божию и простите эту откровенность душевно преданному Вам Владимиру»[50].

В очередном письме (от 9 февраля 1887 г.) Вл.Соловьев сообщал княгине: «Посылаю Вам выписки из деяний Ефесского собора, тех мест, которые искажены в русском переводе. Есть такие искажения и в деяниях Халкидонского собора, но не помню, где именно...Впрочем, за всеми нашими священномошенничествами незачем гоняться, довольно немногих для образца»[51].

Закончив рукопись, княгиня через двоюродного брата генерал-адъютанта и обер-гофмаршала графа С.К. Бенкендорфа переправила ее для печатания за границу[52]...

Князь С.М. Волконский.

«Господь ходит выше всех земных преград, глубже всех раздельных граней и нудит души к восстановлению единства, воскрешая в них веру «во единую, святую, соборную и апостольскую Церковь» — фрагмент из книги «О Церкви. Исторический очерк», что была издана в 1888-м, в Берлине в типографии П. Станкевича. Без указания автора. Эпиграф — из приговора Седьмого Вселенского собора: «Горе душам тех, которые скрывают истину».

Книга сразу обратила на себя внимание официальных богословских сфер. Между тем, Елизавета Григорьевна, — свидетельствует ее старший сын, — «ничего не скрывала и от авторства не отказывалась». Обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев («самая опасная женщина в России» — его слова о княгине) назначил двух официальных оппонентов, профессора Н. Беляева и настоятеля петербургского Казанского собора протоиерея А. Лебедева, заявившего: «эту книгу писали пятнадцать иезуитов, а княгиня Волконская дала только свое имя».

«Практических последствий с точки зрения закона, — вспоминал князь Сергей, — все это не имело. Ее положение общественное ограждало ее...Но это лишь усугубляло нравственное страдание матери. Сознавать, что благодаря своему общественному положению она пользуется неприкосновенностью, в то время как тысячи безвестных бедняков страдают, — какое мученье в этом преимуществе!...Она начала большую работу в ответ на критику, которой была подвергнута ее книга. Этот труд был много значительнее первого, — плод семилетней работы»[53].

Наиболее плодотворно княгине работалось не в суетном Петербурге, а в Павловке, которую Елизавета Григорьевна любовно называла своим «Эльдора-

до». «Только там никто ей не мешал, никто ее не отрывал, — рассказывал князь Сергей Волконский, — только в Павловке имела она возможность разнообразить свой труд таким отдыхом, который был ей наиболее по сердцу: от «святителей» своих (так мы называли ее работу) она с садовыми ножницами и пилой шла к своим деревьям и кустам. И елки, и каштаны, и дубки, и белая акация, и бересклет были наперсниками ее дум; и часто, возвращаясь домой с охапками цветов, с пригоршнями семян, с карманами, набитыми желудями или червьими гнездами, которые сжигались на кухне, она приносила с собой новую мысль, проект новой главы или какую-нибудь блестящую полемическую искру»[54].

В 1896-м Елизавета Григорьевна вновь приехала в имение[55]... «Хорошо помню, когда она поставила последнюю точку, — рассказывал князь Сергей, — Мы сидели в Павловской библиотеке. Перед ней лежала рукопись. Вдруг рука отделилась от бумаги, она сказала: «Кончено». Большой вздох облегчения вырвался из груди. Было 14 сентября, день воздвижения Креста, 1896 года»[56].

В начале февраля 1897 года в Петербурге княгиня Елизавета Григорьевна заболела крупозным воспалением легких. «До последней минуты своей, — рассказывает князь Сергей, — она жила вопросами свободы веры; ее бред был полон турецких ужасов в Армении — в то время весь Ближний Восток был охвачен религиозными гонениями, и имя константинопольского квартала Буюкдере все возвращалось на уста умирающей. И еще возвращалось имя Торквемады — так звала она Победоносцев, виновника русских гонений. Мысль о книге не покидала ее, и в одну из минут сознания, перед самой смертью, она сказала моей сестре: «Просмотри примечания»[57].

Княгиня опочила в субботу, 15 февраля 1897 года, в шесть часов утра... «По первому предположению» мужа погребение должно было иметь место в Павловке», однако, рассказывает князь Сергей, «в ограде церковной, митрополит наотрез отказал. Тогда отец спросил, возможно ли похоронить в Фалле, объяснив, что это есть имение под Ревелем, что там маленькое семейное кладбище в лесу. Здесь препятствий не встретилось: окраина, в лесу, как будто за глазами — митрополит дал разрешение»[58].

Посадки в усадьбе не останавливались — «за последние тридцать лет мы перекинули лесонасаждения уже за пределы парка, — вспоминал Сергей Михайлович, в голой степи пошли рощи — и лиственные, и хвойные; переход от степи к парку стал постепенным».

В начале века князь С. Волконский, бывший директор Императорских театров (1899-1901) жил за границей — главным образом в Риме — с престарелым отцом. Заядлый театрал занялся разработкой вопросов актерской техники, сценического пространства, читал лекции, печатался в зарубежных и русских изданиях («Аполлон», «Ежегодник Императорских театров» и др.). Некоторые статьи были написаны в Павловке — «Историко-воспитательная роль ритма», «Ритм на сцене» и др.[59]

Творчество продолжалось и в минуты отдыха, в парке — в воспоминаниях мелькают любимые места князя — «Степкина вершина», «Кавказ»... Самый отдаленный угол парка — «Чумакова вершина» — это самая вершина одного из наших оврагов. Овраг в вершине рогатится надвое, со всех сторон мысы. Скло-

ны их я обсадил елями, а на главном мысу, разделяющем два главных оврага, я посадил большой сибирский кедр. Он могуч, он виден издалека, его зелень бархатна, он царствует посреди елок. Туда люблю я ходить, когда разум мой предвидит, а душа предпочитает не знать».

В гости к почетному мировому судье наведывались соседи, приезжали друзья...«Помню, когда приехал ко мне Модест Ильич Чайковский, — рассказывал князь С. Волконский, — он приехал ночью, — я вышел за околицу парка встретить его и, вместо того, чтобы везти его аллеей прямо к дому, свернул возле ворот влево, через так называемый «сергиевский парк», в овраг. Дном оврага выехали в лощину, мимо седых ветел, мимо блестевшего в луне пруда и — в аллеи: в одну, в другую, в третью, в дубовую, в кленовую, в березовую, в малую дубовую, в малую кленовую, в «новую»...Как архитектурность аллеи выигрывает, как она определенно вырисовывается под движущимся светом фонаря, который озаряет лиственный свод впереди и сейчас же отдает его мраку назад, из мрака вырывает и в мрак перебрасывает. Волшебство непередаваемо, и удивительность этого первого впечатления неповторима. Так Модест Ильич и остался в уверенности, что в час приезда своего он видел такие места, которых впоследствии не мог найти»[60].

Осенью 1911 года Сергей Михайлович писал в Павловке литературно-философские эссе, вошедшие в книгу «Разговоры» (СПб., «Аполлон», 1912). Разговор шестой — «Былое-Павловка» (14 октября) — посвящен тетушке Елене Сергеевне Рахмановой:

« — А это что?

— Это портрет моей бабушки, княгини Марии Николаевны Волконской, жены декабриста, — в Чите, у окна сидит, а в окно виден острог.

— Чья работа?

— Бестужева.

— Декабриста? Конечно, ведь он всех их писал.

— Ну да.

— А этот милый interieur?

— Это гостиная в Зимнем дворце, и за столом, в вольтеровском кресле, княгиня Волконская, мать декабриста. Она была обер-гофмейстерина.

— В то самое время, когда?..

– В то самое время...»[61]

Во флигеле дома князь С. Волконский решил устроить Музей декабристов. «Мой хлигель подвигается, — шутливо замечал он в письме (15 июля 1914 г.) к барону Н. Врангелю, — и дошел до самого интересного места, когда расставлять. Вчера пришло 48 ящиков. Верите ли, душечка, стою и смотрю, молотками стучат, клещами дергают, ящики ломают, соломы, соломы на дворе раскидали, а я стою и смотрю: бронза, фарфор, картины, ампир и все такое прочее, как в домах бывает. Ну и пошли расставлять, все к месту, одно к одному. Можно сказать, хорошо убралось, и не подумаешь, что устраивали, а точно никогда иначе и не было»[62].

Экскурсия по музею («сибирский коридор» флигеля) — в мемуарах внука декабриста: «тут воспоминания о декабристах: портреты, виды, документы, вещи,

Интерьер усадебного дома в Павловке.

бывшие в Сибири. Поучительно; все это говорит, рассказывает: Благодатский рудник, Чита, Петровский завод, Ангара, Амур, виды казематов, дед мой и бабушка в своей камере № 54. Повесть страдания и терпения, высоты и смирения...Все это собрано, развешано в коридорчике, освещенном сверху через солнечное слуховое окно. Все это свежо. Бело, только готические стеклянные двери просвечивают пестрыми пятнами средь этой белизны»[63].

С начала мировой войны князь проживал в усадьбе, периодически наезжая в уездный Борисоглебск, где в доме, ему принадлежавшим, организовал лазарет для раненых. Как, открыта была для раненых и усадьба. «Самая большая радость была, когда я некоторых из наших раненых привозил на побывку в Павловку, — рассказывал князь Сергей, –путешествие на автомобиле, прогулки по саду, чтение, чай на балконе...Сколько природного такта выказывали эти люди! Ни одного слова, ни одного действия, которые бы не соответствовали требованиям воспитанности. У меня тогда гостила вдова моего брата Григория, француженка, и я рад был видеть, какое впечатление производил русский человек на иностранку. Помню одного малоросса, контуженного в голову. Он говорил шепотом; его детские глаза раскрывались в радостном возвращении к жизни, но слух не возвращался; он с большим трудом понимал, когда с ним говорили. Он

был садовник; перед цветниками он останавливался как зачарованный. Раз сорвал цветок темного гелиотропа и, подавая товарищу, шепотом произнес: «Понюхай ты, у меня не пропущает». Он потерял обоняние так же, как и слух. Однажды проезжали мы с ним и еще другим в шарабане парком. Товарищ наклоняется к его уху и восклицает:

— Что бы нам с тобой такой бы парк!

– А ты в нем будешь раненых катать?

Это было совсем удивительное явление; его самая большая радость была поливать цветы»[64].

В Павловке внук декабриста узнал о февральской революции...

Осенние картинки — от графа М.П. Голенищева-Кутузова, приехавшего в Павловку к своей невесте княжне Елизавете, племяннице князя С.М. Волконского: «имение пребывало в глубоком упадке, но в какой-то мере старые традиции продолжали жить. По субботам, около полудня, крестьяне приходили к барскому дому делиться своими трудностями. Дядя Серж был добрым и отзывчивым человеком. Он выходил на балюстраду и склонялся к посетителям. Но что он мог для них сделать? Седые старики глубоко кланялись, а затем часто крестились. Дядя Серж обычно им говорил: «Дети мои, я делаю для вас все, что могу, но, пожалуйста, не креститесь не меня — я не Иисус Христос!» Молодое поколение с самокрутками в зубах молчало. Это был их способ заявить о грядущем будущем»[65].

Между тем, работа в парке, где подстригались деревья и кусты, продолжались. Однако, рассказывал Сергей Михайлович, «расшатывание чувства собственности шло с поразительной быстротой. «Это все будет наше», — говорили мне некоторые крестьяне, сельские говоруны. Мальчишки в саду попадались с пучками ветвей красной смородины:

— Зачем вы обломали?

— Все равно наше будет.

— Я знаю, что ваше; да зачем же вы ваше да ломаете?

И удивляло меня всегда, почему они говорят: «будет наше», почему не говорят: «это наше»? Потребовалось некоторое время, чтобы они поняли, что это легче, чем им кажется, проще, чем им рисовали эсеры. Эсеры им говорили: «Подождите, мы дадим, будет ваше». Пришли большевики и сказали: «Чего вы, дурни, ждете, — берите». Могло бы и не быть большевиков, а большевизм все равно был бы»[66]...

В сентябре 1917 года, после опубликования Тамбовским Советом «Распоряжения №3», согласно которому все помещичьи хозяйства передавались в распоряжение местных Советов, — вместе с землей на учет бралось (фактически конфисковывалось) все хозяйственное имущество[67] — владелец Павловки вынужден был покинуть имение. «Прощания настоящего не было, — рассказывал князь С. Волконский, — к чему дальние проводы? Одно, впрочем, было прощание тягостное: когда я спускался по ступеням моей итальянской залы в нижнюю часть, туда, где по полкам стояла моя библиотека, каюсь, у меня дрожали колена. Обходил книги и прощался. Тут была вся богословская библиотека моей матери, была моя библиотека по театральному воспитанию, думаю, единственная

в России...На каждой3 книге надпись: где, когда приобретена...Подходил, просматривал, клал на место»[68]

Князь С.Волконский перебрался в свой борисоглебский дом, куда был перевезен фамильный архив. В апреле 1918 года в библиотеке Народного дома он устроил «Выставку декабристов». В каталоге (182 экспоната), составленном князем, значились и владельцы Павловки: «№ 116. Племянница декабриста, впоследствии его «сноха» (бюст работы итальянского скульптора Тэнэрани)... № 140. Кн. Михаил Сергеевич Волконский, сын декабриста, по Высочайшему повелению, назначенный везти в Сибирь манифест об освобождении декабристов (август 1856)»[69].

В начале мая внук декабриста, опасаясь ареста со стороны преемников «первых борцов за свободу», покинул уездный город. Не довелось ему побывать и в усадьбе, разгромленной в годы гражданской войны[70].

Впрочем, «Павловки» он не забывал, посвятив любимой усадьбе страницы своих мемуаров, которые князь писал в Москве. Переписывала воспоминания Марина Цветаева. Она же — в январе 1923 года, в Праге — заметила: «У Волконского от Павловки осталась душа без тела (суть), у погромщиков — тело без души (труп). И, если кого-нибудь жалеть, то, конечно, не князя!»

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цветаева М.И. Кедр. Апология. О книге кн. С.Волконского «Родина» // Волконский С.М., кн. Мои воспоминания. В 2-х т. Т. 1. М., 1992. С. 13. Позднее, в 30-е годы, М. Цветаева рассказывала в письме к Ю.П. Иваску: «Подружились с ним в Москве 1921 г. Я тогда переписывала ему начисто — из чистейшего восторга и благодарности — его рукописи, — трех его больших книг и вот таким почерком, и ни строки своей не писала — не было времени — и вдруг прорвалась «Учеником»: Ремеслом. Достаньте «Быт и бытие» кн.С.Волконского, там есть большое, вводящее посвящение мне. Тогда поймете нашу дружбу — и «Ученика» — и все» (Цит. по: Волконский С.М., кн. Мои воспоминания. Т. 2. М., 1992. С. 358).
В помянутом посвящении князь С. Волконский, между прочим, писал: «А помните наши вечера, наш гадкий, но милый на керосинке «кофе»; наши чтения, наши писания, беседы? Вы читали мне стихи из Ваших будущих сборников. Вы переписывали мои «Странствия» и «Лавры»... Как много было силы в нашей неподатливости, как много в непреклонности награды! Вот это было наше бытие. Вы не забыли, как Вы жили? В Борисоглебском переулке. Ведь нужно же было, чтобы «Ваш» переулок носил имя «моего» уездного города!» (Волконский С.М., кн. Быт и бытие. Из прошлого, настоящего, вечного. Берлин, 1924. С. XII).
2. Волконский С.М., кн. Мои воспоминания. Т. 2. С. 177.
3. Сенатский архив. Именные указы императора Павла I. СПб., 1888. С. 70.
4. Там же. С. 505.
5. В начале XIX столетия вновь устроенные деревни служили местом ссылки неблагонадежных крестьян из других имений графа Г. Кушелева (Крестьянское движение в России в 1870-1880 гг. Сборник документов. М., 1968. С. 252).
6. Подробности о пребывании Григория в Павловском адмирал узнал, приехав в

тамбовскую экономию. «Я слышу, что ты в бытность в Павловске, — читаем в его письме к Григорию, –разливал шампанское по бородам крестьян. Тому подобной был некто Корсаков, сосед по Краснопольцу, которой также кучеров поил шампанским, а после по чужим углам скитался, не имел и <т>арелки» (Письма графа Г.Г.Кушелева к сыну Александру (1812-1826). Чернигов, [1900]. С. 31; письмо от 3 марта 1822 года). Далее — Письма.

7. Письма. С. 31.

8. Справочная книжка по Тамбовской епархии на 1876 г. Тамбов, 1876. С. 158.

9. Письма. С. 62.

10. Письма. С. 68 (письмо от 19 марта 1826 г.).

11. Письма. С. 67 (письмо от 19 марта 1826 г.).

12. Письма. С. 60-61 (письмо от 4 января 1826 г.). Дочь графа Г. Кушелева от первого брака — Александра было замужем за князем Алексеем Александровичем Лобановым-Ростовским. В качестве приданного получила имение Хворостьево, а кроме того отец «по просьбе сыновей» отделил ей Грибановку (500 душ), мельницу и часть леса.

13. Письма.. С. 70.

14. Сын Отечества. 1838. Т. 4. С. 167, 168, 171. В конце 1840-х годов крупнейшие овчарни Тамбовской губернии были у Петрово-Соловово (10 тыс. голов), Кушелева-Безбородко (2318), Местра (4300), Маслова (2228) и др. Тонкая шерсть отправлялась главным образом в Москву, простая перерабатывалась на местных суконных фабриках (Ковальченко И.Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века (К истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства). М., 1959. С. 89).

15. В 50-е годы арендатором заводов был купец Алексей Хренников, который купил у графа часть Теллерманского леса (Козлов Хр. О постепенном развитии торговли земледельческими и скотоводческими произведениями в г.Борисоглебске и уезде его (Тамбовской губернии) // Вестник промышленности. 1858. № 4. С. 29).

16. Черменский П.Н. Прошлое Тамбовского края. Тамбов, 1961. С. 77.

17. Дюма А. Путевые впечатления в России. Т. 1. М., 1993. С. 79. Писатель не единожды общался с графом — «молодым человеком лет двадцати пяти или двадцати шести, тонкого, с бледным лицом и странно блестящими глазами, которые, будучи устремлены на кого-нибудь, завораживали, как глаза Манфреда или лорда Рутвена» (Там же. С. 52-53).

18. «Больно было видеть, — писал Д. Григорович, — как беспутно разматывалось огромное состояние доставшееся ему в наследство» (Григорович Д. Литературные воспоминания. М., 1987. С. 142-143).

19. РГАДА. Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 390. Л. 55.

20. Граф Г.А. Кушелев-Безбородко был сыном кузины князя М.С. Волконского. Известно, что княгиня М.Н. Волконская, узнав о предстоящей свадьбе своей племянницы — княжны Александры Николаевны Репниной-Волконской, просила в одном из сибирских писем свою мать подарить невесте оставленный дома браслет, который был ей ранее подарен князем С.Г.Волконским (Волконский С.М., кн. Воспоминания: О декабристах. Разговоры. М., 1994. С. 49).

21. Список населенных мест Тамбовской губернии по сведениям 1862 года. СПб., 1866. С. 35.

22. Волконский С.М., кн. Воспоминания. С. 88.

23. Новое Время. № 1794. 25 февраля 1881. В конце 70-х годов недовольство павловских крестьян своим малоземельем, наряду с распространившимися слухами о «второй воле», явилось причиной волнений в имении Волконских. Об этом подробнее см.: Крестьянское движение в России в 1870-1880 гг. С. 245-261.
24. Князь Александр родился 25 апреля 1866 года. Его крестным отцом был император Александр II, незадолго до того чудесным образом спасшийся во время покушения Д.Каракозова.
25. Волконский С.М., кн. Мои воспоминания. Т. 2. С. 28-29. Память о прежних владельцах сохранилась в названиях — «кушелевские степи», «графский пруд», «графская аллея».
26. Волконский С.М., кн. Мои воспоминания. Т. 1. С. 21, 28.
27. В 1871 году борисоглебское земство довело железную дорогу до Царицына. Подробнее см.: Описание Грязе-Царицынской железной дороги Борисоглебского земства. СПб., 1880.
28. Чичерин Б.Н. Воспоминания. Т. 4. М., 1934. С. 47. «Кличка его грязный Волконский, — записал в дневнике А. Половцов, — потому что он не совсем чисто нажил деньги по Грязе-Царицынской железной дороге, где обманул земство, от которого имел поручение добыть концессию» (Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т. 2. М., 1966. С. 225).
29. Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX — начала XX в. Землевладение, землепользование, система хозяйства. М., 1971. С. 66.
30. ОР РГБ. Ф. 56. Картон 4. Ед. хр. 3. Л. 22об-23.
31. Волконский С.М., кн. Мои воспоминания. Т. 2. С. 31.
32. Волконский С.М., кн. Усадьба // Источник. 2002. № 3. С. 27.
33. Тамбовские епархиальные новости. 1888. № 3. С. 164.
34. ОР РГБ. Ф. 56. Картон 4. Ед. хр. 14. Л. 16об.-17. Спустя две недели княгиня сообщала: «у нас были экзамены; 6 мальчиков с аттестатом. Отвечали прелестно. Священник в восторге» (Там же. Л. 32об.).
35. ОР РГБ. Ф. 56. Картон 4. Ед. хр. 14. Л. 5об.-6 (письмо от 6 мая 1889 г.).
36. Нарцов А.Н. Материалы для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Выпуск 47. Тамбов, 1904. С. 455.
37. ОР РГБ. Ф. 56. Картон 4. Ед. хр. 7. Л. 20-21 (письмо от 1 июня 1887 г.).
38. ОР РГБ. Ф. 56. Картон 4. Ед. хр. 7. Л. 40об.-41 (письмо от 23 июня 1887 г.).
39. ОР РГБ. Ф. 56. Картон 4. Ед. хр. 4. Л. 32-32об (письмо от 7 октября 1882 г.).
40. Волконский С.М., кн. Мои воспоминания. Т. 2. С. 122.
41. Род князей Волконских. Материалы собранные и обработанные княгинею Е.Г. Волконской. СПб., 1900. Эпиграф.
42. «Обидно мне, — писала Елизавета Григорьевна из Павловки мужу, — что ты приписываешь красноту глаза предкам; значит ты даже не обратил внимание на то, что я тебе писала, что я их кончила. С половины июля они у меня покоятся в ящике под ключом как Илиада у Алек. Македонского. Приключение же с глазом было в ав[густе]» (ОР РГБ. Ф. 56. Картон 4. Ед. хр. 4. Л. 1об.-2).
43. Материалы к биографии Вл.Соловьева (Из архива С.М.Лукьянова) // Россий-

ский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.). Выпуск II-III. М., 1992. С. 396.

44. Русь. 1897. 18 февраля.

45. Княгиня Е.Г.Волконская — одна из наиболее известных русских католиков (1887). Автор двух анонимных сочинений: «О Церкви. Исторический очерк». Берлин, 1888; «Церковное предание и русская богословская литература: Критическое сопоставление (по поводу критики на книгу «О церкви»)». Фрейбург, 1898.

46. Цветаева М.И. Кедр. Апология. О книге кн. С. Волконского «Родина». С. 24.

47. Волконский П.М., кн. Краткий очерк организации Русской католической церкви в России // Символ. 1997. № 38. С. 149. В 1877-1881 гг. Вл.Соловьев прочитал в Петербурге 12 публичных лекций, опубликованных в «Православном обозрении» под названием «Чтения о богочеловечестве».

48. Русь. 1897. 18 февраля.

49. Публикация писем (записок, телеграмм) Владимира Соловьева к княгине Е. Волконской, осуществленная в XI томе брюссельского собрания сочинений Вл.Соловьева, содержит более 30 корреспонденций. Известно, что княгиня Е. Волконская финансировала печатание за границей сочинения Вл.Соловьева «История и будущность теократии».

50. Соловьев Вл. С. Собр. соч. Т. 11. Брюссель, 1969. С. 448-449.

51. Соловьев Вл.С. Собр. соч. Т. 11. С. 429.

52. Материалы к биографии Вл.Соловьева. С. 396.

53. Волконский С.М., кн. Мои воспоминания. Т. 2. С. 120-121.

54. Волконский С.М., кн. Мои воспоминания. Т. 2. С. 121.

55. В 1896 году по Именному Высочайшему указу село Павловка вместе с другими имениями Борисоглебского уезда, принадлежавшими княгине Е.Г. Волконской, было обращено в заповедное (Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб., 1896. № 45. С. 1719-1720).

56. Волконский С.М., кн. Мои воспоминания. Т. 2. С. 123.

57. Волконский С.М., кн. Мои воспоминания. Т. 2. С. 123.

58. Волконский С.М., кн. Мои воспоминания. Т. 2. С. 126.

59. См.: Волконский С.М., кн. Художественные отклики. СПб., 1912. Прибавим, что в Павловке летом 1895 года князь С.Волконский написал курс лекций по русской истории и русской литературе, которые прочел в бостонском Лоуэльском университете (1896).

60. Волконский С.М., кн. Мои воспоминания. Т. 2. С. 29-30.

61. Волконский С.М., кн. Воспоминания. С. 173.

62. ОР ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 60. Ед. хр. 6787. Л. 74. Позже князь С.М. Волконский по совету своего друга барона Н.Н. Врангеля пригласил Б.Л. Модзалевского к совместной работе по подготовке многотомного издания архива деда-декабриста, первый (и единственный) том которого вышел в свет летом 1918 года — Архив декабриста С.Г.Волконского. Под ред. кн. С.М. Волконского и Б.Л. Модзалевского. Т. 1. До Сибири. Ч. 1. Пг., 1918.

63. Волконский С.М., кн. Мои воспоминания. Т. 2. С. 34.

64. Волконский С.М., кн. Мои воспоминания. Т. 2. С. 226-227.

65. Голенищев-Кутузов М.П., гр. История моей жизни (отрывки из воспоминаний) /

/ Новая юность. 1997. № 4. С. 179.

66. Волконский С.М., кн. Мои воспоминания. Т. 2. С. 242.

67. Данилов В.П. Крестьянская революция в России. 1902-1922 гг. // Крестьяне и власть. Материалы конференции. Москва-Тамбов, 1996. С. 16.

68. Волконский С.М., кн. Мои воспоминания. Т. 2. С. 247-248. «Не забуду этих особняков в Москве, куда свозились «потроха» усадебных библиотек, — писал Сергей Михайлович в эмиграции, — этих свальных ям, куда сваливались уцелевшие остатки усадебных пепелищ...Холодные, продрогшие, в окоченевших пальцах едва держащие карандаши, почтенные седые женщины разбирали, записывали, нумеровали то, что было пищею их детства, наследием отцов и дедов» (Волконский С.М., кн. Усадьба // Источник. 2002. № 3. С. 28).

69. Выставка декабристов, первых борцов за свободу. Каталог. Борисоглебск, 1918. С. 16, 17.

70. По свидетельству Е. Кончина, «антоновцы ворвались в Павловку, где в то время разместился дом отдыха для крестьян, и подвергли его разгрому» (Кончин Е. Судьба одной коллекции // Книжные сокровища мира. Выпуск 1. Из фондов Государственной библиотеки СССР имени В.И.Ленина. М., 1989. С. 141).

И.Ю. Соснер

ТУЛЬСКОЕ ИМЕНИЕ КНЯЗЕЙ ЛЬВОВЫХ

Древности села Болота

В Тульском крае, среди недалеких селений под городом Белевом, стоит древнее село Болото, история которого началась намного ранее первого письменного упоминания о нем. Последовательность названий при развитии поселения на Руси была нередко такова: усадище-починок-деревня-сельцо и, наконец, село, после постройки в нем церкви. Рост жилья требовал времени и многих усилий по освоению края, приросту пашни и населения. Можно предположить, что ранее земли уезда и, в том числе, Болотской волости отец Ивана Грозного или он сам раздавал земли рубежа Руси воинам — мелким помещикам, населенным там с целью охраны Белевской Засеки от врагов из Литвы и Крыма. Здесь же, в непроходимых лесах окрест села Болота, по преданию, остановился беглый хан Улу-Мухаммед со своим войском зимой 1437-1438 годов. Большое русское войско, пришедшее из Москвы и пытавшееся в лоб атаковать ледяную татарскую крепость, было разгромлено, а местный стан с тех пор прозвали Погорельским, очевидно из-за пожаров, случившихся тогда. Первые упоминания о самом селе Болоте и его помещиках мы находим в дозорной книге в переписи Афанасия Михайловича Толочанова и подьячего Добрыни Русанова 1616 года, у которых в Погорельском стану: «в поместье за Степаном Федоровичем Стрешневым половина села Болота, а на его половину двор помещиков да двор людской да 7 дворов крестьянских живущих, людей в них 8 человек, да 5 дворов пустых... а всего пашни паханой и перелогом и лесом поросло 100 четвертей... сена в разных полянах в оброчном лесу 20 копен... а с того оброчного лесу з бортных угодий из земли Степановы крестьянин платит медом, а в сошное письмо положено для рядового дела».

Болотские земли, как и весь край в целом, сильно пострадали в Смутные времена – через него неоднократно проходили многочисленные неприятельские отряды. В списке с писцовых межевых книг письма и меры Василия Ознобишина да подьячего Андрея Галкина 1628-1630 годов написано: «а что с того оброчного лесу платили оброчного меду в Государеву казну, в приказ Большого дворца, и по Государеву... царя Михаила Федоровича указу... тот оброчный мед с них для пустоты сложен, потому что в селе Болоте бортников нет, а что преж сего исстари в том лесу ходили бортники имяны, и каковы у них были бортные знамена, и про то окольные люди подлинно не ведают, потому что бортники побиты и померли давно, а в том лесу бортного дельного деревья с пчелами, и безо пчел, и дубов холосцов, которой бы в дело пригодился нет, в смутное время пожжены и отвысечены и от воинских людей...». Там же имелось описание болотского имения: «в поместье ж за вдовою за княги-

План имения 1778 года.

нею Ириною князь Ивановскою женою Засекина, полсела Болота, без жеребья, на речке Холхове, а другая половина того села с жеребьем в вотчине и в поместье за недорослем за Олексеем Дмитриевым сыном Радцовым, а в селе на государевой земле церковь Великого Чудотворца Николы... а в церкве образы, и свечи, и книги, и ризы, и колокола и все церковное строение мирское приходных людей... да в селе двор помещиков да людских дворов... пашни паханые... 150 четвертей земля добра... а писано за Степаном (Стрешневым) то поместье по Государевой ввозной грамоте 1626 г. за приписью дьяка Неупокоя Кокошкина. А что за недорослем за Алексеем Дмитриевым сыном Радцова отца его поместье, жеребей села Болота... 2 двора крестьянских, да двор бобыльской, людей в них тож пашни паханой... 80 четь. Да за ним же отца его вотчина, что отцу его дана с оклада...120 четь жеребей села Болота... а на его жеребье двор вотчинников да крестьянский да бобыльский 4 двора... и то все жаловано по Государеве грамоте 1618 г. за приписью дьяка Герасима Мартемьянова. И во 1631 г. Алексей Радцов тое свое вотчины в Белевском уезде в Погорельском стану, жеребей села Болота пашни 60 четь дал в приданые за сестрою своею Анною зятю своему Патрекею Иванову сыну Софонову, а другую половину тое вотчины 60 четь продал в 1635 г. Ивану Захарьеву сыну Сваязеву... а Иван да Патрекей те свои вотчины пашни 120 чети Иван во 1637 г. а Патрекей во 1638 г. продали Степану Стрешневу со всеми угодьи. И в том же году Степаново поместье полсела Болота 150 чети продано ему Степану в вотчину. И в том же году Степановы вотчины 3 жеребья села Болота 270 четь дано жене его вдове Ирине и на ту вотчину дана ей вдове Ирине отказная грамота во 1638 г. генваря в 16 день. А во 1647 г. марта в 13 день Егорьевского девича монастыря старица Ираида Степановская посестрия Стрешнева тое купленую вотчину побратима своего Степана и свою в селе Болоте 270 чети поступилась дочери своей стольника князь Ивановской жене княж Петрова сына Львова вдове княгине Ирине з дочерьми ее с княжною Дарьею да княжною Мариною и ся дача по вотчинной записке 1648 г. записана в 4 столп».

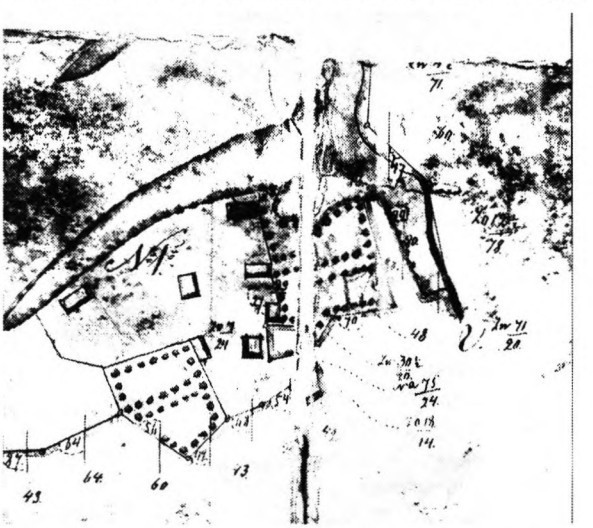
Так за сравнительно небольшой промежуток времени (в 30 лет) разрозненные белевские земли местных мелко земельных помещиков и вотчинников вкруг села

Болота постепенно собрались в руках представителя рода Стрешневых, а от него в 1647 году с приданым перешли к князьям Львовым, где и находились по 1924 год, передаваясь в наследие от отца сыну почти триста лет.

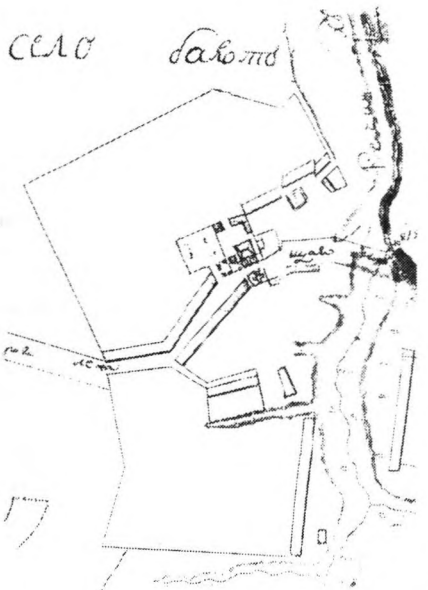
Князья Львовы – владельцы села Болота

Князья Львовы — старинный русский княжеский род, ветвь князей Ярославских, чьи предки прежде владели Киевом и Смоленском, что и отражено на их гербе. Измельчав землями, они только в царствование первых Романовых вышли на арену столичной жизни, до того служив при Иване Грозном местными дворянами по Галичу, и по городам. В лице своего талантливого представителя князя Алексея Михайловича Львова, молодого администратора, быстро ставшего бояриным и дворецким, служившего управителем приказа Большого Дворца, ведавшего доходами и расходами царских дворцовых волостей по всей России. Четыре раза женатый, но не имевший детей, знавший несколько языков, любимец царей Михаила Федоровича и его сына Алексея Михайловича «Тишайшего», князь Алексей Львов помогал в жизни всем своим племянникам: родным, двоюродным, и троюродным, продвигая их по службе и раздавая им свои земли. Один из его родных племянников — князь Иван Петрович Львов (ск. 1642 г.) женился на Ирине Степановне Стрешневой, за которой получил в приданое село Болото с окрестными землями. В Белевских переписных книгах Василия Безобразова да подьячего Савина Посникова 1678 года в вотчинах написано: «за вдовою княгинею Ириною (Львовой) в села Болоте двор вотчинников, крестьянских и бобыльских 32 двора, людей в них 146 человек...». Это были довольно лихие люди. В документах нами найдено воеводское челобитье о своеволье болотских крестьян в 1661 году: «вотчины князь Ивановской жены Львова княгини Орины села Болотного люди и крестьяне многих солдат били, и головы проломали и пере грабили, и подвод под казну не дали...».

Как же могло выглядеть тогда это место? Попробуем реконструировать. Среди невысоких окрестных холмов в низине напротив храма стояла рубленая из местного дуба усадьба Львовых, окруженная крепким палисадом. Вотчинников двор заполняли небольшие деревянные хозяйственные и жилые постройки, а в центре стояли рубленые хоромы с резным крылечком. Поблизости от них теснились людские



План имения в начале XIX века.



План имения середины XIX века.

избы и челядинный двор. Вокруг располагались поварня, погреба, жатные клети, конюшня, скотный двор, сенники, крытые соломой. Обычной принадлежностью дворянской усадьбы этих мест были сады с яблонями и вишнями, пруды с рыбой. На холмах рассыпаны домики окрестных крестьян и огороды. Пашни и сенокосы перемежались большими рощами дубов и берез, переходящих в белевский заповедный лес, наполненный эндемиками, неизвестными современной науке. Он до сих пор хранит в себе тайны непроходимых тульских засек, сооруженных против набегов татар.

Марта 16 дня 1682 года вдова княгиня Ирина свою вотчину 3 жеребья села Болота пашни 270 четь продала внуку своему (мужу внучки — княжны Аграфены Татевой) стольнику князь Ивану княж Никитину сыну Урусову в вотчину со всеми угодьи. «И в 1703 г. марта в 23 день та купленная вотчина дана жене его вдове княгине Огрофене Степановне в вотчину. И в 1706 г. марта в 6 день вдовы княгини Огрофены вышеписанная вотчина в Белевском уезде в Погорельском стану 3 жеребья в селе Болоте 270 четь... по ее поступке и по заручной челобитной и по допросу справлена за дядею ее князь Яковом княж Степановым сыном Львовым в вотчину со всеми угодьи и та вотчина ему отказана в 1707 г. апреля 26 дня». Так из одной ветви рода Львовых белевские земли перешли к другой. Отец Якова — князь Степан Федорович, заседавший в Думе, имел чин окольничего, а известен нам в отечественной истории как человек, подписавший Соборное уложение об уничтожении случаев «местничества» в среде дворянства. Сам же князь Яков Львов прослужил в чине стольника 47 лет, многократно находился в военных походах; при Петре I был обер-комендантом в Нижнем Новгороде (ск. 1722 г.). По разделу между тремя его сыновьями белевская вотчина — село Болото досталось младшему — подпоручику Ингерманландского пехотного полка Никите Яковлевичу. Во время Северной войны 1716 года с ним приключилась одна история: служа подпоручиком Выборгского пехотного полка, он был отпущен из Финляндии, где квартировал полк, генералом князем М.М. Голицыным в отпуск. К сроку прибытия Львов не вернулся, а возвратился в полк только спустя 5 лет. Конечно, такой проступок князю даром с рук не сошел, и, подпоручик был разжалован в солдаты. Много позже офицерский чин был возвращен, и он был зачислен в чине подпоручика в Ингерманландский пехотный полк. Никита Яковлевич в 1722 году женился на Аксинье Петровне — родной племяннице капитана Романа Александровича Траханиотова, одного из комендантов сибирских городов, отданных императором Петром I за взятки под суд в том же году. Князь Львов скончался в мае 1731 году, будучи отцом двоих малолетних сы-

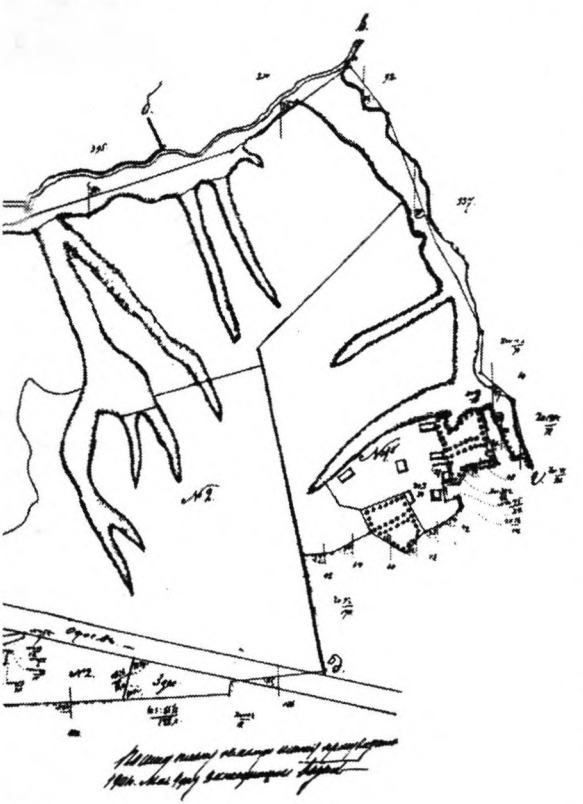
Вид дома князей Д.Н. Львова.

новей Якова и Николая. Его вдова — княгиня Аксинья Петровна 8 января 1735 года повторно вышла замуж за Ивана Григорьевича Батурина.

Белевские сослуживцы А.В. Суворова

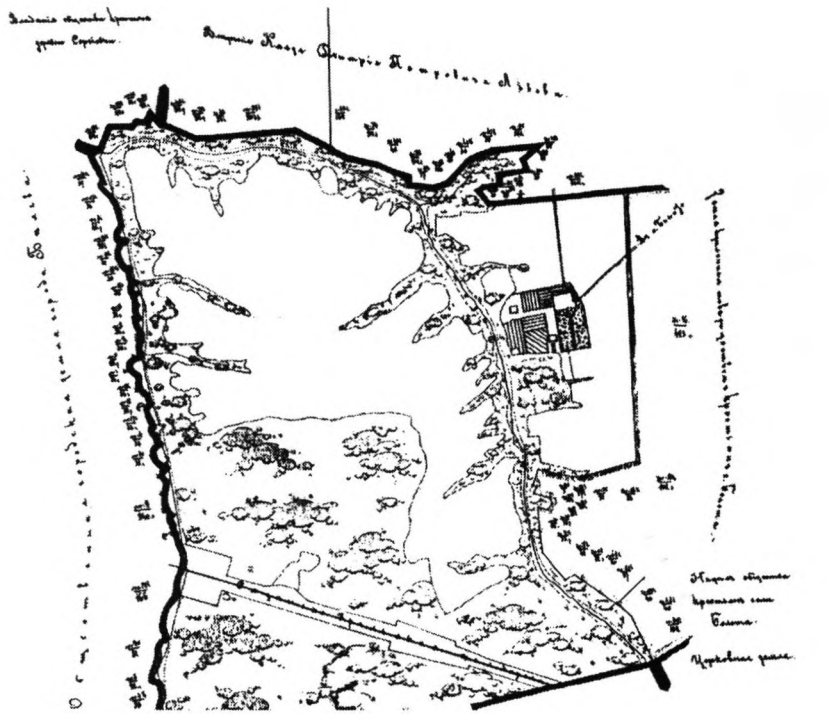
О размежевании окрестных земель вопрос между местными белевскими помещиками поднимался не один раз, и в августе 1746 года болотский приказчик Лазарь Гаврилов сын Русанов да староста Василий Тимофеев перед приехавшими межевщиками о львовских лесных угодьях с писцовых книг представили копии: «а господа их обретаются в Санкт-Петербурге в Лейб-Гвардии Семеновском полку в солдатах...». В 1737 году на первом своем смотре дворянских недорослей-новиков братья Львовы явились вместе с матерью в Московскую губернскую канцелярию, где объявили себя помещиками в Белевском, Ярославском, Пошехонском и Московском уездах — губерний в России тогда еще не существовало. А 9 марта 1744 года для старшего брата началась нелегкая солдатская наука, и проходил ее молодой князь Яков Никитич Львов в 8-й роте лейб-гвардии Семеновского полка. В той же роте с 1742 года проходил службу Александр Васильевич Суворов, записанный в полк своим отцом... Вскоре подоспела пора служить Царю и Отечеству младшему из Львовых — князю Николаю Никитичу. В 1746 году он подал прошение в полковую канцелярию на имя Императрицы Елизаветы Петровны о написании его в солдаты в полк к старшему брату Якову. На опросе показал: «от роду 16-ти лет, а отец его из природы российского дворянства и имеет поместья в разных уездах совместно с братом 777 душ крестьян, а жительство сам имеет в Белевском уезде в селе Болоте...». Вскоре князь Николай Львов был определен в солдаты, и с 1747 года началась его воинская служба.

Рассказы о героических подвигах солдат Петра I под Полтавой, об отваге русских офицеров возбуждали в юношах желание посвятить себя военной службе. Позднее, вспоминая свои молодые годы, Суворов писал: «научись повиноваться, прежде чем будешь повелевать другими». Служба в нижних чинах, закаляла волю, приучала к тяготам будущей офицерской жизни: именно там началась стремительная военная карьера гениального полководца. Его сослуживцы — братья Львовы продолжали военную службу в 8-й роте л.-гв. Семеновского полка. Юный Николай, видимо не отличившийся особым рвением и успехами в воинской науке, служил рядовым в своей мушкетерской роте. По смерти брата Якова, белевское имение в январе 1758 г. было отказано прапорщику князь Николаю Никитичу Львову. Вот как об этом было написано: «в селе Болоте 270 да в деревне Будолдиной 44 четверти итого 314 чети в поле, а вдву потомуж... и всего отказано людей и крестьян 656 душ». Позднее, Львов получил чин капрала, в 1754 году был выпущен из гвардии «в армейские полки в обер-офицеры». Повзрослев, он женился на Елизавете, дочери майора Артемия Алексеевича Обухова, скончавшейся очень рано — в 1757 году. За нею в приданое он получил калужское имение в селе Маклаки, имевшее свою давнюю и интересную историю... 9 июня 1759 года Николаю Никитичу был выдан паспорт об отставке с чином подпоручика «вовсе от военной службы». Видимо с этого времени князь окончательно поселяется в своем тульском имении. Он не составил такой значимой военной карьеры, как его блестящий сослуживец Суворов. Имя князя Львова упоминается теперь только в хозяйственных документах о приобретении и продаже различных земель. В 1770-1780-х годах князь Николай активно покупает и продает окрестную белевскую землю в жеребьях деревень — Кленове, Красных Колках, Будолдиной, и иных.



Фрагмент плана имения князя Д.П. Львова.

Как рачительный хозяин он занимался своими поместьями и семьей — растил хлеб и нескольких сыновей.



Фрагмент плана имения князя С.П. Львова.

И то и другое требовалось Отечеству. Наиболее известен князь Львов как строитель Никольского храма в своем родовом имении — селе Болоте, где позднее жила часть его потомков. Местный храм «деревянный клецки» знаком по документам начала XVII века. По документам конца XIX века вновь отстроенный Львовым храм был особенно красив: «Церковь зданием каменная, четырехугольная, с таковою же колокольней, имеющие окна в три яруса. Купола, как на настоящей, так и на колокольне осьмигранные. Покрыта вся листовым железом, а крыша окрашена зеленою масляною краскою. Входная лестница на колокольню изнутри церкви каменная, а во втором и третьем ярусах деревянная. Колоколов на ней шесть... Престолов в означенной церкви два, оба холодные. В настоящей во имя святителя и чудотворца Николая, а в приделе — во имя преподобного Сергия Радонежского чудотворца. Полы в настоящей — алтаре ея, приделе и трапезе из белого каменного плитника... двери в настоящей церкви боковые — северные и южные, а также и входные с паперти в трапезу все деревянные дощатые простой столярной работы... На церкви и колокольне кресты деревянные, обиты белою листовою жестью. Шпиль на колокольне также деревянный обитый жестью и покрыт зеленою краскою. Построена означенная церковь 1784 г. тщанием умершего помещика князя Николая Никитина Львова».

Из истории имения в XIX веке

В 1849 года июня в 28 день в Сердобском уездном суде состоялся полюбовный раздел между сыновьями покойного бригадира князя Сергея Никитича Львова, по которому наследство их состоящее «в селе Болотове 393 души, сельце Красноколье 131 души, в сельце Подгоренках 452 души и в деревни Елани 279 души, а всего 1255 ревизских души, а так же доставшиеся им святые иконы и денежную сумму собранную опекунами с 1807 по 1849 гг. которой в наличии оказалось 52 702 руб. 20 коп серебром разделили меж себя они на 3 равных части». Одному из братьев — князю Петру и досталось имение «в Тульской губернии Белевского уезда село Болотово с мельницами, господским каменным домом и принадлежащим к нему строениями... кроме Боевского леса, смежного с землей его, который достался на часть брата Василия и который тот должен был срубить и продать в течение 10 лет...» Так из этого документа мы впервые узнаем о наличии в имении каменного господского дома!

У князя Петра Сергеевича, кроме двух дочерей, были сыновья Сергей и Дмитрий, которые по акту, составленному в декабре 1872 г. разделили отцовские земли в селе Болоте, причем старшему досталось 680 дес., а младшему 650 дес. Так (под городом Белевом) позднее возникли ново поселенные деревни на землях помещиков Львовых, по их именам — Сергиевка и Дмитриевка. Для своих нужд помещики из местного сырья основали кирпичный завод, правда (за нерентабельностью?) позднее заброшенного. Окончившие в 1863 году 1-й Московский кадетский корпус и вышедшие в небольших чинах в отставку братья Львовы всецело отдали себя хозяйству. У них росли семьи, рождались дети, приходилось думать о своем и их будущем. Были Львовы небогаты, а для получения денег на развитие хозяйства дворянам существовал один путь в Государственный земельный банк — под залог имения, где нами найдены эти любопытные материалы, а все цифры и цены приведены на конец XIX — начало XX века.

Младший брат — предводитель дворянства Белевского уезда князь Дмитрий Сергеевич после раздела жил в старой дедовой усадьбе, состоящей из двухэтажного дома, а после пожара (нач. XX в.) – уже одноэтажного. Дом стоял через дорогу напротив храма, в окружении двух садов: старого и нового, множества хозяйственных построек сложенных из красного кирпича местного производства. Два ряда крестьянских домиков кирпичной же постройки тех лет, вдоль белокаменной дороги (из Одоева в Белев) провожали путника до усадьбы, которая называлась очень поэтически — «Забвение». Земли его племянников — наследников старшего брата, отставного штаб-ротмистра князя Сергея Петровича, лежали напротив. Это безымянное владение получило от местных жителей название «экономия» или хутор. Будучи небогатыми дворянами, Львовым приходилось служить, занимая различные уездные должности, и, дабы, поддерживать образ жизни — закладывать земли. Как в семье ни экономили, все равно при пожарах, при выдаче замуж многочисленных дочерей и других неотложных тратах приходилось жертвовать землей и лесом. К 1917 году на 900 с лишним десятин земли приходилось 8 не разделенных наследников... Летом 1892 года губернский секретарь князь Дмитрий Петрович обратился в Государственный земельный банк за ссудой, которая была ему утверждена на следующий год в количестве 22 800 руб. сроком на 66 лет. Позднее это имение перезакладывалось хозяевами в 1900 и 1901 годах.

Дети другого брата, с имением доставшимся им после смерти отца, князь Сергея Петровича, по наследству, утвержденному летом 1886 года определением Тульского ок-

ружного суда, также обратились за ссудой в августе 1902 года. При разделе этой части белевского имения между владельцами, из которых трое были несовершеннолетние дети, землю получили все: дочерям отводилось по 1/14 части каждой, а сыновьям — в равных долях. В 1903 году Львовым под залог земель была выдана денежная ссуда в 23 300 руб. При залогах обоих имений были составлены их полные описания, из которых мы приводим краткие выдержки, характеризующие эти хозяйства, где все стоимости приведены на момент оценки в денежном эквиваленте начала XX века.

Рис. князя В.М. Львова. Вид отчего дома. Осень 1918 года.

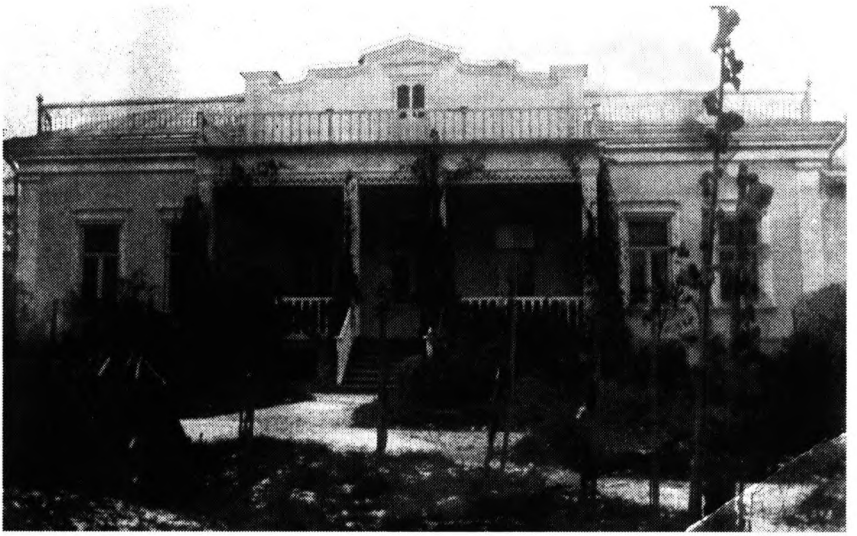
Количество земли у обоих братьев по разным документам варьировалось: у Дмитрия имелось земли с 536 до 527 дес., последняя как минимальная принята к учету. У детей Сергея за исключением 14,5 дес. земли, отчужденных под строящуюся к Белеву Данковско-Уральскую железную дорогу, и земель, проданных другим владельцам, осталось угодий на 502 дес.

Приводим сравнительную таблицу отвода земель в имениях:

размещение земли	**Дмитрий Петрович**	**дети Сергея Петровича**
под усадьбой	11 дес. 400 саж.	9 дес. 420 саж.
пашня	143 дес. 1000 саж.	189 дес. 800 саж.
сенокос	55 дес. 980 саж.	19 дес. 2020 саж.
лесная земля	319 дес. 1608 саж.	268 дес. 410 саж.

Постоянных пастбищ в имениях не было. К неудобным землям можно отнести только большую дорогу из Белева в Одоев, которая занимала 18 дес. и ныне проходит через имение наследников князя Сергея Петровича.

Постройки: у Дмитрия — дом каменный, крытый железом; два амбара, сарай для инвентаря, контора и людская. Ледник, скотная изба, кухня и баня, каретный сарай, конюшня и скотный двор, молотильный сарай – все постройки деревянные крытые железом и деревом. Господский дом, постройки и водяная мельница (в бесхозном состоянии) были оценены в 11.180 руб.; у детей Сергея — дом 2-х этажный, нижний этаж кирпичный, верх деревянный, крыт железом. Каретный сарай с конюшнею, амбар, ледник и баня, телятник, скотный и конюшенный дворы, контора, молотильный сарай – все деревянные и крыты железом или деревом. Скотная изба — кирпичная. Все постройки были оценены в 12 256 руб.



Вид дома князя Д.П. Львова.

Усадьба: у Дмитрия — 5 десятин было занято садами, которые сдавались в аренду по 300 руб. за год, плоды, которые шли на вывоз, а все ягоды в нижнем саду: вишни, сливы, груши оставались в пользу владельца; у детей Сергея – было под постройками, садами и огородом по 3 дес. Фруктовый сад имел до 600 плодовых деревьев и погодно сдавался в аренду за 150-300 руб. в год, смотря по урожаю. В саду садился клевер на сено, которого накашивали до 100 пудов, которое продавали в пользу «экономии». Огородная земля ежегодно сдавалась в аренду (в 1902 г. за 150 руб.) ввиду близости города Белева. Валовый доход от усадебной земли занятой фруктовым садом и огородом приносил владельцам втрое больше дохода, чем пахотная десятина. Что составляло весь доход от усадебной земли 252 руб. При усадьбе в описании имелся «колодец и саженка пруд вытекший т.к. сорвало...». Постройки как хозяйственные, так и господские оценивались как находившиеся в отличном состоянии.

Полеводство: у Дмитрия четырехпольное, где в постоянном севообороте было 128 дес. и 15 дес. постоянного пастбища. Земля обрабатывалась за счет владельца наемными пришлыми работниками. Здесь сеялись рож, овес и картофель. Кроме этих культур, в последние годы высевались греча, вика, просо, яровая рожь и озимая пшеница. Постоянные пастбища дохода, увы, не приносили, хотя лугов в имении в прекрасном состоянии было 55 дес. Поденщиков-мужчин в имении не нанимали — работали только женщины. Сдавалась владельцами лишь уборка хлебов (огульно). Картофель стравливался на месте скотом, пригоняемым белевским купечеством сюда ежегодно на зиму для откорма. Имение находилось в заведовании самого хозяина, а в помощь ему был приказчик, получавший жалованья 360 руб. в год. В княжеской конторе хозяйственного и правильного счетоводства не велось, однако с 1882 г. имелись конторские книги.

У детей Сергея система полеводства была 3-х польная, и обрабатывалась из полу местными крестьянами, своими же работниками обрабатывалось от 5 до 10

дес. В аренду в год сдавалось земли не менее 10 дес. Вся наличная земля была разделена на клинья по 63 дес. каждая — по трехпольной системе, а в постоянном севообороте находилось 126 дес. ржи и овса. Яровой же клин сдавался местным крестьянам по 10 дес. (из полу). На долю владельцев приходятся по 26,5 дес. в каждом клину. Главное место сбыта произведенной сельхоз. продукции были рынки города Белева — туда шли выращенные: рож и овес, сено да картошка.

Аренда земли: у Дмитрия в хозяйстве аренда земли была, начиная с 1891 года. Сдавалась мельница на 9 лет с обязательством для арендатора обустройства ее хозяйства — по 810 руб. в год. Так же в имении сдавалось в аренду земли «меж поль и сады». Кроме земли сдавались в наем сады по 300 руб. и имеющаяся водяная мельница — по 20 руб. в год; у детей Сергея способ эксплуатации имения был смешанный: по 10 дес. сдавались погодно местным крестьянам — по 9-12 руб. за дес.; остальные пахотные земли обрабатывались испольно, при чем крестьяне обязаны были привозить в «экономию» приходящийся на долю владельцев хлеб. Обмолот хлеба производился своими работниками и поденщиками. Вывоз и раскладка удобрений лежала в обязанности съемщиков наделов, а сенокос для владельцев проводился уже за отдельную плату. В администрации имелся староста, а поденные работники разделялись на летних и годовых. Нанимали постоянных работников на год — двоих с жалованьем и содержанием по 80 руб., и двоих поденных с жалованьем и содержанием 55 руб. каждый. Постоянными работниками убирался весь сенокос, и производились домашние работы в «экономии» — обмолачивалось 2782 пуда ржи и овса. Ежегодно удобрялось 10-15 дес. земли с вывозом до 2400 пудов на десятину. Валовой доход от полеводства составлял в имении 1601 руб. в год.

Хозяйственный инвентарь: у Дмитрия имелись: конная молотильная машина, веялка, плуги, 6 телег, бороны — 5 и др.; у детей Сергея имелись: молотильная машина-американка 4-х конная, 4 телеги, 4 дрог с колымагою, выездной экипаж. Сохи, бороны, плуги и др. инструменты. Весь этот инструмент и инвентарь использовался белевскими владельцами князьями Львовыми для получения максимального со своих бедных урожаями и суглинистых почвах.

Весь рогатый скот местной улучшенной породы, содержался в должном порядке. Стоимость всего скота в обоих стадах была чуть больше 2100 руб. у каждого. У Дмитрия — скот кормился из сена ржаного и овсяного, на стороне корм в имении не приобретался. От дойных коров здесь получали до 20 пудов масла, которое продавалось в городе Белеве. От стада же был ежегодный приплод до 15 телок, из них браковалось до 10 голов. Корм вместе с содержанием скотника и скотницы с подпаском давал хозяйству

Вид дома князя Д.П. Львова.

Вид дома князя С.П. Львова.

убыток от рогатого скота в 622 руб. 60 коп. ежегодно. Коневодство в хозяйстве — рабочие лошади обычной породы (по 25 руб. за голову), а выездные лошади были лучшего качества. В хозяйстве имелось шесть человек работников. Убыток от наличия лошадей оценивался в 869 руб. 55 коп. У детей Сергея — скот содержался в хорошем помещении. Молоко здесь перерабатывалось на масло и продавалось в городе Белёве до 25 пудов по цене 12 руб. за пуд. Часть приплода от скота, в том числе и от брака, шло на нужды экономии, а часть на продажу. Валовой доход (за вычетом оплаты пастуха с подпаском и скотницы) от рогатого скота в имении был — 145 руб. в год.

Владельцы	коровы	дойные	молодняк	лошади	выездные	свиньи	овцы
Дмитрий	45	20	-	24	6	10	-
дети Сергея	40 и бык	25	14	8 рабочих	4	2	10

Лесные угодья: у Дмитрия в имении 3/5 земель лежали под лесом, а 2/5 были в сель хозяйственном обороте. Лесная дача состояла из урочищ Дубровы и Молодой, верх Безымянной и 4-х клочков в южной части имения вдоль большой дороги из Одоева в Белёв. Кроме того, болотские крестьяне торговали дровами от барышей, в зимнее время, беря дрова у князя Львова безденежно вывозили их на каждый торг в город. Они, довольствуясь надбавкой цены за провоз и продав дрова — уплачивали стоимость их владельцу. Дмитрий Петрович также обеспечил за собою несколько лесных постоянных поставок дров — в тюремный замок, земские учреждения и т.п. В совокупности этого доход от лес-

ных угодий имения приходилось в 19 900 руб. в год. У детей Сергея большая часть лесной земли лежала в нижней части имения. Эксплуатировалось они по плану лесного хозяйства, утвержденному Тульским лесо-охранным комитетом — зарост вырубки был очень густой и требовал постоянной расчистки. Кроме продажи самого леса здесь желающим продавались вязанки хвороста, валежник. Охрана лесных угодий производилась двумя лесниками, а расход на каждого нам не известен, т.к. не учитывался сам лесной доход. Сенокос на лесных землях был 19 дес. при высокой урожайности — убиралось до 2000 пудов сена, из них — 1400 шло на нужды «экономии», а 600 продавалось на сторону. Валовой доход от сенокоса в имении приносил по 120 руб. в год.

Расходы по имению были таковы: у Дмитрия — жалование управляющему и поденным рабочим, ремонт строений, страхование, повинности государственные и земельные; расходы по полеводству (уборка, доставка, посадка и т.д.). Ремонт земельных орудий, стоимость удобрений, а также убыток от содержания скота и лошадей; жалованье двум лесникам — итого расходу 4832 руб. 89 коп. в год. У детей Сергея при оценке имения такие данные отсутствовали.

Доходы по имению были таковы: у Дмитрия — валовой доход от усадебной земли, полеводства, сенокоса, леса, аренды земли приносили — 8350 руб. 47 коп. Итого чистого дохоДу 3 517 руб. 58 коп., а за скидкою на проценты и непредвиденные расходы всего 3 165 руб. 82 коп. в год. Урожайность здешней земли указывала на чрезвычайную плодородность почвы, особенно относительно ржи (сам 10). Все эти обстоятельства считались более чем удовлетворительными и давали цену имения (по с/х пользованию) в 30 570 руб. У детей Сергея при оценке имения такие данные отсутствовали. Таким образом, стоимость всего

Реконструкция имения князя С.П. Львова.

Крестьянский дом в с. Болото.

имения у Дмитрия составляло — 50 470 руб., что являлось стоимостью в 95 руб. 75 коп. за десятину, а за лесную землю — 62 руб. 40 коп.; за остальные земли по 145 руб. 26 коп. В отчете доходность была отражена: «что представляется чрезмерно высокой по отношении к землям Белевского уезда, но доказательства доходности за 10 лет в среднем показывают доход в 17 754 руб. 20 коп. за год». У наследников Сергея имение находилось в заведовании одного из совладельцев, в помощь которому нанимался старший, получающий жалованье 120 руб. в год. Имение располагало кирпичным заводом, производившим до 100 000 кирпичей в год, при значительном спросе покупателей на них. Общий валовой доход по имению составлял 2 118 руб. в год.

Волостной старшина Фролов так определял характер местного населения в своей справке, поданной в сентябре 1892 года, характеризуя окрестности: «К имению князя Дмитрия Петровича Львова прилегают ближайшие селения село Болото и деревня Сергиевка, которые имеют жителей Болото — 395 мужского пола и 400 женского пола и Сергиевка — 60 мужского пола и 62 женского пола душ. Земельного надела по 3 дес. 600 саж. на каждую ревизскую душу, и всего земли у крестьян в Болоте 1053 дес., а в Сергиевке 61 дес., обеспеченность селений исключительно надельная, душевая. Населенность местности довольно пустая, и малое количество надельной земли заставляет некоторых жителей уходить на заработки в город Москву. Занятие местных крестьян — земледелие, а их отхожие промыслы на заработки приходятся в соседние имения...».

Страницы новейшей истории

После революции 1917 года, князья Львовы и их дети некоторое время продолжали проживать в своих усадьбах, где даже получили от «Общества граждан села Болота» земельные наделы (не в одном месте, а черезполосно) с оставлением их в списках домохозяев по приговору 1918 года, подтвержденному крестьянским сходом 18 октября 1922 и 24 марта 1924 года. Княжны Бенедикта, Ольга и Маргарита Дмитриевны Львовы, получив для своего проживания крестьянскую избу, через год разъехались, а их двоюродные братья Сергей и Валериан Сергеевичи князья Львовы, обремененные семьями, местным сходом были признаны «трудовым элементом» — в их хозяйстве имелся арендованный до 1930-го года сад. С 1918 года, поступив на советскую службу, Валериан работал в волости народным судьей, инструктором по землеустройству, позднее — членом Коллегии защитников. Сергей был на местной военной службе — инструктором Всеобуча. Усадьба их в Болоте до издания декрета от 20 мая 1922 г. национализирована не была.

Вид на окраину поля.

Они были выселены из своего дома 22 марта 1924 года по срочному секретному распоряжению Белевского уземотдела о выселении трех местных помещиков: Соловьева, Бортфельда и Львовых. При этом были отобраны урожай озимых посева 1924 года и некоторые личные вещи: рояль, картины, шкаф, с/х машины и 2 деревянных сруба, которые немедленно стали расхищаться, впрочем, часть из реквизированного имущества была позднее возвращена. Братья Львовы судебным порядком многократно пытались оспаривать несправедливое решение, ведь они искренно служили своему народу — новой власти. 24 апреля 1924 года Белевским уездным земкомитетом в судебном заседании принято решение лишить права пользования землей и предложено выселить Львовых из пределов Болотского земельного общества. Но уже 15 июля Белевский райземком, рассматривая это дело, принял другое решение – оставить за Львовыми землю, правда, 13 сентября оно было признано неправильным. Протоколом от 6 октября Белевский райземком, рассмотрев дело Львовых, вновь постановил лишить земли во всех угодьях, а посев конфисковать. Но на заседании 6 ноября Белевский уземком принял постановление – прежнее решение отменить, а дело передать в Арсеньевскую райземкомиссию, которая в заседании 21 января 1925 г. все же постановила лишить Львовых права пользования землей при селе Болоте. К тому времени они проживали в здании бывшей старой волостной управы, когда-то построенной их предками и теперь ими арендованной у «Общества». В этом здании в 1924 году родился их последний сын – Лев (Леонид) Валерианович Львов. 27 января 1925 г. Львовы подали кассационную жалобу на принятое решение Арсеньевской комиссии о лишении их права землепользования. 20 марта братья опять подали в Белевскую комиссию заявление о пересмотре дела о их выселении, а 4 ноября — уже в Тульскую. Постановлением от 20 января 1926 года Тульский губпрокурор утвердил прежнее решение, но обязал вернуть Львовым урожай и вещи, незаконно конфискованные у них. ВЦИК, куда Сергей Львов ездил в Москву жаловался, это решение (политическое) подтвердил 17 ноября 1926 года.

В 1932 г. князь Сергей Сергеевич Львов с женою по доносу белевских соседей-железнодорожников был выслан из Белева в ссылку, и обратно уже не вернулся. Князь Валериан Сергеевич Львов умер в Белеве от огорчений и голода в 1934 году, а его семья, перебравшись в Москву, затерялась там. На просьбу «Общества граждан села Болота» об отдаче им в трудовое пользование национализированной усадьбы «бывшего помещика Львова», Тульский губисполком в своем заседании от 27 июня 1928 г. постановил: просителям — отказать. Здесь в Болотской волости, позднее были организованы совхоз и лесхоз. В 2-х этажном доме князя Сергея Львова было организованно лесничество. Первый каменный был разобран для хозяйственных нужд, а второй — опущен на имеющийся старый фундамент. В старинном же помещичьем доме князя Дмитрия Львова была открыта сельская школа. В прежние времена тут бывали многие видные представители интелли-

Вид на озеро.

генции прошлого века, в том числе Л.Н. Толстой и, вероятно, И.С. Тургенев, дружившие с его обитателями и охотившийся в этих местах...

На немногих сохранившихся в семье фотографиях виден высокий фронтон каменного дома, колонны и наличники, все то, что с приходом Советской власти и новых владельцев постепенно исчезло. Мебель и вся обстановка, реквизированная в 1918 году и вывезенная в Белев, пропала в огне пожаров гражданской и Отечественной войн. А дом продолжал стоять, он посуровел, пропал фронтон, колонны, наличники. Он почему-то стал называться школой «им. 10-й армии» — освободительницы города Белева. Потом места стало не хватать, и под школу заняли также, стоящий напротив, закрытый и опустевший храм. А после открытия в селе новой школы эти здания долго стояли покинутые Богом и людьми. Теперь на этих землях находится ПСК «Веженский». Старинные здания и хозяйственные постройки, представлявшие собой памятники не только местной истории, давным-давно снесены. А в прошлом 1997 г. при попустительстве местных чиновников здание старой школы — бывший помещичий дом, пустовавший последние годы был разрушен. Так же разбирается на кирпичи и старинный сельский храм во имя Св. Николая с приделом во имя Св. Сергия Чудотворца, простоявший на этой земле более 300 лет. Разрушение продолжается и сейчас, а при храме на освященной земле лежат в бурьяне и засыпаны строительным мусором, от разламываемой церкви, кости предков нынешних обитателей села Болота, где еще лет двадцать назад в овраге валялись старые надгробия, сброшенные туда «борцами за светлое будущее»...

ИСТОЧНИКИ

ГАТО. Ф.39. Оп.2. Д.1370; Ф.121. Оп.1. Д.678; Оп.2. Д.13, 106; Ф. Р-95. Оп.9. Д.64; Оп.10. Д.170, 171; Оп.13. Д.120; Ф.3. Оп.9. Д.2872. Л.2;

РГИА. Ф.1343. Оп.46. Д.512. Л.37 об, 193 об, 206-208.

РГАДА. Ф.1209. Владимир. Д. м / л № 12727. Л.153; Калуга. Д. м / л № 11766. б/п; Кострома. Дела с / л № 11082. б/п.

РГАДА Ф.286. Оп.1. Д.640. Л.52; Д.227. Л.116; Д.207. Л.307; Д.299. Л.33 — 33об; Д.291. Л.134-144;

Д.314. Л.692-695, 713, 720; Д.318. Л.147а, 398; Д.293. Л.545; Д.360. Л.1319, 1333об; Д.459. Л.379; Д.479. Ч.1. Л.232;

РГВИА. Ф.2584. Оп.1. Д.349. Л.151-152; Ф.2584. Оп.1. Д.351-490; Ф.8. Оп.1/89. Д.65. Л.1-10;

Архив семьи Львовых

Журнал МВД. СПб.,1858. Май. С.8-9.

Меерович Г.И. (сост.) А.В. Суворов. М.,1986.

Малицкий П.И. Приходы и церкви Тульской епархии.Тула. 1895 г.

Соснер И.Ю. В легкой вуали сумерек // Белевская правда, 1997, № 108 (9671), 26 августа.

IV

УСАДЕБНЫЕ МЕМУАРЫ

Я.Н. Щапов

ПОДСОЛНЕЧНОЕ (ЩАПОВО) — УСАДЬБА П.П. ЩАПОВА НА ОЗЕРЕ СЕНЕЖ

Представители новой промышленной и торговой элиты в России конца XIX — начала XX веков, не владевшие наследственными подмосковными имениями, по мере осознания своих финансовых возможностей и интересов, становились собственниками загородных домов, усадеб или просто земельных имений. Они были нужны для отдыха, отвлечения от повседневных производственных забот, чтобы проводить время с семьей. «Помещики» нового типа значительно отличались от прежних, хотя бы тем, что менее всего стремились извлекать прибыль из своего имения, наоборот, вкладывали в него средства от основной своей промышленной или торговой деятельности. Большей частью эти усадьбы использовались в теплое, весенне-осеннее время, так как у всех владельцев были собственные дома в Москве. В отличие от прежних владельцев они не копали пруды и не запруживали ручьи, а стремились поселиться у водоема, реки, включая в свои усадьбы существующие водные поверхности. Таковы Бахрушины в Ивановском на Пахре, Филиппов на Моче, Марк, Катуар и многие другие. Имена одних из них остались на географической карте (как, например, платформы Марк и Катуар, устроенные владельцами, или поселок Щапово, где владелец усадьбы И.В. Щапов основал три школы), имена других стерлись из памяти потомков.

Располагая некоторыми документами, фотографиями и семейными воспоминаниями о существовании еще одной такой практически неизвестной подмосковной усадьбы в Клинском уезде Московской области, я хотел бы поделиться собранными мной сведениями о ней по домашним архивам еще до того, как более подробная информация могла бы быть получена в соответствующих государственных архивах. Эта усадьба принадлежала племяннику названного выше И.В. Щапова — П.П. Щапову и существовала всего два предреволюционных десятилетия. Между семьей П.П. Щапова и семьей его троюродного брата Н.М. Щапова, моего отца, существовали тесные родственные, деловые и духовные связи, что позволило членам обеих семей в течение нескольких поколений не только постоянно общаться, жить рядом, но и участвовать в общих делах, быть связанными браками и пр.[1] Благодаря этим связям в семейном архиве Н.М. Щапова сохранились сведения и об этом имении.

Московский фабрикант, последний владелец бумаготкацкой фабрики и торгового дела «Братья Петр и Илья Щаповы» на Немецкой (Бауманской) улице Петр Петрович Щапов (1870-1939) был инициативным и разносторонним чело-

П.П. Щапов. Фото начала XX в.

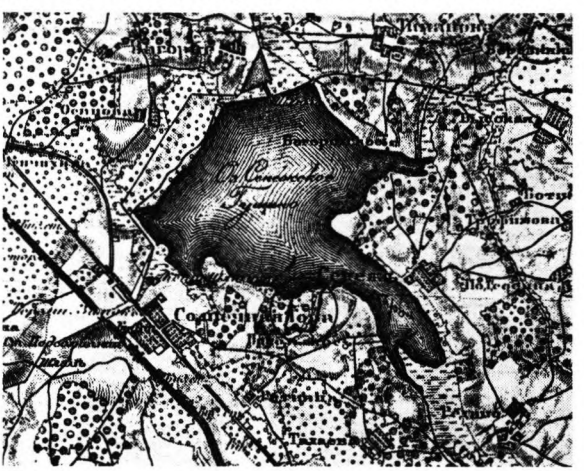
веком. Потомственный почетный гражданин, купец 1 гильдии, активный общественный деятель в Московском городском общественном управлении, в 1897-1917 гг. он шесть раз избирался гласным Московской городской думы,[2] занимаясь социальными и финансовыми вопросами. И в послереволюционные годы, когда фабрика была национализирована, а сам он стал обычным «советским» архивным служащим, сделанное им продолжало и продолжает оставаться значительным вкладом в современную нам культуру. Его коллекция почтовых марок, насчитывавшая около 3 тысяч альбомных листов, переданная в 1929 году в дар Музею связи в Ленинграде, легла в основу Государственной коллекции марок СССР.[3] А в новом здании фабрики в Денисовском переулке (официальный адрес: ул. Баумана, д.58) построенном им в 1890-х годах, в 2002 году поместилась Московская городская библиотека им. Н.А. Некрасова. Все это заставляет интересоваться личностью П.П. Щапова и его начинаниями, которые еще не вошли в историю русской культуры.

Петр Петрович женился рано, 21 года, вскоре после того, как после смерти отца, он (вместе с братом Василием) стал владельцем фабрики. Его женой стала Мария Антоновна Орлова, родом из Царского Села, окончившая там гимназию. Она была сестрой мачехи П.П., Александры Антоновны. С 1893 года стали рождаться дети — четверо сыновей (один умер в детстве) и четыре дочери. Именно забота о детях, об их воспитании на природе и в спорте и привела, скорее всего, П.П. к решению приобрести под Москвой, на берегу большого озера имение, где они могли жить и летом, и зимой. Такое место было выбрано у станции Подсолнечная Николаевской (Ленинградской) железной дороги, на берегу озера Сенеж, между селом Солнечная гора и деревней Никольское. Сохранилась открытка-фотография озера со стожками сена на берегу и лесом на противоположной стороне озера, еще без всякой живности на нем и купален.

Единственные известные мне описания имения даны Н.М. Щаповым в его дневниках при рассказах о посещении имения по случаю семейных празднеств. Такие посещения были почти ежегодно — по случаю новоселья и на именины Петра Петровича (память Петра, царевича Ордынского или день Свв. Петра и Павла) в 1898 году и в последующие годы, а также на именины Марии Антоновны. Кроме того, сохранилось довольно много фотографий имения. Часть из них, причем одни из наиболее ранних, относится ко времени сразу после устройства усадьбы, к1898 году, и сделана Н.М. Щаповым. Он был известен среди род-

Вид на озеро Сенеж с противоположным берегом.

ственников как любитель-фотограф, еще будучи старшим школьником: Мария Антоновна приглашала его на новоселье в имение именно с фотоаппаратом. Это снимки 1898 года и, затем, уже более поздние, 1913 года. Кроме того, фотографировали, вероятно, сам Петр Петрович, его дети, когда подросли, и другие члены семьи. Сохранились отдельные фотографические открытки с подписями рукой Петра Петровича и его слепым коллекционным штемпелем («P. Stchapoff. Moskau Deutsche Str.»), а также альбом фотографий конца XIX века — 1900-х годов без указания дат. Видовые карточки-открытки с письменным текстом детей посылались из имения родителям за границу. Большая часть снимков сохранилась плохо, выцвела.



Местоположение имения П.П. Щапова на берегу озера Сенеж (фрагмент карты-двухверстки Московской губернии, место усадьбы на южном берегу отмечено Н.М. Щаповым - взято в кружок)

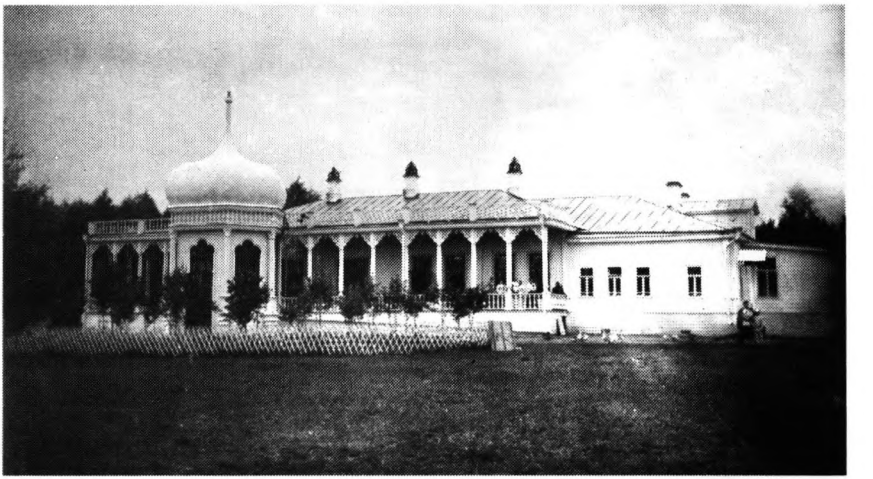
Сохранилась также часть архива П.П. Щапова, касающегося

Дом Щаповых со стороны озера и цветника. Фото Н.М. Щапова. 29.06.1898

устройства им на земле имения дачного поселка «Сенеж», покупки и обмена землями с крестьянами соседнего села Солнечная Гора (официально заверенные чертежи, расписки). Эти документы были переданы им Н.М. Щапову на хранение в 1930-х годах.

Имение было приобретено и устроено незадолго до лета 1898 года, возможно, что в 1896-1897одах. Сведений о его покупке в этих архивных материалах нет. В Справочной книжке Московской губернии А.П. Шрамченко 1890 года в районе озера Сенеж при с. Сенеж указана дача купца Прохорова, а при погосте Никольское — имение княгини Голицыной[4]. Эти имена известны и в пору существования там имения П.П. Щапова. Не исключено, что П.П.Щапов приобрел для своей усадьбы часть земель, принадлежавших кн. Голицыной. В справочнике населенных мест Московской губернии 1911 года (под редакцией Б.Н. Пенкина) упоминаются при сельце Никольском в 1 версте от железнодорожной станции Подсолнечная имения «кн. Гагариной и Щаповой»,[5] то есть, во втором случае, интересующее нас имение, купленное на имя М.А. Щаповой. Там же, при селе Подсолнеч-

В.П. Щапов с Марией Антоновной и племянником в саду.

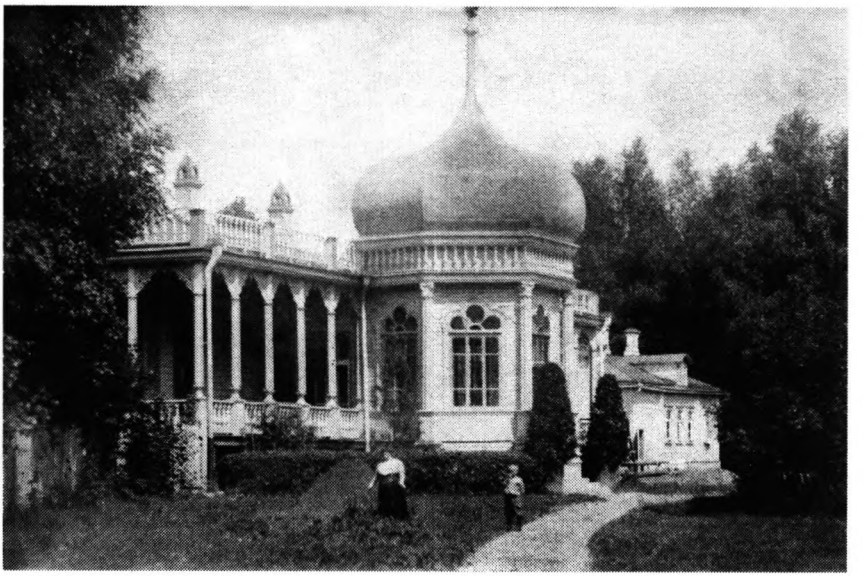


Дом с противоположной стороны. Фото Н.М. Щапова.

ное значится «ткацкая фабрика К. Прохорова с сыновьями», вероятно — владельца озера Сенеж, как записал в дневнике 1898 года Н.М. Щапов.

21 июня 1898 года Николай Михайлович с матерью (отец умер в 1892 году) ездили на новоселье, с хлебом-солью и полотенцем, но они не застали хозяев. Затем Николай Михайлович с сестрой и ее мужем ездили вторично на именины П.П. Щапова, 29 июня, с подарками и большим фотоаппаратом для стеклянных пластинок 13 х18 см. Как записал Николай Михайлович, в имении был «дом одноэтажный, деревянный, обшит тесом, белый, кругом — легкая терраса. Сзади дома — двор и подъезд, спереди широкая просека к озеру, по бокам которой роща; у просеки — плодовый сад и улья (пчелы прилетели сами). В передней части просеки — цветник с фонтаном, дальше — лужайка с дорожками, в конце, у откоса — легкая беседка... Хорош вид на озеро. В этом месте оно шириной версты 3. Своя купальня и лодка». Он упоминает и вид на «Голицынское имение». Озеро принадлежит некоему Прохорову[6], за право поставить купальню заплатили 25 руб. У владельцев «3 коровы и лошадей штук 6». В доме «очень хороша

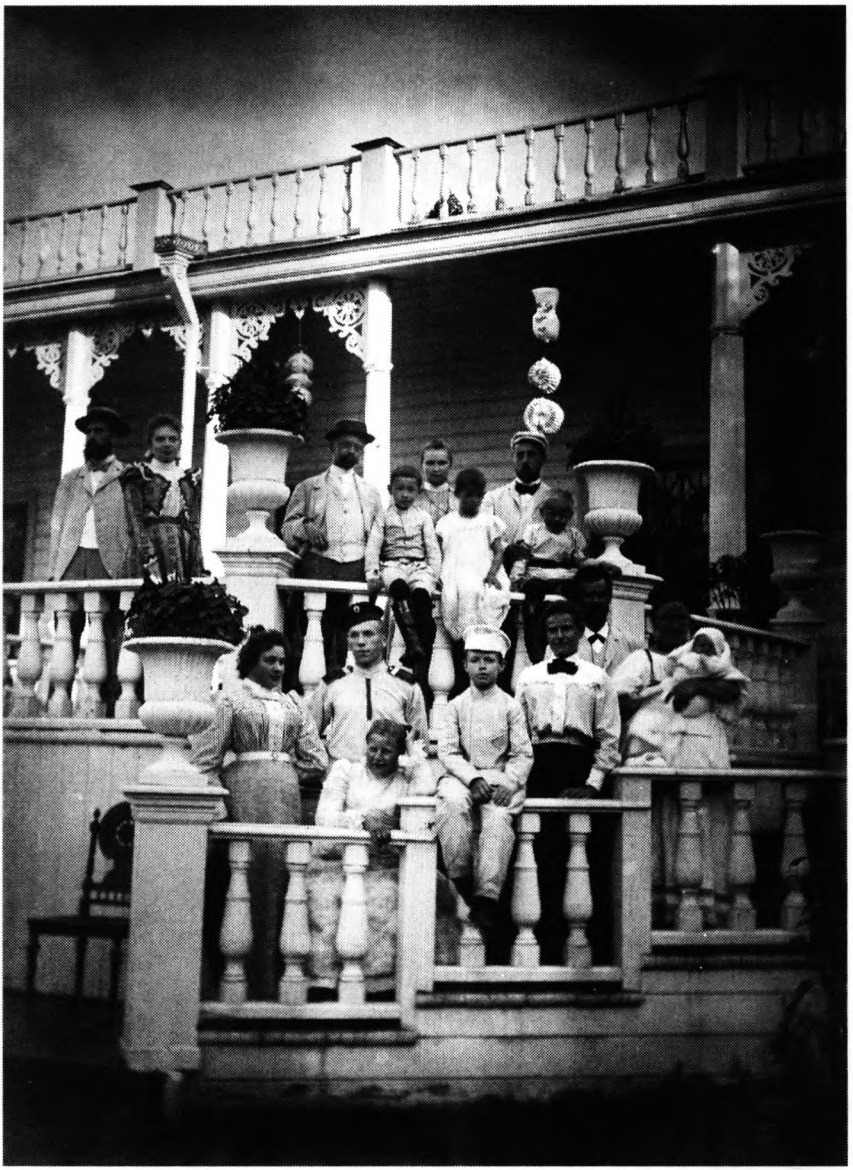
Нижняя часть ротонды и терраса зимой, около нее Щаповы.



Вид на ротонду и часть террасы, 1907

зала: с колоннами, гобеленами, прекрасной мебелью и отделкой» [7]. Николаем Михайловичем были сделаны фотографии дома спереди и сзади, цветника с фонтаном, пруда. Были сняты на террасе хозяева и гости. Судя по фотографиям, терраса окружает почти весь дом. Только с восточной стороны, выделяется часть дома другого типа, в виде ориентированного на восток крестьянского дома: крыша со слуховым окном, печные трубы без декоративных зонтиков над ними, окна меньшего размера, служебный вход с навесом над ним, пристройка. Возможно, что это людская часть дома. С южной стороны дома к террасе примыкает многоугольная ротонда в мавританском стиле, но с куполом луковичной формы и с парадной дверью. Основание купола имеет форму, повторяющую балюстраду на крыше террасы. Это, скорее всего, парадная передняя дома.

На фотографии-открытке 1907 года, посланной Петей Щаповым отцу в Карлсбад (у П.П. Щапова была хроническая язва желудка, и он систематически лечился на этом курорте), хорошо видна эта ротонда с частью террасы и примыкающим домом-срубом. На другой фотографии нижней части «ротонды» и террасы (подпись: «у парадного подъезда»), сделанной зимой, видны (и подписаны Петром Петровичем) Мария Антоновна, Юра, madame Дюфур, Ольга Митрофановна Щапова (жена брата, Василия Петровича, и дочь фабриканта М.С. Грачева) и сам Петр Петрович в поддевке и башлыке. На северной стороне дома, со стороны пруда, с террасы спускается полукруглая лестница из нескольких маршей с балюстрадой и вазоном с цветами на последнем столбе. Такие же вазоны стоят на примыкающей к лестнице части балюстрады террасы. Колонны террасы круглые, в верхней части украшены резными деревянными



Хозяева и гости на веранде дома в Петров день 29 июня 1898 г.
Фото Н.М. Щапова.

угольниками, соединяющими колонну и потолок. На крыше террасы, вдоль ее края, на всю длину установлена балюстрада с балясинами той же формы, что и

Семьи П.П. Щапова и М.Г. Лебедева за столом в саду 29 июня 1908 г. (Фото М.Г. Лебедева?)

на самой террасе. Создается впечатление, что дом состоит из трех частей: большая изба, к которой с задней стороны пристроен барский дом с террасой вокруг, крайняя часть этого дома составляет парадную переднюю-ротонду.

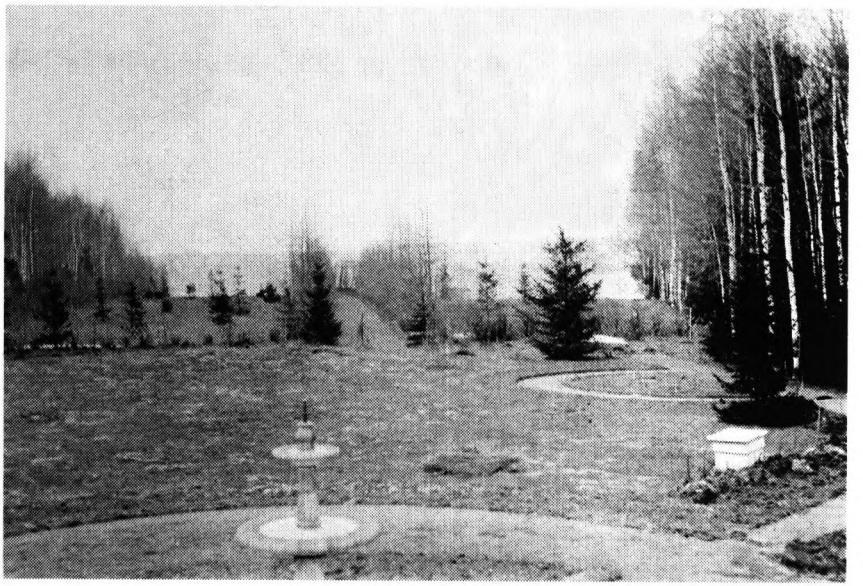
Ветряк в усадьбе.

Как видно по дневнику Н.М. Щапова, во время посещения 29 июня гости осматривали оранжереи. Их было три или четыре. «Из них 2 со сливами и персиками, растянутыми по решеткам, плоды еще зелены. Смотрели сараи, конюшни, пчельник, огород, дом». Купание из купальни, выход через дверку в открытую воду. Были сняты виды дома, цветника, «вид на озеро с лодкой и Голицынским имением». В имении был построен ветряк для подачи воды и электричества. Есть фото улья с пчеловодом или самим Петром Петровичем.

На групповой фотографии 1898 года на лестнице можно узнать некоторых лиц: в верхнем ряду крайний справа П.П. Щапов с пятилетним сыном Петей, в середине[1] муж мачехи предприниматель Н.Н. Колобашкин, слева — сестра Николая Михаиловича Ермиония с му-

Вид на цветник и пруд. Фото Н.М. Щапова, 1898.

жем. Внизу, на лестнице, слева направо: двоюродная сестра Петра Петровича Мария Сергеевна (урожденная Лямина) с мужем Лебедевым, учительница (mademoiselle) и русский учитель А.Д. Соколов со своими детьми и нянька с дочерью Марией Щаповой. Ниже всех сидит хозяйка дома Мария Антоновна. Энергичная и красивая М.С.



Фонтан и вид на озеро (ранняя фотография, 1897 г.?).

Лебедева (1874-1943), соседка А.П. Чехова по даче на Клязьме, по воспоминаниям ее дочерей, послужила прообразом Раневской в его пьесе «Вишневый сад».

Фонтан и цветник перед домом, один из сыновей с моделью яхты.

Сохранилась еще одна любительская фотография на открытке хозяева с гостями — семьей М.С. Лебедевой и учителями, сделанная также в день именин Петра Петровича 29 июня 1908 года. На обороте — письмо М.С. Лебедевой к Е.М. Менкель — сестре Н.М. Щапова, с рассказом о визите в Подсолнечное, и информация о поиске французской и немецкой учительниц для детей. Стол накрыт на краю парка, во главе стола слева Петр

Лодка с гостями на озере (на веслах — Н.П. Щапов)

Яхта «Динора» на озере Сенеж.

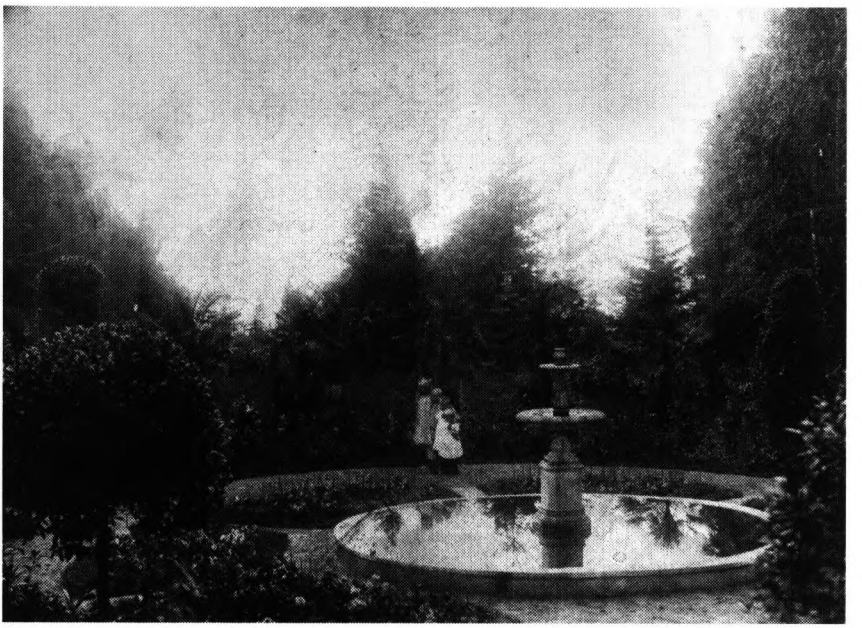
Петрович (на спинке скамейки) и Мария Антоновна, рядом Мария Сергеевна Лебедева, дети и учителя (сын Петя на заднем плане).

П.П. Щапов очень любил своих детей и был рад сниматься с ними и со своей семьей. Мальчики учились в Медведниковской гимназии, где было хорошо поставлено преподавание. В усадьбе постоянно жили учителя, иногда, как А.Д. Соколов, учитель Лефортовского училища при фабрике Щаповых, с собственными детьми. Постоянно были учителя немецкого, французского и английского языков. Коля Щапов, обладавший даром стихосложения и увлекавшийся этим до старости[8], сочинил о своем учителе такой экспромт:

Математик мистер Ач
В день решал по сто задач,
Но не мог решить задачу:
Сколько дать ему за дачу?
Он за дачей все сидел,
Над задачей все корпел,
Но такая неудача:
Не далась ему задача!
Над задачей поседел,
Ач лишь зад свой отсидел!

Щаповы постоянно принимали у себя в имении гостей из Москвы и подмосковных дачных мест. По воспоминаниям М.Ф. Алферовой, дочери Ермионии Михайловны, неоднократно бывавшей в имении, в день именин Марии Антоновны из-

Фото цветника с балкона дома, 1906.



Фонтан и цветник с группой из четырех детей.

возчики собирались на станции Подсолнечная, зная, что будет много гостей. Извозчиков нанимали сразу туда и к определенному часу обратно.

Ряд фотографий разного времени позволяет проследить, как росла и пополнялась усадьба строениями, растительностью и животными от года к году, особенно это хорошо видно по цветнику вокруг фонтана. Ориентиром здесь могут быть снимки 1898 года, где все растения (пальмы, агавы, кусты) еще очень маленькие, недавно высаженные. В альбоме есть фотография без даты предшествующего времени: фонтан стоит, но вокруг него пусто, дается только вид на озеро. Можно думать, что это время приобретения усадьбы Петром Петровичем, 1896-1897 годы. Затем сохранилась любительская фотография того же цветника с фонтаном уже несколько более позднего времени, с поднявшимися расте-

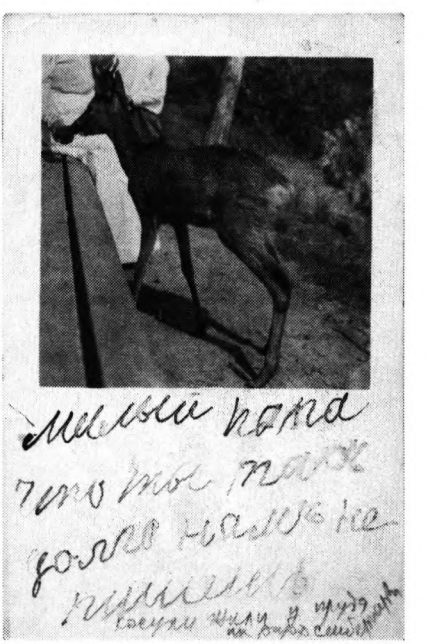
Белые лебеди на озере (открытка с надписью рукой П.П. Щапова).

ниями. Здесь виден, наряду со взрослыми, мальчик с игрушечной яхтой, а один из мужчин держит длинный шест для пускания этой яхты. Старшему сыну Петру может быть лет 8-10, следовательно это примерно 1900-1903 годы.

Белые и черные лебеди на озере.

На фотографии-открытке 1906 года, снятой и посланной десятилетним Колей Щаповым своему дяде Василию Петровичу Щапову в Берлин (подпись П.П. Щапова: «Подсолнечное имение Щаповой, вид с балкона»), цветник за фонтаном с разнообразными декоративными посадками. На следующей, профессиональной, фотографии, изображающей тот же цветник с фонтаном, снято четверо детей, построившихся по росту: самая рослая Маня (1898 г. рожд.), Юра (1901), Женя (1902) и Нина(1905). Фотография могла быть сделана около 1907-1908

М.А. Щапова с детьми и косулей.



Открытка Юры Щапова с фото косули Дульки 1907 г.

Сенбернары у хижины в парке.

годов. Здесь сад в самом расцвете, видны апельсиновые или какие-то похожие деревья, несколько пальм.

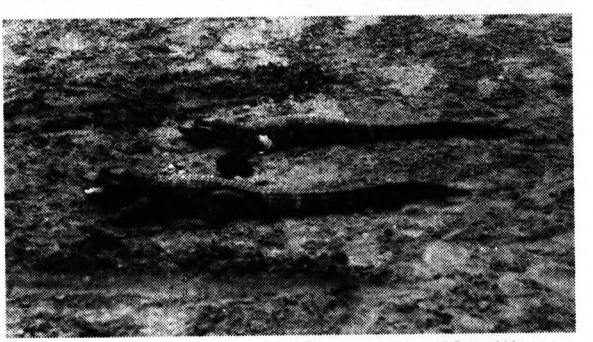
На фотографиях в альбоме 1910х годов сыновья — гимназисты. В имении было несколько яхт и лодок, вся молодежь увлекалось парусным спортом, катали и взрослых гостей. Мальчики здесь занимались с английскими тренерами также боксом, футболом, теннисом. Десятилетний сын Петя писал отцу в 1907 году: «Русалка (название лодки) текла так сильно, что затонула. Ловим рыбу. Клюет великолепно. Можно ли кататься на Диноре? Мы ее выкачали». Сохранились фотография яхты «Диноры» с 8 пассажирами на озере (подпись рукой П.П. Щапова «Имение Щаповой, яхта Щапова «Динора»). После революции эти знания пригоди-

Ворота в имение с надписью «Щапово-Никольское».
Пасха 1913 г. Фото Н.М. Щапова.

лись. Николай Петрович владел приемами бокса, и Юрий Петрович стал профессиональным тренером футбольного клуба.

Петр Петрович был любителем не только экзотических растений, но и животных. На снимках остались белые и черные лебеди на озере, косули, собаки — сенбернары. Два крокодильчика сняты дважды: маленькими в руках у Пети Щапова и побольше — на траве. Кроме того, по воспоминаниям сына П.П. Щапова — Николая Петровича — профессора, заслуженного деятеля науки и техники (1897-1969), в имении был зубр, особо породистые овцы-меринос, белка в колесе, лисица, в озеро были запущены мальки карпов и карасей. От времени детства у Н.П. Щапова осталось стойкое желание на всю жизнь не неволить животных.

Во время посещения имения на Пасху 1913 года Н.М. Щапов снимал его обитателей и виды. Дети уже стали гимназистами и сами катали гостей по озеру, во-



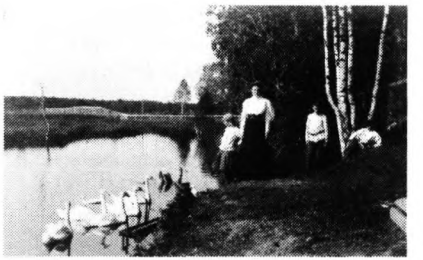
Петя с крокодильчиками в руках и Юра Щаповы. Фото двух крокодилов на песке.

Яхта с пассажирами на озере.

круг усадьбы выросла ограда и декоративные символические ворота с надписью «Щапово-Никольское». Сняты группы гостей во время прогулки по лесу. К 1912-1913 годам дети выросли, а дела фабрики и торгового дома «Братья Петр и Илья Щаповы» в условиях сокращения привоза хлопка оставляли желать лучшего. Первая мировая война усугубила трудности фабрики. Предприятие из единоличного превратилось в акционерное общество, в котором Петр Петрович стал директором, а затем только акционером. Был составлен проект оставить под усадьбой только меньшую часть имения, а большую часть разделить на небольшие участки и продать под дачи. Однако Октябрьская революция и конфискация имения (как и самой фабрики), передача их в собственность Советского государства, сделали эти планы излишними.

О дальнейшей судьбе усадьбы сведений почти нет. Л.Д. Троцкий в своих воспоминаниях писал, что он «в конце мая (1921 г.)... ездил на рыбную ловлю верст

Фотографируют домик для лебедей.



М.С. Лебедева и лебеди.

Петя и Коля Щаповы с косулей.

за 80 от Москвы. Там оказался детский санаторий им. Ленина. Дети сопровождали меня вдоль озера, расспрашивали про здоровье Владимира Ильича, послали ему через меня полевые цветы и письмо. Ленин сам еще не писал. Он продиктовал через своего секретаря несколько строк...» [9] Хотя на берегах Сенежа было несколько усадеб, не исключено, что этот санаторий мог находиться в доме П.П. Щапова.

Усадьба Петра Петровича (официально она была куплена на имя Марии Антоновны) просуществовала немногим более 20 лет, явившись важным периодом в жизни его семьи. Этот эпизод показал, как мог организовать за короткое время это приозерное место русский предприниматель, любитель растений и животных, не нанося ему вреда.

На своих фотографиях усадьбы П.П. Щапов всегда называет ее «Подсолнечное. Имение Щаповой». Но судя по надписи на воротах в усадьбу на снимке 1913 года, сам Петр Петрович пытался закрепить за ней новое название Щапово, но оно не прижилось. Совсем иначе сложилось с названием усадьбы Александрово Подольского района, принадлежавшей его дяде И.В. Щапову: она получила название Щапово стихийно, в 1920-х — начале 1930-х годов, через два-три десятилетия после смерти владельца, по названию Щаповской сельскохозяйственной школы. А из усадьбы и учебного хозяйства вырос поселок с этим названием. Конечно, история сама оценивает заслуги своих героев.

Гости в усадебном лесу, 1913: Маня и Коля Щаповы, Женя Григорьева (подруга), Душа Жукова (родственница)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Щапов Н.М. Я верил в Россию... Семейная история и воспоминания. М., 1998.
2. Писарькова Л.Ф. Московская городская дума: 1863-1917 гг. М., 1998. С.451, 462, 471, 481, 493, 504.
3. Вульф М. Наследство // Вечерняя Москва, 19 июля 1991 г. «В течение трех с половиной лет нами произведена работа по составлению вновь Государственной коллекции марок всего мира, в каковую основой положена коллекция б. П.П. Щапова, в особенности в отношении марок старой России и СССР». (Архив Музея связи в Санкт-Петербурге. Переписка по Отделу ЗПО 1921-1940. Л. 109. Отношение директора ЦДТС Гормина и зав. Отделом филателии Ермолова Народному комиссару связи А.И. Рыкову от 26.03.1935 г.)
4. Справочная книжка Московской губернии (описание уездов), составленная по официальным сведениям Управляющим канцеляриею Московского губернатора А.П. Шрамченко. М., 1890. С. 251, 252.
5. Населенные местности Московской губернии. Приложение к Памятной книжке Московской губернии за 1912 год. Под ред. Б.Н. Пенкина. М., 1911. А.И. Фролов, автор новейшего обзора усадеб «Усадьбы Подмосковья» (М., 2003), на с. 379 указывает на существование отдельных усадеб Голицыной в 1890 г. и Щаповой в 1911 г., называя обе одинаково: «Никольское (Никольское-Сверчково)». В известных мне материалах название Сверчково применительно к имению на Сенеже не употребляется. Благодарю М.В. Нащокину за библиографические указания.
6. На чертежах земель, приобретенных П.П. Щаповым в 1916 году, владельцем озера Сенеж значится «г. Кноп».
7. Дневник Н.М. Щапова, № 1-IV. С. 8-9. Семейный архив Н.М. Щапова.
8. Доктор технических наук, профессор Н.П. Щапов // Избранное, Лирика, мысли вслух. Ученые шутят. М., 2002. С.72-92.
9. Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991. С.449.

Н.А. Филаткина

МОРОЗОВСКИЕ ПОДМОСКОВНЫЕ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ПОСЛЕДНИХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ

История русской усадьбы насчитывает несколько периодов развития. Допетровский период характерен преобладанием боярских и других владельческих усадеб, прежде всего в качестве экономической единицы — продовольственной базы для их собственников, и только во вторую очередь, как место загородного отдыха, увеселений и развлечений. Золотой век русской усадьбы начинается с петровского времени и продолжается до середины XIX столетия. После отмены крепостного права вторая половина XIX века и рубеж XIX-XX веков связаны с постепенным переходом дворянских гнёзд в руки предпринимательского сословия. Некоторые исследователи называют этот период «серебряным веком русской усадьбы». Именно тогда создавались или коренным образом перестраивались морозовские подмосковные.

Как и другие предприниматели, представители многочисленного рода Морозовых не избежали всё более входящей в быт состоятельных русских людей моды на загородное дачное житьё, а также стремления к приобретению дворянских гнёзд. Русские предприниматели, приобретая загородные имения, преследовали различные цели — стремление к выгодному вложению капиталов, желание подражать дворянству, укреплению своего престижа. Одновременно с этим предприниматели, в большинстве своём выходцы из третьего сословия, принимали во внимание и народные представления о здоровом образе жизни: несомненную пользу пребывания на лоне природы, использование преимуществ деревенского житья, таких как свежий воздух, близость к чистой воде, солнцу, земле, девственным лесам и лугам.

Согласно воспоминаниям и дневникам А.В. Морозова, а также фотографиям из семейного архива, старшая ветвь Морозовых-Викуловичей поначалу то арендовала дачи в окрестностях Москвы — в Люблине, Пушкине, то — одну за другой снимала на лето барские подмосковные: Старо-Никольское Мусиных-Пушкиных, Петровское — имение Барятинских[1] и т. д. Семья А.А. Морозова из тверской ветви, по воспоминаниям П.И. Щукина, в 1860-е годы жила на даче в Кунцеве[2]; семейство Т.С. Морозова, согласно свидетельству его внука — Г.Н. Листа, имело дачу в Царицыне.[3] Об этом новом явлении в истории усадьбы Константин Коровин писал так: «Окрестности Москвы были прекрасны. Они постепенно обстраивались дачами, и эти деревянные дачи были летом поэтичны. Летом в Москве — духота, жара. Москвичи уезжали по железным дорогам на ближайшие от Москвы станции.

Были излюбленные места: Кунцево, Перово, Царицыно, Пушкино, Перловка, и всё новые места открывались москвичами. Понравилось... и там на приволье, в

Старо-Никольское, главный дом усадьбы. Фото 1890-х гг.
Из архива Н.К. Морозовой-Дубковой. Публикуется впервые.

лесу близ речки строили дачи. И какие дачи! Из сосны, с резьбой, финтифлюшками. Внутри дача разделялась на комнаты. Из зала через стеклянную дверь выходили на террасу; на террасе обедали, пили чай. Терраса спускалась в сад, полный сирени и жасмина. Эти дачи были как новые игрушки, выглядывающие из леса. В даче пахло смолой, из лесу и из сада неслись ароматы цветов и сена. Хорошо было жить на даче — как в раю»[4].

Автобиографическая литература помогает восстанавливать страницы бытовой жизни представителей предпринимательского сословия. Из мемуарных источников выясняется разнообразие летних развлечений обитателей дачных поселков и усадеб, которое заключалось в домашнем музицировании, устройстве совместными силами дачников и антрепренёров любительских спектаклей, танцевальных вечеров и концертов; организации конных кавалькад, катания на лодках, состязаний гребцов, хождении друг к другу в гости, пеших и велосипедных прогулках по окрестностям, пикниках; и, в том числе, в таком странном по сегодняшним меркам виде развлечений, как променад вдоль железнодорожных платформ в ожидании проезда поездов, сопровождавшийся беседами с дачными соседями, демонстрацией нарядов, высматриванием невест и кавалеров[5].

О своей дачной жизни в Пушкине А.В. Морозов так вспоминал в юношеском дневнике: «23 мая 1878 г. Пробыл в Пушкино... Погода была дождливая: пришлось просидеть в комнате. Много занимался. В эти дни, когда я остаюсь на даче, я подпадаю какому-то странному соединению впечатлений данного времени с воспоминаниями прошедшего. В особенности в дурную погоду, когда сидишь дома, и уединенье располагает к размышлению. Вместе с этим свежим, пропитанным смолью воздухом серенького весеннего дня, вместе с этой здоровой свежестью является какая-то свежесть души, и мало помалу мысль отрешается от мелочности обыкновенных дней с их суматохой и настраивается как-то выше, чище всего этого.

Обыкновенно, когда я утром сижу в комнате, младшие сёстры играют этюды, те самые, которые старшая сестра играла в Люблино. Они и там так мелан-

Подъездная аллея к главному дому усадьбы Петровское. Фото нач. 1900-х гг. Из архива Н.К. Морозовой-Дубковой. Публикуется впервые.

холично настраивали меня и здесь, по ассоциации идей, я тоже поддаюсь неясному, грустному настроению. Вспоминаются и те безпечные времена, прелесть которых чувствуется и теперь, когда их уже нет, видишь, что всё быстро проходит, наконец, является желание кому-нибудь высказаться, куда-нибудь уйти. Но некому рассказать всё это, да и сам я не могу уяснить себе этого настроения».[6]

Предпринимателей привлекали и старые барские усадьбы. Чем же? Вероятно, не только удобством жизни на природе, но также и своим элегическим настроением и богатыми историческими воспоминаниями.

Старо-Никольское, старинная усадьба, в XVII веке принадлежавшая Ф.М. Ртищеву, видному государственному деятелю и просветителю, расположена недалеко от Киевского шоссе. С 1786 года ею владел граф И.П. Мусин-Пушкин, а в 1812 году Е.А. Бибикова. Во второй половине XIX века усадьба часто меняла владельцев. Здесь Морозовы-Викуловичи поселились в начале 1900-х годов, вероятно, арендуя её у Н.А. Лукутина или его наследников. Трёхэтажный каменный дом усадьбы над рекой Десной с изящным бельведером был окружён небольшим регулярным и английским парками с каскадными прудами, мостиками и беседками.[7]

В середине 1900-х гг. они обосновались в Петровском, имении, расположенном к юго-востоку от Москвы (ныне на окраине г. Лыткарино). Относились к ней как к своей, позволяя себе, с разрешения владельца, делать необходимые, по их мнению, перестройки. В семейном архиве представителей старшей ветви Морозовых сохранились фотографии с многочисленными видами этой усадьбы. Двухэтажный главный дом был завершён массивным круглым бельведером с ку-

В.А. Морозова на балконе дома в Петровском. Фото нач. 1900-х гг. Из архива Н.К. Морозовой-Дубковой. Публикуется впервые.

полом, во втором этаже располагался просторный балкон с колоннами, на котором обычно хозяева отдыхали, читали, пили чай. Аллеи и дорожки усадебного парка выходили к Москве-реке, раскрывая виды на живописные заречные дали. По соседству с усадьбой находилась церковь, как и дом выдержанная в классическом стиле. От реки вдали был виден совершенно свободно вырисовывающийся на фоне неба Николо-Угрешский монастырь, окруженный пойменными лугами, своим местоположением напоминавший в то время отдаленную от Москвы уединенную пустынь.

В летнее время члены семьи иногда отправлялись в Крым, о чём также свидетельствует в своём дневнике А.В. Морозов. Однако со временем они пришли к необходимости приобретения собственных, как тогда говорилось, «родовых» имений в окрестностях Москвы. Родоначальник Викуловичей — В.Е. Морозов купил на имя жены имение Одинцово-Архангельское Подольского уезда.

А.В. Морозов был самым известным среди сыновей В.Е. Морозова. Знаменитый коллекционер предметов искусства, собиравший гравюры, литографии, фарфор, бронзу, иконы, и многое другое. Он был знаком со многими представителями деловых и художественных кругов Москвы. О его личности, гостеприимстве и хлебосольстве сохранились воспоминания дальней родственницы — М.К. Морозовой: «Очень любили мы с сестрой Алексея Викуловича Морозова... Это был человек очень тонкого ума, очень остроумный, любивший женское общество, хотя сам не женатый... Алексей Викулович часто устраивал у себя обеды и приглашал

нас. Его обеды были всегда лучшими из всех, на которых мне приходилось когда-нибудь бывать... Стол был всегда очень нарядно убран цветами, и кушанья подавались самые лучшие... Алексей Викулович сам ел и пил очень мало, но, главным образом, он старался доставить удовольствие приглашённым».[8] В круг его общения входили: основатель Театрального музея А.А. Бахрушин, художник Н.И. Чечелев[9], среди ближайших деловых партнёров были Кокоревы, Прохоровы-Козьмичи, Ананьины, Морозовы-Тверские, Хлудовы, «фарфоровые» Кузнецовы, Поляковы, Зимины и другие. А.В. Морозов и его братья были дружны между собой, свой досуг часто проводили вместе и имели общий круг друзей.

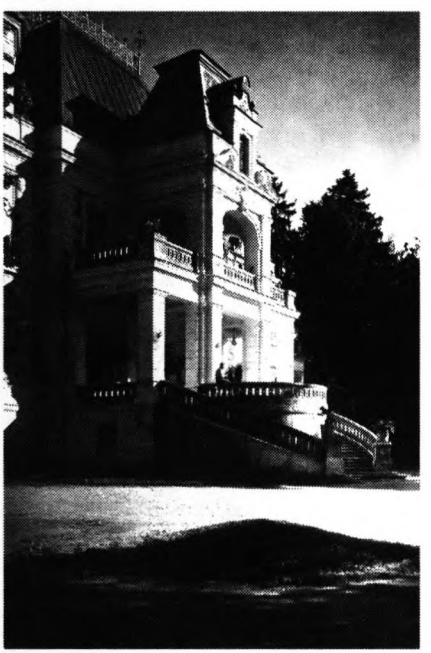
Главный дом усадьбы Петровское. Фото нач. 1900-х гг. Из архива Н.К. Морозовой-Дубковой. Публикуется впервые.

«Родовое имение» Одинцово-Архангельское Подольского уезда Московской губернии в дальнейшем должно было перейти во владение Б.Ф. Морозова, потомка рано умершего Фёдора Викуловича Морозова. Б.Ф. Морозов находился под большим влиянием своего знаменитого дяди и опекуна — А.В. Морозова. Именно по инициативе А.В. Морозова началась перестройка этого родового владения семьи в начале 1890-х годов. Все постройки усадьбы, включая электростанцию, были выдержаны в стиле поздней эклектики с чертами зарождавшегося модерна. Переустройство её проходило в 1892-1893 годах под руководством архитектора Ф.О. Шехтеля, увлечённо работавшего над воплощением морозовских заказов. Обновлённая усадьба стала одной из архитектурных жемчужин Подмосковья. Сохранившаяся опись

Флигель в усадьбе Петровское. Фото нач. 1900-х гг. Из архива Н.К. Морозовой-Дубковой. Публикуется впервые.

владения позволяет судить о его архитектурной и материальной ценности. Главный дом «каменный, крытый железом, двухэтажный, роскошно внутри отделанный разными породами дерева, лепными работами и живописью, стоимостью 150 тыс. руб.» В усадьбе имелись одноэтажный жилой флигель, молочная ферма деревянная на каменном фундаменте, крытая железом; экипажный сарай, конюшня на 18 денников, птичник с печным отоплением, двухэтажный каменный дом для рабочих. Всё это имущество оценивалось в 202,5 тыс. руб.[10]

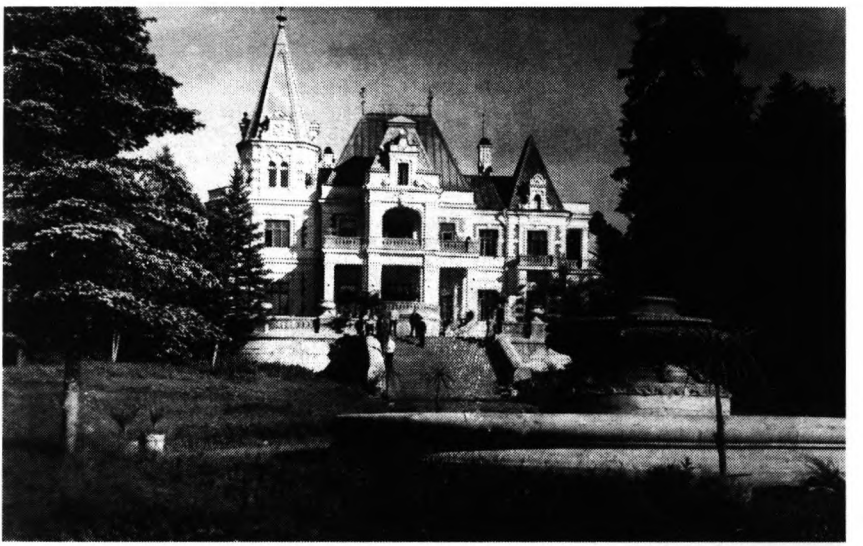
То, каким помещиком был А.В. Морозов, становится ясно из воспоминаний его племянницы О.И. Свидерской: «Под Подольском у него было имение Архангельское-Одинцово, где он жил по летам, где он радушно принимал гостей. Мы у него всей семьей жили не один год, когда папа порвал с ... Петровским и стал строить усадьбу в Ивславском... Но пока оно приводилось в жилой вид, решили... провести лето у дяди Лени (А.В. Морозов — Н.Ф.), в его имении Архангельском-Одинцове, где у него было полное хозяйство — скотный двор со всякой живностью, птичник и пр. И когда мы туда приехали, то в хозяйстве не нашлось ничего для нашего стола — ни молока, ни масла, ни яиц... Весь удой от восьми коров уходил на завтрак дяде Лёне. А завтрак его состоял из небольшого бокала шампанского и небольшого кружочка масла сливочного с булочкой. Пришлось маме вмешаться в хозяйство, сменить экономку и потом за столом появилось всё».[11]



Выход из главного дома усадьбы Одинцово-Архангельское в парк. Фото нач. 1900-х гг. Из архива Н.К. Морозовой-Дубковой. Публикуется впервые.

Разведение породистых лошадей было фамильным пристрастием нескольких представителей старшей ветви Морозовых, им всерьёз увлекался племянник А.В. Морозова — Борис Фёдорович. Он был членом Императорского Московского Общества поощрения рысистого коннозаводства, усовершенствовал конный завод вблизи своей усадьбы в с. Далматове Подольского уезда, где разводили орловских рысаков. После смерти Б.Ф. Морозова в 1916 году согласно его завещания часть принадлежащего ему элитного конского поголовья должна была перейти этому Обществу, ему же он завещал неприкосновенный капитал в 100 тыс. руб., проценты с которого должны были расходоваться на призы и другие нужды рысистого коннозаводства.[12]

Все остальные наследники Викулы Морозова постоянно бывали в



Одинцово-Архангельское, главный дом усадьбы с центрального партера. Фото нач. 1900-х гг. Из архива Н.К. Морозовой-Дубковой. Публикуется впервые.

Одинцове-Архангельском в качестве гостей. Наиболее частыми гостями там были: Иван Викулович Морозов с женой и детьми, младший из братьев — Елисей Викулович Морозов, Евдокия Викуловна Горбунова, урожденная Морозова, с мужем, Иван Абрамович Морозов, старинные друзья семьи — Сергей и Николай Ивановичи Чечелевы, Сергей Николаевич Коншин с супругой Анной Александровной, урождённой Второвой, Джеймс Чарнок — управляющий Товарищества Викулы Морозова С-ей, бывали здесь и уже упоминавшиеся Маргарита Кирилловна Морозова — супруга М. А. Морозова, урождённая Мамонтова, и её сестра Елена Кирилловна, в браке Вострякова, и другие.

По заказу И.В. Морозова, младшего брата А.В. Морозова, архитектор Ф.О. Шехтель в 1895 году построил для него великолепную деревянную «готическую» дачу в Петровском парке. Это сооружение было создано в комплексе с конюшней, манежем, воротами и оградой.[13] Но позже внимание известного предпринимателя привлекла усадьба Ислявское. Ислявское Звенигородского уезда впервые упомянуто в 1358 году как село Воиславское, вотчина великого князя московского Ивана Красного. После Смутного времени оно было дано в поместье братьям стольникам царя Алексея Михайловича — Борису и Глебу Морозовым. Затем принадлежало вдове последнего — боярыне Ф.П. Морозовой, известной ревнительнице древнего благочестия, а в дальнейшем её сыну — Ивану Глебовичу. (Кстати, по семейному преданию сами Морозовы выводили свое происхождение из вотчинных крестьян мятежной боярыни). В 1682 году как выморочное владение было пожаловано Апраксиным и находилось в их собственности около столетия. Затем владельцы стали меняться чаще: Дурново, Архаровы, Постниковы, И.Д. Лорис-Меликов, И.В. Лихачёв. Наконец, в 1867 году

Одинцово-Архангельское, главный дом усадьбы со стороны пруда. Фото нач. 1900-х гг. Из архива Н.К. Морозовой-Дубковой. Публикуется впервые.

оно оказалось в руках предпринимателей Сушкиных и Алексеевых. М.И. Алексеев устроил тут в 1902 году конный завод.[14] 28 октября 1911 года Ислáвское у потомственного почетного гражданина Ивана Алексеевича Алексеева приобрёл И.В. Морозов. Это был значительный участок земли площадью более 787 десятин, в межах граничащий с имением Сергея Тимофеевича — Успенское, усадьбой сестры И.В. Морозова — Людмилы Викуловны Зиминой — Старое Ислáвское и древним селом Уборы, «Спасское тож». Новый владелец приступил к интенсивному строительству своего имения, главной дом которого был создан в стиле неоклассицизм по проекту архитектора В.Д. Адамовича.[15]

Что касается культурных интересов И.В. Морозова: он владел небольшой коллекцией картин русских художников: Л.К. Каменева, А.К. Саврасова, Н.И. Чечелева и других художников. С художником Чечелевым владельца усадьбы связывали давние отношения. Они были знакомы с юности и дружили на протяжении всей жизни[16]. Н.И. Чечелев был сыном ювелирного фабриканта, имевшего магазин на углу Б. Лубянки и Кузнецкого моста. Поскольку он обладал незаурядными художественными способностями, отец не препятствовал его стремлению получить образование в области искусства. Николай Иванович окончил Академию художеств по классу живописи, в 1887 году он был среди претендентов на вторую золотую медаль. На протяжении многих лет он неоднократно портретировал членов семьи И.В. Морозова. (Некоторые из этих портретов сохранились).

И.В. Морозов был одним из храмоздателей старообрядческих церквей в Москве и Орехово-Зуеве, не жалел средств на их создание и украшение. Он же серьёзно занимался коннозаводством. Близ Ислaвского находился образцовый конный завод, который новый владелец довёл до совершенства. Из четырех наследников И.В. Морозова самым подвижным и любознательным был младший сын Кирилл. Он любил общаться не только с равными себе, но и с простыми людьми. По воспоминаниям его дочери — Н.К. Морозовой: «Он ... часто убегал... на даче: то к кучерам, то в деревню к крестьянам. Любил фотографировать, был весёлым и жизнерадостным. Он в детстве очень любил лошадей, собак, машины. Когда он был маленьким, то молился Боженьке, чтобы он сделал его белой лошадкой. Федя и Ольга (брат и сестра К.И. Морозова — Н.Ф.) животных не любили. Кирилл же был баловень, но простой по характеру и открытый. Ольга и Федя — застенчивые.»[17] Образцовое состояние конного завода И.В. Морозова впоследствии, в годы советской власти, позволило придать данному предприятию статус Госплемзавода № 1, достижения которого неоднократно демонстрировали заезжим иностранным знаменитостям.

Ветвь Морозовых-Захаровичей иногда проводила летние месяцы в ближних пригородах Москвы: в Леонове, Бутове. Об этом сохранились свидетельства Ап. К. Со-

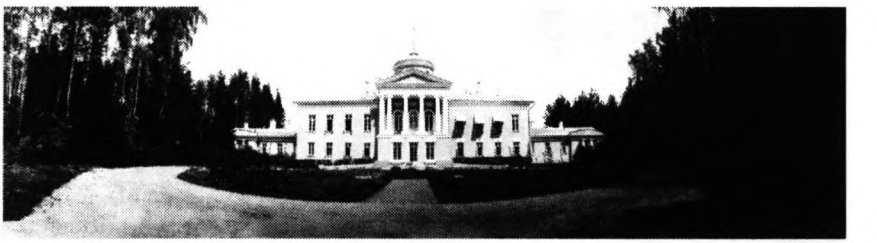
Морозовы на фоне лестницы главного дома усадьбы Одинцово-Архангельское. Слева направо: сидят – Елисей Викулович Морозов, Анна Александровна Коншина, Варвара Александровна Морозова, Алексей Викулович Морозов; стоят – Иван Викулович Морозов, Иван Абрамович Морозов, Сергей Николаевич Коншин, Сергей Иванович Чечелев, Фото нач. 1900-х гг. Из архива Н.К. Морозовой-Дубковой. Публикуется впервые.

Исламское. Фото 1910-х гг. Из архива Н.К. Морозовой-Дубковой. Публикуется впервые.

ловьевой, внучки Арсения Морозова в её воспоминаниях «История моей жизни».[18] С 6 до 10 лет мемуаристка жила в Леонове, бывшей усадьбе Демидовых и Хованских, которая на рубеже XIX-XX веков была приспособлена под дачи. «Дача большая, но неуютная. Посреди небольшого сада — огромная ель... Парк какой-то казённый. За парком затаённые лесные дорожки». Лето 1905 года, которое они по традиции провели в Леонове, Апполинарии Соловьевой запомнилось ураганом с пожарами, катаниями на лодке по Яузе и танцевальными вечерами на даче Севастьяновых.

Об этой же усадьбе упоминает и М.В. Алпатов, будущий известный искусствовед, ровесник мемуаристки, потомок фабрикантов Капустиных, поселившихся здесь же: «В Леонове прошлое обступало нас со всех сторон, здесь был старинный липовый парк, который правильностью аллей вещал нам о далёком прошлом, величавом и чопорном по сравнению с тем, что делалось в наше время... Леоново... было для нас мерой красоты и гармонии», — писал он в своих воспоминаниях[19]. Всё это прекрасно передаёт те чувства, которые испытывали новые обитатели бывших барских подмосковных.

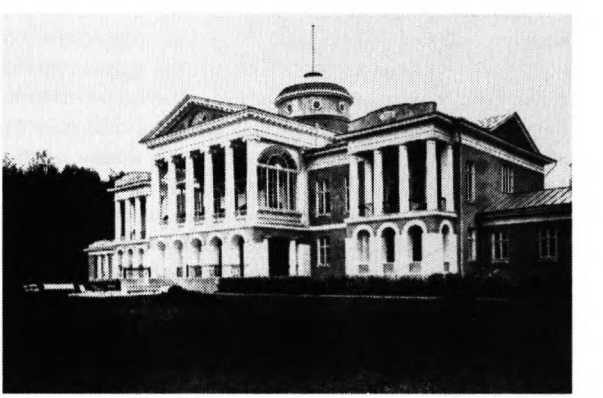
Лето 1907 года семья Апполинарии Соловьевой провела подальше от Москвы «в К[а]литине на берегу Клязьмы в 12-ти верстах от Глухова. Там была ферма. Берег реки высокий и красивый. Дом славный, одноэтажный, серый, сад довольно большой, в саду гамак»[20]. Тесно связанные со своим фамильным производством представители ветви Захаровичей приобретали усадьбы поблизости к своей родовой фабрике, в окрестностях Богородска: в Глухове и Калитине, на



Исламское, главный дом усадьбы. Фото 1910-х гг. Из архива Н.К. Морозовой-Дубковой. Публикуется впервые.

берегах реки Клязьмы и её притока — Шерны. Та же мемуаристка сообщает: «В Глухове, у бабушки был великолепный дом и сад. Бабушка [Любовь Степановна Морозова, урождённая Рябушинская — Н. Ф.] повела пить чай в беседку под дубок, откуда прелестный вид на пруд, залитый солнцем. Сад в английском стиле, очень ухоженный, на берегу зеркально-чистого пруда, веселил взоры зелёными газонами, многочисленными клумбами и тенистыми аллеями. Хороша была липовая аллея, липы, кудрявясь образовывали шатёр, ведущий к купальне». Далее она упоминает «Аллею роз», идущую полукругом к обсаженной розами «Маленькой даче» и лес с ландышами». «В глуховском саду, — пишет мемуаристка, — мы часто гуляли с детьми Морозовыми. Семилетний Володя, смирный, добрый мальчик, пятилетняя Липа — изящная малютка с застенчивыми голубыми глазами. Маленький Серёжа — милый хороший бутуз»[21].

Ап. К. Соловьева описывает и как жили в летнее время другие её родственники, например, тётушка по матери — Глафира Арсеньевна Расторгуева. «У дяди Коли и тёти Глани была уютная дача в Сокольниках. Дядя Коля имел рыбные лавки в Охотном ряду, был человек ласковый и степенный, любил литературу, [был] необыкновенно чистоплотный и большой гастроном. Тётя Гланя одевалась очень хорошо, была необыкновенно аккуратна и вообще ласкова к нам. Гуляли по просекам, посещали бабушку Олимпиаду в её санатории, где у неё была квартира. Затем были в Богородске, но не в большом доме с большим зимним садом с пальмами, широким коридором, устланным ковром, залой и многочисленными комнатами для гостей, а во вновь отстроенном одноэтажном с замеча-



Исламское, главный дом усадьбы. Фото 1910-х гг.

Исламское, анфилада залов в главном доме усадьбы. Фото 1910-х гг. Из архива Н.К. Морозовой-Дубковой. Публикуется впервые.

тельной голубой столовой и длинной террасой»[22]. Речь идет о доме А.И. Морозова, построенном для него архитектором А.В. Кузнецовым, который представлял собой нечто среднее между голландским сельским домом и английским коттеджем. А.И. Морозов, неоднократно бывавший в Манчестере по делам своей фирмы, в своих архитектурных вкусах, безусловно, находился под влиянием западно-европейского зодчества. Арсений Морозов, дед мемуаристки, как и некоторые другие представители этой семьи был не лишён художественных пристрастий, он коллекционировал картин русских художников. Его коллекция ныне хранится в Ногинском краеведческом музее.

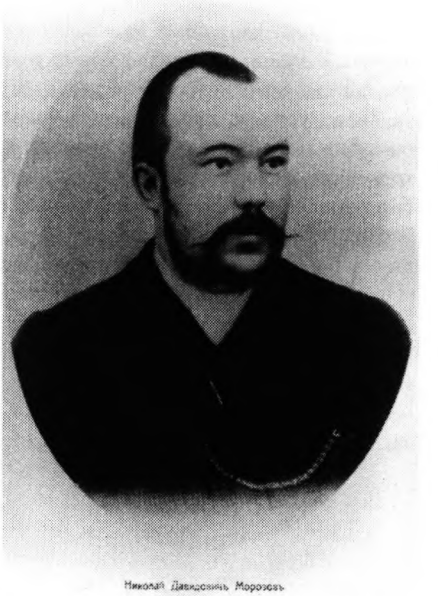
Упомянутое имение в Бутово принадлежало дяде мемуаристки со стороны отца — Н. М. Соловьёву. Главный дом по традиции в глубине сада. «Сад спускался к пруду и был велик. Дача двухэтажная с четырьмя террасами»[23]. (В настоящее время на месте бывшего дачного посёлка в Бутове — жилые микрорайоны Москвы).

Другой представитель ветви Захаровичей — Н.Д. Морозов приобрёл роскошную и благоустроенную барскую подмосковную — Льялово, расположенное на реке Клязьме, которое в разное время принадлежало Буйновым-Ростовским, Ромодановским, Головкиным, Козицким, а затем князьям Белосельским — Белозерским[24]. Усадьба славилась своим парком, фруктовыми садами и оранжереями. Существенно перестроив её, новый хозяин переименовал усадьбу в Морозовку, а главный усадебный дом превратил в подобие замка, сооружённого в стиле модерн с использованием элементов западно-европейской фахверковой архитектуры. Здание, созданное по проекту А.В. Кузнецова, было выполнено полностью из дерева. На современников он производило разное впечатление. Сосед Морозова по имению — П.А. Бурышкин сравнивал его с английским замком: «Н[иколай] Д[авидович] долго жил в Англии, хорошо знал английскую хлопчато-бумажную промышленность. Он был моим соседом по имению, он купил у Белосельских-Белозерских их подмосковное имение, где построил прекрасный дом в стиле английского замка. Имение это было в десяти вер-

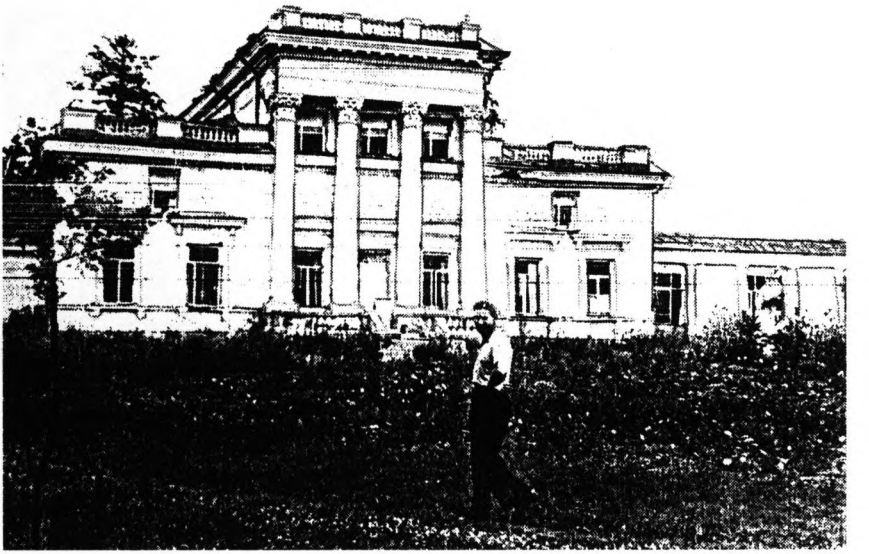
стах от нашего, мы часто ездили в Москву одним поездом. С этого началось наше знакомство, перешедшее потом в дружбу»[25]. У сына А.М Горького, Максима Пешкова загородный дом Морозова также вызывал ассоциации с китайской пагодой и кораблём: «Замечательный парк с прудом и лодкой, сад. Все содержится в немецкой чистоте и порядке. В саду и парке ни одного окурка. Вообще не по-русски», — писал он.[26] Внутреннее убранство льяловского дома поражало очевидцев тщательной отделкой чёрным дубом и пола и потолка[27]. К сожалению, до настоящего времени оно не уцелело. За исключением ряда хозяйственных построек, сооружения усадьбы сгорели во время Великой Отечественной войны.

Храм Воскресения в с. Кожине. Фото 1990-х гг. Из архива Н.А. Филаткиной. Публикуется впервые.

Морозовы-Абрамовичи. Кожино — имение полного тёзки предыдущего представителя морозовского клана: Николая Давидовича Морозова из ветви Морозовых-Абрамовичей находилось близ г. Рузы на правом берегу Москвы-реки у слияния её с небольшой речкой Елицей. Его имение, как и большинство других усадеб, длительное время являлось одним из дворянских гнёзд Подмосковья. Эта живописная местность изобиловала сосновыми борами и множеством лугов. В 1646 году в этом сельце — вотчине Ивана Марковича Поздеева была выстроена небольшая деревянная церковь во имя Воскресения Господня. С тех пор село именуется также Воскресенским. Храм же был, вероятно, сначала только усадебным и содержался её владельцами. В 1703 году владелица



Николай Давидович Морозов. Фото 1890-х годов.



Вид главного дома в усадьбе Кожино, с фотографии 1950-х гг. Из архива Н.А. Филаткиной. Публикуется впервые.

имения Анна Ивановна Языкова выделила земельные угодья для церковного причта. В это время приход храма охватывал население села Кожино и соседних деревень Бельково, Тимофеево, Бараново.

Сама усадьба неоднократно меняла своих хозяев, к 1762 году помещиком села был князь Николай Сергеевич Долгоруков. В 1842 году был построен новый храм в стиле ампир. Иконостас сооружён во второй половине XVIII столетия, т. е. был перенесён из предыдущей церкви. Во второй половине следующего столетия усадьбу приобрёл Н.Д. Морозов. По традиции хозяин усадьбы являлся и церковным старостой местного храма и, как правило, много содействовал её благоукрашению. Облик усадьбы не претерпел значительных изменений. Барский дом был в центре высотою в полтора этажа, с мезонином и не отличался богатством отделки фасадов. Центральный фасад был выделен ризолитом с четырёх-колонным портиком композитного ордера. Боковые крылья над карнизами отделаны балюстрадами, обрамлявшими площадки веранд. Балюстрадой завершался и мезонин дома. Усадьба славилась фруктовыми садами, богатыми урожаями яблок.

Н.Д. Морозов был очень привязан к этому уютному уголку Подмосковья. Он не был женат и потомства не оставил. После смерти, согласно воле владельца усадьбы, его похоронили у алтаря этого храма. Часть движимого имущества: капитал в 40 тыс. руб., а также все золотые и серебряные вещи он завещал своей любовнице, австро-венгерской гражданке Эстер Пошар. Сама же усадьба по его завещанию перешла к его двоюродному брату со стороны матери — Н.А. Алексееву. Священнику местного храма Морозов завещал 1 тыс. руб.[28].

Храм Воскресения в Кожино долгое время сохранял свой первоначальный облик, как внешний, так и внутренний. Но в постперестроечное время едва не был безвозвратно утрачен. Два местных предпринимателя добились у администрации поселка разрешения превратить церковь в... ресторан (!) Крест в неё был снят, фрески середины XIX века были сбиты со стен, едва не была утрачена и могила Н.Д. Морозова, расположенная близ алтаря храма. Но не было бы счастья, да несчастье помогло. Партнеры по ресторанному бизнесу крупно повздорили друг с другом, при этом один из них был убит, а другой отправился в места не столь отдаленные. Благодаря ходатайству местных жителей и дачников администрация одумалась и вернула храм в лоно Патриархии. В настоящее время на средства прихожан церковь восстанавливается, заботами священника и членов прихода воссоздан памятник на могиле Н.Д. Морозова, в усадебных постройках на протяжении многих десятилетий располагается туберкулёзный санаторий.

Морозовы-Тимофеевичи. Род Тимофеевичей также проявлял интерес к приобретению загородных усадеб. Лето ещё при отце — Т.С. Морозове, представители данной ветви знаменитой династии проводили в имении Мисхор. Для этого Т.С. Морозов даже принял непосредственное участие в концессии по строительству Курской железной дороги. Надо сказать, что он и скончался в этом имении в октябре 1889 года. После свадьбы его сына Саввы с З.Г. Морозовой, эта чета ежегодно отдыхала на даче в Мисхоре[29].

В Подмосковье с начала 1880-х годов Т.С. Морозов владел имением Усады, расположенным на Владимирской дороге в 9 верстах от Орехово-Зуева. Усады располагались на живописном берегу реки Киржач, на опушке густого леса. Это имение в 1892 году было перестроено по инициативе Саввы Тимофеевича Морозова его старым знакомым Ф.О. Шехтелем,[30] который ещё в 1883 году построил для известного предпринимателя в Москве уютный «готический» особняк на Спиридоновке. А на берегу Киржача Ф.О. Шехтель создал для Саввы причудливый деревянный терем. Это здание восхищало бывавшего в Усадах А.П. Чехова[31].

Но супруге Саввы — Зинаиде Григорьевне не нравился этот дом и местность, которая изобиловала комарами К тому же у неё были сложные отношения со свекровью, которая, мягко говоря, не могла смириться с женитьбой сына на разведённой особе, развод кото-

Храм Воскресения в с. Кожине.
Из архива Н.А. Филаткиной. Публикуется впервые.

рой стал потрясением для морозовского клана в целом, поскольку касался близкого родственника — племянника — Сергея Викуловича Морозова. Поэтому для загородного проживания З.Г. Морозовой вместе с детьми Савва Тимофеевич в 1892 году приобрёл небольшое имение в западном Подмосковье — Покровское-Рубцово Звенигородского уезда.

Покровское-Рубцово как усадебный ансамбль сложилась в середине XVIII века, когда её владельцами были Нащокины. От той эпохи уцелел парк с прудами и Покровская церковь. В конце XVIII века она становится владением помещиков Голохвастовых, родственников А.И. Герцена[32]. А в 1892 году её приобретают Морозовы. С тех пор старинный барский дом с фронтоном и колоннами, расположенный на берегу небольшого пруда и окружённый старинным липовым парком, надолго стал местом летнего пребывания его семьи. Здесь родились трое из четверых детей С.Т. и З. Г. Морозовых: старший сын Тимофей, дочь Мария и младший Савва[33].

Оформление и перепланировка интерьеров усадебного дома были поручены хозяевами Ф.О. Шехтелю. Зодчий объединил главный дом пристройкой с флигелем, создав в ней большой зал. По воспоминаниям внука владельцев, гостиные дома были украшены майоликовыми каминами и витражами[34]. В гостях у владельцев усадьбы бывали историк В.О. Ключевский, художники И.И. Левитан, В.Д. Поленов, В.А. Серов, писатель А.П. Чехов, режиссёры и актёры Московского Художественного театра: К.С. Станиславский, В.И. Немирович-Данченко, О.Л. Книппер, А. Вишневский и другие. Владельцы усадьбы были близко знакомы с семьей Л.Н. Толстого, так как в гимназии Савва Морозов учился с сыном писателя Сергеем Львовичем, по приглашению которого чета Морозовых гостила в Ясной Поляне[35]. У себя в Покровском-Рубцове Савва Морозов выстроил ремесленную школу для местных ребятишек[36]. Из всех гостей Покровского детям З.Г. Морозовой — Тимофею, Маше и Люлюте (Елене) — особенно полюбился А.П. Чехов. Они гуляли вместе с писателем, беседовали, читали книги. Свою повесть «Каштанка», он преподнес детям Морозовых с дарственной надписью: «Сестрам Морозовым Маше и Люлюте от дяди Антоши Чехонте»[37].

Дети С.Т. Морозова — Мария, Елена и Савва. Фото начала 1910-х годов. Из личного архива Т.П. Морозовой.

Как-то раз гостивший у Морозовых известный врач А.А. Остроумов, встретив здесь А.П. Чехова, заметил его измождённый вид и

Главный дом усадьбы Покровское-Рубцово. Фото 2004 г.
Из архива Н.А. Филаткиной. Публикуется впервые.

сказал: «Вот что, Антон, тебе переезды из Крыма в Москву очень вредны, лучше живи в Звенигородском уезде. Он по климату и красоте хорош!» Писатель задумался над этим советом. А З.Г. Морозова, с большой симпатией относившаяся к нему, начала подыскивать для него дачу. В противовес своей антипатии к Горькому, она обожала Чехова и так вспоминала о посещении своего имения Чеховым и Книппер: «Это был неземной человек, что-то от Христа в нём было, божественное что-то. А Книппер-то собою представляла вполне заурядную немку или еврейку крещёную, кто их там разберет. Бабочка — кровь с молоком, таким только подавай мужика, да покрепче... Совершенно, со стороны, чужие люди были Антон Павлович и Ольга Леонардовна... Приехали к нам в Покровское, хотели себе именьице приобрести у Маклаковых, это у Киселёвского обрыва, за Покровским еще вёрст пять. Ольга Леонардовна в восторге: «Там так хорошо, Антоша!» И тогда вдруг, Антон Павлович сам не свой, даже в лице переменился: «А зимой, когда ты будешь в Москве, в театре, что мне останется тут — в лесах, в снегах, за тридевять земель от железной дороги?»[38]. И покупка не состоялась.

Но Морозовых не покидала мысль о том, чтобы устроить Чехова где-нибудь поблизости. В своем письме к О.Л. Книппер З.Г. Морозова писала: «Вы и Антон Павлович оставили у нас лучшие воспоминания, а главное чувство простоты... Я это очень ценю в людях... Благодаря этим воспоминаниям, я не оставила мысли, что будущим летом Вы будете у нас. (В настоящее время) мы заняты устройством для Вас дачи... Савва вернулся с фабрики и привёз дачу...»[39] То есть, Савва Тимофеевич решил вывести из Усад на Киржаче свой деревянный дом, построенный

Шехтелем, и подарить его Чехову. Однако, собрать дом в Покровском так и не успели: в июле 1904 г. скончался А.П. Чехов, а в мае 1905 г. в Каннах трагически погиб Савва Морозов. (В первые годы революции сруб дачи сгорел.)

Главным увлечением хозяйки Покровского-Рубцова было цветоводство, особенно выращивание и селекция луковичных растений. Интерьеры главного дома всегда были богато и с большим вкусом декорированы цветочными композициями в изящных фарфоровых вазах. Коллекционирование фарфора составляло ещё одно многолетнее увлечение З.Г. Морозовой.

В октябре 2000 года автор этих строк посетила Покровское-Рубцово. В парке повстречалась пожилая женщина, которая рассказала о том, что в начале 1930-х годов, ещё пионеркой, она в течение двух дней оказалась гостьей этой усадьбы, где к тому времени находился дом отдыха сибирских золотодобытчиков. По её словам, в главном доме ещё уцелела прежняя мебель и оформление интерьеров. Экскурсию по дому для них вела дочь прислуги Морозовых, от которой дети узнали много подробностей из жизни прежних обитателей усадьбы. Экскурсовод поведала, что и в первые годы после революции З.Г. Морозова, которая уступила советскому правительству свой дом в Горках, живя здесь, не оставила своего увлечения цветоводством, и в это трудное для неё время даже вынуждена была продавать отлично подобранные букеты и цветочные растения из своей оранжереи на местном базаре.

С.Т. Морозов владел ещё несколькими усадьбами — имением Горки Дмитровского уезда Московской губернии, а также усадьбой Всеволодово-Вильва близ Перми на Урале, находившейся недалеко от принадлежавших ему рудников и химических заводов, о чём имеются сведения в воспоминаниях писателя А.

Вид усадьбы Покровское-Рубцово. Фото нач. 1970-х гг.
Из архива Н.А. Филаткиной. Публикуется впервые.

Сереброва-Тихонова и в книге правнучки — Т.П. Морозовой[40]. Последним владельцем Покровского-Рубцова был старший сын С.Т. и З.Г. Морозовых — Тимофей Саввич[41].

Живя в звенигородских пенатах, Зинаида Григорьевна деятельно участвовала в работе местного земства. В селе Покровское-Рубцово она на свои средства построила земскую школу имени свекра — Т.С. Морозова, а при самом имении был создан приют её имени, но в этот период она была уже в третьем браке и носила фамилию Рейнбот. После смерти С.Т. Морозова она долго не смогла оставаться в Покровском-Рубцове и приобрела у предпринимателей Герасимовых усадьбу Горки Подольского уезда. Благодаря своей кипучей натуре, она незамедлительно принялась в 1909-1914 годах перестраивать вновь приобретённое гнездо, вновь поручив это Ф.О. Шехтелю. Старый барский дом получил ассиметричный фасад, слева к нему было пристроено помещение для зимнего сада, перестроены оба флигеля, в усадьбу проложен водопровод, телефон, построен гараж для автомобилей, проведена перепланировка парка. Часть участка была использована для строительства деревянных дач, создана молочная ферма для собственных нужд и удовлетворения потребностей дачников. В Горках также была создана новая оранжерея, которая используется до сих пор. (Парадоксально, но благодаря тому, что Горки в советское время стали музеем вождя пролетариата, сохранность усадьбы и её интерьеров поражает сегодняшних её посетителей.)

Сергей Тимофеевич Морозов. Фото нач. XX в.

Младший брат Саввы Морозова — Сергей Тимофеевич также приобрёл имение в Звенигородском уезде Московской губернии. Это — усадьба Успенское. Успенское известно со времён Ивана Калиты. В 1624 году оно принадлежало вместе с селом Ислявским уже упоминавшимся братьям Борису и Глебу Морозовым, а позже досталось потомкам М.В. Апраксина. В конце XVIII века оно принадлежало Бекетовым, в XIX веке — Святополк-Четвертинским и Арапову, у которого Сергей Морозов купил его в конце XIX века.[42]

Сергей Тимофеевич Морозов, создатель Кустарного музея в Москве, был близко знаком с художником И.И. Левитаном, брал у него уроки живописи, вместе с ним ездил на этюды. Морозов на протяжении многих лет оказывал художнику материальную поддержку. Левитан неоднократно бывал в усадьбе своего покровителя. Здесь летом 1897 года он написал этюд «На Москве-реке», а в 1898 году

Успенское, главный дом усадьбы. Фото 1990-х гг. Из архива Н.А. Филаткиной. Публикуется впервые.

картину «Сумерки. Замок», изображающую дом в Успенском. В этом доме в июле 1897 года бывал и А.П. Чехов, но морозовское гнездо ему не понравилось, о чём он записал: «На днях был в имении миллионера Морозова. Дом — как Ватикан, лакеи в пикейных жилетах с золотыми петлями на животах, мебель безвкусная, вина — от Леве, у хозяина никакого выражения на лице, — и я сбежал»[43].

Несомненно, Сергей Морозов уступал по силе характера и темперамента своему старшему брату Савве, однако он, хотя и вызывал пристрастное отношение А.П. Чехова, отнюдь не был человеком никчемным и праздным, напротив отличался широким кругом культурных интересов. В 1906-1917 годах он был директором-распорядителем семейной мануфактуры. В тот же период состоял почётным попечителем созданного им Кустарного музея, был известным меценатом, пайщиком Московского Художественного театра, субсидировал журнал «Мир искусства». Кроме того, он был членом Совета Строгановского училища, Комитета по устройству Музея изящных искусств в Москве, Общества возрождения художественной Руси и ряда других. Сам неплохо рисовал, занимался пейзажной живописью, создавая этюды в окрестностях Успенского.

Таким образом, в начале XX столетия множество подмосковных старинных дворянских гнёзд стали собственностью новой русской элиты. Старые усадьбы частично изменили свою планировку, появились новые постройки, новые обитатели. Но дух усадеб несомненно оказывал значительное влияние на новых владельцев, заставлял ощущать связь с прошлым, переносить в настоящее лучшие традиции былого.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Н.К. Морозова-Дубкова. Воспоминания. 1990-е. Архив Н.К. Морозовой-Дубковой, частное собрание.
2. Щукин П.И. Из истории меценатства в России. М., 1997. С. 20.
3. Лист Г.Н. Воспоминания. Публикация В.Ю. Кончаловского // Русская усадьба. № 8. 2002. С. 334.
4. Константин Коровин вспоминает. М., 1990. С. 407-408.
5. Дневник А.В. Морозова. 1876-1877 гг. Архив Б.Н. Свидерской, частное собрание.
6. Там же.
7. Памятники архитектуры Московской области. Т. 2. М., 1975. С. 58.
8. Морозова М.К. «Мои воспоминания». // Московский альбом. М., 1997. С. 205-206.
9. Чечелев Николай Иванович, потомственный почетный гражданин, классный художник живописи, в 1887 г. окончил Императорскую Академию художеств в Петербурге, преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, Строгановском художественном училище, жил в Трехпрудном пер., д. 5, близ Тверской.
10. ЦИАМ. Ф. 302. Оп. 1. Д. 95.
11. «Алексей Викулович Морозов. Из разговоров с Ольгой Ивановной». Архив Н.К. Морозовой-Дубковой
12. ЦИАМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 194.
13. Нащокина М.В. Архитекторы московского модерна. М., 1998. С. 269, 276.
14. Одинцовская земля. Энциклопедия сёл и деревень Подмосковья. М., 1994. С. 234-235.
15. Нащокина М.В. Указ соч. С. 32.
16. Сообщено Н.К. Морозовой-Дубковой.
17. Н.К. Морозова-Дубкова. Воспоминания. Записано со слов Н.А. Филаткиной 2003 г.
18. ЦИАМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 194.
19. ОР РГБ. Ф. 709. Оп. 1. Д. 18.
20. Алпатов М.В. Воспоминания. М., 1994. С.48.
21. ОР РГБ. Ф. 709. Оп. 1. Д. 18.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. Бурышкин П.А. Москва купеческая. М., 1996. С. 130, 131.
26. Русская усадьба. Вып. 4/(20). М., 1998. С. 137.
27. См.: Нащокина М.В. Архитектурные вкусы Саввы Морозова // Морозовы и Москва. М., 1998. С.125-126.
28. Там же.
29. ЦИАМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 148.
30. Морозова Т.П., Поткина И.В. Савва Морозов. М., 1998. С. 74.
31. Лизунов В.С. Минувшее проходит предо мною. Орехово-Зуево, 1996. С. 74; Нащокина М.В. Архитекторы московского модерна. С. 276.
32. Морозова Т.П., Поткина И.В. Указ. соч. С. 69.
33. Мелехов Е.П. Из истории усадьбы Покровское-Рубцово. // Тезисы докладов и выступлений научно-практической конференции «Купцы Морозовы- российские предприниматели и меценаты». Орехово-Зуево, 1997. С. 95.
34. А. Серебров. Время и люди. М., 1960. С. 189, 190, а также Морозова Т.П.,

Поткина И.В. Указ. соч. С. 82.
35. Морозов Савва. Дед умер молодым. М., 1992. С. 102.
36. Там же. С. 113.
37. Там же. С. 109.
38. Морозов С.Т. «Из рассказов бабушки». Записано со слов З.Г. Морозовой.
39. Письмо З.Г. Морозовой — О.Л. Книппер. Музей МХАТ, № 3873.
40. Морозов Савва. Дед умер молодым. М., 1992. С. 101.
41. Сведения из архива Т.П. Морозовой.
42. Морозова Т.П., Поткина И.В. Указ. соч. С. 82.
43. Одинцовская земля. Энциклопедия сёл и деревень Подмосковья. М., 1994. С. 429.

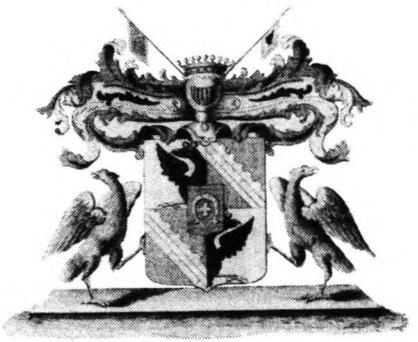
Автор выражает сердечную благодарность Н.К. Морозовой-Дубковой за предоставление уникальных фотографий из семейного архива.

СЕМЕЙСТВО ЧЕРНЫШЕВЫХ В ЗАПИСКАХ ГРАФА М.Д. БУТУРЛИНА*

«Из Орла мы свернули с большой дороги, чтобы навестить графа Григорья Ивановича и графиню Елисавету Петровну Чернышовых, проводивших лето в их имении с. Тагине, в Орловском же уезде. Семейство это, любимое и уважаемое в обеих столицах и в провинции, отживало тогда безсознательно последние свои мирные дни. Громовой удар 14 Декабря того же года был за порогом и неожиданно поразил, четыре месяца после нашего отъезда из Тагина, трех членов этого семейства. Всех молодых графинь было шесть; самой младшей графине, Надежде Григорьевне, было 12 лет; матери ея было под пятьдесят лет, когда она родила эту дочь, и она стыдилась даже своей беременности, называя себя новою Саррою. Из всех сестер отсутствовавшею была только Александра Григорьевна, недавно перед тем вышедшая замуж за Никиту Михайловича Муравьева. Не было также на лицо и молодого даже графа Захара Григорьевича, служившего в кавалергардском полку. Имена молодых графинь были: София Григорьевна (впоследствии Чернышева-Кругликова), Елисавета Григорьевна (Черткова), Наталья Григорьевна (Муравьева), Вера Григорьевна (графиня Пален) и Надежда Григорьевна (княгиня Долгорукова). Все они были веселы, приветливы, любезны, и все вышли примерными женами. Необыкновенно хороши собою были из них графини Елисавета и Вера Григорьевны, но всякая в своем роде. Не отстала от них позднее и гр. Надежда Григорьевна; но тип ея был чисто цыганский при величавом росте. Гр. Елисавета Григорьевна напоминала собою чисто восточный тип, как я видал в гравюрах Аравитянок и Израилитянок в библейских сюжетах Гораса Верн? У нея были большие кофейного цвета глаза (по английски, «hazel eyes»), правильные и тонкие античные черты лица на матово-смугловатом фоне, темные, но не совсем вороного крыла цвета, волоса, роста среднего, но превосходно сложена, приемы живые и отрывистые, но грациозна во всех движениях и даже в походке. С ранних лет она была неимоверно худа и осталася таковою до смерти. Эксцентрических выходок было у неё немало; никакой впрочем аффектации в них не было, и они очень потешали ея друзей, и даже более и более привязывали их к этой оригинальной женщине. Натура была пылкая и любящая, горячий друг своим друзьям, стояла за них горою перед кем бы то ни было, и таковою осталась до конца. Не замолчит она никогда, если кто-нибудь в её присутствии из знакомых или незнакомых проронит какой-нибудь неодобрительный или иронический намек на счет кого-нибудь из её друзей. И как ни разны были её характер, вкусы и привычки, с мужниными, она ценила мужа вполне и силилась, при всяком случае, возвысить его в мнении общества. Чудное было создание, но многими непонятое!

Красота и привлекательность графини Веры Григорьевны разнились во всем с её сестрою. Раз только в жизни я встретил её двойню в лице болгарской девушки на ночлеге в Балканах, когда я возвращался с полком из Турции в 1829 году. Много позднее, в

**Записки графа М.Д. Бутурлина // Русский архив, 1897, № 5, с. 39-44, 72-74.*



Герб графов Чернышевых.

40-х годах, в Петербурге находили большое сходство между графинею Верою Григорьевною Пален и графинею Росси (бывшею певицею Зонтаг, муж которой был тогда Сардинским посланником при нашем дворе), с тою разницею, что последняя была светлою блондинкою; но я не разделял этого мнения и находил, что в Вере Григорьевне было несомненно более поэзии и привлекательности. Брюнеткою можно было назвать графиню Веру Григорьевну лишь по глазам и оттенку волос, но белизна кожи и постоянный румянец щек принадлежали блондинке. Глаза были небольшие и кругловатые, но взгляд был томно задумчивый и нежный (un regard voile) и не изобличающий силы характера и воли, которыми, однакоже, она была, одарена[1]. Рот был маленький с припухлыми ярко малиновыми губами (то, что по-французски тривиально зовется «comme deux cerises»): более совершенного ротика не мог бы придумать любой живописец. Движения были плавны, сдержанны и проникнуты негою. Если не было в ней классического совершенства, красоты и ничего напоминавшаго Рафаэлевых мадонн, зато тут была женственность; это было такое создание, от которого трудно было отводить глаза.

Графиня Надежда Григорьевна не подходила ни к той, ни к другой из сестер: роста была мужского, смуглая, как цыганка, и с сильным, киноварным румянцем во всю щеку до самых ушей, с выразительными темными глазами, с той особенностию, что у неё не видать было вовсе верхних ресниц, и глаза казались как бы выходившими прямо из под бровей; брови были густы и горизонтальны, а волоса темные. Вся ея фигура была величава и эффектна, но не было той пленительной женственности, как в графине Вере. Изо всех сестер стройностию талии наиболее отличалась гр. Наталия Григорьевна, и странно сказать, еще восемнадцатилетнею, похожа была на свою бабушку Н.П. Самарину[2].

О нравственных достоинствах всех шести сестер нечего и говорить: все они выказали себя безупречными женами и образцовыми матерями. Таковы были плоды в них и в родных моих сестрах воспитательной школы графини Елисаветы Петровны и ея друга, нашей матери. Не описал я Александру Григорьевну, одну из Сибирских героинь. Она была выше среднего роста, блондинка, кровь с молоком и широковатого телосложения. Тогдашние Петербургские Англичане находили поразительным сходство ее с умершею в 1817 году принцессою Шарлоттою, дочерью тогдашнего принца-регента, впоследствии короля Георга IV.

Тагинский доме был крайне оригинален. К первоначальному одноэтажному и небольшому деревянному дому пристраивались постепенно, по мере надобности, анфилады комнат и коридоров с обоих боков, без всякой симметрии и единства наружной архитектуры. Помнится мне, что каждая из этих построек имела свою отдельную крышу, и в одной из них помещалась домовая церковь (устроенная вероятно потому, что сельская церковь находилась в большом отдалении от господского дома), и в ней

службу, отправлялась по воскресным дням с весьма стройным пением дворовых людей. Но так как местность, где стоял господский дом, была покатою, то иные постройки были несколькими ступеньками выше одна другой; но все они были в одном этаже. Снаружи все это имело вид какой-то фабрики, а внутри было лабиринтом для новоприезжего, но лабиринтом уютным для жильцов. По экономическим, вероятно, причинам (так как дела графа Григория Ивановича были расстроены), Чернышевы намеревались провести зиму в Тагине, и потому при них находились учителя: музыки — г. Гардорф, рисования — Александр Ивановиче Погонкин (кажется, так его звали), и свой домашний медик, молодой немец, фамилию которого не упомню. У них же доживал свой век старый учитель рисования итальянец Маниани, разбитый параличем в ноги: он находился в России с самого начала нынешнего века.

П.Ф. Соколов. Портрет Н.М. Муравьева. Около 1817 г.

В Тагине был оркестр из крепостных музыкантов, сформированный иностранцем г. Евсташевым (Eustache); самого капельмейстера я уже не застал, но оркестр мог бы с честью занять место в любом столичном театре. Много позднее, в 40-х годах, я часто видал дочь упомянутого капельмейстера, проживавшую у Елисаветы Григорьевны Чертковой.

Весело проходило время в Тагине, несмотря на то, что посторонних никого не было кроме Якова Федоровича Скарятина и его жены Натальи Григорьевны, рожденной княжны Щербатовой. Н.Г. Скарятина была еще очень хороша собою, хотя оба старшие её сына, Григорий и Федор поступили в том же году юнкерами в армейский драгунский полк[3]. У Скарятиных было еще четыре сына, Владимир и Александр Яковлевичи, которым в описываемое мною время было от 12 до 14 от роду лет[4], и два совершенно малолетние; дочерей у них не было.

Молодые графини приняли меня как бы родного брата, и почти сразу мы стали на «ты», езжали вместе каждый день большою кавалькадою (так как у них был свой завод английских полукровных верховых лошадей), а по вечерам слушали концерты их оркестра. Графиня Елисавета Петровна, обходилась со мною, как с сыном, но строгая в своих правилах, прохода не давала мне за мою привычку курить, хотя не иначе, как на открытом воздухе.

Кузина моя Лиза одарена была замечательно обширным сопрано, тщательно обработанным уроками Петербургского маэстро Сатенца; значит, в этом отношении, мне была с ней, как говорится, лафа, и мы певали вместе, по целым почти дням.

Граф Григорий Иванович олицетворял собою офранцуженных Екатерининских вельмож: он был очень любезен в обществе, свободно писывал Французкия вирши и довольно плохо знал Русский язык. Памятником Французскаго его авторства сохранился у меня экземпляр изданных им в 1821 году нескольких Французских комедий и «провербов», написанных им для Гатчинского придворного театра, под заглавием «Theatre de l'arsenal de Gatchina». Находясь в молодости при князе Потемкине, он вот что разсказывал о его смерти, чему был очевидцем. Светлейший Таврический князь заболел дорогою в Молдавии, долго не хотел прибегать ни к каким медицинским пособиям, наконец, согласился принять сильнейшего слабительного, и тот час же после приема обкушался ветчиною и другими пищеварительными яствами, от которых последовало желудочное воспаление, причинившее ему смерть.

Граф Чернышов рассказывал также, что когда, он, будучи очень молодым человеком, возвратился из путешествия по Европе, то граф Иван Григорьевич, его отец, представил его императрице Екатерине, которая приняла его весьма милостиво и повела показать ему свой кабинет, где на стенах и в меблировке исключительно преобладал ярко-огненный цвет. Неопытный юноша-царедворец ничего не придумал лучшего как сказать, что кабинет её величества представлял жилище Прозерпины, напоминая, таким образом, державной хозяйке об аде, хотя и мифологическом. Не знаю наверно, имел ли когда-нибудь граф Григорий Иванович собственный дом в Москве; но Петербургский его дом был на Мойке у Синего моста, проданный им в начале 20-х годов в казну: там первоначально находилась Школа гвардейских подпрапорщиков, а позднее дворец великой княгини Марии Николаевны. Граф Чернышов был когда-то масоном, как большинство тогдашних вельможе, и незадолго до своей смерти (в 1830 году) устроил у себя в Тагине (по рассказу одного очевидца) разные сюрпризы во вкусе, этого мистического общества, и в том числе проваливающийся пол (конечно не глубоко) и появлявшихся невесть откуда скелетов с надписями. С 1817 года он состоял при дворе обер-шенком. У него были всего две сестры, г-жи Ванковская (мать Ивана Федоровича, пострадавшая за Семеновскую историю 1820 года) и Плещеева. Последняя была жена Алексея Александровича, состоявшего одно время чтецом при вдовствующей императрице Марии Федоровне. У г-жи Вадковской были, кроме сына Ивана Федоровича, две дочери, одна за г. Тимирязевым, а в первом браке за г. Безобразовым (женский, как есть, гигант), а вторая за Николаем Ивановичем Кривцовым. У г-жи Плещеевой были две дочери; старшая вышла замуж уже зрелою весталкою за какого-то медика, а мень-

Н.А. Бестужев. Портрет А.Г. Муравьевой. 1832 г.

шая, очень недурная собою, за известного Московского сорви-голову и дуэлиста Дорохова, но не могла ужиться с ним и позднее была начальницею одного из женских учебных заведений где-то в дальней Сибири». (...)

«Радостна и печальна была моя встреча с Чернышовыми. Мы ежедневно у них обедали и проводили большую часть времени. Они тогда жили в доме Тургенева на Самотечной Садовой, на углу первого Спасского переулка, ведущего к Каретному ряду. Дом этот сохранил и поныне первоначальную свою послепожарную архитектуру Александровской эпохи, с мифологическими лепными фигурами и эмблемами на фасаде, и я никогда равнодушно мимо его не проезжаю. О, как горестно было смотреть на это столь недавно еще счастливое семейство Чернышовых! Графиня Елисавета, Петровна была разбита параличем в обе ноги и в правую руку. В первое время после ареста в Тагинском её доме сына и зятя, она лишилась языка; но когда мы приехали в Москву, это уже прошло, хотя и не совсем. Александра Григорьевна Муравьева жила в Петербурге в ожидании решения судьбы обожаемого мужа; когда же он отправлен был в Сибирь, то она прискакала к матери на одну только ночь (которую, это я хорошо помню, она провела лежа на полу, рядом с материнской кроватью), и поспешила догнать мужа на этапе по Ярославской или Владимирской дороге. Если не ошибаюсь, Никиту Михайловича Муравьева не вели по пересылочной пешей команде, но его вез жандармский офицер. Тайком от всех с Александрою Григорьевною поехали до Ярославля сестры её графини София, Наталья и Вера Григорьевны для свиданья и прощания с их братом и зятем. Без мужчины неловко было им ехать и потому в этой печальной поездке их сопровождал г. Слоан, принятый уже в этой семье по рекомендации моей матеры, как свой человек. Одной гр. Елисавете Григорьевне пришлось отказаться от этого утешения: надо же было кому-нибудь оставаться дома при убитых горем стариках-родителях. Отмечу заранее, что героиня Александра Григорьевна никогда более не возвратилась в Россию и умерла в Сибири, а муж её вторично женился в ссылке, на ком, не помню.

Молодые графини Чернышовы любили не только своего зятя Никиту Михайловича, но и разделившего его участь брата его Александра Михайловича Муравьева. Все они, нечего греха таить, за исключением 13-тилетней гр. Надежды Григорьевны, занятой уроками с её гувернанткою мисс Девис, были тогда в экзальтированном настроении духа, не исключая и степенной графини Софии Григорьевны, которой уже было под тридцать лет: они смотрели на опозоренных брата и зятя, как на жертвы самодержавного произвола, и сочувствовали без трезвого анализа, идеям, целью которых было, как они воображали, благо отечества. Когда пыл этот немного охладел, то милые мои кузинушки обратили свой энтузиазм на лорда Байрона, с сочинениями которого их познакомил впервые г. Слоан (все они отлично знали по-английски). Об этом поклонении Британскому Барду Александр Дмитриевич Чертков (будучи уже мужем графини Елисаветы Григорьевны) говаривал, что у добрых-де людей висит в изголовье икона, а у графинь Чернышовых портрет лорда Байрона. Экзальтированное настроение этих молодых натуре весьма извинительно; надо принять в соображение, что они были предоставлены самим себе: мать лежала в параличе в своей спальне, а растерявшийся от совокупности моральных потрясений отец бродил по дому, едва замечая, что происходило вокруг него. Ходит, бывало, он задумчивый и молчаливый, нигде долго не засиживаясь; взойдет на минуту к больной жене, а оттуда присядет в зале, возьмет три-четыре меланхолических аккорда, соскочит

Петровск-Забайкальский. Склеп-часовня А.Г. Муравьевой, где похоронены также ее дочь Ольга и сын Фонвизиных Иван. Перед склепом – надгробие дочери Анненковых Анны.

со стула, поцелует в голову какую-нибудь из находившихся вблизи, плачущих при виде отца дочерей, и снова убежит на свою половину, где проводил большую часть дня, выходя лишь к семейному обеду. Вместе с этим он впадал в детское почти умосостояние и занимался (как мне рассказывали посторонние лица) составлением коллекции чубуков с янтарными мундштуками. Нечего и говорить, что в этом состоянии он был неспособен ни к каким серьзным, ни даже хозяйственным занятиям, и всем домом и имениями заведывал старый его и графини друг и сосед по Орловскому имению Яков Федорович Скарятин. Помню, как однажды при мне графиня Елисавета Григорьевна просила его о своей обуви! Сердце замирало, глядя на это беззащитное и как бы осиротевшее прежде времени семейство.

Кончаю мрачную картину этой эпохи теме, что Государь Николай Павлович, год спустя препроводил графу Григорию Ивановичу Чернышову (бывшему давно обер-шенком) Адександро-Невскую ленту. Годичный срок был предпочтен, вероятно, Государем более поспешному, из деликатной осторожности, дабы эта царская милость, оказываемая человеку ничем не отличавшемуся на службе, не показалась бы чем-либо в роде того, что он хотел этим «dorer la pillule».

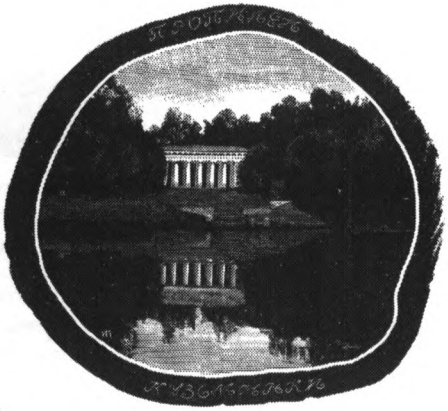
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Взгляд этот графиня В.Г. Пален сохранила даже до седин.
2. Теперь, когда Наталья Григорьевна (почти ровесница мне) украшена, как говорится, сединами, сходство это с её бабушкою еще разительнее.
3. Григорий Яковлевиче Скарятин убит в чин генерала в Венгерской кампании в 1849 г. Яков Федорович был в начале 30-х годов адъютантом у Московского генерал-губернатора князя Д.В. Голицына, женился на дочери сенатора Озерова и вскоре умер чахоткою. Он был способный молодой человеке и мастерски писал масляными красками.
4. Владимир Яковлевич женился в 1843 году на княжне Марии Павловне Голицыной и пошел в гору. Брат его Александре, человек болезненный, женился на своей родственнице, племяннице графини Шуваловой (дочери графа Григория Петровича Шувалова) и долго был генеральным консулом в Неаполе.

Публикация В.М. Неделина

V

АРХИТЕКТУРНЫЕ РЕАЛИИ РУССКОЙ УСАДЬБЫ



А.В. Чекмарев

ЗАБЫТЫЕ ХРАМЫ ГЖАТСКОЙ ВОТЧИНЫ КНЯЗЕЙ ГОЛИЦЫНЫХ

Гжатская вотчина, находившаяся в окрестностях нынешнего города Гагарина (до 1968 г. Гжатска) Смоленской области, в XVIII в. была одним из богатейших и огромных по территории помещичьих имений. В 1799 г. там проживало около 9 тыс. душ крестьян, насчитывалось 364 десятины земель «под селением», 3500 — под пашнями и 1900 — «свободной земли».[1] Принадлежало все это князьям Голицыным, той ветви древнего семейства, которая носила прозвание «Михайловичей» и вела происхождение от боярина Михаила Андреевича Голицына (1640-1687). В Экономических примечаниях 1780-х гг. (точная дата не указана) владения числятся за генерал-поручиком, действительным камергером и кавалером князем Дмитрием Михайловичем Голицыным (1721-1793).[2]

Он являл собой блестящий пример просвещенного вельможи в эпоху Екатерины Великой. Сын петровского фельдмаршала М.М. Голицына и княжны Т.Б. Куракиной, свою службу он начал при дворе и к 1755 г. был уже камергером. В 1760 г. в связи с неожиданной кончиной посла в Париже М.П. Бестужева-Рюмина Голицыну пришлось возглавить русскую дипломатическую миссию до прибытия нового посланника графа П.Г. Чернышева. Этот поворот в карьере имел для князя успешное продолжение — 28 мая 1761 г. императрица Елизавета назначила его российским послом в Вену, где в этом качестве Дмитрий Михайлович пробыл 30 лет, почти до самой своей кончины. Там он умер и был первоначально похоронен на своей вилле Предигштуль близ имперской столицы. В 1802 г. его гроб перевезли в Москву, поместив в склепе под церковью Голицынской больницы, главного детища князя, снискавшего ему благодарность потомков. Больница открылась в 1801 г. на завещанные покойным деньги. Храм в центре спроектированного М.Ф. Казаковым больничного здания освятили в честь небесного покровителя князя Св. Царевича Димитрия.

Д.М. Голицын известен как меценат и друг многих мыслителей, ученых, художников. В Вене им была собрана ценная коллекция произведений искусства, привезенная затем в Россию и влившаяся в созданный впоследствии Голицынский музей. Неоднократно за советами в модном деле коллекционирования к князю обращалась Екатерина II, пополнявшая свой Эрмитаж. В высших кругах отдавали должное изысканному вкусу Голицына и его осведомленности в европейской культурной ситуации.

Долгая жизнь вне России вынудила князя озаботиться вопросом управления собственным имуществом на родине. Прямых наследников судьба не дала. Брак с княжной Екатериной (Смарагдой) Дмитриевной Кантемир имел печальный финал. Княгиня была болезненна с юности, не могла иметь детей и умерла в 40 лет, несмотря на усилия лучших

Франц Антон Цаунер. Портрет князя Д.М. Голицына. 1781 г. Бронза. ГТГ.

медицинских светил.[3] В завещании 1785 г. Д.М. Голицын все оставлял племянникам — детям покойного брата Андрея Михайловича Голицына, Михаилу, Борису и Алексею.[4] Однако по причине «молодых лет» наследников управление вотчинами временно передавалось князю Александру Михайловичу Голицыну (1723-1807). Он приходился венскому посланнику двоюродным братом (а не родным, несмотря на совпадение отчеств), был почти его ровесником и близким по воспитанию и взглядам человеком. В начальный период правления Екатерины II А.М. Голицын состоял вице-канцлером (1762-1775), не имея заметного политического влияния, затем в признание заслуг был пожалован в обер-камергеры, а с 1778 г. жил на покое в Москве, пользуясь уважением московского дворянства. Любовь к искусству и благотворительности была отличительной чертой его натуры — Александр Михайлович подобно брату собирал картины и скульптуры, являлся опекуном Воспитательного дома и завершал создание Голицынской больницы.

В глазах многочисленной родни князь, доживший до преклонных лет, представал своеобразным «патриархом» семьи, авторитет которого был непререкаем. Помимо собственных имений он фактически управлял еще многими, принадлежавшими его родственникам. Даже любимая князем усадьба Пехра-Яковлевское формально принадлежала его племяннику М.П. Голицыну, сыну убитого на дуэли младшего брата Петра Михайловича.[5] Ее обустройство целиком связано с деятельностью Александра Михайловича, каждое лето проводившего в Пехорке. По его заказу создавался дворцово-парковый ансамбль с дворцом, храмом, театром и парковой скульптурой. Замечательная архитектура зданий, построенных под присмотром К.И. Бланка, давно породила версию о причастности к их проектированию В.И. Баженова.[6] Возможно, так оно и было, поскольку князя с Баженовым связывали добрые личные отношения, отраженные в архивной переписке.

Голицын неплохо разбирался в архитектуре, много поездил и повидал в Европе. Нередко за советами и рекомендациями к нему обращались родственники и близкие знакомые, занимавшиеся строительством в собственных усадьбах. Из архивных документов недавно выяснилось, что Голицын на протяжении нескольких лет фактически руководил строительством Казанской церкви-усыпальницы в усадьбе Ярополец своего умершего друга З.Г. Чернышева.[7] Он подыскивал архитекторов, скульпторов, каменщиков, предлагал свои варианты оформления интерьеров, был посредником при заключении договоров. Только благодаря его надзору многострадальный храм был

достроен, а его архитектура и убранство выдержаны на уровне лучших произведений эпохи. Князь причастен также к появлению ряда выдающихся произведений скульптуры. По его заказу изготавливалось надгробие брата, П.М. Голицына, (ск. Ф.И. Шубин, Я.И. Земельгак) — незаурядный пример монументальной пластики со сложной аллегорической программой. Голицын принимал деятельное участие в реализации еще одного значительного замысла — надгробного памятника фельдмаршалу З.Г. Чернышеву, спроектированного в Риме А. Триппелем. Князь наблюдал за исполнением монумента, рекомендовал А.Р. Чернышевой скульптора Я.И. Земельгака для починки и установки скульптуры на место в ярополецкой усыпальнице.[8]

В свете этих и многих других фактов личность А.М. Голицына заслуживает особого рассмотрения в качестве заказчика (а иногда и соавтора) ряда выдающихся произведений искусства. В усадебном и церковном строительстве бывшего вице-канцлера присутствовали разнообразные архитектурные решения, отразившие практически все этапы классицизма — от раннего до ампира. Проекты голицынских построек позволяют говорить об участии лучших архитекторов эпохи — В.И. Баженова, М.Ф. Казакова, К.И. Бланка, Тома де Томона. Однако, главная сложность изучения строительства А.М. Голицына в том, что немало инициированных им памятников в источниках и литературе связано с другими заказчиками, чье участие на самом деле было номинальным. Например, в истории храмов, возведенных в конце XVIII в. в Гжатском имении, имя вице-канцлера никогда не упоминалось, хотя оба памятника, как выясняется, появились при его непосредственном участии. Прежде их не только не связывали друг с другом через единого заказчика, но и вообще забыли о принадлежности одному имению. Вследствие потери этого «ключа» возникла путаница с интерпретацией некоторых архивных документов. Излишне говорить о том, что забытые и неизученные гжатские церкви выпали из контекста русской архитектуры рубежа XVIII-XIX вв. Достаточно одного взгляда на них или их дошедшие фотографии, чтобы оценить высокие достоинства памятников, представлявших в провинции архитектуру столичного качества.

Художник Савелий. Портрет князя А.М. Голицына. 1780-е гг. Зарайский художественный музей.

В посланиях к управителям из Вены Д.М. Голицын неоднократно писал, чтобы неукоснительно исполняли все приказания «двоюродного моего брата Его Сиятельства обер-камергера князя Александра Михайловича, по моему уполномочению теперь с полною властию моим недвижимым в России имением управляющего».[9] Еще в 1781 г. в переписке с А.А. Загряжским А.М. Голицын сообщал о своей большой охоте «в гжатских вотчинах», заменяя там отсут-

ствующего хозяина.[10] Дмитрий Михайлович тем не менее и издалека не оставлял вниманием свои деревни, и через брата проводил в жизнь некоторые собственные начинания. В 1791 г. он задумал основать в деревнях «для малолетных училище, а для изувеченных и престарелых богадельни».[11] Управителю из Вены указывалось «присылаемые приказы... при случае схода всем крестьянам прочесть, дабы они знали, что оное точно по повелению моему произведено будет».[12] Начавшееся в 1788 г. сооружение церкви в главном селе имения — Самуйлове также было задумано Д.М. Голицыным. Но это лишь наполовину его архитектурный заказ. Воплощение замысла, от заказа проекта до завершения стройки, принадлежало бывшему вице-канцлеру.

Самуйлово сейчас известно как огромная, блестящая в прошлом усадьба. Известно в первую очередь своим роскошным дворцом, чей проект традиционно связывается с творчеством Тома де Томона.[13] Дворец, едва ли не самый яркий шедевр классицизма на Смоленщине, возвели в 1800-х гг. Формально владельцем села тогда был Б.А. Голицын, но не исключено, что происхождение и этого здания связано еще с А.М. Голицыным, скончавшегося в 1807 г., а до своей смерти принимавшего деятельное участие в делах усадьбы. Даже сегодня, находясь в обреченном руинированном состоянии, памятник производит сильное впечатление. Вместительный дом с флигелями и колоннадами поставлен на холме в окружении обширного парка. Внизу была устроена цепь каскадных прудов, которую пересекала прямая аллея (по документам «большая перспектива»), идущая от дома по плотине до перекрестка с сельской улицей. Сейчас эту перспективу ничто не замыкает, и потому не совсем понятна ее прежняя роль в планировке. Однако, еще немногим более 60 лет назад в створе улицы высилась громада церкви. Теперь ее можно видеть только на редких фотографиях.

Это был величественный храм в стиле классицизм с двумя колокольнями на западном фасаде. Колонные портики дворца и храма, зеркально повторяясь, торжественно замыкали парадный усадебный проспект. По фотографиям трудно судить об архитектуре исчезнувшей церкви более определенно. Виден только западный фасад

Вид главного дома в усадьбе Самуйлово. Фото 1970 г.

с колоннами и удачно скомпонованными симметричными звонницами. Их купольные башни уравновешивала массивная полусфера храмовой ротонды, прорезанной 12 высокими арочными окнами.

Церковь Рождества Богородицы в усадьбе Самуйлово. Фото нач. XX в.

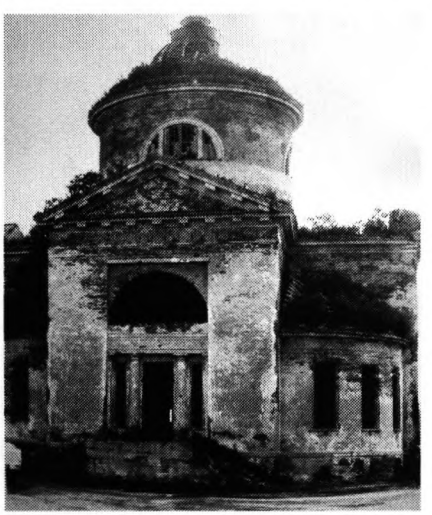
Начало строительства храма зафиксировано в архивной переписке голицынского фонда РГАДА. В пространном послании приказчику Гжатской вотчины Николаю Соловьеву от 25 мая 1788 г. Д.М. Голицын напоминал ему, что «каменная церковь здесь (в Самуйлове — А.Ч.) заложена 15 сего месяца во имя Рождества Пресвятой Богородицы с пределами Николая Чудотворца и Святых Благоверных Великих князей царевича Димитрия и князя Александра Невского и что к совершенному построению оной время полагается в четыре или в пять лет из своего собственного кирпича, своего бута, белого камня и извести».[14] К письму прилагался контракт с подрядчиком Лукой Никитиным, крестьянином деревни Корякиной Владимирского наместничества. Приказчику надлежало «при всем оном строении иметь наиприлежнейший присмотр с наблюдением точного исполнения каменщиками как в прочности строения так и в чистоте кладки стен». «Для всечастного надзирания за каменщиками» также определялись дворовые люди Максим Полежаев и Федор Угрюмов, «которые уже были в сей должности при строении каменной церкви в Кромской вотчине в селе

Церковь Сошествия Святого Духа в селе Шкинь. Фото автора. 2004 г.

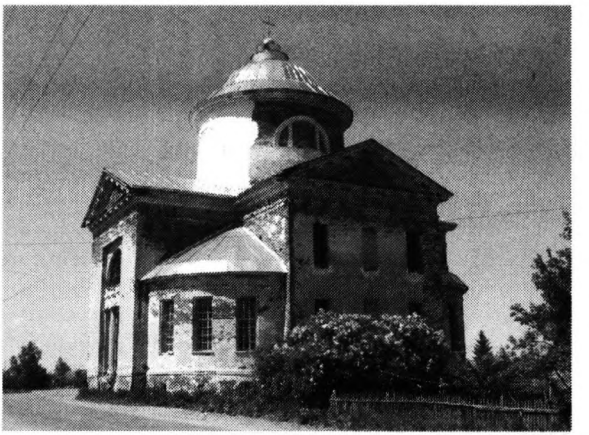
Успенская церковь в Пречистом. Фото 1955 г.

Гнездилове и довольно насмотрелись, в чем что наблюдать должно».[15] «Всяким вступившим к сему строению материалам» полагалось «вести порядочную и верную записку», для чего «имеет быть прислана за подписанием моим и печатью герба моего книга». Приказчику повелевалось о продвижении стройки «еженедельно чрез почту мне доносить». Дата окончания строительства неизвестна. В некоторых публикациях храм датируют 1791 г.[16] По другим сведениям отделка церкви затянулась, и освящение произошло уже в XIX в. Экономические примечания 1799 г. как-то странно называют Самуйлово сельцом, церковь не упоминается вовсе, фигурируют только «деревянный господский дом и два каменных флигеля с садом».[17]

Ничего достоверно не ясно и о происхождении проекта Рождественской церкви. Проще всего выбор двухколоколенной композиции и возможной базиликальной структуры храма объяснить долгим пребыванием основного заказчика, Д.М. Голицына, в Европе, тем более в католической Вене, где подобные архитектурные решения выглядели привычнее. Голицын мог прислать оттуда готовый проект. Однако анализ архитектурных особенностей памятника позволяет предполагать его отечественное происхождение. Самуйловская церковь органично встраивается в ряд аналогичных сооружений русского классицизма, появившихся во многих усадьбах в 1770-1790-х гг., вслед за постройкой Троицкого собора Александро-Невского монастыря в Петербурге, послужившего для первых из них образцом. Эта группа памятников не столь малочисленна, как принято считать, тем более с учетом утраченных. Она включает десятки зданий, разных по своему художественному уровню, планировкам и объемным формам, но связанных общей темой парных колоколен. Среди заказчиков таких



Успенская церковь в Пречистом. Фото 1970-х гг.



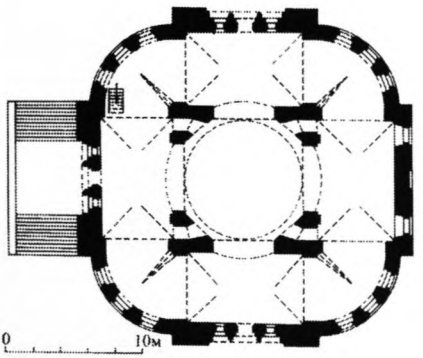
Успенская церковь в Пречистом. Фото автора. 2002 г.

церквей были высшие сановники государства — П.А. Румянцев, Н.И. Панин, З.Г. и И.Г. Чернышевы, А.Р. Воронцов, М.М. Измайлов, К.Г. Разумовский, М.П. Муромцев, П.В. Завадовский. Можно говорить о самостоятельном и ярком явлении русской архитектуры второй половины XVIII в., порожденном не только модой, исходившей от двора, но и известным космополитизмом дворянской элиты, подвергшей ревизии традиционный образ православного храма.

Почетное место в этой линии русского храмостроения занимала церковь в голицынском Самуйлове. По общей композиции паперти, формам колоколен и разбивке фасадов памятник был близок к сохранившемуся до наших дней храму Сошествия Святого Духа в селе Шкинь возле Коломны. Его возвели в 1794 г. по заказу генерал-майора Г.И. Бибикова и, вероятно, по проекту московского архитектора Р.Р. Казакова.[18] Самуйловская церковь строилась в те же годы, и происхождение ее проекта можно связывать с той же московской архитектурной средой.

Обращение к двухбашенной типологии в церковных постройках Голицыных не было единичным. Среди других известных примеров — Спасская церковь в усадьбе Пехра-Яковлевское, возведенная А.М. Голицыным в 1777-1782 гг. Архитектура храма традиционно связывается с кругом проектов В.И. Баженова. Реализацию замысла приписывают К.И. Бланку, давнему знакомому князя. Скорее всего кому-то из московских архитекторов вице-канцлер заказывал проект и самуйловской церкви. Она лишь задумана была Д.М. Голицыным, а в конкретные формы идею облекал управлявший имением его двоюродный брат. Так что отмеченное сходство церквей в Самуйлове и Шкини может быть не случайным, а обусловленным участием архитекторов одного, так называемого «баженовско-казаковского круга», варьирующих в своем творчестве общие идеи и композиции. Это представляется логичнее, чем европейское происхождение проекта.

Рождественский храм был взорван немцами во время оккупации Смоленской области. Сегодня следует сожалеть не только об утрате незаурядного памятника классицизма, служившего украшением голицынской усадьбы, но и о его совершенной неизученности, можно сказать, потерянности для истории отечественной архитектуры. Это было произведение, выделяющееся на фоне усадебного архитектурного наследия, и, видимо, одно из лучших воплощений двухбашенной церковной типологии. Досадно, что в немногих публикациях, вспоминающих здание, о нем либо не приводится почти никаких сведений, либо даются ошибочные. Так, в своде памятников Смоленской области в качестве заказ-

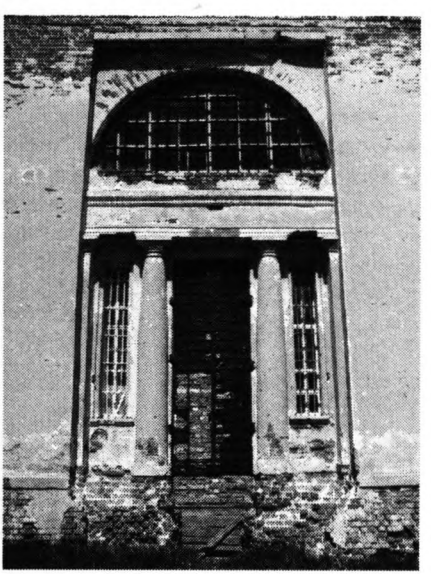


План Успенской церкви в Пречистом.

чика фигурирует несуществующий князь О.М. Голицын.[19]

Еще более запутанной представляется история другого голицынского храма, к счастью, сохранившегося до настоящего времени. Тем не менее его тоже можно считать в какой-то степени потерянным, поскольку реальное прошлое памятника забылось полностью, а имеющиеся архивные документы ошибочно связывали с другими, утраченными, постройками.

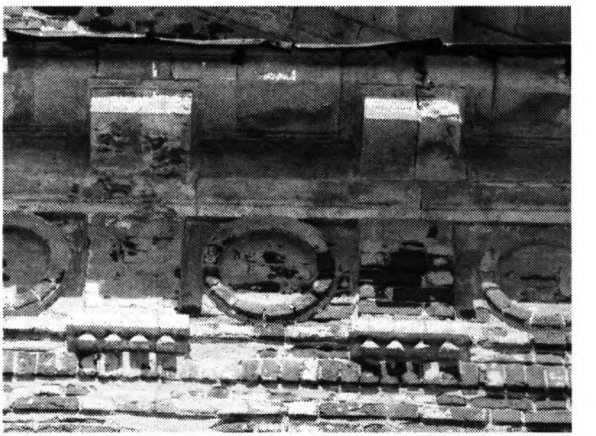
В селе Пречистом, что в 10 км от Самуйлова, стоит большой и монументальный храм Успения Богородицы. Его мощный купол виден чуть ли не от стен самуйловского дворца и доминирует в окрестном открытом пространстве. Информация Свода памятников скупа — церковь построена в 1807 г. по заказу князя Дмитрия Михайловича Голицына. В 1841 г. возвели отдельно стоящую колокольню, сейчас несуществующую.[20] Уже в сочетании имени заказчика и даты настораживает хронологическое несовпадение — Д.М. Голицын скончался в 1793 г., т.е. задолго до указанного времени постройки храма. Нигде не упоминается, что Пречистое на рубеже XVIII-XIX вв. входило в состав Гжатской вотчины Голицыных и было большим усадебным селом. Возможно даже, что главная барская усадьба изначально располагалась именно здесь, и Пречистое являлось официальным центром имения до 1780-1790-х гг., когда эти функции постепенно переходили к Самуйлову. Так или иначе, оба села имели одних владельцев, и принадлежали единому территориально-хозяйственному организму имения. Уже поэтому возводившиеся в них почти одновременно усадебные и церковные постройки следует рассматривать в общем контексте архитектурных предпочтений и возможностей князей Голицыных.



Фрагмент фасада. Фото автора. 2002 г.

Экономические примечания 1780-х гг. в числе владений князя Д.М. Голицына указывают «село Пречистое по обе стороны реки Гжать... в том селе церковь деревянная во имя Успения Пресвятые Богородицы с приделом Иоанна воина и две богадельни каменные, господский дом деревянный окруженный заливом из

реки Гжати».[21] И сейчас напротив церкви через дорогу существует круглый остров посреди запруды — видимо, на нем когда-то и стоял старый голицынский дом. Нынешний эклектичный дворец, сохранившийся в полуразрушенном виде, относится уже к 1890-м гг. Он построен гораздо ближе к церковной территории, в стороне от водных затей и пейзажного парка.



Фрагмент фасада. Фото автора. 2002 г.

В 1799 г. в новом тексте Экономических примечаний зафиксированы происходившие в усадьбе перемены — «в селе Пречистом церковь деревянная во имя Пресвятой Богородицы с приделом Святого Иоанна Воина, вместо оной вновь строится каменная с двумя приделами, дом господский деревянный и два каменных флигеля... владение князь Дмитрия Михайловича Голицына, ныне состоит за действительным камергером князь Александром Михайловичем Голицыным».[22] Таким образом, Успенская церковь строилась уже в 1799 г., в период управления имением А.М. Голицына, а в 1807 г. вероятно была освящена. Уточнение датировки позволяет включить храм в контекст церковного строительства бывшего вице-канцлера и внимательнее отнестись к документам его архива. Среди них есть письмо архитектора Тома де Томона А.М. Голицыну с приложенным к нему ответом последнего (оба — на французском языке).[23] Переписка привлекла внимание и тем, что относится к интересующему нас времени — она помечена апрелем 1800 г.

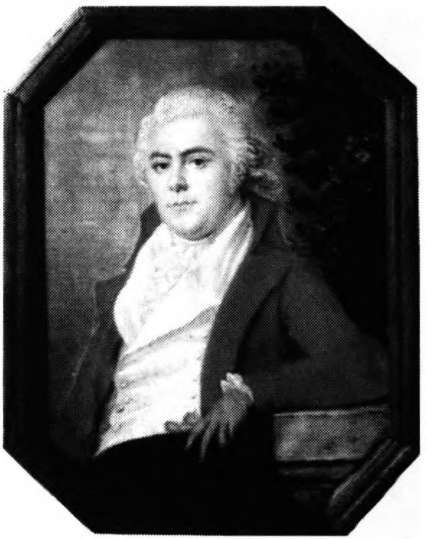
Этот краткий, в несколько строк, источник хорошо известен исследователям творчества выдающегося французского архитектора, связавшего свою судьбу с Россией.[24] Тома де Томон (1760-1813) давно входит в число крупнейших зодчих в истории отечественной архитектуры. Такие произведения мастера, как мавзолей «Супругу-

Успенская церковь в Пречистом. Фото автора. 2002 г.

благодетелю» в Павловске, ансамбль Биржи на стрелке Васильевского острова, дом А.Г. Лаваль в Петербурге и театр в Одессе признаны вершинами русской архитектуры александровской поры. Однако, в Россию Томон попал не сразу, почти половина его творческой жизни была связана с поисками заказов в Европе. В 1791 г. архитектор побывал в Вене, где был представлен русскому послу князю Д.М. Голицыну. Их знакомство имело продолжение. Спустя годы, уже поработавший по заказам Любомирских и Эстергази, но все еще жаждавший больших перспектив, Томон был приглашен в Россию племянником умершего к тому времени русского посла А.А. Голицыным (одним из владельцев Гжатской вотчины), служившим в Вене при русском посольстве. В январе 1799 г. с сопроводительным письмом князя к «дядюшке» А.М. Голицыну Томон приехал в Москву, а оттуда отправился прямо в Самуйлово, где пробыл около года. Об этом упоминается почти во всех монографических трудах об архитекторе.

Однако исследователи, зная упомянутую архивную переписку, по разному трактовали ее содержание. Так, Г.Д. Ощепков в своей монографии о Томоне писал, что он в это время что-то проектировал и строил в Алексияновском имении Голицыных.[25] Гжатская вотчина действительно иногда в источниках XVIII в. называлась еще и Алексияновской по одноименному селу (в 5 км к северо-западу от Самуйлова), вероятно бывшему центром имения в более давние времена. Ощепков собирался самостоятельно выехать в указанные места, однако этому помешала война. Удалось выяснить только местоположение предполагаемой усадьбы — село Алексияновка (или Алексеевка) Гжатского района. После войны исследователем туда был послан запрос об имеющихся памятниках прошлого.

Главный дом усадьбы Пречистое. Фото автора. 2002.



Неизвестный художник. Портрет князя А.А. Голицына. 1790-е гг. ГИМ.

Ответ, увы, не оставлял надежд прояснить ситуацию с первыми русскими постройками Томона. Из Алексияновки написали, что никаких старых усадебных строений у них не имеется. С учетом страшных в этих местах военных разрушений Ощепкову оставалось констатировать гибель так и оставшихся неисследованными произведений зодчего.

Сегодня ясно, что избранный Г.Д. Ощепковым путь поиска изначально был ошибочен. Исследователь не разобрался с территориальным устройством обширной вотчины Голицыных. В Алексияновке, судя по всему, в конце XVIII в. не было барской усадьбы, и французский мастер ничего там не строил. Его пребывание в имении следует связывать с другими населенными пунктами в окрестностях Алексияновки. В.К. Шуйский, автор другой монографии о Томоне, посчитал таким местом само Самуйлово (Самойлово, как он пишет). Основываясь все на том же источнике, он полагал, что именно в этой усадьбе архитектор «проектирует и строит небольшую одноглавую церковь Пречистой Богородицы», впоследствии утраченную.[26] Не акцентируя внимания на этом моменте в биографии своего героя, Шуйский в конце 1800 г. «увозит» Томона в Петербург и переходит к характеристике его творчества в столице.

О церкви в Самуйлове выше уже говорилось. Она строилась раньше, у нее не один купол, как у упоминаемого в письме храма, да и посвящение иное. Вообще трудно понять, во имя какой иконы или праздника освящен храм, именуемый в процитированном переводе «Пречистой Богородицы». Ясно, что речь скорее всего идет не о самуйловской Рождественской церкви. Но Шуйский посчитал иначе, а поскольку ни сам храм, ни его проектные чертежи не сохранились, дальнейшее выяснение вопроса было для него не принципиальным.

При знакомстве автора этих строк с подлинником пресловутого письма стало очевидно, что все досадные недоразумения возникли не столько даже вследствие неточного перевода с французского, сколько от незнания самого объекта повествования — имения Голицыных. Ведь кроме Самуйлова с его дворцом о строительной деятельности владельцев в масштабах всего имения ничего не было известно. Между тем текст письма Томона А.М. Голицыну все объясняет предельно четко: «Имею честь отправить Вашему Сиятельству рисунки церкви в Пречистом, которую заказал господин князь Борис Голицын,[27] добавив выписки материалов, которые могут потребоваться для продолжения этого строительства, которое так хорошо началось». Архитектор также прилагает новый рисунок купола (увы, никаких рисун-

Неизвестный художник. портрет князя Б.А. Голицына. 1800-е гг. Юрьев-Польской историко-художественный музей.

ков в деле не имеется), так как прежний по его мнению не слишком удачен. Письмо отправлено 20 апреля 1800 г. из села Самуйлова. Князь Голицын 26 апреля любезно отвечает из Москвы, что получил письмо и рисунки церкви, «которую мы обсуждаем, а также список материалов, потребных для строительства». «Я также получил ваш рисунок, — пишет вице-канцлер, — который предназначен вами для меня и я сохраняю за собой право выразить вам огромную признательность, желая вас как можно быстрее увидеть». Из этого следует, что первой работой Тома де Томона в России были не мифические исчезнувшие постройки в Алексияновке или в Самуйлове, а вполне реальная и, к счастью, сохранившаяся Успенская церковь в селе Пречистом. Почему никто из прежде занимавшихся этим вопросом ученых не обратил внимания на этот памятник, заметный во всех отношениях, не очень понятно.

Центрический храм в плане описывает почти круг, в объемной же композиции доминирует равноконечный крест, из которого вырастает грузная ротонда с полусферой низкого купола.[28] С ней удачно взаимодействуют пониженные дуговые объемы между ветвями креста, завершенные красиво изогнутой линией кровли. Храм предельно лаконичен и общими массами, и убранством фасадов. Его почти скульптурный объем, скомпонованный из четких геометрических тел, предвосхищает архитектуру ампира начала XIX в., любящего строгую, лапидарную эстетику. Можно найти в облике храма и влияние французской «мегаломании» 1770-1790-х гг., увлечения которой не избежал и Тома де Томон, учившийся во Франции у К.Н. Леду. Гладкие стенные поверхности под треугольными фронтонами не скрыты привычными колоннами, а напротив, служат средством художественного эффекта, наделяя здание суровым, почти героическим характером. Монолитность объема подчеркнута входными порталами, напряженно врезанными в каменную плоть.

Церковь Рождества Богородицы в Пропойске (Славгороде). Фото 1970-х гг.

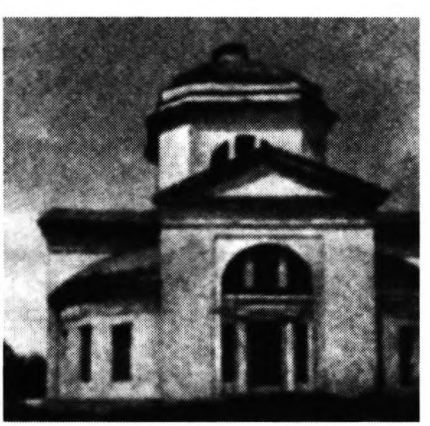
Успенская церковь, отмеченная высокими достоинствами, отражает наметившееся в архитектуре рубежа XVIII-XIX вв. движение в сторону упрощения и конкретизации форм, достигшее кульминации в стилистике ампира. В этой связи убедительным представлялось бы участие Тома де Томона, одного из главных выразителей этих перемен, не только в постройке храма, но и в его проектировании. По тексту письма ясно, что архитектор предлагает свои изменения в прежний проект здания, не исключено, что в свой собственный. Было бы заманчиво видеть в сохранившемся памятнике первое самостоятельное произведение Томона на русской земле, к тому же — одно из ранних предвестий ампира. Однако, эта уже было оформившаяся версия оказалась скорректирована самым неожиданным образом. И снова многое прояснилось при внимательном изучении других архитектурных инициатив того же заказчика, в данном случае, князя А.М. Голицына (ему адресовано письмо Томона). В который раз метод изучения усадебного памятника через широкую культурную деятельность заказчика-дворянина оказался единственно реальным и продуктивным.

Обнаружилось, что почти точная копия Успенской церкви уцелела в белорусском городе Славгороде (бывшем Пропойске) Могилевской области. Древний город Пропойск был пожалован вице-канцлеру Голицыну в 1772 г., вскоре после вхождения этих польских территорий в состав Российской империи. Пропойское имение приносило владельцу немалый доход и было им особенно опекаемо. Князь часто сюда наведывался, обустраивал дворец (он не сохранился), перевез в него многие художественные ценности. Им же в 1791-1793 гг. недалеко от Замковой горы была построена церковь Рождества Богородицы с отдельно стоящей колокольней.[29]

Сохранилось письмо А.М. Голицына управителю от 17 апреля 1791 г., в котором он перед началом строительства размышляет о местоположении храма. Принятое поначалу решение им самим было отменено. «Прежде назначенное место хотя по положению и выше последнего, — пишет он, — но теснее и со въезду из Могилева за другим деревянным строением низу церкви и колокольни будет не видно, а только тогда, когда по лежащей мимо оной дороги к ней подъедешь. Главное же неудобство, что церковь к площади будет одним алтарем, а боковых фасадов оной будет не видно, что я и почитаю великим неудобством, понеже чрез то вся красота церкви скрыта будет».[30] Любопытно, что строил церковь подрядчик Лука Никитин, тот, что тремя годами раньше подрядился сооружать Рождественскую церковь в Самуйлове.

Церковь Рождества Богородицы в Пропойске (Славгороде). Фото 2000 г.

С первого взгляда на церковь в Пропойске ясно, что она воспроизводит с небольшими изменениями тот же проект, что и пречистенский храм. Правда, с учетом более ранней даты Рождественской церкви ее стоит считать не копией последнего, а его прототипом. Два памятника идентичны во всем, кроме формы купола и барабана под ним. В Пропойске над средокрестием поднимается квадратный объем со срезанными углами, почти восьмерик, замененный в Пречистом на ротонду. Возвращаясь к письму Томона, следует именно эту замену считать творческим вкладом француза в архитектурный облик порученного ему объекта. Сам проект, учитывая дату пропойской церкви, Томону принадлежать не мог, но нельзя не признать, что он существенно его улучшил. Успенская церковь вышла удачнее своей предшественницы. Дублирующие друг друга скругления верха и низа придали зданию цельность и пластичность, отчего общая композиция только выиграла. Во многом благодаря смелому сочетанию кубических и цилиндрических объемов, здание приобрело почти ампирный образ, отличающий его от церкви в Пропойске. Там из-за обилия углов и плоских граней все получилось однообразнее и суше. Памятник еще всецело связан с екатерининским «палладианским» классицизмом 1780-1790-х гг., экспериментаторским, порой смелым, но не всегда убедительным в композициях. В качестве возможного автора проекта Рождественской церкви называлось имя Н.А. Львова.[31] Можно также указать на близость к церковным проектам и постройкам Д. Кваренги. Для него характерен мотив тяжелых по пропорциям угловатых купольных завершений. Никаких документальных подтверждений обоим предположениям нет, но стилистика храма вполне укладывается в творчество и того и другого.



Церковь Рождества Богородицы в Пропойске (Славгороде). Фото 1970-х гг.

В статье были рассмотрены лишь несколько памятников, относящихся к архитектурным заказам князя А.М. Голицына. Масштабы его усадебного строительства в разных губерниях гораздо шире представленных здесь примеров. Это означает, что целый ряд произведе-

ний архитектуры, сохранившихся и утраченных, еще не вписаны в контекст ни этого локального явления, ни более широкой панорамы русской архитектуры конца XVIII в. Только через объединение разрозненных, потерявших свое прошлое памятников в рамках изучения архитектурной деятельности общего заказчика возможна их идентификация, как в случае с храмами в Самуйлове и Пречистом. Реконструированная на архивном материале история последних позволяет акцентировать следующие моменты. Оба храма связаны с архитектурными инициативами выдающихся людей своего времени — Д.М. и А.М. Голицыных, просвещенных сановников, европейски образованных, обладавших колоссальными возможностями для привлечения мастеров высокого уровня. Обе церкви входили в ансамбль одного имения, представлявшего в прошлом единый архитектурно-ландшафтный комплекс со своей иерархией построек и доминантами, главенствующими в пейзаже. Наконец, их архитектура представляет оригинальные вариации наиболее интересных в тогдашнем храмостроении композиций — т.н. «двухбашенной» и центрической. Небольшая разница во времени строительства двух памятников сказалась в их стилистике, отразившей эволюцию классицизма в России. Если самуйловская церковь принадлежит к последним отзвукам раннего «профранцузского» варианта стиля, то пречистенская уже несет черты зарождавшегося на рубеже веков ампира. Также немаловажным представляется выяснение роли выдающегося архитектора Тома де Томона в судьбе одного из памятников.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Е.х.1466. Экономические примечания. 1799 г. Указано 4470 душ мужского пола и 4612 душ женского пола, проживающих в Гжатской вотчине.
2. Там же. Е.х.1467.
3. Голицына Екатерина (Смарагда) Дмитриевна (1720-1761) была дочерью молдавского господаря князя Д.К. Кантемира и родной сестрой поэта и дипломата А.Д. Кантемира. Рано потеряв отца, воспитывалась в доме матери А.И. Трубецкой (во втором браке графини Гессен-Гомбургской) под наблюдением дяди И.И. Бецкого. В 1751 г. вышла замуж за князя Д.М. Голицына и пожалована в статс-дамы. В 1757 г. в связи с ухудшением здоровья Е.Д. Голицына с супругом уехали во Францию для лечения, где удостоились теплого приема в королевском дворце. Княгиня умерла в 1761 г. в Париже, похоронена в Александро-Невской лавре в Петербурге. В завещании пожертвовала крупную сумму денег на развитие акушерского дела в России.
4. Брат Д.М. Голицына генерал-майор Андрей Михайлович (1729-1770) от брака с княжной Е.Б. Юсуповой (1745-1770) имел трех сыновей — Михаила Андреевича (1765-1812), камергера, тайного советника; Бориса Андреевича (1766-1822), генерал-лейтенанта, гофмаршала двора великого князя Константина Павловича и Алексея Андреевича (1767-1800), шталмейстера.
5. Усадьба Пехра-Яковлевское (ныне в черте г. Балашихи) до 1775 г. принадлежала князю П.М. Голицыну (1738-1775), генерал-поручику, деятельному участнику подавления пугачевского бунта, собирателю значительной коллекции живописи. После его гибели на дуэли пехорское имение перешло к малолетнему сыну М.П. Голицыну (1764-1836), а опекуном был назначен А.М. Голицын, занимавшийся не только воспитанием племянника, но и строительством усадьбы в Пехре.

6. См: Подъяпольская Е.Н. Памятники архитектуры Московской области. Вып.1. М., 1998. С.13-16.
7. См: Чекмарев А.В. Архитектурный замысел и его реализация. Работы В.И. Баженова и К.И. Бланка в усадьбе Ярополец Чернышевых // Архитектура в истории русской культуры. Вып.3. Желаемое и действительное. М., 2001. С.139-151.
8. См: Чекмарев А.В. Ярополец // Дворянские гнезда России. История, культура, архитектура. Очерки под ред. М.В. Нащокиной. М., 2000. С.190-206.
9. РГАДА. Ф.1263. Оп.1. Е.х.6789.
10. См: Там же. Е.х.4516.
11. Там же. Е.х.6789.
12. Там же. Е.х.6840.
13. Пастухова З.И. По Смоленщине. М., 1985; Смоленская область. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. М., 2001. С.385-387.
14. РГАДА. Ф.1263. Оп.1. Е.х.6840.
15. Церковь Св. Димитрия «Московского и Всея России Чудотворца царевича убиенного» была построена в 1784 г. по заказу князя Д.М. Голицына «под попечительством, руководством и повелениям» князя А.М. Голицына в усадьбе Гнездилово Дмитровской округи Орловского наместничества. Гнездилово было центром большой «Кромской вотчины» Голицыных, которая также, как и Гжатская, принадлежала в 1780-1790-х гг. Д.М. Голицыну, но реально управлялась его двоюродным братом А.М. Голицыным. В письме к приказчику гжатского имения в 1788 г. Д.М. Голицын упоминал, что «кромской вотчины села Гнездилова каменная великолепная и освященная уже церковь богато снабжена как всякой пристойной утварью и ризницею и для построения которой кирпич, белый камень и известь, не находясь в наших дачах, получали из чужих дач с платою денег, а иной привозили из Москвы» (РГАДА. Ф.1263. Оп.1. Е.х.6840). Дмитриевская церковь, спроектированная с подземным склепом, возможно, задумывалась Д.М. Голицыным в качестве собственной усыпальницы. Об особом значении храма для заказчика свидетельствует и освящение в честь тезоименитного князю святого. К сожалению, церковь, представлявшая по описаниям монументальное сооружение классицизма с колонными портиками, куполом и колокольней, была разрушена в советское время. Ее изображений найти не удалось.
16. Смоленская область. Свод памятников... С.32, 385.
17. РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Е.х.1466.
18. См: Памятники архитектуры Московской области. Под ред. Е.Н. Подъяпольской. Вып.3. М., 1999. С.120-121.
19. Смоленская область. Свод памятников. С.32.
20. Там же. С.383.
21. РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Е.х.1467. Деревянный храм, последний раз перестраиваемый в 1852 г. сохранялся до 1970-х гг. В советское время он был переделан под школьное здание.
22. Там же. Е.х.1466.
23. РГАДА. Ф.1263. Оп.1. Е.х.3476. Автор благодарит Л.Б. Сомову за помощь в переводе текста документа.
24. Тома де Томон был уроженцем швейцарского города Берна, однако детство и юность провел во Франции, куда переехала его семья. В Париже Томон получил

архитектурное образование, так что с точки зрения принадлежности к определенной архитектурной школе, его с полным правом можно считать французом.
25. Ощепков Г.Д. Архитектор Томон: Материалы к изучению творчества. М., 1950. С.12.
26. Шуйский В.К. Тома де Томон. Л., 1981. С.14-15.
27. Имеется в виду князь Борис Андреевич Голицын (племянник бывшего вице-канцлера), один из официальных владельцев Гжатского имения. Вероятно, он также принимал участие в обустройстве усадьбы в Пречистом, не случайно архитектор называет его заказчиком строившегося храма. Однако, тот факт, что отчет о ходе стройки и предложения по изменению проекта отправляются к А.М. Голицыну, позволяет именно последнего считать основным руководителем процесса.
28. Памятник неплохо сохранился. В последние годы проведена его реставрация, которая, к сожалению, не отличается хорошим качеством. К существенным искажениям архитектуры храма привело изменение формы купола и крыш над пониженными угловыми объемами. Купол, прежде завершенный плавной дугой полусферы, сейчас получил более грубые и резкие очертания. К тому же его не красит обшивка оцинкованным железом.
29. См: Чантурия В.А. Памятники архитектуры и градостроительства Белоруссии. Мн. 1986. С.221, 223; Кулагін А.М. Праваслаўныя храмы на Беларусі. Энцыклапедычны даведнік. Мн. 2001. С.182-183.
30. РГАДА. Ф.196. Оп.3. Е.х.1081.
31. Кулагін А.М. Указ. Соч. С.182.

Ю.Р. Савельев

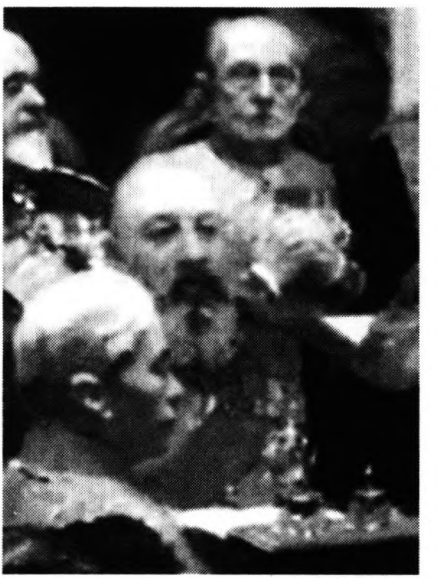
ПРОЕКТЫ Н.В. СУЛТАНОВА ДЛЯ Д.С. СИПЯГИНА В СТОЛИЦЕ И УСАДЬБЕ

Знакомство с рукописным и графическим наследием одного из наиболее известных зодчих эпохи «историзма» — Н.В.Султанова (1850-1908) открывает всё новые неизвестные страницы, которые представляют не только чисто историко-архитектурный интерес, но и позволяют во многом по-новому взглянуть на культурную жизнь обеих столиц и многих известных государственных деятелей, их художественные вкусы и пристрастия. Одной из таких заметных фигур нашей истории второй половины XIX — начала XX века является Дмитрий Сергеевич Сипягин (1853-1902), биография которого хорошо известна.[1] Постоянное пребывание в столице (с 1893 года) заставляло задуматься над созданием собственного домашнего очага, тем более, что в 1894 году Д.С.Сипягин женился на Александре Павловне Вяземской (младшей сестре Екатерине Павловне Шереметевой, урожденной Вяземской, супруге графа С.Д.Шереметева). Д.С.Сипягин обрёл в лице С.Д.Шереметева не только родственника, но и единомышленника — знатока отечественной истории, мецената, сторонника «русских начал» в организации жизни государства и приверженца «русского стиля» в архитектуре.

Первое время Д.С.Сипягин жил в Петербурге в Шереметевском доме на Сергиевской улице, а в 1897 году купил трёхэтажный дом на Мойке, 118 (по современной нумерации — дом № 120) с большим прилегающим участком. Это здание раньше принадлежало графу Бобринскому, а с 1882 года — великому князю Сергею Александровичу: «Великий князь Сергей Александрович приобрел в собственность за 450 тысяч рублей дом наследников И.М.Малкиеля, бывший дворец графа Бобринского, на набережной Мойки, 118, напротив здания нового адмиралтейства», — писала современная пресса.[2] Покупка великим князем именно этого дома в те годы была вызвана планами застройки этого берега реки Мойки, почти «загородного» района столицы, по заказу императорской семьи. Поблизости (наб. р. Мойки, 106) находился дворец великой княгини Ксении Александровны, а ближайший участок предназначался для возведения дворца великого князя Алексея Александровича.

Дом Д.С.Сипягина на Мойке представлял собой настоящую городскую усадьбу, построенную в эпоху «николаевского ампира». Главный дом выходил своим благородным «классицистическим» фасадом на реку, формируя, как было принято в столице, «фасад» набережной. Рядом с домом и в глубине участка располагались надворные строения. По замыслу нового хозяина, на обширном земельном участке предполагалось разбить пейзажный парк. Реконструкция усадьбы, по его планам, затрагивала не только окружение особняка, но и его интерьеры. Главным нововведением для

«ампирной» стилистики дома было создание совершенно нового, в духе модного «историзма», парадного помещения столовой, предназначенной для хозяев и частых приёмов гостей. Замысел хозяина отвечал образу его жизни, всегда гостеприимному и хлебосольному. Об этом вспоминал граф С.Д.Шереметев: «<...> после краткого пребывания в Шереметевском доме на Сергиевской, он переехал в купленный им собственный дом на Мойке. Отрадно вспомнить о тех обедах по четвергам, когда к нему собиралась вся наличная семья и близкие ему люди; все чувствовали себя легко и отрадно под кровом всегда радушного и гостеприимного хозяина. Близко знавшим его тогда живо вспоминался прежний, деревенский Клусовский хозяин, у которого на усадьбе неизменно гласила надпись: «добро пожаловать!».[3]



Д.С. Сипягин (в центре). Фрагмент картины И.Е. Репина «Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 года, в честь столетнего юбилея со дня его учреждения». 1903. ГРМ.

На выбор стилистики нового интерьера оказали влияние художественные взгляды близких людей, окружавших Д.С.Сипягина. Скорее всего, решающее слово было за С.Д.Шереметевым, по совету которого владелец усадьбы пригласил Н.В.Султанова, более 14 лет служившего в московский конторе графа и создавшего множество произведений в разнообразных исторических стилях, среди которых преобладал «русский». Это предопределило выбор «русской стилистики» для дома на Мойке. Немалая роль в этом, наверное, принадлежала и самому Н.В.Султанову, с которым хозяин дома был знаком еще в 1891 — 1893 годах, когда в Москве начиналось строительство памятника императору Александру II. Для того, чтобы познакомить своего заказчика с примерами для будущей работы, зодчий показывал Д.С.Сипягину интерьеры Теремного дворца в Кремле и дома князей Юсуповых, созданных им в 1892 — 1893 годах. Столовая в палатах Юсуповых была наиболее близким аналогом этому петербургскому проекту зодчего. Да и сам Д.С.Сипягин, по словам Н.В.Султанова, «с любовью и вниманием <...> относился к русскому искусству историко-народного направления».[4]

Из увиденных примеров интерьеров «в стиле XVII века» заказчик выбрал самый впечатляющий: «Из всех палат дома Юсупова и Теремного дворца Вы изволили выбрать самую дорогую, то есть такую, которая покрыта сплошь золотым орнаментом», — писал архитектор.[5] По его замыслу, орнаментом должны были быть покрыты все своды, распалубки и стены. Центром интерьера становится длинный стол, окруженный изящными, в древнерусском стиле, стульями и креслами. Еще два небольших стола будут находиться поблизости. Вся мебель и двери

должны быть обиты, по старинной традиции, дорогой материей. По стенам расположатся полки и скамьи, а освещаться интерьер будет подлинными люстрами XVII века. К этому замыслу следует добавить благородное многоцветие росписи, обивки и двух высоких изразцовых печей, служивших главным украшением интерьера. Таков был, вкратце, замысел зодчего, уже прославившегося созданием интерьеров домовых храмов и жилых палат. По стариной традиции, архитектор не доверил производство работ другому зодчему, и сам руководил осуществлением замысла, как, впрочем, и большинства других своих архитектурных произведений.

Стремясь к исторической достоверности облика интерьера, Н.В.Султанов насыщал его подлинными произведениями искусства и быта XVII столетия. Задолго до начала работ, он обратил внимание Д.С.Сипягина на необходимость замены существовавших в помещении печей другими, XVII века. Для этого еще в декабре 1897 года он занялся поисками покрытых изразцами печей, и по совету Н.В.Султанова, вскоре они были приобретены. У крестьянина Сизова архитектором была куплена в Москве «среднестенная изразчатая печь с колонками» «очень редкого рисунка». Другая, выставленная в Обществе любителей древней письменности, была приобретена самим Д.С.Сипягиным.[6] Недостающие для установки в новом интерьере изразцы были изготовлены на фабрике товарищества фарфоровых и фаянсовых изделий М.С.Кузнецова по имеющимся старинным образцам. Они были готовы в конце июля 1898 года и в начале августа доставлены в Петербург. Окончательный расчет с фабрикой М.С.Кузнецова был произведен 4 и 30 октября 1898 года. Н.В.Султанов приобретал также подлинные изразцы для печей в Москве у «антиквария Иванова» — одного из своих постоянных поставщиков русских древностей.[7] Недостающие изразцы устанавливались на месте петербургским Товариществом С. Лукашевича, которому были также заказаны по рисункам зодчего «жаровые душники из полированной меди в отдельных рамках», которые служили дополнительным украшением двух печей в интерьере столовой. В октябре Н.В.Султанов мог написать владельцу дома: «Обе печи давно закончены и топятся хорошо».[8]

Д. С. СИПЯГИНЪ,
новый товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ.
Съ фотографіи Шерера и Набгольца въ Москвѣ гравировалъ И. П. Хлапицкій.

Другим украшением интерьера были три подлинные люстры XVII столетия, освещавшие уютное пространство столовой. Они были отданы на реставрацию на московскую фабрику П.И.Чумакова. Там же были заказаны и другие металлические изделия: шесть «настенников» или «стенников», то есть настенных светильников, печные приборы, медные умывальник и таз к нему, басменная рама для зеркала, приборы на окна и двери, заслонки и другие изделия из меди. Все было создано по рисункам архитектора и доставлено в столицу в первой половине ноября 1898 года.[9]

Дом Д.С. Сипягина на набережной реки Мойки (дом 120) в С.-Петербурге. 2002. Фото Н.М. Соловьевой.

Мебель для столовой по рисункам Н.В.Султанова исполнялась разными мастерами. Столяром В.Филипповым были сделаны из дуба шесть кресел, двадцать четыре стула, раздвижной закусочный стол и шкафчик; четыре сосновых разборных стола. Скамьи и два ларя были созданы на московской мебельной фабрике Соловьева, а «резной дубовый полированный стол» был прислан из Ростова Великого. Красивые силуэты кресел, стульев и прочей мебели дополняла разнообразная обивка, скатерти и занавеси, для которых использовались как подлинные старинные материи, так и продукция московского заведения Сапожникова, пользовавшаяся большим успехом из-за своего высокого качества. Петербургскому магазину М. Гофмана была заказана обивка кресел, стульев, дверей и скамей; а также подушки и чехлы для всей имеющейся обстановки. Скатерти и занавеси на окна были сделаны с использованием старинных материй, декоративно усовершенствованных автором проекта. Материи приобретались также в петербургском магазине И.А.Жевержеева. Обивка в основном была исполнена уже летом 1898 года.[10]

Самой, наверное, увлекательной и сложной, с художественной точки зрения, была роспись стен и сводов. Приступить к росписи оказалось возможно только в конце августа 1898 года: «Я вчера подробно осмотрел столовую, — писал Н.В.Султанов Д.С.Сипягину 29 июля, — Она, как я и ожидал, далеко еще не просохла. Особенно еще сыроваты нижние части стен и места около дверей. Для безопасности росписи надо подождать еще недели три — четыре».[11] В сентябре — октябре живописцы уже, по-видимому, работали вовсю, что дало основание архитектору писать 20 октября: «Живопись выходит очень хороша, но ввиду ее крайней сложности и малых размеров комнаты, подвигается довольно медленно. Живописцы думают кончить к 10-му ноября, но я все меры принимаю, чтобы ускорить. <...> Расписан почти весь свод. Начаты распалубки. Остаются стены, надпись и медальоны за аркой». Роспись столовой производилась под началом живописца Л.И.Смирнова и его мастера М.Федорова, которым в сентябре — октябре выплачивалось вознаграждение за работы. Сам Д.С.Сипягин, по-видимому, был доволен ходом живописных работ. Иначе трудно объяснить то, что 7 ноября они получили по его распоряжению 25 рублей чаевых сверх положенной оплаты.[12]

Итак, в ноябре 1898 года Н.В.Султанов намеревался завершить работы и сдать готовый интерьер столовой заказчику. По-видимому, в основном она и была завершена к этому сроку. Об этом может свидетельствовать осмотр осуществленного проекта архитекторами и гражданскими инженерами 6 декабря 1898 года.[13] Тем не менее, вновь работы потребо-

Н. В. СУЛТАНОВЪ, новый директоръ института гражданскихъ инженеровъ.
Съ фотографіи. Гравиров. И. И. Хемницкій.

валось возобновить летом 1900 года. Причины столь большого перерыва видятся в длительной поездке зодчего за границу в ноябре — декабре 1898 года и назначение Д.С.Сипягина в 1899 году вначале управляющим министерством, а затем министром внутренних дел. Весной 1900 года он тяжело заболел и его, уже выздоравливающего, посетил в доме на Мойке император Николай II. «Дом Д[митрия] С[ергеевича] на Мойке можно теперь назвать историческим; — писал С.Д.Шереметев, — он был свидетелем событий, которые нельзя назвать иначе. <...> Царское посещение дома Д.С. за трапезою и проведенный запросто вечер благотворно воздействовали на многих. Теперь с этою болезнью царская заботливая мысль проявила себя в утешительном и оживляющем сознании. Острый кризис благополучно миновал. Царское письмо, царское посещение — подняли дух выздоравливающего и придали ему новую бодрость».[14] Вероятно, готовясь к высочайшему посещению, гостеприимный хозяин решил довести работы до конца и окончательно завершить интерьер столовой в соответствии с первоначальным замыслом.

В письме от 27 июня 1900 года поправляющийся Д.С.Сипягин благодарил зодчего за сообщение сведений о ходе работ, выражал надежду на их окончание к сентябрю и давал указание об оставшихся деталях интерьера, в частности, размерах свечей: «Для большой люстры следует взять более крупные без всяких изменений, а для маленьких пропорционально его уменьшить».[15] Если оставшиеся основные работы, по-видимому, были окончены в сентябре, то роспись еще завершалась в ноябре 1900 года, о чем Н.В.Султанов писал Д.С.Сипягину, выясняя непростой «дипломатический» вопрос, встретившийся при исполнении замысла владельца.[16] Вероятно, это была одна из последних проблем, требовавших вмешательства хозяина дома.

Вытянутое помещение с низкими сводами напоминало боярские хоромы XVII века. Оно делилось аркой на две неравные части, отделенные друг от друга шелковой завесой. Стены и своды были покрыты витиеватым позолоченным орнаментом на темно-красном фоне. Следуя стилистической традиции, в клеймах росписи архитектор расположил фрагменты родового герба владельцев дома. Двери были покрыты темно-фиолетовым бархатом с посеребренными металлическими украшениями. Мебель из темного дуба обита золотой парчей. В интерьере находились две высокие печи, покрытые подлинными изразцами XVII столетия и украшенные колонками и барельефами. Преобладали зеленый, желтый и синий цвета изразцов. На высоте примерно метра от пола по всему периметру столовой тяну-

лась надпись древнерусской вязью: «Боярин Дмитрий Сергеевич Сипягин с боярыней его Александрой Павловной Вяземских построили эту столовую палату».[17]

Интерьер дома на Мойке был одним из лучших произведений редкой для столицы «русской» стилистики «камерного» жанра. Его высокое художественное качество определялось значительным профессиональным опытом зодчего, глубочайшим знанием стилистики XVII века, основанной на исследовании подлинных памятников эпохи, и особенностей исторического и современного производства обстановки и утвари для убранства интерьеров, тонким художественным вкусом и тем неуловимым ощущением художественной правды, которое отличает подлинное произведение искусства от подделки. Это чувствовали и хозяева дома. Уютная столовая стала средоточием домашней жизни министра. «Дом Д.С.Сипягина на Мойке представлял среди внешнего водоворота, — писал С.Д.Шереметев, — тихое спокойное убежище, куда так отрадно было проникать, хотя бы и для минутного задушевного разговора».[18]

Другим центром притяжения Д.С.Сипягина и его семьи было подмосковное село Клусово. Сюда, на природу, в родные и знакомые с молодости места, он устремлялся всякий раз, когда появлялась возможность освободиться, хоть на время, от постоянных трудов на благо Отечества. «Клусово! ... Сюда стремился он мыслию и душою, когда утомлённый чрезмерным трудом, заботами и волнениями житейскими, он уходил в те редкие в году дни, слишком забывая о себе, о своём отдыхе, ради исполнения служебного долга. Бывало лишь на несколько часов удавалось ему наслаждаться Клусовым», — писал хорошо знавший Д.С.Сипягина С.Д.Шереметев.[19] Часто навещавший своего родственника в его усадьбе, он оставил описание Клусова. «В Клусове, действительно, соединились редкие и благоприятные условия для уединения и полного спокойствия. Это тихая и уютная усадьба, окружённая хвойными и лиственными лесами, через которые извилистым течением своим струится р. Лама, орошая привольные луга среди мелькающих вокруг селений с отдалёнными колокольнями церквей. Жизнь в Клусове переносит в даль прожитых и прошедших времен, при стройном сочетании многих условий старого была, бережно сохранившихся, рядом с новыми. Вызываемыми жизнью и потребностями времени. <...> Всего более поражают службы в Клусовской усадьбе; ряд домиков однообразного типа, практично и стройно расположенных перед двором, посреди которого возвышается конюшня; здесь в прежние молодые годы Дмитрия Сергеевича была псарня, им уничтоженная перед переездом в Харьков.

В доме висят портреты в красках, масляные и старые дагеротипы; всё убранство и устройство мебели не современное, а в уютном кабинете хозяина, около углового камина, покойная тахта и шкафы с книгами и бумагами, у среднего же из трех окон письменный стол с креслом Дмитрия Гавриловича Бибикова, а на стенах фотографии родных и близких, разных поколений.

Как памятны мне еще недавние ясные солнечные осенние дни в Клусове и тихие вечера в этом укромном кабинете, за долгою оживлённою беседою. Здесь не было ежеминутно отвлекающих забот, и хозяин дома, спокойно предаваясь ходу мыслей и любезных ему разговоров и рассуждений, являлся всего более привлекательным, приветливым и сердечным в родной ему деревенской Клусовской обстановке...».[20]

Для этой подмосковной усадьбы её владелец заказал Н.В.Султанову проект небольшой часовни, который и был им представлен в марте 1899 года.[21] Как видим, он был одновременен проекту петербургского интерьера. Небольшое, квадратное в плане сооружение с толстыми стенами и скромным декором фасадов, было покрыто восьмискатной кровлей и увенчано изящной луковичной главкой. По проекту зодчего, местом его строительства должно было стать пересечение осей двух дорог, проходящих через имение. По-видимому, часовня вскоре была построена, но освящение почему-то состоялось только в 1902 году, как это явствует из письма С.Д.Шереметева, публикуемого в приложении.

Составление проекта часовни было вызвано заботой владельца о расширении усадебного ансамбля. К этому времени в Клусове уже имелись больница, школа, богадельня. Появление часовни стало первым шагом на пути к созданию своего храма. В условиях его отсутствия, жители села были, по-видимому, прихожанами Предтеченской церкви, которая находилась в расположенном по соседству селе Грибанове. Именно поэтому, вероятно, Д.С. и А.П. Сипягиными 28 августа 1899 года было пожертвовано 300 рублей на позолоту иконостаса этой церкви.[22]

Проект церкви для Клусова также был составлен Н.В.Султановым по просьбе С.Д.Шереметева. Храм во имя Нерукотворного Спаса посвящался памяти Д.С.Сипягина (погибшего от руки террориста 2 июня 1902). В переписке заказчика и зодчего отражены поиски стилистики проекта, который первоначально, по предложению архитектора, мог быть выполнен в «византийском стиле». Но в дальнейшем остановились на «русской стилистике» московского периода, то есть XVI-XVII веков, которой виртуозно владел Н.В.Султанов. Публикуемые документы[23] позволяют установить авторство зодчего и раскрывают историю начального этапа возникновения замысла и начала проектных работ.

И.Е.Репин. Н.В. Султанов на заседании Совета Академии художеств. 3 октября 1894 года. ГТГ.

Таким образом, в творчестве Н.В.Султано-

ва с именем Д.С.Сипягина было связано создание трёх проектов в «русском стиле», один из которых предназначался для петербургского дома на Мойке, а два других — для подмосковного села Клусова. Их всех роднила между собой общая стилистика, признанным мастером которого был зодчий.

Состав проектов, выполненных архитектором для министра внутренних дел, напоминал заказ многих других представителей родовой аристократии (Шереметевых, Юсуповых, Воронцовых-Дашковых). Проводя много времени не только в обеих столицах, но и в любимых усадьбах, они стремились к благоустройству и расширению как своих петербургских и московских дворцов, многие из которых стояли на месте городских усадеб XVIII века или еще более раннего времени, так и отдалённых усадебных комплексов. На примере творчества Н.В.Султанова видно, что зачастую один и тот же зодчий отделывая, например, интерьеры городского особняка, приглашался для составления проектов усадебного ансамбля. Его талант, разностороннее образование, многолетний опыт и художественный такт позволяли создавать новые произведения в «исторических стилях», которые органично входили в сложившуюся архитектурную среду, не разрушая, а дополняя и развивая замыслы предшественников.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. После двухгодичного пребывания в должности московского губернского предводителя дворянства (1884-1886), Д.С.Сипягин в течение пяти лет возглавлял администрацию Харьковской и Курляндской губерний, а затем более двух лет служил московским губернатором (1891-1892). Начиная с 1893 года его биография окончательно связана с Петербургом: он стал товарищем министра государственных имуществ, а спустя год — главноуправляющим императорской канцелярии по принятию прошений. В 1899 году он был назначен управляющим министерством внутренних дел, а в 1900 году — министром.
2. Неделя строителя. 1882. № 10. С. 73.
3. Шереметев С.Д. Д.С.Сипягин. М., 1902. С. 13.
4. РГИА. Ф. 721. Д.С.Сипягин. Оп. 2. Д. 449. Письмо Н.В.Султанова С.Д.Шереметеву. 16 сентября 1902 года. Л. 2об.
5. РГИА. Ф. 721. Оп. 2. Д. 389. Письмо Н.В.Султанова Д.С.Сипягину. 20 октября 1898 года. Л. 20.
6. Там же. Л. 5 — 6.
7. РГИА. Ф. 721. Оп. 2. Д. 451. Л. 36, 38.
8. РГИА. Ф. 721. Оп. 2. Д. 389. Л. 17об.
9. РГИА. Ф. 721. Оп. 2. Д. 451. Л. 18.
10. Там же. Л. 2 — 46.
11. РГИА. Ф. 721. Оп. 2. Д. 450. Л. 43 — 45.
12. РГИА. Ф. 721. Оп. 2. Д. 389. Л. 19об; Д. 451. Л. 39.
13. РГАЛИ. Ф. 2428. Оп. 1. Д. 189. Т. 2. Л. 106.
14. Шереметев С.Д. Указ. соч. С. 21.
15. РГАЛИ. Ф. 2428. Оп. 1. Д. 123. Письмо Д.С.Сипягина Н.В.Султанову. 27 июня 1900 года. Л. 1.
16. Н.В.Султанов спрашивал заказчика о чисто «геральдическом» вопросе, встретившемся

ему при росписи интерьера. В то же время, это показательный пример «археологического» метода зодчего, который даже в мелочах стремился придерживаться исторической достоверности. «<...> Дело в том, что Вы изволили разрешить написать на левой (от входа) стене столовой герб Московского государства в том виде, в каком он сложился к концу XVII века, и в каком он приложен к «Дневнику Корба», но с тем однако же, чтобы орел в нем был помещен из «Титулярника». Все это так и пишется. Но в гербе этом орел помещен в овальной раме, на которой расположены «печати» или гербы разных старорусских областей; в числе этих последних гербов находятся также гербы, известные в геральдике под названием «armes de pretention», то есть гербы тех областей, на которые тогдашнее московское правительство имело притязание, каковы Иверский, Карталинский, Кабардинский и Свейский, то есть Шведский. О первых трех и говорить нечего, — эти области давно наши. Но «шведский» герб заставил меня призадуматься. Если бы это была «частная» столовая Вашего Высокопревосходительства, тогда не было бы никаких затруднений: всякое «частное» лицо может возобновлять родную старину, как ему заблагорассудится. Но, ведь это, вместе с тем, столовая «русского министра внутренних дел». Удобно ли поместить в ней, в качестве «armes de pretention» герб Швеции? Вот вопрос, относительно которого я позволяю себе испрашивать Ваших приказаний. Быть может, Вам благоугодно будет приказать заменить его каким-нибудь другим, например, литовским? <...>». РГИА. Ф. 721. Оп. 2. Д. 449. Письма архитектора Н.В.Султанова к С.Д.Шереметеву и Д.С.Сипягину <...>. Л. 11-12об.

17. РГАЛИ. Ф. 2428. Оп. 1. Д. 189. Т. 2. Л. 106.

18. Шереметев С.Д. Указ. соч. С. 17-18.

19. Там же. С. 13.

20. Там же. С. 14-17.

21. РГИА. Ф. 721. Оп. 3. Д. 14. Архитектурный проект инженера [Н.В.] Султанова и план места строительства часовни в д. Клусово Волоколамского уезда Московской губернии. Л. 6. Проект датирован 11 марта 1899 года.

22. Там же. Л. 2-3.

23. РГИА. Ф. 721. Оп. 2. Д. 21. Апрель 1902 года. Переписка С.Д.Шереметева с Султановым и др. по вопросу о постройке в с. Клусове церкви в память Д.С.Сипягина во имя Нерукотворенного Спаса. Апрель 1902 года. РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1660. Л. 158об; 186; 190об; 196; Д. 2996. Л. 12 — 12об и др.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Переписка С.Д. Шереметева и Н.В. Султанова о строительстве храма в память Д.С. Сипягина в имении Клусово Волоколамского уезда Московской губернии.

1. Н.В.Султанов — С.Д.Шереметеву. 21 апреля 1902 года.

Глубокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич,

Простите, что не сразу ответил на Ваше последнее письмо: объясняется это тем, что прежде чем ответить на Ваш вопрос, мне нужно было кое-что прикинуть и подсчитать. Вы изволили, по-видимому, назначить вместимость в 100 человек, дабы довести до наименьших пределов стоимость церкви. Но в церкви главную стоимость составляет не столько кирпич и известь, сколько золочение главки, кресты, колокола, хо-

роший пол, искусная стенопись, хороший иконостас, паникадила, св. сосуды, облачения, хоругви, плащаница и пр., которые и для большой, и для малой церкви остаются, по стоимости, почти одни и те же. Кроме того, это не просто церковь. а церковь-памятник, поэтому ее нужно сделать хотя и небольшою, но во всяком случае высокою, шатровою «столпообразную и сияющую лепотою и светлостью.» Такая церковь, если она будет деревянною, обойдется от 15000 до 17000 руб.; а каменная — от 25000 руб. до 30000 руб.

Мысль Ваша почтить память дорогого нам «убиенного боярина Димитрия» сооружением храма в Клусове — мысль прекрасная ... . И если мне будет позволено принять участие в подписке, я был бы очень счастлив выразить его бесплатным изготовлением проекта.

«Записка» превосходна по силе, краткости и языку. Но, простите мне одно маленькое замечание, на которое решаюсь потому, что не следует давать, по моему мнению, людям противоположного лагеря ни малейшего повода к придиркам. В словах «убиенном за Веру, Царя и Отечество», я бы выкинул слово «веру», ибо Православие — это пока еще такой устой, к которому не протягивались до сих пор нечестивые когти подпольных сил, и покойный Дмитрий Сергеевич погиб не как «православный», а как преданнейший слуга известных «государственных» начал.

Затем маленькая описка писца, набиравшего на машинке: «по Гроту» не «об Димитрие», а «об Димитрии». 1)

С чувством глубочайшего уважения и истинной преданности имею честь быть Ваш всепокорнейший слуга Н.Султанов.

РГИА. Ф. 721. Оп. 2. Д. 21. Л. 4-5об.

2. С.Д.Шереметев — Н.В.Султанову. Петербург. 22 апреля 1902 года.

Дорогой Николай Владимирович.

Спешу сердечно благодарить Вас. Я так и понимал стоимость не превышавшую 30 тысяч, соответственно тому, что Вами высказано. Что касается до подписки, то мы ее начнем без всякой огласки и огласим самый факт только тогда, когда вся сумма будет на лицо. Что касается до плана, то желательно его иметь, дабы показывать его желающим принять участие в подписке.

Вчера в Совете Ревнителей 2) было сделано несколько хороших постановлений в память Д[митрия] С[ергеевича].

«Сердечно Вам преданный» С.Шереметев.

РГИА. Ф. 721. Оп. 2. Д. 21. Л. 3.

3. Н.В.Султанов — С.Д.Шереметеву, 11 мая 1902 года.

Глубокоуважаемый Граф Сергей Димитриевич,

Приношу Вам мою глубокую благодарность за Вашу телеграмму: — мне было очень приятно, что Вы меня вспомнили.

Сегодня у меня экзамен из моего предмета, и я очень огорчен, что не могу быть у Вас и помянуть вместе с Вами нашего дорогого Димитрия Сергеевича [Сипягина]. Лелею мысль, что в июне буду иметь возможность приняться за «ознаменку» храма Божьего в молитвенную о нем память.

Ваш истинный, глубокий и верный почитатель Н.Султанов.

РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1660. Л. 185—185об.

4. Н.В.Султанов — С.Д.Шереметеву, село Прудково, 7 июня 1902 года.
Глубокоуважаемый Граф Сергей Димитриевич,
Приношу Вам мою глубочайшую благодарность за присылку плана древней византийской церкви из Вашего «Малого (Кучук?) Дере». Это обычный тип церквей X-го века, и я сам видел такие в Константинополе и Афинах. Кроме того, совершенно подобную же церковь мы видели в Пицунде и близ Хумаринского укрепления на том же Черноморском берегу. Нельзя ли снять фотографии со стен, со всех четырех сторон? Тогда бы можно было сделать очень точный проект реставрации, хотя и теперь возможен более или менее близкий. Быть может. Вы желаете взять этот тип для Клусова? Я очень рад сделать и в этом роде. <...>
Сегодня я снова в Прудкове. Блаженствую в полном смысле слова и пишу это письмо буквально в райской обстановке: тепло, зелено, цветы, птицы!!! 15-го я опять попаду из «моего» рая в «Парадиз» Петра Великого и пробуду там около недели, а потому ответ насчет «Кучук-Дере» и «Клусова» послать лучше туда. Здешний же мой адрес: Калужской губ., г. Медынь, с. Прудково.
С чувством глубочайшего уважения и истинной преданности имею честь быть Ваш всепокорнейший слуга Н.Султанов
P. S. План прилагаю обратно.
РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1660. Л. 186.

5. Н.В.Султанов — С.Д. Шереметеву, июль 1902 года.
Глубокоуважаемый Граф Сергей Димитриевич,
<...> Я очень хотел бы знать Ваше решение относительно Клусовской церкви: угодно ли Вам, чтобы она была подобна церкви в Кучук-Дере, или же сделать ее шатровую, в Московском стиле?
С чувством глубочайшего уважения и истинной преданности имею честь быть Ваш всепокорнейший слСултанов.
РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1660. Л. 190—190об.

6. С.Д.Шереметев — Н.В.Султанову, 11 июля 1902 года.
Многоуважаемый Николай Владимирович,
Весьма жаль, что мы с Вами никак не можем съехаться. Теперь еду в Петербург, а Вы в деревню, куда Вам и пишу. Проект церкви желателен в Московском стиле. Известно ли Вам, что Александра Павловна [Сипягина] дом свой продает сестре мужа, А.С.Дубасовой, а сама сосредоточивается на Клусове и нанимает у нас на Фонтанке бельэтажное помещение под моею дочерью Сабуровой. <...>
РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 2995. Л. 158об; ОР РНБ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 36. Л. 8-8об.

7. Н.В.Султанов — С.Д.Шереметеву, 25 августа 1902 года.
Глубокоуважаемый Граф Сергей Димитриевич,
<...> Только что получил «Указатель Старины и Новизны» и II том «Архива села Михайловского». Приношу Вам мою величайшую благодарность. Что за прелесть — письма Анны Сергеевны! Какая бесхитростная, яркая и правдивая картина быта Двора и высшего общества времени Николая! В 18-м письме очень привлекательно обрисована фигура этого великого Царя, память которого была загажена на-

шими либералами во времена «преобразовательных» веяний, да так неотмытой и остается. Когда-то он дождется своего «Шильдера».
Сделал, пока «для себя» небольшой эскиз церкви в Клусове. Вернусь в начале октября из отпуска, переработаю еще немного, исполню в чисто и представлю Вам. Тогда, если Вы изволите одобрить, можно будет начать подписку.
Читал в газетах, что Государь принял под свое покровительство Общество Древней Письменности. От всей души радуюсь и поздравляю Вас. Это — большой успех и новый залог для процветания общества в будущем.
Примите уверение в моем глубочайшем уважении и истинной преданности.
Ваш всепокорнейший слуга Н.Султанов.
P. S. Простите — вписки и поправки: писал ночью, усталый, ну и нет «ясности» в работе.
РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1660. Л. 196-197об.

8. С.Д.Шереметев — Н.В.Султанову, 4 сентября 1902 года.
Многоуважаемый Николай Владимирович
Сердечно благодарю Вас за дорогое письмо. В Ваших письмах всегда звучит что-то близкое и родное, особенно ценное в настоящее время. <...>
Сегодня приезжает к нам Александрара Павловна [Сипягина], у которой я недавно был в Клусове. Будучи вынуждена продать свой дом на Мойке, она хочет закрепить Клусово и сама построить там церковь. Думаю, что это будет и лучше, чем делать подписку, а ничто не помешает желающим сделать в эту церковь то иди другое пожертвование в память покойного. Имейте в виду, что 21 сентября утром будет в Клусове освящение часовни при значительном стечении народа. Сожалею, что не могу присутствовать, но пришлю Александре Павловне телеграмму. Думаю, что ей особенно приятно будет получить и от Вес таковую же.
Будьте здоровы и не забывайте [С. Шереметев]
РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 2996. Д. 12-12об; ОР РНБ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 36. Л. 10-10об.

ПРИМЕЧАНИЯ
1. В РГИА имеется текст, о содержании которого С.Д.Шереметев, по-видимому, советовался с Н.В.Султановым: «Сия святая икона Успения Пресвятыя Богородицы приносится в дар в часовню с. Клусова в молитвенную память об убиенном за Веру, Царя и Отечество 2 апреля 1902 года Дмитрии Сергеевиче Сипягине — строителе сей часовни. Да сохранится память его на Святой Руси в роды родов.
Усердное приношение графа Сергия Дмитриевича Шереметева, [...] в приснопамятный день освящения сей часовни, при Александре Павловне Сипягиной в присутствии друзей и почитателей незабвенного государственного деятеля, кровию запечатлевшего свое служение России». 12 августа 1902 [года] (РГИА. Ф. 721. Оп. 2. Д. 21. Л. 6).
РГИА. Ф. 721. Оп. 2. Д. 21. Л. 3-5об. Переписка С.Д.Шереметева с Н.В.Султановым и др. по вопросу о постройке в с. Клусове церкви в память Д.С.Сипягина во имя Нерукотворенного Спаса. Апрель 1902 года.
2. Общество ревнителей исторического просвещения памяти императора Александра III было создано по инициативе графа С.Д.Шереметева, который был его председателем.

Л.В. Никифорова

ДВОРЕЦ ОБРЕЧЕННЫЙ...
О Константиновском дворце в Стрельне

Размышляя о жизненном мире Петербурга нельзя не учитывать его пространственное измерение — тот культурный ландшафт, в котором проходит наша жизнь. У каждого из нас есть свой Петербург, свои пути, опорные точки, границы, и есть Петербург для всех. Он может быть описан как определенный набор маршрутов и ряд архитектурных памятников. О них осведомлены все жители города, их посещение обязательно для туристов, они обладают неоспоримым правом представлять Петербург на всех уровнях социальной жизни от изображения на школьных тетрадках до демонстрации официальным зарубежным делегациям. В ряду «первых» памятников Петербурга — дворцы-музеи, представляющие «блистательный» Санкт-Петербург, город в его статусе столицы империи. К трехсотлетнему юбилею появился еще один памятник, претендующий на место в почетном ряду — большой Стрельнинский или Константиновский дворец, нынешний Дворец Конгрессов.

Восстановлен памятник петровской эпохи. При всех переделках и «реставрациях» XIX века Константиновский дворец выглядит архаичнее, чем другие памятники Петергофской дороги, тоже, конечно, хранящие память о петровском времени, — архаичнее и оттого достовернее. Трогательное впечатление производит сегодня нижний парк в Стрельне с молоденькими свежепосаженными и как бы игрушечными липками. Вероятно, так и выглядели в момент создания знаменитые барочные сады, преобразившие топкие финские берега — нам, сегодняшним, привычны вековые деревья и тенистые аллеи, а подобные прозрачные и хрупкие виды известны только по старым гравюрам. Трудно сказать, как правильно обозначить это событие — восстановление старого или появление нового ансамбля, но в любом случае это событие значительное и... неоднозначное.

У Константиновского дворца особая судьба. Конечно, каждый памятник, как и каждый человек, имеет свою особую биографию, но дворец в Стрельне стоит особняком среди собратьев по жанру. Это дворец, который в эпоху своего создания, в век дворцов, дворцом так и не стал.

Известно, что именно в Стрельне Петр I намеревался устроить парадную резиденцию с большим дворцом, садом, каналами, каскадами, гротами, фонтанами. Дворец должен был стать таким роскошным, что поначалу «за него некому было взяться»[1]. Когда же, строительство началось (а велось оно, как и положено не жалея ни средств, ни рабочих рук), стало понятно, что дворец «будет едва ли не великолепнее Версальского»[2]. Многообещающее начало... Но русская Версалия здесь так и не состоялась.

Дворцы с бьющими перед ними фонтанами олицетворяли тогда, в XVII и XVIII веках, само Искусство — Искусство, «оформляющее Материю», преодолевающее Природу. «И хоть стоял он (дворец — Л. Н.) на большой высоте, воды рек поднимались к нему, чтобы явить покорность могучему искусству»[3]. Судьба Стрельнинского дворца ? пример того, как Искусство отступило перед Природой. Вскоре после начала работ в Стрельне выяснилось, что для устройства самотечного водовода, способного наполнить водой фонтаны, «которые будут бить там со всех концов», «смогут бить день и ночь»[4], более подходит Петергоф. Строительство Стрельнинского водопровода было остановлено, водовод протянулся от Ропшинских высот к Петергофу, где и «воздвигся» приморский парадиз, а Стрельна оказалась как бы «вынесена за скобки» блистательного фасада империи. «Царь даже сожалел, что начал строить Стрелину мызу, — вспоминал Берхгольц, — которая только для того и была задумана, чтобы иметь где-нибудь много фонтанов и гротов»[5]. Дворец, отступивший перед Природой, дворец, вызывающий по себе сожаление, — такой поворот сюжета противоречит законам жанра.

Стрельнинский дворец неоднократно горел, его едва успевали привести в порядок, как случался пожар (при Анне Иоанновне, при Павле I). Литературные дворцы, как правило, возникают внезапно, словно по волшебству, и так же внезапно могут быть разрушены. Возможность их внезапной гибели предопределена топикой высокого стиля, в котором бушуют губительные страсти и непредсказуемые превратности судьбы. Гибель дворца эмблематически соотносится с падением Трои или Рима со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтическая руина может олицетворять всепожирающее время, не щадящее никого и нечего. «Река времен в своем стремленьи // Уносит все дела людей // И топит в пропасти забвенья народы, царства и царей...» (Г.Р. Державин) В отличие от поэтических дворцов, от «воздушных замков», настоящие дворцы должны вызывать восхищение, в том числе, тем, что несмотря ни на что, несмотря ни на какие повороты судьбы стоят и сверкают великолепием. Таков Зимний дворец, переживший несколько пожаров, таковы пригородные дворцы, пережившие чудовищные разрушения во время войны, но поднятые из руин. Иначе со Стрельнинским — он «прославился» в первую очередь забытостью и запустением.

При Екатерине II в просторных сухих подвалах дворца (они находятся за подпорной стеной, поддерживающей грот и знаменитую тройную аркаду) хранились токайские вина, а «в липовом саду был устроен пчельник, доставлявший государыне мед к столу»[6]. «В то время во дворце никто не жил, кроме караульных инвалидов и здание от небрежного содержания пришло в такую ветхость, что даже угрожало разрушением»[7]. Дворец, ставший руиной, это, хоть и печально, но благородно. Дворец, еще совсем недавно обещавший затмить собой Версаль, и ставший погребом, — сюжет иронический.

Историю Константиновского дворца можно рассказывать как историю несбывшихся надежд. Здесь не состоялись русская Версалия и приморский парадиз, славу дворца–казармы, каким при Константине Павловиче стал Стрельнинский дворец, затмила Гатчина, славу музыкальной столицы, где играл сам великий Штраус, затмил Павловск. Ряд можно продолжать. Вместо великолепного

и блистательного дворца — руина, погреб, в лучшем случае великняжеская загородная дача (в XIX веке).

Пожалуй, только в советское время дворец попал в ногу со временем. С. О. -Хан-Магомедов, исследователь архитектуры советского авангарда, писал, что архитекторы 1920-х годов (как, впрочем, и общество в целом) вдохновлялись традицией литературно-философских утопий и «жили в преддверии доверчивого ожидания осуществления этих утопий»[8]. Это в полной мере относится к проектам новой организации жизни, воплотившим грандиозную мечту о «дворце для всех». Авторы проектов с особым вниманием, вероятно, читали описания дворцов, вмещавших 1000 (Дени Верас «История северамбов», 1675), 1800 (Шарль Фурье «Новый хозяйственный и социетарный мир»), 10 000 человек (Теодор Дезами «Кодекс общности», 1842), которые вместе трудятся, вместе едят и отдыхают.

Во многих проектах коммунальных домов и общежитий первых советских лет без труда узнаются «дворцы». Протяженные корпуса, с расстилающимися перед ними регулярными садами, цветниками и фонтанами мы видим на перспективах А. А. Оля (1921), А. К. Иванова (1924), И. А. Фомина (1925), Л.Н. Тверского[9]. Центральные парадные залы, прямоугольные, квадратные, круглые, овальные, от которых в обе стороны уходят галереи и анфилады, напоминают Версаль и Во ле Виконт, палаццо Кариньяно и дворец в Ступинниджи, Царскосельский и Таврический дворцы. Широкие лестницы вызывают в памяти парадную лестницу Зимнего дворца Ф.-Б. Растрелли или дворца в Вюрцбурге Б. Неймана. Широкий спектр аналогий разворачивает архитектурную программу послереволюционых «дворцов для всех» до масштабов «целого мира».

«И на этом новом, румяном, красном и революционном земном шаре мы, трудящиеся, родившиеся в жалких хижинах, дружными и стройными рядами пойдем из этих жалких хижин в великолепные дворцы с великим гимном «Интернационала»[10]. Полагаю, что дело здесь не в мировой революции, а в вековой и несбыточной мечте о справедливости, о «золотом веке», которая вполне закономерно превращается в мечту о поселении во дворце.

В конкурсных заданиях и пояснительных записках мы не увидим «сносок» на дворцы прошлого, напротив, настойчивые напоминания о «простоте и целесообразности», о том, что «красота достигается удачным использованием всех конструктивных частей». Жюри, вручая премии авторам «дворцов» отмечало что, «фронтоны целесообразно увеличивают полезную площадь чердака», что «новейшие завоевания науки и техники согласованы с новыми жилищными потребностями». Все строго рационально. При этом аналогии, которые напрашиваются непроизвольно, превращают проектные листы во вдохновенные картины. Капелька воображения, и Вы увидите, как не только Зимний дворец или Таврический, или Павловский, иди дворцы в Останкино и Кускове, но и знаменитые дворцы Франции, Германии, Италии, Австрии наполняются множеством людей. Одни парадные залы превращаются в столовые, другие в читальни, третьи в ясли, в бывших Помпейских гостиных, Китайских кабинетах, Картинных, Бильярдных размещаются семейные коммунары, а одинокие и неприхотливые пока довольствуются бывшими фрейлинскими, офицерскими, буфетными.

После Октябрьской революции в Константиновском дворце разместилась трудовая школа-интернат, сюда на лето выезжали ленинградские дети. После войны во дворце, восстановленном от сильнейших разрушений, расположилось Ленинградское арктическое училище. Экскурсоводы сейчас отмечают как пример кощунственного цинизма, что в Голубом зале во времена трудовой школы был спортивный зал, а во времена Арктического училища — актовый зал, в котором проводили собрания, а по выходным устраивали танцы. И все же, Большой Стрельнинский дворец, построенный по замыслу Петра Великого, с участием нескольких поколений известнейших петербургских архитекторов[11], дворец, где играли Штраус и Чайковский, заполненный ленинградскими детьми — вот она — осуществленная социальная утопия XX столетия.

А затем опять годы запустения и страх общественности перед реальной возможностью утраты Стрельнинского дворца. В мае 2001 года городская комиссия по основаниям и фундаментам вынесла страшный вердикт: «Если в ближайшие месяцы не будут предприняты эффективные противоаварийные меры, 300-летие Петербурга мы отметим утратой двух старейших зданий — ровесников города»[12]. Речь идет о Константиновском дворце в Стрельне и о Большом Меншиковском дворце в Ораниенбауме.

То, что произошло с дворцовым ансамблем накануне 300 летнего юбилея города, вероятно, следует называть не реставрацией, не реконструкцией, а реабилитацией архитектурного памятника. В архитектурном и строительном деле это синонимично восстановлению, но в случае с дворцом в Стрельне важен и юридический оттенок: восстановление в правах, восстановление доброго имени. Второе рождение дворца, в качестве собственно дворца, произошло с соблюдением всех законов дворцового жанра.

Дворцам положено возникать внезапно, на пустом месте, словно по волшебству: «На месте, где вчера пестрел цветами луг, невиданной красы дворец воздвигся вдруг» (Жан де Лафонтен). Не только литературные, но и реальные дворцы строят очень быстро, как бы стремясь поддержать мотив сказочного преображения пустыни. Требования «ускорить», «строить с поспешанием», «поспешать как возможно скорее» сопровождают историю реального дворцового строительства XVIII века. За два года был отстроен когда-то наш дворец (1720 — 1722), за полтора года к 300-летию Петербурга «воздвигся», если и не на пустом месте, то в буквальном смысле «из руин», новый Константиновский дворец[13].

Те петербуржцы, которые проезжают по Петергофскому шоссе лишь время от времени, преимущественно летом, ощутили на себе эффект внезапности. «Чудесный» характер воздвижения дворца из руин подчеркнут тем, что одновременно, в один и тот же день — 31 мая 2003 — происходило торжественное открытие Константиновского дворца и Янтарной комнаты, имеющей почти официальный титул «восьмого чуда света». Дворец наконец-то стал дворцом.

Основной интенцией художественной программы восстановления дворца можно считать осуществление мечты. Строители начала XXI века попытались выполнить все то, о чем мечтали прежние хозяева Стрельны. Скоро забьют фонтаны, недостаток естественной подачи воды будет преодолен с помощью электричества. Петр мечтал прибывать в свою приморскую резиденцию морем и прямо на боте или яле подхо-

дить к дворцу. Так строили городские дворцы, прибывали в шлюпках к Петергофскому дворцу, пока не был установлен в центре большого каскада фонтан Самсон. Судя по легенде, за отсутствие подъездного канала от моря к дворцу в Ораниенбауме разгневался Петр на Меншикова. В Стрельне эта затея, как и многие другие, оказалась трудноосуществима — залив настолько мелкий, что пришлось устраивать далеко от берега дамбу, но и это не помогло. В ходе реконструкции углубили каналы, на поперечных — сделали разводные мосты. Теперь можно подойти на катере прямо к подошве дворца и оказаться у самого грота. И не только на катере, но и на автомобиле, и на вертолете: площадь перед дворцом со стороны Петергофского шоссе (прежде цветник, затем военный плац) оборудована как посадочная площадка для вертолета.

Когда-то Леблон с одобрения Петра I мечтал устроить на острове, образованном каналами парка, у самой кромки залива «Замок воды» с каскадами и бассейном. Он должен был стать кульминацией водной феерии, здесь сходились бы воды всех каналов и фонтанов, чтобы еще раз показать торжество Искусства, прежде чем стать Природой. Поскольку водная программа в парке была «свернута», не осуществился и этот замысел. Вплоть до недавнего времени остров стоял, поросший соснами. Сегодня здесь появился, правда, не замок, но павильон для переговоров в узком кругу, узость круга и секретность возможных бесед эмблематически закреплена в островном месторасположении павильона.

Словно возрождая славу музыкального Костантиновского дворца, его открытие в дни юбилея сопровождалось концертом сегодняшних звезд — Лучано Паворотти пел на террасе перед кутающимися в пледы высокими гостями. Искусство торжествовало над Природой.

Для самого дворца эта ситуация оптимальная. Возможности восстановления и использования этого памятника давно обсуждались общественностью, но были далеки от реализации. Было ясно, что традиционная музеефикация не годится — дворец, по прежнему, будет оставаться в тени Петергофа, неизбежно превратится в музей «второго» или «третьего» ряда. Высказывались идеи превратить его во Дворец Науки и Культуры, проводить здесь конференции, симпозиумы, устраивать художественные акции, но эта идея была обречена, в первую очередь, в связи с проблемами финансирования — слишком неопределенным выглядел ведомственный статус дворца науки. Судьба дворца, выступающего в качестве правительственной резиденции, места проведения официальных мероприятий самого высокого уровня, обеспечена, по крайней мере, до той поры, пока вообще в казне будут деньги.

Историю дворца как бы начали заново, постарались «переписать» страницы неудач, запустения и разрухи, вызванные природными, социальными причинами или просто неблаоприятным стечением обстоятельств. Новая история дворца создается для другого времени, для других зрителей, и в ней неизбежно возникают новые сюжеты.

Первое, что бросается в глаза в событии второго рождения дворца — осуществление строительных идей Петра превратилось в прозрачную аллегорию реформаторства и строительства новой России по европейскому образцу. В свое время строительством крупных дворцово-парковых резиденций было ознаменовано вступление России в «концерт европейских держав». Стало хрестоматийным утверждение, что размах дворцового строительства в петровское и в послепетровс-

кое время стал прямым отражением масштаба государственных преобразований, возмужания светской культуры, свидетельством необратимости реформ. Стрельна, Петергоф, Ораниенбаум самые ранние, самые первые опорные точки в дворцовом ожерелье Петербурга. Строительство приморских резиденций, затеянное Петром в самом начале XVIII века, в разгар Северной войны, символизировало власть России над морем, причем не только обретение моря, но и саму претензию на могущество, на возможность равноправного диалога с европейскими державами. Триста лет спустя для диалога России и Европы был выстроен Дворец Конгрессов[14]. В том месте, где Петр I «прорубал окно в Европу» и «грозил шведу», нынешний глава государства обсуждал проблемы вступления России в Евросоюз.

«Европейскость» нынешнего Константиновского дворца дополнительно подчеркнута его музейным использованием. Это музей особого рода: официальная правительственная резиденция, открытая для свободного доступа публики. Кресло, где сидел В. Путин, кабинет, где проходила беседа В. Путина и Дж. Буша «без галстуков» демонстрируются наравне с экспозицией, посвященной государственной символике или мемориальными комнатами К.Р.

Конечно, и прежде и сейчас можно побывать в качестве экскурсанта в Мариинском дворце, занятом действующими органами власти. Но это возможно лишь по предварительной заявке от организации, при входе попросят предъявить паспорт. В Таврическом дворце и такая практика отсутствует. В Константиновском дворце паспорт не спрашивают, а предварительные заказы на экскурсии вообще не принимают, правила гласят: дворец может быть внезапно закрыт для проведения официального мероприятия. Одиночный посетитель, независимо от своего социального статуса, места работы, наличия в кармане удостоверения имеет в Константиновском дворце неоспоримое преимущество перед личностями, «организованными» в группы. Это обстоятельство тоже не вполне обычно для нашей музейной практики. Особенно в сравнении с возможностью осмотра Янтарной комнаты. Юбилейным летом 2003 года она была практически недоступна «одиночным» посетителям из-за огромного количества желающих и невероятно длинных очередей, предварительно заказанные экскурсионные группы имели преимущество.

Многие помнят руины Стрельнинского дворца и вызванное ими чувство горечи и сожаления. Если камер-юнкер Берхгольц, осматривая Стрельнинскую мызу, писал, что здесь будет дворец не хуже Версальского, то ленинградцы и петербуржцы, могли думать: как жаль, что в таком плачевном состоянии находился дворец не хуже, как минимум, Петергофского. То, что не удалось сделать советской власти, совершила власть нынешняя, «демократическая». То, что разрушалось в системе плановой экономики и единого государственного финансирования, восстановлено на средства «частного» капитала, при помощи «частной» инициативы[15]. По крайней мере, в репортажах со строительной площадки подчеркивался именно этот источник финансирования. Деньги, как пишут, собрал международный благотворительный фонд «Константиновский дворцово-парковый ансамбль в Стрельне», среди пожертвователей компании «Роснефть», «Славнефть», «Транснефть». Восстановленный Константиновский дворец, а вернее освещение этого события в прессе, достаточно прямолинейно пропагандируют возможности нового экономического и поли-

тического порядка. Можно спорить, нужно ли входить России в Евросоюз, хороша или пагубна для России идеология гражданского общества, но «упаковка» для легитимации этих идей выбрана чрезвычайно эффектная.

Стрельнинский дворец воссоздан как будто в параллель московской новостройке — Храму Христа Спасителя. Патриархальная, благочестивая Москва получила новый «старый» храм, а официальный чопорный Петербург обогатился новым «старым» дворцом. Похоже, что авторы той и другой идеи владеют основными парадигмами диалога двух столиц, и цель его не только в восстановлении памятников и торжестве исторической справедливости. Вместе с обновленными стенами и аллеями здесь закладываются и новые сюжеты. Станут ли они новыми мифами, покажет время.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сапожникова Т. Петергоф. Ораниенбаум. Стрельна. — М. —Л., 1927. — С. 136.
2. Дневник камер-юнкера Берхгольца. Ч. I. — С. 137.
3. Описание дворца Артемии, дворца Искусства и Науки из романа «Критикон» (Грасиан Б. Карманный оракул.Критикон. — М., 1981. — С. 130).
4. Дневник камер-юнкера Берхгольца. Ч. I. — С. 137.
5. Дневник камер-юнкера Берхгольца. Ч. I. — С. 129 — 127. ???
6. Пыляев М.И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга / Вступ. статья А.А. Алексеева. — СПб., 2002. — С.208.
7. Гейрот А. Описание Петергофа.— СПб., 1868. — С. 129.
8. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. Кн. 2. Социальные проблемы. — М., 2001. — С. 27.
9. Из истории советской архитектуры. 1917 — 1925. Документы и материалы / Отв. ред. К.Н. Афанасьев; сост. автор статей и примеч. В.Э. Хазанова. — М., 1963.
10. Из речи С.М. Кирова на I съезде Советов СССР. Цит. по: Из истории советской архитектуры 1917 — 1925. Документы и материалы /Отв. ред. К.Н. Афанасьев, сост. автор статей и примеч. В.Э. Хазанова. — М, 1963. — С. 148.
11. Среди петербургских архитекторов, работавших в Стрельнинском дворце, Ж.-Б. Леблон, Н. Микетти, отец и сын Растрелли, А. Воронихин, Л. Руска, А. Штакеншнейдер.
12. История о двух дворцах и одной геотехнической проблеме // Строительство и городское хозяйство в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. — 2001, № 45 (май). — С. 63.
13. С момента принятия решения о передаче дворца на баланс управления делами президента России (ноябрь 2000) до его торжественного открытия (май 2003) прошло два с половиной года, от начала работ на стройплощадке — полтора.
14. Не исключено, что ради этой одной цели и создавался новый дворец, по крайней мере, именно идея проведения саммита в дни юбилея привлекла деньги частных благотворителей в специально созданной фонд. (Деловой Петербург. ? № 100, 6 июня 2003. ? С. 12).
15. Константиновский дворец. История продолжается... // Строительство и городское хозяйство в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. — 2002, № 53 (май). — С. 47.

Н.Ю. Красносельская

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МЕТАЛЛ ГОРОДСКИХ УСАДЕБ МОСКВЫ НАЧАЛА XIX ВЕКА. БАЛКОНЫ

Изделия художественного литья и ковки были широко распространены в оформлении фасадов усадебных домов Москвы начала XIX века. Ограды, ворота, фонари, козырьки (зонты), декоративные решётки лоджий, балконы и т.д. придавали городским усадьбам дополнительную выразительность и индивидуальность. Первый подробный анализ металлических ограждений в архитектуре Москвы после пожара 1812 года, сделанный архитектором А.И. Игнатьевой, позволяет подойти к вопросу о месте и роли художественного металла в архитектуре вновь отстраиваемой Москвы. В ее диссертации «Металлические ограждения в московской архитектуре первой половины XIX в.» уделено большое место классификации архитектурного металла того времени. Другая работа — диссертация А.Е. Горпенко «Художественный металл в русской архитектуре XVIII-XIX в.в.» наиболее полно осветила вопросы художественной промышленности и особенности изготовления изделий художественного металла в начале XIX в.

Большинство сохранившихся в городе балконных решёток эпохи классицизма относятся ко времени восстановления древней столицы после пожара 1812 г. З.К. Покровская писала: «Москва, сыгравшая исключительную роль в поражении Наполеона, сожженная и разрушенная, но не сдавшаяся врагу, стала символом России, бессмертия её народа, а восстановление города после пожара — большим патриотическим, общенародным и государственным делом».[1] Пожар города унёс бесценные памятники искусства и архитектуры, но русские архитекторы и мастера мобилизовали свои силы, и сразу же после изгнания французской армии началось восстановление зданий по всему городу. Особенно активно велось жилое строительство: «В целях оказания помощи населению Москвы и губернии, «претерпевшим разорение неприятельское», и упорядочения застройки города на основании правительского указа Сената от 18 февраля 1813г. была образована специальная «Комиссия для строений» Москвы. На неё было возложено руководство восстановлением и строительством города».[2] «Комиссия для строений»[3] стала организацией, усилиями которой за короткий срок возродилась сожженная Москва, были реализованы градостроительные планы по реконструкции и благоустройству города. Декоративные скульптурные детали играли важную роль в формировании художественного образа новых сооружения, стиль звучит в их строгой, регулярной основе, общей сдержанности и простоте орнамента, ясности композиции фасадов. Скульптурный декор, который имелся почти во всех зданиях Москвы, в значительной мере был сосредоточен в металлических решётках.

Главный дом усадьбы Шереметевых на Воздвиженке. (д. 8.) Фото автора. 2002.

Художественный металл за время своей истории выработал устойчивые приёмы стилистического единства с зодчеством, позволившие ему стать полноправным компонентом этого синтеза. Слово «балкон» происходит от итальянского «balco» и означает площадку, вынесенную за пределы здания. Конструкция балкона складывается из трёх элементов: плиты, ограждения и поддерживающей части (кронштейна). При этом архитектурная форма балкона может быть различна так же, как детали его ограждения, профили и орнаментация кронштейнов. Попытка охарактеризовать балкон только как архитектурный элемент однобока, так как он всегда являлся сплавом архитектурной мысли и прикладного искусства. Как элемент архитектуры он выполняет связующую роль звена между человеком и архитектурой. Именно с такой целью балкон помещают на фасаде — месте возможного обзора для человека. Однако балкон обладает и рядом декоративных свойств — всегда разнообразным рисунком, скульптурным декором, фактурой в отделке поверхности и другими, то есть помогает формировать художественный образ здания. Благодаря центральному месту балкона на фасаде его художественные достоинства как произведения искусства сразу улавливаются взглядом[5]. Авторы книги «Балконы Санкт-Петербурга» Б.А. Калиничев и Т.И. Николаева пишут: «Воздействие балконов на восприятие неосознанно несёт элемент театральности. Это ориентация на контраст балкона со стеной и контраст самого материала — металла и оштукатуренной стены, обогащающих композицию фасада здания»[4].

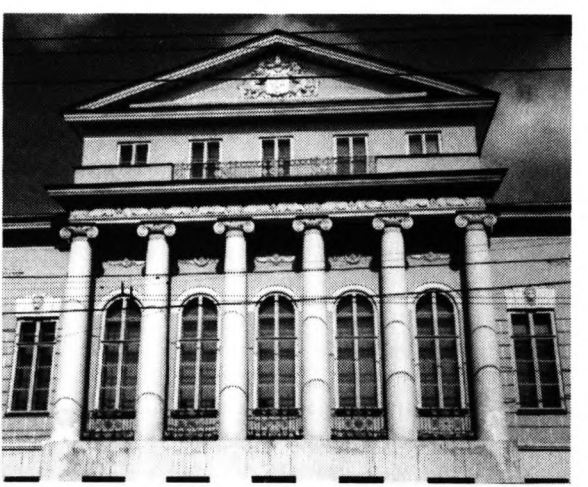
Балкон служит точкой притяжения внутреннего пространства дома и фасада, а иногда ансамбля улицы или площади, а потому архитектурные формы их ограждений решаются в единстве с домом, а зачастую в едином ансамбле всей улицы. Угловой объем городской усадьбы Шереметевых на Воздвиженке (№ 8), построенный в 1780 году, имеет полукруглый балкон, который смотрится важным объемным элементом здания, объединяющим два угловых фасада здания. Балкон служит своеобразной доминантой улицы и близлежащего переулка, он хорошо виден издалека. Благодаря и ему, архитектура усадебного дома занимает одно из главных мест в застройке Воздвиженки.

Этот балкон украшен ажурной решёткой с орнаментом из пересекающихся колец. В ограждениях балконов иногда употреблялся приём украшения звеньев металлическим квадратным панно центрического узора, контрастирующим с их метрическим строем. Такая центрическая композиция, основанная на прямоугольнике с деко-

ративной вставкой из ромба, завершённого по вертикальной оси завитками, чередуется со звеньями из пересекающихся колец и составляет орнамент решётки полукруглого балкона этого дома. Особенностью этого балконного ограждения является отсутствие верхнего орнаментального пояса в композиции решётки. Особенностями такого типа балконов было отсутствие верхних и нижних орнаментальных поясов в балконной решётке и отсутствие столбов, к которым крепились звенья решётки. Этот тип балконного ограждения представлял собой чередование звеньев в виде своеобразных «клейм», заполненных простыми декоративными деталями: диагоналями квадрата или прямоугольника, восьмигранником или ромбом и другими; и звеньев с простым метрическим рядом стоек. Как правило, эти решётки были кованые и воспринимались как лёгкое металлическое украшение фасада.

Балкон дома № 17 на Новинском бульваре демонстрирует композицию из простого ряда стоек, которые чередуются с квадратными «клеймами» и вписанными в них восьмиугольниками. Центры этих «клейм» отмечены декоративными медальонами в виде колец с накладным литым цветком. Декоративные особенности балкона такие как: степень ажурности орнамента, ритмика элементов орнамента, модуль орнамента, шаг метрического ряда в орнаменте, зависят от его архитектурной формы. Общая протяжённость балкона целиком зависит от особенностей архитектурного сооружения. Например, пролёт звеньев балкона всегда связан взаимной кратностью с шагом его кронштейнов, который, в свою очередь, зависит от шага оконных проёмов. Опоры балконных решёток располагаются на осях кронштейнов балконов, и, одновременно, на осях простенков между окнами; в этом случае пролёт звеньев равен расстоянию между кронштейнами. Высота балконных ограждений также согласовывалась с сооружением. Верх решёток балконов, галерей, портиков и прочего обычно совпадал с низом оконных проёмов. Таким образом, основные части балконного ограждения — кронштейны, опоры и звенья согласовывались с архитектурными формами здания.

Ритм играл главную роль в ограждениях балконных решёток классицизма. Рисунок ажурных металлических элементов ограды в стилистике классицизма и ампира всегда строился на простой геометрической основе, в той или иной мере обогащённой пла-



Балкон и решетка портика дома Хрущевых-Селезневых на Пречистенке. (д.12). Фото автора. 2002.

стическими деталями. Геометрическая основа сообщала рисунку чёткость, а пластические детали придавали не достающую ей живость. Отделение пластических украшений от геометрической основы звена, а речь идёт о накладном декоре, позволило их быстро, просто и дешёво раздельно изготавливать, что было особенно ценно при ускоренных ритмах строительства Москвы после пожара 1812 года.

Стержни звеньев всегда делались простого сечения: круглого, квадратного или прямоугольного, без всякого украшения их поверхности, что соответствовало простоте геометрического узора звеньев. Важно отметить тот факт, что в звеньях криволинейного строя стержни круглого сечения не употреблялись, так как двойная кривизна лишала их форму чёткости. Хочется особо отметить ограду галереи дома Хрущёвых-Селезнёвых на ул. Пречистенке. Здание построено в конце XVIII века архитектором А.Г. Григорьевым и им же восстановлено после пожара 1812 года. В.С. Ледзинский и А.А. Теличко пишут: «Григорьеву удалось создать городскую усадьбу — подлинный шедевр, где все изделия художественного металла изящны и выполнены рукой большого мастера»[6]. Галерея особняка на первый взгляд напоминает просторный балкон, она на целый этаж поднята над уровнем улицы и огорожена лёгкой кованой решёткой, закреплённой между круглыми каменными столбами. Эта ограда весьма интересна, так как весь её рисунок подчинён строгой системе ритмов: опор, колец, ромбов верхнего и нижнего поясов. Для разнообразия зрительного восприятия метрического строя были введены круглые розетки-связи, отмечающие центры колец и концы ромбов, причём шаг их не совпадает. Ограда математически выверена, так что достаточно знать диаметр кольца, и можно детально воспроизвести на чертеже всю решетку.

Самым распространённым в балконных решётках был геометрический узор из пересекающихся окружностей и сомкнутых дуг. Балкон дома В.А.Глебовой в Колымажном переулке, построенного в 1826 году архитектором Ф.М. Шестаковым в Колымажном переулке (№ 4), расположен над центральным входом в усадьбу. Решётка балкона состоит из звеньев с орнаментом из пересекающихся колец, чередующихся с прямоугольными орнаментальными вставками. Стиль позднего классицизма ярко выражен в чётких линиях и строгой простоте узора решётки и кронштейнов балкона, а также балконных ре-

Балкон особняка Глебовой в Колымажном переулке (д.4). Фото автора. 2002.

шёток. Рисунок кронштейна в данном балконе вместо упруго изогнутой дуги имеет провисшую линию завитка дуги. Однако, в таком рисунке есть своя художественная убедительность — окружность провисания кронштейна прекрасно согласуется с рисунком решётки балкона, состоящим из пересекающихся окружностей, с рисунком решёток окон первого этажа.

После Отечественной войны 1812 года, когда расцвел так называемый послепожарный ампир[7], на смену им пришла военная тематика. В ограждениях балконов городских усадеб Москвы набор, свойственных ампиру декоративных военных трофеев, колчанов, луков, стрел, лавровых венков, львов, римских доспехов, щитов, шлемов, мечей и других элементов, был более скромен по сравнению с аналогичным декором государственных учреждений. В жилой и дворцовой архитектуре в металлических ограждениях использовались растительные мотивы с эмблемами отдельных видов искусства. Сочетаясь со строгой геометрической основой из простых стержней, эти пластические украшения способствовали созданию величественного образа архитектуры. Во многих балконных решётках декор содержит человеческие маски, украшенные растительным орнаментом или только мотивы флоры. Античная орнаментика также нашла своё широкое применение в декоре ограждений балконов. В традиционных для классицизма и ампира горизонтальных орнаментальных поясах ограждений часто использовался древнегреческий орнамент меандр[8], пальметты[9] и листья аканфа[10].

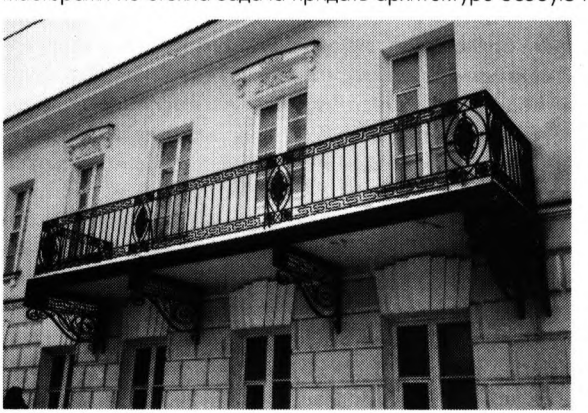
Кронштейны балкона дома Луниных на Никитском бульваре (д. 12-а). Фото автора. 2002.

Балкон в доме Луниных, построенном по проекту Д.И. Жилярди, выполнен из чугуна. Он собирался из отдельных литых деталей и монтировался. Балкон соответствует на фасаде портику, а длина его около 10 м. Он является лучшим образцом чугунного литья балконов начала XIX в. В качестве основного украшения балконных перил, а также в барельефах лоджии, тимпанах арочных окон и фризе главного дома здесь использована лира. Балкон укреплён на чугунных кронштейнах с мастерски отлитыми в металле грифонами. Кронштейны заканчиваются кедровой шишкой, а между ними, в нижней части балкона, помещены крупные круглые розетки. Очень простую по форме решётку балкона перебивают массивные парные столбы в виде факелов, с тонким литым рельефом на поверхности, разделённые стилизованной лирой.

Балкон дома Луниных на Никитском бульваре (д. 12-а). Фото автора. 2002.

Величина сечения стержней зависела от рисунка, размеров, материала и конструкции звена. Главные конструктивные звенья балконной решётки делались более мощными, чем второстепенные. Им придавали разную форму: факелов, связок ликторских прутьев и другие. Сечение стержней увеличивается с размерами звена. Стержни чугунных литых звеньев более мощные, чем у кованых звеньев. Обычно декор металлических ограждений балконов сводился к тройным лавровым венкам или картушу, помещённым на вертикальные прутья звеньев. Картуш накладывался на поле звена или помещался в прорезную раму; последний вариант был менее используемым, так как в нём разрушалась тектоническая цельность звена. Основой композиции, как правило, являлся круг, который находил художественное воплощение в виде медальона, щита, венка или розетки. В картушах этот круг неизменно сочетался с боковыми «крыльями» в виде парадных лент и военных трофеев. Во фризах круги являются элементом, вносящим упорядоченность и чёткость в метрический ряд остальных декоративных деталей фриза.

Тверской бульвар представляет собой ансамбль городских усадебных домов-особняков начала XIX века, оформленных художественным металлом. Едва ли не главным украшением бульвара всегда были его балконы, выполненные в едином классическом стиле, но разные по композиции. Доктор искусствоведения П.А. Тельтевский писал: «Художественный металл этих и многих других особняков характерен для Москвы: перед мастерами не стояла задача придать архитектуре особую представительность, целью же их творчества скорее были разумная функция и красота, чего они и достигали успешно»[11]. Тверской бульвар, как известно, в начале XIX века играл значительную роль в жизни московского общества. Здесь собиралась на праздники вся высшая знать, а потому дома, выходившие на бульвар, украшались богато. Лоджии, портики, балконы стали там



Балкон дома № 24 по Тверскому бульвару. Фото автора. 2002.

необходимой принадлежностью почти каждого дома. До настоящего времени сохранилось немало домов на Тверском бульваре, в убранстве которых балкон и портик занимают ведущее место. Обработке парадного фасада и его частей уделялось большее внимание, чем задним фасадам, оставшимся без металлических украшений. В этом нетрудно убедиться, заглянув на любой двор на Тверском бульваре. Лицевые балконы украшались металлическими решётками, выполненными с большим художественным вкусом. Почти все они решались по принципу контраста лёгкого металлического ограждения, с простой гладкой стеной и обычно были коваными.

Балкон в композиции фасада дома № 26 по Тверскому бульвару. Фото автора. 2002.

Балкон дома № 26 по Тверскому бульвару демонстрирует решётку, состоящую из чередующихся больших и малых звеньев. Ее столбы выполнены в виде связок ликторских прутьев. Орнамент звеньев решётки построен на простом метрическом ряде стержней, замкнутых в верхнем поясе решётки шариками и полукруглыми дугами. Нижний пояс состоит из фриза колец. Простой ритм стержней украшен декоративными вставками с литым растительным орнаментом. Особенно выразителен рисунок кованых кронштейнов, поддерживающих балкон, в которых нижняя линия упруга и одновременно легка и изящна. Балконная решётка дома № 24 на Тверском бульваре состоит из больших звеньев с простым ритмом вертикальных стержней и малых звеньев с рисунком решётки из сомкнутых дуг, между которыми помещены литые розетки в виде цветка. Большие и малые звенья объединяются верхним и нижним поясами одинакового размера, которые заполнены полосой меандра. В кронштейнах этого балкона также повторяется орнамент меандра. На другой стороне Тверского бульвара, есть балкон, поддержива-

Балкон дома № 26 по Тверскому бульвару. Фото автора. 2002.

емый тонкими колоннами с ионическими капителями. Решётка его заключена между столбиками, имеющими форму связки ликторских прутьев и заканчивающимися вместо секиры небольшой литой шишкой. Довольно простая решётка украшена рельефными литыми накладками из венков и классических орнаментов.

Балконные решётки стали неотъемлемой частью городских усадебных домов послепожарной Москвы, придавая им также как и улицам, на которых они расположены, торжественный и парадный вид. Они по праву занимают одно из центральных мест в жилой застройке Москвы, являясь шедеврами архитектуры и художественного металла.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Покровская З.К. Осип Бове. М., 1999. С.21.
2. Там же. С.22.
3. «Комиссия для строений» в Москве предоставляла населению при строительстве домов ссуды, обеспечивала строительным материалом по сниженным ценам, активно сотрудничала с архитекторами.
4. Б.А. Калиничев, Т.И. Николаева. Балконы Санкт-Петербурга. Спб.: «Дорн», 1998. с.7.
5. Игнатьева А.И. Металлические ограды в московской архитектуре первой половины XIX в. Дис. ... канд. искусств. М., 1953.
6. Ледзинский В.С., Теличко А.А. Мир художественного металла Москвы XVII — XX веков. М., 2001. С.53.
7. Ампир (фр. Empire — империя) — последний этап развития классицизма. Родина ампира Франция эпохи империи Наполеона.
8. Меандр — распространённый тип геометрического орнамента, имеет вид линии, ломаной под прямым углом. Широко применялся в искусстве Древней Греции.
9. Пальметта — веерообразный растительный орнамент, широко применялся в Древней Греции в качестве венчающего элемента композиции или фриза.
10. Аканф (акант) — род растений из семейства акантовых, произрастающий в регионе Средиземного моря. Стилизованные листья аканта нашли широкое применение в древнегреческом искусстве, в частности в коринфских капителях колонн. Стилизованные листья аканта использовали как декоративный элемент орнаментов фризов и карнизов.
11. Колмовской А.А. Металлическое кружево Москвы. М., 2002. С.12.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Балдина В.И. Архитектор А.Г. Григорьев. М., 1976.
2. Вергунов А.П. Горохов В.А. Вертоград. М., 1996.
3. Гончарова Л.Н.. Русская художественная бронза XIXвека. М., 2001.
4. Заговорчева И.С. Творчество архитектора А.Г. Григорьева. М., 1997.
5. Соболев Н.Н. Чугунное литьё в русской архитектуре. М., 1951.
6. Чериковер Л.З. Бытовая мебель русского классицизма концаXVIII — началаXIX веков: Альбом. М.,1954.
7. Фокина Л. В. Орнамент. Учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2000.

П.О. Волгин

О ЦЕРКВИ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ В МЫЗЕ РЕДКИНО

Под Петербургом, в Волосовском районе, на высоком берегу притока реки Луги — Вруде находится селение Редкино. Река Вруда имеет быстрое течение и свободно извивается в границах Редкино. Нынешняя деревня Редкино соединяется старинной проезжей дорогой с поселком Большой Сабск. В пределах Редкина, вдоль этой дороги раскинулись постройки заброшенной помещичьей усадьбы. Дорога отделяет парадную застройку барской усадьбы, включающую и парк, от хозяйственной с обширным скотно-конюшенным двором, людским жилым корпусом и зданием зернохранилища с высокой смотровой башней. Частично парадные строения усадьбы сохранились до нашего времени. Это большой двухэтажный усадебный дом, по масштабам губернии, дворцового характера и жилой флигель.

Неподалеку от помещичьего дома, к северу от него, на высоком берегу реки Вруды находятся руины Троицкой церкви. Сохранились только каменные стены здания. Деревянные перекрытия и большой световой барабан с куполом рухнули внутрь здания. План церкви крестообразный, с колокольней с запада и полуциркульной апсидой с востока. Крестообразность плану задают северный и южный портики входов. В структуре плана отсутствует обычная для сельского, да и для городского русского православного храма трапезная. Эта говорит о том, что перед нами редкое в русской архитектуре здание церкви зального типа. Во время правления императора Петра I зальные церкви преобладали в русском культовом зодчестве. В основном, такие церкви строились в Санкт-Петербурге. Рухнувшие деревянные перекрытия, видимо, были плоскими и выполнялись по балкам, а не по сводам, что также характерно для архитектуры петровского периода.

Достаточно хорошо сохранилась архитектурная отделка стен церкви. Их пропорции, ритм организации оконных проемов, тосканский ордер пилястр, фронтоны и архитектурные обломы — признаки архитектурного стиля классицизм. Необычны для провинции строительные материалы и конструкции стен церкви. Широко применен камень-известняк, из него выполнен цоколь здания. Красный кирпич — основа стен, желтый применен в обрамлении оконных и дверных проемов. Карниз выполнен из известняковой карнизной плиты с дополняющим ее профилем лекального кирпича. Из известняка сделаны капители и базы пилястр портиков. Резной камень оформляет основные композиционные узлы стен. Это замковые камни с раковинами над южным и северным входами в портики церкви и тондо с изображением цветков, фланкирующие входы в храм из подколокольной паперти. Даже это краткое описание характеризует руины церкви как остатки необычного в истории русской архитектуры произведения.

Автором выполнены историко-архивные изыскания, проясняющие историю создания церковного здания и историю сложения усадьбы Редкино. Оказалось, что первым исследователем истории Троицкой церкви был священник Вениамин Вещезеров, который в 1880-е годы собрал имеющиеся в церковном архиве и запечатленные в памяти жителей сведения о ней. Кроме того, он составил подробное описание здания, утвари и оформления помещений церкви. Эти описания ценны тем, что в 1906-1908 годах произошел ремонт здания, внесший в ее облик существенные изменения.

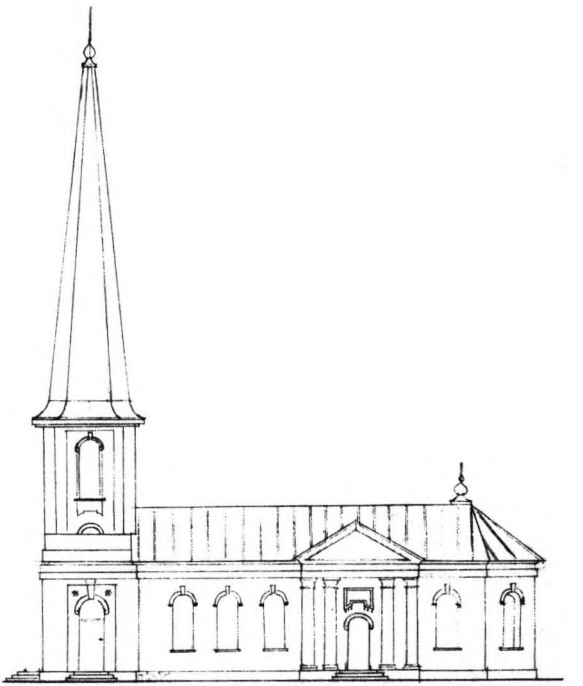
Приведем краткие выписки из описания храма Святой Троицы в Редкине, передающие характерные черты строения 1880-х годов. «Церковь сложена из красного кирпича... Стены снаружи не оштукатурены кроме карнизов и подоконников. Деревянный купол обшит тесом и окрашен. Двускатная, железная, зеленая крыша покрывает храм и колокольню. Главы и кресты обиты белым железом... В церкви 14 больших готических, сверху закругленных окон...»[1]. Фотография церкви 1910 года полностью соответствует описанию 1880-х годов, за исключением одной детали: стены церкви к моменту съемки были уже оштукатурены. Обратим внимание на одну очень интересную деталь описания 1880-х годов. Оконные проемы автор описания священник Вещезеров характеризует как готические.

В исторической части исследования церкви в Редкине 1880 годов автор описания использовал данные архива церкви и сведения, полученные от старожилов Редкина. Согласно сведениям архива церкви, она была освящена по благословению митрополита Гавриила в 1786 году, августа 17 дня, Нарвского собора протоиереем К. Васильевым и при священнике В. Тимофееве. Далее на основании сведений местных жителей Вещезеров «реконструирует» первоначальный облик церкви в Редкине, и излагает историю ее перестроек: «церковь сперва имела вид креста без купола с крестом над алтарем и с одноэтажной колокольней, над которой возвышался, говорят, 18 саженный, деревянный обитый железом шпиц. К 1848 году шпиц покривился и был снят... Впоследствии помещик А.И. Сахаров надстроил этаж и поместил там колокола. Неизвестно в каком году господином Владимировым был поставлен деревянный купол»[2].

Итак, согласно сведениям, собранным В. Вещезеровым в 1786 году, в Редкине была построена необычная церковь без трапезной и барабана, с поперечным трансептом и колокольней, увенчанной чрезвычайно высоким шпилем, а кирпичные стены церкви не были оштукатурены. Описание Вещезерова и визуальное обследование руин церкви почти целиком соответствует известной в истории русской архитектуры традиции петровского периода. Однако этому противоречат не только дата постройки церкви, но и ряд барочных и готических элементов ее архитектуры. Эти факты побуждают нас более тщательно исследовать как историю строительства церкви, так и историю формирования помещичьей усадьбы в Редкине.

Селение Редкино в пору средневековья входило в состав Ястребинского Никольского погоста Водской пятины Великого Новгорода[3]. После событий Смутного времени и Столбовского договора земли эти отошли к Швеции. В Редкине стала мыза — место, где жил шведский землевладелец или его управляющий. Именно с названием «мыза» это населенное место зафиксировано в описи земель, составленной после отвоевания этих территорий при Петре 1. В 1711 году было составлено описание владений мызы,

при этом указывалось, что сама мыза Редкино пуста[4]. Но в 1712 году по указу Петра I мыза Редкино была пожалована братьям Петру и Ивану Кикиным. Имение насчитывало 1031 десятину земли и деревни с 35 дворами и 152 душами податного населения. Земли были выделены для переселения крестьян из других имений братьев Кикиных.



Троицкая церковь. 1786-1812. Графическая реконструкция автора и арх. Е. Волковой.

Деревни мызы Редкиной находились по берегам реки Вруды и Луги. В 1718 году Кикины были уличены в участии в заговоре царевича Алексея, казнены, а мыза Редкино передана князю-кесарю И.Ф. Ромодановскому. В качестве приданого за его дочерью в 1722 году имение перешло М.Г. Головкину. В 1741 году от Головкина отнято, а в 1744 году пожаловано в вечное и потомственное владение действительному статскому советнику барону И.А. Черкасову[5]. Последний статс-секретарь Петра I и статс-секретарь императрицы Елизаветы Петровны И.А. Черкасов умер в 1758 году, и по полюбовному договору между его наследниками, имение Редкино отошло вице-адмиралу и кавалеру барону И.И. Черкасову[6].

Церковное строительство в Редкине началось при князе-кесаре Ромодановском, деревянную церковь во имя Рождества Христова построили в 1725 году. При бароне И.И. Черкасове в 1784 году началось строительство нового каменного храма взамен обветшавшего деревянного. 25 июня 1784 году барон Черкасов ходатайствует перед Синодом не только о разрешении на постройку в Редкине новой, каменной церкви, но и о разрешении возвести ее на новом месте. В прошении говорится, что в процессе начала строительства подле старой церкви новой, при откапывании рвов под фундамент обнаружилась слабость грунтов и обилие ключей. Дальнейшее содержание документов включает сведения о том, что новая церковь заложена на новом месте в 1784 году[7], а ее освящение осуществилось в 1786 году. Освящена церковь была во имя Святой Троицы[8]. Место, на которое перенесена церковь — это усадебная помещичья зем-

ля — территория парка. Вероятно, этой постройкой завершилось формирование ансамбля каменных усадебных построек периода 1780-х годов.

К стилистическому анализу и более обоснованной датировке этих построек мы обратимся после рассмотрения единственной точно датированной постройки — церкви Троицы. К сожалению, первоначальный облик Троицкой церкви в иконографии не выявлен. При восстановлении первоначальной архитектуры здания мы можем ориентироваться на следующие достоверные источники: современное состояние руин церкви, описание 1880-х годов и сведения архивных дел XVIII-XIX веков, а также фотоматериалы, передающие облик церкви в дореволюционный период. Обратимся к документам.

В 1812 году, при новом владельце Редкина Владимирове, над церковью строится деревянный световой барабан с куполом[9]. То есть, в период 1786-1812 годы церковь не имела столь важного элемента православного культового строения — барабана с куполом. Только над алтарем стоял постамент с крестом. Еще более интересно была завершена колокольня. Из документа 1849 года нам известно, что ямбургский мещанин Матвей Смекалов разобрал без лесов 12 саженный деревянный, обитый белым железом шпиль колокольни[10]. Документ прошения Смекалова, исполнявшего разборку шпиля колокольни, о даровании ему привилегий, совместно с документом 1812 года, когда было подано прошение о возведении барабана церкви, позволяет восстановить внешнюю архитектуру храма в ее первоначальном облике. На основании натурных исследований и данных исторических документов нами выполнена графическая реконструкция на период 1786-1812 годов. Натурные исследования показали, что стены церкви, их конструктивная основа и архитектурный декор первоначальны. Остался невыясненным вопрос о внутренних стенах северного и южного притворов церкви, выделенных в отдельные помещения. Эти стены в поздний период значительно переложены. Но в исследовании Вещезерова сказано, что в Редкинской церкви на Троицын день устраивался сельский церковный праздник с распитием заранее сваренного пива. Этот обычай был широко распространен в России, но в церквях с трапезными он устраивался в помещении трапезной, при этом двери в собственно храм закрывались. Можно предположить, что такие праздники в Троицкой церкви устраивались в северном и южном притворах, единственных помещениях, изолированных от зала церкви.

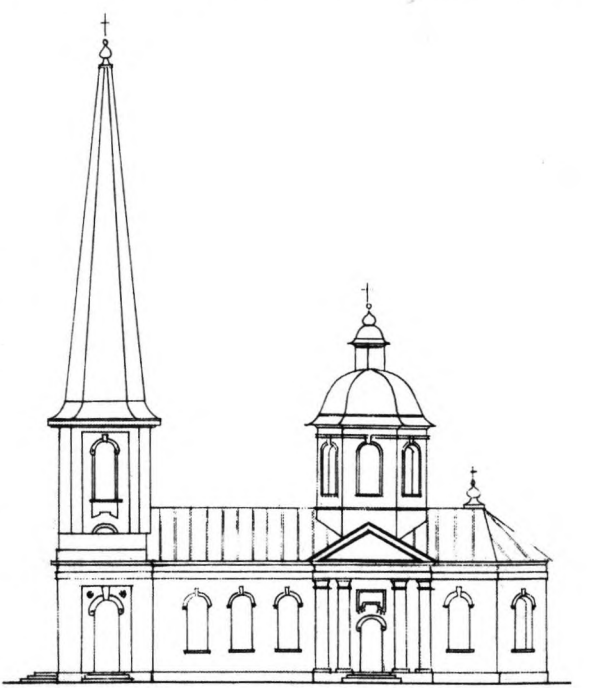
При выполнении графической реконструкции утраченные завершающие элементы здания воссозданы на основании следующих данных: высотные отметки крыши основного объема и портиков по фотографиям и следу примыкания крыши на восточной стене колокольни, при восстановлении шпиля точно взято только его высота, равная 12 саженям. Возможно, что эта конструкция была более сложная — с лантернином. За исключением абриса шпиля графическая реконструкция дает достаточно полное представление об общем виде архитектуры Троицкой церкви на период 1786-1812 годов.

В XVIII-XIX веках стиль здания наверняка считался готическим, хотя с современной точки зрения стиль архитектуры Троицкой церкви не оставляет впечатления стилизации готики. От этого стиля только материал — неоштукатуренный кирпич. Здание воспроизводит общие черты западноевропейского культового зодчества — церковь зального типа с поперечным нефом, перекрыта плоским потолком, с колокольней, увенчанной шпилем.

Декор церкви можно отнести к барокко (раковины и волюты) и классицизму (профили, обломы, ордер). Общее впечатление от архитектуры церкви — строгий классицизм с реминисценциями барокко. Мотивы барокко входят в противоречие с классически четким объемно-пространственным решением, строгостью и выверенностью ордерного построения основных частей здания. Барочность некоторых архитектурных мотивов контрастирует с передовыми, и отнюдь не провинциальными приемами техники и технологии исполнения строительных работ. Возведение 12 саженного шпиля — сложная техническая проблема, удачно решенная архитектором и строителями. На основе архитектурно-конструктивных особенностей строений усадьбы попытаемся выделить из сохранившейся застройки здания, относящиеся к концу XVIII века.

Напомним, что постройки усадьбы разделяются на зоны — жилую, барскую на берегу реки и хозяйственную за дорогой к Большому Сабску. Помещичий дом — двухэтажное строение, которое некогда имело балконы, веранды и террасы. Фасады здания не оштукатурены и по стилю близки к рациональному направлению эклектики конца XIX века — так называемому «кирпичному стилю». Визуальное обследование и описи имения 1849 и 1888 года позволяют утверждать, что это, сейчас композиционное единое, сооружение состоит, по крайней мере, из трех разновременных построек. Облицованные желтым кирпичом пять осей северной части дома, а также перепад известнякового цоколя позволяют выделить эту часть здания, как относящуюся к 1780-м годам. Вероятно, что в XVIII веке помещичий дом был более обширен. По характеру обработки наличников оконных проемов, по стилю эту часть дома можно определить как произведение строгого классицизма. Часть здания перекрывает фронтон, но он возведен в более поздний период.

Более целостно до наших дней дошло здание зернохранилища с готической башней. Башня завершает северный прямоугольный в плане объем одноэтажного здания, имеющего открытую аркаду галереи по главному фасаду. Из желтого кирпича выложены замковые



Троицкая церковь. 1812-1849. Графическая реконструкция автора (ист.-архивные исследов.) и арх. Е. Волковой.

камни аркады, декор и элементы карниза башни, а также руст стен первого яруса башни, стены неоштукатурены. Второй ярус представляет из себя квадратный в плане единый объем. Завершающие, надкарнизные конструкции утрачены. Первый ярус прорезан проездной аркой. Фасады второго яруса украшены стрельчатой арочной нишей. Верхняя зона ниши — это двойные разделенные импостом стрельчатого завершения ниши. Архитектура башни — пример достаточно точной готической стилизации средневековой военно-оборонительной архитектуры, который сочетается с конструкциями и декором строгой классики архитектуры нижнего яруса башни и объема зернохранилища.

Церковь с колокольней, увенчанной шпилем, и башня зернохранилища — две высотные градостроительные доминанты ансамбля усадьбы, находящиеся в сложном взаимодействии. Следует заметить, что в противоречивом стилистическом решении фасадов церкви и башни не было художественной необходимости. Стилистическое единство этих строений более подчеркивало бы архитектурные взаимосвязи разнообъемных зданий усадьбы; готические черты: башня — церковь, классика: помещичий дом — зернохранилище — церковь. Отказ от подобного рода стилистических связей усугубляет загадку барочного декора фасадов Троицкой церкви и позволяет предположить, что образцом для церкви послужил не памятник петровской архитектуры, не готическая церковь, а какой-то другой образец архитектуры. Выбран прототип не архитектором, а заказчиком проекта — бароном И.И. Черкасовым, и выбор образца имел для него смысл весьма далекий от задач архитектуры. Попытаемся разгадать его и найти образцы церкви Св. Троицы в Редкино, но прежде проследим основные вехи биографии барона И.И. Черкасова.

Вице-адмирал, барон и кавалер ордена Святой Анны Иван Иванович Черкасов родился 5 января 1732 года в Астрахани во время ссылки своего отца, Ивана Антоновича, бывшего статс-секретаря Петра I. С 1742 года получал образование в Англии — Черкасов прослушал курс Кембриджского университета и параллельно изучал навигацию. В 1752 году он вернулся в Россию и был записан в Преображенский полк. Дослужился до чина поручика. В 1762 году, считаясь уже во флоте, стал флигель-адьютантом Петра III. Был награжден императором голштинским орденом Святой Анны; оставался с ним до переворота 28 июня 1762 года, приведшего к власти Екатерину II. Был подвергнут аресту, но и как все сторонники свергнутого императора, вскоре был выпущен на свободу. Служил до 1771 года в Адмиралтействе. В 1782 году произведен в чин вице-адмирала, в 1783 году уволился в отставку с сохранением жалования. В 1796 году, по восшествию на престол Павла I, его жалование увеличилось до 3000 рублей в год. Барон И.И.Черкасов был женат на дочери вице-адмирала, князя Белосельского-Белозерского. Жил в доме князя у Аничкого моста, где и умер в 1811 году. Похоронен на Лазаревском клабдище Александро-Невской лавры (могила сохранилась). И.И. Черкасов публиковал в журналах свои переводы с английского и оригинальные сочинения в области этики[11].

Краткие факты биографии Черкасова говорят о неординарности его личности. Безусловно, барон находился во внутренней оппозиции Екатерине II, поэтому вполне вероятно, что мы можем зафиксировать какие-то личностные мотивы, внесенные Черкасовым в архитектуру храма Святой Троицы в его имении. Пожалуй, только ими мы можем объяснить стилистическое разнообразие элементов архитектурного декора на фасадах и об-

щее оригинальное объемно-пространственное решение здания. Представляется, что Троицкая церковь в Редкине задумывалась как мемориальный памятник, посвященный Петру III. Что может подтвердить это? Среди существующих к настоящему времени в Ленинградской области церквей особый интерес вызывает Благовещенская церковь в Ропше. Ропша в первой половине и середине XVIII века — царское имение и любимая резиденция Петра III. Там и закончилась земная жизнь императора. Благовещенская церковь в Ропше — старая шведская кирха, датируемая XVII веком[12], в начале XVIII века переделана в дворцовую православную церковь при скромном дворце Петра I. В середине XVIII века по проекту В.В. Растрелли в Ропше строится представительная царская резиденция. Благовещенская церковь становится приходской.

Троицкая церковь. 1850-е — 1950-е. Графическая реконструкция автора (ист.-архивные исследов.) и арх. Е. Волковой.

Сравнивая объемно-пространственное решение обоих храмов, видим, что Благовещенская церковь также зального типа, ее стены также прорезают высокие арочные оконные проемы, потолок церкви был плоским, с запада к зданию пристроена колокольня. Ныне существующая колокольня появилась в 1820-е годы, в связи с надстройкой над основным объемом, вероятно, деревянного придела Св. Димитрия Мироточивого, поэтому западный объем — паперть и лестница в придел, а звон осуществлялся с ныне не существующего деревянного яруса. Хотя западная колокольня поздняя, на планах Ропши 1750-х годов также отмечена колокольня, и, возможно, она завершалась высоким шпилем, что характерно для петровского времени. Церковь имеет одну ограненную апсиду, стены ее сложены из известняка, и некогда фасады здания был украшены резными известняковыми платами с геральдическими изображениями. Вероятно, бывший наследник шведского престола, внук Карла XII и Петра I любил посещать эту церковь. Других, более близких аналогов церкви в Редкине ни в Санкт-Петербурге, ни в Ленинградской области нет.

Впрочем, не только с Ропшинской церковью связана мемориальность Троицкой церкви. Покойный Петр III, вопреки обычаю, был погребен в Благовещенской церкви Александро-Невского монастыря в Петербурге. Основным декоративным мотивом, украшающим фасады Благовещенской церкви, являются раковины на замко-

вых камнях. Главное сооружение лавры — Троицкий собор. Ближайшим крупным православным праздником на день смерти Петра III был день Святой Троицы. Если наши рассуждения об идейной программе ансамбля усадьбы в Редкине верны, то становятся понятны противоречивые стилистические мотивы его архитектурных сооружений. Несмотря на разностилье, по своим пространственным и даже стилистическим характеристикам, застройка усадьбы соответствует ранне-романтической традиции русской архитектуры конца XVIII века и отражает одну из основных ее тенденций — подражание английской усадебной архитектуре. Прямого подражания храмам, на которые мы ссылались, объясняя формы церкви в Редкине, быть не могло. В истории русской архитектуры XVIII-XIX веков редки примеры буквального повторения форм образца, а сама форма посвященного указанному событию сооружения, требовала системы намеков, понятных только посвященным.

В дальнейшем здание Троицкой церкви достраивалось и перестраивалось. После 1812 года над средокрестием был возведен световой деревянный барабан, в 1849 году разобран накренившийся шпиль, в 1850-е годы надстроена колокольня, в 1880-е годы открыта внутренняя зашивка купола барабана. В конце 1880-х — 1890-е годы церковь была расписана по образу Храма Христа Спасителя в Москве. В 1906-1908 годах были оштукатурены наружные стены, обит железом верхний ярус звона, поновлена роспись и вызолочены капители пилястр в интерьере собора. Для Ямбургского уезда церковь Святой Троицы имела большое значение, послужив образцом для ныне существующих — церкви Михаила Архангела в Удосолове и Успенской церкви во Вруде.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Т.10, СПб., 1887. С. 370.
2. Там же.
3. Н.П. Дорогин. Список земельных владений ямбургского уезда СПб., 1867. С.112.
4. РГАДА, ф.248, Сенат, д.1725. Л.145.
5. РГАДА, ф.248, Сенат, д.1725. Л.145.
6. ЦГИА СПб, ф.1727, оп.1, д.267. Л.1.
7. ЦГИА СПб, ф.19, оп.1, д. 12484. Л.1.
8. ЦГИА СПб, ф.19, оп.1, д.13266. Л.1об.
9. ЦГИА СПб, ф.19, оп.14, д.190. Л.1
10. ЦГИА СПб, ф.19, оп.110, д.159. Л.616, 617.
11. Русский биографический словарь. Чаадаев-Швитков. СПб., 1905, С.178.
12. Архив Инспекции охраны памятников Ленинградской области.

VI

ПОЧТА ОИРУ

Н.А. Кудинова

УСАДЕБНЫЕ БИБЛИОТЕКИ В ЛИТЕРАТУРНОМ ФОНДЕ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ДМИТРОВСКИЙ КРЕМЛЬ»

Несколько веков русская усадьба, наряду с городом, была у нас основным местом жизни для наиболее образованных кругов общества — дворянства, интеллигенции, предпринимателей и купечества. И потому в усадьбах — а их были десятки тысяч — складывались центры рационального ведения сельского хозяйства, культурные центры, очаги семейной, родовой, исторической памяти. Русская усадьба навсегда вошла в золотой фонд отечественной культуры, в литературу и поэзию, живопись и музыку.

Революция лишила усадьбы хозяев и прервала естественный ход их жизни. Лишь в немногих образовались музеи, составляющие сегодня предмет нашей гордости. Многие усадьбы погибли в огне гражданской войны, а остальные получили новых хозяев, далеко не всегда рачительных. И потому сохранившиеся усадьбы пребывают, увы, в полуразрушенном состоянии. Хотя за каждий из них как правило, стоит интересная история. Вот и наши дмитровские усадьбы Ольгово. Обольяново, Даниловское, Надеждино и многие другие практически погибли. Лишь малая часть имущества из этих имений поступила в Дмитровский музей. Нам были переданы и книги, некогда принадлежавшие Апраксиным, Норовым, Поливановым, Олсуфьевым, Карсаковым (с. Тарусово, ныне Талдомский район).

Усадьба — это прежде всего владельцы, так как в центре усадебного пространства — человек, от умения, инициативы, вкуса которого зависит процесс формирования этого пространства: образование парка, сада, строительство дома, хозяйственных и парковых сооружений, обустройство быта. Кроме того, именно владельцы, их родственники и гости создают ту неповторимую атмосферу, которой славится усадебная культура в целом. Особое место занимают те усадьбы, которые на протяжении долгого времени принадлежали одному роду. В них свято хранилась память предков, соблюдались традиции. Подобные усадьбы чаще всего становились «культурными гнездами», оказавшими большое влияние на отечественную культуру. Такими усадьбами и были Ольгово, Обольяново, Тарусово, Надеждино, библиотеки которых дают возможность изучения личности их хозяев, интересов, уровня образованности и кругозора владельцев.

Библиотеки в усадьбах часто занимали самое почетное место, ими гордились. В шкафах поблескивали кожаными переплетами корешки старинных книг. Гумелев писал об усадебных библиотеках: «На полке, рядом с пистолетами, Барон Брамбеус и Руссо». Усадебные библиотеки уникальны по многим признакам: по авторам, хронологии издания, месту издания, издателям, по отраслевому разнообразию, даже по материалам, из которых изданы книги. В фондах некоторых усадебных библиотек есть подборки

журналов и газет XIX — начала XX века. Из данной работы читатель узнает об истории создания, составе, отличительных признаках усадебных библиотек Дмитровского края: Ольговской, Обольяновской, Тарусовской и Надеждинской. Объем статьи, к сожалению, не позволяет рассказать о многих уникальных экземплярах. Дать характеристику книг на иностранных языках можно будет только после изучения их специалистами.

Библиотека усадьбы Обольяново

Усадьба Никольское-Горушки была приобретена в 1790-е годы любимцем императора Павла П.Х. Обольяниновым (1753-1841), который был генерал-прокурором, а затем московским губернским предводителем дворянства. По фамилии хозяина село тогда было переименовано в Обольяново. Петр Хрисанфович, умный от природы человек, тем не менее был малообразован, мог с трудом писать, не знал иностранных языков и не признавал ничего иностранного. Жена его, Анна Александровна, была добрая и приветливая женщина, но простовата и совершенно без образования. Самым большим ее увлечением были собаки, поэтому при ней вся жизнь в усадьбе была подчинена собакам. Так харктеризовала Обольяниновых Елизавета Петровна Янькова (Д. Благово. Рассказы бабушки. Л.: Наука, 1989. С.90-94).

Однако изучив содержание Обольяновской библиотеки, приходишь к другому выводу. Может быть, незнание иностранных языков, расценивалось тогда, как безграмотность, но книги на русском языке, имеющиеся в фонде, могут дать человеку очень разносторонние знания. О том, что книги на русском языке были приобретены в основном Петром Хрисанфовичем, свидетельствуют прежде всего годы их издания (конец XVIII — начало XIX в.), кроме того, на корешках тесненные инициалы «П. О.» и Р.О.», а на титульных листах многих книг надпись «Петра Обольянинова». Библиотека Обольяниновых уникальна по многим признакам: годы издания; известнейшие издатели, авторы и переводчики того времени; разносторонний тематический подбор литературы; наличие пометок и надписей на книгах.

В фонде есть уникальные многотомные издания: 1. Историческое описание российской коммерции. /Сост. М. Чулков. СПБ.: Импер. АН., 1781-1788/ — на корешках «П.О.»; 2. Правиков Ф. Памятник из законов. Владимир, Тип.Губернск. правления. 1788-1802 / На титульных листах надпись «Петра Обольянинова/; 3. Древняя Российская библиофика. Изд.2. Изд-ль Н. Новиков. Тип. компании типографской. 1788.

Библиотека содержит прекрасный набор книг по истории, как зарубежной, так и российской. Многотомные издания Римской истории, истории Германии, Основания французской истории, а также отдельные книги по всеобщей истории и об истории отдельных стран. (Роллень Г. «Древняя история в 10 тт. Пер. В. Тредиаковского. СПб.: Импер. АН. 1760-1762). Изучать российскую историю можно по книгам М. Щербатова «История Российская» (1789), В. Бергмана «История Петра Великого» (в 6 тт.;1833), «Деяния Российских полководцев и генералов» (1822), «Ядро хронологическое истории Всемирной, от начала света до кончины Екатерины II». М.: Тип. Гария и компании, 1804-1805 и многим другим.

В фонде есть редкие издания по всем отраслям знаний: например, «Труды вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства» с 1767-1795г. (Одним из организаторов этого издания был родственник А.В. Олсуфьева и

полный его тезка Адам Васильевич Олсуфьев (1721-1784) — тайный советник, сенатор и Государственной Коллегии Иностранных дел член, статс-секретарь Екатерины II, писатель, председатель театрального комитета. Переводчиком уникального многотомного издания Прево «История о странствиях вообще по всем краям земного круга». /М., Универс. тип Н. Новикова. 1782-1785/ был Михаил Веревкин, имения которого располагались в Михалеве /ныне Клинского района/ и в селе Покровском Дмитровского района. На книгах есть пояснения «На русский язык книга переведена в сельце Михалеве Дмитровского уезда» (Части с 9 по 13 переведена 1784 г. в Клинском уезде»).

Встречаются в фонде книги, подаренные Петру Хрисанфовичу, о чем свидетельствуют дарственные надписи. На «Словаре историческом о бывших в России писателях Духовного чина, греко-российской церкви» (В 2-х т. СПб.: Тип. Н. Греча, 1818) читаем: «Правоверному Рабу Божию Его Высокопревосходительству, Петру Хрисанфовичу Г-ну Обольянинову в день тезоименитству. Усерднейший слуга и богомолец». Донский Архимандрит Генв/аря/ 16 дня 1821 года /подпись/. А на «Российском почт-календаре». /СПб.: При Губернск. правлении, 1800/ надпись «Его Высокопревосходительству Петру Хрисанфовичу Обольянинову от графа С. Востокина /подпись/». На редчайшей книге Вильяма Стратеммана «Фиатрон или позор исторический» /СПб., 1720/ дарственная надпись «Петра Обольянинова. Жалована от бабушки Василисы Богдановны Философовой». И зачем же надо было дарить такую книгу безграмотному внуку, как говорила о нем Янькова.

Встречаются в фонде книги других хозяев, каким-то образом попавшие в Обольяново. Например, на книге «Новый Мантор или наставление отрокам». — (СПб.: При Императ. сухопутном Шляхетском кадетском корпусе, 1785/ есть надпись «Из книг Якова Ивановича Ардина-Нащокина». (Это может быть объясняется тем, что жена Петра Хрисанфовича, Анна Александровна, в первом замужестве была за Нащокиным. (Рассказы бабушки, с. 91)и это не единственная книга из его библиотеки. Книга «Героическая добродетель или жизнь Сифа, царя Египетского» (1764) имеет надпись «Из книг Авраама Норова». (Имение Норовых было в с.Надеждино Дмитровского уезда). Видимо книга была оставлена здесь А. Норовым в тот период, когда он после ранения в 1812 году долечивался вместе с другом М.М. Обольяниновым в Никольском-Горушках.

Как видим из приведенных примеров, состав Обольяновской библиотеки очень разносторонен по отраслевому признаку и видам изданий: энциклопедические словари по многим наукам, периодические издания (например, «Земледельческий журнал» и другие), справочники и т.п. Как и в любой домашней библиотеке, здесь есть религиозная литература: Библия, выпуски «Христианского чтения» за несколько лет. Художественная литература сейчас представлена немногими книгами русских классиков: А.П. Сумарокова. М. Хераскова и других. Многие книги изданы выдающимися книгоиздателями М. Сытиным. Н. Новиковым, Н. Гречем и т.д. Такую библиотеку и унаследовала дочь племянника Петра Хрисанфовича Анна Михайловна Олсуфьева. (У П.Х. Обольянинова не было детей, поэтому усадьба перешла к дочери сына его брата Михаила).

Семья Олсуфьевых была высокообразованной. Как родители, так и дети интересовались различными науками, читали на иностранных языках. Этим и объясняется то, что вся иностранная литература приобретена Олсуфьевыми. Что можно определить по годам выхода книг и по золоченной гравировке на корешке «АД» или «Ан. О», «М.О.». «Д.О.», «Е.О.» Адам Васильевич Олсуфьев /1833-1901/ принадлежал к старинному

дворянскому роду. Он окончил Пажеский корпус. Служил флигель-адъютантом императора Александра II, в 1882 году вышел в отставку в должности генерал-лейтенанта, и почти безвыездно жил в имении. Он очень любил свою усадьбу и уделял много времени ее благоустройству, заботился об окрестных лесах, вел метеорологические наблюдения, которые публиковались в специальных изданиях, занимался сельским хозяйством. Естественно, что в успешном ведении хозяйства Адаму Васильевичу помогали издания по сельскому и лесному хозяйству, ветеринарии, строительству и т.д. В фонде есть журналы «Сельское хозяйство и лесоводство за 1874г.», или например, книга Ардольф Ф. «Лесоводство. Наставление к хозяйственному уходу за лесами». (СПб.: Тип. Я.Трея, 1860). Увлечение Адама Васильевича метеорологией было общеизвестно в научных кругах. В августе 1887 года в Никольское были приглашены члены русского физико-химического общества для наблюдения солнечного затмения. Тогда же сюда приезжал и Дмитрий Иванович Менделеев, живший в усадьбе Боблово Клинского уезда. Этим и объясняется наличие в фонде таких изданий, как «Ежемесячные и годовые метеорологические наблюдения станций 2-го раздела». В выпусках журнала «Метеорологический вестник» можно встретить публикации самого графа А.В. Олсуфьева. Так № 5 за 1893 год имеет приложение «Климатология Николо-Горушкинской метеорологической станции, находящейся в Дмитровском уезде Московской губернии» (СПб., Тип. Импер. АН, 1893. 36с). О принадлежности книг по этой теме Адаму Васильевичу можно судить по надписям из некоторых из них «А.В. Олсуфьев», например, на книге «Метеорологический дневник для сельских хозяев». (СПб.: Тип. Арнгольда, 1880).

Жена Адама Васильевича, Анна Михайловна, /1835-1899/ была фрейлиной («Материалы из истории рода Олсуфьевых». М.: Синод, тип., 1911. С.44). Она занималась благотворительностью, построила школу, больницу, богодельню для престарелых крестьян, на всех книгах из усадьбы в Никольском-Горушках наклеен экслибрис, на котором написано «Из библиотеки графини А.М. Олсуфьевой. Отдел; Село Никольское-Горушки». Есть так же несколько книг, на корешках которых инициалы Анны Михайловны «Ан. О». Причем, это книги на иностранных языках. Например: Е. Литре «Наука с точки зрения философии» (Париж., 1873). Были книги, подписанные ее рукой: «Князь Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем». М.: Тип. П.А. Лебедева, 1879) — Надпись на шмуцтитуле «Графини Анны Михайловны Олсуфьевой».

В семье Олсуфьевых было три сына: Василий, Михаил, Дмитрий и две дочери: Елизавета и Мария /умерла в детстве/. Василий умер в 16 лет. Михаил Адамович окончил математический факультет Московского университета, был председателем Дмитровской уездной земской управы, затем Дмитровским уездным предводителем дворянства, почетным мировым судьей по Дмитровскому и Камышинскому уездам, камер-юнкер Высочайшего Двора. Дмитрий Адамович окончил естественный факультет Московского университета. Был Камышинским уездным предводителем дворянства, председателем Саратовской губернской земской управы, камер-юнкер Высочайшего Двора, Член Государственного совета, почетный мировой судья Камышинского и Дмитровского уезда. (В Саратовской и Смоленской губерниях у Олсуфьевых тоже были имения, а также дома в Москве и Петербурге). В фонде есть книги со штампом «Дмитрия Адамовича Олсуфьева». Например: А. Фет «Мои воспоминания». 1848-1889. (В 2-х ч. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1890). На корешке учебника Ш. Вакан «Геометрия», изданного в Париже в 1872 году, стоят инициалы «Д.О.». С инициалами

«М.О.» на корешках книги Михаила Олсуфьева: 1. А. Фаваро «Уроки графической статистики». 4.1. /Пер. с итал.; Париж. 1879; на фр. языке) — на этой книге еще и надпись на шмуцтитуле «Михаила Олсуфьева». 2. Ж. Серре «Курс дифференциального и интегрального исчисления». (Изд.2. Париж. 1880; те же инициалы на корешке и надпись).

Душой Олсуфьевского дома в 1880-1890-е годы была Елизавета Адамовна. По выражению историка, юриста, профессора МГУ и ПТУ Максима Максимовича Ковалевского — «выдающаяся русская девушка». Он же говорил о семье Олсуфьевых, что такие добрые люди попадаются не часто. А Лев Николаевич Толстой, очень любивший детей Олсуфьевых, говорил о них: Лиза — «такое милое, доброе, умное существо», сыновья Михаил и Дмитрий, которые «лучше всех, внимательны и добры». Елизавета Адамовна Олсуфьева /1857-1898/ окончила высшие математические курсы в Москве, продолжала образование за границей. Она посвятила свою жизнь просвещению. С ее участием построена земская школа в Никольском, а при ней организована воскресная школа для взрослых. Елизавета Адамовна много внимания уделяла крестьянским детям: устраивала праздники, представления. Заботилась она о местной больнице, которую Олсуфьевы содержали на свои средства, была попечительницей Дмитровской женской гимназии. Ее жизнь оборвалась 27 февраля 1898 г. в 41 год — после посещения больных, она заразилась скарлатиной. В библиотеке Олсуфьевых остались книги с инициалами «Е.О.» на корешке и надписью на шмуцтитуле «Елизавета Осуфьева». Это в основном учебники на французском языке: Стирле. Аналитический курс политехнической школы. Т.1. Париж. 1857; Аббат Муано. Уроки дифференциального и интегрального исчисления. Ч.4. Париж,1861; Ж. Жамен. Курс физики для политехнического училища. Т. 10. Париж, 1878.

В Никольское-Горушки в гости к своим друзьям и соседям по московскому дому несколько раз в 1885-1897 годах приезжал великий русский писатель Лев Николаевич Толстой. Он занимал одну из комнат второго этажа. Очень любил гулять пешком по окрестностям. Но самым приятным местом в доме Олсуфьевых для Льва Николаевича была библиотека. Впервые он приехал в Никольское со своей дочерью Татьяной в 1885 году. В первый свой приезд Толстой работал в Никольском над повестью «Смерть Ивана Ильича». В письме к жене он писал: «Я нашел много книг в библиотеке, из которых собираю то, что годится для издания. Книги особенно хороши нравоучительные, массонские». (Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т.83. М.,1938. С.555). В письмах к издателю В.Г.Черткову Толстой рекомендует напечатать в «Посреднике» произведения Руссо, Плутарха, Лессинга, Шиллера, Свифта, Сервантеса и других авторов, имевшихся в Олсуфьевской библиотеке. Заинтересовал Л.Н. Толстого и прочитанный им в Никольском роман английского писателя О. Гольдсмита «Векфильдский священник», который он хотел также передать для публикации в издательство «Посредник».

Просмотр книг в Обольяновской библиотеке натолкнул Толстого на мысль написать трактат об искусстве, над которым он начал работать в одно из своих пребываний у Олсуфьевых. В феврале 1896 года он писал жене из Никольского: «Я вчера и нынче читал «Корнеля» и «Расина», и очень интересное это чтение вызвало мысли». (Л.Н. Толстой. Полн.собр.соч. Т.84. М.-Л.: 1949. С. 252). Тогда же в дневнике он набрасывает свои соображения об искусстве, которые затем были опубликованы в статье «Что такое искусство». В Никольском писатель нашел хорошую подборку книг по искусству, истории литературы и другим интересовавшим его проблемам. К примеру, исследование Бенарда «Эс-

тетика Аристотеля», «Труды Аристотеля». В 1896 году в Обольянове Лев Николаевич писал варианты пьесы « Власть тьмы» и устраивал читки для местной интеллигенции. Читал он Де-Морсе, Бьернсона, Корнеля, Расина. В один из приездов к Олсуфьевым Толстой увлекся чтением печатавшихся в «Историческом вестнике» воспоминания участника военных действий на Кавказе в 1847-1854годов, генерал-майора В.А. Полторацкого. Эти воспоминания использованы им при работе над повестью «Хаджи-Мурат».

Новый 1895 год Лев Николаевич с дочерью Таней встретил в Никольском, где потом работал над повестью-рассказом «Хозяин и работник». В мае 1895 года Толстой с Таней вновь приехал в Никольское после смерти его младшего сына Вани. Он долго был угрюм, но потом взялся за работу над повестью, которая позже переросла в роман «Воскресение». Живя в Никольском с 21 февраля по 9 мая 1896 года Лев Николаевич работал и над пьесой « И свет во тьме светит». В работах В.Е. Каплина очень подробно исследованы приезды Толстого в Обольяново. Если же касаться именно обольяновской библиотеки, то факт пользования ею Львом Николавевичем Толстым тоже один из признаков, по которым она относится к книжным и историческим памятникам. Сейчас библиотека насчитывает 750 томов книг на русском языке и 251 на иностранных языках. (Возможно эти цифры будут изменены по мере изучения фонда книг из неизвестных библиотек).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Брокгауз Ф.А., и Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т.42. С.551.
2. Благово Д. Рассказы бабушки. Л.: «Наука», 1989. 472 с.
3. Каплин В.Е. Лев Толстой, его семья и Олсуфьевы. Машинопись, 1978. 98 с.
4. Материалы к истории рода Олсуфьевых. М.: Синод, тип., 1911. 47с.
5. Поливанов А.М.. Хохлов Р.Ф. Л.Н. Толстой у Олсуфьевых. Воспоминания Т.Н. Поливановой // Записки отдела рукописей ГБЛ СССР им. В.И.Ленина. Вып. 46. М.: Книжная палата, 1987. С. 209-219.
6. «Русская беседа». 1859. Т.5. Кн.17. М.: Тип.А. Семена, 1859. (П.О. Обольянинов. С. 410, 416, 419, 432, 436. 438, 455).
7. Фотокопии сведений об Олсуфьевых.

Фонд библиотеки усадьбы Тарусово

Село Тарусово входило в самое крупное имение в Гарской волости, объединяющее в себе еще и с.Васино и половину с.Гари. Оно раскинулось на левом берегу реки Дубны, против села Троицкого. Сейчас это Талдомский район, раньше был Дмитровский. В 1739 году село было вотчиной Алексея Ивановича Хитрова, а с 1764 по 1781 год Тарусово входило во владения вдовы поручика Стефаниды Алексеевны Хитровой. В 1782-1789 годы селом владел Двора Ее Императорского Величества действительный камер-коллегии гер и кавалер князь Михаил Щербатов, в 1789 году — князь генерал-майор Федор Павлович Шербатов. С 1790-го по1812 год Тарусово принадлежало графине Екатерине Александровне Головкиной, с 1813 года — Зумберу, затем недолго — Блюмеру. С 1827-го по 1853 год владельцами Тарусова были действительный статский советник Семен Николаевич Карсаков, затем его супруга Софья Николаевна и их сыновья Сергей и Николай.

Отец — С.Н. Карсаков (умер 1 декабря 1853 г.) известен как один из первых исследователей и распространителей гомеопатического лечения в России. Он переписывался с доктором Ганнеманом. Семен Николаевич был родным племянником по матери знаменитого графа Николая Семеновича Мордвинова. Он был человеком «очень замечательным и достойным всякого уважения». Молодость провел на военной службе и отличился храбростью в Отечественную войну 1812 года, был награжден орденами за воинские подвиги. Женившись на Софье Николаевне Мордвиновой, Семен Николаевич поселился в деревне, хотя и продолжал служить в Министерстве Внутренних дел и составлять статистические статьи, которые печатались в «Материалах для статистики Российской империи». Он прекрасно знал чистую и прикладную математику, делал опыты с электричеством, гальванопластикой, фотографией, пристрастился и к гомеопатии, тогда еще совсем новой и малоизвестной в России — лечил приходящих к нему больных, «числом до 11-ти тысяч», и часто с большим успехом. В Тарусове вели и метеорологические наблюдения, Семен Николаевич занимался дагерротипом и съемкой силуэтов, коллекции их долго хранились в доме.

Мать Семена Николаевича, Анна Семеновна, жила вместе с ними. Она была дочерью Семена Ивановича Мордвинова, начавшего службу при Петре I, необыкновенно умной женщиной с твердым характером. В дни Бородинского сражения она спокойно осталась в деревне в 20 верстах от Можайска. Когда бой закончился, Анна Семеновна пошла на поле искать своих сыновей. Нашла два трупа, перевезла их к себе в деревню и похоронила возле сельской церкви. Из трех сыновей в живых остался один Семен Николаевич, бывший тогда адъютантом при генерале (фамилию автор этих воспоминаний не помнил). В 70 лет Анна Семеновна еще много читала, занималась ботаникой.

Семейство Карсаковых состояло из многих сыновей и дочерей. Два сына дослужились до чина полковника и были поочередно мировыми посредниками в Дмитровском уезде. Третий — Михаил был генерал-адъютантом Восточной Сибири. Четвертый — Александр был флигель-адъютантом его Императорского Величества, гвардии полковник. (Умер 13 апреля 1863 г.) Большую известность из рода Карсаковых получил Михаил Семенович. Государственный деятель, в 1845 году он закончил школу гвардейских подпрапорщиков, был направлен в Семеновский лейб-гвардии полк, в 1848 году назначен по особым поручениям к Н.Н. Муравьеву, генерал-губернатору Восточной Сибири (1861-1871), был командирован на Камчатку. В 1854 году снарядил экспедицию на реку Амур, и сам участвовал в ней. В 1855 году назначен командующим амурскими войсками. Позднее был председателем совета главного управления Восточной Сибири, а с 1862 года там же генерал-губернатором. Умер от тифа в 1871 году. В его честь один из мостов Южного Сахалина назван «Карсаковским», а одна из станиц на Амуре на левом берегу ниже впадения р. Сунгари называется Михайло-Семеновское. В Восточной Сибири он начал свою деятельность, когда еще идея о занятии Амура была мечтою адмирала Невельского и генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева. Как ближайший помощник Муравьева Карсаков участвовал во всех трудах этого великого и важного в России приобретения. Преданный этому делу, деятельный и вместе с тем в высшей степени гуманный, готовый всегда на все хорошее, доброе, он заслужил любовь в крае (Воспоминания М.П. Поливанова // Русский архив, 1898, Кн. 3, С. 569-570. О служебной деятельности М.С. Карсакова см. также кн. И. Барсукова "Граф Н.Н. Муравьев-Амурский по его письмам, официальным доку ментам, рассказам современ-

ников и печатным источникам» Кн. 1. М., 1891. Изд. кн М.С. Волконского).

При Карсаковых Тарусово процветало. Обширный господский дом был окружен прекрасным садом и парком. Село принадлежало к приходу с. Троицкого, а начиная с 1789 года к приходу с. Ниво-Никольского, что на р. Дубне Дмитровского уезда (тогда). Кроме крестьянских работ жители занимались копкой канав и прудов, конопатили избы, уезжали в Москву на работу на стекольные заводы. В Тарусове у Карсаковых устраивались спектакли, в которых принимали участие Василий Сергеевич и Дмитрий Сергеевич Норовы — соседи из села Надеждина. Здесь работало начальное народное училище Московского губернского земства, основанное в 1870 году на капитал, переведенный в распоряжение указанного земства Н.С. Карсаковым. Портрет попечителя училища был помещен в классной комнате. Должность законоучителя в училище с 1903 года занимал священник села Троицкого.

У Карсаковых была богатая библиотека, насчитывающая более 7 тысяч томов на русском и иностранных языках, собрание редких гравюр. Библиотекой любил пользоваться Василий Сергеевич Норов, возвратившийся в Надеждино из ссылки, друживший с Семеном Николаевичем Карсаковым. После революции дом Карсаковых был отдан культпросветучреждению. В 1925 году приемной комиссией Дмитровского исполкома были приняты 135 книг из Тарусова. Затем их количество пополнилось, и в фонд музея было передано 745 книг на русском языке и 1720 книг на иностранных языках — всего 2465 экземпляров. Состав библиотеки Карсаковых разнообразен и отражает интересы увлечения их хозяев, дает возможность судить об уровне их интеллекта и образованности.

Увлечение Семена Николаевича гомеопатией, а Анны Семеновны ботаникой отразилось в наличии книг о свойствах трав и растений. Например, «Начальные основания естественной истории, содержащее царства животных, произрастений и ископаемых — СПб., Импер тип ., 1794 (Изд. акад. В. Севергиным). Часть 2 посвящена травам и их свойствам. Есть в фонде «Начальные основания ботаники» (для преподавателей) — СПб., Импер. тип., 1815. Справочные издания по естественным наукам, указатель открытий по физике, химии, естественной истории и технологии (Изд. Н. Щеглов. СПб., Тип. Н. Глазунова, 1830), есть в фонде и учебники для детей, к примеру, Гесс Г. «Основания чистой химии» (СПб., Импер. АН,1849; с надписью на титуле: «Прапорщика Карсакова 1851 г февраля 28-го»)

В книгах по географии пометки и замечания сделаны карандашом на полях. Палас П.С. «Путешествие по разным местам Российского государства». СПб., Импер. АН, 1786-1788; «Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах по повелению Александра I на кораблях «Надежда» и «Нева» под началом Крузенштерна». СПб., Морская тип ,1810; «Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 г.» СПб., Тип. Мед. Деп. МВД. 1824. (Автор кн. Е. Тимковский сопровождал Пекинскую духовную миссию в Китай и жил в Пекине полгода).

Естественно, что в библиотеке Карсаковых есть книги о Сибири, где служил Михаил Семенович: Карнилов «Замечания о Сибири». СПб., Тип. К. Крайя ,1828 (Карнилов был губернатором Иркутской, а затем Тобольской губернии); Струве Е.В. «Воспоминания о Сибири. 1848-1854 г.» СПб., Тип. т-ва «Обществ. польза», 1889 (На обложке книги надпись «С.С. Карсакову в знак искреннего уважения Б. Струве»). Само собой разумеется, что в фонде библиотеки Карсаковых присутствуют и книги их соседа по имению Авраа-

ма Норова: «Путешествие по Сицилии в 1822 г.» (Ч. 1-2. СПб., Тип. А. Смирдина, 1828) и «Путешествие по Египту и Нубии в 1834-1835 г.» (Ч.1. СПб., 1840).

Большое место в библиотеке занимают книги по истории, которые и теперь не потеряли своей актуальности, и авторы их неизвестны и почитаемы до сих пор: «Уложение царя Алексея Михайловича» (1796); Лефорт А.А. «История царствования Государыни Императрицы Екатерины II Ч.1 2, 3 и 5; Устрялов «Русская история»; Дубровин Н. «История войны и владычества русских на Кавказе». СПб., Тип. Деп. Уделов, 1871(На шмуцтитуле этой книги выписки исторических фактов и выдающихся лиц)

Так же естественно, что в семье, где было много военных, имелись книги о русских полководцах Суворове, Кутузове и других. Есть в фонде и «Родословная книга князей и дворян российских и выезжих», которая известна под названием «Бархатной книги». (Ч.1. М., Универс. тип. Н. Новикова, 1787). А вот «Собрание собственноручных писем государя императора Петра Великого к Апраксиным» (Ч. 1-2. М., Тип. Н.С. Всеволожского, 1811). Издатель посвятил другому нашему земляку Степану Степановичу Апраксину и в начале книги обращение к нему. В содержании — письма Петра I к адмиралу Федору Матвеевичу Апраксину. В семье Карсаковых было принято дарить книги, так на «Словаре родовых имен растений» (Сост. И. Мартынов. СПб., Тип Деп. нар. просвещения, 1826) надпись: «Брат А.С. мне подарил 1824 г.»

К сожалению, при передачах книг в другие музеи Тарусовская библиотека очень сильно пострадала и сейчас в ней насчитывается 325 /было 745/ книг на русском языке и 58 на иностранных языках (Было передано 1720). Изучение фонда Тарусовской библиотеки будет продолжаться. Возможно, что ряд книг происхождение которых еще неустановлено, принадлежали именно Карсаковым. Необходимо изучить комплекс книг на иностранных языках Но для этого нужны специалисты. На многих книгах на иностранных языках надпись «Николай Карсаков» и «Анна Карсакова».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Брокгауз Ф.А. и Эфрон И.А. Энциклопедический словарь. Т.16. С. 342-343. (Карсаковы).
2. Русский архив,1881, Кн. 2. С. 73-74 (О Семене Николаевиче Корсакове его мать Анна Семеновна); там же, 1891, Т. 1.С. 35; там же,1898, Кн. 3. С. 569-570; там же,1900, Кн.1.С. 662. Азбучный указатель к «Русскому архиву» 1900 г.
3. Панов Б. Из рода Карсаковых // Подмосковные известия,1998, 4 февраля, С. 3 (М., 1908. С. 30. Азбучн указ личных имен)
4. Хохлов Р.Ф. Книжные фонды личного происхождения как исторический источник / По материалам собрания Дмитровского краеведческого музея // Проблемы отечественной истории - Сб. ст. М.,1973. С. 305-322.
5 Крылов Л. Село Троицкое, что в Вязниках Калязинского уезда Тверской епархии. Тверь, 1905. С. 43-44, 62-63, С. 53, 51, 70, 73 (Книга в Талдомском музее, в ДЗДК ксерокопия указ. стр.)

Фонд библиотеки усадьбы Ольгово

Ольгово /Льгово/ — одна из богатейших Подмосковных усадеб. Первые упоминания об этом дворцовом тогда селе восходит к XVI веку. В XVII веке село Льгово принад-

лежало дмитровскому губному старосте Федору Васильевичу Чаплину /30-40-е гг./. Последним владельцем из этого рода был стольник Андрей Иванович Чаплин. После его смерти имение перешло к его дочери, вышедшей замуж за Соймонова, а на его дочери впоследствии женился вторым браком Степан Федорович Апраксин. Имение, как приданое, было передано Степану Федоровичу Апраксину. С этого времени и вплоть до революции, в течении 170 лет Ольгово прринадлежало роду Апраксиных.

Степан Федорович Апраксин /1702-1758/ — крупный вельможа, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий в Семилетней войне с Пруссией. Историк Щербатов называл его человеком роскошным, за которым в походах обозы везли 500 лошадей. После его смерти осталось 1000 костюмов. Степан Федорович умер на допросе в Нарве. Его обвинили в измене, так как многие считали изменой его неожиданное отступление в пределы России из Пруссии после победы русских при Гроссэгерс-дорфском поле.

Степан Федорович, любящий все роскошное, естественно постарался сделать из Ольгова райский уголок. Степан Федорович пригласил для обновления усадьбы итальянского архитектора Франческо Кампорези, который строил его дом в Москве. Позднее, уже при Степане Степановиче, оставив службу при русском дворе, Кампорези переехал в Ольгово и перестроил не только дом, но и парк. В нем появились беседки, триумфальные ворота, обелиск Строганову, искусственные руины, паромы через пруды, турецкая мечеть. За парком виднелись домики псарен и усадебной бумажной фабрики.

При Степане Степановиче (1756(7)-1827) усадьба достигла наивысшего расцвета. Он получил образование за границей. Был на военной службе при Екатерине II, Павле и Александре I. Один из богатейших помещиков России, владелец имений в Смоленской, Владимирской, Орловской, Московской губерний. Степан Степанович вел шикарный образ жизни: балы, праздники, спектакли, приемы. Его современник К.Я. Бумаков говорил о нем: «Степан Степанович — пустой человек, но такие люди в столице нужны». Апраксин Степан Степанович был Смоленским губернатором, а при Александре I предводителем Московского дворянства. Во всех его имениях было более 50 000 крепостных и 150 000 десятин земли.

При Степане Степановиче в Ольгово приезжало множество гостей. Участниками и зрителями театральных представлений были поэт Василий Львович Пушкин (дядя Александра Сергеевича), Алексей Михайлович Пушкин, тоже родственник великого поэта — драматург, переводчик: петербургский актер Алексей Семенович Яковлев, директор императорских театров Александр Михайлович Гедеонов, служитель театрального ведомства Федор Федорович Кокошкин и другие известные в культуре того времени люди. Жена Степана Степановича Екатерина Владимировна, тоже принимала участие в спектаклях. Здесь ставились и серьезные трагедии, и комедии. П.А. Вяземский писал, что дом Апраксина в Москве «был предназначен быть храмом искусства». Там играли и императорские актеры, и итальянская опера. «Подмосковная Льгово была достойною пристройкою к городскому дому, и тут посетители следовали за посетителями, праздники за праздниками, спектакли за спектаклями». (Вяземский П.А. Старая записная книжка. СПб.:1883. С.473).

Блестящая пора Ольгово кончилась со смертью Степана Степановича Апраксина. Его сын Владимир умер в 1832 году, и в 1860-х годах имением владели Екатерина Владимировна и ее внук Виктор Владимирович Апраксин (1822-1898) с женой Александрой Михайловной. Виктора Владимировича в Ольгово

привлекала хозяйственная сторона. Он был активным членом Императорского сельско-хозяйственного общества, был удостоен серебряной медалью Парижской выставки «За успехи в сельском хозяйстве». После смерти мужа, с 1898 по 1915 год имением управляла Александра Михайловна Апраксина.

К счастью, сразу после революции. Ольгово не было разорено. В этой, одной из богатейших подмосковных усадеб, сохранилась почти в неприкосновенности обстановка XVIII-XIX веков: прекрасное собрание живописи и скульптуры, старинная посуда и мебель, ценная библиотека и многое другое. Кто были фондообразователи библиотеки неизвестно. Вероятнее всего, были книги еще в семье Степана Федоровича, судя по уровню образованности этого рода и по времени издания книг. Библиотекой в усадьбе Апраксиных была «глубокая комната», пересекающая весь дом до сводов арки старой каменной стены, за которой в начале XIX века была пристроена комната — переход из зала на застекленную галерею, ставшая позднее буфетом. Вдоль всех стен библиотеки тянулись шкафы, крашеные под красное дерево и затянутые серым коленкором, заложенным в продольную складку. Такие шкафы были очень типичны для 1860-1870 годов, времени устройства этой библиотеки. Читаем в книге Юлия Павловича Анисимова «Ольгово». (М-Л.: 1925. С.30-31).

Фонд библиотеки очень разнообразен. Здесь первые издания русских классиков, комплекты различных журналов XIX — начало XX века, 26 изданий: «Русский архив», «Русская речь», «Рассвет. Журнал для девиц», «Сельско-хозяйственное благоустройство», «Учитель», «Отечественные записки», «Знания», «Натуралист», «Всемирный путешественник», «Исторический вестник» (1897-1910), «Вестник Европы» и другие книги по естествознанию, истории, военному делу, юриспруденции и т.д.

Довольно полный сельско-хозяйственный итдел, вероятнее всего, был подобран Виктором Владимировичем Апраксиным. О чем говорят годы издания книг и его инициалы на корешках («В.А.» или «У.А.»). Например: «Сведения о продажных ценах на земли». Вып.1. СПб., 1859 г. (Есть в ней и Дмитровский уезд. С. 17).

В Ольгово были большие конные дворы, поэтому естественно, что в библиотеке много книг по коневодству и журнал «Коннозаводства за 1890 г.». Например, книга Ловыгина Н. «Рысистые заводы в России». Т.4; «Заводы разных губерний». Вып. 1. М.: 1878; «Рысистый календарь и сведения об испытаниях лошадей на рысистых ипподромах в Санкт-Петербурге и Царском Селе с 1845-1849 год». СПб.: 1849.

Окружающие Ольгово прекрасные леса тоже были заботой Виктора Владимировича. На обложке книги Н. Шелгунова «История русского лесного законодательства».(СПБ.: 1857) надпись: «В. Апраксин». В Ольгове были оранжереи с уникальными растениями. Сведения по уходу за ними черпались из книг по дендрологии, цветоводству, отдельных томов, посвященных орхидеям, лиственницам. Прекрасное издание В.С. Уильямса «Лучшие тепличные и оранжерейные растения» (СПб.,1876-1880) и теперь может служить садоводам. В фонде есть уникальная книга под редакцией и с переводом первого агронома в России, получившего степень доктора сельского хозяйства, Александра Васильевича Советова. Он наш земляк, родился в деревне Гульнево Дмитровского уезда в 1826 г. (умер в 1901 г.). Есть книга «Письма Либиха о нынешнем состоянии сельского хозяйства». (СПб.,1861), а также несколько книг по сельскому хозяйству с дарственной надписью автора — Владимира Циммермана Владимиру Петровичу Апраксин. (Видимо, Владимир Петрович был родственником хозяев Ольгова).

Раздел естественно-научной литературы формировался видимо и в XVIII, и в XIX веке, судя по времени выхода их в свет. К примеру, «Академические известия на 1779, 1780, 1781 г.». (СПб.: Импер. АН); Палас П.С. «Путешествие по разным провинциям Российского государства». Ч. 1 и 3. СПб.: 1773,1788 (Путешествие было в начале 1770-х годов); Прево д' Экзиль. «История о странствиях вообще во всем краям земного крута». Ч. 4,5 и 8. (На рус. яз. переведена в 1782 г. Дмитровского уезда в сельце Михалеве Михаилом Веревкиным. Ныне это Клинский район. У Михаила Веревкина было имение в Михалеве и в с. Покровском Дмитровского уезда); «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах». СПб., (январь 1764, июль 1763). Это был первый ежемесячный журнал, издававшийся Академией Наук по инициативе М.В. Ломоносова с 1755 по 1764 год; «Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 г. на кораблях «Надежда» и «Нева» под началом Крузенштерна». СПб.,1809 г.; «Путеводитель по Европе» /Сост. П. Якубович. 1874. Имеет на обложке надпись «А. Апраксина» — это уже приобретение следующего поколения Апраксиных.

Есть в библиотеке и уникальные издания Брэма А. «Иллюстрированная жизнь животных» (Т.1-2. П., 1866) и Брэма Х.Л. «Комнатные певчие птицы», «Приручение и разведение их» (М., 1869). Книги о хозяйственных постройках и по переработке сельско-хозяйственной продукции принадлежали Виктору Владимировичу и Александре Михайловне Апраксиным, о чем свидетельствуют дарственные надписи авторов и владельцев их: Кржишталович Н.И. «Описание устройства печей комнатных, кухонных, сушильных, банных и ретирадных». Со сметами и 20-ю таблицами чертежей. Новгород, Губ. тип., 1898. Дарственная надпись: «Ея Превосходительству Александре Михайловне Апраксиной, от искреннепреданного Н. Кржишталовича»; Болотов А. «Руководство к производству хозяйственной съемки, межевания и нивеллирования». СПб., 1842. На титуле надпись: «В. Апраксин».

В фонде много книг по экономике и праву. Виктор Владимирович Апраксин был председателем общества взаимного поземельного кредита (избран в мае 1878 г.). Этим объясняется наличие докладов общества с подписями особой комиссии во главе с В. Апраксиным. Здесь же и книга «Мнение губернского гласного Апраксина об учреждении Орловского земского банка». (М., 1869. Губернский гласный В. Апраксин. Орел. 20 февраля 1869). На 1 и 3 страницах «Реестра узаконения», напечатанного в Московской сенатской типографии в 1823 году, «Московской Его В-ва Степана Степановича Апраксина Домовой конторы». Той же надписью сопровождена книга Правикова Ф. «Памятник из законов» (Ч.4. М.,1804). В библиотеке Апраксиных есть книга английского экономиста Д.С. Милля «Основания политической экономии», с дополнениями и замечаниями переводчика Н.В. Чернышевского (Т.1. СПб., 1869).

В роду Апраксиных, как и в других Российских дворянских родах, служение Отечеству чтилось высоко, да и чины они заслужили немалые. В 4-м томе книги Анненкова «История лейб-гвардии конного полка» (В 4-х ч., в 3-х томах. СПб., 1849) есть именной указатель, в который внесены известные в Дмитровском уезде дворяне и, в том числе, Апраксин Владимир Степанович и его послужной список в этом полку (См. с. 222). Естественно, книг по военному делу в библиотеке было много. Здесь и воинские уставы, и журналы (например, «Морской сборник» за 1854 г.). На титуле книги Зедделера «Обозрение истории военного искусства» (В 2-х т. СПб., Т.1.1836;Т.2.1834) надпись: «Получено от автора 14 февраля 1844 г.»

В библиотеке Апраксиных много книг и журналов по педагогике. На корешках этих книг чаще всего стоят инициалы «В.А.» и надписи «В. Апраксин». Интересны, например, книги Лепренс де Бомонт «Наставление молодым госпожам, вступающим в брачные союзы» (Пер. с фр. Е. Руничь. В 4-х ч. М.,1788); «О неблагоразумном и превратном домашнем воспитании детей» В примерах по способу Сальцмана В 2-х ч. СПб.,1831; «Гимнастика для юношества» с 32-мя картинками (Пер. с фр. СПб., 1834). Такие книги, во многом, не теряют актуальности и теперь могут быть поучительными для родителей и детей.

Главным развлечением хозяев и гостей Ольгова был театр, поэтому книг по театроведению в библиотеке Апраксиных было много. К сожалению, после закрытия в 1927 году музея в Ольгове многие книги, как и другие экспонаты, переданы в музеи Москвы и области. Осталось несколько уникальных изданий:1. «Песни, собранные П.В. Киреевским». М.,1860-1864, 1868 (10 выпусков) изданы обществом российской словесности; 2. Пантеон русского и всех европейских театров. Ред. Ф.А. Кини. В 4-х ч. СПб., 1840. На корешке «В.А.»

В каждой православной семье до 1917 г. воспитывалась вера в Бога. Дети изучали историю религии, русской церкви, фолософии. Религиозная литература из Ольговской библиотеки это и «Церковно-славяно-российский словарь» (В 2-х ч. СПб.,1834; на корешке «П.Я.»), и «Ветхий завет» (П.Я.), и «Превращения Овидиевы» (В 3-х т. М., 1795; у нас третий том; на шмуцтитуле надпись: «В. Апраксин»). На корешках книг «Житие святейшаго Патриарха Никона». (СПб.,1784) видим знак Александры Михайловны Апраксиной — корона и ее инициалы «АМА»

Самый обширный раздел фонда Ольговской библиотеки книги и периодика по истории Здесь книги по всемирной истории, истории отдельных стран Англии, Америки, Турции и другим, истории России. Большая часть этих изданий не потеряла своего значения и сейчас. Многотомные издания, выходившие на протяжении нескольких лет: 1. «Словарь исторический или сокращенная библиотека, заключающая в себе жития и деяния» (Т.1. М.,Универс. тип.,1790-1798; у нас не все тома); 2. Шлоссер Ф.К. «История XVIII столетия и девятнадцатого до падения французской империи»; 3. «Ядро хронологическое истории всемирной от начала света до кончины Екатерины II» (М., 1804); 4. Мило «Древняя и новая история от начала мира до настоящего времени». (Ч.1-9. М.,1785; одна из книг, видимо, осталась после некоей гостьи, ибо на ней надпись: «Сия книга Татьяны Васильевны Швыревой, а Подырина Девица»).

Есть в фонде сборники, выходившие выпусками ежегодно или ежемесячно: «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащия» (1755-1764) и т.п. Книги по русской истории написаны известнейшими авторами: М. Щербатовым, В. Татищевым, Н. Карамзиным, Н. Устряловым. По их переизданиям и сейчас изучают истинную историю нашей страны. Книга Голомбиевского А.А. «Сотрудники Петра Великого» (М.,1903) подарена Александре Михайловне Апраксиной автором, как выражение глубочайшего почтения 26 июня 1904 года, о чем свидетельствует надпись на титульном листе (Книга о П.И. Ягужинском и А.Д. Меншикове, но упоминается и Ф.М. Апраксин — предок, дальний родственник владельцев, также бывший сотрудник Петра I.

Женой Владимира Степановича Апраксина была Софья Петровна, дочь Петра Александровича Толстого, бывшего одно время послом при Бонапарте

(«Рассказы бабушки», С. 89). Ей посвятил свою книгу «Путешествие в Смоленск или воспоминание 1812 года» (М.,1839) Никифор Бороградский: «Посвящена Софье Петровне Апраксиной в знак глубочайшего высокопочитания и безпредельной преданности». Книга «Жизнеописание генерала-адмирала Федора Матвеевича Апраксина, составленное В.Н. Верхом (СПб.,1825) — уникальный источник сведений о роде Апраксиных, о жизни знаменитого их предка (род. в 1661 г.), служившего при царях Федоре Алексеевиче и Петре Алексеевиче. Письма Ф.М. Апраксина и письма к нему от Екатерины I, князя Меншикова? барона Шафирова и других могут послужить не только для характеристики адресатов, но и дают богатый материал русской истории времени Петра I.

Самарин Юрий Федорович (1819-1876) — русский публицист, общественный деятель, видный представитель славянофинов, активный сотрудник журналов «Сельское благоустройство» и «Русская беседа». Работы его главным образом посвящены крестьянскому вопросу и истории церкви. Самарин активный участник подготовки «крестьянской реформы 1861 г.». Виктор Владимирович Апраксин тоже участвовал в подготовке этой реформы, выступал против отмены крепостного права, поэтому, естественно наличие в фонде многотомного издания трудов Ю.Ф. Самарина и упомянутых журналов.

К сожалению, мы не можем сейчас полно охарактеризовать раздел художественной литературы, который был в Ольгово при Апраксиных. Теперь это несколько разрозненных изданий сочинений П.А. Вяземского, Н.В. Чернышевского, А. Майкова, И.И. Дмитриева, М.Ю. Лермонтова и полные собрания сочинений Белинского. Добролюбова и других. Сочинения князя Л.П. Горчакова подарены «Многоуважаемому, дорогому Виктору Владимировичу Апраксину на память от издателя». Около 50 экземпляров книг имеют на корешке тиснение «П.Я.» Разгадку этих инициалов дали дарственные надписи на некоторых книгах: 1. «Греческого языка начальное познание». (М.,1797; на шмуцтитуле надпись: «Из латинского, этимологического и греческого нижнего Платону Яковлеву. Директор Иван Тургенев»); 2. Учебная книга латинского языка По руководству Зецденстюккера. Изд-ль А. Зиновьев (М., 1829; на обороте переплета надпись: «Его Высокоблагородию Платону Степановичу Яковлеву. В знак уважения от издателя»).

Большая часть литературы по языкознанию, словари греческого, французского, немецкого, славянского и др. принадлежали Платону Степановичу Яковлеву — литератору, издателю альманаха в Петербурге, служившем ранее при Аракчееве, издавшем книгу «Собрание собственноручных писем государя императора Петра Великого к Апраксиным» (М.,1811) с пышным посвящением Степану Степановичу Апраксину. И. Смирнов в работе «100 лет по предметам Ольгова» пишет, что Платон Степанович был другом Владимира Степановича Апраксина. Он высказывает предположение о Яковлеве: «Может даже незаконный сын Степана Степановича» (С. 9). Часть библиотеки Яковлева ценна как памятник литературного Петербурга 1830-40-х годов. Книги Н.И. Греча по русскому языку, труды Снегирева, журнал «Библиотека для чтения» первых годов издания — 1834, 1835, 1838, произведения Пушкина, Гоголя, вышедшие в 1833 году, экземпляры «Северной Пчелы» 1840-х годов, редкие исторические издания. И.Смирнов пишет, что часть этой библиотеки была похищена, когда хранилась в башне в Ольгове. В 1958 году при передаче части книг Ольговской библиотеки из Дмитровского музея в музей А.С. Пушкина в Москве, среди них

была обнаружена книга с автографом Василия Львовича Пушкина, дяди великого поэта. Сейчас Ольговская библиотека насчитывает 1100 экземпляров книг на русском языке, 434 на иностранных языках (их еще необходимо изучить специалистам).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Анисимов Ю.П. Ольгово // Подмосковные музеи. Вып.4. М-Л.: Гос. изд., 1925. С. 9-65.
2. Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПБ.: 1890. Т.1. С. 927-930.
3. Венок усадьбам // Памятники Отечества. 1995. Вып.32. С. 93-98.
4. Вяземский П. Старая записная книжка. СПб.,1883. С. 472-474.
5. Мир русской усадьбы // Памятники Отечества. 1992. №.25. С. 110-114.
6. «Рассказы бабушки». Л.: Наука, 1989. (См. географический указатель «Ольгово и именной указатель — «Апраксины»).
7. Смирнов И.А. Сто лет в предметах Ольгова. Юрьев-Польский, 1935. 40с. /машинопись/.
8. Список литературы об Апраксиных в периодике XIX — начала XX в. См. в краеведческой картотеке Музея-Заповедника «Дмитровский Кремль».

Из истории библиотек дворян Норовых

В 1832 году Татьяной Николаевной Поливановой были переданы в дар Дмитровскому музею 41 книга (из них 5 на русском языке, остальные на иностранных, в основном, на французском). Эти книги находились в XIX — начале XX века в имениях Норовых в с. Надеждине и Поливановых в с. Даниловском. Большая часть книг по воспитанию детей.

Семья Норовых владела имениями в Саратовской, Тульской, Рязанской и Костромской губерниях. Когда же пришло время детям, а их было шестеро: 4 сына (Василий, Авраам, Дмитрий, Александр) и 2 дочери (Екатерина и Евдокия) получить достойное образование, отец решил купить усадьбу в Московской губернии. И в 1803 г. Сергей Алексеевич Норов приобрел имение в Надеждино Дмитровского уезда Московской губернии. Это была небольшая, но удобная для отдыха усадьба. Розовый 2-х этажный дом с мезонином и белыми колоннами стоял на лужайке, обсаженной кустами роз и белых нарциссов. Два одноэтажных флигеля, баня, погреб, конюшня, сенной сарай, два пруда, окруженные рощей, оранжерея. В 1838 году С.А. Норовым была построена каменная церковь во имя Покрова Прсв. Богородицы с колокольней. Он был глубоковерующим человеком, ходил в Николо-Пешношский монастырь, беседовал там со старцем Максимом. Завещал похоронить себя в стенах Николо-Пешношского монастыря, что и было выполнено.

Для образования детей в Надеждине была собрана прекрасная библиотека. Мать, Татьяна Михайловна, любила дарить детям книги. На 4-хтомнике «Жизнь и приключения Робинзона Крузо» Д. Дефо на французском языке (1776) надпись на каждой книге: «Подарила я сыну милому Аврашинке. 1805» и «Подарила я сыну Васиньки милому». Имелось популярнейшее в то время сочинение Фенелона «Приключения Телемака» на французском языке, много французской познавательной научно-популярной литературы, художественная и историческая литература: В. Скотт «Пуритане», «Айвенго»; рус-

ская поэзия, «История Наполеона» П.Ф. Сегюра, «История Петра Великого», труды известных философов — Плутарха, Корнеля, Расина и других.

Любовь к книгам, воспитанную с детства, дети Норовых пронесли через всю жизнь. На месяцеслове за 1839 год, сохранившемся в литературном фонде Музея-Заповедника «Дмитровский Кремль» надпись: «Из книг Александра Сергеевича Норова» (1798-1870). Александр Норов, воспитанник Благородного Пансиона при Московском университете, с 1819 года стал членом Общества любителей словесности, наук и художеств. Он был знаком с Петром Чаадаевым, перевел с французского языка его философские письма. Петр Яковлевич бывал в Надеждине. Это был яркий, привлекательный человек. Неудивительно, что сестра Александра Норова, Дунечка, влюбилась в него и пронесла это чувство через всю свою короткую жизнь. Она умерла в 1838 году и похоронена рядом с матерью в Донском монастыре в Москве. Петр Яковлевич Чаадаев после потери обожавшей его женщины понял, наконец, какого преданного друга лишился, и завещал похоронить себя рядом с ней. Сохранились их письма. Это трогательная история безответной любви.

Особую известность в истории России получили братья Норовы: Василий и Авраам. Оба, будучи молодыми офицерами, участвовали в войне 1812 и 1813 годов. Позднее, оба написали воспоминания: Авраам — «России двинулись сыны», Василий — «Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя». Сохранилась переписка братьев и родителей, проникнутая сердечной заботой друг о друге. Старший, Василий Норов (1793-1853), сделал блестящую военную карьеру. Жизнь его можно сравнить с полетом «беззаконной» кометы, так необычайно ярок был его путь. Воспитанник Пажеского корпуса выпуска 1812 года, он с учебной скамьи попал в действующую армию, отличался привлекательной наружностью, пылким, увлекающимся характером, горячими, резкими суждениями и сильной волей. Страстно любил военное дело, но был отправлен в отставку по «особому случаю». Правда, в приказе написано «Уволен от службы за раною» (1.03.1825). Да, он был ранен в левую ногу в Кульмском бою, но из армии ушел из-за длившегося с детских лет конфликта с великим князем Николаем, будущим императором.

После ранения в ногу при Кульме в 1813 году Василий Норов лечился в Праге, а затем приехал домой. «Время, проведенное им для лечения раны, не прошло даром для его личного развития. Василий Сергеевич начал собирать себе библиотеку, преимущественно по истории и военному искусству». (Н. Поливанов // Русск. архив,1900, №.2, С. 283). За причастность к декабристам Василий Норов был осужден на 15 лет каторжных работ, лишен чинов, состояния, дворянства и приговорен к политической смерти. 12 лет он провел в изгнании, в ссылке постоянно читал книги, присланные родственниками по его просьбе. Василий Сергеевич был талантливый читатель, поэтому оставил много интересных и глубоких заметок на полях книг. Внучка Екатерины Сергеевны Норовой — Татьяна Николаевна Поливанова перевела их с французского языка. Около двух лет Василий Норов провел в Петропавловской и в Свеаборгской крепостях. Родственники имели возможность посылать Василию книги из домашней библиотеки. На книгах, побывавших в казематах и вернувшихся в Надеждино, пометки В. Норова: «Записки Цезаря».(Париж, 1826) имеют на первом листке первого тома надпись на французском языке и фразу: «Во время моей остановке в Выборге в 1827 г.», на втором

томе «Записок Цезаря» «Выборг 1827». Маленькая книжечка карманного формата (6х9 см): все белые листки переплета исписаны записями хозяйственного характера, белье для стирки, авансы жалованья и т.п. И надпись: «Бобруйск, 3 ноября 1827 г.». Это три книги, сопровождавшие В.С. Норова в самый тяжелый для него период жизни — в пути из Свеаборгской крепости в ссылку в Бобруйск.

В Бобруйскую крепость мать Норова прислала из Надеждина подводу с двумя людьми, платьями, бельем, книгами, обстановкой для квартиры. Нанята была квартира в две комнаты с кухней. Здесь в свободное от крепостных работ время Василий Сергеевич мог читать, отдыхать. В это время Норов привел в порядок «Записки о походах 1812-1813 годов», которые были изданы хлопотами его брата Авраама. К сожалению, имени автора указать тогда не могли. Вернувшись в 1838 году на 45 году жизни в Надеждино, Василий Сергеевич много времени проводил за чтением книг. Он любил бывать в соседнем имении Тарусово у Карсаковых. Писал: «Я смотрю на Тарусово, как на светоч среди полного мрака, как на прекрасный оазис среди дикой пустыни». У Карсаковых тоже была прекрасная библиотека, насчитывающая 7 тысяч книг. (Крылов Л. Село Троицкое, что в Вязниках, Калязинского уезда Тверской епархии. Тверь, 1905. С.43-44, 62-63). Карсаковы получали все новое и лучшее, что выходило из печати в России, и несколько иностранных журналов. В Надеждине после отъезда из семьи сестры Екатерины в Одессу Василию Сергеевичу стало тягостно одиночество. Он попросил разрешения на отдых в Ревеле, и в 1839 году уехал.

Авраам Сергеевич Норов (1795-1869) получил прекрасное образование, владел французским, немецким, и английским языками, знал латынь, потом изучил итальянский, греческий и древнееврейский. В сражении под Бородиным юный офицер был ранен в ногу, часть которой пришлось ампутировать, но и после этого, вылечившись, продолжил военную службу и занятия литературой. К 26-и годам Авраам Норов был полковником артиллерии. Еще одной страстью Авраама Сергеевича были путешествия. В 1821 году он совершает длительное путешествие по Европе, посетив Германию, Францию и Италию. А в 1822 году путешествует по Сицилии, где он, не взирая на трудности, дважды поднялся на Этну. В 1823 году Норов вышел в отставку и поступил на должность чиновника особых поручений при Министерстве Внутренних дел, а в 1824-м в Санкт-Петербурге вышло в свет описание его путешествия по Сицилии (в 2-х т). Именно эти записки сделали ему литературное имя. В 1834-1835 годах Авраам Сергеевич Норов предпринял путешествие на Восток — по Египту и Нубии. В 1840-м вышла книга «Путешествие в Египет и Нубию». Остается только восхищаться мужеством и одержимостью одноногого путешественника, читая о тех приключениях, через которые ему пришлось пройти.

Уже в эти годы Авраам Сергеевич использует любую представившуюся возможность, чтобы пополнить свою библиотеку различного рода раритетами. В Москве Норов посещал литературный музей, салон Зинаиды Александровны Волконской, где по свидетельству П.А. Вяземского, «соединились люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники». Здесь в 1818 году Авраам Сергеевич встречался с А.С. Пушкиным. Позднее, они вместе гостили у родителей поэта в С.-Петербурге, где Авраам Сергеевич познакомился с А. Керн (о чем свидетельствует ее рассказ, предположительно, второй половины 1827 года). Во время работы над «Историей Пугачева» и, возможно, не только над ней, Пушкин пользовался обширной библиотекой Авраама Норова, о чем го-

ворит, в частности, переписка от середины ноября 1833 года. Всего две короткие записки, посланные в Москве, но вряд ли найдется много людей, знакомых с указанными там книгами — библиотека Норова действительно была уникальной.

Сохранилась книга 1724 года с дарственной надписью Пушкина, относящейся к 1833-1834годам. Норову принадлежали автографы Пушкина: отрывок из «Русалки» и черновик примечаний к «Евгению Онегину». В начале 1830-х годов А.С. Норов продал свою библиотеку Н.И. Трубецкому. В примечании к 8-й главе «Истории Пугачева» Пушкин писал о редкой французской книге XVIII века, виденной им в библиотеке Норова, а ныне принадлежащей Н.И. Трубецкому. На смерть Пушкина Авраам Сергеевич Норов откликнулся стихотворением «Памяти Пушкина» («Погас луч неба, светлый гений», написанным в 1837 г. См.:Черейский А.А. «Пушкин и его окружение». Л.,1988.С.297).

Авраам Норов писал научные и литературные труды. Был товарищем министра народного просвещения, председателем Археографической комиссии, сенатором, членом Академии Наук, членом Государственного Совета. В 1854 году был утвержден на должность Министра Народного просвещения. Норов был гораздо образованнее прочих министров, да еще и добрый, хороший человек, ценивший все прекрасное. Второе собрание книг Авраама Сергеевича Норова, составленное уже зрелым ученым-исследователем и библиофилом, было передано Румянцевскому музею с условием сохранения за его библиотекой имени ее создателя. В этой библиотеке, насчитывающей 14 000 томов, есть рукописи, вышедшие до 1501 года, хорошо известные библиофилам, так называемые альдины и эльзевиры (по именам известных издателей, выпускавших специально для ценителей богато оформленные первые печатные издания) и многие другие редкости. Здесь есть сочинения Джордано Бруно, в т.ч. и его авторские рукописи, и Кампанеллы.

Сам А.С. Норов успел подготовить и издать в 1868 году в Петербурге, в типографии Академии Наук, первую часть каталога к своему собранию. Вот строки из предисловия к нему: «Оставляя собранную мною в продолжение моей жизни библиотеку, в память о себе, дорогой моему сердцу Москве, — я желал только, чтобы не ранее, как по кончине моей, — для исполнения сделанных в моем духовном завещании назначений, было выдано за нее 17 000 тыс. рублей, без процентов. Конечно, это не есть оценка моей библиотеки, получившей некоторою известность в кругу ученых и библиофилов. Я заявил также мое желание, чтобы портреты мой и моей покойной жены, способствовавшей мне с полной любовью в моих библиографических приобретениях, составили принадлежность библиотеки, — не из тщеславия, а из любви нашей к Москве...» На обложке и на титуле этого каталога изображена личная печать А.С. Норова. В центре печати герб рода Норовых, а над ним полукругом по латыни написан девиз — «Лишившись всего, душу спасает память».

Среди Надеждинского архива сохранились счета и расписки на покупку и продажу книг 1854-1858 годов, в том числе расписка Дмитрия Болотова, у которого Авраам Сергеевич приобрел редкие старопечатные книги для своего собрания. Он любил античных писатели и философов — Эврипида, Аристотеля и других. В фонде Музея-Заповедника «Дмитровский Кремль» сохранилась книга «Письма Глинки к А.С. Норову и барону А. Корфу» (1841-1857). (М., 1881г.) Модест Андреевич Корф с 1849 по1861 год был директором С.-Петербургской публичной библиотеки. Письма А.С. Норову — это характеристика книг о различных путешествиях, которые Глинка обещает купить для Норова и просит русские книги для чешского музея, библиотекарем которого он был.

После смерти отца, Сергея Алексеевича Норова, имение перешло к Аврааму Сергеевичу, (поскольку старший сын, Василий, был лишен права состояния), но он постоянно жил в Петербурге, и еще при своей жизни передал усадьбу детям сестры Екатерины (в замужестве Поливановой). Его двое детей умерли в младенчестве. В 1869 году имение перешло во владение Поливановых, которые и раньше жили в Надеждине. Представители этой семьи — Н.П. Поливанов, а затем его дети — М.Н. и Т.Н. Поливановы, играли заметную роль в общественной и культурной жизни Дмитровского уезда во второй половине XIX — первых десятилетиях XX века. Как и многие дворяне, жившие в Дмитровском уезде, хозяева усадьбы Надеждино заботились о своих крестьянах и их детях. В 1873 году в Надеждине было открыто начальное училище. В августе 1903 года от жителей села Надеждина и других окрестных деревень поступило ходатайство об открытии народной библиотеки при Надеждинской земской школе. Управа признала устройство библиотки в высшей степени полезным в деле народного образования. (Журналы Дмитровского уезда земского собрания,1903. Доклад №. 16. С. 6-7). Может быть какие-то книги из усадьбы были переданы в эту библиотеку? Но это только предположение.

После революции 1917 года усадьба в Надеждино была сохранена как историческое место, связанное с именем декабриста В.С. Норова и народовольца-«шлиссельбуржца» П.С. Поливанова. Но после отъезда М.Н. Поливанова в 1925 году в Москву усадьба все более приходила в упадок. Сейчас все постройки, кроме полуразрушенной церкви, исчезли. Лишь остатки парка и 2 пруда, да здание земского училища (1873) напоминают о бывшей усадьбе и ее обитателях. Небольшой, переданный в музей, фонд Надеждинской усадьбы пострадал в те годы, когда по различным приказам книги забирались в библиотеки Москвы и другие музеи. Поэтому о некоторых изданиях можно судить только по работам бывших сотрудников Дмитровского музея и архивным документам. Однако знать о том, какие люди жили в имении Надеждино, чем увлекались, за что боролись, что оставили после себя последующим поколениям, потомки должны. Ведь именно книги передают нам знания, накопленные человечеством.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Декабристы Дмитровского края. Вып.3. Дмитров, 1925. С. 27.
2. Река времени. Книга истории и культуры. Кн. 5. М. 1996. Василий и Авраам Норовы.
3. Черейский А.А. Пушкин и его окружение. Л., 1988.С.297-298.
4. Хохлов Р.Ф. Книжные фонды личного происхождения как исторический источник (по материалам собрания Дмитровского краеведческого музея) // Проблемы отечественной истории: Сб. ст. Ч.1.М., 1973. С.305-322.
5. Русский биографический словарь. СПб., 1905. Норов Авраам Сергеевич.
6. Тарасов Б. Чаадаев. М., 1986. С. 186-191. «ЖЗЛ».
7. Декабристы. Биографический справочник / Под ред. М.В. Нечкиной. М., 1988. Норов В.С.
8. Поливанов А.М. Поляков В.И. Усадьба Надеждино как исторический памятник / /Чтения, посвященные 840-летию Дмитрова. С.93-96.
9. Поливанов Н. Василий Сергеевич Норов. (Письма). //Русский архив, 1900, №.2, С. 273-304.
10. Фатуева. Л.А. Надеждино, подмосковное имение Норовых, современников Пушкина (в печати).

Н.А. Синянская

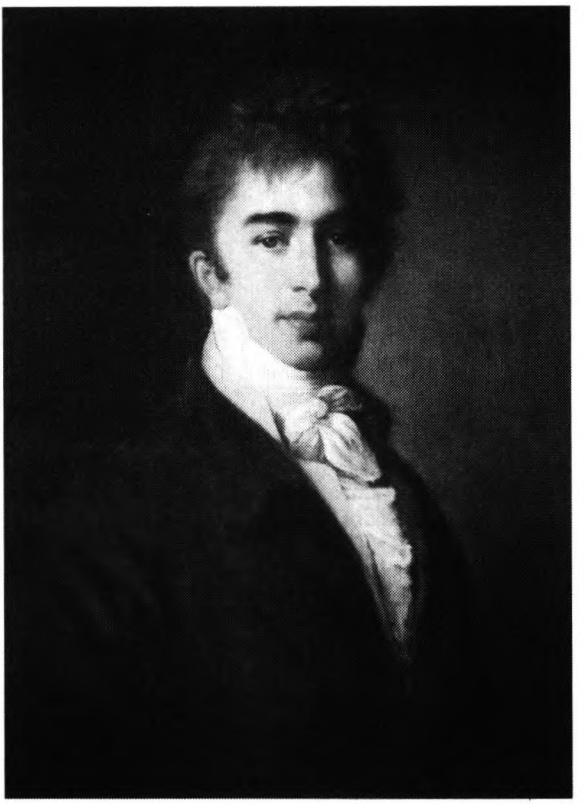
О МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ДВОРЯНСКИХ УСАДЕБ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА (К истории рода князей Барятинских)

Первую половину XIX века в истории русской усадебной культуры справедливо называют «золотым веком русской усадьбы», временем ее расцвета. В зоне умеренно-мягкого климата на богатых и плодородных черноземах Курской губернии в этот период насчитывалось свыше 3-х тысяч дворянских поместий, которые в той или иной мере были хозяйственно-экономическими и, как правило, художественно-культурными центрами своего округа. Среди них имение князей Барятинских в юго-западной части Курской губернии в селе Ивановском, на стыке Льговского и Рыльского уездов было образцовым примером такого рода — воплощением образа жизни богатого, образованного и просвещенного дворянства, В 1820-е годы усадьба Барятинских в Ивановском получает название «Марьино» по имени первой жены владельца поместья князя Ивана Ивановича Барятинского англичанки Марии Франциски Дюттон, умершей вскоре после рождения дочери, а также по имени второй жены князя графини Марии Луизы Келлер, дочери Л.-Х. Келлера, министра иностранных дел Пруссии.[1]

I. О некоторых представителях рода Барятинских в XVIII веке

Чтобы подойти к теме музыкальной жизни в Марьине в 1820-е годы, следует взглянуть на нескольких представителей рода Барятинских в XVIII веке. Одна из самых родовитых дворянских фамилий, древний княжеский род Барятинских ведет свое происхождение от легендарного основателя Руси Рюрика. Дореволюционные справочные издания[2] дают скупые сведения о той ветви Рюриковичей, которая на рубеже XV-XVI веков получила фамилию «Барятинских» (от имения «Барятин» в Мещовском уезде Калужской губернии, которое принадлежало князю Андрею Мезецкому). С этого времени на протяжении XVI-XVIII веков многочисленные члены семьи Барятинских находились на военной и дипломатической службе, выполняя ответственные царские поручения, «...князья Барятинские Российскому престолу служили в знатнейших чинах и были жалованы от Государей поместьями».[3]

В XVIII веке Барятинские занимали видные придворные должности. В ситуациях дворцовых переворотов, которыми изобилует история русского XVIII века, они всегда оказывались на стороне победителей. Представители семьи вступают в выгодные браки, в результате чего наследственное состояние растет, и



Портрет И.И. Барятинского.

княжеский род все более и более возвышается. В начале XVIII века выдвигается фигура Ивана Федоровича Барятинского — сподвижника Петра I и военно-политического деятеля эпохи Анны Иоанновны (1730-1740). Он участвовал во многих походах Петра Великого, был полковником второго гренадерского полка, носившего его имя, сражался против шведов под Стокгольмом, отличился в Персидском походе Петра I (1722-1724). При восхождении на престол Анны Иоанновны поддержал ее в борьбе против партии «верховников» (сторонников ограниченной самодержавной власти), за что был назначен сенатором (1730), московским генерал-губернатором (1735) и правителем Малороссии (1736), и этот пост занимал до конца жизни (1738).

Заметным политическим деятелем эпохи Елизаветы Петровны (1740-1761) и Екатерины II (1762-1796) был его внук Иван Сергеевич Барятинский. В малолетстве он был приписан к лейб-гвардии Измайловскому полку, затем произведен в поручики армии. И.С. Барятинский участвовал в Семилетней Войне (1756-1762). В Цорндорфской битве (1758) был захвачен в плен. По возвращении в Россию (1760) стал ординарцем при императрице Елизавете и состоял в этой должности вплоть до ее кончины 25 декабря 1761 г. 31 декабря 1761 г. Барятинский был назначен флигель-адъютантом Петра III и произведен в чин действительного полковника. В «Русском Биографическом словаре» читаем: «Петр III, задумав арестовать свою жену Екатерину летом 1762 г. поручил исполнить это своему флигель-адъютанту Барятинскому. Испуганный Барятинский медлил исполнением этого поручения и поспешил сообщить о нем дяде императора принцу Голштинскому, который и уговорил Петра отменить приказание».[4] Интересны также воспоминания Екатерины II о дне переворота 28 июня 1762 года и предшествовавших

ему неделях в связи с братьями Барятинскими: «Выехав из Петербурга в пяти верстах от города, я встретила старшего Орлова с князем Барятинским — меньшим. Последний уступил мне свое место в карете...».[5] Там же, в «Записках Екатерины II» находим следующую оценку роли Барятинских: «Ум князя Барятинского, который скрывал эту тайну (подготовки переворота — Н.С.) от своего любимого брата, адъютанта бывшего императора, не потому что он недостоин доверия, а потому только что это был бы лишний поверенный, заслуживает больших похвал».[6]

По вступлении на престол Екатерина II отблагодарила братьев Барятинских за «ум» и услуги и назначила И.С. Барятинского в 1763 г. состоять при малолетнем цесаревиче Павле товарищем по играм. Барятинский не принимал участия в воспитании наследника, но постоянно проводил с ним часть дня, являясь веселым, но несерьезным собеседником. Склонность Барятинского к изящным искусствам сквозит в советах, даваемых им своему царственному другу — «позже ложиться спать, не пропускать ни одной комедии, убираться в пять буколь». Впрочем, не взирая на досадливое пренебрежение цесаревича его заботами, Барятинский и в дальнейшем пользовался дружеским расположением наследника. Посетив Париж в 1784 году во время своего заграничного путешествия Павел вместе с супругой великой княгиней Марией Федоровной остановился в доме И.С. Барятинского и подарил ему свой портрет с надписью «Souvenir d' Amitie» («Воспоминания дружбы»).

В 1767 г. И.С. Барятинский умножил свои имущественные владения весьма удачно женившись на единственной дочери остзейского генерал-губернатора князя Петра-Августа-Фридриха Голдштейн-Бек. Екатерина Петровна Голдштейн-Бек (1750-1811) принесла мужу в приданое в числе прочего богатые и плодородные земли по р. Сейм в юго-западной части Курской губернии, где расположено село Ивановское (будущая усадьба Марьино). У Ивана Сергеевича и Екатерины Петровны было двое детей: сын Иван Иванович (1767-1825) и дочь Анна Ивановна (1774-1825). Брак Ивана Сергеевича и Екатерины Петровны не был счастливым — с конца 1780-х годов супруги жили раздельно.

Придворная и служебная карьера И.С. Барятинского складывалась весьма удачно. В 1779 году он был произведен в генерал-поручики, в августе 1773-го назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Париже, где в течение 12 лет с успехом возглавлял русское посольство. Годы дипломатической службы в блистательном центре европейской культуры превратили русского дворянина с художественными наклонностями в блестящего европейского вельможу, чья образованность не уступала его знатности и богатству. После смерти императрицы Екатерины II в 1796 году он возвратился в Россию, испросил увольнение от службы и зажил частной жизнью. Умер И.С. Барятинский в октябре 1811 г., месяц спустя скончалась Е.П. Барятинская.

II. Князь Иван Иванович Барятинский

Жизненный путь единственного сына Ивана Сергеевича и Екатерины Петровны Барятинских как бы повторяет вектор жизни его отца — его придворную и служебную карьеру и даже личную человеческую судьбу, хотя и гораздо бо-

лее удачно сложившуюся. В 13 лет князь Иван Иванович был зачислен поручиком в Екатеринославский гусарский полк и определен адъютантом к генерал-фельдмаршалу князю Г.А. Потемкину (1760-1790). В 1790 году он получил придворное звание камер-юнкера и перешел в лейб-гвардии Семёновский полк. В 1794 году князь Барятинский, будучи волонтером польской армии, отличился при штурме и взятии польской Праги войсками Суворова, за что был награжден орденом Георгия IV степени. В царствование императора Павла I его придворная карьера приостановилась — вследствие столкновения с одним из любимцев императора, влиятельным политиком и дипломатом графом Ф.В. Растопчиным, Барятинский впал с немилость и был удален от двора.

После отстранения Ростопчина от руководства российской внешней политикой Барятинский в 1801 году поступает на службу в Коллегию иностранных дел и причисляется к русской дипломатической миссии в Лондоне. С этого времени его дипломатическая карьера развивалась энергично и успешно. В 1804 году он получил чин тайного советника и звание камергера. В 1805 году И.И. Барятинский вступил в брак с Марией Франциской Дюттон, дочерью лорда Шерборн, но два года спустя, вскоре после рождения дочери, молодая княгиня умирает. В 1808 году князь Барятинский был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Мюнхене. В конце 1811 гола один за другим умирают отец и мать князя, он становится наследником огромного состояния (34 515 крепостных душ и 100 000 дес. земли). В 1812 году он выходит в отставку и, возвратившись в Россию, поселяется в унаследованном родовом поместье Ивановское Рыльского уезда Курской губернии. В 1813 году он вторично вступает в брак с дочерью прусского посла в Вене графиней Марией Луизой Келлер (1793-1858), принявшей при крещении в православие имя Марии Федоровны.

Князю Ивану Ивановичу в ту пору минуло 45 лет. По понятиям того времени и людей его круга он — уже немолодой человек. Удалившись от дел государственной — военной и дипломатической — службы, приобретя агрономические познания и изучив способы ведения больших усадебных хозяйств в Англии и Германии, знаток, ценитель и покровитель изящных искусств князь Иван Иванович Барятинский решает построить свою жизнь по своему вкусу в уединенной глуши среднерусских степей. В 1811-1820 годы в селе Ивановском на берегу реки Избицы совершается постройка дворцовой резиденции Баря-

Петер Эрнст Рокштуль.
Портрет Мих. Ю. Виельгорского.

тинских. Возводится усадьба — основное местопребывание разрастающейся княжеской семьи. У князя Ивана Ивановича и княгини Марии Федоровны было семеро детей: Ольга (р. 1814), Александр (р. 1815), Леонилла (р. 1816), Владимир (р. 1817), Мария (р. 1818), Анатолий (р. 1821) и Виктор (р. 1823). Менее чем за 10 лет князь возводит усадебный дом, который с самого начала был задуман не только как главное место жительства большой семьи, но и как символ величия и достоинства древнего княжеского рода. Переписка этих лет князя Барятинского с архитектором дворца К.И. Гофманом и главноуправляющим его имениями Ф.А. Голубцовым, полная подробных и точных хозяйственных указаний, говорит о пристальном, деятельном и заинтересованном участии князя в сооружении дома-дворца и создании усадьбы-поместья.

Именно в марьинский период своей жизни (1811-1825) князь И.И. Барятинский в полной мере реализовал преимущества, которые были даны ему происхождением и огромным наследственным состоянием, равно как и отделанные блестящим воспитанием незаурядные музыкальные способности. Наряду с устройством в Марьине образцового хозяйства по примеру английских поместий, важной составляющей марьинской жизни были художественно-библиофильские и музыкально-театральные интересы князя, которые в полной мере разделяли его близкие, особенно княгиня Мария Федоровна. Дочь министра иностранных дел Пруссии графа Людвига-Христофора Келлера, она выросла в семье, где царил культ изящных искусств, сама получила хорошее домашнее образование и прекрасно разбиралась как в музыке, так и в живописи. В 1820-е годы в Марьине, которое находилось в уединении, в стороне от магистральных дорог, текла художественно-насыщенная, полнокровная жизнь. Однако, если сегодня история дворца в Марьине, история его богатейших художественных коллекций и библиотеки изучена с достаточной полнотой, музыкально-театральная жизнь в усадьбе до сих пор затрагивалась мало, отрывочно и неглубоко. Причина в том, что эта область усадебной жизни с трудом поддается книжной реконструкции и в хрупкой сиюминутной жизненности временных искусств — музыки и театра — так и в особой замкнутости, самодостаточности жизни обитателей усадьбы. Уклад жизни в Марьине определялся позицией хозяина, который выразил ее в одном из писем так: «Мы для себя хотим жить покойно и приятно, а не для других, да и не для кого».[8]

III. Музыкальная жизнь Марьина 1820-х годов

В статьях курских краеведов-историков много раз упоминалось, что в Марьине был домашний театр и хороший, профессионального уровня симфонический оркестр. Но художественная жизнь усадьбы была доступна только тесному окружению домашних и родных князя, а также немногочисленному кругу соседей-помещиков. Театр и оркестр в поместье Барятинских существовали только для княжеской семьи. Интересно, что краевед М. Бугров, упоминая в своих изысканиях (на основании архивных материалов) о выступлениях оркестров курских помещиков на ярмарках в Коренной пустыни в первой трети XIX века, специально отмечает отсутствие там славивше-

гося своим искусством оркестра князей Барятинских.[9] Очень интересную характеристику не только музыкально-театральной жизни Марьина, но и отношения князя Ивана Ивановича к музыке дает А.Л. Зиссерман в трехтомной монографии о фельдмаршале князе А.И. Барятинском: «Князь Иван Иванович жил открыто: к нему беспрестанно съезжались гости из разных слоев общества; в доме был постоянный театр, в котором игрались пьесы на русском и французском языках; первые — большей частью дворовыми людьми, а вторые — разными лицами, членами семейства, гувернерами, гувернантками и соседними помещиками. Кроме того, был оркестр из сорока или пятидесяти музыкантов, составленный из крепостных людей. Давались концерты, в которых принимали участие жившие тогда в соседстве известные меломаны графы Михаил и Матвей Виельгорские. Сам князь Иван Иванович страстно любил музыку и так увлекался ею, что часто упрекал себя в потере времени, вследствие чего строго запретил преподавание музыки своим четырем сыновьям, что и было свято исполнено».[10] Запрещение князя учить музыке своих сыновей очень симптоматично и с точки зрения «кодекса поведения» высокородного русского дворянина начала XIX века, и как штрих личной характеристики князя. Недвусмысленно признавая этим запретом всепоглощающую силу страсти к музыке, испытанную им самим, князь, в соответствии со своими сословными понятиями, стремился уберечь своих сыновей от этой «забавы», дабы направить их силы к более значимым сферам деятельности. Любопытно заметить, что семейные художественные склонности рода Барятинских ярко проявились у внука князя Ивана Ивановича, известного писателя и драматурга конца XIX века Владимира Владимировича Барятинского.

К.П. Брюллов. Портрет Матв. Ю. Виельгорского.

Вернемся, однако, в Марьино начала XIX века. Основанием к реконструкции музыкального быта усадьбы может служить сохранившийся, к счастью, обширный музыкальный архив курского дворца Барятинских, который хранится в

Российской государственной библиотеке в Москве и насчитывает 556 единиц хранения. Краткое описание и группировка нотно-рукописного материала по жанрово-тематическому и исполнительскому принципу была сделана архивистом Т. Трофимовой ещё в 1936 году. Архив подразделяется на: а) оркестровые произведения; б) инструментальные ансамбли; в) произведения для пения: с оркестром; под гитару; с сопровождением фортепиано; г) духовные хоровые сочинения; д) театральные сочинения со смешанным оркестром небольших составов. Несомненно что весь архив в целом является отражением музыкальных вкусов и пристрастий нескольких поколений и, по меньшей мере, трех ветвей семьи Барятинских, но большая и наиболее ценная часть архива относится к эпохе князя И.И. Барятинского, к 1820-м годам.

Например, папки 1-11 содержат полную рукописную партитуру (27 стр. 13-строчных партитурных листов). Увертюры ре-минор для большого симфонического оркестра кн. И.И. Барятинского соч. 1822 г.; две увертюры Л. Керубини (Увертюра ре-мажор и Увертюра к опере «Элиза» для большого оркестра); Моцарт — Речитатив и финал из оперы «Милосердие Тита»; Дж. Россини — Увертюра к опере «Севильский цирюльник». В папке II находятся также пьесы композиторов-романтиков для смешанного (т.е. симфонического) оркестра, как оригинальные, так и переложения: переложение для оркестра хора стрелков из оперы Вебера «Волшебный стрелок», увертюра к опере Россини «Семирамида», его же две оркестровые пьесы и 17 пьес для оркестра без указания авторов. Папки 12-18 содержат разрозненные партитурные листы и оркестровые партии из произведений Чимарозы, Керубини, Мегюля, Газе, Сальери, Доницетти, Буальдье, Россини и К. Кавоса. Уже этот беглый обзор показывает, каким интересным, богатым и сложным для своего времени был репертуар крепостного оркестра князя Барятинского, являясь отражением именно его вкусов и запросов:

Как же вырос этот оркестр? Каким образом происходило формирование музыкантов из крепостных князя? Кто стоял во главе оркестра, и как проходила репетиционная, работа? Каковы были условия жизни этой категории относительно привилегированных слуг князя? На некоторые вопросы ответов пока нет, на другие можно ответить более-менее предположительно. Из переписки князя Ивана Ивановича с управляющим имением Федором Александровичем Голубцовым за 1816-1817 годы в разгаре строительных работ по возведению дворца видно, что князь думает о воспитании собственных музыкантов для будущей жизни в новом доме. Путешествуя в это время с княгиней по Европе Барятинский писал Голубцову: «... княгиня моя вам искренне кланяется. Она просит вас сделать одолжение приказать выбрать из мальчиков, находящихся в Ивановской школе или из других мест, восемь человек для обучения музыке, дабы по возвращении нашем в деревню иметь маленький оркестр и певчих для церкви».[11] Из другого письма видно, что крепостных музыкантов готовили не только на месте в Ивановском, но посылали для обучения в Петербург. Так, князь Иван Иванович пишет своему управляющему петербургскими имениями, не угодно ли ему будет велеть, «... чтобы из числа мальчиков, находящихся теперь в Санкт-Петербурге для обучения музыке — два или три, не оставляя главного своего предмета... в

свободные часы ходили обучаться к хорошему полотеру, как чистить в домах паркеты, а два других из тех мальчиков, чтобы обучаемы были играть несколько на клавикордах на тот конец, дабы они умели оныя хорошенько настраивать, что все весьма нужно будет впоследствии для моего дома».[12] Здесь любопытно отметить, что князь, как настоящий рачительный и предусмотрительный хозяин заботится дать обучаемым музыке мальчикам и другие умения на случай, если те окажутся непригодными к музыке.

В результате к началу 1820-х годов крепостные музыканты князя были весьма квалифицированными исполнителями, а состав оркестра был стабильным и устойчивым. Крепостным музыкантам выдавались нотные тетради для записи партий на довольно продолжительный срок — до десяти лет. В архиве РГБ сохранились три нотные тетради в плотном переплете. Они свидетельствуют о хорошей разносторонней подготовке исполнителей, умевших играть на разнохарактерных инструментах. Так, например, один и тот же музыкант играл на скрипке и кларнете или соединял в одном лице умения бас-горниста (трубача) и альтиста. В архиве мы находим свидетельства того, что из оркестра выделялся специальный квартетный состав, что говорит не только о высокой подготовленности исполнителей, но и их высокой ансамблевой культуре.

Назвать с уверенностью имена руководителей (дирижеров) оркестра сегодня вряд ли возможно, но можно наверняка утверждать, что ими были образованные наемные иностранцы. Об этом говорят промелькнувшие в одной из музыкантских тетрадей имена на французском языке — «господин Жорж» и «господин Дерфельдт».[13] Антон Дерфельдт (1780-1829) — первый капельмейстер оркестров русских гвардейских полков, один из основателей Петербургского филармонического общества, возможно, некоторое время возглавлял крепостной оркестр в Марьине или соприкасался с ним во время приездов оркестра в Петербург. Некоторые находящиеся в архиве обработки для духового оркестра помечены именем «Dauernfeldt».[14]

Помимо концертов классического содержания с «серьезным» репертуаром тот же оркестр использовался как танцевальный, бальный оркестр (оркестр балловой музыки), а также как оркестр, сопровождавший театральные постановки. В архиве сохранилась музыка к французским водевилям «Водовоз» Керубини, «Чертенок розового цвета в отпуску» Газе и увертюра к водевилю обрусевшего итальянца К. Кавоса «Казак-стихотворец». Вероятно, это небольшая уцелевшая часть многочисленных развлекательных сочинений, которыми заполняли свой досуг гости и обитатели Марьинского дворца.

IV. Из истории музыкальных взаимоотношений князя Барятинского и графов Виельгорских

Архив позволяет заключить, что кульминационной точкой в развитии «серьезных» интересов князя Барятинского был 1822 год, которым помечено самое крупное и значительное из дошедших до нас сочинений князя — Увертюра ре-минор для большого оркестра. Это сочинение свидетельствует об основатель-

ной музыкальной образованности князя и его незаурядной композиторской одаренности, прекрасном знании и свободном владении приемами оркестровой техники письма, о восприимчивости стиля современных ему композиторов (в частности К.В. Глюка и Дж. Россини) и тяготении к образам героико-патетического характера. Активизация музыкально-творческой деятельности князя Барятинского в это время была, несомненно, связана с жившими в близком соседстве с князем в 1818-1823 годы образованными вельможными меломанами графами Михаилом Юрьевичем (певцом и композитором) и Матвеем Юрьевичем (виолончелистом) Виельгорскими, о чем свидетельствуют материалы архива. Имение Барятинского Ивановское на границе Рыльского и Льговского уездов и имение жены графа Михаила Виельгорского Луизы Бирон — Фатеевка (другое название — Луизино) в Дмитриевском уезде находились примерно в 50 км друг от друга, а это означало несколько часов езды в карете по тогдашнему бездорожью. Причин же появления и пребывания братьев Виельгорских в Фатеевке в 1818-1823 годы было, по всей вероятности, две.

Первая (о которой многократно писали) — граф Михаил Виельгорский вызвал неудовольствие двора скорой и тайной женитьбой на сестре своей первой жены Екатерины Бирон, умершей от родов в январе 1816 года. В апреле того же года 28-летний граф скрыто венчался с ее старшей сестрой Луизой. Но была и вторая, более важная причина. С конца 1810-х годов начинаются гонения на деятельность масонов. В 1822 году Александр I, ввиду участившихся доносов о противоправительственной деятельности аристократических тайных обществ (масонских лож), издал указы об их запрещении в России (с 1 августа 1822 г.) и Польше (с ноября 1622 г.). Михаил Виельгорский, поляк по происхождению и видный масон, был руководителем одной из самых многочисленных (75 чел.) и влиятельных в Петербурге масонских организаций, так называемой «Ложи Палестины», созданной по французскому, т.е. самому вольнодумному образцу. Граф Михаил поэтому почел за лучшее в пору масонских гонении укрыться в глухой курской деревне, где тотчас же развернул кипучую музыкально-исполнительскую деятельность.

Роль братьев Виельгорских в развитии русской музыкальной культуры первой половины XIX века нашла основательное отражение в специальной музыковедческой литературе.[15] В монографии Т. Щербаковой (С. 17, 30, 38, 39) находим характеристику «курского» периода жизни братьев Виельгорских, но момент соприкосновения князя Барятинского и графов Виельгорских, благотворность их взаимовлияния не попали в поле зрения этого авторитетного исследователя.[16] Между тем никем до сих пор не отмеченный факт постоянных контактов между Ивановским и Фатеевкой чрезвычайно интересен. Об интенсивности общения говорит не только переписка между этими блистательными меломанами за 1822-1823 годы, но и находящиеся в архиве Барятинских программы домашних концертов в Луизине , причем часть из этих программ, посланных князю Ивану Ивановичу, написана собственноручно графами Михаилом и Матвеем. Активности музыкально-концертной жизни в Фатеевке (и наверняка, в Ивановском) сегодня можно лишь удивляться, ибо на протяжении более года регулярно, два-три раза в неделю давались концерты, включающие крупные и серьез-

ные инструментальные и вокально-хоровые сочинения западных композиторов и самого графа Михаила. То, что программы концертов в Луизине оказались в марьинском архиве говорит либо о том, что князь Иван Иванович был гостем графов Виельгорских, либо — и это более вероятно, — что произведения, звучавшие в Фатеевке, любезно предлагались просвещенному вниманию Его Сиятельства. В пользу последнего предположения говорит адресованное князю Барятинскому письмо от капельмейстера Виельгорских скрипача Ивана Островского (вся переписка в марьинском архиве, даже от слуг, написана на французском языке). Письмо это, по всей видимости, является ответом на просьбу князя доставить оркестр из имения Виельгорских в Ивановское с целью послушать какое-либо заинтересовавшее его произведение.

"Князь! К моему большому сожалению, я не могу выполнить поручение, которое дали мне Ваше Сиятельство. Во время отдыха музыканты перепились и разбрелись по своим родственникам. Кроме того, я не могу распоряжаться оркестром без согласия г-на графа Чернышева. Но есть один выход, чтобы выпутаться из этого неудобства: можно доставить оркестр несколькими неделями позднее. Я напишу об этом господину графу (Чернышеву — Н.С.), а пока музыканты отдохнут и затем смогут приехать в Ивановское к 15 июля. Возможен и другой выход — созвать людей из более дальних мест, но тогда Вам, князь, понадобится около 10 человек из того же самого оркестра. Что касается певцов г-на графа Комаровского, то до того как предпринимать попытки их вызвать, следовало бы справиться о них у Ваших ближайших соседей.

...Я думаю, нам не хватает струнных, и по этому поводу, вероятно, надо будет обратиться к г-ну графу Теплову, чтобы заполучить нескольких крепостных его оркестра. Хочется верить, что музыканты г-на Анненкова очень способные, но если они не играли много музыки Бетховена, Керубини и всех тех композиторов, которые имеют ценность для истинных знатоков, тогда они будут лишь бесполезные призраки. Мой оркестр уехал из Луизина сегодня утром, и я тоже рассчитываю вскоре попрощаться с господами графами Михаилом и Матвеем. Если Ваше Сиятельство удостоит почтить меня своими дальнейшими приказами, я смогу их принять на своем месте в Курске или позднее в Орле.

Имею честь оставаться глубокоуважающим Вас преданным слугою Вашего Сиятельства Иваном Островским 19 мая 1822 г. Луизино». (Перевод с франц. — Н.С.)

Это письмо, доказывающее факт и характер связей князя Барятинского и графов Виельгорских — лишь частичка того огромного эпистолярного массива, хранящегося в РГБ, который содержит письма к Барятинскому других «музыкальных корреспондентов — композитора И. Геништы, графа А.А. Анненкова, графа А.Д. Теплова, семьи Чернышевых и Шереметевых. Все это еще ждет своих заинтересованных и добросовестных исследователей. Необходимость в полноценном научном изучении, а не просто поверхностных упоминаниях, двух крупнейших творческих личностей в сфере дворянской усадебной культуры курского края начала XIX века вполне назрела. А за музыковедческими изысканиями должно последовать возвращение их творческого наследия и их имен в музыкальную жизнь сегодняшнего дня.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История создания усадьбы Марьино, некоторые сведения об ее владельцах и история художественных собрании усадьбы подробно описаны в работах первого исследователя Марьинского дворца бывшего главного архитектора Курска С.И. Федорова (см. Марьино. М., 1989; Марьино князей Барятинских. История усадьбы и ее владельцев. Курск, 1994).

2. Долгоруков П.В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым ч. 1, гл. I. Фамилии российско-княжеские (князья Барятинские). СПб., 1854; Богданович Е. Род князей Барятинских. По поводу 250-летия Симбирска. СПб., 1898; Петров В.Н. История родов российского дворянства в 2-х книгах (Репринтное издание 1886 г.). М., 1991; Русский биографический словарь. Т. 2. М., 1900; Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 5. М.,1911.

3. Фёдоров С.И. Марьино князей Барятинских. Курск, 1994. С. 23.

4. Русский биографический словарь. Т. 2. М.,1900. С. 546.

5. Записки Екатерины II. Лондон 1859. (Репринтное издание). М., 1990. С. 270.

6. Там же. С. 276.

7. Федоров С. Марьино князей Барятинских. Курск, 1994. С. 23.

8. Тарасова М. Иконография Барятинских // Культурное наследие Курского края: Сборник докладов областной научно-практической конференции. Курск, 1998. С. 46.

9. Бугров Ю.А. Свет курских рамп. Кн. 1. Курск, 1995. С. 14; Кн. 2. Курск, 2002. С. 12.

10. Фёдоров С.И. Марьино князей Барятинских. Курск, 1994, С. 70.

11. Там же. С. 90.

12. Там же. С. 96.

13. Не путать с его сыном, Антоном Антоновичем Дерфельдтом (1810-1869), капельмейстером одного из гвардейских полков; с 1850 г. — шефом (заведующим) оркестрами гвардейских полков русской армии, одним из первых, композиторов военной музыки в России, издателем первою журнала военной оркестровой музыки.

14. Какой из Дерфельдтов — отец или сын, или возможно, оба — и когда соприкасались с оркестром кн. Барятинского пока установить не представляется возможным.

15. См. статью Сконечной А. «В гостях у Виельгорских» в сб. «Торжество муз». М., 1989 и монографию Щербаковой Т. «Михаил и Матвей Виельгорские. Исполнители. Просветители. Меценаты»; М., 1990.

16. Следует отметить, что статья курского автора И. Татарской о концертах классической музыки в Луизине («В Фатеевке звучал Бетховен» в курской газете «Городские известия». — 10 апреля 2001 г.) не содержит ничего нового по сравнению с выше названными исследованиями и фактически представляет собой перепечатку указанных страниц монографии Т. Щербаковой.

Е.В. Холодова

ТАЙНА СЕМЕЙНОГО ПОРТРЕТА

На втором этаже Курского областного краеведческого музея, в большом просторном зале, много лет располагается постоянная экспозиция, посвященная усадебной культуре Курского края. Среди экспонатов, отражающих быт провинциальной дворянской усадьбы — уголок «Москвы». Здесь можно увидеть парковые мраморные кресла, медальоны, скульптуры, портреты и обстановку приемных покоев.

Коллекцию усадебных портретов завершает большой портрет семьи Аркадия Аркадьевича Нелидова (1804 – к. 1860-х гг.) Этому произведению повезло, оно не относится к числу «неизвестных». Время сберегло памятный автограф художника: «С. Ершов», и год создания портрета: «1848».

На первый взгляд сюжет картины банален. В центре парадного зала провинциального усадебного дома, на уютном круглом диванчике расположилось дружное семейство, с благородным спокойствием взирающее на зрителя. Однако портрет уже полтора века хранит неразгаданную тайну...

Семейный архив Нелидовых был уничтожен в революционное лихолетье... Из немногочисленных архивных

Портрет Зинаиды Аркадьевны Нелидовой. Фонды Курского областного краеведческого музея.

Церковь Спасская. Вид с юго-запада. Фото 1960-х.

источников и рассказов старожилов известно о трагической судьбе семьи А. А. Нелидова. Его жена Елизавета Петровна Ильинская и шестеро детишек умерли от чахотки и были похоронены в склепе домашней церкви-усыпальницы Спасской в Мокве. Аркадий Аркадьевич, не в силах далее оставаться на родине, где все напоминало ему о постигшем горе, уехал за границу, там и скончался, завещая похоронить себя в семейном склепе в Мокве, что и было исполнено.

Сопоставление нескольких документов, в основе которых: краткая биография А. А. Нелидова и «Описание интерьеров и склепа церкви Спасской в Мокве» позволяют по-новому взглянуть на семейный портрет...

Новые документальные свидетельства приоткрывают завесу трагической тайны портрета и представляют его, как интересное и редкое символическое произведение, где общая композиция и детали неслучайны и несут особую информационную нагрузку...

Несмотря на кажущуюся простоту сюжета, в картине очень много странностей, фантазий, несоответствия... тревоги, которые, вероятно, надиктовал художнику в тревожную пору А.А. Нелидов, явившийся соавтором-режиссером полотна. Художник исполнил его волю, собрав в единый круг семейный и живых и ... усопших.

Рассмотрим композицию картины, интерьер и расположение фигур. Анализ объемно-планировочного решения моковского дворца позволяет предположить сходство отдельных частей интерьера с парадными покоями первого этажа здания. Однако архитектура и планировка изображенного зала не похожа ни на одну из них, а скорее является собирательным образом нескольких помещений не только первого, но и второго этажей

дворца, на что указывает вид лестницы на дальнем плане картины. С левой стороны комната расширена трехгранным эркером и напоминает архитектуру восточной части дворца. Как видно, в целом интерьер на картине символизирует мир нереальный, иллюзорный.

Семья Нелидовых помещена в центре комнаты на круглом диване и подле него. Характер расположения фигур в плане напоминает форму креста, а последовательность расположения членов семьи примерно совпадает с порядком их захоронения в склепе-усыпальнице... Ориентация по сторонам света, характер поворота и движение фигур имеют символический смысл.

Две фигуры слева — Аркадия Аркадьевича с дочерью Зинаидой отнесены к восточной стороне. Это сторона восхода жизни, надежды... Известно, что А. А. Нелидов умер в конце 1860-х годов, пережив все семейство.

Зинаида (1840-1865 гг.) прожила 25 лет, долго болела и отец много путешествовал с ней по курортам западных стран. На портрете он взял Зинаиду за руку, как бы пытаясь удержать ее от близкой и неминуемой смерти. Его взгляд полон глубокой затаенной печали...

Портрет Елизаветы Петровны Нелидовой в виде святой. Из интерьера храма-усыпальницы. Фонды Курского обл. краеведческого музея.

Изображенная на картине декоративная арка тяжело нависает над ними, как знак тревоги и подстерегающей опасности. Арка также делит композицию на две условные части — свет и тьму...

Надо сказать, что в фондах краеведческого музея среди анонимных портретов из Москвы, есть портрет молодой девушки с длинными русыми косами в декольтирован ном пурпурном платье, типичном для 1860-х годов. Можно предположить, что это повзрослевшая Зинаида.

Остальные члены семьи, расположенные за гранью арки, оказываются в западной части комнаты, без освещения — закат жизни, тьма. Ребенок в руках матери, пожалуй, не спящий, а... усопший... Выражение лица и поворот головы Елизаветы Петровны скорбны и очевидно повторяют ее портрет в образе святой в облаках, который был специально написан для усыпальницы...

Семейный портрет Нелидовых. Аркадий Аркадьевич Нелидов с супругой Елизаветой Петровной в окружении детей. Художник С. Ершов. 1848 г. Фонды Курского областного краеведческого музея.

Младшие девочки Ольга и Александра зовут старшую сестру Елизавету за собой в потусторонний мир... Фигуры их нечетки, движения неясны... У ног матери — сын Аркадий, держащий в руках открытую книгу с датой «1848 г.», обращает наше внимание на время завершения строительства храма-усыпальницы и год явления картины...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сборник биографий кавалергардов. СПб. 1906. Т. 3.С.399-401
2. ГАКО. Ф.4.Оп.1.Д.123.1902 г.

В.Л. Барабанов

ТРОИЦКИЙ АРХИВ

Пролог

В 1982 году мои родители приобрели участок земли под дачу в селе Троицком Ступинского района Московской области. Уже в первые приезды туда село подкупило меня своей отдаленностью от шоссейных дорог, магазинов и автобусов и — в то же время — внешней оживленностью в виде пионерского лагеря, детского сада и начавшегося бурного строительства садовых домиков на каждой из шести соток, густо нарезанных на окраине села на пологом спуске к узкой речке, на противоположном берегу которой высилась старинная четырехъярусная колокольня.

В самом низу колокольни, справа от входа, вделана доска из белого камня, на которой истлевшими буквами (но чудесным образом кем-то год от года подновлявшимися) написан текст, который следует здесь привести полностью:

> В 1767 году сия колокольня построена
> генерал-аншефом и кавалером
> князем Семеном Федоровичем Волконским.

Слева от входа в колокольню на красной кирпичной стене двухэтажной Трапезной вделана другая доска, на которой написано следующее:

> Построена сторона для Трапезы
> в 1838 году при священнике
> Александре Афанасьевиче Покровском
> на церковную сумму пособием прихожан.

Так, между двумя этими датами, а также и вне их лежала какая-то темная, неизвестная мне страница российской истории, и вроде бы некому мне было ее рассказать. Немногочисленные местные жители, которые понемногу втягивались в дачной строительство, зарабатывая на каркасах, фундаментах и стропилах, пока молчали об истории своего села. Еще более красноречиво о ней молчали истлевшие заборы, старые заколоченные дома и многочисленные провалы между домами, поросшие бурьяном и чертополохом. Впрочем, в своих расспросах я не упорствовал, — мои посещения Троицкого были относительно редки и, большей частью, также были посвящены все тому же каркасу, фундаменту и стропилам.

Возбуждению любопытства способствовал случай. Как-то приятель попросил меня полистать старые книги по искусству колокольного литья. И вот, просматривая солидный том Н. Оловянишникова, я читаю о том, что «...в селе Троицком-Лобанове, Коломенского уезда, Московской губернии, на колокольне висит один замечательный колокол с портретом шведского короля Карла XI и надписью KOMMEN AHRE WI VTHAF IAKOBS HVS LAT OSWANDRA HERANS LIVS. PETRUS BRAHE COMES IN WISINCS BORCLIB BARO IN CAIANAR SVEDROTZETLIS. STOCHOLM ANNO 1661 LGHGL ADESI THET MON SAGDTARAT WI SCOLECA. VTHIHERRANS HVS HALELVIA HAFVER S.IORAN PVTENS ENKA LATIT CIVTA.

Колокол этот имеет довольно странную судьбу: он был найден князем Волконским в пруду, во время чистки последнего, и старожилы вспомнили предание, что его привез, неизвестно откуда, прежний владелец села, князь Лобанов-Ростовский, и повесил на здешней колокольне. Вскоре потом первый звук его к заутрене разбудил и испугал князя, за что колокол был снят с колокольни и брошен в пруд. Князь Волконский снова повесил его. Звон этого благовестника слышан далеко в окрестности, вблизи же слишком резок, ибо в нем много серебра»[1].

Позвольте, но ведь это написано о Троицком! Нахожу у Оловянишникова ссылку на еще более старинную книгу Н. Иванчина-Писарева «Прогулки по древнему Коломенскому уезду», но времени на розыски уже нет, наплывают другие дела, поездки, и много прошло времени, прежде чем я положил перед собой эту книгу издания 1843 года и, что называется, погрузился в чтение. «...Село Троицкое-Лобаново. Это древняя отчина князей Лобановых-Ростовских. В XVII столетии оно принадлежало князю Ивану Ивановичу Лобанову-Ростовскому, бывшему при Царе Алексее Михайловиче Боярином. Супруга его, Боярыня княгиня Феотиния, по приказу деверя своего, Окольничьего князя Александра Ивановича, известного владельца Родословных, построила в 1687 году в Московском Рождественском монастыре церковь во имя Иоанна Златоуста. Троицкое, в XVIII столетии, было отдано в приданое за княжной Парасковьей Михайловной Лобановой-Ростовской, вышедшей за князя Семена Федоровича Волконского, генерал-аншефа при Елизавете и Екатерине. Он похоронен в Московском Греческом монастыре, но здесь жил почти по свою кончину и в 1767 году построил колокольню из белого камня.

Каменная закладная доска в стене колокольни. Фото М.В. Нащокиной. 2001.

Ныне это село (исключая участка, коим издревле владеют Бутурлины) перешло, через покупку, от графа Бобринского господину Азанчевскому, который распорядился в нем как владелец, богатый не одними деньгами, но и

Усадьба Троицкое-Лобаново. Фото автора. 1988.

хозяйственными знаниями; сверх того, заметно здесь и его усердие к святыне. Храм освящен при Царе Алексее Михайловиче и Патриархе Иосафе II. На колокольне висит один замечательный колокол с портретом Шведского Короля Карла XI...»[2], ну а дальше уже знакомый нам текст.

Прочитал, стало интересно — в коротком отрывке собрано так много слегка знакомых и интригующих фамилий: Лобановы-Ростовские, Волконские, Бутурлины, Бобринский и совсем незнакомый господин Азанчевский. Кто они? Чем жили, и как им было здесь, в этом старинном селе, некогда стоявшем, как выяснилось, на верховой дороге из Москвы в Коломну. Верховой — потому, что шла она по водоразделам, в отличие от нынешнего Рязанского шоссе, пересекающего широкую пойму Москвы-реки, в прежние времена — особенно во время разливов — посуху непреодолимую. Эта древняя дорога начиналась от Москвы, от Данилова монастыря и через Сабурово и верхотуру, ныне занимаемую аэропортом Домодедово, спускавшуюся в долину реки Северки и вдоль нее тянущуюся до самой Коломны. Переправы через Северку были куда более проще, чем через разлившуюся Москву. Оказалось, что именно по этой дороге вел часть своих войск Дмитрий Донской на Куликово поле.

И еще оказалось, что вдоль этой старинной дороги — в селах — строились каменные храмы уже тогда, когда Москва еще была полна деревянными церквями. И проехало и прошло по этой дороге множество людей, свершивших деяния, частью сохранившихся в древних текстах, а частью — только в едва уловимых особенностях рельефа и сохранившихся памятниках.

Так и начались наши «исторические изыскания».

1. Волконские

Начали мы с истории семьи Волконских. Судя по тем отрывочным сведениям, которые можно добыть в дореволюционных справочных изданиях, Волконские упрямо добивались признания очень древнего и знатного происхождения своего рода, но кто-то им в этом постоянно противодействовал, так что полемика продолжалась до самого 1917-го года. Возможно, она продолжалась и позже, но уже в заграничных изданиях. Сами Волконские настаивали, что их род происходит от святого князя Михаила Всеволодовича Черниговского, убитого в Орде в 1246 году. Его младший сын Юрий получил в удел Тарусу, а правнуки последнего, Константин, Иван и Федор, переселились в Алексинский уезд, где приобрели вотчины на берегах реки Волок ни, от имени которой и стали называться князьями Волконскими[3]. От святого Михаила Черниговского ведут свое происхождение и другие славные русские фамилии: Одоевские, Воротынские, Кольцовы-Масальские, Барятинские, — и Волконские в свое время потратили немало сил и средств, чтобы доказать документально родство с ними, но, похоже, это им окончательно так и не удалось. Поэтому в различных родословных их происхождение трактуется по-разному[4].

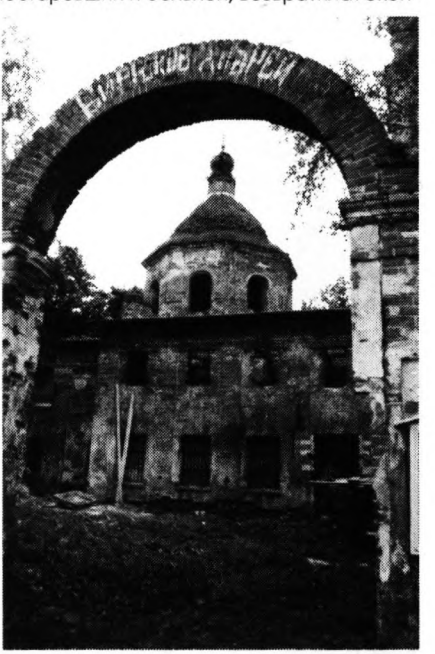
Известно, что существовали три главные ветви князей Волконских, среди которых многие известные служилые люди — бояре, воеводы, окольничьи, стольники — часто имели необычные прозвища, такие, например, как Петр-Верига, или Андрей-Бык, или Иван-Лось. Старшая ветвь прославилась князем фельдмаршалом Петром Михайловичем, сделавшимся родоначальником светлейших князей Волконских. Другая ветвь — генерал-аншефом Михаилом Никитичем Волконским. С этими Волконскими — дальними родственниками — пересекались судьбы наших героев, происхождение которых проследим от князя Михаила Федоровича Волконского, который в чине стряпчего был в числе подписавших грамоту об избрании на царство Михаила Федоровича Романова, а внук его — Михаил Андреевич — был окольничьим у Петра Великого и умер в 1709 году. Сын Михаила Андреевича — Федор — 24 декабря 1692 года был пожалован в комнатные стольники, в 1696 году участвовал в Азовском походе, 16 января 1727 года пожалован в окольничьи, а уже 28 января того же года назначен рекетмейстером. Суть этих придворных обязанностей не столь важна для нашего изложения, важно, что новые назначения в любые времена обычно совпадали по времени с какими-либо переменами в жизни собственно правящей династии.

Князь Федор Михайлович умер 29 июля 1747 года. Первым браком он был женат на Екатерине Матвеевне Еропкиной, вторым — на княжне А.А. Солнцевой-Засекиной. Старший из шести его сыновей — Семен (именно его имя мы впервые прочли на Троицкой колокольне) — родился 10 мая 1703 года, т.е. еще при жизни своего деда. Семен поступил на службу 17 мая 1716 года в Морскую Академию в Санкт-Петербурге, откуда 27 июля 1721 года был выпущен во флот гардемарином. О Морской Академии скажем подробнее. Созданная Петром Великим в 1716 году, она просуществовала в различных обличиях и существует до сих пор. Учились в ней многие славные юноши, позже отличившиеся и на суше, и на море, и в воинских делах, и на гражданском поприще. Но тот выпуск 1721 года был первым выпуском Академии, что невольно вызывает ассоциации с первым выпуском Царскосельского лицея. Своего Пушкина среди первых выпускников Академии не было, но ряд известных людей из них нам удалось разыскать.

По-видимому, самым старшим из выпуска был Александр Борисович Бутурлин (1694-1767) — будущий фельдмаршал. Этот чин и графское достоинство он приобрел много позже, по окончании Семилетней войны. Бутурлин был помещен в Академию из солдат гвардии, где, как говорится в одной из его биографий, «получил довольно обширные сведения по морскому делу, изучил иностранные языки и фехтование»[5]. По выходе из Академии Бутурлин был замечен Петром Великим, взят им в денщики и пользовался особым расположением и доверием императора, который часто поручал ему выполнение таинственных «секретных поручений».

Погодком князя Семена Федоровича был другой знаменитый выпускник Академии — Алексей Ильич Чириков, происходивший из скромного дворянского рода. В 1715 году он был определен в Математико-навигационную школу в Москве, а в 1716 году — переведен в Санкт-Петербург. Чириков настолько успешно закончил Академию (видимо, первым), что через чин мичмана был произведен в унтер-лейтенанты и оставлен в Академии преподавателем. Дальнейшая судьба Алексея Чирикова такова: в 1724 году его кандидатура была выбрана Петром для посылки в Первую Камчатскую экспедицию под начальством Витуса Беринга. Участники экспедиции выехали из Петербурга в начале 1725 года, и затем были долгие годы изнурительных и опасных плаваний и путешествий, завершившихся блестящими географическими открытиями. В 1740-х годах Алексей Чириков, уже постаревший и больной, возвратился окончательно в Россию, чтобы провести остаток дней в своем имении, а со своими однокашниками по Академии, делавшими в то время громкие карьеры, видимо, уже не встречался.[6]

Восемнадцатилетний гардемарин князь Семен Волконский начал служить в Санкт-Петербурге и уже в следующем году участвовал в Персидском походе русской армии в составе Низового корпуса. Низовым корпусом называлось то войско, которое двигалось в Персию вниз по Волге. Персидский поход был начат Петром Великим в 1722 году, т.е. уже на следующий год после окончания Северной войны, завершившейся Ништадским миром, по которому Швеция уступила России выход к Балтике. Дела на южных границах империи заботили Петра настолько, что в походе принял участие он сам вместе с женой Мартой Скавронской, позже коронованной как Императрица Екатерина Алексеевна. Конницу Петр отправил в Персию сухим путем под начальством генерал-майора



Церковь Св. Троицы в Троицком-Лобанове. Вид через арку церковной ограды. Фото М.В. Нащокиной. 2001.

Кропотова. Вместе с конницей были отправлены три корпуса Донских и Малороссийских казаков и татар. Флот, состоявший из 274 судов, выступил в море из Астрахани 17 июля 1722 года под начальством генерал-адмирала Апраксина. За один год Персидскую кампанию завершить не удалось. Кроме военных проблем, пришлось решать множество проблем дипломатических. В конце 1722 года Петр вернулся в столицу, и о военных действиях лета 1723 года судил уже по рапортам своих адмиралов[7].

Флотилия кораблей под командованием генерал-майора Матюшкина прибыла в Бакинскую бухту 6 июля 1723 года и стала на якорь. На одном из кораблей флотилии был и наш гардемарин Семен Волконский. Матюшкин имел с собой письмо персидского посла Исмаил-бека к султану города Баку, в котором посол старался склонить султана к сдаче крепости. Письмо это было отправлено в город с майором Нечаевым, но того дальше берега не пустили. Матюшкин приказал атаковать Бакинскую крепость. Первым вышел десант из четырех батальонов под командованием полковников Астафьева и Безобразова. Артиллерии майор Гербер получил приказ держать в готовности два бомбардирских гекбота и еще пять других, на которых были установлены 18-фунтовые медные пушки. С началом высадки десанта из крепости вышел конный отряд. Майор Гербер открыл скорую стрельбу — конница скрылась. Боты подошли к крепости, встали полукругом и начали обстрел. От третьей бомбы, «пущенной искусством штык-юнкера Чиркова, учинился в крепости пожар». Всего в город в этот день было брошено 94 бомбы. Приступ продолжался 4 дня, и 26 июля крепость Баку сдалась[8]. По взятии Баку Матюшкин, который был за эту операцию «пожалован генерал-поручиком», и генерал-майор князь Трубецкой отплыли обратно в Астрахань, оставив в Баку гарнизон под командованием бригадира князя Барятинского. Вот

Церковь Св. Троицы в Троицком-Лобанове с колокольней и башней церковной ограды. Фото автора. 2002.

таково было первое сражение, в котором получил боевое крещение наш герой-гардемарин, до конца жизни уже не изменивший военной службе.

В 1727 году князь Семен Волконский был назначен флигель-адъютантом к адмиралу Петру Бредерю (адмирал русского флота, был принят на службу Петром I в 1703 году), а в 1730 году — «пожалован в поручики Кавалергардского полка». История создания Кавалергардского корпуса подробно описана в Записках Василия Александровича Нащокина. Началась эта история в мае 1724 года, когда Петр Великий «изволил короновать Екатерину Алексеевну» в Москве. При коронации были выбраны из армейских и гвардейских полков обер-офицеры — лучшие люди, самые высокорослые и видные — числом 60 человек, которые составили конный отряд в богатых мундирах. Так сказать, гвардия в гвардии. Кавалергарды тогда состояли всего из одной конной роты. «Парадный их мундир был сшит из тонкого зеленого сукна, а камзол и нижнее платье — из красного сукна. Кафтан был выложен золотыми галунами. На груди и плечах — вышитые золотом Императорские гербы; через плечи — красные бархатные перевязи, обложенные золотым галуном; лядунки (поди теперь узнай, что это?) — также из красного бархата, на котором вышито золотом имя Императора под короной; портупеи — бархатные с галунами. Все пряжки и погоны были вызолочены, ремни на карабинах и плащах — обшиты тем же бархатом с галунами, эфесы — вызолочены, грифы — серебряные, шляпы — с широким галуном и перьями, сапоги — лакированные с вызолоченными шпорами. Лошади — рослые вороные, чепраки и чушки — красные суконные...»[9] Той первой Кавалергардской ротой командовал — в звании капитана — генерал-поручик Ягужинский. Офицерами были: поручиком — генерал-майор Дмитриев-Мамонов, подпоручиком — бригадир Леонтьев, прапорщиком — полковник князь Мещерский.

Немедленно после коронации Екатерины кавалергарды были распущены по своим полкам, но с восшествием Екатерины I на престол был составлен уже Кавалергардский корпус, который просуществовал до времен Анны Иоановны, учредившей в 1731 году взамен кавалергардов полк Конной гвардии. Дальнейшая краткая история кавалергардов в России такова. Екатерина II возобновила Корпус, составив его, как и прежде, из 60 обер-офицеров. По вступлении на престол Павла I Корпус был расширен до Кавалергардского полка, составленного из одних дворян числом до 800 человек, которые, однако, уже не имели преимущества прежних рядовых кавалергардов, т.е. старших офицерских чинов. Парадная одежда их состояла из серебристых лат и шишаков, подобно старинным рыцарям. Полк этот был распущен в 1798 году, а уже в следующем году Павел I учредил Кавалергардский корпус, назвав его Гвардией Великого магистра ордена Святого Иоанна Иерусалимского. В 1800 году из этого Корпуса был составлен Кавалергардский полк, просуществовавший до 1917 года. В этом полку уже придется служить внукам князя Семена Волконского и участвовать в его составе в Наполеоновских войнах.

Вспомните знаменитую белую бескозырку Михаила Илларионовича Кутузова, которую он носил на всех своих должностях. Это — часть кавалергардской формы, с которой Кутузов так и не расстался, отдавая таким образом дань памяти годам своей военной молодости. Последние годы Кавалергардского полка описаны в известных воспоминаниях графа Игнатьева[10], из которых запала у меня в памяти одна деталь — кавалергардам запрещено было занимать места в театрах далее седьмого ряда партера.

С роспуском Кавалергардского корпуса 1731 году князь Семен Волконский был «пожалован в капитаны и определен в первосочиненный кирасирский полк».

История создания кирасирских полков в русской армии связана с именем будущего фельдмаршала графа Миниха, также как связаны с этим именем и другие нововведения — основание кадетского корпуса и формирование инженерных войск. До 1731 года единственной регулярной кавалерией в русской армии были драгуны. Мысль заковать их в прочные кирасы и вооружить более мощным оружием занимала еще Петра, но была сдержана отсутствием достаточного количества крепких выносливых лошадей. Стараниями Меньшикова, Левенвольда и Волынского на конных заводах России такие лошади были разведены довольно скоро и вот указом Анны Иоановны было повелено переформировать в кирасиры три драгунских полка — Выборгский, Невский и Ярославский. Переформирование Выборгского полка было поручено самому Миниху, назначенному в него полковником; полку этому велено было «именоваться вовеки Миниховскими кирасирами»[11]. Первых лошадей для кирасиров пришлось закупать в Голштейнском герцогстве, и для того, чтобы привести эту кавалерию в порядок и устроить на прусский лад, король прусский прислал многих офицеров и унтер-офицеров. А взаимен он получил 80 рослых русских солдат, из которых составил собственный корпус лейб-гренадер[12]. Таковы были «игры в солдатики» в ту пору.

Служба в кирасирских полках князя Семена Волконского продолжалась с перерывами до самой его отставки в 1762 году, т.е. с лишком 30 лет. За эти годы он участвовал во всех крупных кампаниях, которые вела Россия в середине XVIII столетия. В 1734 году князь Семен был в походе в Курляндии и Польше, в 1742 году участвовал в Финляндском походе, имея под своим командованием все кирасирские полки, с началом войны с Пруссией в 1756 году он участвовал в ней сначала в должности генерал-квартирмейстера, а на последней стадии — в 1760-1761 годах — командовал всеми шестью кирасирскими полками, входящими тогда в состав русской армии. Вот краткий послужной список князя Семена Федоровича Волконского в кампаниях 1757-1761 годов[13].

По плану зимней кампании 1757-1758 гг. предполагалось, что Рижской коммуникационной линией на участке Мемель-Кенигсберг будет заведовать князь Волконский. 26 января 1758 г. он прибыл в Кенигсберг, 19 февраля — был назначен Кенигсбергским губернатором, а в марте или апреле — отозван в Петербург. В конце 1759 года главнокомандующий русскими войсками Салтыков выделил кавалерию в особую часть. Командующим кирасирскими полками был назначен князь Семен Волконский. В сведениях о количестве людей в кирасирских, драгунских и пехотных полках русской армии, участвующих в заграничном походе, есть такая справка: «Кирасиры. Полковник, подполковник, премьер-майор, секунд-майор. Унтеры — 37. Ротные офицеры — 26. Кирасир — 690. Итого — 973 чина. Лошадей — 830»[14]. Лошадей почему-то меньше, чем чинов!

3 мая 1760 года Семен Волконский выступил в Диршау вместе с полками: Лейб-Регментом, Регментом Государя Наследника и Третьим кирасирским. Вот воспоминания очевидца: «Я так живо помню вступление русских, как будто сейчас глядел на них из окна. Я сладко спал, уставши с дороги; вдруг страшный шум и крики испуга на улицах разбудили меня. Бегу к окну узнать причину этой суматохи. Несколько

Церковь Св. Троицы в Троицком-Лобанове. Вид с поля.
Фото М.В. Нащокиной. 2001.

тысяч казаков и калмыков с длинными бородами, суровым взглядом, невиданным вооружением — луками, стрелами, пиками — проходили по улице. Вид их был страшен и вместе с тем величественен. Они тихо и в порядке прошли город и разместились по деревням, где еще прежде отведены им были квартиры»[15].

14 июня Семен Волконский со своим отрядом двинулся на Штаргард, куда с остальными кирасирскими полками прибыл генерал Гаугребен. Все шесть полков под командой Волконского выступили в Кеницу и 4 июля пришли в Познань. 8 сентября кирасиры стояли лагерем у замка Каролат на Одере, откуда по общему соглашению главнокомандующих русских и австрийских войск решено было идти на Берлин. 27 сентября Лейб-Регимент и Киевский кирасирский полк были в числе изрубивших и рассеявших прусский авангард и пехоту Клейста, причем взято было пленными 1000 человек, два орудия и обоз. На другой день — 28 сентября 1760 года — был взят Берлин[16].

В 1761 году кирасиры стояли лагерем при Мюнстервальде, где тогда находилась главная квартира русской армии[17]. После смотра 18 мая, где все кирасирские полки были «не только в добром состоянии, но и во всякой исправности найдены», кирасиры выступили в Нейберг, где простояли до половины сентября. Тем временем новый главнокомандующий граф Румянцев деятельно принялся за осаду крепости Кольберг, на помощь которой спешили отряды принца Виртембергского. Для прекращения сообщения между ними и осажденными были посланы Берг с легкой кавалерией и Волконский с кирасирами. Близ деревушки Бельц на Гольвенауской дороге завязалось дело: Берг разбил Вернера и взял его в плен. Услышав выстрелы, князь Семен поспешил на помощь Бергу, но, не доскакав трех верст до поля боя, узнал, что сражение окончено.

Когда прусский король Фридрих II двинул свои войска к Калишу для разрушения русских складов, Волконскому было приказано идти с кирасирами к Польвину, а потом — в Нету, откуда — 6 ноября — поручено ему было «делать диверсию к Калишу». Разогнав мелкие конные неприятельские отряды, кирасиры князя Семена 19 ноября вернулись в

Нету. В тот же день Румянцев разбил войска принца Виртембергского, и, после сдачи Кенигсберга, войска зазимовали в Померании. Между тем на российский престол вступил Петр III. Военные действия были остановлены, начались переговоры, которые закончились Неймарским перемирием, подписанным со стороны России дальним родственником князя Семена — князем Михаилом Никитичем Волконским[18]. По возвращении в Россию в 1762 году князь Волконский «пожалован был в генерал-аншефы с увольнением со службы». Однако, его послужной список продолжается назначением членом Государственного совета (18 мая 1762 года), членом военной комиссии для рассмотрения артиллерийских штатов (12 июля 1762 года), т.е. уже по восшествии на престол Екатерины II)и членом Военной коллегии (22 сентября 1762 года). Увольнение князя Семена «от всякой военной и гражданской службы» состоялось 23 мая 1762 года.

Увлекшись послужным списком князя Семена Волконского, мы оставили в стороне его семейные дела, которые, собственно и привели его к владению селом Троицким. Село Троицкое-Лобаново было отдано в приданое за княжной Прасковьей Михайловной Лобановой-Ростовской, вышедшей замуж за князя Семена приблизительно в 1730 году. У них было две дочери — Мария и Александра. Позже, видимо, Прасковья Михайловна скончалась. Второй женой князя Семена стала княжна Софья Семеновна Мещерская, родившая ему четырех дочерей — Анну, Анастасию, Екатерину и Софью — и единственного сына — Григория.

Последние пять лет прожил князь Волконский в своих имениях: подмосковных — Троицком и Щапове, и ярославском — в селе Новоникольском Мышкинского уезда. К этим годам относятся и строительство новой церкви в Щапово, и строительство белокаменной колокольни в Троицком, и находка старинного шведского колокола на дне заросшего пруда. Князь Семен Федорович умер в 4-м часу пополудни 4 мая 1768 года. Тело его, сначала погребенное в Московском Греческом монастыре, впоследствие было перевезено в село Новоникольское и погребено в церкви, сооруженной вдовой его и единственным сыном и освященной 10 мая 1776 года. В этой же церкви лежит тело младшей дочери князя Семена — княжны Софьи, которая умерла через год после смерти отца «от падения с лошади». Село Новоникольское после смерти Григория Семеновича Волконского перешло к среднему его сыну — князю Никите, а затем — к единственному сыну последнего — князю Александру Никитовичу, умершему в 1871 году и не оставившему потомства. Жена князя Семена — княгиня Софья — скончалась 7 апреля 1777 года и похоронена в Московском Донском монастыре.

Прежде чем перейти в нашем рассказе к детям Семена Федоровича, унаследовавших его имения Троицкое и Щапово, скажем несколько слов о его брате Сергее и семье последнего. Сергей Федорович Волконский, третий сын князя Федора Михайловича, участвовал, как и его брат, в Семилетней войне в чине генерал-майора. Во время похода жене его, Марье Дмитриевне, урожденной Чаадаевой, приснилось, что какой-то голос повелевает ей написать небольшую икону: в одной стороны — Живоносного Источника, а с другой — Николая Чудотворца, — и послать мужу. Для этого Марья Дмитриевна выбрала дощечку, приказала написать и через фельдмаршала Апраксина доставила князю Сергею. В тот же день случилось быть кавалерийскому делу, неприятельская пуля попала князю в грудь, но ударила в икону, не причинив ему вреда. Этот образ хранился позже у младшего сына — Николая Сергеевича, генерала от инфантерии, человека, очень близ-

кого Екатерине II. Скончался князь Николай Сергеевич в 1821 году в имении, где безвыездно прожил последние годы жизни. Единственная дочь его — Мария — родилась в 1790 году, скончалась в 1830 году, была замужем за графом Николаем Ильичом Толстым и была матерью нашего великого писателя.

Узнали старика Болконского? Странно только, что эпизод с разбитым пулей образом не попал на страницы «Войны и мира». Странно потому, что многие другие детали биографий князей Волконских прочно вошли в историю русской литературы. Например, князь Андрей Болконский попадает в поразительно одинаковые ситуации со старшим внуком князя Семена — Николаем Григорьевичем, за исключением того, что судьба помиловала последнего под Бородином. Отметим также, что первым, к кому отправился с визитом Лев Николаевич Толстой, задумав писать роман «Декабристы», был его троюродный дядя, младший внук князя Семена — Сергей Григорьевич, вернувшийся тогда из Сибири. А уж он-то хорошо знал историю своей семьи. Но здесь мы поторопились и перепрыгнули через целое поколение Волконских. Вернемся в Троицкое-Лобаново 1760-х годов, когда князь Семен жил здесь на покое, и по его приказу строилась четырехъярусная белокаменная колокольня.

Дочери князя Семена оставили небольшой след в мемуарах своих современников. Старшая, Мария Семеновна (1731-1796), была замужем за генерал-поручиком Александром Васильевичем Римским-Корсаковым. В «Рассказах бабушки» Елизаветы Петровны Яньковой упоминается, что «...дом Марьи Семеновны был за Москвой-рекой. Марья Семеновна имела двух дочерей — Екатерину Александровну, за Архаровым, и Елизавету Александровну, за камергером Александром Ильичом Ржевским, и сына Николая. Марья Семеновна имела хорошее состояние, будучи и сама не бедна, и богата по свое-

Главный усадебный дом (?) в усадьбе Троицкое-Лобаново. Фото автора. 2002.

му мужу, но уж очень расчетлива. Всех ее московских знакомых поражала такая ее странность, что не любила она дома обедать и каждый день, кроме субботы, кушала в гостях. С вечера Марья Семеновна призывала своего выездного лакея и велела наутро сходить в три-четыре знакомых дома и узнать, кто кушает дома сегодня и завтра, и ежели кушают дома, то узнать от нее о здоровье и сказать, что она собирается приехать откушать. Вот и отправится с обеими дочерьми. Тогда блюда выставлялись все на стол. Как ей понравится какое-нибудь блюдо, холодное какое-нибудь или один из соусов, или жаркое, она и скажет хозяйке: «Как это блюдо, должно быть, вкусно, позвольте мне его взять, — и, обращаясь к своему лакею, стоявшему за ее столом, говорит: — Возьми такое-то блюдо и отнеси его в нашу карету». Все знали, что она имеет эту странность, и так как она была почтенная и знатная старушка, то многие сами предлагали выбрать какое угодно блюдо. Так она собирает целую неделю, а в субботу зовет обедать к себе и потчует вас вашим же блюдом. Многие, впрочем, и смеялись над ней, и кто-то пересказал нам, — продолжает Янькова, — что Корсакова Марья Семеновна увезла откуда-то поросенка. Вот, вскоре того, тетушка пожаловала к нам кушать, а я и говорю меньшой ее дочери:

- Скажи, пожалуйста, сестра Елизавета, где это на днях вы, сказывают, обедали и стянули жареного поросенка?

А она мне и отвечает:

- Вот какие бывают злые языки! Никогда мы поросенка ниоткуда не возили, а привезли на днях жареную индюшку. Вот видишь ли, так не поросенка же!

Екатерина Александровна Архарова была величественна и умела себя держать в людях как следует. Последнее время своей жизни она провела в Петербурге и Павловске и была посещаема покойным императором Александром Павловичем, который очень к ней благоволил. Она была кавалерственной да-

Главный усадебный дом (?) в усадьбе Троицкое-Лобаново. Фото М.В. Нащокиной. 2001.

мой, а дочь ее Александра — фрейлиной. Младшая сестра ее, Елизавета Александровна Ржевская, ходила на костыле, потому что на ноге у нее недоставало полступни, и та была обращена в противоположную сторону.

Брат их Николай Александрович был очень скуп, необыкновенно сластолюбив и чревоугодлив, так что ему зачастую случалось раза по два завтракать, дважды обедать и, кроме вечернего чая и разных лакомств, плотно ужинать. Когда он скончался (в 1833 году) — заканчивает свой рассказ Янькова — сестра его Елизавета, находившаяся в его доме за две комнаты от той, где он лежал, узнав, что он скончался, была так этим поражена, что, забыв взять свой костыль, прошла совершенно одна через две комнаты, как будто бы имела обе ноги здоровые. Это объясняли тогда врачи нервным усиленным напряжением, и это был единственный случай в ее жизни, чтобы она прошла без костыля»[19]. Добавим еще одну небольшую деталь к образу Марии Семеновне Волконской. Ее муж, Александр Васильевич Римский-Корсаков, командовал полком в Шлиссельбурге в то самое время, когда произошла известная история с Мировичем, составившего заговор в пользу Иоанна Антоновича.

Вторая дочь князя Семена, Александра (1733-1793), была замужем за бригадиром Федором Ивановичем Дмитриевым-Мамоновым. Эта фамилия нам уже встречалась, когда мы обращались к первым русским кавалергардам. Третья дочь, Анна (1737-1812), была замужем за статским советником Николаем Яковлевичем Олениным. Сын их, Алексей Николаевич — археолог, историк, директор Публичной библиотеки, президент Академии художеств в Санкт-Петербурге. Вспомните: «...глаза Олениной моей». Вот и до Пушкина добрались. А как же иначе, ведь эпоха-то Пушкинская! И далее Александр Сергеевич появится не раз в нашем рассказе. Четвертая дочь, Анастасия (1739-1776), была замужем за бригадиром Андреем Ивановичем Хрущовым. Пятая, Екатерина (1743-1818) — за Петром Леонтьевичем Ермоловым. Шестая, Софья, как мы упоминали, трагически умерла в девичестве.

Внучка Анны Семеновны, Анна Алексеевна Андро, рассказывала Варваре Николаевне Репниной, что «как-то раз, рассердившись на сына, Анна Семеновна сняла с ноги туфлю и принялась хлестать его по щекам. Алексей неподвижно переносил это, как вдруг она закричала: «Люди, люди!» Слуги сбежались, и рассерженная мать велела им бить сына. Тогда Алексей, скрестя руки на грудь, произнес: «От вас, матушка, я должен все переносить, но если один из них только пальцем меня тронет, то беда ему!» И у матери, и у слуг ее опустились руки, и так это дело и кончилось»[20].

Гордостью князя Семена и его единственным мужским наследником был князь Григорий Волконский, которому впоследствии и перешли подмосковные владения его отца. Григорий родился 25 января 1742 года. В детстве воспитывался в доме барона Н.Г. Строганова. Одиннадцати лет поступил учеником в Академическую гимназию. Учеба продолжалась недолго, уже в 1754 году князь Григорий числился на службе коллегии юнкером. Карьера развивалась быстро: участие в военных действиях против польских конфедератов (под начальством А.В. Суворова), против турок, награды за отличия в сражениях, тридцати одного года Григорий был произведен в генерал-майоры, словом, судьба славного екатерининского офицера.

В 1980 г. было опубликовано обстоятельное исследование по определению персонажа одного из портретов кисти художника Ф.С. Рокотова[21]. Портрет этот хранится в Го-

сударственном Русском музее в Петербурге. На портрете изображен Г.С. Волконский в мундире генерал-поручика российской армейской пехоты времен Екатерины II, с орденами Анны и Георгия Победоносца 4-й степени. Этот портрет попал в Русский музей из села Яготина Пирятинского уезда Полтавской губернии из семьи старшего сына князя Григория, Николая, женатого на Варваре Алексеевне Разумовской. Известны и другие портреты Григория Семеновича, хранящиеся в Тульском художественном музее, в Киевском музее русского искусства и в Псковском историко-художественном музее.

Князь Григорий служил под начальством таких известных воинов, как Петр Румянцев, Александр Суворов и Николай Репнин. В записках Л.Н. Энгельгардта[22] подробно описана Мачинская баталия, последнее крупное сражение русско-турецкой войны 1787-1791 годов, произошедшее 28 июня 1791 года в Северной Румынии. Стремясь не допустить перехода русских войск через Дунай, турки сосредоточили силы в районе Мачина. Главнокомандующий русской армии князь Николай Васильевич Репнин предупредил маневр противника и нанес удар по мачинской группировке. Корпусами в армии командовали генерал-поручики Г.С. Волконский, М.И. Кутузов и С.Ф. Голицын. Русские войска одержали полную победу. В Мачинской баталии князь Григорий был тяжело ранен холодным оружием в голову. Последствия этой раны сказались на его дальнейшей карьере. Военную службу пришлось оставить.

В 1803 году Григорий Волконский был назначен Оренбургским генерал-губернатором. Губернаторство Волконского было столь яркой страницей истории Оренбургского края, что редкий мемуарист не упоминал о странностях и чудачествах человека, столь напоминавшего своим поведением и обликом Александра Васильевича Суворова, который, кстати, Волконского крепко любил и называл не иначе, как «неутомимый», «незаменимый», «трудолюбивый», и на этом основании не раз отказывал подчиненному в отпуске. Отличаясь множеством странных привычек, Суворов позволял Волконскому то, что не терпел от других, например, нюхать табак из собственной табакерки. А.М. Тургенев, служивший адъютантом при князе Григории как шефе Екатеринославского кирасирского полка в 1797 году, рассказывает в своих записках, что «Волконский был человек вспыльчивый, бешенный, надменный и бестолковый. Нельзя сказать о нем, что он был дурак, а суждение его во всем, обо всем было странное, уродливое. К несчастию Екатеринославского полка, князь хотел подражать Суворову, который написал Павлу I в ответ: «букли — не пушки, косы — не штыки». Князь Волконский не носил косы и букли и прогневил ослушанием Государя»[23].

В дневнике уфимского чиновника М.С. Ребелинского за 31 июля 1804 года записан следующий рассказ, дошедший до него, вероятно, с чужих слов и с преувеличенными подробностями, а может быть, как пишет другой биограф князя Волконского и комментатор этого текста, и вовсе «в искаженном виде, так как в рассказе нельзя не заметить явных несообразностей»: «Пишут из Оренбурга следующее. Ежели сведает Духовный Синод о чудесах военного губернатора, князя Гр.Волконского, то велит уместить его в число святых в Четь-Минеи. Он ходит всегда в худом рубище, в изодранных сапогах, желтые портки и белая байковая фуфайка, оберченная черной тряпицей голова, или носит худой кожаный картуз; иногда в таком странном виде надевает и ордена. В полдни за городом ложится в навозные кучи спать, а ночью ночлег имеет на валу и всегда сопровождаем бывает мужиками, ребятами и нищими, из коих иным дает деньги, а иным, поднимая с земли, — каменья; нередко вы-

нимает из кармана образ и при собрании всей толпы, ходя, начинает молиться. По ночам иногда приходит в церковь, посылает за плац-майором, комендантом и дежурным и священником, потом заставляет служить молебен и по окончании отпускает их обратно. В церковь, во время обедни, нередко приносит свою ризницу и образа, а потом опять уносит. Но, при всей своей таковой набожности, превеликий охотник до кумысу и волочится за женщинами, хотя с лишком 70 ему уже лет. Что же принадлежит до исправления возложенных на него должностей, то, судя по описанному его характеру, сам всякий угадать может, сколь должен быть он деятелен. Вот нынешних времен патриоты отечества»[24].

Но вопреки ожиданиям и к удивлению многих, меры, принятые «полоумным чудаком» к управлению краем, оказались довольно разумными. В 1805 году князь Григорий усмирил в Уральске бунтовавших казаков. Для этого было специально создано Башкирское войско, получившее знамя и грамоту от Императора Александра I и просуществовавшее до 1836 года. В 1813 году князь Волконский снарядил ученую экспедицию в киргизские степи, которая открыла залежи свинцовой руды. По инициативе князя в Оренбурге был учрежден Неплюевский кадетский корпус.

Странный и причудливый образ жизни губернатора, конечно, был известен и в Петербурге, но когда его вызвали туда, Волконский прямо отвечал, что не поедет, потому что тотчас же по приезде умрет в тамошнем климате. Князь Волконский, бывший стариком даже по сегодняшним понятиям, жил зимой в нетопленных комнатах. Ординарцы и вестовые его ходили в одних мундирах. Николай Иванович Ситников, бывший в ту пору казачьим урядником, позже рассказывал оренбургскому мемуаристу Ивану Васильевичу Чернову, что «как-то он, не стерпев холода, снял ночью княжескую епанчу, накрылся и крепко заснул. Приходит князь, видит, что епанча с орденской звездою на уряднике, разбудил его и сказал: «Повесь, откуда взял, и впредь не смей этого делать, Видишь, я старик, а холод переношу, а ты молодой мерзнешь»[25].

В длинные месяцы одиночества в Оренбурге князь Григорий развлекал себя не только литературой, но и музыкой: поручал детям своим присылать ему ноты старинных итальянских композиторов и знакомил оренбургских обывателей с произведениями Марчелло, Перголези, Страделла и других. Проводить свои дни в оренбургском губернаторстве князю Григорию пришлось одному. Женат он был на дочери своего бывшего командира — Александре Николаевне Репниной, которая занимала при императорском дворе высокие должности статс-дамы и обер-гофмейстерины. Сыновья — Николай, Никита и Сергей — все это время служили в действующей армии, дочь Софья была также

Главный усадебный дом (?) в усадьбе Троицкое-Лобаново со стороны парадного двора. Фото М.В. Нащокиной. 2001.

при дворе, а позже вышла замуж за министра двора, светлейшего князя Петра Михайловича Волконского, так что даже фамилию не пришлось менять. Александра Николаевна как-то раз выбралась в Оренбург с сыновьями, и история сохранила память о блистательном празднике в честь ее приезда. Выставлены были бочки пива и вина, на ногах стояли жареные быки и бараны с золочеными рогами...

В воспоминаниях молодых фрейлин при дворе Николая Павловича сохранилось немало язвительных замечаний по адресу «старухи Волконской», имевшей прозвище «Тортунья». Александра Осиповна Смирнова-Россет так рассказывала об отъезде вдовствующей императрицы из Петербурга в Москву на коронацию Николая I в 1826 году: «...Итак, они отправились, императрица со своей княжной; у старухи Волконской беспрестанно был понос (я скажу, что она чрезвычайно мерзостная). Она говорила: «Позвольте, мадам», из заднего экипажа, где сидели камер-юнкеры, выносили трон, гайдуки из своих ног делали ширму и «тортунья» освобождалась, возвращалась в карету не без запаха. На козлах сидел ее постоянный кучер Чулков»[26]. Машенька Каменская, дочь художника и медальера Федора Петровича Толстого вспоминает Царское Село 1831 года, крестины великого князя Николая Николаевича: «...Почти 90-летняя старушка княгиня Волконская была в полном парадном костюме, в лифе декольте, с короткими рукавами, с бриллиантами на голове. Надо было видеть ее грудь, ее руки, ее трясущуюся голову, на которой бриллиантовые колосья ходили ходуном... Все это было так страшно, что даже жалко было смотреть на старушку, а вместе с тем и трогательно было видеть ее желание не отставать от двора, продолжать состоять на службе и быть полезной обожаемым царям своим до последнего вздоха»[27].

Сыновей своих князь Волконский обожал. Его письма из Оренбурга полны восторгов после каждого известия об участии кого-либо из сыновей в военных действиях против Бонапарта. Старший сын его, князь Николай Григорьевич, 2 декабря 1805 года был ранен под Аустерлицем пулей в голову и контужен в грудь. Французы подняли его с поля сражения и перенесли на перевязочный пункт. Узнав об этом, Бонапарт на другой же день велел принести его в свою ставку и тут же предложил из уважения к его храбрости освободить не только его, но и всех пленных офицеров, бывших по командой князя, с условием не воевать в течение двух лет. Николай Григорьевич, поблагодарив за такую честь, ответил, что «он присягнул служить своему Государю до последней капли крови и потому предложение принять не может»[28]. Позже Николай Волконский был освобожден, возвратился в Россию и в 1808 году в должности флигель-адъютанта совершил поездку к Бонапарту с важными бумагами от императора Александра Павловича[29].

По воспоминаниям дочери Николая Григорьевича, Варвары Николаевны Репниной, «однажды, возвращаясь домой с учения (чуть ли не был он уже полковником), на верхней ступени лестницы, по которой он поднимался, встретил он отца своего, князя Григория Семеновича. Тот в чем-то стал упрекать сына, и когда тот поравнялся в с ним, дал ему пощечину. Николай Григорьевич схватил карающую руку, поцеловал ее, опрометью побежал к себе в комнату и заперся на ключ. Сильно взволнованный, ходил он взад вперед по комнате; трудно было ему успокоиться при мысли, что он получил пощечину, хотя и от отца, но все же пощечину. Слышит он, стучится кто-то в дверь. Он понял, что это отец и — грешный человек — не отпирал двери. Наконец слышатся ему слова: «Николаша, твой

отец на пороге у тебя, на коленях», — тогда он кинулся к двери, отпер ее и также бросился на колени. Отец обнял его и сказал: «Я тебе уже не отец, но будем друзьями»[30].

Жилой флигель (?) в усадьбе Троицкое-Лобаново. Фото М.В. Нащокиной. 2001.

Самым любимым был младший сын, Сергей, позже старших братьев вступивший на военную службу, но переживший и 67 больших и малых сражений, в которых участвовал, и заговор, и Петропавловскую крепость, и Сибирь, и возвращение. Но это — позже, а пока во всех своих письмах князь Григорий спрашивал: «Ну что наш молодой герой?» В воспоминаниях Сергея Волконского, написанных уже в старости, есть трогательные строки, повествующие о поездке с братом Николаем к отцу в Оренбург: «...Это было зимой... Добрый наш старик принял нас с обычною его любовью к своим детям. Старый воин Екатерининского времени радовался нашим рассказах о тех кампаниях, в которых мы участвовали. Брат приобрел себе доброе имя блистательной его атакой с двумя кавалергардскими эскадронами в Аустерлице, хотя сам-девять с офицерами они и попали в плен, но все раненые. Я же рассказывал ему все, чему был свидетелем в войне 1806 и 1807 годов. Старик нас лелеял и радовался, глядя на нас»[31].

Есть свидетельства, что мальчиками сыновья князя Григория какое-то время жили в Троицом-Лобанове[32]. Близким соседом Волконских был Николай Иванович Новиков, усадьба которого — Авдотьино — располагалось в 4 км выше по реке Северке. В московских магазинах в 1791 году появилась небольшая книжечка, на титульном листе которой была надпись: «Солдатская песня. На баталию при Мачине. Напечатана в подарок любезным детям князя Григория Семеновича Волконского от любящего их искренне...», а дальше зашифрованным текстом шли выходные данные издания: «На закат красного солнышка. Перед зарею перед вечернею у Нетронь-Никто-Русака». Заглавные буквы слов «у Н.Н.»

Дальнейшие судьбы Волконских сложились так, что они уже никогда, видимо, не входили под своды четырехъярусной колокольни, построенной князем Семеном Федоровичем. Григорий Семенович по возвращении в Петербург в 1817 году был определен почетной должностью члена Государственного Совета и обсыпан всеми возможными орденами. Умер он в 1824 году в собственном доме на Мойке, в том самом, где через 13 лет закончит свои земные дни Александр Сергеевич Пушкин. Князь Николай Григорьевич, получивший по высочайшему указу фамилию Репнин, «дабы не пресекся род славных российских военных», получил после Отечественной войны 1812 года назначение Малороссийским генерал-губернатором. Его имя было связано со многими нововведениями в управлении Малороссии, в частности, именно он был одним из инициаторов выкупа Михаила Щепкина с семьей из крепостной зависимости и дал на это более половины требуемых средств[33]. Князь Никита Григорье-

вич женился на Зинаиде Александровне Белосельской-Белозерской, которая более известна в истории российской культуры как княгиня Зинаида Волконская, хозяйка блестящих литературных салонов в Москве, в Петербурге и Риме. Их единственный сын, Александр, почти всю жизнь провел за границей на дипломатической службе и умер бездетным. Судьба Сергея Григорьевича Волконского, его жены Марии Николаевны и детей известны каждому, кто сталкивался с историей российского XIX века. Софья Григорьевна Волконская еще появится на страницах нашего рассказа.

Их мать, княгиня Александра Николаевна, пережила своего мужа более, чем на 10 лет. Имея влияние на вдовствующую императрицу, она хлопотала о судьбе своего младшего сына. Сам Николай Павлович побаивался ее твердого характера. Узнав однажды, что по переселении осужденных заговорщиков из Читы в Петровский завод, невестка ее, Мария Николаевна, беременная оставлена одна на произвол случайностей и разлучена с мужем, старуха так возмутилась этой строгостью, что не вышла к столу царскому. Государь заметил ее отсутствие, спросил о причине неудовольствия княгини и, узнав, в ту же минуту отправил нарочного в Сибирь с приказанием оставить Волконского при больной жене. Фельдегерь сделал это путешествие в 16 суток, и бедная княгиня успокоилась.[34]

Но это была уже другая жизнь, и к нашему подмосковному уголку она не имела прямого отношения. Имение Троицкое после смерти князя Григория было передано в казну и в 1830-х годах «перешло, через покупку, от графа Бобринского к господину Азанчевскому».

Троицкая церковь в Троицом-Лобанове.
Фото автора (слева, М.В. Нащокиной (справа). 2001-2002.

2. Ближайшие окрестности

Из сел и деревень, близко расположенных к Троицкому-Лобанову, наиболее известно село Авдотьино-Тихвинское выше по реке Северке, с которым связана жизнь российского просветителя и издателя Николая Ивановича Новикова. Новиков родился в Авдотьине и провел детские годы там. В 1789 году (за месяц до взятия Бастилии) после 20-летней активной деятельности в столицах он отправился сюда на покой, здесь был арестован в 1792 году и сюда же возвратился после 4-х-летнего заключения в Шлиссельбуржской крепости, здесь провел свои последние годы и умер в 1818 году.

Я пытался читать письма Новикова его «масонским братьям»[35]. Они заполнены столь сложной символикой масонства, что, на первый взгляд, скучны и неинтересны. Выхватываются отдельные детали, так скажем, практического или биографического свойства. Ну, например, Новиков завел у себя суконную фабрику на 34 стана и в письмах хлопочет о сбыте продукции. Или, например, Николай Михайлович Карамзин перед переселением из Москвы в Петербург посетил его в Авдотьинском уединении, о чем, правда, ни слова не упомянул в своем «Путешествии вокруг Москвы»[36]. «Престарелый мартинист, — как пишет П. Бартенев, — предлагал ему посвятить его в круг таинственного учения, но Карамзин уклонился от этого»[37]. Осенью и зимой 1812 года, когда по окрестным Авдотьину лесам бродили голодные французские солдаты, Новиков за каждого приведенного к нему пленного платил своим крестьянам по рублю, кормил и лечил их, а потом представил их местной администрации, когда она начала возвращаться на свои посты после повального осеннего бегства.

В статистических справочниках конца прошлого века сохранились имена людей, которые учительствовали и служили в Авдотьине: законоучитель священник Михаил Степанович Смирнов и учитель Сергей Крюков. Внимательно читаются крохи информации о соседях Новикова: Ключаревы, Ладыженские, Бутурлины...

Авдотьинская церковь, сохранившаяся и ныне, была построена еще отцом Новикова в 1753 году и была обновлена сыновьями его в 1776 году. Стены церкви были украшены своеобразной живописью: сюжеты выбраны из Библии и приспособлены к мистическому настроению[38]. Новиков похоронен в этой церкви, рядом с церковью — могила его друга и масонского брата Семена Ивановича Гамалея. После смерти Новикова село Авдотьино было куплено «с публичного торга генерал-майором Петром Андреевичем Лопухиным, для исполнения воли его тетки, Елизаветы Федоровны Заборовской, завещавшей ему купить подмосковную усадьбу и устроить в ней богадельню и больницу». Вдова Лопухина, Марья Ивановна (урожд. Тепутьева), позже передала Авдотьино в собственность «Московского комитета для разбора и призрения просящих милостыни».

В справочнике К. Нистрема указано, что в 1852 году в Авдотьине числилось «140 душ мужского пола, 177 — женского, 1 церковь, 15 дворов». Село Троицкое-Лобаново в ту пору было побогаче: «298 душ мужского пола, 333 — женского, 1 церковь, 89 дворов, торг на день Живоначальной Троицы и еженедельно по воскресным дням»[39].

В тех же 1850-х годах Авдотьино посетил М. Лонгинов, известный тогда литератор и издатель, которого, по его собственным словам, «странным образом волновали деяния знаменитого русского масона». Вот его воспоминания: «...10 сентября, около 10 часов утра, я выехал из Бронниц по направлению к Коломне и у самого первого вестового

столба повернул направо на проселочную дорогу. На дороге проехал я через деревню Марьинку г. Фон-Визина, село Ломачево гг. Дубровских, село Заворово г-жи Талызиной, село Микулино разных владельцев, д. Агашкино гг. Анфорова и Одинцова и выселки князя Щербатова. ...Глазам моим открылись в лощине три села, которых церкви находятся в очень близком друг от друга расстоянии и представляют чрезвычайно живописный вид. Два села налево от меня были: Б. и М. Алексеевские, принадлежащие г-же Мальцевой и г. Ковалькову, и находящиеся уже в Коломенском уезде. Село направо было — Авдотьино»[40]. Лонгинов провел в Авдотьине целый день, разыскал людей, помнивших Новикова: управляющего села Лебедева, камердинера Новикова — Ивана Алексеева, крестьянина Никифора Захарова. Посетил богадельню и школу при ней, куда поступали крестьянские дети по достижении ими 10 лет — и где их обучали дьяк и фельдшер грамоте, письму и закону Божьему. К вечеру, «отведавши превосходных ершей, которыми славится река Северка», М. Лонгинов возвратился в Бронницы.

В наше время село Авдотьино прославилось находкой, вошедшей в историю российской археологии и антропологии. В июле 1947 года в Институт антропологии МГУ было сообщено о находке древней черепной крышки при строительстве Авдотьинской гидростанции. Место находки — левый берег р. Северки, в 59 км от ее устья. При обследовании, проведенном в конце июля того же года, оказалось, что место находки уже засыпано землей. Черепная крышка находилась у начальника стройки инженера П.П. Авхадеева. Он сообщил, что черепная крышка была выброшена рабочими при земляных работах с глубины 8 м от современной поверхности берега реки. Слой, в котором была найдена крышка, состоял из черной глины с песком. Результаты исследования показали, что «череп принадлежит сравнительно молодому субъекту мужского пола в возрасте 25-30 лет. Череп обладает переходным между современным и неандертальским человеком характером и относится к концу палеолетического времени, т.е. древнее, чем 3000-5000 лет»[41]. Для уточнения датировки черепа весной 1948 года была совершена в место находки поездка, в которой приняли участие геологи и археологи О.Н. Бедер, В.И. Громов, В.В. Ломакин, А.И. Москвитин, Е.В. Шанцер и др. Мнения разошлись: часть исследователей отнесли вмещающие породы к пойменным отложениям, тогда датировка — 3000-5000 лет, другие — к более древним породам.

Рядом с Авдотьиным находится деревня Малое Ивановское. Во времена Новикова и Семена Волконского деревня эта принадлежала Гончаровым. Здесь была небольшая усадьба. В начале 1860-х годов старший сын Пушкина, Александр Александрович, привез сюда из Петербурга бибилиотеку отца, которая с небольшими перерывами хранилась здесь до 1900 года, когда была приобретена Российской Академией наук и перешла во владение Пушкинского Дома. От имения сейчас не сохранилось следов: ни дома, ни служебных построек, ни парка. Но каков список владельцев Малого Ивановского на 1890 год! Стоит привести его здесь полностью: «Пушкиных: Надежды, Веры и Анны Александровны; Быковой Марии Александровны; Воронцовой-Вельяминовой Настасьи Александровны; Павловой Ольги Александровны; Пушкиных: Сергея, Григория и Александра Александровичей»[42]. Можно только позавидовать такому количеству внуков.

Рядом с Пушкинскими владениями — земли графов Гудовичей. В принадлежавшим им селе Никоновском сохранилась Петровская церковь, которая, по свидетельству храмоз-

данной доски, была выстроена в 1738 году владелицей села С.Д. Матюшкиной. Имела ли эта таинственная С.Д. какое-либо отношение к генерал-поручику Михаилу Матюшкину, штурмовавшему Бакинскую крепость и имевшего под своей командой гардемарина Семена Волконского, выяснить не удалось. Но наверное имела — уж больно часто переплетаются биографии различных владельцев земель в Северском ополье.

Ниже по Северке от Троицкого-Лобанова расположены села Марьинка и Покровское. Покровская церковь часто приводится в путеводителях по Подмосковью как один из немногих уцелевших образцов небольших храмов так называемого «годуновского круга»[43]. Церковь выстроена из кирпича в конце XVI века. В конце XVIII — начале XIX века здание церкви было сильно перестроено. Буквы на храмозданной доске стерлись и можно распознать лишь начало надписи: «...в 1843-1864 году июня... божию...». Церковь стоит посреди села, очень красиво расположена по отношению к обрывистому берегу реки Северки.

В одно из наших посещений Покровского к нам подошел местный житель, поинтересовался нашим фотографированием, но на расспросы о древних преданиях, связанных с храмом, ничего рассказать не смог, кроме неясной легенды, что, якобы, в этой церкви венчалась какая-то родственница императрицы Екатерины II (?). В записках Ник. Иванчина-Писарева информации побогаче. Сообщается, что село Покровское принадлежало когда-то князьям Волконским. Подробно описана и церковь: «Нельзя было не взглянуть на храм этого села и не войти в него: он древнейший; престол весь каменный, на горнем месте две ступени в два кирпича; входы, бывшие наружными, застроены трапезою: они древлее еще Спасо-Андронниковских в Москве, и так пятисотлетние. Заметим, что на путях в Коломну уже возвышались каменные храмы, тогда как в самой Москве были одни деревянные. Ступени на горнем месте показывают бывшую важность храма; это места стояния Первосвятителей, которые, слушая литургию, всегда стояли за престолом, против иерея. Дела церковные и государственные часто призывали в этот край наше высшее духовенство, и великие святители Иерархии могли посещать эти храмы. В них могли молиться, а иногда и литургисать: Святой Алексий, провожавший до берегов Оки юношу Донского, когда он ехал в Орду; Святой Сергий, шедший мирить его с Олегом Рязанским; Святой Киприан, ехавший из Киева на Метрополию; Святой Фотий, обозревавший церковные владения и расхищенные татарами храмы; Святой Иона, шествовавший из Рязани... ...От двух сел Троицких: Лобанова и Голочелова — до Покровского все поля уставлены множеством курганов. Местоположения самые побоищные: большие, но отлогие возвы-

Поляна в парке Троицкого-Лобанова. Фото М.В. Нащокиной. 2001.

шения, а между ими узкие и глубокие овраги. Никто не описал имен героев, сложивших головы свои под этими холмами: один или два келейные летописцы могли ли все узнать, исследить, описать в смутную и кровавую годину Лихолетья? Но Россия должна хранить от заступа и плуга эти священные насыпи».

От курганов, описанных Иванчиным-Писаревым, можно найти следы только при очень большом воображении — настолько здешние поля сейчас распаханы, а вот «узкие овраги» и «пологие возвышения» сохранились. На одном из таких возвышений, в густом лесу расположена одна из самых притягательных и таинственных подмосковных усадеб — усадьба Марьинка Бутурлина. Н. Иванчин-Писарев смакует легенду, связанную с происхождением названия усадьбы: «В старинном синодике Хлоповых поминается какая-то Мария: не несчастная ли это невеста царя Михаила Федоровича, жертва тогдашних царедворческих интриг? Для брака с царем она, уже названная царицей, была переименована в Анастасию: думаем, что с этим именем явится второй ангел на троне, — но вместо трона ее ожидала ссылка в Нижний Новгород, где она и умерла в доме, некогда принадлежавшем славному Кузьме Минину. Не она ли дала свое имя сельцу Марьинке и не в нем ли расцвела эта избранная красота, чтобы отцвесть вдали от родины и родных?»

Усадьба Марьинка как памятник псевдоготического зодчества XVIII века впервые была подробно описана М.А. Ильиным в одном из первых сборников Общества изучения русской усадьбы, когда этот известный исследователь памятников подмосковного зодчества был еще студентом и пользовался фотографиями своего отца, имевшего до 1917 года имение неподалеку. От Марьинки сегодня сохранился корпус конного двора с башнями, выложенными из красного кирпича и белого камня в готическом стиле. На фотографии 1902-1905 годов слева от конного двора — здание бывшего театра с башенками-минаретами по углам. Сейчас это здание сильно перестроено.

Ильиным и его последователями велись интенсивные разыскания об архитекторе, авторе проекта Марьинка[45]. Близость многих архитектурных форм усадьбы к известному ансамблю в Царицыне соблазняли исследователей предположить близость Василия Баженова к этому проекту. На архитектурные посылки накладывались особенность биографии Баженова, который был близок масонскому кругу Новикова и неподалеку имел собственную усадьбу Глазово (под Серпуховым). М.А. Ильин заключает: «Творчество как В.И. Баженова, так и М.Ф.Казакова насыщено элементами барокко, но последнее было понято обоими различно. Произведения М.Ф. Казакова, как бы барочны они не были, всегда настолько классицизировали сущность этих барочных моментов, что они получали совершенно иное выражение, связывающееся с некоторой холодностью и официальностью. В.И. Баженов же никогда не отличался этими чертами: истинно понятое барокко в его творениях ясно сквозит всюду. В псевдоготике эта разность обоих мастеров выступает еще резче... Усадьба приписывается, вероятно, кругу В.И. Баженова»[44].

Рядом с усадьбой — церковь Креста, выстроенная в 1748 году из белого камня. Еще в середине 1980-х годов шпиль колокольни этой церкви был виден издалека, но позже обветшал, накренился и был разобран. Богатая усадьба Марьинка была выстроена в 1780-х годах владельцем Дмитрием Ивановичем Бутурлиным (1703-1790). Разыскания о нем и его потомках привели нас к людям, долгое время находившихся резко «по другую сторону баррикад» в советской исторической литературе, и потому описываемых схематично и одиозно. Пользуясь той же терминологией, сохраним за

Большая поляна в парке Троицкого-Лобанова. Фото М.В. Нащокиной. 2001.

ними и на этих страницах стойкое поныне прозвание «николаевские служаки», а между тем, люди эти были самые что ни на есть российские с глубочайшими корнями в истории и немалыми заслугами в их прожитой жизни.

3. Николаевские служаки

Когда пишут о Бутурлиных из Марьинки, то почему-то часто называют их графами Бутурлиными. А между тем, это не так. Потомки графа Александра Борисовича Бутурлина считали остальных Бутурлиных даже не дальними родственниками, а просто однофамильцами, хотя, судя по родословным, это, конечно, слишком преувеличено. Итак, владельцем Марьинки, строителем псевдоготической усадьбы и церкви Креста был Дмитрий Иванович Бутурлин, родившийся в 1703 и скончавшийся в 1790 году. С князем Семеном Волконским (соседом после женитьбы последнего) они были погодками. В 1760-хх годах, когда князь Семен жил в Троицком-Лобанове, конечно же они знали друг друга. Дружили ли? Ладили? Трудно сказать, но, что достоверно известно, близко родственно не были связаны, т.е. ни детей, ни внуков своих не переженили.

Пытаясь отыскать в записках свидетелей XVIII века каких-либо сведений о Дмитрии Бутурлине, я просматривал в том числе и письма Ивана Ивановича Бутурлина — личности в петровские времена очень известной — и в его письме от 21 ноября 1711 года обнаружил приветствие, посланное Иваном двоюродному брату своему Дмитрию Ивановичу и... жене его, некой Акулине Петровне. Опять не то, так как нашему Дмитрию было еще тогда 8 лет и ни о какой Акулине Петровне он еще не ведал. Единственное, что удалось выяснить, что сын

Дмитрия звался Михаилом (годы жизни неизвестны), а внук — Петром Михайловичем Бутурлиным, про которого уже известно больше.

Родился Петр Бутурлин в 1763 году, умер в 1828 году. Был женат на Марье Алексеевне Шаховской. Имел с нею большую семью: пять дочерей и пять сыновей. Вряд ли он был городской житель, скорее так и жил в своей Марьинке, построенной дедом. Дочери Петра Михайловича были замужем за Высоцким, Дохтуровым, Зыбиным, Толстым и Майлевским. Сыновья, как на подбор, дослужились все до генеральских чинов. О них и речь.

Старший — Михаил Петрович (1786-1860), генерал-лейтенант, нижегородский генерал-губернатор с 1831 по 1843 год. Александр Сергеевич Пушкин совершил в 1833 году поездку в Оренбургский край. Первой его остановкой в этом путешествии был Нижний Новгород. Губернатор Бутурлин старался быть особенно любезным с петербургским гостем, присланным, по его мнению, с тайным поручением от правительства[46]. Еще в школьных хрестоматиях бытовал рассказ о том, что Пушкин подарил Гоголю сюжеты «Ревизора» и «Мертвых душ». Уж не в посещении ли Нижнего Новгорода таится начало истории Хлестакова? Впрочем, любезность нижегородского губернатора отмечалась и другими мемуаристами, в частности, известным маркизом Астольфом де Кюстином, посетившим Нижний Новгород в 1839 году[47]. Четыре года позже Михаил Дмитриевич Бутурлин, но уже граф, правнук фельдмаршала Александра Борисовича (бывшего петровского денщика, помните?) посетил Нижний Новгород и оставил об этом такие воспоминания: «Тамошний тогда военный губернатор, Михаил Петрович Бутурлин, оказал мне всякого рода внимание, хотя я вовсе не был с ним знаком: он первым приехал ко мне в гостиницу (вспомните опять «Ревизора»), в Кунавине, где я стоял, и пригласил меня обедать к себе, в Кремлевский дворец, где живут всегда тамошние губернаторы. Представил он меня жене своей, урожденной княжны Шаховской, весьма приветливой и достойной барыне, и как было получено известие, что его сын произведен в офицеры, то мы, за обедом, вспрыснули шампанским эполеты, хотя заочно, молодого гвардейца... Обязательный Михаил Петрович водил меня по всем замечательностям вновь исправленного Кремля и указал мне, между прочим, на одну обширную довольно башню, о коей он сказывал, что государь Николай, в одно из своих посещений Нижнего Новгорода, высказал ему свое желание отделать со временем в этой башне ряд комнат, чтобы «когда настанет пора отречься ему от престола, он мог бы там поселиться на покой, вдвоем со своею старухою», как он выразился»[48].

Поляна, окруженная валами с аллеями (возможно, спущенный пруд ?), в парке Троицкого-Лобанова. Фото М.В. Нащокиной. 2001.

Второй сын Петра Бутурлина — Дмитрий

(1790-1849), наиболее из них известный и получивший немало гневных, даже оскорбительных откликов своих современников. Восемнадцати лет Дмитрий Бутурлин поступил на службу в Ахтырский гусарский полк. Через два года был переведен в кавалергарды, а в начале 1812 года — зачислен в свиту Александра Павловича по квартирмейстерской части. За отличия в боях под Тарутиным, Малоярославцем и Вязьмой Бутурлин был произведен в поручики, награжден орденами и золотой шпагой с надписью «За храбрость». В декабре 1812 года Бутурлин был снова переведен в кавалергардский полк, в рядах которого совершил осеннюю кампанию 1813 года, участвовал в битве под Лейпцигом и за отличие в ней получил орден Анны 2-й степени. В 1814 году он участвовал в осаде Парижа, в битвах при Армсе и Фе-Шампенаузе и вместе со своим полком вернулся в Россию.

Мне довелось читать работу Дмитрия Бутурлина «Кутузов в 1812 году»[49], опубликованную после его смерти. Воспоминания о молодых годах службы в ней соседствуют с обстоятельным анализом взаимоотношений русских главнокомандующих в кампании 1812 года на основании подлинных архивных документов: писем, донесений, рапортов, — и по собственным воспоминаниям. Как непосредственный свидетель, Бутурлин рассказывает о военном совете перед Тарутинским сражением, где случайно оказался, приехав к Кутузову с донесением от генерала Раевского. В 1816 году Бутурлин был назначен адъютантом к начальнику Генерального штаба князю П.М. Волконскому, в 1817 году — сделан флигель-адъютантом. Когда в 1823 году началась война между Испанией и Францией, Бутурлин был прикомандирован к французской армии и состоял под начальством герцога Ангулемского, вместе с которым участвовал в штурме крепости Трокадеро и за отличие в этом деле был награжден орденом. По возвращении в Россию он — уже генерал-майор Генерального штаба.

До сих пор биография Дмитрия Бутурлина сходна со многими биографиями будущих декабристов. (Кстати, другую его работу — «Историю нашествия Наполеона на Россию» — перевел с французского на родной язык будущий декабрист А. Корнилович). Но с декабря 1825 года судьбы их, как и многих других российских офицеров и штатских, резко расходятся. С началом русско-турецкой войны 1829 года Дмитрий Бутурлин был назначен генерал-квартирмейстером 2-й армии Дибича, а за отличие и храбрость в Кулевчинском и Силистрийском сражениях награжден Владимиром 2-й степени. По окончании войны Бутурлин был уволен с военной службы, а следующее его назначение состоялось только через 10 лет — в 1840 году.

Что это за 10 лет? Был болен? Замешан в неблаговидных поступках? Почему столь блестяще начатая карьера так резко останавливается, но возобновляется сразу назначением членом Государственного совета и директором Императорской публичной библиотеки? То, что эти 10 лет даром для самого Бутурлина не прошли, свидетельствуют четыре опубликованные им затем исторические книги и масса рукописей и бумаг, оставшихся в его архиве в Публичной библиотеке. Период управления Бутурлина Публичной библиотекой, по свидетельству знатоков, был временем нововведений[50]. При Бутурлине был составлен очень тщательный и обстоятельный каталог книг библиотеки по истории на русском языке, начато было составление описи иностранных книг, составлены азбучные указатели эстампов, приведено в образцовый порядок отделение рукописей, составлена была подробная систематическая опись всем рукописям библиотеки и т.д. В его же управление библиотека стала открываться для читателей ежедневно вместо трех раз в неделю, как это было раньше.

И вот в апреле 1848 года происходит назначение Дмитрия Бутурлина председателем особого, вновь образованного секретного комитета «для высшего надзора за исправлением печатанных в России сочинений». Это назначение известно как одна из самых мрачных страниц в истории русской цензуры[51]. Редкий мемуарист 1840-50-х годов миновал высказаться на эту тему. А.В. Никитенко «Дневник»: «Бутурлин действует в качестве председателя какого-то высшего негласного комитета в цензуре и действует так, что становится невозможным, чтобы то ни было писать и печатать».

Скрутили бедную цензуру -
Послушав, наконец, клевет,
И разбирать литературу
Созвали целый комитет.
По счастью в нем сидели люди
Честней, чем был из них один,
Палач науки Бутурлин...
Н.А. Некрасов (из поэмы «Белинский», 1855 г.)

Бутурлину было поручено исправление цензурного устава, надзор за цензорами, усиление строгости цензуры. Власть его была не ограничена даже министром народного просвещения. Цензура была доведена до высшей степени строгости, ряд журналов был прекращен, другие были поставлены в невозможность продолжать свою деятельность. П.Д. Долгоруков: «Русская история не позабудет, что в 1848 году граф Блудов отстоял университеты, которые Незабвенный (Николай I) хотел было закрыть. Незабвенный был сильно подстрекаем к этому безумному поступку князем Чернышевым, графом Клейнмихелем и Дмитрием Петровичем Бутурлиным, подлейшим мерзавцем, который исправлял должность шпиона из желания попасть в министры просвещения, и непременно бы попал в министры, если бы смерть не избавила от него Россию в октябре 1849 года»[52].

По свидетельству современников, Дмитрий Бутурлин не лишен был приятности в свете, остроумен и охотно делился своими воспоминаниями. В записных книжках князя П.А. Вяземского содержится немало мест, начинающихся словами «Д.П. Бутурлин рассказывал мне...» Приведем здесь только один его рассказ, относящийся непосредственно к предмету наших изысканий и цитированный в обстоятельной книге Н.Л. Антоновой[54] в слегка искаженном виде: «Д.П. Бутурлин рассказывал мне, что его отец был по деревне своей соседом Новикова. Когда Новиков по восшествии Павла на престол возвратился из ссылки в свою деревню, созвал он соседей на обед, чтобы праздновать освобождение. Перед обедом просил он позволения у гостей посадить за стол крепостного человека, который добровольно с 16-летнего возраста заперся с ним в крепость. Гости приняли предложение с удовольствием. Через несколько времени Бутурлину сказывают, что Новиков продает своего товарища. При свидании своем с ним спрашивает его: правда ли это? «Да, — отвечает Новиков, — дела мои расстроились и мне нужны деньги. Я продаю его за 2000 рублей». Я и прежде слыхал, что Новиков был очень жесток с людьми своими»[53].

О третьем сыне Петра Михайловича Бутурлина, Петре (1800-1876), нам так и не стало ничего известно, кроме того, что был он действительным тайным советником. Подобно Алексею Каренину. Четвертый сын — Алексей Петрович (1802-1863) — начал службу семнадцати лет юнкером в лейб-гвардейском егерском полку, но вскоре, как и старший брат, был переведен в кавалергарды и в 1822 году произведен в корнеты. В 1829 году флигель-адъютант Алексей Бутурлин по заключении мира с Турцией был отправлен в действующую армию для передачи от императора Николая Павловича маршальского жезла главнокомандующему графу Дибичу. С 1830 года Алексей состоял при великом князе Константине Павловиче в Польше, где в следующем году принял участие в усмирении мятежа и штурме Варшавы. На рубеже 1830-1840-х годов на полковника Бутурлина было возложено наблюдение за ходом рекрутского набора в Екатеринославской губернии, производившегося по новой, впервые введенной в России, жеребьевой системе, а немного позже ему было поручено, как это официально именовалось, «уничтожение возникших между крестьянами Лифляндской губернии беспорядков». В 1846 году генерал-майор Алексей Бутурлин был назначен одновременно военным и гражданским губернатором Ярославля. В этой должности он оставался в течение 15 лет, а в 1861 году был «определен сенатором и причислен к 1-му отделению 5-го департамента (на что нам эти подробности?) Правительствующего Сената, где и оставался до своей кончины в 1863 году».

История революционной России сохранила живой облик сенатора Алексея Бутурлина, присутствующего на судебном разбирательстве над поэтом Михаилом Ларионовичем Михайловым. В записках последнего читаем: «Особенно из судей выдавались двое:

Аллея, ведущая к главному дому, между террасами парка Троицкого-Лобанова. Фото М.В. Нащокиной. 2001.

Карниолин-Пинский, своею умною, но злобно-хитрою физиономией, с длинными, беспорядочно торчавшими на голове волосами, да еще Бутурлин, но этот, напротив, обличал лицом своим тупость и что-то закостенело солдатское; у него была крашенная голова и крашенные усы на одутловатом, дряблом лице, глаза смотрели довольно свирепо... Обер-секретарь начал читать громко и внятно. При словах «государь-император» или «высочайше повелеть соизволил» он принимал торжественно-благоговейный тон; произнося слова «государственное преступление», он умирал на них с каким-то трагическим пафосом. Слова о государе-императоре и высочайшем его величестве повелении произвели на судей моих внезапное действие. Точно всех их стеганул кто-нибудь кнутом сзади. Они вдруг вскочили со своих мест, как вскакивают лакеи в передней, когда входит барин, и выслушали они повеление, стоя благоговейно навытяжку... Особенно смешон был Бутурлин, у которого ноги как-то разъезжались при этом, словно все пружины ослабли»[55]. Александр Иванович Герцен в заметке «Годовщина четырнадцатого декабря в С.-Петербурге» (газета «Колокол») возмущался еще более: «Сенатор Бутурлин хотел еще полнее отпраздновать годовщину, он предлагал Михайлова повесить». Правда, ниже следует сухое примечание: «Возможно, такое мнение высказывалось Бутурлиным в частной беседе; в официальных источниках об этом предложении не упоминается» [56].

Младший сын — Сергей Петрович Бутурлин (1803-1873) — получив домашнее образование, поступил юнкером в кавалерийский полк, где двадцати лет был произведен в первый офицерский чин. Его дальнейшая судьба сплошь состояла из военных походов, сражений, назначений и болезней. Даже сухое изложение его послужного списка показывает, сколько ему пришлось пережить. Впрочем, судите сами. С началом Турецкой войны 1828-1829 годов Бутурлин, состоя адъютантом при генерале Депрерадовиче, принимал участие в боевых делах, а по окончании кампании вышел по болезни в отставку. В 1831 году он снова вступил в ряды армии с назначением адъютантом к главнокомандующему графу Паскевичу-Эриванскому и получил за отличие в штурме Варшавских укреплений орден Св. Анны 2-й степени. В 1835 году Бутурлин был произведен в полковники; в 1843 году — назначен помощником начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса с переводом в Генеральный штаб. Расстроив здоровье в период тяжелой экспедиции 1844 года в Чечне и Дагестане, Бутурлин вторично оставил службу и вступил в нее снова лишь в 1848 году с объявлением войны с Венгрией. С началом Крымской войны, в 1853 году, он состоял начальником штаба войск, собранных при придунайских княжествах, а впоследствии, по образовании армии, исправлял в ней обязанности генерал-квартирмейстера, получив за отличие чин генерал-лейтенанта и золотое с бриллиантами оружие. В 1872 году Бутурлин был определен членом в Военный Совет. Оставил после себя опубликованную подробную записку с проектом реконструкции и строительства российских дорог.

Сергей Петрович был женат на Марье Сергеевне Гагариной. Было у них две дочери, Варвара и Марья, и три сына, Сергей, Александр и Дмитрий. Младшие сыновья Алексей и Сергей Петровичи Бутурлины унаследовали северские земли и усадьбы после смерти их отца. Но к концу XIX века единственным владельцем на Северке остался Дмитрий Сергеевич Бутурлин, полковник Генерального штаба, да и то уже не фамильной бутурлинской Марьинки с псевдоготическим замком, а небольшого имения неподалеку, в селе Троицкое-Голочелово. Его старший брат, Алексей Сергеевич Бутурлин, стал врачом, жил в Тульской губернии, был хорошо знаком с семьей Льва Николаевича Толстого и оставил

после себя обширные многостраничные записки о жизни земского деятеля рубежа веков.

От Александра Сергеевича Бутурлина продолжает тянуться живая ниточка в наши дни. Сравнительно недавно было опубликовано исследование, где в увлекательной форме рассказывается о передаче из поколения в поколение Бутурлиных семейных реликвий: золотого креста-мощевика, помещенного в серебряный ковчег со створками, и рукописной книги «Родословная». В исследовании приведен следующий текст записки, составленный сыном Алексея Сергеевича: «Складень этотъ съ крестомъ достался мнѣ отъ моего отца, Александра Сергеевича Бутурлина, род. 1845, ум. 1916, — ему отъ его матери Марии Сергеевны Бутурлиной, род. 1815, ум. 1902, — ей отъ ея отца, кн. Сергея Ивановича Гагарина, — и ему отъ его матери, кнг., рожденной кн. Волконской. Одна изъ сестер этой Волконской была замужемъ за Нарышкинымъ. Между потомками этой кн. Волконской — Наталия Сергеевна Шеншина, рожд. гр. Коновницына. 1917 марта 20-го. С.А. Бутурлинъ»[57]. Вот и получается, что Бутурлины с Волконскими, хоть и дальним родством, но были все же связаны. Но сколь различной оказалась судьба потомков князя Семена Волконского и помещика Дмитрия Бутурлина, погодков и соседей по северским усадьбам, в николаевское время!

Пруд в парке Троицкого-Лобанова. Фото М.В. Нащокиной. 2001.

4. Назад, в XVII век

Занимаясь нашими историко-географическими изысканиями, мы объезжали на велосипедах окрестные села, лазили по полуразрушенным церквям, осматривали перестроенные усадьбы, флигели, службы, старинные сады, но в архитектуре нам являлась история XVIII века и позже, а хотелось обратиться к началам заселения этого уголка Подмосковья. Мы уже знали из книг[58], что в X-XIII вв. северная часть территории бассейна реки Северки входила в состав Владимиро-Суздальского княжества, а южная часть — в состав Черниговского княжества. Граница этих частей почти совпадала с долиной Северки. В дальнейшем эта пограничная область неоднократно переходила от одного княжества к другому и постоянно находилась в полосе междоусобных войн. В 1301 году бассейн Северки полностью вошел в состав Московского княжества. С этого времени и начинается его настоящее освоение. Достаточно плодородные земли, почти полное отсутствие болот, хороший транспортный путь по реке Москве и близость крупного торгового города Коломны — все это обусловило быстрое заселение района. Наиболее старыми типами поселений здесь были укреп-

ленные городки, обнесенные земляными валами и деревянными частоколами. Постепенно оборонное значение этих городков падает. Память о них сохранилась в названиях современных сел и деревень: Городня (на реке Северке), Городищи (низовья реки Отры), Городищи (река Осенка). В конце XIV века оборонное значение приобретают укрепленные центры княжеских уделов.

Пограничное положение района в Московском княжестве препятствовало его нормальному заселению, поэтому московские князья стали создавать здесь слободы. Слобода — искаженное слово «свобода». Князь «освобождал» людей, т.е. отводил им земельный участок и брал под свое покровительство. Создавались поселения, называвшиеся слободами. В них проживали ямщики, числяки — люди, занимавшиеся переписью населения во время татаро-монгольского ига, и делюи — деловые люди: тележники, колесники, седельники и т.д. Такие слободы располагались вдоль Каширской и Коломенской дорог: Бронницы, Становое, Растуново, Слободино. В конце XV — начале XVI века в районе началась интенсивная вырубка лесов под пашню. Бассейн Северки стал превращаться в ополье. В конце XVIII века Северское ополье стало районом наибольшей распаханности земель в Подмосковье (50-70 % территории).

Алексеевская волость на реке Северке, к коей в те времена принадлежало и наше Троицкое-Лобаново, традиционно входила с состав дворцовых земель[59]. Выделение поместий и вотчин служилым людям началось здесь только в XVII веке[60]. В Московском государстве служилые люди вместо жалования получали во временное пользование земли — поместья. Позже поместное землевладение постепенно сменилось вотчинным. Вотчины уже являлись полной собственностью их владельцев.

До начала XVII века население Коломенского уезда было невелико. Постоянная угроза нападения татар (последнее крупное вторжение было в 1571 году под предводительством Девлет-Гирея) приводила к периодическому оттоку населения в центральные районы Московского государства[61]. События Смутного времени значительно отразились на состоянии хозяйства в Коломенском уезде. «Голодные бунты», карательные экспедиции, походы бунтующих россиян под предводительством Ивана Болотникова, их отступление, кровавые битвы — куда уж тут заниматься мирным хлебопашеством! Одна из таких битв произошла непосредственно вблизи нашего Троицкого, и о ней — расскажем подробнее.

Со взятием Коломны, Серпухова и Алексина осенью 1606 года военное положение Москвы резко ухудшилось. Отряды Болотникова продвигались к Москве по Серпуховской дороге, от Коломны двигались отряды под начальством мелкопоместного рязанского дворянина Истомы Пашкова. Князю М.В. Скопину-Шуйскому удалось задержать наступление Болотникова по Серпуховской дороге и даже заставить его отойти назад. Вслед за этим царь Василий Шуйский посылает все оставшиеся у него войска под Коломну[62]. Историки пишут, что поход воевод Шуйского под Коломну и дальнейшие с ним связанные события, принадлежат к числу наиболее запутанных в источниках. Схематично эта история выглядела следующим образом[63]. В походе в Коломну участвовали московские «большие» дворяне, придворные чины — стольники, стряпчие и жильцы, городовые дети боярские, еще оставшиеся в Москве, служители Московских приказов от дьяков до подъячих. Войско возглавляли главные московские бояре и воеводы: князь Фе-

дор Иванович Мстиславский, князь Дмитрий Иванович Шуйский, князь Иван Михайлович Воротынский, князья Василий, Иван и Андрей Васильевичи Голицыны, бояре Михаил и Григорий Федоровичи Нагие, окольничьи Василий Петрович Морозов, Михаил Борисович Шеин, князь Дмитрий Васильевич Туренин, князь Григорий Роща Борисович Долгорукий, Василий и Иван Петровичи Головины. Войско включало цвет московской знати, однако, было немногочисленное, и поэтому было сформировано только три полка, вместо принятого тогда деления войска на пять полков[64].

23 октября 1606 года войско выступило из Москвы. «А сошлись с воеводами со князем Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским со товарищи по Коломенской дороге в Домодедовской волости. А грамоты к ним писаны от государя: боярам и воеводам к Федору Ивановичу Мстиславскому да князю Дмитрию Ивановичу Шуйскому со товарищи. И был им бой с воровскими людьми в селе Троицком с-Ыстомою Пашковым да с рязанцы, и на том бою бояр и воевод побили». По другому летописцу: «...бысть бой велик и сеча зла».

Долгое время считалось, что упомянутое в этом известии село Троицкое есть село Троицкое-Голочелово, что на Маковце — красивое древнее село, но немного далее от Москвы, чем записано в летописи, и в стороне от древней Коломенской дороги. Российский историк Р.В. Овчинников[65] установил истинное место битвы — в селе Троицком-Лобанове (в 50 верстах от столицы) — и датировал ее 25 октября 1606 года. Описания этой битвы не сохранилось, реконструкция историков слабо восстанавливает происшедшее. Нападение рязанцев случилось, видимо, неожиданно. Численный перевес позволил им захватить инициативу боя и разбить царево войско на мелкие части. В какой-то момент правительственные войска прекратили организованное сопротивление, и повстанцы попросту принялись разгонять их плетьми, не убивая и не забирая в плен. Побросав оружие, царево войско рассеялось. Конница Пашкова преследовала неприятеля до самой Москвы, и 28 октября передовые части повстанцев заняли село Коломенское. Началась осада Москвы.

По признанию историков битва под Троицким стала крупнейшим событием гражданской войны в эпоху Смуты[66]. Междоусобная война расколола военную опору русской монархии. Поместное ополчение распалось. Свидетельство современника — пленного поляка Рожнятовского, содержавшегося в Угличе, что «на поле боя осталось до 7 тысяч убитых и до 9 тысяч ограбленных полностью и избитых кнутом распущено по домам», историки считают преувеличением. Достоверно известно только то, что несколько знатных пленных были взяты на поле боя и отправлены в Путивль. Времена Смуты начала XVII века были годами бурной деятельности многих россиян, в числе прочих — и Лобановых-Ростовских, первых из известных нам владельцев Троице-Лобановской вотчины. Однако, приобретение ими этой вотчины состоялось много позже, вероятно, только во времена царствования Алексея Михайловича.

Князь Иван Иванович Лобанов-Ростовский по прозванию «Козий рог» был в числе дворян, подписавших в 1613 году грамоту об избрании на престол царя Михаила Федоровича Романова. В 1618 году — защищал Москву во время осады ее польским королевичем Владиславом. В 1630-х — служил воеводой в Крапивне (сейчас поселок в Тульской области), у Арзамасской засеки «для прихода крымских людей» и в Дедилове. Князь Иван был головой у московских дворян при встрече крымского посла 28 мая 1638 года, а в феврале 1639 года он был назначен в Томск воеводой и «письменным головой». Не доехав

Аллея вдоль берега спущенного пруда в парке Троицкого-Лобанова. Фото М.В. Нащокиной. 2001.

до последнего места службы, князь Иван скончался 30 июля того же года в Нарымском остроге. Поди разберись в этой краткой биографии, владел ли он Троицкой вотчиной и было ли у него время на устройство семейных дел. Другое дело — его старший сын, тоже Иван Иванович. Вместе с отцом молодой князь Иван в 1635 году служил воеводой у Арзамасской засеки. В 1644 году — был назначен воеводой в Крапивну (опять-таки по следам отца), в 1645-47 гг. — воеводой в Великих Луках. Немного ранее князь Иван Иванович Лобанов-Ростовский выполнял некое щекотливое государственное поручение, связанное с несчастной судьбой датского принца Иоанна, одного из женихов Ксении Борисовны Годуновой. Принц Иоанн в сентябре 1602 года был представлен при московском дворе, но спустя месяц заболел и скончался. Похоронен он был в Москве, но спустя много лет — в 1637 году — король датский Христиан IV задумал перевезти тело своего младшего брата на родину. На его грамоту-запрос царь Михиал Федорович ответил, что «государь за тело королевича Ягана не стоит, но так как во время великого разорения Московского государства от польских и литовских людей палату и гробницу королевичеву, ради золота, серебра и всякой утвари, в чем тело его было положено, разорили, и палата та засыпана землей и, есть ли на том месте королевичево тело — о том подлинно неведомо, то государь и велит искать самому Голмеру (представителю датского короля в Москве), взяв с собою доброго дворянина, дьяка и копальщиков, и смотреть, есть ли на том месте тело, чтобы о том отписать к королю в своей царской грамоте»[67].

Тем самым «добрым дворянином» и был князь Иван Иванович Лобанов-Ростовский, которого вместе с дьяком И. Трофимовым, переводчиком с немецкого Иваном Фоминым и тридцатью «копальщиками» послали искать тело королевича Иоанна, но с наказом, чтобы тела с того места, где отыщут, «впредь до государева указа не имать». Обломки медного гроба нашлись. Кости собрали, доложили государю. Между тем, пока Фомин ходил с докладом, датский гонец Николай Голмер собрал «все кости в полотно и отвез их в свое подворье». Государев гнев по этому поводу был велик. Лобанова-Ростовского и Трофимова заключили в тюрьму, «но через день, ради наступившего Великого Поста, они были выпущены». Торжественные проводы останков принца Иоанна состоялись 8 марта 1637 года. Среди сопровождавших его гроб был, кстати, и князь Дмитрий Пожарский. В 1649 году князь Иван Иванович Лобанов-Ростовский был пожалован в окольничьи, и с этого времени начинается его известная военно-дипломатическая карьера. Трудно удержаться, чтобы не привести хотя бы часть из его жизнеописания[68], настолько сочны эпизоды биографии русского боярина.

В 1653 году царь Алексей Михайлович отправил в Персию к шаху Аббасу великое посольство, во главе которого поставил князя Лобанова-Ростовского, а товарищем князя назначил стольника Ивана Комынина. Целью посольства было: уладить недоразумения, возникшие вследствие недружелюбия шемахинского хана и его угрозе идти войной на Астрахань и Терек; упорядочить торговые отношения между Персией и Московским государством, поскольку в последнее время московские торговые люди терпели в Гиляни притеснения, обременялись налогами и многие из них были насильно задержаны; потребовать, чтобы персидский шах отдал грузинскому царю Теймуразу его землю и наказал людей, разоряющих Грузию. Переговоры между московскими послами и ближними людьми шаха привели лишь к тому, что шах велел отпустить всех задержанных в Персии московских торговых людей. Относительно Теймураза последовал ответ, что так как он и вся Грузия в подданстве у персидского шаха, то сам Теймураз должен приехать к шаху или прислать к нему своего внука, и тогда только шах отдаст ему его землю. Сильное неудовольствие держать всех приезжавших в Москву иностранцев, а в том числе и персидских купцов, на особом дворе «за сторожами», было высказано русским послам. Тщетно последние доказывали, что это делается «не для тесноты, а для оберегания». Посольство это подробно описано в Истории Соловьева (Тт. 10-12).

В 1656 году князь Лобанов-Ростовский обедал у царя при приеме послов немецкого императора. В мае 1656 года — выступил в Смоленский поход, в июне — ходил из Смоленска в Ригу, 10 июля — обедал в Полоцке у царя, а 13 июля царь объявил в соборной Софийской церкви о назначении великих полномочных послов на съезд в Вильну с польскими комиссарами. Послы эти были: ближний боярин князь Никита Иванович Одоевский, сын его князь Федор Никитович Одоевский, князь Иван Иванович Лобанов-Ростовский, получивший титул наместника рязанского, и думный дьяк Ларион Лопухин. На этом же съезде, при посредстве послов немецкого императора, поставлены были статьи об избрании Алексея Михайловича королем польским по кончине Яна III, но возникли споры о Малороссии, а потому окончательное решение этого важного вопроса отложили до сейма, и избрание не состоялось. В 1657 году князь Лобанов-Ростовский был назначен в воеводство в Вильну. Перед отъездом туда из Москвы, «в воскресенье на четвертой неделе поста князь Иван водил осла под епископом Каллистратом, поставленным в тот день епископом Полоцким и Невельским, вместе с князем Иваном водил осла думный дьяк Заборовский». (Был такой обычай! Назначенный священнослужитель восседал на осле, которого обводили вокруг Московского кремля почему-то против часовой стрелки). В 1658 году князь Иван принимал участие во встрече в Москве грузинского царя Теймураза.

В 1658 году князь Иван был назначен воеводой в Смоленск. В товарищи к нему были определены: «стольник князь Григорий Афанасьевич Козловский, дьяк, пять письменных голов и 500 жильцов». В начале 1659 года князь Иван овладел Мстиславлем, а в конце года — Старым Быховым. После каждого донесения о победах царь Алексей Михайлович присылал к князю Лобанову со своим «государевым жалованием, с милостивым словом о здоровьи спрашивать». В 1660 году князь Иван — в Москве. Объявлял царю прибывшего грузинского царевича Миколая Давыдовича. Распоряжался станами во время богомольного похода царя к Троице. 21 ноября 1660 года — «по крымским и черкесским вестям» был назначен с полком идти на Одоев. С ним

должны были отправиться из 72 городов 9576 человек. Перед отъездом из Москвы князь Лобанов был приглашен к государеву столу вместе с сотенными головами из его полка, бывшими с ним под Быховым, в тот же день он был пожалован в бояре и получил от царя шубу, крытую золотым атласом, кубок, к окладу придачи 80 рублей и 6 тысяч ефимков на покупку вотчины. 21 января 1661 года князь Лобанов выступил с полком на Одоев, Карачев, Рыльск, Белев, Путивль. Зимой 1662 года крымский хан подступил к Путивлю. Отряды Лобанова-Ростовского разогнали татар. По этому случаю в Путивль от царя приехал князь Волконский «спрашивать князя Лобанова о здоровье и пригласить его в Москву». В 1662-1663 годах князь Лобанов был судьей Московского Судного приказа, а в июле 1663 года — был послан на службу в Смоленск. Там ли он скончался в 1664 году или в Москве — неизвестно.

Остается гадать, потратил ли князь Иван «80 рублей и 6 тысяч ефимков» на покупку именно Троицко-Лобановской вотчины или какой иной? Но колокол с портретом шведского короля привез в Троицкое именно он, а затем, рассерженный его «серебряным» звоном, приказал утопить его в пруду. Женат был князь Иван на Фетинье Яковлевне (фамилия неизвестна), которая известна тем, что в 1687 году построила в Московском Рождественском монастыре церковь во имя Иоанна Златоуста (наверное, в память о муже). Дети их: Анна — девица, Иван — бездетный, Степанида — первая жена боярина Шеина, покорителя Азова (в 1696 году), и Яков — один и капитанов Преображенского полка, так сказать, первого призыва. Между прочим, таким же капитаном Преображенского полка был и Михаил Матюшкин, с которым мы уже встречались в истории Персидского похода 1722-1723 годов.

У Якова Ивановича Лобанова-Ростовского от первой жены было 12 сыновей и 9 дочерей, а от второй — княгини Марии Михайловны Черкасской — 2 сына и 5 дочерей. По единодушному признанию исследователей родов русского дворянства «такого обширного плодородия от одного человека нет более примера в истории благородных фамилий русских»[69]. Среди многочисленных сыновей Якова Ивановича был и Михаил (скончался в 1722 году), дочь которого, Прасковья Михайловна, и получила в приданное Троицко-Лобановскую вотчину, выходя замуж за молодого князя Семена Федоровича Волконского.

Как и в любом другом знатном российском роду здесь также не обошлось без двойного родства. Тетка Прасковьи Михайловны, Марфа Яковлевна, была замужем за Иваном Аникитичем Репниным[70], внучка брата которого — Василия Аникитовича — Александра Николаевна Репнина станет женой сына Семена Федоровича Волконского, Григория. Однако, не слишком ли мы увлеклись генеалогией? Любопытствующие читатели могут изрядно насладиться ею, воспользовавшись обширным родословным сводом[71], составленным далеким потомком князя Ивана — Александром Борисовичем Лобановым-Ростовским (1824-1896), которому каким-то чудесным образом передались дипломатические гены его предка, а, кроме того, блестящее воспитание, образование и незаурядный ум.

Засим покончим с веком XVII-м и отправимся из села Троицкого по дороге на соседнюю Марьинку к Крутояру на реке Северке, где, по описанию Николая Иванчина-Писарева, «стоит старая деревянная церковь: древле это был Спасо-Преображенский монастырь, называвшийся Заворинским».

5. Писатели из народа

В обширном своде В.В. Зверинского «Материалы о православных монастырях» (СПб., 1892) никаких сведений о Спасо-Преображенском (Заворинском) монастыре на реке Северке отыскать не удалось. То ли за давностью лет материалы о нем не попали в труд Зверинского, то ли гид наш что-то напутал. Поскольку наше повествование мы начали с книги Иванчина-Писарева и по ходу повествования столь часто ссылаемся на него, нелишне сделать небольшое отступление и хотя бы кратко рассказать об этом достойном человеке[72].

Николай Дмитриевич Иванчин-Писарев, сын достаточно и родовитого дворянина-помещика Московской, Калужской и Тульской губерний, отставного гвардии подпоручика Дмитрия Петровича Иванчина-Писарева и Александры Яковлевны, урожденной Пашковой, — родился в Москве 30 сентября 1790 года. Детство его прошло в патриархальной строгой семье, в мирной деревенской обстановке: Иванчины-Писаревы проживали в имении, отданной в Приданое Александре Яковлевне от отца ее Якова Михайловича, — в селе Рудинах (или Рудинках) Серпуховского уезда Московской губернии. Село Рудины (Сергеевское тож) было пожаловано в 1624 году Афанасию Филипповичу Пашкову за «Московское осадное сидение». Николай Иванчин-Писарев в молодые годы (четырнадцатилетним) поступил на службу в Московский почтамт, где служил под начальством Ф.П. Ключарева (вспоминаете ближайших соседей Новикова?), а после его ареста (по массонским делам) — при Д.П. Руниче и И.А. Рушковском. В мае 1814 года Николай Дмитриевич вышел в отставку, поселился в своих Рудинках, занимался сельским хозяйством, а также усердным чтением исторических книг и журналов.

Под влиянием Карамзинского труда Иванчин-Писарев увлекся стариной, но не только по книгам, а и, насколько ему позволяли обстоятельства, пытался совместить историю с географией, объезжая различные углы Московской губернии. Отзывы современников-историков о нем однозначны: дилетант, но дилетант сведущий, добросовестный и пытливый. После каждого путешествия выходили книжки. Уже по их названиям можно судить о романтических склонностях автора — «Вечер в Симонове» (М. 1840), «День в Троицкой Лавре» (М. 1840), «Утро в Новоспасском» (М. 1841), «Спасо-Андронников» (М. 1842) и, наконец, «Прогулки по Коломенскому уезду» (М. 1843). Однако, те же современники признавали, что книги эти ценны если не содержанием, то точными и объемными примечаниями. Известно, что Николай Дмитриевич был знаком с Пушкиным, и что поэт вписал в его альбом, позже оказавшийся у графа С.Д. Шереметьева, стихотворение «Муза». Н.Д. Иванчин-Писарев умер в своих Рудинках 25 января 1849 года, где и погребен возле церкви.

На крутояре реки Северки, куда мы направились в конце прошлой главы, сохранилось старое кладбище, на котором и сейчас каждый год появляются свежие могилы. На краю кладбища, под раскидистой старой березой стоит обелиск из темно-серого камня, на котором четко различается следующая надпись:

Здесь покоится тело
Матвея Алексеевича Козырева
писатель из народа
скончался 9 октября 1919 года

Естественно, нас заинтересовал этот человек, и вот что удалось узнать о нем[73]. Матвей Алексеевич Козырев родился 6 августа 1852 года в селе Крюкове Московского уезда в крестьянской семье. Родители его переехали в Москву и держали табачную лавочку близ Тверской заставы. Мальчиком Матвей был отдан в Замоскворечье в учение, где и провел три года в заботах, столь знакомых нам по книгам Островского, Чехова и Горького. Четырнадцати лет Матвей вернулся в родительский дом и встал за прилавок. Как он сам пишет, «лавочка была маленькая, товару в ней было, что называется, на три гроша, следовательно, и покупатель в ней тоже был грошовый. К числу таких некрупных моих покупателей, — продолжает Козырев, — следует отнести и одного моего соседа по лавке, торговца старым железом и разным тряпьем-ветошью. Небольшая лавочка этого соседа находилась через два дома от лавочки моих родителей, и торгаш-железник был ежедневным моим покупателем. Идет, бывало, если дело было летом, в длиннополом поношенном сюртуке, в поношенной фуражке, сдвинутой на затылок, из-под фуражки выбиваются густые рыжеватые волосы. Такая же подстриженная борода густо покрывала весноватое с темно-синими жилками лицо. Походка его была, если он не спешил, медленная, развалистая, руки или заложены сзади или в рукава спереди, отчего фигура его всегда казалась сутуловатою...»[74]

Звали этого человека Иван Захарович Суриков. «Мне, — пишет Козырев, — было тогда 14 лет. Иван Захарович был с лишком на 10 лет старше меня. Несмотря на такую разницу в летах, отношения наши на первых порах знакомства стали очень близкими. ...И я устраиваю так, что мы отправляемся вместе с Иваном Захаровичем к Сухаревой, ибо оттуда было два шага до булочника, духовного композитора-самоучки, Герасима Гавриловича Урусова, который, кроме чая, угостит нас игрою на прекрасной фисгармонии, исполнив новые пьесы своего сочинения. Другим пунктом наших с Иваном Захаровичем отлучек из лавочек служил Московский кремль, где Суриков со своим отцом состояли в Вознесенском монастыре хоругвеносцами. Одна из хоругвей, там имеющаяся, весит более 6 пудов и до сего времени считается в смысле ношения неотъемлемой собственностью хоругвеносцев нашей окраины. В числе их был и отец Сурикова, Захар Андрианович, крепкий, коренастый старик, за шутку считавший нести такую тяжесть как 6-пудовая хоругвь... Хождение в крестные ходы всегда сопровождалось изрядным пьянством, в котором Иван Захарович занимал далеко не последнее место»[74].

Страсть к чтению и сочинению стихов и рассказов сблизили еще более Матвея Козырева с его старшим товарищем. Суриков тогда был центром притяжения писателей-самоучек со всей Москвы. Они приходили к нему, приносили свои сочинения, разбирали их по-своему; беседы эти проходили обычно в трактирах за самоваром и выпивкой. Интересна была реакция обывателей Тверской заставы на появление в печати первых стихотворных публикаций Иван Сурикова. Матушка Матвея Козырева, женщина очень добрая, рассказывала сыну, что, видя по ночам свет в лавке Суриковых, печалилась до брезгливости: лавка-то была старьевщиков и перед тем, как продавать вещи, мало ли что они в них выискивали и уничтожали по ночам. Но когда узнала, что свет этот был нужен не для перетряхивания старья, а для писаний, очень зауважала Ивана Захаровича и прощала ему даже походы по кабакам с ее сыном.

Продолжим слушать Матвея Козырева: «...Печатаясь в «Развлечении», мы с Иваном Захаровичем по-прежнему не забывали и тех петербургских изданий, которые так любезно приютили, в числе некоторых из самоучек, и нас с Суриковым. Издания эти были: «Воскресный Досуг» и «Иллюстрированная Газета». Последняя выходила в более увеличенном формате сравнительно с первым, и материал помещался там почище и получше, хотя оба издания принадлежали одному и тому же лицу — г. Бауману, и выходили под редакцией одного и того же лица — Владимира Рафаиловича Зотова. Последнему лица, вышедшие из народа, пристрастившиеся к писательству и носившие титул — «писатель-самоучка», много обязаны. Он особенно любовно относился ко всякому литературному начинанию, как бы скромно и ограниченно оно не было...».

К кружку И.З. Сурикова тянулись такие писатели-самоучки, как Иван Дмитриевич Родионов, служивший артельщиком в «Российском обществе транспортирования кладей», Дмитрий Егорович Жаров, Алексей Ермолаевич Разоренов, торговавший в миниатюрной лавочке, С.Я. Дерунов, житель Пошехонья, С.А. Григорьев, пермяк, И.Е. Тарусин. Многих из этих сочинителей хорошо знал Владимир Гиляровский и водил к ним знакомить известных московских людей.

К открытию Всероссийской выставки в мае 1872 года был подготовлен сборник «Рассвет», куда вошли произведения друзей Сурикова. В издании сборника большое участие принял Николай Павлович Елизаров — частный поверенный из торговцевмясников и к писательству никаких касательств не имевший, но изъявивший быть «ширмою» в затеваемом издании. «Елизаров был совершенно безграмотный человек, — это частный-то поверенный!.. Иван Захарович всегда в то время носил за пазухой, в бумажнике, маленькую брошюру — руководство-указатель к постановке буквы Ять, а Ив.Дм. Родионов, так тот даже в начале похвалялся своей безграмотностью и при этом всегда выставлял пример А.В.Кольцова... Но когда получил 2-3 редакционных замечания, что надо, дескать, прежде выучиться грамоте, а потом писать стихи, то стал относиться к себе в этом отношении построже...»

Сборник «Рассвет» успеха не имел, тем не менее заслугам и таланту Ивана Захаровича Сурикова было отдано должное — он был избран действительным членом «Общества любителей российской словесности», где особенно близко сошелся с писателем Н.А. Чаевым. Нередко бывал у него на квартире, захватывая с собою и Матвея Козырева. Известен словесный портрет Матвея Козырева, относящийся к перу забытого российского беллетриста 1880-90-х годов А.В. Круглова: «...Это — тип русского человека и по характеру и по наружности. Высокого роста, плотный, дородный блондин, кровь с молоком, что называется, М.А.Козырев на конкурсе национальной русской мужской красоты мог бы взять один из первых призов. Он и теперь, а в 1878 году, когда я с ним познакомился, он был писаным русским красавцем. Держался он и держится просто, по-русски, одевается по-московски, по-купечески, и уклад его жизни московский и склад его речи — русский, московский. Он любил литературу, обладает талантом, но говорить о себе не охоч, о даровании отзывается небрежно и старается казаться более торговым человеком, чем поэтом, писателем, хотя и продолжает «творить» на досуге. Именно на досуге, ибо живет он, благодаря своему промыслу, которому и обязан всей материальной обстановкой. Он умелый торговый человек, которого не обманешь. Стихи — стихами, а дело — делом. Напротив, даже желательно, чтобы писатель жил не на литературный заработок... Вынужденное творчество не нормальное. При обеспе-

ченном положении лучше создавать и вынашивать свои произведения. Хорошо и то, когда писатель не только кабинетный человек, а человек жизни. Но, к сожалению, в Козыреве торговый человек, кажется, начинает побеждать и убивать писателя... В 1878 году М.А. выпустил книжку «Из народного житья-бытья», встреченную благосклонно критикой. Затем появились его «Замоскворецкие типы», и писатель замолк. Между тем, обладая симпатичным, хотя и не крупным, дарованием, зная прекрасно народную жизнь, быт рабочего, мелкого промышленника, М.А. мог бы с пользой для общества работать на поприще беллетристики, где часто под видом народной правды подносится выдуманная правда, сочиненная в кабинете»[75].

И еще добавим из того же А.В. Круглова, но о И.З.Сурикове: «...После смерти И.З.Сурикова осталась прекрасная библиотека. Говорят, что жена (простая русская женщина) все продала за бесценок. Правда ли? Очень жаль, если это верно, потому что покойный любил делать свои замечания на книжках, читая их. Нужды продавать не было: после покойного поэта остался прекрасный дом, лавка, капитал. Последнее издание стихотворений Сурикова принадлежит известному меценату Солдатенкову, который обогатил русскую литературу, в качестве издателя, многими капитальными сочинениями. К.Т.Солдатенков очень любил поэта; остается пожалеть, что г. Солдатенков не приобрел библиотеки поэта и не принес ее в дар какому-нибудь учреждению. Вообще надо сказать, что писатели-самоучки, за исключением немногих, в материальном отношении устраиваются очень хорошо. Это объясняется, вероятно, тем, что они, с одной стороны, меньше витают в идеальных сферах, обладают сметкой и практической выдержкой русского простого человека, а с другой стороны — потому, что умеют до поры до времени жить очень скромно и, подкапливая, создают себе лучшую почву. В этом отношении у них не мешает подучиться, не боясь упрека, какой делает один критик писателям, пожелавшим обеспечить себе хотя скромные похороны. Быть независимым для каждого человека — приятно. Писателю независимость, может быть, нужнее, чем всякому другому...».[75]

К 1890-м годам Матвей Алексеевич Козырев разбогател. Он долгое время имел свой собственный кестоваренный (непонятное слово; в источнике, возможно, опечатка) завод за Тверской заставой. Потом занимался извозным промыслом и жил в прекрасном собственном доме. Его основные книги: «Из народного житья-бытья. Очерки и рассказы» (М., 1878); «Днем и ночью. (Типы Замоскворечья). Очерки и рассказы» (М., 1896); «Школа» (М., 1911). При советской власти Козырева, как оказалось, не издавали вовсе.

Выяснилось, что на склоне лет Матвей Козырев купил имение ниже по Северке от Троицкого, от которого остались сейчас только два развалившихся кирпичных флигеля, следы фруктового сада и глубокие погреба, выложенные известковыми плитами. Место редкое для окрестностей, так как вокруг этого старого имения шумит сосновый бор в окружении мелких березовых рощ. Соблазнительно предположить, что судьба забросила Козырева в эти края не случайно, а в связи с его душевной близостью с другим «писателем из народа», А.Е. Розореновым, автором известных строк «Не брани меня родня, что я милого люблю...», уроженцем села Малое Уварово, которое находится недалеко от этих мест. Матвей Козырев скончался 9 октября 1912 года. Почему на его надгробной плите значится 1919-й год — непонятно. Впрочем, несколько лет назад плита эта завалилась, потом была поднята и установлена на могилу снова, но нижняя часть надписи на ней ушла под цемент.

6. Дальние окрестности

Наши велосипедные маршруты в окрестностях Троицкого преследовали поначалу простую, даже чисто спортивную цель — объездить и сфотографировать как можно больше церквей и старинных усадеб, ибо они разваливались буквально на глазах, что видно было хотя бы на примере ближайшей к Троицкому Марьинки Бутурлина. Справедливости ради, заметим, что не все храмы Северского ополья находились в бросовом состоянии. В иных из них — в Голочелове, в Растунове, в Кузьминском — мы видели неторопливо ведущиеся реставрационные работы, иные — в Марьинском, в Мещерине, в Вельяминове — находились либо в прочно законсервированном состоянии, либо были приспособлены под светские нужды, но иные — в Кишкине-Пустом, в Успенском, в Кузовлеве — иначе как без грусти рассматривать было нельзя. Понятно, что именно последние вызывали у нас живейшее участие, которое мы могли реализовать только розысками их исторических примет, и — удивительно! — что обнаруживались столь забавные связи между людьми, жившими там прежде, с персонажами предыдущих страниц, что стоило только поражаться глубокой взаимосвязанности российской истории и географии.

Вот, например. В 10 км от станции Михнево на лесной пустоши стоит село Кишкино-Пустое. Асфальтовой дороги туда нет, а на проселках даже в продолжительные июльские жары не просыхают огромные мутно-коричневые колейные лужи. Тем не менее, окраина Кишкина быстро приобретает черты садово-дачной Вороньей слободки, где фанерные домики, крытые толем и окруженные чересполосицей лопуховых зарослей и картофельных гряд, отделены друг от друга проволочными заграждениями, натянутыми на низенькие межевые столбики. А в центре села стоит кирпичная Казанская церковь, сооруженная в 1780 году. Поразительно в церкви не то, что она порядком одряхлела, а то, что в ней сохранился полностью деревянный иконостас, без единой иконы слепо глядящий с алтарной стены храма. На посчастливилось узнать, что иконостас этот — второй половины XIX века, а его иконы — XVII века! — переданы в московский музей древне-русского искусства им Андрея Рублева[76].

Рядом с церковью — старинная усадьба Богородское: двухэтажный кирпичный дом с колоннами и деталями из белого камня, выстроенный в стиле ампир, флигели, парк, аллеи. Усадьба эта как художественный ансамбль была создана в конце XVIII — начале XIX века. Ее владелицами были: в 1789 году — Н.А. Ольцева, в середине XIX века — Н.А. Кавецкая. О первой подробно ничего узнать не удалось, но вот история Надежды Александровны Кавецкой[77]. В начале прошлого столетия в Петербурге имел некоторую известность фортепьянный фабрикант Андрей Гольц. И было у него две дочери — Вера и Надежда. Наденька Гольц воспитывалась в доме графини Анны Артемьевны Бутурлиной и была ею выдана в 1813 году замуж за Осипа Антоновича Кавецкого, тогда бывшего городничим в городе Боровске и умершего в 1835 году в Москве управляющим Московской Удельной конторой. Анна Артемьевна — мать графа Михаила Дмитриевича Бутурлина, которого мы уже цитировали в связи с визитом к нему в гостиницу нижегородского губернатора.

Верочка Гольц часто навещала сестру в доме Бутурлиных, но сама же в это время жила в качестве компаньонки у княгини Софьи Григорьевны Волконской (которая, как помните, тоже появлялась на наших страницах) и была с нею в походе русской армии

перед заключением Тильзитского мира. Княгиня Софья сопутствовала своему мужу, Петру Михайловичу Волконскому, в ту кампанию. Дамы эти останавливались для ночлега в близости к Главному штабу, и император Александр Павлович любил приходить вечером пить чай к княгине Волконской и подшучивал с Верочкой, разливавшей чай, насчет ее переписки с Елизаветой Ивановной Нарышкиной, каковые все письма государь брал на себя отсылать и доставлять ей ответы, и мучил легковерную Верочку угрозой, что он будет распечатывать и читать эту корреспонденцию, чтобы получить некоторые сведения об ее приятельнице. Вера Андреевна вышла замуж в 1818 году за француза Петра Ивановича Жилле, бывшего первоначально гувернером графа Петра Дмитриевича Бутурлина, но уже в том же 18818 году — профессором при Одесском Ришельевском лицее, а впоследствии — при Петербургском Педагогическом институте и Царскосельском лицее, и умершего в 1849 году.

В 1866 году Вера Андреевна была еще жива, но, совершенно ослепшая, проживала во Владимирской губернии у своей племянницы Анны Осиповны Виговской, дочери Надежды Андреевны Кавецкой. Близ стены Кишкинской церкви лежит черный обелиск — надгробный камень Надежды Кавецкой. Годы рождения и смерти настолько стерты, что разобрать их не удалось. В «Справочной книжке за 1890 год»[78] сказано, что усадьба Кишкино принадлежит г. Коветской (видимо, уже дочери?), а учительствует в селе священник Андрей Ионович Сахаров.

А вот другая история. Известна несчастная судьба князей Долгоруковых, постигшая их в 1730-х годах с воцарением на российском престоле Анны Иоанновны[79]. Основные участники мнимого заговора были сосланы в Сибирь, остальные Долгоруковы — в крепости или в родовые имения. Так, по приговору суда, князь Василий Владимирович Долгорукий был заточен в Иван-городе, а его брат, Михаил, в Шлиссельбурге. Старшие сыновья князя Михаила Долгорукова — Александр, служивший в Санкт-Петербургском драгунском полку, и Сергей, служивший майором в Рижском гарнизоне, — были сосланы в свои имения.

Имение Сергея Михайловича Долгорукова — Лобаново — находится на реке Северке недалеко от нынешней станции Барыбино Павелецкой ж.д. В 1749 году князь Сергей выстроил в Лобанове на собственные средства кирпичную церковь, сохранившуюся и поныне. Знаменская церковь была сооружена в традициях допетровского зодчества. Ее бесстолпный двусветный четверик, перекрытый сомкнутым сводом, увенчан декоративным пятиглавием. Стены членятся лопатками на три части и завершаются высоким аттиком с ложными кокошниками[80].

Младший брат Сергея, Василий Долгоруков, по своему малолетству в годы гонений на семью не тронутый и оставленный в армии, прославился позже своими подвигами в Крымском походе графа Миниха, который присвоил ему первый офицерский чин[81]. Позже Василий Михайлович Долгоруков стал знаменитым фельдмаршалом Екатерины II.

Еще позже, в середине XIX века, Знаменская церковь была перестроена: стены были оштукатурены, прежние узкие проемы расширены, пробиты новые. Было это уже при новом владельце — Павле Яковлевиче Купреянове, личности колоритной, из тех же «николаевских служак», порядком подзабытых в наши дни. Вот его история[82]. Павел Яковлевич Купреянов родился 4 августа 1789 года в селе Патине Солигаличского уезда Костромской губернии в семье мелких дворян. В 1896 году, окончив курс во 2-м кадетском корпусе, он был выпущен в только что сфор-

мированный «батальон Императорской милиции», вскоре за отличия переформированный в лейб-гвардии Финляндский полк. Купреянов принимал участие в битвах при Гутштадтом, Гейльсбергом, Фридландом. За отличие под Бородиным получил золотую шпагу с надписью «за храбрость». Принимал участие в делах под Красным, Добрым, Люценом, Буаценом, Дрезденом, Кульмом, Лейпцигом. Участвовал во взятии Парижа. Из заграничного похода Купреянов вернулся в чине штабс-капитана. Служил в Санкт-Петербурге. В 1824 году, после известного большого наводнения, на него было возложено наблюдение за распределением пособий пострадавшим жителям Васильевского острова и Галерной гавани и за исправлением пострадавших домов. В 1826 году Купреянов был произведен в генерал-майоры.

В русско-турецкой войне 1828 года Купреянов участвовал в должности начальника 2-й бригады 10-й дивизии. После переправы через Дунай по Сатуновскому мосту Купреянов, в составе отряда генерала Сухтелена, был направлен к крепости Варне. Отряд должен был наблюдать за этой крепостью, но вскоре гарнизон ее был настолько усилен, что сам перешел в наступление, обложил русский отряд и произвел на него ряд усиленных атак. Потребовалось большое мужество и большая стойкость, чтобы отразить неприятеля. Купреянов был всегда в самых опасных местах и показал при этом не только большую личную отвагу, но и замечательную распорядительность. В этом деле он получил две легкие раны. В начале июня 1828 года Купреянов был в отряде генерала Бенкендорфа, занявшего городок Праводы, чрезвычайно важный пункт для движения русской армии через Балканы. Турки оставили этот городок неукрепленным — это способствовало его занятию, но это же оказалось неблагоприятным, когда в июле и августе турки сделали три активных попытки вернуть Праводы. Каждый раз их атаки были отражены русским гарнизоном.

Когда представилось необходимым, уже осенью 1828 года, почти всю русскую армию перевести для зимовки на левый берег Дуная, возник вопрос — покидать Праводы или продолжить удерживать их? Удержание было чрезвычайно желательным, но и таким же тяжелым, так как Праводы оказывались в полной изоляции. Купреянов на военном совете энергично высказался за сохранение Правод и поручился, что удержит этот городок силами одной бригады. Предложение его было принято, и небольшой русский отряд остался зимовать у подножья Балкан, тогда как остальная русская армия была за Дунаем. По мнению историков[83], зимовка в Праводах не идет, конечно, в сравнение с другими блестящими военными операциями русской армии, но дело было весьма замечательное. Много нужно было энергии, изобретательности и бодрости духа, чтобы обеспечить всем необходимым гарнизон. Купреянов выполнил это блестяще, солдаты его даже считали, что жили с удобствами. В то же время в Праводах были проведены земляные работы, превратившие этот городок в крепость. Командовавший русскими войсками в Болгарии, генерал от кавалерии Рот, известный за начальника чрезвычайно строгого и неохотника до похвал подчиненным, выразил Купреянову самую живую благодарность.

С наступлением весны 1829 года турки начали наступательные действия против Правод. Русский гарнизон, не достигавший в течение зимы 3000 человек, был усилен еще 2000. 17 мая 1829 года турецкая армия численностью 30 тысяч человек появилась под Праводами и начала усиленную бомбардировку русских позиций. Осада продолжалась 12 дней, на приступ турки не решились, так как все их попытки заложить тран-

шей близко от русских позиций, были отражаемы вылазками. Движение основных сил русской армии под командованием Дибича вынудило турок отступить от Правод. Купреянов выступил преследовать турок. Неосторожное движение его передового конного отряда, попавшего в засаду, дало туркам возможность причинить русским большие потери, и Купреянову пришлось возвратиться обратно в Праводы. Но после жестокого поражения турок под Кулевчами Купреянов вновь выступил со своим отрядом в преследование. Ему даже удалось отбить свои потерянные в предыдущей неудаче орудия. Главнокомандующий Дибич признал, что успех кампании 1829 года во многом определился героической обороной Правод и задержкой здесь турецкой армии, что дало возможность сосредоточить силы для главного удара. Купреянов получил орден Святого Георгия 3-й степени и был назначен начальником 9-й пехотной дивизии.

В 1831 году Купреянов принимал участие в походе против польских конфедератов. В 1848 году он принял участие в венгерской кампании. В сражении под Дебречином Купреянов получил столь тяжелую рану в ногу, что ногу пришлось ампутировать. Император австрийский пожаловал ему орден Святого Леопольда 1-й степени большого креста с особым рескриптом. Император Николай Павлович наградил Купреянова особым образом: он даровал дворянское достоинство рижскому купцу Вертану, за которым замужем была единственная дочь Купреянова. Вот такой герой жил в Лобанове на реке Северке и умер в чине генерала от инфантерии 4 августа 1874 года.

Недалеко от Лобанова, ниже по Северке, находится усадьба Ляхово с окружающими селами и деревнями, сформированная в начале XIX века, когда ее владельцем был знаменитый московский богач, граф Александр Семенович Васильчиков. Фаворит Екатерины II в 1772-1774 годах, он затем уехал из Петербурга в Москву и провел 30 лет в пышном доме своем на Воздвиженке холостяком, оставив братьям по смерти своей в 1813 году громадное состояние[84]. От усадьбы в Ляхове сохранился дом с флигелем, которые сейчас усердно восстанавливаются местными жителями, хозяйственные постройки и небольшой липовый парк с остатками террасных прудов. Кстати, о прудах. В районе наших изысканий прудовое хозяйство необыкновенно развито до сих пор. Видимо, как пишется в исторических брошюрах, эта тема еще ждет своего исследователя.

Недалеко от Ляхова, в селе Кузовлеве, стоит обветшавшая церковь Рождества Богородицы, датируемая серединой XVIII века[85]. Это — кирпичный с белокаменным убранством бесстолпный одноглавый храм в форме четверика с колокольней, примыкающей непосредственно к его западной стороне. Архаизмы и примитивность в трактовке орденских элементов, усмотренные бдительными исследователями, позволили отнести эту церковь к творчеству местных мастеров[86].

В середине XIX века владела усадьбой Ляхово и окрестными селами помещица А.Д. Заливская, а позже — в начале XX века — А.А. Варгин. Семья Варгиных — в былые годы известная московская купеческая семья. Варгины были богатыми домовладельцами, и многие их дома в Москве, ныне сохранившиеся, увенчаны или достойны быть увенчанными памятными досками. Вот, например, свидетельство поэта И.А. Белоусова с вкраплениями из других источников: «Мастерская моего отца находилась в Зарядье на углу Псковского и Мокринского переулков, в доме Варгина, который был крупным поставщиком провианта и амуниции на армию в 1812 году. Впоследствие я слышал от отца, что этого поставщика Варгина по доносам и клеветам предали суду за то, что он будто бы поставлял негодную амуницию и

недоброкачественный провиант на армию. Но Варгин был честнейший человек и патриот, и не только сам не брал взяток, но и другим чиновникам не давал брать. Впоследствии Варгин был оправдан, освобожден из Петропавловской крепости, куда был заключен, и ему были возвращены все его имения и дома, а домов у Варгина было несколько. Ему принадлежало владение, на месте которого теперь находится Малый театр, открытый в 1824 году (Московский казенный театр, обогащаясь такими актерами, как П.С. Мочалов и М.С. Щепкин, не имел собственного помещения. 14 октября 1824 года казенный театр, под названием «Малый», открылся в новом доме, арендованном у купца Варгина, на том месте, где помещается и ныне. Дом этот, с торговыми помещениями и концертным залом, был перестроен архитектором О.И. Бове под театр на 660 мест[88]); огромный дом на Ильинке, который Варгин пожертвовал Серпуховскому обществу, так как Варгин был уроженец Серпухова; дом этот называется Серпуховским подворьем. Довольно большое владение принадлежало Варгину на углу Кузнецкого моста и Лубянки; дом был сломан до революции, и на его месте построено здание, в котором теперь (в 1929 году) находится Комиссариат иностранных дел и стоит памятник Воровскому. В неизменном виде находится дом на Тверской улице, против бывшего губернаторского дома, ныне Московского Совета (в мае 1834 года Виссарион Белинский, получив деньги за перевод романа «Магдалина», переезжает из Рахмановского переулка на Тверскую улицу в дом Варгина и живет там до начала августа[89]), и дом в Зарядье, в котором я родился. Все эти дома перешли в наследство племянникам Варгина. В зарядьеском доме жил управляющий Варгина; отец мой был с ним дружен. Этот управляющий подарил отцу картуз из настоящего морского котика, камышовую трость с сердоликовым набалдашником, украшенным золотом, и пистолет с длинным дулом — такие пистолеты прежде употреблялись для дуэлей. Все эти вещи принадлежали поставщику Варгина и были им подарены своему управляющему»[87].

В конце 1850-х — начале 1860-х годов Лев Николаевич Толстой, посещая Москву, останавливался в «меблированных комнатах» Варгина на Пятницкой улице (ныне дом № 12)[90]. Серпуховские Варгины тоже процветали. В «Справочной книжке за 1879 год»[91] в городе Серпухове значится Чугунно-литейное заведение купчихи Серафимы Николаевны Варгиной. «Рабочих — 32. Управляющий — Григорий Александрович Варгин». Более подробных сведений о последних владельцах Ляховской усадьбы отыскать не удалось.

В 9 км от нашего села Троицкое-Лобаново находится древнее село Степановское. «Оно было дворцовое, которое ведано в обиход Великия Государыни инокини Марфы Ивановны, в 7192 г. (т.е. в 1684 году по нашему летоисчислению) отдано было блаженной памяти при царе и великом князе Федоре Алексеевиче окольничему Михаилу Тимофеевичу Лихачеву, потом куплено в 1706 г. генеральным президентом и Московским комендантом и Сибирских провинций судьей князем Матвеем Петровичем Гагариным, у которого впоследствии поместье это было взято на Его Императорское Величество, и в 1721 году пожаловано действительному тайному советнику и вице-канцлеру барону Андрею Ивановичу Остерману. Потом владеет Степановским артиллерии генерал-майор Матвей Андреевич Толстой, затем сын его Николай Матвеевич. Впоследствии село принадлежало племяннице его, княгине Наталье Ивановне Голицыной, урожденной Толстой, потом сыну Александру Михайловичу Голицыну, по смерти его брату Валериану Михайловичу и, наконец, его детям».[92]

Степановская церковь относится к редкому в России типу двойных церквей: церковь, совмещенная с церковью-колокольней. Первая — Богоявленская церковь — была сооружена в XVI веке (до 1578 года), позже, в 1680-1690-х годах перестроена. Вторая — церковь-колокольня Исаакия Далмацкого — была выстроена в 1732 году по заказу барона А.И.Остермана. Большой интерес исследователей этих церквей вызвал строго выдержанный пропорциональный строй в объемной композиции сооружения в целом и в отдельных его деталях[93]. При выборе соотношения различных деталей неизменно повторяется общее правило, а именно, выбирается отношение стороны квадрата к его диагонали. Высота нижнего четверика церкви равна стороне квадрата, построенного на диагонали другого квадрата со стороной, равной суммарной высоте двух четвериков. Таким же соотношением связана высота двух четвериков с высотой от земли до карниза восьмерика — звона. Полная высота колокольни (от земли до центра яблока) является диагональю квадрата, сторона которого равна высоте от земли до венчающего карниза восьмерика звона. Те же соотношения сохраняются и в более мелких вертикальных членениях ярусов. Этот архитектурный прием широко использовался и древнерусскими мастерами.

Наш беглый обзор по дальним окрестностям Троицкого-Лобанова завершим показательной цитатой из корреспонденции об освящении храма в селе Щапове. Здесь, как помните, также была усадьба Волконских. «1900 года, ноября 19 дня в селе Щапове Коломенского уезда происходило редкое торжество — освящение вновь устроенного теплого двухпрестольного храма и при нем величественной колокольни. Этот вновь выстроенный теплый храм отделяется от летнего аркою. Нужно заметить, что существующий доселе храм, построенный в 1765 году тщанием князей Волконских, как видно из церковной летописи и устного предания, был не окончен, что подтверждается следующими сообщениями. Когда стали копать канавы под бут для теплого храма и колокольни, то выяснилось, что все предназначенное пространство для постройки было когда-то забучено, но об этом никто не знал. Затем вся постройка нашего храма поражает своею массивностью и характерной архитектурою: толщина стен в три аршина, над куполом возвышается сплошной каменный шпиль в 21 аршин вышины, далеко видимый со всех сторон. При этом храме, однопрестольном, во имя Св. Троицы, был пристроен, как продолжение его, небольшой, в 7 аршин длины, притвор, над которым и поставлены были четыре каменных столба для колоколов; здесь-то и помещалась наша колокольня. Сейчас живо вспоминается, когда на первых годах священства нашего настоятеля о. Величкина был пожертвован в 120 пудов колокол взамен 40-пудового разбитого, когда вместе с радостью было не мало опасения за ветхость колокольни.

Храм всегда был холодный; в 1878 году священник о. Богоявленский устроил было его теплым, но постоянная сырость, большой непосильный расход на дрова заставили скоро прекратить отопление храма и заботиться о приведении его в подобающий делу Божию вид, что и сделали было стараниями священника о. Величкина. В 1885 году устроен был из подольских плит пол; затем, в 1888 году была возобновлена стенная живопись, которой от сырости местами совсем не было видно, и вместо двухъярусного, совсем осыпавшегося иконостаса, теперь устроен вызолоченный в четыре яруса; в вышеупомянутом 7-аршинном притворе устроен темный придел, который и был освящен в 1889 году. Между тем, о. Величкин имел намерение сделать прибавление храма на два придела и отдельную колокольню, но средств на это не было. Усердие о. настоятеля при этом не ослабло.

Скоро он находит себе помощников в лице некоторых прихожан, проживающих в Москве торговлею: братьев Краснощековых, Трофимова, Михайлова и Снегирева. И вот, в 1899 г., 8 мая, при соборном благослужении, в присутствии о. благочинного Постникова совершается закладка храма; с небольшим в полтора года новый храм и колокольня устроются, а 19 мая 1900 года храм благодатию Божею был освящен. Стоимость всей постройки обошлась около 30 тыс. рублей. Освящение совершал местный благочинный, погоста Борзецова священник о. И.И.Постников, в служении настоятеля храма и соседских священников — сел: Хонятина, Алексеевского, Игнатьева, Четрякова, Бортникова, Никулинского и Мартыновского, при стройном пении Алексеевского хора с фабрики г. Мамонова. Во время причастного стиха о. Величкин обратился к молящимся с приличествующим торжеству словом; на «Буди имя Господне» было сказано назидательное слово о. благочинным, который, между прочим, напомнил жертвователям, что при добром деле не должно жалеть средств; и высказал, какие трудности пришлось перенести о. настоятелю в постройке церкви при неимении средств. По окончании литургии был отслужен молебен св. Николаю с провозглашением многолетий. Благодарные прихожане за труд и усердие о. Величкина почтили его поднесением иконы святителя Николая»[94].

7. Помещик Азанчевский

Мы переходим к заключительной фигуре из дореволюционных владельцев Троицкого с некоторой растерянностью. Дело в том, что узнали мы об этом человеке чудовищно мало, чтобы выделить рассказ в отдельную главу. Пусть она послужит лишь заделом к будущим нашим изысканиям. Павел Матвеевич Азанчевский, выкупив, как сказано у Иванчина-Писарева, имение Троицкое у графа Бобринского, «распорядился в нем как владелец, богатый не одними деньгами, но и хозяйственными знаниями: сверх того, заметно здесь и его усердие к святыне».

История Троицкого при предыдущем владельце, графе Бобринском, не сохранилась, однако, как это имение могло попасть в его владение, ясно из следующего текста такого знатока земельных дел Коломенского уезда, как Андрей Тимофеевич Болотов. Несмотря на некоторую старомодность текста, приведем его без изменений: «70. Государь жалует бригадира Бобринского графским достоинством, именитыми волостями и огромным в Петербурге домом. Уже за несколько лет до кончины покойной императрицы и почти с самого начала ее правительства, носилась в народе тайная молва, что находящаяся в Тульской губернии и прославившаяся во всей России Бобриковская, а после и присоединенная к ней знаменитая Богородицкая, также и прикупленная на доход с их третья, Киясовская, волости назначались никому неизвестному воспитаннику в кадетском корпусе и потом путешествовавшему по всей Европе, и, по возвращении своем, отставленному из ротмистров конной гвардии бригадиром и в Ревеле, в некотором удалении живущему, господину Бобринскому Алексею Григорьевичу. Звание его, сходственное с Бобриковской волостью, и отменное от всех прочих казенных деревень управление сих волостей, называвшихся все время правления покойной императрицы ее собственными, украшение их разными зданиями, несмешивание доходов с них ни с какими иными государственными, и достанавливание оных в

особо назначаемые места и, наконец, препоручивание оных всегда особым командирам и содержание их во всем почти не дворянском праве — подавали повод к таким заключениям; и все почти не сомневались, что они выбудут некогда из казенного ведомства и пожалованы будут помянутому знаменитому воспитаннику. Однако, сколько не ожидаемо было сие, в последние годы жизни императрицы, но не последовало. Не успела же она скончаться, как и промчался потаенный слух, якобы осталось в сенате, относительно до сих волостей, императрицыно завещание, в такой силе, чтобы они были отданы в вечное и потомственное владение оному господину Бобринскому. Но справедлива ли сия молва была или нет, уже неизвестно; а достоверно было то, что в шестой день после кончины благоволил новый монарх пожаловать сего бригадира не только помянутыми тремя волостями, но сверх того еще огромным каменным, а прежде того князю Григорию Григорьевичу Орлову принадлежавшим, в Петербурге домом, называемым Стегелманским, а сверх всего того украсить еще его достоинством российского графа; — милость необыкновенная и знаменитая и поступок, приносивший великую честь и похвалу сему новому монарху»[95].

То, о чем Болотов столь прозрачно намекал, что граф Бобринский приходился сводным братом императору Павлу, сейчас уже не тайна, но и не предмет нашего разбора. Павел Михайлович Азанчевский фактически был его ровесником, родился в 1787 году, получил домашнее образование и начал службу актуарисом (?) в Коллегии иностранных дел. В Отечественную войну 1812 года был в ополчении, но возвратился с началом 1813 года в Москву. При коронации Николая Павловича находился в числе кремлевских герольдов.

Покупка Троицкого имения состоялась, видимо, в 1833 году, когда Павел Матвеевич оставил службу, посвятив себя хозяйству и экономическому писательству. Внутри главного дома усадьбы, где сейчас располагается детский лагерь, мы нашли памятную доску со следующей плохо читаемой надписью: «Сей конный двор <1848 г. > построен графом (?) Азанчевским под смотрением крестьянина Фомы Гордеева».

Кроме трех дочерей, Павел Михайлович имел трех сыновей, из которых старший — Азанчевский 1-й — оставил после себя «Историю Преображенского полка»[96], а младший — Михаил Павлович — стал композитором, собирателем замечательной музыкальной библиотеки, которую принес в дар Санкт-Петербургской консерватории, заведующим которой состоял с 1871 по 1876 год. И это об Азанчевских пока все.

Эпилог

Прошло более 10 лет освоения нашего садового участка в Троицком. Построились домики, выросли яблони и вишни. Жизнь в селе оживает весной и затихает осенью. Троицкое так и осталось тем уголком, куда нужно топать более часа от ближайшей автобусной остановки. Зимой здесь тихо и пустынно. Колокольня наклонилась еще больше, и вскоре ее либо отметят как подмосковную Пизанскую башню, либо разберут за ненадобностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Н. Оловянишников. История колоколов и колоколо-литейное искусство. Изд. 2-е. М., 1912 , с. 153.
2. Ник. Иванчин-Писарев. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М. 1843.
3. Энциклопедический словарь Ф.Брокгауза и И.Ефрона. Т. VII. 1892, с. 40-41.
4. История родов русского дворянства. В двух книгах. М. 1991.
5. Русский биографический словарь / Под ред. А.Половцева. СПб. 1914.
6. Д.М. Лебедев. Плавание А.И.Чирикова на пакетботе «Св.Павел» к побережьям Америки. М. 1951.
7. О персидском походе, при государе Петре Великом бывшем // Русский Архив, 1899, кн. 3-я, вып. 12, с. 481-491.
8. В. Комаров. Персидская война 1722-1725 года // Русский вестник, 1867, № 4, с. 553-616.
9. Записки Василия Александровича Нащокина. СПб., 1842.
10. А.А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю. В 2-х тт. М. 1950.
11. Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб. 1874. С. 45.
12. Записки Манштейна о России. 1727-1744. СПб. 1875. С. 40.
13. Д.Ф. Масловский. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1-3. М. 1886-1891.
14. Семилетняя война. Материалы 1756-1762 гг. М. 1948.
15. К истории Семилетней войны. Записки пастора Теге // Русский Архив. 1864, № 11-12, стлб. 1101-1163.
16. И.Е. Горчаковский. Взятие Берлина русскими войсками. 1760. Из записок // Русский Архив. 1894. Кн. 3, вып. 9. С. 13-20.
17. В.А. Бильбасов. Семилетняя война по русским источникам // Исторические монографии. Т. 5. СПб. 1901. С. 233-282.
18. Е.Г. Волконская. Род князей Волконских. СПб. 1900. С. 693-697.
19. Д. Благово. Рассказы бабушки. Л.: Наука. 1989. С. 25-26.
20. Русский Архив, 1889, № 5, с. 155-157.
21. Б.А. Косолапов. Определение персонажа одного из портретов Ф.С.Рокотова // Современный художественный музей. Проблемы деятельности и перспективы развития. Сб. трудов. Л. 1980. С. 92-98.
22. Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век. М.: Правда. 1988. С. 265-289.
23. Русская Старина, 1885, т. 48, с. 63.
24. Русский Архив, 1898, кн. 3-я, с. 57-58.
25. Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. 1907. Вып. 18. С. 25-37.
26. А.О. Смирнова-Россет. Дневник. Воспоминания. М.: Наука. 1989. С. 162.
27. М. Каменская. Воспоминания. М.: Худ. .литература. 1991. С. 181-182.
28. Е.Г. Волконская. Род князей Волконских. СПб. 1900.
29. А. Волконский. Поездка флигель-адъютанта князя Н.Г.Волконского к Наполеону I в 1808 г. (из семейных воспоминаний) // Русский Архив. М. 1874. Т. 1, № 4. С. 1047-1050.
30. В.Н. Репнина. Из воспоминаний // Русский Архив. 1889, № 5. С. 155-157.
31. Записки Сергея Григорьевича Волконского. СПб. 1902. С. 79-82.
32. Н.Л. Антонова. Авдотьино. М.: Московский рабочий. 1991. С. 47-49.
33. Михаил Семенович Щепкин. Жизнь и творчество. Т. 2. М.: Искусство. 1984. С. 253-255.
34. Записки декабриста Н.И. Лорера. М. 1931. С. 152.

35. В.А. Боголюбов. Н.И. Новиков и его время. М. 1916.
36. Н.М. Карамзин. Путешествие вокруг Москвы // Сочинения. Изд. 4-е. Т. 9. СПб. 1835. С. 123-135.
37. Русский Архив. 1890. Кн. 3-я. С. 367.
38. Г. Вернадский. Николай Иванович Новиков. Пг.: Наука и школа. 1918.
39. К.М. Нистрем. Указатель селений и жителей уездов Московской губернии. М. 1852.
40. М. Лонгинов. Посещение села Авдотьина-Тихвинского, принадлежавшего Н.И.Новикову // Русский Вестник. 1858. Т. 18, № 11, кн. 2. С. 175-182.
41. Т.С. Кодукторова. Морфологические особенности свода черепа с реки Северки // Ученые записки МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 158. М. 1952. С. 239-252.
42. А.П. Шрамченко. Справочная книжка Московской губернии. М. 1890.
43. М.А. Ильин. Подмосковье. М.: Искусство. 1966; Памятники архитектуры Московской области. В 2-х тт. М.: Искусство, 1970.
44. М.А. Ильин. Марьинка Бутурлина // Сборник Общества изучения русской усадьбы. М. 1929. Вып. 7-8. С. 56-57.
45. М.А. Ильин. Псевдоготическая усадьба Московской губернии // Труды этнографо-археологического музея 1 МГУ. М. 1926. С. 28-30; Н.Я. Тихомиров. Архитектура подмосковных усадеб. М. 1955. С. 249.
46. Н.В. Измайлов. Об архивных материалах Пушкина для «Истории Пугачева» // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 3. М.-Л. 1960. С. 438-454.
47. А. Кюстин. Николаевская Россия. М.: Политиздат. 1990. С. 282.
48. Из записок графа М.Д. Бутурлина // Русский Архив. 1897. Т. 3, № 11. С. 343.
49. Русская Старина. 1894. № 10-12.
50. Русский биографический словарь. СПб. 1914.
51. Скабичевский. Очерки по истории русской цензуры. СПб. 1892. Гл. 18.
52. П.В. Долгоруков. Петербургские очерки. М.: Новости. 1992. С. 158.
53. П.А. Вяземский. Записные книжки. М.: Русская книга. 1992. С. 219.
54. Н.Л. Антонова. Авдотьино. М. 1991. с. 66.
55. М.Л. Михайлов. Записки. М.: Художественная литература. 1967. Т. 2. С. 319-321.
56. Там же. С. 560.
57. Т.В. Николаева. Семейная реликвия Бутурлиных // Памятники культуры. Новые открытия. Л.: Наука. 1985. С. 397-407.
58. В. Иванов, В. Барсуков, Г. Федюкин. Подмосковные места. М.: Мысль. 1967. С. 194-211.
59. Ю.В. Готье. Замосковный край в XVII веке. Изд. 2-е. М.: Соцэкгиз. 1937.
60. В.И. Кузнецов. Хозяйственное описание Коломенского уезда последней трети XVI — начала XVIII в. (обзор источников) // Проблемы истории СССР. Вып. 13. М.: МГУ. 1983. С. 111-122.
61. В.И. Кузнецов. Поместное землевладение Коломенского уезда в конце XVI в. — 20-х годах XVII в. // Проблемы истории СССР. Вып. 11. М.: МГУ. 1980. С. 31-48.
62. Очерки истории СССР (конец XV — начало XVII вв.). М.: АН СССР. 1955. С. 504-507.
63. Восстание И. Болотникова. Документы и материалы. М.: Соцэкгиз. 1959.
64. И.И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606-1607. М. 1951.
65. Р.В. Овчинников. Некоторые вопросы крестьянской войны начала XVII в. в России // Вопросы истории. 1959, № 7.
66. Р.Г. Скрынников. Смута в России в нач. XVII в. Иван Болотников. Л.: Наука. 1988.

67. Дм. Цветков. Из истории брачных дел в царской семье московского периода / / Русский Вестник. 1884. Т. 172, № 7. С. 155-199.
68. Русский биографический словарь. СПб. 1914.
69. История родов русского дворянства. В 2-х книгах. М. 1991.
70. Рассказы, записанные П.Ф. Карабановым // Русская Старина. 1872. Т. 5, № 1. С. 129-147.
71. А.Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга. 2-е изд. Т. 1-2. СПб. 1895.
72. Письма Н.Д. Иванчина-Писарева к И.М. Снегиреву. СПб. 1902.
73. С.В. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 1. Пг. 1915.
74. М.А. Козырев. Воспоминания об И.З.Сурикове // Исторический вестник. 1903. Т. 93. С. 879-892.
75. А.В. Круглов. О живых и мертвых // Исторический вестник. 1894. Т. 58. С. 660-680.
76. Памятники архитектуры Московской области. В 2-х тт. М. 1975.
77. Русский Архив. 1870. № 7.
78. А.П. Шрамченко. Справочная книжка Московской губернии. М. 1890.
79. Князья Долгоруковы в 1730-1740 гг. // Русская Старина. 1878. Т. 23, № 12. С. 735-746.
80. Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников Московского археологического общества. Т. 4. М. 1912. С. 61.
81. В.С. Пикуль Исторические миниатюры. Т. 1. М. 1991. С. 109-115.
82. Русский биографический словарь. СПб. 1914—1918.
83. Военный сборник. 1875. № 2-3. С. 159-190, 5-53.
84. Московское дворянство в 1812 г. М. 1912., с. 202.
85. Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 48. СПб. 1913. С. 35-36.
86. Памятники архитектуры Московской области. Т. 1. М. 1975.
87. И.А. Белоусов. Ушедшая Москва // Московская старина. М.: Правда. 1989. С. 316-389.
88. История Москвы. Т. 3. М. 1954. С. 612-613.
89. Русские писатели в Москве. М. 1973. С. 343.
90. Русские писатели в Москве. М. 1973. С. 571.
91. А.П. Шрамченко. Справочная книжка Московской губернии. М. 1890.
92. А. Мартынов. Село Степановское // Русский Архив. 1895, № 4. С. 534-535.
93. П.А. Тельтевский. Церковь в селе Степановском [XVIII в. в Моск. обл.] // Архитектурное наследство. 1959. № 9. С. 169-173.
94. Московские церковные ведомости. 1901. № 10. С. 126-127.
95. А.Т.Болотов. Любопытные и достопамятные деяния и анекдоты государя императора Павла Первого // Русский Архив. 1864. № 7-8, стлб. 751-753.
96. М.П. Азанчевский 1-й. История Преображенского полка. М. 1859.

М.П. Пряшникова

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТЕАТР А.Р. ВОРОНЦОВА В АНДРЕЕВСКОМ

Театр Александра Романовича Воронцова в его имении Андреевском был одним из известнейших частновладельческих театров своего времени. Его репертуар, точно так же, как и в большинстве театров того времени, был смешанным: наряду с драматическими пьесами, в нем шли музыкальные спектакли. Среди последних часть составляли так называемые «комедии с музыкой», сопровождающиеся игрой камерного ансамбля или оркестра и включающие небольшие ариетки, песенки, дуэты. Кроме них в репертуар Андреевского театра входили и собственно оперы, где разговорные диалоги были заменены речитативами, и музыкальные номера (арии, дуэты, финальные ансамбли) составляли основу спектакля. В сегодняшней статье я буду говорить о той части репертуара театра в Андреевском, которая была связана с музыкой. Эти постановки составляли приблизительно четверть от их общего числа.

В советское время о крепостном театре А.Р. Воронцова впервые написала исследователь С. Щеглова в статье «Воронцовский крепостной театр», опубликованной в 1926 году.[1] Её исследование основано на архиве Воронцовых, который в то время поступил в Рукописный отдел библиотеки Академии наук и готовился к обработке. Ныне этот архив находится в РГАДА, и его материалы полностью обработаны. Моя статья также в основном опирается на материалы фонда Воронцовых в РГАДА, а также архивы Воронцовых в Институте русской истории РАН в Петербурге, в Государственном историческом музее, в научной библиотеке Одесского государственного университета и в фондах Алупкинского дворца-музея.

Неоднократно обращалась к материалам о театре в Андреевском, хранящимся в РГАДА, известный музыковед Т. Ливанова, автор капитального двухтомного исследования «Русская музыкальная культура XVIII века»[2], в котором она сравнивала музыкальный репертуар театра А.Р. Воронцова с театром Шереметева. В 1969 году Е.М. Левашев, тогда ещё студент Московской консерватории, посетил Андреевское и описал свои впечатления о сохранившихся к тому времени в бывшем имении Воронцова постройках, в том числе — о здании его театра.[3] Мое последнее посещение Андреевского относится к сентябрю 2003 года, и, к сожалению, мне не удалось побывать внутри дворца и в помещениях, где ранее находился театр. Как мне сказали очевидцы, это крыло здания сильно перестроено, и никаких следов былого театра в нем не сохранилось.

О музыкальных вкусах и интересах Александра Романовича Воронцова сохранилось не так много данных. Согласно его воспоминаниям, в детские и юношеские годы он вместе со своим братом часто посещал придворный театр, где

Главный усадебный дом в Андреевском со стороны парадного двора. Фото М.В. Нащокиной. 1996.

ставились итальянские и французские оперы. Таким образом, сформировался его музыкальный вкус и выработался интерес к музыкальным постановкам. Уже в ранние годы он очень много читал по-французски, и был в курсе всех эстетических споров, которые велись на страницах парижских изданий французскими энциклопедистами, и получили название «войны буффонов». Речь в них шла о достоинствах и недостатках итальянской и французской оперы, наиболее яркими представителями которых были тогда Глюк и Пиччини. Приехав в Париж в возрасте 16 лет, он увидел на практике то, о чем читал в России. В своих незаконченных мемуарах, охвативших молодые годы жизни, А.Р. Воронцов оставил нам интереснейшие впечатления молодого россиянина о театрах Парижа — прежде всего о спектаклях в Королевской академии музыки и в итальянской опере. Его музыкальные вкусы в это время уже сформировались определенным образом: в войне «глюкистов и пиччинистов» он встал на сторону итальянской музыки. В своих «Заметках» он отмечал, что ему тогда гораздо больше нравились спектакли итальянской оперы, а французская музыка, как он пишет, «резала мне слух», и он делал исключение лишь для оперы «Деревенский колдун» Ж.Ж. Руссо, которую посещал всякий раз, когда она появлялась на сцене.

Известно, что во время своего постоянного жительства в Петербурге Александр Романович имел в своем доме постоянно действующий оркестр или ансамбль музыкантов. В документах 1776 года сохранилась запись о том, что в числе расходов была покупка струн для инструментов. В недатированном списке среди вещей, отправленных из Петербурга в Андреевское, значится ящик, в котором «положено валторн со всем прибором — 2, флейтов — 6».[4] В списках хранящихся в кладовой московского Слободского дома Воронцова предметов значились ноты и музыкальные инструменты, а также пульты. В 1794 году в расходной части документов по воронцовским имениям мы видим запись об уплате пенсии — 30 рублей — капельмейстеру Петру Яблочкину. Впрочем, возможно, что капельмейстер Петр Яблочкин работал не у Александра Романовича, а у его отца, Романа Ларионовича. Это могло быть как в петербургском доме кого-то из них, так и в Андреевском. Не исключено, что Петр Яблочкин был родственником известного скрипача и дирижера придворного бального оркестра, ученика знаменитого Ивана Хандошкина, Ивана Федоровича Яблочкина, отец которого служил камер-музыкантом ещё при дворе императрицы Елизаветы.

Как отмечал в своих письмах к Семену Романовичу в Лондон Ф. Лафермьер, проживший последние годы своей жизни в Андреевском вместе с А.Р. Воронцовым, последнему, в общем, не было свойственно последовательное увлечение музыкой и театром на протяжении всей его жизни. Главное место в ней занимала политическая и государственная деятельность, масонские связи, родственные контакты с сестрами и братьями. «Вы будете очень удивлены, дорогой граф, увидев вашего брата, никогда не слывшего большим любителем музыки, с оркестром и собственной оперой», — пишет Лафермьер Семену Романовичу в 1794 году.[5] По-видимому, все же Лафермьер был не совсем прав. Интерес к музыке и музыкальному театру, которому Александр Романович отдал дань в юные годы, не угас и позднее, а был лишь отодвинут другими интересами. Во время своей жизни в Петербурге он постоянно посещал музыкальные спектакли, чему свидетельством служат многочисленные издания оперных либретто 1770-1780-х годов, хранившиеся в его библиотеках в Андреевском и в московском доме. Следов этих библиотек до сих пор найти не удается, но многочисленные каталоги этих книжных собраний дают достаточно полную картину его посещений музыкальных театров в Петербурге (придворного и городского каменного) и в Москве, и позволяют утверждать, что Александр Романович внимательно следил за всем происходящим в этой области и сохранил в своей библиотеке практически весь репертуар изданий этого рода.

Свидетельством неугасшего интереса Александра Романовича к музыке служит и тот факт, что в 1792-м году он организует в тамбовском имении Большие Алабухи театр и ведет там же обучение музыке и актерской игре молодых дворовых людей. Примечательно, что он не отдавал их в оркестры других владельцев, как это делала Екатерина Романовна, а обучал у себя, имея среди своих служащих опытных музыкантов. Необходимо отметить, что А.Р. Воронцов всегда стремился дать своим людям образование. Сохранилось сообщение управляющего Г. Мещерякина, в котором тот докладывает, что 6 мальчиков из Алабух были направлены в Тамбовское народное училище для обучения. Для их проживания была нанята квартира, хозяину которой выделялись деньги «на харч и обувь», на каждого по 15 рублей в год. Примечательно, что мальчики были представлены губернатору Тамбова Гавриле Романовичу Державину. Они выдержали предварительные испытания, и двое старших — Полунин и Поляков — были зачислены во второй класс, а четверо младших — в первый. Оба упомянутых здесь мальчика впоследствии на протяжении многих лет фигурировали в списках актеров воронцовского театра.

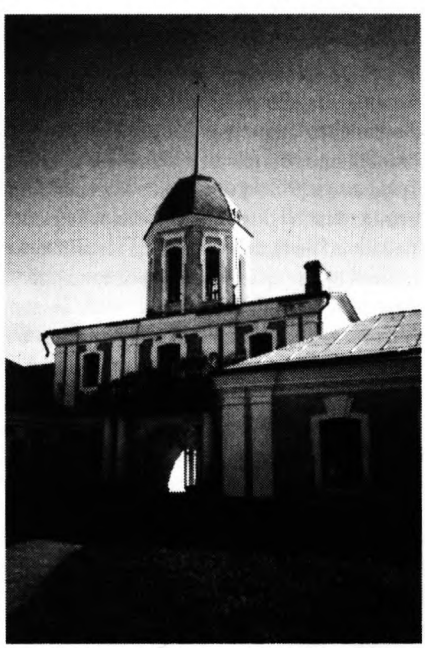
В сообщении управителя Алабух Федора Булатова имеется упоминание, что в конце декабря 1791 года по указанию А.Р. Воронцова бывший официант, а ныне музыкант Зотов начал свою работу в Алабухах. Как докладывал управитель Булатов, он отличался добрым, прилежным и трезвым поведением, чем и «заслужил доверенность ему обучения набранных для скрипичной музыки учеников». А капельмейстеру Феклистову «по невоздержанности его оставляется в смотрении одна духовная музыка, валторны и флейты». Булатов испрашивал приказания А.Р. Воронцова сделать прибавку жалованья Зотову, получавшего

до того 21 рубль в год.[6] Параллельно с обучением будущих актеров, в 1792 году было начато строительство театрального здания. Федор Булатов в октябре 1792 года давал в Московскую домовую контору подробный отчет о затраченных на строительство театра средствах.[7] Как выясняется из этого документа, театр был построен деревянный, и за работу бригаде, в которой участвовали алабухские крестьяне, малороссияне и русские, под руководством Еремея Погребняка и Бориса Мурненко с товарищами, было заплачено 35 рублей.

По-видимому, театр в Алабухах организовывался впервые, и для его обустройства покупалось абсолютно всё: для занавеса и декораций («картин») 46 аршин крашенины; сто колец к занавесу, нитки для его сшивания; краски для раскрашивания кулис и написания декораций; гвозди для прибивки кулис и декораций; большое количество реквизита (шляпы, украшения, чулки, ленты, очки, табакерки и т.п.); ткани для шитья костюмов, зеркала и гребни для парикмахера; плошки для сальных свечей, применявшихся при освещении сцены и т.д. (Там же). По-видимому, Булатову было также поручено подобрать людей в других имениях графа, т.к. в реестре дворовых, составленном 25 марта 1793 года, он отдельно указывает тех, кто был при прежнем управителе и тех, кого он привез из разных мест. В обоих списках имеются фамилии будущих актеров воронцовского театра. Отдельным списком перечислены «школьники», т.е. учащиеся в тамбовском народном училище — их уже 11 человек, и практически все они вошли в труппу театра.[8]

Сведений о поставленных в алабухском театре спектаклях пока обнаружить не удалось, неясно также, кто отбирал пьесы для его репертуара и проводил репетиции с начинающими актерами и музыкантами. Насколько известно, сам Александр Романович в это время находился в Петербурге, и был занят государственными делами на посту президента Коммерц-коллегии, к тому же вскоре он был вынужден уйти в отставку, и потому вряд ли мог надолго уезжать в свое тамбовское имение. Тем не менее, очевидно, что какие-то постановки там осуществлялись.

В июле 1793 года начата подготовка к переводу алабухского театра в Андреевское — по-видимому, Александр Романович в это время принял решение уйти со своего поста и поселиться в Андреевском. Сохранился «Реестр дворовым», находящимся в Алабухах и готовящимся к отправке в Андреевское, подписанный «афиси-



Башня парадного двора в Андреевском. Фото М.В. Нащокиной. 1996.

Крыло главного дома в Андреевском, где предположительно находился театр. Фото М.В. Нащокиной. 1996.

янт Яков Шведов».[9] В нем указаны: музыканты Никифор Зотов, 28 лет и Яков Феклистов, 36 лет, а также их ученики. Как уже упоминалось, струнников учил Зотов. Это скрипачи Сидор Пантелеев (9 лет), Игнатий Скрябин (7 лет), Афанасий Гнездарев (6 лет), Михайло Атичкин (6 лет); басист (виолончелист) Куприян Трофимов (9 лет) и альтист Михайло Крылов (5 лет). Духовики — ученики Феклистова: флейттраверсисты Илья Фирсов (9 лет) и Влас Яковлев (6 лет), валторнисты Наум Гнездарев (20 лет), Иван Логин (7 лет). Обучающиеся театральным действиям — актеры: Николай Гнездарев (8 лет), Александр Полунин (9 лет), Федор Поляков (9 лет), Павел Поляков (4 года); и актрисы Марфа Непряхина (7 лет), Матрена Воробьева (9 лет), Марья Бахтеярова (8 лет), Василиса Стрижова (7 лет), Анна Шатилова (3 года), Аграфена Бахтеярова (2 года). Как видим будущие актеры и музыканты — совсем дети, в основном 7-9- летние, а есть еще меньше. 23 сентября 1793 года Ф.Булатов в письме доложил А.Р. Воронцову об отправке актеров и музыкантов на наёмных подводах в Андреевское.[10] По-видимому, какое-то время часть музыкантов ещё оставалась в Алабухах, т.к. в рапорте Булахова от 11 января 1794 года значатся потраченные на покупку струн для музыкальных инструментов 13 руб. 80 коп. Но возможно, что это отчет о суммах 1793 года.

В конце января 1794 года управитель из Андреевского сообщал в письме графу Александру Романовичу, что идет завершение строительства и обустройства помещения театра. В письме от 15 января он писал, что «театр приходит к отделке», почти закончены столярные работы, и петербургский художник приступает к изготовле-

нию кулис, для чего покупались краски по списку, составленному этим художником. Имя художника в письме не фигурирует, но очевидно, что это не был собственный дворовый графа, а специально нанятый для этих целей специалист. Как известно, в 1794 году Александр Романович подал в отставку и вместе со своим другом Франсуа Лафермьером, также покинувшим службу при «малом дворе» Павла Петровича и Марии Федоровны, приехал в Андреевское.

Существует мнение, что Александр Романович создавал театр в первую очередь для того, чтобы занять и развлечь Лафермьера, бывшего не только библиотекарем у Марии Федоровны, но и постановщиком ряда спектаклей при «малом» дворе в Павловске и Гатчине. Известно, по крайней мере, о трёх сочиненных им либретто для опер, большом количестве текстов для романсов, а также басен. Лафермьер, несомненно, был профессионалом музыкально-театральных постановок, которым он уделял много времени и таланта во времена службы при павловском дворе. И то место, которое занял воронцовский театр в истории русского музыкального театра XVIII века, в значительной степени результат деятельности в нём именно Лафермьера, имевшего большой опыт работы с непрофессиональными актерами-любителями в жанрах комической французской оперы и французской комедии с музыкой. Деятельность Лафермьера в андреевском театре была недолгой, т.к. в июне 1796 года он умер, но он успел обучить актеров и дать общее направление, по какому должно строиться сценическое решение спектакля. Несомненно, что многолетняя успешная работа театра в Андреевском объясняется не только дружбой Александра Романовича с Лафермьером, но и его собственными склонностями и любовью к театру, заложенной ещё в юные годы.

Французский театр в 1790-е годы в России заметно потеснил итальянские постановки не только при дворе, но и в многочисленных частных и публичных театрах. Французский репертуар был естественным для частных театров, владельцы которых владели французским языком лучше, чем русским. В то же время многие из французских пьес столичного репертуара переводились на русский язык, приспособляясь к нравам массовой российской публики, посещавшей публичные театры. Но и для некоторых частных крепостных театров характерно именно преобладание русскоязычного репертуара, в основе которого лежали тоже французские комические пьесы, но обязательно в русском переводе. Во многих случаях это были адаптированные, переписанные «на русские нравы» французские образцы, с изменением имен действующих лиц на «говорящие» русские фамилии и сочиненные русскими авторами. Именно так обстояло дело в Андреевском, и в этом, по-видимому, заключалась принципиальная позиция его владельца, Александра Романовича Воронцова.

Сначала в новом андреевском театре использовались декорации и реквизит, привезенные из Алабух. Однако через год, в начале 1795 года, из Москвы было выписано большое количество холста, тысячи штук обойных гвоздей, веревки толстые и тонкие, пуды красок для писания новых декораций, скипидар и масло и т.п.. Кроме того, в документах имеется «реестр театральным уборам, посланным из Москвы», от 16 февраля 1795 года.[11] В нем перечислены: чепчики,

мантильки, роброн с юбкою, сюртук, кафтан ливрейный, плащ, кошельки, шляпы, ленты, перчатки, перстни, гребни, часы фальшивые с цепочкой, перстни и проч. Также указаны гримировальные принадлежности: ножницы, щипцы припекальные, пудра, помада, шпильки. Кроме того, в списке имеются ткани для шитья новых костюмов: «на два мундира солдатских сукна красного и зеленого», пуговицы. Упомянуты также «несколько шаров чугунных» — для создания звуковых эффектов — раскатов грома. Шары пускались по наклонному ступенчатому жолобу, идущему вокруг зрительного зала. Это новые покупки театрального реквизита означали, что театр занимает все большее место в жизни его владельца, репертуар неуклонно расширяется, исполнители приобретают опыт и сценическое мастерство.

Состав труппы театра включал музыкантов, актеров, «поющих женщин» и «пляшущих женщин» — т.е. хор и кордебалет, а также директора, суфлера, рабочих сцены, художника. Кроме того, в списках фигурируют в довольно большом количестве музыкантские ученики. Архив сохранил довольно много списков с перечислением имен и указанием вознаграждения каждому из участников постановок. К сожалению, большинство списков не датировано. Участники театральных представлений получали вознаграждение один раз в год, при этом учитывалось как степень участия и сложность ролей, так и их количество, и частота исполнения пьес. Вознаграждение колебалось от 15 рублей исполнителям первых ролей до 50 копеек самым младшим участникам. Кроме того, актеры и музыканты получали подарки: «штуку полотна», «холста на рубашку», «пару чулок», одежду. Многие из актеров были заняты не только в театре: среди исполнителей — кондитер Роман, Семен парикмахер, Иван машинист, Степан лакей, Иванушка Лафермьеров и др. В конце декабря 1795 года в списке награжденных «актеров, актрис и всех театральных служителей» значились актрисы: Марфа Коптелова, Матрена Полякова, Марья Бахтеярова, Василиса Стрижова, Анна Логинова, Анна Шатилова; 1-е актеры: Федор Яковлев, Лука Масеев, Яков Кириллов, Николай и Клим Гнездаревы, Александр Полунин, Игнатий Богданов; 2-е актеры: Федор Поляков, Дмитрий Романов помощник, Степан лакей, Наум Гнездарев, Петр Нагаев, Василий (помощник) Туйковский. Далее следуют «разночинцы» (т.е. занятые на вспомогательных ролях), таких 20 человек, у многих фамилия отсутствует, но указана основная работа в доме.[12]

В письме Лафермьера к Семену Романовичу Воронцову в Лондон от 1 февраля 1795 года содержится характеристика андреевской оперной труппы. Лафермьер сравнивает её с труппой Шереметева, спектакли которой он видел совсем недавно. Постановки шереметевского театра получают у него высокую оценку: там хороший актерский ансамбль, хорошо обученные певцы и танцоры в балете, превосходный и большой по составу оркестр. Интересно отметить, что Лафермьер разделяет актерское и певческое дарование у участников спектаклей Шереметева и актеров андреевских постановок, и считает, что у Шереметева хороши актеры, но нет хороших певцов. Далее он пишет, что и «наши не блистают с этой стороны, за исключением одного, обладающего довольно красивым голосом и некоторой методой. К счастию, большая часть опер, исполня-

ющихся у нас, не требует большого музыкального таланта».[13] К сожалению, Лафермьер не назвал имени отмеченного им талантливого певца из труппы Воронцова.

Вид главного дома из парка. Фото М.В. Нащокиной. 1998.

Театральный оркестр Воронцова в 1795 году действительно невелик. Список музыкантов содержит всего 9 человек. Это Яков Феклистов, Куприян Трофимов, Михаил Крылов, Игнатий Скрябин, Афанасий Гнездарев, Михаил Атичкин, Илья Фирсов, Влас Яковлев, Иван Логинов. Как видим, алабухский учитель струнников Никифор Зотов в Андреевское не приехал, но учитель духовиков Я. Феклистов в списке имеется. Их ученики К. Трофимов (виолончелист), М. Крылов (альтист), скрипачи И. Скрябин, А. Гнездарев, М. Атичкин, флейт-траверисты И. Фирсов и В. Яковлев, валторнист И. Логинов с успехом прошли обучение и стали музыкантами театрального оркестра. Не забудем, что все они пару лет назад были ещё мальчиками 7-9 лет, и за два года обучения достигли такого исполнительского уровня, что смогли участвовать в исполнении оперной партитуры. По-видимому, некоторые из музыкантов играли на нескольких разных инструментах. Так, скрипач Игнатий Скрябин играл также на семиструнной гитаре, для чего покупались ноты. В Андреевском имелись также гусли, для ремонта которых приобретались инструменты. Кто именно играл на гуслях, установить не удалось. Из числа малолетних актеров успешно участвовали в спектаклях недавние ученики Н. Гнездарев, А. Полунин, Ф. Поляков. Список актрис труднее поддается сравнению, т.к., часть их, по-видимому, поменяла фамилию (совпадают только имена), а из оставшихся упомянуты В. Стрижова, А. Шатилова и А. Логинова.

Ещё через два года, в декабре 1797-го, в списке награжденных за работу в театре в прошедшем году, встречаем уже директора Федора Яковлева, который раньше был первым актером, а основной состав актеров и актрис совпадает. Из числа музыкантов исчез учитель-духовик и капельмейстер Я. Феклистов, но оркестр увеличился до 17 человек: появился Филимон фаготист и музыканты без указания специальности — Сидор Коптелов, Семен Нагаев, Дементий Дугин, Иван Никитин, Иван Тресвяцкий. Кроме того, появилась группа учеников в 10 человек — дети лакеев, садовников, столяров, работающих в имении. По спискам награжденных за 1799 год значатся 12 человек первых актеров и 8 вторых, 9 актрис, число музыкантов осталось прежним. Кроме того, в списке тех, кто «при кулисах бывают», значится ещё 13 дворовых людей, среди которых лакеи, егерь, кондитерский помощник. Награждены также мальчики «при теат-

ре», певчие и музыкантские, — 9 человек. В 1800 году актрис значится 9, актеров 10, появился среди получивших награды список «бабам за пение и пляску» — 12 человек и ещё один список — «женщин, кои в театре песни пели». Список служащим при театре во время перемен декораций — 7 человек и «полочисты» — 7 человек. На второстепенных ролях иногда использовались «музыканты и разночинцы, которые также играют в театре».

Имеется очень интересный список актеров и музыкантов, занятых в спектаклях в 1800 году, в котором указаны не только суммы награждения, но и «кто из них сколько имеет старых и новых роль, сколько оных в течение 1800 года и по нынешнее закрытие театра сыграно».[14] Этот список содержит 50 имен, к нему дописано рукой Александра Романовича: «Директору театра Климу (м.б. Аноф риев?), Игнатью Скрябину и Михайле Пестову я сам награждение сделаю». Кроме актеров, упомянуты «ученики, кои играют в оркестре» — 12 человек, «бабы, кои пляшут в театре» — 13 человек, «служащие при театре во время перемен декораций» 8 человек и «полочисты» — 7 человек. Отдельно отмечен актер Григорий Климов, поющий в «Добрых солдатах» — ему пожалованы малороссийские сапоги.

Приведу несколько записей из этого списка.

«1. Марфа Коптелова (старых ролей 37, новых 8, всего 45, из которых сыграно старых 24, да новых 7, итого 31) — 15 рублей.

2. Матрена Полякова (старых ролей 25, новых 6, да 4 от Нагаевой взятых, всего 35 ролей, из коих сыграно старых 14, да новых 5, итого 19) — 10 рублей.

3. Настасья Яицкая (имеет новых ролей 7, из коих сыграно 3). Примечание: Хотя и немного роль играла, но ныне много ей выучить назначается, для сего и дается ей награждение 10 рублей.

13. Игнатий Родионов (имеет роль, коя не играна). Примечание: Хотя совсем не играл, дать награждение 3 рубля.

31. Федор Поляков, суфлер и актер (старых ролей 8). За исправное суфлерство и игру в театре — 7 рублей.

50. Ермолаю за смотрение при театре — 4 рубля».

Театр действовал до самой кончины Александра Романовича в 1805 году, ежегодно разучивались новые пьесы, повторялись старые, репертуар постоянно расширялся. Списки занятых в андреевском театре существуют в архиве в больших количествах, наиболее поздние — за 1804 и 1805 гг., последний сезон перед кончиной Александра Романовича. Сохранились также денежные документы, отражающие затраченные на постановки суммы. Так, в расходных документах 1804 г. в статье «приход» записано: «24 марта из музыкальной лавки принято обратно за присланные из Андреевского гитарные ноты, кои куплены были в оной — 4 р.». Затраты же по музыкальным статьям значительно шире: «8 апреля. По требованию музыканта Баранчеева куплено бумаги раштрованной на списание нот 8 дестей по 60 коп — на 4 р. 80 коп. С объявленного Гнездаревым приказания Вашего Сиятельства испрошены у князя Волконского партиции «Осмеянного скупца», за написание с оных копиев заплачено музыкантам 12 рублей. 22 апреля. Подставка контрабасовая, на смычки волосов вязка, заплачено 2

рубля. 1 июня. Для музыкантов струн квинт 8 бунтов по 5 руб. — 40 рублей. 5 июня. Заплачено мастеру за починку двух валторн с принадлежащим к ним прибором, присланных из Андреевского — 30 руб. Музыканту князя Куракина за пробу оных дано 80 копеек. 8 июля. По записке Игнатья Скрябина для гитары семиструнной нот русских песен 12 штук сочинения Игнатия фон Гельда — 4 рубля. Гардировщику за гардировку скрипки, присланной из Андреевского, заплачено 10 рублей. 29 апреля 1805 г. Для гусляста проволоки медной по образцу; плоскогуб для вытягивания струн; для того же маленькие тиски аглинские, подпилок маленькой мелкой».[15]

Репертуар андреевского театра был чрезвычайно обширным. Сохранился список 1800 года «Комедии, кои не играют»[16]: он содержит 72 названия, с указанием количества действий и авторов. В нем упоминаются пьесы М. Хераскова, А. Сумарокова, О. Чернявского, М. Прокудина, Я. Благодарова, Н. Николаева, из иностранных авторов — Ж.Б. Мольер, К. Гольдони, Ж.Ф. Реньяр, Г.Э. Лессинг, Детуш, г-жа де Жанлис, «из Шекспира», есть указания на переводы с французского, немецкого, польского. Все названия пьес даны в переводе, следовательно, они шли по-русски. Из 72 упомянутых пьес — только 17 — русских авторов. Если предположить, что не игралось приблизительно половина, то можно считать, что в репертуаре было около полутора сотен драматических произведений.

Количество музыкальных спектаклей было существенно меньше. На л. 31 и 32 той же единицы хранения помещен список исполнявшихся опер (к сожалению, не датирован). В нем 23 названия, без указания авторов музыки и либретто. С ним вместе на л. 30 дан список комедий (по-видимому, шедших в одно время) — в нем 59 названий. Это означает, что музыкальные спектакли менялись реже и шли более длительное время, а драматические было легче разучивать, и потому они менялись чаще, и в репертуаре их было больше. Комедии, по-видимому, также иногда сопровождались музыкой. Имеется список «Театральные пьесы, кои играть должны музыканты», в котором 19 названий, из них только один музыкальный спектакль, все остальные драматические.

Постановки осуществлялись 2 или 3 раза в неделю. В один день, как правило, ставилось два спектакля. Сохранилось большое количество реестров пьесам, «кои будут играться начиная с...» такого-то числа и, как правило, до отъезда графа в Москву. Обычно на лето делался перерыв, во время которого готовились новые произведения, разучивались роли, шли репетиции, писались декорации. Сезон, как правило, продолжался от 8 до 14 недель. Музыкальные спектакли давались реже, чем драматические — они шли только раз в неделю. В воскресенье исполнялась одна опера и одна ко-медия, во вторник и четверг — по две комедии. Осенью 1794 года, когда в Андреевском гостила княгиня Е.Р. Дашкова, по свидетельству Ф. Лафермьера, спектакли шли ежедневно. Театральная труппа только еще начинала свою работу в Андреевском, и потому, по выражению Лафермьера, спек-такли «еще требовали снисходительности, особенно в части пения». «Но так как у нас есть несколько актеров действительно хороших, — пишет он, — она как будто получила большое удовольствие».[17]

Как свидетельствует Лафермьер, к началу 1795 года труппа Андреевского разучила уже пять опер, все они русского происхождения: «Мельник — колдун, обманщик и сват», «Сбитенщик», «Розана и Любим», «Несчастье от кареты» и «Скупой». В уже цитированном письме к Семену Романовичу от 1 февраля 1795 года Лафермьер довольно высоко оценивает эти спектакли. Как «очень хорошо исполненные» он отмечает две оперы: «Мельник — колдун, обманщик и сват» с музыкой М. Соколовского на текст А. Аблесимова и «Сбитенщик» — музыка А. Булландта, текст Я. Княжнина. «Все наши хорошие актеры в них играют и все вполне на своих местах», — пишет он. По-видимому, и драматический репертуар в это время был тоже преимущественно русским. «Все, что в стиле бурлеск или пасторальном, очень хорошо. Одна пьеса в 2-х действиях, называющаяся «Несчастье от кареты» и другая «Скупой», где больше музыки, композиции русского ав-тора, идут недурно», — отмечает он.[18]

Репертуар постепенно накапливался. Сохранился список пьес, «кои играть следует с воскресенья апреля 18 дня 1798 года».[19] В нем 34 произведения, из которых опер уже 15. В том числе:

2. опера «Щастливая тоня» в 4-х действиях.
4. опера «Училище ревнивых» в 2 д.
5. комедия «Выдуманный клад» и опера «Кузнец» обе в 2 д.
6. опера «Нещастье от кареты» в 2 д.
8. опера «Бочар» и комедия «Притворный комедиант» обе в 2 д.
10. опера «Розана и Любим» в 3 д.
12. опера «Скупой» в 1 д.
14. опера «Два скупых» в 2 д.
16. опера «Збитеньщик» в 3 д.
18. опера «Ямщики на подставе» в 1 д.
22. опера «Точильщик» в 2 д.
25. комедия «Соперники» и опера «Служанка-госпожа» обе в 3 д.
26. комедия «Слепой ведущий» и опера «Два охотника» обе в 2 д.
29. опера «Мельник» в 3 д.
32. опера «Новое семейство» в 1 д.

Как видим, за 32 спектакля, т.е., по-видимому, 11 недель, прошло 15 опер, ни разу не повторяясь. Из них 9 русских («Мельник» и «Ямщики на подставе» Е.И. Фомина, «Несчастье от кареты» и «Скупой» В.А. Пашкевича, «Розана и Любим» И. Керцелли, «Счастливая тоня» М. Стабингера, «До-брые солдаты» Г. Раупаха, «Сбитенщик» А. Булланда, «Точильщик» (неизв. автора, на текст Н. Николева), 4 переведенных на русский язык французских оперы («Два охотника и молочница» Э.Дуни, «Кузнец» Ф.-А. Филидора, «Два скупых» А.-Э.-М. Гретри, «Бочар» П.-А. Монсиньи) и 2 итальянских («Служанка-госпожа» Дж. Паизиелло и «Школа ревнивых» А. Сальери).

Анализ репертуара музыкальных постановок позволяет сделать вывод о ряде отличий в подходе Александра Романовича к формированию репертуара своего театра от других, действовавших в то же время частных крепостных театров — Шереметева, Волконского, а также московского публичного театра

Маддокса. Театр в Андреевском отличает прежде всего то, что в нем шли исключительно произведения русскоязычного репертуара. С одной стороны, это, возможно, диктовалось опорой только на русские кадры. В театре Шереметева, например, имелось достаточно большое количество приглашенных музыкантов-иностранцев, обучавших русских актеров, и репертуар формировался, ориентируясь на присланные из Парижа новинки. Даже в публичном московском театре антрепренера Маддокса, рассчитанном на массовую русскую публику, значительную часть репертуара все же составляли пьесы на французском и итальянском языках.

В театре Андреевского, который был значительно скромнее — и в постановочной, и в костюмерной части, и по количеству музыкантов и актеров — мы видим исключительно русский репертуар, прежде всего — созданный русскими либреттистами и с музыкой, сочиненной в России. Та часть репертуара, которая относится к французской и итальянской комической опере, обязательно имеет русский переводной текст. Такие пьесы в 18 веке назывались русскими, т.к. были рассчитаны на русскоязычного слушателя. Вероятно, А.Р. Воронцов принял решение о исключительно русскоязычном репертуаре своего театра, исходя из возможностей своих актеров, а также из необходимости для исполнителей понимать содержание исполняемых произведений. Напомню, что во многих аналогичных театрах крепостные актеры играли на французском языке, часто не понимая содержания пьесы. Для них французский текст часто выписывался русскими буквами, и довольно большое количество таких рукописей сохранилось в библиотеках владельцев крепостных театров до нашего времени.

Несмотря на обилие списков музыкальных спектаклей, все же составить достаточно полную картину музыкально-татральных постановок в Андреевском невозможно. Несомненно, операм в репертуаре театра Воронцова принадлежит меньшее место, чем, например, в театре Шереметева. Они составляют не более пятой части от общего списка постановок, и ограничиваются жанрами русской, французской и в меньшей степени ита-льянской комической оперы. Кстати сказать, среди драматичских постановок комедии также преобладают. По сохранившимся документам можно говорить, что в Андреевском театре за все время его существования было поставлено более 20 опер. Кроме перечисленных в репертуаре 1795 года, были поставлены также «Вечеринки, или гадай, гадай девица» с музыкой Е.И. Фомина, «Новое семейство» с музыкой Фрейлиха на либретто С.К. Вязмитинова, «Колония, или новое селение» А. Саккини, «Кузнец» Ф.-А. Филидора, «Говорящая картина» Э. Дуни, «Севильский цирюльник» и «Притворная любовница» Дж. Паизиелло.

Музыкальная жизнь в Андреевском не ограничивалась только спектаклями. Имеются косвенные свидетельства о том, что в доме Александра Романовича устраивались также концерты. Кроме оркестровых музыкантов, участвующих в спектаклях, имелись также гуслист и гитарист. Для последнего даже покупались ноты — обработки 12 русских народных песен, сделанные И. фон Гельдом — следовательно, он не был простым люби-телем, игравшим по слуху. Сохранились сведения о самостоятельных выступлениях музыкантов — солистов или ор-

кестра. В одном из списков репертуара имеется указание на то, что вместо одного из спектаклей «музыканты сыграют 1 или 2 свои пьесы»[20] — значит, иногда устраивались так-же концерты инструментальной музыки, и, следовательно, оркестранты должны были иметь соответствующий репертуар, о содержании которого, к сожалению, сведений не сохранилось.

Сохранившиеся в немецко-слободском доме А.Р. Воронцова печатные ноты свидетельствуют, что его музыканты исполняли и камерную ансамблевую музыку. К сожалению, в описях не указаны авторы и заглавия произведений, но из списка можно понять, что там имелись сочинения для двух скрипок с басом, для дуэта и скрипки соло, для флейты — аллегро, адажио, анданте и менуэты.[21]

Библиотека Андреевского, до сих пор не найденная, возможно, хранит эти и другие нотные материалы, использовавшиеся музыкантами Александра Романовича. К сожалению, многочисленные описи этой библиотеки никогда не имели раздела, отражающего музыкальную часть. В то же время не вызывает сомнений, что оперы исполнялись музыкантами и певцами по нотам, и, следовательно, существовали рукописные партии для вокалистов и оркестрантов, а также должны были быть партитуры для капельмейстера. Вызывает удивление, что списки музыкантов не имеют указаний на того, кто руководил постановками и репетициями после смерти Лафермьера в 1796 году и увольнения с 1798 года капельмейстера Якова Феклистова. Между тем, обязательно должен был быть грамотный музыкант, способный руководить оркестром и разучивать вокальные партии с неопытными певцами. Эта страница деятельности театра в Андреевском остается до сих пор неясной.

Театр Александра Романовича Воронцова в Андреевском заслуживает дальнейшего изучения и продолжения поисков исчезнувших материалов, т.к. он занимает особое место в истории русского крепостного театра в силу его выраженно национальной направленности. В нем шли исключительно произведения русскоязычного репертуара, обнаружение которых может внести целый ряд дополнений в сложившуюся к настоящему време-ни картину бытования русской оперы на рубеже XVIII-XIX веков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Щеглова С. Воронцовский крепостной театр // Язык и литература. Т.1. Вып. 1-2. Л., 1926.
2. Ливанова Т.Н. Русская музыкальная культура XУ111 века в её связях с литературой, театром и бытом. Т.1. М., 1952. Т.2. М., 1953.
3. Левашев Е.М. На заре русского музыкального театра // Сов. музыка, 1969, № 11. С. 76-80.
4. РГАДА, ф. 1261, оп. 2, е.х. 431, л. 3.
5. Оригинал на франц яз. Перевод по кн.: Ливанова Т.Н. Русская музыкальная культура... Т. 2. С. 277.
6. РГАДА, ф. 1261, оп. 1, е.х. 3016, л. 1.
7. РГАДА, ф. 1261, оп. 1, е.х. 966, л.4.
8. Там же, л. 7 — 7об.
9. РГАДА, ф. 1261, ор 1, е.х. 3024, л. 13-13об.

10. РГАДА, ф. 1261, оп. 1, е.х. 3016, л.1.
11. РГАДА, ф. 1261, оп. 1, е.х. 3018, л.43-44.
12. РГАДА, ф. 1261, оп. 1, е.х. 3017 и 3024.
13. Оригинал на франц. яз. Перевод по кн.: Ливанова Т.Н. Русская музыкальная культура... Т. 2. С. 276.
14. РГАДА, ф. 1261, оп. 1, е.х. 3017, л.. 17-21.
15. РГАДА, ф. 1261, оп. 2, е.х. 350, л. 13 — 35 об.
16. РГАДА, ф. 1261, оп.1, е.х. 3018, л. 33-34.
17. Оригинал на франц. яз. Перевод цит. по кн.: Ливанова Т.Н. Русская музыкальная культура... Т. 2. С. 277.
18. Там же, с. 276.
19. РГАДА, ф. 1261, оп. 1, е.х. 3018, л.1 — 1об.
20. Там же, л.11 об.
21. СПб ИИ РАН, ф. 36, оп. 1, е.х. 985, л.67.

К.И. Шарафадина

ОСТАФЬЕВСКИЕ АЛЛЮЗИИ И «ИДЕАЛЬНЫЙ» УСАДЕБНЫЙ ТОПОС В СТИХОТВОРЕНИИ П.А. ВЯЗЕМСКОГО «К ПОДРУГЕ» (1815)

Отчетливые усадебные аллюзии характерны для послания П.А. Вяземского «К подруге» (1815), адресованного молодой жене, Вере Федоровне Вяземской. Напомним следующий его фрагмент: «Уже тебя мечтою / Я, утренней порою, / Бегущей вижу в сад, / Для неги и прохлад / И Флорой и тобою / Украшенный стократ! / Твой утренний наряд, / И скромный и прелестный, / Меж зелени древесной / Белеется вдали,— / Ты все обозреваешь: / Здесь мирты поливаешь, / Гвоздику расправляешь, / Склоненную к земли; / А там тропу от спальни / К беседке у купальни / Прокладываешь ты! / Но воздух тмится паром, / И солнце пышет жаром / С лазурной высоты; / Тут ты работы бросишь / И розу мне приносишь — / Подобие себя!».

Восходящая к «идеальному топосу» русской поэзии конца XVIII — начала XIX вв. отчетливая идиллическая доминанта в изображении «крова родного» (как оппозиции «суетного круг», соразмерного «личному» бытию), позволяет усматривать в знаках идиллического «хозяйства» его сконцентрированное выражение[1]. Такова, в частности, знаковая содержательность мотива возделывания «сада», который становится метафорой сотворения мира прекрасных чувств. В таком случае аллегориями самих чувств становятся заполняющие «сад» растения. (Ср. рекомендации в очерке-инструкции Ф.Н. Глинки «Несколько слов о садах» в составе «Писем к другу». Ч. 1-7. СПб., 1815). «Веселый садик», по его мнению, должен состоять из «молодых лип, березок и стройных тополей» и множества полевых цветов (их надо «насадить и насеять»). Среди них непременно должны быть незабудки — «цвет надежды»: «войдя в долину, пересекаемую множеством кристалловидных ручьев, которых берега синеют незабудочками, встречая всюду цвет надежды и вдыхая с теплым воздухом благоухание цветов, человек невольно и сам расцветет сердцем и улыбнется вместе с природою, приветствуя румяную весну». «Дикий сад» предполагает свой репертуар растений с иными аллегорическими заданиями: «В самой глуши, между дикими растениями: пестрою радужною осокою и папоротью с зелеными кудрями — часто мелькала алая роза или с восклонением высокого стебля смотрелась в горный колодезь белая лилия. Казалось, хозяин сада хотел чрез это дать чувствовать, что часто так и в жизни нашей алые радости и невинные забавы мелькают между дикими терниями скорби! — В самых уединенных местах поделаны дерновые скамейки. Подле шумного порога, на зеленеющем холмике, мелькала сквозь сумраки слиянных теней белая урна, на которой светилась золотая надпись. Там посажены: однодневная роза и согбенная в виде полусвода ветла. Первая изображала собою кратковременность жизни, минутный блеск молодости; вторая в ранние часы утра роняла крупные

капли росы, которые в виде светлого дождя сыпались на урну, и поэтому подруга однодневной розы прозвана плачущей ивою»[2].

Характер этих аллегорий отчетливо отсылает к поэтике «языка цветов», на что указывает и любопытное обыгрывание его механизмов, и конкретные концепты отобранных цветов. Мирт как эмблема любви, заканчивающейся браком, введен в стихотворение как объект заботливого ухода («мирты поливаешь»). Условность и иносказательность выбора мирта для описания усадебного «цветника» акцентируется представлением о нем русского читателя как о растении, выращиваемом в условиях сурового климата России исключительно в оранжереях.

Знаковость цветочного репертуара этой усадебной «клумбы» продолжена последовательностью действий героини-садовницы и выбором следующего объекта ее внимания и заботы. За миртом упоминается «склоненная к земли» гвоздика, которую «подруга» «заботливо» расправляет. Этот цветок соотносится в условном флороязыке с «горячей любовью». Но, согласно «грамматике», если цветок изображают или возвращают (в селамной переписке) перевернутым цветочной головкой вниз, то его значение меняется на противоположное. Обыгрывание этого смысла делает «склоненную к земли» гвоздику метафорой размолвки, ссоры, которые преодолевает любовь. Наконец, сорванная роза — символ чувственной любви — выступает апофеозом супружеского союза.

Выявленный подтекст корреспондирует с интимным портретированием героини: «утренней порою», «утренний наряд / И скромный и прелестный». Путь, который она «пролагает» от дома (возможно, глагол имеет значение «обсаживать цветами»), также подчеркнуто интимен: в доме выделена «спальня», в саду — «купальня» у пруда («А там тропу от спальни / К беседке у купальни / Прокладываешь ты»). (Ср. с показательным развитием интимного смысла образа тропинки в поздней поэзии Вяземского: «Кто тебя, моя тропинка, / Проложил здесь в первый раз? <...> Вьешься ты зеленой змейкой / Между сосен и осин. // Пешеход ли след случайный / Здесь рассеянно пробил? / Может быть, сердечной тайны / Молча след он сохранил. // Может быть, любви дорожка, / В час вечерней темноты / По тебе скользила ножка / Торопливой красоты. <...> Месяц, два, вдоль той тропинки / Здесь сливались с двух сторон / Два созвучья, две росинки, / Две души: она и он» («Тропинка», <1862 >). Ср. также с описанием Остафьева в стихотворении «Деревня»: «Счастлив, кто с первых дней принял, как лучший дар, / Волненье, смелый пыл, неутомимый жар <...> / Прокладывал следы в заглохшие леса,<...> И тайною тоской и тайной негой полный / Любил цветы, древа, и облака, и волны? <...> Разверзнется пред ним природы дивной книга, / Воспитанник ее, он чужд земного ига» («Деревня», 1817-1827).

Вернемся к стихотворению «К подруге». Во второй его части Вяземский продолжал семейный мотив близким мотивом дружества, которое должно дополнить деревенскую усадебную идиллию своими радостями: он приглашал в гости поэтов: Жуковского, Батюшкова и Баратынского. Характеристика Батюшкова, которого страстно желают видеть в деревне герои стихотворения, наряду с другими (поэт-воин) акцентировала те качества его поэзии, которые рифмовались с контекстом чувственности — завершающей метафоре семейного «цветника»: «Сладострастный, Цитерин битв певец, / Тибулл наш сладкогласный, / И гражданин и жрец / Благословенной Книды, / От Марса и Киприды / Приявший свой венец, / Быть может, к нам в дубравы / Перенесет Тибур / И, сердцем Эпикур, / Все обольщенья славы». Напомним также, что роза — нередкая метафора

чувственной любви в анакреонтике Батюшкова: «Я, любовью упоенный, Вас забыл, мои друзья! <...> Лиза розою пылает, / Грудь любовию полна» («Веселый час», между 1806–1810 гг.), «Я увижу <...> / Тайны прелести красот, / Где сам пламенный Эрот / Оттенил рукой своею / Розой девственну лилею» («Привидение. Из Парни», 1810).

Автобиографический фон, соответствующий времени создания стихотворения, подтверждает и усиливает значимость обнаруженного подтекста. С 1807 г. Петр Андреевич становится владельцем Остафьева, перешедшего к нему от отца. Возвратившись в Россию в 1821 г. после четырех лет службы в Варшаве (1818-1821), он девять лет живет с семьей в основном в Остафьеве, деятельно продолжая обустройство садово-паркового ансамбля усадьбы. Именно в 1820-е гг. был частично перепланирован парк, устроены «затеи» — грот с фонтаном и каскадом, «Марсово поле», роща «Огорок», карамзинская аллея («карамзинской» была названа также березовая роща, насаженная Вяземским вместе с сестрой Екатериной Андреевной еще в начале XIX в.). Обследования растительности Остафьева, проведенные современными ботаниками, позволили предположить, что в парке высаживались не меньше двух десятков видов многолетних и однолетних растений (среди них были розы и несколько видов гвоздики, упоминаемой в стихотворении)[3].

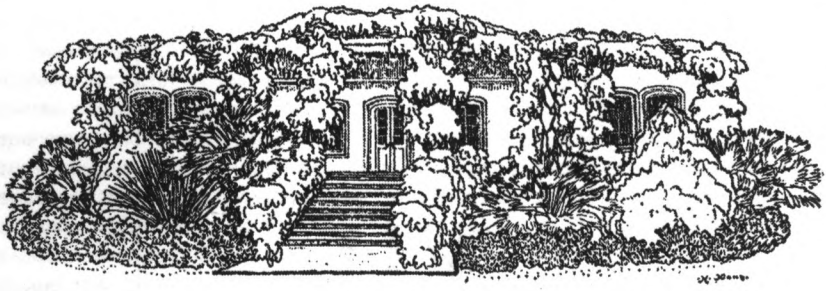
В усадебный ансамбль входили оранжереи и теплицы, устроенные еще отцом поэта. В них выращивались цветы для парка и украшения интерьеров остафьевского и московского домов. По архивным записям удалось установить ассортимент этих растений. Судя по ним, парк отличался завидным цветочным разнообразием, а дом был благоухающим цветником в течение всего года: в январе и феврале цвели три вида, в том числе камелия и волчеягодник, в марте и апреле — пять видов (добавлялся гибискус и восковой плющ). С мая по август цвели от восьми до одиннадцати растений (олеандр, пеларгония, мирт, гелиотроп, фуксия, маслина, страстоцвет). Три вида продолжали цвести в сентябре и октябре (гелиотроп, гибискус, олеандр)[4]. Ботанические сведения Вяземский мог почерпнуть из входящего в библиотеку его отца главного капитального труда по естественной истории Ж.-Л.-Л.Бюффона: его 90-томная «История натуральная, всеобщая и частная», издаваясь с 1752 по 1805 гг.: каталог остафьевской библиотеки, составленный в 1780 г., описывает пятнадцать томов из этого собрания[5]. В этом же каталоге есть указание на книгу Билинстейна «Французская растительность».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. об этом: Мовнина Н. С. Идеальный топос русской поэзии конца XVIII — начала XIX века // Русская литература.— 2000. № 3. С. 19-36.
2. Глинка Ф.Н. Письма к другу. М., 1990. С. 129, 130.
3. Карнишина Л. М. Декоративные растения и их роль в оформлении усадебного парка и интерьеров дома в Остафьеве в XIX веке // Остафьевский сборник. Вып. 7. Остафьево, 2001. С. 25-35.
4. См. об этом: Кирюшина З. Е. Оранжерейное и тепличное хозяйство в усадьбах конца XVIII — середины XIX века. Оранжереи и теплицы в Остафьеве // Остафьевский сб. Вып. 7. Остафьево, 2001. С. 37-47.
5. См.: Свалова О. М. Остафьевский архив князей Вяземских: рукописный каталог французских книг 1780 года // Остафьевский сб. Вып. 7. Остафьево, 2001. С. 77-88.

VII

ХРОНИКА ВАНДАЛИЗМОВ



ХРОНИКА ВАНДАЛИЗМОВ

I.

Вопрос о сохранении культурного наследия России за последнее время приобрел особую остроту. Масштабы утрат архитектурных памятников — отдельных сооружений и ансамблей целых городов с их средой, панорамами, визуальными связями — столь велики, что эта тема занимает все больше места в средствах массовой информации и на страницах специальных изданий. Важным итогом работы многих специалистов стал выход в 2003 г. монументального трехтомника «Судьба культурного наследия России. XX век» (Красная, белая и черная книги). В блестяще подобранной фотогалерее (с комментариями) представлены сотни погибших и погибающих произведений отечественной архитектуры. Впервые в издании такого формата и качества красноречиво показана национальная катастрофа, продолжающаяся до сих пор. В числе множества исчезающих памятников свое место занимают усадьбы. Картина разрухи и запустения почти повсеместная. Даже сохранявшиеся все советское время и известные по публикациям и документальным фильмам дворянские гнезда (Нероново Черевиных, Тихвино-Никольское Тишининых), оказывается, за последние годы превращены в руины. В изменившихся экономических условиях, при непонимании обществом сути проблемы памятник не может защитить ничто — ни громкое имя создававшего его архитектора или художника, ни значение прежних владельцев усадеб для истории русской литературы, науки, музыки.

В этом выпуске «Хроники» снова представлен скорбный перечень уходящих остатков старины. Здесь собраны усадебные памятники разных областей центральной России. Акцент сделан на произведениях выдающихся, порой исключительных, утрата которых заметно обеднит национальное культурное достояние. Отдельной публикации удостоился один из таких затерянных в провинции шедевров. Рубрика проиллюстрирована фотосъемкой автора, произведенной в 2001-2004 гг. Для иллюстрации прежнего состояния памятников использованы фотографии из старых изданий, коллекций местных краеведческих музеев, частных собраний и паспортов отдела (инспекции) охраны недвижимых памятников истории и культуры Министерства культуры РФ (автор выражает особую благодарность Э.А.Чинякову и Л.А.Ситулиной).

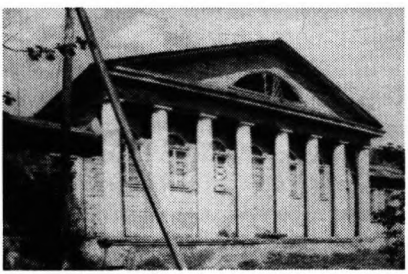
* * *

Деревянных домов, которые еще столетие назад составляли большинство в барских усадьбах, остается совсем мало. Исчезают последние памятники «деревянного ампира». В силу особенностей дерева эти постройки обычно минуют стадию руин — пожар быстро ставит точку в их печальной истории.

Ожидаемая потеря, предсказанная в прошлом выпуске «Хроники» — главный дом в усадьбе **Высокое** (Клинский р-он Московской обл.). Прогнозы сбы-

Высокое. Главный дом. Фото 1974.

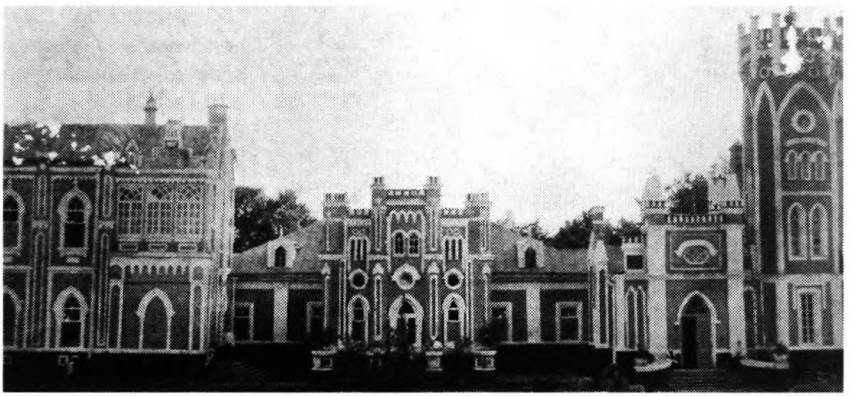
Высокое. Пепелище главного дома. Сентябрь 2003.



Бектышево. Главный дом. Фото 1980-х.

лись на удивление быстро — полуразвалившееся здание сгорело летом 2002 г. Сейчас от редкого образца деревянного классицизма 1800-х гг. (еще не совсем ампирного) остались только фундаменты. Доживают свой век два небольших флигеля по сторонам. Один уже почти сгнил. Таким образом, камерный ансамбль дворян Волковых, стоявший на холме над речкой Нудолью, больше не существует. Утрачена усадьба, гостями которой были П.А.Вяземский и М.Ю.Вильегорский, в которой выросли два декабриста — сыновья владельца. Дом устоял в войну 1812 г., тогда отряды Наполеона бесчинствовали в десятке верст от Высокого.[1] Нынешняя утрата стала следствием преступного невнимания к памятнику со стороны дома

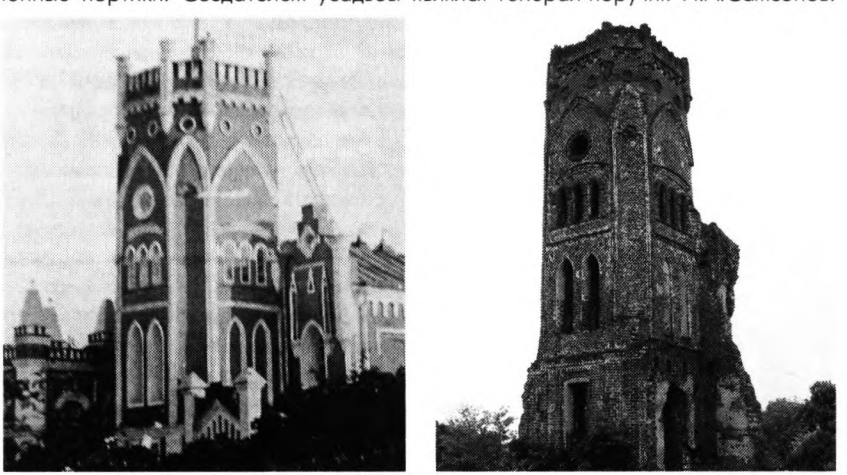
Бектышево. Главный дом после пожара. Апрель 2003.



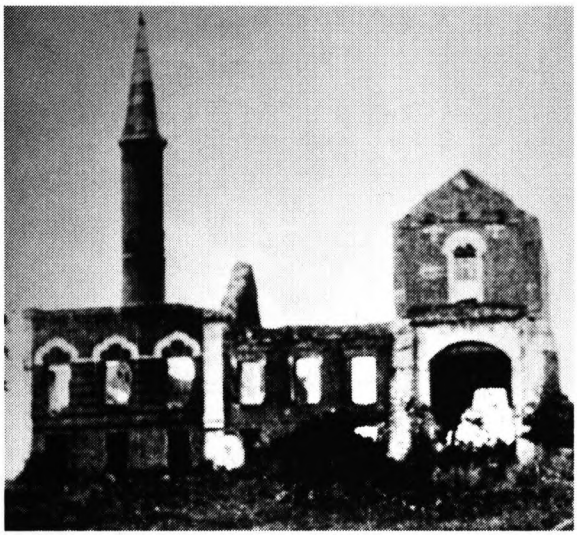
Вешаловка. Главный дом. Фото 1910-х.

отдыха, занимающего территорию усадьбы. Еще несколько лет назад в утраченном особняке размещалась его дирекция. Потом на охранной парковой территории был выстроен новый корпус, а усадьба брошена на произвол судьбы. Дом ветшал, долго ожидая реставрации. Пожар решил эту проблему.

Судьба другой недавней утраты в чем-то даже трагичнее. В усадьбе **Бектышево** (Переславский р-он Ярославской обл.) барский дом не был заброшен. Напротив, в нем помещался местный центр общественной жизни — сельский клуб. Пожар возник во время одного из проходивших там праздничных мероприятий 9 мая 2002 г. Итог все тот же — на месте особняка кирпичные фундаменты, головешки, да торчащая печная труба Памятник датировался 1800-1810-ми гг. и представлял качественный образец деревянного классицизма. Его фасады украшали шестиколонные портики. Создателем усадьбы являлся генерал-поручик П.А.Самсонов.



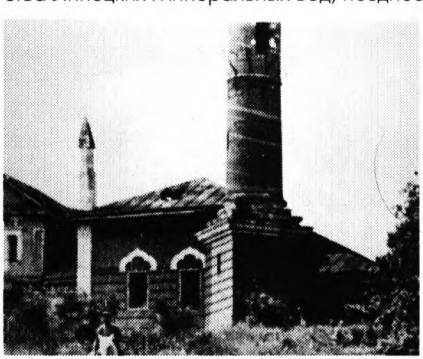
Вешаловка. Башня главного дома в 1910-х и в июне 2003.



Дивово. Руины главного дома. Фото 1950-х.

Его супруга, Н.Ф.Самсонова, была родной сестрой композитора А.Ф.Львова, автора музыки гимна Российской империи. Совсем недавно участь этого дворянского гнезда казалась вполне благополучной. Внешне Бектышево выглядело сохранившимся. Сейчас здесь остался только липовый парк. Некоторые предметы из усадебной обстановки находятся в музее Переславля-Залесского, попав туда в послереволюционные годы.

В отличие от деревянных кирпичные постройки разрушаются медленнее. Их руины иногда стоят десятилетиями, пока не останутся одни заросшие фундаменты. Почти все советское время медленно разрушался главный дом в усадьбе **Знаменка-Вешаловка** (Липецкий р-он Липецкой обл.). Усадьба известна благодаря Знаменской церкви — подлинному шедевру «готического» стиля XVIII в., который связывали с творчеством В.И.Баженова. В ее тени как-то потерялся барский дом — менее совершенный по архитектуре, но по своему интересный огромный дворец того же «замкового» вида. Он был перестроен из старого дома в 1860-х гг., когда усадьбой владел М.И.Кожин, представитель древней дворянской фамилии, успешно занимавшейся предпринимательством.[2] Кожины были главными акционерами общества Липецких Минеральных вод, позднее основали металлургические предприятия в Липецке и его окрестностях. Дворец сложной, асимметричной композиции с высокой башней-«донжоном», видимо, специально задумали в стиле стоящей рядом церкви 1780-х гг. Эклектичная имитация вышла суховатой и дробной в деталях, но дом поражал своими размерами. Вместе с храмом он образовывал уникальный ансамбль русской «готики», представленной в разных ее периодах. В 1937 г. здание уже имело утраты. К нынешнему времени от него осталась только башня и

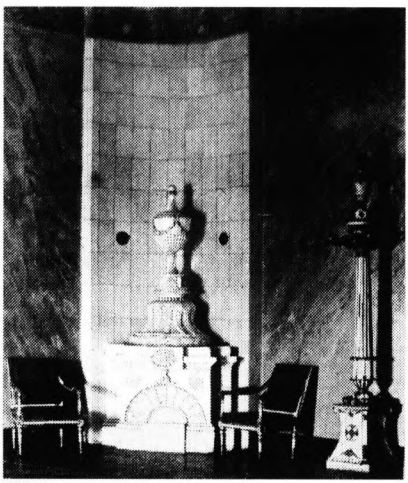


Дивово. Руины главного дома. Фото 1950-х.

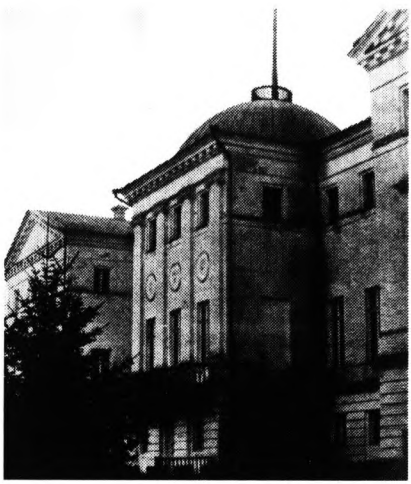
едва угадываемые возвышения фундаментов. В развалинах стоит и часовня с родовой усыпальницей Кожиных, построенная в конце XIX в. рядом с храмом.

Почти так же и с похожим результатом разрушился главный дом в усадьбе **Городище-Дивово** (Рыбновский р-он Рязанской обл.). Эта была чрезвычайно оригинальная затея барина Н.А.Дивова, много путешествовавшего по свету. Его родственник М.Д.Бутурлин в своих «Записках» вспоминал обстоятельства постройки странного дворца, представлявшего «смесь древнерусского стиля с швейцарским шале, и к одному углу дома примыкал высокий минарет, оканчивающийся мусульманскою полулуною, блестящею издалека. Это была фантазия почтенного моего кузена, восхищенного Константинополем, им посещенным».[3] Эклектичное сооружение строили в конце 1840-х гг.. Затем, занявшись коневодством (здесь и сейчас действующий конезавод), Дивов реконструировал недоделанный дворец, превратив его нижнюю часть в амбар для зерна и угольный склад. Жилые покои в верхних этажах были связаны с конным двором переходом, будто бы переброшенным через канал. Дом стоял на высоком насыпном острове, окруженном водой. Бутурлин указывает на архитектора, спроектировавшего это «усадебное чудо» — им был Н.И.Воронихин, губернский архитектор Рязани, автор большой колокольни в рязанском кремле. Дворец можно видеть на редких фотографиях конца 1950-х гг. Он уже тогда был бесхозным. Потом его руины постепенно растаскивались, пока от немалого по размерам памятника не остался только минарет — одна из самых неожиданных построек, уцелевших в русских усадьбах. Г.К.Вагнер ошибочно датировал его концом XVIII в., угадывая в силуэте и немногих деталях стиль «готических» павильонов В.И.Баженова.[4] Высокая башня стоит и сейчас, наверху уцелел исламский полумесяц. О примыкавшем некогда дворце напоминает лишь обрываю-

Дивово. Сохранившийся «минарет» главного дома. Сентябрь 2003.



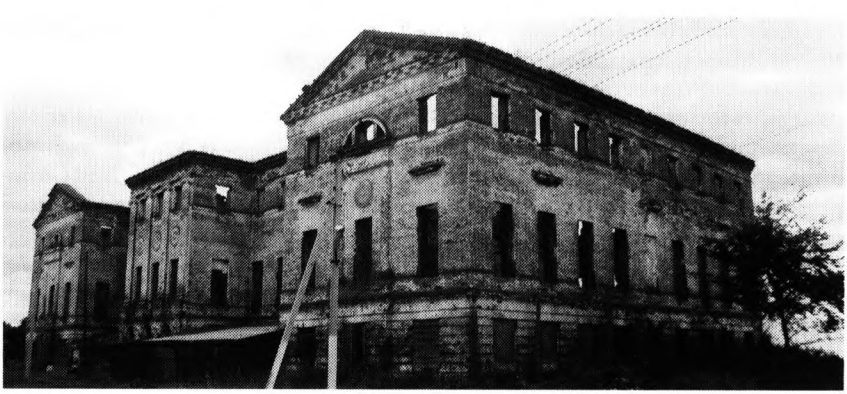
Надеждино. Интерьер. Фото нач. XX в.



Надеждино. Главный дом. Фото нач. XX в.

щаяся кирпичная кладка по сторонам минарета.

От памятников, уже безвозвратно утраченных, логично перейти к тем, которые пока существуют, но вероятно обречены. Многие расположены в отдаленных глухих местах, где отсутствуют и возможности, и малейшая заинтересованность в помощи остаткам прошлого, пусть даже и очень ценным. Например, усадьба **Надеждино** (Сердобский р-он Пензенской обл.), знаменитая в прошлом резиденция князей Куракиных. Она хорошо известна специалистам, как одна из редких усадеб, имеющих богатую изобразительную иконографию. Серия картин художников Я.Филимонова и В.Причетникова с видами архитектурных и парковых красот Надеждина, созданная по заказу А.Б.Куракина, часто упоминается в исследованиях по культуре XVIII в. Эти пейзажи нередко публикуются.[5] Надеждино



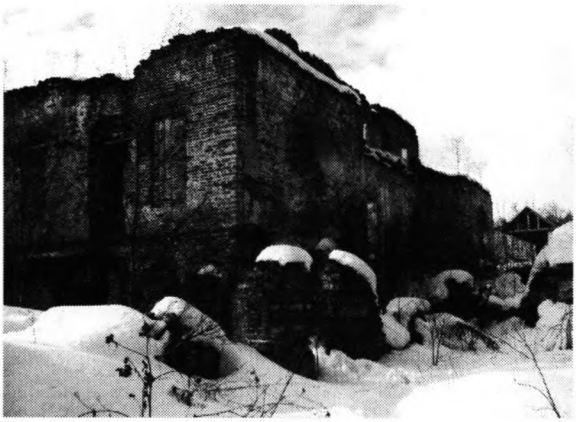
Надеждино. Руины главного дома в августе 2001. Фото М.Ю.Коробко.

Надеждино. Главный дом со стороны р. Сердобы. Август 2001. Фото М.Ю.Коробко.

— выдающийся архитектурный ансамбль классицизма, одна из наиболее пышных и великолепных усадеб в отдаленной от столиц провинции. Огромный дворец, построенный Н.А.Телегиным в 1792-1798 гг. вероятно на основе проекта Д.Кваренги, первый раз пострадал от пожара в 1905 г., после чего был восстановлен.[6] Новый пожар 1927 г. был гораздо катастрофичнее по последствиям. С тех пор дворец никак не использовали. В усадьбе поселился дом инвалидов. Он занял два дуговых корпуса циркумференций. Дом за прошедшие почти 80 лет превратился в аварийную руину. На нем нет крыши, внутри отсутствуют перекрытия и почти все перегородки. Остался только остов внешних стен — гигантская коробка с пустыми проемами окон и пока еще стоящими колоннадами. Вид этой развалины впечатляет, особенно с противоположного берега р. Сердобы. Это очень художественные руины, убедительная иллюстрация того, как проходит земная слава. Без срочных работ по укреплению остатков здания, без необходимой консервации эта картина скоро может измениться. Упадут колонны, рухнут стены, и от знакового памятника целой эпохи останутся только старые изображения.

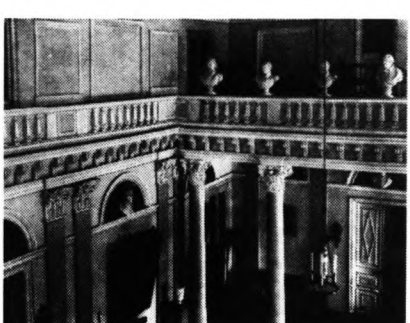
Близость столицы и существование усадьбы в качестве действующего санатория во многих случаях тоже не обеспечивают сохранности ее архитектурного комплекса. Красноречивое доказательство — состояние главного дома усадьбы **Ольгово** (Дмитровский р-он Московской обл.). С 1930-х гг. в усадьбе Апраксиных, одном из известнейших барских гнезд Подмосковья, разместился дом отдыха, ныне существующий под оптимистичным названием «Радуга». Много лет отдыхающие вынуждены лицезреть на самом виду мрачные

Ольгово. Главный дом. Фото 1950-х.



Ольгово. Руины главного дома. Март 2003.

руины апраксинского дворца. Он был построен в середине XVIII в. при фельдмаршале С.Ф.Апраксине и реконструирован с пристройкой деревянных помещений в 1790-х гг. по проекту Ф.Кампорези. Здание, представляющее редкий образец каменного усадебного дома эпохи барокко, поставлено в центре архитектурного ансамбля. По сторонам от него отходят службы, образующие полукружие парадного двора. В них и в выстроенном недалеко новом корпусе и живет пансионат. Барский дом, который всегда был доминантой усадебной композиции, сейчас ее главный «провал». От представительного дворца с колонными портиками и треугольными фронтонами остались куски стен с фрагментами прежней отделки. Сгорели все деревянные части, поэтому интерьерная декорация одной из стен большого танцевального зала оказалась снаружи. Этот зал с колоннами, барельефами и бюстами Апраксиных был основным украшением дома. В 1919-1926 гг. во дворце действовал музей, описанный в очерке Ю.П.Анисимова «Ольгово» 1925 г.[7] Усадьба, принадлежавшая более полутора веков знатному дворянскому роду, сохраняла много фамильных ценностей — живопись, библиотеку, архив, мебель. После закрытия музея все это развезли по другим музейным хранилищам, и дворец лишился прежней обстановки. В 1970-х гг. здание уже было в плохом состоянии и ожидало реставрации с заменой деревянных частей каменными. Ждет оно ее и по сей день, превратившись в полную развалину.



Ольгово. Фрагменты отделки главного зала (март 2003) и вид главного зала в нач. XX в.

Пущино-на-Наре. Руины главного дома. Апрель 2003

Под Москвой погибает также дворец князей Вяземских в усадьбе **Пущино-на-Наре** (Серпуховский р-он). Архитектурный комплекс находится в ведении местной мебельной фабрики, но она его никак не использует. Много лет стоявший в запустении, барский дом постепенно разрушался, пока не пришел в аварийное состояние. Сейчас его реставрация кажется почти нереальной. Слишком велики разрушения, в том числе и конструктивные. На доме нет кровли, перекрытий, во многих местах разошлись металлические связи, скрепляющие кладку стен, готовы обрушиться колонные портики. Нельзя не отметить, что в нынешнем состоянии здание производит сильное впечатление. В Подмосковье это наверное самые художественные руины, величественные и мощные. Заросли сирени вокруг дворца еще больше поэтизируют заброшенную усадьбу, превращая пейзаж в русский вариант фантазий Гюбера Робера. Уцелели две каменные чаши фонтанов и главная аллея липового парка, уходящая к реке. Усадьба была построена в 1790-х гг. князем С.И.Вяземским, братом владельца знаменитого Остафьева. Тогда возвели дворец в духе палладианской архитектуры — кубический объем с восьмиколонным портиком на аркадах почти во весь фасад.[8] Пышная декорация с коринфскими капителями, сандриками над окнами и гирляндами фриза выполнена на уровне столичных произведений. В центре, под фронтоном иронично смеется театральная маска — самый запоминающийся образ пущинского дома. На рубеже XIX-XX вв. здание подверглось реконструкции, но сохранило свою стилистику конца XVIII в., получив в оформлении детали неоклассицизма. Этот

Пущино-на-Наре. Главный дом. Апрель 2003.

Горожанка. Главный дом. Фото 1950-х.

дворец принадлежал к лучшим, наиболее ярким образцам усадебной архитектуры Подмосковья. Его разрушение станет ощутимой утратой.

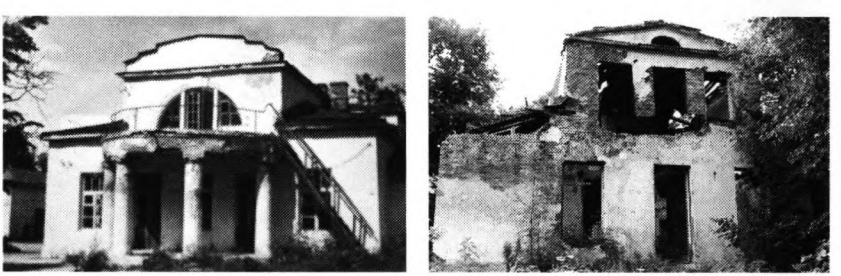
Среди архитектурных памятников Воронежской области усадебный дом в **Горожанке** (Рамонский р-он) выделялся оригинальностью своего облика. Он был построен в первые годы XIX в. владельцем села А.А.Веневитиновым, родственником поэта и писателя Д.В.Веневитинова.[9] Здание характерной для классицизма композиции с полуротондами и боковыми ризалитами получило необычную вертикальную устремленность своих масс. Дом вышел компактным и высоким. Со стороны спускающейся к берегу Дона эспланады центр здания отмечает полукруглый выступ с плоским ризалитом под треугольным фронтоном. Он вырастает трехэтажной башней, подчиняющей себе весь объем дома. Со стороны въезда, в центре фасада — эффектная полуротонда, уже несуществующая. Эта часть дома полностью разрушилась. Вместо полукруга колонн теперь зияет дыра, через которую видны завалы из рухнувших перекрытий и внутренних стен. Пока еще цел противоположный фасад с башней и расположенным в ней круглым залом — главным помещением особняка. Архитектура погибающего памятника исключительно интересна. Узнаваемая классическая схема барского дома, навеянная проектами Д.Кваренги или Н.Львова, получила в Горожанке неожиданный, можно сказать, гротескный характер. Нормативный язык классики заговорил здесь как-то весело и

Горожанка. Главный дом. Ноябрь 2003.

непринужденно, создав запоминающийся образ. Судьба дома поначалу складывалась относительно успешно. В 1918 г. в нем открыли детский дом, затем школу. В 1970-х гг. рядом выстроили новый школьный корпус, а старый особняк забросили. С тех пор здание не используется и за прошедшие годы пришло в катастрофическое состояние. Скорее всего дом скоро будет полностью утрачен. На территории Воронежской области Горожанка была наиболее цельным усадебным комплексом классицизма рубежа XVIII-XIX вв., редкого в этих местах. Неподалеку от дома уцелели переделанная в жилой дом с водокачкой церковь, амбар и фонтан начала XX в. в форме гриба. Недавно исчезли каменные ворота бывшего парадного двора.

Горожанка. Главный дом. Ноябрь 2003.

Аналогичным образом пришли в запустение и разрушаются постройки усадьбы **Игнатовское** (Тарусский р-он Калужской обл.). Она с начала XVIII в. принадлежала семейству Нарышкиных. С 1847 г. в Игнатовском поселился М.Д.Бутурлин, к которому оно перешло в качестве приданого за женой.[10] Бутурлин, близкий знакомый Пушкина, известен своими «Записками», публиковавшимися до революции в «Русском архиве». Разорившись и распродав все свои имения, Бутурлин обосновался в Игнатовском, которое капитально перестроил. При нем возник камерный ансамбль позднего классицизма, состоящий из одноэтажных главного дома и флигеля. Здания с портиками и фронтонами служили характерными образцами скромных барских построек эпохи, когда на смену парадным резиденциям пришли обжитые уютные дворянские гнезда. Игнатовское Бутурлиных было как раз таким. В начале XX в усадьбу снова перестроили при последнем владельце

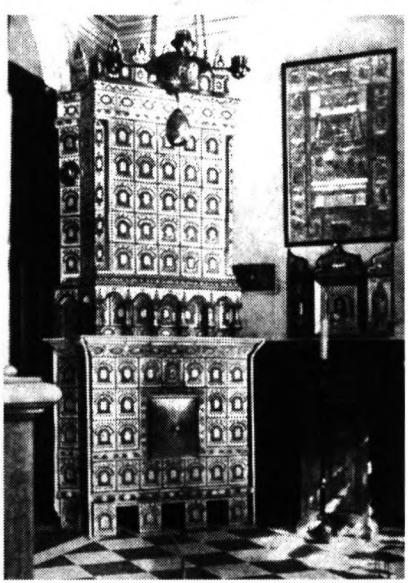


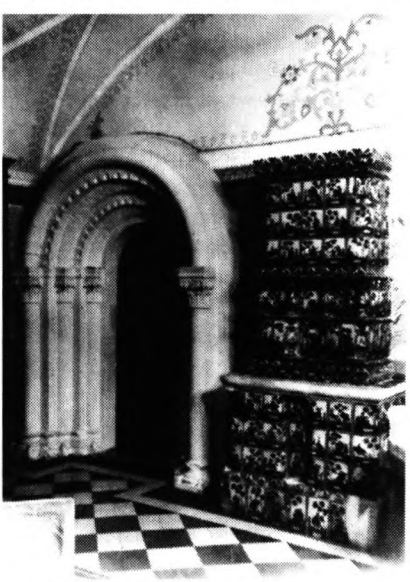
Игнатовское. Флигель в 1974 г. и в июне 2003.

Михайловское. Главный дом. Ноябрь 2003.

П.Н.Перцове. Тогда флигелю придали представительность главного дома, соорудив деревянный мезонин с полуциркульным окном и полукружием портика, поддерживающего балкон. Дом, оформленный в неоклассическом стиле, стал наглядной иллюстрацией «усадебной старины» в ее узнаваемых образах. В советское время в усадьбе поселился психоневрологический интернат. Со временем он выстроил себе новые здания прямо в старинном парке, а архитектурные памятники оказались обречены на медленное умирание. Сейчас их запас прочности израсходован, и процесс разрушения принял необратимый ход. Оба здания находятся в руинированном состоянии.

Среди пришедших в ветхость памятников следует выделить те, что еще недавно сохраняли не только внешние архитектурные формы, но и отделку интерьеров. Разруха в помещениях, украшенных лепниной, живописью, паркетами и кафельными печами, производит особенно тягостное впечатление. Если коробку здания реально выстроить заново и приблизить к первоначальному облику, то дорогостоящая реставрация с вос-



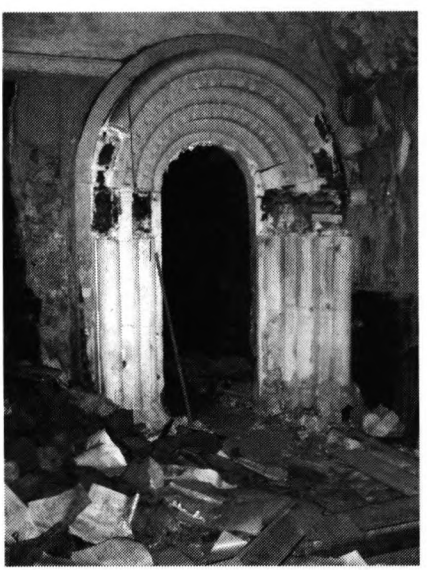


Михайловское. Интерьеры главного дома. Фото нач. XX в.

созданием внутреннего убранства дело почти неосуществимое. В прошлой «Хронике» в качестве самого вопиющего примера упоминался Белый домик в усадьбе Никольское-Урюпино (Красногорский р-он Московской обл.). Там в брошенном здании сильно пострадала тончайшая отделка комнат 1780-х гг.. Благодаря кампании в защиту памятника, развернутой в прессе и на телевидении, здание было отобрано у прежнего пользователя и передано в другие руки. Появилась надежда на его реставрацию, уже идут подготовительные работы. Однако, степень утраты подлинного убранства очень велика, и новая декорация интерьеров в значительной степени будет новоделом. Не покидает общее ощущение абсурда. Надо было довести ценнейший памятник до полного разорения, чтобы сейчас вкладывать немалые средства в изготовление его копии.

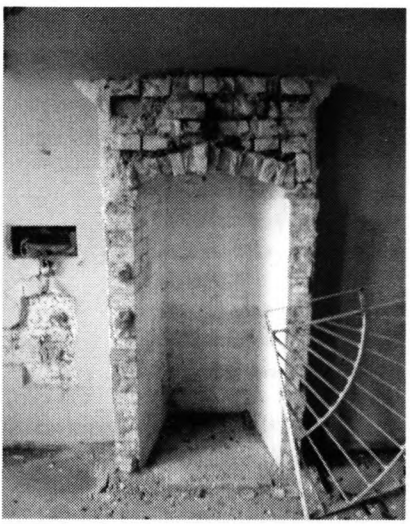
Михайловское. Остов кафельной печи. Ноябрь 2003.

Еще одна катастрофа последних лет — стремительное разрушение главного дома в усадьбе **Михайловское** (Подольский р-он Московской обл.), сохранявшего подлинные интерьеры. Эта старинная Подмосковная была отстроена в 1770-1780-х гг. генерал-поручиком М.Н.Кречетниковым, тульским и калужским наместником. На берегу реки Пахры им был создан дворцово-парковый ансамбль в стиле раннего классицизма. Архитектура дома близка проектам И.Е.Старова. Предположительно к строительству был причастен архитектор П.Р.Никитин. В XIX в. усадьба перешла во владение графов Шереметевых. С.Д.Шереметев, выдающийся государственный деятель, меценат и друг императора Александра III, превратил Михайловское в богатейший музей с коллекциями живописи, минералов и ботанических редкостей. В доме была



Михайловское. Полуразрушенный портал в одной из комнат. Ноябрь 2003.

Михайловское. Главный зал после пожара. Ноябрь 2003.



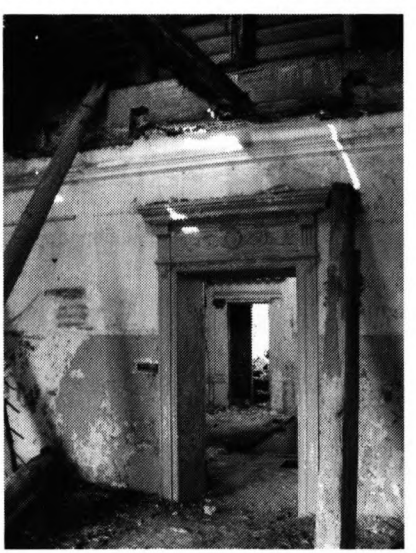
Михайловское. Разбитый камин. Ноябрь 2003.

огромная библиотека, хранился архив князей Вяземских, перевезенный из Остафьева. Все это выделяло Михайловское на фоне других аристократических усадеб, превращало его в подлинную сокровищницу национальной культуры.[11] Старый дворец был реконструирован в 1880-1890-х гг. по проекту архитектора Н.В.Султанова. Внешне облик дома не изменился, зато интерьеры приобрели богатое убранство в разных стилях, в первую очередь, в «русском». В комнатах, стилизованных под допетровские палаты, появились перспективные порталы «с гирьками», сводчатые потолки, огромное количество печей и каминов с кафельными плитками. Изразцы разных цветов и рисунков составляли еще одну ценную коллекцию михайловского дворца. Особый интерес представляли две большие каменные печи с изразцовыми панно, изображавшими летнюю и зимнюю тройки. Они были выполнены в 1900 г. художником Н.Каразиным. От старого убранства екатерининских времен в центре дворца оставался большой зал с колоннами и хорами для музыкантов. Все это хорошо сохранялось и после революции. Усадьба в 1920-е гг. лишилась обстановки и художественных ценностей, но продолжила существование в качестве санатория. Здесь и сейчас «санаторий-курорт» с лечением минеральными водами. Помимо многочисленных усадебных построек, оставшихся со времен Шереметевых, на территории появились корпуса в духе сталинской архитектуры. Сам дворец до недавнего времени использовался дирекцией санатория. Однако, четыре года назад он уже стоял пустым, правда, заколоченным и недоступным для разграбления. Затем в здании случился пожар, после чего оно стало быстро превращаться в руины. Сейчас на нем местами отсутствует крыша, выбиты все окна и двери. А главное и самое непоправимое то, что уничтожены абсолютно все кафельные печи и камины. Знающие ценность израз-

Колосово. Главный дом. Октябрь 2003.

цов «умельцы» выломали и утащили все целые плитки. Поврежден огнем главный зал, изуродованы порталы Султанова. Состояние еще недавно благополучного здания ужасающее. И это при том, что дворец стоит на охраняемой территории, вроде бы недоступной для вандалов. Руководство санатория несет прямую ответственность за гибель выдающегося памятника истории и культуры.

Недавно был еще цел и главный дом в усадьбе **Колосово** (Алексинский р-он Тульской обл.). Эта усадьба в начале XIX в. была отстроена А.Д.Чертковым в строгих формах ампира. Дом с двумя самостоятельными флигелями, въездная аллея, парк на берегу Оки — все это наделяло Колосово чертами типичной барской



Колосово. Интерьеры главного дома. Октябрь 2003.

Колосово. Парадная лестница. Октябрь 2003.

усадьбы своего времени. Оригинальность в ее облике появилась в 1890-х гг., когда новым владельцем фабрикантом К.Н.Пасхаловым барский дом был перестроен в виде «готического» замка с высокой угловой башней, стрельчатыми окнами и зубчатыми парапетами.[12] В образ классической усадьбы был внесен заметный романтический оттенок. Пасхаловский замок эффектно смотрелся с другого берега Оки, возвышаясь среди старинного парка. Внутри здание впечатляло богатством отделки. Парадная лестница, аванзал, наполненный светом из стеклянного фонаря наверху, «готическая» столовая с кессонированным потолком, сводчатая комната в «романском» стиле — все помещения отражали вкусы рубежа XIX-XX вв. и были мастерски декорированы лепниной, деревянными панелями, кафелем. В недавние времена дом занимала школа, в залах стояли ученические парты. Сейчас здание пустует и быстро разрушается. Интерьеры сильно повреждены.

Такая же картина запустения и разрухи наблюдается в малоизвестной усадьбе **Хрусловка** (Веневский р-он Тульской обл.). Главный дом был построен во второй половине XIX в. при тогдашних владельцах фон Мекках. В его архитектуре также сказалось увлечение европейским средневековьем. В облике дома проявились черты французских замков XVI-XVII вв. с щипцовыми фронтонами, нарядным кирпичным декором и обязательной «крепостной» башней. Здание представляет хороший пример такого рода исторических стилизаций. Совсем недавно в нем обитал детский дом. Сейчас усадьба брошена. «Замок» пока еще цел внешне, но уже утрачивает свое внутреннее убранство. От сырости осыпается лепнина с потолков и падуг, разбиты кафельные печи, повреждены изящные канеллированные колонны главного зала. Если не принять срочных мер, от памятника в скором времени останется только остов стен.

Хрусловка. Интерьер зала. Апрель 2003.

Теперь следует уделить внимание памятникам церковной архитектуры.

Хрусловка. Главный дом. Апрель 2003.

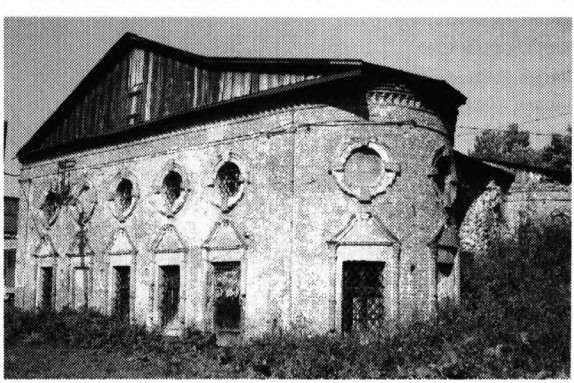
Известно, что во многих барских усадьбах сохранились только храмы. Их по-прежнему гораздо больше, чем усадебных домов. Но и с этим наследием ситуация далека от благополучной. Активно идущая передача уцелевших храмов православной церкви не коснулась еще очень многих памятников. А в отдельных случаях и передавать уже нечего. Существование некоторых церквей приобрело «виртуальный» характер. Значащиеся во всех списках и состоящие на охране памятники порой уже много лет как утрачены. Однако об этом неизвестно даже специалистам. Так, ознакомившись с обзорной статьей по усадьбам Тульской области в недавно вышедшей книге «Русские провинциальные усадьбы», читатель будет уверен, что в селе **Николо-Жупань** (Одоевский р-он) сохранились два основных сооружения дворянской усадьбы — главный дом и Никольская церковь.[13] По всем документам это действительно так. Усадьба относительно хорошо известна. На рубеже XVII-XVIII вв. она принадлежала Стрешневым, в первой половине XIX в. — генералу Ф.Я.Мирковичу, герою войны 1812 г. При нем был построен существующий дом в стиле ампир. Храм возвели около 1701 г. по заказу А.Стрешневой. Его архитектура выдержана в «нарышкинском стиле». Над основным четвериком возвы-

Хрусловка. Интерьер с разбитой печью. Апрель 2003.

Николо-Жупань. Никольская церковь. Фото нач. XX в.

Николо-Жупань. Никольская церковь. Фото 1974.

шался высокий восьмерик с фонариком, несущим луковичную главу. Пирамидальному силуэту храма вторила высокая четырехъярусная колокольня. В 1820-х гг. Мирковичи пристроили по сторонам трапезной два придела, увенчав их главками. Пристройки декорировали под изначальную архитектуру церкви, так что здание обрело стилистическое единство. Никольская церковь представляла интересный пример «нарышкинской» архитектуры в небогатой памятниками этого стиля Тульской области. Не обладая художественным совершенством столичных образцов, она была примечательна своеобразием некоторых мотивов, например, множественными круглыми окнами в массивных обрамлениях. В ансамбле усадьбы это была основная доминанта, венчающая высокий холм над рекой Упой. После революции для памятника настали тяжелые времена. В середине XX в. колокольню разобрали до первого яруса, а над восьмериком храма поставили водокачку. Таким здание запечатлено на фотографиях 1970-х гг. Считается, что в этом виде оно существует и поныне. Однако, это не так. Самой церкви уже нет, остались только



Николо-Жупань. Сохранившаяся трапезная Никольской церкви. Апрель 2004.

пристроенные поздние приделы. А на месте основного стрешневского храма — заросший кустами битый кирпич. Выяснить у местных жителей причины происшедшего оказалось непросто. В итоге непонятно, то ли храм специально взрывали, то ли он рухнул сам под тяжестью водяного бака. Целенаправленных взрывов церквей с середины 1970-х гг. почти не происходило, и эта недавняя утрата кажется вдвойне неожиданной и нелепой.

Свитино. Успенская церковь. Фото 1960-х.

Как существующий памятник многим известна Успенская церковь в селе **Свитино** (Подольский р-он Московской обл.). Свитино в XVIII в. входило в состав большого имения графов Воронцовых с центром в усадьбе Вороново неподалеку. В 1779 г. в селе на средства и по заказу графа И.И.Воронцова был сооружен каменный двухэтажный храм. Его архитектура выдержана в характерном для строительства Воронцова стиле, переходном от барокко к классицизму. Главные постройки усадьбы Вороново убедительно связываются в литературе с творчеством К.И.Бланка, из чего можно предполагать его участие и в других заказах Воронцова. В облике свитинской церкви есть узнаваемые бланковские черты — в общих массах, в решении отдельных форм и деталей. В целом храм проще и строже, чем затейливо-барочная Спасская церковь в Воронове. Это вполне объяснимо, учитывая его второстепенное положение в иерархии воронцовских вотчинных церквей — Свитино не было усадебным селом. Похожие церкви граф Воронцов возвел в других своих владениях — в Киеве-Спасском и Якимовском. Есть общие черты у свитинского памятника и с Борисоглебской церковью усадьбы Белкино, построенной тем же заказчиком. Так что Успенс-

Свитино. Сохранившаяся колокольня Успенской церкви. Ноябрь 2003.

Есиплево. Никольская церковь. Фото 1960-х.

Есиплево. Никольская церковь. Май 2003.

кий храм в Свитине был важным звеном в обширном усадебном строительстве одного из влиятельных вельмож времен Елизаветы и Екатерины II. Храм был подчеркнуто величественен и доминировал в ландшафте имения. В первом издании «Памятников архитектуры Московской области» (1975 г.) приведена его фотография, и памятник значится в числе сохранившихся.[14] Он был разрушен позднее, вероятно, был взорван. Сегодня от огромного сооружения осталась только утратившая верх колокольня с торчащими в направлении трапезной железными связями.

В руинах пребывает Никольская церковь в селе **Есиплево** (Кольчугинский р-он Владимирской обл.). Она была построена в 1652 г. в родовом имении бояр Акинфовых. Позже, в 1798 г. потомки этого старинного рода выстроили неподалеку Покровский храм в стиле классицизма. В Есиплеве существовала барская усадьба, от которой к концу XX в. остались только две церкви, представлявшие интересный ансамбль разновременных построек. Если поздний памятник относительно хорошо сохранился, то древняя Никольская церковь практически разрушена. Небольшой скромный храм середины XVII в. нес в своем облике некоторые черты архитектуры московского «узорочья». Сейчас здание имеет серьезные утраты — отсутствуют завершения, в стенах большие пробоины, сбиты многие элементы кирпичного декора. Памятник, представлявший интерес как один из старейших уцелевших вотчинных храмов, обречен на гибель. Это очевидно, поскольку для богослужений в небольшом селе вполне достаточно другой, сохранившейся рядом церкви.

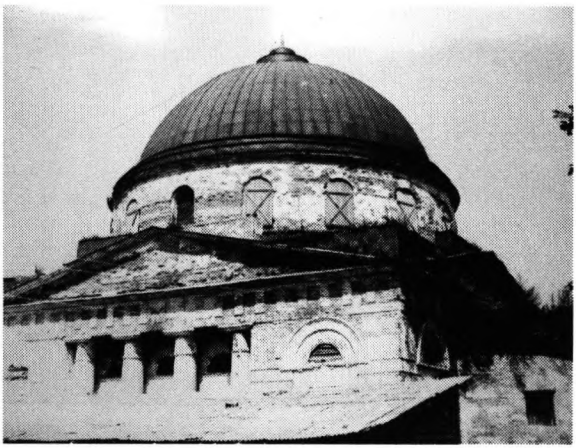
В плохом состоянии находятся сразу две церкви в усадьбе **Кашары** (Задонский р-он Липецкой обл.). Оба храма были построены в едином ансамбле в 1823 г. Они имеют несколько необычное посвящение — Св. Митрофану (летняя) и

Св.Автоному (зимняя). Последняя одновременно является колокольней. Ее острая вертикаль со шпилем уравновешивает стоящую рядом купольную ротонду. Заказчиком ансамбля выступал помещик Кожин, представитель известной в этих краях дворянской фамилии. Архитектор церквей неизвестен, но они близки произведениям Н.А.Львова, несмотря на хронологическое несоответствие его творчеству. Возможно, храмы начали строить гораздо раньше, поскольку в их облике почти отсутствуют приметы господствовавшего в 1820-е гг. ампира. Архитектура церквей более соответствует проектам и постройкам 1780-1790-х гг. и обнаруживает сходство с такими приписывающимися Львову сооружениями, как ротонды в г.Валдае (Екатерининская церковь) и в Александровском (т.н. церковь «Кулич и Пасха» в Петербурге), а также колокольня Борисоглебского монастыря в Торжке. Возможно, для Кожина проектировал мастер, испытавший сильное влияние львовских архитектурных композиций. Для Липецкой области (эта ее часть ранее входила в Воронежскую губернию) оба памятника уникальны, являясь яркими представителями палладианства в церковной архитектуре рубежа XVIII-XIX вв. Это произведения высокого, отнюдь не провинциального, уровня. Остается сожалеть, что замечательный ансамбль на высоком берегу Дона совершенно заброшен, утратив за последние годы важные архитектурные элементы. Рухнули купол ротонды и шпиль колокольни, обвалилась часть колоннады, окружающей летний храм, сильно выветрился кирпич наружных стен. Жаль, если этот редкий комплекс будет окончательно потерян.

Кашары. Церкви Св. Митрофана и Св. Автонома. Фото 1970.

Кашары. Церкви Св. Митрофана и Св. Автонома. Июнь 2003.

Утрата именно таких неординарных архитектурных произведений, выделяющихся на общем фоне, наиболее ощутима. Эти памятники, как правило малочис-



Пожилино. Дмитриевская церковь. Фото 1970-х.

ленные, определяют ценность архитектурного наследия того или иного региона. В Тульской области к таким достопримечательностям относилась Дмитриевская церковь в усадьбе **Пожилино** (Ефремовский р-он). Ее строительство, начатое в 1825 г. владельцем усадьбы А.И.Левшиным, затянулось почти на полстолетия. Тем не менее храм был целиком выдержан в первоначальном ампирном стиле. Его кубическое основание с портиками тяжелых пропорций несло необычно широкую ротонду, которая была перекрыта деревянным куполом. Сложная конструкция последнего, если верить описаниям, была шедевром плотницкого искусства. Именно это завершение и общий эффект от огромного подкупольного пространства делали храм почти уникальным. Он представлял любопытную вариацию на тему римского пантеона, реализованную в русской провинции. Автор сооружения неизвестен, но красиво прорисованные фасады и общая цельность художественного образа позволяют видеть в нем незаурядного архитектора. Сегодня полусферы купола уже нет, от здания остался

Пожилино. Дмитриевская церковь. Июнь 2003.

Федяево. Троицкая церковь. Фото 1949.

только кирпичный остов, сильно заросший деревьями. Рухнувшие деревянные конструкции почти сгнили внутри ротонды. Разрушен памятник, представляющий не только архитектурную, но и историческую ценность. Усадьба Пожилино принадлежала А.И.Левшину, выдающемуся деятелю XIX в., государственному сановнику, путешественнику, географу. Рядом с храмом сохранилась поваленная гранитная колонна — его надгробный памятник.

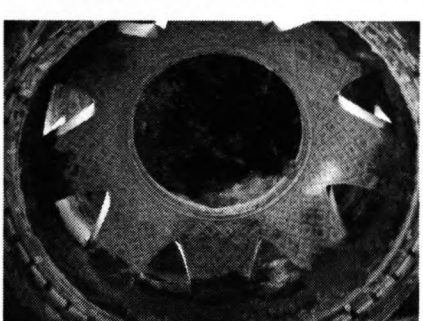
К крайне редким архитектурным композициям относится Троицкая церковь в селе **Федяево** (Вяземский р-он Смоленской обл.). К пятикупольному храму с запа-да примыкает двухколоколенная паперть, так что здание имеет семь завершений. Церковь была выстроена в 1795 (по другим данным в 1825 г.) на средства местного помещика М.М.Грибоедова, родственника великого писателя.[15] Главная усадьба Грибоедовых Хмелита находится неподалеку. Церковь поставлена на возвышенности и хорошо видна с далеких расстояний. Ее основной объем завершен тяжелой ротондой с полусферой главного купола и четырьмя низкими куполами на восьмигранных трибунах. Выступающая трапезная оканчивается папертью с парными звонницами по сторонам входного портика. Соборный характер храма, вызванный, вероятно, амбициями заказчика, ставит его в круг весьма заметных образцов церковного строительства. Это качественное произведение классицизма, продуманное как в общих формах, так и в деталях. Можно предположить участие в его проектировании крупного зодчего, знакомо-

Федяево. Троицкая церковь. Июнь 2002.

Федяево. Троицкая церковь. Июнь 2002.

го с церковными постройками ведущих мастеров времени. Здание добротно выстроено, из кирпича с большим присутствием белого камня. Изысканно проработаны карнизы, сандрики, основание главного креста в виде блока канеллированной колонны. Троицкую церковь, выпавшую из поля зрения исследователей, можно причислить к выдающимся образцам отечественной архитектурной школы. Тем тяжелее наблюдать ее нынешнее состояние. Храм был действующим относительно долго. Его не повредила война, что удивительно, учитывая ожесточенные сражения в этих местах и размещение здания на высокой точке. В 1949 г. в церкви еще проходили службы. Потом ее закрыли, и за прошедшие полвека памятник пришел в аварийное состояние. Полностью отсутствует перекрытие трапезной, серьезные обрушения на сводах основного храма, наверху уже успели вырасти деревья. Нельзя не признать — эта поросшая зеленью громада выглядит живописно и даже красиво, но следует осознавать гибельный характер этой красоты.

В Смоленской области, небогатой архитектурными памятниками (как принято считать, из-за войны), к лучшим примерам классицизма относилась Казанская церковь в усадьбе **Рай** (Смоленский р-он). Село принадлежало дворянской фамилии Вонлярлярских. Возле церкви похоронен ее самый известный представитель писатель-беллетрист В.А.Вонлярлярский. Здесь была барская усадьба, от которой дошли только большой липовый парк и грандиозный храм. Он был построен в 1814-1818 гг. по проекту смоленского губернского архитектора М.Н.Слепнева.[16] В архитектуре памятника присутствуют почти точные цитаты из произведений Н.А.Львова. Образцом для отдельно стоящей колокольни была избрана колокольня Борисоглебского монастыря в Торжке. От нее заимствовано и завершение в виде беседки-ротонды, и средний ярус с раскреповками и парными колоннами. Сама цер-



Рай. Купол Казанской церкви. Декабрь 2003.

Рай. Казанская церковь и колокольня. Декабрь 2003.

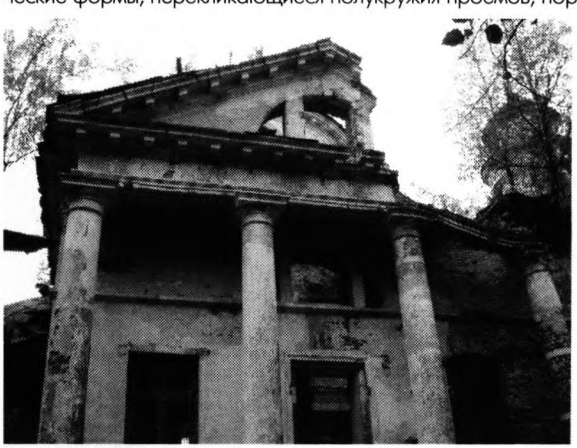
ковь своей сложной и оригинальной композицией воплощает идею Пантеона, столь любимую классицистами. Ее план описывает почти круг с наружными нишами-экседрами и колонными портиками на входах. Из монументального основания вырастает тяжелый барабан с куполом. В интерьере создана почти театральная декорация на тему двойного купола — любимого изобретения Львова. Нижняя декоративная оболочка, расписанная кессонами, прорывается в центре круглым иллюзорным окном. Свет в него попадает сквозь невидимые изнутри окна в барабане. Ложная полусфера интерьерного купола прорезана многочисленными треугольными отверстиями по периметру, из-за чего возникает ощущение растянутой «в небесах» легкой оболочки. Этот динамичный пространственный театр заставляет вспомнить расписные плафоны П.А.Гонзаго и других декораторов-«перспективистов». Все выполнено на высоком художественном уровне, с тончайшей лепниной и росписями. Увы, теперь многое в образе памятника необходимо домысливать.

Рай. Колокольня Казанской церкви. Декабрь 2003.

Теплое. Знаменская церковь. Сентябрь 2003.

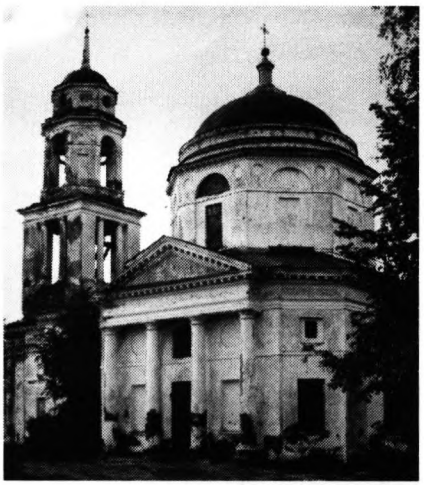
Большинство деталей отделки утрачено. Ни на фасадах, ни в интерьере не сохранилась ни одна колонна. Остался только остов, основательно заросший деревьями. Погибает замечательный интерьер, не имеющий аналогов в усадебной архитектуре.

С кругом произведений Н.А.Львова обоснованно связывают Знаменскую церковь в бывшем селе **Теплое** (Клинский р-он Московской обл.). Это единственное архитектурное сооружение, оставшееся от усадьбы статского советника Н.А.Соймонова.[17] Отыскать пропавшую усадьбу по карте невозможно. Сейчас здесь пустырь, от которого до ближайшей деревни Васильевское-Соймоново не менее трех километров. Поэтому участь разрушающейся церкви кажется предрешенной. Вдали от людей и от жизни памятник обречен. К сожалению, таким заброшенным остатком старины оказался великолепный образец классицизма, один из лучших примеров этого стиля в Подмосковье, щедром на выдающиеся произведения. Знаменская церковь была построена в 1797 г. и отразила характерное для эпохи увлечение палладианскими мотивами. Кубический в плане объем, простые геометрические формы, перекликающиеся полукружия проемов, портики храма и колоннада колокольни — все вызывает в памяти наиболее яркие архитектурные образы того времени, и, в первую очередь, творения Львова. Документальных доказательств его авторства нет, но композиционная и стилистическая близость весьма заметна. Памятник уходит неизученным. Его, затерявшегося в бездорожье, быстро забыли. Сейчас храм представляет собой живописные руины с обрушившимися



Теплое. Полуразрушенный портик Знаменской церкви. Сентябрь 2003.

сводами и растущими на крыше деревьями. Вот-вот упадет северный портик. В интерьере утрачены все капители колонн коринфского ордера, исчезают остатки лепнины.

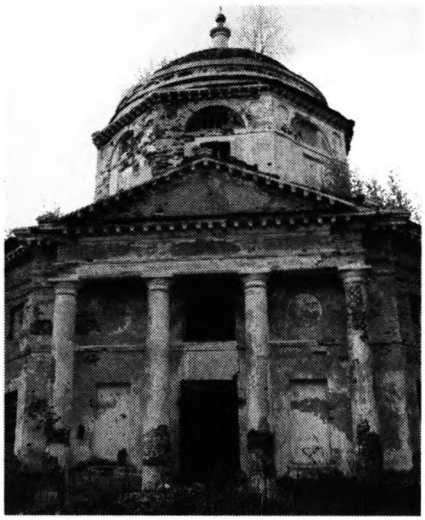


Братково. Спасская церковь. Фото 1975.

Завершая тему церквей «львовского круга», следует упомянуть о еще одном погибающем памятнике. Речь идет о Спасской церкви усадьбы **Ивановское-Ермолаево** (сейчас село **Братково**, Старицкий р-он Тверской обл.). Это произведение и хронологически, и территориально принадлежит наследию Львова в Тверском крае. Уровень архитектуры храма весьма высок. Он органично вписывается в круг таких усадебных сооружений, как дом в Знаменском-Райке, церкви в Арпачеве, Прямухине и Горницах. Структура, объемы, качество отделки — все соответствует творческому почерку одного из самых оригинальных архитекторов XVIII в. Судя по последним публикациям, Спасская церковь может быть приписана М.А.Чернятину, талантливому мастеру, испытавшему сильное влияние Львова.[18] Он был автором нескольких заметных построек в Старице и ее окрестностях. Храм традиционной композиции, объединяющей основную часть с трапезной и колокольней, красиво прорисован в пропорциях и деталях. Роскошен был интерьер с изящной лепниной, ионическими колоннами, деревянным классическим иконостасом. Убранство сохранялось до недавнего времени. В 1970-х гг. закрытый храм, используемый под склад, был в относительно хорошем состоянии. Его ухудшение началось в 1990-х гг. Сейчас разрушение быстро прогрессирует — повреждена кровля, внутрь попадает вода, из-за чего гибнет лепнина. На фасадах уже видны серьезные повреждения кирпичной кладки. Бесхозное здание скоро начнет рушиться.

Братково. Спасская церковь. Май 2003.

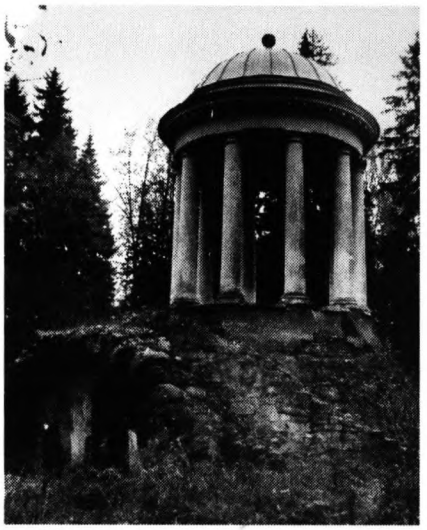
В конце пространного, но далеко не исчерпывающего, «матриролога» по традиции тема т.н. «малых» архитектурных форм. Парковых павильонов, беседок, мостов, мавзолеев осталось наперечет. Потеря таких обычно небольших построек может показаться



Братково. Спасская церковь. Май 2003.

не столь существенным ударом по архитектурному наследию, как утрата грандиозных ансамблей. Но уход этих характерных элементов дворянских гнезд сильно обедняет общую картину усадебного мира, лишает ее объективной полноты. «Малую» архитектуру уж точно никто не станет восстанавливать, ее бесполезность в нынешней жизни очевидна. Не случайно парковые затеи стали первыми жертвами послереволюционного разорения усадеб. В усадьбе **Знаменское-Раек** (Торжокский р-он Тверской обл.) в начале 1990-х гг. рухнула беседка над гротом-погребом, возведенная по проекту Н.А.Львова. Изящное садовое сооружение входило в ансамбль представительной усадьбы генерал-аншефа Ф.И.Глебова. Дворец с овальной колоннадой двора известен как самый яркий пример русского палладианства. Пейзажный парк когда-то имел разнообразные украшения, архитектурные и скульптурные. До середины XX в. дожил павильон, изначально являвшийся птичником. Дольше всех продержалась десятиколонная беседка над круглым купольным помещением погреба — полуподземного грота из диких валунов. Эти затеи характерны для Львова, в них распространенные типы парковых сооружений сочетались с подчеркнутым функционализмом. Беседка обветшала и упала без всякого постороннего вмешательства. Обрушился и свод самого погреба. Сейчас на его месте залитый водой круглый бассейн. Каменные блоки упавших колонн сложены рядом. В последнее время усадьба живет в ожидании восстановительных работ. Осенью 2003 г. началась реставрация колоннад дворца. Возможно, беседку над погребом скоро выстроят снова, и она станет редким исключением в ряду безвозвратных потерь.

Братково. Интерьер Спасской церкви. Май 2003.



Знаменское-Раек. Беседка над погребом. Фото 1984.

К последним есть все основания отнести мавзолей Давыдовых в их усадьбе **Аксиньино** (Веневский р-он Тульской обл.). Это дворянское гнездо сейчас почти позабыто. Местоположение Аксиньина вдали от больших городов и дорог, на отшибе тульской глубинки не способствует известности сохранившихся там построек. Усадьбу обычно вспоминают только в связи с творчеством блестящего портретиста О.А.Кипренского, гостившего здесь в 1809 г. и оставившего графические изображения хозяев. Барский дом Давыдовых, родственников поэта, героя войны 1812 г. Д.В.Давыдова, существовал до 1900 г., когда был разобран. И все же там сохранялся довольно целостный архитектурный комплекс. Он включал поставленные рядом церковь, колокольню, парные обелиски на въезде и фамильный мавзолей. Все сооружения относились к рубежу XVIII-XIX в. и принадлежали классицизму. Церковь Михаила Архангела строилась долго, с 1790 по 1863 г. Это своеобразный храм с полусферическим куполом и венчающим его огромным изваянием Ангела, держащего крест. Каменная скульптура является одновременно необычайно крупным замком купольного свода церкви. Возможно, сама идея заимствована из петербургской Александровской колонны, но аксиньинский Ангел смотрится брутальнее и примитивнее прототипа. Для усадебных храмов этот чудом уцелевший образ уникален. К сожалению, скоро он может исчезнуть. Статуя сильно повреждена. Утрачена и обшивка купола, из-за чего общие пропорции здания выглядят искаженными. Бесхозная церковь стремительно ветшает. В интерьере пока сохраняется замечательная деревянная ротонда — любопытный пример почти театральной по духу декорации. Отдельно стоящая колокольня с проездной аркой тоже выглядит не лучшим образом. Она лишилась верха, разрушается ее кирпичная кладка. От двух обелисков сейчас остался только один. Не существует практически и мавзолея, относящегося к 1810-м гг.. Он представлял собой необычный пример усыпальницы. Над полуподземным склепом, задуманным в качестве монументального подиума, возвышалась изящная и хрупкая беседка. Давыдовский

Знаменское-Раек. Яма на месте погреба с беседкой. Сентябрь 2003.

Аксиньино. Вид на церковь михаила Архангела, колоколню и мавзолей Давыдовых. Фото 1950-х.

мавзолей не имел характерного для ампирных гробниц чувства скорбного величия, воплощенного в камне. Его облик напоминал скорее затейливое парковое украшение. В советское время помещение склепа использовали, мягко говоря, нетипично. Когда в селе был колхоз, в мавзолее оборудовали... пекарню. Но с 1940 г., как записано в документации, «мавзолей бесхозный». На фотографиях 1950-х гг. его еще можно видеть целым. Сейчас, когда рухнула беседка, остался один полуразвалившийся и засыпанный склеп. Интересный усадебный ансамбль, собравший вместе оригинальные архитектурные решения, все менее похож на себя, утрачивая самые выразительные компоненты.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См: Волкова М.Я. Подмосковная усадьба Высокое // Русская усадьба. Вып.7 (23). М., 2001. С.256-262.
2. См: Селезнев Н.П. Знаменское // Русские провинциальные усадьбы XVIII — начала XX века. Воронеж, 2003. С.310-315.
3. См: Записки графа М.Д.Бутурлина // Русский архив М., 1898. Кн.1.

Аксиньино. Мавзолей Давыдовых (фото 1950-х) и в апреле 2003.

Аксиньино. Церковь Михаила Архангела в1950-х и в апреле 2003.

4. Вагнер Г.К., Чугунов С.В. Рязанские достопамятности. М., 1974. С.133.
5. См: Скорнякова Н.Н Усадьба Надеждино. Работы художников Я.Филимонова и В.Причетникова в собрании ГИМ // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1997. М., 1998. С.518.
6. См: Голомбиевский А. Покинутая усадьба. Село Надеждино, бывшее имение князей Куракиных // Старые годы. 1911. №1. С.2-25.
7. Анисимов Ю.П. Ольгово // Подмосковные музеи. М-Л., 1925.
8. См: Дунаев М.М. К югу от Москвы. М., 1978. С.176-177.
9. См: Попов П.А. Горожанка (Тайна синих павлинов) // Русские провинциальные усадьбы... С.103-108.
10. См: Дунаев М., Разумовский Ф. В среднем течении Оки. М., 1982. С.28-32.
11. См: Шевелева О., Савельев Ю. Михайловское // Дворянские гнезда России. История, культура, архитектура. Очерки под редакцией М.В.Нащокиной. М., 2000. С.122-141.
12. См: Дунаев М., Разумовский Ф. Указ. Соч. С.94-102.
13. Безрукая Н.И. По тульским окрестностям // Русские провинциальные усадьбы... С.447-448.
14. Памятники архитектуры Московской области. Т.2. М., 1975. С.143.
15. См: Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Смоленская область. М., 2001. С.358-359.
16. Там же. С.270-271.
17. См: Памятники архитектуры Московской области. Вып.2. М., 1999. С.285; Архив ИИМК (СПб.) Р-III, д.4024 (Метрика Знаменской церкви с. Теплое).
18. См. Галашевич А.А. Наследники Львова в Тверском крае // Гений вкуса. Вып.1. Тверь. 2001.

А.В. Чекмарев

II.

Московская область.

Застроена коттеджами роща усадьбы Любимовка (Пушкинский р-он). Она была продолжением усадебного парка (на плане начала XX в. Обозначена как «роща его же Алексеева») и входила в территорию памятника в системе зон охраны.

Застраиваются открытые пространства полей — древних пахотных угодий, входящих в зону охраняемого ландшафта усадьбы Середниково (Солнечногорский р-он). Страдают территории, примыкающие к уникальному памятнику природы — Курочкину болоту, на котором произрастают редкие виды растений. Курочкино болото является источником питания рек и ручьев данной местности, а также исторической гидрологической системы усадьбы. Коттеджная застройка усилит техногенные нагрузки на него, что повлечет негативные экологические последствия.

Застраивается коттеджами парк усадьбы Неклюдово (Мытищинский р-он), примыкающий к Московской кольцевой автодороге. Парковые аллеи и дорожки перегораживаются кирпичными заборами.

Обнесена оградой центральная часть замечательного регулярного парка усадьбы Красное (Красная Пахра) (Подольский р-он), из-за чего нарушено единство усадебного ансамбля.

Производится строительство коттеджей возле церкви в парке усадьбы Салтыково (Раменский р-он).

Берег реки Рожаи в границах охранных зон усадьбы Прохорово (Чеховский р-он) распахивается под огороды и застраивается.

Снесены средневековые курганы в зоне охраны усадьбы Поречье (Одинцовский р-он).

При входе на территорию усадьбы Абрамцево (Пушкинский р-он) выстроено здание ресторана, диссонирующее с застройкой усадьбы.

По днищу прудов дворцовой усадьбы Тайнинское (Мытищинский р-он) построена автодорога для подъезда к ярмарке.

Идет вторжение коттеджной застройки на территорию парка усадьбы Богородское-Кишкино (Ступинский р-он).

Строятся коттеджи в парке усадьбы Лопасня-Зачатьевское (Чеховский р-он).

Складируются бытовые отходы возле северного флигеля и руин конного двора в усадьбе Никольское-Гагарино (Рузский р-он), занимаемой детской неврологической больницей.

В парке усадьбы графов Шереметевых Уборы (Одинцовский р-он) построен загородный «замок» известного художника А.М.Шилова. Претенциозное строение разрушило пространственную среду старинной усадьбы.

Центральные области России

Распахан под огороды и частично застроен южный берег Большого пруда в границах ГМПЗ «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная поляна» (Тульская область).

Приватизирован парк усадьбы Сосницы, расположенный на берегу озера Селигер (Тверская область). Парк обнесен оградой, частично уничтожен частным строительством.

Разрушена последняя из сохранявшихся построек усадьбы Талашкино (Смоленская область) — скрыня. В усадебном парке прорыты траншеи для прокладки коммуникаций.

В парке усадьбы Вонлярово (Смоленская область) построен коттеджный поселок для областного руководства. Доступ в парк закрыт.

Н.И. Завьялова, Н.А. Филиппова

А.В. Чекмарев

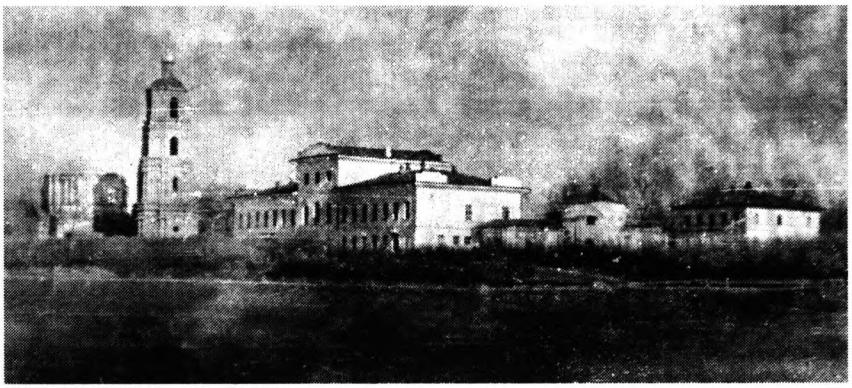
ПОКРОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ В УСАДЬБЕ РЕПЕЦ

В Липецкой области недалеко от Задонска в селе Репец доживает свои дни памятник, который, находись он в Петербурге или Москве, давно бы удостоился отдельных монографий и был бы постоянным объектом туристического внимания. Но четыреста километров русской глубинки, отделяющие его от столицы, стали причиной того, что замечательное сооружение практически никому неизвестно. Оно, правда, состоит на учете как памятник федерального значения, но в паспорте не имеется даже вразумительной исторической справки и фотофиксации. Его мало кто видел, в том числе и среди специалистов. Скупая информация вмещается в одну строку — церковь Покрова Пресвятой Богородицы построена в 1767 (по другим данным в 1750 или в 1769) году в усадьбе отставного капитан-поручика лейб-гвардии Семеновского полка Иосифа Ивановича Кожина (1714-1779).

Увы, сейчас уже невозможно получить полное представление об облике храма — его верхняя часть утрачена в 1942 г. По некоторым сведениям здание завершал высокий восьмигранный купол с главкой. Но и то что осталось, способно удивить, восхитить и вместе с тем озадачить. Архитектура русского барокко, да еще первоклассного качества, малочисленна даже в Петербурге — эпицентре своего расцвета. Шедевры Ф.Б.Растрелли, главного его создателя, кажется уже все известны и описаны в литературе. Тем неожиданней встретить жемчужину подобного стиля в далекой провинции. Динамичный хоровод колонн, курватуры фасадов, статуи, лепные раковины и картуши — лучшие образцы барокко вспоминаются сразу, и уместнее представить эту пышную красоту где-нибудь в Царскосельском парке или под сенью Смольного собора. Памятник всецело принадлежит «веселому веку Елисавет», любившему праздничное великолепие архитектурных форм. Более поздняя датировка памятника (Елизавета умерла в 1761 году) обычна для провинции — туда мода на новый стиль — классицизм, начавшаяся с воцарением Екатерины II еще не сразу успела проникнуть.

Вглядываясь в общий план здания, в решение объемов и особенно в детали декора, становится очевидно, что это не почерк Растрелли. Он никогда не выгибал причудливо линии стен, оставаясь привержен простым и рациональным планам. И лепнина в Репце прорисована и исполнена иначе, чем на фасадах придворного маэстро. По времени и по архитектурным особенностям Покровскую церковь нужно отнести к немногим проявлениям рококо в русском искусстве. Как известно, оно отозвалось у нас слабым эхом, промелькнув между угасавшим барокко и утверждавшимся классицизмом. Лучшим его воплощением были произведения А.Ринальди, созданные в те же годы, что и репецкий храм. Но в круг ринальдиевских построек последний также не вписывается.

Вообще этот выпавший из истории русской архитектуры памятник трудно связать с творчеством кого-либо из крупнейших мастеров отечественной школы. Здесь много



Усадьба Репец. Общий вид со стороны дороги от Задонска. Фото 1947.

противоречивого и чрезмерно оригинального, не имеющего аналогий в постройках Петербурга и Москвы. Это всецело ощущается в интерьере, где на высоте второго яруса вдруг, как в фантастическом видении, вырастают каменные деревья. Они поднимаются, изгибаясь могучими стволами в углах восьмерика, по сторонам окон, заменяя традиционные колонны и пилястры. В этой подмене действительно сказалась эстетика рококо, отвергавшего ордерные формы и полюбившего вместо них витиеватые растительные узоры. Но как это репецкое рококо не похоже на эталонные создания стиля, процветавшего тогда в Европе. Творения рококо принято сравнивать с затейливыми игрушками, созданными для легкомысленных увеселений. В них отсутствовал величавый пафос недавнего барокко. Здесь же, в русской глубинке, характерные для искусства рокайля формы заговорили масштабно, мощно и тяжело.

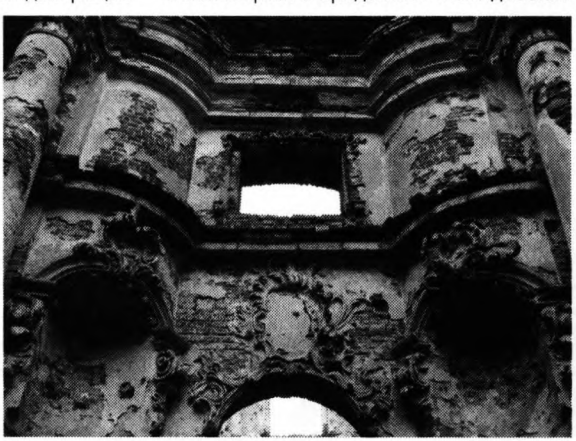
Этот «райский сад» в интерьере выполнен с истинно русским барским размахом. Деревья напряженно извиваются в высоту купола, прорывая у корней легкие, словно бумажные, свитки картушей, клиньями уходящие вниз. Пока еще заметно, что грубые сучковатые стволы некогда были увиты лепными гирляндами наподобие плюща или виноградной лозы. На старых фотографиях видно, что изваяния деревьев (или витых колонн) находились и в нижнем ярусе, обрамляя входы в храм. Сейчас от них нет и следа. Из-за утрат уже не понять, как вся декорация развивалась выше, прерывались ли деревья карнизом в основании купола или же тянулись по его внутренней поверхности, образуя над головой сень своеобразного библейского Парадиза. Очевидно, что именно этот архетип лежит в основе необычной, театральной по характеру де-

Покровская церковь. Фото 1947.

Криволинейный фронтон на южном фасаде. Май 2004.

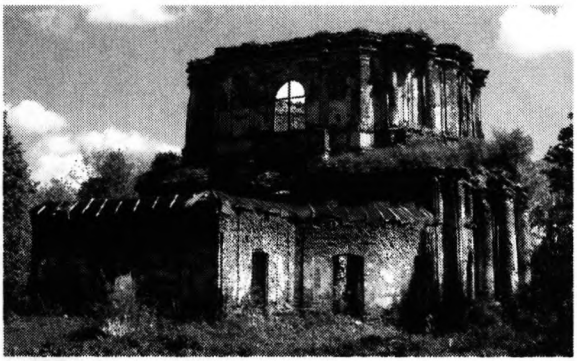
корации. В храмах русского барокко такое буквальное прочтение христианской символики не встречается нигде. Можно вспомнить растительные формы в элементах барочных иконостасов, росписи с садовыми мотивами, но все это не может сравниться по силе воздействия с убранством репецкой церкви.

Отчасти ее «интерьерный театр» перекликается с внутренним оформлением несуществующего теперь Спасо-Преображенского храма в Вифанской пустыни, устроенной митрополитом Платоном неподалеку от Троице-Сергиевой лавры. Строительные работы там начались, правда, несколько позже, в 1782 году, и здание принадлежит стилистике классицизма. Овальное пространство церкви являло собой будто оживший пейзаж Святых мест. В восточной части поднималась символическая гора Фавор, сработанная из грубых каменных глыб. На ее вершине располагался алтарь, куда вели две лестницы с пышной растительностью по сторонам, имитирующей изобилие райских кущ. Внутри горы находилась нижняя церковь Св. Лазаря, сделанная по подобию Вифанской пещеры. Известна также идея Н.А.Львова украсить иконостас Никольской церкви в усадьбе Арпачево декоративными имитациями пальмовых ветвей. Слова митрополита Платона «Богу все едино — в великом и малом творит чудеса» раскрывают смысл подобных декораций — земной храм с предельной наглядностью уподоблялся храму небесному.[1] Вероятно, безымянные создатели Покровской церкви в Репце вдохновлялись теми же мыслями. Других, более близких аналогий этому памятнику в отечественном церковном строительстве XVIII века нет.



Покровская церковь. Убранство северного фасада. Май 2004.

Не исключено, что его архитектурный замысел порожден европейскими образцами. Возможно, для работ в дальней усадьбе были

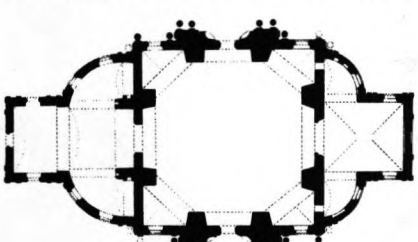


Покровская церковь. Май 2004.

привлечены иностранные мастера-лепщики, привезшие в Репец готовые рецепты со своей родины. Также вероятна ситуация, когда помещик сам или через посредников мог приобрести за границей архитектурные чертежи и реализовать их затем в своем строительстве. Пути проникновения разных культурных влияний чересчур сложны и запутанны, тем более для космополитичного XVIII века. Безусловно, деревья репецкой церкви родственны знаменитым витым колоннам, популярным в церковной архитектуре со времен Бернини. Считается, что сам тип восходит к колоннам, найденным в базилике эпохи Константина Великого и традиционно связываемым с легендарным храмом Соломона. При строительства собора Св.Петра их поместили наверху пилонов, несущих гигантский купол храма. Там они находятся и поныне.

В зрелищных барочных интерьерах всячески обыгрывали их подвижную, будто зыблющуюся вертикаль. В экзальтированном немецко-австрийском барокко есть примеры, когда «соломоновы колонны», увитые растительностью, прямо апеллируют к образам райского сада. Чрезвычайным разнообразием театральных эффектов, в том числе и таких, отличались церковные пространства Б.Неймана и алтарные композиции братьев Азамов, работавших в первой половине XVIII века в Баварии. Конечно, эти параллели приблизительны и не дают оснований связывать между собой различные по происхождению и художественному уровню памятники, однако они вполне уместны в контексте единой культуры, порождением которой был и храм в далеком Репце.

Исполненная на высочайшем профессиональном уровне отделка Покровской церкви плохо сочетается с грузным, несколько неуклюжим объемом самого здания. Тяжелые арки и пилоны замаскированы лепниной, словно цветастым ковром. Сейчас, когда большая ее часть облетела, обнажились грубые конструктивные формы. Видно, что арки выложены довольно примитивно, кирпичи клиньями, без замковых камней, врезаются друг в друга. Неубедительно освещение восьмерика, непомерно широкого и всего лишь с четырьмя маленькими окошками. Не очень понятно и примыкание гораздо менее выразительных по сравнению с центральным четвериком пристроек алтаря и притвора. Общая конструкция храма, его



План Покровской церкви.

композиционные и пропорциональные особенности оставляют немало вопросов. Возникает ощущение, что его строительство и отделка принадлежали абсолютно разным по мышлению и квалификации мастерам. В архитектуре XVIII века такое разделение труда встречалось нередко.

Интерьер Покровской церкви. Фото 1947.

Многое в облике Покровской церкви порождено условиями архитектурного заказа, и в этом плане личность И.И.Кожина важна, как никакая другая. Увы, о нем самом пока мало что известно. Кожин принадлежал к древней дворянской фамилии. Ее основателем считался Василий Кожа, сын выходца из Германии, которому приписывали победу над Дмитрием Шемякой, противостоявшим великому московскому князю Василию Темному. Из Кожиных происходили преподобный Макарий Калязинский (основатель знаменитого монастыря в Калязине) и преподобный Паисий Угличский. С историей древних верхневолжских городов Кашина, Калязина, Мышкина связаны судьбы многих представителей этой разветвленной семьи. Здесь было немало их усадеб. В селе Кожино (на окраине нынешнего Кашина) до сих пор стоит церковь 1730-х гг., являющаяся усыпальницей нескольких поколений рода. В XVIII веке Кожины занимали высокие посты, были сенаторами, президентами коллегий. Брат владельца Репца Никита Иванович был депутатом Уложенной комиссии от Кашинского уезда. Более известен его сын Петр Никитич Кожин, возглавлявший при Екатерине II Каменный приказ в Москве — ведомство, контролировавшее архитектурную ситуацию в городе. Род Кожиных внесен в VI часть родословных книг Воронежской, Тверской и Ярославской губерний.

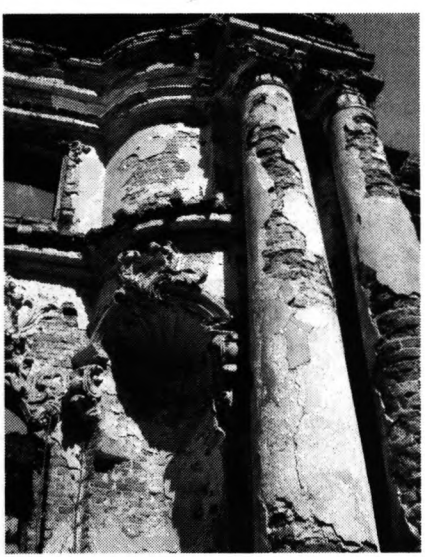
Пока неясно, отразилось ли как-то родство И.И.Кожина с директором Каменного приказа (в середине 1760-х годов тот состоял в комиссии по строительству Исаакиевского собора в Петербурге по проекту А.Ринальди) на облике репецкой усадьбы, но очевидно, что ее хозяин сам имел интерес к архитектуре и немалые возможности для привлечения в Репец высококвалифицированных мастеров. Репец тогда был одной из богатейших и передовых усадеб Воронежской губернии. Кожин приобрел имение в 1761 г. и основал здесь фабрику по изготовлению сукна для армии и флота. В 1760-х гг. им

Сохранившееся убранство интерьера. Май 2004.

Детали оформления интерьера. Май 2004.

был отстроен дворцовый комплекс с регулярным парком.

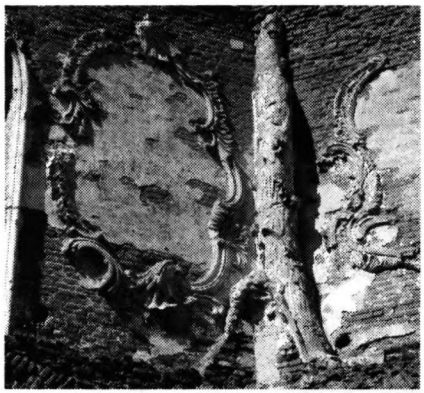
Помимо репецкой усадьбы И.И.Кожин владел несколькими имениями на Волге, в т.ч. селом Кривец вблизи Мышкина. Капитан-порутчик был заказчиком построенного там в 1756 г. удивительного храма, до наших дней не дошедшего. Троицкую церковь, обычную и даже скромную снаружи, внутри украшала пышная деревянная резьба в стиле барокко. По сведениям тех, кто еще застал памятник «живым», это была эффектная театральная декорация со множеством круглых скульптур, которая помимо иконостаса, украшала и стены храма. Все было исполнено на высочайшем профессиональном уровне, явно не местными мастерами а, возможно, даже иностранными.[2] Наличие в усадебном строительстве одного заказчика по крайней мере двух явно неординарных, выделяющихся своей оригинальностью, сооружений делает фигуру И.И.Кожина весьма интересной в истории архитектуры русского барокко.



Детали оформления фасада. Май 2004.

Предания, связанные с Репцом, рисуют личность Кожина в мрачных красках, отмечая его жестокость и непомерное тщеславие — качества, типичные для русского барина-самодура. Обе известные легенды повествуют о посещении строящейся усадьбы Св. Тихоном Задонским (1724-1783) и, возможно, являются разными интерпретациями какого-то одного реального происшествия. Согласно истории, описанной в «Житии» святителя, Тихон решил заступиться за крестьян, нещадно угнетавшихся И.И.Кожиным, для чего приехал в Репец с обличительными словами в адрес помещика. Речь его была столь резка, что вызвала ярость Кожина, ударившего Тихона по лицу. Покинув усадьбу, уже по дороге в монастырь, святитель понял,

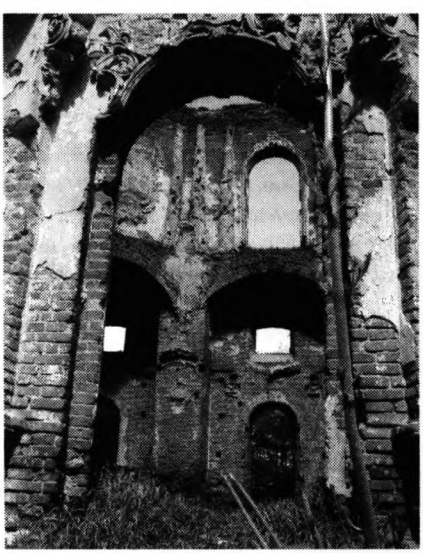
что сам стал виновником гнева, доведшего дворянина до греха. Тогда он вернулся в Репец, бросился на колени перед своим обидчиком и стал просить о прощении. Это произвело сильное впечатление на Кожина, после чего он залился слезами раскаяния. Барин после этого будто переродился, и жалоб от крестьян на его жестокость более не поступало. Другая легенда лишена столь счастливого финала, зато напрямую связана со строительством усадьбы. Будто бы Кожин, обдумывая расположение построек, решил сделать главный дом центром симметричной композиции. К востоку от дома он разместил церковь, а колокольню начал строить вдали от храма, по другую сторону господского жилища. На освящение оконченной церкви бригадир пригласил Тихона, бывшего тогда Воронежским епископом. Увидев явное несоответствие традициям православного храмостроения, святитель указал на него помещику. Однако, это только разозлило последнего, и он дал епископу пощечину. Тихон смиренно покинул усадьбу и впоследствии отказался приехать на освящение новой колокольни, построенной уже в согласии с канонами.



Лепной картуш и мотив «дерева» в интерьере. Май 2004.

Колокольня действительно существовала, она есть на редких послевоенных фотографиях усадьбы. Это была грузная постройка в духе барокко с раскреповками и пучками колонн. Она стояла на месте нынешнего пустыря между церковью и домом. Вероятно, ее разрушили в период т.н. «хрущевских гонений». Барский дом, дошедший до нас, относится уже к XIX в. Это скромный образец ампира, неплохо сохранившийся. В нем размещается школа.

Сейчас в прошлом репецкого храма больше легенд, чем подлинных свидетельств. Время разрушает последние остатки лепного убранства этой забытой жемчужины рококо. За год, с момента первого знакомства с памятником, он заметно деградировал. Некоторые из «деревьев», еще целых в прошлом году, уже почти



Вид на интерьер через северный вход. Май 2004.

Фрагменты лепной отделки фасада и интерьера.
Лето 2003 (вверху; фото М.В. Нащокиной), и май 2004 (внизу, фото автора).

развалились. Пройдет совсем немного лет, и останется один только кирпичный остов, про который сухой архитектурной терминологией напишут — «восьмерик на четверике с пристройками трапезной и алтаря». Памятник органично встроится в многочисленный ряд обычных, ничем не выделяющихся из общего фона, построек эпохи. Его нереально полностью восстановить, и дело не в финансировании работ. Процент утраченного, особенно в декоративном убранстве, слишком велик и невосполним. Многие детали не прочитываются и не поддаются реконструкции. Уместнее было бы законсервировать руину в нынешнем ее состоянии. Однако, подобная традиция у нас практически отсутствует. Все идет к тому, что уже скоро смотреть в Репце будет не на что.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Путятин И.Е. Идеальный образ храма в представлении митрополита Московского Платона Левшина и пустынь в Вифании в конце XVIII века //Архитектура в истории русской культуры. Вып.3. Желаемое и действительное. М., 2001. С.158.
2. Герчук Ю.Я., Домшлак М.И. Художественные памятники Верхней Волги. От Калинина до Ярославля. М., 1976. С.92-94.

VIII

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ

ОБЩЕСТВО
ИЗУЧЕНИЯ
РУССКОЙ
УСАДЬБЫ

Г.Д. Злочевский

«С ВЕРОЙ В КУЛЬТУРНУЮ ПРАВДУ ИСКУССТВА» (П.П. Вейнер)

К 125-летию со дня рождения

Feci quod potui faciant meliora potentes
(Лат.: Я сделал всё, что мог; пусть
кто может сделает лучше)

Петра Петровича Вейнера (1879-1931) вспоминают, когда речь заходит о журнале «Старые годы», издателем и редактором которого он был. Но это лишь одна сторона его деятельности, правда, наиболее яркая, оставившая имя Вейнера в истории отечественной культуры, для которой он сделал немало.

Родился Петр Вейнер в 1879 г. в Петербурге. Отец его, тоже Петр Петрович (1842-1903), учился в Петербургском университете. За участие в антиправительственных выступлениях был выслан из столицы. Завершил образование в Казанском университете. Он успешно занимался предпринимательской деятельностью: владел пивоваренными заводами в различных городах России. В 1883 г. был «признан в потомственном дворянстве», и герб Вейнеров украсил девиз: «Труд, знанье, честь, слава»[1]. К концу жизни Петр Петрович старший был действительным статским советником, попечителем различных благотворительных организаций. Благотворительной деятельностью занималась и его супруга, Мария Васильевна (1854-1940), в девичестве Мженина, из купеческой семьи чаеторговцев. У Вейнеров было пятеро детей — три сына и две дочери. Сын Петр — третий ребенок в семье. Все сыновья успешно окончили императорский Александровский (б. Царскосельский) лицей — привилегированное учебное заведение, целью которого являлось «воспитание благородного юношества для гражданской службы по всем частям, требующим высшего образования, преимущественно же для служения по министерству внутренних дел»[2], со сроком обучения шесть лет.

В 1892 г. глава семейства приобрёл в Петербурге два участка земли, на которой к 1894 г. завершил строительство большого дома (сохр.). Один фасад его выходит на Воскресенский (ныне Чернышевского) проспект (д. № 9), другой — на Сергиевскую (ныне Чайковского) улицу (дом № 38). В том же году всё большое семейство Вейнеров переехало жить в это здание, покинув квартиру, которую снимало в доме на Морской улице, где родился Пётр Вейнер младший. В новом доме его квартира (№ 4) располагалась на третьем этаже. Часть здания по Воскресенскому проспекту владельцы сдавали внаём.

Известный библиограф, историк русского и советского библиофильства П.Н. Берков (1896-1969) писал: «Не помню и не могу установить, читал ли я или слышал от кого-то, что в молодые годы Вейнер был гвардейским или морским офицером и по выходе в отставку на-

Пётр Вейнер. Фото1891 г.

Дом Вейнеров. Угол Сергиевской ул., 38 и Воскресенского пр., 9. Современное фото.

чал заниматься вопросами коллекционирования»[3]. В качестве возможного подтверждения этой версии он назвал большую, профессионально подготовленную статью «Школа и воспитание личного состава» в «Морском сборнике» (СПб., 1908. № 4), подписанную «П. Вейнер». Однако проверка показала, что автором этой публикации является Петр Аркадьевич Вейнер, 1873 года рождения (двоюродный брат Петра Петровича младшего), морской офицер, в год опубликования статьи — капитан второго ранга, служивший тогда в Главном морском штабе[4]. Сам же Петр Петрович после окончания лицея в 1898 г. поступил на службу делопроизводителем (сверх штата) в канцелярию Государственного Совета (размещался в Мариинском дворце). Здесь он познакомился с работавшими в этом престижном ведомстве Василием Андреевичем Верещагиным (1859 или 1861-1931) — библиофилом, искусствоведом, библиографом, изучавшим русские иллюстрированные издания, сыгравшим большую роль в его жизни, и с Сергеем Константиновичем Маковским (1877-1962) — поэтом, художественным критиком, впоследствии основателем и редактором-издателем журнала «Аполлон» (1909-1917), который тепло вспоминал о нём много десятилетий спустя, в своей последней книге: «Пётр Петрович Вейнер... прекрасно воспитанный, удивительно покладистый молодой человек (ему исполнилось 24 года), без особой подготовки для суждений об искусстве, но приобретавший изредка старинные холсты с большим воодушевлением»[5].

Имеющаяся ныне информация свидетельствует: П.П. Вейнер не мог стать строевым офицером, так как «у него с детства был полупаралич ног, он ходил с палочкой»[6]. Тем не менее в звании прапорщика (с 1884 г. этот чин в российской армии существовал только в военное время) он участвовал в русско-японской войне 1904-1905 гг. в отрядах Красного Креста, в частности, служил в полковом лазарете во время кровопролитных боев под Ляояном. Вернувшись к мирной жизни, регулярно (через каждые четыре года) получал новые

гражданские чины: в 1901 г. был коллежским асессором, в 1905 г. — надворным советником, в 1909 г. — коллежским советником, а с 1913 г. — статским советником.

Он обладал хорошим художественным вкусом, был коллекционером произведений живописи, графики, прикладного искусства и библиофилом. П.Н. Берков считал Вейнера крупнейшим после В.А. Верещагина представителем эстетического направления в русском библиофильстве[7]. Известно[8], что С.П. Дягилев (1872-1929) привлек П.П. Вейнера для устройства знаменитой Историко-художественной выставки русских портретов в Таврическом дворце в 1905 г. Однако активная общественная и творческая деятельность Петра Петровича в области культуры и искусства прослеживается с 1907 г. Тогда он был избран секретарем Кружка любителей русских изящных изданий (КЛРИИ, 1903-1919)[9] и исполнял обязанности секретаря вплоть до февраля 1917 г., когда практически завершилась творческая деятельность этого первого в России юридически оформленного библиофильского объединения. Петр Петрович участвовал и в подготовке самой значительной выставки, которую КЛРИИ устроил в залах Академии художеств в январе — феврале 1916 г., — «Английские и французские гравюры XVIII в.»[10], имевшей заслуженный успех, всемерно содействовал освещению работы кружка на страницах журнала «Старые годы». Благодаря Вейнеру в 1908 г. было приобретено постоянное помещение для КЛРИИ в доме, принадлежавшем в то время его матери (Сергиевская, д. № 38), что способствовало расширению деятельности этой библиофильской организации.

С 1907 г. Петр Петрович начал издавать журнал «Старые годы», основанный при КЛРИИ по предложению В.А. Верещагина, вложив в него немалые материальные средства[11]. Печатался журнал в типографии «Сириус», основанной С.Н. Тройницким, А.А. Трубниковым и М.Н. Бурнашовым. Предназначенный для любителей старины с целью облегчить им возможность глубже познакомиться с вопросами искусства минувших веков, объединиться, эффективнее обмениваться информацией, сотрудничать с музеями, журнал посвящался «памяти прошлого». Излагая программу нового издания, первый редактор «Старых годов» В.А. Верещагин писал: «Чуждые в вопросах искусства всяких партийных стремлений, мы собираемся одинаково приветствовать... всё редкое и прекрасное, всё достойное внимания в области старого искусства... Открывая широкий доступ всякому свободному в этой области выражению мыслей, мнений и вкусов, мы постараемся, однако, избежать тенденциозных взглядов и отвлеченных доктрин... Спокойное исследование драгоценных останков былого, беспристрастное и обстоятельное обсуждение их всестороннего значения, восстановление забытого и искание неизвестного, живое участие к этой памяти прошлого и вдумчивое к нему отношение, — вот... наши главные задачи. Никого не поучая, никому не навязывая наших убеждений, мы одушевлены лишь желанием принести посильную пользу всем тем, кому близки и дороги интересы искусства и старины» [12].

В связи с большой занятостью по службе, а затем отпуском В.А. Верещагина, обязанности редактора журнала со второго квартала 1907 г. фактически выполнял Вейнер. С 1908 г., по настоянию коллег, он официально стал редактором-издателем «Старых годов». Из журнала сразу исчезла информация о том, что ежемесячник издаётся при КЛРИИ, и появились сведения о составе редакционного комитета, сформированного по просьбе Вейнера и работавшего на общественных началах. Помимо редактора-издателя в него входили А.Н. Бенуа (1870-1960), В.А. Верещагин, Н.Н. Врангель (1880-1915), И.И. Леман (1866 — ?), С.К. Маковский, С.Н. Тройницкий (1882-1948), А.А. Трубников (1882-1966). В самом начале

П.П. Вейнер видел в редакционном комитете «конструкционное учреждение». Однако постепенно «комитет выродился — по словам редактора — в инстанцию мифическую, с которой я делился только самыми животрепещущими вопросами»[13].

Второй год издания журнала Пётр Петрович открыл следующими строками: «Старые годы» неизменно пойдут по тому же пути — с верой в культурную правду искусства, в будущие силы красоты. «Старые годы» всегда будут заботливо настаивать на сохранении памятников, когда бы до них ни прикоснулась дерзновенная рука, всегда подымут голос в защиту дорогих нам остатков художественного творчества прошлых лет. «Старые годы» не меняют своей программы: они будут говорить с историком искусства и останутся другом любителя, собирателя старины. Стремясь к разнообразию тем, к возможной осведомлённости, мы старались расширить круг наших сотрудников, искали и нашли их среди учёных, писателей и знатоков в России и за границей. При таком сотрудничестве «Старые годы» смело смотрят вперёд...»[14]. Своим программным заявлениям журнал не изменял никогда.

Самый первый номер ежемесячника несколько разочаровал критику, так как В.А. Верещагин заполнил его «заметками, извлечёнными из ряда полупопулярных книг, и хотя не лишёнными интереса, но ничего в науку не вносившими»[15]. На страницах московского журнала «Золотое руно» критик писал: «Вместо серьёзного, «делового» издания, с определённой программой и целями, получилось нечто чисто дилетантское, «любительский« журнальчик, издаваемый кружком людей, не лишённых вкуса, с кое-какими, довольно случайными, впрочем, познаниями в области антикварной и коллекционерной»[16]. Второй номер «Старых годов», в котором опубликована статья Н.Н. Врангеля «Забытые могилы», уже имел столь большой успех, что его пришлось издать повторно. Это был единственный случай за все годы существования журнала. Четвёртый номер журнала «превзошёл все ожидания: так много вкуса и знания чувствуется в направляющих его руках, — писал анонимный рецензент. — Внешность безукоризненна, и книжка может быть причислена к лучшим библиофильским изданиям»[17].

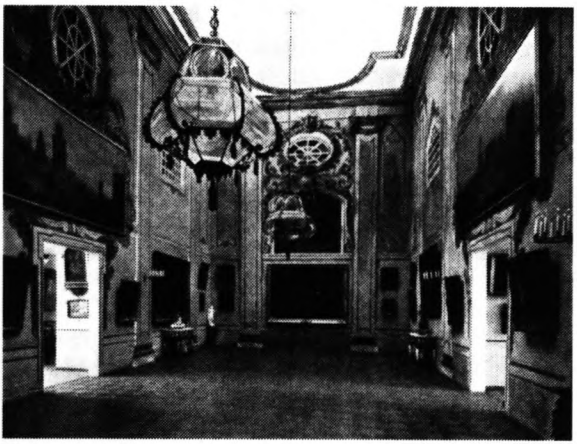
Профессиональный уровень ежемесячника быстро поднялся на столь значительную высоту, что уже 20 декабря 1910 г. разряд изящной словесности Академии наук по представлению известного российского юриста А.Ф. Кони (1844-1927), выступившего с докладом, присудил редакции «Старых годов» в лице Вейнера «почетный отзыв и постановил возбудить ходатайство перед Отделением русского языка и словесности о выдаче ей золотой медали имени А.С. Пушкина»[18] за 1910 г. 15 марта 1911 г. медаль была вручена редактору-издателю. Популярность журнала быстро возрастала. Увеличивался его тираж[19]. Вейнер постоянно совершенствовал «Старые годы». Регулярно в середине сентября выходил тройной номер журнала за июль-сентябрь, как правило, тематический. В 1908-1910 гг. издано ещё по одному тематическому номеру. Если в 1907 г. в каждой книжке журнала печаталось приложение «Алфавитный указатель С.-Петербургских золотых и серебряных дел мастеров за сто лет. 1714-1814», подготовленное А.Е. Фелькерзамом, то в 1908 г. ещё одно приложение — «Каталог старинных произведений искусств, хранящихся в императорской Академии художеств» Н.Н. Врангеля — издано в виде отдельного тома. Около пятнадцати статей, опубликованных в различных номерах журнала, П.П. Вейнер издал в виде оттисков в специально отпечатанных обложках. Тираж каждого не превышал ста экземпляров. В 1907-1915 гг. подписчикам рассылался справочник «Алфавитный указатель. Оглавление. Главнейшие опечатки», содержащий также списки иллюстраций и виньеток, помещённых в журнале. В

«Старые годы» периодически вкладывались изящно оформленные информационные листки, в частности, о содержании готовившихся тематических выпусков этого периодического издания. В комплекте журнала за десять лет — более пяти тысяч иллюстраций. На многих из них зафиксированы портреты, памятники архитектуры, скульптуры, интерьеры дворцов и усадебных зданий, впоследствии утраченных.

Редакторская работа, постоянное общение с авторами и друзьями-единомышленниками быстро сформировали из начинающего коллекционера опытного собирателя и исследователя произведений искусства. «Всегда корректный, ровный и деликатный»[20], доброжелательный и скромный, бескорыстный и аккуратный, добросовестный и обязательный, Пётр Петрович притягивал людей, умел с ними дружить и работать. «Это был идеальный редактор, всецело преданный своему делу»[21], — вспоминал искусствовед С.Р. Эрнст — сотрудник «Старых годов» с 1912 г. По вторникам вечером, еженедельно в квартире Вейнера на Сергиевской собирались друзья-единомышленники, некоторые сотрудники. «На этих собраниях обсуждались все вопросы, связанные с журналом и с жизнью искусства вообще», — писал он в воспоминаниях. Коллекционеры и библиофилы рассказывали о новых приобретениях, шутили за ужином, «сидели иногда до позднего часа»[22].

В 1900-х-1910-х гг. в Петербурге устраивалось много художественных выставок. Инициаторами и организаторами нередко выступали популярные тогда журналы. Весной 1908 г. и редакция «Старых годов» решила подготовить выставку произведений живописи из дворцовых и частных собраний, по которым впервые в России можно было проследить эволюцию стилей. Устроители получили разрешение на размещение экспозиции в залах Общества поощрения художеств (1821-1929). В работе специального выставочного комитета, который возглавил Н.Н. Врангель, принимал участие и П.П. Вейнер. В результате полугодового напряжённого труда были выявлены и отобраны 463 работы, которые прежде никогда не экспонировались, выполнена атрибуция ряда произведений. Картины представляли все европейские школы живописи. В начале ноября выставка была готова к открытию. Однако этому воспрепятствовал вице-председатель Общества поощрения художеств М.П. Боткин. Произошёл конфликт Врангеля с ним. Боткин донёс градоначальнику, который запретил открытие выставки для широкой публики, и экспозиция была разобрана. Это событие вызвало заметный резонанс в обществе и нашло отражение в периодической печати[23]. Те, кому посчастливилось посетить выставку, отметили: она «представляет собою такое крупное художественно-общественное событие, что его нельзя пройти молчанием»[24]. Выставка «делает

Е.Е. Лансере. Афиша историко-художественной выставки русских портретов в Таврическом дворце. 1905 г.



Один из залов выставки старинных картин из дворцов и частных собраний, устроенной редакцией «Старых годов» в помещении Общества поощрения художеств на Большой Морской, 38. Ноябрь 1908 г.

честь её комитету и доказала, насколько серьёзно как сам издатель журнала П.П. Вейнер, так и его ближайшие сотрудники относятся к своему красивому и большому делу»[25], — писал Н. Кравченко. Журнал понёс значительный материальный ущерб и впредь отказался от устройства художественных выставок. Однако тщательный отбор произведений и анализ подготовленной экспозиции дал много нового исследователям. Запрещённой выставке был полностью посвящён двойной выпуск «Старых годов» (СПб., 1908. Нояб.- дек.).

Почти всё, что написано П.П. Вейнером, опубликовано в этом журнале. В его статьях, заметках, обзорах содержится информация об аукционах и продажах произведений искусства, об интересных выставках по различным вопросам культуры в европейских столицах и Петербурге. Он откликался на выход новых книг по искусству в России и за рубежом; сообщал о значительных событиях в области культуры; выступал в защиту петербургского некрополя, выдающихся архитектурных сооружений прошлого, которым грозили повреждение или гибель; информировал читателей о деятельности Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины; вносил предложения, направленные на улучшение работы крупнейших музеев и сохранение их коллекций; протестовал против вывоза и продажи за границей ценных российских частных собраний произведений искусства и ратовал за приобретение их отечественными музеями (некоторые его статьи посвящены описанию таких коллекций); сообщал о новых европейских журналах по вопросам искусства; писал о знаменитых дворцовых и усадебных комплексах. Знание европейских языков облегчало работу: позволяло оперативно знакомиться с новинками зарубежной литературы по искусству в оригинале, легко общаться с западными авторами, переводить на русский язык их статьи, заказанные для «Старых годов»[26]. Он мог написать, несомненно, больше крупных сочинений, но всё время уходило на разнообразную работу, связанную с изданием журнала, которая захватила его полностью (Вейнер вникал во все её тонкости) и превратилась в основную цель жизни.

Наиболее значительные труды Петр Петрович подписывал «П. Вейнер», а небольшие работы — «П.В.». Конечно, в журнале имеются и его не подписанные публикации, установить их авторство пока не удалось. Среди печатных работ Вейнера несомненный интерес вызывает статья «Художественный облик книги»[27]. В основе ее — доклад, прочитанный автором на Всероссийском съезде художников в Петербурге, который состоялся в конце декаб-

ря 1911 — начале января 1912 г. Это своего рода программа его библиофильских представлений. «Художественный облик книги не поддается ограничению неподвижными законами, — писал П.П. Вейнер, — и поступательное движение в книжном деле не может отставать от развития художественной техники вообще». Для него «книга — ближайший проводник в жизни принципов искусства и красоты», это живой организм: у книги «есть те же основные признаки, что и у человека. Есть духовные свойства, столь же разнообразные, как и человеческие души, — содержание книги; есть у нее своя одежда — переплет, не связанный с нею органически, но призванный ее сохранять и обрисовывать ее положение среди других книг; есть у нее и физические данные. Их можно разбить, соответственно человеческим, на внутренние — здоровье, и внешние — красоту. К первым я отношу основные отличия книги — бумагу, шрифт, формат; ко вторым — иллюстрации, украшения, расположение их. Книге, как и человеку, грозит смерть; задача составителей, преклоняясь перед этой неизбежностью, оттянуть ее; дело художественных деятелей считаться с научными выводами, как аксиомами». В результате Петр Петрович пришел «к выводу, что книга может быть художественна, если она отпечатана на бумаге матовой, непрозрачной и хорошо приемлющей печать (именно на такой чисто целлюлозной высокосортной бумаге — верже — с водяными знаками в виде близко расположенных параллельных узких полос, пересеченных под прямым углом к направлению отлива редко расположенными полосами, печатались «Старые годы». — Г.З.). Книга — безличный товар — не должна существовать... И правда, — завершает он публикацию, — один закон для бытия художественной книги: любовь к ее облику и такое же личное художественное напряжение, как при всяком другом творчестве в искусстве».

Подготовительный комитет организовал к открытию съезда несколько выставок, отражающих проблемы, которые обсуждались на форуме. Одна из них — «Искусство в книге и плакате» — была развёрнута в большом Тициановском зале Академии художеств. Вейнер принял активное участие в подготовке этой экспозиции. В своём докладе он обратил внимание участников съезда и на различные брошюры, уставы обществ и иные мелкие издания, представленные на выставке. На примере этих скромных книжек Пётр Петрович показал, что печатание их возможно и должно осуществляться «в границах художественности». Его доклад на Всероссийском съезде художников имел большой успех и был воспринят «как декларация русских библиофилов новой формации»[28].

Возглавляемые П.П. Вейнером «Старые годы» немало сделали для развития художественной культуры в России в начале XX в. На протяжении всего периода существования журнала его редактору приходилось «искать равнодействующую» (слова Вейнера) между научными и научно-популярными публикациями на страницах этого издания, что привлекало к «Старым годам» и учёных, и коллекционеров, и любителей, интересующихся искусством. Объединенные вокруг ежемесячника историки искусства впервые с 1907-1908 гг. начали пробуждать «в широком обществе» интерес к красоте старинной русской усадьбы и ее достопамятностям. Усадебная тема постоянно находила место на страницах журнала, способствуя популяризации «дворянских гнезд» и огромного пласта художественной культуры, сосредоточенного в них, дотоле почти неизвестного даже историкам искусства. Среди публикаций этого направления в журнале есть и статьи П.П. Вейнера («Жизнь и искусство в Останкине», «Марфино», «Убранство Гатчинского дворца»).

Важной вехой в изучении «дворянских гнёзд» стал выпуск «Старых годов» за июль-сентябрь 1910 г. Он имеет подзаголовок «Старые усадьбы: Очерки русского искусства

и быта». Здесь, в частности, впервые опубликована «Помещичья Россия» Н.Н. Врангеля — пионерское исследование, в котором автор, посетивший многие усадьбы в различных губерниях, на основе анализа увиденного попытался раскрыть взятую для обзора тему во всём многообразии сконцентрированных в ней проблем. До сих пор не утратила своей ценности и «Библиография усадеб», подписанная криптонимом Н.С.[29], которая также опубликована в этом выпуске журнала. Составитель перечислил несколько десятков листов и альбомов с изображением только помещичьих усадеб (издания с изображением царских и великокняжеских загородных резиденций он не включил в список), изданных в XVIII и первой половине XIX в., которые ему удалось обнаружить в частных собраниях Петербурга и в библиографических трудах. Всего же за 10 лет журнал опубликовал сведения о более чем 130 усадьбах, расположенных в различных губерниях дореволюционной России, в том числе о 30 подмосковных.

П.П. Вейнер и его коллеги-единомышленники стремились обратить внимание общества на необходимость действенной защиты и охраны памятников культуры, так как видели в них драгоценное достояние всего народа. И потому редакционный комитет и авторский актив журнала составили творческое ядро Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (1909-1915), созданного в Петербурге[30]. Вейнер являлся соучредителем этого объединения и был избран членом его совета. Он стал и одним из учредителей Музея старого Петербурга[31] в 1907 г. В 1909 г. Петра Петровича избрали в состав дирекции музея. С 1912 г. он — председатель дирекции[32], а с 1918 г. — заведующий этим музеем, который стал отделом Музея города, и возглавлял его до 1925 г.[33]. Вейнер неоднократно передавал в дар музею значительные культурные ценности. Так, в 1912 г. от него поступили «гравюры Блонделя, отлично сохранившиеся планы окрестностей Москвы и Петербурга, альбом «Похороны имп. Николая I», литографии Беггрова, описание Александровской колонны 1834 г. и др.»[34]. Вскоре музей обогатился переданной П.П. Вейнером «коллекцией чертежей и рисунков Кваренги и его рукописью — автобиографическим письмом к его другу гр. Луиджи Лупи, семье которого первоначально и принадлежала коллекция. В ней 245 листов... много превосходных работ... Автобиографические сведения... доведены до переезда Кваренги в Петербург... пожертвованы... акварели [В.] Садовникова, план... С.-Петербурга 1821 г. и др.»[35]. Не менее значительным даром явились «253 чертежа, рисунка, акварели Кваренги и его школы, 8 рисунков, набросков пером Монферрана и альбом чертежей Михайловского моста»[36].

В 1910-е гг. П.П. Вейнер редактировал «Историю Академии художеств», участвовал в организации посмертной выставки произведений В.А. Серова, на которой были представлены все наиболее значительные работы художника из государственных и частных собраний. Она с большим успехом прошла в начале 1914 г. в залах петербургской Академии художеств, а затем в помещении «Художественного салона» на Большой Дмитровке в Москве. Добрые отношения связывали Вейнера с московскими деятелями культуры и искусства, которых он привлекал к сотрудничеству в журнале. Среди них И.Е. Бондаренко и И.Э. Грабарь. Вместе с Игорем Эммануиловичем он отстаивал избрание А.Н. Бенуа членом Академии художеств. За заслуги в области изучения и пропаганды искусства Петр Петрович был избран действительным членом Академии художеств в 1912 г.[37].

Во время Первой мировой войны он участвовал в благотворительных акциях, предпринятых различными общественными организациями, — аукционах КЛРИИ, выставке «Искус-

ство союзных народов» в Обществе поощрения художеств, на которую неутомимый деятель культуры представил произведения живописи из своей коллекции[38]. В эти же годы П.П. Вейнер участвовал в деятельности специальной комиссии «по вопросу о реставрации художественных произведений»[39], организованной при Эрмитаже и «усиленно» работавшей. В самом начале 1917 г. исполнилось десять лет издания «Старых годов». Комитет КЛРИИ преподнес редактору-издателю приветственный адрес с изящными графическими заставкой и концовкой С.В. Чехонина. В адресе было подчеркнуто, что со времени появления в 1807 г. первого в России периодического издания по искусству[40] ни одному из подобных начинаний не удалось дожить до десятилетнего возраста. Далее авторы приветствия отметили: «Нечто лучезарное просвечивает сквозь серую дымку скромной обложки (журнала. — Г.З.). Это та, именно, горячая любовь к искусству, как высшему выразителю духовных сил человека, и та беззаветная преданность интересам развития его в нашем дорогом отечестве, которыми насквозь проникнуто все, что появляется в «Старых годах»... Вот в чем кроется очаровательность журнала, и что духовно сближает и роднит наш тесный кружок с вашими «Старыми годами»... В этот памятный для вас день примите от ваших товарищей по кружку братское пожатие руки, а от имени всех русских библиофилов — сердечное спасибо»[41]. Теплые слова признательности явились одновременно сочувствием и моральной поддержкой Вейнеру: революционные катаклизмы перевернули привычный мир, и «Старые годы» прекратили существование. Последняя книжка журнала за 1916 г. появилась лишь в марте 1917 г. Всего за 1907-1916 гг. издано 120 выпусков ежемесячника в 90 обложках. Журнал, ставший аккумулятором искусствоведческой мысли начала XX в. (временной диапазон статей, опубликованных в «Старых годах», — от раннего средневековья до середины XIX в.), — уникальное явление русской культуры. Он оказал значительное влияние на культурную жизнь России и развитие отечественной науки об искусстве. Многие материалы, опубликованные на его страницах, не утратили свою научную и познавательную ценность до сих пор.

Е.Е. Лансере. Эмблема Музея старого Петербурга.

Знания, энергия, опыт П.П. Вейнера нашли применение и в послереволюционном Петрограде. С 1917 г. он «один из деятельных членов Комиссии по делам искусства»[42], член Комитета Общества поощрения художеств (в течение нескольких последующих лет — его председатель). 27 октября 1917 г. Вейнера привлекли к работе по охране дворцов, памятников искусства и старины при Народном комиссариате по просвещению РСФСР (Наркомпрос). С января 1918 г. он работал в Петроградской художественно-исторической комиссии, а вскоре возглавил Комиссию по охране памятников искусства и старины в северной столице. После создания Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины в структуре Наркомпроса 28 мая 1918 г. П.П. Вейнер стал его сотрудником. Тем не менее он отрицательно отнесся к декрету «О ре-

гистрации, приёме на учёт и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», опубликованному в том же году, так как понял опасность данного законодательного акта для коллекционеров, считал «его вредным для дела личного собирательства»[43]. В связи с этим Вейнер написал докладную записку и вышел из состава Историко-художественной комиссии Наркомпроса, занимавшейся охраной памятников искусства. «Опасаясь за сохранность своих коллекций и библиотек и не желая, чтобы предметы и книги разошлись по рукам, Петр Петрович в феврале 1919 г. зарегистрировал вещи, находящиеся в квартире, в Отделе охраны. В документе значатся картины Рубенса, Боровиковского, предметы декоративно-прикладного искусства XVIII в. и так далее — всего 82 единицы хранения»[44].

П.П. Вейнера пригласили для работы в группу экспертов, которую возглавил А.В. Луначарский, утвердили в должности члена художественной комиссии по Гатчинскому дворцу. Ценой самоотверженных усилий комиссии удалось предотвратить полное разграбление дворца. Об этом периоде своей напряженной работы Петр Петрович писал: «Когда тотчас после октябрьского переворота мы начали работать по охране памятников искусства и старины, мы не задумывались пойти на сотрудничество с чуждой нам партией, так как задачи этого дела считали стоящими вне политики, и знаем, с другой стороны, что здесь ошибки неискупимы: в экономической жизни страны разорение еще поправимо, но здесь никакая последующая творческая деятельность, никакой самый напряженный труд не вернут погибшего. Несмотря на все препятствия, на настоящие затруднения, на отсутствие фактической поддержки, на разного рода неприятности, мы в течение долгих месяцев силились нести свою работу по совести, в сознании высокого долга и прекрасной цели»[45]. С 1920 г. П.П. Вейнер — член совета Государственного Эрмитажа. В 1921 г. его избрали на должность одного из хранителей историко-бытового отдела Русского музея, в 1922 г. избрали повторно, и он активно включился в подготовку выставки русского бытового портрета[46], большинство экспонатов которой раньше находилось в частных коллекциях, работал над атрибуцией целого ряда произведений, так как многие из них выставлялись впервые и даже не были репродуцированы прежде. В эти же годы Вейнер продолжал возглавлять Музей старого Петербурга, был членом Совета Музея города, с 1918 по 1920 г. входил в состав Комиссии по устройству Театрального музея в Петрограде, в 1919-1920 гг. являлся сотрудником Академии истории материальной культуры. Он был членом редакционной коллегии по отделу изобразительного искусства издательства З.И. Гржебина, работал в Петроградском доме искусств, с 1917 г. избирался почётным членом Российского института истории искусств, основанного графом В.П. Зубовым в 1912 г., а в 1919-1922 гг. состоял профессором этого учебного заведения. Имеется информация о том, что в 1921 г. усилиями студентов института «заканчивается печатанием большой труд «История мебели» с многочисленными воспроизведениями, составленный из прочитанных П.П. Вейнером в институте лекций, которые специально для этого издания... заново пересмотрены[47] автором. Обнаружить книгу нам не удалось. Впрочем, время было такое, что она могла и не выйти из типографии.

В начале 1922 г. Общество изучения, популяризации и художественной охраны старого Петербурга и его окрестностей организовало семинарий по старому Петербургу, работа которого проходила под непосредственным руководством совета общества, активным членом которого являлся П.П. Вейнер[48]. В 1923-1924 гг. он прочёл ряд лекций в загородных дворцах по приглашению Пролеткульта. В 1922 г. вместе с товарищем по КЛРИИ П.Е.

Рейнботом Петр Петрович возглавил работу по подготовке выставки старых художественных изданий по образцу той, которую организовал кружок в 1914 г. под названием «Русская и иностранная книга XV-XIX вв.». Журнал «Среди коллекционеров» сообщал, что для этой выставки многие собиратели дают лучшие экземпляры своих библиотек. Помещение для выставки предоставлено книгоиздательством «Всемирная литература» в своем доме на Моховой[49]. Выставка объединила книголюбов и подготовила базу для организации библиофильских обществ. Вскоре в печати появилась информация о создании одного из них под названием «Друзья книги». Учредителями являлись заведующий издательством «Всемирная литература» А.Н. Тихонов, П.П. Вейнер, П.Е. Рейнбот и антиквар Ф.Г. Шилов[50]. К сожалению, сведения о деятельности этого объединения в литературе не зафиксированы[51].

В декабре 1922 г. в Москве было создано Общество изучения русской усадьбы (ОИРУ)[52]. В программном документе первый председатель его правления В.В. Згура (1903-1927) писал, что следует вспомнить «Старые годы», которым в лице имеющего огромные заслуги перед историко-художественной наукой П.П. Вейнера и его ближайших сотрудников принадлежит главная честь «раскрытия» русской усадьбы[53]. ОИРУ предложило Петру Петровичу стать его уполномоченным по Северному округу с центром в Петрограде. Вейнер принял это предложение. К сожалению, никаких сведений о его деятельности в ОИРУ обнаружить не удалось.

В 1923 г. в северной столице издательство «Аквилон» (1921-1924) выпустило первую книгу из задуманной серии «Беседы о прикладном искусстве». Это была работа П.П. Вейнера «О бронзе» (1000 экз.). В изящно изданной книжке автор делится с «читателем тем, что за много лет собирательства и всякого касательства к бронзе»[54] ему довелось о ней узнать, надеясь принести пользу начинающим коллекционерам. Имея в виду современных ему собирателей, их возможности, недоступность для них более широкого западного рынка, Вейнер в своей книге ограничивается тем, что в обилии встречается на антикварном рынке, чисто декоративными работами XVIII века и первой половины XIX, тем, что в общежитии принято называть «бронза», что доступно и знакомо[55]. Кроме того, он приводит значительный список мастеров, указывая, в какой области, когда и где они работали; о некоторых сообщает достаточно подробно «ввиду исключительной роли, ими сыгранной, в производстве той бронзы, что нас интересу-

Титульный лист каталога выставки «Искусство в книге и плакате». 1911 г.

ет»[56]. В общем, книга нужная для коллекционеров. Но «она может быть рекомендована всякому музееведу... даёт полезные сведения об определении материала, отливке, чеканке, позолоте... автор останавливается на характерных образцах бронзы»[57], — отметил талантливый музейный работник, художник, педагог, художественный критик П.М. Дульский (1879-1956). Другой рецензент, И.И. Лазаревский (1880-1948), автор известной книги «Среди коллекционеров» (СПб., 1914; Пг., 1917; Пг.; Берлин, 1922; М., 1999; М., 2001), давшей название популярному среди собирателей журналу, который он редактировал и издавал, обратил внимание на то, что «данные, сообщаемые П. Вейнером о русской бронзе, носят характер несколько случайный, как о том свидетельствует и сам автор, но как канва для будущего историка русского прикладного искусства, и притом канва богатая фактами, они имеют большое значение»[58].

В 1924 г. мюнхенская фирма «Франц Ханфштенгель» выпустила третьим изданием «Шедевры картинной галереи Эрмитажа» в серии «Шедевры главных картинных галерей Европы» отдельно на немецком и французском языках. По сравнению с изданиями 1909 и 1918 гг., количество иллюстраций увеличилось с 239 до 285, в том числе в результате воспроизведения новых поступлений в Эрмитаж, а вступительная статья Н.Н. Врангеля, в которой «он дал лишь беглый обзор наиболее значительных картин собрания», заменена работой П.П. Вейнера; «в ней бывший редактор-издатель «Старых годов» исчерпывающим образом обрисовал историю создания Эрмитажа и его постепенного роста вплоть до наших дней»[59]. К сожалению, издание это нами пока не обнаружено.

М.В. Добужинский. Обложка Устава Кружка любителей русских изящных изданий.

Обложка каталога Выставки английских и французских гравюр XVIII в.

Участники товарищеского обеда в честь 10-летия Кружка любителей русских изящных изданий. Декабрь 1913 г. Фото. Сидят слева направо: П.В. Кухарский, Л.К. Стефанский, Р.Р. Голике, М.А. Остроградский, В.А. Верещагин, И.Д. Орлов, А.А. Половцев, граф М.Н. Граббе, С.Н. Казнаков. Стоят слева направо: В.И. Клочков, П.П. Марсеру, П.П. Вейнер, Н.В. Соловьёв, князь С.В. Оболенский, С.Ф. Левшин, П.Е. Рейнбот, И.И. Леман, В.П. Кочубей, Е.Г. Лисенков, Н.Н. Климковский, П.Д. Кедров.

Суровые 1920-е гг. подвели трагическую черту в творческом пути Петра Петровича, подорвали его здоровье. Осенью 1921 г. он тяжело заболел: «случился припадок паралича»[60]. Причинами явились большая психологическая нагрузка, обострившиеся старые болезни сердца и ног. В связи с этим Пётр Петрович в течение какого-то времени, вероятно, не находился дома, так как «Весь Петроград на 1923 г...» не содержит сведений о нем, хотя в аналогичном издании 1922 г. (информация собиралась, по-видимому, до его болезни) он назван художником[61]. В 1924 и 1925 гг. местом работы Петра Петровича указан Отдел коммунального хозяйства (Откомхоз), в ведении которого, вероятно, находился Музей города. Жил Вейнер на прежнем месте, только улица теперь называлась «композитора Чайковского»[62]. Адресные и справочные книги Ленинграда за 1926 и последующие годы, просмотренные нами, сведений о нем не содержат.

П.Н. Берков, который не был знаком с Петром Петровичем лично, писал: «От лиц, знавших его, мне стало известно, что он умер в 1924 году»[63]. Историк Ю.Н. Жуков назвал годом смерти П.П. Вейнера 1925-й[64], что косвенно подтверждается отсутствием его фамилии в справочнике «Наука и научные работники СССР. Ч. II: Научные учреждения Ленинграда» (Л., 1926), в котором, в частности, есть информация о том, что заведующим Музеем старого Петербурга является В.Я. Курбатов (С. 108). В дальнейшем Жуков подтвердил названный им ранее год смерти Вейнера, уточнив, что искусствоведа (арестовали по «Делу лицеистов», расстреляли и вскоре принесли извинения — Вейнер, оказывается, был арестован по «ошибке»[65]. Однако в «Большой советской энциклопедии» (Т. 9. М., 1928. Стб. 192) в краткой биографической справке об искусствоведе содержится только дата его рождения.

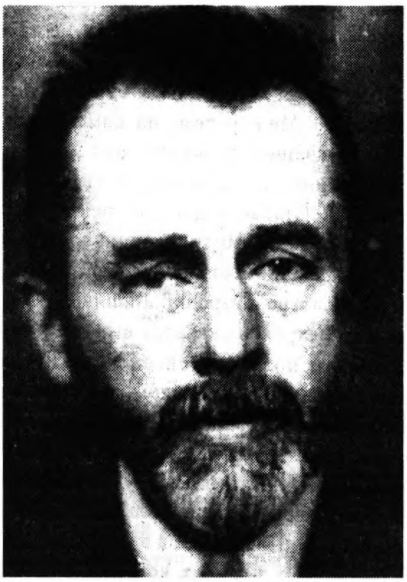
В 1929 г. появилась публикация, в которой лаконично отмечено, что «великолепная библиотека» П.П. Вейнера «по вопросам искусства поступила в Ленинградский коммунис-

тический университет»[66]. При этом автор не указал ни дату поступления, ни откуда и на каких условиях библиотека передана в упомянутое учебное заведение, ни по чьей воле это произошло. Сведения о Вейнере отсутствуют в справочнике «Наука и научные работники СССР. Ч. V: Научные работники Ленинграда» (Л., 1934). В этом издании нет его фамилии и в списке научных работников, умерших в 1931-1933 гг. Однако в литературе есть информация о том, что годом смерти искусствоведа является 1932-й[67]. Отметив, что Петр Петрович являлся крупным коллекционером, в собрании которого было около 50 картин знаменитых западноевропейских и русских художников, А.П. Банников сообщил, что «в 1925 г. его собрание, как и многих других, было полностью конфисковано. В 1931 г. тяжелобольным был арестован и умер в тюрьме. По другим сведениям, был расстрелян»[68].

Источником этих других сведений явился, очевидно, А.Н. Бенуа, который писал: «Заслуга Вейнера перед русской культурой не может быть достаточно оценена, что не остановило большевиков предать этого ни в чем политически неповинного человека расстрелу»[69]. Но год гибели искусствоведа А.Н. Бенуа не назвал. Это сделала Е.В. Минкина, которая внесла, наконец, ясность в противоречивую информацию о трагической судьбе П.П. Вейнера на основании документальных источников. Вот что ей удалось узнать. В послереволюционные годы искусствоведа неоднократно арестовывали. В очередной раз это произошло 26 сентября 1924 г. в связи с так называемым «Делом лицеистов»[70]. Его обвинили в проведении «агитации против существующего советского строя, в направленной помощи международной буржуазии»[71]. Петр Петрович не признал себя виновным. В результате «постановлением ОКРО ПП ОГПУ в ЛВО от 2 декабря 1924 г. дело в отношении Вейнера было прекращено за недоказанностью обвинения»[72]. Чтобы сохранить важные для него архивные материалы, Петр Петрович, выйдя на свободу, срочно подготовил и передал в Музей старого Петербурга все документы о Кружке любителей русских изящных изданий, об императорском Александровском лицее, а также собранные им коллекции меню и визитных карточек.

15 февраля 1925 г. его вновь «арестовали, обвинив, в очередной раз, в принадлежности к контрреволюционной организации, а по сути — все по тому же «Лицейскому делу»[73] № 31855, по которому решением Коллегии ОГПУ от 22 июня 1925 г. были осуждены около 80 человек, 26 из них расстреляны. П.П. Вейнера приговорили к ссылке на Урал сроком на три года с конфискацией имущества. 24 марта 1925 г. его временно освободили под подписку о невыезде. К этому времени родительский дом конфисковали, и сестра, Зинаида Петровна, перевезла коллекции брата, стоявшие на учете, к себе домой на улицу Петра Лаврова (ныне Фурштадтская), дом № 25. Но 7 июня Петра Петровича вновь арестовали, а 8 июля отправили по месту ссылки в город Троицк (ныне Чкалов). В защиту Вейнера выступили известные деятели отечественной науки и искусства Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург, С.П. Яремич. 14 августа 1925 г. они написали письмо-характеристику, в котором перечислили все его заслуги и назвали Петра Петровича «крупнейшим деятелем в области истории искусства»[74]. Однако их ходатайство ОГПУ отклонило. 15 марта 1926 г. все имущество Вейнера было конфисковано. 24 марта 1928 г. срок наказания ученому сократили на одну четверть по амнистии. Вернуться в Ленинград ему не разрешили. Он поселился в городе Любани Новгородской губернии, где завершил воспоминания («Старые годы», их история и критика (комментарии)[75]. Вернувшись в 1929 г. в родной город, Вейнер работал в Эрмитаже: составлял списки эрмитажной мебели и делал её описание.

П.П. Вейнер.Фото 1912 г.



П.П. Вейнер. Фото. 1930 г. Из архива ФСБ.

22 июня 1930 г. Петра Петровича «вновь арестовали. Вместе с 28-ю проходившими по делу лицами его обвинили в том, что он был активным участником контрреволюционной группировки монархической направленности, возглавляемой бывшей графиней, дочерью принца К.П. Ольденбургского, Е.К. Зернекау, которая была связана с центром монархического движения в Париже»[76]. Ученый свою вину не признал. Тем не менее «постановлением Тройки ПП ОГПУ в ЛВО 2 января 1931 года П.П. Вейнер по ст. 58-11 УК РСФСР был осужден к расстрелу (по этому «делу» к высшей мере наказания приговорили шесть человек. — Г.З.) с конфискацией всего принадлежащего ему имущества. 7 января 1931 г. в 23 часа 30 минут приговор был приведен в исполнение в городе Ленинграде» [77].

Спустя много лет постановлением Президиума Ленинградского городского суда от 26 октября 1988 г. решение пресловутой Тройки «в отношении Вейнера П.П. отменено, и дело в отношении его производством прекращено за отсутствием состава преступления»[78]. Пересмотрено и «Дело лицеистов». Военная прокуратура Ленинградского военного округа 16 февраля 1994 г. вынесла заключение, на основании которого « постановление Коллегии ОГПУ от 22 июня 1925 г. было отменено, а дело в отношении Вейнера производством прекращено»[79]. Справедливость, наконец, восторжествовала, и в отечественную культуру возвращено незапятнанным имя ее достойного сына, который «до последнего дня жил и трудился во имя России»[80]. В связи с 300-летием Санкт-Петербурга по инициативе Комитета по культуре Администрации города и Государственного музея истории Санкт-Петербурга в ознаменование большого вклада П.П. Вейнера в сохранение и популяризацию истории северной столицы 3 октября 2003 г. на доме № 38 по улице Чайковского была открыта посвящённая ему памятная доска[81].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Минкина Е.В. Особняк Вейнеров. СПб., 1997. С. 13.
2. Там же. С. 15-16.
3. Берков П.Н. Русские книголюбы: Очерки. М.; Л., 1967. С. 235.
4. Весь Петербург на 1909 год: Адрес. и справ. кн. г. С.-Петербурга. [СПб., 1908]. — Отд.Ш. С. 131.
5. Маковский С. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962. С. 307.
6. Минкина Е.В. Указ. соч. С. 36.
7. Берков П.Н. Указ. соч. Там же.
8. Добужинский М.В. Воспоминания. М., 1987. С. 223.
9. О деятельности КЛРИИ см.: Злочевский Г.Д. «Это явление заслуживает особого внимания»: Кружок любителей рус. изящ. изд. // Библиография. 1998. № 1. С. 98-111.
10. Английские и французские гравюры XVIII века: Выст. Кружка любителей рус. изящ. изд. Пг., 1916. С.4.
11. Подробнее о рождении этого журнала и его становлении см.: Вейнер П.П. «Старые годы», их история и критика (комментарии). 1928 // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1984. Л., 1986. С. 77-83. Воспоминания П.П. Вейнера опубликованы с незначительными сокращениями.
12. Верещагин В. Старые годы // Старые годы. СПб., 1907. — Янв. С. 1-2. — Разд. паг.
13. Вейнер П.П. «Старые годы», их история и критика (комментарии). С. 82.
14. Редактор [т. е. Вейнер П.П.]. Этими строками мы открываем второй год издания // Старые годы. СПб., 1908. — Янв. С. 3.
15. Вейнер П.П. «Старые годы», их история и критика (комментарии). С. 80.
16. Ф. В. Старые годы: Ежемесячник для любителей искусства и старины. Год изд. первый. СПб., 1907. — Янв.: [Рец.] // Золотое руно. — 1907. № 2. С. 90.
17. Вести отовсюду // Там же. № 4. С. 80.
18. Хроника // Старые годы. СПб., 1911. — Апр. С. 54.
19. Тираж ежемесячника составлял: 1907 г. — 1000 экземпляров, 1908-1200, 1909-1500, 1910 — 2000, 1911 — 3200, 1912 — 5000, 1913 — 4500, 1914 — 5000, 1915 — 4000. Сведения за 1916 г. не обнаружены. Кроме того, ежегодно печатались дополнительно 150 экземпляров для бесплатного распространения (Вейнер П.П. «Старые годы», их история и критика (комментарии). С. 80; Лурье Ф. Журнал «Старые годы» и его издатель // Русский антиквар: Альб. для любителей искусства и старины. Вып. 1. [СПб.], 2002. С. 132).
20. Адарюков В.Я. В мире книг и гравюр: Воспоминания. — М., 1926. С. 29.
21. Из письма С.Р. Эрнста М.А. Витухновской от 28 декабря 1977 г. (Витухновская М.А. Воспоминания П.П. Вейнера о журнале «Старые годы» // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1984. — Л., 1986. С. 76).
22. Вейнер П.П. «Старые годы», их история и критика (комментарии). С. 81, 82.
23. Ростиславов А. Не в коня корм (или: скандал, выставка, публика) // Золотое руно. — 1908. № 11-12. С. 84-85.
24. Петров Н., Рылов А., Иванов М. и др. [Выставка, собранная журналом «Старые годы»] // Речь. СПб., 1908. — 2 дек. С. 4.
25. Новое время. СПб., 1908. — 7 дек.
26. Artmeter. Об иллюзии движения в пейзаже / Пер. с англ. П. В. [т. е. П.П. Вейнера] // Старые годы. СПб., 1907. — Апр. С. 115-126.

27. Статья впервые опубликована в журнале «Искусство: Живопись, графика, художеств. печать» (Киев, 1912. № 3-4. С. 121-128). Цитаты приведены из этого издания. С. 121-123, 128.
28. Молок Ю. В декабре 1911 года в Петербурге открылась выставка «Искусство в книге и плакате» // Памятные книжные даты. 1986. — М., 1986. С. 266, 270-271; Берков П.Н. История советского библиофильства (1917-1967). — М., 1983. С. 82.
29. За этим псевдонимом скрылся Н.В. Соловьёв (1877-1915) — библиофил, антиквар, библиограф, литератор, редактор-издатель журналов «Антиквар» (1902-1903) и «Русский библиофил» (1911-1916). О нём см.: Злочевский Г.Д. «Образованнейший русский книжник» // Библиография. — 1998. № 3. С. 99-115.
30. О деятельности этого объединения см.: Злочевский Г.Д. «С беспристрастием судьи и изяществом художника» (Н.Н. Врангель) // Русская усадьба: Сб. О-ва изучения рус. усадьбы. — Вып. 6 (22). — М., 2000. С. 469-471.
31. Музей был создан при Комиссии по изучению старого Петербурга Общества архитекторов-художников. Устав музея утверждён в феврале 1908 г. Вскоре музей был выведен из состава Комиссии, а члены её и Общества вошли в совет музея. На собрании учредителей, состоявшемся в октябре 1909 г., председателем дирекции избрали А.Н. Бенуа. Музей разместился в доме председателя Общества архитекторов-художников графа П.Ю. Сюзора на Васильевском острове (Кадетская линия, дом № 21). В 1917 г. музей перевели в дом № 9 на Исаакиевской площади, а в следующем году — на набережную реки Фонтанки, дом № 35.
32. Минкина Е.В. Указ. соч. С. 117.
33. Жуков Ю.Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. 1917-1920. — М., 1989. С. 289.
34. Ростиславов А. Вести за месяц // Старые годы. СПб., 1913. — Янв. С. 56.
35. А. Р-в [т. е. Ростиславов А.А.]. То же // Там же. — 1914. — Февр. С. 58.
36. А. Р-в [т. е. Ростиславов А.А.]. То же // Там же. — 1915. — Март. С. 62.
37. А. Р-в [т. е. Ростиславов А.А.]. То же // Там же. — 1912. — Нояб. С. 47.
38. Ростиславов А. Отражения войны // Там же. — 1914. — Окт. — дек. С. 128-129.
39. А. Р-в [т. е. Ростиславов А.А.]. Вести // Там же. — 1916. — Янв. — февр. С. 108.
40. Имеется в виду «Журнал изящных искусств» (М., 1807), издававшийся профессором И.Ф. Буле, который читал в Московском университете курс теории и истории искусства в России и другие. Журнал пропагандировал отечественное искусство, публиковал статьи по эстетике и теории искусства. Вышло всего три номера.
41. Редактору-издателю ежемесячника «Старые годы». Х: Кружок любителей рус. изящ. изд. — Б. м., 1917. С. [7-8].
42. Большая советская энциклопедия. — Т. 9. — М., 1928. Стб. 192.
43. Банников А.П. Документы из архивов Н.Н. Врангеля // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1990. — М., 1992. С. 349.
44. Минкина Е.В. Указ. соч. С. 149. Каталога коллекций П.П. Вейнера не существует. Судить об их составе можно лишь по перечню конфискованных у него произведений искусства и по работам из его коллекций, экспонировавшимся на выставках. О диапазоне интересов П.П. Вейнера-собирателя см.: Полунина Н.М. Кто есть кто в коллекционировании старой России: Новый биогр. слов. — М., 2003. С. 88. Известно, что из картин, принадлежавших П.П. Вейнеру, в настоящее время находятся: в Русском музее — 4, в Эрмитаже — 7, в Музее изобразительных искусств

им. А.С. Пушкина — 1 (Лурье Ф. Указ. соч. С. 132).
45. Минкина Е.В. Указ. соч. С. 144-145.
46. Последние известия // Среди коллекционеров. — 1921. № 4. С. 45; Отчёт Русского музея за 1922 год // Там же. — 1923. № 11-12. С. 52; Голлербах Э. Выставка русского бытового портрета: (Рус. музей) // Там же. — 1922. № 2. С. 63.
47. Хроника // Там же. — 1921. № 8-9. С. 66.
48. Письма из Петрограда // Там же. — 1922. № 1. С. 63.
49. В. О. [т. е. Охочинский В.К.]. Петербургская хроника // Там же. — 1922. № 7-8. С. 87.
50. В. О. [т. е. Охочинский В.К.]. Письма из Петрограда // Там же. — 1922. № 10. С. 60.
51. Берков П.Н. История советского библиофильства... С. 141.
52. О деятельности ОИРУ см.: Злочевский Г.Д. Общество изучения русской усадьбы (1922-1930). — М., 2002. — 55 с.: ил.
53. Згура В.В. Общество изучения русской усадьбы // Архитектура. — 1923. № 3-5. С. 69.
54. Вейнер П.П. О бронзе. — Петербург, 1923. С. 9. — (Сер.: Беседы о приклад. искусстве. 1).
55. Там же. С. 10.
56. Там же. С. 45.
57. Дульский П. [Рец. на кн.: Вейнер П.П. О бронзе. — Петербург: Аквилон, 1923. — 78, [1] с.: ил.] // Казан. музейн. вестн. — Казань, 1924. № 1. С. 109.
58. Ив. Л. [т. е. Лазаревский И.И.]. Новые книги // Среди коллекционеров. — 1923. № 7-10. С. 46.
59. Р. Е. [т. е. Эттингер П.Д.]. Rossica // Там же. — 1924. № 3-4. С. 42.
60. Хроника // Там же. — 1921. № 8-9. С. 66; Минкина Е.В. Указ. соч. С. 182.
61. Весь Петроград. 1922. — Ч. 2: Адресный указатель. Новые декреты и постановления. — Пг., 1922. Стб. 170.
62. Весь Ленинград на 1924 год: Адрес. и справ. кн. г. Ленинграда. — Отд. 10. — [Л., 1924]. С. 45. — Разд. паг.; Весь Ленинград на 1925 год... Отд.X. — [Л., 1925]. С. 66. — Разд. паг.
63. Берков П.Н. Русские книголюбы... С. 235.
64. Жуков Ю.Н. Указ. соч. — Там же.
65. Жуков Ю.Н. Операция «Эрмитаж»: Опыт ист.-арх. расследования. — М., 1993. С.73.
66. Шилов Ф.Г. Судьбы некоторых книжных собраний за последние 10 лет (опыт обзора) // Альманах библиофила. — Л., 1929. С. 173.
67. Смирнов-Сокольский Н.П. Моя библиотека. — Т. 2. — М., 1969. С. 464.
68. Банников А.П. Указ. соч. — Там же.
69. Бенуа А.Н. Мои воспоминания в пяти книгах. 2-е изд., доп. — Кн. 4-5. — М., 1990. С. 336.
70. Минкина Е.В. Указ соч. С. 154-165.
71. Там же. С. 154.
72. Там же. С. 161.
73. Там же. С. 162.
74. Там же. С. 171.
75. Эти воспоминания написаны П.П. Вейнером в 1926-1928 гг. Они хранятся в отделе рукописей Русского музея в фонде Ф.Ф. Нотгафта (Ф. 117. Ед. хр. 190).
76. Минкина Е.В. Указ. соч. С. 177-178.
77. Там же. С. 180.
78. Там же. С. 185-186.

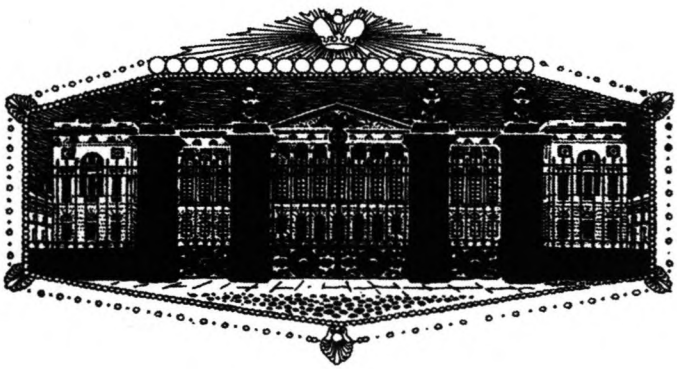
79. Там же. С. 186.
80. Там же. С. 4.
81. Сердобольский О. «Старые годы» Петра Вейнера // Культура. — 2003. № 39. С. 14.

П.П. Вейнер: библиография

1. [Рец. на кн.: Императорский фарфоровый завод. 1744-1904. Изд. Упр. имп. заводами. СПб., 1907] // Старые годы. СПб., 1907. — Февр. С. 69-70. — Подп.: П.В.
2. Об аукционах и продажах // Там же. — Март. С. 104-106; Апр. С. 145-147; Июнь. С. 234-237; Нояб. — 587-588; Дек. С. 639-642; 1908. — Янв. С. 47-50; Февр. С. 101-102; Март. С. 157-159; Апр. С. 216-220; Июнь. С. 356-362; Окт. С. 645-646; Нояб. — дек. С. 755-757; 1909. — Янв. С. 43-45; Март. С. 156-157; Апр. С. 215-216; Май. С. 273-275; Июль Сент. С. 499-503. — Подп.: П.В.
3. Аукционы и продажи // Там же. — 1907. — Окт. С. 518-520. — Подп.: П.В.
4. [О порнографических изображениях и произведениях искусства] // Там же. С. 525. — Подп.: П.В.
5. [О повреждении произведений живописи в Лувре посетителями] // Там же. — Нояб. С. 584-585. — Подп.: П.В.
6. Каталог собрания П. Моргана // Там же. С. 599. — Подп.: П.В.
7. Этими строками мы открываем второй год издания // Там же. — 1908. — Янв. С. 3-4. — Подп.: Редактор.
8. Несколько художественных предметов у князя А.С. Долгорукова в С.-Петербурге // Там же. С. 15-37; То же. — [СПб., 1908]. — 23 с.: ил. — Отд. отт.
9. [Отзыв об очерке: Cazalet Lucy. Russian Porcelain // The Connoisseur. 1908. Jan.] // Старые годы. СПб., 1908. — Март. С. 167. — Подп.: П.В.
10. [Андрей Александрович Карбоньер, педагог и музейный деятель]: Некролог // Там же. — Апр. С. 213. — Подп.: П.В.
11. Сведения из-за границы [по вопросам искусства] // Там же. С. 213-214. — Подп.: П.В.
12. [Федор Ильич Булгаков, литератор, 1852 — 1908]: Некролог // Там же. С. 220. — Подп.: П.В.
13. Сведения из-за границы: Франция: [Информ. о событиях в области искусства], Англия: [Об отказе Британского музея принять в дар по завещанию доктора Ольдгама пять выдающихся скрипок] // Там же. — Май. С. 288-289. — Подп.: П.В.
14. [О предстоящей распродаже в Германии богатой коллекции античных предметов из раскопок на Черноморском побережье, принадлежавшей А. Фогелю, которую вывезли из России] // Там же. С. 292-293. — Подп.: П.В.
15. Столичный вандализм: [Об угрозе разрушения театра в Таврическом дворце] // Там же. — Июнь. С. 342-344. — Подп.: П.В.
16. Париж. I. — Выставки: А. Театральная выставка в помещении Музея декоративных искусств (Pavillon Marsan в здании Тюильери). Б. Выставка мебельного производства. В. Прогулка по Парижу эпохи романтизма в Hotel Le Peletier de Saint — Fargeau (29, rue de Sovigno). Г. Ретроспективный отдел в Salon d'Automne. — Греко. Д. «В Париже организуется на 1909 год выставка портретов английских и французских красавиц» // Там же. — Окт. С. 631-636. — Подп.: П.В.
17. Охрана памятников старины // Там же. — 1909. — Апр. С. 203-204.
18. В императорском Эрмитаже // Там же. — Окт. С. 594-595. — Подп.: П.В.
19. Вейнер П., Бенуа А., Верещагин В. и др. Эрмитаж // Там же. — 1910. — Янв. С. 38-41. — Предложения о принятии срочных мер для нормальной работы Эрмитажа и сохранения его

коллекций в связи с назначением нового директора — графа Дмитрия Ивановича Толстого.
20. Рембрандт Румянцевского музея // Там же. — Февр. С. 41-42. — Подп.: П.В.
21. Павел Яковлевич Дашков: [1849 — 1910. Некролог] // Там же. — Март. С. 58. — Подп.: П.В. — О собирателе рукописей, гравюр, портретов и книжных редкостей.
22. Жизнь и искусство в Останкине // Там же. — Май — июнь. С. 38-72; То же. — [СПб., 1910]. — 35 с.: ил. — Отд. отт.; То же (с сокр.) // Памятники Отечества. — 1992. — № 25. С. 60-70.
23. Марфино // Старые годы. СПб., 1910. — Июль Сент. С. 115-129; То же. СПб., Б. г. — 16 с.: ил. — Отд. отт.
24. Мусульманская выставка // Старые годы. СПб., 1910. — Окт. С. 37-42. — Подп.: П.В. — О выставке прикладного искусства в Мюнхене.
25. [Рец. на кн.: Муратов П. Образы Италии. I. М.: Науч. слово, 1911. 265 с.] // Там же. — Дек. С. 71. — Подп.: П.В.
26. [Рец. на кн.: Редкие книги: Кат. № 105. СПб., 1910] // Там же. С. 71-72. — Подп.: П.В.
27. [Рец. на кн.: Русский библиофил: Ил. вестн. для собирателей кн. и гравюр...] // Там же. — 1911. — Март. С. 35-36. — Подп.: П.В.
28. Римские выставки [современного искусства, этнографическая, античного искусства, «Папский Рим и Рим Возрождения»] // Там же. — Июнь. С. 49-52. — Подп.: П.В.
29. [Рец. на кн.: Бенуа Александр. Путеводитель по картинной галерее императорского Эрмитажа. СПб...] // Там же. — Июль Сент. С. 184. — Подп.: П.В.
30. Царскосельский музей // Там же. С. 191. — Подп.: П.В.
31. Лавка под аркой Главного штаба // Там же. — Подп.: П.В.
32. Хроника: Работы в императорском Эрмитаже; Всероссийский съезд художников; К царскосельской выставке // Там же. — Нояб. С. 37-39. — Подп.: П.В.
33. По поводу фелони французского шелка // Там же. — Дек. С. 70. — Подп.: П.В.
34. [Рец. на кн.: Муратов П. Образы Италии. II: Рим, Неаполь и Сицилия. М., 1912] // Там же. — 1912. — Янв. С. 52. — Подп.: П.В.
35. Художественный облик книги (Доклад, читанный на Всероссий-ком съезде художников. СПб., 1911-1912 гг.) // Искусство: Живопись, графика, художеств. печать. — Киев, 1912. — № 3-4. С. 121-128; То же // Труды Всероссийского съезда художников. Дек. 1911 — янв. 1912. — Т. 3. — Пг., 1915. С. 40-45; Прения. С. 45-47.
36. Опять духовное ведомство // Старые годы. СПб., 1912. — Май. С. 46-47. — Подп.: П.В. — Об искажении архитектуры храмов перестройками и пристройками.
37. К продаже Плюшкинского собрания // Там же. — Окт. С. 34-35. — Подп.: П.В. — О коллекции предметов русской старины Ф.М. Плюшкина в Пскове.
38. Собрание Алексея Захаровича Хитрово // Там же. — Дек. С. 3-36; То же. — [СПб.], Б. г. — 36 с.: ил. — Отд. отт. — Хитрово, егермейстер высочайшего двора, коллекционировал произведения живописи и прикладного искусства.
39. [Рец. на кн.: Ермолов А.С. Алексей Петрович Ермолов. 1777-1861: Биогр. очерк] // Старые годы. СПб., 1913. — Янв. С. 46. — Подп.: П.В.
40. [Рец. на кн.: Hautecoeur L. Rome et la Renaissance de l'Antiquite (la fin du XVIII-e si(cle. Paris, Fontemoing, 1912] // Там же. С. 46-47. — Подп.: П.В.
41. Очередные вандализмы ведомств // Там же. С. 49-50. — Подп.: П.В.
42. [Рец. на кн.: Robiquet Jacques. Gouthi(re, sa vie, son oeuvre. Paris, Librairie Renouard. H.Laurens (d, 1912...] // Там же. — Февр. С. 47-48. — Подп.: П.В.
43. Граф А.А. Голенищев-Кутузов: [1848 — 1913. Некролог] // Там же. С. 63. —

Подп.: П.В. — О поэте и собирателе произведений живописи.
44. [О содержании пятого тома «Полного собрания сочинений М.Ю. Лермонтова». СПб., 1913] // Там же. — Май. С. 44. — Подп.: П.В.
45. Общество защиты и регистрация // Там же. С. 50-51. — Подп.: П.В.
46. [Отзыв о ст.: Лихачев Н.П. Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки в «Русском библиофиле» (СПб., 1913. № 5)] // Там же. — Окт. С. 41. — Подп.: П.В.
47. [Рец. на кн.: Mobilier du XVII-e et du XVIII-e si(cle] // Там же. — Дек. С. 45. — Подп.: П.В.
48. Докладная записка министру финансов по поводу закона 6 июня 1910 г. о государственном налоге с недвижимых имуществ // Отчет о деятельности Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1913 год. — Пг., 1914. С. 28-34.
49. Недоразумение с Троицким собором // Старые годы. СПб., 1914. — Янв. С. 48. — Подп.: П.В.
50. Опять захват садов // Там же. С. 56. — Подп.: П.В.
51. Закон об охране старины // Там же. — Февр. С. 47-50.
52. [Рец. на кн.: Библиотека Д.В. Ульянинского: Библиогр. описание. Т. II: Библиография. М., 1912] // Там же. — Март. С. 32. — Подп.: П.В.
53. [Рец. на кн.: Roche Denis. Le mobilier fran(ais en Russie. — Emile L(vy (diteur. Paris] // Там же. С. 33-35. — Подп.: П.В.
54. В Императорском Эрмитаже // Там же. С. 37-38. — Подп.: П.В.
55. В Третьяковской галерее // Там же. — Апр. С. 47-48. — Подп.: П.В.
56. [О новом журнале «Art in America»] // Там же. — Июнь. С. 34-35. — Подп.: П.В.
57. [Рец. на кн.: M-lle Duportal Jeanne. Etude sur les livres (figures en France de 1601 (1600. — Paris, Champion, 1914...] // Там же. С. 35. — Подп.: П.В.
58. Убранство Гатчинского дворца // Там же. — Июль Сент. С. 33-83; То же. — Пг., [1914]. — 50 с.: ил. — Отд. отт.; То же // Лансере Н., Вейнер П., Трубников А. и др. Гатчина при Павле Петровиче, цесаревиче и императоре. СПб., 1995. С. 67-164.
59. Хроника: Лейпцигская выставка 1914 года // Старые годы. СПб., 1914. — Июль Сент. С. 194-199. — Подп.: П.В. — О «Международной выставке печатного дела и графики».
60. Барон Н.Н. Врангель // Там же. — 1915. — Июнь. С. 57-60. — Без подп. –Авторство П.П. Вейнера установлено нами путем сравнения текста публикации с его очерком «Барон Н.Н. Врангель...», опубликованным в сборнике «Венок Врангелю...».
61. [«В... Москве подвергся разгромлению и уничтожению склад издательской фирмы Кнебель...»] // Там же. Июль — авг. С. 107. Подп.: П.В.
62. Н.В.Соловьев [1877-1915]: (Некролог) // Там же. Сент. С. 62-64. — Подп.: П.В. — О редакторе-издателе журналов «Антиквар» и »Русский библиофил», библиографе, литераторе, библиофиле.
63. «Зима», статуя Фальконэ // Там же. — Дек. С. 26-36; То же. — Пг., Б. г. С. 45-54: ил. — Отд. отт.
64. По поводу «Зимы» Фальконета // Там же. — 1916. — Янв. — февр. С. 99. — Подп.: П.В.
65. Розальба Каррьера [1675-1757] и пастели Гатчинского дворца // Там же. — Окт. — дек. С. 117-143.
66. Барон Н.Н. Врангель: Биогр. очерк // Венок Врангелю от О-ва защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. — Пг., 1916. С. 9-21.
67. О бронзе. — Петербург, 1923. — 78, [1] с.: ил.
68. «Старые годы», их история и критика (комментарии). 1928 // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1984. — Л., 1986. С. 77-83.



ХРОНИКА ОИРУ

16.01.2004 г. Московская городская станция юных туристов, расположенная в старинной усадьбе Григорово, недалеко от станции Турист Савеловской ж.д., провела конференцию «По следам забытых экспедиций». Конференция посвящалась русскому путешественнику из известного дворянского рода Лужиных и была проведена благодаря неизменному энтузиасту детских краеведческих исследований В.Н. Ясинской. От ОИРУ конференцию посетили зам. Председателя Правления Л.А Перфильева, В.Г. Фролов и другие.

23.01.2004 г. в Государственной Третьяковской галерее состоялся вечер памяти, посвященный Михаилу Абрамовичу (1870-1903) и Маргарите Кирилловне (1873-1958) Морозовым. Вечер был подготовлен силами галереи и Общества Музыкальной культуры им. М.В. Юдиной (организатор В.В. Иванов). На вечере присутствовали члены ОИРУ М.В. Нащокина, В.Д. Зворыкин, Л.А. Перфильева, В. Королевский и другие.

24-25.01.2004 г. В Государственном литературном музее-заповеднике «Большие Вяземы» прошли Голицынские чтения. От Общества на конференции присутствовали: В.В. Синдеев и другие.

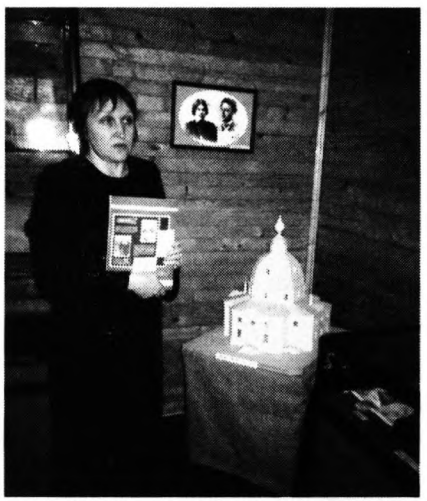
26.01.2004 г. Прошло первое в новом году расширенное заседание ОИРУ. С докладом «Две усадьбы — две судьбы, об усадьбах Каменка и Покровское князей Шаховских в Осташковском районе Тверской обл. выступила Т.Н. Кременецкая (канд. геолого-минералог. наук, краевед). Речь шла о роде Шаховских и об истории усадеб, расположенных на берегу озера Селигер. Ныне от усадеб сохранились лишь отдельные хозяйственные постройки и аллеи парков.

28-29.01.2004 г. Состоялась конференция «С.Н. Дурылин и его время», организованная мемориальным домом-музеем писателя и библиотекой-фондом «Русское зарубежье». Выступления докладчиков посвящались С.Н. Дурылину - писателю, священнику, театроведу, его жизни и деятельности.

30.01.2004 г. Члены Общества посетили выставку, посвященную искусству силуэта, в филиале Гос. Литературного музея. Экскурсию по выставке, организатором которой был член ОИРУ К.Н. Степанов, провел художник А.Н. Гусев.

05-06.02.2004 г. На «Лазаревских чтениях» 2004 г. в МГУ с докладом «Сад без границ. О ренессансных истоках садово-парковой культуры Нового времени» выступил докт. искусств. М.Н. Соколов, член ОИРУ.

06.02.2004 г. в доме учителя Таракановского музейного комплекса состоялось открытие выставки «Семья Менделеевых в усадьбе Боблово». Ее открыла директор музея-заповедника «Шахматово» С.М. Мисочник; присутствовали представители местной администрации, сотрудники музея, гости; от ОИРУ — М.В. Нащокина.



С.М. Мисочник на открытии выставки в Тараканове. Фото М.В. Нащокиной.

08.02.2004 г. Члены ОИРУ посетили мастерскую художницы Э.И. Беловой — автора замечательных работ на шелке. Темы ее произведений: усадьбы, усадебный быт пушкинской эпохи, природа, города России. Эльвира Ивановна рассказала об уникальной технологии выполнения своих работ, которую разработала сама.

19.02.2004 г. В Музее гармоники Альфреда Мирека (филиал Музея истории города Москвы) состоялось чествование лауреатов Макариевской премии. Первая Макариевская премия за 2003 г. в номинации «История Москвы» была вручена зам. Председателя ОИРУ М.В. Нащокиной за книгу «Московский модерн», дополнительная молодежная премия - члену Правления ОИРУ М.Ю. Коробко за книгу «Московский Версаль: Кузьминки — Люблино». Почетной благодарности фонда был удостоен член ОИРУ из г. Рославля Смоленской области М.В. Иванов.

Февраль 2004 г. Книги члена Общества, докт. искусств. М.Н. Соколова «Бытовые образы в западноевропейском искусстве 16-17 вв.», «Мистерия соседства» и «Время и место», посвященные проблемам западноевропейского искусства, выдвинуты на соискание Государственной премии РФ. ОИРУ горячо поддержало выдвижение нашего коллеги, и в адрес Комиссии по Гос. премиям было отправлено письмо со словами одобрения и поддержки кандидатуры М.Н. Соколова.

24.02.2004 г. Состоялось расширенное заседание ОИРУ. С фоторассказом о достопримечательностях г.Чернигова (Украина) выступил член Правления ОИРУ А.В. Чекмарев.

25.02.2004 г. В книжном магазине «Букберри» (Никитский б-р., 17) состоялось представление книги члена Правления ОИРУ А.И. Фролова «Усадьбы Подмосковья» («Рипол-Классик»). Книга представляет собой опыт научного каталога подмосковных усадеб (приведено около 3500 усадеб), дополненный именным указателем владельцев усадеб, указателем усадебных коллекций, списком использованной литературы.

Поездка ОИРУ в Огарково. Члены ОИРУ Б.Г. Федоров, Н.А. Филиппова. Фото М.В. Нащокиной.

Открыла презентацию В.В. Стерлина, президент НП «Русская усадьба», непосредственный организатор этого мероприятия. Директор РНИИ искусствознания А.И. Комеч рассказал о том, как начиналось его увлечение русской усадьбой и признался, что книга А.И. Фролова поразила его полнотой охвата усадеб, проработкой каждой усадьбы в отдельности. Он назвал выход этой книги «и праздником, и подвигом одновременно», и выдвинул предложение о создании каталога-перечня усадеб, которые сейчас находятся на грани полного исчезновения. Продолжил вечер Ю.А. Веденин, председатель ОИРУ, директор РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, который отметил положительную тенденцию появления книг, посвященных русской усадьбе: научные сборники ОИРУ, книгу А.Б. Чижкова, Г.Д. Злочевского и др., и поздравил ОИРУ с выходом труда Фролова. А.Б. Чижков, чья книга «Подмосковные усадьбы» была своего рода «первой ласточкой» в серии книг-каталогов подмосковных усадеб, выразил надежду на издание «дополненного и исправленного» варианта книги А.И. Фролова. Сам Александр Иванович Фролов, канд. ист. наук, Зав. кафедрой туризма и культурного наследия Российского нового университета (РосНОУ), специалист в области отечественной музеологии, член Правления ОИРУ, рассказал о том, как рождался замысел написания этой книги и выразил надежду, что она послужит хорошим стимулом для краеведов Подмосковья в деле изучения и обследования усадеб. Зам. Председателя ОИРУ М.В. Нащокина подчеркнула, что цели выпуска обоих книг о подмосковных усадьбах («Подмосковные усадьбы» А.Б. Чижкова и «Усадьбы Подмосковья» А.И. Фролова) были разными. Первая зафиксировала современное состояние усадебного наследия Подмосковья, вторая — дала возможность представить его в своеобразной историко-ретроспективной реконструкции, в его возможной полноте. С поздравлениями в честь выхода книги выступили: Л.В. Тыдман, член Правления ОИРУ; Т.А. Князева, издатель альманаха «Памятники Отечества»; Е. Павлова — представитель издательства «РИПОЛ-Классик».

29.02.2004 г. Состоялась первая в этом году поездка членов ОИРУ по селам и усадьбам Подмосковья: С. Шкинь, двухколоколенная церковь Святого Духа (1794-1798 гг.), построенная в усадьбе Г.И. Бибикова в стиле зрелого классицизма. Сейчас в храме ведутся восстановительные работы.

Г. Зарайск. Зарайский историко-художественный музей, расположенный в Троицкой церкви (1788 г.). Кремль (1528-1531). Соборный комплекс в Кремле (Никольский собор, 1681 г.; собор Иоанна Предтечи, 1901-1904 гг., по проекту К.М. Быковского). Благовещенская церковь (1795 г.; колокольня — 1825 г.); Ильинская церковь (1819 г.);

С. Сушково. Деревянная Казанская церковь (1754), с интерьерами XVIII-XIX вв., построена на средства И.В. Свечина.

С. Щурово. Храм Пресвятой Троицы, 1892 г., арх. М.К. Геппенер.

Усадьба Сенницы (владельцы: кн. Гагарины; М.Ю. Вильегорский; кн. Шаховские; гр. Келлер). Вознесенская церковь-колокольня, 1707 г., полуразрушенная усыпальница Келлеров.

04.03.2004 г. В выставочном зале музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» (Псковской обл.) открылась выставка графических произведений члена ОИРУ, художника Ольги Крестовской (Москва).

22.03.2004 г. В Центральном Доме ученых, на заседании исторической секции, при содействии секретаря секции, члена ОИРУ Л.Д. Ивановой, состоялся доклад Л.А. Перфильевой «Светские салоны эпохи Просвещения: традиции, пространственная среда и духовное наполнение».

23-24.03.2004 г. В Государственном музее-усадьбе «Архангельское» прошли конференция и «круглый стол» на тему: «Актуальные проблемы виртуальной реконструкции дореволюционных частных библиотек». В работе конференции принял участие член Общества, краевед В.Г. Фролов.

26.03.2004 г. В РГГУ состоялась презентация альманаха «Памятники Отечества», посвященного музею-усадьбе Мураново. В работе над альманахом активное участие приняли члены Правления ОИРУ А.И. Фролов, М.Ю. Коробко.

29.03.2004 г. Состоялось расширенное заседание Общества. С докладом «Масонство в русской усадьбе» выступил член ОИРУ В.И. Новиков. В.Г. Фролов рассказал о конференции «Актуальные проблемы виртуальной реконструкции дореволюционных частных библиотек» в музее-усадьбе «Архангельское» и показал фотоматериалы по этой усадьбе. Участники заседания также посмотрели видеосюжет НТВ, из передачи «Намедни», посвященный русской усадьбе и проблемам сохранения усадебных ансамблей.

14.04.2004 г. По инициативе члена ОИРУ Н.А. Колпаковой состоялась экскурсия в музей-заповедник «Московский Кремль».

15.04.2004 г. В Государственном музее-заповеднике «Царицыно» состоялся вернисаж «Царицыно — русский Колизей». В рамках открытия выставки прошла презентация научного сборника музея-усадьбы «Царицыно», посвященная материалам конференции 2003 года, был также представлен сборник ОИРУ «Русская усадьба» № 9. От ОИРУ на вернисаже присутствовали М.В. Нащокина, Л.А. Перфильева, Н.В. Ром и другие.

17.04.2004 г. Под руководством реставратора А. Колесникова состоялась пешеходная экскурсия в Свиблово (г. Москва, владельцы: Плещеевы, Нарышкины, Кожевниковы). Члены Общества осмотрели усадебные постройки и церковь Живоначальной Троицы (XVIII в.).

18.04.2004 г. В музее русской усадебной культуры «Кузьминки» открылась фотовыставка «Русская усадьба: прошлое и настоящее».

20.04.2004 г. в редакции журнала «Наше наследие» состоялся Ученый совет музея-заповедника А.А. Блока «Шахматово». На нем обсуждались вопросы утверждения границ территории памятника и его охранных зон, весьма тревожные в нынешних условиях невнятного законодательства в отношении музеев-заповедников и безудержной распродажи подмосковных земель. Присутствовали С.М. Мисочник, С.С. Лесневский, Ю.А. Веденин, М.В. Нащокина и другие.

М.А. Полякова, М.В. Нащокина, Г.А. Полякова, Н.А. Филиппова в окрестностях Кудинова (Калужской области) — усадьбы Константина Леонтьева. Фото К.А. Беловой.

20-21.04.2004 г. в Государственном историко-архитектурном, художественном и ландшафтном музее-заповеднике «Царицыно» состоялась научная сессия «Итоги научной деятельности за 2003 год», на которой выступила Дирекция и научные сотрудники музея с научными сообщениями.

24-25.04.2004 г. Двухдневная поездка ОИРУ по Тульской, Орловской областям началась с осмотра г. Крапивна Тульской области. Посмотрели Никольскую (1759-1760, ныне соборный храм города) и Всехсвятскую церкви (к. XVIII в.)

С. Жемчужниково, Ильинско-Надеждинская церковь (1820-е), построенная по заказу Волконских.

Анастасов монастырь в окрестностях г. Одоева, с храмом Рождества Пресвятой Богородицы (1673).

Усадьба Мирковичей — Николо-Жупань. В усадьбе сохраняется главный дом в стиле ампир; руинированная Никольская церковь (1701). С холма, на котором расположена усадьба, открывается живописный вид на реку Упу.

С. Николо-Гастунь. От бывшего в этом селе монастыря ныне сохраняются руины Никольского собора (XVII в.). Храм представляет грустное зрелище — от великолепного пятиглавого собора осталась лишь стена, на которой держатся две главки. По словам местных жителей, купол храма рухнул в 2003 году. Рядом сохраняется более поздняя колокольня.

Усадьба Телегиных — Злынь-Софиевка. В усадьбе сохранился главный дом в «неорусском» стиле; здание конного завода; парк с прудами. Усадьба знаменита тем, что именно здесь была выведена знаменитая порода русских орловских рысаков.

Г. Болхов (Троицкая церковь в стиле нарышкинского барокко; величественный Спасо-Преображенский собор (1841-1851) — сейчас ведется его восстановление. Оптин Троицкий монастырь, восстанавливается Троицкий собор (XVII в.), г. Белев — старинный уездный город на берегу р. Оки (Спасо-Преображенский храм (1686-1719), храм Иоанна Предтечи (1706-1712), колокольня, возвышающаяся над городом). В финале поездки члены Общества осмотрели деревянный особняк Мосоловых в с. Дубна Тульской области.

2.05.2004 г. в Государственном музее-заповеднике «Царицыно» в Малом дворце открылась выставка «Многоликая императрица», псвященная 275-летию со дня рождения Екатерины Великой (1729-1796).

8-10.05.2004 г. Поездка в Тульскую, Липецкую области. Это была поездка, во многом повторившая маршрут 2003 года. Из новых пунктов, которые посетили члены Общества, следует отметить:

С. Молоденки (Тульская обл.), усадьба Разумовских. Здесь сохраняется главный дом, в котором ныне расположена школа; конный двор; руины храма.

Усадьба Полибино (Нечаевых), главный дом рубежа XVIII-XIX вв. Усадьба известна тем, что здесь располагался первый музей истории Куликовской битвы, созданный С.Д. Нечаевым. Достопримечательностью усадьбы является водонапорная башня инженера-изобретателя В.Г. Шухова.

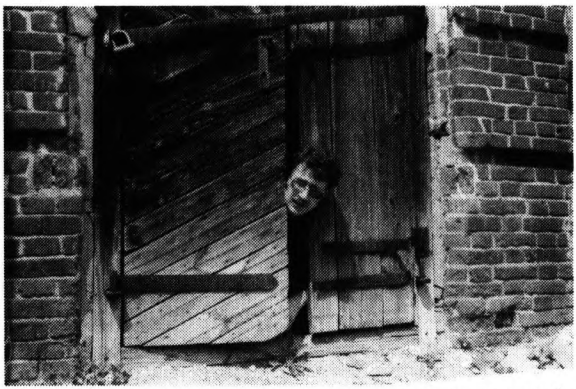
Усадьба Горожанка (Михайловские, Веневитиновы). В усадьбе сохранился главный дом с полуротондой (ныне разрушенной); Покровская церковь (1787 г.) — используется как жилье.

С. Рамонь (усадьба князей Ольденбургских). С этой усадьбой связано множество легенд и историй. Владелица усадьбы — принцесса Евгения Максимилиановна (по матери — великая княжна Романова, по отцу — герцогиня Лейхтенбергская, по мужу — принцесса Ольденбургская) — получила село в качестве свадебного подарка своего дяди — императора Александра II. Она же и затеяла здесь строительство своей резиденции. Сейчас в усадьбе можно видеть главный дом-дворец в виде замка в старо-английском стиле (построен в 1883-1887 гг.); парадные въездные ворота с часами. В парке, эффектно спускающемся вниз, старинный грот. В настоящее время ведется реставрация дворца.

13.05.2004 г. Поездка в Кудиново (Калужской области) — усадьбу Константина Леонтьева, с целью ознакомления с возможностью ее музеефикации и восстановления парка.Участвовали: М.В. Нащокина, М.А. Полякова, Н.А. Филиппова, Г.А. Полякова.

На крыше храма в Великой Топали Фото М.В. Нащокиной.

Татьяна Исаченко — член ОИРУ из С.-Петербурга, и Е. Нащокина на развалинах господского дома в Удельных Утах Брянской области, построенного по проекту Д. Кваренги.



Володя Антонов, исследующий интерьер церкви в усадьбе Брынь Калужской области. Фото М.В. Нащокиной.

14.05.2004 г. состоялось Учредительное собрание некоммерческой организации «Международный благотворительный фонд «Наследие Константина Леонтьева». Был утвержден Устав, прошли выборы Правления и руководителей фонда. Правление: президент — д. философ. н., проф. МГИМО К.М. Долгов, вице-президент — д. филолог. н., зам дир. ИРЛИ РАН В.А. Котельников, к.и.н., доц МГИМО, член СП России, К.А. Белова, исполнит. дир. — к.филолог. н., доц. МГУ А.И. Власенко, ревизор –журналист Н.П. Леонтьева, члены Правления :Г.Б. Кремнев, П.В. Палиевский, А.М. Салмин, А.Л. Налепин, Б.И. Царев, А.В. Шестопал, М.В. Нащокина.

Были утверждены основные направления работы и программы Фонда. Программа: 1). Установка мемориальной доски в Генконсульстве России в Стамбуле; 2). Музеефикация «консульского домика» в Оптиной пустыни; 3). Проведение научно-исследовательских работ по оценке состояния усадьбы Кудиново и по установке границ будущего музея-заповедника и его охранных зон; 4). Восстановление мостика через речку прокудинку по дороге в Кудиново; 5). Поддержка подготовки к изданию наследия К. Леонтьева.

30.06.2004 г. состоялось заседание Правления «Международного благотворительного фонда «наследие Константина Леонтьева» для обсуждения текущих вопросов.

22-23.05.2004 г. За два дня поездки в Орловскую область были осмотрены следующие села, усадьбы и города:

С. Бредихино (усадьба Дурасовых). В усадьбе сохранился храм Николая Чудотворца (1791-1796) — единственный двухколоколенный храм в Орловской области.

С. Новомихайловка с церковью Михаила Архангела (1830-е) арх. Д. Жилярди. Рядом - отдельно стоящая колокольня. Творение знаменитого архитектора ныне находится в руинированном состоянии.

Усадьба Моховое (Шатиловых). В усадьбе сохраняется так называемый «гостевой дом»; комплекс хозяйственных построек XVIII-XIX вв.); храм Казанской Иконы Божьей Матери (1777).

Усадьба Голунь (князей Голицыных), архитектурный комплекс рубежа XVIII-XIX вв., спроектированный А.Н. Воронихиным: главный дом с полуротондой (1810); конный двор с башенками; руины Покровской церкви (1790-е).

Новосильский Святодухов монастырь: Троицкий собор (1754-1770), руины Никольской церкви. С холма, на котором расположен монастырь, открывается красивый вид на реку и заречные дали.

Второй день начался с осмотра г. Ливны:городская застройка (преимущественно XIX века); Сергиевская церковь (на территории бывшего монастыря XVII в.)

Усадьба Алексеевка (Куракиных), Трехсвятительский храм (1828) в стиле классицизм, построен по проекту архитектора Вл. Бакарева.

С. Васильевское (Дмитровское) с церковью Архистратига Михаила (классицизм). Храм восстановлен, действует.

Главный дом усадьбы Гринево Брянской области. Фото М.В. Нащокиной.

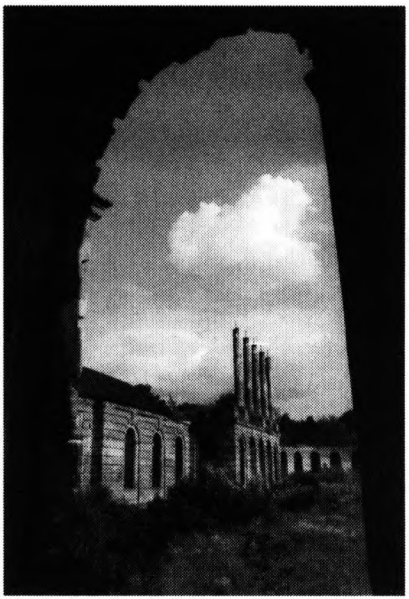
31.05.2004 г. Специалисты ОИРУ совместно с НП «Русская усадьба» совершили выезд в усадьбу Огарково (Истринский р-н, Московская обл.) по приглашению ее нового владельца — Б.Г. Федорова, который предполагает восстановить все ее постройки, включая хозяйственные, и наполнить их прежним смыслом. Он и познакомил гостей с состоянием усадьбы перед началом восстановления. Архитекторы и специалисты по ландшафту провели осмотр усадьбы и парка с целью возможных рекомендаций по возрождению Огаркова.

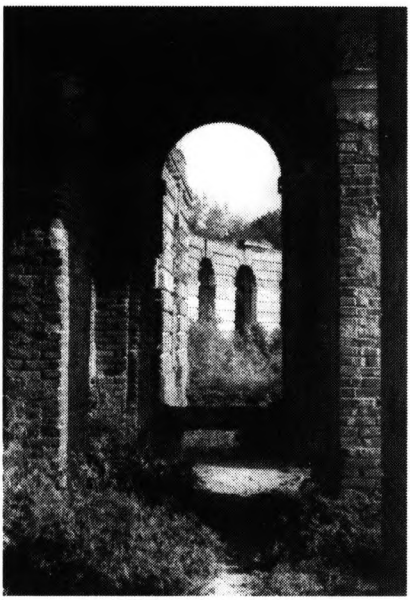
07-09.06.2004 г. Состоялась очередная ежегодная научная конференция ОИРУ по теме: «Русская усадьба» («Вода — душа усадьбы»). Многие доклады были посвящены усадебным водным затеям (водоемы, пруды, фонтаны и др.), а также проблемам сохранения и восстановления водных систем. Докладчиками конференции стали ведущие специалисты таких музеев-усадеб, как: «Царицыно», «Ясная Поляна», «Приютино», «Ливадия», «Щапово» и др.; научно-исследовательских институтов Москвы, С-Петербурга; краеведы и члены ОИРУ. За три дня работы конференцию посетили около 300 человек. На время работы конференции была организована фотовыставка членов Общества «Водные сюжеты русской усадьбы». Первые два дня конференция проходила в ГМЗ «Царицыно»; последний день — в РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. ОИРУ выражает благодарность зам. директора ГМЗ «Царицыно» О.В. Докучаевой и всем сотрудникам музея за помощь в организации и проведении конференции.

11-14.06.2004 г. Состоялась поездка по Брянской области. Четыре дня члены ОИРУ осматривали и проводили видео- и фотофиксацию архитектурных памятников Брянщины. Первым объектом осмотра членов ОИРУ стала усадьба Брынь в Калужской области. Это усадьба горнозаводчиков Демидовых, с сохранившимся Спасо-Преображенским храмом (1846). Храм представляет собой ротонду, ведется восстановление.

Осмотр Брянской области члены Общества начали с посещения знаменитой усадьбы Ф.И. Тютчева — Овстуг. Сейчас этой усадьбе присвоен статус музея-заповедника; продолжается благоустройство территории; регулярно проводятся Праздники поэзии. Полностью восстановлена Успенская церковь, разрушенная во время войны. Директор музея-заповедника Л.А. Копырнова рассказала о работе, которая ведется в усадьбе, об успехах и достижениях в деле воссоздания усадьбы русского поэта.

С. Творищичи, Преображенский храм (1850-1858). Создание храма связано с именем Варвары Николаевны Безобразовой, тетки Ф.И. Тютчева. Двухэтажное





Развалины дворца в Ляличах. Фото М.В. Нащокиной. 2004.

здание церкви имеет овальную форму, напоминающую корабль. Храм венчает лишь маленькая главка без шеи для установки креста. По преданию, В.Н. Безобразова, выбирая этот проект храма, сказала: «Раз нет главы семьи, хозяина в доме, значит, и церковь пусть будет безглавой». Необычно внутреннее убранство церкви. В восточной двухэтажной части интерьера создана бутафорская гора Фавор, где по евангельской легенде свершилось Преображение Господне.

С. Чернетово, Ахтырская церковь-ротонда (нач. XIX в.)

Свенский монастырь — выдающийся ансамбль XVI-XVIII вв.: надвратная Сретенская церковь (1679), Спасо-Преображенская церковь, (1749-1758); руины Успенского собора.

Усадьба Красный Рог (А.К. Толстого). Здесь работает музей писателя, расположенный в воссозданном главном доме, сохранились некоторые служебные постройки, в т.ч. флигель, где в последние годы жизни работал писатель, парк, Успенская церковь (1777), рядом с которой — усыпальница Толстых.

С. Почеп. Здесь находится величественный Воскресенский собор (1765-1771), арх. Валлен-Деламот. В интерьере собора — уникальный иконостас.

Мглин — бывший уездный город; соборный комплекс: Успенский собор (1815-1830), Церковь Варвары, (1874). Между храмами возведена колокольня (современная постройка).

С. Новая Романовка (усадьбы Дуниных-Борковских). Красивейшая Покровская церковь (к. XVIII в.) — ныне в разрушающемся состоянии, поросшая деревьями. Главный дом — тоже разрушается.

Усадьба Ляличи (Завадовских). Несмотря на то, что ныне главный дом представляет собой руины, ансамбль усадьбы потрясает своим масштабом и величественностью. В

усадьбе восстанавливается церковь Екатерины (1793-1797 гг.), арх. Д. Кваренги). Великолепен парк с прудом.

С. Казаричи. Храм Николая Чудотворца (1815), двухколоколенный.

С. Вьюнки (усадьба Сапожкова), в окрестностях г. Клинцы. Главный дом в стиле готики, построен в 1910-1912 гг.; хозяйственные постройки, также в готическом стиле. Ныне в усадьбе находится детский санаторий, усадебные постройки — в хорошем состоянии.

Новозыбков, центр старообрядчества Брянской области. Были осмотрены деревянный Николо-Рождественский храм (нач. XIX в.); Спасо-Преображенский храм (1911 г.). Оба храма сохранили свои интерьеры.

С. Великая Топаль (усадьба Голицыных, Долгоруких. Румянцевых-Задунайских). В усадьбе действует Преображенский храм (1780-е) — яркий образец готического стиля; главный дом построен в начале XIX века.

Усадьба Гринево (Хмельницких, Безбородко). В усадьбе сохранился главный дом — интереснейший памятник в стиле зрелого классицизма, один из самых крупных комплексов подобного типа в Брянской области. Троицкая церковь (1790-х гг.) — пятиглавый купольный храм в стиле зрелого классицизма. Ведется восстановление храма. За усадебным парком — искусственно созданное озеро Узра.

Погар. Интересна Троицкая церковь (1690-е) — четырехлепестковый в плане храм; церковь Зачатия Святой Анны (XVIII-XIX вв.).

Под вечер 13 июня участники поездки оказались в с. Кветунь. Здесь расположен Челнский Спасо-Преображенский монастырь. Но не только архитектурные постройки оказались в центре внимания членов Общества. Завораживающе красивый вид на долину реки Десны, простирающийся на несколько десятков километров вдаль, открылся с высокого холма. Огромные холмы городища на месте старого Трубчевска, красивейший вид на окрестности — вот что мы увидели в лучах заката.

Утро 14 июня началось с осмотра города Трубчевска. Здесь интересен Троицкий собор (1754) с сохранившейся родовой усыпальницей князей Трубецких; Успенская церковь (I четв. XVIII в.) — на окраине Трубчевска. Некоторые участники поездки ранним утром отважились совершить повторную поездку в с. Кветунь, чтобы полюбоваться на великолепный вид ранним солнечным утром.

С. Мирковы (Удельные) Уты (усадьба Гулевичей, Молчановых). Руинированный главный дом (в стиле классицизм).

Лидия Александровна Копырнова, директор музея-усадьбы Ф.И. Тютчева в Овстуге и зам. Председателя ОИРУ М.В. Нащокина. Фото Д. Заварюхиной. 2004.

Участники поездки по усадьбам Брянской области у ворот парадного двора в Ляличах. Фото А.В. Чекмарева. 2004.

Завершением многодневной поездки стал Карачев далее — церковь Воскресения на Бережке (1690-е). Ранее церковь была монастырской, так как на этом месте существовал Воскресенский мужской монастырь называвшийся иначе Тихоновой пустынью. Основателем монастыря был инок Тихон (сейчас - местночтимый святой), который по преданию подвизался на каменном столбе, возвышающимся над вторым этажом монастырской церкви. Здесь была устроена его небольшая келья.

Из городов, где еще побывали члены поездки, следует отметить Клинцы (ц. Свв. Петра и Павла (1835-1848); ц. Св. Николая Чудотворца, (нач.XX в.); ц. Преображения, (1823) — старообрядческий храм) и Стародуб: (собор Рождества Христовак. XVIII в.)

Чаепитие в музее М.М. Пришвина. Крайняя слева — зав. музеем Л.А. Рязанова, далее — Э.Л. Базарова, В.В. Иванов, профессор Л.Б. Евграфов, Г.С. Яроцевич и другие.

25.06.2004 г. в ЦС ВООПИК состоялся Пленум Общества «Проблемы сохранения и развития исторических городов Подмосковья», на котором были затронуты и вопросы сохранения усадебного наследия.

27.06.2004 г. В усадьбе Смоленское Ярославской области прошли празднования, посвященные 225-летнему юбилею усадьбы. В программе празднования состоялся концерт коллективов художественной самодеятельности; экскурсия по усадьбе; выставка-продажа изделий местных умельцев «Город мастеров». К.Н. Степанов от имени Общества вручил организаторам праздника научный сборник ОИРУ № 9. Организаторами празднования юбилея усадьбы Смоленское выступили Администрация Переславского муниципального округа; некоммерческое партнерство «Усадьба Смоленское»; ОИРУ, оказавшее информационную поддержку.

Вечер в Дунине: в гостиной мемориального дома М.М. Пришвина выступает главный хранитель музея Я.З. Гришина.

04.07.2004 г. Экскурсия в усадьбу Опалиха-Алексеевское (последние владельцы — промышленники Поляковы). Несмотря на дождливую погоду, члены ОИРУ осмотрели территорию бывшей усадьбы; регулярный парк с прудами; растительность в парке. Экскурсию по парку усадьбы провела ландшафтный архитектор, член Правления ОИРУ Н.А. Филиппова.

09.07.2004 г. в деревне Дубровки Талдомского района, в историко-литературном музее поэта С.А. Клычкова прошел праздник, посвященный 105-й годовщине со дня его рождения.

13.07.2004 г. в Государственном Историческом музее состоялась презентации книги-альбома «Три века русской усадьбы», включившей более 350 видов усадеб из собрания ГИМ, Музея архитектуры и еще 12 музейных собраний страны. Инициатором и главным двигателем проекта была ст. науч. сотр ГИМ, член Правления ОИРУ М.К. Гуренок. На презентации присутствовали директора московских музеев и НИИ — А.Б. Шкурко, А.И. Комеч, Д.А. Саркисян, Ю.А. Веденин и другие, бывший министр культуры М.Е. Швыдкой, многие члены Правления ОИРУ.

20.07.2004 г. в музее-усадьбе М.М. Пришвина в Дунине состоялся совместный вечер ОИРУ и Общества музыкальной культуры им. М.В. Юдиной. Организатором вечера был В.В. Иванов, поддержанный заведующей музеем — Л.А. Рязановой и гладавным хранителем — Я.З. Гришиной. На вечере прозвучали воспоминания о Юдиной и Пришвине, строки из их писем, а также виолончельные произведения И.-С. Баха в исполнении народного артиста России, профессора Московской консерватории Л.Б. Евграфова. Участвовали члены ОИРУ — М.В. Нащокина, Г.С. Яроцевич, Э.Л. Базарова, А.Д. Ушакова, Л.Д. Иванова и другие.

М.В. Нащокина, Д. Заварюхина.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Барабанов Вячеслав Леонидович (Москва), канд. физ.-мат. наук, вед. н. с. института проблем нефти и газа РАН.

Бахтина Ирина Константиновна (Москва), гл. арх. проектов НИИ генерального плана Москвы.

Борсук Олег Анатольевич (Москва), канд. геогр. наук, доц. каф. геоморфологии МГУ.

Величко Станислав Геннадиевич (Москва), хранитель Музея истории сельско-хозяйственной Академии (Тимирязевской), сотрудник журнала «Наука и жизнь».

Волгин Павел Олегович (С.-Петербург), сотрудник Департамента охраны памятников истории и культуры Ленинградской области.

Волкова Ольга Дмитриевна (С.-Петербург), ***с***.н.с. Государственного музея-заповедника «Петергоф».

Волшаник Валерий Валентинович (Москва), докт. техн. наук., проф. Московского государственного строительного университета (МГСУ).

Галицкая Галина Васильевна (Москва), краевед.

Гриценко Василий Викторович (Москва), студент МГУ.

Дмитриева О.С. (Москва), студентка МГСУ.

Дробнич Ольга Арсеньевна (Москва), ландшафтный архитектор, сотрудник Центра традиционной русской культуры «Преображенское».

Завьялова Надежда Иосифовна (Москва), канд. архит., с.н.с. РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева.

Замятин Дмитрий Николаевич (Москва), канд. геогр. наук, с.н.с. РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева.

Злочевский Гарольд Давидович (Москва), канд. техн. наук, краевед, библиограф ОИРУ.

Исаченко Татьяна Евгеньевна (С.-Петербург), канд. геогр. наук, доц. С.-Петербургского университета.

Коробко Михаил Юрьевич (Москва), преподаватель Московского государственного университета культуры и искусств.

Коробова Татьяна Сергеевна (Москва), архитектор ГУП ЦНРПМ МК РФ.

Красносельская Наталья Юрьевна (Москва), канд. искусств., вед. спец. Музея МГХПУ им С.Г. Строганова, ст.преп. каф. обработки металлов МГХПУ.

Кудинова Нина Алексеевна (Дмитров), зав. литературным фондом музея-заповедника «Дмитровский кремль».

Куликов М.В. (Москва), студент МГСУ.

Летягин Лев Николаевич (С.-Петербург), канд. филолог. наук., ученый секретарь С.-Петербургского отделения Института культурологии РАН, доцент каф. эстетики и этики РГПУ им. А. Герцена.

Максименко Мария Федоровна (Москва), ландшафтный архитектор, сотрудник Паркоустроительной экспедиции ЦГЛП «Центрлеспроект».

Масленникова Наталья Николаевна (С.-Петербург), докт. истор. наук, профессор, зав. кафедрой истории СПб. Университета культуры и искусств.

Мурашев Аркадий Анатольевич (Москва), канд. истор. наук, доцент каф. истории и культурологии МГСУ.

Нащокина Мария Владимировна (Москва), докт. искусств., вед.н.с. НИИ теории архитектуры и градостроительства РААСН, советник РАССН.

Неделин Владимир Михайлович (Орел-Москва), историк архитектуры, доц. Российской Академии живописи, ваяния и зодчества.

Никифорова Лариса Викторовна (С.-Петербург), канд. культурологии, доцент РГПУ им. А. Герцена.

Пармёнова Наталия Георгиевна (Москва), выпускница Московского государственного университета культуры и искусств.

Пешнин А.Г. (Москва), канд. техн. наук, сотрудник Центра гидравлических исследований НИИ энергетических сооружений.

Полякова Галина Андреевна (Москва), канд. биолог. наук, с.н.с. Института лесоведения РАН

Рассказова Лариса Викторовна (Пенза), канд. культурологии, гл. хранитель Объединения гос. Литературно-мемориальных музеев Пензенской области.

Репина Н.Н. (Вологда), преподаватель каф. ботаники Вологодского государственного педагогического университета.

Родионов В.Б. (Москва), канд. техн. наук, с.н.с. Центра гидравлических исследований НИИ энергетических сооружений.

Савельев Юрий Ростиславович (Москва), канд. архит., вед.н.с. НИИ теории архитектуры и градостроительства РААСН

Синянская Нина Александровна (Курск), канд. искусств., музыковед, преподаватель Курского музыкального училища им. Г.В. Свиридова.

Смирнов Сергей Алексеевич (Москва), науч. сотр. РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева.

Солдатова Елена Владимировна (Ясная Поляна), с.н.с. музея-заповедника Ясная Поляна.

Соснер Илья Юрьевич (Москва), скульптор, член МОСХ, сотрудник РГАДА.

Титова Наталья Евгеньевна (Москва), редактор издательства Alfa-dominanta, выпускница Московского государственного университета культуры и искусств.

Филаткина Наталья Александровна (Москва), канд. ист. наук, главный специалист ЦМАМ ЛС (Личных собраний).

Филиппова Наталья Алексеевна (Москва), ландшафтный архитектор, гл. спец. МНИИП

Фролов Владимир Григорьевич (Москва), канд. техн. наук, краевед.

Холодова Елена Васильевна (Курск), архитектор, историк архитектуры, краевед, аспирант НИИТАГ РААСН, член СА России.

Чекмарев Андрей Викторович (Москва) науч. сотр. НИИТАГ РААСН.

Чхобадзе А.Б. (Вологда), преподаватель каф. ботаники Вологодского государственного педагогического университета.

Шарафадина Клара Ивановна (С.-Петербург), докт. филолог. наук, проф. каф. книгоиздания и книжной торговли С.-Западного института печати.

Швецов Александр И. (Москва), канд. биолог. наук, с.н.с. Института лесоведения РАН.

Щапов Ярослав Николаевич (Москва), докт. истор. наук, член-кор. РАН, директор Муниципального музея истории усадьбы Щапово (Московская обл.)

Щенникова Г.Н. (Москва), студентка МГСУ.

Юрченко А.Н. (Москва), канд. техн. наук, сотрудник Центра гидравлических исследований НИИ энергетических сооружений.

Содержание

Я.Н. Щапов. Предисловие 5

I

РУССКАЯ УСАДЬБА КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ

Л.Н. Летягин. Усадебный металандшафт России 9
Т.Е. *Исаченко.* Ландшафтно-географические методы изучения русской усадьбы 19
И.К. Бахтина. Единство культурного и природного ландшафтов в подмосковных усадьбах конца XVIII — начала XIX века 32
О.А. Борсук, В.В. Грищенко. Рельеф в планировке русских усадеб 44
Д.Н. Замятин. Русская усадьба: ландшафт и образ 51
В.В. Волшаник, О.С. Дмитриева, М.В. Куликов, *А.Г. Пешнин, В.Б. Родионов, Г.Н. Щенникова, А.Н. Юрченко.* Водная система русской усадьбы как часть историко-культурного ландшафта 64
Т.С. Коробова. Усадьба в современной городской застройке (усадьба Губайлово-Знаменское в подмосковном Красногорске) 68

II

УСАДЕБНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ОБЪЕКТ НАСЛЕДИЯ

Н.И. Завьялова. Усадебный ландшафт. Комплексные методы сохранения 77
Приложения 94
И.К. Бахтина. Новые исследования Царицынского парка 101
Г.А. Полякова, А.Н. Швецов. Охрана и восстановление растительности как одного из основных компонентов усадебного ландшафта 121
О.А. Дробнич, М.Ф. Максименко. Парк усадьбы Одинцово-Архангельское 132
О.Д. Волкова. Исторический состав насаждений парка Александрия в Петергофе 145

Г.А. Полякова, А.Н. Швецов. Предпроектное обследование растительности старинных усадеб и музеев-заповедников 156
Н.А. Филиппова. Старые парки — школа ландшафтной архитектуры 164
Е.В. Солдатова. Естественные леса музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»: История, состояние и сохранение 176
Н.Н. Репина, А.Б. Чхобадзе. Экологический мониторинг старинных парков Вологодской области и мероприятия по их сохранению 187

III

УСАДЕБНЫЕ МОНОГРАФИИ

М.В. Нащокина. Усадьба Ордынцы 195
Приложение. Карта окрестностей Москвы 1848 года 210
В.М. Неделин. Орловская Усадьба Тагино 216
С.Г. Величко. «Замок князя Трубецкого» 228
Н.Н. Масленникова. Волышово — уникальный усадебный ансамбль XVIII-XIX веков 234
В.Г. Фролов. История усадьбы Реутово 256
С.А. Смирнов. История подмосковной усадьбы Степановское ... 265
Г.В. Галицкая. Усадьба Коншиных Ахлебинино 292
М.Ю. Коробко. Усадьба Знаменское-садки по новым архивным материалам 324
Н.Г. Пармёнова, Н.Е. Титова. Из истории Леонова. Знаменитые владельцы 350
Л.В. Рассказова. Усадьба Завиваловка и ее художественное собрание 366
Приложение. Каталог собрания Ф.И. Ладыженского 396
А.А. Мурашев. Павловка и ее владельцы 399
И.Ю. Соснер. Тульское имение князей Львовых 417

IV

УСАДЕБНЫЕ МЕМУАРЫ

Я.Н. Щапов. Подсолнечное (Щапово) — усадьба П.П. Щапова на озере Сенеж 435

Н.А. Филаткина. Морозовские подмосковные по воспоминаниям последних владельцев 453
Семейство Чернышевых в записках графа М.Д. Бутурлина. Публикация ***В.М. Неделина*** 475

V

АРХИТЕКТУРНЫЕ РЕАЛИИ РУССКОЙ УСАДЬБЫ

А.В. Чекмарев. Забытые храмы Гжатской вотчины князей Голицыных 483
Ю.Р. Савельев. Проекты Н.В. Султанова для Д.С. Сипягина в столице и усадьбе 500
Приложение. Переписка С.Д. Шереметева и Н.В. Султанова 508
Л.В. Никифорова. Дворец обреченный... О Константиновском дворце в Стрельне 512
Н.Ю. Красносельская. Художественный металл городских усадеб Москвы начала XIX века. Балконы 519
П.О. Волгин. О церкви Святой Троицы в мызе Редкино 527

VI

ПОЧТА ОИРУ

Н.А. Кудинова. Усадебные библиотеки в литературном фонде музея-заповедника «Дмитровский Кремль» 537
Н.А. Синянская. О музыкальной культуре дворянских усадеб Курской губернии в первой трети XIX века 556
Е.В. Холодова. Тайна семейного портрета 567
В.Л. Барабанов. Троицкий архив 571
М.П. Пряшникова. Музыкальный театр А.Р. Воронцова в Андреевском 620
К.И. Шарафадина. Остафьевские аллюзии и «идеальный» усадебный топос в стихотворении П.А. Вяземского «К подруге» (1815) 634

VII

ХРОНИКА ВАНДАЛИЗМОВ

А.В. Чекмарев, Н.И. Завьялова, Н.А. Филиппова.

Хроника вандализмов 639
А.В. Чекмарев. Покровская церковь в усадьбе Репец 671

VIII

ОИРУ

Г.Д. Злочевский. «С верой в культурную правду искусства» (П.П. Вейнер) 681
М.В. Нащокина, Д. Заварюхина. Хроника ОИРУ 702
Коротко об авторах 714

«Издательство Жираф» предлагает:

Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 6(22). М., 2000; Вып. 7(23). М., 2001; Вып. 8(24). М., 2002; Вып. 9(25). М., 2003.

В.Э. Хазанова. Клубная жизнь и архитектура клуба. 1917-1941. М., 2000.

Дворянские гнезда России. История, культура, архитектура. Очерки. *Под редакцией М.В. Нащокиной.* М., 2000.

О.И. Арзуманова, В.А. Любартович, М.В. Нащокина. Керамика Абрамцева в собрании Московского государственного университета инженерной экологии. М., 2000.

В.И. Сахаров. Иероглифы вольных каменщиков. М., 2000.

Н.И. Александрова. Жан Балтазар де ла Траверс. «Путешествующий по России живописец». М., 2000.

В.С. Ледзинский, А.А. Теличко. Мир художественного металла Москвы XVII-XX веков. М., 2001.

Е.И. Кириченко. Запечатленная история России. Тт. 1-2. М., 2001.

В.С. Турчин. Александр I и неоклассицизм в России. М., 2001.

А.П. Гозак. Иван Леонидов. М., 2002.

М.В. Нащокина. Московский модерн. М., 2002.

Ю.Б. Бархин. Архитектура как яблоко душеспасения и греха. М., 2002.

М.В. Нащокина & С.Б. Ткаченко. Особняк И.А. Миндовского. Посольство Новой Зеландии. М., 2003.

И.В. Рязанцев. Скульптура в России. XVIII — начало XIX века. Очерки. М., 2003.

М.В. Нащокина. Художественная открытка русского модерна. М., 2004.

В плане выпуска:

Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 11. (27).

В.С. Листов. «Голос музы тёмной...» К истолкованию творчества и биографии А.С. Пушкина.

В.С. Турчин. От Людовика XVI до Наполеона. Искусство Великой французской революции.

Энциклопедия русской усадьбы. Материалы. Науч. ред. *М.В. Нащокина, В.С. Турчин.*

О.О.О. «Издательство **Жираф**»
тел.: (007)(095) 254-0892
факс: (007)(095) 252-2094
e-mail: izd-giraffe@narod.ru

Редактор — М.В. Нащокина
Компьютерная верстка и техническая
обработка иллюстраций — Руслан Хаяльдинов

Подписано в печать 15.09.2004 г.,
формат 60 x 90/16. 45 печ. л.
Тираж 2 500 экз. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Futuris C.
Заказ № 2658

125581, Москва, ул. Фестивальная, 22-6
ООО Журналистское издательское агентство
«Гласность-АС»

ISBN 5-89832-039-3